

ПОЛИБИЙ

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ

ΠΟΛΥΒΙΟΥ

ΙΣΤΟΡΙΩΝ ΤΑ
ΣΩΖΟΜΕΝΑ

ПОЛИБИЙ

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ

В СОРОКА КНИГАХ

ПЕРЕВОД С ГРЕЧЕСКОГО

Ф. Г. МИЩЕНКО,

КН. I-V

Издание второе, исправленное

Санкт-Петербург

«НАУКА»

2005

Серия основана в 1993 году

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

В. М. Камнев, Б. Н. Комиссаров (заместитель председателя),
Г. Л. Курбатов, Е. В. Никитюк (секретарь),
Р. Г. Скрынников, Г. Л. Соболев,
С. Ю. Трохачев, Э. Д. Фролов (председатель)

Ответственный редактор

А. Я. Тыжов

Редактор издательства

Л. А. Карнова

А. Я. Тыжов

ПОЛИБИЙ И ЕГО «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ»

1. БИОГРАФИЯ ПОЛИБИЯ

Полибий происходил из знатного и богатого рода из Мегалополя в Южной Аркадии. Отец его Ликорт был крупным политическим и военным деятелем Ахейского союза, четырежды исполнял высшую должность союзного стратега. Политическая деятельность Ликорта известна начиная с 192 г. до н. э., когда он в должности союзного гиппарха успешно вел военные действия против спартанского тирана Набиса (Liv. XXXV, 29, 1).

Три года спустя Ликорт вместе со своим политическим соперником Диофантом был отправлен послом в Рим для урегулирования споров между Ахейским союзом и Спартой. Уже в это время проявляется стремление Ликорта проводить независимую от Рима политику. В 187 г. до н. э. Ликорт возглавил ахейское посольство в Александрию. Целью миссии было возобновление военного союза с египетским царем Птолемеем V Эпифаном (Pol. XXII, 3, 6). Из этой поездки Ликорт привез в дар Ахейскому союзу от египетского царя 6000 медных доспехов и 2000 талантов, что свидетельствовало не только об успешном выполнении миссии, но и о личных симпатиях Птолемея к Ликорту.

Конфликт Ахейского союза со Спартой вызвал сильное недовольство римского сената, и Ликорту вместе с Филопеменом и Архонтом пришлось защищать политику лиги перед римским эмиссаром Квинтом Цецилием Метеллом на собрании в Аргосе. Ликорт выказал при этом большую твердость и достоинство.

В следующем, 186 г. до н. э., Метелл выставил в сенате сильные обвинения против Филопемена и Ликорта. Сенат постановил вторично расследовать спартанский инцидент и отправил с этой целью в Ахейский союз Клавдия Пульхра. На собрании в Клейторе римский эмиссар выразил упреки в адрес союза. С ответной речью выступил Ликорт (Pol. XXII, 13, 8; Liv. XXXIX, 36, 5-37, 17; Paus. VII, 9, 4). В 184 г. до н. э. Ликорт вновь становится стратегом, а в следующем году сменяет на этом посту заболевшего Филопемена. В 182 г. Филопемени умирает в плену у мессенцев (Liv. XXXIX, 50, 7; Paus. IV, 29, 11; VIII, 51, 5; Plut. Philop. 20). Став в третий раз стратегом, Ликорт подчиняет Мессению и вновь присоединяет ее к Ахейскому союзу (Pol. XXXII, 17, 1). В этом же году Ликорт способствовал принятию спартанцев в состав Ахейской лиги. В благодарность за это ему была установлена статуя в эпидаврском храме Асклепия (CIG IV, 1421 = Ditt. Syll³. 626).

В 180 г. до н. э. Ликорт вместе со своим сыном Полибием был назначен послом в Египет. Поездка, однако, не состоялась из-за смерти Птолемея V

(Pol. XXIV, 6, 3—7). В этом же году Ликорт в четвертый раз был избран стратегом.

Имя деда Полибия, Теорида, восстанавливается на основании текста надписи, сохранившейся на базе статуи Ликорта в Эпидавре (Ditt. Syll³. 626).

Брат Полибия по обычаю носил имя деда (Ditt. Syll². 309). Его сын, племянник Полибия, носил имя Филопемена. На этом основании Диттенбергер предположил, что жена Ликорта была дочерью Филопемена и, следовательно, Полибий являлся внуком Филопемена (Ditt. Syll³. 626).

С первых дней своей жизни Полибий был связан многочисленными узами с людьми, направлявшими всю политическую жизнь Ахейской федерации. Его блестящая военная и политическая карьера во многом определялась его происхождением, авторитетом его семьи и ее связями.

От античности дошли очень скудные сведения, относящиеся к биографии Полибия. Сам историк очень мало говорит о себе.

Известно, что Полибий прожил долгую жизнь.¹ Псевдо-Лукиан сообщает о том, что «Полибий, сын Ликорта, из Мегалополя, возвращаясь с поля, упал с коня и, заболев от этого, умер в возрасте восьмидесяти двух лет». Этим, однако, сведения исчерпываются, и время рождения и смерти Полибия восстанавливается гипотетически, на основании косвенных данных.

Благодаря воспитанию и окружению с самого начала была определена политическая ориентация Полибия — традиционная линия независимой политики Ахейского союза. Поэтому великие предшественники — Арат Филопемени и Ликорт всегда являлись образцовыми политиками для нашего историка.

Деятельность Филопемена и Ликорта² падает на то время, когда для политической жизни Греции особое значение приобретают контакты с Римом. Постепенное усиление влияния Рима в Греции и политическая структура Ахейской лиги будут определять образ мыслей и действий Полибия.³

Начало контактов Ахейского союза с Римом относится к 229/228 г. до н. э., когда отношения между Римом и Македонией стали очень напряженными. В 212 г. до н. э. союз был вовлечен в войну с Римом, длившуюся до 205 г. до н. э. Поворотным пунктом в истории Ахейского союза явился 198 г. до н. э., когда ахейцы приняли требования римлян стать их союзниками в борьбе против Македонии. В последующее десятилетие ахейцы извлекли значительную пользу из союза с Римом. Число союзников лиги значительно увеличилось. Однако в отношениях лиги с Римом все более начал сказываться перевес последнего, и это не могло удовлетворить ахейцев, которые стремились вести экспансионистскую политику.

Известен ряд промежуточных дат из жизни нашего историка. Это 167/166 г. до н. э., когда Полибий в числе других своих соотечественников был интернирован в Рим. Известно также, что в 150 г. до н. э. ахейские заложники возвратились на родину. Кроме того, Полибий рассказывает, что когда в

¹ Колебания в датировке рождения Полибия достигают 5, 10, а иногда и 20 лет. См.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Пг., 1915. С. 180; Тронский И. М. История античной литературы. М., 1983. Т. 226; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 176; Грабарь-Пассек М. Е. Полибий // История греческой литературы. М., 1960. Т. III. С. 157; Кошеленко Г. А. Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение древней Греции. Эпоха эллинизма / Под ред. В. Г. Кузищина. М., 1982. С. 72; Ziegler K. 1) Polybios (I) // RE. Bd 1445—46; 2) Polybios // Klein Pauly. Bd IV. Sp. 983; Cuntz O. Polybios und sein Werk. Leipzig, 1902. S. 75—77; Werner H. De Polybii vita et itineribus questiones chronologicae. Lipsiae, 1877. P. 3—6; Wilamowitz-Moellendorf U. v. Die griechische Literatur und Sprache. Berlin; Leipzig, 1907. S. 109; Leo F. Geschichte der römischen literatur, Bd. 1. Die archaische Literatur. Berlin, 1913.

² О деятельности Арата Сикийского см.: Сизов С. К. Ахейский союз. М., 1989.

³ Fritz K., v. The theory of the mixed constitution in antiquity: A critical analysis of Polybios' political ideas. New York, 1958. P. 19 sq.

180 г. до н. э. он был назначен в посольство к Птолемею V, он не достиг еще необходимого для этого возраста, т. е. тридцати лет (XXIV, 6), но в 169 г. до н. э., будучи избранным гиппархом, он, очевидно, уже имел необходимый для этого возрастной ценз, поскольку о недостатке возраста ничего не говорится (XXVIII, 6).

До 169 г. до н. э. мы дважды встречаем упоминание о Полибии в источниках. В 183 г. он нес в траурной процессии урну с прахом Филопемена (Plut. Philop. 21). Второй раз имя Полибия упоминается в связи с несостоявшимся посольством в Египет в 180 г. до н. э. (Pol. XXIV, 6). Это посольство не имело целью заключение нового военного союза или ведение важных политических переговоров. Полибий говорит, что послы должны были выразить благодарность Птолемею V за оружие и деньги, которые Ликорт привез в 187 г. до н. э. в подарок Ахейскому союзу, и позаботиться о доставке подаренных союзу кораблей (XXIV, 6).

Других известий, относящихся к этому времени, нет. Таким образом, большой период жизни Полибия, длиной почти в тридцать лет, тонет во мраке неизвестности. Возможно, что уже в эти годы будущий историк начинает заниматься первыми литературными опытами. Другим излюбленным занятием становится для него верховая езда и охота (XXXI, 14, 3; 29, 8),⁴ что вообще было в традициях греческой аристократии. Всем этим занятиям Полибия предстояло сослужить ему добрую службу и стать поводом для знакомства со Сципионом Эмилианом.

Вплоть до времени избрания Полибия на должность гиппарха в 169 г. до н. э. нет никаких сведений об его участии в военных предприятиях. Можно, однако, предположить, что он участвовал вместе со своим отцом в мессенском походе 182 г. до н. э. Не вызывает сомнения тот факт, что Полибий обладал практическим опытом ведения военных действий. Это подтверждают как компетентные описания боевых действий во «Всеобщей истории», так и личное его участие в осаде Карфагена.

Политическая карьера Полибия в этот период не была гладкой. Сразу же после окончания конфликта с Мессенией на политической арене Ахейского союза появляется новый лидер — Калликрат, сын Теоксена (181 или 180 г. до н. э.).⁵ Это был политик ярко выраженного демократического толка. Он сразу занял проримскую позицию и действовал в русле желаний римского сената, предложив возвращение спартанских изгнанников (Pol. XXIV, 8, 6).⁶ После своей миссии в Рим, во время которой он сумел расположить к себе сенат, Калликрат был избран осенью 180 г. до н. э. стратегом союза. Вслед за этим партия Ликорта вплоть до 170 г. до н. э. была оттеснена от государственных дел. От этого периода о жизни Полибия нет никаких известий.

В 170/169 г. до н. э. Полибий был избран гиппархом. Стратегом в этот год был избран сторонник Ликорта Архонт, который еще в 185 г. до н. э. вел переговоры с римским посольством совместно с Филопеменом и Ликортом, а в 174 г. высказался за союз с Македонией.

Состояние материала не позволяет проследить ход политической борьбы между партиями. Во всяком случае в течение десяти лет Калликрат был

⁴ *Scalia R. v. Die Studien des Polybios. Stuttgart, 1890. Bd I. S. 24; Walbank F. W. A historical comm. V. I. Oxford, 1970. P. 1.*

⁵ *Schoh R. Kallikrates (VII g) // RE. Suppl.-Bd. IV. Sp. 859—862, Sp. 860; Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III siècle avant J.-Ch. (273—205). Paris, 1921. P. 313; Petit de Julleville L. Histoire de la Grèce sous la domination romaine. Paris, 1879. P. 78 sqq.; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Cotha, 1903. Bd III. S. 59 sqq.*

⁶ *Colin G. Rome et la Grèce de 200 à 146 avant J.-Ch. Paris, 1905. P. 232.*

полным хозяином в государстве, и потребовались большие сдвиги в общественном мнении для того, чтобы власть вновь перешла к партии Ликорта.

Вскоре после избрания Полибия гиппархом брат Эвмена II Аттал обратился к ахейцам с просьбой восстановить почести царствующего брата (Pol. XXVIII, 7). Это обращение было вызвано тем, что ахейское народное собрание отменило все почетные декреты в честь Эвмена II после того, как он предложил в дар ахейцам 120 талантов для оплаты участвующих в народном собрании (XX, 10—11). Хотя предложение было очень заманчивым, оно было отвергнуто как унижающее честь государства.⁷

Теперь, после обращения Аттала, мнения в народном собрании разделились. Избранный стратегом Архонт выступил за восстановление почестей, но сделал это нерешительно, опасаясь обвинения в подкупе со стороны пергамского царя. После него выступил Полибий и убедил собрание удовлетворить просьбу Аттала.

Причина симпатий Полибия к пергамскому царю могла проистекать из того, что Эвмен являлся важным стратегическим союзником Рима, и здесь можно усматривать попытку партии Ликорта найти поддержку в римском сенате. Нельзя, однако, не учитывать еще один важный аспект. История Ахейского союза складывалась с самого начала таким образом, что люди, стоящие во главе федерации, постоянно были вынуждены искать материальную и моральную поддержку у эллинистических монархов и в первую очередь у Птолемеев. Поддержка Эвмена II сторонниками Ликорта могла означать не только желание добиться благорасположения римского сената, но и стремление приобрести сильных покровителей в лице Атталидов. Выступление Полибия в союзном собрании открывало для него путь к большим личным связям за пределами федерации. Перед ним широко открывались двери дома Атталидов, и в случае необходимости он и его родственники и соратники могли рассчитывать найти там убежище и защиту.

Ориентация на связи с правителями и влиятельными людьми будет и в дальнейшем отчетливо проявляться в деятельности Полибия, который, очевидно, стремился найти при дворе Эвмена II такие же дружеские связи, какие он позднее найдет в Риме в доме Эмилия Павла, а также в лице будущего Деметрия I Сотера.⁸

В 169 г. до н. э. находившийся с войском в Фессалии проконсул Авл Гостилий отправил Гая Попилия и Гнея Октавия послами в Грецию. Посетив Фивы, они прибыли в Пелопоннес для обнародования постановления сената, но, как сообщает Полибий (XXVIII, 3), они намеревались выразить неудовольствие в адрес ахейских городов, и в особенности в адрес партии Ликорта. Намерения послов стали широко известны, однако прямого обвинения не последовало. Римляне были недовольны нейтралитетом ахейских лидеров в войне между Римом и Македонией. Обвиняемые не пострадали, однако произошел сдвиг в политике Ахейского союза. Было принято решение провести военную экспедицию в Фессалию, чтобы очиститься от подозрений римлян.⁹ Союзное собрание поручило снаряжение войска Архонту, а также назначило послов к консулу в Фессалию, дабы известить его о решении ахейцев и узнать, где и когда нужно присоединиться к римским силам. Во главе посольства был поставлен Полибий. «И тотчас, — рассказывает наш историк, — были назначены послами Полибий и другие, и Полибию было строго наказано, чтобы в случае, если консулу будет угодно получить

⁷ Отмена почестей Эвмена II произошла между 186 г. до н. э. и началом III Македонской войны. Ср.: *Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten...* Bd III. S. 68. Anm. 5.

⁸ *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Die griechische Literatur des Altertums.* S. 109.

⁹ *Ziegler K. Polybios.* S. 1448.

войско, тотчас отправить послов обратно, дабы не запоздать с посылкой войска». Одновременно с этим Полибий должен был заботиться о том, чтобы все войско имело достаточно провианта. Он считался, надо думать, наиболее пригодным человеком для такой щекотливой для Ахейского союза миссии.

События разворачивались следующим образом. Ахейские послы догнали римское войско уже на выходе из Фессалии, но из-за осложнившейся обстановки не смогли сразу прибыть в римский лагерь (XXVII, II). Когда же, наконец, они достигли цели, консул Квинт Марций, обходительно приняв их и выслушав, похвалил за проявленную инициативу и заявил, что у римлян нет больше необходимости в войсках союзников. Все послы, за исключением Полибия, вернулись в Пелопоннес. Полибий остался в римском лагере и принял участие в военных предприятиях. Сам историк никак не объясняет свой поступок.¹⁰ Вполне допустимо, что он поступил так по собственной инициативе, возможно, из-за интереса к военной организации римлян,¹¹ а возможно, из желания завести связи у римлян. Консул также, очевидно, не был против присутствия в лагере Полибия как частного лица.

Примерно в это время стало известно, что претор Аппий Центон требует от ахейцев набора войска численностью в пять тысяч человек, которые должны были отправиться в лагерь претора в Эпир.

Когда это стало известно, Квинт Марций приказал Полибию возвратиться в Пелопоннес и не давать Аппию войск, дабы не вводить ахейцев в большие расходы, поскольку тот, по словам консула, не имеет достаточных оснований, чтобы требовать войско. Для Полибия осталось неясным, приказал ли это консул в заботе об ахейцах, или же хотел помешать своему коллеге из личных побуждений. Полибий оказался в очень трудном положении. Когда он вернулся в Пелопоннес, требование Аппия Центона там уже было известно. Тем не менее Полибий не счел возможным пренебречь рекомендациями консула, которые, очевидно, были даны только устно. В этой ситуации он проявил находчивость, дипломатический такт и знание римских установлений. Полибий использовал решение сената, запрещавшее посылать войска по требованию магистратов, если эти требования не подкреплены специальным постановлением сената. Полибий известил консула о своем решении. Положение его в тот момент было весьма опасным. Неожиданно для себя Полибий оказался втянутым в борьбу между соперничающими между собой римскими магистратами.

Во всем этом эпизоде примечательным является то, что Полибий уже в это время испытывал сильный интерес к римскому военному и государственному устройству. Желание остаться на неопределенное время в римском лагере было, скорее всего, продиктовано не только политическими, но и личными интересами Полибия.

В начале весны 168 г. до н. э. в Пелопоннес прибыли послы от египетских царей Птолема VI Филометра и Птолемея VIII Эвергета Фискона с просьбой оказать им помощь в 1000 всадников и в 200 пеших воинов во главе с Ликортом и Полибием против сирийского царя Антиоха IV Эпифана (Pol. XXIХ, 23). На собрании в Коринфе сторонники Ликорта проголосовали за то, чтобы, согласно договору, оказать помощь Египту. Сторонники Калликрата воспротивились этому, доказывая, что ахейцам не следует вмешиваться в дела египетских царей и что-де следует держать армию наготове для оказания помощи римлянам по первому их требованию. Собрание уже

¹⁰ Cf. Walbank F. W. A historical comm. V. I. P. 3.

¹¹ К. фон Фриц (Fritz K. v. The theory... S. 23) считает, что в это время Полибий еще не имел проримских настроений и его цель состояла лишь в том, чтобы не вызвать прямого недовольства римлян в адрес Ахейского союза. Если это так, то действия Полибия не были вполне успешны.

было готово поддержать Калликрата, но тут слово взял Полибий и сказал, что еще в предшествующем году ахейцы послали римлянам помощь, от которой те отказались. Он настаивал на необходимости оказать помощь Египту, ссылаясь на необходимость выполнять заключенные договоры. Речь Полибия возымела свое действие, и собрание уже было готово поддержать его предложение, но тут Калликрат сорвал голосование, заявив, что данное собрание неполномочно решать такие вопросы.

Спустя некоторое время обсуждение вопроса было возобновлено на собрании в Сикионе. Полибий вновь доказывал, что в настоящее время римляне не нуждаются в помощи Ахейского союза, и что отправка незначительного числа войск в Египет не лишит ахейцев возможности при необходимости помочь римлянам. Сторонники Калликрата стали предлагать вместо войска отправить в Египет посольство, чтобы примирить враждующие стороны. Вновь возникли споры, но перевес был на стороне партии Ликорта.

Тогда Калликрат прибег к хитрости. В разгар жарких споров в собрание вошел вестник с письмом от Квинта Марция. В послании содержались рекомендации помирить царей. Уже до этого сенат безуспешно отправил посольство в Египет с этой целью. Хотя сторонники Ликорта знали об этом, они не стали долее настаивать на отправке войск.

Получив отказ, египетские послы вручили ахейским магистратам письмо, в котором содержалась просьба уже не о войсках, а только о присылке к ним Ликорта и Полибия (Pol. XXIX, 25, 7). Наш историк не сообщает, была ли удовлетворена эта просьба, но есть основание полагать, что поездка Полибия в Египет и на этот раз не состоялась.¹²

В следующем после битвы при Пидне году в Ахейском союзе усилилась деятельность проримской партии Калликрата, которая спровоцировала обвинение римским сенатом своих политических противников (Paus. VII, 10, 6—11). Результатом этого было интернирование в Италию большой группы политических деятелей (до тысячи человек), в числе которых находился Полибий.

В том же 167 г. до н. э. Полибий в числе других своих соотечественников прибыл в Рим. Через некоторое время они были расселены по городам Этрурии, откуда семнадцать лет спустя лишь 300 оставшихся в живых возвратились на Родину. О жизни их в Италии известно лишь то, что ими предпринимались попытки к бегству, скорее всего неудачные (Paus. VII, 10, 12).

Судьба Полибия в Италии сложилась иначе, нежели у его соотечественников. Благодаря ходатайствам Квинта Фабия Максима и Сципиона Эмилиана он был оставлен в Риме. Когда и где произошло знакомство Полибия с будущим победителем Карфагена — ничего не известно. Сам Полибий сообщает лишь то, что его знакомство со Сципионом Эмилианом началось с передачи нескольких книг и беседе о них (XXXII, 9).¹³ С другой стороны, молодой гиппарх Ахейского союза, происходивший из очень влиятельной семьи, связанной дружбой с правителями Египта и Пергама, причастный к высокой греческой образованности, должен был привлечь к себе особое внимание влиятельных римских вельмож, весьма восприимчивых к греческой культуре.

Полибий был введен в дом Сципионов. С этого времени начинается тесная дружба между ним и Сципионом Эмилианом, которая продолжалась в течение всей жизни и которой наш историк очень гордился. Несмотря на зависимое положение Полибия, отношения между ним и юным Сципионом

¹² Werner H. De Polybii vita... P. 18; Stählin F. Lyortas // RE. Bd XIII. 1927. Sp. 2389.

¹³ Уолбэнк (Walbank F. W. A historical comm. V. I. P. 3) полагает, что речь идет о книгах, взятых из библиотеки Персея, попавшей в руки Эмилия Павла, т. е. что знакомство произошло уже в Риме.

развивались на равных началах.¹⁴ Это общение является определенного рода знаменем своего времени. Проникновение римлян на Балканы и приток греков в Италию вели к неизбежным контактам людей двух близких культур и усвоению римлянами греческой образованности. Однако общение Сципиона и Полибия очень скоро переросло рамки культурных интересов и превратилось в глубокую душевную привязанность. Никогда ранее дружба грека и римлянина не проявляла себя так ярко, так, что «слава о ней не только обошла Италию и Элладу, но о их взаимных чувствах и постоянстве дружбы знали весьма отдаленные народы» (Pol. XXV, 9, 3—4). Вполне возможно, что такая глубина отношений не повторилась в общении Сципиона с философом-стоиком Панецием или комедиографом Публием Теренцием Афром.

Сципион сделал Полибия не только своим другом, но и наставником. По словам Веллея Патеркула (I, 13, 3), «Сципион был столь блестящим инициатором и покровителем свободных наук, что дома и на войне имел при себе Полибия и Панеция, мужей выдающегося ума». Панеций попал в окружение Сципиона гораздо позже, и Полибий стал первым и главным его наставником. Полибий стремился возбудить стремление Сципиона достичь благородным поведением расположения сограждан. Политик, по его мнению, не должен уходить с форума раньше, нежели сделает кого-либо из граждан своим другом (Plut. Quest. conv. IV, 1 = Mor. 659 F). Сципион старательно следовал его наставлениям.

Кроме чисто дружеского взаимного расположения, отношения между Полибием и Сципионом были выгодны обоим и в практическом смысле. Сципион имел в лице Полибия постоянного и, что особенно важно, преданного наставника в политических и житейских делах, а Полибий, в свою очередь, имел могущественного покровителя, как в годы своего пребывания в Риме, так и позднее, когда он выступил посредником в греко-римских контактах (Plut. Mor. 814 C).

После окончания III Македонской войны авторитет Рима на международной арене окончательно упрочивается. Рим уже давно стал верховным арбитром во всех делах средиземноморской политики. Сенат решает все наиболее важные споры между эллинистическими государствами. Афины и Пергам — общепризнанные центры греческого мира — находятся в союзе с Римом. Египетские Птолемеи улаживают в римском сенате свои спорные династические вопросы. Сенат без преувеличения становится местом паломничества для посольств эллинистических государств. То обстоятельство, что Полибий оказался в гуще событий, там, где решались судьбы греческого мира, не могло не оказать в высшей степени влияния на развитие его политических и исторических взглядов.

За семнадцать лет жизни Полибия в Риме (167—150 гг. до н. э.) там перебивали все влиятельные люди того времени. С некоторыми из них Полибий, возможно, познакомился еще раньше. Так, Рим посетил царь Египта Птолемей Филадельф (Diod. XXXI, 18), его брат, будущий Эвергет II Фискон (Pol. XXXI, 10, 1), царь Каппадокии Ариарат (Pol. XXXII, 10, 1), царь Вифинии Прусий (Pol. XXX, 18, 1), которого сопровождал его сын Никомед (Liv. XLV, 44, 4). Приезжали братья Эвмена, Аттал II и Афинея, сын Массинисы — Гулуса и многие другие. Сын Селевка Деметрий содержался в Риме заложником с 175 по 162 гг. до н. э. (App. Syc. 45) и был дружен с Полибием.

Кроме перечисленных царей и династов в Рим приезжали в это время многочисленные посольства. Благодаря дружбе и покровительству Сципиона

¹⁴ Фрилендер (*Frieland P. Socrates enters Rome // AJPh, 66, 1945. P. 337—351*) предположил, что Полибий, рассказывая о своих отношениях со Сципионом, использовал образец отношений Сократа и Алкивиада.

Полибий не только был в курсе всех политических событий, но и сам, очевидно, мог встречаться с приезжавшими в Рим правителями и послами. Все это давало ему огромную политическую информацию.

Находясь в Риме, Полибий благодаря покровительству Сципиона пользовался значительной свободой передвижения вне городской черты. Поскольку Полибий был большим любителем верховой езды и охоты,¹⁵ то Сципион брал его с собой в загородные поездки. Все эти обстоятельства позволили ему познакомиться с содержащимся в Риме наследником сирийского престола Деметрием, а впоследствии организовать его побег.

Деметрий, сын Селевка IV Филопатра, содержался в Риме вместо своего дяди Антиоха Эпифана (Pol. XXXI, 12; App. Syr. 45). После смерти Селевка IV Антиох Эпифан получил трон вместо своего племянника, продолжавшего оставаться в Риме. Деметрий содержался весьма свободно и был в дружбе со знатной римской молодежью. В числе друзей сирийского принца был и Полибий.

После смерти в 164 г. до н. э. Антиоха Эпифана Деметрий обратился с просьбой в сенат не препятствовать его престолонаследию.¹⁶ Сенату, однако, было выгоднее, чтобы на сирийском престоле находился малолетний ребенок Антиох IV Эвпатор, нежели энергичный двадцатитрехлетний Деметрий. Сенат отказал в просьбе и одновременно с этим направил на восток посольство во главе с Гаем Октавием.

В задачу посольства входила дезорганизация военных сил Сирии и, в первую очередь, уничтожение кораблей и слонов (App. Syr. 46—47; Pol. XXXI, 12). Во время этой миссии Гай Октавий был убит в одном из гимнасиев Лаодикеи. Сенат подозревал двор Антиоха в причастности к этому убийству. В Рим прибыла сирийская миссия для оправдания перед лицом сената, но она даже не удостоилась ответа (Pol. XXXI, 9). Тогда Деметрий обратился за помощью к Полибию. Тот посоветовал ему не обращаться более с просьбами к сенату, а вместо этого самому предпринять решительные действия.

Существуют различные точки зрения на вопрос о том, какие политические силы могли стоять за спиной Полибия.¹⁷ Во всяком случае не вызывает сомнений, что Полибий не мог бы действовать на свой страх и риск без поддержки дома Сципиона.

Деметрий не последовал совету Полибия и еще раз безуспешно обратился в сенат. Только после этого он принял решение тайно бежать в Сирию (Pol. XXXI, 20). Момент для этого был очень удачным, поскольку двор Антиоха V был очень непопулярен в Сирии. К осуществлению побега Полибий привлек находившегося в Риме египетского посла Менилла, с которым он еще раньше состоял в дружеских отношениях. Согласившись, Менилл тайно нанял для бегства Деметрия финикийский корабль. Когда все было готово, Деметрий, чтобы не вызвать подозрений, устроил пир. Полибий, по его собственным словам, был болен и находился у себя в доме, но через Менилла был в курсе всех дел. Зная переменчивый нрав Деметрия и его страсть к попойкам, Полибий отправил ему письмо, в котором иносказательно побуждал его торопиться. Невозможно ответить на вопрос, была ли болезнь Полибия истинной, или же это был только предлог.¹⁸

¹⁵ *Scala R. v. Die Studien des Polybios. S. 24.*

¹⁶ *Volkman H. Demetrios (I) Soter // Kleine Pauly. 1976. Bd I. Sp. 1465.*

¹⁷ Скалард (*Skullard H. H. Roman Politic 220—250 B. C. Oxford, 1951. P. 230*) полагает, что за спиной Полибия стоял Т. Семпроний Грахх, сторонник умиротворения Востока. Со Скалардом согласен Поль Педек (*Op. cit. P. 225*).

¹⁸ Р. Лаквир (*Laqueur R. Flucht des Demetrios aus Rom. Ein Beitrag zur Kritik des Polybios // Hermes. 65, 1930. S. 129—166*) считает, что Полибий значительно преувеличил степень своего участия в подготовке побега Деметрия.

Побег Деметрия совершился удачно. Отсутствие сирийского заложника было замечено только на четвертый день, когда его корабль был уже далеко. Сенат был вынужден отказаться от погони. На этом рассказ Полибия заканчивается. Очевидно, Полибий был вне подозрений сената.¹⁹ В любом случае, покровительство его римских друзей делало его положение вполне безопасным.

Крупным событием римской жизни, свидетелем которого был Полибий, было знаменитое посольство философов, имевшее большое культурное значение.

В 156 г. до н. э. афиняне разграбили город Ороп, принадлежавший в то время Беотии. Возмущенные жители Оропа обратились за помощью к римскому сенату, который поручил сикионцам расследовать тяжбу. Афинские представители не явились в указанный день на суд, и город был приговорен к огромному штрафу в пятьсот талантов в пользу жителей Оропа (Paus. VII, II, 4—5). Не желая выплачивать такую сумму, афиняне решили отправить посольство в Рим с просьбой о смягчении штрафа.

Посольство прибыло в Рим в 155 г. до н. э. Оно было необычно тем, что во главе его стояли три известнейших афинских философа того времени — Карнеад, Диоген и Критолай (Cic. De orat. II, 37; Plut. Cato, 22; Cic Tusc. disp. IV, 3, 5).

Это было первое основательное знакомство римлян с греческой философией в лице трех знаменитых представителей основных школ.²⁰

Римская аристократия, уже ранее приобщенная к эллинской образованности, приходила в восторг от выступлений философов. Плутарх (Cato, XXII) сообщает, что тотчас образовались аудитории из молодых образованных римлян. В числе слушателей были Публий Сципион, Гай Лелий и Луций Фурий (Cic. De orat. II, 37; Tusc. IV, 3, 5). Полибий также был слушателем выступлений философов, и они произвели на него большое впечатление (Pol. XXXII, 12 = A. Gell. N. A. VI, 14, 10). Полибий вполне мог быть среди слушателей этих философов, как еще ранее в 167 г. до н. э. он мог слушать лекции находившегося в Риме стоика Кратета Молесского, который из-за болезни вынужден был надолго задержаться в Риме (Svet. Gramm. 2).

Чрезвычайная популярность Карнеада, Диогена и Критолая у римской публики вызвала сильное беспокойство у престарелого Марка Порция Катона, который, по словам Плутарха, боялся, как бы римская молодежь не обратилась со всем рвением к изучению греческой философии и риторики в ущерб военным доблестям и подвигам.

Катон добился в сенате сокращения наложенного на афинян штрафа. После этого посольство покинуло Рим.

За время своего пребывания в Риме Полибий много путешествовал. Покровительство Сципиона давало ему возможность совершать как краткие, так и длительные отлучки из Рима.

Античная традиция сообщает только о фактах таких путешествий, ничего не добавляя по поводу датировки поездок и их маршруте. Из текста «Истории» явствует, что Полибий хорошо знал географию Великой Греции, Сицилии, Испании, Галлии, Северной Африки, Малой Азии, переходил Альпы, а позднее совершил плавание вдоль западного побережья Африки. Нейсным является вопрос о времени и последовательности этих путешествий.

¹⁹ Ziegler K. Polybios (I). Sp. 1452; Polybios (III). Bd IV. Sp. 983.

²⁰ Niese B. Geschichte griechischen und makedonischen Staaten... Bd III. S. 320. Цицерон (Sat. IV, 3, 5) называет только Диогена и Карнеада. Главным источником является Авл Геллий N. A. VI (VII), 14, 8—11. Рассказ Макробия (Sat. I. 5. 14) почти полностью совпадает с указанным местом Геллия. Кроме того: Cic. de or. II, 37. 155; Plut. Cato, 22; Ael. V. N. III, 17; Lact. Inst. V, 14, 3—5 = Cic. de rep. III, 6.

Более или менее точной датировке поддается, видимо, лишь посещение Полибием Северной Африки. Аппиан сообщает, что в 151 г. до н. э. Сципион побывал в Северной Африке в качестве посла Лукулла к Массинисе (App. Lib. 71).

За время пребывания Полибия в Риме ахейцы четырежды, очевидно, вопреки желаниям проримской партии, безуспешно ходатайствовали перед римским сенатом о возвращении интернированных соотечественников: в 164 г. (Pol. XXX, 32), в 159 г. (Pol. XXXII, 3, 14—17), в 155 г. (Pol. XXXIII, 1, 8—3) и в 153 г. (Pol. XXXIII, 14). Эти посольства подтверждают непопулярность сторонников Калликрата, для которых возвращение лидеров национальной партии представляло смертельную опасность.

После возвращения из Испании Сципион обладал уже большим политическим влиянием. Он обращается в сенат с предложением освободить оставшихся в живых ахейцев и позволить им вернуться на родину. Однако многие из сенаторов воспротивились, и началась продолжительная дискуссия. Тогда Сципион неожиданно нашел поддержку в лице Марка Порция Катона, который согласился выступить в сенате (Plut. Cato, 9; Pol. XXXV, 6). Катон всегда враждебно относился к грекам и всему греческому. Поддержка просьбы об освобождении ахейцев едва ли могла быть актом гуманности с его стороны. Здесь могут быть две причины: Катон не хотел ссориться с влиятельным домом Сципионов и вместе с тем ему хотелось избавиться от протезе Сципионов — Полибия, литературный талант которого пользовался большой популярностью у римских эллинофилов. Сходный инцидент уже имел место в 155 г., когда Катон убедил Сенат пойти на неслыханные уступки афинянам, лишь бы как можно скорее удалить из Рима греческих философов (см. выше). Думается, что Катон мог бы пойти на это и раньше, но тогда освобождение заложников могло привести к краху партии Калликрата. Теперь Калликрата уже не было в живых,²¹ и Катон решил уступить желанию Сципиона.

Не вызывает сомнения, что Катон лично знал Полибия и даже, возможно, был знаком с некоторыми частями его сочинения. Едва ли он испытывал к нему какую-либо симпатию, о чем свидетельствует иронический тон выступления Катона в сенате и его ответ Полибию, когда тот обратился к нему с просьбой о восстановлении прежних почестей интернированным ахейцам. Несмотря на все это, перед сенатом стояла необходимость найти замену дискредитировавшим себя сторонникам Калликрата, и кандидатура Полибия вполне могла по многим соображениям устраивать римлян.

Необходимо заметить, что мысль о том, что римляне могли рассматривать Полибия как возможного нового главу Ахейской лиги, является только предположением и не подтверждается никакими прямыми свидетельствами традиции. Однако важность той политической роли, которую будет играть Полибий в Элладе после 146 г. до н. э. несомненно говорит о том, что Полибий, для которого характерна взвешенность и осторожность действий, а также репутация честного человека, мог гораздо лучше способствовать греко-римским политическим контактам, нежели скомпрометировавшие себя сторонники Калликрата.

В конце 150 г. до н. э. Полибий и вместе с ним триста из оставшихся к тому времени в живых из интернированных ахейцев возвратились на родину.

Полибий недолго пробыл в Греции. В начале 149 г. до н. э. ахейцы получили письмо от консула Манилия с просьбой незамедлительно прислать Полибия в Лилебей (Pol. XXXVI, II). Военные знания нашего историка вы-

²¹ Schoch R. Kallikrates. Sp. 861.

соко ценились в римских политических кругах. Существует предположение, что свое сочинение, посвященное вопросам военного искусства, Полибий написал еще до 169 г. до н. э. и взял его с собой в Рим, где оно привлекло большое внимание и принесло автору большую известность.²² Теперь в условиях военных действий в Северной Африке римляне нуждались в теоретических знаниях и практическом опыте Полибия и пригласили его как компетентного военного эксперта.

Полибий, по его собственным словам, считал своим долгом выполнить распоряжения консула. Отложив все свои дела, он в начале лета взобрался на корабль и отплыл в Сицилию. На Керкире он получил письмо от обоих консулов с уведомлением о том, что карфагеняне выдали требуемых заложников, и война, таким образом, закончена. Решив, что римляне не имеют более в нем надобности, Полибий вернулся в Грецию.

Спустя некоторое время Полибий вновь получил вызов и отплыл в Северную Африку. Там у него произошла встреча с престарелым Массинисой (Pol. IX, 25, 4).²³

В начале осени 148 г. до н. э. Сципион отправился в Рим на консульские выборы. Сопровождал ли Полибий Сципиона в этой поездке, неизвестно. Став консулом, Сципион принял командование римскими войсками под Карфагеном. С этого времени осада города начинает вестись гораздо активнее. Теперь Полибий выполняет роль военного советника при самом консуле.

Античная традиция донесла два эпизода военных действий, в которых непосредственно участвовал Полибий. Так, Аммиан Марцелин, рассказывая о военных действиях императора Юлиана, сообщает, что тот неудачно применил во время штурма Перисаборы тактику, использованную Сципионом и Полибием при штурме Карфагена (XXIV, 2, 16)

Второй эпизод, сообщаемый нам Плутархом (*Regum et imper. aropteg.* 200A), относится уже к заключительному периоду осады Карфагена. Полибий, чтобы обезопасить римские позиции на случай внезапной вылазки карфагенян, посоветовал Сципиону набросать в мелководный залив доски, усеянные гвоздями. Сципион отклонил предложение Полибия, сказав, что «смешно, захватив стены и находясь внутри города, пытаться избегнуть сражения с врагом». Возможно, что именно этот эпизод имел в виду Павсаний (VIII, 30, 9), говоря, что «всякий раз, когда Сципион следовал увещаниям Полибия, он добивался успеха. А в чем он не вынял его увещаниям, терпел, как рассказывают, неудачи».

Известно, наконец, что Полибий присутствовал в 146 г. до н. э. при завершающем штурме Карфагена и был свидетелем сдачи в плен карфагенского полководца Гасдрубала (Pol. XXXIX, 4). Он был свидетелем того, как Сципион, глядя на пылающий город, в течение столь долгого времени служивший объектом страха и ненависти римлян, произнес свою знаменитую фразу о превратности судеб людей и государств (*App. Lib.* 132, 628—630; *Diod.* XXXII, 24).

Период со 149 по 146 гг. до н. э. важен для нас не только участием Полибия в осаде и взятии Карфагена, но также и тем, что на эти годы падает большое путешествие нашего историка вдоль западного побережья Африки, которое еще при жизни принесло ему широкую известность. Эта экспедиция, хорошо известная в античности, оставила тем не менее очень незначительный след в дошедшей традиции. Наиболее подробным изложением является известный пассаж Плиния Старшего (*Hist. nat.* V, 1, 1): «В то время как Сципион Эмилиан вел войну в Африке, Полибий, автор истории,

²² Ziegler K. Polybios (I). Sp. 1454.

²³ Cuntz O. Polybios... S. 77—78; Volkmann H. Massinissa // Kleine Pauly. Bd III. Sp. 1068.

получив от него флот, отправился в путь для изучения этого района и т. д.». Сам Полибий в сохранившихся частях своего сочинения ничего не сообщает об этом путешествии, за исключением пассажа III, 59, 7—8, который можно истолковать в интересующем нас смысле. Полибий рассказывает об опасностях и трудностях, которые ему довелось претерпеть в странах по Ливии, Иберии, Галлатии и по морю, граничащему извне с этими странами.²⁴

В то время, когда Полибий находился в Северной Африке, в Греции развивались драматические события. Пришедшие к власти в период после 151 г. до н. э. лидеры радикальной демократической группировки Дией, Демокрит и Критолай пытались окончательно инкорпорировать Спарту в состав Ахейского союза.²⁵ Рим вмешался в конфликт. Сенатская комиссия постановила отделить от Ахейской лиги Спарту и ряд других областей (Paus. VII, 14). Это решение вызвало вспышку гнева ахейцев. Все спартанцы, находившиеся в Коринфе, были схвачены, а римские послы подверглись оскорблениям.

Рим, занятый военными действиями под Карфагеном, в Испании и Македонии, где вспыхнуло восстание, попытался мирным путем урегулировать конфликт. Кроме того, сенат мог планировать создание в Ахейском союзе лояльно настроенного по отношению к Риму правительства, в котором Полибию, как нам представляется, должна была отводиться не последняя роль.²⁶ Откровенно конформистская политика сторонников Калликрата слишком сильно скомпрометировала себя в глазах всей Греции, и для сената было выгодно сформировать правительство из людей, лично пострадавших от происков партии Калликрата и вместе с тем лояльно настроенных по отношению к Риму. Этот шаг должен был одновременно и предоставить сенату надежную опору в лице такого правительства, и поднять авторитет римской политики в Греции.

Сенат вполне мог прочесть Полибия на роль нового ахейского лидера.²⁷ Однако начавшаяся III Пунийская война спутала карты римской политики. Сенат был целиком занят ведением военных действий в Северной Африке, и вопрос об Ахейском союзе отошел на второй план. Сенат дважды вызывает Полибия из Пелопоннеса. После этого Рим уже не мог в достаточной степени контролировать события в Ахейском союзе. К власти в союзе пришла радикальная партия во главе с Диеем и Критолаем. После ряда острых инцидентов сенат уже имел формальные поводы для объявления войны, но старался урегулировать конфликт мирным путем, а в перспективе после окончания войны с Карфагеном осуществить замену лидеров союза. События приняли, однако, другой оборот.

В начавшихся военных действиях силы оказались слишком неравными. Войска Ахейского союза были разбиты в нескольких сражениях, а главная цитадель Коринф была разрушена по приказанию Луция Муммия (Paus. VII, 15; Pol. XXXIX, 13).

²⁴ Подробный анализ вопросов, связанных с хронологией события, см.: Циркин Ю. Б. Путешествия Полибия вдоль атлантических берегов Африки // ВДИ, 1975, 4. С. 107—114.

²⁵ Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей. Харьков, 1895. С. 292—293; Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 369—371; Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 218—219; Жебелев С. А. Ахаика. В области древней провинции Ахайи. СПб., 1903. С. 6—7; Schoemann G. P. Griechische Altertümer, 4 Aufl. / Bearb. von J. H. Lipsius. Bd II. Berlin, 1902. S. 131—132; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... S. 337 ff.; Bengston H. Griechische Geschichte, 2. Aufl. München, 1960. S. 494.

²⁶ Педек (La méthode historique de Polybe. Paris, 1964. P. 560) считает, что освобождение Полибия и его соотечественников в 150 г. до н. э., без сомнения, диктовалось политическими соображениями: заменить скомпрометировавшую себя партию Калликрата находящимися вне подозрений инициативными людьми, такими как Полибий.

²⁷ Это хорошо подтверждается участием Полибия в сенатской комиссии и его законодательной деятельностью в Греции.

Возвращение Полибия в Грецию совпало с последним трагическим аккордом борьбы ахейцев за независимость — падением Коринфа. Полибий стал свидетелем того, как созданные столетиями культурные ценности греков гибли от рук римских легионеров (Pol. XXXIX, 13). Тем не менее, Полибий с беспристрастием историка нашел в себе силы воздать похвалу личной умеренности Луция Муммия (Pol. *ibid.* 17 cf. Aur. Vict. vir. illustr. 60. Front. Strategm. iv. 3, 15).

Разрушение Коринфа, очевидно, не вызывало у Полибия как профессионального военного никакого удивления. Скорее даже, наоборот, он был склонен считать, что с разрушением главной цитадели²⁸ у ахейцев впредь была отнята возможность возобновления войны.

Можно предположить, что с самого момента возвращения в Грецию Полибий находился в свите Луция Муммия. Собственный авторитет и дружба со Сципионом Эмилианом давали Полибию возможность оказывать определенное влияние на победителя ахейцев. Так, Полибию удалось спасти от уничтожения статую Филопемена и добиться возвращения увезенных из Пелопоннеса мраморных изображений Арата и Ахея (Pol. XXXIX, 14, 3; 10).

На фоне общей катастрофы деятельность Полибия носила паллиативный характер. Понимал это и сам Полибий. Но даже эти действия должны были дать со временем благие результаты. Если в период войны Полибию удалось добиться от римлян ряда уступок, пусть даже по второстепенным вопросам, то это давало надежду по окончании войны добиться гораздо большего.

Вскоре в Пелопоннес прибыла сенатская комиссия из десяти человек для урегулирования ахейских дел. Посланные сенаторы активно пользовались советами и помощью Полибия. Чтобы отблагодарить его за оказанную помощь и компенсировать его утраченное имущество, они решили преподнести в дар Полибию значительную часть из конфискованного имущества Диея (Pol. XXXIX, 15). Полибий отклонил это предложение и даже, по его собственным словам, просил своих друзей ничего не покупать с торгов. Этим поступком он внушил большое уважение к себе как римлянам, так и соотечественникам.

Спустя шесть месяцев комиссия возвратилась в Рим, поручив предварительно Полибию обходить греческие города и разрешать все споры до тех пор, пока жители не привыкнут к новым установлениям. С этого времени и до самой смерти в руках Полибия находились нити умиротворения соотечественников. Помимо выработанных комиссией мер, Полибий сам устанавливал для греческих городов некоторые, не известные нам ближе, законы (Pol. *ibid.*). На основании сообщения Павсания (VIII, 30, 9) можно предположить, что законодательная деятельность Полибия была санкционирована сенатом на основании ходатайства полисов, ранее входивших в Ахейский союз. К. Циглер даже предположил, что свидетельство об этом могло содержаться в утраченных частях сочинения Полибия.²⁹

II. «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ» ПОЛИБИЯ

Историографическое творчество Полибия замыкает собой большой период истории описания независимой Эллады. Имея перед собой титанические фигуры Геродота, Фукидида, Ксенофонта и их последователей, Полибий

²⁸ Античные авторы неоднократно упоминают сильные оборонительные укрепления и стратегическую важность коринфской крепости. Cf. Plut. Arat. 16; Stat. Theb. VII, 106—107; Lactantius Placidus, Commentarios in Statii Thebaida, ad. loc.; Neyer F. Korinthos // Kleine Pauly. Bd III. Sp. 302.

²⁹ Ziegler K. Polybios. Sp. 1454.

избирает свой, отличный от предшественников, путь историописания. Опираясь на созданный прежде богатый арсенал научных и литературных средств, Полибий стремится создать своего рода канон исторического произведения, который вмещал бы в себя значительное число различных требований.

При чтении сочинения Полибия никогда не следует упускать из виду то, в какую эпоху творил ахейский историк. Подчинение эллинистического мира Римом, свидетелем и в известной степени участником которого стал сам Полибий, создавало, с одной стороны, новую, отличную от всего предшествующего, политическую и культурную реальность, а с другой стороны, требовало иного подхода к осмыслению и изображению этой реальности. Мир вокруг Полибия постоянно менялся: на смену разрозненным и политически обособленным эллинистическим монархиям и союзным образованиям, которые, постоянно враждуя между собой, вели эллинистический мир к постоянному ослаблению, заступала свежая, монолитная и стабильная политическая система римской государственности, достойно прошедшая все испытания в горах пунийских, иллирийских, македонских и прочих войн. Установление римского господства на Балканах безусловно вело к подчинению свободолюбивых эллинов и оскорблению их патриотических чувств, однако несло в себе при этом очень важные для античного мира моменты. Происходило объединение прежде разрозненного мира; устранялись раздражавшие его противоречия и военные конфликты, вызванные бесполезной и пугубной борьбой отдельных государств за политическое преобладание. Множество отдельных государств всего за несколько десятилетий превратились практически в единое государство. Все это, с одной стороны, отвечало симпатиям Полибия, воспитанного на объединительных принципах «Федеративной Эллады», и с другой — приводило его к мысли о том, что методы, которыми пользовались его предшественники в изложении истории миниатюрных государств прежней Эллады, уже не соответствовали масштабам и внутренним закономерностям грандиозного объединения Средиземноморья.

Создавая во «Всеобщей истории» свой канон написания исторического произведения, Полибий выдвигает следующие требования: история должна носить, во-первых, всеобщий характер, т. е. охватывать в своем изложении события, одновременно происходящие как на западе, так и на востоке, причем изложение должно быть синхронным. Далее, история не должна носить праздный, развлекательный характер, предназначенный позабавить досужего читателя. Напротив, ее задача научить его, как нужно поступать в тех или иных обстоятельствах в будущем, аналогичных или сходных произошедшим в прошлом.

Полибий формулирует понятие деловой, прагматической истории (*ἡ πραγμᾶτεια; ὁ πραγμᾶτικὸς τρόπος*), на обращении к которому Полибий постоянно настаивает.

Полибий считает, что большинство как прежних, так и современных ему историков злоупотребляют драматическими эффектами и риторическими приемами. Драматическая поэзия и риторика, полагает Полибий, имеют совершенно иные задачи, нежели историческое повествование. Он неоднократно повторяет эту мысль во многих частях своего сочинения.

События истории, считает Полибий, соединены между собой некой внутренней связью и взаимно обуславливают друг друга. Подобные связи между событиями существовали всегда, но они были менее очевидны, и большинство историков их либо не замечали, либо оставляли без должного внимания. Полибий неоднократно говорит, что в его время сцепление (*συνπλοκή*) событий стало не только намного очевиднее, но и начало глобальным образом определять исторический процесс. Такое сцепление событий историк связывает со сближением политических интересов римско-карфагенского Запада и греко-македонского Востока. Время этого «сцепления» Полибий от-

носит ко времени 140-й Олимпиады (220 г. до н. э.), когда в ведущих эллинистических державах к власти пришли новые правители: в Египте — Птолемей IV Филопатр, в Сирии — Антиох III Великий, в Македонии — Филипп V. В Греции в это время потерпел поражение спартанский царь Клеомен III, а на Западе сгустились грозные облака Второй Пунийской войны. В 217 г. до н. э. события Ганнибаловой войны в Италии «сцепились» с событиями Союзнической войны в Греции и все последующие события были продолжением и следствием этого «сцепления».

Однако, чтобы правильно понимать ход исторических событий, необходимо, как считает Полибий, владеть приемами углубленного анализа причинно-следственных связей. Эту причинно-следственную связь Полибий определяет, как соединение причины (*αἰτία*), предлога или повода (*πρόφασις*) и непосредственного начала событий, чаще всего военных действий (*ἄρχή*). Эта последовательность звеньев причинно-следственной цепи, по мнению Полибия, является неизменной. Многие историки, говорит Полибий, и до него пытались объяснить связь событий, но делали это неправильно, путая указанные компоненты. Однако Полибий вынужден признать, что не все события поддаются такому анализу. Он отказывается, например, искать причину таких событий, как неурожаи, внезапные эпидемии, стихийные бедствия и т. д., а также искать причины второго порядка (подробнее об этом будет сказано ниже).

Помимо этого историк, считает Полибий, не должен быть кабинетным ученым. Он должен либо сам быть участником событий, либо, по меньшей мере, должен посетить места событий и беседовать с очевидцами. Как было уже сказано выше, Полибий сам много путешествовал. Все это — и желательное участие самого историка в событиях, и необходимость беседовать с очевидцами — может подразумевать написание сочинения только на тему событий, близких по времени писателю. Именно так обстоит дело с сочинением самого Полибия. Его «Всеобщая история» охватывает период между 220 и 146 гг. до н. э., что занимает книги с III по XL. Две первые книги представляют собой «введение» (*προκατασκευή*) ко всему сочинению и охватывают события с 264 по 220 г. до н. э. Таким образом, сочинение Полибия относится к разряду «новой и новейшей истории», поскольку сам историк был современником и даже свидетелем большей части изложенных им событий.

Понятие «прагматической истории» Полибий связывает прежде всего с военной и политической историей. Исходя из этого он требует от историков, чтобы они обладали достаточным опытом в военных и политических делах. Только компетентный специалист, считает Полибий, может по достоинству оценить доблесть полководца и диспозицию сражения, равно как государственное устройство и действия того или иного политика.

Все сказанное выше неизбежно наводит на мысль о том, что читательский круг, на который ориентировался Полибий, должен был быть весьма образованным и специально подготовленным, а следовательно, достаточно узким. Сам историк нигде прямо не говорит, кого именно он имеет в виду, но совершенно очевидно, что это прежде всего политики и военные, т. е. люди, ближе всего стоящие к свершению исторического процесса. При этом, однако, надо иметь в виду и следующее обстоятельство: Полибий уже в другой связи, а именно в плане общей цели своей истории — оправдания римского завоевания в глазах эллинов, подразумевает максимально широкую грекоязычную читающую публику. В этом состоит одно из многочисленных противоречий взглядов Полибия.

Другим существенным элементом полибиевского образа мысли является представление о судьбе (*τύχη*). Понятие судьбы было знакомо грекам уже по крайней мере со времен Гомера, однако и обозначение, и внутреннее

содержание этого понятия было иным. Для греков архаики и классики судьба представлялась неким индивидуальным предопределением каждого человека (*αἴσα, μοῖρα, εἰμαρμένη* и т. д., лат. *fatum*). Судьбу можно узнать с помощью оракулов и гаданий, но нельзя изменить. В эллинистическую эпоху представление о судьбе значительно меняется. Она начинает восприниматься как некий капризный случай (*τύχη* от глагола *τυγχάνω* — неожиданно случаться, лат. *fortuna*).³⁰ Во многом такое изменение представлений можно объяснить тем, что для времени эллинизма было характерным динамичное изменение судеб как отдельных людей, так и целых государств. Картина окружающего мира менялась практически на глазах, и это рождало представление о некоей силе, которая по своему произволу может подвергать изменению все, что угодно.

Полибий довольно часто (более 120 раз) упоминает о судьбе (*τύχη*) в сохранившихся частях своего сочинения. Остановимся на этом несколько подробнее.

Обратимся к рассмотрению пассажей, в которых Полибий использует понятие *τύχη*. Уже в самом начале своего сочинения автор говорит, что судьба свела все дела ойкумены к одной цели и что читателю необходимо познать способ ее действия (*τὸν χειριστὸν τῆς τύχης* (I, 4, 1—2)).³¹ Начиная изложение истории Азии и Египта с 221 г. до н. э., Полибий говорит, что предшествующие события уже подробно изложены другими, а в его собственное время судьба не совершила ничего выдающегося в этих районах (II, 37, 6). Послы Антиоха убеждают римлян милостиво обращаться с побежденными, добавляя при этом, что это не так полезно Антиоху, сколько самим римлянам, «поскольку судьба вручила им власть и правление над всей ойкуменой» (XXI, 13, 8). Во время III Македонской войны часть греков не помогала и не препятствовала римлянам в борьбе с Персеем, «словно они верили судьбе заботу о будущем» (XXX, 6, 6). Наконец, обращаясь к событиям греко-персидских войн, Полибий говорит, что «судьба, как кажется, свергла эллинов в великий страх во время перехода Ксеркса в Европу».

Во всех случаях *τύχη* выступает как некая полновластная правительница мира. Люди и целые государства не в силах изменить ее решений и могут лишь вверить себя ее воле.

Очень часто Полибий, для того чтобы охарактеризовать мощь и образ действий судьбы, прибегает к сравнениям, заимствованным из области драматических состязаний. После битвы при Каннах почти все племена Италии перешли на сторону Ганнибала. В этот момент посланный в Галлию претор Л. Постумий был разбит со всем войском, «словно судьба совершила эпилог и подыгрывала уже совершившимся событиям» (III, 118, 6).³² В сходных случаях Полибий часто использует выражения, прямо указывающие на детали устройства театральных зрелищ.³³ Так, в пассаже XI, 5, 8 говорится,

³⁰ Herzog-Hauser G. Nyche (1) // RE. 2. Reihe. 1948, Bd VII, Hbhd 14. Sp. 1643—1649; Pötscher W. Tyche (1) // Kleine Pauly. Bd V. Sp. 1016; Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. 2. Aufl., München, 1961. S. 190 sqq.

³¹ Нильсон (Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. S. 194) считает, что *τύχη* означает здесь просто ход событий. Однако такое толкование плохо согласуется с контекстом, ср.: Walbank F. W. A historical comm. P. 25. № 8.

³² Здесь и в других случаях Полибий часто использует наречие *ῥωπερ* (словно). Это дало повод А. ван Хоофу считать, что Полибий специально прибегает к размыванию понятия, которое может показаться слишком рискованным (Hooff A., van. Polybius' reason and religion // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. 1977. Bd. 59. I. P. 126—127). Эта мысль не представляется нам убедительной. Поскольку человек не может знать об истинных намерениях судьбы, а может лишь о них догадываться, Полибий проявляет осторожность, словно опасаясь, что может неверно истолковать ее внешние проявления. Ср., например, суждения о действиях богов у Тацита в описании разрушения Артаксаты (Ann. XIII, 41, 3).

³³ Walbank F. W. A historical comm. P. 21. N 6; Herzog-Hauser G. Tyche... Sp. 1669.

что предательство этолянами общегреческих интересов (их союз с Римом) ранее оставалось неизвестным, а теперь стало очевидным, «в то время как судьба, словно нарочно, вывела на экзостру (*ἐπὶ τὴν ἐξώστραν*) их безумие». В двух случаях Полибий использует сцену (*ἐπὶ σκῆνην*): XXIV, 8а, 1; XXIX, 7, 2; в одном случае проскений (*ἐπὶ προσκήμιον*): fr. 113. Во всех этих случаях судьба выводит на подмостки безумие (*ἀγνοία*) людей или их несчастья (*τὰς αὐτῶν συμφοράς*). В пассаже XXIV, 8, 12 судьба уже прямо устраивает театральное зрелище (*ἢ τύχη δράμα <...> ἐλεεισῆραυε*).

Большое число интересующих нас мест представляют собой сравнения с атлетическими агонами. Здесь судьба выступает сразу в нескольких ролях: она и распорядитель состязаний, и судья, раздающий призы и награды, и, наконец, она сама становится участником состязаний. Правда, последняя упомянутая роль судьбы встречается только в одном, но очень важном по содержанию месте (XL, 5, 8): выражая свое удовлетворение тем, что напрасное сопротивление греков римлянам не было слишком долгим и кровопролитным, Полибий приписывает эту заслугу судьбе, уподобляя ее ловкому и опытному борцу (*παλαιστής*), который пошел на крайнее средство для достижения желанной победы.

Случаи, где судьба выступает в роли устроителя и распорядителя состязаний, отличаются от тех, где судьба выступает как правительница мира, тем, что они используются Полибием применительно к локальным событиям (XXIX, 11, 12 — Египет; X, 11, 12 — Испания), тогда как вторые — к событиям всей ойкумены.

Во время борьбы римлян с Гамилькаром Баркой на Эриксе у Панорма судьба, как хороший распорядитель состязаний (*ἀγαθὸς βραβευτής*), перевела схватку в более трудное и опасное и вместе с тем в более решительное положение (I, 58, 1; cf. XXVII, 14, 5). Этолийские стратеги убедили народ предоставить судьбе самой увенчать победителя (II, 2, 10). Судьба свела в битве при Селассии Антигона Досона и Клеомена III как двух превосходных и равных соперников (II, 66, 4). Ганнибал, обращаясь к своим воинам, говорит, что судьба свела на бой карфагенян и римлян как галльских пленников, которых Ганнибал перед этим заставил сражаться в качестве гладиаторов (III, 63, 3). Рассказывая о битве при Заме, Полибий говорит, что никогда прежде судьба не выставляла более замечательных призов (*ἀδλα*) для победителей (XV, 9, 4; 10, 5).

Близки к только что рассмотренной функции судьбы те случаи, где судьба раздает царские венцы. Министр Антиоха III Гермий, чтобы скомпрометировать в глазах царя его брата Ахея, составляет на имя Ахея подложное письмо от Птолемея IV, где тот якобы уговаривает его не отвергать дарованный ему самой судьбой царский венец (V, 42, 8). Сципион Старший, по словам Полибия, неоднократно отклонял царский венец, который ему преподносила судьба (X, 40, 9).

Еще одна функция судьбы была заимствована Полибием из судебной практики, где *τύχη* выполняет роль судьи, карающего за преступления. Так, Гамилькар измором одолевает восставших наемников, «в то время, как судьба налагает на них причитающуюся им кару» (I, 84, 10). Сходную картину мы наблюдаем в пассаже IV, 81, 5, где Хилон, задумав захватить власть в Спарте, организовывает заговор и убивает противодействовавших ему эфоров.

Судьба может лишать преступников снисхождения (XV, 17, 6). Судьба либо может сама наказывать преступника (XX, 7, 2), либо насылает на него Эриний (несчастья Филиппа V — XXIV, 8, 2).

В ряде случаев судьба выступает в роли помощника в человеческих делах. Так, ахейцы строят расчеты на случай помощи со стороны судьбы и на случай ее противодействия (II, 48, 7—8). Полибий говорит, что ему,

чтобы закончить труд, «необходима помощь судьбы» (*προσδεῖ δὲ τὰ τῆς τύχης* — III, 5, 7). Ибер Абиликс выдает Публию Сципиону находившихся у карфагенян иберийских заложников. Автор расценивает это как большую помощь римлянам со стороны судьбы (III, 99, 9). Этолийские послы говорят, что судьба явным образом помогает спартамцам (*τὴν τύχην <...> συνεργούσαν* IX, 29, 10). Сципион Африканский отличался большой сдержанностью, когда ему сопутствовала судьба (X, 40, 6). Судьба часто помогала Ганнибалу (XI, 19, 5). Судьба помогала Сципиону Младшему (XXXIV, 15, 2).

К «судьбе-помощнику» близка «судьба-дарительница». Судьба может наделять людей многими хорошими качествами. Критикуя историков, драматизирующих события, Полибий, передавая рассказ об участии сыновей сенаторов в заседании римского сената в период наибольшей опасности для Рима со стороны Ганнибала, говорит, что он готов был бы поверить в эту историю, если бы *τύχη* с детства наделяла римлян способностью хранить тайны (III, 20, 4). Гиерон получил власть над сиракузянами и их союзниками, не имея в готовом виде от судьбы (*ἐκ τῆς τύχης*) ни богатства, ни славы, ни чего-либо другого (VII, 8, 1), из чего можно понять, что человек может получить все это от судьбы в подарок. Ганнибал, убеждая карфагенян принять предлагаемые условия мира, говорит о том, что его соотечественники, участвовавшие во враждебных Риму замыслах и потерпевшие поражение, должны были бы поклониться судьбе, получив такие снисходительные условия мира (XV, 19, 5).

Судьба выполняет у Полибия также и роль некоего пробного камня, на котором подвергаются испытанию характеры людей. Важнейшим качеством, которое человек может приобрести благодаря чтению «прагматической истории», является умение мужественно и благородно переносить превратности судьбы (VI, 1a, б).

Судьба может выполнять роль наставницы. Так, она сделала очевидным для всех, что причина *αἰτία* успехов фиванского государства заключается не в его устройстве, а в доблестях (*ἀρετῇ*) его правителей (VI, 43, 5).

Два пассажа представляют нам судьбу в роли синхронизатора событий, т. е. силу, заставляющую отдельные многочисленные события происходить одновременно. Судьба заразила всех галлов страстью к войне (II, 20, 7). Птолемей Филопатр, унаследовав власть отца, убивает брата Магаса, надеясь уберечься от внутренних опасностей своими силами, а от внешних — с помощью судьбы (*διὰ τὴν τύχην*). Под этим подразумевается то, что к этому времени Антигон и Селевк уже ушли из жизни, а Антиох и Филипп еще являются детьми (V, 34, 2; ср. II, 41, 1).

Важной функцией судьбы является обновление мира. Судьба постоянно совершает что-либо новое (*καινοποιούσα*) и постоянно вступает в спор с жизнями людей (*συνεχῶς ἐναγωνιζομένη τοῖς τῶν ἀνδρῶν βίος*). Никогда ранее она не совершала столь великого дела и не участвовала в столь большом состязании, как во времена автора (I, 4, 4—5)³⁴. Жители Медиона распорядились добычей, взятой у этолян, именно так, как те прежде рассчитывали распорядиться добычей, взятой у них, «в то время как судьба, словно специально, демонстрировала на их примере прочим людям свою силу» (II, 4, 2—3). Заняв Спарту, Антигон Досон был вынужден срочно вступить в Македонию при известии о вторжении иллирийцев.

«Таким образом, — замечает Полибий, — судьба привыкла решать значительнейшие из дел вопреки расчету (*παρὰ λόγον*)» (II, 70, 2). Автор, начиная синхронное изложение со 140-й олимпиады, приводит для объяснения этого ряд причин и среди них то, что «судьба в названное время словно

³⁴ Уолбэнк (*Walbank F. W. A historical comm...*) считает, что такое восприятие судьбы было заимствовано Полибием у Деметрия Фалерского.

обновила все в ойкумене» (IV, 2, 4).³⁵ Во времена жизни автора судьба совершила свое самое замечательное деяние (VIII, 4, 3).

Имеется несколько случаев, где *tύχη* означает у Полибия участь-жребий. Царь Персей отправляет посольство к Антиоху, чтобы убедить его принять участие в борьбе с римлянами: в противном-де случае Антиох испытает общую с Персеем судьбу (*ταχέως πεῖραν λήψεται τῆς αὐτῆς ἐαυτῷ τύχης* XXIX, 3, 10). Агафокл и Агафоклея, ничего не достигнув, оплакивают свою судьбу (XV, 32, 1). Инсумбры решили испытать свою судьбу и дать решительное сражение римлянам (II, 32, 5). Жители Литта, обнаружив свой город разрушенным, оплакивают свою судьбу (VI, 54, 4). Человеку, по мнению Полибия, не следует испытывать свою судьбу (XXI, 12, 4).

Рассмотренные пассажи позволяют сделать вывод о том, что для Полибия понятие *tύχη* было далеко не однозначным. Судьба в его представлении наделена множеством разнообразных функций. Общим для рассмотренных мест является то, что автор признает существование судьбы в той или иной ее функции. Однако в «Истории» есть ряд пассажей, где автор отрицает роль судьбы в исторических событиях. Все эти случаи выступают в резко противоречии с рассмотренными выше пассажами. Полибий отрицает роль судьбы в деле возвышения Ахейского союза и считает, что надо искать причину и там, где она очевидна, и там, где не очевидна (II, 38, 5). Вину за гибель римских кораблей около Камарины автор возлагает не на судьбу, а на командиров флота (I, 37, 4; ср. Sol. 8). Сципион Старший успешно вел военные действия в Испании, доверяясь не судьбе, а расчету (*οὐ τῇ τύχῃ πιστεύων, ἀλλὰ τοῖς συλλογισμοῖς* X, 7, 3); он никогда не уклонялся от опасностей, «что свойственно человеку, не доверяющему судьбе, но обладающему умом военачальника» (X, 3, 7). Римляне достигли успехов не благодаря судьбе и не случайно, а совершенно естественно (I, 69, 3). Царь Эвмен получал помощь не от судьбы, но от собственной проницательности и трудолюбия (XXXII, 23, 4). Читателям следует знать, почему римляне обычно одерживают верх в сражениях, дабы они не приписывали их успех судьбе (XVIII, 11, 5). Полибий подробно рассказывает о добродетелях Сципиона Эмилиана, чтобы читатели из-за незнания истинных причин не приписывали его успехи, достигнутые расчетом, судьбе (XXXII, 16, 3). Автор не одобряет тех, кто приписывает успехи Сципиона Старшего не его таланту и предусмотрительности, а богам и судьбе (*εἰς δὲ τοὺς θεοὺς καὶ τὴν τύχην* X, 9, 2). Многие люди не понимают причин событий и относят все к богам и судьбе (X, 5, 8).

Чтобы лучше разобраться в противоречивости и многообразии значений, вкладываемых Полибием в понятие судьбы, обратимся к двум «теоретическим» пассажам, где Полибий непосредственно высказывает общие суждения о судьбе (XXIX, 6с; XXXVII, 4).

Первый из них содержит в себе цитату из сочинения Деметрия Фалерского «О судьбе», суждения которого Полибий полностью разделяет. Из слов Полибия становится ясной цель сочинения Деметрия — показать читателям переменчивый характер судьбы *μεταβολή τῆς τύχης*. Содержание пассажа сводится к тому, что за пятьдесят лет до времени самого Деметрия персы не могли даже представить, что спустя указанный срок их держава будет уничтожена. Хотя Македония находится на вершине своего могущества, ее тем не менее ожидает судьба персидской державы. Далее идут несколько очень важных характеристик судьбы. Прежде всего с ней невозможно заключить договор (*ἀσύνθετος τύχη*). Судьба постоянно все обновляет вопреки расчету

³⁵ Данный пассаж можно отнести также к деятельности «судьбы-синхронизатора». Ср.: Walbank F. W. A historical comm...

людей (*καὶ πάντα παρὰ τὸν λογισμὸν τὸν ἡμέτερον καινοποιοῦσα*). Судьба выказывает свою силу в необычайных вещах (*καὶ τὴν αὐτῆς δύναμιν ἐν τοῖς παραδόξοις ἐνδεικνυμένη*): «Сейчас она дала македонянам счастье персов и ссудила им эти блага до тех пор, пока не примет в отношении их другого решения». Обращаясь к событиям своего времени, Полибий восхищается предвидением Деметрия Фалерского. Принимая теорию Деметрия Фалерского, Полибий значительно расширяет круг функций судьбы.

Еще более важным в теоретическом плане является пассаж XXXVII, 4, в котором Полибий рассматривает причины падения численности населения в Элладе. Автор считает своей целью опровергнуть мнение тех, кто склонен усматривать действие судьбы в общественных и частных делах. С точки зрения Полибия допустимо относить к сфере деятельности судьбы только те вещи, причины которых невозможно или трудно распознать. К этой категории автор относит дожди и ливни необычайной силы (*οἷόν ὄμβρων καὶ ὑετῶν ἐξαισίῳ ἐπιφορά*), противоложные им засухи и холода (*τὰναντία πάντιν ἀσχημῶν καὶ πᾶσων*) и происходящие от этого неурожаи; длительные эпидемии (*λοῖμικαὶ διαδέσεις συνεχεῖς*), а также вещи, подобные перечисленным, причину (*αἰτία*) которых нелегко отыскать (Ibid. 2). В этих случаях можно, следуя мнению толпы (*ταῖς τῶν πολλῶν δόξαις*), возносить молитвы, приносить жертвы божеству (*τὸ θεῖον*), вопрошать богов (*τοὺς θεοὺς*) о том, как лучше всего поступить в данных обстоятельствах.

Человек, обращающийся к богам там, где нетрудно найти причину, является глупцом (*ἄρ' οὐ μάταιος ἂν ἐφαίνετο*). Когда причина ясна, средство помочь делу находится в руках самих людей (*τῆς διορθώσεως ἐν ἡμῖν κειμένης*). Следует, однако, отказаться от поисков причин в тех случаях, где они либо непостижимы, либо постигаются с трудом (Ibid. 9). Для иллюстрации этой мысли Полибий приводит события, связанные с поддержкой македонянами Лже-Филиппа. Текст пассажа сильно испорчен, но смысл достаточно ясен. Македоняне были обласканы римлянами и получили от них свободу и всевозможные льготы, а кроме того, были избавлены от внутренних смут. Ранее македоняне часто терпели поражения от римлян. Теперь, поддерживав власть недостойного человека, они победили римлян. Найти причину этих событий, по мнению Полибия, трудно. Единственным объяснением в этом случае может быть «вред» со стороны богов (*δαίμωνοβλάβεια*) и гнев богов (*μῆτις τῶν θεῶν*) на всех македонян.

Объяснения, приводимые в этом пассаже Полибием, не снимают, однако, всех противоречий, связанных с понятием судьбы в его «Истории».

Не вдаваясь в подробности существующей по этому поводу дискуссии,³⁶ заметим лишь следующее.

Нам представляется, что в том, как Полибий использовал приемы логического объяснения событий и категорию судьбы, содержится определенная параллель со взглядами Сократа на пределы человеческого познания. Сократ осуждал людей, вопрошавших оракулов в тех случаях, когда ответ мог быть найден в разуме и опыте людей (Xen. Met. I, 7—9). Когда слово *τύχη* встречается у Полибия в подобных ситуациях, оно всегда имеет отрицательную окраску. Очевидно, широко распространенное среди его современ-

³⁶ См., напр.: *Losch P.* Charakteristik des Polybios. Leipzig, 1857. S. 12—13; *Markhauser A.* Der Geschichtschreiber Polybius, sein Weltanschauung und Staatslehre, mit einer Einleitung über damaligen Zeitverhältnisse. München, 1858. S. 114—120; *Hirzel R.* Untersuchungen zu Cicero's philosophischen Schriften. Bd II, 1882. S. 870; *Hereod R.* La conception de l'histoire dans Polybe. Zausanna, 1902. P. 95—103; *Scala R., von.* Die Studien des Polybios. S. 159—188; *Susemihl F.* Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit. Bd II. Leipzig, 1891. S. 98; *Cuntz O.* Polybius... S. 43—46; *Siegfried W.* Studien zur geschichtliche Anschauung des Polybios. Leipzig, 1928. S. 48; *Pédech P.* La méthode historique de Polybe. Paris, 1964. P. 336.

менников мнение о том, что все происходящее следует приписывать судьбе, было неприемлемо для Полибия потому, что такой подход не позволял глубоко проникать в природу вещей, а следовательно, противоречил целям его «прагматической» истории, для достижения которых требовался убедительный логический анализ событий. Поскольку человеческому разуму доступны причины далеко не всех событий и явлений, то в повествовании Полибия судьба встречается и в положительном смысле. В таких случаях она служит как бы термином, объясняющим явления, не поддающиеся логическому объяснению.

Вместе с тем в сочинении нашего историка имеются случаи совершенно особого употребления слова «судьба» в положительном смысле, отличные от тех, где оно служит просто ярлыком, обозначающим необъяснимые явления. Полибий говорит, что судьба правит миром и почти целиком подчинила его римскому владычеству, что она сделала римлян своим орудием в наказание Антиоха и Филиппа (I, 1, 4; XV, 20, 6—8). Таким образом, несмотря на то что для Полибия с точки зрения задач прагматического историописания очень важно было сузить сферу необъяснимых явлений, для обозначения которых он пользуется понятием судьбы, и максимально расширить область применения причинно-следственного метода, в его «Истории» присутствует также традиционное представление о судьбе как о сверхъестественной силе, правящей миром. Это, возможно, объясняется особым отношением Полибия к римской державе, как государству, подчинившему себе Средиземноморье.

Интересно остановиться на соотношении у Полибия двух противоположных принципов — судьбы, правящей миром (иррациональное начало), и логического расчета и сознательной воли человека. Если предусмотрительного человека постигает удар судьбы, то Полибий не усматривает в этом его вины, и наоборот, если человек необдуманно подвергает себя опасности, то, в случае неудачи, он, по мнению Полибия, заслуженно порицается здравомыслящими людьми (II, 7, 1—3; VIII, 2). Это противопоставление рационального расчета и судьбы изначально свойственно исторической мысли греков и не является монополией какой-либо философской школы. Уже Геродот вкладывает это противопоставление в уста Артабана: «Ведь принять хорошее решение я почитаю величайшей прибылью. Даже если что-либо и воспрепятствует, принятое решение от этого не становится хуже — его побеждает судьба. Принявший же плохое решение, если судьба ему благоприятствует, находит неожиданное счастье, но решение у него тем не менее было принято от этого нисколько не лучше» (VII, 10).

Ксенофонт развивает ту же самую мысль устами Сократа в беседе с Аристодемом. «(Сократ) Кто кажется тебе более достойными удивления, те, кто создают лишённые разума и движения изображения, или создающие разумные и действующие живые существа? (Аристодем) Конечно, клянусь Зевсом, те, кто создают живые существа, если только это делается не по какой-то случайности, но по разуму. (Сократ) В то время, как в отношении одних неизвестно, для чего они существуют, а в отношении других ясно, что они существуют для пользы, то какие из них, как ты считаешь, суть дела судьбы, а какие разума? (Аристодем) Подобаёт, чтобы рожденные для пользы были творениями разума» (Mem. I, 4, 4). Взгляды Полибия на противостояние в историческом процессе фатальной неизбежности и сознательной воли и логического расчета людей в целом традиционны для греческой историко-философской мысли.

Полибий, будучи человеком практического склада ума, весьма настроенно относился к политическим теориям других авторов. Сам он также старался не уклоняться в сторону теоретических изысканий. Тем не менее этот «нетеоретический» историк сделал то, что не делал никто из его предшественников: три книги из его «Истории» (VI, XII и XXXIV) посвящены

специальному кругу теоретических проблем и представляют собой самостоятельные трактаты.

Наиболее важной с точки зрения исторической науки является политическая теория Полибия, которой посвящена вся VI книга его сочинения. Это обстоятельство объясняется тем, что стремление Полибия написать прагматическую, полезную читателю историю безусловно требовало глубоких обобщений в области политической истории. Однако в том виде, в каком политическая теория представлена Полибием в VI книге, она превосходит нужды самостоятельного исторического сочинения и представляет собой совершенно самостоятельное произведение, тем более что в остальных частях «Истории» Полибий не использует политическую теорию, разработанную им в этой книге.

Основу всякой государственности Полибий усматривает в слабости, присущей каждому отдельному человеку (*ἢ τῆς φύσεως ἀσθένεια* VI, 5, 7). В доказательство этого Полибий предлагает вниманию читателя фантастическую картину гибели человеческого рода в результате эпидемии или природной катастрофы. Оставшиеся в живых или вновь народившиеся люди объединяются в группы или стада так, как это делают дикие животные (VI, 5, 4—6). Во главе таких групп становятся вожаки, выделяющиеся своей силой и смелостью (VI, 5, 7—8). В мире людей такие сообщества представляют, по мнению Полибия, древнейшую форму государственности — единовластие (*μοναρχία*). Характерным для этой стадии является господство физической силы и отсутствие нравственных установлений (VI, 5, 9—10).

Появление нравственных понятий прекрасного (*τὸ καλόν*) и справедливого (*τὸ δίκαιον*), а равно и противоположных им понятий составляет в схеме Полибия второй этап существования государства. Формой правления на этом этапе является царская власть (*βασιλεία* VI, 5, 10). Царская власть представляет собой развитие единовластия на основе нравственных понятий, которые Полибий связывает с образованием семьи и семейными отношениями (*αἱ συνουσίαι* VI, 6, 1). Образование семей происходит естественно (*κατὰ φύσιν* VI, 6, 2). В основе семейных установлений лежит желание родителей найти в своих детях кормильцев, которые бы заботились о них в старости. Если чей-то сын оказывается неблагодарным по отношению к своим родителям и не выполняет своих обязанностей, это вызывает негодование и раздражение у тех людей, которые были свидетелями родительских забот. Эти люди опасаются, что если они оставят без внимания проявления сыновней неблагодарности, то подобная участь может постигнуть и их (VI, 6, 3—6). Отсюда у людей возникает понятие долга (*ἔννοια* <...> *τῆς τοῦ καθήκοντος δυνάμεως καὶ θεωρίας* VI, 6, 7). Понятие долга является началом и концом справедливости (*ἀρχὴ καὶ τέλος δικαιοσύνης*).

Вслед за понятием долга возникает понятие одобрения. Поступки, заслужившие одобрение, влекут к подражанию и соревнованию.

Одновременно с этим возникает понятие порицания (*κατ' ἄγνωσιν καὶ προσκοπή*), с которым связывается стремление избегать неблагоприятных поступков (VI, 6, 8—9). Одобрение и порицание влечет за собой появление понятий позорного (*αἰσχρόν*) и хорошего (*καλόν* VI, 6, 9). Правитель, который поддерживает людей, обладающих положительными нравственными качествами, и карает негодяев, получает добровольную поддержку своих подданных (VI, 6, 11). На этапе царской власти заканчивается период поступательного развития государственности и начинается особого рода циклическое развитие, в котором чередуются простые формы государственного устройства.

Полибий замечает, что выделение некоторыми авторами трех простых форм — царской власти, аристократии и демократии не соответствует дей-

ствительности, поскольку рядом с этими формами существуют три других, которые одновременно и отличаются, и похожи на них. Так, от царской власти отличается монархия и тирания, причем эти две последние формы стараются придать себе вид царской власти (VI, 3, 10). В отличие от них, царская власть устанавливается разумом (*γνώμη*), а не страхом и силой (VI, 4, 1).

Далее Полибий переходит к понятиям олигархии и аристократии. Истинная аристократия управляется на выборной основе справедливейшими и разумнейшими людьми (VI, 4, 3). Олигархия мыслится Полибием как форма правления, основанная на противоположных качествах — отсутствии выборности и своекорыстии людей, стоящих у власти (ср. VI, 4, 9). Полибий не акцентирует внимания на принципе знатного происхождения для аристократических правителей (VI, 4, 3) и богатства для олигархов. Разница между олигархией и аристократией является, по Полибию, не социальной, а морально-этической.

Хорошую демократию Полибий определяет как преобладание мнения большинства. Остальные признаки хорошей демократии носят морально-этический характер: почитание богов, забота о родителях, уважение старших и почитание законов (VI, 4, 5).

Охлократию Полибий определяет следующим образом: «Нельзя считать демократическим устройством такое, в котором чернь (*τὸ πᾶν πλῆθος*) может делать то, что хочет и мыслит для себя». За этим определением, очевидно, надо видеть намек на демократические Афины VI в. до н. э.³⁷

Показав читателю шесть форм государственного устройства, Полибий приступает к описанию цикла политических устройств (*πολιτείων ἀνακύκλωσις* VI, 9, 10). В этом цикле три хорошие и три испорченные формы последовательно сменяют друг друга. Эта последовательность является с точки зрения Полибия естественной (*κατὰ φύσιν* VI, 4, 11).

В целом цикл представляет собой следующее. Если человеческое общество гибнет в результате катастрофы, то уцелевшие люди образуют стадо, где власть принадлежит сильнейшему (*μοναρχία*). С развитием нравственных понятий монархия получает черты упорядоченной царской власти (*βασιλεία* VI, 5, 10; 6, 12). Через несколько поколений царская власть выродждается в тиранию (*τυρραννίς* VI, 7, 8).

Власть тирана и его злоупотребления вызывают недовольство лучших граждан, и после свержения тирании устанавливается аристократия (*ἀριστοκρατία* VI, 8). Во втором поколении аристократия превращается в олигархию (*ὀλιγαρχία* VI, 8, 6). Это изменение происходит естественным путем (*κατὰ φύσιν* VI, 4, 9). Когда недовольные граждане свергают олигархию, устанавливается демократия (*δημος* VI, 9, 3). Начиная с тирании, установление каждой следующей формы основывается на предшествующем историческом опыте. Так, после свержения тирании, общество уже не рискует вернуть власть одному, а после свержения олигархии — уже не отваживается вернуть ее группе людей.

С развитием демократии в третьем поколении (VI, 9, 5) начинается ее разложение. Появляются лидеры — демагоги, которые развращают народ подачками. Возникает власть толпы (*ὀχλοκρατία* VI, 9, 7). Инициативные лидеры начинают стремиться к неограниченной личной власти, и в результате возникает правление одного, причем Полибий не уточняет, является ли это правление монархией или тиранией, и с этого момента цикл начинается сначала (VI, 9, 9).

³⁷ Здесь можно усматривать явную реминисценцию описываемой Ксенофонтом афинской демократии конца Пелопоннесской войны (Hell. I, 7, 12).

Все государственные формы цикла имманентно несут в себе семена своего разложения подобно тому, как ржавчина свойственна железу, а черви — дереву (VI, 10, 3), поэтому каждая отдельная форма в своем развитии проходит несколько этапов развития. По мнению Полибия, знание этого внутреннего развития отдельных форм также важно с прагматической точки зрения (т. е. для предсказания дальнейших возможностей в развитии того или иного государства), как и знание развития цикла в целом.

Внутреннее развитие отдельных форм проходит пять стадий: зарождение (*αρχαὶ καὶ γενέσεις*); возрастание (*αὔξεις*); расцвет (*ἀκμή*); изменение (*μεταβολή*); завершение (*τέλος*; VI, 4, 12—13). Схему эту Полибий, очевидно, заимствовал из мира флоры и фауны и поэтому исследователи творчества ахейского историка называют ее обычно «биологическим законом».

Показав, что простые формы государственного устройства нестабильны и находятся в постоянном движении (VI, 10, 5), Полибий переходит к анализу смешанного государственного устройства, т. е. устройства, где соединяются преимущества лучших форм государства (VI, 10, 6; ср. VI, 3, 8) и где благодаря взаимному контролю ни одна из них не развивается сверх меры. Это позволяет государству пребывать в состоянии равновесия, подобно плавающему кораблю (VI, 10, 6—8). Смешанное устройство, по утверждению Полибия, дает государству возможность освободиться от действия законов цикла. Однако из дальнейшего изложения становится ясно, что смешанные государственные устройства, как и простые формы, подпадают под действие «биологического закона». Закон возрастания и упадка, говорит Полибий, позволяет предсказать будущую судьбу римского государства (VI, 9, 12—13). Сравнивая Рим и Карфаген, Полибий говорит, что преимущество Рима во время II Пунийской войны заключалось в том, что в Риме в это время преобладал сенат, т. е. аристократический элемент, в то время как в Карфагене перевес был уже на стороне демократии (VI, 51). Иными словами, Карфаген, по мнению Полибия, уже дальше продвинулся по пути упадка. В этом безусловно есть глубокое противоречие в политической теории ахейского историка, на которое уже давно обратили внимание исследователи его творчества.³⁸

Теория смешанного государственного устройства не была изобретением Полибия. Она явилась частью общей политической теории античности, направленной на поиск условий для полноценного существования личности в государстве и на достижение стабильной государственной системы.

Оставляя в стороне развитие этой теории в сочинениях предшественников Полибия,³⁹ обратим внимание лишь на два наиболее существенных момента. Во-первых, тема смешанной политики разрабатывалась предшественниками Полибия исключительно на материале греческих полисов. Во-вторых, все греческие авторы, разрабатывавшие эту теорию до Полибия, сходились на положительной оценке смешанной политики, подчеркивая ее стабильность по сравнению с простыми формами государственного устройства.

В том, как рассматривает тему смешанного государственного устройства Полибий, наблюдаются черты, которые, с одной стороны, связывают его с предшествующей традицией, а с другой — отличают его как новатора.

Новаторство Полибия состоит прежде всего в выборе рассматриваемого им материала: основным объектом приложения теории является для него

³⁸ См., напр.: Fritz K., von. *The Theory...* P. 91; Walbank F. W. *Polybius*. Berkeley; Los Angeles; London, 1979. P. 134.

³⁹ См.: Aalders G. F. D. *Die Theorie der gemischten Verfassung in Altertum*. Amsterdam, 1968.

римское государство, не привлекавшееся раньше с такой целью греческой общественно-политической мыслью.

Что касается оценки Полибием смешанного государственного устройства, то здесь его взгляды вполне традиционны. Чтобы убедиться в том, что он относится к смешанным политиям в высшей степени положительно, достаточно беглого взгляда на его описания политического устройства Крита, Спарты и Карфагена — государств, традиционно рассматривавшихся в ряду смешанных политий.

Описание государственного устройства Крита, Спарты и Карфагена не было для Полибия самоцелью: по его замыслу, оно должно было позволить ему глубже вскрыть механизмы функционирования смешанной конституции и дать ему материал для сравнения с политическим устройством римского государства. Описанию римского государственного устройства посвящена основная часть политического трактата Полибия (VI, 11, 11—18, 8).

Римляне, как считает Полибий, имели три чистые формы власти (*τῶν μὲν δὴ τρία μέρη τὰ κρατοῦντα τῆς πολιτείας* VI, 11, 11).⁴⁰ Все функции были распределены между отдельными властями настолько равномерно, что невозможно, по мнению Полибия, определить, какое именно устройство — монархическое, аристократическое или демократическое — существует в Риме.

Полибий показывает читателю, какие функции принадлежат каждой форме власти: консулы воплощают собой монархический элемент (*τελείως μοναρχικὸν <...> καὶ βασιλικόν*);⁴¹ сенат — аристократический элемент (*ἀριστοκρατικόν*); народ — демократический элемент (*δημοκρατικόν*; VI, 11, 12). Это положение существовало в пору наивысшего расцвета римского государства и сохранилось в небольших изменениями во времена Полибия. Анализ отдельных магистратур Полибий начинает с консулов (VI, 12—14). Консулам, когда они присутствуют в Риме, подчиняется весь народ и все должностные лица, за исключением народных трибунов (*πλὴν τῶν δημάρχων*); они докладывают сенату о всех делах и вводят посольства в сенат, наблюдают за исполнением постановлений (VI, 12, 3), созывают народное собрание, вносят предложения, исполняют постановления, имеют неограниченную власть в военных делах, могут подвергать наказанию любого человека в военном лагере и расходовать по своему усмотрению государственные средства.

Сенат прежде всего распоряжается государственной казной; в его юрисдикции находятся все преступления, совершенные на территории Италии; он ведает отправлением посольства в страны, находящиеся вне Италии; решает вопросы войны и мира, принимает посольства. Полибий подчеркивает, что ни в одном из перечисленных мероприятий народ не принимает никакого участия (VI, 13).

Понимая, что может возникнуть впечатление, что на долю народа не остается ничего существенного, автор спешит предупредить это ложное мнение. Он обращает внимание читателя на то обстоятельство, что народ оказывает очень сильное влияние на жизнь римского государства, поскольку именно в его руках находится право награждать и наказывать.

С точки зрения Полибия этими стимулами определяется вся жизнь людей (VI, 14, 4—5). Прерогативой народа является вынесение смертного приговора и наложение денежных штрафов (VI, 14, 6—7), решение вопросов

⁴⁰ Полибий относит наивысший расцвет римского государства ко времени битвы при Каннах (VI, 11, 1—2). См.: *Aalders G. J. D. Die Theorie...* S. 93; *Eisen K. I. Polybios Interpretationen.* Heidelberg, 1966. S. 80; *Walbank F. W. A historical Comm. on Polybios, Vol. 1. P. 675.*

⁴¹ Cf. Cic. Rep. 11, 56: *uti consules potestatem habent duntaxat annuum, genere ipso ac iure regiam*; Dion. Hal. VI, 65 (*οἱ ὑπάτοι βασιλικὸν ἔχουσι τὸ τῆς ἀρχῆς κράτος, οὐ δημοκρατικόν.* *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd I. Leipzig, 1888. S. 93.*

войны и мира, ратификация заключенных договоров и союзов (VI, 14, 10—12).

Затем Полибий переходит к рассмотрению того, каким образом все три формы государственного устройства сосуществуют в Риме (VI, 15—18). Целью Полибия является показать, что между этими тремя формами существует равновесие, поскольку они, конкурируя между собой, взаимно уравновешивают друг друга.

Анализ смешанной конституции Рима, осуществленный Полибием, поражает своей четкостью и ясностью. Рим в его описании предстает государством с идеальной формой правления.

По мысли Полибия, в основе всякого государства лежат не только законы, но и нравы (VI, 47, 2). Именно поэтому столь большое внимание он уделяет рассмотрению внеконституционных элементов в жизни римского государства. Особенно подробно он останавливается на системе воспитания молодого поколения, системе поощрений и наказаний, на религиозных установлениях и, конечно, на военной системе.

Главная цель римского воспитания, как ее видел Полибий, состояла в развитии гражданской и воинской доблести. Без этого было бы невозможно существование римского полисного ополчения, которому Полибий очень симпатизирует и в котором усматривает преимущества Рима перед Карфагеном и греческими государствами. Система римского воспитания основана на почитании памяти прославленных предков (VI, 53—54). Она находит свое выражение в погребальных церемониях граждан, имеющих заслуги перед государством. Эти церемонии должны возбуждать гражданское рвение не только у потомков данного человека, но и у всех римлян.

Система поощрений и наказаний, существовавшая в Риме, вызывает полное одобрение у Полибия. Полибий — противник всякого уравнительного принципа. Если награды и наказания распределяются неправильно, они теряют свой смысл. Те государства, где эти принципы не соблюдаются, не могут преуспевать. Эта мысль Полибия не является его собственным изобретением. Уже Платон в «Законах» говорит, что «государство, как кажется, если только оно намерено существовать и благоденствовать, обязательно должно правильно распределять почести и наказания» (III, 697 а—в). Полибий с особой силой подчеркивает этот принцип и делает его важной частью своей политической теории. Как политик и военный, Полибий должен был хорошо знать воздействие на поведение людей наград и наказаний.

Большое преимущество римского государства Полибий видит в его религиозных установлениях. Римляне положили в основу государственной жизни страх перед богами (*δεισιδαιμονία*), который подвергается осуждению у других народов (VI, 56, 6). Страх этот, считает Полибий, нужен ради толпы (*τοῦ πλήθους χάριν*; VI, 56, 9). Такие религиозные установления с точки зрения историка являются проявлением рационализма и реализма (*οὐ εἰκῆ καὶ ὡς ἔτυχε*; VI, 56, 12). Народ исполнен легкомыслия, противозаконных стремлений, бессмысленного гнева и насилия. Удержать его от всего этого можно только таинственным страхом и обрядами (*τοῖς ἀθλοῖς φόβοις καὶ τῇ τοιαύτῃ τραυδίᾳ*). Если бы можно было составить государство из одних мудрых мужей, то в подобных средствах не было бы необходимости (VI, 56, 11). Неправильно поступают те люди, которые стремятся изгнать эти представления из государственного устройства, что уже имело место у многих эллинских народов. Римляне, наоборот, бережно сохраняют эти представления, и потому магистраты у них пользуются доверием: ведь страх богов заставляет их соблюдать клятвы (VI, 46, 14—15).

Как профессиональный военный Полибий уделяет большое внимание военному делу в Риме. Описанию устройства римского войска, его вооруже-

нию и построению посвящена значительная часть глав VI книги (19—42, при том, что вся VI книга в ее нынешнем виде составляет 58 глав).

Полибий весьма положительно оценивает римскую военную структуру. Именно благодаря тому, что эта структура была сильной и совершенной, Рим в отличие от Спарты обладал способностью вести успешные завоевательные войны и закреплять свои успехи на завоеванной территории. Способность к экспансии, или «фактор силы», как называл это свойство голландский исследователь Г. Аальдерс, Полибий ценил очень высоко. В этом отличие его теории от теорий его предшественников — Платона и Аристотеля, рассматривавших военные силы только как средство защиты полиса. В военной системе Рима Полибий видит инструмент высшей исторической силы, преобразующей мир и превращающей его в единое целое.

Как мы видим, всем римским установлениям Полибий дает самую высокую оценку. Он всеми силами стремится доказать греческому читателю, что Рим — наилучшее из всех государств и что поэтому римское завоевание — благо. В таком контексте теория смешанного государственного устройства является лишь одним из средств для достижения этой задачи. В связи с самой высокой оценкой смешанной политики в греческой традиции, именно на это средство Полибий возлагал наибольшие надежды.

Мысль о том, что теория смешанного государственного устройства имеет в сочинении Полибия подчиненный характер, подтверждается тем, что сам анализ смешанной политики Рима при всей его кажущейся объективности, не является достаточно полным и глубоким и во многом не соответствует исторической действительности. Коснемся здесь лишь наиболее существенных моментов.

Несмотря на то что Полибий говорит о равных долях власти всех трех компонентов конституции, власть, приписываемая им сенату в первой части изложения, оказывается меньше, чем у народа и консулов. В действительности было иначе: в другом месте (VI, 51, 5) сам Полибий говорит, что к началу II Пунийской войны власть сената в Риме была преобладающей.

Полибий ничего не сообщает о том, как сенат контролируется консулами. Недоумение вызывает и то, что Полибий ставит определение монархического или олигархического характера власти в зависимость от присутствия в Риме глав исполнительной власти.⁴²

Власть консулов над народом, в изображении Полибия, получается не прямой, а опосредованной, поскольку народ вынужден опасаться консулов на том основании, что каждому из граждан приходится участвовать в военных смотрах или походах. Если человек выказывает в Риме неповиновение консулам, то, будучи в войске, он может быть ими за это наказан. Такое положение дел было невозможным, поскольку такие наказания не могли бы осуществляться на основании закона. Кроме того, это нарушало бы тот принцип поощрений и наказаний, который Полибий так ценит в римской конституции.

Полибий ничего не сообщает о контроле над народом на его официальных собраниях. Речь идет лишь об индивидуальной зависимости большей части народа от доброй воли сената и консулов. Наоборот, сенат может быть лишен народным собранием своих полномочий. Таким образом, оказывается, что народ имеет в отношении сената прямые политические права, а сенат может оказывать лишь косвенное политическое и экономическое давление на народ. Полибий сообщает об экономических правах сената в отношении народа, но эти права не являются политическими.

⁴² Fritz K. V. The theory... P. 158, 161—164.

Стремление Полибия объяснить римские государственные установления, исходя из схемы монархии, аристократии и демократии, неминуемо привело его к неправильному толкованию консульских и сенатских полномочий. Непременно желая видеть в консулах монархический элемент, Полибий упустил из виду существенную разницу между сущностью монархической власти и консульскими полномочиями. Власть царя не сводится к его государственным функциям, в то время как власть консулов является производной от их функций.⁴³

Другой существенной ошибкой Полибия было стремление видеть в римском сенате аристократический элемент. Сенат, действительно, являлся органом, с помощью которого аристократия осуществляла свою власть, однако он не был тождествен аристократии уже потому, что он не включал в себя всех взрослых мужчин из аристократических семей. Кроме того, в сенат входило достаточное число плебеев.

Стараясь противопоставить друг другу монархический и аристократический элементы, Полибий оставил без внимания то обстоятельство, что консулы и сенат представляли собой одну большую группу магистратов, и противоречия, возникавшие в разное время между отдельными консулами и сенатом, являлись не выражением конкуренции властей, а стремлением отдельных честолюбивых лидеров занять внеконституционное положение в государстве.

Как мы видим, картина функционирования римской смешанной конституции, изображенная Полибием, полна неточностей и внутренних противоречий. Применение понятия смешанной политики к Риму является лишь средством для прославления римского государства. Он использует его, желая во что бы то ни стало убедить своих читателей в том, что римское завоевание — «подарок судьбы».

Возвращаясь к проблеме противоречивости политической теории Полибия, скажем следующее. Не вызывает сомнения, что с того самого времени, когда Полибий впервые оказался в Риме, у него возникла критическая оценка состояния римского государства. Уже в самом начале своего сочинения он пишет, что ко времени II Пунийской войны Рим и Карфаген находились в высшей точке своего развития и, следовательно, свою эпоху Полибий должен был рассматривать как время упадка (I, 13, 12—13). Достижению Римом мирового господства способствовали войны Рима в Греции, последовавшие за II Пунийской войной (VI, 56, 2; 14). В полной мере, как пишет Полибий, порча нравов дала себя знать после III Македонской войны.⁴⁴ Именно в это время он оказался заложником в Риме. Порча нравов вызвала сильное волнение в общественном мнении Рима, и споры вокруг этого ко времени прибытия Полибия в Рим стали общим местом.⁴⁵ В своей «Истории» Полибий старается абстрагироваться от примет своего времени и изобразить устройство и нравы Рима такими, какими они были в пору его расцвета, отстоящую от Полибия более чем на полстолетия. Осуществить это намерение Полибию в полной мере не удалось. И живая действительность постоянно врывается на страницы его произведения. Поэтому противоречия существуют не между представлениями Полибия об устойчивости смешанной конституции, с одной стороны, и признанием неизбежности ее упадка — с другой, а между теоретическим убеждением в том, что смешанное государственное устройство — это наилучшее средство поддержания поли-

⁴³ Fritz K. V. The theory... P. 192—193.

⁴⁴ Ср.: Brink C. O., Walbank F. W. The construction of the sixth book of Polybius // Classical Quarterly. 1954. Vol. 48. P. 106; Трухина Н. Н. Политика и политики «Золотого века» римской республики (II в. до н. э.). М., 1986. С. 7—11.

⁴⁵ Pöschl V. Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero. Berlin, 1930. S. 64—65.

тической стабильности, и фактическим признанием того, что римское государство, являющееся, по мнению Полибия, смешанной политией, стоит на грани кризиса.

Ни в VI книге, ни за ее пределами нет ничего, что могло бы помочь раскрыть представления Полибия как о механизме образования смешанной политики, так и о механизме ее упадка, если не считать, как уже было сказано выше, того, что и в Риме, и в Карфагене Полибий усматривает опасность усиления демократического элемента, которое приводит к нарушению внутреннего баланса. Если бы Полибий углубил свой анализ, то он должен бы был решить для себя вопрос о том, почему же смешанная конституция, главное достоинство которой, по его мнению, — способность сохранять в государстве стабильность, не в состоянии предотвратить сползание государства в сторону демократического элемента, и почему преобладание именно демократического элемента является роковым. Такой углубленный анализ увел бы Полибия слишком далеко по пути теоретизирования. К тому же он всем этим мог поставить под сомнение всю его схему. Политическое чутье подсказывало Полибию, что упадок и гибель Рима — неизбежны. Стремясь найти объяснение этому предчувствию, Полибий, возможно, незаметно для себя оказался под влиянием собственной теории простых форм и перенес действие «биологического закона» на функционирование смешанного государственного устройства.

При редактировании текста перевода мы опирались на следующие издания: *Polybius. Historiae* / Ed. Th. Büttner-Wobst. Vol. 1—5. Lipsiae, 1882—1904; *Polybius. The Histories* / With an English translation by W. R. Paton. Vol. 1—6. London, 1979, а также *Polybii Historiarum reliquiae* / Ed. A. F. Didot. Parisiis, 1880.

Рассматривая перевод Ф. Г. Мищенко как литературный труд, имеющий совершенно самостоятельное значение, мы старались ограничиться по возможности минимальными и самыми необходимыми исправлениями. Это касается прежде всего устаревшей орфографии и собственных имен, географических названий, изменений перевода тех мест, где у Полибия употреблена частица *ἄν* с конъюнктивом и оптативом, а также тех мест, где в прежнем издании перевода по вине типографов был искажен смысл текста.

Нами также внесён ряд уточнений в комментарии, составленные Ф. Г. Мищенко. Более обширное привлечение новейшего комментария Уолбенка повлекло бы за собой значительную переработку труда Ф. Г. Мищенко, что не входило в нашу задачу.

ВАСИЛИЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ВАСИЛЬЕВСКОМУ

АВТОР И ПЕРЕВОДЧИК

ФЕДЕРАТИВНАЯ ЭЛЛАДА И ПОЛИБИЙ

Одни и те же факты могут вести к многообразным заключениям у различных писателей и в разные времена. История навсегда останется неисчерпанной, и сколько бы мы ни читали об эллинах и римлянах, как бы глубоко, по нашему мнению, ни изучены были собственные их повествования о них самих, мы всегда найдем, чему поучиться, в этих самых источниках.

Finlay, Greece under the Romans.

I

Умонастроение Полибия

Читатели Фукидида хорошо знают, что уже в V в. до Р. X. удовлетворительное разрешение междуэллинских распрей и недоразумений затруднялось внутренними раздорами политического и еще более экономического характера в отдельных городских общинах; рабством ничуть не обеспечивалось социальное и экономическое довольство массы свободного населения граждан. Скорее наоборот: равное право всякого жить за счет дарового труда делало обездоленных граждан тем чувствительнее к фактическому неравенству в пользовании житейскими благами, в ряду коих постоянное деятельное участие в политических судьбах страны занимало едва ли не первое место. В Аристофановой комедии «Богатство» (стихи 513—518) одно из действующих лиц настаивает на необходимости равного распределения богатств между всеми гражданами. На вопрос собеседника, Бедности, кто в таком случае будет исполнять различные работы, вызываемые повседневными потребностями гражданина, Хремил отвечает, что все это будут исполнять тогда слуги. Подобный ответ дает Праксагора Блефиру в другой комедии того же автора, «Женщины в народном собрании» (ст. 651), относительно землевладения. Но и Праксагора, и Хремил забывали, что существовавшее в их время рабство не устранило, однако, неравенства граждан, на которое они жалуются. Уже и в V в. не редки бывали случаи, что или богатое меньшинство, или мало обеспеченная масса граждан искали союза и поддержки в чужих, враждебных государствах и готовы были жертвовать независимостью родины, лишь бы удержать за собою руководящее положение или

смирить и уничтожить домашнего противника. Уже и в то время не было недостатка в усилиях теоретиков помочь нараставшему злу, но их фантастические планы оставались без влияния на практические отношения: олигархи продолжали ненавидеть народ и измышляли насильственные меры к подчинению его или укрощению, а народное большинство поджидало удобного случая, чтобы путем переворота рассчитаться с врагами и хоть на короткое время водворить равенство земельных участков и свободу от долгов. По свидетельству Фукидида, внешние войны обостряли борьбу партий, ожесточали борющихся и умножали междоусобицы.¹

Тогдашний историк, принадлежа по происхождению и личным связям к известной общественной группе, участвуя непосредственно в политических событиях своего времени, оказывался бессильным, при всем желании быть правдивым и беспристрастным, отрешиться вполне от некоторых предубеждений или предрасположений в оценке наблюдаемых явлений. Вдохновляемый любовью к родине, он стремился в правдивом изложении исторических событий преподать современникам и потомству уроки политической мудрости; но на Фукидиде читатель имеет полную возможность наблюдать, как трудно было историку, при всем даровании его и правдивости, сохранить необходимое спокойствие духа и беспристрастие если не в фактическом изображении событий, то в суждениях о них и в общих выводах. Этим последним недостает, однако, последовательности и единообразия, потому что и сам автор, высказывающий их, не имел в своем распоряжении определенной политической программы и не располагал цельною системою воззрений на условия мирного преуспевающего общежития.

Положение Полибия как историка ввиду совершавшихся тогда событий было еще труднее, и в его воззрениях и симпатиях, как мы постараемся показать впоследствии, недостаток единства изобличается с большею еще ясностью, чем у Фукидида; поэтому напрасно было бы силиться предлагаемые им уроки и обобщения свести к какому-либо одному началу личной морали или политики. С другой стороны, сочинение Полибия содержит в себе еще большее число и еще более поучительных примеров разногласия или даже противоречия между сообщаемыми автором фактами и выводами из них, чем это наблюдается у Фукидида, а равно и между суждениями об одних и тех же предметах. Разноречивая оценка македонян, и в частности Филиппа V, ожесточение против этолян, неумеренные часто похвалы римлянам свидетельствуют о трудности для автора разобраться в событиях своего времени, уловить руководящую нить в различных порядках явлений. Вот главным образом почему мы решили в виде предисловий предпослать цельной биографии и общей характеристике историка два очерка: во-первых, о состоянии Эллады в последнее время ее политической независимости и об отношении к нему нашего автора; во-вторых, о степени зависимости римского историка Ливия от Полибия в изображении одних и тех же событий. Тогдашним положением Эллады сразу выяснятся основные отличительные черты нашего историка, а из сравнения его с Ливием читатель вернее оценит его особенности и достоинства.

В высокой степени знаменательно, что историк, кровный эллин по происхождению, языку и образованию, боровшийся и претерпевший за независимость родины, ставит себе задачею написать такую историю своего времени и ближайшего предшествующего, в которой решительно преобладающая речь отводится варварскому Риму. Он восхищен зрелищем победоносного вторжения римлян в судьбы остального известного тогда мира и покорением ими последнего. «Где найти человека», восклицает историк, «столь

¹ Фукид. III 82.

легкомысленного или нерадивого, который не пожелал бы уразуметь, каким образом и при каких общественных учреждениях почти весь известный мир подпал единой власти римлян в течение неполных пятидесяти трех лет? Никогда раньше не было ничего подобного».¹ Как бы во избежание малейших недоразумений историк несколько раз повторяет в тех же самых или в несколько измененных выражениях, что таков именно главный предмет всего его повествования, чудо его времени.² С нашей точки зрения, всеобщая, или всемирная, история Полибия, как называет сам автор свое сочинение (*καθολικὴ καὶ κοινὴ ἱστορία*)³, скорее всего может быть названа историей могущества Рима от начала второй пунической войны до покорения Эллады: что и было замечено еще византийцем Свидую.⁴ Автор сознается, что пишет не для эллинов только, но и для римлян, посвящает особую книгу, шестую, описанию государственных учреждений Рима в уверенности, что оно «принесет большую пользу любознательным государственным людям в деле усовершенствования и устройства государств».⁵ Приковывающие к себе внимание историка пятьдесят три года начинаются временем так называемой союзнической войны Филиппа и ахейян против этолян, войны между Антиохом Великим и Птолемеем Филопатором за Койлесирию на востоке и Ганнибаловой войны между римлянами и карфагенянами на западе (220—216 до Р. Х.); годы эти наполняют собою сто сороковую олимпиаду. Каждое из поименованных событий имеет еще, по словам историка, свое особое, независимое начало, но с третьего года той же олимпиады (217 г.) интересы римлян, карфагенян, эллинов и македонян сплетаются в единое целое и ведут к одному концу — утверждению мирового владычества римлян. «С этого времени Филипп и руководящие власти эллинов (*οἱ τῶν Ἑλλήνων προεστώτες ἄρχοντες*), начинали ли они войну друг с другом, или заключали мир, не только сообразовались с отношениями в Элладе, но с той поры все они обращали взоры к италийским соглядатаям. Вскоре подобное же положение дел наступило для жителей островов и Азии. Так, народы, недовольные Филиппом, или другие, сорвавшиеся с Атталом, не обращались более ни к Антиоху, ни к Птолемею, ни на юг, ни на восток, но взирали на запад, причем одни отправляли посольства к карфагенянам, другие к римлянам».⁶ Конечным моментом пятидесятирехлетнего периода Полибий считает битву при Пидне (168 г. до Р. Х.), кончившуюся решительною победою Павла Эмилия над Персеем и упразднением независимости Македонии: с этого времени Риму принадлежало неоспоримое господство над миром.⁷ Автор не знает другого равного периода времени, который вмещал бы в себе столько важных событий.⁸ «Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени», замечает он в другом месте, «состоят в следующем: почти все события мира судьба насильственно направила в одну сторону и подчинила их одной цели».⁹ Насильственное объединение мира

¹ τίς γὰρ οὕτως ὑπάρχει φαῖλος ἢ ράδιμος ἀνθρώπων, ὃς οὐκ ἂν βούλοιο γνῶναι πῶς καὶ τίνι γένει πολιτείας ἐκρατηθῆντα σχεδὸν ἅπαντα τὰ κατὰ τὴν οἰκουμένην ἐν οὐχ ὀλοῖς πενήτην καὶ τριαίν ἔτεσιν ὑπὸ μίαν ἀρχὴν ἔλεσε τὴν Ῥωμαίων; ὁ πρότερον οὐχ εὐπίσκειται γεγονός Ι 1 5.

² πῶς γὰρ ἐνδέχεται... τίνι τρόπῳ καὶ τίνι γένει πολιτείας τὸ παραδοξότατον καθ' ἡμᾶς ἔργον ἢ τύχη συνετέλεσεν, τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ πάντα τὰ γνωρίζομενα μέρη τῆς οἰκουμένης ὑπὸ μίαν ἀρχὴν καὶ δυναστείαν ἀγαγεῖν, ὃ πρότερον οὐχ εὐρίσκειται γεγονός VIII 4 3-4. Ср. III 1 1. XXXIX 19 Hultsch.

³ VIII 4 11. Ср. τῶν καθόλου πραγμάτων σύνταξις I 4 2. II 37 4. III 32. IV 28 4. V 31 7. 33 1.

⁴ Suidas под сл. Πολύβιος' οὕτως ἔγραφε τὴν μακρὰν ἱστορίαν Ῥωμαϊκὴν ἐν βιβλίῳ μ'. Ср. Chr. Lucas, *über Polybios' Darstellung des Aetolischen Bundes*. Königsberg, 1827, стр. 9. F. A. Brandstätter, *die Geschichte des Aetolischen Landes, Volkes und Bundes*. Berl. 1844, стр. 223.

⁵ III 118 12. XXXII 8 8. Ср. VI 57

⁶ V 105 5-7. Ср. I 3. II 71. IV 2 9-10. 28. V 31.

⁷ IV 4 2-3.

⁸ III 1 10.

⁹ I 4 1.

под властью чужеземца представляется автору «прекраснейшим и вместе благотворнейшим деянием судьбы».¹ Согласно основному, многократно выраженному взгляду автора на задачу истории, делится и весь труд Полибия. Главную часть его, 28 книг (III—XXX), наполняют события пятидесяти трех лет от начала союзнической войны до сражения при Пидне (220—168 г. до Р. Х.) Две первые книги посвящены подготовке (*προπαρασκευή*) читателя к собственному повествованию и содержат в себе более или менее обстоятельное описание первой пунической войны, возмущения ливийских наемников против Карфагена, подвигов карфагенян с Гамилькаром и Гасдрубалом во главе в Иберии, первое появление римлян на Балканском полуострове в Иллирии, войны римлян с галлами в Италии и так называемую Клеоменову войну (264—221 г. до Р. Х.²). Здесь, кроме Клеоменовой войны, рассказаны с большими подробностями первая пуническая война, переход римлян в Иллирию и так называемая ливийская война.³ Напротив, события в Азии и Египте, подвиги любимца автора Гамилькара и преемника его Гасдрубала, борьба карфагенян с иберами, — все это, хотя и не менее важное во вступлении ко всеобщей истории, излагается весьма кратко. Заключительную часть Полибиевой истории составляют десять последних книг (XXXI—XL), по мнению автора наиболее полезных для любознательного читателя. В них историк старался доказать, что римский народ умел не только покорять другие народы, но и управлять ими, что мировое владычество его было не делом случая, но верно рассчитанного плана, всей системы политических учреждений и мудро заготовленных средств. Здесь речь идет о состоянии народов под властью римлян, о смутах, следовавших в покоренных странах за битвою при Пидне: в Ливии, Иберии, Азии и Элладе; повествование заканчивается разрушением Карфагена и Коринфа в 146 г. до Р. Х.⁴ В собственной истории автор примыкает к запискам (*ὑπομνήματα*) Арата, а во введении — к истории Тимея.⁵

Полибий жил 82 года, приблизительно между 210 и 128 гг. до нашей эры; большую и главнейшую часть истории написал после 146 г., т. е. после подчинения Эллады римлянам.⁶ Ко второму веку до нашей эры должно было сильно измениться умонастроение эллинов сравнительно со временем не только Перикла или Фукидида, но даже Демосфена и Аристотеля, чтобы честный, благожелательный, даровитый эллинский историк, каковым бесспорно был Полибий, второй Фукидид, как он называется у Диона Хрисостома,⁷ видел славу своего времени в покорении всего мира римлянами, чтобы он, не переставая сочувствовать эллинам и признавать превосходство их, над всеми прочими народами,⁸ взял на себя задачу доказать право римлян

¹ τὸ κάλλιστον ἅμα καὶ ἀφελμιώτατον ἐπιτήδευμα τῆς τύχης I 4 4. Ср. XXXIX 19 7.

² I 4—5. 13 1—5.

³ I 16—62. 65—88. II 2—12.

⁴ III 1—5. I 3 10.

⁵ I 3 2. 5 1. IV 2 1. XXXIX 19 5.

⁶ Биографический очерк и общую характеристику Полибия мы дадим впоследствии. Теперь заметим, что в новой литературе по вопросу о времени написания и издания его истории существует разногласие: Швейгтейзер, Лукас, неизвестный автор статьи в *Quarterly Review* (1879 г.) отделяют по времени составления две первые книги от остальных и считают их написанными до 146 г.; Ницш, Брандштетер, Маркгаузер, Ларош, Гилль и др. приурочивают составление всей истории ко времени после этого года.

⁷ *Orat.* XVIII, p. 256 С.

⁸ πλείστον διαφέρουσαν Ἑλληνες τῶν ἄλλων ἀνθρώπων V 90 г. Посетив Александрию в царствование Птолемея Еввергета Фискапа, Полибий нашел тамошнее население смешанным из туземцев, наемников и александрийцев. Преимущество этих последних перед наемниками состояло, по его словам, в том, что они происходили от эллинов и сохранили основные эллинские черты. XXXIV 14. Варварами называет римлян акарнан Ликиск. IX 38 5. Ср. Liv. XXXI 29.

на мировое господство, чтобы он открыто гордился и восторгался составлением истории, изображающей роковой исход борьбы между Элладой и Римом, как неизбежное последствие ошибок эллинов, и только их ошибок. «Если в прежнее время», говорит Полибий, «эллины не раз подвергались жестоким испытаниям, угрожавшим самому существованию их, вследствие ли раздоров между собою, или вероломства самодержцев, то теперь виною несчастья были безрассудство вождей их и их собственная глупость».¹ Тогдашнее состояние Эллады представляется автору настолько печальным и безнадежным, что быстрое завоевание ее римлянами он считает благом для эллинов.² Историк уверен, что его настроение разделяется каждым здравомыслящим человеком, и потому он не боится, что труд его может остаться незаконченным: наверное, найдутся многие, восхищенные прелестью предмета, которые охотно доведут начатое дело до конца.³ «Неужели кто-либо», восклицает он, «может быть увлечен другим зрелищем или другими предметами знания настолько, чтобы из-за них пренебречь предлагаемыми здесь сведениями?»⁴ Между тем все изложение Полибия должно показать с ясностью, что не избегать, а, напротив, искать следует владычества римлян, что владычество их достойное похвалы, а не осуждения.⁵ В войну Персея с Римом сочувствие эллинов к царю македонян прорвалось наружу как пламя, говорит историк, что, конечно, свидетельствовало о желании эллинов освободиться от римских порядков. Однако Полибий, умалчивая об этих последних, объясняет освободительное движение эллинов только присущею человеку склонностью сочувствовать слабейшему.⁶ Труд свой историк заканчивает выражением довольства существующим и благорасположения к римлянам, а равно мольбою к богам о том, чтобы до конца дней положение его оставалось неизменным.⁷ Отсюда понятно, почему автор останавливается в недоумении перед последнею попыткою македонян (149—146 г. до Р. Х.) свергнуть с себя римское иго. «С избытком облагодетельствованные Римом», македоняне могли соединиться около лже-Филиппа, фракийца Андриска, против римлян только в силу божеского попущения: разгневанные боги желали покарать македонян.⁸ Он не наговорится о добродетелях П. Сципиона Эмилиана и в подробном рассказе как бы желает подольше насладиться воспоминаниями о первом знакомстве со знаменитым римлянином, воином и государственным мужем без страха и упрека по изображению Полибия.⁹ Если ко всему этому добавить, что во многих случаях историк обнаруживает явную снисходительность к римлянам даже в оценке поведения их относительно эллинов, что он воздает похвалы великодушию римлян и состраданию их к несчастным как раз в то время, когда говорит о предательском образе действий Калликрата в Риме и о готовности римлян

¹ XXXIX 9 9. Ср. XXXVIII 5 5—6.

² XXXIX 5 8—9. 12.

³ III 5 8.

⁴ *τίς πάλιν οὕτως ἐκπαθῆς πρὸς τι τῶν ἄλλων θεαμάτων ἢ μαθημάτων, ὅς προυργαίτερον ἂν τι ποιήσαιτο τῆσδε τῆς ἐμπειρίας;* I I 6.

⁵ III 4 7—8.

⁶ XXVII 9.

⁷ *ταῦτα μὲν οὖν ἡμεῖς καταπράξαντες... χάριν ἀξίαν τῆς πρὸς Ῥωμαίους εὐνοίας διὸ καὶ πᾶσι τοῖς θεοῖς εὐχὰς ποιοῦμεθα τὸ λοιπὸν μέρος τῆς ζωῆς ἐν τούτοις καὶ ἐπὶ τούτων διαμεῖναι* XXXIX 19 1—2.

⁸ *Μακεδόνες μὲν γὰρ ὑπὸ Ῥωμαίων πολλῶν καὶ μεγάλων ἐτετεύχισαν φιλανθρωπιῶν... ἐξ ἧν τίς οὖν ἂν ἐπαλορήσειεν ἐπὶ τῷ συμβάντι; τὴν γὰρ αἰτίαν εὐρεῖν τούτων δυοσχέρες διότιερ ἂν τις ἐπὶ τῶν τοιούτων διαθέσεων δαίμονοβλάβειαν εἴπτει τὸ γεγονός καὶ μῆτιν ἐκ θεῶν ἄλασι Μακεδόσιν ἀπατήσθαι* XXXVII 9 13. 15—16.

⁹ XXXII 9—11. 15.

воспользоваться его наветами,¹ то понятным становится смущение некоторых новых историков Эллады и критиков Полибия. Правда, одни из них, как Моммзен, например, идут даже дальше нашего автора в осуждении эллинов того времени и жалеют о том, что колебания и нерешительность в римской политике дали им несколько лишних лет политической независимости; зато другие встают на защиту эллинов против собственного их историка и укоряют его в пристрастии к победителям, в несправедливости к некоторой по крайней мере части эллинов.

II

Политическая раздробленность Эллады и иноземные влияния

Внешнее политическое положение Эллады во времена Полибия было совсем не то, какое занимала она до обращения Македонии в могущественную державу и до образования нескольких сильных государств на развалинах обширной монархии Александра Великого. На место одного исконного врага эллинов, великого царя мидян, появились в течение одного столетия с небольшим в близком соседстве с Элладою чуждые ей государства, из которых Македония, Сирия, Египет превосходили ее в военном отношении. Там же, на востоке, возникли туземные царства: Пергам, Парфия, Каппадокия, Понт, Вифиния. На западе образовалось грозное римское государство, со второй половины III в. до Р. X. деятельно вмешивающееся в дела македонско-эллинического мира.

Цари Македонии, эллины по происхождению,² господствовавшие над народом, смешанным из собственных македонян, иллириан, фракийцев и иных варваров, не принесли с собою эллинам ни мира внутри, ни безопасности извне; преемники Александра оказались даже бессильными оградить Элладу от вторжения варварских народов с севера: достаточно вспомнить опустошительный набег кельтов на Македонию и Элладу в 280—278 гг. до Р. X. Собственная Эллада обратилась в арену борьбы сначала между преемниками Александра, так называемыми диадохами, потом между владыками новообразовавшихся царств. Цари Македонии взирали на нее только как на источник военных средств и желали иметь в ней покорную союзницу в достижении целей, не имевших ничего общего с ее собственным благополучием. От херонейской битвы (338 г. до Р. X.) и до сражения при Пидне (168 г. до Р. X.) македонские владыки стремились подчинить Элладу своим властолюбивым планам, не останавливаясь для этого ни перед какими средствами: обманом, насильственной переменю государственных учреждений в отдельных республиках, содержанием в них гарнизонов, водворением тиранов, опустошением территории, истреблением жителей или переселением их в далекие страны. После победы при Кранноне (август 322 г. до Р. X.) в так называемую ламийскую войну наместник Македонии Антипатр упразднил демократическое правление в Афинах, отняв право гражданства у всех граждан, которые имели состояние меньше 2000 драхм; все бесправные граждане числом около 12 000 осуждены были в ссылку частью во Фракию, частью на иллирийский или италийский берег, частью в Ливию; Мунихий занят македонским гарнизоном; афиняне обязаны возместить все

¹ Ῥωμαῖοι ὄντες ἀνδρῶπι καὶ ψυχῇ χρίμενοι λαμπρῶ καὶ προαίρεσει καλῇ, πάντας μὲν ελεῶσι τοὺς ἑλταικότας καὶ πᾶσι πειρῶνται χαρίζεσθαι τοῖς καταφεύγουσιν ὡς αὐτοὺς XXIV 12 11.

² Герод. VIII 137.

военные издержки; афинские колонисты выселены с острова Самоса; антимакедонские ораторы должны были быть выданы Антипатру. Такою же беспощадностью и насилием сопровождалось дальнейшее шествие Антипатра по Пелопоннесу от одного конца до другого: в большинстве городов он устанавливал олигархию, изгонял, ссылал или умерщвлял строптивых и подозрительных, наконец направился через Коринфский залив в Этолию, намереваясь не только покорить этолян, единственных эллинов, оставшихся еще свободными, но и выселить всех их в отдаленные части монархии Александра. Лишь вести из Азии остановили исполнение замыслов Антипатра.¹ Ламийская война положила конец на многие годы самостоятельному, достойному существованию Эллады.

Со смертью Антипатра поднимается ожесточенная распря между претендентами на наследие Александра, причем различные части Эллады переходят из рук в руки от одного честолюбца к другому. Антипатр завещал власть Полисперхонту и обязал его защищать интересы царствующей династии. Но против него образуется коалиция из Кассандра, сына Антипатра, и двух полководцев Александра: Антигона в Азии и Птолемея в Египте (318—317 г. до Р. Х.). С целью ослабить Кассандра, успевшего занять гарнизоном Мунихий, впоследствии и Пирей, представитель македонской династии возвестил свободу эллинов при условии строгого нейтралитета, удаление македонских гарнизонов из эллинских городов, ниспровержение олигархий, установленных Антипатром, и возвращение изгнанников. Все эти меры не могли не вызывать повсеместного брожения, а потому Полисперхонт решил наводнить своими войсками эллинские города. Неприятельские армии оспаривали одна у другой обладание Афинами, а тем временем в самом городе происходила расправа со сторонниками македонян, жертвою которой пал и Фокион. Однако не прошло и трех месяцев, как Афины, преобразованные в олигархию, очутились во власти Кассандра, поставившего в Мунихии свой гарнизон и облекшего властью тирана друга погибшего Фокиона, Деметрия Фалерского. По изгнании Писистратидов в 510 г. до Р. Х. теперь впервые восстановлена была в Афинах единоличная тирания (307 г. до Р. Х.). Судьба Афин навела ужас на многие города Пелопоннеса, которые не замедлили покинуть Полисперхонта и примкнули к Кассандру.² Из Пелопоннеса Кассандр прошел победоносно через всю Элладу в Македонию и утвердился на престоле Александра (314 г. до Р. Х.). Не раз еще ходили войска его по Элладе от края до края, пока наконец он не заключил союза с Птолемеем, Селевком и Лисимахом против Антигона Одноглазого, фактически обладавшего чуть не всей Азией. Каждый из противников старался привлечь Элладу на свою сторону, и вот сначала Антигон объявил, что все эллины должны быть свободны, получить обратно свои учреждения, должны быть избавлены от гарнизонов или военной оккупации; потом то же самое сделал Птолемей, хотя ни тот, ни другой и не помышляли о выполнении обещания.

Дальнейшая борьба между союзниками и Антигоном происходила на эллинской территории и кончилась в 311 г. до Р. Х. договором, в силу которого Македония оставалась за Кассандром до совершеннолетия сына Александра от Роксаны, также Александра, Фракия предоставлена Лисимаху, Египет Птолемеему, Азия Антигону; эллинские города объявлены свободными. Но Антигон не выводил своих войск из Эллады, и война возгорелась снова между

¹ Plut. *Phoc.* 27—29. Diod. Sic. XVIII 18. 55—56. 68—69.

² В это время впервые жители Спарты оградили город своей стеной и окопами. Впоследствии тиран Набис только усилил укрепления. Diod. Sic. XVIII 75. Pausan. VII 8 3. Liv. XXXIII 38.

прежними противниками, причем в качестве то союзника, то врага Кассандра выступает снова Полисперхонт, продолжавший занимать некоторые города Пелопоннеса. Утвердившийся в Македонии Кассандр простер свое господство на Акарнанию и значительную часть Эпира. Тем временем Птолемей египетский вторгся в Элладу с юга и занял сильными гарнизонами Сикион и Коринф; понятно, что провозглашение им свободы эллинов не производило никакого действия на эллинские города. С гораздо большим успехом такое же провозглашение сделано было в следующем году (307 г. до Р. Х.) Деметрием Полиоркетом, сыном Антигона, подкреплявшим свои обещания изгнанием гарнизонов Кассандра из Пирея, Мунихия и Мегар; десять лет управлявший Афинами Деметрий Фалерский бежал в Египет. Восхищенные афиняне изыскивали всевозможные способы выражения покорности и признательности освободителю: Антигон и Деметрий объявлены были всенародно богами и спасителями. Однако все ясно сознавали, что дарованная свобода может быть во всякое время по воле сильнейшего из полководцев отнята и заменена тиранией. В 306 г. Антигон и Деметрий провозгласили себя царями, примеру их последовали Птолемей в Египте, Селевк в Вавилонии, Месопотамии и Сирии и Лисимах во Фракии. Но делом власти и царского звания Александра не кончились войны между его преемниками, не была еще сломлена и сила Кассандра. В 303 г. афиняне взывали о помощи к отсутствующему Деметрию Полиоркету против Кассандра, угрожавшего блокадою их городу. Деметрий прошел победоносно Пелопоннес, Эвбею, Беотию, Аттику и преследовал противника до Фермопил. Большая часть Эллады занята была его гарнизонами или низведена на положение покоренных земель: когда в 301 г. он двинулся в Фессалию против Кассандра, в его армии на 56 000 человек числилось 25 000 союзных эллинов. На собрании эллинов в Коринфе он, подобно Александру и отцу его Филиппу, провозглашен был гегемоном или вождем всех эллинов. Необыкновенные успехи Антигона и Деметрия побудили Кассандра, Лисимаха, Селевка и Птолемея заключить против него союз. С целью ослабить коалицию Деметрий примирился с Кассандром, и, согласно состоявшемуся между ними договору, эллинские города как азиатские, так и европейские, опять объявлены автономными и свободными от гарнизонов; на самом деле последовавшее в 300 г. до Р. Х. поражение Антигона и Деметрия в битве при Ипсе во Фригии против союзных войск Селевка, Лисимаха и Птолемея повело за собою переход большей части Эллады в зависимость от Кассандра, и в Афинах водворилась тирания Лахареса, но не надолго: гарнизоны Кассандра сменились вскоре гарнизонами Деметрия Полиоркета. Этот последний со смертью Кассандра (298 г. до Р. Х.) утвердился на македонском престоле, доверив управление Элладой сыну своему Антигону Гонате, родоначальнику македонских царей. Ряд антигонидов, начавшийся Антигоном (277 г. до Р. Х.), закончился Персеем, после битвы при Пидне (168 г. до Р. Х.), взятым римлянами в плен и кончившим дни в Италии. По отношению к эллинам Антигон настойчиво продолжал систему предшественников: он ревниво следил за тем, чтобы эллинские города не соединялись в союзы, в большинстве из них посадил тиранов из туземцев, в других сохранил гарнизоны.¹ Дальнейшие перипетии македонской гегемонии над Элладой тесно связаны с судьбою двух эллинских федераций, ахейской и этолийской, а пока мы считаем нужным остановиться на вопросе о значении македонских завоеваний для эллинов.

¹ «Одни из них (ахейские города) заняты были гарнизонами Деметрия и Кассандра, а впоследствии и Антигона Гоната, другие подпали под власть тиранов; как кажется, большинство властителей посажены были эллинам Антигоном». Полиб. II 41 10. Ср. IX 28.

Как видит читатель, военное усиление Македонии и вторжение ее в эллинский мир не принесли с собою, да и не могли принести ничего положительного, созидającego. Деятельность македонских царей и вождей в Элладе была разрушительная; они насильственно обращали творческие силы нации на достижение своих завоевательных целей, истощали население собственной Эллады контрибуциями и вербовкою воинов, пытались вводить выгодные для них изменения в политический строй городов, взамен старого не давая прочной целесообразной системы центрального управления, которая по крайней мере обеспечивала бы мир в междуэллинических отношениях и мирное существование внутри республик.

Какова бы ни была степень родства между эллинами и македонянами, во всяком случае македонская нация с царями своими во главе, не исключая Филиппа и Александра, представляла собою в IV в. до Р. Х. и позже этнографический и политический тип, низший сравнительно с более развитыми частями собственных эллинов. Бесспорно, македоняне, особенно цари и двор их, старательно усваивали себе лоск эллинской образованности, нравы, язык их, некоторые учреждения; бесспорно, они создали сильную военную организацию, способную противостоять раздробленным силам эллинов и смешанным, ослабленным деспотизмом армиям персидских царей; но по своим привычкам, стремлениям и задачам, по способности к деятельной гражданской и умственной жизни македоняне никогда не поднимались на уровень просвещеннейших республик Эллады. Вот почему даже во время Полибия, когда сближение македонян с эллинами сделало большие успехи, эллины не переставали сознавать национальную отдельность от македонян. Если в словах Демосфена, что Филипп не был ни эллином, ни даже родственником с эллинами, что он принадлежал к тем варварам, которые не могут быть и добрыми рабами,¹ если в этих словах и было патриотическое преувеличение, если, с другой стороны, эллины по сравнению с македонянами не были полубогами среди зверей, как выражался Александр Македонский,² то и в свидетельствах благосклонного к македонянам Полибия и Плутарха мы находим ясные указания на то, что в сознании эллина III—II в. до Р. Х. не исчезало сомнение в варварстве македонян, столь красноречиво выразившееся еще в рассказе Геродота.³

Историк наш превозносит великодушие Филиппа, отца Александра, говорит сочувственно о заслугах его перед Элладю и укоряет Демосфена в близорукости и узком афинском патриотизме за его противодействие Филиппу и македонянам.⁴ Устами акарнана Ликиска и римлянина Тита Квинкция Фламинина он называет Македонию оградю Эллады от северных варваров: галатов, фракийцев и иных.⁵ Он хвалит храбрость и выносливость македонян в военных трудах и лишениях.⁶ Мало того: в речах упомянутого уже Ликиска и еще более этолийца Агелая решительно проводится та мысль, что эллинам для самозащиты и спасения необходимо слиться с македонянами воедино под власть македонских царей,⁷ т. е. высказывается то же

¹ *Philipp.* III 32. *Olynth.* III 16. 24. *De fals. legat.* 305. 308.

² *Plut. Alexand.* 51

³ VIII 137—139. V 22. Cp. Kuhn, *über die Entstehung der Städte der Alten. Komenverfassung und Synoikismos.* Leipz. 1878, стр. 301 сл.

⁴ XVII 14. 11. Cp. V 10

⁵ *τίνος καὶ πηλίκης δεῖ τιμῆς ἀξιοῦσθαι Μακεδόνας, οἱ τὸν πλείω τοῦ βίου χρόνον οὐ παύονται διαγωνιζόμενοι πρὸς τοὺς βαρβάρους ὑπὲρ τῆς τῶν Ἑλλήνων ἀσφαλείας; οὐ γὰρ αἰεὶ ποτ' ἂν ἐν μεγάλοις ἦν κινδύνους τὰ κατὰ τοὺς Ἕλληνας, εἰ μὴ Μακεδόνας εἶχομεν πρόφραγμα καὶ τὰς τῶν παρὰ τοῦτοις βασιλείων φιλοτιμίας* IV 35 2—3. XVIII 37 9.

⁶ V 2. III 6. IV 8.

⁷ IX 37. V 103—105. Cp. Brandstätter, *o. c.* стр. 253. 395. 401 сл.

самое, что столетием раньше внушал Филиппу Исократ.¹ И тем не менее нигде у Полибия мы не находим ничего похожего на представление о национальном единстве эллинов с македонянами, объединявшем, например, в одну нацию афинян и спартанцев, ахейян и этолян при всем различии их учреждений и привычек. И Ликиск, и Агелай различают эллинов как единое целое от македонян; сам автор не раз дает понять, что цари Македонии с их самовластием за пределами своей страны, не способны были выполнить роль вождей свободных эллинов. Фессалийцы, говорит историк, были свободны только по имени, на деле они приравнены были к македонянам и вынуждены исполнять все приказания царских чиновников; в такое же положение стремился поставить ахейян любимец Филиппа Апелла. По поводу истории Апеллы и Леонтия Полибий ни одним словом не обмолвился в том смысле, будто царь македонян не сочувствовал планам своего приближенного; только он действовал осторожнее и рассудительнее.² Самовластие Филиппа в обращении с ахейскими союзниками историк изображает самыми мрачными красками.³ До какой степени и поколение эллинов, ближайшее к Полибию, было не расположено допускать главенство македонян, видно из рассказанной им же истории обращения Арата к македонскому царю Антигону Досону за помощью против Клеомена. Желая во что бы то ни стало снять с Арата обвинение в измене делу эллинов, историк, однако, нигде не указывает на то, что стратег ахейян обращался к своим, к эллинам, как представляются македоняне Дройзену.⁴ Напротив, мимоходом он замечает, что эллины терпели от Антигона, главы военного союза, всевозможные обиды.⁵ Действительно, мы знаем из Плутарха, что по прибытии в союзный Аргос Антигон велел вновь поставить низверженные статуи аргосских тиранов и низвергнуть изображения освободителей Акрокоринфа: тираны всегда были пособниками Македонии.⁶ Плутарх приписывает «гибель Эллады» тому обстоятельству, что Арат предпочел союз с Антигоном миру с Клеоменом; допустить македонян к занятию Акрокоринфа значило, по представлению эллинов того времени, заполнить Пелопоннес варварскими гарнизонами македонян (*τὴν Πελοπόννησον ἐκβαρβαρῶσαι φρουραῖς Μακεδόνων*). Призвание Антигона в Пелопоннес представляется Плутарху «постыднейшим деянием» Арата (*ἔργον αἰσχρότατον*). «Допустим, что Клеомен был человек незаконный и самовластный; но предки его — Гераклиды, а его отечество — Спарта; последний гражданин Спарты в звании гегемона предпочтительнее первого человека из македонян»⁷. После сражения при Селассии, возвращаясь в Македонию, Антигон оставил в Акрокоринфе македонский гарнизон, а в Пелопоннесе царского наместника; между тем он был только главою союза⁸. Далее, ахейца Аристана Полибий вместе с другими называет благодетелем и спасителем своей родины за то, что он удержал ахейцев от союза с Филиппом и обратил их на сторону римлян⁹. В освещении далеко не благоприятном для македонян рассказана Полибием вся история отношений их к эллинам в речах Хления и Ликиска¹⁰. Напротив, сами македоняне с давних пор добивались признания близкого родства с эллинами,

¹ Isocrat. *epistol.* pp. 410—413. Ed. Benseler.

² IV 76. 82. 85—87. V 2. 26. 28.

³ X 26.

⁴ II 47—51.

⁵ IV 76 7.

⁶ Plut. *Arat.* 45.

⁷ Plut. *Cleom.* 16. *Arat.* 38.

⁸ Полиб. II 52. IV 87 s.

⁹ XVIII 13 8—10.

¹⁰ IX 28—39.

как это видно из Геродота, из речи македонского посла в народном собрании этолян во время второй македонской войны, из слов самого Филиппа, обращенных к этолийскому стратегу Фению.¹ В одну линию с эллинами поставлены Филипп и македоняне в договоре Ганнибала с македонским царем.²

Однако напрасно было бы искать у нашего историка определенной оценки македонско-эллинских отношений. Одно можно сказать положительно: упомянутая выше речь Агелая, в значительной части принадлежащая самому автору, свидетельствует, что Полибий был убежден в возможности спасения Эллады под главенством Филиппа или другого царя Македонии, если бы сей последний совсем не походил на македонских царей и был свободен от присущих самовластному владыке слабостей.

Македонские завоеватели и ближайшие преемники их парализовали общественную жизнь Эллады, а последующие правители Македонии готовы были пользоваться каждым случаем для того, чтобы обратить свободных эллинов в своих покорных подданных на служение интересам правящей династии. Политическое дробление Эллады или, выражаясь точнее, политическая рознь между эллинскими республиками или мелкими союзами была одним из важнейших условий военного преобладания Македонии. В свою очередь рознь эта обуславливалась на столько многочисленностью независимых политических центров на небольшой сравнительно территории, сколько различием в степени гражданского и умственного развития, в общественных учреждениях, нравах, привычках, различием,³ разъединявшим отдельные небольшие государства и союзы. Красноречивейшее свидетельство того, что сходство в политических учреждениях составляло бы важное условие единения эллинов, мы находим в том обстоятельстве, что в первом афинском союзе (477—405/404 г. до Р. Х.) решительно преобладающею формою правления была демократия, а в союзе лакедемонян — олигархия, что в IV в. до Р. Х. внешняя политика отдельных государств, склонность к Афинам или Спарте определялись преимущественно преобладанием, в том или другом из них олигархического или демократического строя.⁴ Тогда как Афины, Коринф, Сикион представляли собою в V в. до Р. Х. блестящие образцы торговых, промышленных, просвещенных республик, в некоторых частях полуострова эллины продолжали оставаться в условиях родового быта и по степени гражданственности стояли ниже гомеровских ахейцев; таковы были, например, этоляне, акарнавы, локры озольские, значительная часть аркадян.⁵ Не менее резкая грань разделяла Спарту от Афин, вообще демократические республики от аристократических или олигархических. Бытовая и умственная рознь в среде эллинов не ослабевала с течением времени, скорее усиливалась по мере того, как преуспевающие республики все дальше и дальше уходили от деревенских поселков этолян или локров.

Вместе с тем должно было ослабевать чувство национального единства эллинов, коренившееся в общности языка, религиозных представлений и некоторых преданий; они утрачивали силу стимула, способного в моменты

¹ Aetolos, Acarnanas, Macedones, eiusdem linguae homines, leves ad tempus ortae causae disjungunt coniunguntque: cum alienigenis, cum barbaris aeternum omnibus Graecis bellum est eritque. Liv. XXXI 29. Полиб. XVIII 4 5.

² Полиб. VII 9 5.

³ Число самостоятельных городских общин в собственной Элладе, а также на островах, в М. Азии и других странах было не менее двух тысяч. Сочинение Аристотеля *πολιτεία πόλεων* содержало в себе описание 158 отдельных и союзных государств: *πολιτεία πόλεων δυοῖν δεοῦσαν ἐξήκοστα καὶ ἑκατὸν κοιναὶ καὶ ἰδιαὶ δημοκρατικαί, ὀλιγαρχικαί, ἀριστοκρατικαί, καὶ τυραννικά*. Diod. L. V 1 27. I. Bernays, Rh. Mus. 1850, стр. 286 сл.

⁴ Фукид. VIII 48. 64. 65. I 19. 76. Xenoph. *Hellen*. VI 3 14. Isocrat. IV 16. Diod. Sic. XV 45.

⁵ Фукид. I 5—6. III 94.

общей опасности быстро соединить все эллинство на борьбу с общим врагом. Несогласие и раздоры едва не погубили Элладу во время сражений марафонского, платейского и саламинского. Спартанский наварх Калликратид (ок. 406 г. до Р. Х.) видел причину унижения эллинов перед персидским двором в их раздорах и дал себе слово по возвращении на родину приложить все старания к примирению афинян и лакедемонян.¹ Еще во время Агесилая и Пелопида эллины не стыдились обращаться за решением своих распрей ко двору ахеменидов. Вследствие той же розни интересов азиатские эллины преданы были в руки персов по так называемому Анталкидову миру (387 г. до Р. Х.). Когда Александр Македонский предложил решение участи Фив эллинским союзникам, Платей и Орхомен, феспийцы и фокейцы настояли на разрушении соседнего и родственного города.²

Таким образом, опасность для Эллады заключалась не в наличии многочисленных самостоятельных мелких государств, из которых каждое стремилось жить деятельною политической жизнью и побуждало своих граждан к неустанному соревнованию в гражданской доблести, но в неравномерности развития их, в разности понятий, чувств и интересов, через то в слабости и малочисленности связующих элементов. Исократ и Демосфен зывали к единению эллинов; Аристотель полагал, что эллины всегда свободны и наилучше устроены политически благодаря природным свойствам, и могли бы владычествовать над всеми прочими народами, если бы пользовались единым управлением.³ По словам Плутарха, силы Эллады непреодолимы всякий раз, когда она благоустроена, объединена единоначалием и имеет мудрого вождя.⁴ Однако ошибочно было бы думать, что Аристотель или Плутарх мечтали об образовании из всей Эллады единой обширной монархии. И для Аристотеля правильным государством может быть только самодовлеющая городская община (*πόλις*) на столь ограниченном пространстве, чтобы полноправные жители ее могли сходиться в собрание на одной площади, могли хорошо знать друг друга, верно судить друг о друге и избирать на должности пригодных людей. Такое определение государства несовместимо, разумеется, с представлением об обширной монархии. Под единым политическим устройством Аристотель разумел то же самое, что восхищало Полибия и Плутарха в деятельности Арата, соединившей ахейские города в федерацию. «Арат был уверен», замечает Плутарх, «что слабые сами по себе государства могут найти спасение только в единении, связующем их общими выгодами. Как члены тела лишь во взаимном соединении дышат и живут, а по расторжении утрачивают способность питания и гниют, так и государства погибают, когда отрываются от целого, и наоборот взаимно усиливают себя, когда становятся членами какого-либо большого тела и управляются общим попечением».⁵

Древнеэллинские мыслители и историки были ближе к истине, когда стремились соединить политическую дробность Эллады на множество само-

¹ Xenoph. *Hellen.* I 6 7.

² Arrian. I 9. Diod. Sic. XVII 14. У Эллиана *variæ historiae* VI 1 собраны примеры жестокости эллинов в их войнах друг с другом.

³ Τὸ δὲ τῶν Ἑλλήνων γένος.. ἐλεύθερόν τε διατελεῖ καὶ μάλιστα πολιτευόμενον καὶ δυνάμενον ἄρχειν πάντων, μίας τυγχάνον πολιτείας Polit. IV 6. Монтескье говорит: elle (la Grèce) aurait été invincible si elle avait été unie. *Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains.* Chap V.

⁴ Μάλιστα δὲ διέδειξαν οὗτοι (οἱ Ἀχαιοὶ) τὴν Ἑλληνικὴν ἀκτὴν ἀπρόσμαχον οὖσαν, ὅσακις τύχοι κόσμον καὶ συντάξεως ὁμοφρονούσης καὶ νοῦν ἔχοντος ἡγεμόνος Αρατ. 9.

⁵ Ἦγεῖτο γὰρ (Αρατ) ἀσθενεῖς ἰδίᾳ τὰς πόλεις ὑπαρχούσας σώζεσθαι δι' ἄλληλων, ὡσπερ ἐνδεδεμένους τῇ κοινῇ συμφέρονται καὶ καθάπερ τὰ μέρη τοῦ σώματος ζῶντα καὶ συμπνέοντα διὰ τὴν πρὸς ἀλλήλα συμφωνίαν, ὅταν ἀποσπασθῇ καὶ γένηται χωρὶς ἀτροφεῖ καὶ σήπεται παραπλησίως τὰς πόλεις ἀπολλυθῆαι μὲν ὑπὸ τῶν διασπώντων τὸ κοινόν, αὐξέσθαι δ' ὑπ' ἀλλήλων, ὅταν ἄλλου τινὸς μεγάλου μέρη γενόμεναι κοινῇ προνοίας τυγχάνωσι Αρατ. 24. Ср. Полиб. II 37—41.

стоятельных государств с существованием общих для всех эллинов учреждений, нежели новые историки и социологи, когда они ставят вопрос о преимуществах больших или малых государств и решают его обыкновенно в пользу первых. Не говоря уже о Дройзене или Моммзене, высокомерно взирающих на ничтожные по территории и военной силе эллинские республики, мы находим склонность к тому же решению и у таких ученых, как Фримен и В. Г. Васильевский. В «Исторических опытах», в «Сравнительной политике», в «Истории федеративного управления» Фримен высказывает ту мысль, что высокий энтузиазм, требовавшийся от граждан в маленькой древнеэллинской республике, по самой природе не мог быть долговечным; древнеэллинская республика представляется ему слишком блестящею для того, чтобы быть прочною.¹ Афинская демократия, замечает английский историк, совершенствовала дарования людей и давала свободу гению целого общества и каждого его члена в более высокой степени, нежели какая-либо другая форма правления. «Слабость ее заключается в том, что она развивает способности человека до такой высоты, на которой едва ли может удержаться, что она в повседневной жизни нуждается в таком высоком энтузиазме и в такой преданности, какие не могут сохраняться в продолжение многих поколений. Афины в период своей славы, Афины Перикла, были поистине «верхом и венцом вещей» (the roof and crown of things); демократия их поднимала большее число людей и на более высокий уровень, нежели какая-либо иная форма правления раньше или позже этого; больше всякой другой до или после она давала простор личным дарованиям сильнейших умов».² По Фримену, выходит, что небывалый расцвет древнеэллинской республики был вместе с тем и источником преждевременной ее гибели, и потому нельзя удивляться, если он же в другом своем сочинении прямо осуждает систему мелких государств и умаляет те самые преимущества их, какие были признаны в «Сравнительной политике». «Подданный нового большого государства», говорит он, «живет менее возбужденно и менее блестящею жизнью, хотя и столь же полезною, более упорядоченною и более мирною, нежели та, какую жил гражданин древней республики».³ Во вступительной части своего исследования очень близок к Фримену проф. Васильевский. Подобно английскому социологу, он взвешивает выгоды и неудобства древних малых государств по сравнению с новыми большими и по-видимому отказывается решить вопрос о том, которая сторона перевешивала в древней республике: «та ли, на которой добро, или та, на которой зло». Но и В. Г. Васильевский не без укоризны говорит о чрезмерно деятельной жизни эллинов: «Как юноша, который слишком быстро тратит свои молодые силы, щедро разбрасывая их во все стороны, возбуждает в нас опасение за свою будущность, так и лихорадочная жизнь Эллады мало ручалась за прочность и долговечность ее развития».⁴ Как будто всесторонняя умственная жизнь и плодотворная общественная деятельность, оставившие по себе неподражаемые образцы в

¹ There has never been another political society in the world in which the overage of the individual citizen stood so high as it did under the Athenian Democracy in the days of its greatness. *The weak point of such a system is that it is too brilliant to last; the highstrung enthusiasm to which it owes its being and without it cannot be kept up at the same level, is not likely to last for many generations.* E. A. Freeman, *Comparative politics*. Lond., 1873, стр. 94. 90. Cp. *Historical essays*. Lond., 1871—1889. Sec. series., стр. 146.

² *Comparat. polit.* стр. 214 сл. Cp. *History of federal government*. I Lond., 1863, стр. 62—88.

³ *Federal government*. стр. 87. Cp. W. Vischer, *Kleine Schriften*. I B. L. 1877, стр. 545.

⁴ *Полит. реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка*. СПб., 1869, стр. 3. 7. Новый историк ахейской и этолийской федераций Дюбуа по справедливости называет это исследование «важным трудом», между прочим замечая: «M. Vasiliefski... détermine avec une grande sagacité les causes de la rivalité de Sparte et de la ligue achéenne au temps de Cleomène, montrant la décadence de la puissance laconienne depuis l'hégémonie d'Alexandre, décadence à la fois matérielle et morale». *Les ligues étolienne et achéenne. Leur histoire et leurs institutions, nature et durée de leur antagonisme*. M. Dubois. Paris, 1885, стр. 14.

литературе, философии, искусстве, ведут к тем же последствиям, что и слишком быстрая трата сил каким-нибудь неразумным юношей. Создания этой «лихорадочной» жизни служили и продолжают служить школою для человечества в течение тысячелетий.¹ Потом, если с некоторым основанием и можно говорить о «лихорадочной» деятельности афинян или сирикузян и коринфян, то значительная часть Эллады была вовсе не повинна в ней, и, однако же, медленность развития не спасла и ее от политической гибели. Этоляне, эпироты, акарнаны, аркадяне, локры, даже ахеяне оставались долгое время в стороне от движения, и тогда как афиняне спасли Элладу от персидских полчищ, эти народы не выдержали натиска ни македонян, ни римлян. Источник политической слабости эллинов лежал в недостатке постоянно сознаваемых и действующих стимулов единения, что в свою очередь обуславливалось главным образом неравномерностью и неодинаковостью развития различных частей ее. Насколько сближение умственное служит залогом политического единства, видно из того факта, что образованию даже эллино-римской цезарской мировой монархии, созданной путем завоеваний, предшествовала в 70—50-е гг. до Р. Х. совместная работа римских и эллинских ученых и писателей в Риме; плодом ее было водворение классического стиля в литературе и пластике.

Одним из важнейших условий умственной производительности и патристического одушевления в отдельных эллинских республиках было постоянное, живое, деятельное общение между гражданами, следствием чего являлось могущественное общественное мнение. При всем разнообразии личных дарований, социального и экономического положения, гражданство эллинской республики представляло более органическое целое, чем любое из новых европейских обществ. В демократиях и даже в аристократиях не известно было резкое разграничение граждан на классы с их особенными понятиями, чувствами и интересами, на невежественную, апатичную толпу и избранное действующее меньшинство. Лучшие умы республики в литературе ли то, в искусстве, в красноречии, даже в философии имели перед собою не больший или меньший кружок слушателей или читателей, но всю совокупность граждан. В классический период не только поэты, но и многие прозаики назначали свои произведения не для чтения, но для устной публичной передачи, почему слушатели и читатели назывались и впоследствии одним термином, *οἱ ἀκούοντες*. Перикл вмещал в величайшее достоинство афинской демократии, что в ней люди всех профессий, не исключая ремесленников, принимают участие в государственных делах, что у них почет выпадает обыкновенно на долю достойнейшего и т. п.² Словом, политика, литература, искусства входили в обыденную жизнь и образование каждого гражданина, в чем главным образом и следует искать разгадки изумительных подвигов гражданской доблести в персидские и пелопоннесские войны, художественной простоты и совершенства классической литературы.³

¹ Не можем не привести следующих строк Фишера по поводу сочинения Фримена *Hist. of feder. government*: «das Werk tritt da durch in einen entschiedenen Gegensatz zu einer Anzahl neuerer deutscher Arbeiten, in denen das Streben der deutschen Völker nach Einheit nur zu oft den unbefangenen historischen Blick getrübt hat, indem so zu sagen als das einzige Ziel der Staaten die Kraftentwicklung nach aussen betrachtet und darüber vergessen wird, welch unendlich reiches Geistesleben aus der «Kleinstaaterei», zunächst der griechischen Kleinstaaterei erwachsen ist». *Kl. Schriften*. I, стр. 535.

² Фукид. II 37 1. 40 2.

³ «Литературные сочинения, которые предлагались афинским гражданам на публичных чтениях, и произведения искусств, которые выставлялись на их суд, были настолько серьезны, что большинство людей нашей породы не в состоянии были бы оценить их; а чтоб определить степень нашего умственного развития, стоит взглянуть на то, что продается в книжных лавочках на станциях железных дорог». *Наследственность таланта, ее законы и последствия*. Фр. Гальтона. Пер. с англ. СПб., 1875, стр. 262.

Первоначальной и основной формой общежития эллинов оставался навсегда деревенский поселок (*κώμη, δῆμος*), по своей внутренней организации наиболее подходящий к общинам в немецких кантонах Швейцарии.¹ С уверенностью можно утверждать, что жизнеспособность афинской демократии и долговечность Атики, как единого целого, созданы были главным образом мудрой организацией демов, делавшей из них, по выражению Ассулье, «первую и самую меньшую школу, в которой афинский гражданин обучался политической жизни», но вместе с тем деятельно поддерживавшей связи с большим целым — республикой. В органическом сочетании местной автономии, с которою сжился эллин с незапамятных времен, с более широкими, государственными интересами лежит объяснение необычайной живучести эллинских муниципальных учреждений, вышедших нетронутыми из македонских войн. уцелевших после римского завоевания и возродившихся немедленно по ослаблении центральной власти Рима. Объединявшая поселки республика в большинстве случаев обеспечивала для всей совокупности граждан слишком большие выгоды, оставляя в то же время простор для личной энергии, чтобы отдельные части ее могли добровольно отказаться от этой более широкой формы общежития. Раздробления на первоначальные поселки могли добиваться только олигархи или внешние враги. Мантинейцы принуждены были спартанцами (385 г. до Р. Х.) покинуть свой город и рассеяться по первоначальным деревням, где на место демократии водворился олигархический порядок правления. Восстановление города и вместе демократии последовало за ослаблением спартанцев после Левктрского сражения (371 г. до Р. Х.). Усиление демократии в Аркадии ознаменовалось в то же время образованием Мегалополя из сорока небольших поселений и обращением его в центральный пункт² сложившегося перед тем аркадского союза.

Образование городских республик путем слияния деревень в политическое целое, так называемый синойкизм, облегчался одинаковыми приблизительно бытовыми условиями и интересами соседних поселений. Дальнейшее развитие республик отдаляло их друг от друга и от тех частей Эллады, которые едва выходили из племенного быта. Повседневная жизнь эллинов в историческое время благодаря необычайному разнообразию местных условий и политических форм накопляла элементы разъединения в гораздо большем числе, нежели элементы единства и согласия; слабость Эллады заключалась не в блестящем состоянии некоторых ее республик, но в недостатке солидарности между составными ее частями, в отсутствии таких связей в действительной жизни и в понимании окружающего, которые постоянно оживляли бы присущее эллинам сознание национального единства, давали бы ему значение могущественного стимула всякий раз, когда извне угрожала общая опасность, и сокращали бы поводы к распрям. Вот почему не могли быть устойчивыми и успешными попытки к объединению, возникавшие от времени до времени обыкновенно под давлением чрезвычайных внешних обстоятельств; по этому же самому недолговечными оказались и древнеэллинские федерации, образовавшиеся на закате политической независимости Эллады, хотя, казалось, им суждено было примирить самостоятельность и

¹ W. Vischer, *Über die Bildung von Staaten und Bünden oder Centralisation und Foederation im alten Griechenland*. Kleine Schriften, I, стр. 313 сл. Maine, *Ancient law, its connexion with the early history of society and its relation to modern ideas*. 1861, стр. 124 сл. L. Morgan, *Ancient Society*. Lond., 1877, стр. 266 сл. E. Kuhn, *Über die Entstehung der Städte der Alten*, стр. 6 сл. 153 сл. A. Hug, *Studien aus dem classischen Alterthum*. Freiburg und Tübingen, 1881, стр. 37 сл. B. Hassoulier, *La vie municipale en Attique*. Paris, 1884, стр. 174 сл. Аландский, *История Греции*. Киев, 1885, стр. 105 сл.

² Xenoph. *Hellen.* V 2 1—7. VI 5 11. Diod. Sic. XV 5 12. Pausan. VIII 8 7—9. 27 2—3. Kuhn, o. c. 222 сл.

самоуправление отдельных республик с выгодами обширного национального государства. Самые начала федерации могут быть целесообразно осуществлены только при наличии благоприятных условий, а в числе последних первое место занимает известная близость в умонастроении и практических повседневных интересах. Как увидим ниже, их недоставало ни ахейской, ни этолийской федерациям, которые и не превратили Элладу в «непреодолимую силу».

К недостаткам организации и к домашним исконным распрям присоединилось вмешательство македонских царей, потом римского сената, заинтересованных не в умиротворении и политическом могуществе Эллады, напротив в раздроблении и в ослаблении ее. Эллины не разрешили задачи, возложенной на них всею совокупностью исторических обстоятельств внутренних и внешних; они не успели создать себе таких форм политического общежития, которые воспитывали бы деятельное чувство национального патриотизма и давали бы ему перевес над привязанностью гражданина к своему отдельному государству. Только с такими оговорками и может быть принято заключение Фримена, что федеративное управление само по себе бессильно было оградить Этолию от всех человеческих зол, от ошибок или поражений во внешних делах.¹ С другой стороны, напрасными кажутся нам сетования нового эллинского историка на дорян, которые, по его мнению, помешали эллинам сложиться в единую обширную монархию.² Во-первых, условия политического дробления Эллады лежали гораздо глубже и существовали раньше вторжения дорян в Пелопоннес;³ во-вторых, гомеровская *басилея* [царская власть], представляющаяся Папарригопуло зародышем желательной монархии, на самом деле распадалась на многие царства, и авторитет Агамемнона даже на войне был весьма ограниченным; в-третьих, драгоценное для человечества наследие эллинов создано, отчасти по крайней мере, благодаря этой самой политической обособленности; наконец, древние монархии, как персидская или римская, несомненно более могущественная, нежели какую могла когда-либо стать Эллада, стерты с лица земли, тогда как эллины все-таки сохранили до настоящего времени свое отечество, язык и общественный строй.

Период македонского господства ознаменовался в жизни эллинов некоторыми новыми явлениями, свидетельствующими о необычайной способности их приноравливать свои творческие силы ко всяким условиям места и времени. Частью по принуждению, частью по доброй воле масса эллинов покидала собственную Элладу и находила себе новые места деятельности в далеких странах Азии и Ливии. Войска преемников Александра состояли преимущественно, а в некоторых государствах целиком из эллинов. В семидесятитысячной армии Антиоха Великого в битве при Рафии (217 г. до Р. Х.) македонян и эллинов числилось на половину с туземцами; вероятно, такое же соотношение было и в армии противника его, Птолема Филопатора;⁴ все известные нам военные начальники Птолема были эллины: Поликрат, Сократ, Эхекрат и др. В Египте и Сирии стратеги, гиппархи, царские секретари, важнейшие должностные лица набирались из эллинов; по

¹ The history of Aetolia indeed shows that the federal government is no panacea for all human ills; it shows that a well-planned constitution at home is no guarantee for wise or honourable conduct in foreign affairs; but these propositions are so self-evident that we need hardly go to Aetolia for the proof of them. *Feder. governm.* 1, стр. 325.

² М. С. Paparrigopoulo, *Histoire de la civilisation hellénique*. Paris, 1878. Стр. 48. 63. 68 и мн. др.

³ Фукид. I 5. 6.

⁴ Полиб. V 82.

стопам воинов и администраторов шли ученые, художники, торговые люди и всякого рода искатели счастья, недовольные неурядицами дома, соблазненные легкостью наживы и славы на баснословном Востоке. Основание множества новых городов Александром, и особенно его преемниками, усилило эмиграционное движение эллинов до невероятных размеров. В Селевких, Антиохиях, Александриях, Лисимахиях, в Никомидии, Евсевии, Филадельфии и мн. др. городах господствующий, правящий класс пополнялся из эллинов и эллинизованных македонян. Вслед за людьми переходили в Азию и Египет эллинские искусства, литература, философия, наука, язык, общественные учреждения. Новые города создавались при участии эллинов, устраивались по эллинским образцам, усваивали эллинские обычаи и порядки.¹ Отлив населения из собственной Эллады в этот период как бы повторял собою колонизационное движение во все страны мира, совершавшееся в VIII—VII вв. до Р. Х. И теперь, как в старое время, домашние неурядицы побуждали наиболее честолюбивых и деятельных людей искать лучшей участи на чужбине с тою разницею, что теперь дарования и энергия эллинов направлялись теми путями, какие намечались могущественными владыками Востока. Как прежде, так и теперь выселение эллинов оживило торговлю и взаимные сношения народов, создало новые торговые центры, оставившие далеко за собою Афины и Коринф; таковы были Александрия, Родос, Эфес, Пергам, Антиохия, Сиракузы. Накопленные персидскими деспотами несметные богатства пушены были в оборот; эллины завязали прямые сношения с Индией, внутренней Азией и южной Африкой.

Эллинский гений творчества и предприимчивости вступил на новое поле и дал яркие свидетельства своей силы и жизненности. Умственная жизнь принимает более практическое и научное направление, все больше и больше сосредоточиваясь в малочисленных придворных кругах. Благодаря трудам эллинов, сближению их с Ассирией и Египтом математика и другие точные науки достигают небывалого расцвета, а александрийская школа Птолемея, привлекающая к себе лучшие умы из всех концов эллинского мира, поднимается на высоту предтечи новой европейской науки. Имена Аристофана из Византии, Аристарха из Самоса, Эвклида, Архимеда, Аполлония, Эратосфена, Клавдия, Птолемея, Гиппарха в естествознании, математике, астрономии, географии, хронологии навсегда останутся столь же славными памятниками эллинского гения, как и поэмы Гомера, трагедии Софокла и Эсхила, диалоги Платона.

Перед обаянием эллинской образованности не могли устоять и туземные азиатские династии. Владыки Вифинии, Понта, Парфии, Каппадокии, Галатии не только поощряли у себя науку и искусства эллинов, но и бережно, участливо относились к эллинским колониям в Азии, в своем общественном складе не имевшим ничего общего с политической апатией в восточных деспотиях.

Усиленное общение с варварами, участие, хотя и весьма слабое, этих последних в развивавшейся повсюду умственной и гражданской жизни сглаживало в сознании эллина предустановленную будто бы самую природою разницу между эллином и варваром, и вот от Страбона (около Р. Х.) мы узнаем, что Эратосфен (275—194 гг. до Р. Х.) решительно отвергал теорию Аристотеля, делившего людей по природным качествам на эллинов и варваров, и советовал различать всех людей только по степени нравственно-го и гражданского воспитания.² В смысле сближения эллинов с варварами

¹ Kuhn, *Entstehung der Städte*, стр. 301—388.

² Страбон I 4 §. Aristot. *Polit.* I 1 §. VII (IV) 6. Plut. *Fort. Alex. Magni* p. 329.

должны были действовать совместная военная служба и подчинение всех покоренных народов одной дисциплине, одной власти воинственных монархов. Только Эратосфен, или Страбон, и Плутарх ошибочно переносят на Александра свои собственные, нравственные мотивы одинакового обращения монарха со всеми народами. В сознании эллинов и отчасти на практике сближение эллинских племен между собой и с варварами началось задолго до македонских завоевателей.¹

Вообще превознесение македонских завоевателей на степень благодетелей Эллады и всего человечества, проходящее через всю «Историю Александра Великого» Дройзена и его же «Историю Эллинизма»², держится на искусственном подчинении результатов, достигнутых за это время силами эллинов, воображаемым стремлениям самих завоевателей, на понимании хронологической последовательности и сосуществования как внутренней причинной зависимости двух порядков явлений. На самом деле успехи эллинизма в македонский период вовсе не входили в планы Александра, селевкидов, птолемаидов или антигонидов; об этом лучше всего свидетельствует обращение, как с собственной Элладой, откуда возможно было ждать еще серьезного противодействия. Могущественные владыки, подаваясь обаянию эллинской образованности, старались украшать свои столицы и дворцы произведениями эллинского ума, применяли к новым городам испытанные уже формы правления, но никому из них и на мысль не приходило организовать производительные силы этой самой нации для независимого, достойного существования; каждый из них смотрел на Элладу как на одно из действительнейших орудий в борьбе за мировое господство или за преобладание над противником. Образовавшиеся раньше их союзы, на основе ли подчинения, как в Пелопоннесе, Беотии, или добровольного соглашения, как во Фракии или в Ахея, они расторгали насильственно, парализуя отдельные республики помещением в городах своих гарнизонов, поддержкою более створчивой олигархической партии или еще чаще водворением тирании, опиравшейся на скопища наемников.³ Правда, и теперь, как несколькими веками раньше (VII—VI вв. до Р. Х.), одним из условий возникновения и относительной прочности тирании служила экономическая и социальная рознь внутри республик; правда также, что некоторые тираны, как, например, Деметрий Фалерский, принимали действительные меры к поднятию народного благосостояния.⁴ Но теперь отряды наемников были тяжелым бременем для населения, а тираны в большинстве случаев не имели нужды искать и не искали благоволения местных жителей, оберегая интересы македонских владык и в них находя опору самовластию. Кроме того, македонские завоевания сами по себе действовали разлагающим образом на общественную нравственность эллинов и усиливали величайшее зло эллинских республик — неравенство состояния. Вернейшим путем к почестям служили теперь не гражданские доблести, о каковых говорит Перикл у Фукидида, но изворот-

¹ См. наш *Опыт по истории рационализма в древней Греции*. Киев, 1881, стр. 180 сл. 288 сл. Фукидид и его сочинение. Москва, 1887. Стр. СІХ сл.

² *Geschichte Alexanders d. Grossen*. Berl., 1833. 3. Aufl. 1880. *Geschichte d. Hellenismus*. Hamb., 1836—1843. 2. Aufl. 1877—1878. Последнее сочинение в 3 томах прекрасно переведено на французский язык Буше-Леклерком и снабжено предисловием переводчика: *Histoire de l'Hellenisme*. Paris, 1883—1885. Увлечения Дройзена в сторону македонян отмечены во многих местах Дж. Гротом в *Истории Греции* (*History of Greece*) и в названном выше сочинении Фримена: *History of feder. government*.

³ Полиб. II 39 12. 40 5. 41 10. IV 1 5. IX 28. В изобилии относящийся сюда материал собран у Пласса во 2-й части сочинения *Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen*. Leipz., 1859. Стр. 104 сл.

⁴ Полиб. XII 13 9—10. Aelian. *Var. hist.* III 17.

ливость, услужливость и преданность могущественным владыкам; за почестями следовало обогащение и влияние на дела. Азиатские эллины всегда составляли господствующий, правящий класс населения, несколько не заинтересованный в сочувствии подчиненных туземцев. Пущенные в оборот и приумноженные торговлею богатства ахеменидов не могли распределяться равномерно, создавали расточительную, роскошную жизнь одних и обостряли чувство бедности и недовольство других. Усиление общественных различий сопровождалось обособлением различных слоев общества, мало походивших друг на друга по степени образования, по господствующим в них чувствам и убеждениям. Сила руководящего общественного мнения уступала место своекорыстным расчетам и побуждениям.¹ Равнодушие к гражданскому долгу, угодливость сильным, продажность и подобные пороки явились неизбежными последствиями такого состояния общества. Разительнейший пример упадка нравов в македонское время представляли Афины, прямее и непосредственнее других частей Эллады испытывавшие на себе невыгоды новых отношений. Помимо хорошо известных проявлений необычайной лести афинян перед Деметрием Полиоркетом, Антигоном Одноглазым и др., достаточно напомнить, как они из угождения другому Деметрию, отцу Филиппа V, украсили себя венками в знак радости по случаю смерти Арата; весть о смерти оказалась ложною, но афиняне верили ей.² Полибий горько жалуется на бесчестность должностных лиц, заведующих общественными деньгами.³ Историк удивляется тому, что в Спарте можно было добыть за пять талантов, розданных пяти эфорам, царское достоинство и генеалогию от Геракла.⁴ Когда Тит Квинкций Фламиний (197 г. до Р. Х.) обнаружил некоторую снисходительность к Филиппу, этоляне могли объяснить себе этот поступок римского полководца только тем, что он подкуплен македонянами. «До такой степени», восклицает Полибий, «продажность обуяла Элладу, особенно у этолян, и укоренилась привычка никому ничего не делать даром, что для них непонятна была без подкупа эта перемена в консуле в пользу Филиппа».⁵

Как в Азии и Египте рассеявшиеся по городам эллины не дали образоваться восточным деспотиям из обломков монархии Александра, а насажденные ими учреждения обуздывали впоследствии произвол и хищничество римских правителей, так в недрах собственной Эллады в македонский период поднялись и организовались силы на борьбу за политическую независимость и за восстановление старых имущественных отношений, весьма резко нарушенных вторжением македонян в судьбы эллинского мира. Новые поучительные образования и новые попытки эллинов возникли не только без содействия македонян или другого народа, но наперекор им. В последнем освободительном движении главная роль принадлежала Пелопоннесу, как и в то время, когда «великий царь» угрожал эллинам поражением. Мировое умственное господство Эллады создано было не Филиппом и Александром, не отнятием политической свободы у афинян и других эллинов, но жизненностью эллинских общественных учреждений, силою эллинского

¹ Plut. Arat. 34. Полиб. XII 13. Cp. Grote, *Hist. de la Grèce* XIX 105 сл. (trad. fr).

² Cp. Finlay, *Greece under the Romans*. Lond., 1844, стр. 8 сл.

³ οἱ τὰ κοινὰ χειρίζοντες παρὰ μὲν τοῖς Ἕλλησιν, ἐν τάλαντον μόνον πιστευθῶσιν, ἀντιγραφῆς ἔχοντες δέκα καὶ σφραγίδας τασαύτας καὶ μάρτυρας διπλασίου οὐ δύνανται τηρεῖν τὴν πίστιν VI 56 13.

⁴ V 35 14—15.

⁵ ἦδη γὰρ κατὰ τὴν Ἑλλάδα τῆς δωροδοκίας ἐπιπολαζούσης καὶ τοῦ μηδένα μηδὲν δωρεὰν πράττειν, καὶ τοῦ χαρακτῆρος τοῦτου νομιστευόμενον παρὰ τοῖς Αἰτωλοῖς οὐκ ἐδύνατο πιστεῦν διότι χωρὶς δώρων ἡ τηλικαύτη μεταβολὴ γέγονε τοῦ Τίτου πρὸς τὸν Φίλιππον XVIII 34 7.

жения и образованности: почин, орудия эллинизации мира принадлежали самим эллинам; но в состоянии политической слабости и подчинения эллины шли теми путями, которые прокладывались завоевателями и властными вождями их.¹

III

Федеративное движение в Элладе

Объединительные стремления эллинов нашли себе наиболее яркое выражение в федерациях этолийской и ахейской в III—II вв. до Р. Х.; но они присущи были эллинам искони. Если существование многих независимых республик в разнообразных политических и бытовых условиях было непреодолимым препятствием к слиянию всех эллинов в единое государство, с единою властью и общими учреждениями, с отсутствием самостоятельной политической жизни в отдельных частях Эллады, то та же самая политическая раздробленность и относительная слабость республик не переставали побуждать эллинов к изысканию действительных средств самозащиты и мирного пользования плодами промышленности, торговли и умственного развития. Предание, сохраненное Плутархом, приписывает главному виновнику афинского величия, Периклу, попытку согласить между собою интересы эллинских государств и водворить прочный мир между ними; попытка не удалась вследствие противодействия со стороны Пелопоннеса, т. е. Лакедемона.² Начавшаяся при Перикле пелопоннесская война была собственно борьбою между Афинами и Спартою за гегемонию; остальная Эллада поделилась между этими двумя государствами. Казалось, единению эллинов оставалось сделать шаг вперед, — и вот, по известиям Ксенофонта и Плутарха, спартанец Калликратид, товарищ Лисандра по командованию пелопоннесским флотом, намеревается по возвращении в Спарту (406 г. до Р. Х.) приложить все старания к примирению афинян и лакедемонян, тогда, надеялся он, эллины будут страшны для варваров.³ Скоро после этого царь Лакедемона Агесилай, узнав об исходе битвы при Коринфе (395 г. до Р. Х.) и о гибели большого числа неприятелей, воскликнул: «Несчастливая Эллада, своими же руками ты погубила столько людей, что они могли бы, будь живы и сражайся вместе, победить всех варваров.⁴ Разумеется, личных стараний и желаний Перикла, Калликратида или Агесилая недостаточно было бы для устранения накопившихся веками препятствий к полному или долговечному замирению эллинских республик; но и факт разделения Эллады на два

¹ Смешением разнородных предметов внушены Фримену как полемика с Гротом, так и следующие выражения: Philip and Alexander were in truth the founders of that Modern Greek nation which has lasted down to our own time. If they destroyed the liberties of Athens, they laid the foundation of the general intellectual dominion of Greece. By spreading the Greek language over lands into which Greek colonization could never (?) have carried it, they did more than any other single cause to open the way for the preaching of Christianity. *Federal govern.* I, 224 сл. Ср. 227 прим. I. Придерживаясь таких воззрений, следовало бы и обеднение Эллады под римским владычеством, особенно вследствие набегов северных варваров, о котором говорит Финлей в упомянутом выше сочинении, вменить в положительную заслугу римским проконсулам и варварам: обеднение повело к сокращению рабства и закрытию многих каналов, которыми производилась торговля невольниками; с падением стены, отделявшей раба от свободного, должно было улучшиться общее положение первого, а уменьшение числа невольников поднимало ценность труда свободных жителей. Аналогичных примеров читатель может найти множество в истории всех народов.

² Plut. *Pericl.* 17.

³ Xenoph. *Hellen.* I 6 7. Plut. *Lysand.* 6.

⁴ Plut. *Agesil.* 16.

огромных союза, и надежды выдающихся государственных людей Спарты и Афин на водворение согласия в эллинской нации были только внешним выражением все более развивавшихся и распространявшихся чувств и воззрений. В выработке соответствующего умонастроения главное участие принимали Афины, те самые Афины, которые в изображении некоторых теперешних историков являются наиболее виновными и в раздробленности эллинов, и в слабости их. Плоды умственной деятельности афинян запечатлены глубоким знанием человеческой природы и потому оказывали могущественное образовательное действие не на эллинов только, но и на все позднейшее человечество. Трагедиями Эсхила, Софокла, Эврипида, комедиями Алексиды, Анаксандриды, Менандра воспитывались не исключительно афинские, но общеэллинские и общечеловеческие чувства и убеждения; в афинском театре на празднество больших дионисий, главною частью которого были сценические представления, собирались каждый раз эллины из других городов в огромном количестве. Только под этим условием могли сложиться предания о том, как Афины по взятии города Лисандром спасены были от разорения декламацией отрывка из Еврипидовой трагедии, как облегчена была участь несчастных афинян после сицилийской экспедиции исполнением отрывков того же трагика, как лакедемоняне приостановили военные действия против Афин по случаю погребения Софокла и т. д.¹ Геродот обнаруживает замечательную терпимость и внимание к варварским народам: египтян обращает в наставников эллинов, религиозные воззрения персов готов поставить выше эллинского антропоморфизма, нравы и обычаи всех народов находят у него одинаковое признание.² Фукидид и Исократ отличают эллинов от варваров только по степени образования и гражданской ответственности.³ Как рассказывают, Сократ на вопрос, где его отечество, отвечал: «Вся земля».⁴ Согласно с этим стоик Зенон (369—254 гг. до Р. Х.) учил, что всех людей должно считать гражданами одного государства (*ἵνα <...> πάντας ἀνθρώπους ἡρώμεθα δημότας καὶ πολίτας*).⁵

Если Перикл или Фукидид имел основание называть Афины «школою Эллады», то, разумеется, в том смысле, что влияния афинской образованности распространялись на всех эллинов без различия местности и политических учреждений. Поэты, философы, скульпторы, живописцы переезжали из города в город, вдали от родины пользовались сочувствием и влиянием и основывали школы на чужбине. Эсхил умер в Сицилии, Еврипид в Македонии, Фидий работал для платейцев, элейцев, лемносцев и других эллинов. Не говоря о таких центрах эллинской образованности, как Коринф, Сикион, Аргос и другие подобные, даже Ферм этолян и Мегалополь аркадян в IV—III вв. до Р. Х. украшались многочисленными памятниками ваения и живописи.⁶ Мегалополь был построен с соблюдением всех правил строительного искусства Гипподамом Милетским (371—358 гг. до Р. Х.).⁷ Успехи торговли, промышленности, художественного творчества усиливали взаимные сношения между различными государствами, умножая общеэллинские интересы и подготавливая почву для согласного решения общих задач общими мирными и военными средствами.

¹ Plut. *Nic.* 17. 29. *Lysand.* 15. Diod. Sic. XIII 27. *Vita Sophocl.* 83—91 ed. Dindorf. Pausan. I 27.

² Герод. I 131. III 38.

³ Фукид. I 4—6. Isocrat. *Paneg.* 50.

⁴ Cicer. *Tuscul.* 5 37. Plut. *de exil.* 5.

⁵ Plut. *De Alex. fortuna* I 6.

⁶ Полиб. V 8 9 2. Pausan. VII 18 6. VIII 30—33. 37 1. 44 5. 49. Liv. Plut. XXXIX 5. *Cleom.* 25. *Philop.* 1.

⁷ Aristot. *Polit.* II 5. K. Fr. Hermann, *de Hippodamo Milesio*. Marb.-Progr., 1841, стр. 35 сл.

Вот почему конец пелопоннесской войны составляет эпоху в истории объединительного движения эллинов; поборниками его выступают вожди демократической партии, тогда как на стороне общинной городской исключительности оказываются так называемые аристократы, или олигархи, опирающиеся на Спарту и через нее на царя мидян. Ближайшим поводом к образованию союзов является опасность, угрожающая свободе республик сначала от спартанцев, потом от персов, македонян и римлян. Каждый властолюбец, государство ли это, или отдельное лицо, заботился о политическом раздроблении Эллады под предлогом охранения свободы каждого государства, причем властолюбивые стремления иноземцев встречали противодействие в народном большинстве республик, только не в олигархах. Для подавления объединительного движения потребовался постыднейший в летописях договоров, так называемый Анталкидов мир, купленный спартанцами ценою предательства азиатских эллинов исконным врагам их и утеснителям, персам (ол. 98,2 = 387 г. до Р. Х.).¹ По силе этого договора, вызванного ближайшим образом коринфскою войною, Фивы должны были отказаться от власти над беотийскими городами, аргивяне и коринфяне от слияния государств их в единое целое (*συνπολιτεία*), тогда как сами спартанцы не удаляли гармостов из городов, зависимых от них.² В 385 г. они упразднили Мантинейскую республику, принудив мантинейских граждан расселиться по деревням, чем нанесен был удар Аркадии. В 383 г. они приняли поход против олинфского союза на Халкидику (*κοινὸν τῶν Χαλκιδέων*), кончившийся присоединением олинфян к союзу лакедонян, причем по пути занята была Кадмея спартанским гарнизоном с Фойбидом во главе.³ Еще до Анталкидова мира спартанцы под тем же предлогом освобождения меньших городов сокрушили гегемонию Элиды в области того же имени.⁴

Однако не прошло и десяти лет, как господство Спарты, основанное на принижении важнейших республик путем расторжения союзов и гегемоний, рушилось. В 379 г. Фивы избавились от спартанского гарнизона, установили у себя демократию, снова подчинили некоторые города Беотии и стремились с переменным успехом образовать сплоченное единое государство наподобие того, как афинская республика сложилась в доисторическое время из независимых первоначально демов, или поселков. Для характеристики фивских стремлений к централизации и степени успешности их важно сравнение беотийских городов с лаконскими перизками в речи Эпаминонда, обращенной к спартанцам в 371 г. до Р. Х.⁵ Термины «беотяне» и «фиванцы» употребляются Ксенофонтом в одном и том же значении граждан одного фиванского или беотийского государства; отдельные наименования для беотян по городам уступают место общему имени фиванцев после освобождений Фив от спартанского гарнизона: «беотяне фиванские» о фиванцах — с одной стороны, «фиванцы» о всей совокупности беотян — с другой.⁶

¹ «Царь Артаксеркс почитает справедливым присвоить себе азиатские города, а равно из островов Клазомены и Кипр, остальным эллинским городам, малым и большим, возратить самоуправление, исключая Лемнос, Имброс и Скирос: сии последние должны принадлежать, как в старину, афинянам. Кто мира этого не принимает, против тех я буду воевать купно с принимающими, на суше и на воде, кораблями и деньгами». Xenoph. *Hellen.* V 1 31.

² Xenoph. *Hellen.* IV 4 5. V 1 36. Полиб. IV 27 5. Diod. XIV 86. 92. Plut. *Agesil.* 23.

³ Xenoph. *Hellen.* V 2 12. 16. VI 3 9. 26. 25—36. Andocid. *De pace* 20. Diod. XV 20. 23. Freeman, *Feder. governm.* 190 сл. Vischer. *Kl. Schrift.* 1, 348 сл. 560.

⁴ Xenoph. *Hellen.* III 2 21. сл.

⁵ Plut. *Agesil.* 28.

⁶ *Βοιωτοῖς τοῖς ἐν Θήβαις* Aeschin in *Ctesiph.* 142. Demosth. *Philipp.* I § 48. Исократ в «платейской» речи говорит, между прочим, о фивянах: *τὰς μὲν ἰδίᾳς ἡμῶν ἐκάστων πόλεις ἀραναίζουσι, τῆς δὲ ἀφετέρας αὐτῶν πολιτείας οὐδὲν δεομένους κοινωεῖν ἀναγκάζουσιν.* *Plataic.* 8. Ср.: Xenoph. V 4 63. VI 1 1. 3 19. Vischer. *Kl. Schr.* 1, 344 сл., 556 сл.

Не более прочным было спартанское обладание Олинфом. К тому же времени (379 г. до Р. Х.) относится и возрождение халкидского союза с Олинфом во главе, ко времени завоеваний Филиппа (348 г. до Р. Х.) выросшего в могущественную державу. Преуспеванию союза содействовало здесь существование многих незначительных городов и поселений как на самой Халкидике, так и в пограничных частях Македонии. Жители небольших поселений без труда меняли свою самостоятельность на права граждан Олинфа, обеспечивавшего им торговлю, независимость от македонских царей и сильных эллинских государств, охотно открывавшего свои ворота для поселенцев из других городов на правах гражданского равенства с туземцами. «Вы, вероятно, знаете», говорил в Лакедемон в 382 г. до Р. Х. посол от акафских олигархов Клиген, «что Олинф — самый большой город во Фракии. Олинфяне привлекли к себе некоторые города на том условии, чтобы эти последние имели одинаковые с ними законы и государственные учреждения (*ἐφ' ᾧ τε νόμοις τοῖς αὐτοῖς χρῆσθαι καὶ συμπολιτεῖν*); потом присоединили и некоторые большие города и стремятся к тому, чтобы освободить города Македонии от царя их Аминты. Переходя от ближайшего к далекому и важнейшему, они завладели многими тамошними городами, в том числе и Пеллою, наибольшим городом в Македонии. Аминта не только покинул эти города, но и сам чуть не совсем изгнан из Македонии. Теперь через послов они требуют от нас и аполлониатов соединиться с ними, угрожая в противном случае идти на нас войною. Но мы желаем пользоваться законами отцов наших и оставаться при своем государственном устройстве (*τοῖς πατρίοις νόμοις χρῆσθαι καὶ αὐτοπολίται εἶναι*), хотя вынуждены будем соединиться с ними, если не получим помощи. Они насчитывают у себя не меньше 800 тяжеловооруженных и гораздо больше пелтастов, конницы у них с присоединением нашей больше 1000 человек. Пока еще возможно осилить олинфян, ибо против воли примкнувшие к ним города не замедлят отпасть, когда представится к тому возможность; но, наверное, союз этот трудно будет расторгнуть после того, как, согласно состоявшемуся уже решению, они сомкнутся воедино (*συγκλεισθήσονται*) взаимными браками и приобретением земли друг у друга, когда они постигнут общие выгоды союза с сильными».¹

В речи Клигена важно различие, устанавливаемое между меньшими городами и большими: первые соединились с олинфянами на условии общности законов и политических учреждений, следовательно, слились с ними в одну республику, Олинф; они привлечены к союзу скорее всего увещанием (*προσηγάγοντο*). Не об этих уже городах и хлопочут перед спартанцами аканфские и аполлонийские послы, но о некоторых городах более значительных, примкнувших к Олинфу по принуждению, под угрозой (*αἰ ἄκουσαι τῶν πόλεων*) и возмещенных за присоединение к союзу правом брака и приобретения земельной собственности (*αἰ ἐπιγαμίαι καὶ αἰ ἐκτῆσεις*). Политически они оставались независимы, но гражданская обособленность их терялась; олинфские политики могли считать эти меры обещающими в дальнейшем полное политическое слияние. Разницу в положении больших и малых халкидских городов, опускаемую новыми историками, необходимо иметь в виду и для понимания совершавшегося здесь процесса объединения, и для верной оценки позднейших известий о халкидском союзе.² Из речей Демосфена мы узнаем, что, во-первых, ко времени наступательных действий Филиппа (351—348 гг. до Р. Х.) Олинф стал вдвое многочисленнее, чем был за тридцать лет с небольшим до того: вместо 400 человек собственной конницы у него

¹ Xenoph. *Hellen.* V 2 12—14. 19.

² Заслуживает внимания разница терминов, употребляемых оратором или за него историком, в применении к большим и малым городам *προσηγάγοντο* и *προσέλαβον* § 12.

было теперь 1000, а общее население его возросло из 5000 до 10 000 человек с лишним.¹ Население города увеличилось больше всего благодаря новым поселенцам на правах полного гражданства, — то же, что было с Афинами после слияния Аттики в единое государство. По свидетельству Страбона, значительная часть жителей халкидских городов переселилась в Олинф.² Во-вторых, оратор отмечает факт слияния всех халкидян в одно союзное государство, чего, говорит он, не было в то более раннее время (*οὐπω Χαλκιδέων πάντων εἰς ἓν συψικισμένων*), когда Аканф и Аполлония противились образованию единого союзного государства. Под синойкизмом большинства, а не всех халкидян мы должны разуметь равенство упомянутых выше гражданских прав и общность некоторых учреждений, соединявших халкидян с Олинфом скорее в военный и гражданский, чем в политический союз. В числе 35 городов, разрушенных Филиппом в 348 г. до Р. Х., называются по именам только Олинф, Мефона и Аполлония.³ Аканф, оставшийся независимым от Олинфа, уцелел во время этого разорения. Большинство названий погибших городов неизвестно; наверное, многие из них по мере уплотнения халкидского или олинфского союза низошли до положения поселков или демов, не имевших отдельных от Олинфа правительственных учреждений, должностных лиц и даже имен. Таким образом, в системе халкидских государств необходимо различать тройкое течение: одни из городов стремились сохранить до конца политическую независимость, другие соединялись с Олинфом на правах союзников, третьи сливались с Олинфом в одну политическую общину, не утрачивая названия города (*πόλις*). Эти главным образом *города* имел в виду и Демосфен, когда убеждал афинян помочь Олинфу, дабы спасти города олинфянам.⁴ Поэтому, говоря о синойкизме всех халкидян, Демосфен мог называть Олинф, хотя и не без риторического преувеличения, главою союза всех окрестных жителей.⁵ О том же времени этолийский оратор у Полибия выражается так: «был некий союз (*σύστημα*) эллинов на Фракийском побережье из колонистов афинских и халкидских; из колоний наиболее славную и могущественною был город олинфяны».⁶ Непонятная неопределенность и разнообразие в союзных отношениях отразились на употреблении имен «халкидян» и «олинфян». По справедливому замечанию Шефера, «фракийские халкидяне» (*Χαλκιδεῖς οἱ ἐπὶ Θράκης*), упоминаемые Дионисием Галикарнасским по поводу посольства олинфян и других халкидян в Афины, обозначают Олинф с прочими союзными городами Халкидики;⁷ с другой стороны, под именем «олинфян» разумеются и жители других частей Халкидики.⁸ Нам кажется, при таком только понимании возможно примирить несогласные, по-видимому, свидетельства древних о халкидском союзе.⁹

Другой аналогичный пример сознательного стремления к союзу также на основе демократических учреждений представила около того же времени Аркадия, долгие и вернее других частей Эллады сохранившая первоначаль-

¹ Demosth. *De fals. legat* 264. 266.

² Strab. VII fr. 11.

³ Demosth. *Philipp.* III 25. Strab. II 4 13.

⁴ τὰς πόλεις τοῖς Ὀλυνθίοις σώζειν *Olynth.* I 17

⁵ πάντας δὲ τοὺς περιχώρους ἔχοντες (οἱ Ὀλυνθιοὶ) συμμάχους *de fals. legat.* 266

⁶ ἢν τι σύστημα τῶν ἐπὶ Θράκης Ἑλλήνων, οὓς ἀπόκισαν Ἀθηναῖοι καὶ Χαλκιδεῖς, ὧν μέγιστον εἶχε πρόσχημα καὶ δύναμιν ἢ τῶν Ὀλυνθίων πόλις IX 28 2.

⁷ A. Schafer, *Demosthenes und seine Zeit.* Leipz. 1856—1858. II, 131. Ср. *Χαλκιδεῖσι πολεμῶν* Polyaeu. III 10 14. IV 10 2.

⁸ Aristot. *Oeconom.* II p. 1350 a. C Nepot. *Timoth.* 1.

⁹ C. G. Böhnecke, *Forschungen auf dem Gebiete der attischen Redner.* I B. Berl., 1843, стр. 95—222. Vischer, *Kleine Schrift.* I, 348 сл. 560. E. Kuhn, *Entstehung der Städte der Alten.* Стр. 283 сл.

ный способ жизни отдельными поселками или небольшими союзами их в пределах наиболее родственных и близких членов племени. Полибию, просвещеннейшему эллину II в. до Р. Х., постоянные занятия аркадян казались грубыми, нравы их слишком суровыми, дикими, нуждающимися в смягчении музыкою.¹ По свидетельству Страбона, Мантиней, Тегея, Герей образовались поздно из самостоятельных первоначальных деревень.² В историческое время жители отдельных небольших поселений выступали под именами своих деревень, чем свидетельствуется политическая самостоятельность сих последних: так, в списках олимпийских и пифийских победителей значились сусийцы, мифидрии, дипейцы, уроженцы незначительнейших поселений в области меналийцев;³ те же имена, иногда с прибавлением «аркадяне», употребляются у Ксенофонта наряду с орхоменцами, жителями большого аркадского города. С другой стороны, топографическая и племенная близость поселений установила обычай этнических наименований для различных частей Аркадии согласно свидетельству Страбона о нескольких племенах аркадян (*ἔθνη*): азаны, паррасии, меналяне, эвтрессии, эгиты, кинурияне.⁴ Эта же самая близость, а равно сходство в образе жизни, нравах и понятиях более всего другого объясняют относительную легкость образования Мегалополя, высокую степень патриотизма, впоследствии одушевлявшего мегалопольских граждан, их готовность и пригодность к совместной политической жизни с другими эллинами на положении равного члена союза. Когда в 222 г. до Р. Х. спартанский царь Клеомен овладел городом и обещал возвратить его невредимым под условием подчинения Спарте, граждане отвергли его предложение и за то поплатились гибелью отечества.⁵ Раньше, в 234/233 г. до Р. Х., тиран Мегалополя Лиδιαд добровольно сложил с себя власть и побудил граждан присоединиться к ахейской федерации; сам Лиδιαд, впоследствии противник Арата, многократно доказал преданность общему делу в звании стратега.⁶ Родом из Мегалополя были доблеетнейшие вожди ахейской федерации: Филопомен, Ликорт, Полибий, равно Аристен, Диофан, Дизэй. Еще в VII в. до Р. Х. все аркадяне (*κοινῆ ἀπὸ πασῶν τῶν πόλεων*) действовали против Спарты общими силами под начальством одного вождя, возведенного, по-видимому, на время войны в звание царя аркадян *βασιλεὺς τῶν Ἀρκάδων*.⁷

Насколько незначительны были вошедшие в состав Мегалополя поселения, видно из того одного, что для образования города в 50 стадий, верст десять в окружности потребовалось до сорока или полные сорок «городов». Степень населенности нового города остается неизвестною; но мы знаем, что при Полисперхонте, в 318 г. до Р. Х., он мог выставить 15 000 воинов, т. е. имел всего населения 60 000—70 000 человек.⁸ Кроме соседних жителей в город могли переселиться и отдельные семейства из городов более отдаленных и значительных, чем и объясняется, что по выбору аркадян должны были наблюдать за сооружением нового города и заселением его кроме одного меналийца и двух паррасиев, два гражданина от Мантиней, два от Тегеи и столько же от Клитора.⁹

¹ II 20. 21.

² VIII 3 2.

³ Xenoph. *Instit. Cyr.* I 1 11. II 5 37. III 1 31 и др. Pausan. III 21 1. V 4 4. 5 3. VI 2 1. 7 3. 12 3. VII 14 1. VIII 18 3 и др.

⁴ Strabon. VIII 8 1.

⁵ Полиб. II 55. IX 18. Plut. *Cleom.* 23—24. Philopoe. 5. Pausan. VIII 27 10.

⁶ Полиб. II 44 5. 51. Plut. *Arat.* 30. 35. 37. *Cleom.* 6. Pausan. VIII 27 15.

⁷ Pausan. IV 17 2. VIII 6 1.

⁸ Diod. Sic. XVIII 68 сл.

⁹ Полиб. IX 21 2. Pausan. VIII 27 2.

Гораздо раньше Мегалополия образовалась Мантинейя из пяти поселений, из девяти Тегея и из стольких же Герейя; в состав Мегалополия вошел, между прочим, город Триполь, сам сложившийся из трех поселений, которые долго сохраняли за собою первоначальные названия.¹

Если взаимная близость облегчала соединение нескольких деревень в один город (*συνοικισμός*), то исконная независимость каждой из них и укоренившаяся в поселениях привычка к самостоятельному ведению своих дел облегчали раздробление сложившихся таким образом городов на их составные части или по крайней мере отделение некоторых из них от общего центра. В 385 г. Мантинейя по воле спартанцев распалась (*διφκίσθη*) на четыре или на пять первоначальных деревень; подобная участь угрожала от той же Спарты и Мегалополю в 353 г., как о том говорит Демосфен.² После битвы при Мантинее (362 г. до Р. Х.) часть мегалопольцев удалась было из города в родные деревни и возвращена назад в Мегалополь только силою. Дело в том, что при основании этого города, как свидетельствует Павсаний, одни из окрестных жителей собирались в него добровольно, против других приняты были меры принудительные; надо полагать, что в числе этих последних были и те недовольные потерей отечества, которые пожелали воспользоваться, по свидетельству Диодора, поддержкою спартанцев после мантинейской битвы.³ В 238 г. до Р. Х. тиран Мегалополия Лидиад отдал Элиде за какие-то услуги Алиферу, одно из важнейших составных поселений города.⁴ Та же Алифера была взята Филиппом во время похода его на Элиду и впоследствии возвращена мегалопольцам.⁵ Отторжение нескольких поселений из состава Мегалополия и возведение их на уровень самостоятельных членов ахейской федерации произведено было Филопоменом в 192 г. до Р. Х.⁶ Словом, жизнь в деревне воспитывала в аркадяне способности и привычки к более широкому и сложному политическому обществу, хотя унаследованная искони самостоятельность деревни не прекращалась окончательно с переходом обитателей ее к городской жизни: при благоприятных обстоятельствах деревенская обособленность воскресала в прежнем виде.

В частности, относительно Мегалополия нужно сказать, что место, время и задача его основания соединились вместе для того, чтобы обеспечить новому городу, как целому, нерушимую крепость. Он пережил все испытания во времена Филиппа, Александра, диадохов и союзнической войны и после разрушения Клеоменом возродился снова в 221 г. до Р. Х. Сооружение Мегалополия на границе территории паррасиев, кинурян, меналян (371—368 гг. до Р. Х.) вскоре после битвы при Левктрах, положившей конец спартанскому господству, должно было знаменовать собою объединение аркадян в союзное государство (*τὸ κοινὸν τῶν Ἀρκάδων, τὸ Ἀρκαδικόν*).⁷ Почин в этом движении принадлежал народной партии тегеян и мантинейскому гражданину Ликомеду при деятельном участии освободителя Эллады Эпаминонда. Сей последний, по словам Павсания, побудил аркадян «собраться» в единое государство (*εἰς τὸν συνοικισμὸν, εἰς μίαν συντέλειαν*) и в ограждение аркадян

¹ Strabon. VIII 3 2. Diod. Sic. XV 72. Pausan. VIII 27 3.

² *pro Megalopolit.* 30.

³ Diod. Sic. XV 94. Pausan. VIII 27 3.

⁴ Полиб. IV 77 10. 78 6—7. Liv. XXVIII 8 6. XXXII 5 5

⁵ Там же.

⁶ ἀπέστησε πολλὰς τῶν περιοκίδων κομῶν Plut. Philopoem. 13. ἀφείλετο τὴν περιοκίδα συντέλειαν Philopoem. et Tit. 1. Ср. E. Curtius, *Peloponnesos*. Gotha. 1851—1852. Bd I, стр. 422. Freeman, *Feder. governm.* 626 примеч.

⁷ συνῆλθον δὲ ὑπὲρ ἰσχύος ἐς αὐτὴν (Мегалополь) οἱ Ἀρκάδες Pausan. VIII 27 1. *συνφκίσθη δὲ ἡ Μεγάλη πόλις ἐναντῶν τε τῶν αὐτῶν καὶ μισὶ ὀλίγοις ὑστερον ἢ τὸ πταίσμα ἐγένετο Λακεδαιμονίων τὸ ἐν Λεύκτραις ibid.* 27 6. *μετὰ δὲ τὴν μάχην οἱ Ἀρκάδες φοβηθέντες τὰς τῶν Λακεδαιμονίων εἰσβολὰς, ἔκτισαν ἐπὶ τινος ἐπικαίρου τόπου τὴν ὀνομαζομένην Μεγάλην πόλιν. συρρίψαντες εἰς αὐτὴν κίμας τεσσαράκοντα τῶν ὀνομαζομένων Μανταλίων καὶ Παρρασίων Ἀρκάδων* Diod. Sic. XV 72.

от посягательств со стороны Спарты отрядил тысячу человек фиванского войска. Павсаний называет поименно и членов комиссии от разных городов, выбранной аркадянами для осуществления этого плана.¹ Таким образом, по мысли основателей Мегалополь должен был представлять собою единое государство аркадян, а прочие города должны были обратиться из самостоятельных политических общин в его составные части. Подобно тому, как аканфяне и аполлониаты заявляли спартанцам, что желают оставаться сами по себе и при законах отцов своих, так и глава партии, враждебной объединительному движению в Тегее, Стасип, добивался сохранения обособленности города и отеческих законов (*εἶν τε κατὰ ἕωρα τὴν πόλιν καὶ τοῖς πατρίοις νόμοις χρῆσθαι*).² Орхоменцы, гереяне не желали приобщиться к аркадскому союзу (*κοινωνεῖν, μετέχειν τοῦ Ἀρκαδικοῦ*) в противоположность, например, Ласиону, вошедшему в этот союз.³ Следует полагать, что и здесь синойкизм, или «собрание» аркадян, означали общность законов и учреждений для всей страны или большей части ее с равными для всех аркадян правами брака и земельные приобретения, а равно переселения в великий город. Идея Эпаминонда и единомышленников его не осуществилась вполне. И здесь, как на Халкидике, одни поселения слились в Мегалополе в нераздельную общину; это были малые и незначительные поселения; другие находились в союзе с центральным государством, не теряя политической самостоятельности; таковы, например, Мантинейя, Тегея, Клитор; третьи держались в стороне от союза; это были более значительные и далекие от Мегалополя города, прежде всего Герея и Орхомен.⁴ Во всяком случае ни в надписях, ни у писателей мы не находим ни разу употребления термина «мегалопольцы» (*οἱ Μεγαλοπολίται*) в смысле аркадян, как употреблялись имена «фиванцев», «олинфян» в смысле беотян, халкидян. Мегалополь, как государство, не простирался на большую часть северной Аркадии: города Псофид, Телфуса, Феней, Кафии, Кинефа, Стимфал не участвовали вовсе в новой организации, что не мешало, однако, уроженцу Стимфала Энею быть облеченным в звание вождя аркадян: территория Мегалополя открыта была для граждан аркадских городов. «Великий город» был центром союзного управления, мало известного нам в подробностях; видимое разногласие известий Ксенофонта, Диодора и Павсания о разных городах Аркадии и об отношениях их к Мегалополю достаточно объясняется отмеченною выше разницею в положении отдельных частей Аркадии и происходившими в течение времени переменами в положении их. Ограничивать аркадский «синойкизм» только основанием Мегалополя путем собирания независимых прежде поселений и отрицать образование союзного государства аркадян, как это делал, например, К. Фр. Герман, не позволяют многочисленные свидетельства литературные и лапидарные.⁵ Конец всяким сомнениям положен был изданием тегейской надписи в 1874 г. Фукаром: существование союзного управления в Аркадии доказано ею неоспоримо.⁶

¹ Pausan. VIII 27 2. IX 14 2. Xenoph. Hellen. VI 5 6. VII 1 23. Diod. XV 59. 62.

² Xenoph. Hellen. VI 5 6.

³ Xenoph. Hellen. VI 5 11. 22. VII 4 12.

⁴ Первые из этих городов Ксенофонт называет малыми Hellen. VII 5 5, Павсаний незначительными по своей слабости VI 12 3. IX 14 2. Ср. Curtius, Peloponnes. I, стр. 176.

⁵ Xenoph. Hellen. VI 5 6. VII 1 2 3. 38. 42. 4 12. 33. 35. 38. 42. 5 1. Diod. Sic. XV 39. Pausan. VIII 32. Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer. Heidelberg 1875, § 177. Rangabé, Antiqu. Hellén. 1845. 1852. II, n. 959 *κοινὸν τῶν Ἀρκαδῶν*.

⁶ P. Foucart, *mémoire sur un décret inédit de la ligue arcadienne en l'honneur de l'Athénien Phylarchos*. Mém. présent. à l'Acad. des Inscript. Ser. I. v. VIII. Paris, 1874. pp. 93—119. G. Dittenberger, *Sylogae inscriptionum graecarum*. 167. Фукар приурочивает памятник к 224 г. до Р. Х., М. Клатт ко времени 251—238 гг. *Forschungen zur Geschichte des Achäisch. Bundes*. Berl. 1877, стр. 93 сл.

Верховная власть союза, ведавшая вопросами войны и мира и вообще внешними делами, хранением священных предметов, преступлениями против союза, принятием новых членов в союз, воплощалась в общем собрании союзных аркадян в Мегалополе, носившем неопределенное название «весьма многие» (*μυριοί*), а не «десять тысяч» (*μύριοι*), как обыкновенно понимается комментаторами Ксенофонта и историками; решения его были обязательны для союзных городов.¹ В надписи Фукара собрание «весьма многих» дарует афинянину Филарху звание проксена и благодетеля. Наряду с верховным народным собранием, по крайней мере в III в. до Р. Х. по восстановлении союза, существовала союзная дума, ведавшая текущими делами и подготавливавшая решение союзных дел в общем собрании, а также должностные лица (*δασίοργοι*). В надписи этого времени перечисляются 50 дамиургов: по 5 от Тегеи, Мантиней, Орхомена, Клитора, Гереи, Телфусы и от кинурян, 3 от меналян, 2 от Лепрея и 10 от Мегалополя.² С большой вероятностью можно заключать, что позднейшим дамиургам соответствовали те 10 комиссаров, коим поручено было наблюдать за «собранием» Мегалополя и Аркадии. Никого иного, кроме дамиургов, нельзя разуметь и под властями (*οἱ ἄρχοντες*) Ксенофонта.³ Из сравнения показаний Павсания и тегейской надписи видно, во-первых, преобладающее положение Мегалополя в Аркадии, во-вторых, более точное определение доли участия в союзных делах за отдельными городами: за синойкизмом наблюдали по два человека от Мантиней, Тегеи, Клитора, от меналян и паррасиев. Дамиурги должны были действовать коллегиально; они-то и составляли думу, или постоянную комиссию общего союзного собрания.

Главою исполнительной власти союза был стратег, союзный военачальник, в распоряжении коего находились, кроме контингентов от городов, 5000 постоянного войска; ему же подчинены были стратеги отдельных городов в случае войны.⁴

Как ни скудны наши сведения о синойкизме Аркадии, об ее союзных учреждениях, во всяком случае ясно, что основой объединительных стремлений аркадян был синойкизм, «собрание» аркадских поселений и городов в единое демократическое государство с преобладанием Мегалополя; но это движение умерялось уступками в пользу более значительных республик, учреждением совещательной думы из выборных должностных лиц от союзных городов, наконец сохранением политической самостоятельности за этими последними. Точного разделения властей собственно мегалопольских и союзных, отличающего ахейскую федерацию, в аркадском союзе мы не находим; непосредственное участие в верховном союзном органе, в собрании «весьма многих», граждане союзных городов могли иметь на деле лишь весьма ограниченное, зато союзные собрания происходили не в одном Мегалополе; по крайней мере Ксенофонт свидетельствует о собраниях всех аркадян в Асее и Тегее.⁵ Поэтому, если нельзя согласиться с Фрименом и Клаттом, что в

¹ ὅ τι κικήρῃ ἐν τῷ κοινῷ, τοῦτο κύριον εἶναι καὶ τῶν πόλεων Xenoph. Hellen. VI 5 6. *μυριοί*, восстановленное Шеманом (*Antiquitates juris publici Graecorum*. Greifsw., 1838, стр. 410), упоминается Ксенофонтом. Hellen. VII 1 38. 4 2. Павсанием VIII 32 1, в надписи τῇ βουλῇ τῶν Ἀρκάδων καὶ τοῖς μυριοῖς. Гарпократион объясняет *μυριοί* в Мегалополе так: *συνέδριον ἐστὶ κοινὸν Ἀρκάδων πάντων*. Диодор употребляет слово в смысле определенного количества 10 000 XV 59; согласно с ним понимают Фишер, Фримен, Кун и др. На основании только Диодора Фишер заключает, что не все граждане аркадского государства имели право на участие в народном собрании. *Kl. Schrift.* I, стр. 353.

² ἔδοξε τῇ βουλῇ τῶν Ἀρκάδων καὶ τοῖς μυριοῖς. Foucart o. c. 93.

³ Pausan. VIII 27 2. Xenoph. Hellen. VII 4 33. 34. 36.

⁴ Xenoph. Hellen. VI 5 11. VII 4 36.

⁵ *Ibid.* VII 3 1. 4 22. 33 сл. 5 3 Diod. Sic. XV 62, 67.

аркадской лиге мы имеем пример «настоящего федеративного устройства (a real federal government), то еще менее верно уподобление аркадского союза беотийскому с гегемонией Фив и с перенесением имени «фиванцев» на всех беотян, уподобление, принадлежащее Фишеру.¹

Не прошло и десяти лет со времени основания Мегалополя, как в среде союзников начались раздоры, приведшие к мантинейской битве и к ослаблению союза (362 г. до Р. Х.). Главными виновниками раздора были мантинейцы, отказывавшие союзным аркадским властям в праве заведовать священным имуществом. Ксенофонт сохранил известие об этом столкновении, тем более интересное, что им засвидетельствованы полномочия «весьма многих» в решении спорных вопросов между союзниками.² В мантинейском сражении на стороне Эпаминонда, следовательно, аркадского союза были жители Тегей, Мегалополя, Асеи, Паллантия и «иных, вынужденных своею слабостью и промежуточным положением».³ Но и после этого союз не распался. Что касается македонского периода, то и тогда аркадский союз и Мегалополь оставались верными первоначальной задаче основателей: сдерживать завоевательную политику Спарты. Против Спарты мегалопольцы вступили в союз с Филиппом, сыном Аминты, и через то получили приращение своей территории на счет владений противника. Такой образ действий мегалопольцев Полибий называет патриотическим. С того времени мегалопольцы отличались неизменным благорасположением к дому македонских царей.⁴ Однако цари Македонии не поощряли союза аркадских городов. Около 343 г. Эсин и Демосфен говорили о собрании «весьма многих» (*μυρίοι*), как о верховном органе аркадского союза; еще яснее говорит Гиперид о союзных собраниях (*κοινοὶ σύλλογοι*) аркадян в обвинительной речи против Демосфена в 324 г. до Р. Х.⁵ В том же году союз был расторгнут по воле Александра, сына Филиппа, равно как и федерация ахеян, что можно заключить из того же отрывка Гиперида и из Полибия.⁶ Из времени 270—266 гг. до Р. Х. до нас дошла афинская надпись, содержащая в себе договор против общего врага между Афинами, Спартою, Элидою, Ахасей и царем Египта; отдельными участниками договора были также тегеяне, мантинейцы, орхоменцы, фиγαляне, кафияне и критяне; мегалопольцы не упоминаются вовсе. Документ падает на время тирании Аристодема в Мегалополе (270—251 гг. до Р. Х.), когда город не принадлежал к союзу, да и самого союза, по всей вероятности, не существовало.⁷ Упомянутая выше тегейская надпись, приурочиваемая одними ко времени, непосредственно следовавшему за освобождением Мегалополя от Аристодема (251 г. до Р. Х.), другими к 224 г., свидетельствует о существовании союза. По всей вероятности, союз аркадян с Мегалополем во главе возобновился при диадохах, распался на время тирании и снова воскресал.

Во всяком случае при наличии некоторых местных особенностей и интересов различные племена и поселения аркадского народа имели много общего между собою в образе жизни, в понятиях и чувствах, что и было важнейшим условием образования единого или союзного государства. Те самые

¹ Freeman *Feder. governm.* стр. 199. Klatt. *о. с.* стр. 93. Vischer, *о. с.* I, 562.

² Xenoph. *Hellen.* VII 4 33—38.

³ *Hellen.* VII 5 5.

⁴ Полиб. II 48. 50. IX 28 7. 33 8. 9. XVII 14 6—8.

⁵ καὶ περὶ τοὺς καινοὺς συλλόγους Ἀχαιῶν τε καὶ Ἀρκάδων Hyperid. in *Demosthen.* fr. 8 ed. Blass. *Leipz.*, 1881. Aeschin. *fals. legat.* 79. Demosth. *fals. legat.* 11.

⁶ II 41 6—8.

⁷ Рангабе *Antiqu. Hellén.* II п. 453 относит надпись к 270 г. до Р. Х.; многие его разделяют Ваксмут. *Die Stadt Athen im Altertum.* I. *Leipz.*, 1874, стр. 626, примеч. 2 и М. Клатт *о. с.* 99 сл. Фукар *о. с.* 117 помещает ее между 265 и 242 гг. до Р. Х.

черты, какими мантинеец Ликомед рисовал всех аркадян около 370 г. до Р. Х. с целью поднять их дух, приписываются всему аркадскому народу (*τὸ τῶν Ἀρκάδων ἕνους*) и Полибием. Аркадский народ представляется ему столь же единым, как и лакедемонский, издревле усвоившим себе одинаковые нравы и привычки; бедствия аркадского города Кинифы дают историка повод укорить граждан его за то, что они пренебрегли занятиями музыкою, общими всем прочим аркадянам.¹ На государство аркадян никогда не переносилось имя одного преобладающего города, Мегалополя;² аркадский союз стал ближайшим провозвестником начал истинно федеративных; по вступлении аркадян в ахейскую федерацию из среды их выходили достойнейшие борцы за преуспевание и независимость общего государства. Все эти явления сводятся к одному источнику; долговременной жизни аркадян или большей части их в условиях, говоря вообще, равных, воспитывавших в различных частях народа сходное уmonoстроение и оживлявших сознание народного единства.

Союз городов с Опунтом во главе существовал с давнего времени у локров восточных, называвшихся по месту жительства эпикнемидскими или по главному городу опунтскими. Постановление в честь Кассандра исходило от собрания локров (*κοινὸν τῶν Λοκρῶν τῶν Ἠοίων*).³

По словам Полибия, у аркадян с давних пор был общий враг с мессенянами — Спарта. Аркадяне ревностно помогали мессенянам в так называемую Аристоменову или вторую мессенскую войну, по окончании ее дали у себя приют уцелевшим мессенянам, даровали им права гражданства и постановили выдавать дочерей своих замуж за возмужавших мессенян. Аркадия сделалась для мессенян вторым отечеством. Интересно предание, по которому родоначальник мессенской династии эпитидов, знаменитый умом и справедливостью, воспитывался у царя аркадян Кипсела, деда своего по матери.⁴ Не меньшее участие показали аркадяне к соседнему народу и три столетия спустя, когда после мантинейской битвы (362 г. до Р. Х.) по настоянию аркадян мессеняне приняты были в число союзников и ограждены договором от покушений со стороны Спарты. Мессеняне молили богов хранить Аркадию. Очевидно, взаимное сочувствие двух народов определялось не только соседством и одинаковым внешним положением их, но и сходными условиями обыденной жизни. Историк наш убеждает мессенян и аркадян жить всегда в согласии и делить всякую долю и всякие опасности, следовательно, пребывать в нерушимом союзе. По мнению Полибия, таково же было и желание Энаминонда, когда он решил после победы над лакедемонянами при Левктрах восстановить мессенский народ и с этой целью при участии союзников основал город Мессену на месте древней Ифомы (ол. 102, 3 = 370—369 гг. до Р. Х.).⁵ Можно с большою вероятностью предположить, что деятельнейшими пособниками Эпаминонда в этом деле были аркадяне, в частности мегалопольцы: они могли рассчитывать, что с основанием Мессены и восстановлением независимости мессенян от Спарты воскреснут и прежние дружеские отношения двух народов. На самом деле этого не случилось. Мессения не могла быть восстановлена в прежнем виде. Во-первых, в стране оказалось несколько поселений чуждых: дриопские аси-наи и аргивские навплии в Мэфоне, фиванцы в Короне, коленины из Аттики

¹ II 38 з. IV 32 з. 20. 21.

² У Полибия выражение «мегалопольцы» однажды имеет значение аркадян вообще II 32 з. 10.

³ Vischer, *Kl. Schrift.* II, стр. 212 сл.

⁴ Pausan. IV 3 з.—9. Apollod. II 8 5.

⁵ Полиб. II 32. 33. Pausan. IV 26—27. Diod. Sic. XV 66. Strabon. VIII 4 1.

в Колонидах; иноземную колонизацию поощрял сам Эпаминонд.¹ Во-вторых, для населения Мессины и нескольких других городков (*ἄλλα πόλιστα*) основателям их необходимо было призвать мессенян из разных стран, где после спартанских разгромов предки их нашли себе убежище. Мессенские войны и так называемое восстание илотов (464—455 гг. до Р. Х.) повели к выселению значительной части мессенского народа в Регий, Занклу, переименованную после этого в Мессану, на Кефаллению, Закинф, в город локров Навпакт; после поражения афинян при Эгоспотамах (405 г. до Р. Х.) навпактские и другие мессеняне удалились частью в Регий и Сицилию, частью в ливийский город Эвесперида.² На призыв Эпаминонда отовсюду стекались остатки мессенян и садились преимущественно в Мессене, которая и должна была воплощать в себе восстановленный мессенский народ. Население Мессении, разнородное по происхождению, по общественным привычкам, объединились путем подчинения господствующему городу; меньшие поселения (*πόλιστα*) заняли относительно Мессены почти такое же положение, в каком очутились города перизков завоеванной Лаконики относительно Спарты, почему и назывались перизками, зависимыми от главного города обывателями, а не полноправными его гражданами.³ Следовательно, призыв Полибия жить в неразрывном союзе с аркадянами обращался не к тому народу мессенян, который вел мессенские войны со спартамцами и молил богов о спасении Аркадии, как второго отечества их, территория которого расширена была Филиппом, сыном Аминты, за счет Спарты,⁴ но прежде всего к господам мессенской территории, жителям Мессены, затем к прочим поселениям разнородного, большею частью иноземного происхождения. Мессена смотрела на прочие мессенские города как на свою собственность. В 208 г. до Р. Х. этоляне требовали от ахейского союза возвратить Пил мессенянам; в 195 г. до Р. Х. мессеняне жаловались римскому сенату на ахеян за отнятие у них Асины и Пила.⁵ Никаких признаков синойкизма или союза главного города с остальными на положении равноправных членом мы не находим в позднейшей истории Мессении. По своему политическому устройству новая Мессения походила больше всего на Лаконику с господствующим над целою областью городом. Внешние отношения Мессении определялись теперь не взаимным соглашением отдельных городов, не союзными постановлениями, но интригами господствующей партии или правителей в Мессене. В царствование Филиппа и Александра город и через то вся страна находились во власти тиранов, благопритствовавших Македонии, сначала Филаида, потом сыновей его, Неона и Фрасилоха; перед ламийской войной (323 г. до Р. Х.) в Мессене восторжествовала демократия, и потому мессеняне называются в числе союзников, боровшихся против Антипатра за освобождение Эллады.⁶ Господством олигархии в Мессене объясняется сближение Мессении со Спартою и долгое воздержание города от союза с Ахейей. В 272 г. до Р. Х. мессеняне оказали помощь спартамцам в отражении Пирра, с того времени пребывали в мире со Спартою и уклонялись от ахейской федерации, как враждебной Спарте. Ближайшим поводом к так называемой союзнической войне Филиппа и ахеян против этолян послужили жалобы мессенян на насилия этих последних; однако на требование союзников выставить свой контингент против общего врага мессеняне

¹ Pausan. IV 27 4. 34 3. 5. Diod. Sic. XV 66.

² Kuhn, *о. с.* 242.

³ Pausan. IV 27 4. 29 5.

⁴ Полиб. IX 28 7. XVIII 14 7.

⁵ Liv. XXVII 30. Полиб. XVIII 42 8. Монета с надписью *Αρχων Κορωναιων* Mionnet supplement. IV, стр. 7 свидетельствует о принадлежности Короны к ахейскому союзу.

⁶ Demosth. *De foed. Alex.* 4. *pro corona* 295. Diod. Sic. XVIII 11. Pausan. I 25 2.

по настоянию эфоров и олигархов отвечали уклончиво (220 г. до Р. Х.). По этому-то поводу Полибий и считает нужным напомнить мессенянам старину, когда они держались вместе с аркадянами.¹ Пребыванием Филиппа V в Мессене (215 г. до Р. Х.) воспользовалась народная партия; она учинила расправу с олигархами и завладела их имуществом, которое и было поделено на жеребьевые участки.² Представляя собою не главу свободного союза, но господствующий над всею областью город, Мессена недружелюбно относилась к ахейской федерации, которая, напротив, поощряла вступление в союз зависимых городов на равных правах с прочими. Мессена вошла в ахейский союз лишь в 191 г. до Р. Х. и то против воли по требованию Т. Квинкция Фламинина; отделившись от Ахаи в 183 г., она вошла в нее снова в 181 г., но при этом были приняты в союз, как самостоятельные государства, зависимые от нее города юго-восточной области: Абия, Фурия, Фары.³

Из всего предыдущего ясно, что Мессения, разгромленная много раз Спартою, потом колонизованная в разное время из разных частей Эллады, не представляла благоприятных условий для осуществления объединительных планов Эпаминонда и союзников. Город Мессена был озабочен больше сохранением господства над прочими городами Мессении, нежели объединением этой последней путем синойкизма или справедливого союза.

В 477 г. до Р. Х. национальное одушевление против персов привело к водворению афинской гегемонии в виде так называемого афинского союза (*συνισχυία*). Под главенством Афин соединились для борьбы с варварами сотни самостоятельных государств, добровольно отказывавшихся от некоторой доли своих державных прав в пользу главенствующего государства. Теперь, в первой половине IV в., гегемония афинян возобновилась; многие эллинские государства вошли снова в союз, но и причины, его вызвавшие, и цели, им себе поставленные, самый состав союза были далеко не те, какие действовали ровно столетие тому назад. Главная опасность для независимости эллинов угрожала теперь со стороны Спарты, той самой Спарты, против которой Коринф и Аргос решились было слиться в единое государство, для ограждения от которой сложились союзы фивский и аркадский, восстановлено было мессенское государство. Начало второму афинскому союзу положено было вскоре после сокрушения морских сил Спарты Кононом при Книде (392/393 до Р. Х.), а основные положения его выработаны и провозглашены народным афинским собранием в 377 г. до Р. Х. в условиях, созданным Анталкидовым миром. Подчинение малоазийского побережья от Ликии до Синопы и Трапезунта царю персов было признано союзниками во всей силе. Приобретенное таким способом благоволение великого царя облегчало задачу союза — освобождение Эллады от спартанского владычества и сохранение независимости и автономии отдельных эллинских государств. Но то же самое обстоятельство сразу сокращало пределы союза и число его членов и ослабляло побуждения ко вступлению в союз и к неослабной верности его началам. Афиняне в своем постановлении открыто призывали к союзу эллинские и варварские города наравне с прочими, благодаря чему второй афинский союз приобретал характер чисто политического, а не национального движения. В течение двадцати лет со времени провозглашения условий союза число членов его возросло до семидесяти четырех. Но уже в 371 г. Фивы отделились от союза, за ними последовали города Эвбеи, вошедшие в союз лишь в 357 г. В недрах самого союза образовалась коалиция против главы его, приведшая к так называемой союзнической войне и к отторжению от союза значительной части членов (355 г.

¹ Pausan. IV 29 2. Полиб. IV 4 2. 31 2. 32 1.

² Полиб. VII 10—14. Plut. Arat. 49.

³ Liv. XXXVI 31. Полиб. XXIII 17 2.

до Р. Х.). Страх фивской гегемонии соединил Спарту и Афины с фокидянами, следствием чего были все ужасы священной войны, покорение Фессалии Филиппом и наконец херонейская битва, нанесящая последний удар и афинскому могуществу, и второму афинскому союзу (338 г. до Р. Х.).

Неудача позднейшей попытки афинян сравнительно с первым их союзом объясняется помимо искусной политики Филиппа и его грозной фаланги изменившимися отношениями эллинов. Время гегемонии миновало. Притязания Спарты в этом направлении встретили жестокое сопротивление со стороны остальной Эллады; кроме Афин и Спарты, или, говоря точнее, Аттики и Лаконики, в других частях Эллады образовались к этому времени сильные центры, ясно сознававшие важность объединения ближайших соседей и в то же время достаточно сильные для того, чтобы охранять свою независимость. В стороне от афинского союза осталась не только береговая полоса Малой Азии, подчиненная персидскому царю и составлявшая $2/5$ податных округов в первом афинском союзе, но важнейшая колония на фракийском побережье, Амфиполь, а также многие города на Геллеспонте и Пропонтиде, острова Наксос и Эгина, большая часть Закинфа, Левкады и др.; с самого начала и до конца афинский союз имел могущественного противника в союзе халкидском или олинфском; Беотия собиралась около Фив, и задолго до распада союза Фивы поднялись на степень первостепенной эллинской державы (371—362 г. до Р. Х.).

В половине IV в. до Р. Х. в Фокиде существовало 22 города, сложившихся в союз (*κοινὸν τῶν Φωκέων, τὸ κοινὸν σύστημα τῶν Φωκέων*) на основе равенства без преобладания какого-либо одного города над прочими. Фокидяне искони действовали против внешнего врага общими силами, представляя плотное целое сначала из деревень, потом из городов, и в борьбе с фессалийцами в доисторическое время, и в священной войне, и впоследствии, в македонскую и римскую эпохи. О фокейском союзном государстве, о народе фокеян, о союзных стратегах их свидетельствуют и писатели, и надписи. Древний *басилей* преобразился со временем в общефокейского вождя. О каком-либо подчинении одного города другому, о каких-либо подданных или рабах в Фокиде мы не находим и малейших указаний до так называемой третьей священной войны, и ко времени вторжения Филиппа в Элладу Фокида представляла собою свободнейшее эллинское государство. Гегемония афинская оказалась способною дать лишь слабую тень того согласия или единения, какое отличало не только фокейский союз, но и аркадский и олинфский: в борьбе с Филиппом фокидский союз обнаружил изумительную силу сопротивления, пока города, в него входившие, не были разрушены Филиппом, причем фокидянам велено жить впредь в небольших деревнях, удаленных одна от другой не меньше как на стадию. Спустя несколько лет города фокидян с помощью фиванцев и афинян были восстановлены, союз снова сложился, и союзные войска фокеян участвовали в херонейской битве и потом в ламийской войне (323 г. до Р. Х.). За доблести в войне против галатов фокеяне награждены были возвращением в дельфийскую амфиक्तिонию. Живучесть союзных начал в Фокиде свидетельствуется тем, что расторгнутый Муммием в 146 г. до Р. Х. союз вскоре был восстановлен сенатом, и еще во время Павсания существовало общефокейское собрание (*Φωκικὸς σύλλογος*), куда отдельные города посылали своих представителей; из эпохи послетроянской сохранилась надпись с титулом вождя фокеян (*φοκάρχης*).¹ Понятно, что притязания афинян на господство

¹ Demosth. *Fals. legat.* 81. 123. Strabon. IX 3 12—13. Diod. Sic. XVI 24. 32. 27. 60. Pausan. X 3 1—2. 4 1. 5 1. 8 3. 20 3. VII 16 9. Athen. VI 264 CD. Bursian, *Geogr. von Griechenland.* 1862. I, 159 сл. Vischer, *Kl. Schrift.* I, 328 сл. Wescher et Foucart, *Inscriptions recueillies à Delphes.* Paris, 1863, nn. 35. 47. 53 и мн. др.

ввиду объединительного движения в разных частях Эллады на началах равенства были анахронизмом, повторением пережитого явления. Будучи создана с целью возвратить эллинам свободу, отнятую Спартою, и охранить ее на будущее время, афинская гегемония должна была или преобразиться немедленно по разрешении этой задачи, или исчезнуть. Раз миновала та потребность, ради которой союз с гегемонией был основан, и афиняне не желали отказаться от дарованной им роли гегемона, в среде союзников должно было обнаружиться недовольство и стремление к отторжению; насильственные меры со стороны Афин, сопровождавшиеся явным нарушением основных условий союза, только обессиливали организацию и вели ее к полному разложению. Главенство Афин, отличавшее афинский союз и другие подобные от федерации равноправных членов, выражалось в том, что так называемый общий совет союзников (*τὸ κοινὸν συνέδριον τῶν συμμάχων*) был только учреждением совещательным, решения которого, как и афинской думы, могли быть приняты или отвергнуты народным собранием афинян (*ἡ ἐκκλήσια*). Следовательно, верховные права принадлежали афинскому народу, который не посылал своих представителей в союзный совет, не имел ни особых должностных лиц, ни особых учреждений, рассчитанных на участие в союзных делах. Самое официальное обозначение союза «афиняне и союзники» (*οἱ Ἀθηναῖοι καὶ οἱ σύμμαχοι*) знаменовало собою отсутствие единства и равноправности в действиях союзных государств: главенствующие Афины стояли не в одном ряду с союзниками, но над ними; подчиненное положение союзники могли терпеть только временно; от собственных верховных прав (суверенитет) они могли отказаться только ради определенной общей цели, в условиях исключительных; с минованием этих последних стремление к полной самостоятельности и равенству вступало в свои права, и гегемония рушилась.¹

Союзы лакедемонский, первый и второй афинский, содействуя, с одной стороны, взаимному сближению входивших в союз государств, в то же время обнаруживали полную несостоятельность таких форм объединения, в основу коих полагалась неравномерное распределение прав и обязанностей между гегемоном и совокупностью прочих союзников. Оставляя неприкосновенною самостоятельность союзных государств, подобные союзы научали эллинов ценить выгоды собирания своих сил воедино, но вместе с тем отвращали их от сильных государств и скорее укрепляли, чем ослабляли, привязанность к формам совершенно независимой, суверенной городской республики. Поэтому, если Фримен в обозрении попыток федеративного устройства эллинов впадает в крайность, обходя молчанием союзы лакедемонский и афинские, то, с другой стороны, не правы Фишер и особенно Бузольт, когда они примеры гегемонии зачисляют в разряд опытов федеративного устройства. Федеративное движение эллинов, поскольку оно осуществилось, исходило из других начал и особенностей эллинской жизни, а не из стремлений сильнейшего государства к господству над слабейшими. Положение гегемона больше приличествовало и легче могло достаться на долю могущественному иноземному государству или владыке, каким была Македония с Филиппом и Александром, нежели какой-либо из городских общин самих эллинов, одинаково высоко ценивших свободу и самостоятельность политической жизни в своих государствах, никогда не признававших особенного права за одною частью эллинов на господство над остальными.

¹ Текст условий, определяющих взаимные отношения Афин и союзников их, содержится в надписи Corp. Inscr. Attic. II 17. Cp. 5. Busolt, *Der zweite athenische Bund und die auf der Autonomie beruhende hellenische Politik von der Schlacht bei Knidos bis zum Frieden des Eubulos*. Mit einer Einleitung: zur Bedeutung der Autonomie in hellenischen Bundesverfassungen. Leipz., 1874. Besond. Abdruck aus d. 7 Supplb. der Jahrbüch. f. class. Philologie.

Задатки эллинской федерации глубоко коренились в стародавних привычках и обычаях родового быта; в более чистом виде они должны были сохраниться в тех частях Эллады, которые наидольше оставались в стороне от исторического движения, создававшего значительные города с подчиненною им территорией, обширную торговлю и промышленность, вызывавшие скопление богатств в руках немногих и более резкие классовые деления. Родовому быту эллинов, как и других народов, присуще было самоуправление родов, коим, говоря вообще, соответствовали демы или комы (деревни);¹ наряду с соединением родов в самоуправляющиеся племена, коим соответствовали, например, у аркадян и этолян, паррасии, кинурияне, эвританы, офиюны и др., существовал союз племен, представлявший близкое подобие народа, как у тех же аркадян или этолян; соответственно такой группировке племен и союза племен организовалось управление в деревнях, племенах и в племенном союзе. Обыкновенно отдельные племена, обладая особыми именами и наречиями, занимали определенные области, были вполне независимы одно от другого и соединялись вместе в случаях общей опасности. Относительно этолян мы находим у Фукидида ясное указание на такой именно способ действий;² точно так же поступали аркадяне, фокеецы, мессеняне и другие народности, представлявшие более или менее прочный и постоянный союз родственных племен. Меньшие родовые деления не подчинялись большим, но входили в них как составные части. Советы представителей отдельных родов и колен, или племен, потом общенародные собрания всех соплеменников, или членов союза всех племен, начальники племен и общий начальник племенного союза — таковы были естественно слагавшиеся органы народного самоуправления.

Благодаря сравнительному обилию уцелевших надписей, пополняющих литературные известия, в политических отношениях эпитротов удастся проследить некоторые интересные явления, проливающие свет на глубокую старину эллинских племен и на позднейшие союзные учреждения. По свидетельству Феопомпа, сохраненному Страбоном, Эпир занят был четырнадцатью племенами, из которых возобладали над остальными сначала хаоны с феспротоми, потом молоссы. Прочие племена были частью поглощены этими тремя, частью вошли в состав македонян и этолян. До позднейшего времени эпитроты жили по деревням (*κατὰ κώμας*): в 168/167 г. до Р. Х. римский полководец Павел Эмилий разрушил семьдесят эпирских «городов» и продал в рабство 150 000 эпитротов; в таком числе «городами» в Эпире могли быть только деревни.³ Рядом с общим именем эпирского народа (*Ἐπιρῶται*, *Ἀπειρῶται*) удерживались и названия отдельных племен: феспротов, хаонов, молоссов; рядом с учреждениями, общими для всего народа, сохранялись и учреждения племенные. Ко времени пелопоннесской войны хаоны и феспроты управлялись не царями, но двумя должностными лицами, выбираемыми ежегодно из господствующего рода (*πρόσταται*); во главе молоссов Фукидид ставит царей (*βασιλεῖς*), вероятно тем только отличавшихся от простатов, что власть их была пожизненная и с некоторыми ограничениями наследственная: обе эти черты присущи были и фокейским стратегам, которых Эскин называет тиранами, а Павсаний владыками (*δυνασταί*).⁴ Уже в надписях IV и начала III в. до Р. Х. упоминаются простаты и у молоссов.⁵

¹ Аристотель (*Polit.* I 1 (2) 6) называет деревню колонией семьи *ἡ κώμη ἀποικία οἰκίας*.

² Фукид. III 94 4—5.

³ Strabon. VII 7 s. 8. Полиб. XXX 16. Liv. XLV 35.

⁴ Фукид. III 80. Plut. *Pyrrh.* 1. Aeschin. *Fals. legat* 130—132. Pausan. X 7 1. 2 7.

⁵ Carapanos, *Dodone et ses ruines*. Paris, 1878, стр. 49. 50. 52. 53. 55. 58. 60. Статья Гомперца о надписи с простатом молоссов у нас не было под руками. Arch. epigraph. Mittheil. aus Oesterr. V.

Необходимым условием владычества для эпирского царя была умеренность в управлении, заслуги по устройению или расширению территории, верность клятве, которую молосские цари ежегодно давали народу в Пассароне — править по законам (*ἀρξέειν κατὰ τοὺς νόμους*); народ клялся охранять царскую власть также по законам. Нарушение клятвенного, ежегодно возобновлявшегося уговора навлекало кару на обе стороны: Диодор и Плутарх сообщают случаи смещения эпирских царей.¹ Прекращение династии пирридов во второй половине III в. до Р. Х. положило конец наследственной власти начальников союза племен; место его занял выборный стратег, а эпирское государство получило название «союза эпиротов, жительствоющих кругом Феники» (*τὸ κοινὸν τῶν Ἠπειρωτῶν περὶ Φοινίκην*). Но, разумеется, происшедшую перемену никак нельзя понимать в смысле замены монархии республиканским правлением: подобные термины, без всякой оговорки употребляемые Фрименом и другими историками, не соответствуют действительным отношениям Эпира. И в царствование пирридов не были упразднены ни народное собрание эпиров (*ἐκκλησία*), ни простаты отдельных племен, ни совет простатов, т. е. те самые учреждения, какие мы находим в союзе эпиротов в позднейшее время, но теперь они действуют более правильно, в меньшей зависимости от единоличной воли вождя эпирского народа. С прекращением династии пирридов и преобладания молоссов центр управления переместился из Пассарона, молосского города, в Фенику, главный город хаонов. Сообщаемые Полибием известия о нападении иллирян на Фенику, «город эпиротов» (229 г. до Р. Х.), а равно о смертном приговоре эпиротов против виновных во вражде к римлянам по настоянию Харопа (164—169 гг. до Р. Х.) подтверждают такое именно значение этого города. В Фенике же происходили переговоры Филиппа V (204 г. до Р. Х.) с тремя стратегами эпиротов; там же приняты римские послы перед второй войной с Филиппом (199 г. до Р. Х.). Однако народные собрания эпиротов, как вообще в подобных союзах, могли происходить и в других городах: римские послы Марций и Атилий (171 г. до Р. Х.) приняты были эпиротами в Гитанах.² В трех стратегах (*praetores*), упоминаемых Ливием, следует видеть совет стратега, состоящий из «предстателей» трех племен. Верховные права союза воплощались в народном собрании: оно решало вопросы о войне и мире, принимало иноземных послов, даровало право гражданства.³

История не сулила всем разновидностям эллинов равномерного и одинакового поступательного движения; одни из них сравнительно рано перешли из родового быта в городской или государственный; завещанные предками родовые учреждения сменились государственными, хотя эти последние отчасти складывались применительно к старым учреждениям: афинская дума четырехсот или пятисот, афинское народное собрание, афинские коллегиальные учреждения должностных лиц представляли собою приспособленные к новому положению вещей примитивные учреждения. Но союзы эллинских племен никогда не охватывали всей территории, занятой эллинской нацией; единственную попытку в этом направлении представляли амфиктионии, но задачи их были почти исключительно религиозные. Однако весьма знаменательно, что первый политический союз афинян с союзным собранием и союзною казною на Делосе примыкал к исконной дельийской амфиктионии и тем самым становился как бы видоизменением старинного учреждения; онхестская амфиктиония сменилась в историческое время бео-

¹ Aristot. *Polit.* VIII 10. 11. Diod. Sic. XV 13. Plut. *Pyrrh.* 2. 5.

² Полиб. II 5. XVI 27 4. XXXII 21 1—2. 26. Liv. XXIX 12. XLII 38. Carapanos. *о. с. н.* 7, стр. 53.

³ Полиб. IV 30 6—8. 16 1. XVI 27 4

тийским союзом, в который перешел и храм Посейдона как союзное святилище беотян; но основная черта амфикифоний и онхестской и делийской — равноправность всех членов федерации — отсутствовала в союзах беотийском и афинском с политической гегемонией Фив и Афин.¹

Действие федеративных начал в Элладе до последнего времени ограничивалось некоторыми областями, не переходя за пределы территории, занятой наиболее близкими друг другу племенами или коленами. Таковы были федерации фокидская, аркадская, фессалийская, мессенская, этолийская, ахейская и др. Когда господство македонян, сопровождавшееся насильственным расторжением союзов и позднейших союзных образований, разорением городов, истреблением непокорных жителей, вызвало среди эллинов настоятельную потребность соединить свои силы, на историческую сцену выступили народности, во многих отношениях отставшие от соседей, но зато полнее сохранившие в своем быте древние начала свободной федерации без притязаний на гегемонию или поглощение, с политической организацией, обещавшей равноправность всем членам союза без различия государств близких и далеких, сильных и слабых, первоначально образовавших союз и позже в него вошедших. Этолийская и ахейская федерации не были поэтому учреждениями искусственными, вызванными на свет будто бы честолюбием отдельных личностей и совершенно чуждыми характеру эллинского народа. Павсаний глубже многих новых историков постигал истинные корни федеративного движения, когда уподоблял ахейский союз ветке, выросшей на изболевшем дереве, следовательно питаемой здоровыми соками того же дерева.² Начало единения было едва ли не более общим, древним и первоначальным в жизни эллинов, как и начало дробления или партикуляризма; этому последнему суждено было возобладать на долгое время в междуэллинических отношениях. Лишь в последние годы политической независимости, после того как изболита была несостоятельность попыток гегемонии и владычества, эллины решились под гнетом тяжелых бед воспользоваться другими началами своей жизни и дать им широкое применение; достигнутые к этому времени успехи гражданственности и образования сделались в большей или меньшей мере общим достоянием эллинской нации, что ослабляло силу накопившихся различий. Связь нового явления с исконными формами жизни служила только более полному его оправданию,

¹ Попытки связать позднейшие городские учреждения с первобытными родовыми отношениями, как устанавливаются сии последние сравнительной этнографией, проникают все больше в политическую историю классических народов. Gilbert, *Handbuch der gr. Staatsalterthümer*. II, L. 1885, стр. 262 сл. Аландский, *История Греции*, стр. 73—107. Капитальнейшее исследование в этом направлении Лейста *Graecoitalische Rechtsgeschichte*. Jena, 1884. О конфедерациях в первобытных обществах особенно обстоятельно говорит Морган в сочинении *Systems of consanguinity and affinity of the human family*. Washingt., 1871. См. также упомянутое выше сочинение Фримена *Comparative politics*, passim.

² ἄτε ἐκ δένδρου λελωβημένου ἀνεβλάστησεν ἐκ τῆς Ἑλλάδος τὸ Ἀχαικόν. Paus. VII 17 1. Ахейский союз, по словам Брандштетера, «образовался в угоду честолюбию единственного человека, который возобновил забытую, казалось, борьбу за преобладание». *Geschichte d. aetol. Land., Bund. und Volkes*, стр. 299. Ларош называет ахейский союз «пустым искусственным призраком», который держался только «при помощи мелких, изысканных, часто низких интриг и махинаций». *Charakteristik des Polybius*. L., 1857, стр. 84. Ср. 2. 4. Фишер замечает, что развитие федеративного принципа вызвано было истощением сил эллинской нации. *Kl. Schrift*. I, 325. «Совершенно новой организацией» называет он союзы ахейский и этолийский стр. 334. Ницш *Polybius, zur Geschichte antiker Politik u. Historiographie*. Kiel, 1842, стр. 21 говорит об этом времени: es begann auf dem Felde politischen Lebens eine künstliche Kultur, nachdem der Boden selbst alle Kraft verloren. Точнее выражается Фишер в другой статье, *ibid.* стр. 549. Интересный, хотя мало разъемлемый материал о племенном быте эпиротов см. Kuhn, *Entsteh. d. Städte*, стр. 142 сл. Без достаточных оснований автор заносит в число эпиротов аподотов, офонян, эвританов.

обеспечивала ему тем больший успех и сочувствие. Старые порядки, возникшие путем естественного разрастания, державшиеся на чувствах племенного родства и территориальной близости, вставали теперь в новом виде, получая определенность в договорах и в целой системе федеративных учреждений. К началу III в. до Р. Х. по всей Элладе возобладала демократия; даже цари Спарты, гераклиды Агид и Клеомен вознамерились уничтожить эфрат, главную опору аристократического строя Спарты, и тем вызвали в Пелопоннесе повсеместное брожение, опасное для Ахаи, в пользу спартанской гегемонии. На очереди стояло разрешение экономических вопросов. Древние федерации с народным самоуправлением, с родовыми формами владения больше отвечали такому настроению, нежели порядки позднейшие, созданные городской жизнью в отдельных республиках. Прежде чем перейти к обзору судеб главнейших эллинских федераций, мы отметим еще некоторые примеры федеративных связей в IV и III вв. до Р. Х., в доказательство того, что не стремление к гегемонии Клеомена III, противника Арата, но союзы ахейский и этолийский верно отвечали назревшим потребностям.

Из половины IV в. до Р. Х. известен союз эвбейских ионян: о нем говорит Эсхин в речи против Ктесифонта и приписывает образование его тирану Каллию из Халкиды; союзное собрание, куда различные города посылали своих участников (*συνέδροι*), называется эвбейским собранием (*τὸ Εὐβοικὸν συνέδριον*). В Халкиде же создано было «собрание эвбейских городов» Т. Квинкцием Фламинином в 194 г. до Р. Х.¹

Из времени Лисимаха (295—287 гг. до Р. Х.) сохранилась надпись, свидетельствующая о существовании союза малоазийских ионян (*τὸ κοινὸν τῶν Ἰωνῶν*), причем называется по имени и общий вождь ионян.² Как эти, так и прочие подобные союзы — акарнанов, локров западных, энианов, этеев, дорян, ликийн, краткие сведения о которых извлечены почти исключительно из надписей и собраны у Титмана, К. Фр. Германа, Фишера, Шемана, Фримена, Гильберта, Куна,³ — не выходили за пределы территорий, населенных одним и тем же племенем, хотя бы и разветвившимся на несколько разновидностей и находившимся под действием одинаковых приблизительно условий внешних и внутренних. Почин в решении дальнейшей задачи федеративного движения — распространить начала равноправного союза за пределы территории племени — принадлежал не городу тому или другому, но племенным союзам городов или поселений, этолийскому и ахейскому.

Как ни скудны наши сведения о местных федерациях эллинов, тем не менее они могут и должны служить к уразумению событий и учреждений ахейско-этолийского периода. В том самом федеративном движении, примеры которого рассмотрены выше, и начала которого теряются в незапамятной старине, следует различать два главных периода соответственно двум формам союза: первоначальные федерации родов и племен, позднейшие — городов в пределах одного племени или нескольких племен, соединившихся в народ. Тогда как в Фокиде, например, на Халкидике и на Эвбее мы имеем случаи городских федераций, Аркадия представляет смешение обеих форм союза, а в Эпире членами федерации до последнего времени были племена.

¹ Aesch. in Ctesiph. 89. Liv. XXXIV 51.

² Sylloge inscript. graecar. ed. Dittenberger. 1883, n. 137.

³ Tittmann. Darstellung der griechisch. Staatsverfassungen. L. 1822, стр. 618 сл. К. Fr. Hermann, Lehrbuch d. gr. Staatsalterth. § 177⁵. Vischer, Kl. Schrift. I, 331 сл. II, 172 сл. Schoemann, griech. Alterthum. II. стр. 26 сл.³. Freeman, Feder. governm. passim. Gilbert, Handbuch II, passim. Kuhn. Entstehung d. Städte, стр. 139 и др.

Федерация этолян

Полибий — горячий ахейский патриот; на ахейский союз он возлагал самые смелые надежды; в нем он видел осуществленными те начала единения на основе демократии и равенства всех входивших в него государств, которые должны были спасти свободу Пелопоннеса и Эллады от господства иноземцев. К тому же Полибий был образованнейший эллин своего времени. искавший оправдания всякого явления в современных требованиях, в понятиях определенной цели и осмысленной, рассчитанной системы средств. Руководящим началом в его критической оценке личностей и событий настоящего и прошлого был субъективный рационализм, замыкавшийся в личных представлениях историка о выгодном и невыгодном, целесообразном и нелепом и т. п., но не проникавший в исторические и бытовые условия и особенности событий, народов и стран. Следствием этого являлись, с одной стороны, перенесение в прошлое несвойственных ему мотивов, но таких, которые, по личному убеждению историка, были бы в его собственное время наиболее уместными и действительными; с другой стороны, от историка укрывались во многих случаях подлинные причины явлений и подлинные побуждения народов и отдельных личностей. Пока мы ограничимся немногими примерами. Веру в богов и преисподнюю он считает мудрою выдумкою предков, назначение коей обуздывать порывы страсти, присущие легкомысленной и нерассудительной толпе (*τοῦ πλῆθους χάριν*). Полумифический Ликург руководствуется в законодательной деятельности такими же самыми соображениями, какие определяли образ действий Сципиона Младшего.¹ Любовь аркадян к музыке насаждена, по словам Полибия, праотцами их с определенными воспитательными целями.² Об ахейском союзе и его учреждениях он говорит так, как будто в Элладе не существовало никакой другой демократии, никакого другого союза эллинов. Все, что не отвечало его представлениям о справедливом или практически выгодном, о целесообразных способах действия, что препятствовало осуществлению сочувственных ему планов и намерений, все это, по его убеждению, было последствием злонамеренности, нравственной испорченности и вызывало в нем осуждение или даже негодование, но не охоту к исследованию и объяснению причин и условий. По словам самого Полибия, внимания историка заслуживают положительные, а не отрицательные явления.³ Субъективным настроением историка запечатлена вся оценка поведения этолян.

Перед Клеоменовой войной (227 г. до Р. Х.) этоляне не воспрепятствовали Клеомену занять союзные с ними города Аркадии Тегею, Мантинию, Орхомен. «Таким образом», замечает по этому поводу историк, «тот самый народ, который раньше под всякими предлогами из алчности ходил войною и на тех, от коих не терпел никакой обиды, теперь прощал нарушение договора и потерю важнейших городов, лишь бы создать из Клеомены могущественного противника ахеянам».⁴ Виновниками так называемой союзнической войны (220 и 217 гг.) он называет одних этолян. «Этоляне давно уже тяготились мирным положением, вынуждавшим их расходовать собственные средства, тогда как они привыкли жить на счет соседей, а потребности их из врожденной хвастливости были велики; она-то побуждает их

¹ XI 56 9—12. X 2 8—12.

² IV 20—21.

³ II 61.

⁴ II 46 3.

вести постоянно хищнический, дикий образ жизни; никого они не считают другом себе, напротив, во всех видят врагов».¹ Около этого времени этоляне вторглись в Мессению; на пути чрез владения ахеян «неумеренно жадная к добыче толпа не могла удержаться от хищения, а потому этоляне на всем пути разоряли и грабили поля, пока не дошли до Фигалии. Отсюда они совершили внезапное и дерзкое вторжение в область мессенян невзирая на дружественный союз, искони существовавший между ними и мессенянами, нарушая общепризнанные права народов; все принося в жертву своей алчности, они опустошали безнаказанно страну, так как мессеняне не дерзали выходить против них».² Привыкшие жить грабежом и добычею, они роптали на Агелая за то, что с заключением по его настоянию мира отрезаны были им все пути к грабежу.³ Для этолян не существовало границы между мирным и военным состоянием, и они во всякое время шли на дела, нарушавшие общечеловеческие права и установления.⁴ Святость и неприкосновенность храмов и изображений богов не останавливают хищнических нападений этолян. В Кинфе они ограбили храм Артемиды, в Дии, кроме городских стен, частных домов и гимназии, сожжены были прилегавшие к храму портики, уничтожены все священные предметы, служившие к украшению храма или употреблявшиеся на празднествах. Начальник этолян Скопас воевал не с людьми только, но и с богами, а народ по возвращении его в Этолию не только не признал его нечестивцем, но превознес почестями и взирал на него как на доблестного мужа, оказавшего услугу государству.⁵ Когда этот же Скопас возвратился из Мессении после хищнического набега, этоляне выбрали его в стратеги. «Я не знаю, что и сказать об этом», — замечает историк. «Не воевать по общенародному постановлению, но со всем ополчением совершать хищнические набеги на соседей, при этом ни одного из виновных в том не только не карать, но еще оказывать почет избранием в стратеги людей, руководивших подобными предприятиями, — такое поведение представляется мне верхом коварства» (*τῆς λάσπης γέμειν κακοπραγμοσύνης*⁶). Ради удобств в совершении разбоев и грабежей они постоянно держались дружбы с элейцами.⁷ По словам Филиппа, и он, и прочие эллины многократно обращались к этолянам с требованием отменить закон, позволяющий им «брать добычу на добычу», но они отвечали, что скорее «Этолия будет изъята из Этолии», чем отменен этот закон.⁸ Этоляне грабили Элладу непрерывно, без объявления войны нападали на многие народы, а когда обиженные требовали у них отчета, те не удостоивали их оправдания и еще издевались над вопрошающими. Грабят этоляне не только тех, против кого воюют: если другие народы ведут между собою войну, будь они в дружественном союзе с Этолией, этоляне без соизволения на это союзного собрания нападают на территорию воюющих народов, грабят обе стороны, не

¹ *Αἰτωλοὶ πάλαι μὲν δυσχερῶς ἔφερον τὴν εἰρήνην καὶ τὰς ἀπὸ τῶν ἰδίων ὑπαρχόντων δαπάνας ὡς ἂν εἰδικμένοι μὲν ζῆν ἀπὸ τῶν πέλας, δεόμενοι δὲ πολλῆς χορηγίας διὰ τὴν ἐμφυτον ἀλαζωνείαν, ἢ δουλεύοντες αἰεὶ πλεονεκτικὸν καὶ θηριώδη ζῶσι βίον, οὐδὲν οἰκείον, πάντα δ' ἠγοούμενοι πολέμα* IV 3 1.

² IV 6 10—12.

³ V 107 6—7.

⁴ IV 67 4.

⁵ IV 18. 19 4. 62. Ср. 25 8. IX 34 8—11. 35 6—7.

⁶ IV 27 2.

⁷ IV 9 10.

⁸ *πολλάκις γὰρ κάμου καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων διαπρεσβευομένων πρὸς ὑμᾶς, ἵνα τὸν νόμον ἄρῃτε τὸν δίδοντα τὴν ἐξουσίαν ὑμῖν ἄγειν λάφυρον ἀπὸ λαφύρου, πρότερον ἔφατε τὴν Αἰτωλίαν ἐκ τῆς Αἰτωλίας ἀρεῖν ἢ τοῦτον τὸν νόμον* XVIII 4 8. См. примеч. Швейггейзера к XVII 4 8.

зная границы между дружбою и враждою. Нет насилия, которого устыдились бы этоляне, если только они могут извлечь корысть из него.¹

Словом, насилие, грабеж и другие подобные преступления, сопровождаемые завистью, коварством, наглостью, вероломством, входили в привычки этолян, по представлению нашего историка. Фламиний потому будто бы и не пожелал очистить Элладу от Филиппа после победы при Киноскефалах, что знал хорошо наклонность этолян к грабегам и не хотел отдавать им эллинов на жертву; раздражала его и кичливость этолян.² Во вторую македонскую войну во время переговоров Фламининна с Филиппом при Никее (198/197 г. до Р. Х.) сей последний на вопрос римского консула, почему он боится подойти ближе, отвечает, что он боится только богов, а не доверяет очень многим, больше всего этолянам.³ Большинство этолян Филипп называет не-эллинами, именно аграев, аподотов, амфилохов.⁴

Римский преемник Полибия, Ливий, рисует этолян такими же или почти теми же самыми чертами. Этоляне — народ беспокойный (*inquieta gens*), жестокий в несвойственной эллинам мере (*ferociores quam pro ingeniis Graecorum gentis*), всюду несущий за собою разорение и грабежи.⁵ Впрочем, показания Ливия не могут прибавить ничего к Полибиевой характеристике: во-первых, римский историк Августова века стоял еще дальше от древне-эллинических нравов, нежели эллинский; во-вторых, в своих известиях об Элладе этого времени он находится в полной зависимости от эллинского оригинала; в-третьих, этоляне были злейшими врагами римлян. Интересно, напротив, что Плутарх, хорошо зная Полибия, сочувствуя ахейскому союзу и в биографиях Агида, Клеомена, Фламининна и др. не раз упоминая об этолянах, не обнаруживает по отношению к ним той нетерпимости и раздражения, какими запечатлены повествования Полибия и Ливия, хотя и знает о наклонности их к грабежу и об их кичливости.⁶ Много занимается этолянами Страбон в своей «Географии», и, однако, ни от себя, ни со слов Эфора, часто упоминаемого, он ничего не говорит о тех пороках, какими наделены этоляне у Полибия.

Впрочем, хищнические набеги этолян на эллинские поля совершались и раньше описываемого Полибием времени. Афеней (II—III вв. до Р. Х.) сохранил нам, итифаллическую песню, которою афиняне встречали Деметрия Полиоркета по возвращении его из Левкады в Афины (302—301 г. до Р. Х.). Этоляне называются здесь Сфинксом, во власти которого не одни Фивы, но целая (?) Эллада, который похищает и уносит тела афинян, раньше грабил соседей, а теперь и дальние народы.⁷ Хотя итифаллический гимн, исполняемый веселым хором замаскированных, в женщин переодетых певцов, и не имеет значения исторического свидетельства, тем паче, что обыкновенно этоляне и афиняне находились в дружественных взаимных

¹ IV 16 4. XVIII 5. *Αἰτωλῶν κακοπραμοσύνη* IX 39 6. *ἔθος ἐστὶ ταῦτα πράττειν μηδὲν αἰσχρὸν νομίζειν, εἰ μόνον πρόσεστι πλεονεκτεῖν* IX 38 6.

² *οἱ Αἰτωλοὶ τὸν βίον ἀπὸ ληστείας καὶ τῆς τοιαύτης παρανομίας εἰώθεισαν ἔχειν. καὶ ἔως μὲν ἐξῆν τοὺς Ἕλληνας φέρειν καὶ λεηλατεῖν, ἐκ τούτων ἐπορίζοντο τοὺς βίους, πᾶσαν γῆν ἠγούμενοι πολεμῶσαν* XXX 11 1—2. Ср. II 3 3. 4. 6. 43 9—10. 45 1. 46 3. 49 3. IV 7 2—4. 6. 15 8—11. 16. 17 1. 27 2—3. 62 4—5. 57 4. 79 2—3. V 96 8. IX 38 6. XIII 1 1. XVIII 34 1—2.

³ Полиб. XVIII 1 7. Ср. 4.

⁴ XVIII 5 6.

⁵ Liv. XXVII 3. 30. XXXI 22—26. 29—32. 40. XXXII 4. XXXIV 24. 49. XXXVII 11. 45.

⁶ Plut. *Flamin.* 8. 10. 15.

⁷ Athen. VI p. 253 E. В русском переводе гимн приведен в сочинении В. Г. Васильевского: *Политич. реформа*, стр. 35 примечание 1. В переводе *περικρατούσαν* передано «держит в ужасе» вм. господствует, держит во власти. *Αἰτωλοὶ τοσοῦτῳ τῶν λοιπῶν ἐπομότερον ἔχουσι πρὸς θάνατον, ὅσῳ περ καὶ ζῆν πολυτελῶς, καὶ ἐκτενέστερον ζητοῦσι τῶν ἄλλων.* *ibid.* XII p. 527 B.

отношениях, что сочинитель гимна желал польстить одному из македонских владык, которым много приходилось бороться с этолянами, однако и он может служить к подтверждению существовавшего у этолян обычая искать добычи в чужих землях.

В этом, как и во многих других отношениях, этоляне среди более преуспевших эллинов представляли обломок давней старины, когда, по словам Фукидида, эллины ходили всегда в вооружении, когда занятие разбоем и грабежом «не почиталось постыдным, скорее приносило некоторую славу». Взаимные распри соседей и даже разделенных значительными расстояниями племен, нападения друг на друга и грабежи составляли обычное явление в гомеровском обществе; последствием похищения стад и опустошения полей бывали обыкновенно войны. Недаром Ахилл говорит Агамемнону, что для него нет основания воевать с троянцами: ибо никогда не уводили они ни его коров, ни лошадей, не опустошали его полей. Нестор рассказывает о распри этолян с элейцами из-за похищенных стад и т. п.¹ От того отдаленного времени сохранился у эллинов обычай до последних дней независимости Эллады позволять гражданам перед началом открытых военных действий ходить за добычею в неприятельскую землю, отсюда такие выражения, как *σῦλα*, *σύλας δίδόναι*, *λάφυρον ἐπικηρύττειν*, *ρύσια καταγγέλλειν*, — обычай, свойственный всем эллинам безразлично и засвидетельствованный самим Полибием.² Во взаимных отношениях между племенами или коленами в гомеровскую эпоху преобладала вражда и хищение, что вело за собою пренебрежение к человеческой жизни, вороватость, обман, неуважение личности врага и ее прав; рядом с этими чертами стояли привязанность к родине, почтение к родителям и старикам, человеческое обращение с нищими и рабами, неприкосновенность гостеприимства, верность родственным связям и дружбе.³

Во времена Фукидида в Этолии три главных племени с многочисленными подразделениями их жили неукрепленными деревнями, имели легкое вооружение, а в трагедии Еврипида воспитатель говорит Антигоне, что все этоляне носят легкие щиты и весьма искусно метают дротики, — также остаток глубокой старины.⁴ С течением времени этолийские племена все более сближались между собою и, наученные опытом, хранили свое лучшее вооружение в Ферме, месте союзных собраний, хорошо укрепленном природою. При первом вторжении в Ферм (218 г. до Р. Х.) Филипп V нашел в портиках тамошнего храма огромное количество оружия. Благодаря этому любая ярмарка или народный праздник, любое союзное собрание этолян могло в случае нужды обратиться в военное ополчение и тотчас двинуться в поход или встать на защиту родной страны.⁵ Но то, что входило в обычай и ловкость в чем прославлялась поэтами как доблесть в так называемое героическое время, казалось позднейшим эллинам и римлянам, особенно Филиппу V, Полибию и Ливию, бессмысленною жестокостью, этолийскою алчностью, исключительною принадлежностью природы этолян, а сочинителю гимна чем-то загадочным, напоминающим кровожадность Сфинкса. С гомеровскими ахеянами сближает этолян искусство их сражаться врассыпную, один на один, а не в строю, равно как и тот обычай, в силу которого отдельные,

¹ Фукид. I 5—6. II. 154 сл. XI 670. *Od.* XI 17. 401 сл. XIV 229 сл. 452. XV 427. XVI 427.

² Фукид. V 115. Хелопф. *Hellen.* V 1 1. Полиб. IV 26 7. 36 6. 53 2.

³ Относящийся сюда материал собран в недавней статье Гехта *Kulturhistorische Forschungen zum Homerischen Zeitalter*. N. Jahrb. 137—138 В. 12 Н. 1889, стр. 793—810; но в своих объяснениях автор руководствуется понятиями и чувствами позднейшего времени, не соображаясь с историческими и бытовыми условиями гомеровской эпохи.

⁴ Фукид. III 94. 96. 100. Euripid. *Phoeniss.* 139—140.

⁵ Полиб. V 8.

наиболее предприимчивые личности независимо от общесоюзного постановления отправлялись во главе верной дружины (*ἑταῖροι*) за добычей и потом как бы в награду за смелость и удачу выбирались в союзные стратеги. Вожди этолян наподобие гомеровских басилеев получали большую часть добычи. Филипп, Полибий и римляне считали подобный порядок призраком нечестия и коварства, умышленным изобретением ради безнаказанного совершения насилий и грабежей.¹ Много архаического сохранилось и в их вольном политическом строе. Дольше прочих эллинов жили они в стороне от исторического движения в малодоступных горах и оставались безучастными к успехам образованности, которые создавали, правда, блестящие городские республики, науку, искусства, смягчали нравы и вводили в жизнь более определенные правовые отношения, но вместе с тем ослабляли первоначальные устои политического общезития и затрудняли совместные действия эллинов в случаях общей опасности.

К несчастью для этолян, из среды их не вышло историка, который дал бы нам повествование об учреждениях их и деяниях, по крайней мере столь же обстоятельное и правдивое, какое Полибий оставил об ахейской федерации. Полибий и Ливий — не беспристрастные деесписатели этолян, к тому же чуждые понимания давно пережитых другими эллинами бытовых отношений. От того история этолян, как выражается Страбон, остается во многом неясною. В столкновениях с более развитыми народами, были ли то эллины, или македонские владыки и римский сенат, этоляне не раз оказывались слишком простодушными, обманутыми в своих расчетах, неразумными положения дел,² а не расположенные к этолянам историки не могут скрыть ни похвальных проявлений их храбрости, ни заслуг перед Элладой, ни вражды их к изменникам, хотя бы и послужившим на пользу им. Полибий рассказывает, что по вторжении в Кинифу этоляне прежде всего умертвили предателей, впусивших их в город; он же признает за ними и умение быть благодарными за оказанные им услуги.³ Не слепую отвагу обнаружили этоляне в войне с римлянами, но необыкновенную стойкость и военную изобретательность, когда нужно было защищать Амбракию против консула М. Фульвия Нобилиора, или когда они в течение двух месяцев доблестно выдерживали осаду римлян в Навпакте (189 г. до Р. Х.).⁴ Сам Полибий устами Ликиска не отрицает того, что этоляне достойным образом защищали Элладу от галлов.⁵ В память этой победы этоляне установили в Дельфах *Σωτήρια*, благодарственное празднество за спасение; по этому случаю афиняне и хиосцы поспешили отправить посольства свои к союзу этолян для торжественного признания нового праздника, что было вместе с тем выражением благодарности могущественному народу: факт этот засвидетельствован двумя надписями.⁶ Битва при Киноскефалах (197 г. до Р. Х.) решена в пользу римлян этолийской конницей, как о том свидетельствуют Полибий и Зонара.⁷ По словам Плутарха, в то время среди эллинов было весьма распространено стихотворение, в котором главными виновниками поражения македонян в этой битве назывались этоляне. По изображению Полибия и Ливия, хотя не по мнению их, нападки этолян на римлян за то,

¹ Полиб. IV 8 10. 3 8. 79 6—8. V 108. Liv. XXXV 25. Нечто подобное в большей еще мере отмечается Полибием относительно иллириан II 8.

² Strab. X 2 24. Ср. IX 3 1—2. X 3 2—5. Полиб. V 29 2. XX 9—10.

³ Полиб. IV 18 7. II 46 1. 49 7.

⁴ Полиб. XXI 27—28. Liv. XXXVIII 5—7. Полибий употребляет об этолянах выражение *γενναίως ἀντιπαρατάξαντο* XXI 27 1.

⁵ Полиб. IX 30 3—4. *διὰ μίαν ταύτην χρείαν* 35 2.

⁶ С. J. A. II 323. *Bulletin de corresp. hellèn.* 1881, p. 305. 306. 307.

⁷ Полиб. XVIII 22 4. Zonar. p. 100 13.

что те не освободили эллинов, а только наложили на них новые кандалы, побудили римский сенат вывести гарнизоны из Коринфа, Халкиды и Димитриады. Уверения этолий, что освобождение Эллады римлянами было мнимое, историки эллинский и римский называют клеветой (*διαβολή*), но клевета вполне подтвердилась дальнейшими событиями, да и в то время принимались с доверием большинством эллинов.¹ Вообще отвага этолян (*τόλμα, δρμή*) вошла в поговорку, хотя Полибий и говорит о ней в тоне неодобрения.² В отношении храбрости и военного искусства этоляне до последнего времени оставались такими же, какими они показали себя в борьбе за свободу с Филиппом, Александром, Антипатром, Касандром и прочими македонскими вождями, и еще раньше в период пелопоннесской войны с афинянами. Уже Гомер называет их стойкими в битве (*μενέχαρμοι*); ту же любовь к свободе и то же упорство в борьбе за нее показали потомки этолян в последней освободительной войне при защите Мисолунги. Словом, уже отсюда ясно, что этоляне были не только хищники, каковыми являются они в суждениях Полибия и в оценке большинства новых историков. Разумеется, и защитники этолян, как Лукас, Брандштетер, Ларош, заходят слишком далеко. Тем и другим недостает строго исторического понимания предмета: занятие разбоем и грабежом в среде гомеровских ахеев не исключало ни истинно гражданских доблестей, ни общественных привычек и порядков, которые развились впоследствии в систему республиканских учреждений. Эта самая вольница хищников или хотя бы клефтов, как называют их Дройзен, Герцберг, Моммзен, вела неустанную систематическую борьбу с македонскими царями и вождями, дала новую организацию дельфийской амфикионии, заключала союзы с другими народами, более всего с афинянами, распространила свое союзное устройство на значительную часть Эллады, наконец выработала политические учреждения, во многом отвечавшие общеэллинским требованиям времени, весьма сходные с учреждениями другой федерации, ахейской, в некоторых отношениях даже превосходившие эти последние по степени целесообразности.

Первый знаменательный факт в истории этолян — ассимиляция с ними нескольких племен, частью эллинских, частью инородных, хотя и родственных эллинам.

Первоначальная или древняя Этолия (*ἡ ἀρχαία Αἰτωλία*), спускавшаяся к Коринфскому заливу между реками Эвеном и Ахелоем, на севере занимавшая гору Аракинф и области озер Трихониды и Гирий, составляла не больше одной трети той обширной области, которая носила имя Этолии в историческое время, только юго-западный угол этой последней; остальные две трети были добавочно, или приобретенною, Этолией (*ἡ ἐπίκτητος Αἰτωλία*).³ В таком же приблизительно отношении, если не большем, находились собственные этоляне к прочим частям населения, вместе с именем этолян усвоившие себе, разумеется, и некоторые бытовые черты их. Способность этолян к ассимиляции проявилась прежде всего в слиянии с ними под одним именем прежних обитателей древней Этолии: гигантов, куретов, эолян; эти последние дали было самой стране название Эолиды, памятное еще во время Фукидида и Ксенофонта, а куретов Страбон называет племенем (*φύλον*) этолян в том же смысле, «как офионян, агреев, эфританов и многих других».⁴ В «Илиаде» этоляне выступают как один народ под управлением легендар-

¹ Plut. *Flamin.* 9. 10. Полиб. XVIII 19 9—12. 21 5—8. 22 4—5. 45 8. Liv. XXIII 3. XXXIV 48. 49.

² Полиб. IV 3 5. V 81 1.

³ Bursian, *Geographie von Griechenland*. I. 1862, стр. 124 сл. Lolling, *Hellenische Landeskunde und Topographie*, стр. 137 (Jw. Müller, *Handbuch der klassisch. Alterthumswissenschaft* VIII Hb. 1887).

⁴ Страб. X 3 2—6. Фукид. III 102 5. Xenoph. *Hellen.* IV 6 1.

ного басилея Фоанта, сына Андремона, «чтимого как бог у своего народа». Он привел с собою под Трою храбрых, стойких в битве жителей Плеврона, Олена. Халкиды, Пилены, Калидона. Сам всегда бодрый духом, Фоант воодушевляет и других воинов, «забывающих доблесть», словом и примером. Желая ободрить Идоменея, Посейдон обращается к нему с укоризною и при этом принимает облик и голос Фоанта. Другой, еще более знаменитый герой ахейцев, бесстрашный в бою, мудрейший в совете, любимец Афины, Диомед — этолиец по происхождению: он — сын Тидея, внук калидонского царя Ойнея. Отец его женился на дочери аргивского владыки Адраста и принимал участие в походе на Фивы. В «Илиаде» же устами Нестора рассказывается прославленная в легендах война между куретами и этолянами с участием Мелеагра, другого сына Ойнея.¹ С именем Ойнея связано сказание о водворении Дионисова культа в Калидоне, как и в прочих частях Эллады; местом рождения другого общеэллинского божества Аполлона почиталась гора Этолии Ортигия, название коей перешло потом на Делос и прочие Ортигии, присвоившие себе честь месторождения Аполлона.² Весьма возможно, что позднейшие притязания свои на заведование дельфийским святилищем (*κοινή ἐστία τῆς Ἑλλάδος*) этоляне оправдывали, между прочим, и ссылкой на первенство в почитании Аполлона. Имя Ортигии было одним из эпитетов Артемиды, занимающей видное место в сказаниях о калидонских владыках, а культ Артемиды Лафрии был общим культом Калидона, Навпакта и ахейского города Патр: впоследствии при нашествии галлов на Элладу жители ахейских Патр одни послали этолянам вспомогательный отряд по дружбе с ними. Есть основание предполагать, что близкие отношения существовали между этолянами и другим ахейским городом Димою, в конце V и начале IV вв. до Р. Х.³ Деятельное участие в троянской войне, почитание общеэллинских божеств, воцарение этолийца Диомеда в ахейском Аргосе свидетельствуют не только о принадлежности этолян к эллинской расе, но и о близких взаимных отношениях между ними и ахейским племенем в доисторическое время. Пелопоннес был не совсем чужд тем этолянам, которые с Оксилом во главе примкнули к Гераклидам, согласно преданию были проводниками их в Пелопоннес и поселились в Элладе. В близком родстве элейцев с этолянами следует искать объяснения дружественных отношений между двумя народами и в занимающий нас период времени, тех отношений, в основе коих, по словам Полибия, лежали только хищнические наклонности этолян. Историк упускает из виду, что отношениями этими не меньше этолян дорожили сами элейцы, менее всего, по изображению нашего же историка, походившие на скопище грабителей или разбойников. В Олимпии была статуя элейца Килона, освободителя Эллады от тирана Аристотима, поставленная этолянами. Самое освобождение от тирании совершилось при деятельном участии этолян (266—263 гг. до Р. Х.). Должно быть, с этого же времени установился и союз Элиды с Этолией, о котором упоминает Полибий.⁴

В историческое время под именем Этолии разумелась обширнейшая после Эпира и Фессалии область Эллады, две трети коей заняты были различными иллирийскими горцами: аподотами, офиюнами, эвританами, аперантами, агреями. Многочисленнейшим и наиболее грубым из этих племен

¹ Ил. II 638. IV 527. V 843. IX 529. 549. 575. XIII 218. XIV 115. XXIII 471. 633 и др. Apollod. I 8 5. 6. III 6 1.

² Apollod. I 8 1. Hygin. fab. 53. 129. Nicand. schol. Apollod. Rhod. I 419.

³ Pausan. IV 31 7. VII 18 6—13. Diod. XV 75. Полиб. IV 5.

⁴ Полиб. II 5 1. IV 5 4. 9 10. 71. 73—74 и др. Pausan. VI 14 11. 24 9. V 5 1. Страб. X 3 2—3. Plut. de mulier. virtut. Justin. XXVI 1.

были эвританы, по словам свидетелей Фукидида (*ὡς λέγονται*) говорившие непонятнейшим для эллинов языком и питавшиеся сырым мясом. В описании афинского историка, со слов мессенян, этоляне являются народом многолюдным и воинственным, но живущим по деревьям, которые разделены большими расстояниями и не защищены стенами. В случаях общей опасности они собираются воедино даже из отдаленнейших частей Этолии, и тогда трудно одолимы, в чем убедились афиняне собственным опытом; также сообща действуют этоляне и при заключении союза с Лакедемоном и Коринфом: отправленное в эти города посольство состояло из офиюнца, эвритана и аподота (426 г. до Р. Х.). Итак, уже в V в. до Р. Х. различные племена Этолии не только носили общее имя, но должны были иметь и некоторые общие учреждения, по крайней мере на случай опасности обеспечивавшие совместные действия. От этолян не укрылись самые замыслы Демосфена, не только приготовления его к походу в их страну; врагу достаточно было перейти границу Этолии у Навлакта, чтобы навстречу ему вышло грозное поголовное ополчение этолян, не исключая жителей Малийского побережья, от театра войны отделенных большими, трудно переходимыми пространствами.

Как видно из Фукидида,¹ отдельные племена этолян, даже подразделения племен, как бомияне и каллияне в среде офиюнцев, жили в своих горах особою жизнью, независимо друг от друга, что, однако, не исключало соглашений между ними от времени до времени и соответствующих общим действиям учреждений. Историк называет агрейского царя (*βασιλεύς*) Салинфия,² не определяя точнее характера его власти; скорее всего это был начальник племени, опиравшийся в своем управлении на совет родовых старшин и на народное собрание. Стояли ли во главе прочих этолийских племен подобные начальники с наследственной, хотя и ограниченной властью, мы не знаем; во всяком случае местные особенности в общественном строе этолян не могли быть существенны. По описанию Фукидида эвританы, по словам Филиппа V агрей и аподоты — не эллины; но тот же Фукидид путем изысканий пришел к убеждению, что эллины на низкой ступени гражданства не отличались в образе жизни от варваров.³ Бытовая близость между собственными этолянами и племенами иллирян привела к слиянию их в один народ под общим именем этолян с общим родоначальником Этолом, сыном Эндимиона, с общенародным божеством Аполлоном. Уже Эфору, писателю IV в. до Р. Х., известен был документ в Ферме, удостоверяющий единство этолийского народа, а из объяснений мессенян с Демосфеном у Фукидида легко заключить, что совместные, предварительно условленные военные действия этолян были к тому времени (426 г. до Р. Х.) обычными, хотя знали о них немногие из эллинов.⁴ В ближайшей связи с образованием союза этолийских племен должно было находиться и перенесение политического центра с Коринфского побережья внутрь страны, из Калидона к северным берегам озера Трихониды в Ферм, открытое, сильно укрепленное природою место. Ферм представлял собою не город в собственном значении слова, — таковых в добавочной Этолии не было вообще, и у Полибия Ферм ни разу не называется городом (*πόλις*), — но лишь соединение общезтолийских кумиров, храмов, подворий, складов, лавок и иных приспособлений на случай многолюдных собраний; отдельные поселения (*οἰκίαι, τόποι*) расположены были вокруг святилища Аполлона. Спарта до позднейшего вре-

¹ Фукид. III 94. 96. 100. Ср. Xenoph. Hellen. IV 6 14. Полиб. V 7 2. 14 9.

² Фукид. III 111 4. 114 2.

³ Фукид. I 5. 6. III 94 5. Полиб. XVIII 5 8. Liv. XXXII 34.

⁴ Страб. X 3 2. Ср. Henzey, *Le mont Olympe et l'Acarnanie*. Paris, 1860, стр. 307 сл.

мени сохранила черты первобытного расположения городов.¹ Тем не менее родовой быт этолян совмещал в себе условия самостоятельности внутри отдельных родовых групп и соединения их в союз племен, в большой народ (*μέγα ἔθνος*). Ни освобождение Калидона от ахейского гарнизона Эпаминондом (367 г. до Р. Х.), ни получение Навпакта от Филиппа, сына Аминты (339 г.),² не изменили раз принятого этолянами направления: дальнейшее расширение Этолии совершалось в сторону Акарнании и средней Эллады. Усвоение локрского Навпакта было наиболее выдающимся явлением в домакедонской истории этолян.

Вот почему мы лишены возможности определить хотя бы приблизительно время возникновения этолийской федерации. Существовала она издавна, подобно другой федерации — ахейской; но, тогда как эта последняя была временно расторгнута македонскими владыками, союз этолийских племен не только уцелел во время разгрома остальной Эллады при Филиппе, Александре и преемниках их, но в борьбе с сильными врагами и в разнообразных сношениях с прочими эллинами приобрела большую плотность и определенность. И раньше того Фукидид, Ксенофонт, Арриан, Диодор, говоря об этолянах, разумели обыкновенно совокупность этолийских племен как один народ: этоляне ведут войны, заключают мир, этоляне вступают в договоры с другими народами, этоляне отправляют и принимают посольства; по словам Страбона, Аристотель оставил сочинение о государственном управлении этолян (*ἡ τῶν Αἰτωλῶν πολιτεία*, а не *αἰ—πολιτεῖαι*). Фукидид и Арриан считают нужным отмечать те случаи, когда этоляне, действуя сообща, выбирают послов по племенам; но при этом ни один из историков даже не намекает на то, чтобы племена отправляли свои посольства независимо одно от другого.³ Более постоянное участие этолян в общеэллинических делах давало известность союзному строю их, что и засвидетельствовано литературными известиями о событиях македонского периода. К 314 г. до Р. Х. (ол. 116, 3) приурочивается самое раннее упоминание о союзном собрании этолян (*το κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν*), на котором Аристодем, полководец Антигона Одноглазого, искал у этолян поддержки против Касандра. В 310 г. до Р. Х. (ол. 317, 3) Полисперхонт обратился в этолийское союзное собрание с письменной просьбою помочь ему в возведении сына Александра, Геракла, на отцовский престол. В 304 г. до Р. Х. (ол. 119, 1) собрание этолян определило послов для примирения родосцев с Деметрием Полиоркетом, который после этого заключил союз с этолянами против Касандра и Полисперхонта.⁴ Нет, кажется, нужды прибавлять, насколько было бы ошибочно считать эти года начальными в летописях этолийского союза. Ни надписи, ни историки македонского и римского периодов не сообщают ничего, напоминающего политическую раздельность этолийских племен, хотя сознание племенной раздельности никогда не утрачивалось в среде этолийского народа: названия отдельных племен рядом с именем народа встречаются у Полибия, Страбона, Ливия.⁵

¹ Полиб. V 8 4. 7. XI 4. Фукид. I 10 2. Kuhn, *Entstehung der Städte der Alten*. 92 сл.

² Diod. XV 75. Страб. IX 4 7.

³ Мансо *Sparta*, Leipzig., 1800—1805. III, стр. 292, за ним Шорн *Geschichte Griechenlands*, 25 и отчасти Брандштетер *Die Geschichten d. Aetol. Land*. 303, Фримен *History of feder. governm.* 328 и Гильберт *Handbuch II*. 22 прим., усматривают в известии Арриана о том, что после разрушения Фив в 335 г. до Р. Х. этоляне отправили к Александру посольства по племенам *Αἰτωλοὶ δὲ πρῶβείας. σφῶν κατὰ ἔθνη, πέμψαντες ξυγγνώμης τυχεῖν ἐδέοντο* I 10 3 отрицание федеративного союза этолян в то время. Но, во-первых, этоляне отправили такого рода посольства по предварительному соглашению, как и в пелопоннесскую войну они отправили послов в Лаккедемон и Коринф; во-вторых, такой способ иноземных сношений не противоречил началам федерации.

⁴ Страб. VII 7 2. Diod. XIX 66. XX 20. 99. 100.

⁵ Полиб. XVIII 5 8. Страб. X 1 10. 3 6. Liv. XXXII 34.

Со вторжением Филиппа II в Элладу начинается быстрое возрастание этолий, второй период этолийской истории; внутри он характеризуется окончательным слиянием этолийских племен в один народ и упорядочением общенародного управления, извне расширением территории союза путем завоеваний и добровольного вступления в него новых членов. Союзники Филиппа в херонейском сражении, награжденные от него Навпактом, этоляне увлечены были общим движением эллинов против юного преемника его, и только быстрота, с какою Александр смирил восставшие Фивы (335 г. до Р. Х.), воспрепятствовали этолянам искупить недавнюю вину. Зато в ламийской войне (323—322 гг. до Р. Х.) они выставили против Антипатра чуть не четвертую долю всей союзной армии и, хотя по причине домашних замешательств (*διὰ τινὰς ἐθνικὰς χρείας*), вероятнее всего восстания недавно покоренных акарнанов, удалились с поля войны до решительной битвы,¹ но не потеряли через то доверия афинян и прочих эллинов, не примирили с собою и македонских правителей. И в самом деле, в то время, как Антипатр праздновал полную победу над Элладой, когда противники македонян вынуждены были или покориться, или обречь себя на верную гибель, этоляне открыто давали убежище всем эллинским изгнанникам и беглецам и, таким образом, как некогда афиняне, уговоряли македонским владыкам новую освободительную войну. С десяти тысячным войском запертые в зимнюю пору в горах, они среди всевозможных лишений выдержали натиск пятидесятипятитысячной армии Антипатра и Кратера и принудили врага заключить выгодный для них мир.² Мало того: удалением македонских полководцев в Азию этоляне не замедлили воспользоваться тогда же (322 г. до Р. Х.) для вторжения в покоренную македонянами Фессалию и там подняли восстание, на пути покорили несколько поселений локров озольских и разбили в сражении Антипатрова полководца Поликла. Опять домашние дела, именно нападение акарнанов на Этолию, не дали им довершить начатое: Фессалия без труда усмирена была Полисперхонтом. Но уже лет пять спустя Касандр вынужден был страхом перед этолянами восстановить Фивы и призвать к жизни беотийский союз, расторгнутый было Александром.³ Неудачи этолян в борьбе с Македонией были лишь временные, не причинявшие ущерба ни их военному могуществу, ни значению их в Элладе. К этому времени относятся упомянутые выше сношения македонских владык с союзным собранием этолян. Как в 316 г. они преградили путь Ксандру из Македонии в Беотию через Фермопилы, так в 290 г. (ол. 122, 3) Деметрий Полиоркет вынужден был праздновать пифийские игры в Афинах, потому что Дельфы и все парнасские перевалы находились во власти этолян. Тогда-то в Афинах сочинен был тот гимн в честь Деметрия, в котором этоляне сравнивались с свирепым сфинксом,⁴ и который, между прочим, назначался для устранения всяких подозрений в сочувствии афинян врагам счастливого завоевателя: незадолго перед тем афиняне действовали в союзе с этолянами.

¹ Дьюба *Lex ligues* стр. 187 усматривает в этом случае пример деятельного участия этолян в делах народного собрания: но все этоляне шли на войну, а не в народное собрание, как думает Дьюба.

² *Agrian.* I 7 4. 10 2. *Diod.* XVIII 9—17. 24—25. О положении дел в это время так выразился этолийский посол Хленей в собрании лакедемонян, которых желал склонить к союзу против Филиппа V в так называемую македонскую войну (210 г. до Р. Х.): «Наглость и нечестие Антипатра дошли до того, что он устроил охоту на изгнанников и разослал по городам ищек, выслеживавших каждого, кто перечил ему или вообще чем-либо не угодил царскому дому македонян. Тогда-то одних силою тащили из храмов, других отрывали от алтарей и замучивали до смерти, уцелевшие изгонялись из всей Эллады, и, если бы не народ этолян, они не нашли бы себе пристанища нигде». *Полиб.* IX 29 3—4. 30 3.

³ *Diod.* XIX 38. 53. 54. 65.

⁴ *Plut. Demetr.* 40. *Athen.* VI 253.

Ни македонянам, ни союзным войскам пелопоннесцев не удалось освободить Дельфы от этолийского владычества: очевидно, оно поддерживалось крепкими узами, соединявшими этолян с фокидянами и другими народами средней Эллады.

Важное значение дельфийского святилища не в религиозной только, но и в политической жизни эллинов, связь его с важнейшей амфикиционной давали с этого времени этолянам возможность влиять на судьбу всей Эллады. Вскоре господство этолян нашло себе оправдание и освящение в героической защите как самого святилища, так и Эллады от диких полчищ галлов (279/278 г. до Р. Х.). В течение семидесяти лет, до начала союзнической войны при Филиппе V (220—217 гг. до Р. Х.), этоляне неоспоримо ведали дела дельфийского храма и до подчинения римлянам (189 г. до Р. Х.), быть может даже дольше, занимали преобладающее положение в дельфийской амфикинии. Победу над варварами этоляне ознаменовали учреждением праздника в честь Зевса Спасителя и Аполлона Пифийского (*Σωτήρια*), к участию в нем они приглашали и прочих эллинов. Две дошедшие к нам надписи дают яркое представление о чувствах признательности к этолийскому народу, какие одушевляли даже отдаленных эллинов в ответ на предложение союзного этолийского собрания (*τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν*) и стратега Хариксена признать новоучрежденное празднество. Надписи содержат в себе народные постановления афинян и хиосцев; интересна особенно, как лучше сохранившаяся, вторая надпись. Хиосский народ (*ὁ δῆμος ὁ Χίων*) постановил воздать хвалу союзному собранию этолян и увенчать его золотым венком «за храбрость, благочестие к богам и доблесть против варваров» (*ἀρετῆς ἕνεκεν καὶ εὐσεβείας τῆς εἰς θεοὺς καὶ τῆς ἀνδραγαθίας τῆς εἰς τοὺς βαρβάρους*), признать новый праздник в том виде, как он установлен этолянами, состоявшееся по этому предмету постановление начертать на каменной плите и выставить ее в Дельфах; дабы все знали об оказываемых этолянам почестях, прочесть это постановление в театре на Дионисовом празднестве.¹ Позднейшие известия об этом событии у Диодора, Юстина и особенно у Павсания имеют характер чудесных легенд с землетрясениями, смертоносными раскатами грома, призраками и т. п.² Чем сильнее поражено было воображение эллинов, тем живее была радость их по случаю спасения и благодарность главным виновникам его.

С этого времени могущество этолян достигает высшей степени и сохраняется почти нерушимым в царствования Антигона Гонаты, Димитрия II и Антигона Досона. Как прежде Касандр, так теперь Антигон Досон и Филипп V вынуждены были переправлять свои войска из Фессалии в Пелопоннес морем, ибо занятие этолянами Фермопил и Гераклеи Трахинской (280 г. до Р. Х.) прерывало сухопутное сообщение между Македонией и Пелопоннесом. Приблизительно к тому же времени нужно отнести вступление Фокиды и восточной Локриды в этот союз. На западе владения этолян простирались по ту сторону реки Ахелоя после того, как часть Акарнаний досталась на долю этолян в силу соглашения с Александром эпирским (ок. 265 г. до Р. Х.). В сороковых годах того же столетия начинается движение этолян дальше на юг. К союзу их вынуждена примкнуть Беотия; если верить Полибию, они замыслили с Антигоном Гонатом расторгнуть возродившуюся ахейскую федерацию, совершали неоднократные вторжения в Пелопоннес. В один из таких походов этоляне увели в плен из Лаконики 50 000 перизков, утвердились на границе Мессении и Аркадии в Фигалии, а равно на

¹ CIA II 323. Dittenberger, *Sylloge* nn 149. 150. *Bulletin de corresp. hellénique* V. 1881, стр. 305 сл.

² Diod. XXII 12. Justin. XXIV. Pausan. X 19—23. Ср. Полиб. II 35.

мегалопольской земле; Элида и раньше уже была в союзе с Этолией. Значительны были и морские силы этолян. Кефаления служила опорным пунктом для этолийских пиратов — по словам Полибия; этолиец Тимарх высадил эскадру на малоазийском побережье и на время отнял Самос у Птолемея; союзниками этолян были Кеос, один из Киклад, Теос на ионийском берегу; правильный договор был заключен с Эвменом II, царем Пергама; гноссяне на Крите получали подкрепление из Этолии и сами сражались в рядах этолян. Отдаленнейшие пункты на Фракийском Боспоре у входа в Черное море, в Пропонтиде, на Геллеспонте, именно Калхедон, Киос, Лисимахия находились в дружественном союзе с этолянами при Филиппе V.¹ Словом, Этолия в III в. до Р. Х. разрослась в сильнейшую эллинскую державу, какою никогда не была ахейская федерация. Исключенные из дельфийской амфикитии ахеяне и македоняне вознамерились лишить этоляня первенствующего положения в союзе эллинских племен, и так называемая союзническая война (220—217 г. до Р. Х.), поднятая против этолян Аратом и Филиппом V, впервые подорвала их могущество.

Однако необычайные успехи этолийского оружия и продолжительное господство этолян в средней Элладе и за ее пределами достигнуты были и обеспечены силами не гомеровских и не фукидидовских этолян. После смерти Александра Македонского и до победы Манья Ацилия Глабриона (190 г. до Р. Х.) этоляне являются во главе многих народов и городов, частью слившихся с этолянами в один народ, частью соединенных с ними и между собою на положении равноправных членов федерации добровольно или по принуждению, частью находящихся в дружественном союзе с этолянами. Локры озольские, часть акарнанов, амфилохи, доряне метрополии, энианы, малияне, этейцы, ахеяне фтиоты ассимилировались с этолянами и, усвоив себе имя этолийского народа, тем самым как бы отказались от политической обособленности. Уже при отражении галлов (279/278 г. до Р. Х.), проникших через Фермопилы в среднюю Элладу, не встречаются в рядах эллинов имена ни дорян, ни локров озольских: те и другие разумеются под общим именем этолян.² И в самом деле, Дельфы с прилегающими местностями находились во власти этолян с 290 г. до Р. Х.; западные, или озольские, локры, не исключая «наибольшего и важнейшего» города их Амфиссы, обратились в этолян (*ἑποιοῦσιν αὐτοὺς ἐς τὸ Αἰτωλικόν*), предпочитая новое имя своему собственному, как выражается Павсаний. Обращение это, начавшееся в давнюю пору, сделало успехи в ламийскую войну (323—322 гг. до Р. Х.) и последовало окончательно к 290 г. до Р. Х.

В первую македонскую войну из всей Локриды только Антикира находится вне этолийского союза (207 г. до Р. Х.). Уроженцы Локриды озольской называются с этого времени этолянами, как например Ксенофан из Амфиссы, олимпийский победитель 132-й олимпиады; поселения локров Эанфея, Эрифры подле Эвпалия зачисляются в Этолию у Полибия и Ливия, а уроженец Эриор Лих выбирается в государственные секретари этолийской федерации между олимпиадами 137-й и 145-й; в описываемое Полибием время глава исполнительной союзной власти этолян, стратег Агелай, был родом из Навпакта, как и другой стратег, Халеп, из более позднего времени, и другой Агелай, вероятно сын первого; к тому же периоду относятся многие

¹ Полиб. II 45 1. 52 8. IV 3 6. 6 3. 11. 25 4. 30 3. 31 1. 34 9. 53 8. 55 1. 5. 67 7. 79 5. V 101 2. IX 34 6. 38 9. X 41 5. XV 23 7—9. XVIII 3 11. 4 5—8. 51 7. XX 4 5 2. XXI 13 4—5. 15 12—13. Liv. XXXII 33. XXXVIII 9. 11. Pausan. X 21 1. Plut. Arat. 4. 31. Cleom. 10. 18. Polyæn. V 25. Frontin. Strateg. III 2 11. Cauer *Delectus* 2 215. 237. 238. Dittenberger *Sylloge* 182. Droysen, *Histoire de l'hellén.* III 219 сл. 230 сл. (trad. fr). Васильевский *Политич. реформа* 195 сл.

² Diod. XVIII 11. Pausan. X 22 2—5. 23 8.

дельфийские надписи, в коих жители локрских поселений нередко обозначают время составления документа именем этолийского стратега.¹ Вместо этеян, малиян, энианов позднейшая история знает только этолийские города Гераклею, Ламию, Гипаты до расторжения этолийского союза римлянами; в описываемое Полибием время во всех этих городах так же, как в Ферме и Навпакте, происходят союзные собрания этолян; жители Гераклеи, Гипаты, Ламии обозначают свои официальные документы именами этолийских стратегов; то же самое наблюдается в документах дорийских поселений: Эринея, Боия, дрионов.² В знаменитом списке амфикиониов, объясненном Вешером, а равно в троадской надписи в честь Кассандра, сына Менесфея, снова появляются под своими первоначальными именами маленькие народы средней Эллады; во второй из этих надписей собрания (*τὰ κοινὰ*) дорян, энианов, этейцев поименованы рядом с собранием этолян (*τὸ κοινὸν τὸ Αἰτωλῶν*). Но и та, и другая надписи относятся ко времени после Персеевой и даже ахейской войны (168, 146 гг. до Р. Х.), т. е. к тому, когда не было больше ни этолийского, ни даже ахейского союзов.³ В многочисленных надписях предшествующего времени, содержащих в себе списки депутатов, или гиеромнемонов, от амфикиониов, число этолийских депутатов превосходит без всякого сравнения число представителей прочих членов амфикионии: на 1 или 2 гиеромнемона от фокидян, локров, беотян, афинян, спартанцев и пр. приходится этолийских 5, 7, 9, 11, 14, по Фукару даже 17. Причина крайней неравномерности в распределении голосов кроется в том, между прочим, что этейцы, малияне, энианы, доряне, долопы, ахеяне фтиоты посылали своих представителей в собрание амфикионии нередко под именем этолийских: в вешеровском списке амфикиониов все эти народности поименовываются снова.⁴ Акарнаны в силу принадлежности к этолийскому народу (*ἐς τὸ Αἰτωλικὸν συντελοῦντες*) сражались в рядах этолян еще на полях Ламии (322 г. до Р. Х.): в тех же выражениях отмечено Павсанием вступление гераклеотов, т. е. этеян, в состав этолийского народа.⁵ Около 265 г. до Р. Х. часть Акарнании досталась на долю этолян по соглашению с Александром, царем Эпира; хотя другая часть акарнанов никогда не переставала враждовать с этолянами, однако некоторые первоначально акарнанские города, как Ойниады, Метрополь, Фойтея, Страт, Агриний, отнесены Полибием и Ливием к Этолии; один из стратегов этолян Ликиск был родом из Страта, другой из Агриния.⁶ В одно время с акарнанами вошли в состав Этолии и амфилохи, пограничный с Этолией народ на северо-западе; у Полибия и Ливия амфилохи изображаются такою же составною частью этолян, как аподоты, эвританы и другие этолийские племена. Должно быть, вскоре после

¹ Полиб. IV 57 2. IX 39 2—3. Liv. XXVI 26. XXVII 8. Diod. XVIII 38. Pausan. X 38 2—3. Rangabé, *Antiqu. Hellén.* II n 692. Wescher et Foucart, *Inscript. recueillies à Delphes.* Paris, 1873. nn 64. 74. 80. 124. 179. 189. 190. 223. 287 и др. *Bulletin de corresp. hellén.* V. 1881, p. 410. n 16. Некоторые из относящихся сюда надписей помещены в сборнике Диттенбергера *Sylloge inscript. graecarum.* Lips., 1883.

² Pausan. X 21 1. Полиб. V 103. XVI 27. Liv. XXVIII 5. 7. XXXI 29. XXXIII 3. XXXV 12. 43. 49. XXXVI 26. Rangabé *Antiqu. hellén.* II nn 741. 743. Wescher et Foucart *Inscriptions* nn 121. 223. 284. 294. 298. 362. 408. 409.

³ Wescher et Foucart, *étude sur le monument bilingue de Delphes.* Paris, 1869, стр. 79 сл. Cauer *Delectus* 2 nn 383. 384. 385. Dittenberger *Sylloge* n 211. A. Mommsen, *delphische Archonten.* Philologus XXIV, стр. 29, Bücher, *Quaestionum amphictionicarum specimen. De gente Aetolica amphictyoniae particeps.* Bonn, 1870, стр. 13. *Bulletin de corresp. hellénique* VII, 1883, стр. 427 сл.

⁴ Wescher et Foucart *Inscriptions* nn 2 сл. Надписи собраны у Бюхера *o. c.* стр. 28 сл. *Ср. Bulletin* VII, стр. 409 сл.

⁵ Pausan. I 25 4. X 21 1.

⁶ Полиб. IV 63—65. V 7 4. 14 1. 96 3. XXI 32 14. Liv. XXXVI 11. XXXVIII 4. XLIII 21. Cicer. *in Pis.* XXXVIII 91. Diod. XIX 68. Wescher et Foucart *Inscriptions* nn 153. 386.

того отошла к Этолии Амбракия, резиденция эпирского царя Пирра: по мирному договору Т. Квинкция Фламинина с Филиппом V (196 г. до Р. Х.) Амбракия возвращена была этолянам, как город, раньше им принадлежавший. По свидетельству Ливия, амбракиоты, амфилохи, малияне вошли добровольно в этолийский союз.¹ В конце второй македонской войны (200—196 гг. до Р. Х.) этоляне предъявляют притязание на города Фессалии, Фарсал, Ларису Кремасту, Эхин и Фивы фтиотидские, потому что они принадлежали им раньше, до начала войны, или, как выражается Полибий, составляли одно с ними государства (*μετ' αὐτῶν συμπολιτευομένας*). Города эти, судя по Фивам, вошли в союз этолян еще до первой македонской войны (215—205 гг. до Р. Х.).²

Для характеристики этолян и для оценки политической способности их весьма важно, что входившие в состав их народности обнаруживали редкую среди эллинов привязанность и верность относительно преобладающего в союзе народа. В этом отношении обращает на себя внимание то обстоятельство, что на протяжении ста с лишним лет этолийская гегемония в амфиктионии и в особенности в средней Элладе не оставила по себе ни в литературе, ни в надписях следов жалоб или недовольства. Единственное историческое свидетельство о притязаниях этолян в амфиктионии находится у Полибия; оно следует за перечислением жалоб различных эллинских народов на этолян, тех жалоб, которыми мотивировано было восстановление союзников начать против этолян так называемую союзническую войну. Этолянам вменяется в вину самое стремление их заведывать дельфийским святилищем (*βουλόμενοι τῶν κατὰ τὸ ἱερὸν ἐλικρατεῖν αὐτοῖς*), но ничего не говорится о злоупотреблениях их в амфиктионии. Между тем преобладание этолян в дельфийской амфиктионии, как мы и выше видели, было решительное. Помимо большего числа депутатов в собрании амфиктионов, этоляне посылали в Дельфы «блюстителя храма и города»; важнейшие союзные дела этоляне решали или в союзном собрании (*τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν*), или в собрании амфиктионов:³ огромное большинство голосов в этом последнем собрании принадлежало этолянам и союзникам их. Ненавистник этолян Полибий не называет в числе враждебных им эллинов ни одного из народов, входивших в этолийскую федерацию, и решение о помощи амфиктионам исходило, по всей видимости, от исключенных из амфиктионии ахейн и Филиппа, ибо из прочих союзников ни один не жалуется на преобладание этолян в союзе эллинских народов, ни один не указывает в числе поводов к войне на невыгоды этолийского преобладания в амфиктионии.⁴ Напротив, в войнах с Филиппом V, потом с римлянами локры озольские, доряне, малияне и прочие эллины, жившие в Мелите, Фивах фтиотидских, Тавмаках, Эхине, Страте, Ойниадах и мн. др., оказывали упорное сопротивление врагам этолян. Между прочим, на требование сдаться гипатяне, т. е. энианы, отвечали римскому консулу Ацилию, что без союзного постановления этолян они не сделают ничего, — ответ, с которым можно сопоставить разве указание вернейших афинских союзников в пелопоннесскую войну, платейн, на необходимость испросить решение афинян.⁵ Ни одно из поселений, собственно этолийских или впоследствии вошедших в состав Этолии, не пе-

¹ Полиб. XXI 26. Liv. XXXI 41. XXXVIII 3.

² Полиб. XVIII 3 12. 38 3—7. 47 7—8. Liv. XXVIII 7. XXXII 33. XXXIII 13. 34. Согласно с этим должно быть исправлено примечание у В. Г. Васильевского *Политич. реформа*, стр. 251.

³ *Ἐπιμερίς ἀρχαιολ.* 1883, стр. 165 сл. Liv. XXXI 32. Gilbert, *griech. Staatsalterthümer*. II. 1885, стр. 411.

⁴ Полиб. IV 25.

⁵ Liv. XXXVII 6. Фукид. II 73. Полиб. IV 63—65. V 97 5. 99—100. IX 41. 42. Liv. XXXVI 14. 35. XXXVII 47.

решло на сторону врагов этолян, неоднократные примеры чего представляет история ахейской федерации. Мало того: одна из ламийских, т. е. малийских, надписей, датированных именем этолийского стратега, наделяет званием проксена и благодетельницы ионийскую поэтессу Ирену из Смирны за то, что она сочинила несколько стихотворений во славу предков чествующих ее ламиян, а также этолян, и все их читала публично с величайшим старанием; за эту же заслугу ей и потомству ее дарованы права ламийского гражданства, приобретение недвижимости на ламийской земле, пастъбы скота, права убежища и неприкосновенности на суше и на море, в военное и мирное время и т. п.¹ Некоторые дельфийцы и беотяне, быть может, и другие эллины, давали своим детям знаменательные имена Этолиона, Фил-этола, Пан-этола в то время, — о чем свидетельствуют относящиеся сюда надписи, — когда этоляне боролись уже с римлянами и македонянами за существование, а равно и по расторжении этолийского союза.² К 167 г. до Р. Х. относится случай, рассказанный Ливием и со всею очевидностью обнаруживающий, что даже после Персеевой войны этолийские союзники не отказывались от противодействия Риму. С целью угодить римскому консулу и одним ударом положить конец заботам сената об успокоении Этолии друзья Рима, Ликиск и Тисипп, предали в руки римских солдат 550 этолийских старейшин, составлявших союзный совет Этолии:³ членами этолийского совета были, как увидим ниже, выборные представители от союзных городов и селений. В этом-то собрании союзных представителей и сосредоточена была в то время сила оппозиции против завоевательных планов Рима; истребить старейшин значило очистить Этолию от врагов завоевателя. Римляне прекрасно понимали опасность, какую создавала для них организация этолийского союза, а потому одним из условий мира с побежденными этолянами в 189 г. до Р. Х. они постановили, чтобы «этоляне не принимали в свой союз ни стран, ни городов, ниже людей, прежде находившихся во власти их и при консулах Луции Квинкции и Гнее Домиции или позже покоренных римлянами или вступивших в дружбу с ними».⁴ Можно сказать наверное в виду свидетельств, но не суждений Ливия и Трога Помпея, что в союзных учреждениях этолян имелись условия, благоприятствовавшие слиянию различных эллинских и родственных эллинами народностей в единое политическое тело, в могущественную, плотную этолийскую федерацию. И в самом деле, уже к началу первой македонской войны акарнаны составляли органическую часть этолийского народа, и потому потеря их была для этолян особенно тягостна. Амфилохи были отторгнуты от этолян только после Персеевой войны, и к этому времени относится выражение Трога об этолийских городах, отрываемых от единого тела. Древнейший и величайший город Аркадии Мантинейя добровольно вышел из ахейской федерации и примкнул к этолянам во второй половине III в. до Р. Х.; за нею, вероятно,

¹ ...ποιητρία ἐπαινεύσασα τὸ τε ἔθνος τὸ Αἰτωλῶν καὶ τὰμ πόλιν, πλείονας ἐλέγους ἐποίησατο, πάντων τῶμ ποιημάτων. ἐν οἷς περὶ τε τοῦ ἔθνους τῶν Αἰτωλῶν καὶ τῶμ προγόνων τοῦ δάμου ἀξίως ἐπεμνήσθη μετὰ πάσης προθυμίας τὰν ἠπόδειξιμ ποιούμενα ἔμεν αὐτὰμ πρόξενον τῆς πόλιος καὶ εὐεργέτην· δεδῶσθαι δ' αὐτῆ καὶ πολιτείαν καὶ γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησιν καὶ ἐπινομίαν καὶ ἐσουλίαν καὶ ἀσφάλειαν κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν, καὶ πολέμου καὶ εἰρήνας, καὶ αὐτῆ καὶ ἐκγόνοισ αὐτῆς καὶ χημάσιν ἐν τὸν ἅπαντα χρόνον, καὶ ὅσα τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις δίδονται πάντα. Rangabé, *Antiqu. hellén.* II n 741.

² Dittenberger *Sylloge* nn 198. 453. 461. 465. A. Mommsen *Delphische Archonten.* Philolog. XXIV, стр. 30 сл. Wescher, *Étude sur le monum. bilingue*, стр. 60.

³ Liv. XLV 28.

⁴ ὅσαι χῶραι καὶ πόλεις καὶ ἄνδρες, οἷς οὗτοι ἐχρῶντο, ἐπὶ Λευκίου Κοϊντίου καὶ Γναίου Δομετίου στρατηγῶν ἢ ὑπερον ἑάλωσαν ἢ εἰς φιλίαν ἤλθον Ῥωμαίοις, τούτων τῶν πόλεων καὶ τῶν ἐν ταῦταις μηδένα προσλαβέτωσαν Αἰτωλοί Полиб. XXI 32 13.

последовали Тегея и Орхомен.¹ Тогда же состоялся союз между Этолией и Мессенией. Позже, чем амфилохи и акарнаны и менее крепкими узами соединены были с Этолией Фокида и восточная, или опунтская, Локрида. Фокидяне и локры называются под своими именами в числе эллинов, сражающихся против галлов (279 г. до Р. Х.). Однако в 196 г. до Р. Х., по окончании так называемой второй македонской войны, Фокида и Локрида отошли к Этолии как земли, принадлежавшие ей раньше и лишь временно отторгнутые Филиппом V; они оставлены были за Этолией и по условиям навпактского мира, которым закончилась союзническая война (217 г. до Р. Х.). В 205 г. до Р. Х. восточные локры поименовываются в числе союзников Филиппа, но опунтяне в 197 г. на стороне этолян. В 220 г. на собрании эллинских союзников Филиппа V фокидяне жалуются на этолян за нападение на города Амбрис и Давлий. Документы фокидских городов, датированные стратегом этолян, весьма редки; чаще такого рода надписи принадлежат различным поселениям локров опунтских, именно опунтян, скарфейцев, фрониев; в надписи половины III в. до Р. Х. (ол. 135) Эратон из Опунта называется этолийцем. Вообще известия Полибия и Ливия приводят к заключению, что Локрида и особенно Фокида настойчиво и часто не без успеха оспаривались у этолян македонянами, что лишь некоторые части этих земель, как, впрочем, и в Акарнании, предпочитали принадлежность к этолийскому союзу фактической зависимости от Македонии.²

Еще труднее было поддерживать политическое единство аркадских городов Тегеи, Орхомена и Мантинееи с Этолией, тех пелопоннесских городов, которые, по словам Полибия, были не только союзниками этолян, но входили в состав этолийской федерации перед Клеоменовой войной (228—221 гг. до Р. Х.). Понятно, почему этоляне по случаю перехода этих городов к Клеомену (227 г. до Р. Х.) не обнаружили охоты взяться за оружие, и едва ли справедливо вслед за Полибием усматривать в равнодушии к судьбе этих городов один из примеров коварства и злобы этолян против ахейского союза.³

В предисловии к переводу Полибия мы не пишем полной истории этолийской федерации; нет у нас также намерения брать на себя апологию их против нападков Полибия или Ливия. Но мы сочли нужным вникнуть старательнее в свидетельства историков и надписей об этолянах, дабы уяснить себе единственное в эллинской истории явление — политической ассимиляции разнородных эллинских племен, достигнутой не только силою оружия этолян, но главным образом их политическими учреждениями и общественными нравами. Ввиду изложенных выше фактов, большею частью имеющих за себя или документальные свидетельства, или показания противников этолян, нет, кажется, нужды настаивать на том, что многие подробности в судьбе этолийской федерации решительно несовместимы с представлением об этолянах, как о дикой орде хищников и разбойников. Между тем такое именно представление может вынести читатель из беглого чтения эллинского или римского историка, такое представление и господствовало до последнего времени в исторической науке. Дройзен в «Истории Эллинизма» неоднократно называет этолян «организованным сотовариществом разбойников», «клефтами»; еще настойчивее в этом отношении Фримен в

¹ Acarnanas, quos aegre ferrent Aetoli a corpore suo diremptos. Liv. XXVI 24. Aetolicae civitates ab unitate corporis deductae. Trog. Pomp. prol. XXXIII. Cp. Diod. fr. XXXI 13. Полиб. II 46 2. 57 1.

² Полиб. II 5—6. IV 6 2. 9 4. 15 1. 25 2. 67 7. V 9 4. IX 39 2—3. XI 5 4. XVIII 10 4. 47 9. Liv. XXVI 26. XXVIII 7. XXXII 5. 32. 36. XXXIII 34. CIG n 1590. Wescher et Foucart *Inscriptions* nn 91. 304. 318. 320. 321. 404. 407.

³ Полиб. II 46.

«Истории федеративного управления». Союз этолийских племен для него немногим более шайки разбойников (*band of gabbers*), «верных друг другу и враждебных остальному миру». Все политическое поведение этолийской лиги, противопологаемой ахейской, в течение целого столетия Фримен называет подлым (*infamous*); все помыслы этолийской лиги направлены были только к грабежу (*mergerplunder*) или в большинстве случаев к эгоистической завоевательной политике (*selfish political aggrandizement*). Как видит читатель, уравнильным союзом или новый историк соединяет предметы далеко не однородные. Словом, этолийская федерация предстает перед историком как собрание разбойников и пиратов, как общий враг Эллады и человечества. Не менее суровый приговор произнесен над этолянами Моммзенем, для которого этоляне — шайка клефтов, а политика их — «организованное разбойничество», «безобразнейшее распутство и своеволие»; самый народ — «ничтожный, жалкий и лукавый».¹ Проф. Васильевский в упомянутой выше монографии нашел удобным вовсе не касаться учреждений и судьбы этолийской федерации, хотя, казалось бы, трудно обойти столь выдающееся явление в исследовании, посвященном заключительному периоду независимой Эллады; но и наш ученый называет народ этоляне «этолийскими ландскнехтами», «этолийскими разбойниками». Почти такое же отношение к этолянам мы находим у Гарцберга и Пети-де-Жюльвиля.²

Однако этоляне имеют и многочисленных защитников. Не говоря о Рейске, подвергающем Полибия жестокому обличению в лживости вообще, а равно о Шорне, воздерживающемся от каких-либо общих заключений о древних свидетелях, уже Титман в историческом очерке союзов ахейского и этолийского заподозревает беспристрастие Полибия по отношению к этолянам, а Лукас, Брандштетер, Ларош решительно принимают этолян под свою защиту и всячески стараются подорвать авторитет эллинского историка. Слабая сторона защиты состояла в том, что защитники располагали почти исключительно тем самым материалом, какой находили у древних историков, и только путем сличения и субъективного толкования литературных известий старались открыть ошибки или преувеличения в отрицательном освещении этолян. Но за десять лет до выхода в свет «Истории» Фримена 138 дельфийских надписей изданы были в замечательном сочинении Леба и Вадингтона «*Voyage archéologique en Grèce*» (1853), но они остались неизвестными английскому историку, равно как и те надписи, которые в 1861 г. изданы Михаелисом и Конце (*Annali del' Instit. di corrisp. XXXIII 66—74*). Наконец в 1863 г. благодаря много раз упомянутому сборнику дельфийских надписей Вешера и Фукара стало известно 620 подлинных документов, проливающих новый свет на федерацию этолян в период векового преобладания их в дельфийской амфикионии, в тот самый период, к которому относятся известия Полибия и Ливия и который, по выражению Фримена, представляет в этолийской истории сплошной ряд грабежей и разбоев. После этих открытий в области эпиграфики сделалось совершенно невозможным противоположение федераций ахейской и этолийской или уверение будто «около зерна древней панэтолийской общины располагалась механически, внешним образом масса племен и политий, ближних и дальних, причем одни из них были обложены данью, другие связаны сомнительной дружбой, третьи состояли на положении покровительствуемых

¹ Droysen, *Geschichte d. Hellenismus* II. 1843, стр. 403. 406 и др. В новом издании, которым мы пользовались во французском переводе, характеристика этолян осталась без изменения. Freeman, *Feder. governm.* стр. 323 сл., 333 сл. Моммзен Р. И. I, 656 сл. 694. 707 рус. перев.

² Васильевский *Политич. реформа*, стр. 181. 250. 251. 265. Ср. 46. Petit de Julleville, *histoire de la Grèce sous la domination romaine*. Paris, 1875, стр. 18. 21. 62. 76. Hertzberg, *Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer*. I. 1866, стр. 16. 103.

союзников, и все определялось случайными обстоятельствами».¹ С другой стороны, получает настоящий смысл и значение указание Филопемена на одну из особенностей этолийского политического строя, как на пример, достойный подражания. Глава ахейского союза, доблестнейший из эллинов своего времени, Филопемени в собрании ахейян 192 г. до Р. Х. отказывается от подачи голоса в вопросе о войне, мотивируя отказ своей тем, что у этолян точно так же стратег не участвует в голосовании по вопросу о предстоящей войне. И собрание ахейян довольствовалось таким ответом своего стратега.² Очевидно, ни ахейяне, ни Филопемени не могли бы руководствоваться в своем поведении примером разбойничьей шайки.

Во всяком случае изложенные выше факты, как засвидетельствованные надписями, так и сообщаемые историками, неизбежно приводят к заключению, что точка зрения Полибия, Ливия или Филиппа V на этолян не может считаться ни общеэллинской, ни исторически верною. Могущество этолян создано было совокупными силами многих эллинских народностей и поселений; в течение десятков лет имя этолян было собирательным, под которым разумелись не одни аподоты, эвританы и агреи; многие племена эллинов, усвоивая себе имя этолян, органически сливались с ними в одно политическое целое, не обнаруживали охоты покидать их в самую критическую годину. Понятно, почему выяснение федеративной организации этолян, а равно положения ее среди прочих эллинов сделало в последние годы значительные успехи в исследованиях А. Моммзена, Вешера, Фукара, Бюхера, Вейля, Зауппе, Бюргеля, Куна: эпиграфический материал занимает в этих исследованиях главное место.³ Дюбуа, бывшему члену французской школы в Афинах, принадлежит первая попытка представить на основании не только литературных, но и эпиграфических данных исторический очерк обеих федераций и сравнительную характеристику их учреждений. Господствовавшего раньше противопоставления ахейской и этолийской федераций здесь нет уже и следа. На стр. 214 упоминавшегося выше сочинения «*Les ligues étolienne et achéenne, leur histoire et leurs institutions, nature et durée de leur antagonisme*» автор, между прочим, выражается так: «В обоих союзах система представительства городов и союзных народов была одинакова, организация центральной управления и исполнительной власти сходная, права местной автономии охранялись в обоих в равной мере». К сожалению, историческая часть, состоящая исключительно в сухом перечне внешних фактов, не дает никаких объяснений роста этолян. Далее, помимо отдельных неточностей, на которые указано будет ниже, Дюбуа не обращает должного внимания на исконные основы федеративного строя эллинов и на общие политические стремления их в занимающий нас период времени. Оттого образование ахейской и этолийской федераций представляется автору чем-то случайным, искусственно вызванным посторонними обстоятельствами. «Что

¹ Droysen, *o. c.* II, 405 — III, 431 trad. fr.

² is (Филопемени) praefatus bene comparatum apud Aetolos esse, ne praetor, cum de bello consulisset, ipse sententiam diceret, statuere quam primum ipsos quid vellent jussit: praetorem decreta eorum cum fide et exsecutorum et adnisorumque etc. Liv. XXXV 25 (Вейсенборн принял в текст поправку Гронова Achaeos вм. Aetolos).

³ А. Mommsen, *Delphische Archonten nach der Zeit geordnet*. Philologus XXIV, 1866. Стр. 1—48. Wescher, *Etude sur le monument bilingue de Delphes*. Paris, 1869. Mémoires présentées par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles lettres. T. VIII, 1 Serie. Foucart, *Mémoire sur les ruines et l'histoire de Delphes*. Paris, 1865, особенно стр. 204—224. Bücher, *Questionum amphictyoniarum specimen. De gente aetolica amphictyoniae particeps*. Bonn, 1870. Weil, *De amphictyonum delphicorum suffragiis capita duo priora*. Berlin, 1872. Sauppe, *De amphictyonia delphica et hieromnemone attico*. Göttingen, 1873. Bürgel, *Die pyläisch-delphische Amphictyonie*. München, 1877. E. Kuhn, *Über die Entstehung der Städte der Alten*. Leipzig, 1878. Брошюры Вейля и Зауппе известны нам только по цитатам Гильберта.

такое в сущности», спрашивает он, «этолийская лига? Опыт восстановления северной Эллады, чему благоприятствовали войны за наследство, вспыхнувшие по смерти Александра и парализовавшие Македонию. Позволительно ли видеть в образовании ахейской лиги результат благородных порывов юного народа, здорового и живучего, среди остальных истощенных эллинских народов? Нет, дело стоит проще. Как Антигону Гонату заблагорассудилось для обеспечения за собою союза этолян расторгнуть ахейский союз, так Антигону Досону и Филиппу V захотелось восстановить его, дабы против своих этолийских союзников, не в меру усилившихся, создать выгодный противовес в Пелопоннесе».¹ Мы знаем уже, что условия позднейших федераций в Элладе содержались в первоначальных основах племенного или родового быта; те народы, у которых ко времени борьбы за независимость Эллады с македонянами и римлянами древний уклад жизни сохранился полнее, и стали во главе опытов объединения эллинов. По степени образования и гражданственности этоляне и соединившиеся с ними племена отстали от народов, игравших руководящую роль в истории городских республик и союзов на началах гегемонии; в нравах и во всем житейском обиходе они сохранили много первобытной грубости, в глазах более просвещенных эллинов сближавшей их с варварами; но унаследованные от старины учреждения этих самых «варваров» оказались весьма пригодными для образования могущественной республиканской организации.

Верховная власть (суверенитет) принадлежала в союзе этолян народу. Народ составляли как древние племена этолян, известные нам еще из Фукидида, так и народности и поселения, входившие в союз в позднейшее время. В самом названии народа, как носителя верховных прав, *το κοινον των Αιτωλων* «совокупность этолян», содержалось указание и на составное происхождение его, и на сохранение автономии за политическими организациями, из коих союз складывался. К народу этолян обращается за поддержкой Антигон Одноглазый, у народа этолян просит помощи другой македонский владыка Полисперхонт; с народом этолян заключает союз Деметрий Полиоркет (314, 310, 304 гг. до Р. Х.).² Когда в 200 г. до Р. Х., в начале второй македонской войны, римские легаты убеждали собравшихся в Навпакте этолян вступить в союз с Римом против Филиппа, этолийский стратег Дамокрит отложил решение дела до созвания общеэтолийского собрания. «Законами нашими предусмотрено, чтобы вопросы о войне и мире обсуждались только в Панэтолийском и (или?) Пилейском собрании, а потому на сей раз достаточно постановить, чтобы стратег, если желает подвергнуть обсуждению вопрос о войне и мире, созвал собрание без обмана, и чтобы все то, что будет там предложено и решено, имело бы совершенно такую же силу, как если бы дело решено было на Панэтолийском или Пилейском собрании».³ Несколько выше один из римских легатов напоминает этолянам, что «они, будучи созваны согласно законам должностными лицами, вольны выбирать по своему желанию союзников и врагов, решать войну и мир».⁴ Когда в 190 г. до Р. Х. консул Маний Ацилий Глабрион требовал от этолян порвать союз с Антигоном Великим, стратег их Фений объявил, что он и апоклеты принимают предложение консула, но что необходимо согласие

¹ *Les ligues*, стр. 27.

² *Diod.* XIX 66. XX 20. 99.

³ *cum legibus cautum esset ne de pace belloque nisi in Panaetolico et Pylaico concilio ageretur, decernerent extemplo, ut praetor sine fraude, cum de bello et pace agere velit, advocet concilium, et quod tum referatur decernaturque, ut perinde jus ratumque sit, ac si in Panaetolico aut Pylaico concilio actum esset.* *Liv.* XXXI 32.

⁴ *Liv.* XXXI 29.

народа для того, чтобы решение их вошло в силу.¹ Хиосцы и афиняне по случаю установления праздника «Сотерий» венчают золотым венком и наделяют различными почестями народ этолян (*τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν*). В свою очередь народ этолян делает постановление (*ἔδοξε τοῖς Αἰτωλοῖς*) о признании праздника Nikeforий, установленного пергамским царем Эвменом II (197—159 гг. до Р. X.) и о чествовании как самого Эвмена, так и трех братьев его, а также матери их Аполлониды и народа пергамлян.² Народ этолян наделяет вольностями жителей дружественных городов Акса, или Оакса, на Крите, Кеоса, Теоса.³ Словом, верховное ведение дел внешних, решение вопросов о войне и мире, о союзах с другими государствами принадлежали народу этолян. Он же устанавливал положение отдельных членов союзного тела и наблюдал за исполнением союзных обязательств и взаимных отношений между этолийскими поселениями. Должностные лица союза, исполнявшие народные постановления, выбирались народом. Таким образом, частью непосредственно, частью при посредстве своих избранников союзный народ этолян (*τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν, οἱ Αἰτωλοί*) почитался полновластным распорядителем своих судеб.

По мнению Дройзена, которое повторяется Фрименом и разделяется даже Гильбертом, в недрах этолийского союза господствовала большая неравноправность: наряду со свободными общинами, сохранявшими местную самостоятельность, здесь были будто бы и общины подчиненные, обложенные данью, занятые этолийскими гарнизонами, ограниченные в союзных правах, сносившиеся с господствующим народом только через посольства.⁴ Подобное представление об этолийской федерации держится на смешении членов союзной организации, каковые находились главным образом на прилегающей к Этолии территории, с союзниками федерации, а также на неправильном толковании терминов *симполития* и *синтелия* (*συμπολιτεία, συντέλεια*). Как ясно видно из Полибия, Калхедон, Лисимахия, Киос находились в дружественном союзе с Этолией и потому пользовались ее покровительством. Отношения этих городов к этолянам определяются у Полибия различными терминами: раз они друзья и союзники Этолии, состоящие под ее защитой, другой раз члены этолийской федерации, если буквально понимать употребляемое историком выражение (*συμπολιτεύεσθαι*).⁵ Весьма вероятно, что это были приблизительно такие же отношения, скрепленные договором, какие существовали между этолийской федерацией, с одной стороны, Кеосом и Теосом — с другой, и засвидетельствованы несколькими надписями. Они

¹ Полиб. XX 10 11—12.

² Dittenberger *Sylogge* nn 149. 150. 215.

³ *Bulletin de corr. hellén.* VI. 1882, стр. 460. Dittenberger *Sylogge* n 183. Cauer *Delectus* 2 nn 237. 238.

⁴ Mit aller Bestimmtheit wird man annehmen können, dass der Bund keineswegs wie der achäische wirklich berechnigte Bundesglieder hatte... Es findet sich nichts vor, was darauf führte, dass solche fernen Genossen des Bundes in regelmässiger und geordneter Repräsentation Antheil an den Berathungen und Wahlen der panaetolischen Gemeinde, an der Besetzung des Bundesgerichtes oder des Bundesrathes gehabt hätten; denn nicht durch ihre Repräsentanten, sondern durch Gesandtschaften wenden sie sich an die Bundesbehörde und erhalten eben so durch Gesandten ihren Bescheid. *Gesch. des Hellen.* II, 404. 405. Freeman *Feder. governm.* I, 342 сл. Gilbert, *Handbuch* II, 24 сл.

⁵ *φίλων ὑπαρχόντων καὶ συμμάχων Αἰτωλῶν Λυσισαχέων, Καλχηδονίων, Κισίων... ἀποσπάσας ἀπὸ τῆς τῶν Αἰτωλῶν συμμάχιας* XV 23 8—9. Несколько ниже XVIII 3 11—12 о Лисимахии говорится: «зависимая от этолян» *μετ' Αἰτωλῶν ταττομένη* и тут же о жителях Киоса *μετ' Αἰτωλῶν συμπολιτευμένοι*. Ср. о фиγάλях IV 3 6. 31 1. В одном месте различаются ясно термины *симполитея* и *симмахия* II 46 2. Дюбуа *Les ligues* стр. 206 ошибочно приписывает Дройзеново толкование *συντέλειν ἐς τὸ Αἰτωλικόν* Фишеру, который решительно отвергает мнение Дройзена, толкующего выражение Павсания в смысле принадлежности к союзу на положении данника. *Vischer Kl. Schrift.* I, 373 прим.

должны были ограждать дружественные поселения и народы от набегов этолийских пиратов, обеспечивать удовлетворение от федерации за причиненные пиратами потери и обиды и обязывать к обоюдной поддержке в определенных случаях: это последнее обстоятельство со стороны союзников отмечает историк термином *τάττεσθαι μετ' Αἰτωλῶν* или *ὑπ' Αἰτωλοῦς*: первое сочетание применяется к жителям Киоса, второе к фиγαлянам. В одной из надписей жители Киоса приравниваются в некоторых отношениях к этолянам, т. е. к членам федерации, но не отождествляются с ними: ибо они только «как бы этоляне» *ὡς Αἰτωλῶν ὄντων τῶν Κεῖων*.¹ В союзе с федерацией, не будучи членами ее, были элейцы и, кажется, кефалленяне, хотя эти последние могли быть временно и членами федерации. Доводы Шорна, выделяющего Кефаллению в разряд подчиненных союзников или данников федерации, весьма недостаточны. Кун склонен зачислить Кефаллению в члены этолийского союза.² Удобный для наблюдения пример подобных союзнических отношений представляет Мессения, не входившая в федерацию. Хорошо сохранившаяся надпись из Фигалии и свидетельства Полибия удостоверяют существование дружественного союза между Мессенией и Этолией до союзнической войны; начало дружбы, как выражается историк, восходило к древности *ἐκ παλαιῶν χρόνων*. Во главе управления Мессенией стояли эфоры; они своею властью звали на суд этолийца Доримаха и требовали у него отчета в учиненных пиратами насилиях. Договор относительно границ между мессенцами и фиγαлянами заключается при посредстве представителей от этолян; в управлении страной мессенские власти независимы от этолийских.³ Союзнические города и страны получали иногда из Этолии военачальника, например Элея или Киос.⁴ Во всяком случае необходимо различать внутреннее устройство этолийского союза, как целого, объединенного в своих частях общими учреждениями, от внешних отношений к разным народам и государствам, враждебных или дружественных, определявшихся данным положением союза в среде других полновластных государств. Различие это обязательно, раз мы не желаем власть в ошибку, какую повторяет и Дюбуа, перенося черты одних отношений на другие.⁵

Союз этолян, подобно ахейскому, складывался двояким путем: добровольного соглашения или вынужденного присоединения. Так, только после неудавшейся мирной попытки этоляне пошли войною на акарнанский город Медеон (231 г. до Р. Х.), дабы принудить его ко вступлению в союз, причем о низведении города на положение подданного ничего не говорит историк. По принуждению примкнули к союзу гераклеоты, город которых впоследствии был одним из важнейших центров федерации. Против воли вступили в союз и беотяне.⁶ Но раз поселение или область входили в союзную организацию, граждане их пользовались политическими правами этолян и составляли часть того союзного народа (*το κοινον*), которому принадлежало верховенство в союзе. Этоляне представляют собою единую организацию в противоположность, например, гегемонии афинян в дельйском союзе, в ко-

¹ Corp. Inscr. Graec. nn 2350—2352. 3046.

² Полиб. IV 3 6. 31 1. V 3. XXI 32 12. Liv. XXXVIII 9. 11. Schorn, *Gesch. Griechenl.* стр. 29. Kuhn, *Entsteh. d. Städte*, стр. 119 сл.

³ Полиб. IV 4 3. 6 11. Lebas-Foucart *Voyage archéol.* II, p. 177. n 328 a. Надпись издана Кауэром *Delectus* 2 n 45 и Диттенбергером *Sylloge* n 181. Фукар приурочивает надпись ко времени 222 г. до Р. Х. на основании выражения Полибия IV 3 6 *συμπολιτευομένη* о Фигалии и начале союзнической войны; но мы выше видели, что оно сменяется у историка другим *τάττεσθαι μετ' Αἰτωλοῦς* и не означает принадлежности Фигалии к этолийской федерации.

⁴ Полиб. V 91 3. 94 2. XV 23 9.

⁵ *Les ligues*, стр. 209 сл. То же в *Очерке греч. древностей* В. В. Латышева, стр. 326².

⁶ Полиб. II 2 6. XX 4—5. Pausan. X 21 1. Ср. об ахейцах Полиб. II 38 7.

тором различались «афиняне и союзники». Никаких признаков подобного расчленения в среде этолян мы не находим ни у историков, ни тем менее в надписях. В верховное народное собрание единой симполитии сходятся этоляне отовсюду; должностные лица союза обязаны созывать этолян из всех городов, с каковою целью посылаются в города письменные приглашения; после собрания народ удаляется по своим городам; совет союза называется у Юстина сенатом всех этолийских городов.¹

Что присоединение к союзу этолян не равнялось политическому поглощению или исчезновению присоединявшейся общины, это не может подлежать сомнению. Достаточно одной надписи Уссинга, изданной также Рангави, Леба, Кауэром, чтобы утверждать положительно, что союзные общины, отказываясь со вступлением в союз от некоторой доли верховности, не переставали быть автономными во всех прочих отношениях. Совет этолян, устанавливая взаимные отношения двух поселений фтиотидской Ахаи, сливающихся в единую политику, предусматривает тот случай, когда одна из общин, меньшая, Перея, или Перия, пожелает выделиться из состава большей, Мелитеи, все же оставаясь в федерации. Из надписи мы узнаем, что союзная власть заранее регулирует столь важное проявление местной политической жизни, как образование новой общины через выделение из существующей, — буде оно совершится, что каждая из общин имеет свои собрания, своих судей, глашатаев и других должностных лиц, а равно свою казну, что каждая посылает в союзный совет этолян своего представителя или представителей и сообразно с сим несет определенные денежные обязанности по отношению к союзу. Сохранившийся документ застигает общины в процессе воссоединения, но законодатель предвидит возможность разделения и на этот случай устанавливает и взаимные отношения между ними и отношения каждой к союзу. Достоинно внимания, что постановление этолийского совета по этому делу выставлено было не только в Ферме, но также в Мелитее, Дельфах и Калидоне.²

Понятно, что союзные общины более значительные, чем Мелитея или Перея, осуществляли и свое право автономии в более важных общественных актах. Жители Навпакта наделяют правом гражданства кеосцев, имеют своих феонов для участия в иноземных празднествах; Ламия дарует поэтессе Ирене проксению, имеет свой совет, своего стратега, гиппарха и трех архонтов.³ Из второй половины III в. до Р. X. и следующего, т. е. из того времени, когда Дельфы и многие другие города средней Эллады входили в состав этолийского союза, когда этому последнему принадлежала руководящая роль в дельфийской амфикистии, сохранились сотни надписей, преимущественно отпусковых актов, или вольных, которыми даруется свобода рабам гражданами различных эллинских республик. В дельфийских надписях рядом с именем этолийского стратега, обыкновенно в самом начале документа, поименовывается дельфийский архонт, что бывает и в тех случаях, когда имя этолийского стратега отсутствует. Кроме архонта в надписях упоминается народное собрание, или народ дельфийский, поименовываются и должностные лица других союзных государств.⁴ Мало того: целые местные федерации со вступлением составляющих их общин в этолийский союз не утрачивали своих местных федеральных учреждений. Так, одна из дельфийских надписей датирована именами стратега этолян, *агонофета локров*

¹ Полиб. V 103 2. 6. XX 10 14. Liv. XXV 46. XXVII 28. Justin. XXIII 2. Ср. Полиб. IV 25.

² Rangabé *Antiqu. hellén.* II n 692. Cauer *Delectus* ² n 239.

³ Dittenberger *Sylloge* n 183. Rangabé *o. c.* II nn 741—744. 747.

⁴ Wescher et Foucart *inscriptions* nn 7—420. Cauer *Delectus* ² nn 206—220. Dittenberger *Sylloge* nn 185—190. 198. 446—461 и др.

(западных), архонта города и архонта дельфийского; имя агонифета, союзного должностного лица локров, встречается в нескольких надписях. Также засвидетельствовано надписью имя *дориарха* для жителей Эринея, одного из поселений Дориды, что указывает на сохранение дорийского союза в организации этолян.¹

Высшим органом союзного управления было народное собрание всех этолян, или точнее Этолии, без различия собственных этолян от прочих членов союза. Эта последняя черта отмечена как самим названием собрания у Ливия «*Panaetolium, Panaetolicum*», так и выражением того же историка *ex omnibus oppidis convocandos Aetolos ad concilium*, а равно и тем, что полномочные собрания этолян имели место не в Ферме только, но также в Навпакте, Гераклее, Ламии, Гипате, Страте, т. е. в более людных городах союза.² Если обычные собрания союзной Этолии раз в год после осеннего равноденствия происходили только в Ферме, если в Ферме только производились выборы должностных лиц союза, то и собрания чрезвычайным в других местах, созванным с соблюдением определенных условий, принадлежало право объявлять войну, заключать мир, вступать в договоры, т. е. решать важнейшие дела, касающиеся целого союза:³ в Навпакте заключен мир с Филиппом V в 217 г., в Гипате этоляне отправляют посольство к Антиоху в 191 г. до Р. Х.; в 200 г. стратег Дамокрит объявляет, что установленным способом созванное собрание имеет такую же силу, как и пан-этолийское или пилейское (*ac si in Panaetolico aut Pylaico concilio actum esset*); вот почему не точно уверение Дюбуа, будто только собрание в Ферме властно было решать вопросы о войне и мире.⁴ Нет у нас также оснований усваивать термин Ливия *Panaetolium* исключительно очередному ежегодному собранию в Ферме: выражение это употреблено историком о собрании этолян в Навпакте; с другой стороны, ничем не удостоверено название эллинское *Panaitolicon*, или *Panaitolion* для собраний в Ферме. Название Пилейского, которое Шорн, а за ним и другие объясняли ошибкою Ливия, принадлежало, по всей вероятности, собранию амфиктионов, на котором решительное большинство давали представители того же этолийского союза, как видно из описания пилейского собрания у Ливия 196 г. до Р. Х.: насколько нам известно, на это важное место Ливия не было обращено до сих пор должного внимания.⁵

Верховное значение народного собрания следует из указаний различных союзных властей на необходимость санкции мероприятий их со стороны

¹ Wescher et Foucart *o. c.* nn 243. 177. 186. 213. 236. 289. 354. 363. 365. 432. Dittenberger *Sylloge* nn 458. 462.

² Liv. XXXI 29. 32. XXXV 32. XXXVI 28 кон. Собрания в Ферме Полиб. XXVIII 4 1. XVIII 48 5, в Навпакте V 103 2. XVI 27 4. Liv. XXXI 29. XXV 12, в Гераклее Liv. XXVIII 5. 7. XXXIII 3, в Ламии XXXV 43. 44. 49, в Гипате XXXVI 26, в Страте Liv. XXVIII 4.

³ Полиб. IV 15 8. 37 2. V 8 8. Страб. X 3 2.

⁴ Liv. XXXI 32. Dubois *les ligues*, стр. 186.

⁵ Liv. XXXI 29. 32. Официальное название союзного собрания, как и самого союза, τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν. Полибий употребляет термины ἡ κοινὴ τῶν Αἰτωλῶν σύνοδος, ἡ σύνοδος τῶν Αἰτωλῶν или ἡ ἐκκλησία IV 5 9. 15 8. 26 6. XXVIII 4 1. 48 5, πλήθη 46, но не συνέδριον, как у Дюбуа *les ligues* 191. Полибий о решениях собрания этолян κοινὸν δόγμα IV 26 4. XX 4 6. 10 4. Совершенно произвольно утверждение Дюбуа: dans le cas où une ville voisine des Thermopyles était désignée comme lieu de rendez-vous, la reunion prenait le nom de *Pyalaicum concilium* et jouissait des certaines prerogatives. *O. c.* 185 сл. 191. Что под словами *Pyalaicum concilium* разумеется собрание амфиктионов, а не этолийской федерации, что на пилейском собрании в описываемую нами эпоху решение дел зависело от этолян, показывает свидетельство Ливия: *Cornelius Thermopylas, ubi frequens Graeciae statis diebus esse solet conventus — Pyalaicum appellat, venit; Aetolos praecipue monuit, constanter et fideliter in amicitia populi Romani permanerent. Aetolorum principes alii leniter questi sunt... alii ferocius incusarunt.* Liv. XXXIII 35. Согласно с настроением этолийских старейшин и состоялось решение собрания. Ср. Kuhn, *Entsteh. d. Städte*, 131 сл.

народа, а равно из того, что противная сторона никогда не оспаривает правильности такого образа действий. Потом, как бы часты и опустошительны ни были набеги этолийских отрядов под начальством отдельных личностей, без общесоюзного постановления о войне Этолия почиталась пребывающею в мире. Наконец, даже Полибий признает, что этоляне почитали для себя обязательным верное соблюдение народного постановления, хотя бы вскоре после принятия решения и обнаружилось невыгоды его для этолян.¹ Дабы решение союзного собрания получило силу закона, оно должно состояться с соблюдением определенных правил, прежде всего с участием совета старейшин, на что имеются ясные указания Полибия и Ливия.²

В составе народного собрания этолян различаются народ (*οἱ πολλοί* multitudo) и старейшины со стратегом и прочими союзными властями во главе (*ἀποκλήτοι* principes). Те же самые тридцать граждан, которые, по свидетельству Полибия, отправлены были этолянами к царю Антиоху в 192 г. до Р. Х. для составления плана военных действий, называются у Полибия *αποκλεταί*, отозванными или призванными, а у Ливия *старейшинами*. Ливий, впрочем, знает и эллинский термин: апоклетами он называет отборных граждан, из которых составляется «благороднейшее собрание» (*sanctius concilium*), так именуемое им в отличие от общенародного собрания этолян (*concilium universae gentis*).³ Ни тот, ни другой термин не удостоверяются надписями; зато в них не раз упоминается коллегия должностных лиц (*σύνεδροι, συνέδριον*), снабженная то судебными полномочиями, то правительственной властью; кроме того, из надписи Уссинга мы узнаем, что союзные общины, как в данном случае Мелития и Перия, имели своих представителей в союзном управлении, именовавшихся советниками (*βουλευταί*).⁴ Что «советники» надписи то же, что апоклеты Полибия и старейшины Ливия, в этом едва ли можно сомневаться. Первоначально совещательный характер коллегии апоклетов отмечается как в приведенных выражениях обоих историков, так и в других местах их же сочинений. Что эта коллегия ближайшим образом представляла собою союзные общины, как например мелитейскую или перийскую представляли «советники» их, ясно видно из Ливия, который распределяет старейшин, Полибиевых апоклетов, между общинами (*inter omnes constabat in civitatibus principes*), а затем Юстин, передавая, конечно, чужое свидетельство, называет совет этолян сенатом всех городов: *Aetolorum universarum urbium senatus*.⁵ Надписью Уссинга устанавливается неоспоримо, что самая незначительная союзная община имела своего представителя в союзном совете, что в каждом случае число представителей соответствовало объему и значительности данной общины, что соответственно числу «советников» определялись и ее денежные и иные обязательства по отношению к союзу. Словом, этолийская федерация благодаря собранию апоклетов или старейшин является в собственной Элладе единственным

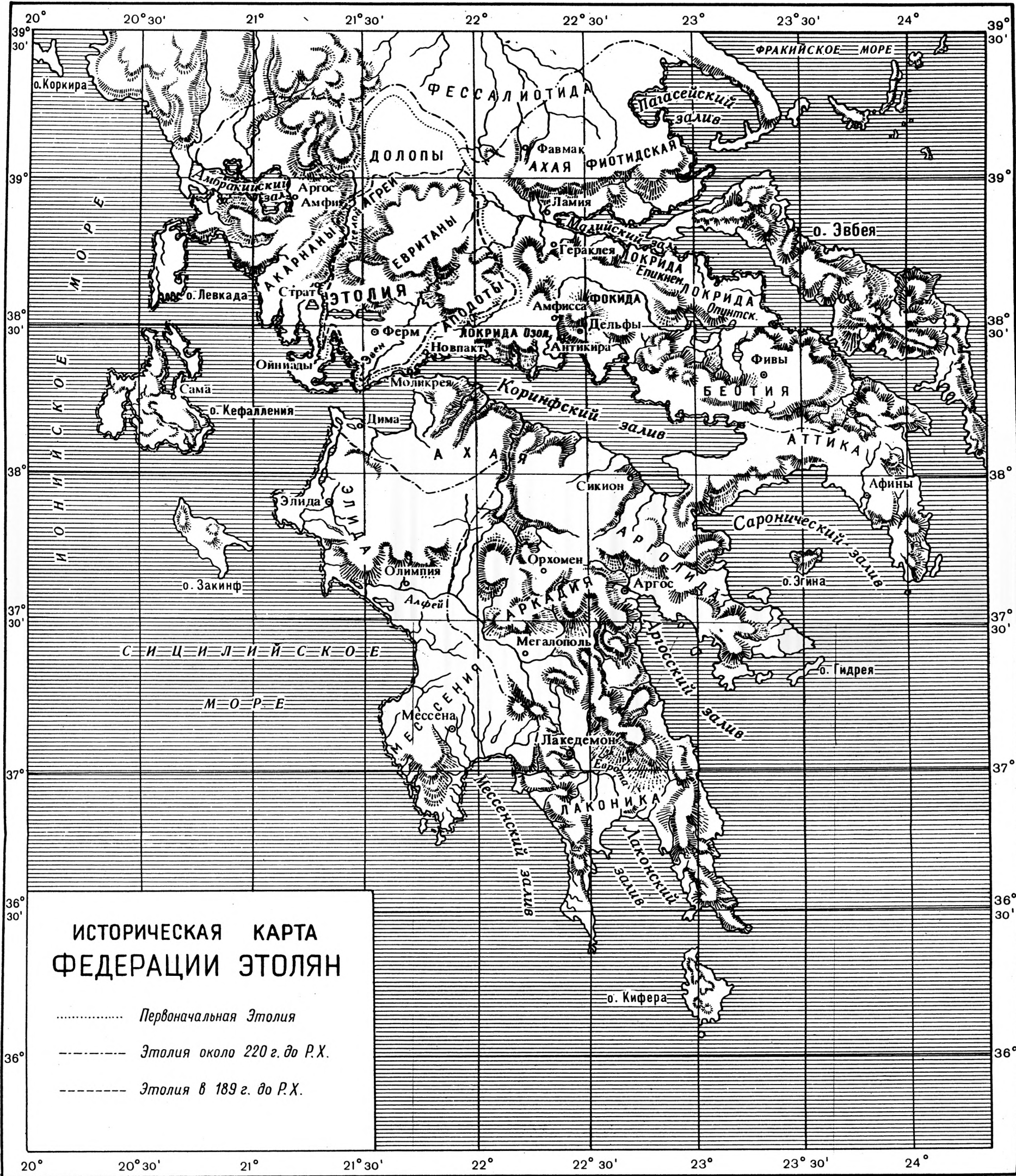
¹ Полиб. IV 16—17. 27 1—3. V 107 6—7. XX 10 11—12. Liv. XXXI 32. XXXVI 28.

² *οὔτε κοινῆν τῶν Αἰτωλῶν προσδεξάμενοι σύνοδον οὔτε τοῖς ἀποκλήτοις συμμεταδόντες, οὔδ' ἄλλο τῶν καθ' ἑκόντων οὐδ' ἔν πρᾶξαντες* Polyb. IV 5 9. praetor eorum (этолян) — convocato concilio Aetolos principes quid agendum esset consuluit. Liv. XXX VIII 8. legati (Фений и Дамотел этоляне) — domum regressi sunt, ut etiam atque etiam, quid agendum esset, re integra praetorem et principes consulerent. XXXVIII 9.

³ *τριάκοντα τῶν ἀποκλήτων προεξερίσαντο τοὺς συνέδρευσοντας μετὰ βασιλέως* Polyb. XX 1. triginta principes cum quibus, si qua vellet (Антиох), consultaret. Liv. XXXV 45. rex postero die cum apocletis eorum — consultabat 46. per apocletos autem, ita vocant sanctius concilium — ex delectis constat viris, ita agitabant XXXV 34. in consilio delectorum, quos apocletos vocant XXXVI 28. Ср. XXXV 33. 44. XXXVIII 8. Полиб. IV 5 9. XX 10 11. 13. XXI 52. 4 7. Suidas ἀποκλήτοι.

⁴ Corp. Inscr. Graec. n. 2350. 3046. Rangabé *Antiqu. hellén.* II n 692 кон. Cauer *Delectus* 2 n. 237. 238. Wescher et Foucart *inscriptions* n 1.

⁵ Liv. XXXV 34. Iustin. XXXIII 2 кон

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА ФЕДЕРАЦИИ ЭТОЛЯН

- Первоначальная Этолия
- Этолия около 220 г. до Р.Х.
- Этолия в 189 г. до Р.Х.

опытом представительного управления, близко напоминающим ликийскую федерацию, ту самую, о которой Монтескье выражался как об образцовой федеративной республике.¹ Многочисленность членов этолийского совета доказывается тем, что из среды их выбирается тридцать человек для окончательных переговоров с Антиохом, а в 167 г. до Р. Х. после Персеевой войны римские солдаты Бебия при помощи этолийских предателей избивают 550 старейшин, окружив сенат; прочие были изгнаны.² По самому составу своему и значению совет этолян не мог быть малолюдным, хотя, разумеется, число сенаторов должно было меняться сообразно переменам в составе самой федерации, как это видно по той же надписи Уссинга.

Как из Полибия, так и из отмеченных выше надписей следует, что рядом с этими двумя собраниями (сopncilia) в ближайшей зависимости от апоклетов существовала более ограниченная коллегия (συνέδριον, σύνεδροι), имевшая своих председателей (προστάται), секретаря эпонима, едва ли отдельного от секретаря союзного собрания; в составе ее упоминается и гиппарх.³ В деле Мелитеи и Перии этот ограниченный совет устраивает взаимные отношения двух союзных общин и отношения каждой из них к союзу; по решению же синедров дельфиец получает право убежища, неприкосновенности и свободы от податей; в силу договоров этолян с Кеосом и Теосом тяжбы договаривающихся разбираются синедрами, а в постановлении навпактян в пользу Кеоса синедры поименованы как высшая власть этолян, как представители Этолии, должностными лицами названы они в теосской надписи (πρὸς συνέδρους ἀεὶ τοὺς ἐνάρχους).⁴ У Полибия апоклеты также не раз называются властями (ἄρχοντες), а в одном месте они названы правителями или предстателями этолян (οἱ προεστῶτες τῶν Αἰτωλῶν).⁵

Все эти данные приводят нас к следующим заключениям: во-первых, многолюдный совет апоклетов (βουλῆ), состоявший из старейшин союзных общин, признавался действующим постоянно при посредстве небольшого комитета выборных из среды тех же апоклетов наподобие того, как это было в афинском сенате пятисот; на смену личного состава комитета (συνέδριον) указывает приведенное выше выражение надписи: «каждый раз состоящие в должности». Сведения наши об этом большом совете весьма недостаточны. Его обязаны мы разуместь под тем собранием старейшин, которое было окружено и истреблено римскими солдатами в 167 г. до Р. Х. в Ферме; собрание старейшин в Гераклее желал разогнать Филипп внезапным нападением на город в 207 г.; из своей среды совет выбирает в 192 г. до Р. Х. тридцать апоклетов для окончательных переговоров с Антиохом; совет апоклетов в Гипате решил было от имени этолян «доверить себя римлянам», принимал римских послов и отправлял посольство в римский лагерь.⁶ Во-вторых, комитет апоклетов со стратегом во главе, с участием гиппарха и союзного секретаря составлял высшее распорядительное и исполнительное учреждение союза; все члены его, как таковые, одинаково назывались

¹ Страб. XIV 3 з. Montesquieu, *Esprit des lois* IX, ch. 3: s'il fallait donner un modèle d'une belle république fédérative, je prendrais la république de Lycie. Freeman, *Federat. governm.* стр. 208 сл.

² Полиб. XX 1. Liv. XLV 38.

³ Полибий, должно быть, применительно к официальному термину употребляет выражение *συνεδρεύσαντας* о выбранных для специальной цели апоклетах XX 1.

⁴ Фишер *Kl. Schrift.* I, 374 прим. 2 называет не все относящиеся сюда надписи и названные перепутаны по содержанию. Председателей совета в надписи Уссинга он называет семь вместо двух. Ср. выше стр. 53, прим. 2.

⁵ Полиб. IV 26 5. X 42 4. XX 11 8. XXI 4 7. 5 2. Ср. Liv. XXXI 29. XXXV 33.

⁶ Liv. XXXV 45. XXXVI 28. XLV 28. Полиб. X 42 4—6. XX 1. 9—10. Название думы βουλῆ удостоверено надписью. *Bulletin de corresp. hellén.* VI, 461.

властями (*ἄρχοντες, προεστῆτες, magistratus*). Стратег и апоклеты созывают народное собрание и совет апоклетов, вводят иноземных послов в собрание, наблюдают за порядком заседания, приводят в исполнение народные постановления, точнее определяют возложенные на послов поручения, ведут переговоры с иноземными властями.¹ В-третьих, трудность определить отношения между советом и комитетом, равно долю участия каждого из них в союзном управлении, происходит оттого, что эллинский и римский историки пользуются одинаковыми терминами в применении к апоклетами, составляют ли они союзную думу (*βουλή*) или только комитет ее и совет стратега (*συνέδριον*); в звании членов комитета и облеченных властью личностей они являлись как бы апоклетами или старейшинами по преимуществу. С другой стороны, у Полибия в одном месте мы находим название «властей» (*ἄρχοντες*) в применении к членам союзного совета, собранным в Гераклее в 207 г. до Р. Х. в войну с Филиппом.² У Ливия *principes* называются и старейшины союзных общин без отношения их к какому-либо определенному учреждению, и ближайшие к стратегу должностные лица, и члены большого совета.³ Тем не менее тот же Ливий различает благороднейшее собрание (*sanctius concilium*) апоклетов и от общенародного собрания, и от совета стратега (*consilium delectorum*), соответствующего синедриону эллинской надписи.⁴ Во всяком случае совет апоклетов и постоянная комиссия его, равно как и отдельные должностные лица со стратегом во главе, были по смыслу союзных учреждений этолян только вспомогательными органами народной власти. В 191 г. до Р. Х. стратег Фений после взятия римлянами Гераклеи объявил Л. Валерию Флакку, что он и присутствующие этоляне понимают, что нужно выполнить его требования, но для признания их необходимо решение народного собрания этолян; римлянин не возражал. В 189 г. до Р. Х. послы этолян, Фений и Дамотел, по определению народа снабженные неограниченными полномочиями (*cum liberis mandatis*), вели переговоры с римским консулом; смущенные требованиями победителя, этолийские послы возвратились домой, «дабы всесторонне и внимательно обсудить их со стратегом и старейшинами», т. е. апоклетами. Следовательно, и здесь решающая роль принадлежит народу.⁵

Однако общенародное собрание этолян, по смыслу союзного управления воплощавшее в себе верховную волю народа, было на самом деле далеко не полновластно. Учреждения, начало которых терялось в незапамятной древности, и которые до последнего времени не утратили присущей им жидительной силы, по мере расширения союза и усложнения исторических задач оказывались на деле, при отсутствии соответствующих изменений в организации союза и в самом населении его, бессильными овладеть с каждым данным положением; нередко решающее влияние на деле принадлежало поэтому не исконным федеральным учреждениям, но одной или немногим личностям, которые умели пользоваться учреждениями для прикрытия личных побуждений, своекорыстных и незаконных действий. Дело в том, что очередные собрания этолян происходили весьма редко, не более одного раза в год после осеннего равноденствия в Ферме; случайный состав таких собра-

¹ Liv. XXXV 44. XXXVI 28. Полиб. XX 10 12—14.

² Полиб. X 42 4.

³ Liv. XXXV 33. 44. 45. 46. XXXVI 28. XLV 28.

⁴ Liv. XXXVI 28. Дюбуа спутывает отношения между малым советом и сенатом этолян, присваивая им несвойственные названия и возводя апоклетов в председателей синедриона. *Les ligues* стр. 189. Гильберт относит к одному и тому же учреждению названия *βουλή* и *συνέδριον*. *Handbuch II*, стр. 28 прим. 4.

⁵ Liv. XXXVI 28. XXXVIII 9. Ср. Полиб. XX 10 11—15. Liv. XXXI 32. XXXV 33. 44. XXXVI 27.

ний был неизбежен; по уровню понимания политических и общественных явлений союзные собрания этолян стояли гораздо ниже народных собраний, например, афинской республики. Между тем со вторжением в судьбе Эллады македонских владык и римского сената, с возникновением по соседству с Элладой сильных государств небывалую важность в делах получали дипломатические сношения; самая политика обращалась все больше и больше в сложное искусство, требовавшее неослабного внимания и выучки. К тому же в широких пределах этолийского союза не могло быть и речи о руководящей силе общественного мнения, каковое отличало Афинскую республику; при разнородности и отдаленности частей население союза в огромном большинстве было по развитию и нравам, а равно по средствам к просвещению и взаимодействию ниже многих эллинских республик: большинство этолян природных и союзных, каковы эвританы, аподоты, малияне, энианы, локры и др., недалеко ушли от того образа жизни, в каком застал их Фукидид.

Вот почему в отрывках из истории этолийского союза, сообщаемых нам Полибием и Ливием, мы наблюдаем нередкие случаи уклонения отдельных личностей от обычного порядка управления и безнаказанность подобного рода деяний. Весьма поучительны в этом отношении известия Полибия о событиях, послуживших ближайшим поводом к так называемой союзнической войне. Помимо совета апоклетов, не дождавшись народного собрания и вообще не выполнив необходимых в подобных случаях условий, Скопас и Доримах подняли войну против мессенян, эпиротов, ахейцев, акарнанов и македонян. Вожди преследовали, быть может, личные цели и для достижения их воспользовались болезненным состоянием тогдашнего стратега и родством с ним, а вскоре после того в стратеги на место Аристона выбран был тот самый Скопас.¹ В другое время (193 г. до Р. Х.) в важной роли посла к царю Антиоху называется брат стратега Фоанта, Дикеарх. Когда Филипп V и его эллинские союзники решили воевать против этолян (220 г. до Р. Х.), если те не представят удовлетворительных объяснений по поводу набегов на Пелопоннес и других жалоб союзников, правители этолян обещали явиться к Филиппу для переговоров на Рий; но потом, узнав о прибытии Филиппа, заявили, что не могут сделать ничего без народного решения. Года два спустя, когда война приняла невыгодный для этолян оборот, посредники от родосцев и хиосцев заключили с этолянами тридцатидневное перемирие, причем под этолянами разумеются опять только правители их; эти же последние снова обещали явиться на Рий.² В первом случае ссылка на народное собрание была только предлогом к отказу от переговоров. В 211 г. до Р. Х. римский консул М. Валерий Левин успевает склонить этолян к союзу с римлянами против Филиппа путем тайных переговоров только с этолийскими старейшинами.³ В одном случае народное собрание не созывается для того, чтобы отнять у противника возможность к объявлению открытой войны союзу, в другом — ссылка на необходимость созвать народ служит явным предлогом к отсрочке решения; в обоих случаях именем народа прикрываются личные побуждения и цели.⁴

Выразителем настроения союза более верным, нежели общенародное собрание, мог быть совет старейшин, состоявший из представителей союзных общин, но судя по всему, что рассказывают историки, его заседания, а следовательно, и участие в управлении были непостоянны, неизбежным

¹ Полиб. IV 3—25.

² IV 26 5—6. V 28 2. 29 1—3.

³ Liv. XXVI 24. XXXV 12.

⁴ Полиб. IV 17 1. 27 1—2. Ср. Liv. XXXI 32.

последствием чего являлось чрезмерное усиление немногочисленного комитета под главенством стратега. По смыслу союзных учреждений, будучи не более как исполнителями народной воли, стратег и ближайшие к нему апоклеты были на самом деле властными правителями союза, далеко не всегда действовавшими в его интересах. Однако и в этом отношении замечается политическая предусмотрительность этолян и старание оградить союз от увлечений исполнительной власти. У нас есть возможность восстановить, хотя и не без пробелов, имена этолийских стратегов на протяжении ста десяти лет (279—168 гг. до Р. Х.); некоторые имена повторяются часто, но нет ни одного случая такого, чтобы одно и то же лицо занимало должность стратега два года кряду. С другой стороны, заметно стремление ограничить влияние стратега, главнокомандующего союзных войск, на решение важнейшего вопроса о войне: стратегу возбранялось подавать голос (*sententiam dicere*) по этому вопросу.¹ Весьма возможно, что такой порядок отношений ограничивал и ответственность стратега за военные действия этолян, предпринимаемые без формального объявления войны под начальством того или другого апоклета. Самое командование войском стратег делил с гиппархом, который у Ливия называется начальником конницы, *praefectus equitum*, лучшей в Элладе того времени, и в официальных документах упоминается наряду со стратегом и союзным секретарем как член синедриона. Ливий сохранил нам имена двух гиппархов, а не одного, как утверждает Дюбуа: Дикокла от 192 и Динарха от 169 г. до Р. Х. По мирному договору с римлянами в заложники от этолян не могут быть взяты ни стратег, ни гиппарх, ни государственный секретарь: очевидно, эти три лица входили непременно в состав союзного управления этолян.² Меньшим значением пользовался казначей союза (*ταμίαις*), упоминаемый однажды в постановлении этолян в честь пергамского царя Эвмена II (197—157 гг. до Р. Х.).³

Сделанное выше обозрение данных исторических и бытовых, кажется, не оставляет места сомнению в том, что изображение этолян у Полибия, тем самым и у Ливия, страдает прежде всего односторонностью. Оно несколько не выясняет выдающейся роли, какую играл союз этолян в течение столетия с лишним в истории независимой Эллады, если, разумеется, не считать объяснением выдающегося исторического явления той характеристики этолян, в силу которой как природные этоляне, так и другие племена, усвоившие себе их имя, являются ордою хищников, «привыкших жить грабежом и всякого рода беззакониями».⁴ По происхождению и состоянию Полибий принадлежал к избранным гражданам Мегалополя и ахейского союза; воспитанный в школе Филопемена и отца своего Ликорта, стратега ахейян, Полибий получил блестящее по своему времени образование, более всего содействовавшее и сближению его с Сципионами. Наравне с прочими современниками ему чуждо было историческое понимание событий и учреждений, и потому многие части его истории представляют не столько беспристрастное всестороннее объяснение условий и причин, сколько субъективную оценку личностей и субъективное толкование событий, а также

¹ Liv. XXXV 25. Подобное отношение мы наблюдаем в Спарте: тогда как царям принадлежало командование войсками на поле сражения, право объявлять войну при-своено было не им, но эфорам.

² *obses ne esto praetor, praefectus equitum, scribe publicus.* Liv. XXXVIII 11. Ср. XXXV 34. XLIII 22. Полиб. XXI 32 10. Гильберт дважды неверно цитирует относящееся сюда место Полибия XXII 13 вместо XXII 15 по изд. Швейгтейзера. *Handbuch II*, стр. 28 прим. 1 и 2. Cauer *Delectus* 2 п 239. *Bulletin de corresp. hellén.* VI, стр. 461. О высоких достоинствах этолийской конницы говорят Полибий XVII 22 5 и Ливий XXXIII 7.

³ Cauer *Delectus* 2 п 236. Dittenberger *Sylloge* п 215.

⁴ Полиб. XXX 11 1.

сокрытых для наблюдения мотивов. Черты первобытной грубости, во многом отличавшие быт этолян, заслоняли собою в глазах историка положительные стороны организации этолийского союза, то, что было в ней источником силы и привлекательности для других эллинов. Отнестись к этолянам так, как новая историческая наука учит относиться ко всякому предмету изыскания, Полибий не мог: для него, как и для тех из его современников, которые воспитывались в условиях высоко развитых городских республик, этоляне и близкие к ним по развитию племена представляли явление во многих отношениях давно пережитое; к уразумению учреждений подобных народов и совершающихся в среде их событий необходимо было прилагать приемы изыскания сравнительно-исторические, блестящее начало коих у Фукидида не имело продолжателей у последующих историков; да и сам Фукидид не остался верен себе: в большинстве случаев и он при оценке старины пользуется критерием, заимствованным из круга понятий и отношений ему современных. Еще последовательнее Фукидида был, как мы постараемся доказать в другом месте, Полибий в приложении субъективной критики к историческим явлениям давнего прошлого. В эллинской историографии мы наблюдаем приблизительно такое же отношение к старине, какое отличало древнеэллинических художников, чуждых стремления к точности в воспроизведении архаических сюжетов: на многочисленных памятниках пластики и вазной живописи мифологические и героические сцены изображены в современной художнику обстановке; из своей собственной эпохи он переносил в изображаемые сцены вооружение, одежду, утварь. Соблюсти меру спокойствия в оценке этолийского союза было тем труднее для Полибия, что Ахая, политическая родина историка, много раз жестоко терпела от вторжений этолян,¹ что главным источником для него в изображении этолян был Арат, «с давнего времени питавший вражду к ним»,² в большинстве случаев военные действия этолян сопровождалось грабежом и разорением мирных поселений, и нередко причиной войны было не что иное, как поиски за добычей без всяких политических расчетов и благовидных предлогов. Но что было доблестью в доброе старое время у всех эллинов, что поощрялось общественным мнением в некоторых отсталых частях Эллады до позднейшего времени, то встречалось осуждением и негодованием со стороны других эллинов, давно привыкших к иному порядку жизни и усвоивших себе иные понятия международного права. Любопытно, впрочем, как живучи еще были в среде самих ахеян те черты нравов, которые так возмущали Полибия в этолянах. После жестокого поражения при Ладокях (227 г. до Р. Х.) ахеяне держали собрание в Эгии и недовольство свое Аратом, которого считали виновником поражения, выразили постановлением не отпускать ему больше денег из государственной казны на военные расходы и содержание наемников с тем, чтобы он воевал на свой счет, если угодно.³ Постановление это приравнивало Арата к Доримахам и Скопасам, этолянам, которые во главе вооруженных отрядов совершали настоящие военные походы без ведома или решения народного собрания. Насколько, с другой стороны, трудно было Полибию соблюсти спокойствие и беспристрастие в обсуждении этолян, может видеть каждый при чтении рассказа IV 3—7. 9—16. До этого времени союзники этолян, мессеняне, после битвы при Кафиях

¹ Любопытно сопоставить с суждением Полибия об этолянах такое же мнение Исократ о врагах афинян, лакедемонянах. «Напрасно», говорит он, «стал бы восхвалять кто-либо лакедемонян за их единодушие. Это было бы столь же справедливо, как если бы мы хвалили пиратов, разбойников и прочих нарушителей справедливости; ибо и лакедемоняне (подобно разбойникам) при своем единодушии губят остальных людей». *Panathen.* 280 а (226).

² Полиб. IV 7 8.

³ *Plut. Arat.* 37 3.

просили ахейское собрание принять их в союз Антигона: просьба их сначала была отложена до решения всех союзников; но Арат оказал им помощь, как новым ахейским союзникам. Уведомленные об этом этоляне решили воевать с ахеянами только в таком случае, если те не откажутся от союза с мессенянами. В таком решении этолян историк усматривает величайшую глупость и явное коварство. «Будучи сами союзниками как ахеян, так и мессенян», рассуждает Полибий, «они объявляли войну ахеянам, если ахеяне и мессеняне будут жить в дружбе между собою и в союзе; если, напротив, ахеяне выберут войну с мессенянами, то этоляне обещали заключить с ними отдельный мир» (15 9—10). Но этоляне в описываемое время не состояли ни в каком союзе с ахеянами. Сам же Полибий подробно рассказывает о кровавой стычке между отрядом Скопаса и Доримаха и ахеянами при Кафиях (11—12); дело не дошло еще до формального объявления войны собранием этолян, но ахеяне (15 1—3) решили уже принять мессенян в союз и набирали войска против этолян. Правдивость историка в передаче фактов дает нам средство к поправке его суждений, внушенных, очевидно, «Записками» Арата, который имел все основания негодовать на этолян (12—14).¹

Появление этолян и ближайших к ним племен на исторической арене в виде могущественной организации было как бы ответом на мечтания утопистов того времени и более раннего о восстановлении благодатной старины с равенством имущественным, без борьбы политических партий за власть. Стоики, к последователям коих принадлежал и Полибий, усердно занимались изысканием смешанной формы управления, способной разрешить противоречие между притязаниями меньшинства и нуждами массы в единстве высшей руководящей власти. Спартанские цари Агид III и Клеомен II, согласно с учением стоиков, надеялись и обещали положить конец социальным и экономическим распрям в среде лакедемонян путем восстановления первоначального ликурговского устройства, а это последнее, как известно, содержало в себе многие черты общественного склада эллинов из так называемой героической эпохи. Политические меры и личное поведение спартанских царей-реформаторов оживили в народных массах Пелопоннеса надежды на водворение в жизни экономического равенства и общего довольства, и блестящими военными успехами Клеомен обязан был столько же храбрости своих воинов, сколько сочувственному возбуждению в низших классах населения. Города ахейского союза один за другим переходили на сторону Клеомена частью из страха, частью добровольно, как свидетельствуют Полибий и Плутарх.² Достоинно внимания, что этоляне находили себе сочувствие в значительной части Пелопоннеса: Элида, Мессения, Тегея, Орхомен, Мантиней, Фигалия состояли в союзе с ними; они же дают у себя приют спартанским изгнанникам, сторонникам реформ Агида, и совершают поход в Лаконику с целью возвращения их на родину; позже они обнаруживают готовность помогать Клеомену, продолжателю дела Агида. Если только не следовать Полибию и не объяснять каждый шаг этолян в Пелопоннесе жаждой наживы и желанием вредить ахейскому союзу, то мы вынуждены признать, что в общественных учреждениях этолян, в их бытовом складе содержались условия того сочувствия, какое сближало этолян с народами Пелопоннеса: элейцами, мессенянами, некоторыми аркадянами и отчасти лакедемонянами, в тот именно период эллинской истории, который

¹ Ср. Lucas *Polybius Darstellung*. 103 сл.

² Полиб. II 46 2. 52 2. 58. Plut. *Arat.* 32. 39—40. Cleom. 14. 17—20. Интересные подробности умственного и социального движения в Пелопоннесе читатель может найти в гл. III и VI исследования В. Г. Васильевского, *Политич. реформа* и пр., бесспорно лучших и самостоятельнейших во всей монографии.

ознаменовался в сознании эллинов превознесением старины, а на практике насильственными мерами к водворению экономического равенства путем уничтожения долговых обязательств и передела земли (*χρεῖων ἀποκοταί καὶ γῆς ἀναδάσιμος*). Не случайным представляется нам дружественное согласие, в котором издавна жили этоляне с демократическими Афинами. После 196 г. до Р. Х. этоляне стояли во главе демократического движения против римского господства над Элладой, а в 190 г. ходатаями за них перед римским консулом выступают афиняне.¹

В нравах и общественных привычках этоляне сохраняли много от первобытной простоты и относительного экономического равенства, мужество и дружную стойкость в борьбе с внешним врагом, то единомыслие (*ὁμόνοια*), каким, по словам Исократы, отличались и лакедемоняне. Но наряду с достоинствами они обнаруживали, особенно в отношениях к чужеземцам, варварскую грубость, пренебрежение к понятиям международной справедливости, беспощадность в обращении с имуществом и жизнью врага, т. е. чуть не каждого, кто не принадлежал к их союзу, о чем с некоторым преувеличением не раз говорит Полибий. В IV и V книгах его истории читатель находит немало примеров этолийской жестокости и посягательства на чужеземное достояние; самые учреждения этолян и еще больше унаследованные исстари навыки не возбраняли отдельным личностям ходить за добычей в чужие земли. Посланный в Фигалию с политическими целями Доримах дает у себя приют этолийским пиратам и позволяет им совершать хищнические набеги в дружественную Мессению; почти так же действует впоследствии начальник этолийского отряда Филлид.² Этоляне запятнали себя грабежом и опустошением в эллинских землях, зависимых от Македонии, уже во вторую македонскую войну. В 192 г. до Р. Х. этолийский отряд, посланный в Спарту для освобождения города от Набида, под командою Алексамена перешел немедленно по умерщвлении тирана к грабежу и насилиям против мирных лакедемонян, и Спарта была потеряна для союза.³ Тот же самый Алексамен в бытность стратегом этолян в угоду Т. Кв. Фламинину взял на себя убиение Брахилла, вождя антиримской партии в Беотии; палачами консул выбрал трех этолян и столько же италийцев.⁴ Понятно, почему справедливые нападки этолян на двоедушие римской политики, а равно разоблачение завоевательных планов римского сената и призыв к оружию во имя свободы Эллады в союзе с Антиохом против римлян находили мало сочувствующих среди эллинов. К тому же за сие время этоляне не дали ни одного выдающегося человека, ни политика, ни полководца. Очевидно, сложные исторические задачи застигли этолян неподготовленными, а завещанные стариною формы жизни без соответствующих приспособлений и без изменений в характере и понятиях этолян оказывались недостаточными каждый раз, когда этоляне соприкасались с более упорядоченными условиями общежития и с более дисциплинированными противниками.

Частое посещение промышленных и богатых городов, знакомство с предметами чужеземной высшей культуры, которые добывались большею частью в войнах и хищнических набегах, прививали этолянам новые вкусы и потребности, нарушали первоначальную простоту жизни и то «единомыслие», которое составляло главный источник силы в подобных племенах и народах. Полибий не раз говорит о кичливости и роскоши этолян. Филипп нашел в Ферме множество статуей; по свидетельству Афиняя, этоляне любили

¹ Liv. XXXVII 6. Полиб. XXI 4.

² Полиб. IV 3—4. 79.

³ Liv. XXXV 35—37.

⁴ Полиб. XVIII 43. Liv. XXXIII 28.

украшать свои праздники, дома и храмы предметами чужеземного искусства, а известная уже нам теосская надпись упоминает об актерах, захороненных из Теоса в Этолию.¹ Нет никаких признаков того, чтобы чужеземные влияния отражались на Этолии заметным подъемом промышленности, торговли, вообще мирных занятий и просвещения; но они действовали разлагающим образом на патриархальные туземные отношения, увеличивали неравенство состояния, а это в свою очередь при скудости средств к законному обогащению делало граждан более доступными подкупу, обостряло вражду между классами населения.

Сведения наши об экономическом положении этолян за этот период крайне недостаточны. Однако Полибий сохранил весьма характерный факт: в 189/188 г. до Р. Х. перехвачено было на пути в рим посольство этолян, в коем находился и некий Александр, «богатейший человек в целой Элладе». Эпироты требовали за освобождение по пяти талантов с каждого; между тем как прочие пленные готовы были заплатить выкуп, Александр противился и тогда, когда эпироты сбавили выкуп до трех талантов с человека. «Я думаю», замечает историк, «что он скорее расстался бы с жизнью, чем с тремя талантами», хотя имел больше 200 талантов, что на наши деньги составляет около 300 000 рублей. Прочие пленные были тоже богаты.² Если принять во внимание, что промышленность и торговля находились в Этолии в зачаточном виде, то необходимо допустить, что подобные состояния находились главным образом хищением и отдачею денег в рост. Действительно, уже к 205 г. до Р. Х., как рассказывает Полибий, «этоляне вследствие непрерывных войн и роскошной жизни незаметно для себя и для других впади в тяжкие долги. По этой причине склонные к изменению своего общественного устройства, они выбрали в законодатели Доримаха и Скопаса, ибо знали непостоянный нрав их самих и замечали, что их собственное имущество обременено многообразными долгами».³ В чем состояли перемены в управлении, клонившиеся к облегчению должников, мы не знаем; знаем только, что они остались недействительными. Сам Скопас вскоре удалился в Александрию с целью поправить свои денежные дела, а после насильственного расторжения союза римлянами, когда источники обогащения сильно сократились (189 г. до Р. Х.), социальное зло, борьба между должниками и кредиторами, между имущими и неимущими возгорелась в Этолии с ужасающей силой.⁴ При грубости нравов, отличавшей эти народы, социальная борьба сопровождалась всевозможными жестокостями. Здесь в течение многих лет с небольшими перерывами должны были повторяться кровавые сцены наподобие тех, какие в V в. до Р. Х. разыгрывались в Керкире, по свидетельству Фукидида, или в описываемую Полибием эпоху в среде аркадян в Кинофе. Движение охватило также все земли между Офрисом и Олимпом: Дориду, Фессалию, Перребию.⁵ «В это время» (174 г. до Р. Х.), замечает Полибий, «взаимная ярость этолян, казалось, приведет народ к гибели путем истребления друг друга».⁶ Внутренние распри были тем ожесточеннее и губительнее, что ими пользовались для своих целей, с одной стороны, Пер-

¹ Полиб. IV 3 1. V 8. XIII 1 1. XVIII 34 2. Athen. XII p. 527. *καθὼς καὶ τοῖς Διονυσιακοῖς τεχνίταις ὁ νόμος τῶν Αἰτωλῶν κελεύει* Cauer *Delectus* ² n 238. CIG n 3046.

² Полиб. XXI 26 8—15.

³ Полиб. XIII 1.

⁴ οἱ Αἰτωλοὶ τὸν βίον ἀπὸ ληστείας καὶ τῆς τοιαύτης παρανομίας εἰώθεισαν ἔχειν. καὶ ἕως μὲν ἐξῆν τοὺς Ἕλληνας φέρον καὶ λεηλατεῖν, ἐκ τούτων ἐπορίζοντο τοὺς βίους, πᾶσαν γῆν ἠγοούμενοι πολεμίαν, μετὰ δὲ ταῦτα Ῥωμαίων ἐπιστάντων τοῖς πράγμασι, κωλυθέντες τῆς ἕξωθεν ἐλικουρίας εἰς εαυτοὺς κατήτησαν Polyb. XXX 11 1—3.

⁵ Liv. XLI 25. XLII 2. 5. 13. XLIII 17. Diod. XXIX 33. Ср. Полиб. IV 17.

⁶ XXX 1.

сей. с другой — римские консулы. Немедленно по вступлении на престол Персей в числе монарших милостей объявил прощение всех долгов и посредством письменных воззваний в разных городах Македонии, а также на Делосе в Ларисе и в храме Афины Итонии, что в Коронее, приглашал в Македонию всех неоплатных должников, осужденных судом преступников, политических изгнанников. Относительно Этолии даже Полибий замечает, что междоусобная брань уступила там место благоустройству (*καλῶς διοέθη*) по смерти Ликиска, усердного пособника римлян, того самого, который вместе с Тисиппом отдал на жертву римскому гарнизону 550 старейшин, других изгнал, причем имущество потерпевших и погибших перешло в руки предателей и их сторонников.¹ Неподкупность также не принадлежала к числу добродетелей этолийских властей. Рассказ Ливия о том, как М. Валерию Левину удалось склонить этолян к союзу с римлянами против Филиппа V посредством тайных переговоров со старейшинами (211 до Р. Х.), дает чувствовать, что в этом случае дело не обошлось без посулов или подкупа со стороны римского консула. Через шесть лет после этого Скопас проводит закон, направленный к облегчению должников ради того, по выражению Полибия, чтобы добиться должности стратега, очевидно дававшей возможность занимающему ее лицу поправить свои личные дела.² По поводу отказа стратега Дамокрита заключить немедленно союз с римлянами против Филиппа (200 г. до Р. Х.) ходила молва, что Дамокрит подкуплен македонским царем. В 196 г. до Р. Х. этоляне были удивлены переменою в поведении Т. Кв. Фламинина относительно побежденного Филиппа. «Так как подкуп начал уже господствовать в Элладе», говорит Полибий, «так как никто не делал ничего даром, а у этолян эта черта нравов сделалась обыденною, то они не могли допустить, чтобы столь резкая перемена в Тите по отношению к Филиппу совершилась без подкупа».³ Очевидно, для этолян ко времени расторжения союза давно прошла пора простоты нравов и относительного равенства состояния; и этоляне захвачены были тем социально-экономическим движением, в котором истощались жизненные силы остальной Эллады; благодаря своей отсталости они оказались неспособными не только разрешить возникавшие задачи, что стало не по силам и прочим эллинам, но хотя бы смягчить способы и приемы внутренней борьбы и направить свою энергию на другие ближайшие и легче достижимые цели. Между тем история не ждала, и внешний враг не намерен был упускать случая воспользоваться внутренними неурядицами для расширения пределов своего влияния и господства.

Как бы то ни было, этолийский союз представляет поучительнейший пример того, как эллинские и близко родственные им племена на основе унаследованных от давнего прошлого учреждений создали могущественную политическую организацию, не без успеха боровшуюся как против македонских фаланг, так и против римских легионов. Благом она была для Эллады хотя бы потому уже, что в широких пределах союза уменьшалось число столкновений и войн между отдельными общинами. В союзном народном собрании и в союзном совете старейшин, пополнявшемся представителями союзных общин, причем число советников каждой общины зависело от величины ее и доли участия в расходах союза, этоляне впервые создали подобие двух палат: народное собрание должно было воплощать в себе верховную власть союза, а совет старейшин представлял собою нацию, различные части

¹ Полиб. XXXII 20 j. Liv. XLV 28. Pausan. VIII 11. Iustin. XXXIII 2. XXXIV 1.

² Liv. XXVI 24. Σκόπας ὁ Αἰτωλῶν στρατηγὸς τῆς ἀρχῆς, ἧς χάριν ἐτόλμα γράφειν τοὺς νόμους κτλ. Polyb. XIII 2 j.

³ Полиб. XVIII 34 j.

коей соответственно своему значению участвовали в направлении союзной политики. Не подвергая отдельных выражений Полибия придирчивой, сомнительной критике, не заподозревая его авторской добросовестности, мы старались при помощи его же показаний и документальных свидетельств восполнить по возможности оставленные им сведения. Если несправедливо было оценивать поведение этолян по мерке иных понятий и иного общественного склада, то не более справедливо усматривать умышленное извращение истины там, где на самом деле мы имеем присущие известному историческому периоду приемы изыскания чужеземных бытовых явлений.

V

Федерация ахеян

Разница между прежними союзами с гегемонией одного народа и позднейшими федерациями определялась с самого начала исходными пунктами движения: тогда как лакедемонский или афинский, или фивский союзы возникали на готовой почве политической силы и преобладания одного *города* над прочими, основу союзов этолийского и ахейского составляли *племена*, до того времени не заявлявшие себя в истории образованием блестящих городов и продолжавшие жить в условиях стародавнего быта и в пределах собственной территории. Тогда как прежде господствующий город ревниво охранял права своего гражданства и с гордостью указывал на свое превосходство в отношении военном и других, тем оправдывая свои притязания на гегемонию, здесь граждане различных поселений сохранили старую привычку сходиться в общие собрания на положении равноправных участников и охотно допускали к пользованию теми же правами всякий другой народ, город или поселок, раз они соглашались принять на себя вместе с правами и некоторые обязательства, равнявшие их с первоначальными участниками союза. С каким трудом давалось право гражданства в афинской республике, показывает пример оратора и горячего афинского патриота Лисия. Метек по происхождению, он оказал большие услуги республике во время освобождения ее от тирании Тридцати (403 г. до Р. Х.). По решению народного собрания Лисий получил право афинского гражданства, но вскоре утратил его по предложению некоего Архина на том единственно основании, что предложение Фрасибула не прошло предварительно через сенат. Так Лисий и умер метеком. Еще ревнивее в этом отношении были спартанцы. Как передает Геродот, элейскому гражданину Тисамену, знаменитому гадателю, и брату его не менее трудно было сделаться гражданами, чем пилийцу Меламподу получить половину аргивского царства для себя и третью долю для брата. По словам историка, Тисамен и брат его были «единственные люди, принятые спартанцами в число сограждан».¹ Ничего подобного не представляет нам история союза этолийского или ахейского: натурализация чужеземцев следовала здесь сама собою за присоединением к союзу.

Основная разница между федерациями этолийскою и ахейскою сводилась к тому, что в первой вовсе не было столь значительных городов, как Сикион, Коринф, Аргос, Мегалополь или Спарта; городской быт совсем почти не развился в Этолии и в тех частях средней Эллады, которые наитеснее примыкали к этолийскому союзу; самый Ферм, состоявший из нескольких поселков, был скорее сборным местом союзников, а не городом-государством в смысле эллинском. Здесь почти не существовало той формы политического

¹ Phot. *Biblioth. cod.* 202 изд. Беккера. Герод. IX 33—35.

быта, привязанность к которой препятствовала бы слиянию малых и слабых народностей с более многолюдной и сильнейшею. Поэтому-то в недрах этолийской федерации мы не находим стремлений к отпадению, проявление которых не раз колебало федерацию ахейн в самых основах ее. Союз ахейский с самого начала и до последнего времени был соединением городов, в числе коих иные имели блестящую историю, прославили себя успехами в искусствах и философии, в торговле и промышленности. В своем устройстве и поведении ахейская федерация обнаруживает гораздо большую сознательность и последовательность, нежели этолийская; она могла выдвинуть немало искусных политических деятелей и полководцев. Преобладание городского быта в ахейском союзе по сравнению с этолийским выразилось в особой системе голосования в союзном собрании, по городам: тогда как союзные собрания этолян по своему составу и поголовной подаче голосов были только расширявшимся по мере возрастания самого союза собранием племени, в ахейском собрании каждый город располагал одним голосом наравне с прочими, безо всякого отношения и к величине города, и к числу присутствовавших на собрании его граждан.

Далее, в политическом и военном отношении главную силу этолийской федерации составляли сами этоляне с привычками, нравами и учреждениями, в мало измененном виде перешедшими в эпоху Полибия из доисторического прошлого.

Ядро ахейской федерации составили также незначительные городские поселения собственных ахейцев, во взаимных отношениях которых сохранилась еще память о той поре, когда они жили небольшими поселками и для обсуждения и решения общих дел сходились вместе у святилища «Соборного Зевса» *Zēvs 'Oμάριος*;¹ такими же символами исконного единения и родства были культы Аполлона у этолян и Зевса Ликейского у аркадян. Дима, Патры, Тритея и Фары положили начало ахейской федерации в 124-ю олимпиаду, около времени похода Пирра в Италию (280 г. до Р. Х.). Событие не ознаменовалось начертанием договора на столбе, так как оно было не более как восстановлением исконных отношений, на время упраздненных македонскими владыками. Древнейшее известие о существовании ахейского союза (*τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν*) приурочивается к 374/373 г. до Р. Х. и находится у Страбона и Диодора Сицилийского.² После восстановления союза ахейцы как один народ упоминаются впервые в афинской надписи 266/265 г. до Р. Х., когда к союзу не принадлежали еще Тегея, Мантиней, Орхомен, Кафии. Изданная и объясненная первый раз Рангави, надпись относится к так называемой Хремонидской войне.³ Что союзные отношения существовали и раньше, доказывает такая же организация итальянских колоний ахейян, выведенных туда в конце VIII в. до Р. Х.: Сибариса, Кротона и колонии последнего, Кавлонии. По примеру метрополии итальянские города

¹ *Διὸς ὁ μαρίων* Polyb. II 39 5 без придыхания и ударения в списке *Α ομαρίων*. В другом месте V 93 10 Полибий называет самое святилище в Эгии *'Oμάριον*. У Павсания эпитет Зевса в полной форме *'Oμαρῆριος* VII 24 1. 2. 3. Здесь же и этимология имени *ὄτι Ἀγαμέμνων ἤδρῳσεν ἐς τοῦτο τὸ χορίον τοὺς λόγους μάλιστα ἐν τῇ Ἑλλάδι ἀξίους*. В эгийском святилище Павсаний помещает три кумира: Зевса, Афродиты и Афины. У Страбона в рукописях название святилища *Ἀρνάριον, Ἀινάριον*, исправленное Крамером в *Ἀμάριον* VIII 7 3, p. 385. VIII 7 5, p. 387. В орхоменской надписи, ошибочно относимой Фукаром к 199 г. до Р. Х., форма эпитета Зевса *Ἀμάριος*; тут же называются и Афина Амария и Афродита; т. е. те самые божества, кумиры которых помещаются в Эгии Павсанием. Dittenberger *Sylloge* n 179. Вероятно, в Эгии, как сборном месте союзников, собраны были и местные божества членов союза. Что касается этимологии эпитета, то Фукар предлагает производить *Ἀμάριος* или *Ἀμῆριος* от локрск. сл. *ἀμῆρα* день. *Revue archéol.* XXXII. 1876, стр. 96 сл.

² Полиб. II 41 12. Strabon. VIII 7 2, p. 385. Diod. XV 49.

³ Rangabé *Antiqu. hellén.* II n 453. Koehler CIA II n 332. Dittenberger *Sylloge* n 163.

соорудили святилище Соборного Зевса, выбрали место для общих собраний и совещаний; формального договора с начертанием на столбе не было и здесь.¹

Однако ростом военной силы и политического влияния ахейский союз обязан был гораздо больше другим пелопоннесским республикам, соединившимся вокруг первоначального ядра и превосходившим города ахеян богатством и значением в Пелопоннесе. Обращение ахейского союза в сильную политическую организацию начинается присоединением к ней Сикиона и развивается по мере вступления в нее Коринфа, Аргоса, Мегалополя и других городов Аркадии. Правда, и в числе деятелей Этолии видное место занимали уроженцы локрского Навпакта и акарнанского Страта, как например стратеги Агелай и Ликиск;² но большинство этолийских стратегов выходили все-таки из среды самих этолян. Не то мы наблюдаем в ахейской федерации. После Марга из Каринии, первого единоличного стратега Ахаи (255 г. до Р. Х.), направление союзной политике давали уроженцы новых городов союза: Сикиона, Аргоса и особенно Мегалополя. Достаточно напомнить, что сикионец Арат впервые вывел ахейскую федерацию за пределы собственной Ахаи, шестнадцать или семнадцать лет занимал должность союзного стратега и в течение тридцати трех лет был главным руководителем союзной политики; одним из влиятельнейших стратегов, трижды избираемым на эту должность, был Лидиад аргивянин; восемь раз был стратегом мегалопольца Филопемени; продолжателями его политики явились также мегалопольцы Ликорт и Полибий; Диофан, Аристен, Диэй, имена которых связаны с позднейшим периодом независимости Ахаи, были тоже родом из Мегалополя. Из пятнадцати союзных стратегов, родина коих нам известна, только пять были собственные ахеяне: Архон и Ксенарх из Эгиры, Эперат из Фар, Ксенон из Патр и Калликрат из Леонтия; все прочие, притом более влиятельные из городов, примкнувших к союзу. Сам историк в следующих немногих словах резюмирует историю ахейского союза: «Начинателем и руководителем во всем этом предприятии должно почитать сикионца Арата, борцом и довершителем дела — мегалопольца Филопемени; утвердил и укрепил его на некоторое время Ликорт вместе с людьми, преследовавшими общие с ним цели».³ Зато ахейский патриотизм Мегалополя оказался выше всякого искушения. По словам Полибия, Клеомен никогда не находил ни одного сторонника или предателя ни в Мегалополе, ни в Стимфале, также аркадском городе.⁴ Между тем в Пеллене, собственном ахейском городе, жители сами помогли Клеомену выгнать союзный гарнизон.⁵ Словом, Сикион, Аргос и Мегалополь, а не Дима, Патры или Эгий, определяли судьбу и значение федерации.

По своему составу и положению входивших в него городов ахейский союз был несравненно ближе, нежели этолийский, пониманию и привычкам просвещенного гражданина эллинской республики. Тогда как объединительное движение этолян больше напоминает политику Рима, дарованием гражданства приобщавшего италийские племена к римской народности, в союзе ахейском цветущие города Пелопоннеса не утрачивали своей индивидуальности и взамен некоторых прав суверенитета приобретали со вступлением в союз новые средства для достижения своих целей и более широкое поле деятельности для выдающихся граждан. По сравнению с ахейским этолийский союз

¹ Полиб. II 39 5.

² Полиб. V 104. IX 32—39. XXVII 15 14. XXVIII 4. XXX 13. XXXII 19. 20. Liv. XLII 38. XLV 28. Wescher et Foucart *Inscriptions* n 386. *Bulletin de corresp. hellén.* 1881, V n 34.

³ Полиб. II 40 2.

⁴ II 58 8.

⁵ Plut. *Cleom.* 18.

с преобладанием грубых этолян должен был представляться Полибию делом насилия и неправды, помимо других мотивов неприязненного отношения историка к Этолии. Историк не мог не иметь в виду притязаний Спарты на гегемонию, а равно расширения этолийской территории за счет соседей, когда писал: «Нигде в такой степени и с такою последовательностью, как в государственном устройстве ахейян, не были осуществлены равенство, свобода и вообще истинное народоуправство». «Так как ни один из первоначальных участников не пользовался никаким преимуществом, напротив всякий вновь примыкающий вступал на совершенно равных правах, то устройство это быстро достигло поставленной заранее цели, ибо имело двоякую надежнейшую опору в равенстве и милосердии».¹

Однако преобладающая роль многих неахейских городов в ахейской федерации обязывала историка искать причин быстрого возрастания союза не столько в недрах первоначальной организации, сколько за ее пределами, в тогдашнем состоянии различных частей Пелопоннеса и их прежней истории. В одной из предыдущих глав мы старались свести вместе данные, свидетельствующие об успехах федеративного движения в Аркадии, особенно со времени основания Мегалополя (371—369 гг. до Р. Х.); начала этого движения теряются в более глубокой древности, на что указывает существование общеаркадского культа Зевса Ликейского и чеканка монет в V или даже в VI в. до Р. Х. с надписью *ἀρκαδικόν*.² Ко времени возобновления ахейского союза (284—280 гг. до Р. Х.) привычки к согласному решению своих дел были очень сильны в аркадских городах и селениях, и от Павсания мы узнаем, что «аркадяне охотнее всех эллинов примкнули к союзу ахейян», чему предшествовал ряд совместных действий аркадян.³ Вскоре по окончании пелопоннесской войны Аргос и Коринф решили образовать общую республику, симполитию, с одним именем, с общими границами и учреждениями; по Анталкидову миру (387 г. до Р. Х.) аргивско-коринфская симполития распалась. В смысле сближения пелопоннесцев между собою должны были действовать многократные попытки Спарты образовать пелопоннесский союз под своей гегемонией, попытки, увенчавшиеся временным успехом перед войною с персами и во время пелопоннесской войны. Пятнадцать лет спустя после Анталкидова мира народы Пелопоннеса соединяются сначала под главенством финяян, потом одни для борьбы с общим врагом, Спартою. Страх спартанской гегемонии побудил аркадян, аргивян и мессенян призвать в Пелопоннес войска Филиппа II (346—344 гг. до Р. Х.); враждою к Спарте внушены Полибию те слова укоризны и обличения, с какими он обращается против Демосфена за его чрезмерный афинский патриотизм и за невнимание к нуждам утесненных Спартою пелопоннесцев.⁴ Унаследованная от предков ненависть к Спарте входит составным элементом в суждения нашего историка и о царе-реформаторе Клементе III, не говоря уже о Маханиде и Набиде. Родной город Полибия, по мысли основателей его Эпаминонда и Ликомеда, должен был оставаться навсегда оплотом свободы Пелопоннеса против посягательств Спарты.

Таковы были важнейшие условия и antecedенты, споспешествовавшие распространению местного, племенного союза на большую часть Пелопоннеса и не оцененные по достоинству нашим историком. К этому присоединялись вековые взаимные отношения различных пелопоннесских республик, сглаживавшие мало-помалу племенную отчужденность и выдвигавшие на

¹ Полиб. II 38 6. 8.

² L. Warren, *Essay on federal coinage*, стр. 11. 31 сл. Срвн. выше, стр. LIII сл.

³ *συνεδρίον δὲ τῶν Ἀχαιῶν μετέσχον οἱ Ἀρκαῖες προδριμότητά πάντων Ἑλλήνων*. Pausan. VIII 6 1. Срв. Plut. Arat. 34.

⁴ Demosth. *Philipp*. II, pp. 69. 70. 72. §§ 13—16. 19—26. Полиб. XVIII 14 5—15. IX 33 8—12.

первый план политические интересы. Полибий только мимоходом кратко замечает, что «в прежние времена многие безуспешно пытались объединить пелопоннесцев во имя общего дела, но тогда каждый помышлял не об общей свободе, а о собственном преобладании».¹

Столь же недостаточно историк наш обращает внимания на другой мотив объединения пелопоннесцев в общей организации. Мотив этот — борьба против македонского владычества, опиравшегося на тиранию и иноземные гарнизоны в пелопоннесских городах. Деятельность Арата и союза в первую и самую плодотворную пору направлена была к освобождению городов от македонских гарнизонов и от тиранов. Первоначальный союз двенадцати, потом десяти ахейских городов распался главным образом по вине македонских царей. Так, еще Александр, сын Филиппа, уничтожил народоправство в Пеллене и заменил его тиранией борца Херона (335 г. до Р. Х.), чем и следует объяснять воздержание пелленян от участия в восстании эллинов против Александра и в войне против наместника его Антипатра (323/322 г. до Р. Х.). Он же посягал на союзные собрания ахеян и аркадян. Так, в одной из речей Гиперида против Демосфена упоминается о прибытии в Пелопоннес (324 г. до Р. Х.) того самого Никанора, который в 114-ю олимпиаду возвестил на олимпийском празднестве волю Александра возвратить изгнанников в родные города. В Пелопоннес Никанор явился с указом (*τὰ ἐπιτάγματα*) об изгнанниках и о союзных собраниях ахеян и аркадян. Касандр поставил гарнизоны в Патрах, Эгии, Димах (314 г. до Р. Х.), место которых заступили гарнизоны Деметрия в 294 г. Союз давно уже был в упадке, когда Антигон Гонат объявил его расторгнутым (288 г. до Р. Х.).² Войною с эпирским царем Пирром и другими замешательствами в Македонии воспользовались четыре названных выше городка Ахаи для восстановления исконных союзных отношений (280 г. до Р. Х.). Пять лет спустя примкнули к союзу жители Эгия, выгнав из города македонский гарнизон. Вскоре после этого «возвратились к прежнему устройству» жители Буры по умерщвлении своего тирана, и каринийцы, тиран коих Исей добровольно отказался от единоличной власти и присоединил город к ахейскому союзу.³ Таким же, должно быть, способом вошли в союз и три остальных города Ахаи: Леонтий, Эгира, Пеллена. Как невелики были все эти города, показывает суждение поэта Иона о важнейшем из них — Эгии, служившем сборным местом союзников до 189 г. до Р. Х.: «по населенности и значению он не имел права ни на третье, ни на четвертое, ниже на двенадцатое место в Элладе».⁴ Самые узлы федерации были вначале довольно неопределенны, если жители Патр могли одни, а не совместно с прочими ахеянами участвовать в войне против галлов 278/277 г. до Р. Х.⁵ В 251 г. к союзу примкнул Сикион, непосредственно перед тем освобожденный от тирании Аратом, а восемь лет спустя и Коринф, после того как из кремля его был удален насильно гарнизон Антигона Гоната и бежал тиран (243 г. до Р. Х.). В том же году по удалении македонских гарнизонов присоединились к союзу Ме-

¹ Полиб. II 37 9.

² Ps.-Demosth. *περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συνθηκῶν* §§ 10—14. Aeschin. in *Ctesiph.* § 165. Diod. XVII 109. XVIII 8. XIX 66. Pausan. VII 27 7. Полиб. II 40 5. 41 9. *τὰ δ' ἐν Πελοποννήσῳ καὶ τῇ ἄλλῃ Ἑλλάδι οὕτως ἔχοντα κατέλαβεν ὑπὸ τῆς ἀφίξεως τῆς Νικάνορος καὶ τῶν ἐπιταγμάτων, ὧν ἦκεν φέρων παρ' Ἀλεξάνδρου περὶ τε τῶν φυγάδων καὶ περὶ τοῦ τοῖς κοινοῖς συλλόγοις Ἀχαιῶν τε καὶ Ἀρκάδων.* Hyperid. in *Demosth. fr.* VIII Blass. Фишер *kl. Schrift.* I, 355 прим. 3 восполняет отрывок словами *μη γίνεσθαι* или *μη ξυλλέγεσθαι*.

³ Полиб. II 41 12—14.

⁴ *Fragm. histor. graec.* Didot. II, стр. 51, fr. 17.

⁵ Pausan. VII 18 4. X 22 6. Cp. Weinert *die achäische Bundesverfassung.* Demmin. 1881, стр. 4 сл.

гары, Трезену, Эпидавр. К этому времени приурочивается трезенская надпись о постановке статуи Арата (*Ἄρατον Κλεινία Σικυώνιον ὁ δ᾽ ἄμνος ἀνέθηκε*) в память освобождения Трезена; раньше надпись приурочивалась к Гермione. Еще при жизни Деметрия (239—229 гг. до Р. Х.), который всячески поддерживал тиранию в Пелопоннесе, мегалопольский тиран Лидиад по собственному почину сложил с себя власть и присоединил город к союзу (234/233 г. до Р. Х.). После смерти Деметрия то же самое сделали тираны Аргоса, Гермियोны и Флиунта.¹ «Территория пятнадцати городов», замечает Фримен, «простиралась теперь непрерывно от Ионийского моря до Эгейского, от мыса Аргоса до крайней оконечности аргивского полуострова. Ключ к Пелопоннесу был теперь в руках союза, цепи Эллады были порваны».² Счет Фримена не совсем верен, ибо еще раньше Аргоса и самого Мегалополя приобретены были для союза Герее в Аркадии и Клеоны в Арголиде, а в одно время с Гермियोной присоединилась и Эгина.³ До начала Клеоменовой войны (228 г. до Р. Х.) в ахейский союз вошли также Мантиния, Тегея, Орхомен, соединившиеся потом с этолиями и еще позже перешедшие на сторону Клеомена, а равно другие поселения аркадян, ибо аркадяне, по выражению Павсания, охотнее прочих эллинов примкнули к ахейскому союзу. По поводу упомянутой выше орхоменской надписи Диттенбергер с успехом доказывает, что присоединение Орхомена к союзу ахейцев совершилось вскоре после отречения Лидиада от власти тирана, т. е. вскоре после 234/233 г. до Р. Х.⁴ Известия древних о расширении территории ахейского союза путем изгнания македонских гарнизонов и низвержения или добровольного отречения тиранов, которые находили опору в македонских владыках, согласуются с замечанием Полибия: «Цель союза состояла в изгнании македонян из Пелопоннеса, в упразднении тирании и в обеспечении общей искомной свободы во всех городах», и Дьюба тщетно силится доказать наперекор фактам и неоднократно заявлению нашего историка, что образование ахейского союза вовсе не означало пробуждения вражды эллинов против Македонии. Нельзя, конечно, согласиться с Фрименом, когда в ту отдаленную эпоху он переносит понятия и политические страсти своего времени, когда историю ахейского союза представляет себе как «борьбу федерализма с монархией, национальную борьбу Эллады против Македонии». Но не более прав и Дьюба, отрицая борьбу с македонским владычеством, как один из руководящих мотивов в начальной истории ахейской федерации.⁵ Достаточно напомнить, что борьба Арата против македонской гегемонии перешла даже за пределы Пелопоннеса, и одним из похвальнейших своих подвигов он считал участие в освобождении Афин от гарнизона Деметрия. В собственных «Записках», послуживших источником для Плутарха и Павсания, восполняемых и исправляемых при помощи пирейской надписи в честь Эвриклида, Арат сильно преувеличивает свою роль в этом деле насчет начальника

¹ Полиб. II 43—44. XX 6 7—8. Plut. Arat. 2—9. 17—24. P. Jamot, *Bulletin de corresp. hellén.* XIII, 1889, стр. 193 сл.

² *Feder. governm.* 277.

³ Полиб. XXII 11 9. Plut. Arat. 28. 34. По словам Плутарха, эгиняне и гермионяне примкнули к ахейцам вскоре по освобождении Афин. К этому же времени приурочивает и Полибий присоединение к союзу Аргоса, Гермियोны и Флиунта II 446; эгиняне опущены нашим историком, а у Плутарха имя их поставлено рядом с гермионянами.

⁴ Полиб. II 46 2. 54 11. 57 1. IV 6 5—6. Pausan. VIII 6 3. Plut. Cleom. 4. Dittenberger, *Hermes*, XVI, стр. 178 сл. *Sylloge* n 178.

⁵ Полиб. II 43 8. *Comment l'éminent écrivain* (Фримен), dont le livre contient tant d'excellentes remarques sur l'esprit public des Grecs après la diffusion de l'hellénisme par Alexandre, peut-il voir dans la naissance de la ligue achéenne le signe d'un reveil des haines de la Grèce contre la Macédoine? *Le ligue* 67 прим. 3. Cp. Freeman *feder. governm.* 231. 234.

македонского гарнизона Диогена. Этого последнего, а не Арата афиняне почитали и чествовали как своего избавителя.¹

Не обращая должного внимания на благоприятно сложившиеся для Ахаи внешние условия, Полибий тем самым вынужден был искать ответа на занимавший его вопрос в исключительных достоинствах ахейского племени, причем неминуемо впадал в преувеличения и неточности. Историк сознается, что ахейский народ сам по себе не выдавался над другими народами ни обширностью занимаемой территории, ни большим числом городов, ни богатством, ни военными доблестями, что ахеяне были слабее почти всех эллинов, не говоря уже об аркадянах или лакедемонянах. «Каким же образом», спрашивает себя Полибий, «и по какой причине народы только что названные и все прочие пелопоннесцы соглашались теперь участвовать в союзе ахеян и именовать себя ахеянами?»² Ввиду сказанного выше, казалось бы, достаточно было поставить такой вопрос для того, чтобы внимание историка обратилось к тогдашнему состоянию Пелопоннеса и здесь искало бы разгадки удивительного на первый взгляд явления. Тогда и оказалось бы, что относительная слабость ахеян, исключавшая возможность притязаний их на гегемонию или господство, составляла одно из важных условий преуспевания ахейской федерации. Потом отсутствие сильных, богатых городов на ахейской территории облегчало возникновение организации на основе равного участия всех членов в общих делах и одинакового отречения от некоторых прав верховности. Мы уже знаем, что федерация аркадян на первых же порах своего существования сильно страдала от соперничества больших городов с Мегалополем. Слабое сравнительно с другими частями Эллады развитие местных интересов и городской обособленности давало ахеянам возможность сохранить старые привычки к совместному решению дел целого племени в большей силе и неприкосновенности. Вместо всего этого Полибий выдвигает на передний план добродушие (*φιλανθρωπία*), честность и неизменное благородство ахеян как основную причину роста ахейской федерации. В подтверждение того, что эти качества были искони присущи ахеянам, историк приводит некоторые факты из прошлого их, а именно: обращение италийских эллинов к ахеянам за содействием к водворению у них порядка и взаимного согласия, перенесение на почву Италии союзных ахейских отношений и наконец призывание ахеян в третейские судьи для разрешения споров между ахеянами и лакедемонянами.³ Историк не замечает того, что предпочтение ахеян со стороны италийских эллинов определялось зависимостью этих последних от ахейских городов как колонистов от своих метрополий; сибаритяне, кротонцы и кавлониаты только пересадили в Италию союзные учреждения родины. Что касается выбора ахеян в третейские судьи, то подобной чести удостоивались обыкновенно слабейшие эллинские народы, к тому же не заинтересованные прямо в подлежащем суду их споре. Таким образом, во всех случаях, сообщенных Полибием, нет места исключительным добродетелям ахейского племени. Самое уверение Полибия, будто по низвержении царей правление ахеян было непрерывно демократическое, не оправдывается показаниями Фукидида и Ксенофонта об олигархии в ахейских городах.⁴

Образование ахейского союза и дальнейшие успехи его определялись не только внутренним состоянием Пелопоннеса и положением в нем македо-

¹ Plut. Arat. 34. Pausan. II 8. C. Wachsmuth *Die Stadt Athen im Alterthum*. L., 1874, стр. 630 сл. Koehler *ein Verschollener*. Hermes. 1873. VII, стр. 1—6.

² II 38 2—4.

³ Полиб. II 39. 42. 57 6. 60 4.

⁴ Фукид. V 82. Xenoph. *Hellen*. VII I 42.

нян, но и тогдашними отношениями между династиями македонскою и египетскою. С первых шагов своей политической деятельности Арат находил сильную поддержку у царей Египта, Птолемея Филадельфа и Эвергета, которые поощряли успехи новой организации, как более всего опасной Антигониду. В разное время Арат получил от египетского двора 175 талантов, каковые суммы помогли ему привести к благополучному концу и дело освобождения родного Сикиона. Около 242 г. до Р. Х. по его настоянию заключен был ахеянами союз с Птолемеем Эвергетом с присвоением египетскому царю звания военачальника на суше и на море (*Πτολεμαῖον δὲ σύμμαχον ἐποίησε τῶν Ἀχαιῶν ἡγεμονίαν ἔχοντα πολέμου καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλασσαν*); кажется, с этого же времени Арат получал от Птолемея Эвергета по шести талантов ежегодно. Теснимый Клеоменом, он долго медлил с признанием Антигона в Пелопоннесе, между прочим, из опасения утратить через то дружбу и поддержку египетского царя. Этот последний действительно перенес свои милости на Клеомена, как скоро убедился, что вражда ахеев к македонской династии уступила место сближению и союзу.¹ Таким образом, судьба ахейской федерации с самого начала определялась гораздо больше сложившимися к тому времени отношениями внутри Пелопоннеса и за его пределами, нежели природными добродетелями ахеев или личными качествами вождей их, на которых также настаивает Полибий. Вернее судил о себе сам Арат, когда говорил, что «не столько он властвует над обстоятельствами, сколько обстоятельства над ним».²

Поворотным моментом в истории ахейского союза и вместе непосильным испытанием для него была Клеоменова война (227—221 гг. до Р. Х.). Начавшись между двумя важнейшими государствами, Спартою и ахейским союзом,³ она кончилась так, как и раньше кончались домашние распри эллинов: призыванием на помощь той самой чужеземной силы, освобождение от которой было, казалось, целью и душою объединительного движения пелопоннесцев. Ахейский союз не выдержал испытания; в недрах его обнаружилось раздор и борьба противоположных интересов; примирить их и направить хотя бы временно к одной высшей цели не сумели ни вожди ахеев, ни спартанский царь-революционер. Как всякая революция, не опирающаяся на широкий план органических преобразований, переворот Клеомена воодушевил народные массы Пелопоннеса лишь на первых порах; с другой стороны, Арат оказался бессильным совладать с новым движением, врывавшимся извне в ахейскую федерацию и грозившим гибелью делу рук его. В результате получились властное вмешательство македонской династии во внутренние отношения Пелопоннеса и утрата для эллинов свободы действия. Клеоменова война ознаменовалась социально-экономическим брожением в важнейших городах союза; оно, как бывало и раньше в Элладе, побуждало недовольных искать поддержки во враждебном государстве, на сей раз в Спарте, хотя бы с потерей некоторой доли политической самостоятельности, зато в надежде вознаградить себя имущественным равенством внутри общины; брожение, обнаружившее неустойчивость союзных связей в среде ахеев, вызвало со стороны союзной власти ряд насильственных мер, конфискацию имущества, кровопролитие, даже уничтожение целого города; выборный и ответственный стратег союза возведен в самодержавного вождя (*στρατηγὸς αὐτοκράτωρ*) и наделен стражею телохранителей наподобие тирана.

¹ Полиб. II 47 2. 51 2. Plut. Arat. 4. 11—15. 24. Cicer. De offic. II 23. Freeman, Feder. governm. 308 сл. Васильевский о. с. 68. 80 сл. Непонятным образом Дюбуа передвинул союз ахеев с Птолемеем Эвергетом назад, ко времени до освобождения Сикиона. Les ligues, 60.

² οὐκ ἔχει τὰ πράγματα, μᾶλλον δὲ ὑπὸ τῶν πραγμάτων ἔχεται Plut. Cleom. 19 2. Arat. 41 2. Полиб. II 40 2. 45 5—6. 46. IV 8.

³ Plut. Cleom. 3.

Полибий под влиянием «Записок» Арата нападает с ожесточением на этолян, которые будто бы не устыдились заключить тройственный союз с Антигоном и Клеоменом с целью расторгнуть ахейскую федерацию, поделив между собою ее территорию, и были как бы виновниками войны. Коварными замыслами этолян историк старается оправдать обращение Арата к Антигону. Но дело в том, что этоляне дальше замыслов, — если еще таковые были, — не пошли ни перед началом Клеоменовой войны, ни во время ее. Тот же Арат не стал бы искать союза у союзников Спарты в самую трудную для себя пору; этоляне, правда, отказали ему в просимой помощи против Клеомена, упоминание о чем находим у Плутарха, но по-прежнему занимали нейтральное положение.¹ Что этоляне действительно не участвовали в войне и не состояли в союзе с Антигоном, это дает ясно понять сам Полибий в нескольких местах своей истории: мегалопольские послы, отправившиеся к Антигону для переговоров по внушению Арата (224 г. до Р. Х.), только угрожают тем, что этоляне могут выйти «из теперешнего покойного положения».² Далее, когда Антигон выступил в поход на помощь ахеянам (223 г. до Р. Х.), этоляне предупредили его, что встретят македонян с оружием в руках, если те попытаются пройти в Пелопоннес сухим путем, и тем вынудили Антигона переправить свои войска морем через Эврип и Эвбею.³ После несчастного сражения при Селласии (221 г. до Р. Х.) бежавший в Александрию Клеомен только мечтал о возможности союза Спарты с этолянами против ахеян и македонян; но ни он, ни впоследствии этолийский посол Хленей ни одним словом не упоминают о союзных действиях этолян и лакедемонян в царствование Клеомена.⁴ Напротив, благодаря Плутарху мы знаем, что в пору спартанской революции (225 г. до Р. Х.) этот самый Клеомен был враждебно настроен против этолян.⁵

Словом, трудность положения, в котором очутился Арат и с ним вместе ахейский союз в борьбе с Клеоменом, создана была не этолянами. Замыслы этолян о тройственном союзе так и не осуществились вплоть до 218 г. до Р. Х., и опасения мегалопольских послов, что ахеянам придется вести войну не с одним Клеоменом, но и с этолянами, не оправдались к тому времени, когда союзное ахейское собрание решило призвать Антигона в Пелопоннес и предоставить ему главнокомандование союзными войсками. Источник затруднений лежал глубже и ближе — во внутренних отношениях ахейской федерации. Он остался не выясненным для Полибия; еще меньше понимал его Арат, известия которого об этой эпохе исправляются отчасти и пополняются историком из других источников. Полибий был еще слишком близок к описываемым событиям, чтобы стать в свободное, критическое отношение и к личности основателя ахейского союза, и к его мероприятиям. Рассказ его о Клеоменовой войне (II 45—70) представляет яркий образчик того рода историографии, в котором необходимо возможно строже различать самое изложение фактов, обстоятельное, ясное и вообще правдивое, с одной стороны, и субъективное освещение и объяснение их — с другой. Позднейшим критикам не удалось уличить Полибия в сознательной лжи и умышленном извращении фактов; но вне всякого сомнения находится зависимость его от «Записок» Арата и вследствие того односторонность освещения некоторых

¹ Полиб. II 45—46. Plut. Arat. 41.

² *ἔαν μὲν ὄν Αἰτωλοὶ, τὴν ἐκ Ἀχαϊῶν εἰς αὐτοὺς γεγενημένην εἴηοισαν ἐν τοῖς κατὰ Δημήτριον καιροῖς ἐντρέπομενοι, τὴν ἡουχίαν ἄγειν ὑποκρίνωμαι καθάπερ καὶ νῦν... ἂν δ' ἀντιπλήτῃ τὰ τῆς τύχης, Αἰτωλοὶ δὲ συνελετίθωνται* II 49 7—8.

³ Полиб. II 52 8.

⁴ Полиб. V 35 2. IX 30 3—4.

⁵ Plut. Cleom. 10. M. Klatt, *Forschungen zur Geschichte des achäischen Bundes*. Berlin, 1877, стр. 41.

событий и особенно противников вождя ахеян.¹ Правдивость Полибия находит себе очевиднейшее подтверждение в том, что он без пощады разоблачает двусмысленное и двуличное поведение Арата по отношению и к македонскому царю, и к ахейскому народу, и в особенности к Коринфу, то самое, что скрыл Арат в своих «Записках».²

Если Полибий вслед за Аратом негодует на этолян за коварные замыслы и враждебные действия против ахеян, то для наблюдателя более отдаленного поведение союзных властей ахейских с Аратом во главе представляет, если не больше, то никак не меньше ошибок и несправедливого насилия. Как бы в ответ на замыслы этолян Арат весной 227 г. до Р. Х. совершил вооруженное вторжение в Элиду, находившуюся в дружественном союзе с Этолией, что равнялось вызову, обращенному против самих этолян.³ Вообще первый период войны до революции в Спарте (225 г. до Р. Х.) прошел в нескольких захватах с одной и другой стороны и в нескольких сражениях: те и другие доказали военное превосходство Клеомена и ловкость Арата в захвате городов путем хитрости и тайных сношений с изменниками. Важнейшим делом этого периода было отнятие у Клеомена Мантинеи, первоначально союзного ахейского города. Властью союзного стратега Арат даровал право гражданства мантинейским обывателям (*μέτοικοι*) в видах, разумеется, усиления ахейской партии и поставил здесь союзный гарнизон и наемное войско для обеспечения верности завоеванного города. Таким образом, один из сильнейших городов Пелопоннеса низведен был на положение подчиненного члена союза; внутренние отношения его устраивались сообразно целям союзной власти.⁴ Понятно, что город воспользовался первым случаем к отпадению, или точнее, к возвращению себе политической независимости. Когда по совершении переворота Клеомен снова появился на поле сражения, жители Мантинеи отдались ему добровольно, часть союзного гарнизона перебили, остальных ахеян выгнали из города.⁵ Нельзя при этом обойти молчанием, что, по словам самого же Полибия, передача города Клеомену была последствием междоусобной распри (*στασιάζσαντες πρὸς αὐτῶν οἱ Μαντινέως*) и, следовательно, делом, одной из партий, на время восторжествовавшей над сторонниками принадлежности к союзу, а не «тяжким и преступным вероломством» всех мантинейян, как выражается Полибий. Жертвою междоусобной распри пала, вероятно, и часть гарнизона. Последствиями (222 г. до Р. Х.) ахейне при помощи Антигона отвоевали Мантинею у Клеомена и жестоко покарали город. Как ни старается Полибий смягчить нарисованную Филархом картину бедствий, постигших в это время мантинейян, непререкаемым остается тот факт, что кара постигла всех мантинейян без различия пола, возраста, состояния и простиралась не на современников только, но на вечные времена, на все последующие поколения. Самый город переименован был в угоду могущественному союзнику в Антигонию. Если описание Филарха страдало обычными у этого писателя риторическими прикрасами, то и возражения Полибия не менее того обличают крайнее усилие подыскать оправдание в общих рассуждениях о людской неблагодарности и о суровых правах победителя. Рассказ Плутарха занимает середину между

¹ Многие фактические подробности этого периода см. в монографии проф. Васильевского *Политич. реформа*, 249—321. Кроме общих сочинений Дройзена и Шорна особенно ценны для истории Клеоменовой войны Шёман *Plutarchi Agis et Cleomenes*. Gryphisw. 1839, а также издания тех же жизнеописаний Зинтениса 1865 и Бласа 1875, и исследование Клата, упомянутое выше: *Forschungen*. 1877.

² Полиб. II 47 п. 48—50.

³ Plut. *Cleom.* 5.

⁴ Полиб. II 57—58 1—3. Plut. *Arat.* 36. *Cleom.* 14.

⁵ Полиб. II 58 4 сл. Plut. *Arat.* 39. *Cleom.* 14.

крайностями, и факты, им сообщенные, менее всего свидетельствуют о добросердечии Арата и ахеян. «Обращение ахеян с Мантинеей признавалось несогласным с достоинством эллинов» (*οὐχ ἑλληνικῶς*), рассказывает Плутарх. «И в самом деле, руками Антигона (*δι' Ἀντιγόνου*) овладев мантинейцами, они умертвили влиятельнейших и знатнейших граждан, остальные частью продали, частью заковали в цепи и отправили в Македонию, детей и женщин обратили в рабство, причем третью долю вырученных от продажи денег взяли себе, а две трети предоставили македонянам. Но это можно бы еще оправдать требованием возмездия; ибо хотя и жестоко поступать так в состоянии раздражения с единоплеменниками и единокровными, но, по словам Симонида, в бедственном положении сладостно и нежестoko доставлять врачевание и удовлетворение душе больной, как бы снедаемой пламенем. Однако то, что потом учинил Арат с городом, не может быть оправдано ни благовидными доводами, ни трудностью положения, именно: когда аргивяне получили этот город в дар от Антигона и постановили заселить его снова, Арат, будучи выбран в вожди колонии и занимая должность стратега, настоял на том, чтобы город не именовался более Мантинеей, но Антигонией, имя, которое он удерживает до сих пор. Так «восхитительная Мантинеея» стерта была с лица земли, думается нам, по вине Арата и продолжает по настоящее время называться именем своих палачей и истребителей ее граждан».¹ Участь Мантинее близко напоминает последовавшую в 146 г. до Р. Х. гибель другого, еще более знаменитого города, Коринфа, с тою разницею, что Коринф был разрушен до основания и восстановление его возбранено было врагами ахеян и завоевателями Эллады, римлянами.

Однако добровольная сдача Мантинее Клеомену открывала собою целый ряд тяжелых потерь и неудач для ахеян и Арата. По мере того как росло в массах сочувствие к смелому преобразователю Спарты, убывали силы Арата и его влияние в союзе, и он, еще не дождавшись какого-либо большого сражения, решил заручиться союзом Антигона на случай новых опасностей. При посредстве мегалопольских друзей Арат начал тайные переговоры с царем Македонии, тайные не только потому, что, как рассказывает Полибий, он опасался вызвать противодействие своим замыслам со стороны Клеомена и этолян и показать себя перед ахеянами человеком, ищущим помощи у врагов, но и потому главным образом, что не мог пока рассчитывать на принятие ахейским собранием открытого предложения о союзе с Антигоном. Помимо того, что ахеяне считали для себя наиболее почетным вести войну одним, без союзников, и желали сохранить дружбу Птолемея Эвергета, помимо этого ахеяне и прежде всего коринфяне должны были бы увидеть в таком предложении прямую измену союзу, посягательство на целость и неприкосновенность его территории.

Верность Мегалополя союзу не подлежала сомнению. Первый шаг к сближению ахеян с Антигоном сделан был Аратом с искусством тонкого дипломата. Мегалопольские друзья его, снабженные тайными полномочиями от Арата, возвратились от македонского царя с положительными известиями о дружественном его настроении и о готовности помочь Мегалополю, если последует на то согласие ахейского собрания. Мегалопольцы, с одной стороны, жестоко теснимые лакедемонянами, с другой — более прочих ахеян связанные с македонской династией взаимными услугами с давнего времени,

¹ Plut. *Arat.* 45. Ср. Полиб. II 58. Эпитет Мантинее *ἑρατεινῆ* взят Плутархом из Гомера. *Ил.* II 607. Имя Антигонии как самостоятельного члена ахейской федерации удостоверено монетами. Название Мантинее восстановлено при императоре Адриане. Pausan. VIII 8 11—12. Droysen, *Hist. de l'hellén.* III, 555 прим. 2 trad. fr. Полибий ничего не говорит о переименовании Мантинее в Антигонию.

предлагали народному собранию ахеян не медлить с призывом Антигона в Пелопоннес и тут же предоставить ему верховное ведение дел союза (*φέρειν ἐπὶ τὸν Ἀντιγονοῦ τὰ πράγματα*). Арат хорошо знал, что помощь царя может быть куплена ценою Акрокоринфа, того самого кремля, с отнятием которого у Антигона Гоната соединены были самые славные дни в его жизни. Антигон понимал Арата, когда этот последний через мегалопольских послов обещал в неопределенных выражениях разрешить вопрос о гарантиях к обоюдному удовольствию; для него было достаточно, что договор о вознаграждении откладывался до той решительной минуты, когда Арату нельзя будет выбирать и колебаться.¹ Предложение мегалопольцев о призыве Антигона было принято ахейским собранием, тем самым осуществлялось заглавное в глубине души желание Арата, чтобы почин в обращении к «врагам» исходил не от него, а от самого ахейского народа. Эта главная цель была достигнута. Тогда Арат выступил с патриотическим увещанием к народу: до поры до времени вести войну собственными силами, испытать раньше все средства и только тогда искать помощи у «друзей», когда собственные усилия не увенчаются успехом.² Руками мегалопольцев, путем сокрытых переговоров для ахеян Арат достиг того, что народ взирал на Антигона как на дружественного государя, и союзное войско ахеян готово было стать под его начальство. Достоинство внимания, что Полибий ни одним словом не упоминает о том, чтобы Арат, до принятия ли решения, или после, возбуждал вопрос о вознаграждении Антигона за услугу. На этом вопросе он ясно увидел крушение всех своих планов.

Вскоре после этого произошла битва между Димок и Фарамии при Гекатомбее, кончившаяся жестоким поражением Арата. На происшедшем вслед за сим собрании ахеяне единодушно (*ὁμόθυμαδὸν*) постановили обратиться к Антигону, и Арат отправил послом к царю своего сына кончить переговоры о помощи (*ἐβεβαίωσατο τὰ περὶ τῆς βοήθειας*). Теперь, как и прежде, не было речи в собрании о гарантиях договора, каких может потребовать Антигон от ахейского союза; вопрос о них возбужден был только после принятия окончательного решения, причем сразу обнаружилось, что союзу предстоит пожертвовать Коринфом, раз он желает пользоваться войсками Антигона. Дело было отложено до выяснения вопроса о залоге со стороны ахеян, ибо отдать коринфян насильно в руки македонян ахеяне не решались. Но теперь Антигон еще более убедился в готовности Арата заглаживать старую вину и отдать ему Акрокоринф обратно.³ Арат поспешил отправить к нему родного сына, и если ахеяне не звали тотчас царя, то не

¹ Полиб. II 49 г. Проф. Васильевский, весьма удачно комбинирующий показания Полибия и Плутарха, отдает справедливость дипломатической ловкости Арата, но считает ошибкою умолчание его о гарантиях. *Полит. реформа* 278 сл. Но, во-первых, Арат не мог давать столь щекопливого поручения посредствующим лицам, хотя бы и друзьям; во-вторых, определенность обещаний не допускалась тогдашним положением вещей. Арату нужно было во что бы то ни стало заручиться благоволением Антигона, и он достиг этого вполне. Будущее должно было указать выход из нового положения.

² Полиб. II 50. Любопытно наблюдать, как в изложении Полибия македоняне превращаются из врагов (*ἐχθροί*) ахеян в друзей (*φίλοι*). II 47 г. 50 12. Врагами считает их Арат до начала переговоров, друзьями называет в своей речи по получении благоприятных известий от Антигона.

³ Полиб. II 51. Последовательность событий восстанавливается у проф. Васильевского в большем согласии с источниками, нежели у Фримена *Feder. governm.* 466 сл., который начало переговоров Арата с Антигоном приурочивает ко времени после гекатомбейского поражения. К этому времени относится у Полибия второе решение ахеян обратиться к Антигону; переговоры через мегалопольцев происходили в промежуток времени между потерей Мантинии и битвою при Гекатомбее. Но тогда как В. Г. в толковании событий следует главным образом Плутарху, именно жизнеописанию Арата, составленному почти целиком по «Запискам» самого Арата, мы руководствуемся Полибием, менее всего подлежащим упреку в пристрастии против Арата.

по вине Арата. Настроение вождя и руководителя ахейн вполне раскрывает перед нами Полибий несколькими строками ниже, в кратком упоминании о третьем постановлении ахейн — заключить союз с Антигоном, после того уже, как в Коринфе возобладала партия Клеомена, призывавшая его в город: на Акрокоринфе все еще держался союзный гарнизон ахейн. Поведение коринфян, по словам историка, «давало ахейнам благовидный (*εὐλόγος*) предлог и повод к действию; за него-то и ухватился (*ἤσ' ἐπιλαβόμενος*) Арат и предложил Антигону Акрокоринф, чем избавлял себя от тяготевшей на нем вины перед домом македонян, давал достаточное ручательство за прочность будущего союза и — что самое важное — доставлял Антигону опорный пункт для войны с лакедемонянами».¹

В оценке этого хода Аратовой дипломатии, ставшего роковым для свободы эллинов, новые историки сильно разногласят между собою. Например, Шорн, Фримен, Дройзен, Герцберг, не говоря уже о Брандштетере и Лукасе, вслед за Плутархом осуждают Арата за то, что упорством в противодействии Клеомену и отказом уступить руководящую роль более даровитому и более счастливому сопернику, он накликал чужеземное иго на Пелопоннес и через него на всю Элладу, тем самым погубил свободу эллинов. Напротив, Васильевский, Клат, Дюбуа стараются найти оправдание для Арата в его отрицательном отношении к социальным замыслам Клеомена, в родстве и взаимной близости македонян и эллинов, которые давно уже не были чужими друг другу народами, в том наконец, что Клеомен и Арат представляли собою воплощение непримиримых политических и социальных начал.² Не защищая Арата и не нападая на него, не вдаваясь в туманные соображения о том, что случилось бы с Элладой, если бы Арат предоставил гегемонию над союзом Клеомену, мы обязаны только подвести итоги бесспорным фактам, а факты эти свидетельствуют, что Арат собственными руками разрушал дело, которое создано было при его деятельном участии и руководстве; он отдавал во власть тиранов и македонских гарнизонов те самые города, которые раньше освобождал с геройским самоотвержением и настойчивостью. Сообщаемые Полибием и Плутархом данные не оставляют на этот счет никакого сомнения. Плохой воин и полководец, «наполнивший Пелопоннес трофеями врагов»; что мог противопоставить Арат обаятельной личности спартанского царя, если он к тому же помышлял об отсечении от союза одного из главнейших его членов и тем решался купить помощь Антигона? То, что составляло душу объединительного движения, теперь отлетало от ахейского союза, и сопротивление Арата Клеомену, а равно отказ его принять гегемонию царя Спарты утрачивали теперь всякое оправдание; помощь Антигона означала, как вскоре и обнаружилось на деле, подчинение эллинов видам македонской династии. Между тем каждый эллин, сколько-нибудь уважающий благородство своего происхождения, допускал гегемонию последнего спартанца охотнее, нежели первого македонянина.³

¹ Полиб. II 52 3—4.

² Schorn *Gesch. Griechenl.* 115 сл. Freeman *Feder. governm.* 491. Droysen *Hist. de Hellén.* III, 530 сл. trad. fr. Hertzberg *Gesch. Griechenl.* I, 6 сл., es war ein ungeheures Unglück für die Hellenen... dass der vielverdiente achäische Staatsmann in dem jugendlichen Spartanerkönig, dem genialischen Manne, den das alternde Griechenland noch hervorgebracht hat, nur den Zerstörer seines Lebenswerkes erblickte, dass er die Seelengrösse, die schwere Selbstverleugnung nicht fand, um Griechenlands willen dem gewaltigen Rivalen zu weichen, dem Kleomenes die geforderte Hegemonie im Peloponnes zu zugestehen, — und dass nun derselbe Arat in dieser eisernen Zeit doch weder selbst das Feldherrngenie besass, noch auch über einen Feldherrn, zu verfügen hatte, mit dem er den Kleomenes im Kampfe hätte bestehen mögen. В. Г. Васильевский, *политич. реформа* 275 сл. 46. Klatt *Forschungen.* 61 сл. Dubois *les ligues* 67 прим. 2.

³ εἰ δὲ Κλεομένης ἦν, λεγέσθω γὰρ οὐκ ὄτως, παράνομος καὶ τυραννικός, ἀλλ' Ἡρακλείδα πατέρες αὐτῷ καὶ Σπάρτῃ πατρίς, ἧς τὸν ἀφανέστατον ἤξιον ἀντὶ τοῦ πρώτου Μακεδόνων ἡγεμόνα ποιέσθαι τοὺς ἐν τινὶ λόγῳ τὴν Ἑλληνικὴν τιθεμένους εὐγένειαν Plut. Arat. 38.

Правда, Клеомен обращал к себе массы пелопоннесского населения надеждами на социальный и экономический переворот, но и благомыслящие элементы в Ахае отвращались от своего вождя под давлением его новой, македонской политики. Как рассказывает Плутарх, сношение между ахейцами и Клеоменом не состоялось в решительную минуту благодаря главным образом проискам Арата, ибо к тому времени (224/223 г. до Р. Х.) договор его с Антигоном заключен был окончательно, и он постарался не допустить Клеомена на собрание ахейян в Аргосе: там царь Спарты мог легко увлечь народ на свою сторону. Для читателя ясно, что политика главы союза далеко не отвечала настроению большинства. «Засим», продолжает биограф Арата и Клеомена, «смута распространилась среди ахейян, и началось отпадение городов, ибо масса народная питала надежду на раздел полей и уничтожение долгов, знатные сильно тяготились Аратом, наконец иных возмущало призывание македонян в Пелопоннес».¹

Первым последствием сближения ахейян с Антигоном через Арата и Мегалополь был переход Птолемея со всеми его денежными средствами на сторону Клеомена, и вскоре засим последовала несчастная для Арата битва при Гекатомбее, в которой приняли участие все союзные войска.² В то время, когда настоятельно требовалось единодушие и напряжение сил в одну сторону, ахейяне впадали в раздумье и нерешительность под влиянием крутого поворота во внешней политике. Заключить союз с Антигоном оказалось невозможным, не пожертвовав Акрокоринфом, и большинство ахейян, но не Арат, предпочло примириться с Клеоменом на условиях признания царя Спарты гегемоном союза. Переговоры с Клеоменом приходили к благополучному концу, пока Арат, добровольно отказавшийся от предложенной ему стратегии, не стоял у власти, и затем в ближайшую стратегию Арата и главным образом благодаря ему кончились ничем или — вернее — обоюдосторонним недовольством и раздражением.³

Теперь-то наступили события, поколебавшие самые основы ахейской федерации. В сравнении с ними потеря Мантинеи была маловажною подробностью: ведь и до Клеоменовой войны город этот находился в слабой связи с союзом, если вначале он перешел к этолянам, потом к Клеомену. Вслед за возобновлением военных действий обнаружилась измена в Сикионе, и город едва не был взят царем Спарты; пала Пеллена, причем изгнан был союзный стратег, быть может сам Арат, взяты Феней и Пентелий. Тотчас после этого примкнули к Клеомену аргосцы и ввели в свой город спартанский гарнизон флиунтяне; многие сикионяне и коринфяне вели открыто переговоры с Клеоменом о сдаче. «Тяжелое смущение вдруг овладело Аратом», замечает Плутарх, «ибо он видел, что Пелопоннес потрясен, и склонные к переменам граждане поднимают восстание в городах».⁴ Ахейский союз распадался не только в тех частях, которые были приобретены в разное время, как это представлялось Плутарху (*οὐδὲν ἔτι τῶν ἐλικτήτων βέβαιον ἦν τοῖς*

¹ Plut. *Cleom.* 17. *Arat.* 39. В. Г. Васильевский *Политич. реф.* 288 прим. 1 не усматривает существенного разноречия между двумя биографиями по вопросу об условиях допущения Клеомена в Аргос. На самом деле в *Арате* речь идет об одном собрании ахейян, а в *Клеомене* о двух: в Лерне и Аргосе. Потом, в *Арате* царю разрешается войти в Аргос с 300 воинов, а в случае недоверия к ахейцам взять от них заложников; в *Клеомене* царю предложено войти в город одному, взяв предварительно 300 заложников от ахейян, — что не одно и то же. Изложение *Арата* в этом пункте сбивчиво.

² Полиб. II 51. Отпадение Птолемея отнесено проф. Васильевским ко времени после битвы при Гекатомбее и даже после рокового аргосского собрания. *Полит. реф.* 288.

³ Полибий ничего не рассказывает о переговорах ахейян с Клеоменом. Дальнейшие события у него следуют непосредственно за гекатомбейским поражением и собранием ахейян. II 51—52. Ср. Plut. *Arat.* 38. *Cleom.* 15—16.

⁴ Plut. *Arat.* 39 з. 40 1. Ср. *Cleom.* 17—19.

Ἀχαΐως), но и в первоначальном своем составе: Пеллена была собственным городом ахеян. Эпидавр, Гермiona, Трезена добровольно передались Клеомену. С появлением его на Коринфском перешейке мегаряне отделились от Ахай и «с согласия ахеян» вошли в беотийский союз.¹ Мало согласуется следующая характеристика союзных отношений у Полибия с теми самыми историческими данными, которыми мы обязаны главным образом ему же: «Эта форма правления» (союзное устройство ахеян), говорит историк, «усвоена была некоторыми пелопоннесцами по собственному почину; многие привлечены были посредством увещания и доводов рассудка; наконец и те, которых ахеяне при удобном случае заставили примкнуть к союзу, весьма скоро нашли для себя удобным вынужденное вначале устройство».²

Что было бы с Пелопоннесом и Элладою в том случае, если бы Арат согласился уступить Клеомену руководящую роль в Пелопоннесе, мы загадывать не станем. Верно одно, что он не оправдал бы опасений одних и упований других на насильственный раздел имуществ. Плутарх положительно свидетельствует, что возвращение Аргоса от Клеомена в ахейский союз совершилось при участии самого аргивского народа, недовольного тем, что Клеомент вопреки ожиданиям не уничтожил долговых обязательств.³ Если бы Арат твердо верил в превосходство союзных учреждений, то он мог бы спокойно рассчитывать на то, что гегемония Клеомена сама собою уступила бы место первоначальному союзному устройству. Потом, ни на чем не основанным кажется нам предположение некоторых новых историков, будто прежние тираны пелопоннесских городов находили себе поддержку в Клеомене. Напротив, тирания давно уже опиралась на македонские гарнизоны и на деньги македонских царей; следовательно, если в Клеоменову войну бывшие тираны и подняли голову, то случилось это не по вине Клеомена, а благодаря македонской политике Арата. Тогда как Антигон Досон вскоре по прибытии в Пелопоннес, ранее какого-либо решительного дела, отдал приказ восстановить в Аргосе статуи тиранов и низвергнуть изображения освободителей Акрокоринфа от македонского гарнизона, ненависть к тирании составляла одну из постоянных особенностей Спарты.⁴ Во всяком случае для каждого должно быть ясно, что не этоляне и даже не Клеомен были виновниками разложения ахейского союза в эту эпоху. Союзные учреждения ахеян дали Арату возможность управлять судьбами союза в течение многих лет; но в трудные времена у вождя не оказывалось достаточно ни военной доблести, ни возвышенных порывов, способных воодушевлять и увлекать народные массы, ни политического мужества, в столь высокой мере отличавшего Клеомена. Недостаток положительных достоинств и побудил Арата искать союза Антигона. Казни изменивших союзу сикионян, розыски против колебавшихся в своей верности коринфян, конфискация имуществ Клеоменовых сторонников в Аргосе, насильственная смерть бывшего союзного стратега, Аристомаха, — все это были неизбежные последствия колебаний и ошибок самого Арата и союзных властей.⁵ Ошибочным оказался

¹ Полиб. XX 6 7—8. II 52 2. Plut. Arat. 40. Cleom. 19.

² Полиб. II 38 7.

³ Plut. Cleom. 20. 18.

⁴ Plut. Arat. 45.

⁵ Насильственную смерть Аристомаха Полибий старается оправдать тем преимущественно, что пострадавший был когда-то тираном II 59—60. Но тираном был и Лидиад мегалопolec, что не помешало ему стать впоследствии одним из вернейших и полезнейших граждан союза. Вина Аристомаха сводится к сочувствию Клеомену, каковое разделялось большинством аргивян, когда город отделился от союза и отдался царю Спарты. «Нельзя представить себе чего-либо более жалкого, как оправдание этой гнусности у Полибия», замечает Дройзен. «Не понимаешь, каким образом историк, обыкновенно весьма рассудительный, впадает в этой книге в столь грубые натяжки из чрезмерной почтительности к Арату». *Geschichte d. Hellen.* II, 216 — III, 547 trad. fr.

и долго лелеянный Аратом план призвания Антигона в Пелопоннес. Правы были ахеяне, когда долгое время упорно отказывались выдать Антигону Акрокоринф. Чтобы провести эту меру до конца, Арату потребовалась и безответственная власть (*ἐξουσία ἀνυπεύθυνος*), и звание самодержавного стратега (*στρατηγὸς αὐτοκράτωρ*), и сокращение территории союза, наконец страх ахеян перед победоносным Клеоменом. Только при таких обстоятельствах собрание ахеян в Эгии (223/222 г. до Р. Х.) бесповоротно решило отдаться Антигону при условии возвращения ему Акрокоринфа и предоставления неограниченного командования войсками на суше и на море. Ценою свободы и независимости союза куплена была победа над Клеоменом при содействии македонского царя.

Вскоре по вступлении в Пелопоннес Антигон занял положение не равноправного союзника, но господина ахеян. В Аргосе он устроил дела по своему усмотрению и явился на собрание в Эгии, где и были приняты предложенные им условия союза (223/222 г. до Р. Х.). Прежде всего Антигон провозглашен был главою нового союза, в состав которого наряду с другими эллинскими народами входили и ахеяне; царю отдан был не только кремль коринфский, но и самый город; сношения с прочими государствами ахеяне могли вести впредь не иначе, как с согласия Антигона; расходы по содержанию македонского войска, а равно по устройению игр и иных празднеств, разумеется, в честь могущественного союзника падали на ахеян.¹ «Так позорно кончилось благородное возбуждение эллинов», восклицает Дройзен, «которое за тридцать лет до того предвещало, казалось, новую эру Элладе; омерзительно представить себе, что эти некогда свободные народы перевозносили властителя, а он, сильный и ясно понимающий, что делает, не трудился даже поморочить их обещаниями свободы, что они дарили ему Коринф, как будто это была ничтожная деревенька, постановляли чествовать его, как божество, торжественными процессиями, играми, жертвоприношениями. И всем этим руководил Арат».² По мере военных успехов росла власть Антигона, обнаруживалась зависимость эллинов от царя, и пределы ахейского союза сократились. Коринф и Орхомен получили македонские гарнизоны; Мантиней переименована в Антигонию и подарена Аргосу; Магары остались в беотийском союзе; в завоеванной Спарте восстановлено доклеоменовское устройство, за отсутствием царя — Клеомен бежал в Александрию — превратившееся в чистую олигархию; партия-то олигархов и считала избавление от Клеомена освобождением Спарты; начальником (*ἐπιστάτης*) города Гераклидов Антигон назначил беотийца Брахилла. Для наблюдения за интересами македонской династии во всем Пелопоннесе поставлен был некий Таврион; позже, при Филиппе V, такого же положения добивался для себя один из приближенных царя Апелла.³ Предупредительность Арата к Антигону выразилась и в том еще, что по взятии Аргоса он предложил подарить царю имущества аргивских граждан, передавших было город Клеомену.⁴

Вскоре после битвы при Селласии (июль 221 г. до Р. Х.), живо описанной по Плутарху и Полибию В. Г. Васильевским, Антигон умер, но дело рук его перешло по наследству к юному Филиппу V, сыну Деметрия II. Ахеяне оставались в союзе, образовавшемся при Антигоне и во главе имевшем царя Македонии. В битве при Селласии кроме македонян и наемников участвовали под команду Антигона ахеяне, мегалопольцы, беотяне, эпироты, акарнаны;

¹ Полиб. II 54 1—4. IV 9 4. Plut. Arat. 45.

² *Gesch. d. Hellen.* II, 217 — III 547 trad. fr.

³ Полиб. II 54. 70. IV 6 3—5. 9 4. 12 4—5. IX 29 8. 36 5. XX 5 11. Plut. Arat. 4.

⁴ Plut. Arat. 44.

завоеванная Спарта тоже вошла в новый союз.¹ Все эти народы, по имени свободные союзники Македонии, на самом деле находились в подчинении у македонской династии, потеряли право почина во внешней политике и служили лишь династическим целям македонской политики. Скрепленный клятвой договор между ахейцами, эпиротами, фокидянами, македонянами, беотянами, акарнанами и фессалийцами был в действительности восстановлением македонской гегемонии времен Филиппа и Александра Великого.

Как в конце IV в. до Р. Х., так и теперь носителями преданий независимой и самодовлеющей Эллады оставались одни этоляне, если не считать афинян, которые по освобождении от македонского ига держались в стороне от общего движения эллинов и в своем поведении сообразовались с видами египетской династии.² Македонии оставалось сломить сопротивление Этолии, с которой союзническими отношениями связаны были Элида и Мессения в Пелопоннесе, и вся Эллада обратилась бы в подчиненную македонским владыкам страну. Разрешение этой последней задачи, столь удачно начатое Антигоном Досоном при участии Арата и ахейского союза, выпало на долю семнадцатилетнего Филиппа V. Для достижения гегемонии над значительной частью Пелопоннеса и Эллады Антигон воспользовался враждою между Аратом и Клеоменом; дальнейшему упрочению македонского господства помогла давняя ненависть того же Арата к этолянам. Так называемая союзническая, или этолийская, война (220—217 г. до Р. Х.), начавшаяся вскоре за усмирением Спарты, показала воочию, как мало к тому времени эллины и, в частности, ахеяне с Аратом во главе располагали политической свободой в смысле эллинском. Само собою разумеется, война эта должна была составить последний акт той борьбы македонской династии за гегемонию в Элладе, которая на время была прервана образованием ахейской федерации и окончательному завершению которой долгое время препятствовали этоляне. Царь Македонии не только был военачальником всех союзных сил во время войны; ему принадлежала руководящая роль в самих приготовлениях к ней, в наборе войск, в определении контингентов, какие должны были доставить союзники, и пр. Поэтому союзническая война была на самом деле войною Филиппа против этолян, причем эллины, впереди всех ахеяне, были его союзниками, несвободными и покорными. В одном месте Полибий и говорит, что союзническую войну «предпринял в союзе с ахеянами сын Деметрия и отец Персея Филипп». В других случаях он называет ее войною ахеян и Филиппа против этолян,³ и лишь опять в одном месте войною эллинов с этолянами.⁴ Только первое из этих обозначений должно считать точным. По словам Полибия, не только союзники Филиппа, но и все эллины возлагали упования на мягкость и великодушие царя.⁵

Союзническая война составляет для Полибия исходный пункт всего повествования; историк излагает ее с достаточными подробностями, что дает читателю возможность самому определить подлинный смысл и значение излагаемых событий.⁶ Разделяя вражду Арата к этолянам и одобряя наступательные действия Филиппа на этолян, Полибий не замечает того, что все

¹ Полиб. II 65—70. IV 9 4—6. 15 1. 16 5. 22 4. 25. 69 5. 87 1—2. Pausan. IV 29 3. VII 7 4. VIII 49 5. Plut. Cleom. 26—27. В. Г. Васильевский *Полит. реформ.* 311—321.

² Полиб. IV 9 4. V 106 6. IX 38 5.

³ Полиб. I 3 1. II 37 1. IV 2 10. Союзническую войну Плутарх называет этолийскою. Cleom. 34.

⁴ II 71 9.

⁵ Οὐ μόνον τοῖς συμμάχοις, ἀλλὰ πᾶσι τοῖς Ἕλλησι διὰ τοῦ προειρημένου ψηφίσματος καλὰς ἐλπίδας ἀποδεικνύων πρόβητος καὶ μεγαλοψυχίας βασιλικῆς Полиб. IV 27 10. Ср. 24 9.

⁶ Полиб. I 3 1. II 37 1. 71 9. III 1 1. IV 2—37. 57. V 30. 91—106. IX 38. Brandstafter, *Gesch. d. Aetol. Land.* 339—384.

это предприятие ведено было собственно Филиппом, что кончилось оно ослаблением не одних этолян, но и ахеян и эллинов вообще и рядом с этим усилением Македонии и утверждением господства македонских царей в Элладе. Есть основание предполагать, что и предшественник Филиппа, Антигон Досон, заботился о разъединении этолян и ахеян, ибо этим путем устранилась возможность единой эллинской политики.¹

Ближайшим поводом к войне послужили нападения этолийских пиратов на мессенян и вторжение этолийского гарнизона из Фигалии в Мессению под начальством Доримаха (221 г. до Р. Х.). В ожидании соизволения Филиппа и прочих союзников на принятие мессенян в македонско-эллинский союз и до формального объявления войны Этолии Арат открыл военные действия против отрядов ненавистных ему этолян, но до прибытия Филиппа в Пелопоннес терпел поражение за поражением. По вступлении в Пелопоннес и до конца войны Филипп распоряжался делами Эллады по своему усмотрению, действовал не как союзник эллинов, но как начальник их. Он письменными требованиями созывает союзников в Коринф для обсуждения предстоящих мероприятий, умиротворяет Спарту и возобновляет дружественный союз с нею, проявляя в этом деле, как выражается наш историк, благородство души. Когда в Коринфе принято было решение начать войну против этолян, Филипп обращается к ним с требованием: или немедленно явиться в союзное собрание и оправдаться от возводимых на них обвинений, или принять войну. Ахеяне в очередном собрании в Эгии утвердили решение коринфского собрания, и, когда явился в Эгий Филипп, они возобновили договор с царем, заключенный Антигоном Досоном. С временным удалением Филиппа в Македонию ахеяне снова терпят неудачи; Спарта переходит на сторону этолян, вторжение которых в Ахаю имеет своим последствием отказ нескольких ахейских городов, Димы, Фар и Тритеи, от взносов в союзную казну. Возвращение Филиппа в Пелопоннес поправило дело ахеян, но царь занял собственным гарнизоном Трифилию для наблюдения за Мессенией и Элидой. После счастливого похода на Ферм (218 г. до Р. Х.) Филипп созывает войска союзников в Тегею, а опоздавшие мессеняне спешат в Лаконику на соединение с Филиппом, дабы не навлечь на себя подозрения в нерадивости. Еще раньше этого царь решил было без ведома союзников привлечь к союзу элейцев, ради чего отпустил без выкупа пленного Амфидама и через него обещал элейцам отпустить и прочих пленников их, если только они согласятся заключить с ним дружественный союз. Однако наиболее поучительно окончание войны. Ближайшим советником его в этом деле был Деметрий из Фароса, по внушению коего Филипп заключил мир с этолянами в Навпакте (217 г. до Р. Х.), чтобы воспользоваться трудным положением Рима, теснимого Ганнибалом и распространить завоевания на запад. «Теперь уже вся Эллада покорна ему», уверял Деметрий, «будет покорна и впредь: ахеяне по доброй воле из расположения к нему, этоляне из страха. Между тем Италия и переправа к ней будут первым шагом к завоеванию всего мира, каковое приличествует ему больше, чем кому бы то ни было иному».² При этом достойно внимания, что призыв к единению македонян и эллинов ввиду «надвигающегося с запада облака» вложен историком всетаки в уста этолийца Агелая, а не ахеянина.³

Дальнейшая судьба ахейского союза составит предмет особого очерка, в котором мы постараемся выяснить отношения римлян к эллинам до обращения Эллады в ахейскую провинцию и воззрения Полибия на эти отношения.

¹ Droysen *о. с.* III 500 сл. trad. fr.

² Полиб. V 101.

³ V 104.

Пока мы обязаны отметить в нашей истории слабость общеэллинских симпатий и патриотического чувства, которое некогда одушевляло героев Эллады в борьбе с мидянами и македонянами. Тот самый Полибий, который радостно приветствует образование ахейского союза и освобождение Пелопоннеса от македонского ига, питает наравне с Аратом чувства непримиримой вражды к Клеомену и этолиям и готов оправдывать политику, которая жертвовала независимостью и неприкосновенностью ахейского союза, в награду за то обещая ослабление или даже уничтожение эллинских государств, неприязненных Ахае. Историк не замечает, что подобная политика только усиливала господство македонской династии, преследовавшей свои цели и не расположенной терпеть независимость и свободу каких бы то ни было эллинских республик, менее всего союзных организаций. Поддержка, оказываемая македонскими владыками одной из борющихся сторон, разрешалась обыкновенно истощением сил обеих и подчинением чужим политическим расчетам. В большей еще мере, нежели Антигон, Филипп был хозяином Пелопоннеса. Если Антигон устраивал Аргос по своему усмотрению и давал Мегалополу в законодатели перипатетика Пританида, то Филипп посадил на должность союзного стратега ахейца угодного ему, ничтожного Эперата; в народное собрание ахейца царь явился без приглашения, самовольно. Весною 218 г. до Р. Х. Филипп через должностных лиц созывает ахейца в народное собрание, чтобы получить хлеб и деньги для войска. Правда, он дарит ахейцам Псофид и потом Орхомен.¹

Но Полибий, подобно большинству своих просвещенных современников, поддавался обаянию силы и склонен был признать не только неизбежность, но и справедливость совершившегося факта. С другой стороны, он не выискивал над большинством современников и в том отношении, что оценивал события с точки зрения временных, ближайших выгод собственной политической общины или союза общин; ему чуждо было такое понимание совершающихся или в недалеком прошлом совершившихся событий, которое обличало бы всю суетность надежд, возлагаемых на «мягкость и великодушие» македонского владыки, на «честность его помыслов», и потому деспотическое обращение ничем не сдерживаемого Филиппа с обессилевшей Элладой представлялось ему случайным последствием перемены в характере царя, перемены, происшедшей будто бы от того, что царь вышел из-под благотворного влияния Арата.² Но никто больше самого Арата не помогал водворению Антигона Досона в Пелопоннесе, никто больше его не содействовал упрочению владычества Филиппа над Элладой. Немезида жестоко наказала Арата за близорукость: он умер насильственной смертью, будучи отравлен по распоряжению Филиппа. «Так-то награжден я за дружбу к Филиппу», говорил Арат, умирая от яда.³ Полибий укоряет Демосфена за его излишний афинский патриотизм, потому что Демосфен осуждал допущение Филиппа и Александра в Пелопоннес; сам он сочувствует вмешательству македонских царей в дела Пелопоннеса, потому что оно обращено было против Спарты на пользу близких и дорогих для нашего историка мегалопольцев и прочих аркадян.⁴ Но македонское вмешательство должно было кончиться и кончилось на самом деле расторжением союзных организаций в этом самом Пелопоннесе, насаждением тиранов в городах и помещением чужеземных гарнизонов, расторжением тех отношений, беспощадная борьба с которыми стяжала наибольшую славу любимцу Полибия — Арату. При

¹ Полиб. VI 72 5. 82 7—8. V 1 6—7. 93 8. Liv. XXXII 5.

² VII 13 6.

³ Полиб. VIII 14 5.

⁴ XVIII 14.

более внимательном отношении нетрудно заметить постоянную связь, в какой находились рост ахейского союза и ослабление Македонии. Союз ахеев возродился, когда македонская династия занята была войнами с галлами и ослаблена домашними смутами; второй период развития федерации открылся смертью Деметрия II, в котором эллинские тираны потеряли своего кормильца и опору. Конец македонской гегемонии в Пелопоннесе, водворившейся при Антигоне Досоне, ознаменовался после 198 и 196 гг. до Р. Х. быстрым расширением ахейского союза; но теперь на месте македонских царей был римский сенат.

Как с македонской гегемонией, так еще скорее примирился историк с римским завоеванием. Непосредственное чувство эллинского патриотизма и свободы было более живуче в массах пелопоннесцев и в грубых этолянах. Клеомен вернее, нежели Арат, воплощал в себе эллинские предания, и в союзническую войну восторжествовавшая в Спарте народная, или клеоменовская, партия поспешила заключить союз с этолянами. Опору македонскому влиянию Антигон Досон нашел в спартанской олигархии. Впоследствии в борьбе с Римом упорное сопротивление завоевателю оказывали народные партии в городах и союзах, а беспощадность римлян по отношению к этолянам обуславливалась неуступчивостью их и всегдашней готовностью встать самим против завоевателя и соединить около себя прочих эллинов во имя независимости родной земли. Рассудительное меньшинство, к коему принадлежал и Полибий, видело спасение Эллады единственно в примирении с совершившимся фактом и, стараясь подыскать оправдание для своего поведения в воображаемых несравненных достоинствах как самого победителя, так и его учреждений, поставляло в заслугу себе заботу о возможных улучшениях в положении завоеванной Эллады. Народные массы, напротив, увлекаемые до самозабвения любовью к родине, готовы были погибнуть в непосильной борьбе за свободу. Предоставленные самим себе, разъединенные предшествующей историей и социально-экономическими распрями, они не находили ни целесообразных орудий борьбы, ни таких форм общезжития, которые сплотили бы всех или по крайности значительное большинство эллинов в единую политическую и военную силу. Не более дальновидны и изобретательны были и их вожди; более благоразумные из них, сознавая бесплодность сопротивления и не теряя самообладания, предпочитали приспособляться к новому порядку вещей и тем спасти хоть что-нибудь от разрушения и гибели. Личности, к концу ахейской войны выдвинутые на поверхность движения только тем, что не останавливались ни перед какими средствами, лишь бы дать исход народному возбуждению, не обладали ни политическими, ни военными дарованиями, и люди благомыслящие, как Полибий, например, почитали деятельность их более пагубною для Эллады, чем самое завоевание. Во всяком случае на первых порах завоевание приносило с собою некоторое умиротворение, и потому нельзя не верить Полибию, что по разрушении Коринфа и водворении римского господства у всех на устах была поговорка: «Если б не скорая гибель, мы пропали бы».¹ Примирение совершалось тем легче, что роковой конец борьбы с Римом более проницательные из эллинов давно предвидели. Так, Филопмен с уверенностью говорил: «Настанет некогда пора, и эллины вынуждены будут исполнять все по приказу».²

В заключение настоящего очерка нам остается изложить существенные черты союзной организации ахеев.

¹ ἄπαντες δὲ τότε τὴν περικομίαν ταύτην διὰ στόματος ἔσχον, ὡς εἰ μὴ ταχέως ἀπωλόμεθα, οὐκ ἂν ἐσώθημεν Polyb. XXXIX 11 12.

² ὅτι μὲν γὰρ ἤξει ποτὲ τοῖς Ἕλλησιν ὁ καιρὸς οὗτος, ἐν ᾧ δεήσει ποιεῖν κατ' ἀνάγκην πᾶν τ' παραγγελλόμενον, σαφῶς ἔφη γινώσκειν Polyb. XXIV 15 6.

К сожалению, для характеристики взаимных отношений между центральной властью союза и отдельными членами его мы не располагаем документом, равносильным по значению надписи Уссинга, которая проливает свет на союзное устройство этолян. Однако и здесь эпиграфические свидетельства, особенно орхоменская надпись, объясненная Фукаром и Диттенбергером, значительно восполняют литературные известия. Сверх того, показания историков об ахейской федерации гораздо обильнее и яснее, нежели об этолийской, а это помогает раскрыть подлинную связь и смысл некоторых исторических явлений, односторонне освещенных историком, который или сам был участником событий, или черпал свои сведения из не беспристрастных источников.¹

Когда Фюстель-де-Куланж или Фримен противопоставляют ахейскую федерацию этолийской, как союз равноправных членов на одной стороне, призыв и господство на другой, то нельзя не видеть в таком заключении новых историков зависимости от суждений главного свидетеля, Полибия.² Равенство, свобода, истинное народовластие, в основе коих лежало благородство ахейцев и милосердие, были, по выражению Полибия, причиной и источником объединения и благополучия пелопоннесцев в ахейской организации. Во всех своих предприятиях ахейцы преследовали только благо союзников, свободу отдельных государств, объединение пелопоннесцев; в этом они видели высшую награду за все труды, какие поднимали на себя. Для полноты единства Пелопоннеса в ахейском союзе недоставало, по мнению нашего историка, только общих стен, которые и внешним образом превратили бы всех пелопоннесцев в равноправных граждан единой общины: «во всем остальном существовали единообразие и сходство в отдельных городах и в целом союзе; все пелопоннесцы имеют одни и те же законы, пользуются общими мерами, весом и монетой, имеют общих должностных лиц, членов совета и судей».³ Когда Филипп и союзники собирались идти войною на этолян, они обязывались помогать друг другу в борьбе с этолянами за возвращение отнятого у каждого из них, восстановить исконные учреждения у всех, кто по принуждению вошел в этолийский союз, «дабы они владели своими полями и городами, избавлены были от гарнизонов и от дани, жили независимо по исконным законам и установлениям».⁴ Самая публичность и торжественность подобных заявлений способна укрепить в читателе ту мысль, будто союзное устройство этолян держалось единственно на терроре, насилии и вымогательствах, будто ахейцы во всем своем поведении держались начал, не имевших ничего общего с порядками этолийского союза.

Раньше мы собрали свидетельства надписей и историков, далеко не отвечающие тем краскам, в каких представляются этоляне Полибием и Ливием. С другой стороны, из истории ахейского союза мы уже знаем некоторые факты, разрушающие идиллическую картину взаимных отношений ахейских союзников. В меньшем еще согласии с нею находятся позднейшие события в ахейском союзе из времени Филопемена и следовавшего за ним, т. е. из того времени, когда наконец ахейский союз вмещал в себе весь

¹ Полиб. III 4 13. IV 2 3.

² C'était encore une confédération chez les Achéens; chez les Etoliens c'était une domination... Tout se débattait et se décidait entre les seuls Etoliens. Bien plus, toute ville agrégée à la ligue en recevait un gouverneur pour l'administrer, et souvent une garnison. Fustel-de-Coulanges, *Étude sur la conquête de la Grèce par les Romains*. Amiens, 1858, стр. 37. The annexations made by Achaia were at least made on terms of perfect equality; the annexations of Aetolia were, in many cases, simple conquests by brute force. Freeman, *Feder. governm.* 342. В. Г. Васильевский не чужд идеализации союзных отношений Ахаи. *Полит. реформа* 213 сл.

³ Полиб. II 37 10—42. 57 3. 60 4.

⁴ Полиб. IV 25 6—7.

Пелопоннес. Этот период ознаменовался жестокостями против Спарты и Мессены; оба города предпочитали зависимость от Рима принадлежности к союзу ахейян. Внутри союз раздирали междоусобные распри.¹ В действительности ни ахейяне, т. е. союзные власти ахейян, ни отношения к ним союзных общин не представляли собою чего-либо исключительного или совершенного по сравнению с порядками в других полициях. Преимущество ахейян, как и этолян, состояло в применении к общежитию федеративных начал, которые при наличии других условий способны были бы объединить Элладу и спасти от завоевания.

Единство политической организации выражалось прежде всего в том, что все граждане союзных общин носили имя ахейян, происходили ли они из городов собственно ахейских, или вошедших в союз в разное время. Так, в афинской надписи, относящейся ко времени после вступления в союз Мессении (191 г. до Р. Х.) и объясненной Рангави, упоминаются в числе победителей на афинском празднестве Менандр, сын Мениппа, *ахеец* из Аргоса, Никомах, сын Леонида, *ахеец* из Мессены, и в трех местах начертано было женское имя *аргивянки из Ахаи*. В орхоменской надписи не раз повторяется, что орхоменцы стали ахейянами (*οἱ Ὀρχομένιοι Ἀχαιοὶ ἐγένοντο*).² Согласно с этим монеты союзных городов имеют после имени города, чеканившего монету, имя ахейян: коринфян ахейян (или ахейских), сикионян ахейян, элейцев ахейян, тегейян ахейян и пр. На лицевой стороне монет изображен Зевс, патрон ахейского союза, на оборотной — другое союзное божество, панахейская Деметра.³ Плутарх свидетельствует, что со вступлением Сикиона в союз граждане его стали именоваться ахейянами; то же самое о всех ахейских союзниках передает Полибий.⁴ Как свидетельства надписей, так и начертания на монетах показывают, что союзные общины владели, так сказать, двойным правом гражданства: местного и общесоюзного ахейского. Можно думать, что принадлежность к союзной организации ослабляла местную исключительность, свойственную древнеэллиническим общинам. Вероятно, звание ахейского гражданства облегчало натурализацию в отдельных союзных общинах; по крайней мере относительно Арата, сикионца по происхождению, мы знаем, что в Коринфе он имел дом, а в Аргосе был выбран местным стратегом. За отсутствием других аналогичных примеров мы должны, впрочем, считать положение Арата в Коринфе и Аргосе исключительным как последствие дарования ему этими городами гражданства за оказанные услуги. В одной из ахейских надписей мы имеем довольно длинный список лиц, которым ахейский город дарует права гражданства во внимание к особым заслугам каждого (*κρίνασα καθ' ἕνα ἕκαστον*), а в другой надписи, плохо сохранившейся, определяются и условия получения такового права.⁵

В чем состояло единство мер и весов в ахейском союзе, мы не знаем за отсутствием каких-либо об этом сведений.

Орхоменская надпись, содержащая в себе не самый акт включения Орхомена в союз, но состоявшееся вслед за сим соглашение по устройению некоторых дел в новом союзном городе, поименовывает союзные божества, которые должны быть призываемы в свидетели одинаково обеими сторонами, подлежащими властями ахейян и орхоменян. Следовательно, политическое

¹ Hertzberg, *Gesch. Griechentl.* I 149 сл. 213 сл.

² Rangabé *Antiqu. hellén.* II, n 962, стр. 674 сл. Dittenberger *Sylloge* n 178.

³ Mionnet *description de médailles antiques grecques et romaines.* Paris, 1807, II, стр. 161 сл. Weil, *R. Berl. Zeitschrift f. Numismat.* IX, 106 сл. *Dictionn. des antiquités* p. Daremberg et Saglio *Achaicum foedus.*

⁴ *Plut. Arat.* 9 з. Полиб. II 38 2. 4.

⁵ Martha, *Bulletin de corresp. hellén.* 1878. II, стр. 40—44. 94—96. Dubois *les ligues*, 230. 233. *Plut. Arat.* 41. 44.

единство союза выражалось в признании общесоюзных божеств: «Зевса Амарии, Афины Амарии, Афродиты и всех божеств».

Общим именем и культом соединенные между собою политические общины составляли один народ. Официальное обозначение его было «союз ахейян» *tò κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν*, или «ахейяне» *οἱ Ἀχαιοί*, удостоверенное и надписями, и теми особенно местами в сочинениях историков, которые имеют вид извлечений из документов. Как мы сказали выше, древнейшее документальное упоминание об ахейском союзе относится к 266/265 г. до Р. Х.¹ Наряду с официальным термином употребительны были и другие названия, отвечавшие понятию единого народа или тесного союза общин: народ ахейян, государство ахейян, общее государство, общее союзное государство, составное государство ахейян и пр.² Постановления народного союзного собрания были равно обязательны для всех членов союза и вопреки ошибочному уверению Дюбуа не нуждались в утверждении собраниями отдельных общин. Заключение французского ученого построено на недоразумении. В привлекаемом им месте Полибия речь идет не о членах ахейской федерации, но о тех союзниках (*συνμαχοί*) ахейян и Филиппа, с которыми они поднимали союзническую войну на этолян.³ Одно подобное свидетельство способно было бы разрушить представление об единстве ахейского народа; но такого свидетельства нет.

Однако усвоение общего имени и общих божеств вовсе не означало отречения союзной общины от присущих ей особенностей политического устройства и от внутренней политической самобытности, как можно бы заключить из слов Полибия, будто в ахейском союзе все пелопоннесцы имели одни и те же законы, одних и тех же должностных лиц, советников и судей, так что, по его словам, оставалось только обвести Пелопоннес общими стенами и получилась бы единая политическая община.⁴ Не утрачивая отдельного имени, не отказываясь от местных божеств, от права чеканить монету, союзные общины сохраняли и свои особые законы, и способ управления, и своих должностных лиц; из местных прав и учреждений устранилось лишь то, что было несовместимо с принадлежностью к общей организации. Отмена Ликурговых законов в Спарте и подчинение ее ахейским учреждениям в 189 г. до Р. Х. были исключительною мерою Филопемена по отношению к беспокойному союзнику.⁵ Да и сам Полибий в другом месте выражается о предмете с большою точностью, говоря, что первоначально задачею союза было удалить македонян из Пелопоннеса, упразднить тирании и утвердить в каждом отдельном городе унаследованные от предков вольности и общую свободу союза; все, к чему стремились ахейяне в сношениях с другими народами, было — свобода граждан в отдельных общинах и единение пелопоннесцев.⁶ Таким образом, относительное многообразие политических учреждений не исчезало с образованием ахейской федерации; оно вмещалось в союзную организацию, объединявшую в известных пределах отправления

¹ CIA II n 332. SIG n 1542. Dittenberger *Sylloge* nn 178. 227. Полиб. II 70 5. IV 60 9. VIII 14 7. XXVIII 7 14. Diod. XXIX 17. Plut. *Philop.* 8 1 и др.

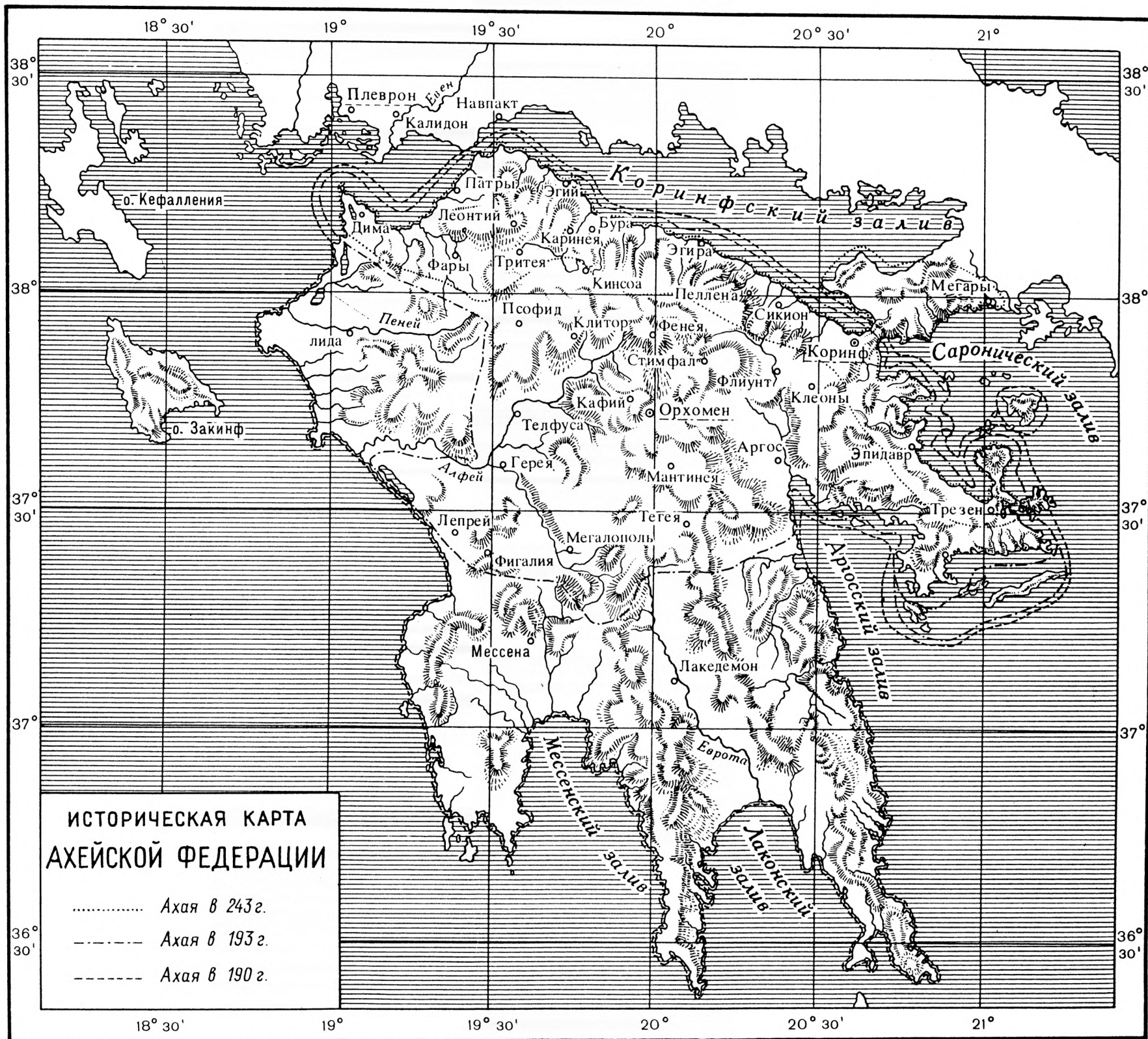
² *tò τῶν Ἀχαιῶν ἔθνος* Полиб. II 45 1. IV 17 7. V 1 1. XVI 35 1. *ἡ τῶν Ἀχαιῶν πολιτεία* II 43 3. 4. 44 4. *ἡ κοινὴ πολιτεία* II 50 8. IV 60 10. *ἡ τῶν Ἀχαιῶν συμπλιτεία* III 5 6. *ἡ κοινὴ συμπλιτεία* XXIII 17 2. XXIV 10 4. *ἡ ἔθνικὴ συμπλιτεία* II 44 5. *tò τῶν Ἀχαιῶν σύστημα* II 41 15. IV 60 10. Самым употребительным термином остается у Полибия ахейяне *οἱ Ἀχαιοί*. Утверждая, что Полибий IV 9 2 называет ахейский союз симмахией, Вейнерт проглядел, что речь идет здесь не о федерации ахейян, но о союзе македонско-эллиническом под гегемонией Филиппа. Weinert, *Ach. Bundesverf.* 13 прим. 1.

³ Dubois *les ligue*, 132.

⁴ Полиб. II 37 10—11.

⁵ Liv XXXVIII 34.

⁶ II 43 8. 42 6.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА
АХЕЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

..... Ахей в 243 г.
 - - - - - Ахей в 193 г.
 - · - · - Ахей в 190 г.

всех союзных общин. По возобновлении Мегалополя, разрушенного Клеоменом, город устраивается по законам некоего Пританида, поставленного для этой цели Антигоном (222/221 г. до Р. Х.).¹ В отдельных городах союза были свои народные собрания, свои думы и председатели их, свои должностные лица, обозначаемые различными терминами: полемархи в Кинефе, стратег в Аргосе, архонты в Сикионе, Орхомене и других городах, дамиорги в Диме и Эгии и пр. Особенно интересна в этом отношении димская надпись, кажется, III в. до Р. Х., в которой упоминаются рядом феокол, буларх, предстатель, секретарь, демосиофилаки.² Местные учреждения и чины, как видно из тех же свидетельств, служили посредствующими органами между общиной и союзными властями. Вот почему никак нельзя согласиться с толкованием показания Полибия о единстве законов и пр., предлагаемым В. Г. Васильевским, будто под ним разумеется «одинаковое устройство исполнительской, судебной и совещательной власти во всех политиях».

Политическая самостоятельность отдельных общин простиралась до того, что самое право сношений их с иноземными государствами было только ограничено, но не упразднено. Из начальной истории ахейского союза нам известно участие одних патриархов в войне этолян против галлов (278/277 г. до Р. Х.), хотя к тому времени возобновлен уже был союз ахейских поселений: Патр, Димы, Тритеи, Фар. Красноречивый пример подобных отношений сохранил Полибий в рассказе о мегалопольцах в Клеоменову войну. Из страха перед Спартою мегалопольцы решились искать помощи у Антигона, для чего и выбрали послов; эти последние, заручившись согласием ахейского собрания, отправились в Македонию. По возвращении оттуда они доложили ахейским властям, что Антигон готов помочь Мегалополю, если последует на то соизволение ахеян (226 г. до Р. Х.). Правом Мегалополя вести сношения с иноземным государем искусно воспользовался Арат для прикрытия подлинных своих намерений и планов перед ахеянами, разоблачаемых Полибием.³ Когда в 184 г. до Р. Х. ахеяне постановили обратиться за разрешением спора со Спартою в римский сенат, куда и явились два посольства, одно от ахейского союза, другое от Спарты, то, по свидетельству Полибия, ахеяне возмущены были более всего тем, что в числе спартанских послов находились те самые личности, Арей и Алкивиад, которых незадолго перед тем Филопемени возвратил в Спарту. Если Полибий ничего не говорит против самого факта спартанского посольства, то, очевидно, потому, что обе стороны заранее согласились решить спорное дело при участии Рима.⁴ Действительно, когда в 150—148 гг. до Р. Х. возникли снова споры между Спартою и союзом из-за Белмины, то Ликорт жаловался больше всего на то, что Спарта отправляла посольство в Рим, без ведома, конечно, союзных властей; когда затем спорящие стороны не могли согласиться ни с чем и спартанцы объявили, что перенесут дело в римский сенат, стратег ахеян решительно напомнил закон, возбраняющий союзным государствам отправлять посольства в чужие земли без соизволения ахейского собрания. Лишь в смутные, исключительные времена союзные общины могли уклоняться безнаказанно от этого правила.⁵ В деле выхода из союза также необходимо было согласие союзного собрания; таким образом вышел из союза город

¹ Полиб. V 93 г.

² Dittenberger *Sylloge* nn 316. 178. 242. Cauer *Delectus* ² n 232. Полиб. IV 18 1. V 27 3. X 21 9. XVI 36 3. XXXVIII 9 7. О местных думах Ливий in *senatu quisque civitatis suae* XXXII 19.

³ Полиб. II 47—49. Pausan. VII 18 6. X 22 6.

⁴ Полиб. XXII 15. Liv. XXXIX 33. 35—37. Pausan. VII 9 3.

⁵ *πλεῖς δὲ αἰετὸς ἐς Ἀχαιοὺς μηδεμίαν ἐφ' ἑαυτῆς καθέστηκέναι κυρίαν ἄνευ τοῦ κοινοῦ τοῦ Ἀχαιῶν παρὰ Ῥωμαίους ἰδίᾳ πρεσβεῖαν ἀποστέλλειν* Pausan. VII 9 4. 12 5. Неверны рассуждения Дюбуа *Les ligues*, 181.

Мегары. Все остальные случаи приравнивались к восстанию или измене и навлекали на виновных тяжкие наказания: Мантинея, Спарта, Мессена жестоко платились за отпадение от союза. Точно так же лишь в исключительных случаях та или другая союзная община могла уклониться от участия в голосовании, если представители ее предвидели решение собрания, несогласное с их интересами и настроением. Так, в 198 г. до Р. Х., когда в бурном собрании в Сикионе должно было состояться решение в пользу союза ахейан с Римом против Филиппа, представители Димы, Мегалополя и Аргоса, желавшие оставаться верными македонскому царю, удалились из собрания до голосования.¹ Кажется, гораздо свободнее были союзные общины в содержании собственных наемных отрядов для защиты своей территории, если союзные власти почему-либо отказывались подать своевременную и достаточную помощь общине. Полибий порицает фарян, димеян и тритеян не за то, что они на собственные средства набрали наемников для защиты своих городов от этолян, но за то только, что по взаимному уговору отказались от взносов в союзную казну.²

Разумеется, в самих отношениях отдельных общин к союзной власти не было безусловного единообразия. Каких-либо общих норм, заранее определявших эти отношения, в союзе не было. В каждом данном случае они определялись договором между представителями присоединяемой общины и союзными властями и находились в зависимости от всей совокупности условий, при которых совершалось вступление нового члена в союз.³ Между крайними положениями городов насильственно присоединенного или — еще более — насильственно возвращенного в союз и добровольно вошедшего в него существовал длинный ряд переходных ступеней, так что и с этой стороны неточно уподобление ахейского союза, когда он обнимал весь Пелопоннес и заключал в себе более пятидесяти политических общин, единому городу, только без общей стены.⁴ В одних городах союзные власти находили нужным поставить гарнизон, как было в Мантинее, в других начальником местной стражи назначалось лицо от союза, как например в Пеллене и Кинефе, в третьих отводились участки земли и иная недвижимость ахейским колонистам или расположенным к союзу туземцам, как в Мантинее и Орхомене, и т. д.⁵ Вообще раз допускалось расширение союза силою оружия или тайных соглашений с одною из борющихся партий, необходимыми становились разного рода меры, более или менее насильственные, для обеспечения верности союзников. В этом способе действий не было разницы между союзами этолийским и ахейским; поэтому и жалобы союзников Филиппа на этолян за то, что они присоединили некоторые общины силою и содержат в них свои гарнизоны, не могли быть признаны основательными с ахейской точки зрения.⁶ Союзные власти не останавливались перед вторжением во внутреннюю жизнь общины в видах возможно более тесного и прочного соединения ее с союзом. Так, по предложению Арата, бесправные обыватели Мантинеи, метеки, получили право гражданства; союзным постановлением ахейан возбранялось новым собственникам в Орхомене отчуждать свои иму-

¹ Liv. XXXII 19—25.

² Полиб. IV 60. Ср. В. Г. Васильевский *Политич. реф.* 223 сл.

³ То обстоятельство, что первоначальное образование ахейского союза из четырех поселений не было ознаменовано договором, начертанным на столбе, Полибий отмечает как исключение. II 41 12. Ср. XXIII 17 2. 18 1. XXIV 10 4. 11 2—3.

⁴ О числе поименованных на монетах союзных общин см. Dubois *Les ligues*, 178. Weil, *Berliner Zeitschrift f. Numismatik*. IX. 1882, стр. 206 сл.

⁵ Полиб. II 58. IV 18. V 93. Plut. *Arat.* 39. *Cleom.* 17. Dittenberger *Sylloge* n 178.

⁶ Полиб. IV 25 7.

щества в течение двадцати лет (*ἐντὸς ἐτέων εἴκοσι*) со времени вступления Орхомена в союз; в Спарту возвращены были изгнанники Филопеменом.¹

Принудительные меры по отношению к союзным общинам определялись в каждом отдельном случае совокупностью наличных обстоятельств как в самой общине, так и в целом союзе. Союзная власть дважды регулировала отношения в Мегалополе мирными средствами; временное помещение в общине союзного гарнизона или военачальника составляло едва ли не самую употребительную форму наблюдения за верностью союзников. В редких случаях настроение граждан союзного города отличалось единодушием, поэтому союзные власти заботились об охране и усилении своих сторонников, сдерживали или карали противников. Отмена Ликургова законодательства в Спарте по предложению Филопемена в 189 г. до Р. Х. была и наказанием олигархов за отпадения от союза, и вместе с тем казалась действительнейшим средством к более тесному и прочному слиянию города с союзной организацией.² В трудных обстоятельствах союзная власть прибегала к сокращению территории союзного города путем возведения принадлежавших ему поселков на степень самостоятельных, равноправных с прочими членами союза. Этим, с одной стороны, уменьшалась опасность сепаративных стремлений в главном городе, с другой — умножались и укреплялись связи внутри союза: новообразовавшиеся самостоятельные мелкие общины, приравнивавшиеся в политическом отношении к Сикиону, Коринфу, Мегалополю, становились тем самым на страже целостности союза. Достоинно внимания, что эта последняя мера применялась в ахейском союзе в позднейшем периоде истории. Так, около 192 г. до Р. Х. входившие в состав мегалопольской общины поселения Агея, Асея, Алифира, Паллантий, Фейсоя, Дипея, Гортиня и др. усилиями Филопемена возведены были на степень самостоятельных членов союза, о чем кроме показания Полибия и Плутарха свидетельствуют монеты с именами этих городов. К тому же времени следует отнести отделение Элисфасии от Мантинеи, или Антигонии, и вступление ее в союз на положении самостоятельной общины. Преемник Филопемена и продолжатель его политики Ликорт провел такую же меру относительно Мессены по усмирении восстания, жертвою которого пал «последний эллин»: Абия, Фурия, Фары вошли в союз под своими особыми именами (183 г. до Р. Х.). В подчинении у Мессены был городок Корона, а существование монет с ее именем (*Κορωναίων Ἀχαιῶν*) указывает на независимое положение ее в союзе, каковое заняла Корона, вероятнее всего, тогда же, при вторичном вступлении Мессены в союз.³ Дробление старых политий на их составные части и зачисление сих последних в ряды полноправных членов союза свидетельствует о развитии местной политической жизни под охраною общесоюзных учреждений. Подобный процесс, засвидетельствованный надписью Уссинга, совершался и в этолийской федерации; впрочем, многочисленность старейшин, или апоклетов сама по себе указывает на чрезвычайную дробность членов этолийского союза. Силою обстоятельств вожди ахеян вынуждаемы были дробить входившие в союз общины и низводить их до пределов первоначальных политических самостоятельных поселений, как было и в союзе этолян. Значение союзной организации поднималось вследствие того, что

¹ Plut. *Arat.* 36. Полиб. XXII 3. Диттенбергер Hermes XVI, стр. 181 сл. восстанавливает число лет на место маловероятной догадки Фукара *πλέον χρυσέων εἴκοσι* *Revue archéol.* XXXII, 1876, стр. 96 сл., где дан прекрасный комментарий орхоменской надписи. Поправки и дополнения Диттенбергера остались неизвестными Дюбуа.

² Lycurgi leges moresque abrogarent, Achaeorum adsuercerent legibus institutisque: ita unius corporis fore et de omnibus rebus facilius consensuros. Liv. XXXVIII 34. Plut. *Philopem.* 16.

³ Plut. *Philopem.* 13. Полиб. XXIII 17. 18. Mionnet *Description* II, 162. Freeman *Feder. go-vernun.* 626 сл. Hertzberg *Gesch. Griechenl.* I, 15 сл. 169.

уменьшалась сила сопротивления в отдельных полициях. Жители Фейсои или Асеи, или мессенских Фар переставали быть гражданами Мегалополя или Мессены, наряду с гражданством ахейским получая самостоятельное политическое устройство; здесь вовсе не было освобождения поселений из-под власти больших городов, как то полагали Титман, Дройзен, за ними Фримен, В. Г. Васильевский или Дюбуа.¹

Вообще необходимо отличать способы присоединения к союзу и меры к сохранению целостности союза от союзных учреждений, действовавших постоянно и одинаково распространявшихся на всех членов организации. Допускать существование в союзе каких-то градаций в пользовании правами союзного ахейского гражданства, как это делает Дюбуа вслед за Ванером, не позволяют категорические выражения Полибия, что в ахейском союзе не было никакого перевеса одних общин над другими, что всякий вновь примыкающий город вступал на совершенно равных правах с прежними, что в устройстве ахеян осуществлены были полнее, чем в каком-либо ином, равенство, свобода и истинное народоправство. Только в этом смысле и мог сказать историк, что пелопоннесцы имели общих должностных лиц, членов совета и судей, безо всякого отношения к тому, по собственному ли почину присоединялся город к союзу, силою ли увещаний и доводов, или вступал в него по принуждению, т. е. путем завоевания.²

В силу принадлежности к союзу общины обязаны были делать взносы (*εισφοραι*) в союзную казну, размер коих определялся для каждой общины союзным собранием. Отказ от этих взносов почитался равносильным отпадению от союза, как видно из пространных рассуждений Полибия о поведении Димы, Фар и Тритеи в союзническую войну.³ Точно такие же взносы существовали и в этолийском союзе, как видно из надписи Уссинга. Следовательно, и в этом отношении ахеяне не представляли собою чего-то противоположного по союзному устройству этолянам. Правда, историк наш по поводу жалоб союзников на притеснения этолян употребляет для этих взносов другое выражение (*φορος*), но нельзя не видеть, что это были те самые взносы, о каких говорится в надписи Уссинга.⁴ В исключительных случаях в виде особой льготы союзная община могла быть освобождена на определенное время от обязательных взносов, как было с Мессенией в 182 г. до Р. X. по возвращении ее в союз.⁵

Другим обязательством общин было поставлять определяемые ахейским собранием контингенты в союзную армию, численность коей в 43 тысячи человек не представляла для союза чего-либо необыкновенного. Сверх собственной милиции ахеяне располагали наемным войском, набор и содержание коего подлежали также ведению союзного собрания и производились на средства союзной казны. Ближайшим исполнителем постановлений собрания был стратег.⁶

¹ Freeman *Feder. governm.* 256 сл. Васильевский *Политич. реформа*, 218 сл. Возражения Фишера *Kl. Schrift.* I, 379 сл. 568 сл. и Вейнерта *Achäische Bundesverfassung*, 15 сл. Дюбуа *Les ligues*, 177 сл. 179 прим. 1 превратно толкует эту меру ахейского союза, забывая, что положение мегалопольских или мессенских поселков, *κῆμαι*, было совершенно такое же, как положение демов в Аттике: житель каждого дема был гражданином, а не подданным или подчиненным афинской республики.

² Полиб. II 37 10—11. 38 5—8. О существовании союзного суда. Pausan. VII 9 5.

³ Полиб. IV 60. Ср. V 30 5. 91 2. 94 9. XXXIX 8 6.

⁴ Sauer *Delectus* ² п 239. Полиб. IV 25 7. Vischer *Kl. Schrift.* I, 378 прим. 3.

⁵ Полиб. XXIV 2 3.

⁶ Полиб. V 91 6. 17 9. 20 1. IV 7 6—7. 9 6. 14 4. 15 6. 19 1. XVI 36 2. XXIX 24 8. Plut. *Agis* 13. Liv. XXXII 22. XXXIII 14. 15.

Ограничения в правах общинной верховности и некоторые обязательства по отношению к союзу должны были возмещаться равною для всех союзников долей участия в заведовании общими делами союза. Частью непосредственно, частью при посредстве выборных должностных лиц вся совокупность граждан союзных политий под единственным условием достижения тридцатилетнего возраста была носителем верховных прав союза. Местные учреждения и власти отдельных общин, гражданские и военные, или полновластно ведали местными делами своей общины, или служили посредствующими органами между союзными властями и населением отдельных общин.¹

Не входя здесь в подробности союзного управления ахейян, несколько более известного, нежели учреждения этолийской федерации, к тому же в обстоятельном критическом изложении выходящего за пределы настоящего очерка, мы постараемся отметить лишь те особенности организации, которые способны объяснить нам частые случаи отпадения от союза, слабость почина в ахейском гражданстве, наконец, не всегда согласное с интересами союза единоличное влияние должностных лиц. Этим самым, быть может, мы подойдем ближе к органическим причинам неудачи последнего в эллинской истории опыта объединения автономных общин. Падение Эллады Полибий и другие историки объясняют обыкновенно испорченностью нравов, тлетворным влиянием демагогов, обращавших в свою пользу социально-экономические распри, с одной стороны, коварством и жестокосердием римского сената — с другой. Не отрицая действия этих причин, мы полагаем, что и самая организация ахейского союза не совмещала в себе достаточно условий для разрешения поставленной задачи. К сожалению, ни главный свидетель наш, Полибий, ни последующие историки при разъяснении судеб отдельных общин или союзов не придавали особенностям политического строя настолько важности, чтобы излагать их с необходимою обстоятельностью. Относящиеся к предмету известия их крайне скудны, отрывочны, более или менее случайны и, подавая повод к разноречивым толкованиям, не поддаются сведению к определенным началам и в цельную систему.

Политическая сила ахейской федерации заключалась не в собственных поселениях, но в других городах Пелопоннеса, в разное время вошедших в союз, каковы: Сикион, Коринф, Аргос, Мегалополь, потом Спарта и Мессена. Ко времени Полибия в Пелопоннесе, особенно в больших городах, решительное преобладание получили демократические формы правления, более других отвечавшие подъему народных масс, возраставшему влиянию их на тогдашнюю политику республик. Как в Клеоменову войну сочувственное отношение низших классов к царю Спарты направило вождя ахейского союза в сторону Македонии и ее владык, так и на закате дней свободной Эллады решающий голос здесь принадлежал тем же народным массам. Эти последние были вернейшими хранительницами преданий независимой Эллады и обнаруживали одинаковую неохоту подчиниться македонским владыкам или покорно исполнять требования римского сената. Противники римской политики удостоивались от народа в союзных общинах высших почестей.² Поэтому, когда Филопмен, последний достойный герой свободной

¹ Полиб. XXIX 24 б. Ср. IV 9 1. XXXIX 8 7. Выяснению организации ахейского союза посвящена 5-я глава сочинения В. Г. Васильевского *Полит. реформа* стр. 213—242. Краткие сведения о ней содержатся в *Очерке греч. древностей* В. Латышева стр. 328—336 ². Из иностранных сочинений кроме Шорна, Шёмана *Gr. Alterthümer* II, 112 сл. Фримена, Фишера и Дюбуа заслуживают внимания *Wahner De Achaeorum foederis origine atque institutis*. Berlin et Glogau, 1854. Weinert *Die achäische Bundesverfassung*. I. Demmin., 1881. В виде конспекта относящиеся сюда сведения изложены у Гильберта *Handbuch d. gr. Staatsalterthümer*. II. 1885, стр. 110—123.

² Полиб. XXIV 11.

Эллады, возымел решимость избавить ахейский союз от иноземной гегемонии, македонской ли то, или римской, он рассчитывал достигнуть цели такими изменениями в организации союза и в положении различных классов населения, которые усиливали бы значение народных масс и прямое участие их в делах союза. Богатые классы ахеян он подчинил общей строгой дисциплине; мелким поселениям, входившим в состав Мегалополя, он дал самостоятельное политическое существование, введши, таким образом, в состав союза на место одной, мегалопольской, общины одиннадцать малых республик, равноправных с Мегалополем; то же сделано было ближайшими преемниками его в Мессении. В том же направлении должна была действовать мера, уравнивавшая все города союза в отношении участия ахейских граждан в общесоюзных собраниях. Впредь очередные собрания ахеян должны были происходить не в одном Эгии, но поочередно во всех городах союза без различия величины их и местоположения. Он же упразднил оплот олигархии в Пелопоннесе, Ликургово устройство Спарты.¹ В 180 г. до Р. Х. предатель Эллады Калликрат советовал римскому сенату, как действительнейшее средство к водворению господства над Элладю, отнять силу у вождей народной партии, преследовавшей неприязненную Риму политику. Когда предательское поведение Калликрата было разоблачено, негодование народных масс против изменника не знало пределов.² По возвращении в 150 г. до Р. Х. ахейских патриотов, без вины более пятнадцати лет томившихся в Италии, из среды народной партии вышли беспощаднейшие враги Рима: Дамокрит, Критолай, Дизей, но мера политических и военных дарований их не отвечала ни потребностям времени, ни степени ненависти их к внешнему врагу.³

Понятно, что при таком настроении и значении народных масс в Пелопоннесе союзная организация ахеян должна была бы располагать такими учреждениями, которые, направляя силы союзников к общим определенным целям, в то же время согласовались бы с привычками деятельной политической жизни отдельных общин. Это было необходимым условием прочного, продолжительного успеха всей организации, того единодушия и воодушевления, благодаря которым нередко отдельные даже общины эллинов выходили победоносно из самых трудных обстоятельств.

По смыслу ахейской организации верховная власть в союзе принадлежала всей совокупности ахейских граждан, достигших тридцатилетнего возраста; органом этой власти были общенародные собрания ахеян, очередные и чрезвычайные. Вопросы о войне и мире, о заключении союза, о принятии новых членов в союз, устройство отдельных общин в их отношениях к союзным властям, сношения с иноземными государствами через посольства, выборы союзных должностных лиц, проверка служебной деятельности их и т. д. и т. п., — словом, все дела, касающиеся целого союза, подлежали ведению ахейского народа (*τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν*), свои верховные права осуществлявшего непосредственно, постановлениями в народном собрании, или при посредстве должностных лиц, избираемых в тех же собраниях. Сам Антигон Досон после первых успехов в войне с Клеоменом явился на осеннее собрание ахеян в Эгий, дал здесь отчет в своих действиях и тогда же выбран был в вожди всех союзников (222 г. до Р. Х.).⁴ После несчастной битвы при Кафиях в 219 г. ахейский народ (*τὸ τῶν Ἀχαιῶν πλῆθος*) явился в установленное законом собрание (*εἰς τὴν καθήκουσαν σύνοδον*) и здесь привлек

¹ Plut. *Philopoem.* 7. 9. 13. 18. Полиб. XXIII 17 2. Liv. XXXVIII 30. 34.

² Полиб. XXIV 10—12. XXX 23.

³ Полиб. XXIV 11—12. XVIII 6. 9. Hertzberg *Gesch. Griechenl.* I, 156 сл. 299 сл.

⁴ Полиб. II 54 3—4.

к ответу стратега своего Арата. Из рассказа Полибия явствует, что судьба стратега была в руках «толпы ахейян», падение его или превознесение зависело вполне от настроения массы собравшихся ахейян: перед ними он защищается, обвинения их покорно выслушивает, от них же получает признание заслуг и высокое положение в союзе.¹ В 218 г. до Р. Х. Филипп V, нуждаясь в съестных припасах и в деньгах для войска, созвал ахейян в собрание через должностных лиц; что под ахейянами разумеется масса населения, показывает употребленный Полибием термин, «толпа» (τὸ πλῆθος).² Подробно описано у историка то собрание ахейян, на котором мегалопольцы по внушению Арата выступили с предложением призвать Антигона на помощь. Народ (τὸ πλῆθος) охотно выслушивает их и соглашается. Под предлогом недовольства народной массой (πρόφρασις ἢ μὲν πρὸς τοὺς ὄχλους ὄργη) Арат отказывается от должности стратега.³ Когда в 146 г. до Р. Х. стратег Критолай предложил уничтожение долговых обязательств и безнаказанность должников, народ (τὸ πλῆθος) поддержал его, и этого было достаточно, чтобы предложение прошло в собрании.⁴ В 153 г. до Р. Х. Аристен обвинял перед собранием ахейян стратега Филопемена и посольство Ликорта в Александрию в небрежности, и заключенный с Птоломеем дружественный договор был по решению ахейян (οἱ Ἀχαιοί, τὸ πλῆθος) объявлен недействительным; вместо того заключен союз с Селевком.⁵ Ахейские послы являлись от народа ахейян; к народу же ахейян отправлялись иноземные посольства.⁶ В союзе ахейском, ясно, верховная власть принадлежит народу в том виде и в том количестве, в каком он присутствует в очередном собрании или в чрезвычайном, созванном с соблюдением установленных формальностей. Вот почему народ, толпа, большинство, ахейяне, союз ахейян являются у Полибия и других писателей равнозначными терминами. В 152 г. до Р. Х. народ οἱ πολλοί решает вопрос в пользу союза с родосцами.⁷ Когда римский посол Юлий Секст в 146 г. до Р. Х. требовал у Критолая допущения в народное собрание, стратег отвечал, что не вправе сделать что-либо без постановления народа, ἄνευ τῆς τῶν πολλῶν γνώμης; тот же ответ в более точной форме сохранен Павсанием, причем слово «толпа», «большинство» οἱ πολλοί заменено словами «союз ахейян» τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν.⁸ По словам Калликрата, враги римского сената в Ахае сильны сочувствием народных масс (οἱ πολλοί, οἱ ὄχλοι). Наконец Полибий сообщает нам текст закона, свидетельствующий неоспоримо, что народ (οἱ πολλοί), созванный стратегом, решает вопрос о войне или мире, о союзах, постановляет ответы на письменные требования римского сената.⁹ Достаточно застрашать или обмануть народ или его доверенных вождей, чтобы политика ахейского союза получила направление, выгодное его врагам.¹⁰

Мы остановились на этой стороне ахейской организации не только ввиду важности предмета, но и потому еще, что в последнее время сделана попытка доказать, во-первых, представительный характер союзных собраний ахейян, во-вторых, перенести решающую роль в делах союза с общенародных

¹ Полиб. IV 14. Ср. Plut. Arat. 37 кон. Pausan. VII 12 2. 13 5.

² Полиб. V 1 6—7.

³ Полиб. II 50 10. Plut. Arat. 38.

⁴ Полиб. XXXVIII 9 10—11.

⁵ Полиб. XXII 12.

⁶ Полиб. XVI 35 1. IV 17 7. Дюбуа Les ligues 144 прим. 4 ошибочно усматривает в тексте официальный титул ахейских послов.

⁷ XXXIII 16 2.

⁸ Полиб. XXXVIII 9 5. Pausan. VII 14 3.

⁹ Полиб. XXIV 11 4—7. XXII 16 6.

¹⁰ Полиб. XXIV 12 14.

собраний на сенат, или думу ахейн, которая будто бы была не чем иным, как палатой депутатов от союзных общин (*chambre représentative*).¹ По смыслу ахейской конституции верховное направление всей политики союза определялось народными собраниями с прямыми, а не представительным участием каждого ахейского гражданина начиная с тридцатилетнего возраста. То же собрание является в роли верховного судилища; оно назначает судей и произносит окончательный приговор. Так по крайней мере можно заключать из рассказа Полибия о суде ахейн над Сосикратом, Лагием, Андронидом и Архиппом (146 г. до Р. Х.), когда первый из них был осужден народом на казнь, а прочие помилованы потому, между прочим, как объясняет историк, что толпа (*τὸ πλῆθος*) была слишком возмущена учиненным над Сосикратом истязанием.² Сохраненное орхоменскою надписью постановление ахейн гласит, что виновные в покушении отторгнуть Орхомен от ахейского союза будут осуждаемы на казнь союзным собранием ахейн.³

Напротив, все имеющиеся у нас сведения об ограниченном по составу совете (*βουλή*) ахейн не позволяют сомневаться в том, что в политике союза ему принадлежала лишь самая скромная, второстепенная роль. Прежде всего необходимо отметить непостоянство значения, в каком подлежащий термин употребляется Полибием и другими историками. В большинстве случаев историк наш называет думою, сенатом то же общенародное собрание ахейн, для которого существуют у него обыкновенно другие, более соответствующие термины (*ἐκκλησία, σύνοδος, ἀγορά, σύγκλητος, σύλλογος*): это обстоятельство рельефно отмечено Вейнертом и за ним Гильбертом, в его *Руководстве государственных греческих древностей*.⁴ Мы можем ограничиться перечнем мест в повествовании Полибия по изданию Гульча, в коих совет *βουλή*, место совещания *βουλευτήριον* служат только наименованием общенародного собрания ахейн, ибо в «совете» решает толпа, народ (*τὸ πλῆθος, οἱ πολλοί*) и самый термин сменяется другими, точнее обозначающими народное собрание (*ἐκκλησία, σύνοδος*). Места эти следующие: II 46 б. 50 4. 10. 51 1. IV 26 7—8. XXII 10—11. XXVIII 3 7—10. 7.⁵ Один только раз историк наш противопоставляет «совет» *ἢ βουλή* как ограниченное по составу собрание собрания всех ахейн с тридцатилетнего возраста *ἢ σύγκλητος*. Случай относится к 167 г. до Р. Х., когда Птолемии обратились к ахейнам с просьбою о помощи и когда для решения вопроса созываемы были одно вслед за другим два собрания ахейн: одно в Коринфе, другое в Сикионе.⁶ Из кого составилось коринфское собрание, в чем состояла разница между собраниями коринфским и сикионским, менее и более многолюдным, мы решить не можем по недостатку известий. Одно, кажется, можно утверждать положительно, что «совет» не был коллегией должностных лиц: стратега, десяти демиургов и др. вопреки предположению Куна, Гильберта и др.⁷ В противоречии с последним толкованием находятся как выписанные выше места, так и выражение Полибия, что в ахейском союзе все пелопоннесцы имели одних и тех же должностных лиц, членов совета и судей.⁸ Так как термин

¹ Dubois *Les liges* 113—140.

² Полиб. XXXIX 11.

³ Dittenberger *Sylloge* n 178. Ср. Pausan. VII 9 2.

⁴ Weinert *Die ach. Bundesverfassung* 30 сл. Gilbert *Handbuch* II, 115 прим. 116 прим.

⁵ Ср. Plut. *Cleom.* 25.

⁶ *συνκλήτου συναρχείσεως εἰς τὴν τῶν Σικωνίων πόλιν, ἐν ᾗ συνέβαινε μὴ μόνον συμπορευέσθαι τὴν βουλήν, ἀλλὰ πάντας τοὺς ὑπὸ τριάκοντ' ἐτῶν Polyb.* XXIX 24 б. Ср. *ibid.* 23—24.

⁷ Kuhn *Entstehung der Städte* 127 сл. Gilbert *Handbuch* II, 114 прим. Hermann *Lehrbuch d. gr. Staatsalt* § 186 2. 4. Droysen *Hist. de l'hellén.* III, 149 сл. 426 сл. trad. fr. В. Г. Васильевский *Полит. реформа* 238 прим.

⁸ *χρησθαί... ἄρχουσι. βουλευταῖς, δικασταῖς τοῖς αὐτοῖς* II 37 10.

«члены совета» *βουλευταί* находится в той же книге истории, в которой слово «совет» *βουλή* неоднократно употреблено в смысле народного собрания ахеев, далее, так как умолчание о народном собрании при перечислении общих союзных учреждений было бы со стороны историка важным упущением, то мы склонны разуметь под членами совета, упоминаемыми наряду с должностными лицами, не иное что, как народное собрание ахеев *σύνδος, ἐκκλησία* и пр. Не лишено значения и то, что постановления народного собрания не раз называются у Полибия словом, первоначальное значение которого «совещание» (*διαβούλιον*), самое собрание ахеев называется тем же именем.¹

Полновластный по смыслу союзного устройства народ ахеев стеснен был на деле в постоянном деятельном осуществлении присущего ему права верховности. Если городок Дима удален был от места обычных собраний ахеев, Эгия, более, чем самый далекий поселок Аттики от Афин, если и в афинской республике в пору высшего развития ее требовались особые меры к поощрению политической деятельности граждан и возмещению сопряженных с нею тягостей, то легко понять трудности, какие создавались для ахейской демократии самыми успехами союза, расширением его территории: по мере возрастания численности ахейских граждан тем труднее становилось участие их в союзной политике, прямое, непосредственное, какое только и было известно древним политиям. Очередные собрания ахеев, ведению коих подлежали все дела союза, происходили не чаще двух раз в год, в половине мая и позднюю осень. Собрания чрезвычайные созывались по мере надобности стратегом и демиургами по одному из трех поводов: для решения вопросов о войне или мире, о союзе или для постановления ответа на письменный запрос римского сената; при этом чрезвычайное собрание, продолжавшееся не более трех дней, не могло касаться в своих занятиях никаких иных вопросов, кроме одного, точно обозначенного в приглашении на собрание.² И все-таки участие беднейших классов населения в союзных собраниях бывало весьма ограничено. В 145 г. до Р. Х. в союзное собрание в Коринфе явилось, по словам Полибия, небывалое дотоле множество земледельцев и ремесленников, которые и определили роковой исход собрания.³ Обыкновенно эти классы населения если не отсутствовали на собраниях, то по численности и значению уступали людям богатым или по крайней мере весьма зажиточным. По свидетельству Полибия и Плутарха, выбор в стратеги зависел главным образом от благорасположения всадников, которым поэтому должностные лица ахеев льстили и угождали. Демократическое в теории, собрание ахеев было аристократическим на практике, замечает Фримен.⁴

Рассеянные на обширной территории по городам и селениям, из коих многие разделены были большими, нередко трудно переходимыми пространствами, граждане ахейского союза никогда не представляли собою народа единого хотя бы в такой, например, степени, в какой все жители Аттики составляли народ афинян. Могущественного общественного мнения, которое воплощалось бы в каком-нибудь постоянно действующем учреждении, здесь не было; не было и такого культурного центра, руководящее или объединяющее влияние коего распространялось бы на все части союза. Ни один

¹ XXII 16 2. IV 24 2. V 49 6. XXII 12 12. XXXIX 11 1.

² νόμον γὰρ εἶναι παρὰ τοῖς Ἀχαιοῖς μὴ συγκαλεῖν τοὺς πολλοὺς, εἰ μὴ περὶ συμμαχίας ἢ πολέμου δέη γίνεσθαι διαβούλιον ἢ παρὰ τῆς συγκλήτου τις ἐνέγκη γράμματα Polyb. XXII 16 6. Ср. XXII 13 11. XXIII 5 16—18. XXIX 24 10. XXXI 25. XXXII 20. 22.

³ συνηθροίσθη πλῆθος ἐργαστηριακῶν καὶ βαναύσων ἀνθρώπων ὅσον οὐδέποτε Polyb. XXVIII 10 5.

⁴ Полиб. X 22 6—10. Plut. *Philopoem.* 7. 18. Vischer *Kl. Schrift.* I. 378 прим. 2. Droysen *Hist. de Hellén.* III, 489 сл. trad. fr. Freeman *Feder. governum.* 267.

город не пользовался здесь даже таким значением, как Ферм в этолийском союзе; многие города были гораздо значительнее и влиятельнее, нежели Эгий, обычное место союзных общенародных собраний. Для совместного обсуждения и решения общих дел ахеян в обыкновенные, спокойные времена сходились редко, и трудные обстоятельства, когда требовался единодушный, быстрый образ действий, застигали их раздробленными и разъединенными. Самый способ голосования в союзных собраниях не мог ни поощрять ахеян к более деятельному участию в союзных собраниях, ни содействовать образованию из них единого народа, в каждый данный момент одушевленного одинаковыми стремлениями и чувствами. Здесь подавались и считались голоса не по лицам, присутствующим в собрании, но по городам или народам. Каждый союзный город без отношения к его населенности и к лежащим на нем тяготам, как на члене союзной организации, имел всего один голос, был ли это Коринф или Сикион, Абия или Асея, десятки ли и сотни участвовали в голосовании от того или другого города, или немногие единицы. Такой порядок решения дел засвидетельствован показаниями Т. Ливия, относящимися, правда, к позднейшим временам ахейской федерации и впервые правильно разъясненными Нибуром. В собраниях 198 и 189 гг. до Р. Х. участвуют в союзном постановлении о союзе и войне или воздерживаются от голосования не отдельные личности, но народы или государства, *populi, civitates.*¹ Мы полагаем, что подтверждение показаний Ливия содержится как в тех преувеличенных похвалах, какие воздает Полибий равенству всех членов в ахейском союзе, так равно и в том, что не раз присутствующая в собрании «толпа» обозначается у него словом «толпы» (*οἱ ὄχλοι*), означающим в таких случаях, вероятно, то же, что *populi* или *civitates* у Ливия.

Разумеется, такой порядок голосования не соответствовал действительным отношениям, в каких находились различные члены союза, малолюдные и многолюдные города, богатые и бедные, промышленные и исключительно земледельческие и т. п. Помимо этого, он не только не ослаблял, скорее поддерживал и как бы закреплял те партикуляристские стремления, которые были особенно живучи в больших городах. Пригодный, быть может, для поселений собственно ахейских, первоначально образовавших союз, близких между собою по расстоянию, по интересам и настроению, этот спрос решения дел мало отвечал понятию единого ахейского народа, когда союз обнимал собою большую часть Пелопоннеса или даже весь Пелопоннес. Таким способом голосования восполнялся весьма несовершенно недостаток двух собраний наподобие тех, какие существовали в союзе этолян или в афинской демократии. В Афинах наряду с общенародным собранием был сенат 400 или 500, состоявший из представителей фил, чему в этолийской федерации соответствовал многолюдный совет старейшин, апоклетов. Едва заметные следы существования думы или сената в Ахае сохранились в показаниях Полибия, Ливия и Павсания, прежде всего в таких терминах, как совет, члены совета, старейшины: *βουλή, βουλευταί, γερουσία, γέροντες, principes*, и в противопоставлении совета, как ограниченного по составу собрания, другому собранию, соединявшему в себе всех граждан с тридцатилетнего возраста.² Выше мы говорили, что под сенатом ахеян никак нельзя разуметь коллегии должностных лиц со стратегом во главе, хотя о составе и роли его в союзном управлении нам ничего более неизвестно. Мы склонны допустить, что в организации союзного управления по мере расширения союза произведены были некоторые изменения, вызывавшиеся потребностями времени; изменения эти имели в виду и более удовлетворительное представительство отдельных общин в федерации. В первоначальном ахейском союзе

¹ Liv. XXXII 22. 23. XXXVIII 32. Niebuhr *Röm. Geschichte* II, 34.

² Полиб. XXIX 24 б. XXXVIII 11 1. Pausan. VII 12 3. Liv. XXXII 21.

таким союзным учреждением могла быть коллегия десяти демиургов от десяти союзных общин, *damiurgi civitatum* у Ливия.¹ Но так как число этих должностных лиц оставалось и впоследствии неизменным (*damiurgos* — *decem numero creantur*), то коллегия их утратила представительный характер. Неравномерность в распределении прав между большими и малыми городами в решении союзных дел была ослаблена реформой Филопемена, раздробившего большие общины на самостоятельные, мелкие; быть может, соответственно этому около того же времени организована была и дума «старейшин» от городов союза, чем и объясняется присутствие более определенных о ней известий в позднейших частях Полибиевой истории. Дальше этих предположений мы не идем.

Во всяком случае у нас имеются положительныя известия о том, что ахейский народ нередко оказывался осведомленным о положении союза весьма недостаточно. Когда Филопемен в 185 г. до Р. Х. возобновил дружественный союз с Птолемеем, народное собрание невзирая на предшествовавшие объяснения Аристена, недоумевает, о каком союзе идет речь. В звании посла Калликрат объяснял в Риме, что народ ахейский совсем не знает того, что творится относительно его в римском сенате. Когда Аттал добивается получить для своего брата Эвмена отнятые почести, собрание ахеян колеблется и не знает, на чем решить; то же повторяется в собрании ахеян в Коринфе, когда требовался ответ на просьбу Птолемея о помощи (168 г. до Р. Х.). По словам того же Калликрата, народ покорно пойдет за своими правителями; римскому сенату следует только предоставить власть в городах своим друзьям, и ахейский союз будет в его власти.² Ахейская война, кончившаяся разорением Коринфа и покорением Эллады римлянами, была поднята ахеянами, как рассказывает Полибий, больше всего вследствие совершенного непонимания ими своего положения, действительных сил своих и противника. На этом неведении массы и держалась сила позднейших вождей, которые увлекали народ в безнадежные предприятия; оно же, по словам историка, и погубило эллинов.³

Но не только последние, смутные времена обличали беспомощность народа в собственных делах. Мы знаем, как искусно, целые годы вел Арат двусмысленную политику по отношению к союзу и Антигону, как удалось ему отвлечь народ от примирения с Клеоменом путем напрасных обвинений противника в посягательстве на свободу эллинов.⁴ Ни в чем так не обнаружилась пассивность ахейского народа, как в выборе Аристомаха, бывшего тирана Аргоса, в стратеги и в самом присоединении Аргоса к союзу. По рассказу Плутарха Арат не желал оставлять за Лидиадом чести привлечения к союзу столь важного города, как Аргос, а потому, когда Лидиад в свою стратегию (230 г. до Р. Х.) предложил собранию принять Аргос в состав союза, народ отвергнул предложение по настоянию Арата; в следующем году Арат в звании стратега вошел в собрание с тем же предложением, и народ не только принял аргивян в союз, но через год выбрал самого Аристомаха в стратеги.⁵ Не чем иным как слабостью почина в народе объясняется и то, что Арат при своей неспособности к военным действиям выбирался в стратеги и в такие годы, когда высшую добродетель союзного вождя должны были составлять храбрость и военное искусство.

Вообще союзное управление ахеян отличается таким усилением главы исполнительной власти, какого не знали древние демократические республики.

¹ Liv. XXXVIII 30. Ср. XXXII 22.

² Полиб. XXII 12 10—12. XXIV 11 6. 12 13—15. XXVIII 7 4—8. XXIX 24 1.

³ Полиб. XXXVIII 8. XXXIX 9 9.

⁴ Plut. Arat. 39. Cleom. 17.

⁵ Plut. Arat. 35.

Стратег опирался в своем управлении на богатые классы союзных городов, менее всего склонные к переменам в политике; народ оставался в стороне от деятельного участия в управлении, а в трудные времена проявлял непокорность своим вождям и, не обладая достаточным пониманием окружающего, тем самым усиливал трудность положения. При обозрении федерации этолян мы указали на то, что в союзных делах нередко влияние отдельных личностей парализовало верховную власть народного собрания. И в этом отношении союз ахей не представляет противоположности этолийскому. Напротив, более известная нам история ахейской федерации раскрывает перед нами поучительнейшее явление в древнеэллинской истории, вскоре повторившееся на более обширной арене и окончившееся образованием мировой римской империи. Разнородность состава ахейского союза, трудность постоянных деятельных сношений между составными общинами и их гражданами, отсутствие учреждений, которые на деле обеспечивали бы за народом его верховные права и неослабный контроль над поведением избранных им должностных лиц, — все это неизбежно приводило к предоставлению главе исполнительной власти таких полномочий и такого влияния на дела, какие приличествовали не выбираемому на один год и во всякое время ответственному перед народом вождю, но полновластному единоличному правителю. В союзной политике получались вследствие этого преемственность и постоянство направления. Шестнадцать или семнадцать раз выбираемый в стратеги через годичные промежутки, Арат в течение тридцати трех или тридцати двух лет руководил союзной политикой «на деле и советом» (245—213 гг. до Р. Х.). Полибий, а равно Плутарх в жизнеописаниях Арата и Клеомена дают обильный материал для подтверждения замечания, что после присоединения Коринфа к союзу «Арат все время до конца жизни непрерывно оставался во главе ахейского народа, стараясь направить к единой цели все его помыслы и действия».¹ «Вся власть над ахеянами принадлежала Арату», замечает Плутарх по поводу стратегии Гипербата 226/225 г. до Р. Х. «Не оружием и насилием, но правдою и добродетелью приобрел себе Арат непрерывную власть».² «Хотя Арат выбирался в стратеги не иначе как через год, однако на деле и советом он непрерывно властвовал над ахеянами». Однажды Арат вступает в должность даже раньше срока и набирает войско по собственному почину, помимо действующего еще стратега, Тимоксена.³ Сторонниками и проводниками политика Арата были также стратеги промежуточных лет Гипербат, Тимоксен и Арат младший.⁴

Не входя в фактические подробности управления Арата, мы не можем не отметить и невыгод такого порядка. Условия ахейского союза на протяжении 33 лет менялись настолько, что дарования Арата много раз оказывались недостаточными и не соответствующими требованиям времени. Более счастливым был выбор Филопемена в руководители союзной политики. Он тоже восемь раз был стратегом на протяжении 24 лет (208—183 гг. до Р. Х.); ради него нарушен был основной закон ахейского управления, по силе которого одно и то же лицо не могло занимать должность стратега два года кряду, и стратегия Филопемена 189/188 г. до Р. Х. была продолжена на следующий год, чем, разумеется, усиливалась его власть в союзе.⁵ Выбрать кого-либо в стратеги значило доверить избранному верховное управление делами союза (*πιστεύειν ὑπὲρ τῶν ἄλων*); стратег управлял союзом и

¹ Полиб. II 43 7.

² Plut. Cleom. 14. Arat. 24. 26. Sp. Arat. 30. 35. 38. Cleom. 15. 4.

³ Полиб. IV 82 8. 37 3. V 1 2.

⁴ IV 7 10.

⁵ Liv. XXXVIII 31. 33.

был его главою (*χειρίζειν καὶ προεστάναι τῶν κοινῶν πραγμάτων*).¹ Когда Полибий рассказывает, что Ликорт предпочел дожидаться народного решения относительно меры наказания Мессены за восстание и насильственную смерть Филопемена, то тем самым историк дает понять, что стратег мог действовать и по собственному почину.² Организация ахейского союза, недостаточно согласованная с потребностями различного, многолюдного населения на обширной территории, при осуществлении своих задач утрачивала некоторые отличительные черты демократического устройства: полновластный народ как бы добровольно уступал долю верховных прав избраннику своему, стратегу; благодаря чему этот последний являлся в действительности не столько верным исполнителем воли народного собрания, сколько властным правителем, лишь в чрезвычайных случаях привлекаемым к ответу перед народом. Когда-то Фукидид говорил об афинской республике в пору высшего могущества ее, что демократией она была только по имени, на деле же власть в ней принадлежала достойнейшему гражданину.³ В то время Афины стояли во главе обширного союза, превратившегося мало-помалу в афинскую державу. Обширность пределов господства, рознь союзников, недостаток определенности во взаимных отношениях содействовали усилению Афин и вместе с ними единоличного влияния достойнейшего афинского гражданина. Нечто подобное случилось с ахейским союзом. Правда, здесь не было преобладающего или господствующего города; зато значение первого гражданина, председателя народного собрания, увеличилось еще больше, и Арат или Филопемени более походили на единоличных правителей Пелопоннеса, нежели Перикл в афинско-делийском союзе. Демократия приближалась к монархии. 147/146 годом до Р. Х. Критолай провел в народном собрании «нечестивое» предложение, чтобы лица, выбранные в стратеги, были полновластны, и «через то приобрел власть, можно сказать, монархическую».⁴

В одном из последних своих сочинений Магафи жалуется на равнодушие английских ученых и публики к историческим судьбам Эллады в македонский и римский периоды,⁵ каковому времени принадлежат и история эллинских федераций, и деятельность Полибия. Сочинение самого Магафи показывает, как много в этой области остается невыясненного для специалистов или даже нетронутого критикой в западноевропейской литературе, как часто подлинный смысл древних текстов затемняется поверхностными аналогиями и сближениями разнородных явлений. В трудах новых историков о последних временах независимой Эллады можно наблюдать частые случаи перенесения готовых понятий и терминов, сложившихся в позднейшие времена и при иных политических и общественных порядках, на отношения в древнеэллинских общинах. В настоящем очерке мы старались держаться возможно ближе свидетельств историков и надписей и довольствовались установлением исторических фактов и частными выводами там, где для более широких обобщений не располагали фактическими данными. В русской литературе начало самостоятельному изучению занимающего нас исторического периода положено В. Г. Васильевским.

Ф. Мищенко

Казань
Январь, 1890

¹ Полиб. II 43 2. XXXIX 8 2.

² Полиб. XXIII 16 12.

³ Фукид. II 65 9.

⁴ *προσελεγμέτρησεν ἕτερον ψήφισμα παράνομον. ὥστε κυρίου εἶναι τοὺς ἀνδράποους, οὓς ἐπὶ στρατηγίαν αἰρήσονται διὰ τρόπον τινὰ μοναρχικὴν ἀνάλαβεν ἐξουσίαν* Полиб. XXXVIII 11 7.

⁵ *Greek life and Thought from the Age of Alesander to the Roman Conquest* by I. P. Mahaffy. London, 1887.

ВАЖНЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ О ПОЛИБИИ И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ

Suidas под сл. *Polybios*. Полибий, сын Лика, из Мегалополя в Аркадии, наставник Сципиона Африканского в одно время с философом Панетием. Родился во время Птолемея, прозванного Эвергетом. Он написал пространную римскую историю в сорока книгах. Начинает историю бегством спартанца Клеомена и Филиппом, отцом Персея, дальнейшие деяния римлян присоединяя к наследованию македонян.

Plutarch. *an seni gerenda sit respublica*. с. 12 р. 790Е. Так, Аристид следовал за Клисфеном, Кимон за Аристидом, Фокион за Хабрией, Катон за Фабием Максимом, Помпей за Суллою, Полибий за Филопеменом. В юности они примыкали к старшим, а потом, как бы расцветая и мужая участием в управлении и подвигах старшин, приобретали себе опытность и навык к делам общественным вместе со славою и могуществом.

Он же, *Philoroem*. с. 21, р. 368. Сжегши тело его (Филопемена) и останки собравши в урну... несли ее сын стратега ахеян Полибий и с ним старейшины ахеян.

Strabon. I 1 1 р. 2. Эратосфен, Полибий и Посейдоний мудрецы. I 2 1 р. 14. Преширяться со всеми не стоит, но спорить с Эратосфеном, Гиппархом, Посейдонием, Полибием и другими подобными почетно.

Aelian. *tactic*. I 2 р. 242. (Полибий) человек многосведующий.

Diodor. Sic. XXXI 26 5. Публий Сципион... на восемнадцатом году от роду предан философии, избрав себе наставником мегалопольца Полибия, который написал историю. В общении с ним он воспитал в себе любовь ко всякого рода добродетели и пр.

Vellej. Patercul. I 13. Сципион был столь изысканным писателем и поклонником свободных занятий и науки вообще, что всюду, дома и на войне, имел при себе Полибия и Панетия, людей с выдающимся умом.

Plutarch. *apophthegm*. р. 199F. (Сципион младший)... следуя наставлению Полибия, старался не раньше удалиться с площади, как приобретши себе расположение или дружбу в ком-либо из людей, с коими повстречался. Ср. его же *Sympos*. 4, р. 659F.

Он же *Praecept. polit*. р. 814С. Полибий и Панетий извлекли пользу из дружбы с вождями: оба они, пользуясь расположением Сципиона, оказали важные услуги своей родине.

Pausan. VIII 30 4. Все эллинские города, какие входили в ахейский союз, призвали к себе от римлян Полибия устройтелем государства и законодателем... На площади (в Мегалополе) позади огороженного места, посвящен-

ного Зевсу Ликейскому, на столбе стоит изображение человека, именно Полибия, сына Ликорта. Там же начертаны двуступища, которые гласят, что он «странствовал по всем землям и морям, что был помощником римлян в войне и смирил гнев их против эллинов».

Он же VIII 37 1. Четвертое изображение (в портике храма Владычицы) Полибия, сына Ликорта, и на нем следующая надпись: «Эллада не пострадала бы вовсе, если бы следовала во всем указаниям Полибия; потом, когда ошибка была сделана, он один помог ей».

Он же VIII 9 1. У мантинеян есть храм; в нем на столбе стоит изображение Полибия, сына Ликорта.

Он же VIII 44 5. В Палантии... есть святилище Коры и Деметры, а немного дальше стоит статуя Полибия.

Он же VIII 48 6. (В Тегее) подле святилища Элифии находится жертвенник Земли. Подле жертвенника столб из белого мрамора, а на нем изображение Полибия, сына Ликорта.

Lucian. *Macrob.* с. 22. Полибий, сын Ликорта, мегалополец, возвращаясь с поля, упал с лошади, после этого заболел и умер восьмидесяти двух лет от роду.

Pausan. VIII 30 4. Полибий в числе других деяний римлян написал о том, как они вступили в войну с карфагенянами, какова была причина войны, как нескоро и с сколь великими опасностями римляне кончили ее благодаря доблести Сципиона, именуемого Карфагенским, и как разрушили Карфаген до основания.

Zosim. *Historiar.* I init. Полибий мегалополец, вознамерившись сохранить для потомства память о достоверных событиях своего времени, полагал, что поступит правильно, если на деле покажет, что римляне в течение шестисот лет после основания города в войнах с соседями не приобрели большого могущества. Покорив своей власти некую часть Италии, они были вытеснены оттуда после перехода Ганнибала в Италию и поражения при Каннах, видели, как неприятель угрожал даже стенам их, но затем вознеслись до такого могущества, что в неполные пятьдесят три года приобрели не только Италию, но и всю Ливию, а засим подчинили своей власти и иберов. В стремлении к дальнейшим приобретениям они переправились через Ионийский залив, покорили эллинов, сокрушили царство македонян, а тогдашнего царя македонян взяли в плен и доставили в Рим.

Euagr. *Histor. eccles.* V cap. ult. Деяния римлян, обнимающие собою историю целого мира, как совершенные ими во взаимных распрях, так и против других народов, были предметом обработки для Дионисия Галикарнасского, написавшего историю от так называемых аборигенов до Пирра эписца. От этого времени и до падения Карфагена ведет свое повествование Полибий мегалополец.

Phot. *Biblioth. cod.* LXXXIII, p. 116 ed. Hoeschel. В выражениях, весьма изысканных, он (Дионисий Галикарнасский) излагает заселение Рима, рождение Рема и Ромула и бегло следит за всеми дальнейшими событиями до начала войны римлян с эписцем Пирром. Рассказывает он и эту войну и останавливается на третьем годе сто двадцать восьмой олимпиады. С этой олимпиады, говорит он, начал свою историю мегалополец Полибий.

Dion. Halic. *de composit. verbor.* с. 4, р. 28. 29. Большую силу имеет у него (Полибия) сочетание имен, а не подбор их... Сочетанием имен наиболее отличается поэт от поэта, оратор от оратора. Именно это было предметом большой заботы почти для всех древних писателей, благодаря чему прекрасны стихотворения их, песни и прозаические сочинения; напротив у писателей позднейших за немногими исключениями они не так хороши. С течением времени эта сторона была в полном пренебрежении; никто не считал нужным ни заботиться о ней, ни что-либо прибавлять к украшению

речи. Вот почему они оставили по себе такие сочинения, что никто не в силах прочитать их до конца. Я разумею Филарха, Дуриса, Полибия, Псаона и т. д.

Cicer. *de officiis* III 32, 113. Полибий — добросовестнейший писатель.

Liv. XXX 45, 5. Полибий — писатель, заслуживающий величайшего доверия.

Он же XXXIII 10, 10. Мы следовали Полибию, писателю достоверному, как в истории римских деяний вообще, так в особенности тех, какие совершены римлянами в Элладе.

Xiphilin. *August.* p. 41 ed. H. Stephani. Большинство знамений я представлю любителям чудесного, и Дион поступил бы гораздо лучше, если бы не восхищался ими сверх меры, но постарался бы подражать сколько-нибудь Полибию, который описал взятие Карфагена, порабощение Эллады, а раньше этого известное тяжкое поражение римлян Ганнибалом и долговременные беды их, причем вовсе не показывает наклонности к чудесному или к повествованию о знамениях, которыми предвещались бедствия для остальных государств.

Suidas под сл. *Polybios*. Да будет известно, что историю Полибия продолжает софист Посейдоний ольбиополец.

Там же: События после Полибия описал и амассец Страбон в сорока трех книгах.

Он же под сл. *Skylax*: писал против истории Полибия.

Он же под сл. *Brutus*: Брут, римский военачальник, написал письма и извлечение из книг историка Полибия.

Cicer. *ad Famil.* V 12. ...как писали многие эллины: Каллисфен, описавший Троянскую войну, Тимей — войну Пирра, Полибий — Нумантинскую; все они отделили названные мною войны от своих вечных историй.

Arrian. *Tactic.* init. p. 240 ed. Koechly. Есть и сочинение Павсания об этом (о тактике), а также Эвангела и аркадянина Полибия, сверстника Сципиона римлянина, который вел многие важные войны и ту, между прочим, в которой взял Карфаген и покорил его власти римлян.

Aelian. *Tactic.* I 2, p. 240 ed. Kechly. Сочинения о тактике писали эпирец, Пирр, а также сын его Александр и Клеарх, кроме того, Павсаний, Эвангел и мегалополец Полибий, человек многосведующий, сверстник Сципиона.

Там же III 4, p. 268. Эней определял тактику как искусство военных движений, а Полибий определяет ее так: если кто, получив беспорядочную толпу воинов, соберет ее, разделит на отряды и соединит их в одно целое, преподаст воинам полезные для войны сведения.

Там же XIX 10, p. 356. Этим строим конного отряда в шестьдесят четыре человека (дабы построенные косоугольником всадники не стояли в ряд и не касались друг друга) пользуется Полибий, в форме литеры Λ.

Gemin. *Elementa Astronom.* c. 13 Petavii Uranolog. p. 54D: Историк Полибий написал книгу, носящую заглавие «О местожительстве у экватора», а находится оно в середине жаркого пояса. Он утверждает, что страны эти населены и имеют климат более умеренный, чем у жителей окраин жаркого пояса. Частью он сообщает известия о тех людях, которые видели эти места жительства и свидетельствовали о тамошних явлениях природы, частью руководствуется соображениями о естественном движении солнца. И в самом деле, солнце долгое время держится около тропиков при прохождении к ним и удалении от них, так что, судя по ощущению, остается у тропических кругов в течение почти сорока дней. По этой причине продолжительность дня бывает там одинакова в течение почти сорока дней. Таким образом, если бы солнце оставалось дольше в местах обитания, лежащих под тропиками, то неизбежно они были бы выжжены и сделались бы необитаемыми вследствие чрезмерного жара. Но отклонения солнца от равноденственного

круга совершаются быстро, вследствие чего и продолжительность дня у равноденствий значительно увеличивается. Понятно отсюда, почему лежащие под экватором места обитания умереннее: хотя восхождение совершается там в зените, но солнце быстро удаляется оттуда. Ибо все народы, живущие между тропическими кругами, одинаково лежат на пути прохождения солнца; но более продолжительное время солнце остается у народов, живущих у тропиков. Вот почему более умеренны те места жительства, которые находятся у экватора и лежат в середине жаркого пояса, нежели места жительства народов, обитающих на окраинах этого пояса и находящихся под тропическими кругами.

Strabon. II 3 1, p. 96. Полибий насчитывает шесть поясов: два под арктическими кругами, два других между ними и тропиками и два между тропиками и экватором.

Там же II 3 2, p. 97. Полибий поступает неправильно, разделяя некоторые поясы арктическими кругами и помещая два пояса под ними, а два других между ними и тропиками.

Там же: Если же, как утверждает Эратосфен, лежащий под экватором пояс умеренный, с чем соглашается и Полибий. Однако этот последний прибавляет, что к тому же пояс этот и самый высокий, вследствие чего орошается дождями, когда пассатными ветрами пригоняются с севера облака в огромнейшем количестве на возвышенности.

Там же: Посейдоний нападает на Полибия за то, что тот утверждает, будто лежащая под экватором страна самая высокая; ибо, говорит он, на шарообразной поверхности вовсе нет возвышения и пр.

Achill. Stat. *Isagoge in Phaenomena* с. XXXI, p. 157С. О числе поясов существует у преемников его большое разногласие. Одни насчитывали их шесть, как Полибий и Посейдоний, причем жаркий пояс они делят на два.

ПРИМЕЧАНИЯ К ИЗВЕСТИЯМ¹

Лика. Имя отца Полибия не Лик, но Ликорта *Lycortas*, как о том свидетельствуют сам Полибий (II, 40 2. XXII 3 6. 10 1 сл. 12 2. 11) и другие древние писатели (Liv. XXVIII, 32. XXXIX, 35 сл. Plutarch. *Philopoet.* 21 p. 368. Pausan. VII 9. Justin. XXXII 1).

Сципиона... Африканского, т. е. Публ. Корн. Сцип. Эмилиана Африканского 2 Младшего, род. 185 г., ум. 129 г. до Р. X.

Панетием, философ-стоик из Родоса ок. 180 г. до Р. X., друг Левия и Сцип. 3 Афр. Младшего. Сочинением его «о долге» (*peri tou deiktos*) много пользовался Цицерон.

Родился... Эвергетом. Свида ошибочно определяет как имя отца историка, 3—4 так и время рождения. Птолемей III Эвергет умер 221 г. до Р. X., год рождения историка падает на царствование в Египте Птолемея-Эпифана, род. 208 г., ум. 180 г. до Р. X.

Начинает... македонян. Рукописный текст Свида сильно испорчен, и мы 6 читаем по редакции Швейггейзера, хотя нельзя поручиться, что в данном случае имеем дело со словами Свида, а не его мало сведущих читателей. Ср. примеч. Бернгарди к его изд. Свида (1853). Начиная историю Полибия с бегства Клеомена (ср. Полиб. II, 70 сл), византийский грамматик не принимает во внимание введения к истории в *сорока книгах*. Ср. Steph. Byzant. Полиб. III, 32 2.

¹ Впервые известия эти собраны в изд. Швейггейзера *Polybii Megalopotitani Historiarum quidquid superest.* I—IX. Lips. 1789—1795 (Т. V. стр. 3 сл.) и без критики перепечатаны в изд. Бютнер-Вобста *Polybii Historiae* I, Lips. 1882, LXXXVII сл. Мы отступили от порядка изложения прежних издателей. Для перевода избран нами текст в редакции Гульча *Polybii historiae.* I—IV. Berol. 1867—1872. Новым изданием I т. (1888) мы не успели воспользоваться.

- Стр. 1 стрк. 8 к *наследованию македонян*. Собственную всеобщую историю Полибий начинает только с III книги (Полиб. II, 71), с того времени, когда в Македонии царскую власть получил Филипп, сын Деметрия, в Сирии — Антиох Великий, в Египте — Птолемей Филопатор.
- 2 12 (*Сицилион*) ср. отрыв. XXXIX, 3.
19 *важные услуги*. Ср. Полиб. XXIX 14. 16. XXXV, 6.
27 *Двуступишия*, по-эллинически элегии, состояли из гекзаметра и пентаметра.
33 *Владычицы*, так назывались многие богини, у аркадян преимущественно Персефона.
- 3 3 В *Паллантии*, древний город Аркадии, жители которого переселились в Мегалополи.
- 14—15 в *числе... римлян*. Ср. Dion. Halic. A. R. I, 6. 7.
24—25 *шестисот*. Казобон Comment. ad Polyb. I, 1 2 основательно доказывает, что речь должна идти о *пятистах* годах, а не шестистах. Падение Карфагена случилось в 146 г. до Р. Х., 608 лет спустя после основания Рима, а начало его роста относится историком лет за сто до разрушения Карфагена.
- 4 1 *тогдашнего... македонян*, т. е. Персея, потерявшего сражение при Пидне в 168 г. до Р. Х. и попавшего в плен вместе с детьми и сокровищами.
18 с *этой олимпиады*. Под конец 128-й олимп., 490 г. Рима, мамертины призвали римлян в Сицилию, откуда Полибий и начинает свое введение к повествованию. Полиб. I, 7. 10 сл.
- 5 3—4 *заслуживающий... доверия* *haudquaquam spernendus*, это так наз. фигура уменьшения *λιτότης*.
23 *Страбон*. Сам Страбон как будто упоминает об этом сочинении XI 9 3. На самом деле, как это «известие», так и непосредственно ему предшествующее принадлежат не Свиде, которому приписывает их Швейгтейзер, но какому-либо несообразительному читателю. См. примеч. Бернгарди к именам *Polybius* и *Poseidonius Alexandr.*
- 6 22 *Гемин* и пр. Быть может, сочинение это составляло не более, как часть XXXIV книги истории, в которой Полибий согласно выраженному обещанию излагал географические предметы. В цитате Зосима Полибий рассуждает так: если солнце бросает вертикальные лучи на все земли между тропиками, то на экваторе оно бывает два раза в год в шестимесячный промежуток времени; напротив, двоякое движение солнца к обоим тропикам совершается в последовательные периоды времени, чем и обуславливается более продолжительный жар в этих странах. Обитаемость жаркого пояса признавалась вместе с Полибием Эратосфеном, Страбонем, Гемином в средние века. Ошибка эта имела за себя и Аристотеля *Meteorol.* II, 5. Наиболее обстоятельное исследование об этой части трудов Полибия принадлежит Берлиу (Berlioux), *la terre habitable vers l'équateur par Polybe*. Paris, 1884, p. 63 сл.
- Стрн. 23 и *два между тропиками* *καὶ δύο τὰς μεταξύ τούτων* добавлены Казобоном.
3 *Stat.* У Швейгтейзера ошибочно *Tatius*, автор романа о Левките и Клитофонте, кажется, V ст. по Р. Х. Ахилл Стаций, писатель II в. по Р. Х., автор примечаний к Аратовой поэме *Phaenomena*.

ПЕРВАЯ КНИГА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИБИЯ

Предисловие автора. Сравнение Рима с другими государствами по степени могущества. Разделение истории. Польза всеобщей истории. Первые две книги истории составляют введение к собственной истории. Начальный период истории — первая пуническая война; возвращение ко временам предшествующим (1—6). Занятие Мессены мамертинами, предательское занятие Регия римским гарнизоном, наказание виновных. Обращение мамертинов к Риму за помощью, отправка Аппия Клавдия с войском в Сицилию, победа над Гиероном и карфагенянами (7—12). Краткое изложение содержания первых двух книг. Первая пуническая война (13). Историки Филин и Фабий. Задача историка. Требование правдивости от истории. Ошибки Филина. Город Эхетла (14—15). Отацилий и Маний Валерий в Сицилии. Римские легионы. Союз Гиерона с римлянами (16—17). Осада Акраганта консулами Л. Постумием и Кв. Мамилием. Взятие Акраганта (18—19). Снаряжение первого римского флота, взятие в плен конс. Гн. Корнелия при Липаре (20—21). Командование Билия на суше и на море, изобретение и употребление ворона, победа Билия, распятие Ганнибала, взятие нескольких городов Сицилии римлянами, нерешительная битва при Тиндариде (22—25). М. Атилией Регул и Л. Манлий отправляются в Ливию, морские силы римлян и карфагенян, битва при Экноме, победа римлян (26—28). Римские консулы в Ливии, взятие Аспида, Тунета, трудное положение карфагенян, слишком тяжелые условия Регула (29—31). Переход военного счастья на сторону карфагенян благодаря Ксантиппу, поражение Регула, взятие его в плен (32—34). Наставление Полибия, польза истории (35). Возвращение Ксантиппа в Лакедемон, прибытие новых римских войск в Ливию, гибель карфагенского флота; кораблекрушение римлян, упреждение римлян (36—37). Дела карфагенян и римлян в Сицилии; Менинг; о-в лотофагов, вторичное кораблекрушение римлян, обессиление римлян на море, взятие ими Фермы и Липары, консулы Г. Атилий и Л. Манлий; поражение Гасдрубала при Панорме (38—40). Начало осады Лилибея римлянами (41). Сицилия, вид ее, богатства. Осада Лилибея (42—45). Смелость Ганнибала родосца и захват его римлянами (46—47). Вылазки карфагенян из Лилибея и сожжение римских осадных орудий; окопы кругом Лилибея. Консул Публий Клавдий, Атарбал начальник Дрепан, гибель римского флота, слава Атарбала, отправка Л. Юния в Сицилию (48—52). Действия Карфалона против римского флота при Лилибее; гибель римского флота от кораблекрушения; римляне покидают море; гора Эрикс (53—55). Гамилькар Барка и римляне у Панорма, на Эриксе (56—58). Сооружение нового флота; Г. Лутаций при Дрепанах; Ганнон — начальник карфагенян; морская битва при Эгуссе, поражение карфагенского флота (59—61). Гамилькар Барка предлагает римлянам кончить войну; принятые карфагенянами условия мира; сравнение карфагенян с римлянами в I пунич. войну (62—64). Война римлян с фалисками,

война карфагенян с наемниками; бедствия карфагенян во время этой войны, жестокости наемников, усмирение восстания (65—87). Умиротворение Ливии, уступка Сардинии римлянам карфагенянами и новая дань (88).

- Предисловие
- 1 Если бы прежние историки позабыли воздать похвалу самой истории, то, разумеется, нам обязательно было бы обратиться ко всем с увещанием изучать и усваивать себе этого рода сочинения, ибо познание прошлого скорее всяких иных знаний может по-
2 служить на пользу людям. Однако не только тот или другой историк и не мимоходом, но, можно сказать, все начинают и кон-
чают уверенением, что уроки, почерпаемые из истории, наивернее ведут к просвещению и готовят к занятию общественными делами, что повесть об испытаниях других людей есть вразумительнейшая или единственная наставница, обучающая нас мужественно переносить превратности судьбы. Поэтому нет нужды
3 никому, меньше всего нам, повторять то, что уже сказано пре-
4 красно многими другими. Ибо необычайность событий, о которых мы намерены говорить, сама по себе способна привлечь каждого, стар ли он, или молод, к внимательному чтению нашего пове-
5 ствования. И в самом деле, где найти человека столь легкомысленного или нерадивого, который не пожелал бы уразуметь, ка-
ким образом и при каких общественных учреждениях почти весь известный мир подпал единой власти римлян в течение неполных
220—168 пятидесяти трех лет? Никогда раньше не было ничего подобного.
6 Потом, неужели кто-либо может быть увлечен другим зрелищем или другими предметами знания настолько, чтобы из-за них пре-
небречь предлагаемыми здесь сведениями?
- 2 Сколь необычен и важен предмет нашего сочинения, яснее всего можно видеть, если сопоставить и сличить с римским владыч-
ством знаменитейшие державы прежнего времени, о которых наи-
2 больше писали историки. Некоторые державы достойны подобного сопоставления и сличения. Так, некогда велики были владения и могущество персов; но всякий раз, когда персы дерзали пере-
ступить пределы Азии, они подвергали опасности не только свое
3 владычество, но и самое существование. Лакедемоняне долгое время боролись за главенство над эллинами; но по достижении
его удерживали неоспоримо власть за собою едва в течение две-
4 надцати лет. Владычество македонян в Европе обнимало про-
странство от побережья Адриатики до реки Истра, что составляет
5 весьма небольшую долю этой страны; впоследствии, сокрушив мощь персов, они приобрели и власть над Азией. Как, по-видимому, ни далеко простиралась их власть, и как ни была она обширна,
6 все же македоняне не коснулись большей части известного тогда
7 мира. Ибо они и не помышляли никогда о покорении Сицилии, Сардинии и Ливии, а о наиболее воинственных народах западной
8 Европы, собственно говоря, не имели и понятия. Между тем римляне покорили своей власти почти весь известный мир, а не какие-либо части его и подняли свое могущество на такую высоту, какая немислима была для предков и не будет превзойдена по-
9 томками. Все это станет яснее из самого повествования, которое вместе с тем покажет, сколь велика и многообразна польза для людей любознательных, извлекаемая из правдивой истории событий.
- 3 История наша начнется по времени с олимпиады сто сороко-
вой, начальным же событием для эллинов будет так называемая

союзническая война, первая, которую предпринял в союзе с ахеянами сын Деметрия и отец Персея Филипп, для жителей Азии война за Койлесирию между Антиохом и Птолемеем Филопатором, для стран Италии и Ливии распря между римлянами и 2 карфагенянами, именуемая обыкновенно Ганнибаловой войной. События эти следуют за теми, о которых повествует сикионец Арат в конце своего сочинения.

Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, 3 ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени история становится как бы одним 4 целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу. Вот почему с этого 5 именно времени мы и начинаем наше изложение. Ибо, победив 6 карфагенян в упомянутой выше войне, римляне полагали, что ими совершено самое главное и важное для завоевания целого мира, и потому впервые решились протянуть руку к прочим землям, переправить свои войска в Элладу и в азиатские страны.

Если бы нам были близко известны те государства, которые 7 тогда оспаривали друг у друга владычество над миром, то, разумеется, не было бы нужды касаться прошлого, говорить о тех планах и силах, опираясь на которые римляне отважились на столь трудное дело. Но большинству эллинов неизвестны ни пред- 8 шествовавшее этому могущество римлян и карфагенян, ни прежнее положение их, почему мы нашли нужным предпослать истории эту книгу и следующую. Тогда, приступая к собственному 9 нашему повествованию, никто не станет утруждать себя вопросами о том, каковы были планы, силы и средства римлян, подвинувшие их на предприятия, благодаря коим они сделались 10 властителями всей известной нам суши и моря. Напротив, содержащееся в двух книгах введение уяснит читателям, что покорение мира своей власти римляне задумали и осуществили с помощью верно рассчитанных средств.

Особенность нашей истории и достойная удивления черта на- 4 шего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели; согласно с этим и нам подобает представить читателям в едином обозрении те пути, какими судьба осуществила великое дело. Это обстоятельство больше всякого другого побуж- 2 дает и поощряет нас к нашему предприятию. К тому же никто на нашей памяти не брался за составление всеобщей истории; будь это, я принимался бы за свой труд с гораздо меньшим рвением. Теперь же я вижу, что весьма многие историки описали отдель- 3 ные войны и некоторые сопровождавшие их события; но насколько по крайней мере нам известно, никто даже не пытался исследовать, когда и каким образом началось объединение и устройство всего мира, а равно и то, какими путями осуществилось это дело. Вот почему мне казалось настоятельно необходимым восполнить 4 недостаток и не оставить без рассмотрения прекраснейшее и вместе благотворнейшее деяние судьбы. И в самом деле, изобретая 5 много нового и непрестанно проявляя свою силу в жизни людей, судьба никогда еще по настоящее время не совершала ничего подобного и не давала такого свидетельства своей мощи. Но именно этого-то и нельзя постигнуть из отдельных историй. Неужели 6 кто-нибудь, посетив один за другим знаменитейшие города или поглядев на разрозненные изображения их, может рассчитывать,

что тут же получит представление и о виде всей обитаемой земли, об общем ее положении и устройении? Это совершенно невероятно. Вообще люди, надеющиеся приобрести из отдельных историй понятие о целом, похожи, по моему мнению, на тех, которые при виде разрозненных членов живого некогда и прекрасного тела вообразили бы себе, что созерцают с надлежашею ясностью жизненную силу и красоту живого существа. Если вдруг сложить эти члены воедино и, восстановив целое существо с присущему ему при жизни формою и прелестью, показать снова тем же самым людям, то, я думаю, все они скоро убедились бы, что раньше были слишком далеки от истины и находились как бы во власти сновидения. Правда, по какой-нибудь части можно получить представление о целом, но невозможно точно познать целое и постигнуть его. Отсюда необходимо заключить, что история по частям дает лишь очень мало для точного уразумения целого; достигнуть этого можно не иначе, как посредством сцепления и сопоставления всех частей, то сходных между собою, то различных, только тогда и возможно узреть целое, а вместе с тем воспользоваться уроками истории и насладиться ею.

5 В начале этой книги мы поставим первый поход римлян за пределы Италии, примыкающий к событиям, на которых остановился Тимей, и приходящийся на сто двадцать девятую олимпиаду. Поэтому нужно будет рассказать, каким образом, когда и при каких обстоятельствах римляне по устройении Италии отважились перейти в Сицилию; ибо страна эта из числа внеиталийских была первая, куда проникли римляне. О самой причине похода мы должны сказать кратко, дабы при изыскании причины 3 причин все изложение наше не осталось без твердой основы. За начало необходимо принять время, никем не оспариваемое и всем известное, такое, события которого могут быть поняты сами по себе, хотя можно коснуться и более далекого времени и упомянуть в немногих словах о событиях промежуточных. Если начало неизвестно или по крайней мере сомнительно, тогда и последующее изложение не может быть воспринимается с доверием; наоборот, если относительно начала разногласия нет, то и все остальное повествование охотно усваивается слушателями.

405 6 Был девятнадцатый год после сражения при Эгоспотамах, за
371 2 шестнадцать лет до битвы при Левктрах, когда лакедемоняне за-
387 ключили с царем персов так называемый Анталкидов мир; тогда же Дионисий Старший, одержав победу над италийскими эллинами в битве при реке Элlepоре, приступил к осаде Регия, а галаты завоевали самый Рим и заняли весь город, кроме Капитолия. Римляне заключили мир с кельтами на условиях, предложенных сими последними, сверх всякого ожидания добыли обратно родной город, начали восстанавливать свои силы, а затем вели войну с соседями. Благодаря мужеству и военному счастью римляне покорили своей власти всех жителей Лациума, потом воевали с тирренами, далее с кельтами, вслед за сим с самнитями, которые живут у восточных и северных границ земли латинцев. Некоторое время спустя тарентинцы в страхе перед римлянами, послам которых нанесли обиду, призвали на помощь Пирра; случилось это за год до нашествия галатов на Элладу, 379 которые разбиты были под Дельфами и переправились морем в

Азию. В это-то время римляне, покорив уже тирренов и самнитов, одолев во многих сражениях италийских кельтов, впервые обратили свои силы на остальные части Италии. В битвах с самнитами и кельтами они изощрились в военном деле и теперь собирались воевать за земли, большую часть коих почитали уже не чужим достоянием, но как бы своею собственностью и своими владениями. Войну эту они вели доблестно и наконец выгнали из Италии Пирра с его войсками, потом предприняли новые войны и сокрушили союзников Пирра. Покорив неожиданно все эти народы, подчинив своей власти всех жителей Италии, кроме кельтов, они затем приступили к осаде Регия, занятого в то время римлянами.

Необычайная, сходная участь постигла оба города, лежащие у пролива, Мессену и Регий, именно: незадолго до описываемого нами времени кампанцы, некогда служившие немниками у Агафокла и давно уже с завистью взиравшие на красоту и общее благосостояние города, воспользовались первым удобным случаем, чтобы предательски завладеть городом. Будучи допущены в город как друзья, они завладели им, часть жителей изгнали, других перебили, а женщин и детей несчастных мессенян, какие кому попались в руки при самом совершении злодеяния, кампанцы присвоили себе, засим остальное имущество и землю поделили между собою и обратили в свою собственность. Так как прекрасная страна и город взяты были быстро и легко, то кампанцы скоро нашли себе подражателей. Дело в том, что регияне пришли в ужас от вторжения Пирра, когда он проник в Италию, в то же время страшилась и морского владычества карфагенян, а потому просили у римлян гарнизона и вспомогательного войска. По прибытии на место в числе четырех тысяч человек с Децием Кампанцем во главе римляне некоторое время оставались верными стражами города. Наконец они возревновали к мамертинам, помощью которых воспользовались: соблазняемые благосостоянием города и богатством отдельных регийских граждан, римляне нарушили договор и точно так же, как кампанцы, выгнали одних граждан, умертвили других и завладели городом. Римляне были сильно возмущены случившимся, но не могли воспрепятствовать этому, так как вовлечены были в упомянутые выше войны. Покончив с войнами, они немедленно заперли тех римлян в Регии и осадили его, о чем сказано выше.¹ Одержав верх в сражении, римляне большую часть врагов истребили при самом взятии города, потому что те в предвидении будущего защищались отчаянно; в плен взято было более трехсот человек. Пленные отправлены были в Рим, где по приказанию консулов выведены на площадь, высечены и по обычаю римлян все обезглавлены секирой. Наказанием виновных римляне желали, насколько возможно, восстановить доверие к себе у союзников. Самая земля и город были тотчас возвращены региянам.

Между тем мамертины, — так называли себя кампанцы по взятии Мессены, — пока союзниками их были занявшие Регий римляне, не только владели спокойно городом и землею, но еще сильно тревожили в пограничных странах карфагенян и сиракузян, к тому же значительную часть Сицилии обложили данью. Но когда 2

¹ 6 8.

римляне заперли и осадили тех, что были в Регию, а мамертины лишились их поддержки, сиракузяне немедленно загнали их обратно в город Мессену при таких приблизительно обстоятельствах: незадолго до этого между войском сиракузян и горожанами возникли раздоры и, находясь в окрестностях Мерганы, воины выбрали из своей среды вождей Артемидора и воцарившегося впоследствии в Сиракузах Гиерона, тогда еще очень юного, но от природы богато одаренного для царской власти и управления делами. Он-то и принял главнокомандование. При помощи нескольких друзей Гиерон вступил в город и, одолев противников, обнаружил в управлении государством столько мягкости и великодушия, что сиракузяне единогласно признали Гиерона своим начальником, хотя вовсе не одобряли войсковых выборов. Однако уже по первым предприятиям Гиерона люди проницательные могли видеть, что он одушевлен более высокими стремлениями, а не жаждою власти начальника. Он видел, что сиракузяне каждый раз, когда отправляют из города войска с начальниками, поднимают междоусобные распри и постоянно производят перевороты.

2 Он узнал также, что над всеми гражданами сильно выдается Лептин своим значением и доверием и что он пользуется в народе высоким уважением. Поэтому Гиерон вступил в родство с Лептином, дабы оставлять его в городе как бы в запасе всякий раз, когда самому нужно будет выступать с войском в поход. Женившись на его дочери, Гиерон замечал потом в старых наемниках недовольство и склонность к возмущению, поэтому выступил с войском из города как бы в поход на варваров, завладевших Мессеною. Он расположился лагерем у Кенторипа в виду неприятельской стоянки и выстроил войска подле реки Киамосора, сам отошел на некоторое расстояние с конными и пешими воинами из граждан, как будто собираясь сразиться с неприятелем в другом месте, а наемников поставил впереди, благодаря чему они истреблены были все: когда неприятель гнался за ними и избивал их, сам Гиерон с гражданами возвратился в Сиракузы. Ловко осуществив свой замысел и избавившись от всех воинов, беспокойных и склонных к возмущению, он сам набрал наемников в достаточном количестве и тогда уже спокойно управлял делами.

7 Потом, замечая смелость и наглость, с какими вели себя варвары после победы, Гиерон снабдил вооружением гражданские войска, прилежно упражнял их в военном деле и выступил в поход. На Милейской равнине подле реки, именуемой Лонганом, он сразился с неприятелем, принудил его к беспорядочному отступлению, а вождей забрал в плен. Дерзость варваров была смирена, а Гиерон по возвращении в Сиракузы провозглашен царем всеми союзниками.

10 Мамертины, как я сказал выше,¹ прежде уже потеряли помощь Регию; теперь по причинам, только что объясненным, и собственные силы их были сокрушены в конец. Поэтому одни из них искали убежища у карфагенян, передались им сами, передали и кремль; другая часть мамертинов отправила посольство к римлянам с предложением принять их город и с просьбою помочь им, как родственникам с ними по крови. Римляне долго колебались, что предпринять, ибо вспомоществование мамертинам

¹ 8 2.

было бы явною непоследовательностью. Так, еще недавно римляне казнили жесточайшею казнью собственных граждан за то, что они нарушили уговор с региянами, и тут же помогать мамертинам, почти в том же виноватым не перед мессенцами только, но и перед городом региян, было бы непрослительною несправедливостью. Все это римляне понимали; но они видели, что карфагеняне покорили своей власти не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается и на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагенянах в случае покорения ими Сицилии опасных и страшных соседей, которые окружат их кольцом и будут угрожать всем частям Италии. Было совершенно ясно, что, если римляне откажут в помощи мамертинам, карфагеняне быстро овладеют Сицилией; ибо, имея в своих руках Мессену, которая передалась им сама, карфагеняне должны занять вскоре и Сиракузы, так как вся почти Сицилия была уже в их власти. Прозревая это и находя для себя невозможным выдавать Мессену и тем самым дозволить карфагенянам как бы сооружение моста для переправы в Италию, римляне долгое время обсуждали положение дела.

По изложенным выше причинам сенат не принимал никакого решения, ибо насколько непоследовательно, настолько же и выгодно было оказать поддержку мамертинам. Однако народ, истощенный предшествовавшими войнами и жаждавший поправить свои дела каким бы то ни было способом, решил по внушению консулов оказать помощь мамертинам; в дополнение к тому, что было только что сказано о пользе войны для государства, они исчисляли частные выгоды войны для отдельных граждан. Когда предложение принято было народом, римляне выбрали одного из консулов, Аппия Клавдия, в военачальники и повелели ему идти в Мессену на помощь. Мамертины частью угрозами, частью хитростью вытеснили уже карфагенского военачальника из кремля, призвали Аппия и передали ему город. Карфагеняне распяли своего вождя,¹ обвинив его в выдаче кремля по безрассудству и трусости; сами же поставили флот у Пелориады, сухопутное войско подле так называемых Син и ревностно повели осаду Мессены. В это время Гиерон заключил союз с карфагенянами, находя настоящий момент удобным для того, чтобы совершенно очистить Сицилию от варваров, занимавших Мессену. Вслед за сим он вышел из Сиракуз и двинулся к этому городу, расположился лагерем с противоположной стороны подле горы, называемой Халкидскою, и запер выход жителям города в этом направлении. Римский военачальник ночью с большой отвагой переправился через пролив и явился перед Мессеной. Но, видя, что неприятель жестоко теснит город со всех сторон, и понимая предосудительность и вместе с тем опасность осады, пока неприятель господствует на суше и на море, Аппий прежде всего обратился через послов к обеим сторонам, дабы избавить мамертинов от войны. Только после, когда ни одна сторона не вняла ему, Аппий вынужден был отважиться на битву и решил начать нападение с сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После

¹ Ганнона.

продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и про-
15 гнал всех бегущих до самого вала. Сняв доспехи с убитых, он
возвратился в Мессену, а Гиерон в страхе за самую власть с на-
ступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы.

12 Узнав на следующий день об отступлении сиракузян, Аппий
почувствовал себя смелее и решил напасть на карфагенян немед-
2 ленно. Солдатам своим он отдал приказ готовиться поскорее и
3 на рассвете выступил в поход. В сражении с неприятелем он мно-
гих истребил, а остальных принудил спастись поспешным бег-
4 ством в ближайшие города. После этих побед и по снятии осады
Аппий ходил теперь беспрепятственно по разным направлениям,
опустошал поля сиракузян и союзников их, причем никто не вы-
5 ступал против него в открытое поле; наконец он расположился
у самых Сиракуз и начал осаду города. Таков был первый выход
римлян из Италии с войском, совершившийся в это время по из-
6 ложенным выше причинам. Нам он показался наилучшим нача-
лом всего повествования, почему с него мы и начали, обратив-
7 шись, впрочем, немного назад, дабы при изъяснении причин не
оставалось никаких сомнений. Мы считали необходимым расска-
зывать, каким образом и когда римляне, потеряв даже родной го-
род, начали преуспевать, а равно, каким образом и когда, одолев
народы Италии, они отважились вмешаться в дела народов вне-
италийских; рассказать это мы считали необходимым для тех, ко-
8 торые пожелают надлежаще постигнуть нынешнюю меру могу-
щества римлян. Вот почему да не покажется странным, если и
в дальнейшем изложении мы будем в рассказе о знаменитейших
9 государствах возвращаться ко временам предшествовавшим. Мы
сделаем это для установления таких исходных пунктов, отпра-
вляясь от коих можно бы ясно понять, с чего начинали отдельные
народы, когда и какими путями достигли они занимаемого ныне
положения. Это же самое мы только что представили и относи-
тельно римлян.

13 Покончив с этим, пора вернуться к предмету повествования;
2 но во введении кратко перечислим важнейшие события. Из них
первые по порядку относятся к войне между римлянами и кар-
3 фагенянами из-за Сицилии. За ними следовала война ливийская,
а к ней примыкают подвиги Гамилькара в Иберии и затем деяния
4 Гасдрубала и карфагенян. В это же самое время последовал пер-
вый переход римлян в Иллирию и прилегающие к ней части Ев-
ропы. Далее следовали битвы римлян с италийскими кельтами.
5 Единовременно с этим у эллинов ведена была так называемая
Клеоменова война, которою мы и заканчиваем наше введение и
вторую книгу.

6 Нет нужды для нас и бесполезно для читателей излагать в
подробностях перечисленные выше войны: не о них мы намерены
7 повествовать; мы желаем лишь упомянуть о них кратко, дабы
8 подготовить себя к изложению занимающих нас событий. Касаясь
вкратце и по порядку предшествующих, помянутых выше, мы по-
9 стараемся связать конец введения с началом и планом нашего
повествования. Установив, таким образом, связность рассказа, мы
покажем, что имели достаточное основание говорить и о собы-
тиях, рассказанных уже другими; вместе с тем такое располо-
жение даст любознательным читателям возможность перейти лег-
ко и удобно к тому, что будет рассказано дальше.

Немного подробнее мы постараемся изобразить первую войну 10
между римлянами и карфагенянами из-за Сицилии, ибо нелегко 11
указать более продолжительную войну, лучшее во всех отноше-
ниях вооружение, более напряженную деятельность, более мно-
гочисленные сражения и более замечательные превратности сча-
стия, чем те, какие испытаны были обеими сторонами в этой
войне. Самые государства хранили в то время свои учреждения 12
нерушимо, пользовались умеренным благосостоянием и были рав-
носильны. Поэтому всякий желающий оценить верно особенности 13
и силу обоих государств, должен принимать за основу сравнения
скорее эту войну, а не последующие.

Остановиться на этой войне побуждало меня, кроме вышеска- 14
занного, и то обстоятельство, что писавшие о ней Филин и Фа-
бий, хотя и почитаются весьма сведущими историками ее, сооб-
щают нам известия не вполне точные. Принимая, впрочем, во 2
внимание жизнь их и настроение, я не думаю, что они намеренно
говорили неправду; мне кажется, с ними случилось нечто подоб-
ное тому, что бывает с людьми влюбленными. Так, благодаря сво- 3
ему настроению и вообще благоговению к карфагенянам Филин
находил все действия их разумными, прекрасными и великодуш-
ными, во всем этом совершенно отказывая римлянам. Фабий по- 4
ступал наоборот. В обыденной жизни подобного рода пристрастие,
быть может, не заслуживает осуждения, ибо человек честный
обязан любить своих друзей и свое отечество, разделять их не- 5
нависть и любовь к врагам их и друзьям. Напротив, тому, кто
берет на себя задачу историка, необходимо забыть все это и не- 6
редко превозносить и украшать своих врагов величайшими похва-
лами, когда поведение их того заслуживает, порицать и беспощадно осуждать
ближайших друзей своих, когда требуют того 7
ошибки в их поведении.¹ Как существо живое делается ни к чему 8
негодным, раз у него отнято зрение, так вся история обращается
в бесполезное разглагольствование, раз она лишена истины.² По
этому же самому мы не должны непременно обличать друзей или 9
восхвалять врагов; не следует смущаться тем, если одних и тех
же людей приходится раз порицать, другой раз хвалить, ибо не-
возможно, чтобы люди, занятые государственными делами, были
всегда непогрешимы, равно как неправдоподобно и то, чтобы они
постоянно заблуждались. Итак, в историческом повествовании не 8
обходимо отрешиться от деятелей и лишь к самым действиям их
прилагать соответствующие мнения и суждения. В верности толь- 9
ко что сказанного можно убедиться следующим способом: начи- 15
ная повествование со второй книги, Филин утверждает, что кар-
фагеняне и сиракузяне расположились вражеским станом у Мес-
сены, что римляне, переправившись через море и вошедши в го- 2
род, тотчас выступили против сиракузян, понесли большие потери
и возвратились в Мессену, что затем пошли на карфагенян и не
только были разбиты, но и потеряли значительное число воинов
пленными. Вслед за этим сообщением он уверяет, что Гиерон по- 3
сле битвы до того потерял рассудок, что не только тотчас истре-
бил огнем валы, лагерные палатки и бежал ночью в Сиракузы, но
покинул также все укрепления, угрожавшие мессенской области.

¹ Наприм., XXIII, 12.

² Ср. III, 81 и XII 7 з. XVI 28 5.

- 4 Равным образом карфагеняне, по его словам, немедленно после сражения покинули свои валы, рассеялись по городам и не дерзали больше показываться в открытом поле, а вожди их, замечая трусость в массе солдат, не отваживались решать дело битвой. Напротив, римляне в погоне за неприятелем не только будто бы опустошали поля карфагенян и сиракузян, но решились разбить лагери у самых Сиракуз и осадить город. Все это, как мне кажется, преисполнено всевозможных несообразностей и вовсе не нуждается в опровержении. Ибо те самые войска, которые, по словам Филина, осаждают Мессену и одерживают победы в битвах, оказываются бегущими, очищающими поле сражения, наконец осажденными и упавшими духом; побеждаемые и осаждаемые тут же изображаются в открытом поле преследующими победителями, осаждающими наконец Сиракузы. Согласовать между собою эти противоречия никак невозможно. И в самом деле, одно из двух должно быть неверно: начальные уверения Филина или суждения его об исходе дела. Но эти последние верны, ибо карфагеняне и сиракузяне очистили поле битвы, а римляне вслед за сим приступили к осаде Сиракуз и, как сам он говорит, Эхетлы, лежавшей на границе владений сиракузян и карфагенян.
- 11 Следовательно, необходимо заключить, что ложны уверения, высказанные вначале, что историк говорит о поражении тех самых римлян, которых в первых стычках под Мессеною называет победителями. Можно бы доказать, что Филин поступает точно так же во всем повествовании; на него походит и Фабий, как будет объяснено нами в своем месте.¹
- 13 Покончив с отступлением и возвращаясь к изложению событий, мы постараемся с соблюдением везде последовательности рассказа представить читателям вкратце верную картину упомянутой выше войны.
- 16 Когда из Сицилии пришли вести в Рим о победах Аппия и его легионов, римляне выбрали в консулы Манья Отацилия и его Манья Валерия, стали снаряжать все войска с двумя вождями
- 2 во главе в Сицилию. У римлян всего войска, не считая союзников, четыре римских легиона, которые набираются ежегодно; в каждом из них четыре тысячи пехоты и триста конных воинов.
- 3 Когда войска эти явились в Сицилию, большинство городов отложилось от карфагенян и сиракузян и перешло на сторону римлян. Гиерон замечал тревогу и ужас сицилийцев, видел многочисленность и силу римских легионов и из всего этого заключал, что расчеты римлян на победу более основательны, чем карфагенян. Соображая это и склоняясь к такой мысли, он отправил посольство к римским вождям с предложением мира и союза.
- 6 Римляне согласились на это больше всего из-за продовольствия: они опасались, что при господстве карфагенян на море им отрезан будет подвоз съестных припасов откуда бы то ни было, тем более что и переправившиеся прежде легионы терпели сильную
- 8 нужду. Вот почему они охотно приняли союз с Гиероном в ожидании от того больших для себя выгод. По условиям договора царь должен был возвратить римлянам пленных их без выкупа
- 10 и сверх того заплатить сто талантов серебра.² С этого времени

¹ III 8. 9.

² Около 150 000 рублей.

римляне пользовались услугами сиракузян, как друзей и союзников, а царь Гиерон поставил себя под покровительство римлян, коим по мере надобности он и доставлял все нужное, сам после этого спокойно царствовал над сиракузянами, мечтая только о венках да о славе у эллинов. И в самом деле, кажется, никогда не было столь знаменитого владыки, и никто дольше его не наслаждался плодами своей мудрости как в частной жизни, так и в делах государственных.

Когда условия договора стали известны в Риме, народ одобрил и утвердил заключенный с Гиероном мир, и римляне постановили посылать впредь не все свои войска, но лишь два легиона, как потому, что с присоединением царя бремя войны, казалось им, уменьшилось, так еще больше потому, что войска их, думали римляне, ни в чем не будут теперь нуждаться. Напротив, карфагеняне, видя, что Гиерон стал врагом их, что римляне все сильнее вмешиваются в дела Сицилии, почитали необходимым усилить свои военные средства, дабы иметь возможность бороться с врагом и удержать за собою сицилийские владения. Поэтому они набрали большое число наемников в противоложащей стране из лигистинов, кельтов и особенно иберов, и всех их отправили в Сицилию. Они видели, что для этих приготовлений наилучше приспособлен самую природою город акрагантян, что он значительнее всех городов этой области, а потому собрали туда войска и запасы и решили сделать его опорным пунктом военных действий.

Что касается римлян, то консулы, заключившие договор с Гиероном, возвратились домой, а назначенные после них Луций Постумий и Квинт Мамилий прибыли в Сицилию со своими легионами. Они постигали замыслы карфагенян, узнали и о военных приготовлениях в Акраганте, а потому нашли нужным вести дело решительнее. Консулы приостановили военные действия в прочих частях Сицилии и обратили все силы против одного Акраганта, разбили лагери на расстоянии восьми стадий¹ от города и заперли карфагенян внутри стен. Так как наступила пора жатвы, а осада обещала затянуться надолго, то солдаты устремились собирать хлеб с большею поспешностью, чем следовало. Лишь только карфагеняне увидели, как неприятели рассеялись по полям, они сделали вылазку и напали на убиравших хлеб, быстро обратили их в бегство, и затем одни бросились грабить лагерь, другие ударили на сторожевые посты. Как случалось не раз и прежде, превосходство в дисциплине спасло римлян,² ибо смертью наказывается у них каждый, кто покинет свое место или совсем убежит с поста. Поэтому и теперь римляне оказали мужественное сопротивление неприятелю, во много раз превосходившему их численностью, и, хотя много потеряли своих, еще больше истребили врагов. Наконец они окружили кольцом тех карфагенян, которые почти уже прорвали валы, часть их истребили, а остальных, тесня и избивая, загнали в город.

После этого карфагеняне делали вылазки не так смело, а римляне выходили за продовольствием с большею осторожностью. Так как карфагеняне не выходили против римлян и довольствовались

¹ Около 1 версты 200 саж.

² Ср. X 15 сл.

мелкими стычками, то римские военачальники разделили свое войско на две части: одна оставалась на месте перед городом у святилища Асклепия, другая расположилась лагерем с той стороны города, которая спускается к Гераклею. Пространство между двумя лагерями по обеим сторонам города они оградили канавами. Одну канаву, внутреннюю, римляне провели против города для того, чтобы обеспечить себя на случай вылазки неприятелей; другая, наружная, шла кольцом и назначалась к ограждению от нападений извне, а также к тому, чтобы препятствовать подвозу припасов и вступлению кого-либо в город, как бывает обыкновенно с городами осажденными. На промежуточном пространстве между канавами и лагерями поставлены были сторожевые отряды, а удобные пункты на некотором расстоянии один от другого были укреплены. Жизненные припасы и вообще все нужное собирали и доставляли в Гербес все союзники римлян, а из этого города, недалеко отстоявшего от лагеря, римляне сами непрерывно подвозили и переносили к себе припасы, так что имели все нужное в изобилии. Месяцев пять дела оставались в неизменном положении; решительного перевеса не имела ни одна сторона, и между противниками происходили только легкие схватки. Так как в городе заперто было много людей, не меньше пятидесяти тысяч, то карфагеняне стали терпеть голод. Тогда Ганнибал, начальник запертых в городе войск, и прежде уже удрученный таким положением дел, отправлял в Карфаген посла за послом с вестями о нужде и с просьбою о помощи. Карфагеняне поместили на корабли воинов и слонов, сколько могли собрать еще, и отправили их в Сицилию к другому военачальнику, Ганнону. Ганнон стянул в Гераклею войско, собрал там средства вооружения и прежде всего хитростью овладел городом гербесян, благодаря чему лишил неприятельские стоянки съестных припасов и всего нужного. Вследствие этого римляне оказались столько же осаждающими, сколько и осажденными, ибо нужда в хлебе и в прочих предметах необходимых угнетала их так, что они не раз помышляли о снятии осады и, наконец, сделали бы это, если бы Гиерон не действовал с большою ревностью и старанием и не доставил войскам нужнейших припасов хоть в умеренном количестве. Упомянутый выше Ганнон видел, что римляне живут в зараженном болезнями воздухе, что болезнь и нужда ослабили их, напротив свои войска считал достаточно сильными для битвы. Тогда он взял с собою около пятидесяти слонов и все войско и поспешно выступил из Гераклеи, при этом отдал приказ нумидийской коннице идти вперед и, приблизившись к неприятельскому валу, дразнить и вызывать на бой неприятельскую конницу, затем оборачивать тыл и отступать до тех пор, пока не соединятся с ним. Нумидийцы исполнили приказание и бросились на один из неприятельских лагерей; римская конница тотчас устремилась на нумидян и стала жестоко теснить их. Согласно данному приказанию, ливийцы отступили, пока не достигли войска Ганнона; тут они оборотились лицом к неприятелю и ударили на него со всех сторон, многих убили, остальных преследовали до самого вала. После этого войска Ганнона разбили лагери на виду у римлян, заняв так называемый холм Тор, стадиях в десяти¹ от неприятеля. В продол-

¹ 1 верста 342 саж.

жение двух месяцев стороны оставались в одном и том же по- 6
ложении, не предпринимая ничего важного, если не считать та- 7
ковыми ежедневных легких стычек. Так как Ганнибал посредст-
вом сигнальных огней и вестников из города не переставал уве-
домлять Ганнона, что голод становится невыносимым для массы
населения и что многие из нужды перебегают к неприятелю, то
военачальник карфагенян решил попытать счастья в битве, чего
по объясненным выше причинам не меньше Ганнона желали и
римляне. Противники вывели войска на разделявшие лагери про- 8
странство и ударили друг на друга. Сражение длилось долго, пока 9
наконец римляне не обратили в бегство карфагенских наемников,
сражавшихся в первых рядах. Когда бежавшие устремились на 10
слонов и на задние ряды, все войско финикийян пришло в смя-
тение. Бегство сделалось всеобщим, большинство карфагенян бы- 11
ло истреблено, и лишь немногие спаслись в Гераклее; римляне
захватили большую часть слонов и весь обоз. С наступлением 12
ночи, когда римляне от радости по случаю победы и вследствие
усталости были менее бдительны на своих постах, Ганнибал, от-
чаявшийся было в успехе, решил, что теперь наступил удобный
момент спасти остаток войска, и в полночь вышел из города с
наемными войсками. Наполнив канавы плетенками, набитыми 13
мякиной, он тайком от неприятеля увел свое войско. Римляне 14
узнали о случившемся на рассвете, сделали легкое нападение на
задние ряды Ганнибала, а затем все устремились к городским во-
ротам. Не встретив здесь никакого сопротивления, они ворвались 15
в город, разграбили его, захватили большое число пленных и мно-
жество всякой добычи.

Когда весть об акрагантском деле дошла до римского сената, 20
римляне сильно обрадовались и воспрянули духом. Они не до-
вольствовались уже первоначальными планами, ни спасением ма-
мертинов, ни полученною в этой войне добычею и надеялись да- 2
же совершенно очистить остров от карфагенян и тем усилить свое
могущество; к этому-то обращались все надежды их и помыслы.
Касательно сухопутного войска они видели, что все идет как долж- 3
но, ибо находили, что Луций Валерий и Тит Отаций, избран- 4
ные после тех консулов, которые завоевали Акрагант, ведут си-
цилийские дела успешно. Но так как на море неоспоримое гос- 5
подство принадлежало карфагенянам, то вообще в этой борьбе не
было перевеса ни на той, ни на другой стороне. Вслед за поко- 6
рением Акраганта многие материковые города перешли на сто-
рону римлян в страхе перед их сухопутными силами, зато боль-
шее еще число городов приморских отложилось от них из страха
перед карфагенским флотом. По этой причине перевес в войне, 7
как становилось для них яснее с каждым днем, клонился то на
одну, то на другую сторону; кроме того, римляне видели, что Ита-
лия подвергается частым опустошениям от карфагенского флота,
тогда как Ливия остается совершенно невредимою. Вот почему
они решили померяться силами с карфагенянами и на море. По-
этому-то я и остановился подольше на этой войне, дабы выяснить 8
в самом начале, каким образом, когда и по каким причинам рим-
ляне впервые вступили на море. Они видели, что война затяги- 9
вается и истощает их, а потому в первый раз теперь принялись
за сооружение судов в числе ста пятипалубных и двадцати трех-
палубных. Но так как для сооружения пятипалубных судов не 10
было опытных строителей, ибо в то время никто в Италии таких

судов не употреблял, то предприятие это поставило римлян в
11 большое затруднение. Но здесь-то и можно видеть со всею яс-
12 ностью величие духа римлян и отвагу в начинаниях. Действи-
тельно, не имея средств к морской войне не то что значительных,
но каких бы то ни было, никогда раньше не помышляя о морских
завоеваниях и впервые задумав это теперь, они принялись за де-
ло с такою уверенностью, что решились тотчас, еще до испыта-
ния себя, померяться в морской битве с теми самыми карфаге-
нянами, которые со времен предков их неоспоримо владычест-
13 вовали на море. Подтверждением только что сказанного мною о
необычайной отваге римлян может служить следующее: когда они
в первый раз задумали переправить свои войска в Мессену, у
них не было не только парусных кораблей, но длинных судов
14 вообще и даже ни одной лодки; пятидесятивесельные суда и трех-
палубные они взяли у тарантян и локров, а также у элейцев и
15 жителей Неаполя и на них смело переправили войска. В это вре-
мя на римлян в проливе напали карфагеняне; один палубный,
неприятельский корабль в порыве усердия бросился вперед, очу-
тился на берегу и попал в руки римлян; по образцу его римляне
16 и соорудили весь свой флот, так что очевидно, не будь такого
случая, они при своей неопытности не могли бы выполнить за-
думанное предприятие.

21 Пока одни заняты были возложенным на них сооружением су-
дов, другие собирали команду и на суше обучали ее гребле сле-
2 дующим образом: они посадили людей на берегу на скамьи в том
самом порядке, в каком они должны были занимать места для
сидения на судах, посередине поставили келевста и приучали их
откидываться всем разом назад, притягивая руки к себе, а потом
с протянутыми руками наклоняться вперед, начинать и кончать
3 эти движения по команде келевста. Когда люди были подготов-
лены, римляне спустили на море едва конченные корабли, а по-
сле кратковременных серьезных упражнений суда направились по
4 приказанию консула вдоль Италии. Дело в том, что вождь рим-
ского флота Гней Корнелий отдал приказ корабельным началь-
никам плыть по снаряжении кораблей к проливу, а сам с сем-
надцатью судами за несколько дней раньше пошел в Мессену,
5 чтобы принять необходимые меры к приему флота. Когда пред-
ставился случай овладеть городом липарян с помощью измены,
Гней Корнелий слишком легковерно понадеялся на это и, отплыв
с помянутыми выше кораблями, пристал к самому городу. Полу-
6 чив известие об этом в Панорме, военачальник карфагенян Ган-
нибал отправил сенатора Боодеса с двадцатью кораблями. Подо-
7 шедши сюда ночью, Боодес запер в гавани флот Гнея. На рас-
свете команда решилась бежать на сушу, а оробевший Гней не
8 знал, что делать, и сдался неприятелю. Имея в своих руках не-
приятельские корабли и начальника их, карфагеняне тотчас воз-
9 вратились к Ганнибалу. Несколько дней спустя, когда несчастье
Гнея было еще свежо и памятно, Ганнибал едва не стал жертвою
10 подобной же ошибки. Он слышал, что римский флот, идущий
вдоль Италии, уже близко; желая точнее узнать численность и
вообще расположение сил неприятеля, Ганнибал пустился в море
11 с пятьюдесятью кораблями. Он обогнул уже оконечность Италии,
как столкнулся с неприятельским флотом, который шел в строй-
ном порядке: бóльшую часть своих кораблей он потерял, а с

остальными успел бежать, хотя не имел уже никакой надежды на спасение.

По прибытии к Сицилии римляне узнали о поражении Гнея, 22 тотчас послали за Гаем Библием, начальником сухопутных войск, и поджидали его. Вместе с тем они стали готовиться к морскому 2 бою, когда получили весть, что флот неприятельский недалеко. Так как корабли римлян вследствие дурного устройства были не- 3 ловки в движениях, то на случай битвы придумано было кем-то следующее приспособление, в позднейшее время называвшееся вороном: на передней части корабля утверждался круглый столб в 4 четыре сажени длиною и в три ладони в поперечнике, с блоком наверху. К столбу прилажена была лестница, подбитая с по- 5 мощью гвоздей поперечными досками в четыре фута ширины и в шесть сажен длины. В дощатом основании лестницы было про- 6 долговатое отверстие, коим лестница и накладывалась на столб в двух сажнях от начала ее; по обоим продольным краям лес- 7 тницы сделаны были перила вышиною до колен. На конце столба прикреплено было нечто наподобие железного заостренного песта с кольцом наверху, так что все вместе походило на орудие хле- 8 бопека; через кольцо проходил канат, с помощью которого во время схватки судов ворон поднимался на блоке и опускался на палубу неприятельского корабля спереди или с боков, когда во избежание бокового нападения нужно было повернуть корабль в сторону. Как только вороны пробивали палубные доски и таким 9 образом зацепляли корабли, римляне со всех сторон кидались на неприятельское судно, если сцепившиеся корабли стояли бок о бок; если же корабли сцеплялись носами, тогда воины переправлялись по самому ворону непрерывным рядом по двое. При этом 10 шедшие во главе воины держали щиты перед собою и отражали удары, направляемые с фронта, а следующие за ними опирались краями щитов о перила и тем ограждали себя с боков. Сделав 11 такого рода приспособления, римляне выжидали благоприятного момента для морской битвы.

Как скоро Гай Библий узнал о неудаче, постигшей вождя мор- 23 ских сил, он передал сухопутное войско трибунам, а сам отпра- 2 вился к флоту, здесь получил известие об опустошении неприятелями Милейской области, и отплыл со всеми кораблями. При виде этого карфагеняне, преисполненные презрения к неопытно- 3 сти римлян, с радостью и поспешностью спустили на море сто тридцать кораблей, которые все носами вперед пошли навстречу неприятелю; карфагеняне не находили даже нужным соблюдать боевой порядок и шли как бы на верную добычу. Флотом их 4 командовал Ганнибал. Он ночью тайком вывел свое войско из Акраганта и шел на пятипалубнике, некогда принадлежавшем царю Пирру. По мере приближения карфагеняне замечали на перед- 5 них частях всех кораблей поднятые вороны; сначала они недоумевали и удивлялись никогда невиданным орудиям. Наконец, движимые пренебрежением к врагу, первые корабли смело открыли сражение. Во время схватки суда каждый раз сцеплялись с 6 помощью описанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону, и бой происходил на палубах. Часть карфагенян была истреблена, другие в ужасе сдавались неприятелю сами, ибо морская битва обратилась в подобие сухопутной. Таким образом, карфагеняне потеряли те тридцать кораблей вместе 7 с командою, которые начали сражение; вместе с ними захвачено

и судно начальника. Сам Ганнибал неожиданно для себя и с великую опасность убежал в челноке. Остальное войско карфагенян продолжало путь, как бы собираясь напасть на врага, но по мере приближения оно узнавало об участи, постигшей передние корабли, а потому уклонялось от боя и спасалось от ударов орудий. Рассчитывая на быстроту своих кораблей, карфагеняне надеялись оградить себя от ударов, если будут заходить сбоку и с кормы неприятельских кораблей. Но орудия поворачивались во все стороны и направлялись на них отовсюду, так что приближающиеся корабли непременно сцеплялись с римскими, пока наконец карфагеняне, уstraшенные необычайным способом битвы, не бежали, потеряв пятьдесят кораблей.

24 Когда, вопреки ожиданию, надежды римлян на море исполнились, военная ревность их удвоилась. Теперь они пристали к Сицилии, освободили от осады эгестян, уже доведенных было до крайности, и по отступлении от Эгесты взяли приступом город Макеллу.

3 Между тем военачальник сухопутных сил карфагенян Гамилькар, находясь у Панорма, узнал, что в римском лагере после морского сражения возникли распри между союзниками и римлянами из-за того, кому из них принадлежала в битве честь победы. По получении известия, что союзники располагаются отдельным лагерем между Паропом и гимерскими Фермами, Гамилькар внезапно со всем войском напал на них в то время, как они разбивали лагерь, и истребил около четырех тысяч человек. После этой удачи Ганнибал с уцелевшими кораблями отплыл в Карфаген. Немного спустя он, увеличив число своих судов и, взяв с собою несколько славных начальников кораблей, переправился отсюда к Сардинии. Вскоре после этого Ганнибал заперт был римлянами в какой-то сардинской гавани, потерял большое число кораблей, а вслед за сим спасшиеся карфагеняне схватили его и распяли тут же. Действительно римляне, как только вступили на море, стали помышлять и о завоевании Сардинии.

8 Находившиеся в Сицилии римские легионы не совершили в следующем году ничего достославного; затем они получили новых начальников — Авла Атилия и Гая Сульпиция и пошли на Панорм, так как там зимовали карфагенские войска. Приблизившись к городу, консулы выстроили все войско в боевой порядок. Но неприятель не выходил; тогда римляне снялись отсюда, обратились против города Гиппаны и взяли его приступом с набега. 11 Взяли они и Миттистрат, долго выдерживавший осаду благодаря укреплению своего положения. Городом камаринян, который отложился незадолго перед тем, римляне также овладели с помощью осадных орудий и срыли его стены; взяли они тоже Энну и большинство других меньших городов карфагенян; после этого приступили к осаде города липарян.¹

25 В следующем году римский консул Гай Атилий, стоя на якоре у Тиндарида и увидев мимо проходящий карфагенский флот в беспорядке, приказал собственным командам следовать за передними кораблями, а сам с десятью судами пошел вперед. Карфагеняне заметили, что часть неприятелей уже в открытом море, тогда как другая только садится на корабли, что передние далеко

¹ 21 5.

отошли вперед, а потому повернули назад, ударили на неприятеля и окружили его кольцом, причем потопили все корабли и едва не захватили консульский корабль вместе с командою; но он сверх ожидания избежал гибели благодаря искусным гребцам и быстрому ходу. Тем временем подходил и мало-помалу соби-
рался остальной римский флот. Выстроившись в боевую линию, римляне напали на врага, десять кораблей вместе с командою взяли в плен, восемь затопили. Прочие суда карфагенян отступили к так называемым Липарским островам.

Вследствие этого сражения, в котором римляне и карфагеняне приписывали себе равный успех, каждая сторона еще больше была озабочена устройением своего флота и утверждением за собою господства на море. Сухопутные войска не совершили за это время ничего замечательного, довольствуясь легкими случайными стычками. Итак, по окончании приготовлений, о которых я ска-
зал, к следующему лету римляне вышли в море с тремястами тридцатью длинными палубными судами и высадились в Мессене. Снявшись оттуда, они продолжали путь, имея с правой стороны Сицилию, обогнули Пахин и пристали у Экнома, потому что в этих же местах находилось и их сухопутное войско. С другой стороны карфагеняне вышли в море с тремястами пятьюдесятью палубными кораблями, пристали к Лилибею, а оттуда перешли на стоянку к Гераклею Миною.

Римляне намеревались плыть в Ливию и туда перенести войну, дабы угрожать карфагенянам не в Сицилии, но в их собственной земле и в самом существовании их. Обратные этому планы питали карфагеняне. Они понимали, что Ливия легкодоступна и что все население ее покорится без труда, раз завоеватель вторгнется в страну; допускать до этого они не желали, а потому жаждали попытать счастья в морской битве. Так как одна сторона старалась воспрепятствовать тому, чего добивалась другая, то обоюдное упорство должно было неизбежно привести к войне.

Римляне делали соответствующие приготовления двоякого рода: на случай морских битв и для высадки на неприятельский берег. Поэтому они выбрали храбрейших солдат из пехоты и разделили все войско, которое намеревались взять в поход, на четыре части. Каждая часть носила два названия: первая называлась первым легионом и первым флотом; точно так же и остальные по порядку. Четвертая часть имела еще и третье название; солдаты ее назывались триариями, как называют обыкновенно в сухопутном войске. Всего войска в римском флоте было около ста сорока тысяч, причем на каждом корабле помещалось по триста гребцов и по сто двадцати солдат. С другой стороны, и карфагеняне снаряжали свое войско с величайшим старанием, но вооружение их всецело рассчитано было только на морскую войну. Число войска их, судя по кораблям, превышало сто пятьдесят тысяч человек. Не только свидетель-очевидец, но и каждый слушатель, соображающий на основании числа воинов и кораблей, был бы изумлен величием борьбы, богатством и мощью обоих государств. Римляне знали, что им предстоит плавание в открытом море, что неприятель превосходит их быстротою кораблей, поэтому всячески старались обеспечить себя и сделать несокрушимым самое расположение своих сил. С этою целью они поставили впереди близко друг к другу два шестипалубника, на которых

- 12 находились консулы Марк Атилий и Луций Манлий;¹ за каждым из них следовали корабли по одному в ряд, так что за одним кораблем стоял первый флот, а за другим второй; с каждым следующим кораблем оба флота расходились все больше. Корабли стояли один за другим так, что носы их обращены были наружу.
- 13 Выстроив первый и второй флот правильным клином, римляне присоединили к нему третий легион, расположенный в одну линию, благодаря чему весь боевой строй их имел вид треугольника.
- 14 За линией третьего флота они поместили ластовые суда и от них протянули канаты к кораблям третьего флота. За ластовыми судами поставлен был четвертый флот, так называемые триарии; он вытянут был в одну линию так, что с обеих сторон выступал за передние корабли. Когда все флоты выстроены были указанным выше способом, общий вид строя представлял подобие клина, одна часть которого, у вершины, была полая, другая, у основания, сплошная; целое же приспособлено к сопротивлению и нападению, и в то же время разорвать строй было нелегко.
- 27 В это самое время военачальники карфагенян обращались к войскам с краткими увещаниями и, напомнив, что в случае победы в морском сражении они будут вести войну за Сицилию, напротив после поражения они подвергнут опасности собственную родину и присных своих, затем отдали приказ садиться на 2 корабли. Все с ревностью исполняли приказание, потому что в речах военачальников они прозревали будущее, бодро и угрожающе вышли в море. Римские консулы видели, как построился неприятель, соответственно тому выстроили три части собственного войска в одну линию, причем вытянули далеко в море правое 4 крыло с целью охватить неприятеля кольцом; все корабли свои они обратили против карфагенян носами. Четвертый флот образовал левое крыло всего строя, в виде крюка поворачивая к суше. 5 Правым крылом карфагенян командовал потерпевший неудачу при Акраганте Ганнон;² в его распоряжении были боевые корабли и пятипалубники, по своей быстроте наиболее пригодные для того, чтобы обойти неприятеля с фланга; левое крыло поручено было 6 Гамилькару, который сражался на море у Тиндариды,³ а теперь, оставая самый жаркий бой на центр, придумал следующую 7 военную хитрость: когда римляне увидели, что карфагеняне выстроились в длинную тонкую линию, то устремились на центр; 8 это и было началом сражения. Находившиеся в центре карфагеняне согласно команде быстро обратились в бегство, дабы рас- 9 строить неприятельскую линию. Чем быстрее карфагеняне отступали, тем ревностнее преследовали их с тыла римляне. Первый и второй флот напирала на бегущих; третий и четвертый отделились от них, потому что последний тянул ластовые суда, а третий 10 находился при них для охраны. Когда первый и второй флот отошли, казалось, на значительное расстояние, Гамилькар подал сигнал со своего корабля, карфагеняне все разом повернули назад 11 и ударили в преследующих. Завязался жестокий бой, в котором значительный перевес на стороне карфагенян зависел от того, что при быстроте своих кораблей они заходили за неприятельскую

¹ М. Атилий Регул. Л. Манлий Вульсон.

² 18—19.

³ 25 1.

линию, легко подплывали и быстро отступали. С другой стороны, 12
и римляне питали не меньшую надежду на победу, потому что
в схватках дрались с ожесточением, зацепляли с помощью воро-
нов всякий приближавшийся корабль; к тому же в битве участ-
вовали оба консула, и солдаты сражались на виду у начальников.
Таков был ход битвы на этом месте. 13

В то же время правое крыло карфагенян с Ганноном во главе, 28
при первой схватке находившееся на некотором расстоянии, про-
неслось по морю и ударило на корабли триариев, чем поставило 2
их в большое затруднение. Те из карфагенян, которые стояли бы-
ло вдоль берега, переменили прежнее свое положение, вытянули-
сь в линию и, обратив корабли носами вперед, напали на флот,
тянувший ластовые суда; но римляне сбросили канаты, сразились
с неприятелем и держались твердо. Таким образом, все дело раз- 3
билось на три части, завязалось три морских сражения на зна-
чительном расстоянии одно от другого. Так как боровшиеся части 4
обоих войск были почти равны согласно первоначальному распре-
делению сил, то перевеса не было ни на одной стороне. Как бы 5
то ни было, битва решалась отдельными схватками: так и бывает
обыкновенно в тех случаях, когда противники совершенно рав-
носильны, ибо первые... и расходились, пока наконец корабли Га- 6
милкара не были оттеснены и не обратились в бегство. Тогда 7
Луций взяв на буксир захваченные корабли, между тем как
Марк, завидев бой у флота триариев и у ластовых судов, по-
спешил к ним на помощь с нетронутыми еще кораблями второго
флота. Когда он подошел к Ганнону и вступил с ним в бой, три- 8
арии быстро воспрянули духом и, хотя положение их становилось
уже трудным, снова ринулись в битву. Карфагеняне, теснимые 9
одними с фронта, другими с тыла, сильно терпели и, будучи
окружены неожиданно подоспевшими на помощь кораблями, не
выдержали и стали отступать в открытое море. В то же самое 10
время Луций, уже уходя из сражения и заметив, что левое крыло
карфагенян заперло третий флот у берега вместе с Марком, по-
ставившим ластовые суда и триариев в безопасное положение, по-
спешил на помощь тесным кораблям. Эти последние как бы 11
находились уже в осаде, и они, наверное, давно бы уже погибли,
если бы карфагеняне из страха перед воронами не довольство-
вались тем, что заперли корабли у берега и не выпускали их;
нападать они не решались, потому что боялись быть захвачен-
ными, и держались вдали. Вдруг появились консулы и, окружив 12
карфагенян, захватили пятьдесят неприятельских кораблей с ко-
мандою; спаслись только немногие, проскользнувшие вдоль бе-
рега. Так шли дела в отдельных схватках; что касается всей бит- 13
вы, то и здесь перевес был на стороне римлян. Из их кораблей 14
погибло двадцать четыре, из карфагенских больше тридцати. Из
римских кораблей, ни один не попал в руки неприятелей вместе
с командою, тогда как карфагенских шестьдесят четыре.

После этого римляне вновь заготовили съестные припасы, ис- 29
правили захваченные корабли, дали воинам угощение, какое они
заслужили победою, и пустились в открытое море к Ливии. Пере-
довые корабли пристали к так называемому Гермесову мысу, ко-
торый закрывает весь карфагенский залив и тянется в открытое
море по направлению к Сицилии. Здесь они дождались следо-
вавших за ними кораблей, собрали весь флот и направились
вдоль страны, пока не достигли города, именуемого Аспидом. Там 3

римляне высадились, вытащили корабли на берег, окружили их канавой и валом и приступили к осаде города, ибо жители его не желали сдаваться добровольно. Между тем те из карфагенян, которые избежали гибели в морском сражении, возвратились домой. Они были убеждены, что неприятель, ободренный победою, немедленно обратится против самого Карфагена, а потому лежащие перед городом местности охранялись сухопутными и морскими силами. Но когда они узнали, что римляне уже неведомо высадились на берег и осаждают Аспид, то отказались от мысли предотвратить нападение римлян и собирали воедино свои силы, дабы защитить город и его окрестности. Однако римляне овладели Аспидом, оставили в городе и его окрестностях гарнизон, а кроме того, отправили в Рим посольство с известием о случившемся и с приказанием относительно дальнейшего образа действий: что делать и как поступать в будущем. Затем поспешно, со всем войском римляне снялись со стоянки и начали опустошать страну. Противодействия они не встретили никакого, разрушили множество роскошных жилищ, захватили много скота и увели на корабли больше двадцати тысяч пленных. Тем временем явились из Рима гонцы с требованием, чтобы один из консулов с достаточными силами оставался на месте, а другой возвращался бы в Рим с флотом. Марк остался на месте с сорока кораблями, пятнадцатью тысячами пехоты и с пятьюстами всадниками, а Луций с командой и множеством пленников прибыл в Рим, благополучно миновав Сицилию.

30 Когда карфагеняне увидели, что римляне готовятся к весьма продолжительной войне, выбрали прежде всего двух военачальников, Гасдрубала, Ганнонова сына, и Бостара, потом послали к 256 2 Гамилькару в Гераклею требование явиться поскорее домой. Гамилькар взял с собою пятьсот человек конницы и пять тысяч пехоты и прибыл в Карфаген. Там он был назначен третьим военачальником и держал совет с Гасдрубалом о настоящем положении дел. Военачальники решили оказать помощь населению страны и не допускать безнаказанно разорять ее. Между тем Марк по прошествии нескольких дней стал совершать набеги на поселения, причем те из них, которые не имели укреплений, грабил с набега, а укрепленные осаждал. Подошедши к значительному городу Адису, он обложил его войском и с поспешностью занялся приспособлениями к осаде. Карфагеняне, желая помочь городу и решив отнять у неприятеля поле сражения, выступили с войском, 7 заняли холм, господствовавший, правда, над неприятелем, но столь же неудобный и для их собственных войск, и расположились там лагерем. И в самом деле, возлагая надежды больше всего на конницу и воинов, карфагеняне покинули равнину и заперлись на местности крутой и трудной для нисхождения, тем самым давали понять неприятелю, какого плана нападения ему 9 держаться. Так и случилось. Ибо вожди римлян благодаря своей опытности сообразили, что самая сильная и грозная часть неприятельского войска становится бесполезною при таких свойствах местности, поэтому не стали дожидаться, пока карфагеняне спустятся в равнину, и выстроились в боевом порядке. Выждав удобное для себя время, они с рассветом подошли к холму с двух 11 сторон. Конница и слоны оказались совершенно бесполезными для карфагенян; зато наемники с жаром и стойкостью бросились 12 в дело и заставили первый легион отступить и бежать. Но как

скоро они прошли вперед, их окружили римляне, подоспевшие с другой стороны холма и обратили в бегство; вслед за сим все карфагеняне кинулись из лагеря. Лишь только слоны вместе с 13 конницей вступили на равнину, отступление карфагенян стало неизбежным. Римляне недолго преследовали пехоту, разграбили 14 стоянку, а затем ходили по всей стране и беспрепятственно разоряли города. Овладев городом, который назывался Тунетом и был 15 удобно расположен для выполнения задуманных планов и для на- 255 падения на Карфаген и его окрестности, римляне разбили здесь свой лагерь.

Карфагеняне, незадолго перед тем разбитые на море, а теперь 31 на суше не по недостатку мужества в войске, но по нерассудительности вождей его, переживали весьма тягостные чувства. В до- 2 вершение бедствия в одно время с римлянами нападали на них нумидяне, причиняя стране не только не меньший вред, нежели римляне, но скорее больший. Напуганные этим туземцы искали 3 убежища в городе, а скопление народа и ожидание грозящей осады вызвали в нем жестокий голод и повергли людей в уныние. Между тем Марк видел, что карфагеняне сокрушены на суше и 4 на море, и ждал, что вскоре взят будет и город. Однако его сильно смущала мысль, что консул, который явится из Рима ему на смену, предвосхитит у него честь окончания войны, а потому Марк обратился к карфагенянам с мирными предложениями. Карфаге- 5 няне с радостью выслушали эту весть и отправили к нему знатнейших граждан для переговоров; но карфагеняне были так далеки от принятия суровых предложений Марка, что не в силах были даже выслушивать их, а Марк со своей стороны, как бы 6 одержав уже полную победу, полагал, что карфагеняне обязаны принять от него как дар и милость все, чтобы он ни предложил им. Карфагеняне видели, что самое завоевание их не могло бы 7 повлечь за собою более унижительных последствий, чем предъявляемые Марком требования, а потому не только отвергли условия и возвратились домой, но и негодовали на беспощадность Марка. Сенат карфагенян, выслушав предложения римского кон- 8 сула, хотя не питал почти никакой надежды на спасение, обнаружил столько мужества и величия духа, что предпочитал претерпеть все, испытать все средства и ждать решения судьбы, лишь бы не совершить чего-либо постыдного и недостойного прежнего поведения.

Около этого времени прибыл в Карфаген один из раньше по- 32 сланных в Элладу вербовщиков с огромным числом наемников. В среде их был некий лакедемонянин Ксантипп, человек лаконского воспитания, превосходно испытанный в военном деле. Выслушав 2 рассказы о понесенном поражении, о том, как и при каких обстоятельствах это произошло, рассчитав остающиеся военные силы карфагенян, количество конницы и слонов, Ксантипп тотчас сообразил все обстоятельства и объяснил друзьям, что карфагеняне понесли поражение не от римлян, но от себя самих благодаря неопытности своих вождей. Речи Ксантиппа, как и следовало ожидать при тогдашних обстоятельствах, быстро распространились в народе, дошли до военачальников, а потому правители государства решили призвать иноземца к себе и испытать его искусство. Тот явился на собеседование, представил начальникам 4 свои доводы и объяснил, почему до сих пор они терпели поражения, а также сказал, что, раз они последуют его совету и будут

- выбирать для походов, для стоянок и сражений ровные местности, то не только завоюют себе безопасное положение, но и одолеют
- 5 противника. Начальники согласились с мнением Ксантиппа и тут
6 же передали ему войска. Уже одна весть о таких речах Ксан-
типпа вызвала возбуждение в народе и говор, преисполненный
7 надежд; но когда он вывел войско из города и выстроил его в
порядке, когда начал передвигать с места на место отдельные ча-
сти и командовать по правилам военного искусства, карфагеняне
поняли огромную разницу между опытностью его и неумелостью
прежних вождей, в громких криках выражали свою радость и
жаждали поскорее сразиться с неприятелем: с Ксантиппом во гла-
8 ве, они были убеждены, им нечего бояться. При виде того, как
необычайно народ воспрянул духом, вожди обратились к нему с
подобающим случаю воззванием, а несколько дней спустя высту-
9 пили в поход. Войско их состояло из двенадцати тысяч пехоты,
четыре тысячи конницы; число слонов доходило почти до ста.
- 33 Когда римляне увидели, что карфагеняне совершают переходы
по местностям открытым и разбивают свои лагери на равнине,
то, хотя и были смущены этой неожиданной переменой, однако
2 горели желанием встретиться с неприятелем. Приблизившись к
карфагенянам, римляне в первый же день разбили свой лагерь
3 стадиях в десяти¹ от неприятеля. На следующий день вожди кар-
фагенян советовались о том, как поступить и что сделать при
4 таком положении. Войско рвалось в битву, воины собирались куч-
ками, произносили имя Ксантиппа и требовали, чтобы он вел их
5 возможно скорее в бой. Ввиду возбуждения и рвения массы и по-
тому еще, что, как видел и сам Ксантипп, не следует пропускать
благоприятного момента, войску отдан был приказ вооружаться,
6 а Ксантиппу предоставлено действовать по своему разумению. Об-
леченный полномочиями Ксантипп вывел слонов из стоянки и по-
ставил их в одну линию в челе всего войска, фалангу карфагенян
7 выстроил в тылу их на умеренном расстоянии. Одну часть на-
емников он поместил на правом крыле; другая часть, самая лег-
кая, вместе с конницей заняла место впереди обоих флангов.
8 Римляне видели, как строится неприятель в боевой порядок, и
9 решительно пошли ему навстречу. Страшась нападения слонов,
которого они ожидали, римляне выставили вперед легко воору-
женных, в тылу их поместили один за другим многочисленные
10 манипулы, а конницу разместили на обоих флангах. Таким об-
разом, всю боевую линию они сделали короче сравнительно с
прежней, зато глубже, чем на случай битвы оградили себя от сло-
нов, но против неприятельской конницы, во много раз превос-
11 ходившей их собственную, не приняли никаких мер. Так обе сто-
роны поставили свои войска в надлежащий порядок, в отдельных
частях и в целом, и затем оставались в этом строю в ожидании
удобного момента для нападения на противника.
- 34 Лишь только Ксантипп отдал приказание вести слонов вперед
и разорвать неприятельские ряды, а коннице велел окружить не-
2 приятеля с обоих флангов и напасть на него; тогда же и римляне
по существующему у них обычаю забряцали оружием и с друж-
3 ным криком ударили на неприятеля. Карфагенская конница была
гораздо многочисленнее римской, а потому римская скоро на обо-

¹ 1 верста 342 саж.

их флангах обратилась в бегство. Что касается пехоты, то левый 4
фланг ее частью из желания уклониться от нападения слонов,
частью из презрения к наемникам, ударил в правый фланг кар-
фагенян, принудил их к отступлению и гнал за ними по пятам
до самого лагеря. Напротив, передние ряды, которые стояли про- 5
тив слонов, при столкновении с ними были оттиснуты напором
зверей, опрокинуты и гибли в борьбе толпами; благодаря много-
численности задних рядов, общий строй всего войска оставался
некоторое время нерушимым. Но потом, когда последние ряды 6
были окружены со всех сторон конницею и вынуждены оборо-
титься и вступить в битву с нею, когда те из римлян, которые
пробились между слонов вперед и, находясь уже позади зверей,
натолкнулись на непочатую стройную фалангу карфагенян и были 7
истребляемы, тогда положение римлян стало безнадежным: боль-
шинство их было раздавлено непомерно мощными животными,
остальные гибли на поле битвы под ударами копий многочислен-
ной конницы, и лишь немногие бежали. Так как отступление со- 8
вершалось по равнине, то часть римлян была раздавлена слонами
и конницей; около пятисот человек, бежавших вместе с консулом
Марком, скоро попали в руки неприятелей и вместе с началь-
ником взяты в плен. Со стороны карфагенян пало около вось- 9
мисот наемников, поставленных против левого неприятельского
фланга. Из римлян спаслось около двух тысяч человек, тех са-
мых, которые избежали опасности в то время, как неприятель
преследовал остальных римлян. Все прочее войско погибло, за ис- 10
ключением консула Марка и бежавших вместе с ним солдат. Уце- 11
левшие манипулы римлян пробились сверх всякого ожидания в
Аспид. Карфагеняне сняли доспехи с убитых и, ведя за собою 12
консула с прочими пленниками, возвратились ликующие в город. 255

Поразмыслив над этими событиями, люди могут извлечь из 35
них полезные уроки для своего поведения. Ибо участь Марка со- 2
вершенно ясно показывает каждому, что не следует доверяться
судьбе, особенно в счастии: тот самый Марк, который незадолго 3
перед тем не оказал побежденному ни пощады, ни снисхождения,
теперь сам приведен был к неприятелю и вынужден молить его
о собственном спасении.¹ Давно уже Еврипид прекрасно выразил- 4
ся, что «один мудрый совет стоит множества рук»; изречение это
оправдалось теперь на деле. Один человек и один совет его со- 5
крушили полчища, которые казались испытанными и неодолимы-
ми, превознесли государство, которое со всей очевидностью по-
вергнуто было во прах, и подняли упавший дух воинов. Я рас- 6
сказал эти события для того, чтобы преподать урок читателям
моей истории. Из двух путей к исправлению, существующих для 7
всех людей, собственные превратности судьбы или чужие, первый
путь, собственные несчастья, действительнее, зато второй, несча- 8
стия чужие, безвреднее. Никогда не следует выбирать доброволь-
но первый путь, так как преподанный им урок покупается тяж- 8
кими лишениями и опасностями; напротив, мы всегда должны ис-
кать другого способа, ибо он дает нам возможность научиться без
вреда для нас. Кто поймет это, тот должен сознаться, что лучшею 9
школою для правильной жизни служит нам опыт, извлекаемый
из правдивой истории событий.² Ибо только она без ущерба для 10

¹ Ср. 31 4—7.

² Ср. 1 2.

- нас делает людей безошибочными судьями того, что лучше во всякое время и при всяком положении.
- 36 Карфагеняне, удачи коих соответствовали их желаниям, дали полнейшее выражение своему ликованию, как в благодарственных жертвах божеству, так и в любезном обращении друг с другом. Между тем Ксантипп, столько содействовавший восстановлению сил карфагенян, вскоре после этого отплыл домой по здоровому 3 и верному размышлению. И в самом деле, славные, необыкновенные подвиги порождают сильную неприязнь и злостные клеветы, и если туземцы благодаря многочисленным узам родства и дружбы в силах побороть эти чувства, то люди чужие скоро изнемогают в борьбе с ними и гибнут. Впрочем, об отъезде Ксантиппа существует и другой рассказ, для сообщения которого мы постараемся выбрать более подходящее место.
- 5 По получении неожиданных известий о событиях в Ливии римляне тотчас позаботились о пополнении своего флота и об освобождении граждан, оставшихся в Ливии в живых. С другой стороны, карфагеняне после этого разбили лагери у Аспида и занялись осадой города, желая захватить в свои руки бежавших 2 сюда из сражения римлян. Но при мужестве и отваге римлян они 3 никак не могли овладеть городом и наконец сняли осаду. Когда карфагеняне прослышали, что римляне снаряжают флот и собираются идти вторично на Ливию, то начали починять старые суда 4 и сооружать новые. Быстро вооружили они двести кораблей и вышли в море, чтобы наблюдать за наступлением неприятеля. Римляне в начале лета спустили на море триста пятьдесят судов и под командою консулов Марка Эмилия и Сервия Фульвия от- 5 правили их на войну. Снявшись с якоря, они направились по пу- 6 ти в Ливию мимо Сицилии. У Гермесового мыса они встретились с карфагенским флотом и с легкостью при первом же натиске 7 обратили его в бегство, причем захватили сто четырнадцать ко- 8 раблей с командою; затем взяли с собою оставшихся в Ливии молодых воинов из Аспида и направились к Сицилии.
- 37 Римляне счастливо переплыли уже море и подошли к берегу камаринян, как вдруг захвачены были такой бурей и подверглись 2 таким злоключениям, которые превосходят всякое описание. Так, из трехсот шестидесяти четырех судов уцелело только восемьдесят; остальные или поглощены были волнами, или отброшены прибоем волн и, разбившись о скалы и мысы, покрыли берег трупами и обломками. История не знает более тяжкого несчастья, 3 разом обрушившегося на море; причина его лежит не столько в судьбе, сколько в самих начальниках. Дело в том, что кормчие долго и настойчиво убеждали не идти вдоль наружного берега Сицилии, обращенного к Ливийскому морю, так как море там 4 глубоко и высадка на берег трудна; они говорили также, что одно из двух зловещих созвездий еще не скрылось, а другое приближается; плавание их совершалось в промежутке между восходом 5 Ариона и Пса. Всем этим консулы пренебрегли и пустились в открытое море, желая устрашить одержанною победою некоторые из лежащих по пути городов Сицилии и таким образом овладеть 6 ими. Лишь только тогда, когда из-за слабых надежд они попали 7 в большую беду, консулы поняли свое безрассудство. Вообще римляне во всех случаях действуют силою, и раз какая-либо цель поставлена, они считают для себя обязательным достигнуть ее, и раз принято какое-либо решение, для них не существует ничего

невозможного. Часто благодаря такой стремительности они осуществляют свои замыслы, но подчас терпят и тяжелые неудачи, особенно на море. Действительно, на суше, где они имеют дело 8 с людьми и с человеческими средствами борьбы, римляне большей частью успевают, потому что равные силы они одолевают натиском; здесь лишь изредка терпят они неудачи. Напротив, 9 большие бедствия постигают их всякий раз, когда они вступают в борьбу с морем и небом и действуют с тем же упорством. Так 10 случилось тогда и много раз случалось раньше, так будет и впредь, пока они не отрекутся от этой ложной отваги и упрямства; теперь они воображают, что им можно идти — по морю ли то, или по суше — во всякое время.

Между тем карфагеняне узнали о гибели римского флота и 38 решили, что они достаточно сильны на суше и на море как вследствие одержанной перед тем победы, так и потому, что римляне постигло такое бедствие; тем ревностнее занялись они устройством морских и сухопутных сил. Немедленно карфагеняне снарядили 2 в Сицилию Гасдрубала, и кроме тех войск, какие раньше были под его командою, дали ему прибывших из Гераклеи воинов, а при них сто сорок слонов. По отправке Гасдрубала карфагеняне 3 оснащали еще двести кораблей и заготовляли все прочее к морской войне. Между тем Гасдрубал благополучно переправился к 4 Лилибею и занимался упражнением слонов и войска с целью помериться с врагом в открытом сражении. О случившемся римляне 5 узнали подробно от солдат, избегнувших кораблекрушения, и были сильно огорчены; но, не желая уступить ни за что, они вторично постановили соорудить заново двести двадцать судов. Когда 6 все это в продолжение трех месяцев было кончено, чему нелегко верится, выбранные вновь консулы, Авл Атилий и Гней Корнелий, 253 снарядили флот и вышли в море. Переплыв пролив, они в 7 Мессене взяли с собою спасшиеся от крушения суда, пристали к сицилийскому Панорму с тремястами кораблями и приступили к его осаде; в карфагенской части Сицилии это был самый значительный город. В двух местах они между прочим возвели осадные 8 сооружения, затем подвезли машины. Находившаяся у моря 9 башня скоро разрушилась; тогда солдаты силою проложили себе путь в Панорм, и так называемый новый город взят был приступом. Та же участь грозила и той части города, которая называется старым городом, почему жители скоро сдали ее неприятелю. Овладев Панормом, римляне отплыли назад в Рим, покинув в городе гарнизон.

В следующее за сим лето выбранные в консулы Гней Сервилий 39 и Гай Семпроний вышли в море со всем флотом, прибыли в Сицилию, а оттуда направились в Ливию. Проходя вдоль берега, 252 они делали очень частые высадки, в которых, однако, не совершили ничего замечательного; наконец пришли к острову лотофагов, именуемому Менингом и лежащему в небольшом расстоянии от Малого Сиртиса. По незнанию римляне попали там на 3 мелкое место, а когда с наступлением отлива корабли сели на мель, положение их стало весьма затруднительно. Впрочем, по 4 прошествии некоторого времени неожиданно наступил прилив, и, только выбросив весь груз, римляне едва облегчили свои корабли настолько, чтобы сдвинуть их с мели. После этого они пошли назад, что походило на бегство. Подошедши к Сицилии, римляне 5 обогнули Лилибей и стали на якорю у Панорма. Отсюда они 6

неосторожно пустились в Рим через открытое море и снова застигнуты были бурей, так что потеряли больше ста пятидесяти судов.

7 После этого испытания римляне, как ни велико было често-
8 любие их, вынуждены были самую громадностью понесенных по-
терь отказаться от мысли снаряжать новый флот и, возлагая по-
следние надежды на сухопутные силы, отрядили в Сицилию ле-
251 гионы с консулами Луцием Цецилием и Гаем Фурием и воору-
жили командою шестьдесят кораблей только для доставки войску
продовольствия.

9 Упомянутые неудачи римлян снова поправили положение кар-
10 фагенян, ибо с удалением врага они беспрепятственно распоря-
жались на море, а на сухопутные войска возлагали большие на-
11 дежды, не без основания. Когда среди римлян распространилась
12 молва о том, как слоны в ливийской битве разорвали боевую ли-
нию и растоптали множество воинов, они были так напуганы,
что в продолжение двух лет, следовавших за этими событиями,
они у Лилибея ли то, или в окрестностях Селиннута строились
в боевой порядок на расстоянии пяти-шести стадий¹ от неприятеля
и в страхе перед нападением слонов ни разу не отважились
13 ни начать битву, ни спуститься в равнину. За это время они взя-
ли с помощью осады только Ферму и Липару, держась всегда мест-
14 ностей гористых и трудно проходимых. Поэтому римляне, заме-
чая упадок духа и уныние в сухопутных войсках, переменили
15 решение и отважились снова вступить на море. Затем они выбра-
ли консулов Гая Атилия и Луция Манлия, соорудили пятьдесят
судов и усердно занялись набором солдат и изготовлением флота.

40 Главкомандующий карфагенян Гасдрубал видел, что до сих пор римляне робели в боевых схватках; потом он знал, что один из консулов с половиною войска возвратился в Италию, а другой, Цецилий, с остальным войском находится в Панорме для охраны
2 созревшей жатвы у союзников. По этим причинам он быстро выступил со всем войском из Лилибея и разбил лагери на границах
3 панормской области. Цецилий замечал самоуверенность Гасдрубала и с целью вызвать его на решительные действия не выводил
4 и своего войска из города. Воображая, что Цецилий не отваживается выйти против него, Гасдрубал становился все смелее и со всем войском стремительно двинулся через теснины в самую па-
5 нормскую область. Хотя он истрелял жатву до самого города, но Цецилий оставался верен принятому раз решению, и наконец довел Гасдрубала до того, что тот переправился через реку, про-
6 текающую перед городом. Когда карфагеняне перевели слонов и войско, Цецилий отрядил легковооруженных и тревожил неприятеля до тех пор, пока Гасдрубал не вынужден был выстроить
7 в боевом порядке все свое войско. Таким образом, план Цецилия удался. Тогда он поставил часть легковооруженных перед стеною и канавою и отдал приказание нещадно пускать стрелы в слонов,
8 если они будут наступать на них, если же будут подаваться назад, то бежать в канаву и оттуда метать стрелы в приближаю-
9 щихся животных. Находящимся на площади кузнецам он велел сносить метательное оружие и класть его снаружи стены у осно-
10 вания. Сам Цецилий с легионными солдатами стоял у ворот про-

¹ От 337 до 421 саж. [1 стадий = 184,97 м.]

тив левого неприятельского крыла, посылая легковооруженным все новые и новые подкрепления. Когда битва разгорелась, во- 11 жатые слонов, соревнуя Гасдрубалу и желая стяжать себе честь победы, устремились все на передовой отряд, легко обратили его в бегство и преследовали до канавы. Нападающие слоны получали 12 раны от стрелков, поставленных на стене; вместе с тем в них металы с жесточением и в массе дротики и копья те свежие еще воины, которые в боевом порядке стояли впереди канавы. Тогда 13 поражаемые со всех сторон дротиками и раненые, звери вскоре пришли в испуг и, повернув назад, кинулись на своих, причем отдельных воинов топтали и давили, а ряды их приводили в беспорядок и разрывали. При виде этого Цецилий выступил по- 14 спешно с своим войском, нетронутым еще и стройным, ударил с фланга на расстроенные ряды неприятелей и вынудил их к поспешному отступлению, при этом многих карфагенян перебил, остальных обратил в стремительное бегство. Десять слонов вместе с индийцами были взяты в плен; остальные скинули с себя индейцев и, окруженные конницею, были все захвачены после сражения. Этой удачей Цецилий, по общему мнению, восстановил бодрость духа в сухопутных войсках римлян, которые теперь снова отваживались овладеть полем сражения.

Когда в Рим прибыла весть об этой победе, римляне ликовали 41 не столько потому, что с потерей слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила собственных их граждан. Поэтому они снова смело обратились к первоначальному своему плану — отправить на войну консулов с флотом и морским войском и напрячь все силы к тому, дабы положить конец войне во что бы то ни стало. Заготовив все нужное 3 к походу, консулы вышли по направлению к Сицилии с двумя- 249 стами кораблями. Это был четырнадцатый год войны. Консулы 4 пристали к Лилибею и, лишь только соединились с тамошними сухопутными легионами, приступили к осаде города, ибо, имея Лилибей в своей власти, они легко могли перенести войну в Ливию. Почти так же, как римляне, думали об этом и начальники 5 карфагенян; почти так же и они представляли себе ход дел. Поэтому, отложив все прочее в сторону, карфагеняне заняты были только тем, чтобы оказать этому городу помощь, отваживаясь из-за него на борьбу и всяческие усилия, потому что иначе у них не оставалось никакой опоры в военных действиях, и вся Сицилия, за исключением Дрепан, попадала в руки римлян. Однако, 7 чтобы сделать рассказ понятным и для читателей не знающих Лилибея, мы постараемся в немногих словах представить выгоды его положения.

Вся Сицилия по своему положению есть для Италии и около- 42 нечностей ее почти то же, что Пелопоннес для Эллады и ее мысов, с тою только разницею, что Пелопоннес — полуостров, а Сицилия — остров, ибо промежуточное пространство переходимо там по суше, здесь по морю. Сицилия имеет вид треугольника, 3 причем вершинами отдельных углов служат мысы. Тот из мысов, 4 который обращен на юг к Сицилийскому морю, называется Пахином; тянущийся к северу ограничивает западную часть пролива, 5 отделен от Италии расстоянием стадий в двенадцать¹ и называется

¹ 2 версты.

- 6 Пелориадою. Третий мыс обращен к самой Ливии, расположен удобно против мысов, находящихся перед Карфагеном на расстоянии стадий тысячи;¹ тянется он в направлении к зимнему западу,² отделяет Ливийское море от Сардинского и называется Либеем. Тут же лежит одноименный с мысом город, тот самый, который теперь осаждали римляне. Он был укреплен сильными стенами, окружен глубоким рвом и лагунами; через лагуны идет путь к гаваням, требующий, однако, большой опытности и навыка. У этого города с обеих сторон его римляне расположились лагерем, а в промежутке двумя стоянками провели ров с валом и стеною; затем начали придвигать осадные сооружения к той башне, которая находится у самого моря и обращена к ливийским водам. К прежним сооружениям они присоединяли постоянно новые, подвигаясь все дальше, пока не разрушили шести башен, следовавших за тою, о которой сказано выше; в то же время все остальные башни они начали брать с помощью тарана. Так как осаждающие действовали настойчиво и беспощадно и каждый день башни или грозили падением, или падали, а сооружения все дальше и дальше подвигались внутрь города, то среди осажденных распространилась сильная тревога и уныние, хотя в городе было помимо массы граждан около десяти тысяч наемников. Мало того: военачальник их Гимилькон делал все, что было в его власти; он причинял врагу немало затруднений тем, что сооружал новые стены изнутри города или делал подкопы под сооружения неприятелей. Кроме того, он каждый день отправлялся в разные стороны, пытаясь узнать, нельзя ли поджечь неприятельские сооружения, ради чего выдерживал частые не в меру отважные стычки с неприятелем, дневные и ночные, в которых иной раз бывало убитых больше, нежели обыкновенно бывает их в правительных сражениях.
- 43 Тем временем некоторые из важнейших вождей наемников составили заговор для передачи города римлянам. В том убеждении, что подчиненные последуют за ними, они ночью тайком прошли из города в римский лагерь и с консулом вступили в переговоры об этом. Однако ахеец Алéксон, который раньше спас акрагантян, когда сиракузские наемники замыслили измену, теперь первый узнал о заговоре и заявил о том карфагенскому главнокомандующему. При этом известии главнокомандующий тотчас собрал оставшихся в городе вождей, убеждал и просил их, обещая при этом большие подарки и милости, если только они останутся верны ему и не примут участия в замыслах покинувших город товарищей. Так как предложение было принято охотно, то он немедленно отправил с ними к кельтам Ганнибала, сына того Ганнибала, который кончил жизнь в Сардинии, участвовал вместе с ним в походе и был им хорошо известен; к прочим наемникам послан был Алéксон, пользовавшийся их расположением и доверием. Посланные созвали отряды, обратились к ним с увещанием и, поручившись за подарки, обещанные каждому из них военачальником карфагенян, без труда уговорили их пребывать в верности договору. Поэтому, когда вожди, бежавшие чрез укрепления, возвратились, подошли к городским стенам с целью скло-

¹ 25 м.

² Т. е. к юго-западу.

нить солдат к измене и передать им обещание римлян, наемники не только не последовали за ними, но не хотели и слушать их; метали в них камни и стрелы и так прогнали от стены. Таким-то 7 образом карфагеняне при указанных выше обстоятельствах едва не потеряли всего по случаю измены наемников. От окончатель- 8 ной гибели уберег их теперь Алéксон, тот самый, который своею преданностью спас не только город и поля акрагантян, но самые учреждения их и свободу.

Между тем в Карфагене не знали об этом ничего. Принимая 44 в соображение обычные нужды осаждаемых, карфагеняне посадили команду на пятьдесят кораблей и, обратившись к воинам с подобающим увещанием, повелели начальнику их Ганнибалу, сыну Гамилькара, триерарху и первому другу Атарбала, поспешно выступать в поход, при этом велели не медлить и при первом удобном случае смело подать помощь осажденным. Ганнибал вы- 2 шел в море с десятью тысячами войска, бросил якорь у так называемых Эгусс, что между Лилибеем и Карфагеном, и там выжидал момента для дальнейшего движения. Воспользовавшись по- 3 путным сильным ветром, он распустил все паруса и за ветром понесся прямо к самому входу в гавань. Команду свою он вооружил и готовую к бою поставил на палубах. Римляне частью вслед- 4 ствие внезапности появления неприятеля, частью из опасения, как бы ветер не загнал их вместе с неприятелем в гавань противника, решились задержать движение вспомогательного войска и, изумленные отвагою врага, остались на месте у морского берега. Между тем толпа людей, находившихся в городе, собралась 5 на стенах в страхе за успех предприятия; теперь они были преисполнены радости по случаю неожиданного прибытия помощи и рукоплесканиями и криками ободряли подходящее войско. Смело и быстро пошел вперед Ганнибал, бросил якорь в гавани и 6 беспрепятственно высаживал свою команду. Все горожане радовались не столько тому, что получили подкрепление, хотя через это надежды и силы их значительно возросли, сколько тому, что римляне не осмелились воспрепятствовать движению карфагенян.

При виде возбуждения и ревности в горожанах по случаю при- 45 бытия вспомогательного войска, а равно и в новоприбывших воинах, которые не испытали невзгод осаждаемых, начальник горожан Гимилькон желал воспользоваться неохладевшим еще пылом тех и других, чтобы бросить огонь в неприятельские сооружения и напасть на них, а потому созвал всех в собрание. Он обратился 2 к ним с пространным приличным случаем увещанием и воспламенил в них рвение к битве обещанием щедрых наград, какие получит каждый за храбрость, напоминанием о милостях и подарках, какие всем им будут следовать от карфагенян. Все в один 4 голос изъявили согласие и громко требовали, чтобы их немедленно вели в битву. Гимилькон похвалил собравшихся за ревность и распустил, отдав приказ пока отдыхать и ждать дальнейших распоряжений начальников. Вскоре после этого он созвал началь- 5 ников, разделил между ними удобные для нападения пункты, объявил время и сигнал к нападению и приказал быть со своими подчиненными на назначенных местах ранним утром. Распоряжения были точно выполнены. Тогда Гимилькон на рассвете вы- 6 вел свое войско из города и во многих местах напал на сооружения. Римляне предвидели нападение и потому были готовы и 7 не бездействовали; они поспешно являлись на помощь всюду, где

8 было нужно, и сражались мужественно. Вскоре все силы против-
ников были в деле, и около стены завязался жестокий бой, ибо
из города вышло не менее двадцати тысяч человек, еще больше
9 находилось за городом. Сражение было тем ожесточеннее, что бое-
вой строй не соблюдался, солдаты дрались в беспорядке, кто с
кем попало; в такой массе войск отдельные воины или отряды
дрались между собою с жаром, обыкновенно отличающим еди-
10 ноборство. Шум и смятение были особенно слышны у самых со-
11 оружий. С обеих сторон те воины, которые сначала получили
назначение одни оттеснить защитников сооружений, другие не
выдавать этих последних, проявляли величайшее усердие к тому,
чтобы выбить противника с занимаемого им места, а другие, что-
бы ни за что не уступать его; потому сражающиеся погибали на
12 тех самых местах, на которые поставлены были вначале. Между
сражающихся кидались люди с факелами, паклей и огнем. Они
нападали на машины разом со всех сторон и с такой отвагой,
что римляне очутились в опаснейшем положении и не в силах
13 были отражать нападение врага. Однако карфагенский военачаль-
ник видел, что многие его воины уже пали в битве, что он все-
таки не может взять сооружений, ради чего и было начато дело;
14 поэтому приказал играть отступление. Зато римляне, едва не по-
терявшие всего, овладели наконец своими укреплениями и все
их удержали за собою нерушимо.

46 После этой битвы Ганнибал в ночную еще пору тайком от
неприятеля отплыл во главе своих кораблей в Дрепаны к кар-
2 фагенскому военачальнику Атарбалу. Удобства местоположения
и высокие достоинства дрепанской гавани побуждали карфагенян
3 неослабно заботиться об охране местности. От Лилибея отстоит
она стадий на сто двадцать.¹

4 Оставшиеся дома карфагеняне желали узнать о положении дел
в Лилибее, но не имели к тому возможности, ибо часть их была
заперта, а за другими существовал бдительный надзор. Тогда не-
кий знатный гражданин Ганнибал, по прозванию Родосец, пред-
5 ложил, что он проникнет в Лилибей и потом как очевидец до-
ставит обо всем точные сведения. С радостью выслушали это
предложение карфагеняне, но не верили в его осуществление, так
6 как римский флот стоял на страже у входа в гавань. Между тем
Ганнибал снарядил свой собственный корабль и вышел в море.
Достигши какого-то острова из тех, что лежат перед Лилибеем,
он в четвертом часу на следующий день, гонимый попутным вет-
7 ром, вошел в гавань на виду у всех римлян, пораженных его от-
вагой. На другой день он немедленно пустился в обратный путь.
8 Между тем римский консул с целью надежнее охранить вход в
гавань снарядил ночью десять быстрейших кораблей, сам стал у
гавани и наблюдал за происходящим; тут же было и все войско.
9 По обеим сторонам от входа в гавань корабли подошли возможно
ближе к лагунам и с поднятыми веслами выжидали момента, ко-
гда карфагенский корабль будет выходить, чтобы напасть на него
10 и захватить. Родосец вышел в море на глазах у всех и до того
изумил неприятелей дерзостью и быстротою, что не только вы-
шел невредимым со своим кораблем и командою и миновал не-
11 приятельские суда, остававшиеся как бы в оцепенении, но, отойдя

¹ 3 мили.

на небольшое расстояние вперед, остановился и вызывающе поднял весло. При быстроте его гребли, никто не дерзнул выйти против него в море, и Ганнибал с единственным кораблем ушел, к стыду всего неприятельского флота. Так как он повторял то же самое многократно и впоследствии, то оказал карфагенянам большую услугу: их он извещал обо всех нуждах осаждаемых, ободрял, а римлян повергал своею смелостью в смущение.

Помимо смелости ему помогало больше всего то, что он по опыту в точности знал, как проникнуть в гавань между мелями. Проплыв открытое море и показавшись перед гаванью, он делал такой поворот, как бы выходил из Италии, и направлялся к приморской башне так, что эта последняя прикрывала собою все прочие башни, обращенные к Ливии; только этим способом и можно было попасть при попутном ветре в устье гавани. Отвага Родосца внушала смелость многим другим людям, сведущим в местности к подобному образу действий, что ставило римлян в затруднительное положение. Они попытались было запереть устье гавани плотиною. Но на очень многих пунктах попытки их при значительной глубине моря не вели ни к чему: все, что ни бросали они в море, не держалось в нем на месте, но при самом опускании в воду относилось в сторону и разбивалось на части волною и быстрым течением. Наконец, в одном мелком месте удалось с большим трудом возвести плотину; на ней-то сел на мель четырехпалубник, выходивший в море по ночам, и попал в руки римлян; он сколочен был замечательно искусно. Захватив судно и вооружив его отборной командой, римляне наблюдали за всеми входящими в гавань, особенно за Родосцем. Случилось как раз так, что в ночную пору он проник в гавань, а затем снова на виду у всех вышел в открытое море. При виде четырехпалубника, который покинул стоянку в одно время с его собственным судном, Ганнибал узнал корабль и смутился. Сначала он пытался было ускорить ход и бежать, но, так как искусные гребцы уже настигали его, Ганнибал вынужден был повернуть судно назад и вступить в борьбу с неприятелем. Однако корабельные воины, превосходившие карфагенян численностью и состоявшие из отборных граждан, взяли верх, и Ганнибал попал в плен. Овладев и этим прекрасно сколоченным кораблем, римляне приспособили его к битве и теперь положили конец смелым попыткам проникать в Лилибей.

Между тем как осажденные настойчиво восстанавливали то, что разорял неприятель, и отказались уже от мысли повредить или разрушить сооружения римлян, поднялась буря, с такой силою и стремительностью обратившаяся на передние части машин, что сорвала навесы и опрокинула стоявшие перед навесами и прикрывавшие их башни. Некоторые из эллинских наемников находили этот момент благоприятным для разрушения неприятельских укреплений и сообщили свой план военачальнику. Гимилькон принял совет, быстро изготовил все нужное для приведения замысла в исполнение, затем молодые люди соединились и в трех местах бросили огонь в осадные машины. Сама давность этих построек, казалось, подготовила легкое воспламенение их, к тому же ветер дул прямо против башен и машин; поэтому огонь распространялся быстро и неудержимо, и все меры римлян задержать пламя и защитить постройки оказывались бесполезными и недействительными. Пожар наводил такой ужас на защитников, что 6

они не могли ни видеть, ни понимать того, что творилось. Многие из них, покрываемые налетавшею золою, искрами и густым дымом, падали и погибали прежде, чем подойти к огню и защитить горевшее. Одно и то же обстоятельство делало затруднительным положение противника и благоприятствовало поджигателям. Ибо все, что могло затемнять свет и причинять ушибы, относилось ветром в сторону неприятеля; напротив, все, что бросали и металы карфагеняне в защитников укреплений или в самые укрепления с целью разрушить их, падало по назначению: метающие видели перед собою местность, а сила полета увеличивалась от дуновения ветра. Наконец разрушение охватило все до такой степени, что самые основания башен и наконечники таранов сделались негодными от огня. После этого римляне покинули надежду осадить город с помощью сооружений и кругом обвели его канавою и валом, впереди своей стоянки возвели стену и представили все времени. Наоборот, жители Лилибея восстановили разрушенную часть стены и теперь спокойно выдерживали осаду.

49 Когда весть об этом пришла в Рим, а вслед затем стали приходить многие свидетели с извещением о гибели большей части команды при защите сооружений и вообще при осаде, римляне поспешно набрали моряков и в числе почти десяти тысяч человек отправили их в Сицилию. Когда римляне переправились через пролив, а затем сухим путем прошли в лагерь, консул их Публий Клавдий собрал трибунов и объявил, что теперь пора идти всем флотом в Дрепаны, ибо, говорил он, вождь карфагенян Атарбал, состоящий в городе начальником, не приготовлен к нападению, ничего не знает о прибытии римской команды и пребывает в том убеждении, что римляне вследствие понесенных при осаде потерь не в силах выйти в море со своим флотом. Так как все одобрили его план, то Публий тотчас посадил на корабли прежнюю и новую команду; в воины выбрал способнейших солдат из всего войска; они шли охотно, потому что поход был недалекий и сулил верную добычу. Снарядив корабли, консул около полуночи выступил в море, не будучи замечен неприятелем. Сначала он шел тихо, оставляя берег по правую руку. На рассвете передовые корабли начали показываться у Дрепан; завидев их неожиданно, Атарбал сначала смутился. Однако он скоро оправился, понял наступательные замыслы неприятеля и решил испробовать все меры, выдержать всякое испытание, лишь бы не дать в осаду, которая подготовлялась столь явно. С этою целью Атарбал поспешно собрал команду на берег и через глашатая вызвал из города наемников. Когда все были в сборе, он краткою речью постарался внушить им надежду на победу, если они откажутся на морскую битву, и, напротив, предсказывал им лишения, сопряженные с осадю, если они не пойдут тотчас навстречу опасности. Собравшиеся жаждали боя и громко требовали вести их в дело немедленно. Атарбал похвалил воинов за усердие и отдал приказ садиться поскорее на корабли, не теряя из виду его корабля и следовать за ним. Поспешно распорядившись, Атарбал отчалил первый и отправился в открытое море прямо под скалы не с той стороны гавани, по которой входил неприятель, но с противоположной.

50 Когда римский консул Публий увидел, что неприятель сверх всякого ожидания не уступает и не смущается его появлением, его собственные корабли находятся частью уже в гавани, частью

у входа в нее, а третьи приближаются ко входу, он приказал всем кораблям повернуть назад и выйти из гавани. Находившиеся в 3 гавани корабли столкнулись при повороте с теми, что были у входа в нее, а это вызвало невообразимое смятение среди людей; кроме того, сшибающиеся корабли ломали весла. Невзирая на это 4 корабельные начальники ставили у самого берега в боевую линию каждый выходивший в море корабль и быстро поворачивали их носами против неприятеля. Что касается самого Публия, который 5 вначале следовал позади и замыкал собою весь флот, то теперь он на ходу повернул свой корабль в открытое море и занял левое крыло целого флота. В это самое время Атарбал с пятью боевыми 6 кораблями миновал левое крыло неприятеля, свой собственный корабль поставил носом против неприятельского со стороны открытого моря; вместе с тем отправлял через гребцов приказ каж- 7 дому подходящему кораблю становиться подле него и поступать точно так же, как он. Когда все корабли выстроились в одну ли- 8 нию, он дал условленный сигнал и сначала наступал на врага в боевом порядке, тогда как римляне все еще держались берега в ожидании выходивших из гавани кораблей. Большие неудобства 9 были для римлян от того, что им предстояло сражаться вблизи берега.

Когда противники приблизились друг к другу, с обеих сторон 51 на начальнических кораблях даны были сигналы, и последовала схватка. Сначала бой был равный, потому что с обеих сторон сра- 2 жались лучшие солдаты сухопутного войска. Однако все более и 3 более перевес склонялся на сторону карфагенян, потому что положение их во всем этом деле было гораздо выгоднее неприятельского. Благодаря лучшему устройству кораблей и ловкости 4 гребцов они далеко превосходили неприятеля в быстроте движений; много помогала им и постановка флота их в открытом море. Действительно, были ли корабли их теснимы неприятелем, они 5 быстро и благополучно отступали в открытое место; поворачивали 6 ли они потом свои корабли назад против выступивших вперед неприятельских, они или быстро огибали их, или нападали на них сбоку; в то время, как римские корабли при своей тяжести и не- 7 умелости команды поворачивались с трудом, карфагенские наносили им непрерывные удары и многие потопили. Если опасность 7 угрожала какому-либо из собственных кораблей, карфагеняне своевременно являлись на помощь без вреда и опасности для себя, ибо заходили от кормы по открытому морю. В совершенно ином 8 положении были римляне, именно: теснимые корабли не имели возможности отступить, так как римляне сражались у самого берега, а всякий раз, когда судно подвергалось жестокому натиску со стороны стоящего напротив неприятеля, оно или попадало на мель и садилось кормою, или оттеснялось к берегу и разбивалось. При тяжести своих кораблей римляне не могли врываться в се- 9 редину неприятельских кораблей или нападать с тыла на те корабли, которые уже сражались с другими, — полезнейший прием в морском сражении. Наконец, римские корабли не могли помо- 10 гать своим, нуждающимся в помощи с кормы, ибо запреты были у берега, и желающие подать помощь не имели даже небольшого свободного пространства для движений. Вообще положение рим- 11 лян в этой битве было весьма невыгодно. При виде того, как одни корабли садятся на мель, другие выбрасываются на берег, консул решил бежать и с левого фланга пробирался у берега с тридцатью

- 12 кораблями, которые случайно были подле него. Прочими судами в числе девяноста трех завладели карфагеняне, равно как и всюю командою их, за исключением лишь тех людей, которые вместе с кораблями выброшены были на берег и спаслись бегством.
- 52 Такой исход битвы стяжал Атарбалу славу у карфагенян, ибо успех ее они приписывали его личной проницательности и отваге.
- 2 Напротив, Публий потерял всякое уважение у римлян и подвергся тяжким укорам за легкомысленное и безрассудное поведение,
- 3 причинившее Риму столь большие потери. Вот почему даже спустя некоторое время он был предан суду, наказан тяжелой пеней, и ему угрожала еще бо́льшая опасность. Однако и после этих неудач римляне до того были преисполнены жаждою всемирного владычества, что изыскивали все средства, какие были в их власти, дабы продолжать борьбу без перерыва. Поэтому как только
- 5 наступили выборы, они выбрали новых консулов и одного из них, 248 Луция Юния, немедленно отправили в поход с тем, чтобы он доставил осаждающим Лилибей войскам хлеб вместе с другими жизненными припасами и прочими предметами необходимости; сверх этого снарядили шестьдесят кораблей для прикрытия продовольственных судов. По прибытии в Мессену Юний присоединил к своим те корабли, которые вышли ему навстречу из римской стоянки и из остальной Сицилии, и поспешно переправился к Сиракузам, имея при себе сто двадцать судов и около вось-
- 7 мидесяти ластовых кораблей с продовольствием. Здесь он отпустил квесторов с половиною ластовых кораблей и с несколькими длинными кораблями для возможно скорейшей доставки войску 8 жизненных припасов. Сам он остался в Сиракузах, ожидая запоздавшие из Мессены корабли и принимая еще хлеб от материковых союзников.
- 53 Около того же времени Атарбал отослал в Карфаген взятых 2 в морском сражении пленных и захваченные корабли. Товарищу своему по командованию войском, Карталону, он дал тридцать 3 кораблей в дополнение к тем семидесяти, с которыми тот явился, и приказал ему напасть внезапно на неприятельские корабли, стоящие на якоре у Лилибея, захватить из них столько, сколько 4 можно будет, а остальные предать пламени. Во исполнение приказания Карталон к утру напал на врага, часть судов его сжег, другие увлек за собою, что вызвало сильное смятение в стоянке 5 римлян. Римляне с криком поспешили на помощь к кораблям; наблюдавший за Лилибем Гимилькон слышал это, а с рассветом увидел, что творится, и отрядил из города против неприятеля на-
- 6 емников. Опасность угрожала римлянам со всех сторон, и они 7 пришли в большое смущение. Между тем начальник карфагенского флота увлек на буксире несколько неприятельских судов, другие разрушил, затем прошел некоторое расстояние от Лилибея по направлению к Гераклею с целью заграждать путь подходящим 8 к стоянке римским судам. Когда соглядатаи известили, что близко подошло уже множество римских судов разного вида, он вышел в море, горя желанием сразиться, потому что после недавней 9 победы презрительно относился к римлянам. В то же время лодки, обыкновенно опережающие флот, дали знать квесторам, ранее 10 отправленным из Сиракуз, о наступлении врага. Квесторы находили свои силы недостаточными для морской битвы, а потому причалили к одному из подчиненных римлянам городков; гавани город не имел, но представлял удобную якорную стоянку, будучи

закрыт береговыми утесами. Здесь квесторы сделали высадку, поставили добытые из города катапульты и камнеметательницы и ожидали наступления врага. Подошедши к этому месту, карфагеняне сначала решили было повести осаду, полагая, что неприятель в страхе отступит в городок, а они беспрепятственно завладеют его судами. Но надежды карфагенян не оправдались, ибо римляне защищались храбро; к тому же самая местность представляла для карфагенян многие всевозможные неудобства. Поэтому они довольствовались тем, что взяли на буксир несколько судов со съестными припасами и отошли к какой-то реке; там бросили якорь и наблюдали за выходом в море неприятелей. Между тем оставшийся в Сиракузах консул привел свой план в исполнение, затем обогнув Пахин, направился к Лилибею, ничего не зная о том, что случилось с отплывшими раньше судами. С другой стороны, начальник карфагенского флота, уведомленный о приближении нового врага своими соглядатаями, поспешно вышел в море, желая сразиться с римлянами возможно дальше от остального флота. Юний издали еще завидел карфагенский флот и многочисленность судов его; но не решался вступать в бой, хотя не мог уже и бежать от неприятеля, который был близко; поэтому он уклонился к берегу и бросил якорь у крутой, во всех отношениях опасной местности. Юний предпочитал претерпеть все, лишь бы своего флота с командою не дать в руки врагам. Начальник карфагенского флота заметил это движение неприятеля, но почитал неудобным выходить на бой с ним и приближаться к столь опасным пунктам; поэтому он занял некий мыс, стал там на якорю между обоими флотами римлян и внимательно наблюдал за ними. Когда поднялась буря, а море угрожало еще большими опасностями впереди, карфагенские кормчие благодаря знанию местности и опытности в своем деле, предусматривали и предсказывали грядущее, советуя Карталону обогнуть мыс Пахин и тем спастись от бури. Карталон благодарно последовал их совету, и карфагеняне, правда с большим трудом и опасностями, обошли мыс и заняли надежную стоянку. Зато флоты римлян, стоявшие у берегов, лишенных гаваней, пострадали настолько, что от них остались ни к чему негодные обломки. Разрушение обоих флотов было полное, превосходящее всякое вероятие.

После этого карфагеняне снова воспрянули духом, и надежды их опять оживились. Напротив, римляне, и раньше испытавшие неудачу, а теперь потерпевшие полное крушение, очистили море, хотя суша все еще была в их власти; карфагеняне господствовали на море, но не теряли надежды и на обладание сушею. Под тяжестью рассказанных выше бедствий горевали все римляне, как те, что оставались в Риме, так равно и те, что были в легионах у Лилибея; и все-таки не думали о снятии осады: одни с неслабным рвением подвозили по суше съестные припасы, другие направляли все свои силы к осаде города. Консул Юний после кораблекрушения отправился в лагерь. Горюя о понесенных потерях, он жаждал новых славных подвигов, чтобы в бою загладить прежние неудачи. Поэтому лишь только представился ему удобный случай, Юний хитростью захватил Эрикс, овладел святилищем Афродиты и городом. Эрикс — тянущаяся вдоль моря гора Сицилии, на той стороне ее, которая обращена к Италии, между Дрепанами и Панормом, ближе к границе Дрепан; по величине

8 Эрикс далеко превосходит все горы Сицилии, кроме Этны. На
плоской вершине этой горы находится святилище Эрикской Аф-
родиты, по общему мнению значительнейшее из всех святилищ
9 Сицилии по богатству и роскоши. Город расположен под горной
10 вершиной; к нему ведет очень длинный и крутой путь. Гребень
горы консул занял стражей, равно как и проход к ней от Дрепан;
зорко оберегал он оба пункта, особенно подъем на гору, в том
убеждении, что этим именно способом обеспечивает за собою об-
ладание и городом, и целою горою.

56 Между тем карфагеняне избрали себе в военачальники Га-
247 милькара, по прозванию Барка, и ему доверили командование
2 флотом. Гамилькар взял с собою флот и отправился опустошать
246 3 Италию. Был восемнадцатый год войны. По опустошении Лок-
риды и Бруттийских полей Барка отплыл со всем флотом к па-
нормской области и занял местность, лежащую между Эриксом
и Панормом и называющуюся «на Герктах»; по безопасности и
удобствам для стоянки и долговременного пребывания войска она
4 представляет наилучший пункт в Сицилии. Действительно, гора
эта со всех сторон обрывиста и над окружающею местностью под-
нимается на значительную высоту. Верхнее кольцо ее имеет в
окружности не меньше ста стадий,¹ а обнимаемое им простран-
ство изобилует пастбищами и удобно для обработки, доступно
действию морского воздуха и совершенно свободно от ядовитых
5 животных. Как со стороны моря, так и с той, которая обращена
внутрь материка, гора имеет крутые неприступные обрывы; про-
6 межутки между ними могут быть легко и скоро укреплены. Кро-
ме того, на плоской вершине возвышается бугор, который служит
вместе с кремлем, и прекрасным наблюдательным пунктом над
7 расстилающейся внизу страной. У подножья горы есть гавань, удоб-
ная для перехода от Дрепан и Лилибея к Италии и всегда име-
8 ющая воду в изобилии. К горе этой существует всего три прохода,
очень трудных; два из них идут из материка, а один от моря.
9 На этом-то последнем пути расположился лагерь Гамилькар, что
было большою смелостью, ибо он не имел на своей стороне ни
одного города, ни на какую помощь не рассчитывал, и врезывался
в середину врагов. Тем не менее он причинял римлянам большие
10 затруднения и подвергал их серьезным опасностям. Отправляясь
отсюда своими кораблями, он прежде всего занялся опустошени-
11 ем италийского побережья до области кумеян. Потом, когда рим-
ляне на суше перед городом Панормом расположились против не-
го лагерем на расстоянии стадий пяти,² Гамилькар в течение по-
чти трех лет давал им битвы на суше частые и многообразные;
57 подробное описание их было бы невозможно. Дело в том, что в
борьбе замечательных кулачных бойцов, блистающих храбростью
и искусством, когда они в решительном бою за победу неустанно
наносят удар за ударом, ни участники, ни зрители не могут раз-
2 глядеть или предусмотреть отдельных ударов и ушибов, хотя и
могут получить довольно верное представление о ловкости, силе
и мужестве борющихся по общему напряжению сил их и по обо-
юдному упорству в состязании: точно то же было и с военачаль-
3 никами, о коих идет теперь речь. И в самом деле, историку не-

¹ 2¹/₂ мили.

² 421 саж.

льзя было бы исчислить все поводы и подробности тех взаимных засад, наступлений и нападений, какие происходили между воюющими ежедневно, да и читателю описание это показалось бы утомительным и совершенно бесполезным. Легче можно оценить 4 названных выше военачальников из общего рассказа о борьбе и об окончательном исходе ее. Ибо теперь испытаны были все во- 5 енные хитрости, какие только знает история, все уловки, какие требовались обстоятельствами времени и места, все то, в чем про- 6 являются необычайные отвага и сила. Однако по многим причи- нам решительная битва была невозможна: силы противников бы- ли равны, укрепления их были одинаково сильны и недоступны, а разделяющее стоянки расстояние было весьма незначительно. Вот главным образом почему происходили ежедневно небольшие 7 схватки и почему не могло быть какого-либо решительного дела. Всегда выходило так, что участвовавшие в бою гибли в самой 8 схватке, а все те, кому удавалось отступить, быстро укрывались от опасности за своими окопами, откуда снова выходили на битву.

Вдруг судьба, подобно ловкому устройтелю состязания, вывела 58 воюющих из описанного выше положения, заменила прежнюю борьбу более опасною, а борющихся заперла на меньшем еще про- странстве, именно: так как римляне занимали вершину Эрикса 2 и его подножье, о чем сказано у нас выше, то Гамилькар овла- дел городом Эриклян, лежащим между вершиною и разбитым у подошвы горы лагерем. Теперь те римляне, которые занимали вер- 3 шину горы, мужественно выдерживали борьбу и лишения осаж- даемых. С другой стороны, карфагеняне обнаруживали неверо- ятную стойкость, ибо неприятель теснил их со всех сторон, жиз- ненные припасы получались с трудом, потому что сообщение с морем они имели в одном только месте и в одном направлении. И здесь обе стороны пустили в ход одна против другой всю из- 4 воротливость и силу, какие потребны в деле осады, претерпели всевозможные лишения, испытали все виды нападения и обороны, пока наконец «не пожертвовали победного венка богам» не по- 5 тому, как уверяет Фабий, что не в силах были терпеть дольше, но потому что сделались нечувствительными к страданиям и не- одолимыми. И в самом деле, прежде чем одним удалось одолеть 6 врага, хотя и на этом месте противники боролись в течение двух лет, конец войне положен был иным способом.

Таково было положение дел на Эриксе и в сухопутных вой- 7 сках, а самые государства противников уподоблялись породистым дышащим боем петухам. Не раз такие птицы, потеряв от изне- 8 можения способность владеть крыльями, находят себе опору в соб- ственной отваге и продолжают наносить друг другу удары, пока наконец сами собой не кидаются друг на друга, быстро сцепли- 9 ваются, и тогда один из них падает замертво. Подобно этому, римляне и карфагеняне, утомленные трудами непрерывной борь- бы, истощены были вконец, а налоги и расходы, удручавшие их долгое время, подорвали их силы.

Так и римляне сохраняли душевную твердость, хотя уже в 59 течение почти пяти лет совершенно отказались от моря частью 248—243 вследствие понесенных неудач, частью потому, что считали для себя возможным кончить войну только сухопутными силами. Те- 2 перь они увидели, что расчеты их не оправдались главным об- разом благодаря отваге военачальника карфагенян и решились в третий раз попытать счастья в морской войне. Руководились они 3

убеждением, что этим только способом война может закончиться
выгодно для них, если предприятие поведено будет как следует,
4 что наконец и удалось им. Покинуть море в первый раз вынудили
их обрушившиеся случайно бедствия, второй раз поражение в
5 битве при Дрепанах. Теперь они делали третью попытку и, по-
бедив карфагенские войска на Эриксе, лишив их подвоза жи-
6 ненных припасов со стороны моря, завершили борьбу. То, что
римлян наиболее побуждало к войне, был воинственный дух их.
Средств для осуществления плана в государственной казне не бы-
ло; но они были добыты благодаря рвению и любви к отечеству
7 правителей государства. По мере своих средств каждый гражда-
нин сам по себе или вдвоем и втроем с другими обязывался до-
ставить оснащенное пятипалубное судно, причём издержки на это
только в случае счастливого исхода предприятия должны были
8 быть возмещены казною. Таким-то способом быстро было заго-
товлено двести пятипалубных судов; сооружены они были по об-
242 разцу корабля Родосца; затем римляне выбрали в консулы Гайя
9 Лутация и в начале лета отправили флот в море. Неожиданно
появился он у берегов Сицилии, овладел гаванью Дрепан и якор-
ными стоянками у Лилибея, так как весь флот карфагенян воз-
10 вратился домой. Возведя укрепления вокруг города Дрепан и сде-
лав все прочие приспособления, римский консул повел осаду все-
11 ми возможными средствами. Вместе с тем он предвидел прибытие
карфагенского флота и памятовал первоначальное решение, что
война может быть кончена только морским сражением; поэтому,
12 не желая терять время в бездействии, он каждый день испытывал
свою команду, делал с нею соответствующие упражнения и вооб-
ще прилагал все усилия к обучению ее, так что в самое короткое
время сделал своих моряков совершенно годными для предсто-
ящего дела.

60 Получив неожиданное известие, что римский флот находится
в море и снова господствует на нем, карфагеняне тотчас снаря-
2 дили свои корабли. Нагрузив их хлебом и всеми нужными при-
пасами, они немедленно отправили флот свой в море, будучи
озабочены тем, чтобы войско на Эриксе ни в чем не терпело не-
3 достатка. Начальником морских сил они назначили Ганнона.
Выйдя в море и пристав к острову, именуемому Гиерою, Ганнон
старался тайком от неприятелей проникнуть к Эриксу с целью
выгрузить там припасы и облегчить корабли, забрать с собою год-
ных наемников в корабельные воины, в том числе Барку, и потом
4 вступить в битву с неприятелем. Между тем Лутаций узнал о
прибытии Ганнона с войском и угадал его замыслы, отобрал из
сухопутного войска наилучших солдат и подошел к острову Эгу-
5 се, лежащему перед Лилибеем. Здесь он обратился к войску с
подобающим воззванием, а кормчим объявил, что на следующий
6 день будет морское сражение. Утром, когда рассвело уже, Лута-
ций видел, что неприятелю благоприятствует сильный ветер, что
для его кораблей плавание будет затруднено противным ветром,
притом на сильно волнующемся море; поэтому сначала колебал-
7 ся, как поступить. Но в то же время он соображал, что, если
решится на бой невзирая на бурю, то будет иметь дело с Ган-
ноном, только с его войсками и с флотом, нагруженным хлебом.
8 Если, напротив, он будет выжидать погоды и медлительностью
своею допустит, чтобы неприятель переправился и соединился с
сухопутным войском, то будет сражаться против кораблей бис-

рых, не имеющих на себе груза, против отборнейшей части сухопутных войск и, что самое главное, против отважного Гамилькара: более грозной опасности тогда не было ничего. Итак, Лутаций решил не пропускать удобного случая. Завидев неприятельские корабли с распущенными парусами, он поспешно вышел из гавани. Ловкая команда с легкостью преодолевала силу волны, и поэтому он быстро выстроил свои корабли в одну линию и носами вперед поставил против неприятеля. Когда карфагеняне увидели, что дальнейший путь им отрезан римлянами, они убрали паруса и, находясь на своих кораблях, ободряли друг друга и начали битву. Так как военные средства врагов были противоположны тем, с какими они сражались на море у Дрепан, то соответственно тому и исход обоих сражений должен был получиться обратный. Действительно, римляне изменили устройство своих кораблей и удалили с них весь груз, ненужный для морской битвы; хорошо обученные гребцы прекрасно исполняли свое дело; наконец, корабельными воинами у них были отборнейшие люди из сухопутного войска, не привыкшие отступать. Что касается карфагенян, то положение их было совершенно иное. Корабли их, нагруженные припасами, были неловки в боевых движениях; гребцы их были совсем не обучены и посажены на корабли лишь в минуту опасности; воины их были новобранцы и совершенно не испытанные в трудностях и опасностях войны. Дело в том, что к морским силам римлян они относились весьма пренебрежительно и никак не рассчитывали, что римляне попытаются снова утвердиться на море. Вот почему с самого начала битвы карфагеняне оказались слабее римлян на многих пунктах боевой линии, были побеждены, причем пятьдесят кораблей их потоплено, а семьдесят вместе с командой взято в плен. Остальной флот с распущенными парусами под попутным ветром отступил к острову Гиере; на их счастье ветер неожиданно переменился и вовремя помог им.

Итак, римский консул возвратился под Лилибей к своему войску и принял необходимые меры относительно захваченных кораблей и людей, что было нелегко, ибо пленных взято было немного меньше десяти тысяч человек. С другой стороны, карфагеняне, хотя сверх всякого ожидания потерпели поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднялись в способах вести ее. Ибо море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилии, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже выдав его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и давали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подобает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось, и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с

радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготятся бременем ее; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях:

8 «На нижеследующих условиях, если они угодны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра».¹

63 Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела.

2 По прибытии на место уполномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усилили, именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили еще тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией.

4 Такой конец имела война из-за Сицилии между римлянами
264—241 и карфагенянами, и таковы были условия мира. Длилась она непрерывно двадцать четыре года и была продолжительнее, упорнее и важнее всех войн, какие известны нам в истории. Не говоря

5 о прочих битвах и средствах вооружения, о чем рассказано нами выше, в одном из сражений противники выставили более пятисот,

6 а в другом немного меньше семисот пятипалубных судов. В этой войне римляне потеряли до семисот пентер, считая и погибшие

7 в кораблекрушениях, а карфагеняне до пятисот. Поэтому люди, в коих вызывают удивление морские сражения и флоты Антигона, Птолемея и Деметрия, наверное должны быть поражены

8 чрезмерностью этих событий. Далее, если кто пожелает сравнить между собою пятипалубные и те трехпалубные суда, на каких персы воевали с эллинами, а потом афиняне с лакедемонянами, то он увидит, что раньше никогда еще подобные силы не вступали

9 в борьбу на море. Отсюда ясно, что римляне не случайно и бессознательно, как думают о том некоторые эллины, но с верным расчетом и по изощрению своих сил в столь многочисленных и важных битвах, не только возымели смелую мысль о подчинении и покорении мира, но и осуществили ее; доказать это мы поставили себе целью с самого начала.²

64 Быть может, кто либо спросит, почему римляне, завоевав мир и достигнув могущества, во много раз превосходящего прежде, не в силах теперь ни снарядить такое количество кораблей, ни

2 выступать в море со столь сильными флотами. На вопрос о причинах этого можно будет дать ясный ответ, когда мы приступим к изложению государственного устройства римлян;³ и нам не следует говорить о нем лишь мимоходом, и читателю не подобает

3 относиться к нему без должного внимания. Действительно, не смотря на его достоинства, государственное устройство римлян остается до сих пор, можно сказать, почти совсем неизвестным

4 по вине историков. Одни из них не знают предмета, другие дают 5 неясное и совершенно бессодержательное описание. Как бы то ни

¹ Около 2 500 000 руб. серебром.

² 3 9—10.

³ VI книга.

было, в описанной выше войне оба государства оказались равносильными как по смелости замыслов и могуществу, так в особенности по ревнивому стремлению к господству; но что касается 6 граждан, то во всех отношениях римляне проявили большую доблесть. Наконец, величайшим вождем того времени по уму и отваге должен быть признан Гамилькар, по прозванию Барка, родной отец того Ганнибала, который впоследствии воевал с римлянами.

По заключении мира государства подверглись у себя дома почти одинаковым испытаниям, именно: оба они вовлечены были в домашнюю войну, римляне с так называемыми фалисками; войну 2 эту они кончили скоро и счастливо, в несколько дней овладев их городом. В то же самое время у карфагенян была война с наемниками, нумидянами, а равно с отложившимися ливийцами, война немаловажная и трудная, в которой они претерпели много 4 серьезных опасностей и под конец вынуждены были бороться не только за свою землю, но даже за самое существование свое и своей родины. Война эта заслуживает упоминания по многим причинам, но согласно нашему первоначальному плану мы расскажем о ней в немногих словах лишь существенное. Какого свойства бывает война, обыкновенно именуемая войною на жизнь и на смерть, и каков бывает ход ее, лучше всего можно понять из тогдашних событий; равным образом из тогдашнего положения 7 карфагенян яснее всего можно видеть, чего должны ждать и заблаговременно остерегаться те государства, которые пользуются наемными войсками, в чем состоит и как велика разница между народами смешанными и варварскими, с одной стороны, и народами, воспитанными в законном порядке и государственных учреждениях — с другой. Наконец, что важнее всего, из событий 8 того времени можно уразуметь причины, по которым при Ганнибале возникла война между римлянами и карфагенянами. Для 9 людей любознательных полезно будет усвоить себе возможно более точное представление о войне, о причинах коей до сих пор существует разногласие не только между историками, но и в среде самих участников ее.

Коль скоро заключен был упомянутый выше мир, Барка увел 66 стоявшее на Эриксе войско к Лилибею и вслед за сим сложил с себя звание главнокомандующего; переправкою войска занялся начальник города Гескон. В предвидении беспорядков он нарочно 2 отправлял войско на кораблях по частям и самую отправку производил с промежутками. Этим он желал дать время карфагенянам — по мере прибытия наемников и уплаты им остающегося 3 жалованья отпускать их заблаговременно из Карфагена на родину прежде, чем принимать новый отряд, переправляющийся вслед за ними. Вот что имел он в виду, когда в таком порядке производил 4 отправку войска из Лилибея. С другой стороны, карфагеняне, перед этим понесшие большие расходы, нуждались в деньгах и полагали, что им удастся склонить наемников к отказу от следующей им части жалованья, если все они соберутся в Карфаген; в этой надежде они задерживали прибывающих воинов и оставляли в городе. Однако вследствие весьма частых преступлений, совершаемых ночью и днем, карфагеняне стали опасаться проявлений буйства в толпе и прежде всего потребовали от вождей, чтобы те, пока будет собрано жалованье и до прибытия остального войска, отвели всех наемников в город, именуемый Сиккою, причем 5 241

7 каждый из них получал золото на необходимейшие нужды. Ра-
достно выслушали наемники весть о выступлении из города и
только желали оставить в нем свои пожитки, что делали они и
вначале, ибо им предстояло очень скоро возвратиться в город за
8 получением жалованья. Но карфагеняне были сильно озабочены
тем, что некоторые из наемников, давно уже возвратившиеся в
город, из тоски по детям и по женам или не пожелают уходить
вовсе или после ухода возвратятся снова к своим пожиткам, и,
9 таким образом, город ничуть не избавится от беспорядков. Вслед-
ствие этой тревоги карфагеняне, не взирая на отказ, беспощадно
10 принуждали наемников забирать пожитки с собою. Между тем,
собравшись все в Сикке, наемники предавались разгулу: после
долгих трудов они жили теперь вольною и праздною жизнью, что
бывает очень вредно для наемных войск и служит, можно ска-
11 зать, источником и единственной причиной волнений. Вместе с
тем некоторые из них на досуге начали рассчитывать не выдан-
ные им остатки жалованья и увеличивать их, а потом, насчитав
сумму, которая во много раз превосходила действительно следо-
вавшую им, они заявили, что ее-то и нужно требовать от кар-
12 фагенян. К тому же они вспоминали обещания, которыми ободр-
яли их начальники в минуты опасностей, а потому питали в
душе смелые надежды и нетерпеливо ждали прибавки жалованья.
13 В то время, как наемники были в сборе в Сикке, к ним явился
Ганнон, тогдашний начальник карфагенской Ливии; он не только
не удовлетворил их ожиданий и не исполнил прежних обещаний,
но еще, ссылаясь на тягость налогов и вообще на стесненное по-
14 ложение государства, пытался склонить воинов к отказу от не-
которой доли причитающегося им жалованья. Это не замедлило
вызвать споры и волнения; наемники постоянно собирались тол-
15 пами — или по племенам, или все без различия. Так как на-
емные войска принадлежали не к одному племени и говорили на
разных языках, то люди не понимали друг друга, и в стоянке
16 царили шум и смятение. Дело в том, что карфагеняне постоянно
имели у себя на службе наемников различных стран и, составляя
войско из многих народностей, добивались того, что наемники с
17 трудом и нескоро сталкивались между собою, повиновались на-
чальникам и не были для них опасны; но карфагеняне попадали
в гораздо большее затруднение, когда им приходилось увещевать,
18 успокаивать и разубеждать наемников в случаях раздражения их,
гнева и волнений. И в самом деле, раз этими войсками овладе-
вают недовольство и смута, они ведут себя не как люди и под
19 конец уподобляются диким зверям, впадают в бешенство. То же
случилось и теперь. Войска состояли частью из иберов и кельтов,
частью из лигистинов и балеарян, и лишь немного было полу-
20 эллинов, большею частью перебежчики и рабы; самую многочис-
ленную долю наемников составляли ливияне. Таким образом, невоз-
можно было ни собрать их всех вместе, ни придумать относи-
21 тельно их какое-либо средство. Да и как сделать это? Не может
же начальник знать языки всех народов; едва ли, можно сказать,
не труднее еще обращаться к собранию через нескольких пере-
водчиков и об одном и том же предмете говорить четыре-пять
10 раз. Оставалось одно: обращаться с требованиями и увещаниями
к солдатам через начальников, что неустанно пытался тогда де-
11 лать Ганнон. Но и начальники понимали не все, что говорилось;
а иной раз, соглашаясь с главнокомандующим, они передавали

толпе совсем не то, одни по ошибке, другие со злым умыслом; следствием этого были вообще непонимание, недоверие и беспорядок. Ко всему прочему присоединилось еще подозрение, будто 12 карфагеняне намеренно прислали к ним не одного из тех начальников, которые знали сицилийские дела и давали обещания наемникам, но такого, который не присутствовал ни при одном деле. Наконец, не придя к соглашению с Ганноном и питая не- 13 доверие к начальникам отдельных частей, наемные войска в гнев на карфагенян направились к их городу и в числе двадцати тысяч с лишним расположились лагерем у так называемого Тунета стадиях в ста двадцати¹ от Карфагена.

Теперь, когда ничто не помогало, карфагеняне ясно поняли 68 свои ошибки. Большую неосторожностью было и то уже, что они такое количество наемных солдат собрали в одном месте, не имея никакой опоры на случай сражения в войсках из собственных граж- 2 дан, а еще большею ошибкою была отправка из города вместе с наемниками детей их, женщин и всех пожитков. Имей все это в залоге, они могли бы спокойнее обсудить разразившуюся над ними беду, да и враги их были бы уступчивее в своих требованиях. Теперь же, уstraшенные близостью неприятельской стоян- 4 ки, карфагеняне соглашались на все, лишь бы смирить их гнев. Они отправили из города обильные запасы различных предметов 5 необходимости и продавали их так и по той цене, как хотели и какую назначали мятежники; кроме того, посылали к ним одного сенатора за другим с обещанием исполнить по мере возможности всякое требование их. Однако наемные войска каждый день из- 6 мышляли что-нибудь новое, становились все наглее, потому что видели тревогу и упадок духа в карфагенянах. К тому же вспо- 7 миная сражения свои в Сицилии против римских легионов, они преисполнились уверенностью в том, что не только карфагенянам, но и всякому иному народу трудно бороться с ними. По- 8 этому лишь только карфагеняне сделали им уступку касательно жалованья, они тотчас пошли дальше и потребовали вознаграждения за павших лошадей. Когда и это было принято, войска по- 9 ставили новое требование, чтобы за тот хлеб, который должны были им давно уже, карфагеняне заплатили по наивысшей цене, до какой поднималась она в военное время. Вообще мятежники 10 постоянно подыскивали что-либо новое, делая невозможным всякое соглашение, ибо в среде их было много людей развращенных и беспокойных. Тем не менее карфагеняне обещали все возможное и наконец убедили их доверить решение спора одному из бывших военачальников в Сицилии. Гамилькар Баркою, под 12 начальством которого воевали в Сицилии, наемники были довольны под тем предлогом, что он не явился к ним в звании посла, тем самым обидел их, что добровольно сложил с себя полномочие главнокомандующего.² Напротив, к Гескону они настроены 13 были дружелюбно, к тому самому, который был военачальником их в Сицилии и проявлял о них вообще большую заботливость, наипаче при переправе из Сицилии. На него-то и возложено было решение спора.

¹ 3 мили.

² 66 л.

69 Гескон с деньгами прибыл к ним морем и, пристав к Тунету, созвал прежде всего начальников, потом по племенам собрал про-
2 стых солдат. Он то порицал их за прошлое, то старался разъяс-
нить им настоящее, но больше всего обращал их внимание на
будущее и убеждал относиться благожелательно к тем, которые
3 издавна платили им жалованье за службу. В заключение он при-
ступил к разрешению спора о недоданном им жалованье, причем
4 произвел и уплату по племенам. Был здесь некий кампанец
по имени Спендий, раб, перебежавший от римлян к карфагеня-
5 нам, человек необычайной силы и отважный на войне. Он опа-
сался, что господин его может явиться в Карфаген и получить
его обратно, а по римским законам он подлежал позорной смерти;
поэтому Спендий говорил дерзко и делал все для того, чтобы не
6 допустить до примирения наемников с карфагенянами. Заодно с
ним действовал некий ливиец Матос, хотя человек свободный и
участвовавший в походе, но больше всех мутивший во время опи-
7 санных выше беспорядков. Из страха, как бы не понести нака-
зания одному за всех, он разделял настроение Спендия и, обра-
тившись к ливиянам, доказывал, что с получением всеми дру-
гими народами жалованья и с удалением их на родину, карфа-
геняне на них одних обратят свой гнев и пожелают подвергнуть
8 их тяжкой каре, дабы застрашать всех ливиян. Подобные речи
быстро вызвали возбуждение в толпе, и под тем ничтожным пред-
логом, что Гескон, выдавая им жалованье, отсрочивает все-таки
вознаграждение за хлеб и за лошадей, немедленно сбежали в
9 собрание. С напряженным вниманием слушали ливияне нападки
и обвинения Спендия и Матоса против Гескона и карфагенян.
10 Если выступал теперь кто-либо другой с советом, они не дожи-
дались конца речи и, не зная еще, соглашается ли говорящий
со Спендием, или возражает ему, тут же побивали его камнями.
11 Так убили они немало на этих сборищах и начальников, и про-
12 стых людей. Толпа понимала одно только слово: «бей!», потому
что наемники били не переставая, особенно когда сбежались на
13 сборище опьяненные за обедом. Тогда, лишь только кто-нибудь
начинал свою речь словом «бей!», они, услышав это, со всех сто-
рон быстро кидались бить, и выступившему с речью уже не было
14 спасения. Поэтому никто более не дерзал подавать советы, и ли-
вияне выбрали себе вождями Матоса и Спендия.

70 Всюду Гескон видел возбуждение и смуты. Но будучи озабо-
чен больше всего благом родины и понимая, что, наверное, са-
мому государству карфагенян грозит беда, раз наемные солдаты
2 обращались в диких зверей, он с опасностью жизни продолжал
настойчиво действовать по-прежнему, то призывая к себе началь-
3 ников, то собирая и увещевая солдат по племенам. Потом, так
как ливияне не получили еще жалованья и дерзко требовали его,
Гескон с целью смирить их наглость предложил требовать денег
4 от вождя своего, Матоса. При этих словах наемники пришли в
такую ярость, что не рассуждая ни минуты, бросились прежде
всего грабить лежавшие тут же деньги, потом схватили Гескона
5 и его товарищей-карфагенян. Соумышленники Матоса и Спендия
понимали, что война возгорится скорее всего в том случае, если
войска совершат какое-либо деяние, противное законам и правам
народов, а потому поощряли неистовства толпы, расхищали вме-
сте с деньгами и пожитки карфагенян, а Гескона и его товари-
щей с обидами и насилием заковали в цепи и отдали под стражу.

Теперь наемники были уже в открытой войне с карфагенянами, 6
потому что учинили преступный заговор и нарушили общие всем
народам права. 240

Вот по какой причине и каким образом вспыхнула война у 7
карфагенян с наемниками, именуемая также ливийскою. Соумыш- 8
ленники Матоса, учинив рассказанное выше, тотчас разослали по-
слов в ливийские города с призывом к свободе и с просьбою по-
мочь им и действовать заодно с ними. Почти все ливияне вняли 9
этому призыву к возмущению против карфагенян и охотно до-
ставляли жизненные припасы и вспомогательные отряды. Мятеж-
ники вслед за сим разделили свои силы, причем одна часть при-
ступила к осаде Утики, другая — Гиппакрит, ибо города эти не
пожелали примкнуть к восстанию.

До сих пор карфагеняне извлекали средства к частной жизни 71
из произведений своих полей, а государственную казну и обще-
ственные запасы пополняли из доходов Ливии, кроме того, войну
вели обыкновенно силами наемных войск; теперь вдруг они не 2
только теряли все эти средства, но и видели, что они обращаются
на погибель им, а потому столь нежданный оборот дела привел
их в крайнее уныние и отчаяние. Они питали было постоянную 3
надежду, что по заключении мира отдохнут немного от трудов,
истощивших их за время сицилийской войны, и будут жить в до-
вольстве. Но вышло наоборот, ибо началась еще большая и более 4
опасная война. Прежде они боролись с римлянами за Сицилию, 5
теперь им предстояло в домашней войне бороться за самое су-
ществование свое и своей родины. Кроме того, после поражений 6
в стольких морских битвах они не имели ни оружия, ни морского
войска, ни оснащенных судов; у них не было запасов и ни ма- 7
лейшей надежды на помощь извне от друзей или союзников. Те-
перь карфагеняне ясно поняли, сколь велика разница между
войною с иноземцами, живущими по другую сторону моря, и
внутренними междоусобицами и смутами. К тому же главными 8
виновниками стольких тяжких бед были они сами. Ибо в пред- 72
шествующую войну они проявили большую суровость в управ-
лении ливийскими народами, воображая, что имеют для этого
достаточные основания в самой войне. Так, со всех деревенских 2
жителей они брали половину земных плодов, а на горожан на-
ложили вдвое большую дань против прежней, при этом не было
никакой пощады неимущим и никакого снисхождения; правите- 3
лей отличали и ценили не тех, которые обращались с народом
мягко и человеколюбиво, но тех, которые доставляли им наиболь-
шие сборы и запасы, а с туземцами обращались крайне жестоко;
в числе их был и Ганнон. Потому-то мужчин не нужно было под- 4
стрекать к возмущению: они ждали только вести о нем. Женщины 5
до поры до времени терпеливо взирали на то, как сборщики по-
датей уводили в тюрьмы мужей их и отцов, но теперь в разных
городах они обязали себя взаимными клятвами — не скрывать
ничего из своего имущества, снимали с себя украшения и без-
ропотно отдавали их на жалованье. Матосу и Спендию они до- 6
ставили денег в таком изобилии, что те не только уплатили на-
емникам недоданное жалованье, обещанное им на случай восста-
ния, но и на будущее время имели большие запасы. Вот почему 7
люди здравомыслящие всегда должны принимать во внимание не
одно настоящее, но больше еще будущее.

73 Однако, как ни трудно было положение карфагенян, главнокомандующим они назначили Ганнона, так как ему приписывали заслугу первого покорения ливийского Гекатонтапила; затем стянули наемные войска, вооружили граждан, достигших положенного возраста, упражняли и строили городскую конницу, оснащали уцелевшие еще суда, трехпалубные и пятидесятивесельные, а равно самые большие лодки. Между тем Матос с единомышленниками, когда явилось к ним на службу около семидесяти тысяч человек, разделили войско на две части и повели беспрепятственно осаду Утики и Гиппакрит, лагерь свой на Тунете укрепили, а карфагенян отрезали от всей остальной Ливии. Самый Карфаген расположен в заливе и выдается вперед в виде полуострова, так что с одной стороны он омывается морем, а с другой озером. Тот перешеек, которым город соединяется с Ливией, имеет около двадцати пяти стадий ширины.¹ Недалеко от Карфагена со стороны, обращенной к морю, лежит город Утика; на другой стороне, у озера, находится Тунет. Наемные войска расположились лагерем на этих обоих пунктах, тем отрезали карфагенян от прочей страны и теперь угрожали самому городу. Подходя к городским стенам то днем, то ночью, они повергали жителей его в состояние тревоги и ужаса.

74 Ганнон делал надлежащие приготовления к войне, как человек от природы способный к этому делу. Но с выступлением на поле битвы он менялся: не умел пользоваться благоприятными моментами и вообще оказывался неопытным и неловким. Так, прежде всего он явился на помощь осажденным к Утике и большим количеством слонов — у него было их не меньше ста — навел страх на неприятелей и уже почти одерживал полную победу, но затем обнаружил такую неумелость, что едва не погубил и себя, и осажденных. Он добыл из города Утики катапульты, стрелы и вообще все нужные для осады приспособления и, разбив лагерь перед городом, пошел на приступ против неприятельских валов. Лишь только слоны ворвались в лагерь, неприятели не могли выдержать их тяжелого натиска, и все бежали из лагеря. Многие при этом пали от ран, нанесенных зверями; уцелевшие воины утвердились на сильно поросшем растительностью холме, полагаясь на недоступность местности. Ганнон привык воевать с нумидянами и ливиянами, которые в случае отступления бегут не останавливаясь на пространстве двух-трех дней; поэтому он и теперь полагал, что война кончена, и что им одержана решительная победа; о солдатах и стоянке он не заботился более, и сам возвратился в город для отдохновения. Между тем сбежавшиеся на холм наемники, люди, которые воспитались в подвигах отважного Барки, которые в сицилийских битвах научились в один и тот же день по несколько раз отступать и снова нападать на врага, увидели теперь, что начальник удалился в город, а войско, обрадовавшись победе, разбрелось беспечно из стана; тогда они общими силами ударили на вал, многих карфагенян положили на месте, остальные вынуждены были постыдно бежать к стенам и воротам города. Наемники завладели всем обозом и орудиями осады, которые сверх всего прочего добыл из города Ганнон и теперь предоставил в руки неприятеля. И не в этом только об-

¹ 4 версты с небольш.

наружилась явная неспособность Ганнона: несколько дней спустя, когда подле города, именуемого Горзою, неприятель расположился против него лагерем, ему представлялась возможность одержать победу дважды в правильном сражении и дважды в неожиданном нападении, ибо неприятельский стан был вблизи его; но Ганнон упустил эти случаи, как кажутся, по чрезмерному легкомыслию. 14

Карфагеняне поняли тогда всю неумелость Ганнона в ведении дела, и снова облекли Гамилькара по прозванию Барку, властью главнокомандующего. Они отправили его на эту войну в звании военачальника с семьюдесятью слонами, с набранными вновь наемниками и с перебежчиками от неприятелей; сверх этого дали ему конных и пеших воинов из граждан, так что всего войска было у него около десяти тысяч человек. Немедленно, при первом же появлении Барки неприятель, смущенный неожиданностью нападения, упал духом; Утика была освобождена от осады, и вообще Барка оказался достойным и прежних своих подвигов, и тех надежд, какие возлагал на него народ. Вот что совершил он в этом деле. Узкая полоса земли, соединяющая Карфаген с Ливией, перерезана трудно переходимыми холмами, между которыми проложены улицы, ведущие из города в страну. Случилось так, что Матос занял стражей все выгодные для войны пункты на этих холмах. Кроме того, в некоторых местах река по имени Макора подобным же образом пересекает путь из города в Ливию и благодаря обилию воды обыкновенно бывает непроходима вброд; но на ней есть мост; у этого-то моста Матос построил город, дабы обеспечить надзор за переправой. Вследствие этого карфагеняне не только не могли провести в страну войско, но даже отдельные лица, когда желали пройти туда, нелегко ускользали от дозора неприятеля. Так как выход из города был затруднен, Гамилькар со свойственною ему находчивостью придумал следующую меру. Он заметил, что устье названной выше реки при ветрах, дующих в известном направлении, наполняется песком, и тогда у самого устья образуется мелкий переход. Никому не открывая своего замысла, Гамилькар принял все меры к выведению войска из города и выжидал только вышесказанного момента. Когда момент этот настал, Гамилькар ночью, никем не замеченный вышел и на рассвете переправил свое войско в упомянутом месте. Все произошло неожиданно как для карфагенян, находившихся в городе, так и для неприятеля, а Гамилькар перешел равнину и направился к мостовой страже. 75

Узнав об этом, Спендий повел свои войска против неприятеля, причем одни в числе не менее десяти тысяч человек двинулись из города, что у моста, другие, более пятнадцати тысяч, из Утики; таким образом, оба войска шли на соединение друг с другом. Сошедшись на близком расстоянии и вообразив, что в середине между ними заключены карфагеняне, наемники наскоро обменялись советами и ободрениями и бросились на врага. Между тем Гамилькар продолжал путь; впереди шли слоны, за ними следовали конница и легкие отряды, а позади всего тяжеловооруженные. Когда он увидел, что неприятель с жаром несетя на них, то скомандовал всем частям войска оборотить тыл: передним рядам приказал повернуть назад и поспешно отступать; тем же, которые вначале находились позади, скомандовал полуоборот и малопомалу поставил их лицом к лицу против неприятеля. Ливияне 76

- и наемники думали, что неприятель в страхе бежит, в беспорядке стали наступать на карфагенян и с ожесточением шли врукопашную. Но вдруг карфагенская конница, повернув лошадей, приблизилась к отряду, обращенному против неприятеля, и стала подле; в то же время надвигалось и остальное войско. Неожиданная перемена движения поразила ливиян, и они, только что преследовавшие неприятеля в беспорядке и врассыпную, теперь отступили и бежали. При этом одни из них наталкивались на задние ряды, сбивали их с ног, гибли сами и губили своих же; большинство было раздавлено наступавшею с тыла конницею и слонами. Ливиян и наемников пало около шести тысяч человек, взято в плен около двух тысяч. Остальные бежали частью в город, прилегающий к мосту, частью в стоянку подле Утики. Между тем Гамилькар, одержав такую победу, преследовал неприятеля по пятам, город, что у моста, взял с первого набега, ибо неприятель покинул его и укрылся на Тунете; остальную область он исходил в разных направлениях, одни города сдались, другие, большая часть, взяты приступом. Карфагеняне, отчаявшиеся было в успехе, после этого несколько ободрились и стали смелее.
- 77 Сам Матос тем временем продолжал осаду Гиппакрит; вождю галатов Автариту и Спендию он советовал держаться вблизи неприятеля, но избегать ровных мест, так как у карфагенян сильная конница и множество слонов, следовать с войском по склонам гор бок о бок с карфагенянами и пользоваться всяким невыгодным для врага местом для нападения. Отдавая эти распоряжения, Матос в то же время отправил посольства к нумидянам и ливиянам с просьбою о помощи и с увещанием не терять случая к восстановлению своей свободы. Итак, на Тунете Спендий отобрал воинов из каждого племени, всего до шести тысяч человек. Во главе этого войска и двух тысяч галатов с Автаритом он двинулся вперед по склонам горы и следил за движениями карфагенян; 5 оставшая часть первоначального состава их перебежала к римлянам во время осады Эрикса. Только что Гамилькар расположился лагерем в какой-то равнине, окруженной со всех сторон горами, как вспомогательные войска нумидян и ливиян соединились со Спендием. Внезапно перед Гамилькаром появился лагерь ливиян, в тылу расположились нумидяне, а с фланга Спендий, и карфагеняне очутились в большом затруднении, перед лицом неминуемой опасности.
- 78 В это время в неприятельском стане находился некий Нарава, один из знатнейших нумидян, преисполненный воинственного духа. Он всегда был дружески расположен к карфагенянам, от отца унаследовав добрые отношения с ними; теперь уважение к военачальнику Гамилькару еще более укрепило его в этих чувствах. Нарава полагал, что настал момент для приобретения дружбы и расположения карфагенян, и отправился в стан их в сопровождении почти сотни нумидян. Подойдя к валу, он смело остановился и подал знак рукою. Недоумевая, что это значит, Гамилькар послал к нему всадника, которому тот объяснил, что желает говорить с военачальником. Так как Гамилькар колебался и не доверял, то Нарава передал свою лошадь и копыя провожатым и безоружный смело вошел в лагерь. Отвага его одних изумила, других напугала; тем не менее карфагеняне приняли его и допускали в свою среду. Когда Нараве дали говорить, он объяснил, что благоволит ко всем карфагенянам, но больше всего

желал бы приобрести дружбу Барки. «Теперь он явился сюда», продолжал Нарава, «чтобы заключить дружбу с ним и быть верным товарищем его во всяком предприятии и во всяком замысле». При этих словах юноши, представшего перед ним с такою смелостью и говорившего так просто, Гамилькар сильно обрадовался: он не только принял его в соучастники своих предприятий, но и обещал выдать за него свою дочь под условием, если Нарава пребудет верным карфагенянам. По заключении договора Нарава привел с собою подчиненных ему немидян, около двух тысяч человек. Подкрепленный этим отрядом, Гамилькар приготовился к бою. Спендий соединился с ливиянами и, спустившись в равнину, дал битву карфагенянам. Сражение было жестокое; победителем остался Гамилькар, потому что и слоны прекрасно сражались, и Нарава оказал блистательнейшую услугу. Автарит и Спендий бежали; из числа воинов пало около десяти тысяч, а взято в плен около четырех тысяч человек. После этой победы Гамилькар дозволил желающим того пленникам вступить к нему на службу и вооружил их доспехами убитых неприятелей. Тех же пленных, которые отказывались от этого, он собрал вместе и обратился к ним с речью, говоря, что прощает им проступки, совершенные раньше, и дает каждому полную свободу идти, куда кто желает. Но на будущее время он предостерегал их и угрожал, что всякий, кто обратит свое оружие против карфагенян, будет в случае захвата беспощадно наказан.

В то же самое время наемные солдаты, составлявшие гарнизон в Сардинии, соревнуя Матосу и Спендию, восстали против карфагенян, находившихся на острове. Бостора, бывшего в то время начальником вспомогательных войск, они заперли в кремле и убили вместе с его согражданами. Когда карфагеняне снова отправили Ганнона военачальником во главе войска, это последнее покинуло его и передалось мятежникам; самого военачальника они взяли в плен и тотчас распяли на кресте. После этого восставшие предавали всех карфагенян на острове неслыханным, изысканным мучениям и смерти, а затем покорили своей власти города и стали обладателями острова, пока не поссорились с сардинцами и не были выгнаны в Италию.

Так потеряна была для карфагенян Сардиния, остров замечательный по величине, многолюдству населения и по своему плодородию. Повторять об этом острове всем известное мы находим излишним, так как писали о нем многие, притом обстоятельно.

Матос и Спендий, с ними вместе и галат Автарит с тревогою взирали на мягкость, с какою Гамилькар обошелся с пленными, и опасались, как бы через это ливияне и большинство наемников не соблазнились обещанным помилованием; поэтому обдумывали, каким бы образом подвинуть толпу к какому-либо новому нечестию и обратить неистовство ее против карфагенян. Они решились собрать солдат в одно место, а когда это было сделано, послали к ним вестника с письмом, как бы присланным единомышленниками их из Сицилии. Письмо гласило, что за Гесконом и всеми приверженцами его, которых наемники предательски схватили, о чем мною рассказано выше,¹ они должны строго наблюдать, так как несколько человек вошли в соглашение с

¹ 70 с.

9 карфагенянами с целью освободить их. Воспользовавшись этим случаем, Спендий прежде всего стал убеждать воинов не обольщаться милостью карфагенского военачальника относительно пленных. «Не о спасении пленных помышляет он», говорил Спендий, «но о том, как бы при помощи освобождения их покорить вас своей властью, и если мы ему доверимся, он разом отмстит не отдельным личностям, но всем нам». Кроме этого, он предостерегал солдат, что, если они выпустят из рук Гескона, станут посмешищем врагов и сильно повредят самим себе, ибо дадут возможность убежать столь опасному человеку и искусному вождю, который наверное будет злейшим врагом их. Спендий еще не кончил, как явился другой вестник с письмом, как бы присланный из Тунета, и сообщал сведения наподобие тех, какие получены были из Сардинии.

80 Вслед за сим говорил галат Автарит, что спасти свое положение они могут единственно тем, если перестанут возлагать какие бы то ни было надежды на карфагенян. Всякий, кто будет рассчитывать на милость карфагенян, не может быть верным их товарищем. Поэтому он внушал воинам доверять тем только людям и со вниманием слушать только тех ораторов, которые всегда выступают с наиболее враждебными и суровыми предложениями относительно карфагенян; врагами своими и предателями считать людей, которые высказываются в смысле противоположном. Сказав это, он далее советовал пытаться и казнить Гескона, захваченных вместе с ним товарищей и пленных позже карфагенян. Так как солдаты понимали его речь, то Автарит пользовался в их собраниях огромным влиянием. Благодаря долголетней военной службе он научился финикийскому языку, с которым большинство воинов было хорошо знакомо, потому что раньше они долго служили у карфагенян. Вследствие этого Автарит встречен был единодушным одобрением в собрании и удалился, напутствуемый похвалами. Хотя из каждого народа выделились и выступили вперед многие солдаты и, памятуя прежние благодеяния Гескона, желали по крайней мере не допустить до пытки, но не было никакой возможности понять хоть что-нибудь из того, что говорилось, потому что говорили многие разом и каждый на своем языке. Когда, наконец, стало понятно, что требуется отмена пытки, а кто-то из сидящих произнес: «бей!», солдаты разом побили камнями всех выступивших вперед. Родственники вынесли трупы убитых, как бы истерзанные зверями. Гескона и его товарищей, всего до семисот человек, Спендий велел вывести за вал, удалить на небольшое расстояние от стоянки и прежде всего отсечь им руки. Начало сделано было с Гескона, того самого, которого незадолго перед тем они предпочли всем карфагенянам, величали своим благодетелем и которому доверили решение спорного дела. По отсечении рук несчастным отрезали носы и уши; изувеченным перебили голени и заживо еще бросили в какую-то канаву.

81 При известии об этом несчастье карфагеняне бессильны были сделать что-либо; негодующие и печальные по случаю бедствия, они отправили посольство к Гамилькару и другому военачальнику — Ганнону с просьбою о помощи и об отпущении несчастных. К злодеям посланы были глашатаи за получением трупов; но те не величали замученных и объявили, чтобы впредь не посылали к ним ни глашатая, ни посла, так как их ждет та же участь, какая постигла теперь Гескона. На будущее время они

постановили и одобрили решение: всякого, захваченного в плен карфагенянина, предавать мучительной смерти, а всякого союзника их отсылать по отсечении рук в Карфаген. Постановление свое они исполняли неукоснительно. Взирая на это, всякий согласится, что бывают случаи, когда становятся злокачественными и не поддаются лечению не только какие-нибудь нарывы и наросты на теле, но еще больше гораздо души людей. Действительно, при нарывах, если подвергнуть их лечению, бывает иногда так, что, раздражаемые лечением, они тем быстрее распространяются; если же лечение приостановить, то по самой природе своей они разъедают прилегающие места и не проходят до тех пор, пока не будет поражено все тело. Подобно этому, и в душе часто образуются черные гнилостные болячки, и тогда человек обращается в нечестивейшую кровожаднейшую тварь. Если таким людям оказывать снисхождение и милость, они принимают это за коварство и хитрость и по отношению к милостивым становятся еще вероломнее и жесточе. Если же покарать их, ярость их возрастает, и нет ничего столь отвратительного или ужасного, к чему они не были бы способны, самую разнuzданность вменяя себе в заслугу; наконец, они дичают совершенно и теряют свойства человеческой природы. Источником такого расположения и главнейшею причиною его должно почитать испорченность нравов и дурное воспитание с детства; содействует этому многое, больше всего наглость и корыстолюбие каждого начальника. Все это имело место в то время в массе наемных солдат, а наибольшее в среде начальников.

Неистовством врагов поставленный в трудное положение, Гамилькар призвал к себе Ганнона в надежде соединенными силами положить скорейший конец войне. Попадавших в его руки неприятелей в схватке он убивал на месте, а доставленных пленных бросал на растерзание зверям, ибо истребление врагов вконец почитал единственным средством решить борьбу. В то время, как карфагеняне начинали питать надежды на благополучный исход войны, вдруг положение их совершенно изменилось. Военачальники после соединения своих отрядов так сильно поссорились между собою, что не только теряли благоприятные для борьбы моменты, но взаимными распрями многократно давали неприятелю возможность вредить им. Карфагеняне поняли это и приказали одному из военачальников возвратиться, а другому оставаться на месте, по выбору самого войска. В это же время запасы, подвозимые из так называемых у карфагенян Эмпорий, те запасы, на которые они возлагали наибольшие надежды касательно прокормления войска и снабжения его всеми нужными предметами, погибли на море от бури. К тому же Сардиния, как сказано выше,¹ была уже для них потеряна; между тем остров этот в трудные времена был для них всегда очень полезен. Довершением бедствия было отпадение городов Гиппакрит и Утики,² единственных в целой Ливии, которые не только мужественно переносили тягости настоящей войны, но оказали упорное сопротивление врагу во времена Агафокла и при вторжении римлян в Ливию, словом всегда оставались верными карфагенянам. Напротив, 9

¹ 79 5.

² 70 9.

- теперь без всякого повода города эти перешли на сторону ливиян и вместе с переменною обнаружили нежнейшее расположение и доверие к союзникам; мало того: по отношению к карфагенянам
- 10 они проявили непримиримую злобу и ненависть. Так, явившийся к ним от карфагенян вспомогательный отряд, около пятисот человек, они истребили вместе с начальником его, сбросив всех их со стены, а самый город передали ливиянам. Карфагенянам мятежники отказали даже в просьбе похоронить несчастных.
- 11 Матос и Спендий, ободренные этими удачами, приступили к 12 осаде самого Карфагена. Барка соединился с вождем Ганнибалом, которого горожане отправили к войскам, когда войску предоставлено было карфагенянами решить спор между вождями, и когда согласно определению Ганнон должен был удалиться из лагеря.
- 13 Благодаря этому Гамилькар вместе с Ганнибалом и Наравою делал набеги на страну и отрезывал Матосу и Спендию пути к подвозу припасов. Наибольшую услугу в этом деле, равно как и во всех других, оказывал ему нумидиец Навара.
- 83 Между тем карфагеняне, запертые со всех сторон, вынуждены 2 были искать убежища у союзных государств. Гиерон, все время этой войны охотно откликавшийся на каждый призыв карфагенян, теперь проявлял еще бóльшую ревность в том убеждении, 3 что спасение карфагенян выгодно и для его владычества в Сицилии, и для поддержания добрых отношений с римлянами. Весьма здраво и мудро заботился он о том, чтобы не дать сильней- 4 шему народу возможности осуществлять все свои замыслы. Действительно, никогда не следует допускать этого и давать какому-либо государству усилиться до такой степени, когда становится невозможным оспаривать посягательство его даже на права об- 5 щепризнанные. Во всяком случае римляне во исполнение догово- 6 вора всегда помогали с готовностью Карфагену. Вначале между двумя государствами возникли разногласия приблизительно по 7 таким причинам: тех людей, которые шли морем из Италии в Ливию и доставляли неприятелям припасы, карфагеняне заводили в свои гавани и всех вместе около пятисот человек содержали 8 под стражей; это раздражило римлян. Но потом римляне отправили посольство, после переговоров получили всех пленных обратно и были настолько удовлетворены, что немедленно же в обмен выдали карфагенянам пленников, которые оставались у них 9 еще от сицилийской войны. С этого времени римляне охотно и 10 любезно исполняли каждую просьбу карфагенян. Поэтому и торговым людям они внушили снабжать карфагенян нужными предметами, напротив воспретили сношения с врагами их. Впоследствии, когда сардинские наемники во время возмущения против карфагенян звали их на помощь, римляне не вняли их просьбам, а когда жители Утики пожелали передаться им, римляне в ува- 12 жение условий договора отвергли предложение. Итак, карфагеняне, подкрепляемые силами названных выше друзей, выдерживали осаду.
- 84 Между тем Матос и Спендий оказались в положении столько 2 же осаждающих, сколько и осаждаемых. В получении припасов Гамилькар стеснил их до того, что они вынуждены были наконец 3 снять осаду. Немного времени спустя они выбрали храбрейших солдат из наемников и ливиян, всего около пятидесяти тысяч человек, в том числе и ливийца Зарзу с его отрядом, снова выступили в поход, причем шли бок о бок с неприятелем и на-

блюдали за Гамилькар¹. Из страха перед слонами и конницею 4
Наравы мятежники избегали равнин; напротив, старались захва-
тывать местности гористые и ущелья. В это время вследствие 5
своей неопытности они терпели частые поражения, хотя нисколько
не уступали противнику в смелости и предприимчивости. Как 6
и следовало ожидать, тогда обнаружилось на деле все превосходство
точного знания и искусства полководца перед невежеством и
неосмысленным способом действий солдата. В самом деле, Га- 7
милькар истребил множество мятежников без битвы, потому что
умел в небольших делах отрезывать им дорогу к отступлению и,
подобно искусному игроку, запирает их. Многие другие были пе- 8
ребиты в больших сражениях, причем он или заводил врагов в
засады, о которых те и не подозревали, или внезапным и неожиданным
появлением, днем или ночью, наводил на них ужас; всех, 9
кого только захватывал в плен, он бросал на растерзание зверям.
Наконец Гамилькар совершенно неожиданно расположился лаге-
рем против мятежников в местности, неудобной для врага, но вы-
годной для его собственного войска, и поставил противника в та-
кое положение, что тот не отваживался на битву, но не мог и
бежать, так как со всех сторон окружен был рвом и валом, на-
конец доведен голодом до того, что люди поедали друг друга; так 10
постигала их достойная кара от божества за нечестивое злодеяние,
совершенное над другими.² Идти в битву они не осмелива- 11
лись, предвидя верное поражение и наказание в случае плена;
о примирении никто и не напоминал, потому что они сознавали
свои преступления. Согласно обещаниям вождей, наемники все 12
ждали помощи от Тунета, а пока терпели всевозможные лишения.

После того, как съедены были пленные, которыми, о ужас, 85
питались мятежники, после того, как съедены были рабы, а с Ту-
нета не было никакой помощи, начальникам явно угрожала месть
разъяренной бедствиями толпы. Тогда Автарит, Зарза и Спендий 2
порешили передаться неприятелю и вступить в переговоры о мире
с Гамилькар³. Отправив глшатая к карфагенянам и получив 3
от них согласие на прием посольства, мятежники в числе десяти
явились к карфагенянам. Гамилькар обратился к ним с такого 4
рода условиями: «Да будет дозволено карфагенянам выбрать из
неприятелей по своему усмотрению десять человек, а все прочие
уйдут в одних туниках». Когда условие было принято, Гамилькар 5
тотчас объявил, что, согласно уговору, он выбирает присутствующих.
Так карфагеняне получили в свои руки Автарита, Спендия
и прочих знатнейших предводителей. Когда ливияне заметили, 6
что вожди их схвачены, и ничего не знали об условиях мира,
они приняли это за измену и бросились к оружию. Но Гамилькар 7
окружил ливиян слонами и прочим войском и всех положил на
месте, а было их свыше сорока тысяч человек. Местом этого про-
исшествия был Прион; название свое оно получило от сходства
по виду с орудием,³ которое теперь называется этим именем.

Рассказанной выше победой Гамилькар снова оживил в кар- 86
фагенянах надежду на лучшее будущее, хотя они уже отчаялись

¹ Ср. 77 2.

² 80 11—13.

³ Пила.

было в спасении. Сам Гамилькар вместе с Наравою и Ганнибалом
2 ходил по стране и городам. Благодаря недавнему успеху карфа-
генян ливияне покорялись им и переходили на их сторону, по-
чему Гамилькар подчинил власти карфагенян большую часть го-
3 родов их, а затем двинулся против Тунета и приготовился к осаде
4 Матоса. Перед городом, со стороны, обращенной к Тунету, рас-
положился лагерем Ганнибал, а на противоположной — Гамиль-
5 кар. После этого карфагеняне подвели к стенам Спендия и то-
варищей его и на виду у врагов пригвоздили их к крестам. Между
6 тем Матос, заметив беспечность Ганнибала и излишнюю само-
уверенность его, сделал нападение на его стоянку, причем мно-
жество карфагенян было убито, все прочие бежали из стана; мя-
7 тежники завладели всем обозом и взяли в плен Ганнибала. Тут
же они подвели его к кресту Спендия, сняли повешенного и после
жесточких мучений над Ганнибалом повесили живого еще на том
же кресте, а затем убили тридцать знатнейших карфагенян над
8 трупом Спендия. Судьба как бы нарочно поставила этих людей
рядом, дабы доставить обоим противникам случай одному вслед
за другим проявить чрезмерную месть. Что касается Барки, то
вследствие большого расстояния между лагерями он узнал о на-
падении неприятеля из города поздно, а по получении об этом
известия, не поспешил на помощь Ганнибалу по трудности раз-
делявшего их пути. Поэтому Барка снялся с Тунета и, подойдя
к реке Макаре, у устья ее подле моря расположился лагерем.
87 После этого неожиданного поражения карфагеняне снова упали
духом и пришли в уныние; и в самом деле, лишь только они
2 ободрились, как все надежды их рушились. Однако карфагеняне
3 не переставали делать все, что могло спасти их. Так, они выбрали
тридцать сенаторов и вместе с ними отправили к Барке Ганнона,
раньше возвратившегося из лагеря; остальных граждан, способ-
ных носить оружие, они вооружили и отправили в поход, как
4 бы на последнее испытание. Долго наказывали они сенаторам во
что бы то ни стало положить конец распрям военачальников и
во внимание к настоящему положению дел привести их к согла-
5 шению. Сведя начальников вместе, сенаторы после долгих раз-
ного рода увещаний добились того, что Ганнон и Барка поми-
6 рились, вняв советам сенаторов. С этого времени они действовали
7 согласно и единодушно, во всем исполняя волю карфагенян. По-
беждаемый в небольших стычках, происходивших у города, име-
нуемого Лептином, и у некоторых других, Матос наконец отва-
8 жилась решить дело в большом сражении, чего желали и сами
карфагеняне. Приняв такое решение, противники призывали к
битве всех своих союзников, стягивали из городов свои гарнизо-
9 ны, как бы собираясь покончить все одним ударом. Когда с обеих
сторон все было готово к нападению, противники выстроились в
10 боевой порядок и разом бросились друг на друга. Победа была
на стороне карфагенян, и большинство ливиян пало в самой бит-
ве; прочие бежали в какой-то город и вслед за тем сдались; сам
88 Матос попал в плен. После этой битвы остальные части Ливии
2 не замедлили покориться карфагенянам. Упорствовали в возму-
щении только Гиппакриты и Утика, ибо они с самого начала ли-
шили себя всякой надежды на пощаду и снисхождение, и потому
3 никак не могли просить о мире. И в таких преступлениях много
значит умеренность и воздержание от непоправимых увлечений.
4 Аннон и Барка расположились лагерями, один у одного города,

другой у другого и вскоре принудили осажденных к сдаче на условиях, поставленных победителем.

Так кончилась война, причинившая было карфагенянам величайшие затруднения; теперь они не только снова завладели Ливией, но и достойно покарали виновников возмущения. В заключение войско в триумфальном шествии через город подвергло Матоса и сообщников его всевозможным истязаниям.

Почти три года и четыре месяца вели войну наемники с карфагенянами, из всех известных нам в истории¹ войн самую жестокую и исполненную злодеяний. 241—238

Около этого времени римляне по приглашению перебежавших к ним наемников из Сардинии решили плыть к этому острову. Это раздражило карфагенян, так как они признавали за собою больше прав на обладание Сардинией, и потому готовились наказать виновников отпадения острова. Напротив, римляне воспользовались этим случаем, чтобы объявить войну карфагенянам под тем предлогом, что карфагеняне вооружаются против них, а не против сардинцев. Но карфагеняне, сверх всякого ожидания избавившиеся от описанной выше войны, чувствовали себя во всех отношениях бессильными начинать при таких обстоятельствах новую войну с римлянами и под тяжестью тогдашних невзгод не только отказались от Сардинии, но сверх того уплатили римлянам тысячу двести талантов,² лишь бы не вести теперь войны. Таков был ход этих событий.

¹ Ср. 63 4 прим.

² Около 1 754 000 руб.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ КНИГЕ

1 2 но...все. Насколько нам известно, из предшественников Полибия о пользе истории, и то кратко, говорит только Фукидид I, 22. Сам Полибий высказывается в том же смысле I 35. III 32. V 75. IX 1 сл.

ibid. начинают и кончают ἀρχῆ καὶ τέλει κέχρηται поговорочное выражение, соответствующее по смыслу θρῦλλεῖν ἄνω κάτω.

3 меньше всего нам. Историк многократно говорит о высоких достоинствах своего труда.

5 в течение... лет, приблизительно от начала союзнической войны до поражения Персея при Пидне (220—168 гг. до Р. Х.).

ibid. известный мир κατὰ τὴν οἰκουμένην, собственно: обитаемая земля; но как у Полибия, так и у других писателей слова эти имеют значение известной части обитаемой земли.

2 2 всякий раз... существование. Историк имеет в виду главным образом время царствования Дария и Ксеркса и неудачные походы их в Скифию и Элладу. Выражение Полибия не точно, потому что после поражения Псамтека III, или Псамменита Камбисом (525 г. до Р. Х.) Египет обращен был в персидскую сатрапию, и владычество персов продолжалось до 322 г. до Р. Х., когда появление Александра Македонского перед Пелусием принято было египтянами за освобождение от тяжкого ига.

3 едва... лет. От сражения при Эгоспотамах ол. 93,4 = 405 г. до Р. Х., когда гегемония над эллинами перешла к лакедемонянам, до сражения при Книде ол. 96,2 = 394 г., прошло около 11 лет. По словам Исократ, владычество лакедемонян длилось «едва десять лет». Но мы не знаем, к тому ли самому времени приурочивал Полибий названные выше битвы, что и Диодор.

4—5 Владычество... Азии. Усиление Македонии, о котором говорит историк, начинается с Филиппа (360—336 гг. до Р. Х.).

4 Истра, теп. Дунай.

ibid. этой страны τῆς προεξημένης χώρας, т. е. Европы. У Полибия очень часто встречается выражение «вышепоименованный» о только что упомянутом имени. 8 1. 9 3. 11 8 и мн. др.

6 о наиболее... Европы, разумеются прежде всего римляне, галлы, иберы.

7 какая... потомками. В лучшем, ватиканском списке 124 (A) XI в. довольно значительные пробелы, отмеченные и в критических примечаниях Гульча. Отчасти пробелы восстанавливаются критиками одинаковым для смысла способом. Пополнение всех пробелов не удастся.

8 из правдивой... событий ὁ τῆς πραγματικῆς ἱστορίας τρόπος. Выражение Полибия «прагматическая история» означает не более, как правдивая история действительных событий в отличие от истории, например, Геродота, исполненной басен. Полибий IX 1 4. 2 4 различает три вида истории: 1) генеалогический, занимающийся героическими временами и генеалогией богов; 2) история, занимающаяся колониями, основанием городов и родственными отношениями народов; 3) история, занимающаяся деяниями народов, городов и владык ὁ περὶ τὰς πράξεις τῶν ἐθνῶν καὶ πόλεων καὶ δυναστῶν τρόπος. Следоват. ἡ πραγματικὴ ἱστορία или ὁ τῆς πραγματικῆς ἱστορίας τρόπος то же самое, что ὁ περὶ τὰς πράξεις τῶν ἐθνῶν καὶ πόλεων καὶ δυναστῶν. Ср. I 35 9. III 47 8 VI 5 2. Труд свой Полибий называет нередко ἡ πραγματεία I 1 4. 3 1. 5 4 1. III 1 1. 3 32 1. 59 6, а равно истории и других авторов II 56 3. V 33 8. VIII 11 1.

3 1 олимпиада сто сороковая, т. е. первый год этой олимпиады, 534/533 г. от основания Рима, 221/220 г. до Р. Х.

ibid. за Коилесирию, Впалюю Сирию, южную часть Сирии, между Ливаном и Антиливаном, к северу от Палестины и к востоку от финикийского побережья; туземное название *Biqā*, у Плиния Висса. Впоследствии имя это распространилось и на земли по ту сторону Антиливана.

2 сиконец Арат, написал мемуары (ἱπομνήματα), обнимавшие события от освобождения Сикиона в тиранию Никокла (251) и, кажется, до смерти Антигона Досона (ср. Полиб. IV 2 1. I 3 2. II 40 4) и делившиеся на 30 книг с лишним. Полибий во многих местах высоко

ценил правдивость своего источника и вдохновителя, хотя, наверное, можно сказать, мемуары Арата, как произведение автобиографического характера, не всегда отличались подобающей правдивостью. Сам автор дает понять это II 40 9. *Plut. Arat.* 33. 38. *Cleom.* Отрывки Арата у Мюллера, *fr. histor. graec.* IV 21 сл. Ср. Васильевский, *Политич. реформа и социальн. движение в древн. Греции.* СПб. 1865, стр. 49 сл. Сочинение В. Г. Васильевского касается многих вопросов из истории нашего автора и помогает правильной оценке его.

3 *ибо... конец.* Чтения Гульча восстанавливают пробелы рукописей наиболее удовлетворительно.

4 *события... эллинистами.* Первый случай такого сцепления событий упоминает Полибий II 12 4, когда римляне отправили послов к ахеянам и этолиям (526 г. Рима).

9 *Тогда... вопросами.* Подобными мотивами и в подобных же выражениях оправдывает Фукидид обозрение событий, предшествовавших пелопоннесской войне. I 23 5.

ibid. *сто... олимпиаду.* в *тексте отсутствует*, относится к началу 5-й главы. Начало I Пунической войны, т. е. первая переправа в Сицилию, относится к 490 г. Рима = 264 г. до Р. Х., к консульству Аппия Клавдия (II 3). Консульский год начинался тогда с майских календ. Mommsen, *römische Chronologie.* Berl. 1859, стр. 101—102.

4 *2 никто... истории.* Первый опыт мировой истории, объединенной идеею борьбы эллинов с варварами, сделан был Геродотом.

4 *прекраснейшее... судьбы.* Подобно этому Плутарх (*de Fortuna Romanarum* 317 Wech) называет владычество римлян «очагом для всех смертных поистине священным и благотворным, единственною опорой, вечным элементом и пр.». Ср. Cic. *de officiis* II 7.

5 *изобретая... судьба.* У Овидия *de Ponto* IV 3:

Ludit in humanis divina potentia rebus

Et certam praesens vix habet hora fidem.

5 *1 Тимей*, уроженец Сицилии из Тавромения, жил от половины IV до половины III в. до Р. Х. Главное сочинение его — история Сицилии с древнейших времен до 129 ол. В связи с Сицилией он рассказывал события Италии, Ливии, Эллады. Полибий резко критикует его. XII 3—15. 23—28. Ср. Cic. *de orat.* II 14, 58. Muller *fr. histor. graec.* I 103 сл.

5 *Если начало неизвестно* и пр. О важности начала вообще см. Полиб. III 6 6—7. V 32. 6 *1 при Эгоспотамах*, река и город на Фракийском Херсонесе, напротив Лампсака, прославившиеся истреблением афинского флота Лисандром в 405 г. Xenoph. *Hellen.* I 2 21.

2 *при Левктрах*, город Беотии между Платеями и Феспией, прославленный победою Эпаминонда над лакедемонянами в 371 г. до Р. Х., что повело за собою распадение пелопоннесского союза со Спартою во главе. В 1839 г. открыты Ульриком остатки трофея, поставленного на поле сражения.

ibid. *Анталкидов мир* (387 г.) заключен с персидским царем Артаксерксом при ближайшем участии спартаца Анталкида в интересах Спарты и гегемонии ее над раздробленной, униженной Элладой.

ibid. *Дионисий Старший* (431—367), сын Гермокрита, тиран Сиракуз, воевал между прочим с итальянскими эллинами и взял г. Регий голодом в 387 г. Diod Sic. XIV 10 сл. 111 сл. [см. подробнее: Э. Д. Фролов «Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.) Л., 1979].

ibid. *при... Элленоре*, другое название Heloris, Eleporos, теп., кажется, Calipari, река в южной Италии, изливается в Тарентский зал.

ibid. *галаты*, или галлы, или кельты, названия, безразлично применяемые Полибием к группе племен, живших в Европе по сю и по ту сторону Альп, а также в М. Азии. Галлия, Британия, Дунайские страны, именно Ретия и Паннония до древн. Сингидуна, теп. Белград, в сев. Италии — Цизальпинской Галлии и Умбрии. В V в. до Р. Х. они проникли в Испанию и в соединении с иберами образовали там народ кельтиберов. В III в. до Р. Х. перешли через Боспор Фракийский в М. Азию и там образовали государство галатов из трех народностей: толлестобов, тектосагов и трокмов. К 280 г. до Р. Х. галлы достигают наибольшего могущества. В Европе кельтская раса простиралась от Атлантического океана до Черного моря, от немецкого моря до Адриатики, от Британских островов до Гибралтарского пролива. В упоминаемую Полибием эпоху галлы под предводительством т. н. Бренна перешли из равнины р. По через Апеннины, при р. Аллии истребили римское войско и овладели Римом, 18 июля 364 г. от основания Рима, точнее в 388 г. до Р. Х. = ол. 98, 1. Liv. VI 1. *Plut. Camm.* 19. В определении года занятия галлами Рима Полибий отступает от прочих свидетелей: по словам Полибия, событие случилось 19 лет спустя после сражения при Эгоспотамах (405 г. до Р. Х.), т. е. ол. 98, 2 = 387 г. до Р. Х. Очевидно, историк наш разделяет более значительным промежутком времени переход галлов через Альпы и появление их перед Римом. История, археология и этнография кельтов, или галлов, имеют обширную литературу, представляющую пока много спорного и гипотетического. Кроме общих курсов по римской истории, о галлах существует множество специальных изданий и монографий на разных языках. Исследования на русском языке: *Галлы в эпоху Юлия Цезаря.* А. Георгиевского. М. 1865. *Вопрос о кельтах.* В. Васильевского

(Ж. М. Н. Просв. 1882 сент. 1883 авг.). В этой последней работе, пока не конченной, читатель найдет критическую оценку важнейших трудов иностранной литературы.

ibid. **Капитолия.** После форума важнейшая часть города, состоявшая из трех частей: северная вершина, агх, теперь церковь S. Maria in Ara Celi, северо-западная, Capitolium, теп. palaszo Caffarelli, и впадина между ними, теп. piazza Campidoglio. На Капиталии находился храм Юпитера. Jordan, *Topographie d. Stadt Rom im Altertum.* Berl. 1871—1879.

4 с **тирренами**, этруски, занимали область Средней Италии с Тирренским морем и р. Макрой на западе, с Апеннинскими на севере, с Умбрией, Лациумом и Тибром на востоке и юго-востоке. Народность тирренов до сих пор остается не разгаданною.

ibid. с **самнитами.** Одно из сабельских племен, занимавших первоначально апеннинские долины на Атерне у Амитерна; отсюда они распространились по разным направлениям и в течение веков занимали большую часть Средней и Южной Италии. Самниты были окончательно покорены римлянами лишь при Сулле в 82 г. до Р. X. Полибий говорит о древних войнах римлян с самнитами (340. 327—304. 298—297). Под самнитами Полибий разумеет несколько племен: пелигнов, вестингов и др. Ср. Liv. VIII 29. IX 41. 45.

5 **Пирра**, царь Эпира, с которым тарентинцы заключили союз в 281 г. до Р. X. В 278 г. он удалился уже в Сицилию, где пробыл около трех лет; по возвращении в Италию потерпел поражение при Беневенте (275 г.) и удалился в Элладу, где и погиб (272 г.).

ibid. **галатов... под Дельфами.** О нашествии галатов на Элладу и о поражении их под Дельфами в 279 г. до Р. X. рассказывают Павсаний I 4 1—5. X 19—23. Strab. IV 1 13. Diod. XXII 18—20. Iustin. XXIV 6—8. Ср. IV 15 ; прим. 46 ; прим. Полибий II 20 6 приурочивает переправу Пирра в Италию не за год до нашествия галатов на Элладу, но за три.

6 **италийских кельтов**, т. е. цизальпинских.

8 **Регия... римлянами**, теп. Реджо, город на бруттийском берегу Италии при Сицилийском прол. Римский гарнизон из кампанцев овладел городом и подвергал жителей убийствам и грабежам. В 270 г. город возвращен был уцелевшим прежним жителям его, а разбойники жестоко наказаны. Ср. Полиб. I 7. III 26 6.

7 1 **Мессену**, дор. и лат. форма Мессана, в отличие от Мессены пелопоннесской, теп. Мессина, город Сицилии в прекрасной местности при Сицилийском прол., на месте древней Занкль; основан выходцами из Халкиды Эвбейской и Кумы.

2 **кампанцы... Агафокла.** Кампанцы — смешанные жители Кампании, области средней Италии, граничившей на северо-западе с Лациумом, на северо-востоке и востоке с Самнием, на юго-востоке с Луканией, на юго-западе Этрусским морем. Занимали ее авзоны, этруски, самниты. В древние времена они ходили из Италии в Сицилию и там служили то карфагенянам, то врагам их. По рассказу Диодора (XXI 2 сл.), служившие у тирана Агафокла кампанцы по смерти тирана (282 г. до Р. X.) обязаны были, согласно договору с сиракузянами, покинуть Сицилию; на пути домой толпа мамертинов из числа кампанцев допущена была жителями Мессены в город и предательски захватила его.

7 с **Децием Кампанцем**, полное имя Decius Jubellius Campanus, уроженец Кампании. Ср. Diod. XXII, 3. Valer. Maxim. II, 7 15.

8 к **мамертинам**, т. е. люди Марса, ибо *Mamers* есть видоизменение имени *Mars'a*, самниты — жители Мамертия в Бруттии. Одни приурочивают Мамертий к теп. Orpido, другие к Martorano. Ср. выше 6 8.

11 **более трехсот человек.** По словам Ливия, казнено было в Риме 4000 римлян: выходит, как бы весь легион, введенный в город, уцелел для казни. Но римский легион находился в Регии по крайней мере восемь лет, все время войны римлян с тарентинцами; часть мятежников была истреблена при взятии города, а потому показание Полибия гораздо ближе к истине.

12 **консулов ои στρατηγῶι.** Консул *στρατηγὸς ἕλατος* I 52 1. 5. VI 14 2 или *στρατηγὸς* I 11 2. 24 9 и мн. др.

8 1 **Карфагеняне**, жители Карфагена Carthada, «Нов-Город», лат. Carthago, элл. *Καρθηδών* важнейшая из финикийских, или пунийских колоний на сев. берегу Африки, находился недалеко от устья Баграда, теп. Меджерда, у Тунисского залива. Земледелие, промышленность, торговля, а потом и военное дело были в цветущем состоянии. Сначала данники туземцев, карфагеняне мало-помалу перешли на положение господ окрестных земель. Карфагеняне покорили окрестные ливийские деревни и кочевые племена, — либио-финикийские поселения. Карфаген превратился в столицу Ливии. Рядом с сухопутным развивалось морское владычество карфагенян путем завоеваний и колонизации. Располагая владениями на юге Испании, на Балеарских о-вах, владея Сардинией, Сицилией, Мальтой, они держали Средиземное море в своих руках до столкновения с могуществом римлян и с их притязаниями на мировое господство.

3 **Мерсаны**, город в Сицилии недалеко от Сиракуз, другие названия города Моргантина, Моргантий, Моргентий. Фукид. IV 65. Diod. XI 78. XIV 78. 95. XXXVI 4.

ibid. **Гиерона**, младшего сына Гиерокла; все время своего царствования находился в дружественных отношениях с римлянами. Ум. 215 г. до Р. X. 90 лет от роду. Много содействовал усилению Сиракуз.

9 4 **Кенторин**, теп. Centorbi, город в Сицилии, недалеко от Энты.

ibid. Куамосора, р. Сицилии, на которой город Кенторип; имя нигде больше не встречается.
7 На Милейской равнине, подле города Мил, теп. Milazzo, в восточной части северного побережья Сицилии.

ibid. Лонганом, река в северо-восточной Сицилии, у Диодора называется Лойтаном (XXII 13); кажется, теп. S. Lucia.

8 *всему союзникам*, т. е. сиракузянами и всеми союзниками их. Если Гиерон царствовал 54 года (Полиб. VII 8 4), а умер 215 г. до Р. Х., то провозглашение его царем должно быть отнесено к 269 г.

10 2 *родственным... по крови ὀμοφύλοισ*, собств. одного с ними племени, вообще родственным, — термин более широкого значения, нежели ὀμοῦθνος. Мамертины, самниты, указывали на родство свое с римлянами в виду опасности со стороны карфагенян.

11 1 *сенат... решения*. Сенат *συνέδριον*. Для решения вопроса о войне согласие сената не всегда было необходимо. Сенат в данном случае желал снять с себя ответственность за будущее, и консулы Аппий Клавдий Кавдекс и Марк Фульвий Флакк перенесли вопрос в народное собрание. По закону Валерия и Горация (449) решения плебеев в собраниях по трибам получали одинаковую силу с решениями всего народа.

3 *римляне... на помощь*. Подробнее об этом самом рассказывает Диодор Сицил. XXIII 2. 6 у *Пеллриады*, теп. Capo di Faro, или C. di Messina, св. оконечность Сицилии.

ibid. Син *Σίνυεις*, имя нигде более не встречающееся, какое-то поселение подле Мессены.

8 *подле горы... Халкидскою*, у Diod. Sic. XXIII 2 называется холмом *λόφος*, гора Сицилии подле Мессены.

13 2 *к войне... Сицилии*, т. е. I Пуническая война 264—241 гг. до Р. Х. 1-й год 129 ол. = 490 г. Рима. Главным источником Полибия для истории этой войны служил Фабий; но автор не пренебрегал и другой стороной, пользовался и Филином, писавшим по карфагенским источникам. Кроме краткости, изложение Полибия страдает хронологическими неточностями и пробелами. Так, в 13-м году войны (252 г.) он не называет никаких других событий, кроме взятия римлянами Ферм и Липары (I 39 13), консулы этого года не поименовываются; 41 4 возвращается к 250 г. и называет это время четырнадцатым годом войны; консулы 16-го года Клавдий Пульхр и Юний Пулл разделены между двумя годами, тогда как они относятся к одному году, шестнадцатому (249) и пр. Michaelis, *quaestiones de bello Punico primo*. Traj. 1846. Bröcker, *Geschichte des I punisch. Krieges*. 1846.

3 *война ливийская*, т. е. война карфагенян с возмущившимися наемниками.

12 *пользовались... благосостоянием μέτρα ταῖς τύχαις*: по мысли историка, исход столкновения между двумя народами определялся не какими-либо чрезвычайными случайностями судьбы, но свойствами постоянно действующих учреждений того и другого государства.

14 1 *Филин*, историк из Акраганта, современный пунических войн, упоминаемый Диодором XXIII 8. XXIV 11. Для истории войны пользовался карфагенскими источниками, отсюда объясняется разница в изложении между Полибием, главным источником коего была летопись Фабия, и Диодором, отдававшим предпочтение Филину, хотя пользовавшимся и Полибием. Так, например, Диодор упоминает о неудачной осаде Эгесты римлянами (264 г. до Р. Х.) и об избиении множества римлян (XXIII 3), о взятии Акраганта Каталомом в 255 г. (XXIII 18 2), о завоевании нескольких городов Сицилии Гамилькармом, нападает на высокомерие римских вождей и пр. и пр.

ibid. Фабий Пиктор, род. около 254 г., был сенатором в начале войны с Ганнибалом, написал в летописной форме историю Рима с древнейших времен на греческом языке. Главным источником Полибия для I Пунической войны служила летопись Фабия с разделением событий по консульствам; но он не отвергал и Филина. Отрывки Фабия у Петера *Histor. Roman. reliqu.* I, 5 сл. 109 сл. Valeton, *de Polybii fontibus et auctoritate*. 1879, стр. 71 сл. Ср. Полиб. I 15. 58 5. III 9.

5 *тому... историка*. Лукиан предьявляет к историку такие требования: «По-моему, историк должен быть бесстрашен, неподкупен, свободен, друг искренности и правды. Он должен, как выражается комик, смокву называть смоквой, чашку чашкой; никому не должен приписывать чего-либо из ненависти или дружбы, по снисхождению или состраданию, из чувства стыда или скромности; он должен быть судьей равно благосклонным ко всем, дабы одной стороны не было воздано сверх меры» и пр. (*de hist. conscrib.* с. 41).

15 10 *Эхемлы*, подле теп. Vizzini, город в Сицилии. Ср. Diod. Sic. XX 31.

16 1 *Маний... Валерий*, М. Отакидий Красс. М. Валерий Максим.

2 У *римлян... воинов*. Число легионов у римлян увеличивалось или уменьшалось смотря по надобности. Так, у Ливия упоминается шесть легионов, восемь, двадцать, двадцать один, двадцать три. Liv. XXVII 22. 35. XXX 2. XXXI 8. XXXIV 43. Упоминаемые Полибием четыре легиона составляли т. н. консульские войска, по два легиона на консула. Численный состав легиона был не всегда одинаков. Нормальное число пеших в легионе было 4200 и 300 человек конницы. В чрезвычайных случаях число это поднималось до 5000—5200, а позже до 6000—6200 человек пехоты без соответствующего увеличения конницы. Во времена Полибия легион состоял из четырех родов оружия: 1200 hastati, 1200 principes, 600 triarii, 1200 velites. Marquardt,

römische Staatsverwaltung, 2 В. ² 1884, стр. 334 сл. 389 сл. 401. Кроме римских легионов, были войска италийских союзников (*socii*), а со времени пунич. войн и вспомогательные войска (*auxilia*). По словам Полибия, контингент союзнической пехоты равнялся по численности римскому, а конница союзников была многочисленнее римской чуть не в три раза. III 107 12.

3 *большинство... римлян*. По словам Диодора, страх перед римлянами стал так велик, что 67 городов разом перешли на сторону римлян.

9 *сто талантов*. По словам Диодора (XXIII 5), уплачено было 150 000 драхм, т. е. 25 талантов.

10 *мечтая... у эллинов*. Об издержках Гиерона на постройки и на подарки римлянам и эллинам см. Liv. XXIV 21. Plut. Marc. 14. Polyb. V 88. VII 8 6.

17 4 *из лигистинов... иберов*. Латинское название лигистинов или лигивов *Ligures*. Первоначальные поселения их простирались далеко за Лигурийский берег; в северной Италии они занимали, между прочим, горы, разделяющие бассейны По и Арно. Западной границей их была р. Рона, но и на правом берегу ее они образовали население иберо-лигуров. Северную границу их были Северны и швейцарские Альпы, в Италии жили по Лигурийскому берегу, в нынешнем Пьемонте, по склонам Апеннин, в Сардинии и даже по берегам Адриатического моря. Они жили и в Средней Галлии. Лигурийская короткоголовая раса отличалась и от иберов и от галлов, более поздних пришельцев. Иберы занимали главным образом Испанию (Иберию), а также значительную часть южной Галлии между Пиренеями и Гаронною. Остатки древних иберов под именем басков занимают долины Наварры и Беарна. Результаты классического исследования В. Гумбольдта о басках *Prüfung d. Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelt d. Baskischen Sprache* (Berl. 1821) во многом изменены трудами французских и немецких археологов и филологов.

5 *город акрагантян*, лат. Agrigentum, теп. Джирдженти, город на южном берегу Сицилии, дорийская колония Гелы.

18 1 *за продовольствием таïs провоцаïs*, собств. добывание фуража; *ai провоцаi* иногда то же, что *oi провоцеюотес* фуражиры, мародеры.

2 *Асклепия*, божество врачевания, перешло к римлянам под именем Эскулапия в III в. до Р. X.

ibid. к *Гераклее*, это так называемая Гераклея Миноя 'H. ἡ Μινῶα, город на южном берегу Сицилии при устье большого Галика, финикийское поселение, занятое спартанцами ок. 500 г. до Р. X. Ср. Полиб. 25 9. Diod. Sic. XVI 9.

5 *Гербес*, *Herbessus* у Плиния (III 8 14), теп. Pantalica, город в Сицилии подле Акраганта.

7 *Ганнибал*, отец Ганнибала, в течение семи месяцев защищал от римлян Акрагант. Умер на кресте. 24 5 сл.

8 *Ганнону*, один из многих карфагенян, известных в истории под этим именем. Говорят о нем еще Diod. Sic. XXIII 7—9. Zonar. VIII 10. Oros. IV 7.

19 2 *нумидийской коннице*. Нумидия, приблизительно теп. Алжир, прилегала на востоке к землям Карфагена, от коих отделялась р. Тускою; западная граница р. Мулухат. Заселена была разными племенами, в это время находившимися в полудиком состоянии. Нумидяне часто служили в войсках карфагенян, также римлян, ходили на войну и с собственными царями. Поставляли прекрасную конницу.

5 *Тор*, возвышенность Сицилии между Акрагантом и Гераклеей.

20 9 *пятипалубных... трехпалубных*, суда в пять рядов и в три ряда весел, один над другим. До I пунической войны римляне употребляли только военные барки и триеры; пентеры, по карфагенскому способу построенные и назначавшиеся исключительно для военных целей, до тех пор и в Италии не строились.

12—16 *не имея средств* и пр. Все это место о неопытности римлян в морском деле, о том, будто римляне в ту пору первый раз замочили весла и в воде, есть не больше, по словам Моммзена, как детская сказка. «Торговый флот Италии около этого времени должен был быть очень обширен, и в италийских военных кораблях равным образом недостатка не было» (*Римская история* I, 490 сл. Перев. 1877). Весною 494 г. Р. римляне спустили на море флот, какого до тех пор у них не было. О прежних морских силах римлян см. Моммзен, там же I, 391 сл. Ср. Полиб. III 22 сл.

14 у *тарантян*, жители города Таранта, лат. Tarentum, теп. Tarento, в Тарентском з., что между Бруттием, Луканией и Калабрией.

ibid. *локров*, жители Локров Эпизефирских, город в нижней Италии, при мысе Зефирии на южной оконечности Бруттийского полу-ва, колония локров озольских.

ibid. *Элейцев*, город Элея, лат. Velia, колония фокеян, в Лукании подле р. Галеса.

ibid. *жителей Неаполя*, Неаполь, город в Кампании, на западном склоне Везувия, колония халкидян из Кум.

21 2 *келевста*, *келевотís*, лат. pausarius, или hortator, под флейту которого гребцы ударяли веслами.

4 *Гней Корнелий* Сципион Азина конс. 494 г. Р. = 260 г. до Р. X. вместе с Г. Дуилием, освобожден из карфагенского плена Регулом.

5 *Липарян*, город Липара на острове того же имени, самом большом из Липарских о-вов у северного берега Сицилии.

6 в *Панорме*, теп. Palermo, город на северо-западном берегу Сицилии.

22 1 за *Гайем Биллем*, другая форма имени Г. Дуллия, как в м. Duellius говорилось Bellius; ф. *Bilios* восстановлена из рукоп. *libios*.

3 *вороном*. Это было подобие abordажного моста, который перебрасывался на неприятельский корабль и благодаря которому римляне обращали морское сражение в сухопутное. Для той же цели служили т. н. железные руки *ferreae manus*. Описание ворона у Полибия не совсем ясно. [сажень = 1,85 м; фут = 30 см.]

23 2 *Милейской области*, окрестности города. Мил. См. выше 9 7.

10 *карфагеняне... кораблей*. Победа римлян увековечена была мраморной колонной, поставленной на форуме и украшенной фигурами носов военных кораблей, почему называлась *Columna rostrata*.

24 2 от *Эгесты*, иначе *Сегеста*, *Егеста*, город в Сицилии между Дрепанами и Панормом.

ibid. *Макееллу*, город в Сицилии, к югу от Эгесты. Ср. Liv. XXVI 21.

ibid. *Гамилкар*, один из нескольких карфагенян, известных под этим именем в истории, был взят в плен римлянами в Африке в 256 г. Diod. Sic. XXIII 9.

4 *Паропом*, теп. Paeco, город во внутренней Сицилии.

ibid. *Фермами*, теп. Termini, город на северном берегу Сицилии, с минеральными источниками.

10 *Гиппаны*, теп. может быть Monte Maggiore, к югу от Гимеры.

11 *Миттистрат*, город в Сицилии, положение его неизвестно.

12 *камариныя*, город Камарина в Сицилии, у устья р. Гиппариса.

ibid. *Энну*, теп. Castro Giovanni, город внутри Сицилии с знаменитым храмом Деметры.

25 1 у *Тиндариды*, теп. Tindare, город на северном берегу Сицилии.

8 у *Экмона*, теп. Monte di Licata, возвышенность южной Сицилии подле Гелы. Ср. Diod. Sec. XIX 104. 108.

9 к *Лиллибею*, теп. Саро Воео или С. di Marsala, юго-западная оконечность Сицилии, с городом того же имени карфагенской колонией.

26 6 как называют... *войске*. В первый раз римляне перенесли на море некоторые особенности сухопутного строя. Ср. 16 2 прим.

13 *расположенный... линию эли мисв вабу эн метолф* paues omnes una eademque linea, uno lato ordine, in frontem dirigere. В том же смысле употребляется более полное выражение *эли мисв евдеисан таттеп*.

ibid. *весь боевой... треугольника*. Римляне называли такой вид строя (Δ) клином *cuneus*; вершину его образовывали два адмиральских корабля, а основание *triarii*. Боевой строй принимал тот или другой вид сообразно обстоятельствам и планам вождей.

27 4 *поворачивая к суше эн эликкислэф вефос прос тпу упу*. *Ἐλικκισλιος τὰς* лат. *forceps*, клещи (V). Aelian. *Tactic*, 45 сл. Казобон так переводит наше место: *quartam eademque totius aciei sinistram partem ad forcipis concinnant figuram, ita, ut ad terram vergat*. По мнению Швейггейзера, линия изогнута была под прямым углом: *quartam partem a laevo totius aciei locarunt, inflexa ad rectum angulum linea, ita, ut ad terram vergeret*. Ср. Н. Droysen, *Heerwesen u. Kriegführung d. Griechen I.* 1888, стр. 140.

28 6 *первые... расходились*. Пробел в уцелевших списках несомненен. Попытки восполнить пробел (см. Schweighäuser, T. V, 225 сл) до сих пор не увенчались успехом. Конъектуры Рейске *πρῶτοι σμβαλόντες πρῶτοι καὶ διεκρίθησαν*, Бютнер-Вобста л. *κινδυνεύσαντες πρῶτοι κ. δ.* оставляют без объяснения *уар* ибо в ближайшем предложении. Смысл места скорее всего тот, что казавшиеся победителями в начале битвы были побеждены в конце.

29 2 к... *Гермесову мысу*, теп. Сар Вон в Зевгитане.

ibid. *Аспидом*, теп. Kalibia, у римских писателей Слуреа, город Бизации в Ливии.

30 1 *Гасдрубала*, имя нескольких знаменитых карфагенян. В 250 г. потерпел поражение от Метелла при Панорме. 40

5 *Адису*, город в Ливии, имя нигде больше не встречающееся.

15 *Тунетом*, лат. Тунис, укрепленный город к юго-западу Карфагена, у устья р. Катады.

31 5 *предложенный Марка*. Марк требовал, чтобы карфагеняне отказались от Сицилии и Сардинии, вступили в союз с Римом на условии зависимости от сего последнего, подчинились обязательству вести морскую войну не иначе, как с дозволения римлян, и пр.

33 9 *легковооруженных уросфоридов*, назывались так по легким метательным копьям *уросфор*, *hastaе velitares*; каждый воин имел таких копий от 5 до 7. Прочее вооружение их состояло из круглого легкого щита (*parma*), кожаной шапки (*galea*) и испанского меча. У Полибия описание *уросфор* находится VI 22 1. 2. Легковооруженных в легионе было 1200 человек. Они не зачислялись ни в манипулы, ни в центурии.

ibid. *манипулы стмакас*. Название этого деления произошло от военного значка (*σμηῖον signum*), каковым в древнейшее время служила горсть сена на древке. Отличительную чертой манипульного легиона, возникающего, кажется, во время войн с Пирром, была большая

легкость движений сравнительно с древнейшим строем. Подразделения легиона получали тактическую самостоятельность. Легион делился на три строя, следующих один за другим: *hastati*, *principes*, *triarii*, причем только третий строй имел рукопашные копья, а первые два вооружены были новым метательным оружием, *pilum*, дротиком. Каждый строй делился на 10 манипулов и впоследствии каждый манипул на 2 центурии с особым офицером (*centurio*). Манипулы первых двух строев имели по 120 человек, а третьего по 60. Между строями и манипулами были промежутки. Солдаты среднего строя, *principes*, стояли позади манипулов *hastati*, так что заполняли промежутки между ними, и *hastati* в случае нужды могли отступить за средний строй. *Triarii* стояли против промежутков *principes*, так что расположение манипулов шло в шахматном порядке. Главные сведения о манипульном построении разных периодов дают Ливий VIII 8 и Полибий VI 19 сл. М. Jähns, *Handbuch einer Gesch. des Kriegswesens*. 1880, стр. 222 сл. Marquardt, о. с. II, 344 сл. Н. Schiller, *die Kriegsalterthümer*, 709 сл. (Jw. Müller, *Handbuched. klassisch. Alterthumswissenschaft*). Ср. Моммзен Р. II, 1, 413 сл. Н. Delbrück, *Histor. Zeitschr.* 1884, Н. 2. М. I. de la Chauvelays, *l'art militaire chez les Romains*. Paris. 1884.

34 6 *фалангу*. Изобретателем особого боевого строя, известного под этим именем, почитается Филипп, отец Александра. Задача этого строя состояла в том, чтобы возможно теснее соединить большое число воинов, — 10, 16, 20 тысяч, — в одну непроницаемую и несокрушимую массу. Воины в линию состояли близко друг к другу, так что щиты их соприкасались между собою краями. Колонна обыкновенно состояла из 8 шеренг в глубину, иногда плотность строя удваивалась и утраивалась. Главное оружие фалангитов — длинное копье (*sarissa*) в 14 и раньше в 16 локтей длины, потом огромный щит, прикрывавший почти всего воина, так что боевая линия представляла собою подобие стены. Копья носились на правом плече. Во время сражения сариссы пяти первых рядов торчали против врага; начиная с шестого ряда воины держали свои копья прямо, прислонив к правому плечу впереди стоявших воинов. Поднятие копий вверх передними рядами означало готовность фаланги сдаться. Фаланга сохранялась в силе в войсках Пирра и Персея и уступила место более подвижному строю римских легионов. У Полибия фаланга употребляется большею частью не в специальном значении македонской фаланги, но в смысле тяжеловооруженной пехоты. Главный источник наших сведений о фаланге Полиб. XVIII 12 сл. Curtius III 2 9. Ср. Droysen, *Geschichte Alexanders*. Berl. 1833, стр. 95 сл. Н. Droysen, *Heerwesen*, 171 сл.

10 *прочее войско*. 30 000 тяжеловооруженных римлян легли на поле сражения.

35 4 *Еврипид*. Выражение взято из трагедии его «Антиопа» (*fr.* 220 Nauck): «Умом человека устраиваются ко благу государства, семья; большую силу имеет ум и в войне. Один мудрый совет стоит многих рук; напротив, нежесткая толпа великое зло».

36 4 *другой рассказ*, у Аппиана (*hist. punic.* 4) рассказывается, что он был щедро одарен и отплыл на родину, но на пути по распоряжению карфагенских властей утоплен вместе с прочими лакедемонянами.

12 *молодых воинов νεανίσκους*. По примеру римлян, называющих воинов *juvenes*, Полибий называет войско *νεανίσκοι*, *νεοί* без отношения к возрасту. Ср. 48 4. 88 6. IV 16 6. и др.

37 4 *между восходом...* Пса. Орион одно из созвездий южного неба вблизи Плеяд. Захождение этого созвездия в позднюю осень приносило с собою бурю и дожди. *Virg. Aen.* IV 52. Созвездие Пса (большого) между Кораблем, Орионом и Зайцем, иначе Сириус. Орион восходит между концом июня и началом июля (Plin. Н. Н. XVIII, 63 2), Сириус в последней трети июля.

38 7 к *сицилийскому Панорму*, определение для отличия от других городов того же имени. У Стефана Визант. под сл. *Rapogmos* называются: город и гавань Сицилии, гавань Кизика, город Пелопоннеса против Навпакта.

39 2 *Менингом*, теп. *Djerba* с г. Менах, у Птолея (IV 3, 45) называется *Lophagitis* по обилию плодов грудагодника, остров у М. Сиртиса.

8 *Луцием Цецилем Метеллом*. В сентябре 504 г. Рима = 250 г. до Р. X. получил триумф за победу над карфагенянами при Панорме. Сама победа одержана была в июне того же года. *Fraenkel, der Amtsantritt der röm. coss.* стр. 126.

13 *Ферму*, кажется, то же, что Гимерские Фермы. I 24 4.

ibid. Liparu, теп. *Lipari*, город на острове того же имени, одном из Липарских, или Эоловых о-вов.

40 15 *вместе с индийцами*, так назывались вожак слонов без различия народности их. Боевые слоны впервые стали известны эллинам со времени походов Александра Македонского в Азию, когда в персидском войске появились слоны, выставленные союзными индийцами. Последующими македонскими царями слоны получались из Индии. Римляне впервые встретились со слонами в войне с Пирром (282 г. до Р. X. = 471 г. Рима). Карфагеняне употребляли в дело африканских слонов, уступавших в боевом отношении индийским, как видно и из Полибия. V 84 5.

42 4 *Пахином*, теп. *Capo Passaro*, юго-восточная оконечность Сицилии.

7 *лагунами τεναγέων ἐκ θαλάττης*, неглубокие водовместилища морской воды.

8 У этого города и пр. При осаде Лилибея римляне в первый раз применили к делу права осадного искусства, коему научились у эллинов. Осаждая Лилибей, римляне в то же время блокировали гавань.

9 *брать... тарана кривоколей*. Стенобитная машина из трех бревен: между двумя вбитыми в землю бревнами помещалось третье в висячем положении на цепях или канате. Висящее бревно снабжалось на переднем конце железом в виде бараньей головы с одним или двумя рогами. Оттянутое назад и снова пущенное, бревно с силою ударяло в стену.

12 *Гимилькон*, лат. Himilco, имя нескольких, известных в истории карфагенян. Полибий рассказывает о нем ниже.

43 6 *бжавшие... возвратились τῶν ἐκπληθόντων*, за сим в рукописи пробел, пополняемый Рейске слов. *παρὰνεομένων*, или *ἐπαελλδόντων*, или *πρωσιγγίντων*, у Б.-Вобста *ἐκ τοῦ προφανοῦς ἐρχομένων*.

44 1 *Ганнибалу*, пал в войне с наемниками I 86. Почему он называется *триерархом* и *первым* другом Адгербала, неизвестно. См. пояснения у Швейгтейзера. Т. V, 262 сл.

ibid. *триерарху*, как здесь, так и II I 9, слово *триерарх* означает начальника флота, состоящего в зависимости от главнокомандующего морских и сухопутных сил.

ibid. *Атарбала*, лат. Adherbal, имя нескольких карфагенских полководцев. Упоминаемый здесь Атарбала разбил римский флот при Дрепанах в 248 г. до Р. X. Полиб. I 49 сл.

2 у... *Эгусс*, т. е. Козьих о-вов, лат. Aegates, три островка подле Лилибея: Форбантия, теп. Levanzo, Эгуза теп. Favignana, Гiera, теп. Marettimo, прославились последней решительной победой римлян в I пунической войне. Время сражения у Эгусс (59 г — 61 г) конец 512 г. Рима = 242 г. до Р. X. Seif, *de Polybii olympiadum ratione et de bello punico primo*. L. 1887, p. 44.

45 5 *ранним утром ἐωθινής φυλακῆς*, т. е. в пору утренней стражи. Сторожевая служба внутри лагеря разделялась на дневную (excubiae) и ночную (vigiliae). Ночные караулы продолжались от захода солнца до восхода и состояли из 4 равных смен. В нашем месте речь идет о последней ночной смене.

46 1 в *Дрепаны*, теп. Trapani, город и гавань на косоподобном мысе северо-западной Сицилии.

4 *Ганнибал... Родосец*, из других источников неизвестен; впоследствии захвачен римлянами. 47.

47 7 в *одно... собственным ἐκ καταβολῆς* собственно «сначала», «сызнова». Место это понимается различно: Казобон переводит subinde pariter, Гронов *ex navis structura... secum*, Рейскетум *primum*, Швейгтейзер *gursus* или *inopinato impetu*. Е. Шульце (Rh. Mus. 1868, XXIII В. 428 сл.) предлагает остроумную поправку *ἐξ ὑλοβολῆς* «из засады»; но у Полибия нет намека на засаду. Удерживая рукописное чтение, мы в приведенных выше словах находим сжатое указание на то, что римский корабль пустился в погоню тотчас, как только отчалил корабль родянина.

49 3 *Публий Клавдий* Пульхр, сын Аппия Клавдия Слепого, начал сражение невзирая на неблагоприятные указания гадалелей. Liv. *epit.* 19. Cicer. *divin.* I 16 29.

ibid. *трибунов*. Командование легионом принадлежало 6 трибунам таким образом, что каждые два из них командовали целым легионом в течение двух месяцев, причем командующие трибуны чередовались через день. Случалось и так, что каждый трибун командовал легионом в продолжение месяца. Сначала *tribuni militum* выбирались консулами, но с 362 г. до Р. X. в трибутских комиссиях народ выбирал 6 трибунов, потом 16, еще позже всех 24 для ежегодно набиравшихся 4 легионов. Это были *tribuni militum a populo*; подобно прочим магистратам, они вступали в отправление должности 1 января. Для остальных легионов трибуны выбирались консулами. Marquardt, *rom. Alterth.* II 364 сл. 2.

50 6 *боевые корабли*, *rostratae*, снабженные металлическими носами (*ἔμβολος*, *rostrum*).

52 5 *Луция Юния*. Л. Ю. Пулл был консулом в предыдущем году вместе с А. Клавдием Пульхром, а не в 248.

7 *квесторов τοῦ ταμίαιος magistratus minores*. С 333 г. Р. число квесторов было удвоено, причем два из них *quaestores aerarii* или *urbani*, оставались в городе, два других, первоначально *qu. classici* сопровождали консулов на войну, *ad ministeria belli*. Как в городе, так и на войне обязанности их определялись стоящими над ними *magistratus majores*. Lange, *rom. Alterthum*. I, 637 сл.

53 11 *катапульты и камнеметательницы*. Первые (*καταπέλται*) служили для метания стрел, вторые для метания камней (*λιθοβολοί, πετροβολοί, ballistae*), первые метали в прямом направлении, вторые дугою. Для метания стрел и камней приспособлен был особый механизм с тетивой. М. Iähns, *Handbuch einer Gesch. des Kriegsw.* 207 сл.

55 6 *Эрикс*, теп. Piuliano, город в Сицилии с храмом Афродиты, т. е. финикийские Ахеры, и с городом того же имени.

56 1 *Гимилькара... Барка*, или Барак, т. е. молния, один из знаменитейших полководцев. Главным делом его было покорение значительной части Испании в течение 9 лет (237—228); там он пал в битве с веттонами. Лет 30 от роду вступает в борьбу с римлянами.

3 *Бруттийских полей*. Бруттий, теп. Calabria, область на южной оконечности Италии.

ibid. на *Герктах*, теп. Monte Pellegrino подле Палермо.

58 1 *подобно... состязания*. Речь идет об одном из приемов распорядителей на состязаниях, когда для прекращения слишком затянувшейся борьбы атлетам предлагали более опасный и решительный вид битвы.

5 не *пожертвовали... богам*. Победители получали венок; если победа была сомнительна, венок жертвовался богам, что по лат. называлось *hieram facere*. Senec. *epist.* 83.

7 *петухам*. О боях петухов у римлян Aelian. *Var. Hist.* II 28.

59 8 *Гайя Лутация Катула* [другим консулом был Авл Постулий Альбин].

60 3 *Гиерою*, один из островов Эгусс, недалеко от Эгуссы.

6 на *сильно волнующемся море κοίτης καὶ τραχείας οὐσῆς τῆς θαλάττης*. Швейтгейзер переводит: *magi modo dehiscente, modo asperius intumente*, т. е. опускающееся и еще сильнее вздымающееся море.

62 9 *эвбейских талантов*. Эвбейский талант относился к аттическому как 5 : 6. Если последний = ок. 1462 р., то эвб. = ок. 1219 р.

63 4 *какие... в истории ὧν ἡμεῖς ἴσμεν ἀκοῆν μαθόντες*. Слово *ἀκοή* ни в каком случае не может означать здесь «слухи», «устные предания» или «рассказы». Это — известия о прошлом, устные ли то, или записанные, безразлично. То же самое 88 7. Согласно с таким значением, Полибий редко называет читателей *οἱ ἀναγινώσκοντες* X 26 10. 31 6, обыкновенно *οἱ ἀκούοντες* I 13 6. 64 2. II 61 11. III 37 1. X 9 8.

65 2 в *домашнюю войну πόλεμος ἐμφύλιος*. Так обыкновенно называются у эллинских писателей гражданские, или междоусобные войны: Суллы и Мария, Кесаря и Помпея и пр. Тот же термин перенесен на войны римлян с соседним союзным народом и на войны карфагенян со своими наемниками.

ibid. с... *фалисками*, жители этрусского города Фалерий, или Фалезии, или Фалисков, Aequum Faliscum, на Фламиниевой дороге. После 293 г., когда фалиски примкнули к восставшим этрускам и были усмирены, они вынуждены были покинуть высоты и поселиться в равнине.

66 1 *Гескон*, лат. Giscop, имя нескольких карфагенских предводителей. Дальнейшая судьба его гл. 80.

10 в *Сикке*, город в Нумидии, на р. Баграде, может быть, теп. Keff.

67 7 *полуэллинов μετέλλητες hybridae graeci*, происходили от смешения эллинов с варварами.

69 5 *он... смерти*, сечение розгами и распятие на кресте.

70 9 *Утики*, важная финикийская колония, по Аристотелю выведенная в Ливию около 1100 г. до Р. Х., века за три до основания Карфагена находилась на полуострове у устья р. Баграда.

ibid. *Гипнакрит*, иначе Hippon, или Hippo Diarrytos, теп. Vizerta, финикийская колония к западу от Утики при глубокой бухте.

73 1 *Гекатонтапил*, значительный город Ливии, теп. Тебесса.

74 13 *Горзою*, город Бизацены, в средней части карфагенской области.

75 5 *Магора*, река подле Карфагена.

76 2 *обменялись советами... ободрениями παρηγγύων ἅμα παρακαλοῦντες σφᾶς αὐτοῦς*. Сл. *παρηγγύων* означает давать приказание, переходящее потом от одного к другому, иногда пароль.

79 1 в *Сардинии*; богатой оловом, железом и пр. Жители острова представляли смесь народностей: этрусков, иберов, финикийян, эллинов, после пунических войн и римлян. Занимались больше скотоводством, чем хлебопашеством и мужественно боролись против карфагенян и римлян. Римляне господствовали только по берегам.

81 5 *становятся злокачественными... нарывы ἀποθριούσσαι*, собственно дичают, обращаются в дикое мясо. Этьен приводит под сл. *θριώμα* между прочим следующее место Цельза: «Est etiam ulcus, quod θριώμα Graeci vocant. Id et per se nascitur, et interdum ulceri, ex alia causa factio supervenit. Color est vel lividus, vel niger, odor foedus; multus et muco similis humor. Ipsum ulcus neque tactum, neque medicamentum sentit; prurigine tantum movetur; at circa dolor est et inflammatio. Interdum etiam febris oritur. Nonnunquam ex ulcere sauguis erumpit. Atque id quoque malum serpit. Quae omnia sacpe intenduntur fitque ex his ulcus, quod ἔρπηταειδίόμενον Graeci vacant, quia celeriter serpendo penetrandoque usque ad ossa corpus vorat». О душевном одичании Полибий употребляет этот термин IV 21 6. VI 9 9. XXXII 7 7.

82 6 *Эмпорий*, в окрестностях Малого Сиртиса. Ср. III 23 2. Emporiae собств. торжища, складочные места товаров; так названы были эллинами поселения финикийян у обоих Сиртисов.

85 7 *Прион*, подле Карфагена. О каком-то иллирийском поселении Аппиан (*Illir.* 25) говорит: «место гористое, окруженное со всех сторон острыми холмами наподобие пил».

88 12 *под тяжестью... невзгод εἰςάντες καιροῖς*. Дальше (III 10 1) автор ссылается на это место, говоря, что выше он говорил подробнее о столкновении карфагенян с римлянами. Краткость известия произошла, быть может, по вине не Полибия, но какого-либо позднейшего эпигомотора.

ВТОРАЯ КНИГА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИБИЯ

Содержание предыдущей книги. Гамилькар в Иберии; преемник его Гасдрубал (1). Иллирийские дела, царь их Агрон, осада Медиона этолянами, поражение этолян, смерть Агрона, иллирийская царица Тевта (2—4). Феника в Эпире выдана иллирянам наемными галлами, Скердилаид, победа иллирян над эпиротами; этоляне и ахеяне помогают эпиротам; союз эпиротов с иллирянами (5—6). Вероломство галльских наемников (7). Разбои и завоевания иллирян; вмешательство римлян (8—10). Иллирийская война римлян, кончившаяся заключением мира (11—12). Посольство римлян к эллинам по поводу иллирийских дел, участие римлян в истмийских играх (12). Дела в Иберии, договор римлян с Гасдрубалом (13). Положение дел в Галлии. Наружный вид Италии. Вид и пределы Галлии Цизальпинской, плодородие ее. Галлы альпийские, трансальпинские (14—15). Гора Апеннин; река Пад (16). Вытеснение этрусков галлами из верхней Италии; образ жизни цизальпинских галлов (17). Вторжения галлов в римские владения; битвы галлов с римлянами; истребление галлов сенонов; римская колония Сена (18—19). Разбитые бои просили мира у римлян; римляне закалились в войнах с галлами (20). Новые движения галлов; аграрный закон Фламиния; причина трудной войны с галлами; инсомбры, бои, гесаты; галльская война; силы галлов; приготовления римлян к войне (21—23). Военные силы римлян и союзников; римский легион (24). Битвы римлян с галлами; Л. Эмиллий; отступление галлов и жестокое поражение их при Теламоне, покорение боев (25—31). Война римлян с инсомбрами и поражение инсомбров благодаря распорядительности трибунов, вооружение галлов; новые поражения инсомбров; взятие римлянами Медиолана; окончание галльской войны; поучение эллинам (32—35). Преемник Гасдрубала в Иберии Ганнибал (36). Переход к остальным частям введения; ахеяне и союз их; честность ахеян (37—39). Виновники возрождения и укрепления ахейского союза: Арат, Филопеман, Ликорт; первоначальный союз ахеян разрушен македонянами; восстановление его в олимпиаду 124 (40—41). Похвала ахеянам (42). Первый стратег союза; присоединение Сикиона к союзу, Коринфа, Мегар; стратегия Арата; царь Македонии Антигон Гонат (43). Ахеяне в союзе с этолянами против Деметрия; тираны присоединяются к ахейскому союзу; тиран Мегалополя Лидиад; замыслы этолян против ахеян; мероприятия Арата (44—45). Царь лакедемонян Клеомен взял многие города ахеян; Клеоменова война (46). Переговоры Арата с Антигоном Досоном (47—50). Поражение ахеян Клеоменом при Ликее, Ладокки, Гекатомбее; ахеяне обратились за помощью к Антигону; неудачи ахеян, появление Антигона в Пелопоннесе (51—52). Занятие Аргоса ахеянами, Коринфа Антигоном; неудача Клеомена (53—54). Вторжение Клеомена в Мегалополь (55). Лживость Филарха в рассказах о Мантинее вообще и о тиране Аристомaxe в частности (56—63). Разорение артивских полей Клеоменом; поход Антигона в Лаконику;

сражение при Селласии; победа Антигона и ахейян; доблесть Филопемена (64—69). Антигон овладел Спартою, на обратном пути домой почтен эллинами; битва Антигона с иллирянами; кончина его (70). План автора; связь I и II книг с последующими (71).

1 В предыдущей книге мы установили, с какого времени римляне по устройению дел в Италии приступили к завоеваниям внешним; потом рассказали, каким образом они перешли в Сицилию и по каким причинам вступили в борьбу с карфагенянами из-за 2 этого острова; затем, когда они впервые принялись за сооружение флота, и что выпало на долю каждой из воюющих сторон за время этой войны до конца, когда карфагеняне очистили всю Сицилию, а римляне сделались обладателями целого острова, за ис- 3 ключением подчиненных Гиерону частей его. Вслед за сим мы перешли к рассказу о том, каким образом наемные войска подняли восстание против карфагенян и зажгли так называемую ливийскую войну, как велики были злодеяния во время этой войны, какой неожиданный ход приняли события до самого окончания 4 войны и до победы карфагенян. Теперь мы постараемся изложить события, непосредственно следовавшие за вышеописанными, касаясь отдельных предметов лишь в общих чертах согласно первоначальному плану.

Карфагеня- 5 Как скоро карфагеняне умили Ливию, они тотчас собрали не в Испа- 6 войска и отрядили Гамилькара в Иберию. Взяв с собою войско нии и сына своего Ганнибала, тогда девятилетнего мальчика, Гамилькар переправился морем к Геракловым столбам и водворил вла- 7 дичество карфагенян в Иберии. В этих странах прожил он около 237—228 девяти лет и множество иберийских племен привел в зависимость от Карфагена частью войною, частью путем переговоров, и кон- 8 чил жизнь смертью, достойною прежних его подвигов, именно: выстроившись к бою против многочисленнейшего и храбрейшего войска, Гамилькар в момент опасности обнаружил изумительную 9 отвагу и расстался с жизнью, как доблестный воин. Командование войском карфагеняне передали Гасдрубалу, зятю его и триерарху.¹

2 К этому времени относится и первый военный переход римлян 223 2 в Иллирию и прилегающие к ней части Европы. Желаящие верно Иллирийские дела понять нашу задачу и выяснить себе постепенный рост римского могущества, должны со вниманием, а не мимоходом только 3 остановиться на этом событии. Римляне приняли такое решение 4 по следующим приблизительно причинам: царь иллирян Агрон, сын Плеврата, располагал более значительными сухопутными и морскими силами, нежели предшествовавшие ему цари Иллирии. 5 Подкупленный деньгами Деметрия, отца Филиппа, он обязался 6 помогать медионянам, осажденным этолянами. Дело в том, что этолянам никак не удавалось склонить медионян к участию в их 7 союзе, а потому они решили покорить их силою. Поэтому со всем ополчением выступили этоляне в поход, расположились лагерем кругом города медионян и немедленно приступили к осаде их, 8 употребляя в дело все средства и искусство. Когда наступила пора выборов,² и нужно было выбрать другого военачальника, между тем положение осажденных становилось труднее и каждый день

¹ I 44 1 примеч.

² Осеннее равноденствие IV 37 2.

ожидалась сдача города, действовавший тогда стратег обратился к этолянам с предложением: так как он претерпел лишения и 9 опасности, сопряженные с осадой, то справедливость требует, чтобы после покорения города раздел добычи и начертание имени на оружии принадлежали ему. Но так как некоторые из этолян, 10 больше всего те, которые сами жаждали власти, возражали против этого и уговаривали народ не предвосхищать событий и предоставить самой судьбе увенчание счастливица, то этоляне постановили, что раздел добычи и начертание имени на оружии должны принадлежать вновь избранному начальнику города совместно с прежним.

Когда постановление состоялось, а на следующий день должны 3 были, по обычаям этолян, происходить выборы и передача власти, ночью на сотне лодок иллирыне в числе пяти тысяч человек подошли к медионскому берегу, в ближайших к городу местностях. Пристав к берегу, они на другой же день с рассветом быстро и 2 незаметно для врага сделали высадку, по обыкновению выстроились небольшими отрядами и двинулись на стан этолян. Когда 3 этоляне увидели это, они были поражены неожиданностью наступления и смелостью иллирян; однако с давнего времени преисполненные самоуверенности и полагаясь на собственные силы, этоляне не совсем упали духом. Значительную часть тяжелово- 4 оруженных и конницы они поставили на ровном месте перед самой стоянкой, а с другою частью конницы и с легковооруженными заняли высокие удобно расположенные пункты впереди вала. Иллирыне, не останавливаясь, ударили на легкие отряды и 5 благодаря своей многочисленности и тяжести боевого строя выбили их из позиции, а сражавшуюся вместе с ними конницу принудили отступить к тяжеловооруженному войску. Вслед за сим 6 они ударили с холма на этолян, стоявших в равнине, и быстро обратили их в бегство, ибо в нападении на этолян участвовали медионяне из города. Много этолян было убито, еще больше взято 7 в плен, все вооружение их и обоз попали в руки иллирян. Исполнив приказание царя, сложив взятые пожитки и остальную 8 добычу в лодки, иллирыне немедленно отчалили и направились домой.

Так неожиданно спасены были медионяне. Они сошлись в со- 4 брание и обсуждали между прочим начертание надписи на взятом у неприятеля оружии. Постановлено было, согласно прежде со- 2 стоявшемуся решению этолян, чтобы в надписи поименованы были вместе с действующим начальником и те, которые добивались этого звания на следующий год. Таким исходом дела судьба как 3 бы намеренно дала понять свою мощь и прочим людям; ибо то 4 самое, чего медионяне ждали от врагов, они чуть не в то же самое время учинили по соизволению судьбы над врагами. Неожиданно 5 понесенным поражением этоляне преподали урок всем людям, что на будущее не следует взирать как на свершившееся, что невозможно наперед возлагать верные надежды на то, что может кончиться неудачею, что нам, как людям, необходимо во всех делах, а наиболее в войне принимать во внимание случайные обстоятельства, не поддающиеся предвидению.¹ Царь Агрон по 6 возвращении лодок выслушал сообщение начальников о битве и

¹ Фукид. I 78.

чрезвычайно обрадовался победе над этолиями, преисполненными величайшей гордыни. Он предался пьянству и прочим излишествам, заболел плевритом, от которого через несколько дней 7 и умер. Царство унаследовала жена его Тевта, которая управляла 8 государственными делами при помощи верных друзей. Тевта, как и свойственно женщине, мечтала только об одержанной победе, не помышляя о прочем, и потому прежде всего разрешила подданным грабить на море по своему усмотрению всякого встречного; потом она снарядила флот, собрала войско не меньшее прежнего и, отправляя его в поход, дозволила начальникам поступать с каждой страной, как с неприятельской.

5 Отправленные войска первое нападение совершили на земли 2 элейцев и мессенян, непрестанно опустошаемые иллирянами. Побережье этих стран велико, а главные города их лежат в глубине материка, поэтому помощь против высадившегося неприятеля шла издалека, медленно, и он беспрепятственно совершал набеги и 3 грабил страну. Тогда же иллиряне подошли к Фенике, городу 4 Эпира, чтобы запастись хлебом. Здесь они вошли в сношения с некоторыми галатами, состоявшими на службе у эпиротов и в числе человек восьмисот находившимися в Фенике, и условились с ними относительно выдачи города изменою. Галаты обещали свое содействие; тогда иллиряне высадились на берег и с первого набега овладели городом с его жителями при участии галатов из 5нутри. Узнав о случившемся, эпироты со всем войском устремились против врага. По прибытии к Фенике они ради прикрытия себя с тыла расположились лагерем за рекою, протекающею подле города, и для большей безопасности разобрали речной мост. 6 По получении известия, что Скердилаид с пятью тысячами иллирян приближается к ним по суше через ущелье у Антигонии, эпироты отрядили часть войска для охраны Антигонии, а затем предались беспечной жизни, не в меру пользуясь произведениями 7 страны и забывая о сторожевых и передовых постах. Иллиряне узнали о разделении неприятельского войска и последовавшей за сим беспечности врагов и ночью выступили в поход; положили на мост доски и беспрепятственно переправились через реку. Заняв сильный пункт, они провели там остальную часть ночи. С наступлением дня обе стороны выстроились к бою перед городом, и возгорелась битва, кончившаяся поражением эпиротов; многие из них пали на месте, еще больше взято в плен, прочие бежали к атинтанам.

6 После такой неудачи, потеряв всякую надежду помочь себе собственными силами, эпироты отправили посольство к этолиям 2 и к народу ахеян с просьбами и мольбами о помощи. Те сожалелись над несчастными, вняли их просьбе и вскоре явились 3 на помощь в Геликран. Занявшие Фенику иллиряне подошли с Скердилаидом к городу и с намерением дать битву расположились лагерем против подоспевшего вспомогательного войска. Но им мешали трудности местоположения; сверх того, получено было письмо от Тевты, требовавшее скорейшего возвращения их домой, так как часть иллирян отложилась и перешла на сторону 5 дарданов. Поэтому, ограбив Эпир, они заключили с жителями его 6 перемирие, по условиям которого возвращали за выкуп свободнорожденных пленных и город. Рабов и прочую добычу они поместили в лодки, после чего часть их отправилась назад морем, а отряд Скердилаида отступил сухим путем через теснины Ан-

тигонии. Велико было смущение и страх, наведенные иллирий- 7
цами на прибрежных эллинов. При виде того, как неожиданно за- 8
воеван ими укрепленнейший и вместе могущественнейший город
эпиротов, все эти эллины испытывали большую тревогу не за
произведения своей земли, как в прежнее время, но уже за самих
себя и за свои города.

Между тем так неожиданно спасенные эпироты и не думали 9
об отмщении обидчикам или о благодарности союзникам. Напро-
тив, они отправили посольство к Тевте и вместе с акарнанами
заключили союз с иллирянами. Согласно договору, эпироты в по- 10
следующее время действовали заодно с иллирянами в ущерб ахей-
цам и этолянам. Этим они ясно показали, что не умеют быть
благодарными относительно своих благодетелей, и что в собст-
венных делах с самого же начала поступили безрассудно. Ибо, 7
если смертного постигает какая-либо неожиданная беда, то вина за
нее падает не на потерпевшего, но на судьбу и на того, кто при-
чинил беду. Напротив, если кто необдуманно кидается на вели- 2
чайшие опасности, тогда всякий скажет, что виноват потерпев-
ший. Вот почему люди, пострадавшие по воле судьбы, возбуж- 3
дают в нас жалость, снисхождение и располагают к помощи, тогда
как в удел другим, впавшим в беду по собственному безрассуд-
ству, достаются позор и осуждение от людей здравомыслящих. И в 4
это время эллины отнеслись к эпиротам так, как они того за-
служили. Во-первых, неужели кто-нибудь может быть настолько 5
неосторожен, чтобы, зная общее мнение о галатах, дать им в руки
город богатый, представляющий большой соблазн к нарушению
уговора? Во-вторых, как можно было не остерегаться отряда га- 6
латов, настроенных таким образом? Ведь первоначально они из-
гнаны были из родной страны соединившимися против них едино-
племенниками за вероломство относительно своих же братьев.
Карфагеняне, теснимые войною, приняли их в союз, но лишь 7
только возникли разногласия между солдатами и начальниками
из-за жалованья, галаты тотчас бросились грабить город акраган-
тян, в котором поставлены были в числе трех тысяч человек с
лишним для охраны. Впоследствии для той же цели они введены 8
были в Эрикс, когда римляне осаждали этот город, и задумали
выдать неприятелю как самый город, так и осажденных вместе
с ними жителей. Но это не удалось; тогда они перебежали к не- 9
приятелю. Принятые этими последними с доверием, они снова
ограбили святилище Эрикской Афродиты. Поэтому и римляне, 10
вполне убедившись в подлости галатов, по заключении мира с
карфагенянами почитали себя делом первостепенной важности
обезоружить их, посадить на суда и удалить совсем из пре-
делов Италии. И таких-то людей эпирияне поставили на страже 11
народоправства и законов, доверили им богатейший город; разве
не очевидно, что они сами были виновниками своих несчастий?
Вот что желал я сказать о безрассудстве эпиротов и вместе на- 12
учить, что люди рассудительные не должны вводить в свой город
слишком сильный гарнизон, наипаче гарнизон из варваров.

Иллиряне и раньше постоянно нападали на торговых людей 8
Италии, а во время пребывания в Фенике большая часть иллирян 2
отделилась от флота и не замедлила ограбить множество италий-
ских торговцев, причем одни из ограбленных были убиты, немало
других увезено в плен. В прежнее время римляне оставляли 3
без внимания жалобы на иллирян, но теперь, когда стали чаще

Разбой ил-
лирян

поступать жалобы в сенат, они выбрали и отправили послов в Иллирию, Гайя и Луция Корункания, с поручением разузнать 4 все описанное выше на месте. Между тем Тевта восхищена была обилием и прелестью добычи, доставленной на возвратившихся из Эпира лодках. Дело в том, что в то время Феника по своему 5 благосостоянию далеко превосходила прочие части Эпира, и желание царицы грабить эллинские города теперь удвоилось. Однако по случаю волнений в своей стране Тевта не предпринимала пока ничего. Восставшие иллириане были скоро усмирены, и царица занялась осадой Иссы, единственного не покорявшегося 6 ей города. В это самое время прибыли к ней римские послы и, будучи приняты царицей, стали говорить о причиненных римлянам 7 обидах. Все время, пока послы говорили, царица держала себя сурово и чрезвычайно надменно. Потом, когда они кончили, Тевта отвечала, что позаботится о том, дабы римляне не терпели 8 никаких обид от иллирийского народа, что же касается отдельных лиц, то у царей Иллирии не в обычае мешать кому бы то ни 9 было в приобретении себе добычи на море. Слова царицы раздражили младшего из послов, и он позволил себе вольность, за- 10 служенную, правда, но неуместную, именно: «У римлян, Тевта», сказал он, «существует прекраснейший обычай: государство карает за обиды, причиненные частными лицами, и защищает обижен- 11 ных. Мы с Божьей помощью постараемся вскоре заставить тебя исправить обычаи царей для иллириан». По-женски, неразумно 12 приняла Тевта вольную речь посла и рассердилась до такой степени, что вопреки общепризнанным правам послала погоню за от- 13 плывшими послами и велела убить дерзкого. По получении известия об этом в Риме римляне, возмущенные наглостью женщины, немедленно стали готовиться к войне, набирали легионы и снаряжали флот.

9 Со своей стороны, и Тевта с началом весны снарядила суда 229 в большем еще числе, нежели прежде, и снова отправила их в Элладу. Одни из них пошли прямо на Керкиру, другие зашли в гавань эпидамнян под тем предлогом, чтобы запастись водою и хлебом, а на самом деле для того, чтобы коварно завладеть 3 городом. Когда эпидамняне по беспечности и легкомыслию пропустили иллириан, те вошли в город как бы за водою в препоясанных одеждах, но с мечами, спрятанными в сосудах, убили привратников и легко завладели входом в Эпидамн. Когда, согласно 4 уговору, быстро явился от судов вспомогательный отряд, иллириане соединенными силами овладели без труда большею частью 5 стен. Несмотря на всю неподготовленность к неожиданному нападению, жители города отважно защищались и сражались, пока наконец иллириане после продолжительного сопротивления не бы- 6 ли вытеснены из города. Таким образом, эпидамняне по своей беспечности едва было не потеряли родины, но благодаря мужеству без всякого ущерба для себя получили урок на будущее.

7 Между тем вожди иллириан поспешно отчалили от берега и, соединившись с передовыми кораблями, пристали к Керкире, последовавшею затем высадкою навели ужас на жителей и присту- 8 пили к осаде города. Очутившись в столь трудном положении, керкириане в отчаянии отправили посольство к ахеянам и этолянам, вместе с ними и жители Аполлонии и Эпидамна, с просьбою о скорейшей помощи, дабы не дать иллирианам лишить их родины.

9 Те сочувственно выслушали послов и во исполнение просьбы их

сообща вооружили командою десять палубных кораблей ахеян, в несколько дней оснастили их и направились к Керкире в надежде освободить осажденных.

В силу союза иллирияне получили в подкрепление от акарна- 10 нов¹ семь палубных кораблей, вышли против неприятеля в открытое море и у так называемых Паксов сразились с ахейцами. Корабли акарнанов и выстроившиеся против них ахейские сража- 2 лись с равным счастьем и в стычках не терпели повреждений, хотя среди воинов и были раненые. Иллирияне связали свои суда 3 по четыре вместе и так шли на неприятеля. Не забывая о целостности собственных судов и подставляя бока их под неприятельские удары, они тем самым помогали нападающим; зато ахейские суда, 4 причинив повреждение иллирийским, в то же время зацеплялись за них, теряли способность к движениям, потому что сопряженные вместе иллирийские лодки повисали на носгах их. Тогда иллирийцы перескакивали на палубы неприятельских кораблей и благодаря численному превосходству одолевали ахеян. Так они 5 завладели четырьмя четырехпалубными судами и затопили со всею командой один палубный корабль, тот самый, на коем находился каринец Марг, человек, всю жизнь до самой смерти верно служивший союзу ахеян. Что касается ахеян, сражавшихся 6 с акарнанами, то, заметив победу иллирян и полагаясь на быстроту своих кораблей, они за попутным ветром благополучно возвратились на родину. Одержанная победа придала самоуверенности 7 полчищу иллирян, и теперь они продолжали осаду смело и беспрепятственно. Напротив, керкирияне после этих событий потеря- 8 ли всякую надежду на спасение; некоторое время они выдерживали еще осаду, но затем заключили мир с иллириянами, допустив в свой город гарнизон, а вместе с гарнизоном и Деметрия из Фара. Немедленно после этого начальники иллирян вышли в 9 море, пристали к Эпидамну и возобновили осаду города.

Около этого самого времени вышли из Рима один из консулов, 11 Гней Фульвий, с двумястами кораблей, а другой Луций Постумий с сухопутным войском. Гней намеревался прежде всего идти к 2 Керкире, рассчитывая прибыть туда до окончания осады. Хотя он 3 опоздал, тем не менее подошел к острову, желая и точно узнать судьбу города, и убедиться в верности заявлений Деметрия. Дело 4 в том, что Деметрий был оклеветан перед Тевтою и боялся гнева ее, а потому через посланца обратился к римлянам с предложением передать им город и вообще все, что будет в его власти. Керкирияне обрадовались появлению римлян; по соглашению с Де- 5 метрием передали им гарнизон иллирян, а затем единодушно приняли предложение римлян и отдали себя под их покровительство, в нем только надеясь найти верную защиту на будущее время против посягательств иллирян. Римляне заключили дру- 6 жественный союз с керкириянами и направились к Аполлонии, во всем последующем руководствуясь указаниями Деметрия.

В то же время и Постумий переправился из Брентесия в Эпир 7 с сухопутным войском, состоявшим тысяч из двадцати пехоты и тысяч около двух конницы. Лишь только оба войска соединились 8 и предстали перед Аполлонией, жители города, подобно керкириянам, приняли их к себе и отдались под защиту их, а римляне

Покор
римлян на
иллирян

¹ 6 9.

немедленно вышли в море, получив известие об осаде Эпидамна. 9 Иллирияне, когда узнали о приближении римлян, сняли осаду и 10 в беспорядке бежали. Под свою защиту римляне приняли и эпидамнян, затем пошли вперед внутрь Иллирии, причем покорили 11 своей власти ардиэев. К ним явились многие посольства, между прочим от парфинов и атинтанов; все они одинаково доверились покровительству римлян, которые приняли их в дружественный союз и потом пошли дальше к Иссе, ибо и этот город был осажден 12 иллирянами. По прибытии на место они заставили иллирян снять 13 осаду и также приняли под свое покровительство иссеян. Некоторые иллирийские города римляне по пути взяли приступом, в том числе и Нутрию; в этом последнем деле они потеряли не 14 только многих солдат, но и несколько трибунов и квестора. Римляне захватили еще двадцать судов с добычей, взятою с соседних 15 полей. Из числа тех иллирян, которые осаждали Иссу, одни фарияне в угоду Деметрию не понесли наказания, все прочие бежали врассыпную в Арбон. Тевта с весьма немногими иллирийцами укрылась в Ризоне, хорошо укрепленном городке, лежащем 17 вдаль от моря на реке того же имени. Покончив с этим, поставив в зависимость от Деметрия большинство иллирян и облечив его значительною властью, консулы вместе с флотом и сухопутным войском удалились в Эпидамну.

12 После этого Гней Фульвий отплыл в Рим с большею частью морского и сухопутного войска. На месте остался Постумий с сотора кораблями и, набрав в окрестных городах войско, зимовал там, дабы оказывать защиту как ардиэям, так и прочим народам, 228 3 поставившим себя под покровительство римлян. К началу весны Тевта отправила к римлянам посольство и заключила с ними мир, по которому обязывалась уплатить наложенную на нее дань, очистить, за исключением нескольких местностей, всю Иллирию и — что касалось больше эллинов — не переходить за Лисс более 4 как с двумя судами, и то безоружными. По заключении этого договора Постумий отправил к этолянам и ахейскому народу послов, которые по прибытии сюда впервые объяснили причины войны и переправы римлян в эти страны, рассказали следовавшие затем события и прочитали условия мира, заключенного римлянами с иллирийцами. Оба народа оказали им радушный прием, и послы возвратились к Керкире, избавив эллинов с помощью 6 выше названного договора от сильных опасений; ибо в то время иллиряне были врагами не тех или других эллинов, но всех вообще.

7 Такова была первая переправа римлян с войском в Иллирию и соседние части Европы; таковы и по таким причинам были 8 первые сношения их через посольство с народами Эллады. Сделав это начало, римляне немедленно отправили другие посольства к коринфянам и к афинянам; тогда же впервые коринфяне допустили римлян к участию в истмийских состязаниях.

13 Около того же времени Гасдрубал — на этом мы и оставили Дела в Иберии рассказ об Иберии¹ — мудрым и заботливым управлением достиг 227 вообще больших успехов, а основанием города, у иных именуемого Карфагеном, у других Новым Городом, значительно при- 2 умножил могущество карфагенов. Действительно, город этот рас-

¹ 1 5 сл.

положен весьма удобно как для Иберии, так и для Ливии. О положении его и о выгодах, какие он может иметь для обеих этих стран, мы скажем в другом месте, более соответствующем предмету.¹ Когда римляне увидели, что Гасдрубал приобрел большую и опасную власть, они решили серьезно заняться иберийскими делами. Римляне находили, что прежнюю нерадивость и беспечностью они дали образоваться значительному могуществу карфагенян, и потому делали попытки поправить прошлое. Тотчас они 5 не отваживались ни предъявлять свои требования карфагенянам, ни воевать с ними, ибо угнетал их страх перед кельтами, нападения которых они ждали со дня на день. Они желали сначала 6 задобрить и успокоить Гасдрубала, а потом приняться за кельтов и начать борьбу с ними в том убеждении, что нельзя будет не только господствовать в Италии, но даже жить спокойно в родной стране, пока будет угрожать им этот народ. Поэтому римляне от- 7 правили к Гасдрубалу посольство для заключения договора, в котором, умалчивая об остальной Иберии, устанавливали реку по имени Ибер пределом, за который не должны переступать карфагеняне с военными целями. Немедленно после этого они на- 8 чали войну против кельтов.

Будет, мне кажется, полезно дать здесь о кельтах краткие све- 14 дения, дабы удержать во введении первоначально принятый план, и возвратиться к этой начальной поре, когда названный народ Кельты завладел страной.² По моему мнению, история кельтов не только 2 заслуживает изложения и напоминания, но и совершенно необходима для уразумения того, на какой народ и на какие страны впоследствии опирался Ганнибал, когда задумал сокрушить вла- 3 дычество римлян. Прежде всего следует говорить о земле, каковы 3 ее свойства и каково положение ее относительно остальной Ита- лии. Мы лучше поймем отдельные события, если заранее описаны будут страны и самые места событий.

Вся Италия представляет подобие треугольника, одну сторону 4 которого, обращенную к востоку, омывают Ионийское море и примыкающий к нему Адриатический залив, другую сторону, обращенную к югу и западу, омывают Сицилийское и Тирренское Вид и свой- ства Италии моря. Сближаясь между собою, стороны эти образуют в вершине 5 южный мыс Италии, именуемый Кокинфом и разделяющий моря Ионийское и Сицилийское. Третью сторону, идущую на север по 6 материку, образует во всю длину Альпийский хребет, который начинается от Массалии и земель, лежащих над Сардинским мо- 7 рем, и тянется непрерывно до наиболее углубленной части Адриа- тики; лишь на небольшом расстоянии от моря хребет оканчива- 8 ется. Южный край названного хребта следует принимать как бы 7 за основание треугольника; к югу от нее простираются равнины, занимающие самую крайнюю северную часть Италии, о которых и идет теперь речь; по плодородию и обширности они превосходят 8 остальные известные нам равнины Европы. Общий наружный вид 8 этих равнин — также треугольник; вершину его образует соеди- 9 нение так называемых Апеннинских гор и Альпийских недалеко от Сардинского моря над Массалией. На северной стороне рав- 10 нин тянутся, как сказано выше, Альпы на две тысячи двести

¹ X 8, 10.

² Ср. I 62 примеч.

стадий,¹ а вдоль южной стороны тянутся Апеннины на про-
11 странстве трех тысяч шестисот стадий.² Линией основания всей
фигуры служит побережье Адриатического залива; длина осно-
вания от города Сены до углубления залива более двух тысяч
12 пятисот стадий,³ так что объем упомянутых выше равнин состав-
ляет немного меньше десяти тысяч стадий.⁴

15 Нелегко перечислить все достоинства этой земли. Так, она
2 изобилует хлебом в такой степени, что в наше время нередко
сицилийский медимн⁵ пшеницы стоит четыре обола⁶, медимн яч-
меня — два обола, столько же стоит метрет⁷ вина; гречиха и
просо рождаются у них в совершенно невероятном изобилии. Как
много растет желудей на этих равнинах в дубовых лесах, рас-
кинутых на некотором расстоянии один от другого, всякий может
3 заключить лучше всего из следующего: в Италии убивается огром-
ное количество свиней частью для домашнего употребления, ча-
стью для продовольствия войск, и животные доставляются глав-
4 ным образом этими равнинами. О дешевизне и обилии различных
съестных припасов можно судить вернее всего по тому, что пу-
5 тешествующие в этой стране, заходя в трактир, не расспраши-
вают о стоимости отдельных предметов потребления, но вообще,
6 сколько возьмет хозяин с человека. Обыкновенно содержатели
трактиров, давая часто всего вдоволь, берут за это пол-асса, что
составляет четвертую часть обола; лишь в редких случаях взи-
7 мается более высокая плата. Многолюдство населения, высокий
рост его и телесная красота, а равно военная отвага будут вы-
яснены самой историей событий.

8 С обеих сторон Альп, как с той, которая обращена к реке Ро-
дану, так и с другой, спускающейся к названным выше равнинам,
местности холмистая и низменная густо заселены: лежащие по
направлению к Родану и к северу заняты галатами, которые на-
зываются трансальпинами, а обращенные к равнинам заселены
таврисками, агонами и многими другими варварскими народами.
9 Трансальпинами галаты называются не по своему происхожде-
нию, но по местожительству, ибо слово *trans* значит «по ту сто-
рону» (*регап*), и римляне называют трансальпинами тех гала-
10 тов, которые живут по ту сторону Альп. Вершины гор вследствие
скудости почвы и скопления на них вечных снегов совершенно
необитаемы.

16 Апеннин в самом начале над Массалией у соединения с Аль-
пами, заселен лигистинами⁸ как с той стороны, которая обращена
к Тирренскому морю, так и с той, что идет к равнинам; вдоль
Гора Апен- моря поселения их простираются до города Писы, первого тиррен-
нин и река Пад 2 к Тирренскому морю, так и с той, что идет к равнинам; вдоль
моря поселения их простираются до города Писы, первого тиррен-
ского города на западе, а внутрь материка до области арретинов;
3 следуют за ними тиррены. К ним примыкают умбры, занимаю-
щие оба склона этих гор. Дальше, уклоняясь вправо от равнин,
4 Апеннин на расстоянии стадий пятисот от Адриатического моря

1 55 миль.

2 90 миль.

3 62¹/₂ мили.

4 250 миль.

5 52, 53 литра = 2 четверик с небольшим.

6 Ок. 16 к.

7 39,39 литра.

8 1 17 4.

разделяет Италию на всем протяжении до Сицилийского моря, 5 а освободившаяся от гор равнина простирается до моря и города Сены.

Река Пад, прославленная поэтами под именем Эридана, берет 6 начало свое из Альп, почти у вершины очерченной выше фигуры и в направлении к югу изливается в равнины. Дойдя до мест- 7 ностей ровных, река изменяет свое направление и протекает по ним к востоку, впадая двумя устьями в Адриатику; равнину река 8 разделяет таким образом, что большая часть ее прилегает к Альпам и Адриатическому заливу. Ни одна река Италии не несет 8 столько вод, как Пад, ибо в него вливаются все потоки, со всех сторон стекающие с Альп и Апеннина в равнину. Наиболее обиль- 9 на водою и наиболее величественна река бывает в пору восхода Пса, когда количество воды в ней увеличивается от тающего на 10 обеих горах снега. Из моря через устье, именуемое Оланою, 10 корабли по ней поднимаются тысячи на две стадий.¹ Вначале у 11 истоков река течет по одному руслу, потом разделяется на две части у так называемых Тригаболов, причем одно из устьев на- 12 зывается Падуей, другое Оланою. У этого последнего есть гавань, 12 которая в отношении безопасности для заходящих в нее кораблей не имеет себе равной во всем Адриатическом море. У туземцев 13 река называется Боденком. Все остальное, что рассказывают эллины о Паде, именно историю Фазтона и его падения, о слезах 14 тополей и об одетых в черное тамошних жителях, которые, гово- 14 рят, и теперь носят такое же платье в горе по Фазтону, и все 14 другие подобные рассказы, пригодные для трагедии, мы оставляем 15 теперь в стороне, так как подробное изложение их не вполне со- 15 ответствовало бы характеру введения. При другом более удобном 15 случае мы сообщим существенное, главным образом ввиду неве- 16 жества, обнаруженного Тимеем относительно этих стран.² Рав- 17 нинами владели некогда тиррены, равно как и так называемыми 17 Флегрейскими полями в окрестностях Капуи и Нолы, которые 17 многим хорошо известны и пользуются славой за свое плодородие. 17 Таким образом, при изучении истории тирренского владыч- 18 ства следует иметь в виду не только ту страну, которую они 18 занимают теперь, но названные выше равнины и те богатые 18 средства, какие извлекали они из тех местностей. По соседству 19 с тирренами и в сношениях с ними были кельты. С завистью 19 взирая на блага этой страны, они по маловажному поводу вне- 19 запно с огромным войском напали на тирренов, вытеснили их из 20 области Пада и сами завладели равнинами. Ближайшие, у исто- 20 ков Пада лежащие местности заняли лаи и лебении, за ними по- 20 селились инсомбры, многолюднейший из этих кельтских народов; 20 к ним примыкали вдоль реки гономаны. Странами, доходящими 21 уже до Адриатики, завладело другое очень древнее племя, нося- 21 щее имя венетов; в отношении нравов и одежды они мало от- 21 личаются от кельтов, но языком говорят особым. Писатели тра- 22 гедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нем 22 много чудес. По ту сторону Пада, подле Апеннина первыми по- 22 селились ананы, за ними бои, дальше в направлении к Адриатике 23 лингоны, а крайние области у моря заняли сеноны.

¹ 50 миль.

² Ср. I 5 1.

- 8 Таковы были главнейшие народы, завладевшие названными
9 раньше странами; селились они неукрепленными деревнями и не
имели никакого хозяйства, ибо возлежали на соломе, а питались
10 мясом; кроме войны и земледелия, не имели никакого другого
занятия, вообще образ жизни вели простой; всякие другие знания
11 и искусства были неизвестны им. Имущество каждого состояло
из скота и золота, потому что только эти предметы они могли
легко при всяких обстоятельствах всюду брать с собою и поме-
12 щать их по своему желанию. Величайшее попечение прилагали
кельты к тому, чтобы составлять товарищества, ибо опаснейшим
и могущественнейшим человеком почитался у них тот, у кого
было наибольшее слуг и верных товарищей.
- 18 Первоначально кельты не только утвердили за собою эту об-
ласть, но подчинили себе и многие соседние народы, наводя на
2 них ужас своей отвагой. Некоторое время спустя кельты разбили
римлян и союзников их в сражении, преследовали бегущих и через
3 три дня после битвы овладели самым Римом, за исключением Ка-
питолия.¹ Однако, будучи вызваны домой вторжением венетов в
их землю, кельты заключили мир с римлянами, возвратили горо-
4 да и вернулись на родину. После этого они вовлечены были в
домашние войны; кроме того, на них нередко нападали соеди-
ненными силами некоторые альпийские народы, наблюдавшие
5 благосостояние их вблизи. Тем временем римляне достигли преж-
6 него могущества и снова стали во главе латинов. На тридцатом
году по взятии города кельты снова с большим войском явились
358 к Альбе. Так как неожиданным вторжением римляне захвачены
были врасплох и не успели собрать силы союзников, то и не от-
346 7 важились выступить против врага с войсками. Но когда потом
двенадцать лет спустя кельты с большим войском вторглись вто-
рично, римляне, будучи заранее уведомлены о том и собрав со-
юзников, мужественно пошли навстречу врагу с намерением дать
8 решительную битву. Устрашенные наступлением римлян и разди-
раемые междоусобными распрями, галаты с наступлением ночи
9 отступили назад в свою страну, подобно убегающему войску. По-
сле этого в течение тринадцати лет страх удерживал кельтов в
покое, а потом, видя усиление римского могущества, они заклю-
чили с римлянами мирный договор.
- 19 Договор этот кельты соблюдали верно в продолжение трид-
299 цати лет, пока не двинулись на них трансальпины; тогда, опа-
саясь, как бы не началась трудная для них война, кельты по-
дарками и напоминанием о родственных отношениях отвратили
от себя нашествие трансальпинов, уже было покинувших свои зем-
ли, направили их на римлян и сами приняли участие в походе.
2 В римские владения они вторглись через Тиррению с участием
самых тирренов и, собрав огромную добычу, беспрепятственно от-
3 ступили. Однако по возвращении на родину в среде кельтов воз-
никли распри из-за награбленного добра, причем они потеряли
4 и большую часть добычи, и много собственного войска. Так обык-
новенно поступают галаты, когда возьмут добычу у соседей, глав-
ным образом вследствие неумеренного пьянства и обжорства.
5 На четвертом году после этого самниты и галаты вошли в со-
296 глашение между собою и дали сражение римлянам в земле ка-

¹ | 62 примеч.

мертвев, причем многих из них убили в самой схватке. Между 6
тем римляне, раздраженные понесенным поражением, через не-
сколько дней выступили в поход со всеми легионами и сражались
с теми же самыми неприятелями в области сентинов, большую
часть их истребили, а остальных принудили разбежаться по своим
землям. По прошествии новых десяти лет галаты явились с боль- 7
шим войском для осады города арретинов. Римляне поспешили 8 285
на помощь, но в битве перед городом понесли поражение. Так
как в этом сражении пал начальник Луций, то на его место рим-
ляне назначили Манья Курия. В землю галатов он отправил по- 9
сольство для переговоров о пленных, но те предательски умерт-
вили послов. Римляне в гневе тотчас вывели свои войска и при 10
встрече с галатами, именуемыми сенонами, дали битву. В сраже- 11
нии римляне одержали победу, большую часть неприятелей пере-
били, остальных прогнали и вступили во владение всей страной.
Сюда они послали первую галатскую колонию, которая называ- 12
ется Сеною по имени галатов, раньше занимавших это поселение.
Мы только что упоминали о ней, сказав, что Сена лежит на 13
Адриатике на краю равнины, омываемой Падом.¹

При виде того, как выгнаны были сеноны, страхась за такую 20
же участь своей земли, бои на зов тирренов выступили со всем
войском в поход. Собравшись подле озера, именуемого Оадмоном, 2
они сразились с римлянами. В этом сражении большинство тир- 3
ренов было убито, а из боев спаслись бегством лишь весьма не-
многие. Тем не менее в следующем же году галлы и тиррены 4 282
соединились снова, вооружили молодежь, едва достигшую зрелого
возраста, и дали битву римлянам. Разбитые в сражении наголову, 5
они с трудом смиряли свою гордость, когда отправляли посольство
к римлянам для переговоров о мире и заключали с ними договор.
Случилось это года за три до появления Пирра в Италии и лет 6
за пять до гибели галатов в Дельфах.² Действительно, в это время 7
судьба заразила всех галатов страстью к войне, как бы чумой какой.
Выше упомянутые войны оказали римлянам двойную, весьма важ- 8
ную услугу. Так, свыкшись с неудачами, какие терпели от га-
латов, римляне не могли уже ни иметь в настоящем, ни ожидать
в будущем чего-либо более ужасного, как испытанные ими по- 9
ложения. Поэтому против Пирра римляне выступили совершен-
ными в военном деле бойцами. Потом, вовремя смилив дерзость 10
галатов, римляне прежде всего могли беспрепятственно вести вой-
ну с Пирром за Италию, а затем бороться с карфагенянами за
владычество над сицилийцами.

После понесенных поражений галаты в течение сорока пяти 21
лет пребывали в покое, соблюдая мир с римлянами. Но когда со 2
временем очевидцы несчастий ушли из жизни и место их засту-
пила молодежь, преисполненная слепой отваги, не испытывавшая
и не видевшая еще никаких бед и никакого горя, юные галаты,
как бывает обыкновенно, возобновили попытки поколебать сущест- 3
вующие отношения, по маловажным поводам ссориться с римля- 236
нами и призывать к себе галатов альпийских. Первое время дей- 4
ствовали вожди одни, помимо народа, тайком; поэтому когда транс- 5
альпины подошли с войском к Аримину, народ боев, относившийся

¹ 14 11. 16 5.

² 1 6 5.

- к ним с недоверием, в междоусобной расправе восстал на своих начальников и на пришельцев, причем убиты были собственные цари их Атис и Галат, и бои избивали друг друга в правильном сражении. Из страха перед неприятельским нашествием римляне вышли из города с войском, но, узнав, что галаты истребляют себя сами, возвратились домой. На пятом году после этой смуты, в консульство Марка Лепида римляне разделили на участки область в Галатии, именуемую Пикентиною, которую после победы очистили от галатов сенонов. Закон этот провел ради снискания себе народного расположения Гай Фламиний и тем, можно сказать, положил начало порче нравов у римлян и породил следовавшую за сим войну римлян с названными выше народами. Действительно, многие племена галатов, в особенности бои, как живущие на границе с римлянами, приняли участие в борьбе, в том убеждении, что римляне ведут войну с ними не за преобладание или владычество, но за совершенное изгнание галатов и истребление их.
- 22 Вот почему многолюднейшие племена, как инсомбры и бои, немедленно соединились между собою и отправили посольства к галатам, живущим на Альпах и по реке Родану; эти последние идут в военную службу за деньги и потому называются гесатами: 2 таково настоящее значение этого слова. Царям их, Конколитану и Анеросту, они тогда же предложили много золота, а в будущем сулили огромное богатство римлян и множество благ, попадающих к ним в руки в случае победы, побуждая их таким образом 3 и подстрекая к походу на римлян. Достигнуть этого было нетрудно, ибо италийские галлы обещали царям сверх упомянутых выше благ свою помощь, напоминали о подвигах собственных предков их, о том, как они, начав войну, не только победили римлян 4 в сражении, но после битвы с первого набега заняли Рим, как они завладели всем достоянием римлян и самый город держали в своей власти в течение семи месяцев, наконец о том, как они добровольно и из милости отдали город назад и с добычею возвратились домой беспрепятственно и невредимо. Речи эти возбуждали военный пыл в вождях гесатов до такой степени, что никогда еще из тех областей Галатии не выступало войско столь 5 многочисленное, блестящее и храброе. Тем временем римляне частью вследствие получаемых ими известий, частью по собственным догадкам относительно грядущих событий пребывали в непрерывном страхе и в тревоге: они то набирали легионы и делали запасы хлеба и иного продовольствия, то выходили с войсками до границ, как будто неприятель уже вторгся в их страну, хотя 6 кельты не покидали даже родины. Смуты эти очень много помогли и карфагенянам в беспрепятственном водворении своего владычества в Иберии. Ибо римляне, как мы и выше говорили,¹ почитали для себя необходимым избавиться прежде всего от ближайшей опасности, а потому вынуждены были оставить дела Иберии в стороне, дабы привести к благополучному концу борьбу с 7 кельтами. Вот почему они закрепили мир с карфагенянами заключенным с Гасдрубалом договором, о котором мы только что говорили,² а пока обратили все свои помыслы к войне с кельтами: необходимо, думали они, покончить с этими врагами.

¹ 13 6.

² 13 6—7.

Между тем галаты гесаты собрали великолепное многочислен- 23
ное войско и на восьмом году после передела земли перевалили 225
через Альпы к реке Паду. Племена инсомбров и боев оставались 2
неизменно верными принятому первоначально решению, тогда как
венеты и гономаны поддались внушениям римских послов и пред-
почли оказать им помощь. Тем самым цари кельтов вынуждены 3
были оставить часть своего войска дома для охраны страны от
угрожавшего вторжения этих народов. Сами они со всем осталь- 4
ным войском в числе тысяч пятидесяти пехоты, тысяч двадцати
конницы и колесниц двинулись смело вперед по дороге в Тир-
рению. Лишь только римляне узнали о перевале кельтов через 5
Альпы, они послали консула Луция Эмилия с войском по направ-
лению к Армину, дабы наблюдать за движением неприятеля в
этом месте, а одного из преторов отправили в Тиррению. Другой 6
консул Гай Атилий раньше вышел с легионами в Сардинию. Все 7
находившиеся в городе римляне были в сильном страхе в ожи-
дании тяжкой, грозной опасности, и не без основания: в сердцах
их жили еще воспоминания об ужасах прежнего нападения га-
латов. Всецело отдавшись этой заботе, римляне собирали одни ле- 8
гионы, набирали новые и приказывали союзникам быть наготове.
Всем подчиненным народам они повелели присылать точные спи- 9
ски достигших военного возраста людей, дабы знать общее ко-
личество всех имеющихся у них сил. [Затем римляне заботились 10
о том, чтобы консулы выступали вперед с наибольшею и лучшею
частью войска]. Хлеба, метательного оружия и прочих нужных 11
для войны предметов они собрали невиданные дотоле запасы. Все 12
со всех сторон готово было помогать римлянам. Ибо италийцы, 13
устрашенные нашествием галатов, полагали, что дело идет не о
защите только римлян, что предстоит война не за преобладание
их; напротив, всякий был убежден, что опасность угрожает его
собственному городу и его полям, а потому каждый с готовностью
исполнял требования римлян.

Чтобы определить ясно и точно те силы, на какие впослед- 24
ствии дерзнул напасть Ганнибал, и то могущество, которое он с
изумительной отвагой задумал сокрушить, успев в своих замыс-
лах настолько, что нанес римлянам жесточайшие поражения, не-
обходимо показать военные средства римлян и исчислить войска, 2
имевшиеся у них в то время. С консулами вышли четыре римских 3
легиона, каждый в пять тысяч двести человек пехоты и триста
человек конницы. Оба консула имели при себе союзников, общее 4
число их доходило до тридцати тысяч пехоты и двух тысяч кон-
ницы. На помощь римлянам в трудном положении их явились в 5
Рим от сабинов и тирренов до четырех тысяч конницы и больше
пятидесяти тысяч пехоты. Римляне соединили их вместе и по- 6
ставили перед границами Тиррении с претором во главе. От ум- 7
бров и сарсинов, занимающих Апеннины, прибыло всего до двад-
цати тысяч, с ними соединились также в числе двадцати тысяч
венеты и гономаны. Эти войска римляне поставили на границах 8
Галатии, дабы вторжением в землю боев заставить вышедших на
войну возвратиться домой. Таковы были войска римлян, выстав-
ленные для охраны страны. В Риме ввиду возможных случайно- 9
стей войны содержалось запасное войско в двадцать тысяч пехоты
из самих римлян, вместе с ними полторы тысячи конницы, а от
союзников тридцать тысяч пехоты и две тысячи конницы. На до- 10
ставленных списках значилось латинов восемьдесят тысяч пехоты

и пять тысяч конницы, самнитов семьдесят тысяч пехоты и семь тысяч конницы; от япигов и мессапиев было всего пятьдесят тысяч пехоты и шестнадцать тысяч конницы, от луканов тридцать тысяч пехоты и три тысячи конницы, от марсов, маррукинов, феррентанов и вестинов двадцать тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Кроме того, в Италии и Сицилии помещено было два запасных легиона, каждый в четыре тысячи двести человек пехоты и в двести человек конницы. Из римлян и кампанцев набрано было всего около двухсот пятидесяти тысяч пехоты и двадцать три тысячи конницы. Таким образом, для защиты римских владений выставлено было всего более ста пятидесяти тысяч пехоты и около шести тысяч конницы, а общее число способных носить оружие как римлян, так и союзников превышало семьсот тысяч пехоты и до семидесяти тысяч конницы. На них-то пошел Ганнибал при вторжении в Италию, не имея полных двадцати тысяч войска. Но это будет подробнее изложено в дальнейшем повествовании.

25 Между тем кельты вторглись в Тиррению, исходили страну в различных направлениях и безнаказанно грабили; ниоткуда не встречая противодействия, они двинулись наконец на Рим. Кельты были уже подле города, именуемого Клузием и отстоящего от Рима на три дня пути, когда получили известие, что с тыла за ними следуют и настигают их передовые войска римлян, поставленные в Тиррении. При этом известии кельты повернули назад и пошли навстречу врагу с целью сразиться с ним. Неприятель подошел друг к другу уже к закату солнца; разделенные небольшим расстоянием, обе стороны разбили лагери на ночлег. С наступлением ночи кельты зажгли огни, оставили в лагере конницу и отдали приказание с рассветом, лишь только неприятель заметит ее, отступать за своими войсками тою же дорогой; 6 остальное войско отступило тайком по направлению к городу Фезоле и там разбило лагерь, рассчитывая соединиться с собственной конницей и напасть неожиданно на неприятеля, который 7 наступал с тыла. Между тем римляне на рассвете завидели только конницу и, полагая, что кельты бежали, поспешно пустились 8 в погоню за отступающей конницей. Лишь только римляне приблизились к неприятелю, как кельты поднялись из засады и ударили на них; вначале бой был жестокий с обеих сторон. Наконец, благодаря отваге и численному превосходству перевес остался на стороне кельтов; римляне потеряли не менее шести тысяч убитыми, остальные спаслись бегством. Большая часть бежавших достигла некоего укрепленного пункта и там утвердилась. Прежде всего кельты принялись за осаду их; но, будучи утомлены и обессилены ночным походом накануне, трудностями борьбы и лишениями, они оставили кругом холма стражу из собственной конницы, а сами удалились отдохнуть и подкрепить свои силы, намереваясь на следующий день повести осаду против бежавших на холм римлян, если они не сдадутся добровольно.

26 Тем временем Луций Эмилий, поставленный для защиты адриатического побережья, узнал о вторжении кельтов в Тиррению и о приближении их к Риму, поспешил на помощь своим и явился еще вовремя. Он расположился лагерем вблизи неприятеля. Тогда бежавшие на холм римляне по зажженным огням поняли, в чем дело, быстро воспрянули духом и ночью через лес отправили из своей среды несколько безоружных человек для уведом-

ления консула о положении их. Выслушав донесение, вождь уви- 3
дел, что раздумывать некогда, а потому отдал приказание три-
бунам выступить с пехотою на рассвете; сам в сопровождении кон- 4
ницы двинулся к упомянутому выше холму. Со своей стороны, 4
вожди галатов при виде ночных огней догадались, что пришел
неприятель и собрались на совет. При этом царь Анероест вы- 5
сказал, что со столь большой добычей, — как можно думать, лю-
дей, скота и всякого добра взято было невообразимое множест- 6
во, — не следует, говорил он, вступать в битву и подвергаться
опасности потерять все, но лучше возвратиться невредимо домой
и, сложив там добычу, снова, если угодно будет, всеми силами
идти на римлян. Кельты решили поступить согласно предложе- 7
нию Анероеста и в ту же ночь перед рассветом снялись со стоянки
и двинулись вперед через землю тирренов вдоль моря. Луций 8
присоединил к своему часть войска, укrywшегося на холме, но
находил для себя невыгодным вступать в открытое сражение с
неприятелем, и предпочел следовать за отступающими, выжидая
и высматривая удобное время и место для того, чтобы тревожить
врага и отбить у него хоть часть добычи.

Около этого времени консул Гай Атилий, вышедший из Сар- 27
динии,¹ пристал к Пизе и направлялся к Риму навстречу непри-
ятелю. Кельты были уже подле Теламона в Тиррении, когда не- 2
сколько человек из них, вышедшие вперед за продовольствием,
попали на передовой отряд Гайя и взяты были в плен. В ответ 3
на расспросы пленные рассказали вождю, что было раньше, со-
общили о приближении обоих войск, причем дали понять, что
кельты очень близко, а с тыла за ними следует войско Луция.
Консул был поражен этими вестями, хотя нисколько не терял 4
бодрости, ибо видел, что кельты заперты с обеих сторон римскими
войсками. Трибунам он приказал строить легионы в боевой по-
рядок, шагом продолжать путь, и, насколько позволит местность,
делать наступление с фронта. Сам он сообразил, что было бы 5
удобно расположиться на холме над дорогой, по которой должны
были проходить кельты, а потому взял с собою конницу и по-
спешил занять заблаговременно возвышенность, чтобы затем са-
мому начать сражение: он был убежден, что при таком способе
действий главная доля успеха будет достигнута им. Кельты сна- 6
чала ничего не знали о прибытии войска Атилия, а из того, что
происходило, заключали, что Эмилий ночью обошел их со своей
конницей и успел занять некоторые местности. Поэтому они тот-
час отрядили конницу и часть легковооруженных с целью отбить
высоты у неприятеля. Но вскоре от одного из пленных они узнали 7
о прибытии Гайя и поспешно выстроили свою пехоту на обе сто-
роны, против передних и задних неприятелей. Что неприятель сле- 8
дует за ними, кельты знали; ждали они и встречи с неприятелем
с фронта, о чем свидетельствовали теперь очевидцы и все про-
исходящее.

О высадке легионов у Пизы Эмилий слышал, но пока не до- 28
гадывался о близости их; теперь же происшедшее у холма сра-
жение показало ясно, что войска товарища его очень близко. Не- 2
медленно он послал на помощь сражающимся на холме свою кон-
ницу; а сам выстроил обычным у римлян порядком свою пехоту

¹ 23 6.

3 и повел ее на врага. Кельты поставили альпийских гесатов сзади, откуда ждали нападения Эмилия, подле них поместили инсом-
4 бров. В передних рядах поставлены были тавриски и живущие по сю сторону Пада бои, которые, таким образом, имели в тылу упомянутые выше войска, а лицом обращены были к войску Гая, 5 нападения коего ожидали; повозки и колесницы они поставили по бокам линии у обоих флангов; добычу снесли на одну из ближайших гор и поставили там стражу. Это обоюдостороннее рас-
6 положение кельтов было не только грозно на вид, но и весьма 7 пригодно для битвы. Инсомбры и бои шли в битву в штанах и 8 в легких, накинутых сверху плащах. Что касается гесатов, то самоуверенность и смелость их были так велики, что они сбросили с себя и эту одежду и, обнаженные, только с оружием в руках, стояли в передних рядах войска: так, думалось гесатам, удобнее будет сражаться, ибо плащи могут цепляться за разбросанные там 9 и сям кустарники и затруднять употребление оружия. Сначала битва шла только у холма, и для всех было видно, сколь многочисленная конница от каждого войска участвует в завязавшейся 10 схватке. В этом сражении пал, как отчаянный боец, консул Гай, и голова его отнесена была царем кельтов. Однако римская конница благодаря своей храбрости овладела, наконец, полем 11 сражения и одолела врага. После этого, когда пешие войска были уже близко друг к другу, получилось своеобразное, удивительное зрелище, любопытное не только для участников, но и для позднейших читателей, имеющих возможность представить себе прошлое из описания.

29 Так, прежде всего всякий поймет, что благодаря участию в битве трех войск вид битвы и самый способ сражения должны 2 были представляться совершенно новыми и небывальными. Во-вторых, кто может или мог, теперь или в то самое время, не затрудняться решением вопроса о положении кельтов: было ли оно крайне невыгодным, потому что неприятель наступал на них раз- 3 ом с двух сторон, или, напротив, весьма удобным, потому что они сражались в одно и то же время с двумя неприятелями и тыл их был обеспечен с обеих сторон, главным же образом по- 4 тому, что им отрезаны были все пути к отступлению и возможность спастись в случае поражения. Такова уж особенность дву- 5 стороннего расположения войска. Что касается римлян, то им прибавило смелости то обстоятельство, что неприятель был охвачен со всех сторон и заключен в середину между ними, хотя, с другой 6 стороны, кельты пугали их боевым строем и шумом. Действительно, число трубачей и свирельщиков было у них невообразимо велико, а когда все войско разом исполняло боевую песню, под- 7 нимался столь сильный и необыкновенный шум, что не только слышались звуки свирелей и голоса воинов, но звучащими ка- 7 зались самые окрестности, повторявшие эхо. Ужасны были также вид и движения нагих людей, стоявших в первом ряду, блистав- 8 ших цветущим здоровьем и высоким ростом. В первых рядах не было ни одного воина, который бы не имел на себе золотого ожерелья или браслетов. Если вид всего этого и устрасал римлян, то надежда на добычу сильнее подстрекала их к битве.

30 Как только копьеметатели согласно обычному порядку выступили из римских легионов вперед и начали битву метким и частым метанием дротиков, штаны и плащи для кельтов задних рядов оказались очень полезными; напротив, передние нагие воины,

не ожидавшие такого нападения, испытывали большие неудобства и трудности. Дело в том, что галатский щит не может прикрывать 3 воина, а при большом росте галатов дротики тем вернее попадали в неприкрытые части тела. Наконец, вследствие дальнего расстояния и множества падающих на них дротиков они увидели, что не могут совладать с копьеметателями; одолеваемые ранами и безвыходностью положения, одни из них в безумной ярости кидались на врага и сами обрекали себя на смерть, другие начинали понемногу отступать к своим и явною робостью приводили в смущение задних воинов. Так посрамлена была копьеметателями 5 кичливость гесатов. Полчище инсомбров, боев и таврисков упорно 6 дралось с неприятелем в рукопашном бою, когда римляне сменили копьеметателей и двинули на врага свои манипулы.¹ Сколь- 7 ко их ни избивали, они не падали духом ничуть; единственное, в чем каждый из них и все вместе уступали неприятелю, это — способ вооружения. Ибо оборонительное оружие римлян, щит, и 8 наступательное, меч, имеют важное преимущество... тогда как галатским мечом можно только рубить. Когда римская конница бросилась с высокого холма и со всею силою ударила на врага с фланга, пехота кельтов была изрублена на месте сражения, а конница обратилась в бегство.

Кельтов убито было до сорока тысяч, а взято в плен не меньше 31 десяти тысяч, в том числе и один из царей, Конколитан. Другой 2 царь, Анероест, укрывшийся где-то с небольшим числом воинов, лишил жизни присных своих и себя. Между тем римский консул 3 собрал доспехи и отправил в Рим, а остальную добычу возвратил по принадлежности. Сам он с легионами пошел вдоль Лигистики 4 и вторгся в землю боев. Насытив жаждавшие добычи легионы, он через несколько дней прибыл в Рим с войском, украсил Ка- 5 питолий знаменами и маниаками: так называется золотое ожерелье, которое носят галаты на шее. Остальными доспехами и 6 пленниками он украсил вступление свое в Рим и триумфальное 225 шествие.

Так кончилось самое тяжкое вторжение кельтов, угрожавшее 7 великою, страшною опасностью всем италийцам, а больше всего римлянам. Но, одержав эту победу, римляне возымели надежду 8 совершенно вытеснить кельтов из области реки Пада, и отпра- 224 вили против них выбранных в следующем году консулов, Квинта Фульвия и Тита Манлия, с сильно вооруженным войском. Пер- 9 вым натиском они навели такой ужас на боев, что те вынуждены были отдать себя под покровительство римлян. Затем до конца 10 похода они по причине чрезвычайных ливней и проявившейся среди них чумы ничего больше не сделали.

В следующем году выбранные консулы Публий Фурий и Гай 32 Фламиний снова вторглись в Кельтику через страну анамаров, 223 которые живут недалеко от Массалии. С анамарами римляне за- 2 ключили дружественный союз и совершили переход в землю инсомбров у места слияния Адуи с Падом. Понеся потери во время перехода и устройства лагеря, римляне оставались там очень не- 3 долго, заключили договор с жителями и по обоюдному соглашению очистили эту область; потом блуждали в течение многих 4 дней, перешли реку Клузий и вступили в землю гономанов, своих

¹ | 33 9 прим.

союзников, соединились с ними и снова вторглись из альпийской страны в равнины инсомбров, опустошали поля их и разоряли жилища. Начальники инсомбров видели, что римляне не отказываются от своих замыслов, а потому решили попытаться счастья в решительной битве. Все свои войска они собрали в одно место, взяли даже золотые так называемые нерушимые знамена из храма Афины и вообще приняли все нужные меры, затем смело и грозно в числе тысяч пятидесяти человек разбили свой стан в виду неприятеля. Замечая численное превосходство неприятеля, римляне думали сначала воспользоваться силами союзных с ними кельтов. Но, с другой стороны, им известно было непостоянство галатов, а также родство их с теми самыми инсомбрами, коим собирались дать битву, а потому остерегались приобщать этот народ к столь важному делу и в такое время. Наконец, римляне остались одни по сю сторону реки, соединившимся с ними кельтам приказали перейти на противоположный берег, после чего разобрали положенный через реку мост. Тем самым они и обеспечивали себя от измены со стороны кельтов, и могли рассчитывать на спасение только под условием победы; ибо в тылу их протекала названная выше река, непроходимая вброд. Покончив с этим, они приготовились к бою.

33 Находят, что римляне мудро поступили в этой битве благодаря трибунам, которые дали указания всему войску и каждому солдату порознь, как следует вести сражение. Прежние сражения научили римлян, что всякое племя галатов настрашнее своим мужеством при первом нападении, пока не понесло еще никаких потерь, что мечи их, как сказано было выше,¹ пригодны только для первого удара, что вслед за тем притупляются и наподобие скребницы искривляются вдоль и поперек настолько, что второй удар получается слишком слабый, если только солдат не имеет времени выпрямить меч ногою, упирая его в землю. Поэтому трибуны роздали копья поставленных назади триариев передним манипулам² и приказали употребить в дело мечи не сразу, засим в боевом порядке ударили на передовую линию кельтов. Когда мечи галатов после первых ударов по копьям сделались ни к чему негодными, римляне вступили врукопашную. Лишив галатов возможности рубить — единственный свойственный им способ сражения, ибо мечи их не имеют острия — римляне сделали врагов неспособными к битве; сами же они употребляли в дело прямые мечи, которыми не рубили, а кололи, к чему и служило острие оружия. Поражая врагов в грудь и лицо и нанося удар за ударом, римляне благодаря предусмотрительности трибунов положили на месте большую часть неприятельского войска. Что касается консула Фламиния, то в этом сражении он, как кажется, поступил неправильно, именно: выстроив войско вплотную у высокого берега реки, он поставил римлян в невозможность вести сражение в привычном для них порядке, так как за недостатком места в тылу манипулы их не могли отступать шагом. Раз только они были бы оттеснены хоть немного, то по вине несообразительного начальника должны были бы кидаться в реку. Во всяком случае войско, благодаря только собственной доблести, как рассказано

¹ 30 г.

² VI 24 16.

выше, одержало блистательную победу, и с богатейшей добычей, со множеством доспехов возвратилось в Рим.

Когда в следующем году кельты отправили посольство с прось- 34
бою о мире и с обещанием принять какие бы то ни были условия,
выбранные тогда консулы Марк Клавдий и Гней Корнелий до- 222
былись того, что заключение мира было отвергнуто. После этой 2
неудачи кельты решили испытать последние свои надежды, снова
обратились за наемниками к галатам гесатам, что живут по Ро-
дану, и набрали их до тридцати тысяч. По прибытии этого войска
они держались наготове в ожидании неприятельского нападения.
С наступлением весны римские консулы повели войска в землю 3
инсомбров. Явившись туда и разбив лагери подле города Ахерр, 4
что лежит между Падом и Альпийскими горами, консулы при-
ступили к осаде его. Инсомбры не могли помочь осажденным, по- 5
тому что удобные местности были уже заняты неприятелем; од-
нако с целью положить конец осаде они переправили часть своего
войска через Пад в землю андров и повели осаду так называемого
Кластидия. Когда весть об этом дошла до консулов, Марк Клав- 6
дий взял с собою конницу и часть пехоты и поспешили на помощь
осаждаемым. Узнав о прибытии неприятеля, кельты сняли осаду, 7
пошли им навстречу и выстроились к бою. Когда римляне только 8
с конницей на ходу смело кинулись на кельтов, те еще держал-
ись, но потом, будучи окружены со всех сторон и тесными на-
падающими с тыла и с фланга, они одной только конницей об-
ращены были в бегство. Многие бросились в реку и погибли в 9
водах ее, большинство пало под ударами неприятелей. Римляне 10
взяли также Ахерры, изобиловавшие съестными припасами, меж-
ду тем как галаты отступили к Медиолану, наиболее значитель-
ному городу в стране инсомбров. Гней следовал за отступающими 11
по пятам и внезапно появился под Медиоланом. Вначале кельты 12
держались спокойно; но лишь только консул отступил обратно в
Ахерры, они сделали вылазку и, смело напав на задние отряды,
многих перебили, других заставили бежать, пока наконец Гней 13
не призвал передовые ряды, остановил бегущих и скомандовал
ударить на врага. Римляне повиновались своему вождю и храбро 14
сразились с наступавшим неприятелем. Кельты вследствие не-
давней удачи держались некоторое время стойко, но вскоре обо- 15
ротили тыл и бежали в ближайшие горы. Преследуя их, Гней
опустошал страну и приступом взял Медиолан. Когда это свер- 35
шилось, начальники инсомбров, потеряв всякую надежду на спа-
сение, всецело отдали себя на милость римлян.

Таков был исход войны с кельтами. Ни одна из описываемых 2
историками войн не сравнится с этой по безумной отваге сража-
ющихся, по количеству битв, по множеству участвовавших в них
и убитых; зато она может считаться совершенно ничтожною в 3
отношении задуманных планов, по нерассудительности в отдель-
ных предприятиях, ибо галаты не в большинстве случаев только,
но во всем и везде руководствовались страстью, а не рассудком.
Со своей стороны, мы, принимая во внимание последовавшее вскоре 4
совершенное вытеснение кельтов из равнин Пада, за исключением
немногих местностей под Альпами, находили невозможным
пройти молчанием как первое вторжение их, так равно и тогдаш-
ние события и последнее наступление кельтов. Мы считаем дол- 5
гом историка сохранять в памяти и передавать потомкам подоб-
ные случайные деяния судьбы, дабы грядущие поколения при 6

совершенном незнакомстве с такими случаями не падали духом от внезапных, неожиданных нападений варваров, но хоть немного подумали о том, насколько скоропреходяще мужество варварского народа, как легко сокрушить его вконец, поэтому держались бы твердо и испытали все свои средства прежде, чем уступить что-либо врагу. Я убежден, что писатели, сохранившие память о нашествии персов на Элладу и галатов на Дельфы, оказали в борьбе за общую свободу эллинов великие услуги; ибо, по моему мнению, ни один из народов, живо представляющих себе тогдашние изумительные события, памятующих, сколько десятков тысяч варваров, воодушевленных чрезвычайной отвагой, прекрасно вооруженных, уничтожены были отборными силами, действовавшими со смыслом и искусно, — ни один из них не устрашит множества запасов, оружия и воинов и в борьбе за родную землю не остановится перед напряжением последних сил. Страх галатов многократно овладевал эллинами не только в старое время, но и в наши дни. Это еще больше побуждало меня рассказать историю их кратко, но с самого начала.

36 **Вожьд карфагенян Гасдрубал** — в этом пункте мы сделали отступление в нашем рассказе — после восьмилетнего управления Иберией кончил жизнь:¹ в собственном доме он был коварно убит неким кельтом из личной мести. Гасдрубал много содействовал усилению могущества карфагенян и не столько военными подвигами, сколько дружественными отношениями с туземными владыками. Затем управление Иберией карфагеняне возложили на Ганнибала, человека еще молодого, но обнаружившего в своих действиях ум и отвагу. Лишь только Ганнибал принял власть, стало ясно, что он задумывает идти войною на римлян, что он действительно и сделал по прошествии короткого времени. Уже с этой поры в отношениях между карфагенянами и римлянами начали появляться подозрительность и вражда, ибо одни помышляли об отмщении за те поражения, какие претерпели в Сицилии, а другие понимали замыслы врага и относились к нему недоверчиво. Поэтому для внимательного наблюдателя было ясно, что противники собираются в близком будущем воевать друг с другом.

37 **Около этого самого времени ахеяне и царь Филипп** вместе с прочими союзниками начали войну против этолян, известную под именем союзнической.

2 После изложения событий в Сицилии и Ливии и следовавших за ними мы, продолжая наше введение, подошли к началу союзнической войны и второй между римлянами и карфагенянами, у большинства писателей именуемой Ганнибаловою. Согласно первоначальному плану, мы обещали с этого момента приступить к собственному предмету нашего повествования. Но, быть может, нам следует отложить пока начало этого рассказа и заняться событиями в Элладе, дабы уравнивать между собою все части введения и все события довести до одного и того же времени; только после этого мы начнем обстоятельное повествование. Дело в том, что мы вознамерились написать историю не отдельного какого-нибудь народа, например эллинов или персов, как писали предшественники наши, но обнять в повествовании события всех из-

¹ 13.

вестных частей земли, ибо обстоятельства нашего времени благоприятствуют выполнению такой задачи. Подробнее мы скажем об этом в другом месте,¹ а до начала повествования необходимо коснуться вкратце наиболее значительных и известных народов и стран земли. Речь об азиатских и египетских делах достаточно будет начать с только что обозначенного времени, ибо события более ранние этих стран описаны весьма многими и общеизвестны; потом в судьбе их в наши дни не произошло никакой необычайной перемены, ради которой необходимо было бы напомнить и прежнюю их историю. Напротив, в отношении народа ахейского и царского дома македонян полезно будет в немногих словах возвратиться назад. Тогда как царство македонян совершенно разрушено, ахеяне в наши дни, как я сказал выше, неожиданно сплотились между собою и через то усилились. Дело в том, что в прежние времена многие безуспешно пытались объединить пелопоннесцев во имя общего дела, но тогда каждый из пелопоннеских народов озабочен был мыслью не об общей свободе, а о собственном преобладании. В наше время обратное стремление сделало-таки успехи и осуществилось в такой мере, что среди пелопоннесцев не только водворились общие союзнические и дружественные отношения, но они пользуются одними и теми же законами, общим весом, мирами и монетою; кроме того, имеют общих должностных лиц, членов совета и судей. Вообще, если весь почти Пелопоннес не составляет одного города, то потому только, что жители его не имеют общих стен; во всем остальном существует единообразие и сходство между ними в отдельных городах и в целом союзе.

Прежде всего не бесполезно узнать, каким образом имя ахейян распространилось на всех пелопоннесцев. Ибо тот народ, который издревле унаследовал это имя, не выдавался ни обширностью страны своей, ни многочисленностью городов, ни богатствами, ни доблестями мужей. Действительно, народ аркадский, равно как и лаконский, далеко превосходили ахейян по многолюдству и пространству занимаемых земель; притом же ни один из эллинских народов не мог сравниться с ними в мужестве. Итак, каким же образом и по какой причине народы только что названные и все прочие пелопоннесцы соглашаются теперь участвовать в союзе ахейян, а равно именовать себя ахейянами? Отвечать, что это — дело случая, никак нельзя и было бы нелепо; лучше поискать причины. Как обыкновенные, так и необычайные явления имеют каждое свою причину. В настоящем случае причина, по моему мнению, такова: нигде в такой степени и с такою строгою последовательностью, как в государственном устройстве ахейян, не были осуществлены равенство, свобода и вообще истинное народоправство. Эта форма правления усвоена была некоторыми пелопоннесцами по собственному почину; многие привлечены были посредством увещания и доводов рассудка; наконец те, которых ахеяне при удобном случае заставили примкнуть к ней, очень скоро сами находили удобным для себя вынужденное вначале устройство. Так как ни один из первоначальных участников не пользовался никаким преимуществом, напротив всякий вновь при-
2 Ахеяне и союз их

¹ VI 40. IX 2.

это быстро достигло поставленной заранее цели, ибо имело дво-
9 якую надежнейшую опору в равенстве и милосердии. Устройство
это должно почитать источником и причиною того, что пелопон-
10 несцы объединились и создали нынешнее благосостояние. Такие
начала и упомянутые здесь особенности государственного строя
11 были у ахейян издавна, что можно доказать многими свидетель-
ствами; на сей раз достаточно будет привести одно-два из них
для подтверждения сказанного.

39 Однажды в той части Италии, которая называлась тогда Вели-
кой Элладой, сожжены были дома, где собирались пифагорейцы.
2 После этого, как и следовало ожидать, возникли в государствах
сильные волнения, ибо каждое из них потеряло столь неожиданно
3 своих знатнейших граждан. Вследствие этого тамошние эллин-
ские города преисполнены были убийств, междоусобных распрей
4 и всяческой смуты. При таком-то положении дел большинство
эллинских государств посылало туда своих людей с целью водво-
рить мир; но города Италии для уврачевания удручавших их бед
5 доверились благородству одних только ахейян. Впрочем, не только
теперь они оказали предпочтение ахейянам; по прошествии неко-
торого времени они возымели намерение целиком пересадить к
6 себе государственные учреждения их, именно: кротонцы, сибар-
итяне и кавлониаты посредством взаимных увещаний соедини-
лись между собою, прежде всего воздвигли общее святилище Зев-
са Союзного и выбрали место для общих собраний и совещаний,
потом заимствовали от ахейян обычаи их и законы и решили поль-
7 зоваться ими и на них утвердить свой государственный строй. По-
мехою в этих начинаниях были владычество Дионисия Сиракуз-
ского и господство окрестных варваров; не по доброй воле, но по
8 необходимости отказывались эллины от своих планов. Впослед-
ствии, когда лакедемоняне сверх ожидания¹ были разбиты в сра-
371 жении при Левктрах, фиванцы вдруг заявили притязания на гла-
венство над эллинами, недоумение овладело всеми эллинскими
народами, больше всего лакедемонянами и фивийцами, ибо одни
не признавали своего поражения, другие не были уверены в по-
9 беде. Тем не менее лакедемоняне и фиванцы доверили решение
своих споров одним ахейянам из всех эллинов не столько вслед-
ствие могущества их, — в то время ахейяне были слабее всех поч-
ти эллинов, — сколько во внимание к честности и неизменному
10 их благородству; действительно такой славой пользовались тогда
ахейяне у всех эллинов.

11 Однако такими были до сих пор только намерения ахейян; для
осуществления их или совершения какого-либо замечательного де-
12 ла, которое способно было бы усилить государство ахейян, недо-
ставало вождя, достойного этих стремлений; если таковой и яв-
лялся, то каждый раз он был затемняем и смиряем владычеством
40 лакедемонян или еще больше македонян. Но с течением времени
во главе управления стали достойные люди; тогда ахейское го-
сударство быстро проявило свою мощь, совершив прекраснейшее
2 дело, — объединение пелопоннесцев. Начинателем и руководи-
телем во всем этом предприятии должно почитать сикионца Ара-
та, борцом и довершителем дела — мегалопольца Филопемена;
утвердил и укрепил его на некоторое время Ликорт вместе с

¹ Xenoph. *Hellen.* VI 4 7.

людьми, разделявшими общие с ним цели. Что сделано было каж- 3
дым из этих людей, каким образом и в какое время, мы поста-
раемся рассказать это постольку, поскольку позволят задачи на-
шего повествования. Что касается Арата, то и теперь и впослед- 4
ствии мы будем говорить о нем лишь вкратце, потому что о своих
делах он сам составил записки весьма правдивые и ясные;¹ более
подробным и пространным будет рассказ наш о других деятелях.
Я полагаю, что повествование наше будет наиболее для состав- 5
ления и наиудобнее для понимания читателей в том случае, если
мы начнем его с того времени, когда по раздроблении ахейского
народа царями македонян на отдельные города, эти последние
снова начали тянуться друг к другу. Начиная с этой поры ахей- 6
ский народ непрерывно усиливался и достиг той степени преуспeya-
ния, на какой находился в наше время, о чем немного выше мы
кое-что сообщили.²

Была сто двадцать четвертая олимпиада, когда жители Патр 41
и Димы положили начало объединению, после смерти Птолемея, 284
сына Лага, Лисимаха, а также Селевка и Птолемея Керавна: все 2
они умерли в названную выше олимпиаду. В более древние вре- 3
мена положение ахейского народа было таково: начиная от Ти- 4
самена, сына Ореста, который был изгнан из Спарты во время
возвращения Гераклидов и занял область Ахаи, ахеяне находи- 5
лись непрерывно под управлением царей в порядке наследования
до Огига. После этого, недовольные сыновья Огига за то, что они
управляли ими самовластно, а не по законам, ахеяне изменили
свое государственное устройство в народоправление. В последую- 6
щие времена до царствования Александра, сына Филиппа, поло-
жение их менялось сообразно обстоятельствам; но, как мы ска-
зали выше, они старались постоянно удерживать власть в руках
народа. Государство их состояло из двенадцати городов, которые 7
находятся в нем и теперь, за исключением Олена и Гелики; этот
последний город был поглощен морем перед битвою при Левкт-
рах. Города эти: Патры, Дима, Фары, Тритея, Леонтий, Эгий, 8
Эгира, Пеллена, Бура, Кариния. Во время, следовавшее за Алек- 9
сандром, но предшествовавшее упомянутой выше олимпиаде, го-
рода эти, главным образом по вине царей Македонии, враждовали
между собою и упали до такой степени, что всякая связь между
ними порвалась, и каждый город преследовал свои собственные
выгоды в ущерб другим. Вследствие этого одни из них заняты 10
были гарнизоном Деметрия и Кассандра, а впоследствии и Ан-
тигона Гоната, другие подпали под власть тиранов; как кажется,
большинство властителей посажены были эллинами Антигоном.
Однако около сто двадцать четвертой олимпиады, как я сказал 11
выше, ахеяне, осознав прежние ошибки, снова начали соединять-
ся между собою. Это было около времени похода Пирра в Ита-
лию.³ Начало союзу положили жители Димы, Патр, Тритей и 12
Фар, почему и не существует никакого столба в память образо-
вания союза этих городов. Году на пятом после этого эгеяне вы- 13
гнали свой гарнизон и примкнули к союзу, вслед за сим убили
своего тирана жители Буры. В одно время с ними возвратились 14

¹ I 3 2. II 47 11.

² 37 10 сл.

³ Ср. I 6 5. II 20 6.

к прежнему устройству каринияне. Тогдашний тиран Каринии Исей видел, как из Эгия выгнан гарнизон, а в Буре Маргом и ахейцами убит тиран; ему самому с минуты на минуту отовсюду угрожало покушение, а потому Исей сложил с себя власть и, выговорив от ахейян личную неприкосновенность, присоединил город к ахейскому союзу.

42 Ради чего возвратился я к этим временам? Во-первых, для того, чтобы выяснить, каким образом, в какое время и какие из 2 древних ахейян первые задумали восстановить нынешний союз; во-вторых, для того, чтобы уверения свои о характере ахейян под- 3 твердить самыми делами их, показать, что ахейский народ всегда держался одних и тех же начал, распространяя господствовавшие у них равенство и свободу и непрестанно воюя с людьми, которые поработили свое отечество — сами ли, или с помощью царей. Таким-то способом действия, соблюдая такие правила, они совер- 4 щили упомянутое выше дело частью собственными силами, ча- 5 стью при содействии союзников. Однако и в том, что добыто ахей- 6 цами в этом направлении при помощи союзников, заслуга при- 7 надлежит поведению ахейян: ибо, участвуя в предприятиях многих народов, главным образом римлян,¹ ахейяне никогда и ни в чем 6 не стремились воспользоваться выгодами побед собственно для себя и награду за всю ревность на пользу союзников полагали в 7 свободе отдельных государств и в объединении всех пелопоннес- 7 цев. Яснее мы покажем это в подробном изложении самых со- 7 бытий.

43 В течение первых двадцати пяти лет названные выше города до 255 для управления союзными делами выбирали по очереди общего 2 секретаря и двух стратегов. Впоследствии они решили назначить одно лицо, облеченное верховною правительственною властью; 251 3 Марг из Карнии² первый занимал эту должность. На четвертом году после его стратегии сикионец Арат двадцати лет от роду соб- 4 ственною доблестью и отвагою освободил родной город от тирани- 5 ни, присоединил его к ахейскому союзу, задачами которого он 243 4 восхищен был тотчас с самого начала. На восьмом году, будучи вторично выбран в стратеги, он напал на Акрокоринф, занятый Антигоном, и овладел им, чем избавил жителей Пелопоннеса от угнетавшего их страха и, освободив коринфян, присоединил их 5 к государству ахейян. Во время той же стратегии он добился того, 6 что к ахейянам примкнул и город мегарян. Случилось это за год до поражения карфагенян, когда они очистили всю Сицилию и 7 впервые вынуждены были заплатить дань римлянам. Так как в короткое время Арат достиг больших успехов в осуществлении плана, то он и в последующее время непрерывно оставался во главе ахейского народа, стараясь направить к единой цели все 8 его помыслы и действия. Цель эта состояла в изгнании македонян из Пелопоннеса, в упразднении тираний и в обеспечении общей 9 исконной свободы во всех городах. Пока жил Антигон Гонат, Арат не переставал бороться против многообразных его посяга- 10 тельств и против алчности этолян; все он делал умело, хотя не- правда и наглость Антигона и этолян простирались до того, что они заключили между собою договор с целью расторжения союза

¹ Ср. XXIV 12.

² 41 14. 10 5 прим.

ахеян.¹ После смерти Антигона, когда ахеяне примирились с это- 44
лянами и вступили с ними в союз, а в войне против Деметрия
оказали им деятельную помощь, тогда прекратилось взаимное от-
чуждение и вражда, и место их заступили союзнические и дру-
жественные отношения. Впрочем, Деметрий царствовал всего де- 2
сять лет, а после его смерти, в пору первого перехода римлян в 239—229
Иллирию,² обстоятельства сложились весьма благоприятно для
осуществления первоначальных планов ахеян, именно: пелопон- 3
несские тираны впали в уныние как по причине смерти Демет-
рия, который был для них как бы поставщиком содержания и жа-
лованья, так и потому, что Арат неотступно требовал отречения
от власти. Покорным он обещал ценные дары и почет, а упрямых
запугивал еще большими бедами и опасностями со стороны ахеян.
Поэтому тираны решились добровольно сложить с себя власть, объ- 4
явить свои города свободными и примкнуть к ахейскому госуда-
рству. Мегалополец Лидиад вполне правильно и умно предугады- 5
вал будущее и потому отрекся от тирании еще при жизни Де-
метрия и принял участие в народном союзе. Теперь сложили с 6
себя единоличную власть и присоединились к народоправству
ахеян тираны аргивян, гермионян и флиунтян: Аристомах, Ксе-
нон и Клеоним.

По врожденной нечестности и алчности этоляне с завистью взи- 45
рали на достигнутые такими средствами успехи и значительное Козни этолян
усиление ахейского народа тем более, что рассчитывали отторг- против ахеян
нуть от союза некоторые города: раньше они добились этого при
содействии Александра относительно акарнанов,³ и то же самое
замыслили с Антигоном Гонатом по отношению к ахеянам. Под- 2
стрекаемые такими надеждами, этоляне не устыдились соединить-
ся с Антигоном, правителем Македонии, опекуном Филиппа, то-
гда еще ребенка, а также с царем лакедемонян Клеоменом и с
ними обоими заключили союз. Так, они видели, что Антигон пол- 3
новластно располагает делами Македонии и находится в явной,
открытой вражде с ахеянами за Акрокоринф,⁴ и полагали, что,
если удастся им приобщить к своим замыслам и лакедемонян и
заранее вселить им ненависть к ахейскому народу, они легко одо-
леют ахеян: нужно будет только своевременно напасть на них и 4
со всех сторон повести против них войну. Планы свои этоляне 5
быстро осуществили бы, если бы не проглядели самого важного
в этом предприятии, именно: они не сообразили, что противником
замыслов их будет Арат, человек, умеющий найтись во всяком
положении. Поэтому-то ревностно приступив к делу и начав не- 6
правую войну, этоляне не только не достигли ни одной из своих
целей, но, напротив, еще больше усилили Арата, который стоял
тогда во главе управления, а ахейский народ, потому что он
успешно расстроил его планы и восторжествовал над ними. Как 7
происходило все это, станет ясно из нижеследующего рассказа.

Арат видел, что этоляне медлят объявить ахеянам открытую 46
войну, потому что еще слишком недавно были услуги, оказан-
ные им ахеянами в войну с Деметрием. Но он замечал также 2

¹ IX 34 6.

² 12. 27.

³ IX 34 7.

⁴ 43 4.

сношения их с лакедемонянами и их зависть к ахеянам. Он помнил, что, когда Клеомен напал на них и отнял города Тегею, Мантинею и Орхомен, не только союзные с этолянами, но в то время входившие в состав их государства, они не вознегодовали за это и даже признали за ним захваченные города. Таким образом, тот самый народ, который раньше под всякими предлогами из жажды приобретенной ходил войною и на народы, от коих не терпел никакой обиды, теперь прощал нарушение договора и потерю важнейших городов, лишь бы создать из Клеомена могущественного противника ахеянам. Ввиду всего этого Арат и прочие чины ахейского союза решили, не начиная войны против кого бы то ни было, противодействовать покушениям лакедемонян. Таково было первое решение их; но потом, когда они увидели, что Клеомен дерзко воздвигает так называемый Афеней на земле мегалопольян, открыто выступает ожесточенным врагом их, тогда они собрали ахеян и вместе с советом постановили объявить открыто войну лакедемонянам. Так и в такое время началась война, именуемая Клеоменовой.

Клеоменова война

47 Вначале ахеяне пытались противостоять лакедемонянам только собственными силами частью потому, что считали для себя наиболее почетным не быть кому-либо обязанными своим спасением и самим защищать свои города и страну, частью потому, что желали сохранить дружбу с Птолемеем за прежние услуги его и не иметь вида людей, обращающихся к другим за помощью.

3 Однако, когда война уже затянулась, когда Клеомен упразднил исконное государственное устройство и закономерную царскую власть обратил в самовластие, вел войну настойчиво и смело, тогда Арат и в предвидении будущего, и в страхе перед слепой отвагой этолян решил расстроить их планы заблаговременно. Антигона он знал за человека опытного, умного и блюдущего верно свои обязательства; знал он также достоверно, что цари не имеют ни друзей, ни врагов по природной склонности, но вражду и дружбу соразмеряют с выгодами. Поэтому он вознамерился начать переговоры с этим царем и заключить с ним союз, объясняя ему возможные последствия совершающихся событий. Однако по многим причинам Арат находил невыгодным вести это дело открыто, ибо, с одной стороны, это значило бы побудить Клеомена и этолян к противодействию его планам, а с другой — привести ахейский народ в смущение исканием прибежища у врагов, полным отречением от надежды на собственные силы ахеян, а показать себя таким человеком ему вовсе не хотелось. По этим соображениям Арат предпочитал осуществлять свой план тайно, тем самым вынужден был многое говорить и делать перед людьми непосвященными вопреки своим намерениям с целью скрыть действительные свои планы под личиною противоположного настроения. Вот почему и в своих записках он рассказывает не все, относящееся к этому предмету.

48 Но Арат знал, что мегалопольцы сильно терпят от войны, ибо благодаря близости к Лакедемону они были передовыми бойцами, к тому же не получали от ахеян подобающей поддержки, ибо и эти последние находились в трудном положении.¹ Ему также достоверно было известно дружественное расположение мегалополь-

¹ 51 сл.

цев к дому македонских царей за те услуги, какие были им оказаны сыном Аминты Филиппом. Это приводило его к мысли, что 3 мегалопольцы, теснимые Клеоменом, легко могут обратиться за защитой к Антигону и македонянам. Поэтому Арат под условием 4 тайны открыл весь свой план мегалопольцам Никофану и Керкиду, которые связаны были с отцом его узами гостеприимства и были весьма пригодны для выполнения его замысла. При их 5 посредстве он без труда внушил мегалопольцам решение отправить посольство к ахеянам и побудить их просить через послов помощи у Антигона. Мегалопольцы назначили послами к ахеянам 6 Никофана и Керкида с тем, чтобы оттуда они немедленно, буде ахейский народ согласится, отправились к Антигону. Ахеяне раз- 7 решились мегалопольцам послать послов. Поспешно явился Никофан с товарищами к царю и говорил с ним о своем городе лишь в кратких и общих выражениях, но пространно о положении дел всего союза согласно поручению и указаниям Арата.

Указания Арата сводились к следующему: выяснить значение 49 и стремления союза этолян и Клеомена и доказать, что опасность от них угрожает прежде всего ахеянам, а вслед за сим в большей еще степени Антигону. «Что ахеяне не в силах вести войну с обоими противниками, видит ясно каждый; что этоляне и Клеомен, одолев ахеян, не удовольствуются этим и не остановятся на достигнутых успехах, это для человека здравомыслящего еще яснее». Ибо, продолжали послы, алчность этолян не могла бы насытиться даже границами всей Эллады, не говоря уже об одном Пелопоннесе. Честолюбие Клеомена и все помыслы его обращены 4 в настоящее время, правда, только к господству над Пелопоннесом; но по достижении его он немедленно будет добиваться главенства над эллинами, для чего ему предварительно необходимо 5 будет сокрушить владычество македонян. Поэтому послы предлагали Антигону ввиду такого будущего решить вопрос, что для него выгоднее: воевать ли в союзе с ахеянами и беотянами в Пелопоннесе против Клеомена за главенство над эллинами, или же пренебрегши содействием столь значительного народа, бороться в Фессалии за власть над македонянами против этолян и беотян, а равно против ахеян и лакедемонян. Если этоляне во внимание 7 к услугам, оказанным им ахеянами во время Деметрия¹ решат оставаться так же, как и теперь, в стороне, то ахейцы, говорили далее послы, будут одни воевать с Клеоменом и при помощи судьбы не будут нуждаться в поддержке. Если же судьба будет против 8 них и этоляне примут участие в наступлении, то ахеяне просят его следить внимательно за событиями, дабы не пропустить благоприятного момента и явиться на помощь пелопоннесцам, пока еще возможно спасение. Что касается верности и благодарности 9 за услуги, то Антигон может быть спокоен, ибо сам Арат, говорили они, в пору исполнения их просьбы найдет такие залогов верности, которые угодны будут обоим сторонам. Арат же, заключили они, укажет и время, когда потребуется вмешательство царя.

Антигон выслушал это и, убежденный в правдивости и рас- 50 судительности Арата, со вниманием следил за последующими событиями. Мегалопольцам он послал письмо с обещанием помощи, 2

¹ 44 л.

3 если на это согласны будут и ахейцы. Когда посольство Никофана
4 и Керкида возвратилось домой, передало письма царя и заявило
о благорасположении и готовности его вообще, мегалопольцы вос-
прянули духом и горели желанием идти в собрание ахейан и по-
буждать их призвать Антигона и поскорее вручить ему ведение
5 войны. С своей стороны, Арат, выслушав от Никофана и това-
рищей особое сообщение о настроении царя относительно ахейан
и его самого, был очень рад, что план его не напрасно задуман
и что Антигон не отвратился от него окончательно, на что и рас-
6 считывали этоляне. Обстоятельством благоприятным казалось ему
и то, что мегалопольцы торопятся доверить Антигону через ахей-
7 цев ведение дел, ибо, как я сказал выше,¹ он больше всего оза-
бочен был тем, как бы не пришлось самому просить о помощи;
если же по необходимости нужно будет обратиться за нею, то
предпочитал, чтобы призыв исходил не от него одного, но от всех
8 ахейан. Его беспокоила мысль, что явившийся на помощь царь по-
сле победы над Клеоменом и лакедемонянами может изменить
свое поведение относительно ахейского союза; тогда виновником
9 случившегося все будут почитать его одного, ибо образ действий
царя найдет для себя оправдание в обиде, которую учинил он,
10 Арат, дому македонских царей отнятием Акрокоринфа. Поэтому,
лишь только мегалопольцы явились в собрание ахейан, показали
письмо и доложили о благорасположении царя вообще, а в за-
ключение выразили желание призвать Антигона возможно ско-
11 рее, и лишь только на это последовало согласие народа, Арат взо-
шел на трибуну, принял с признательностью готовность Антигона
помочь, одобрил намерения народа, но в длинной речи убеждал
собравшихся всячески стараться защищать свои города и страну
собственными силами, ибо это — самое почетное и выгодное по-
12 ведение, говорил он. Если же судьба не увенчает этих усилий
успехом, тогда следует обратиться за помощью к друзьям, на-
перед испытав все собственные средства.

51 Собрание одобрило предложение Арата и постановило не пред-
принимать пока ничего нового и кончать начатую войну своими
2 силами. Между тем Птолемей порвал союз с ахейским народом
и решил поддерживать Клеомена с целью поднять его против Ан-
тигона: он рассчитывал, что скорее с лакедемонянами, нежели с
ахейянами, в состоянии будет смирить притязания македонских ца-
227 3 рей.² Кроме того, ахейяне потерпели первое поражение при Ликее
от Клеомена, с которым случайно повстречались на обратном пу-
ти; вторично они были разбиты в правильном сражении на так
называемых Ладокях в Мегалополитиде, в котором пал и Ли-
диад;³ в третий раз, когда в деле участвовали все войска их, ахе-
яне были разбиты наголову при так называемом Гекатомбее в
4 димской области. Теперь положение дел не позволяло больше
5 обратиться к Антигону. На сей раз Арат отправил послом к Ан-
225 тигону сына своего для окончания переговоров о вспомощество-
6 вании. Но величайшее затруднение встретилось для ахейан в том,
что царь, наверное, не пожелает помогать вовсе, если не получит

¹ 47 7—8.

² 48 3.

³ 44 5

обратно Акрокоринфа и не приобретет в городе коринфян опорного пункта для военных действий в настоящей войне, а, с другой стороны, ахеяне не решались отдать коринфян насильно в руки македонян. Поэтому решение вопроса в самом же начале было 7 отложено до выяснения дела о залоге со стороны ахеян.¹

Тем временем Клеомен выше упомянутыми победами навел 52 такой ужас на ахеян, что теперь беспрепятственно переходил от города к городу и привлекал на свою сторону одни города увещанием, другие страхом. Таким образом приобретены им были: 2 Кафии, Пеллена, Феней, Аргос, Флиунт, Клеоны, Эпидавр, Гермiona, Трезена, наконец Коринф, и засим расположился лагерем у города сикионян. Взятием Коринфа он вывел ахеян из величайшего затруднения, именно: коринфяне обращались к стратегу 3 Арату и к ахеянам с требованием очистить город, а в то же время посылали послов к Клеомену и звали его к себе, что давало ахеянам благовидный предлог и повод к действию. Арат воспользо- 4 вался этим и предложил Антигону Акрокоринф, который в то время был еще во власти ахеян, чем избавлял себя от тяготевавшей на нем вины перед домом македонян, давал достаточное ручательство за прочность будущего союза и, что самое важное, доставлял Антигону опорный пункт для войны с лакедемонянами.²

Узнав о заключении договора между ахеянами и Антигоном, 5 Клеомен снялся от Сикиона и разбил свой стан на Истме, укрепив промежуточное пространство между Акрокоринфом и так называемыми Онейскими горами, валом и рвом: обладание всем Пелопоннесом он считал уже достигнутым. Что касается Анти- 6 гона, то он давно был наготове в ожидании событий и указаний от Арата. Теперь на основании получаемых известий он заключал, что Клеомен вскоре явится с войском в Фессалию, а потому, 7 отправив послов к Арату и ахеянам с напоминанием о договоре, повел свои войска через Эвбею на Истм. Дело в том, что это- 8 ляне, как раньше, так равно и теперь желали воспрепятствовать Антигону подать помощь ахеянам и ради этого отказались пропустить его по сю сторону Пил; при этом объявили, что воспрепятствуют его проходу с оружием в руках, если он не покорится их решению.

Итак, Антигон и Клеомен расположились лагерем друг против 9 друга, причем один, Антигон, стремился проникнуть в Пелопоннес, а другой, Клеомен, задержать вступление в него противника.

Хотя государство ахеян жестоко пострадало, тем не менее они 53 не отказывались от своего плана и не теряли уверенности в себе. Лишь только аргивянин Аристотель восстал против сторонников 2 Клеомена, они поспешили к нему на помощь, со стратегом Тимоксеном во главе вторглись тайком в город аргивян и завладели им.³ Это было главною причиною перемены в положении ахеян 3 222 к лучшему. Ибо, как показали самые события, обстоятельство это задержало движение Клеомена и преждевременно удручающе подействовало на состояние его войск. Невзирая на то, что он успел 4 занять более удобные местности, имел более обильные запасы, чем Антигон, одушевлен был большей отвагой и настойчивостью,

¹ 49 9.

² 50. 51 6.

³ Ср. Plut. *Cleom.* 20—21.

- 5 однако лишь только получил известие о занятии ахеянами города аргивян, Клеомен тотчас снялся со стоянки и, отказавшись от упомянутых выше преимуществ над противником, отступил подобно убегающему воину, ибо опасался, как бы неприятель не 6 окружил его со всех сторон. Подойдя к Аргосу, он некоторое время оспаривал у противника обладание этим городом; но потом и эта попытка его разбилась о мужество ахеян и упорство раскаявшихся аргивян; через Мантинею он возвратился в Спарту.
- 54 Антигон беспрепятственно вошел в Пелопоннес и занял Акрокоринф; но, не теряя времени, продолжал задуманное дело и 2 явился в Аргос. Поблагодарив аргивян и устроив дела в городе, 3 он немедленно снялся со стоянки и направился к Аркадии. Он выгнал гарнизоны из тех укреплений, которые были недавно заложены Клеоменом в областях эгитской и белминской, передал эти укрепления мегалопольцам и явился в Эгий на собрание 4 ахеян. Здесь он дал отчет в собственных действиях, высказался о мерах относительно будущего и вслед за сим был выбран в вожди 5 всех союзников. Некоторое время после этого он оставался на зимовке в окрестностях Сикиона и Коринфа, а с наступлением 6 весенней поры повел войска дальше. На третий день пути он прибыл к городу тегеян, куда навстречу ему вышли также ахеяне; кругом города Антигон расположил свои войска и начал осаду. 7 Во всех отношениях македоняне ревностно вели дело осады, особенно подкопы, так что тегеяне быстро потеряли надежду на спасение и сдались сами. Обеспечив за собою этот город, Антигон 8 немедленно приступил к дальнейшим предприятиям и поспешно прошел в Лаконику. Когда он приблизился к Клеомену, стоявшему 9 на границе своей земли, то старался тревожить его и дал несколько легких схваток. Но по получении известия от своих 10 соглядатаев, что на помощь Клеомену идет войско из Орхомена, 11 Антигон тотчас снялся со стоянки и поспешно отступил. Орхомен взял он приступом с первого натиска, а затем начал осаду города 12 мантинеев, расположившись кругом лагерем. Так как македоняне навели ужас и на мантинеев, то Антигон скоро покорил этот город, а затем продолжал путь по направлению к Герее и Телфусее. 13 Приобретя и эти города, жители коих примкнули к нему добровольно, он отправился в Эгий на собрание ахеян, так как зима 14 уже наступала. Всех македонян Антигон отпустил домой на зимовку, а сам вел переговоры с ахеянами и участвовал в обсуждении тогдашних дел.
- 55 Клеомен видел, что неприятельское войско распущено, что Антигон с наемниками¹ в Эгии на расстоянии трех дней пути от 2 Мегалополя; он знал также, что защищать этот город трудно по причине его обширности и малонаселенности, и что теперь благодаря близости Антигона он охраняется небрежно; но самое важное, по его мнению, было то, что большинство граждан, способных 3 носить оружие, погибло в битве при Ликее и потом на Ладоккии.² По всем этим соображениям Клеомен около того же времени взял с собою несколько пособников из мессенских изгнанников, которые 4 при их содействии проникли внутрь города. Однако на следующий

¹ Ср. 65 2.

² 51 3.

день благодаря мужеству мегалопольцев он был едва не выбит из города, и даже жизнь его была в опасности. То же самое впро- 5 чем постигло Клеомена и раньше, за три месяца до того, когда он ворвался в ту часть города, которая называется Колеем.¹ Од- 6 нако во второй раз попытка удалась Клеомену, потому что он имел многочисленное войско и успел занять выгодные пункты; вытеснив мегалопольцев, царь занял наконец город и предал его 7 разорению, столь жестокому и беспощадному, что никто и не думал о возможности восстановления города. Мне кажется, Клеомен 8 поступил так потому, что у одних только мегалопольцев и стимфалиян ему никогда ни при каких обстоятельствах не удавалось найти себе ни сторонников, ни соучастников, ни даже изменников. Напротив у клиторян любовь к свободе и благородство по- 9 срамлены были подлостью единственного человека, Теаркеса, хотя клиторяне справедливо отрицают рождение его на их земле и уверяют, что он был подкинутый сын какого-то пришлого солдата из Орхомена.

Так как из историков, писавших в одно время с Аратом, Фи- 56 ларх пользуется у некоторых читателей большим доверием, и так как во многом расходится с Аратом или противоречит ему, то, быть может, полезно будет или даже обязательно для нас оставаться на нем, ибо в изложении деяний Клеомена мы придерживаемся главным образом Арата: не должно допускать, чтобы в истории ложь занимала равное место с истиной. Вообще историк 3 этот во всем своем сочинении многое сообщает и легкомысленно, и без разбора. По отношению к предметам посторонним, быть может, нет необходимости в настоящем случае упрекать Филарха 4 и исправлять его ошибки; напротив, мы должны внимательно исследовать его показания, относящиеся к тому самому времени, которое описывается нами, то есть ко времени Клеоменовой войны. Этого будет совершенно достаточно для оценки характера 5 и значения всего его сочинения. Так, желая показать жестокость 6 Антигона и македонян, а также Арата и ахеян, он говорит: «мантиняне, подпав под власть неприятелей, испытали тяжкие бедствия, а старейший и величайший город Аркадии подвергся таким несчастиям, что все эллины цепенели и плакали». При этом с 7 целью разжалобить читателей и тронуть их своим рассказом, он изображает объятия женщин с распущенными волосами, с обнаженной грудью и в дополнение к этому плач и рыдания мужчин и женщин, которых уводит толпами вместе с детьми и старыми родителями. Поступает он таким образом во всей истории, по- 8 стоянно стараясь рисовать ужасы перед читателями. Но оставим 9 в стороне эту недостойную, женскую черту характера и выясним то, что составляет сущность истории и делает ее полезною.

Задача историка состоит не в том, чтобы рассказом о чудесных 10 предметах наводить ужас на читателей, не в том, чтобы изобретать правдоподобные рассказы и в изображаемых событиях отмечать все побочные обстоятельства, как поступают писатели трагедий, но в том, чтобы точно сообщить только то, что было сделано или сказано в действительности, как бы обыкновенно оно ни было. Цели истории и трагедии не одинаковы, скорее проти- 11 воположны. В одном случае требуется вызвать в слушателях

¹ IX 18.

- с помощью правдоподобнейших речей удивление и восхищение на данный момент; от истории требуется дать людям любознательным непреходящие уроки и наставления правдивою записью деяний и речей. Тогда как для писателей трагедий главное — ввести зрителей в заблуждение посредством правдоподобного, хотя бы и вымышленного изображения, для историков главное — принести пользу любознательным читателям правдою повествования.
- 13 Кроме того, Филарх изображает нам весьма многие превратности судьбы, не объясняя причин и происхождения их; поэтому становится невозможным ни разумное сострадание, ни заслуженное негодование по поводу того или другого происшествия. Так, например, кто из людей не вознегодует за нанесение побоев свободнорожденным? Тем не менее, если потерпевший учинил обиду первый, мы находим, что он понес заслуженное наказание. Мало того: если это делается ради исправления и обучения, то наказывающие свободных заслуживают сверх того похвалы и благодарности. Точно так же умерщвление граждан почитается величайшим преступлением, достойным суровейшего возмездия. Однако убийца вора или прелюбодея несомненно не наказуем, а убийца предателя или тирана стяжает себе всеобщее уважение и почет. Так и во всем окончательное суждение определяется не самым деянием, но причинами его, намерениями людей действующих и их особенностями.
- 57 Вначале мантинеяне добровольно вышли из союза ахеян и передали себя и родину этолянам, потом Клеомену. В силу такого решения, вступив в союз с лакедемонянами, они за три года до прибытия Антигона покорены были оружием ахеян после того, как город их был взят Аратом с помощью хитрости. За прежнюю 27 вину они не только не претерпели ничего дурного, но в настроении обоих народов внезапно наступила столь резкая перемена, что о ней заговорили тогда повсюду. И в самом деле, лишь только Арат занял город, как отдал приказание своим солдатам не касаться чужой собственности; вслед за сим собрал мантинеян и советовал им спокойно оставаться у своего имущества, ибо участие в ахейском союзе дает им безопасность существования. Когда неожиданно-негаданно перед ними блеснула надежда, настроение всех мантинеян внезапно и решительно изменилось. И вот тех самых людей, с которыми они только что сражались, в борьбе с которыми, как они видели, многие присные их были убиты и немалое число тяжело ранены, тех самых людей мантинеяне вводили теперь в собственные дома, допускали их к очагам своим и своих родственников и вообще всеми возможными способами выражали свое благоволение, обнаруженное, впрочем, и противоположной стороной. Такое отношение мантинеян было заслужено ахейцами, ибо я не знаю другого случая, когда какой-либо народ встретил бы подобную снисходительность со стороны победоносного неприятеля, когда из величайших, по-видимому, несчастий народ вышел бы более невредимым, нежели мантинеяне, благодаря добросердечию Арата и ахеян.
- 58 После этого, предвидя междоусобные распри в своей среде, а равно козни этолян и лакедемонян, мантинеяне отправили посольство к ахеянам с просьбою дать им гарнизон. Те вняли их просьбе и выбрали по жребию из собственных граждан триста человек; выбранные покинули родину и имущество, снялись с места

и проживали в Мантинее для охраны жизни и свободы манти-
неян. Вместе с ними ахеяне отправили и двести человек наем- 3
ников, которые вместе с ахеянами охраняли существующий по-
рядок. Вскоре после этого среди мантинеев начались междуосо- 4 224
бицы, и, призвав лакедемонян, мантинеев выдали им город и
перебили находившихся у них ахеян. Более тяжкое и преступное
вероломство трудно и назвать. Ибо, раз мантинеев решили по- 5
рвать окончательно узы признательности и дружбы с ахейским
народом, им следовало по крайней мере пощадить упомянутых
выше людей и по уговору отпустить их на родину. Соблюдение 6
общечеловеческих законов почитается обязательным даже по от-
ношению к врагам. Между тем с целью доставить Клеомену и 7
лакедемонянам достаточное свидетельство совершившейся пере-
мены мантинеев нарушили общечеловеческие права и по соб-
ственному почину совершили нечестивейшее злодеяние. Величай- 8
шее негодование возбуждают люди, собственноручно убивающие
и мучающие тех, которые раньше взяли их силою и отпустили
невредимыми, а теперь охраняли свободу их и жизнь. И какое 9
наказание могло бы почитаться соответствующим их вине? Быть
может, кто-либо скажет, что достаточно было бы после победы
над ними продать их с женами и детьми. Но по законам войны 10
такой участи подлежат и неповинные ни в каком преступлении.
Поэтому мантинеев заслуживали более суровой и более тяжелой
кары, и если бы даже они претерпели то, что рассказывает Фи- 11
ларх, то, наверное, не возбудили бы к себе сострадания в элли-
нах; скорее напротив, каратели преступления и мстители только
стяжали бы себе одобрение и сочувствие. Однако несмотря на то, 12
что после победы ахеяне только расхитили имущество мантинеев
и продали свободных граждан, не учинив ничего больше, Филарх¹
из любви к необычному вносит лживые всецело и к тому же
невероятные известия. По своему крайнему неразумению, он не 13
мог даже сопоставить ближайшие обстоятельства и спросить себя:
почему те же самые ахеяне по завоевании Тегей не учинили ни-
чего подобного тегейцам? Между тем, если бы источником мести 14
со стороны ахеян была только жестокость их, то, наверное, и те-
геяне испытали бы ту же участь, что и другой народ, покоренный
в то же самое время; а если в поведении ахеян замечается раз- 15
ница относительно мантинеев, то ясно, что здесь существовали
и особенные причины озлобления.

Филарх утверждает также, что аргивянин Аристоммах, человек 59
знатного происхождения, тиран аргивян, происходивший от ти-
ранов, попал в руки Антигона и ахеян, отведен был в Кенхреи
и предан мучительной смерти, испытав незаслуженно жесточай-
шую участь, какая когда-либо выпадала на долю человека. Оста-
ваясь верным своей привычке и в этом случае, историк выду- 2
мывает какие-то звуки, доносившиеся будто бы целую ночь до
ближайших жителей в то время, как мучили Аристоммаха; люди,
слышавшие эти звуки, говорит он, побежали к дому, одни в ужа-
се от злодеяния, другие по недоверию к происходящему, третьих
увлекало чувство негодования. Но оставим эту страсть Филарха 3
к необычному: сказано о ней достаточно. По моему мнению, 4
Аристоммах, хотя бы даже не повинен был перед ахеянами ни в

¹ 56 л.

5 каком ином преступлении, заслужил жесточайшую кару своим
 6 поведением и беззакониями относительно родины. Правда, исто-
 7 рик с целью возвеличить его и усилить негодование читателей
 8 по поводу его печальной участи, говорит, что он не только сам
 9 был тираном, но и происходил от тиранов. На самом деле нельзя
 10 выставить против человека более тяжкого обвинения, чем это.
 Ибо с самым именем тирана соединяется ненавистнейшее пред-
 11 ставление; оно обнимает собою все неправды и беззакония, из-
 12 вестные людям. Если бы, как утверждает Филарх, Аристомах по-
 13 нес ужаснейшее наказание, то и тогда он недостаточно заплатил
 14 бы за тот единственный день, в который Арат во главе ахеян
 15 вступил в Аргос, выдержал жестокие и опасные битвы за осво-
 16 бождение аргивян и все-таки вынужден был уйти оттуда, так как
 17 в страхе перед тираном ни один из городских соумышленников
 18 его не принял участия в деле. Между тем Аристомах, воспользо-
 19 вавшись этим случаем и предложением, велел пытать и удавить
 20 на глазах родственников восемьдесят ни в чем неповинных знат-
 21 нейших граждан, будто бы соучастников ахеян в нападении на
 22 город. Я обхожу молчанием прочие злодеяния, совершенные за
 23 всю жизнь им и предками его; длинно было бы исчислять их.
 24 Итак, не должно возмущаться тем, если Аристомах и сам пре-
 25 терпел нечто подобное; напротив, было бы гораздо возмутитель-
 26 нее, если бы он не испытал этого и умер ненаказанным. Равным
 27 образом не должно ставить в вину Антигону и Арату того, что
 28 они захваченного во время войны тирана предали мучительной
 29 смерти, ибо хвала и честь от людей здравомыслящих была бы
 30 наградою им и тогда, если бы они отместили ему смертью даже
 31 в мирное время. Какой участи заслуживал он за вероломство от-
 32 носительно ахеян, не говоря уже о вышеупомянутом злодеянии?
 33 Ибо незадолго до того он сложил с себя власть тирана, вынуж-
 34 денный к тому обстоятельствами вследствие смерти Деметрия.¹
 35 Сверх всякого ожидания благодаря доброте и великодушию ахеян
 36 он был вне всякой опасности; ахеяне не только не покарали его
 37 за все деяния, совершенные во время самовластия, но приняли
 38 его в свое государство и облекли его почетнейшим званием, вы-
 39 брав своим вождем и стратегом. Но Аристомах очень скоро забыл
 40 оказанные ему милости и, в надежде на Клеомена рассчитывая
 41 получить несколько большие блага в будущем, он в самое труд-
 42 ное время отторгнул родной город от ахеян и изменил им, чтобы
 43 соединиться с врагами. Захватив такого человека, подобало каз-
 44 нить его мучительною казнью не в Кенхреях² и не ночью, как
 45 говорит о том Филарх; его следовало водить по всему Пелопон-
 46 несу, пытать в поучение другим и затем лишить жизни. И од-
 47 нако, как ни велика была его преступность, Аристомах не ис-
 48 пытал ничего подобного: кенхрейские палачи кинули его в мор-
 49 скую пучину.
 50 Кроме того, Филарх сообщает с преувеличениями и широко-
 51 вещательно о бедствиях мантинеян, давая ясно понять, что по его
 52 мнению задача историка состоит в изложении несправедливых
 53 деяний. Напротив, о великодушии мегалопольцев, которое они
 54 проявили в это самое время, он не упоминает вовсе, как будто

¹ 44 б. Ср. Plut. Arat. 35. Cleom. 4. Pausan. II 8 6

² 59 1.

исчисление преступлений важнее для истории, чем сообщение о благородных и справедливых действиях, или же, как будто читатели исторического сочинения скорее могут быть исправлены описанием противозаконных и отвратительных поступков, а не прекрасных и достойных соревнования. Так, Филарх с целью показать великодушие и умеренность Клеомена в отношении врагов рассказывает нам, каким образом Клеомен взял город, как он нерушимо сохранил его и тотчас отправил к мегалопольцам в Мессену вестника с письмом, в котором предлагал обратно принять город в целостности и сделаться его союзниками. В дальнейшем повествовании он останавливается на том, как мегалопольцы при чтении письма не дозволили прочесть его до конца и едва не побили камнями вестников. То, что следовало за этим и что собственно составляет предмет истории, он опустил, именно: похвалы мегалопольцам и лестное упоминание о достойном настроении их, хотя все это напрашивалось само собою. Действительно, если мы считаем людьми доблестными тех, которые предприняли войну за друзей и союзников только на словах и в постановлениях, если мы не наделяем одними похвалами, но и самыми щедрыми дарами людей, претерпевших опустошение полей и осаду своего города, то каково должно быть мнение наше о мегалопольцах? Разумеется, самое высокое и самое лестное. Вначале они предоставили свою страну на жертву Клеомену, потом совершенно лишились отечества из расположения к ахеянам, наконец в то время, когда неожиданно и необычайно явилась им возможность получить обратно родину невредимую, они предпочли потерять поля, гробницы, святыни, родной город, имущество, словом все, что составляет насущнейшее достояние людей, лишь бы не нарушить верности союзникам. Есть ли и может ли быть что-нибудь прекраснее? На чем другом с большею пользою может остановиться историк внимание своих читателей? Каким другим деянием он может успешнее побудить людей к соблюдению верности и к заключению союзов с государствами честными и стойкими? Между тем Филарх не сообщает ничего этого, закрывая глаза, как мне кажется, на дела прекраснейшие и внимания историка наиболее достойные.

Вслед за сим он прибавляет, что из добычи Мегалополя досталось на долю лакедемонян шесть тысяч талантов,¹ из коих, согласно обычаю, Клеомен получил двести. В его уверениях каждый прежде всего поражается непониманием и незнанием общеизвестных предметов: состояния и богатства эллинских государств; а историкам должно быть это известно прежде всего. Я утверждаю, что не только в те времена, когда имущество пелопоннесцев было совершенно истреблено македонскими царями и еще больше непрестанными междоусобными войнами, но даже и в наши дни, когда все пелопоннесцы живут в согласии и наслаждаются, по видимому, величайшим благосостоянием, невозможно в целом Пелопоннесе собрать такую сумму денег только за движимое имущество, не считая людей. Что мы говорим не по догадкам, но с достаточным основанием, ясно будет из нижеследующего: всякий читал об афинянах, что в то время, когда они вместе с фивянами предпринимали войну против лакедемонян, выставили десять 7

¹ Около 8 750 000 руб.

тысяч воинов и вооружили командою сто трирем, что в это время они в видах взимания налогов для войны подвергли оценке всю землю, дома и остальное имущество, и все-таки общая оценка состояния дала меньше шести тысяч талантов на двести пятьдесят. Отсюда можно ясно видеть всю основательность только что высказанного мною мнения о Пелопоннесе. Что в те времена из одного Мегалополя можно было получить больше трехсот талантов, этого не решится утверждать никто, даже при всей склонности к преувеличению, ибо всем известно, что большинство свободных и рабов бежало тогда в Мессену. Но убедительнейшим подтверждением вышесказанного может служить следующая. Как в отношении населения, так и по богатству мантинейцы не уступали ни одному из аркадских народов, с чем согласен и сам Филарх; однако, когда после осады они отдались во власть неприятеля, причем нелегко было ни уйти кому-либо, ни что-либо похитить тайком, они в то время доставили добычи всего вместе с людьми только на триста талантов.

63 Еще изумительнее дальнейший рассказ Филарха. Так, он уверяет, что дней за десять до сражения прибыл от Птолемея посол для уведомления Клеомена, что Птолемей¹ отказывается от содержания его войска и советует ему помириться с Антигоном. При этом известии, говорит он, Клеомен заключил, что необходимо попытаться счастья в решительной битве прежде, чем вести эти дойдут до войска, так как он не имел никакой возможности уплатить жалованье воинам из собственных средств. Но если в то же самое время он был обладателем шести тысяч талантов, то щедростью в издержках мог превзойти самого Птолемея. Располагая даже только тремястами талантов, он мог бы совершенно спокойно и легко вести войну против Антигона. Утверждать, с одной стороны, что все надежды Клеомена покоились на Птолемея и его поддержке, а с другой — тут же уверять, что в руках его были столь значительные суммы, значит обнаружить в высочайшей степени недостаток смысла и сообразительности. У этого историка во всем его сочинении есть много и других подобных суждений относительно занимающего нас времени, но, памятуя первоначальный план, я полагаю, что сказанного выше достаточно.

64 По взятии Мегалополя, когда Антигон зимовал в городе аргивян, Клеомен с началом весны стянул свои войска, обратился к ним с подобающим увещанием, затем переступил границы и вторгся в землю аргивян. Большинству предприятие это казалось безрассудно смелым, потому что проходы были укреплены самою природою; напротив, люди сообразительные находили его без- опасным и верно рассчитанным. Действительно, Клеомен видел, что Антигон распустил свои войска, поэтому с достоверностью знал, во-первых, что вторжение совершится беспрепятственно, во-вторых, что опустошение страны до городских стен вызовет в аргивянах, на глазах коих это будет совершаться, недовольство Антигоном и жалобы на него. Если, думал Клеомен, царь не в состоянии будет выносить укоров толпы, сделает вылазку со своими войсками и даст битву, то ясно, что при данных обстоятельствах победа достанется ему легко. Если же, наоборот, Антигон останется верен своему плану и не тронется с места, то он, Клеомен,

¹ Эверетт.

наведет такой страх на неприятелей, а собственным войскам вселит такую бодрость духа, что отступление его на родину совершится беспрепятственно. Как рассчитывал Клеомен, так и случилось. При виде опустошаемых полей народ собирался толпами и поносил Антигона, а тот, как подобает вождю и царю, считал нужным сообразовать свои действия прежде всего с голосом рас- 6
судка и оставался спокойным. Между тем Клеомен согласно первоначальному плану разорил страну, навел ужас на врагов, ободрил собственные войска перед лицом угрожающей опасности и невредимо возвратился домой.

С началом лета, когда после зимовки собрались македоняне 65 и ахеяне, Антигон снова стал во главе войска и вместе с союзниками двинулся в Лаконику. В фаланге македонян он имел де- 2
сять тысяч воинов, пелтастов три тысячи, конницы триста человек, сверх того тысячу агрианов и столько же галатов; всех наемников у него было три тысячи пехоты и триста конных воинов, по столько же отборных ахеян пеших и конных, вооруженных 3
по способу македонян тысяча мегалопольцев с мегалопольцем Керкидом во главе. Что касается союзников, то беотян он имел две 4
тысячи человек пехоты и двести конницы, эпиротов тысячу пехоты и пятьдесят конных воинов и столько же акарнанов, тысячу 5
шестьсот иллирян с вождем Деметрием Фарским. Таким образом, 5
всего войска Антигон имел двадцать восемь тысяч человек пехоты и тысячу двести конницы. Со своей стороны, Клеомен в ожидании 6
неприятельского вторжения прикрыл гарнизонами, рвами и засеками все прочие проходы в страну, а сам расположился с вой- 7
ском у города, именуемого Селласией, имея при себе всего до двадцати тысяч воинов: он не без основания соображал, что не- 8
приятель попытается вторгнуться в этом месте. Так и вышло. У са- 8
мого выхода в Лаконику поднимаются две возвышенности, одна из коих называется Эвою, другая Олимпом;¹ между ними идет 9
дорога в Спарту вдоль реки Ойнунта. Клеомен оградил оба холма 9
рвом и валом, на Эве выстроил перизков и союзников, дав им в начальники брата Эвклида, а сам с македемонянами и наем- 10
никами занял Олимп. На равнине вдоль реки по обеим сторонам 10
дороги он поставил конницу с небольшим отрядом наемников. По 11
прибытии к Лаконике Антигон увидел, что местность укреплена самую природой, что Клеомен соответствующими частями войска 12
заблаговременно и столь удачно занял удобные пункты, что в общем расположении войско его напоминало искусного бойца, при- 12
готовившегося наносить удары. Все нужное для нападения и оборо- 12
ны было сделано; сверх того, и боевой строй неприятельских войск был грозен, и доступ к стоянке труден. Поэтому Антигон 13
не решился сделать нападение с набега и поспешно вступать в битву.

Расположившись недалеко станом и прикрыв себя рекою по 66
имени Горгил, он провел несколько дней в изучении свойств местности и особенностей различных частей неприятельского войска. Чтобы выведать у неприятеля план дальнейших действий, 2
он несколько раз делал попытки к нападению, но не мог захва- 3
тить врасплох или незащищенным ни одного пункта, ибо Клеомен всюду оказывался во всеоружии и потому от такого плана

¹ V 24 8.

4 Антигон отказался. Наконец противники согласились между со-
бою решить дело битвою: в этих людях судьба свела двух вождей
5 даровитых и похожих друг на друга. Против воинов, занимавших
Эву, царь выставил македонян с медными щитами и отряды илли-
риан построенных попережку с ними; начальниками этого войска он назначил сына Акмета Александра и Деметрия Фарского;
6 вслед за ними поставили акарнанов и критян, а в тылу их для
7 подкрепления находились две тысячи ахеян. Против неприятельской
конницы Антигон поставил подле реки Ойнутта свою конницу, назначив вождем ее Александра, а подле них поставил пехоту, именно тысячу человек ахеян и столько же мегалополян.
8 Сам он с наемниками и македонянами решился вести битву у
9 Олимпа против войск Клеомена. Выстроив наемников впереди, он за ними поставил двойную фалангу македонян, одну вслед за
10 другою; делал он это потому, что местность была узка. Иллирианам дан был сигнал начинать нападение на высоты в то время, когда они увидят распушенное знамя со стороны Олимпа: они ночью расположились у самой подошвы холма по реке Горгилу;
11 подобный же приказ отдан был мегалопольцам и коннице — перейти в наступление, когда царь поднимет пурпурный флаг.
67 Когда наступил момент битвы и иллирианам дан был сигнал, начальники сделали надлежащие распоряжения, и тотчас все войска предстали перед неприятелем и начали наступление на вы-
2 соты. Тогда легковооруженные отряды, с самого начала занявшие место подле конницы Клеомена, заметили, что задние ряды ахеян не защищены и ударили на них с тыла, чем поставили в величайшее затруднение воинов, шедших к холму на приступ, ибо
3 в то время, как против них на возвышенности стояли воины Эвклида, наемники теснили их сзади и рубили с ожесточением.
4 Видя, что творится, и предвидя последствия, мегалополец Филопемён в это время старался прежде всего выяснить начальникам грозящую опасность. Но никто не обращал на него внимания, так как он был очень молод и ни разу еще не носил звания военачальника. Тогда Филопемён, ободрив речью своих сограждан,
5 смело ударил на врага. Вследствие этого наемники, теснившие нападающих с тыла, когда услышали крик и увидели сражение конницы, тотчас покинули иллириан и понеслись назад к первоначально занятым местам для подкрепления своей конницы. После
6 этого полчище иллириан, македонян и шедших вместе с ними воинов получило свободу действий, мужественно и смело устре-
7 милось на врага. Теперь стало ясно, что виновником победы над
8 Эвклидом был Филопемён. По этой же причине Антигон, как говорят, ради испытания спрашивал начальника конницы Александра, зачем он начал битву до получения сигнала. Когда тот отвечал, что не он, а некий юный мегалополец вопреки его воле начал битву преждевременно, Антигон заметил, что мальчик поступил как славный военачальник, ибо верно постиг момент, а он, действующий военачальник, поступил как мальчик.
3 Во всяком случае Эвклид при виде наступающих войск не воспользовался выгодами местоположения, именно: ему следовало бы много раньше выйти навстречу неприятелю и напасть на него, смешать и расстроить ряды его, затем самому беспрепятственно
4 отступить шагом к высотам. Таким способом действий он благо- временно уничтожил бы преимущества вооружения и боевого строя врагов и благодаря удобствам занимаемого положения легко

заставил бы их оборонить тыл. Ничего этого Эвклид не сделал; вернее, он поступил противоположно этому, как будто победа была уже одержана им. Эвклид по-прежнему оставался на высотах, желая встретить неприятеля как можно выше, дабы тем продолжительнее было бегство его по крутым откосам. Как и следовало ожидать, вышло как раз наоборот. Не оставив места для отступления и имея перед собою нетронутые, плотно сомкнутые ряды неприятелей, солдаты Эвклида попали в весьма трудное положение, ибо вынуждены были сражаться против надвигающегося врага на самой вершине холма. Быстро они были смяты тяжелым вооружением и сильным боевым строем флиунтян, которые тотчас овладели неприятельской позицией, а войско Эвклида спустилось ниже, так как ни для отступления, ни для передвижения не оставило себе места. Поэтому воины Эвклида скоро оборотили тыл, а за этим последовало гибельное бегство и продолжительное отступление по неудобным крутизнам.

В то же самое время происходило сражение конницы, причем все ахеяне проявляли необычайную доблесть, ибо настоящая битва решала вопрос об их свободе; больше всех отличился Филопемени. В этом деле пала лошадь Филопемени, смертельно раненная; тогда он сражался пешим и был ранен в оба бедра. Что касается царей, то сначала они вели битву только легковооруженными и наемными воинами, которых у каждого из противников насчитывалось до пяти тысяч человек. Враги вступили в битву то отрядами, то всею массою; с обеих сторон обнаружена была замечательная храбрость, потому что воины сражались на виду у царей и войск. Отдельные воины и целые отряды соревновались друг с другом в мужестве. Между тем Клеомен видел, что войско брата бежало, что на равнине конница его начинала отступать, и потому, опасаясь, как бы не быть окружену неприятелем со всех сторон, вынужден был скрыть передовые укрепления и повести все войско прямо против неприятеля с одной стороны стоянки. Когда легковооруженные воины обоих противников звуками трубы отозваны были назад с того места, которое разделяло их, раздались боевые клики фаланг, и с сарисами наперевес они кинулись в битву. Бой был жестокий, причем то медленно отступали македоняне, далеко оттесняемые отвагою лакедемонян, то подавались лакедемоняне под тяжестью боевого строя македонян; наконец войска Антигона, плотно сдвинув копья, с силою, свойственною двойной фаланге, ударили на врага и выбили лакедемонян из укреплений. Все войско бежало в беспорядке и было истребляемо, только Клеомен в сопровождении нескольких конных воинов возвратился невредимым в Спарту. С наступлением ночи он спустился к Гифию, где давно уже у него все было приготовлено к отплытию, и вместе с друзьями удалился в Александрию.

С первого набега овладев Спартою, Антигон поступил с лакедемонянами великодушно и человеколюбиво во всех отношениях, восстановил у них исконное государственное устройство и через несколько дней двинулся с войсками из города, потому что получил известие о вторжении иллирян в Македонию и о разорении страны. Так всегда важнейшим делам судьба дает неожиданный оборот. И теперь, если бы Клеомен отложил битву всего на несколько дней или же, если бы по возвращении после битвы в город он выждал немного, то, наверное, сохранил бы власть

- 4 за собою. Как бы то ни было, Антигон явился в Тегею, восста-
новил в ней старые учреждения, оттуда через два дня пришел
5 в Аргос как раз ко времени немейского праздника. Там от ахей-
ского союза и от каждого города в отдельности он был прославлен
и почтен на вечные времена, затем поспешно направился в Ма-
6 кедонию. Иллириан он захватил еще в своей стране, дал им пра-
вильное сражение и одержал победу, но во время битвы надры-
вался в громких криках и воззваниях к войску, получил крово-
7 харканье, заболел и вскоре умер. Все эллины возлагали на него
блестящие надежды не только потому, что он отличался храб-
ростью на поле сражения, но еще больше потому, что обладал
8 благородным характером вообще. Владычество над Македонией
Антигон оставил Филиппу, сыну Деметрия.
- 71 С какою целью мы остановились подольше на выше описанной
2 войне? Так как события эти по времени примыкают к тем, о коих
предстоит нам рассказывать, то казалось полезным или даже не-
обходимым во исполнение первоначального плана дать ясное для
3 всякого представление о тогдашнем положении македонян и эл-
линов. В то же самое время умер от болезни и Птолемей, цар-
скую власть которого наследовал Птолемей, именуемый Фило-
4 патором. Умер также и Селевк, сын Селевка, прозванного Кал-
лиником и Погоном; брат его Антиох наследовал сирийское цар-
5 ство. С этими властителями случилось нечто подобное тому, что
постигло первых царей в этих землях: Селевка, Птолемея, Ли-
6 симаха, именно: все они умерли, как сказано мною выше,¹ в сто
двадцать четвертую олимпиаду, а преемники их в сто тридцать
девятую.
- 7 Таким образом мы кончили вступление и подготовку к
всей истории, причем показали, когда, каким образом и по каким
причинам римляне после завоевания Италии впервые вмешались
во внешние дела и начали оспаривать у карфагенян владычество
8 на море. Вместе с этим мы выяснили тогдашнее положение эл-
линов, македонян и карфагенян. Согласно первоначальному пла-
ну, мы дошли теперь до той поры, когда эллины собирались на-
9 чать союзническую войну, римляне Ганнибалову, а цари Азии
10 за Койлесирию; поэтому и настоящую книгу мы с удобством мо-
жем закончить описанием предшествовавших событий и упоминанием о смерти правителей, руководивших этими делами.

¹ 41 2.

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОЙ КНИГЕ

1 5 как скоро... в Иберию. На самом деле отправка Гамилькара Барки, главы народной военной партии, была одною из уступок со стороны господствовавшей, аристократической партии. Некоторые данные о внутреннем положении Карфагена в то время см. у Диодора XXV 12. 14—17. Аппиана *Hispan.* 4, Полибия III 8, К. Ненота *Hamilcar*. Гамилькар отправился в поход не с Ганнибалом только, но и с двумя меньшими сыновьями Гасдрубалом и Магоном. Этот «львиный род» Гамилькар воспитывал в ненависти к Риму.

6 Гамилькар... Иберии. До этого времени незначительные торговые склады на юге Испании, т. е. приблизительно южные берега Андалузии и Гренады, а также фактическая зависимость Гадеса (теп. Кадикс) составляли все владения карфагенян в Иберии. Самый Гадес был тирской, а не карфагенской колонией. Гамилькар сделал завоевания по рр. Бетису и Анасу.

2 1 в Иллирию. Страна эта обнимала побережье Адриатического моря, приблизительно нынешние Далмацию, Боснию, Черногорию и Албанию. Население, распадавшееся на несколько племен, было сродни фракиянам, многолюдное, грубое, жившее преимущественно морскими разбоями. Особенно искусными мореходцами было племя либурнов, откуда *naves liburnae*. Могущественный Агрон был царем северной части Иллирии, составлявшей особое царство с начала IV в. до Р. X. Царствовал 250—232 гг. до Р. X.

5 Деметрия... Филиппа. Деметрий II, сын и наследник Антигона Гоната, отец Филиппа III, оставшегося малолетним по смерти отца.

ibid. медионянам, жители акарнанского города Медиона, упоминаемого Ливием XXXVI, 11 сл. Другая форма Медеон.

6 этолиянам... союзе. Этолийский союз образовался в македонское время и представлял собою федерацию политически самостоятельных поселений с союзным панэтолийским собранием, с выборным главою союза, или стратегом, и с административной и судебной коллегией апоклетов. В 189 г. союз перестал существовать в силу мирного договора с римлянами. Новейшее исследование об этом союзе: М. Дюбуа, *Les ligues étolienne et achéenne*. Paris. 1885. На русском языке весьма основательная работа В. Г. Васильевского, упомянутая выше: *Реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка*, к тому же единственная у нас по этому периоду эллинистической истории. Литературу см. в *Очерке греч. древностей* В. Латышева, стр. 335 сл. ²

9 начертание... е.м. По обычаю эллинов того времени, на взятых от неприятеля доспехах, которые посвящались богам, полководец ставил свое имя: *ὁ δαίμα ταῦτα τοῖς θεοῖς ἀπὸ τῶν δαίμα*. По словам Свида, Ификрат (IV в. до Р. X.) первый начертал на неприятельских доспехах имя вождя, тогда как прежде обозначалось только имя победоносного государства. Известно, что нарушение этого последнего правила вменялось в тяжкую вину Павсанию.

3 2 небольшим отрядами *κατὰ σπείρας*. Относительно римского войска Полибий употребляет *σπείρα* в смысле манипула *triplicia*. Тридцатая часть римского легиона называется *τάγμα*, *σπείρα*, *triplicia* VI 24 5. Ср. III 113 3. XV 9 7. 13 7. Казобон замечает: *proprius fuisse Illvriorum catervatim pugnare et copias suas dividere in parvas manus, quas σπείρας appellat Polybius*. Об иллирийских отрядах (*σπείραι*) Полибий упоминает II 66 5. III 19 5.

4 7 Царство... Тевта. По смерти Агрона остался малолетний сын Пиней, или Пинна, опекушкой коего была мачеха Тевта. *Arrian. Illyr.* 7. Flor. II 5.

5 3 Фенике, теп. Finiki, город хаонов в Эпире, к северу от Буфрота.

6 Скердилаид, начальник войск Тевты, впоследствии по смерти Пинны царь иллирян. *Liv.* XXII 33. XXVI 24. XXVIII 5. Полиб. X 41 4. Ср. Указатель.

ibid. у Антигонии, город хаонов в Эпире на р. Аое близ Керавнских гор. Ср. *Liv.* XXXII 5.

8 к атинтанам, племя эпирян, в верхней области р. Аоя; по словам Ливия, страна их, *Atintania*, холодная и суровая.

6 1 к народу ахеян. В то время ахеяне составляли союз. Начало союзу положено около 284 г. четырьмя городами, к которым со временем присоединились остальные. Усилению его много содействовал стратег Арат с 251 г. Главою исполнительной власти в союзе был стратег.

Выбор союзных властей, союзное законодательство, решение вопросов о войне и мире и проч. принадлежали союзному собранию. Руководящая власть сосредоточивалась в коллегии демиургов и в думе. Литература вопроса: ср. 2 6 прим.

2 *Геликран*, поселение в Эпире, упоминаемое только Полибием.

4 *дарданов*, жители Дардании, что в верхней Мёзии, между Балканами и Дунаем, в теп. южной Сербии. Стрб. VII 5 7.

10 *благодарными ἀχαρίστως*, поправка Мадвига в м. *ἀκρίτως* (*adv. crit.* I, 481).

7 6 *галаты.. акрагантян*. I 43 2 Полибий рассказывает, что наемники сиракузян возмарились было предательски выдать акрагантян. 43 4 упоминаются галлы в числе людей, намеревавшихся предать Лилийе римлянам.

8 1 *на торговых.. Италии τοὺς πλοῖζομένους ἀπ' Ἰταλίας*. Выражение *πλοῖζεσθαι* означает «пользоваться морем», «вести морскую торговлю». *οἱ ἀπ' Ἰταλίας* жители Италии.

3 *поступать.. жалобы*. Жалобы италийских мореходов, просьбы старых римских союзников о помощи и пр. положили конец терпению римлян. Иллирийских пиратов, овладевших даже Керкирою и тревоживших все Адриатическое побережье, необходимо было обуздать.

5 *Иссы*, теп. Lissa, остров с городом того же имени на Адриатическом море, недалеко от Фара. Ср. 11. Незадолго до этого Исса отложилась от Агрона и передалась римлянам. Dion. Legat. XI. Appian. *Illyr.* 7.

9 2 *Керкиру*, народная форма имени в м. Коркира, теп. Cortù. К нему приурочивалась гомеровская Схерия. Известною в истории становится со времени коринфской колонизации 734 г. до Р. X. *Эпидамния*, жители города Эпидамна, теп. Durazzo на восточном берегу угла Адриатики.

3 *завладели входом в Эпидамн, ἐγκρατεῖς ἐγένοντο τοῦ πύλωνος*. Pyle — ворота, *pylon* — все то здание, в коем находятся ворота, башня, через которую открывается и закрывается доступ к городу (Рейске).

8 *Аполлонии*, теп. развалины Pollina, город Иллирии у устья р. Аоя, колония коринфян и керкирян.

10 1 у... *Паксов*, теп. Рахо и Аптирахо, два маленьких острова между Керкирою и Левкадою.

5 *каринец Марг*, житель Каринии, город Ахαι, теп. Kernitza. У Полибия дорийская форма с а в м. е. Что касается имени ахейца, то форма Margos в м. рукоп. Markos восстановлена Брандштетером из II 41 14. Марг — первый единоличный стратег союза в 255 г. Фримен называет его Вашингтоном Ахαι.

8 *Деметрия из Фара*, много раз упоминается историком. См. Указатель. Фар теп. Lesina, остров на Адриатическом море перед берегом Далматии.

11 1 *Луций Λεύκιος* в м. рукоп. *Αύλος*.

7 *Из Брентесия*, [Брундизий] теп. Brintesi, значительный город Калабрии, в бухте Адриатического моря.

10—11 *ардизев.. атинтанов*, названия различных иллирийских народцев.

13 *Нутрию*, в Иллирии, никем больше не упоминается.

15 в *Арбон*, у Стефана Виз. *Ἀρβόν*, город в Иллирии, местоположение его точно неизвестно. Можно думать, что это Nargona, значительный город в Далматии, недалеко от моря напротив острова Фара.

16 в *Ризоне*, теп. Rizzano, город в Далматии.

12 3 *Лисс*, теп. Alessio, между Дураццо и Скутари. Подавлением пиратства Рим приобрел себе всеобщее благоволение не в Италии только, но и в Элладе.

8 в *истмийских состязаниях*, происходили на коринфском перешейке под ближайшим наблюдением Коринфа, через каждые два года на третий, отсюда и название их триетерические. Римские императоры весьма интересовались этими играми.

13 1 *Карфагеном.. Городом*, теп. Картагена, при Средиземном море, в Тарраконской Испании, недалеко от границ Бетики. В описании Нового Города и связанных с его именем военных действий есть немало неточностей. Н. Droyse, *Zu Polybius*. Rhein. Mus. XXX V (1875), стр. 62 сл. с двумя картами.

5 *перед кельтами*. До этого времени римляне по ту сторону Апеннинна владели только узким пространством между рр. Эзино и Фiumicino, древн. Рубикон. К югу от По жили враждебные им бои, на востоке от них лингоны, на западе анары. За равниною к западу у истоков По жили лигуры вперемешку с кельтскими племенами. Восточную часть ломбардской равнины занимали венеты не кельтского племени, ценоманы, или гономаны подле Брешии и Кремоны и сильнейшее из кельтских племен — инсубры подле Медиолана (Милана). Цизальпинские галлы не прекращали сношений с трансальпийскими соплеменниками, которые по временам и переходили Альпы. В 236 г. до Р. X. бои в союзе с трансальпийцами двинулись было снова на Рим, но попытка кончилась уступкою Риму некоторых округов их. Около 225 г. кельты сами начали войну с Римом.

7 *умалчивая.. Иберии*. Ливий (XXI 9), напротив, уверяет, что римляне требовали в этом договоре неприкосновенности Сагунта. Ср. Полиб. III 15 5. 30.

ibid. Ибер, теп. Эбро, делил всю страну на ближнюю и дальнюю Испанию, или по сю сторону и по ту сторону. Обозначения эти имели обратный смысл для карфагенян и для римлян.

14 4 *Ионийское море*, собств. Ионийский переезд 'I. *póros*, море между Нижней Италией и Элладой; иначе называется 'I. *θάλασσα*, 'I. *πέλαγος*, 'I. *κόλλος*.

ibid. *Адриатический залив* или Адрия. *ὁ Ἀδρίας*, по словам Ливия (V 33), получил свое название от этрусской колонии Адрии, или Атрии.

6 *Альпийский хребет*. Начиная этот хребет от Массалии (Марсели), Полибий, как замечает Казобон, альпийскими называет и горы салиев.

ibid. от *Массалии*, лат. *Massilia*, теп. Марсель, колония фокеян, основанная ок. 600 г. до Р. X. на Лигурийском берегу в Галлии; восточный рукав Роны назывался Массалиотским. A. Sonny, *de Massiliensibus rebus quaestiones*. Petrop. 1887.

9 *Апеннинских... Массалией*. Полибий, древнейший свидетель, дающий этим горам одно общее имя — Апеннина или Апеннинских гор. На северо-западе он протягивает их над Массалией до Ронской долины. Со времени Страбона (I в. по Р. X.) и до настоящего пределы Апеннина отодвинуты на восток, так как высочайшие кражи в середине лигурийского берега отнесены к системе Альп.

ibid. от *Сардинского моря*. В более широком смысле так называется западная часть Средиземного от Сардинии до Геракловых Столбов, в смысле более ограниченном море, кругом омывающее Сардинию.

11 от... *Сены*, теп. *Senigaglia* — город, основанный сенонами в Умбрии на берегу Адриатики.

12 *объем* и пр. Ср. Страбон. V 1 1.

15 1 *все достоинства*. Ср. Страб. V 1 12.

6 *пол-асса... оболы*, т. е. у Полибия обол = 2 ассам. Первоначальный асс (*as libralis*) в 10 унций меди с небольшою примесью олова ценностью коп. в 18. Со введением в употребление серебряной чеканной монеты 269 г. до Р. X. *lex Fabia Ogulnia* произошла редукция асса на 1/3: триантальный асс = 6 к.; с 217 г. введен секстантарный асс = 3 к. С 194 г. единственною ходячею монетою стала серебряная (*sestertius*), почему ценность медного асса понизилась еще больше, именно на половину унициальной суммы, что и было окончательно установлено Папириевым законом 89 г. до Р. X. Эту последнюю стоимость и имеет в виду Полибий: асс = около 2 коп. *Nultsch. Gr. u. röm. Metrologie*. стр. 192 сл. *Mommsen, Gesch. d. röm. Münzwesens*, стр. 170 сл.

8 *Родану*, теп. р. Рона, граница между Галлией и Гельвецией.

ibid. *трансальпинами*. Галлы, поселившиеся в равнине Пада, усвоили себе между прочим римскую одежду и начали называться «галлами, носящими тогу» в отличие от трансальпийских, «носящих штаны». Полиб. II 28. 30.

ibid. *таврисками*, по словам Стеф. Визант. жили подле альпийских гор и назывались еще тавринами, как у Полиб. III 60 8. Страб. приурочивает тавриков к нескольким странам и всех их причисляет к кельтскому племени. IV 6 9. 12. V 1 6. VII 3 2.

ibid. *агонами*, имя нигде более не встречающееся, может быть, вместо *лингонами*.

16 2 *Писы*, теп. *Pisa*, важный этрусский город при слиянии Аузера и Арно.

ibid. *арретинцов*, жители города Арретия, теп. *Arezzo*, у истоков Арно, на восток от Апеннина в Этрурии.

3 *умбры*, к востоку от этрусков, занимали значительную часть Средней Италии до Адриатики, где у устья Пада основали торговые города Спину и Гардию; главный союзный город умбров Америя. Народ родственный латинам и этрускам. Границы Умбрии: pp. Рубикон, Тибр, Нар, Эзис, Адриатическое море.

6 *Пад... Эридана*. Название свое Пад (теп. По) река получила, кажется, от кельтского сл. *radī* — сосны. О ней упоминает уже Гесиод под именем Эридана, называя его янтарной рекой (*Theog.* 338). С именем этой реки связаны были смутные представления о получении в этих местах янтаря с берегов Немецкого, или Балтийского, моря. Мифология обратила янтарь в слезы сестер Фазтона, оплакивающих гибель брата и по превращении в тополи или ольхи. *Ovid. Metam.* I 775 сл. *Plin. XXXVII* 2 11 *Hug. fab.* 152. 154 и др.

11 *Тригуболов*, поселение в циспаданской Галлии, где от р. По отделяется южный рукав Олана и северный Падуя. *Виргилий*, *Плиний* и др. называют этот последний рукав *Padusa*, искусственно вырытый канал.

12 *Боденком*, лигурийское сл. *fundo sarens* — бездонный. *Plin.* III 16 20.

17 1 *равнинами... тиррены*. Равнины верхней Италии между По и Альпами занимали некогда этруски, или тиррены (*Liv.* V 33); тогда же принадлежали им и флегрейские поля в Кампании; впоследствии они были вытеснены галлами из области Пада и самнитами из Кампании. Страб. V 4 3—4.

ibid. *Флегрейскими полями*, приморская долина в Кампании между Кумами и Капуей, теп. *Terra di Lavago*, знаменитая своим плодородием. *Plin.* III 5 6 XVIII 11 29. Почва вулканического происхождения; к ней приурочивается сказание о борьбе Геракла с гигантами, владевшими этой землей. При помощи богов Геракл одолел гигантов и устроил эту область. *Diod.*

Sic. IV 21. Страб. V 4 4. 6. Во Фракии также была Флегрейская равнина, на которой гиганты поражены были перунами Зевса. Eurip. *Hercul. fur.* II 94. Aristot. *meteor.* II 8.

ibid. *Κανυι*, древн. Volturnum, переименованный самнитами в Капую в 420 г. до Р. X. Liv. IV 37.

ibid. *Нолы*, город в Кампании, основан авсонами. Нынешний город заложен на расстоянии часа пути от древнего.

3 *Кельты... равнины*. Расселение кельтов, или галлов по Италии может быть восстановляемо только гадательно. О нем сложились в Италии предания, сообщаемые Полибием, Ливием, Юстином. Ср. Моммзен, Р. *Ист.* I, 310 сл.

4 *лаи* Laevi у Ливия V 35. XXXIII 37, Levi у Плиния III 17 21, *Лебекии*, Libici у Плиния *ibid.* Λβικοί у Птолем. III 1, p. 71.

ibid. *Гономаны*, поправка Швейггейзера из рукоп. *Γονομάνοι*, латинская форма Senomanes. Diod. Sic. XXIX 17. Ptolem. III 1 31. Страб. V 1 9.

5 *венетов*, народ иллирийского племени, занимал Венетию, на востоке от Цизальпинской Галлии. Страб. V 1 4 XII 3 8. XIII 1 53.

7 *ананы* *Аварез*, поправка Моммзена в м. рукоп. *Ἀναρες*. *Лингоны*, народ кельтской расы, жил на границе лугдунской и белгской Галлии. Часть их выселилась в Италию. Liv. V 35.

9 *возлежали на соломе*. Посейдоний у Афенея IV, p. 151 говорит, что кельты за пиришествами сидят на сене, за низкими деревянными столами. По словам Диодора (V 28), все кельты обедают сидя на земле, подстилая под себя волчьи или собачьи шкуры.

ibid. *питались мясом*. Эллыны употребляли главным образом растительную пищу и предпочтению мясной считали признаком варварства. Там же у Афенея говорится, что кельты употребляют в пищу мало хлеба и много мяса, которое варят в воде или жарят на углях и вертелах.

18 6 к *Альбе*, Alba Longa подле нынешнего монастыря Palazzola, старейший латинский город, метрополия многих городов и самого Рима.

19 5 в *земле камертисев*, т. е. при городе Клузии, теп. Chiusu, так как Клузий назывался раньше Камертом. Liv. II 9. V 36. X 25.

6 *сентинов*, жители города Сентина, теп. развалины при Sassoferatto, города в Умбрии недалеко от р. Эзиса.

12 *Сюда... Сеною*. По ходу рассказа можно заключить, что Полибий помещает основание Сены вслед за изгнанием сенонов, т. е. в 285 г. На самом деле она основана вместе с другими городами на пять лет раньше этого, в 289 г.

20 2 *Оадмоном*, Vadimonis lacus, теп. Laghetto di Bassano, оз. Этрурии в области Америк.

6 *года за три... Италиш*. Есть противоречие между этим местом и I 65, где появление Пирра в Италии приурочивается к ближайшему году перед сражением при Дельфах. Взятие Рима служит для автора опорным пунктом в хронологии позднейших столкновений между римлянами и галлами до сражения при Арретии включительно, т. е. до 285 г. до Р. X. Промежутки между событиями определяются у него в 30 + 12 + 13 + 30 + 4 + 10 лет, что составляет 99 лет; к ним прибавить 4 года диктаторов, итого 103 в. 102 (387—285). Разница эта легко покрывается тем, что историк рядом с количественными употребляет порядковые числительные в определении времени событий.

21 5 к *Аримину*, теп. Rimini, приморский город Умбрии к югу от устья Рубикона при Фламиниевой дороге. Ср. III 61 11.

7 *Пикентиною*, Picenum, область средней Италии, прилегавшая к Адриатическому морю и граничившая с Умбрией, землями сабинов и вестингов; пикентины сабинского племени.

8 *Гай Фламиний*, плебейского происхождения; упомянутый Полибием аграрный закон провел вопреки желанию сената в 232 г. до Р. X. в звании трибуна. Sic. *Cato maior* 4. *Brut.* 14. В свое консульство 231 г. разбил инсубров при Аддуе. Liv. XXII 6. По имени его названа дорога, проложенная в цензорство Фламиния 220 г. до Р. X. от Рима через Этрурию Фурлонским горным проходом до Адриатического берега и вдоль берега от Фана до Аримина. Это первая искусственная дорога, соединившая два моря.

22 1 *гесатами*, от кельтского сл. gaesum — тяжелое метательное копье, δόρυ ὀλοσιδίηρον (Festus). По словам Сервия (ad Virg. A. 8, 662), у галлов назывались гесатами храбрые люди (Liv. VIII 8. IX 36). Полибий считает их галлами; но в капитольских календарях они называются Германн, тоже, кажется, кельтское слово, означающее «крикуны, горланы».

23 4 *колесниц*. О колесницах, употреблявшихся галлами в походах и битвах, говорят также Диодор V 29 и Ливий X 28. 30. На колеснице помещались возница и воин *παράβατης*, esse-darius.

10 *Затем... войска*. Слова эти разрывают ход рассказа, притом первая половина их не более, как повторение из 24 3; наконец, в Риме был тогда один консул. Вот почему мы отметили этот § как неподлинный. Ср. Dindorf, *Polybii historia* (1866. 67), praef. p. 6.

24 6 с *претором*, у эллинических писателей ἑξαπέλεκτος «с шестью секирами», потому что одним из первоначальных знаков отличия претора были предшествовавшие ему 6 ликторов с пучками розог и секирами в них (fascies); позднее в городе было при преторе два ликтора, а в провинции оставалось первоначальное число. Lange, *Röm. Alterth.* I 558 сл.

15 всего... конницы. Выше сообщает Полибий также цифры для пехоты:	
четыре легиона по 5200	20 800
союзников	30 000
сабинов и тирренов	50 000
умбров и сарсинаатов до	20 000
венетов и гономанов	20 000
	пехоты . . . 140 800

Следовательно, меньше, а не больше 150 000, как сказано у Полиб. § 15.

Для конницы:

римлян в 4 легионах	1200
союзников	2000
сабинов и тирренов	4000
	конницы . . . 7200

а не около шести тысяч. Моммзен и Гульч вычеркивают из текста относящиеся сюда слова: *κεφάλαιον... τὸ δέ.*

16 *превышало... конницы.* И здесь также не совпадают сумма слагаемых и итоги Полибия. Всей пехоты было 699 200 и конницы 69 100, или всего 768 300, а не превышало, как выражается Полибий, 770 000 пехоты. Для конницы употреблена круглая цифра, в пехоте при перечислении опущено какое-нибудь число. У Диодора (XXV 13) показано то же число 770 000, у Ливия (epit. 20) 800 000. Разницу в показаниях двух историков можно объяснить, кажется, тем, что Полибий не называет 4500 конницы умбров и гономанов и 12 000 союзных войск в Сицилии и Таренте.

25 5 *Фезоле*, лат. *Faesulae*, теп. *Fiesole*, город в Этрурии.

27 2 *Теламона* теп. *Telamone*, гавань, город и по Птолемею мыс Этрурии, у устья р. Омброна.

28 7 *в... плащах, sagum*, характерная одежда кельтов. *Diod. V 30.* У римлян *sagum* был военной одеждой, ниспадавшей до колен, накидываемой поверх панциря и туники.

30 8 *щит... рубить.* Пробел в рукописи пополняется Швейгтейзером на основании описаний оружия в других местах истории (II 33 5. III 114 2 сл. VI 23) приблизительно так: «щит римлян служит достаточным прикрытием, и мечи их прекрасное наступательное оружие; тогда как римский щит покрывает целое тело, галльский меньше его. Римский меч прекрасно приспособлен к тому, чтобы колоть и рубить, галльский меч пригоден только для того, чтобы рубить».

32 1 *анамаров... Массалии.* Имя народа нигде более не встречается, вероятно, то же, что *anapes*. 17 7 прим. Живет этот народ по сю сторону (от Рима) р. Пада по соседству с запада с боями, т. е. в тех местах, кои, по словам самого Полибия, заняты ананами (17 7). Вот почему Клувер приурочивает оба имени к одному и тому же народу. Имя Массалии (Марсель) звучит здесь очень странно, потому что Полибий помещает Массалию у начала Альп (14); Клувер предлагает поправку *Πλακετίας* Плаценции. Гульч допускает пробел *ἀπὸ τῆς τῶν Ἀλεννίων παρωρείας*.

2 *Адуи*, теп. *Adda*, левый приток р. По.

4 *Клузий река*, теп. *Chiuse*, приток Оллия на границе земель инсобров и гономанов.

6 *из храма Афины.* В числе божеств, упоминаемых Юлием Цезарем, была у кельтов и Афина (*De bell. Gall. VI 27*). Храм ее, в котором находились нерушимые знамена, был, вероятно, в столице инсобров, Медиолане Полиб. II 34 10.

33 5 *рубить τὴν ἐκ διάρσεως αὐτῶν μάχην.* Сл. *ἐκ διάρσεως* при помощи подъема значит то же, что *ἐκ καταφωρᾶς* § 6. III 114 3. Ср. II 30 8. Ему противопоставляется *ἐκ διαλύψεως*, посредством колотья. Нигде больше в этом значении слово не встречается.

34 4 *Ахерр*, лат. *Aesera*, теп. *Gherga*. Другой город того же имени был в Кампании.

5 *через... андров*, кажется, вм. *анаров*. 32 2.

ibid. *Кластидия*, теп. *Casteggio*, ниже Павии.

6 *часть пехоты*, в рукоп. *τῶν πεζικῶν* с пробелом. Что здесь говорится о части пехоты, ясно из рассказа о том же сражении у Плутарха (*Marcell. p. 200*).

35 4 *совершенно... Пада.* Вынужденные просить мира, инсобры и бои уступили римлянам часть своих полей, куда выведены были римские колонии: Плаценция в циспаданской и Кремона в транспаданской Галлии (238 г. до Р. X.). Но долгое время после бои все еще занимали земли в ц. Галлии и тревожили римлян нападениями. По свидетельству Ливия (XXXVI 39), консул П. Корнелий в 191 г. до Р. X. одержал победу над боями и отнял у них почти половину их земель. Позже не упоминаются больше бои в области р. По; они переселились к Дунаю (Страб. V 1 6). Что касается инсобров, то они последний раз упоминаются у Ливия около 214 г. до Р. X. (Liv. XXXIV 46). Страбон (*ibid*) замечает, что до его времени удержалось имя инсобров в циспаданской Галлии.

ibid. последнее... кельтов τῆν τελευταίαν ἐξανάστασιν. Казобон, а за ним Швейгтейзер переводят: ac tandem, quomodo illo tractu penitus exciderint. В этом случае, как и во многих других, *ἐξανάστασις* означает не исчезновение народа или вытеснение с его местожительства неприятелем, о коем только что сказано, но передвижение народа с наступательными целями.

6 *случайные... судьбы τὰ τοιαῦτ' ἐλεῖσθδία τῆς τύχης.* Галльские войны не имеют прямого отношения к главной задаче историка, обнимающей события от ол. CXL; во введении кратко излагаются события предшествующие, но связанные с главным предметом сочинения. Поэтому галльские войны не эпизоды сочинения, но аксессуары той картины событий, которую имеет в виду Полибий. Войны с галлами от 390 до 285 г. до Р. X. излагаются Полибием весьма кратко и притом неодинаково с Ливием (V 33 — VIII).

7—10 *Я убежден... начала.* Напоминание эллинам о прошлых событиях, призыв их к энергической самозащите против варваров, звучали бы жестокой иронией после 146 г. до Р. X., когда Эллада обращена была, по крайней мере фактически, в римскую провинцию, и защита границ ее от варваров лежала уже на римлянах.

36 5 *Уже с этой поры.* Ср. Liv. XXI 2 сл. Appian. Hisp. 8.

37 1 *ахеяне... союзнической.* Царскую власть в Македонии по смерти Антигона Досона наследовал племянник его, сын Деметрия II, Филипп III, политический ученик Арата. Этоляне рассчитывали в союзе со Спартою сокрушить силу союза (симмахии), созданного Антигоном. Союзническая война, у Плутарха (*Cleom.* 34), называемая этолийскою, между ахеянами, беготямими, фокейцами, эпиротами, акарнанами, мессенянами в союзе с Филиппом, с одной стороны, этолянами, спартактами и элейцами — с другой.

3 *обстоятельное повествование ἡ ἀποδεικτικὴ ἱστορία,* собственно объяснительное повествование, с выяснением (*μετ' ἀποδείξεως* III 1 3) причин и преемственности событий во внутреннем их последовательности.

8 *царство... усилились.* Место это могло быть написано едва ли раньше битвы при Пидне (168 г. до Р. X.), когда Македония была уничтожена римлянами, с одной стороны, и до разложения ахейского союза в 146 г. — с другой.

9 *многие... пелопоннесцев.* Из прежнего времени более других известные попытки к объединению сделаны были Аргосом и Сикионом в период после пелопоннесской войны и жителями аркадских поселений после сражения при Левктрах (371 г. до Р. X.).

ibid. о собственном преобладании. Полибий имеет в виду главным образом Спарту, которая, по его убеждению, всегда была враждебна объединению Пелопоннеса. На самом деле многократные попытки Спарты к гегемонии много содействовали осуществлению федеративного устройства под главенством ахеян. Под гегемонией Спарты соединялась значительная часть Пелопоннеса несколько раз, и во время персидских войн эта гегемония оказала важную услугу целой Элладе. После пелопоннесской войны пошатнувшийся было союз восстанавливается насильственно условиями Анталкидова мира (387 г.). Основание Мегалополя и образование союза между Аркадией, Элидой и Аролидой после 371 г. составляет важный момент в истории федеративных стремлений в Пелопоннесе. Несогласия в среде союзников и с покровительствующими Фивами привели к победе Спарты (362 г.). Македонское владычество поддерживало разъединение частей, а в 288 г. Антигон Гонат расторгнул ахейский союз.

10 *В наше время... судей.* Выражение историка не означает точно тогдашней действительности, ибо рядом с федеральным правительством существовали неодинаковые местные учреждения в городах союза. Все это место предполагает существование в настоящем ахейского союза в наиболее широких территориальных пределах после 192 г., когда в состав его входили Элида, Мессения и Спарта. Насколько верен Полибий в определении степени единства в союзе, см. Предисловие.

38 2 *народ... городов.* Плутарх (*Arat.* 9 4) говорит о незначительности ахейских городов, о скудости почвы в Ахее.

3 *народ... земля.* О военной доблести лакедемонян, о мужестве и изумительной выносливости аркадян см. Xenoph. *Hellen.* VII 1 25. *De republ. Lacedaem.* XIII 5.

4 *каким... ахеянами?* Лакедемоняне, элейцы и мессеняне примкнули к ахейскому союзу в 192 и 191 г. до Р. X.; в 149 г. Спарта вела войну с ахейцами, как о том свидетельствует и сам Полибий. Следовательно, место это могло быть написано раньше 149 г. Под государством (*πολιτεία*) ахеян Полибий разумет союзные государственные учреждения, некоторую общность гражданских прав и обязательность республиканского строя для всех членов союза.

6 *равенство, свобода ἰσότης καὶ παρρησία.* Оба слова первоначально означают равное для всех право и свободу слова. Вместо этих терминов Аристотель употребляет *ἰσότης* и *ἐλευθερία*.

8 *милосердия φιλάνθρωπία,* состоявшая в мягкости обращения с «чужеземцами», т. е. с жителями других городов — государств.

9 *нынешнее благосостояние.* Не мог так выражаться Полибий после 168 г., когда он и многие другие ахеяне были переселены в Италию.

39 1 *в той части... Элладой.* Так назывались эллинские города с их окрестностями в нижней Италии к югу от рр. Силара и Френтона. Под «В. Е.» у Страбона разумются города эллинов не только в Италии, но и в Сицилии.

ibid. сожжены... *пифагорейцы*. Ближайшим поводом к насилиям со стороны кротонских демократов против пифагорейских коллегий послужили новоприобретенные земли по завоеванию Сибариса (ол. 67,3 = 517 г. до Р. Х.). Во главе восставших был кротонец Килон. Один Полибий говорит о сожжении нескольких домов, служивших местами собраний (*τὰ συνέδρια*) пифагорейцев. Прочие писатели, подробнее рассказывающие об этом, называют один только дом или клуб. Plut. *De genio Socrat.* p. 583. Porphyg. *Vita Pythagor.* sect. 55. Jambli. *Vit. Pythag.* sect. 249. Страб. VIII 7 1.

4 *города... ахеян*. Но большинство италийских городов были ахейскими колониями, которые и обращались теперь в метрополию.

6 *кротонцы*, жители Кротона, теп. Cotrone, город при Тарентском заливе на восточном берегу Бруттия, колония лакедемонян и ахеян (Герод. VIII 47). Союз городов в ограждение от Дионисия Сиракузского.

ibid. *сибаритяне*, жители города Сибариса, на месте теп. деревни Polipage, колония ахейцев и трезенян, в Тарентском заливе в Лукании.

ibid. *кавлониаты*, жители города Кавлонии, или Кавлона, колония Кротона в Бруттии.

ibid. *Зевса Союзного Z.* Ὀμίριος из Ὀμισυρίος. Храм такого же Зевса находился в ахейском городе Эгии и назывался Ὀμίριον (Полиб. V 93. Страб. VIII 7 3); в подражание ахеянам италийские эллины соорудили союзный храм у себя.

7 *Дионисия Сиракузского*, так называемого Старшего, после войн с карфагенянами обратившего оружие против италийских эллинов: союзные силы были побеждены подле Кавлонии в 390 г. Diod. Sic. XIV 10 сл. 111 сл.

ibid. *варваров*. Дионисий поднял сначала луканов, а затем смешанные полчища так называемых бруттиев обрушились на южноиталийские города. Страб. VI 1 2.

8 *одни... победе*. Речь идет не о левктрском сражении, об исходе коего не было никакого сомнения, но о мантинейском в 362 г. до Р. Х. Хелопф. *Hellen.* V 2.

40 2 *Филопемена*, «последний эллин», с 207 г. до Р. Х. стратег ахейского союза, выбирался в эту должность еще семь раз; пал жертвою борьбы за целостность союза против козней римлян (183 г.). Plut. *Philopoemen.* *Aratus*. Полибий говорит о нем во многих местах. См. Указатель.

ibid. *Ликорт*, отец Полибия, по смерти Филопемена (183 г.) стратег ахейского союза.

5 *по раздроблении... города*. Македонские цари, начиная от Александра, сажали тиранов в ахейских городах. Наиболее последовательно действовали в этом смысле Кассандр (355—296 гг. до Р. Х.) и Антигон Гонат (+240). Так рушился исконный ахейский союз из 12 городских общин.

41 1 *Патр*, теп. Patras, Patra, Patrasso, на северном берегу Пелопоннеса, к западу от Рия.

ibid. *Димы*, теп. Carabostasis, к западу от Патр.

2 *Птолемя Лагида*, получившего от Александра Египет, прославившего свое управление победоносными войнами и утверждением эллинской образованности в Египте. Ум. 283 г. до Р. Х.

ibid. *Лисимаха*, знаменитого полководца Александра Великого. По смерти Александра получил от Пердикки наместничество во Фракии и пограничных областях. Пал в битве с *Селевком I* Никатором в 281 г. до Р. Х. Последний — основатель царства Селевкидов, построил многие города, названных его именем, Селевкией.

ibid. *Птолемя Кервана*, старший сын Пт. Лагида от Эвридики, прозванный так («Перуном») за стремительность в действиях. Пал в войне с галлами 279 г. до Р. Х.

4 *Тисамена*, внук Агамемнона, царь ахеян, в Спарте. По одному преданию, он погиб в борьбе с возвратившимися Гераклидами (Apollocl. II 8 3); по другому — он после поражения отвел своих ахейцев в Эгialeю, где погиб в борьбе с ионянами (Paus. VII 1 7).

5 *до Огига*, последний царь Ахеи, упоминаемый Страбоном, который следовал Полибию (VII 7 1).

6 *сына Филиппа τοῦ Φιλίππου* вм. καὶ Φ., поправка Гульча.

7 *Олена*, и раньше город незначительный, впоследствии, вероятно, разложился на первоначально самостоятельные поселения. Pausan. VII 18 1.

ibid. *Гелики*, прежде самый значительный город Ахеи, поглощен морем в 373 г. Diod. XV 48. Pausan. VII 24 6 сл.

8 *Фары и пр.* верстах в 12 от моря, верстах в 26 к югу от Патр. *Тритея*, у горы Сколлиса, к востоку от Фар. *Леонтий*, к северу от Тритеи. *Эгий*, теп. Vostiza, в Коринфском заливе к востоку от Рия, после гибели Гелики, главный город Ахеи, место союзных собраний ахеян, с рощею Зевса Гомария. *Эгира*, теп. развалины при Палеокастро, город при море, к востоку от Эгии. *Пеллена*, теп. развалины на Зугре, верстах в 10 от моря, самый восточный из городов Ахеи. *Бура*, между Эгием и Эгирию, недалеко от теперешней р. Калавриты, разрушен в одно время с Геликой и отстроен впоследствии (Diod. Sic. XV 148). *Кариния* ср. II 10 5 прим.

9 *упали... стени*. Полибий употребляет сл. *καχεξία* — болезненное состояние.

ibid. *по вине... Македонии*. Покушение македонских владык на свободу пелопоннесских эллинов началось с того, что Александр Великий посадил тирана Херона в Пеллене. Кассандр покорил некоторые города; его гарнизоны были удалены Антигоном и Деметрием из городов

Ахеи под предлогом восстановления независимости. Антипатр и Кассандр искали поддержки себе в олигархической партии, Полисперхонт взывал к демократам, Антигон и сын его Деметрий Полиоркет льстили обещаниями свобод.

10 *Деметрия* Полиоркета, сын Антигона; он соединял в себе любовь к образованности с наклонностями и поведением восточного деспота.

ibid. *Кассандра*, отец Антипатра, опирался на олигархов в Македонии и Элладе и был злейшим и беспощадным врагом царского дома.

ibid. *Антигона Гоната*, сын Деметрии Полиоркета; притязания его на Македонию долго оспаривались разными претендентами и галльскими полчищами. Наконец он утвердился на севере, покорила Афины и поддерживал своих сторонников в городах Пелопоннеса.

ibid. *властителей монархов*, т. е. тиранов. У Полибия *monarchos* нередко употребляется в смысле *tyrannos* и *monarchia* в смысле *tyrannis*. II 41 14. 44 3. VI 3 9. 10. VIII 1 7. XI 3 5. 8. II 43 8. 44 6. Разница между монархией и тиранией определяется у Полибия V 100. VI 3 9—10. 4 2. 7—8. В переводе мы предпочитаем удерживать термин «тиран».

12 *почему... городов*. Поименованные города одинаково добровольно, каждый по собственному побуждению, вошли в союз, почему и не было надобности во внешнем освящении этого факта, во внешнем закреплении его каким-либо памятником. Ср. с этим известие историка о кротонцах и др. 39 4 сл.

42 5 *участвуя... римлян*, собственно: «помогая в предприятиях многим народам, наичаше и в наиболее славных римлянам» *πολλοῖς ὑπὲρ κοινωτήσαστες πράξεων, πλείστον δὲ καὶ καλλίστων Ῥωμαίων*.

6 *награду... пелопоннесцев*, одно из многочисленных мест истории, свидетельствующих красноречиво, что историк постигал важность принципов ахейского союза и увлекался искренно величием начатого ими дела. Лукас, Бранштетер, Ларош и др. оценивают иначе значение этого союза, а потому и подвергают Полибия несправедливой во многом критике.

43 1 *двадцати пяти лет*. Первое время Антигона отвлекали галлы, Пирр, Египет, Спарта и война с Афинами; сам он дважды терял власть.

ibid. *секретаря урцацатев*. Составлял и хранил государственные документы; при двоевластии стратега был эпонимом союза.

2 *одно лицо... властью*. Уже стратеги в Афинах времен пелопоннесской войны соединяли в себе военную и политическую власть. В федерациях ахейской и этолийской верховный представитель исполнительной власти пользовался еще большим влиянием на все дела союза.

3 *Арат... тирании*. Как из этого места, так и из Плутарха (*Arat.* 11. 16) совершенно ясно, что в этом году Арат не был выбран в стратеги. История освобождения Сикиона от тирании Никокла и присоединения Сикиона к союзу подробно рассказана г. Васильевским в упомянутом уже сочинении: *Полит. реформа*, стр. 60 сл. Тут же читатель найдет верные соображения о важности этого факта.

4 *вторично... стратеги*. Плутарх (*Arat.* 16) замечает, что вторая стратегия Арата была через год после первой; таким образом, Арат впервые избран в стратеги в 245 г. до Р. X.

ibid. *Акрокоринф*, цитадель Коринфа, расположенного также на горе в 170 фут. над уровнем моря. О взятии его Аратом см. Васильевский, *ibid.* стр. 87 сл.

5 *город мегарян*, восстал против Антигона. В то же время присоединились Трезен и Эпидавр. *Plut. Arat.* 24.

7 *непрерывно дителем простатив*. То же свидетельствует Плутарх (*Arat.* с. 24).

9 *Антигон Гонат* царствовал 44 года. Ум. 239 г. Плутарх (*Arat.* 31) рассказывает о набегах этолян на Ахею около 242 г.

44 3 *поставщиком содержания*. Автор употребляет метафорически сл. *choregos* — организатор и содержатель хора, в избытке доставлявший как хору, так и учителю его пищу и питье, нарядное одеяние, золотые венки и пр.

ibid. *ценные дары меγάλας δωρεάς*. По свидетельству Плутарха (*Arat.* 35), 50 талантов предложено было Аристарху, 150 македонянину Диогену за очищение Афин.

5 *Мегалополье... союзе*. Плутарх хвалит мегалопольского тирана Лидиада, как человека честного, благородного, чуждого своекорыстных целей, впоследствии влиятельного противника Арата в политике союза (*Arat.* 30). В оценке мотивов отречения Лидиада от власти нет того противоречия между Полибием и Плутархом, какое усматривает г. Васильевский, *о. с.* 192. Мегалополь с 371 г. до Р. X. Главный город Аркадии при р. Гелиссоне, образовался путем слияния 40 самостоятельных первоначально поселений. В истории ахейского союза он играл весьма видную роль: уроженцами Мегалополя были Филопеман, Ликорт, Полибий. Е. Kuhn, *Über die Entstehung der Städte der Alten*. L. 1878, стр. 222—241.

6 *гермионян*. Город Гермийон, поселение дриопов, в Арголиде при Гермийонском заливе у подошвы Прона.

ibid. *Флиунтян*. Город Флиунт в Флиасии, на севере граничившей с Сикионией, на востоке и юге с Арголидой, на западе с Аркадией. С присоединением Аргоса, Гермийона, Флиунта весь северный Пелопоннес входил в состав союза. *Plut. Arat.* 35.

45 1 *Александра II*, сын Пирра, автор сочинения о тактике, изгнал Антигона Гоната из Македонии (III в. до Р. Х.). Нигде больше не упоминается союз этолян с Александром. Юстин, напротив, рассказывает, что Александр при помощи акарнанов возвратил себе царство, отнятое у него отцом Филиппом, Деметрием. XXVI 2 сл. XXVIII 1.

2 *Антигоном* Досоном, сын Деметрия Киренского, внук Деметрия Полиоркета. Македонская знать призвала его к управлению в то время, когда Македонию на севере тревожили дарданы, Фессалия восстала, Афины были потеряны.

ibid. с *Клеоменом III*, сын Леонида II, царь Спарты с 239 г., находился в постоянной вражде с ахейским союзом. Полибий упоминает о нем часто, см. особенно V 35—39; наиболее подробно говорит о нем Плутарх (*Cleomen*). Ср. Васильевский, *о. с.* 244 сл.

46 2 *Тегею*, теп. развалины между деревнями Hag. Sostis, Ibrahim Effendi, Piali, Achuria, город Аркадии, образовался путем слияния 9 самостоятельных поселений. Описание у Павсании VIII 3 4. В 222 г. присоединилась к ахейскому союзу.

ibid. *Мантинеею*, теп. развалины Palaeopolis, город Аркадии, к северу от Тегеи, на р. Офисе, часто в войне с олигархическими Тегеей и Спартой. Ознаменована победою и смертью Эпаминонда (июнь 362 г. до Р. Х.). В 222 г. город распался на первоначальные составные поселения и до Адриана существовал под именем Антигонии, ахейской колонии.

ibid. *Орхомен*, теп. развалины подле Calrachi, город Аркадии, к северу от Мантиней, подвергался нападениям Кассандра, Клеомена, Антигона Досома.

4 *чины... союза оi проεστῆτες*. Здесь, как и IV 9 3, разумеется прежде всего коллегия 10 демиургов, составлявшая со стратегом во главе высший орган исполнительной и руководящей власти союза.

5 *Афеней*, святилище Афины, подле города Белбины, место вторжения лакедемонян, по словам Плутарха (*Cleom.* 4). Ср. Curtius, *Peloponn.* I, 290. 335.

6 с *советом μετὰ τῆς βουλῆς*. Собрание ахейн было на сей раз чрезвычайное. Совет или сенат является здесь главным решителем дела. Остальная масса собравшихся только принимает постановление совета.

ibid. *война... Клеоменовой*. Война эта рассказывается различно у Полибия и Плутарха (*Cleom.*); но Плутарх в биографии Арата близко подходит к Полибию.

47 2 с *Птолемеем III* Эверетом. В 243 г. по предложению Арата он был провозглашен главным вождем ахейн; отсюда война с Македонией и Антигоном Досоном. Вообще он ревниво взирал на усиление Македонии. В 221 г. он покинул Арата, чтобы соединиться с Антигоном Досоном, против которого пошел войною Клеомен. Под «услугами» Полибий разумеет те 150 талантов, которые Арат получил от Птолея для умиротворения Сициона, а также те 6 талантов, которые Арат получал от него ежегодно в виде пенсии. Plut. *Arat.* 13. 41.

48 2 *за... услуги... Аминты*. Об услугах Филиппа см. IX 28 7. XVII 14 6—7. Павсаний говорит только об услугах аркадян и мегалопольцев Филиппу в битве при Херонее (VIII 27). Услугу оказали мегалопольцы Антипатру в войне с Агисом II в 330 г., потом в 313 в борьбе с Полисперхонтом.

49 1 *доказать ὑποδείκνυαι*, собств. дать понять намеками.

4 *господству над Пелопоннесом*, заветная мечта спартанского царя восстановить прежний пелопоннеский союз со Спартой во главе. После заходили слишком далеко, приписывая Клеомену столь широкие завоевательные планы.

6 в *союзе... беотянами*. По разрушении Фив Кассандром беотяне образовали союз городов наподобие ахейского и этолийского. Но с 245 г. он был в зависимости от Этолии, а с 239 подчинился Македонии. Полиб. XX 5.

7 *этоляне... Деметрия*. См. Васильевский, *о. с.* стр. 179 сл.

50 4 *собрание σὺνδoδος*, союзное собрание, называвшееся еще ἐκκλησία, ἀγορά.

51 3 *поражение... Клеомена*. Войско ахейн с Аратом во главе возвращалось из похода в Элиду, находившуюся в союзе с Этолией; на помощь эллиям отправился Клеомен и при горе Ликее разбил ахейн наголову. За поражение Арат вознаграждал себя взятием Мантиней. Plut. *Cleom.* 5. *Arat.* 36. Р. Ликей, теп. Diaforti, в Аркадии, северный конец Тайгета, к северо-западу от Мегалополя. Pausan. VIII 38.

ibid. *на... Ладокях*, к востоку от Мегалополя по дороге к Паллантию и Тегее. Pausan. VIII 44 1. У Плутарха (*Cleom.* 6) место сражения называется Левктрами, но подле Мегалополя (*Arat.* 36).

ibid. *при... Гекатомбее*, в области Димы. На сей раз сражение происходило в самой Ахае; во главе ахейн стоял стратег Гипербат. Plut. *Cleom.* 14. *Arat.* 39.

4 *единодушно*. Несколько иначе и гораздо обстоятельнее рассказывает об этом Плутарх. *Cleom.* 15.

7 о *залоге... ахейн*. В подлиннике ἄριον τῆς περὶ τῶν λίστεων ἐπιπέφεως: для ясности мы распространили слишком сжатое выражение подлинника.

52 1 *Клеомен... городу*. Рассказу этому у Плутарха предшествуют известия о попытках ахейн к примирению с Клеоменом (*Cleom.* 14 сл.). Возбуждение среди пелопоннесцев в пользу царя-реформатора ярко описано у Плутарха.

2 *Кафии*, город в Аркадии, недалеко от Орхомена с северо-запада, теп. развалины подле деревни Chetusa.

ibid. *Феней*, город у горы Киллены, к северу от Орхомена. *Клеоны*, теп. развалины при Кленни, укрепление в Арголиде, в 2 милях от Коринфа и в 3 от Аргоса. *Эпидавр*, теп. Pidauro, город Арголиды у Саронского залива *Трезена*, теп. развалины подле деревни *Datala*, недалеко от Саронского залива.

5 *на Истме*, Коринфский перешеек, ворота Пелопоннеса. Прорытие перешейка несколько раз предпринималось в древности. В последнее время (1882 г.) оно снова начато.

ibid. *Онейскими* (Ослиными) *горами*, тянутся от Коринфа к Беотии (Страб. VIII 621).

7 *свои войска*, 20 000 пехоты и 1400 конницы. Plut. Arat. 43.

8 *Пул* (Ворота), Фермопилы, единственный проход из Фессалии в Локриду, между Этою с одной стороны и Малийским заливом — с другой.

53 2 *Аристотель восстал*. Согласно Плутарху, аргивяне разочаровались в Клеомене, потому что ни передела земли, ни уничтожения долгов он не принес с собою. После революции стратегом Аргоса выбран был Арат. Cleom. 20. Arat. 44.

54 3 *в областях эгитской и белминской*. Эгий *Αἴγυς* известен как город Лаконики, теп. Nagia Irene. *η Αἴγυς* или, как у Полибия, *η Αἴγυς χώρα* область Аркадии. *Белминская* область *Βελμινῆτις* см. выше 46 5 прим., на вершине Хелма, сильный оборонительный пункт Лаконики против Мегалополя. Относительно правописания имени см. критические замечания Гульча. Мы удерживаем чтение ватик. списка (A), хотя при легкости замены μ и β могли иметь место оба произношения. Васильевский (о. с. 253 прим.) предпочитает *Velbina* на основании уверения Шемана, будто все списки Полибия имеют такую форму.

12 *к Герее*, теп. развалины подле деревни Hagios Joannes, на правом берегу Алефея. Одна из древнейших эллинских надписей содержит в себе договор между элейцами и гереецами, стоящими во главе девяти сельских общин. C. I. G. I, 27 сл. Xeroph. Hell. VI 5 22.

ibid. *Телфусее*, город в западной Аркадии, подле р. Ладона.

55 5 *То же самое... того*. Об этом покушении рассказывает сам же Полибий IX 18 2. Неудача произошла тогда от того, что Клеомен подоспел к Мегалополю не ночью, а лишь к утру.

ibid. *Колем*, нигде больше не упоминается.

8 *стимфалян*, жители Стимфала, города и области в северо-восточной Аркадии у горы того же имени, к северо-востоку от Орхомена.

9 *у клиторян*, жители города Клитора в северо-западной Аркадии, в плодородной равнине.

56 1 *Филарх*, современник Арата, написал, между прочим, историю Эллады в 28 книгах, обнимавшую события от похода Пирра на Пелопоннес до смерти Клеомена (272—219 до Р. X.). Он был лично близок к Клеомену и разделял вражду его к ахейскому союзу и к Арату. Полибий подвергает его слишком резкой критике (56—63). Главный источник Плутарха (Cleom. Arat) и Трога Помпея. Отрывки его у Мюллера *fr. hist. graec.* I 334 сл.). Ср. Васильевский о. с. 50 сл.

10 *писатели трагедий трагυδιουργοι*. Даже Плутарх говорит, что Филарх «впадает в энтузиазм, когда касается Клеомена». Arat. 38.

57 2 *город... хитрости*. По словам Плутарха (Cleom. 5. Arat. 36), ахейцы после поражения, нанесенного им Клеоменом на Ликейской горе, «при помощи своего стратега приобрели город, каким нелегко было бы овладеть и после победы».

58 4 *призывает... ахейян*. Дело происходило после социального переворота Клеомена, обратившего к нему симпатии беднейшего населения в пелопоннесских городах. Васильевский о. с. 267 сл.

10—12 *мантиняне... сочувствие*. Плутарх на основании Филарха передает мантинейское дело несколько иначе и, кажется, ближе к истине. По всей вероятности, Мантинея была одним из тех городов, коим участие в ахейском союзе навязано было силою (Plut. Cleom. 14 Arat. 45). Полибий почему-то не упоминает, что Мантинея была переименована в Антигонию; первоначальное название восстановлено только императором Адрианом.

59 1 *Аристомах*, преемник Аристиппа II с 237 г. до Р. X. В. Г. Васильевский (о. с. 178 прим.) делает основательную догадку о фамильном наследовании тирании в Аргосе в это время. Он же (стр. 187 сл.) делает попытку согласить и пополнить одни другими показания Полибия и Плутарха (Arat. 29) об этом деле.

ibid. *в Кенхрее*, теп. Кенкри, восточная гавань Коринфа.

61 1 *широковещательно μετά διαδόεως*. Другие толкования слова см. у Швейгтгейзера.

62 1 *согласно обычаю κατὰ τοὺς ἔθιμοις*. Какой-либо общий определенный обычай относительно этого нам не известен. После платейской битвы победоносный Павсаний получил всего по десяти. Герод. IX 81.

4 *все пелопоннесцы... благосостоянием*. Речь идет о времени между 191 и 150 гг. до Р. X., когда все пелопоннесцы, не исключая мессенин и лакедемонян, входили в состав ахейского союза. Ср. 38 4. 40 2. В это время, находясь в политической зависимости от Рима, союз не платил ему никакой дани и процветал экономически. Египетские цари Птолемеи, а также

родосцы и критяне обращаются к ахеянам за помощью (Полиб. XXIX 23. XXXIII 7—17). Поэтому-то историк советует ахеянам жить в мире и согласии и примириться с преобладанием Рима III 4 з. 7. IV 32 9—10 и др.

6—7 *они вместе... пятьдесят*. Полибий напоминает о времени энтузиазма в Афинах перед левктрской битвой в арконство Навсиника (378 г.), когда солоновская система взимания налогов была изменена и произведена была новая оценка имущества граждан. Теперь обложению подвергалась не одна поземельная собственность, но все движимое и недвижимое имущество; кроме того, филы разделены были на симмории, причем ответственность за уплату податей падала на богатейших граждан. Diod. XV 25. По мнению Бека, историк ошибается, принимая подлежащую обложению долю имущества (*τίμημα*) афинян за все их имущество, определенное Бекон в 30—40 тыс. талантов. Белох оспаривает аргументацию и выводы Бека и защищает показание Полибия. Hermes, 1885. Стр. 237 [подробнее см. Л. М. Глускина. *Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э.* Л., 1975, с. 122 сл.].

64 *1 Клеомен и пр.* В этом месте рассказ Плутарха совпадает с Полибиевым, служившим историком для первого.

6 как *подобает*. Такое же положение Перикла описано Фукидидом. II 20—23.

65 *2 пелтастов*. Названы так от щита (*πέλιτη*), фракийского происхождения, из кожи, четырехугольного или в форме полумесяца, легкого, без металлической обивки. Наступательным оружием пелтастов были: дротик, длинный кинжал и копье. Пелтасты занимали середину между тяжело- и легковооруженными.

ibid. агрианов, пеонское племя у верховьев Стримона, между горами Родопою и Гемом, пресводные стрелки из лука. Герод. V 16. Фукид. II 96. Страб. VII 8 5.

3 *отборных элиэктос*. У Полибия слово это имеет значение *extraordinarii* в римском легионе. VI 26 5. 8. *ἐπιλέγειν* набирать воинов и выбирать. I 26 5. IV 15 3 и др.

7 *Селласией*, сильно укрепленный пограничный город Лаконики, между Спартою и северными пределами области, там, где сходились дороги из Арголиды и Аркадии к Спарте. Топография местности см. Васильевский *о. с.* 311. Полибиево описание этой битвы отличается всеми признаками достоверности (гл. 65—70); известия Плутарха о том же кратки и сбивчивы (Cleom. 18).

8 *две... Олимпом*, по обеим сторонам р. Ойунта, теп. Келефина, восточного притока Эвроты. Недалеко от места слияния рек образуется небольшая площадь, ограниченная на востоке Олимпом, на западе Эвою.

9 *перизков*, исконные жители городов Лаконики ахейского происхождения, в политическом подчинении у дорян спартанцев.

11 *бойца... удары τῶν—ὀπλομάχων προβολῆς*. Сл. *προβολή* означает положение борца, прикрывающего себя щитом и с протянутым вперед копьем или мечом.

66 *1 Горгил*, должно быть, приток Эвроты; нигде больше не упоминается.

9 *двойную... за другою διφάλαγγιν ἐπάλληλον*. В узких местах фаланга разбивалась на две, следовавшие одна за другою; в других случаях две и три фаланги выстраивались в ряд, откуда *διφάλαγγια τριφάλαγγια παράλληλα*. Через это глубина фаланги удваивалась и утраивалась, а линия фронта уменьшалась. Aelian. *Tactic.* 40.

10 *зная σιδῶν*, собств. тонкая тканая индийская материя (Герод. I 200. II 95).

69 *1 сражение*. Описание этого сражения, во всем существенном сходное с Полибиевым, дает Плутарх. Cleom. 26. 27. *Philopoem.* 6.

7 *с сарисами наперевес μεταβαλοῦσαι τὰς σαπίσας*, собственно: переменяв положение копий, которые до того воины держали прямо вверх. Рейске предлагает *καταβαλοῦσαι* вм. рукописного чтения; тогда получается наше: с копьями наперевес. Необходимости в поправке нет. Сариса — длинное копье, специальное оружие фалангитов, в 16, потом в 14 фут. длины. Полиб. XVIII 29. При боевом строе в 8 шеренг все шеренги держали копья наперевес, так что и сарисы последней шеренги торчали перед фронтом. 14-футовые сарисы держались опущенными только в 5 первых шеренгах.

11 к *Гифию*. Ср. V 19 6 прим.

70 *1 исконное... устройство*, т. е. Эфорат и герусию, а равно уничтожил аграрные порядки Клеомена. Изгнанные Клеоменом спартанцы возвратились в город, а место царя занял некий Брахилл в звании македонского правителя. Полиб. XX 5 12.

4 *немейского праздника*. Место праздника — роща Немеяского Зевса в аргивской долине между Клеонами и Флиунтом. Заведование ими принадлежало первоначально Клеонам, потом перешло к Аргосу. С присоединением Клеон к ахейскому союзу около 237 г. восстанавливается старое право этого города. Праздник был подвижный и в течение каждого пятилетия отправлялся дважды: один раз летом, другой зимою. Hermann, *Gottesdienstl. Alterth.* § 49.

ТРЕТЬЯ КНИГА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИБИЯ

Приступ к собственной истории, содержание второй и третьей частей ее (1—5). Рассуждение о причинах II пунической войны; разница между началом, причиной события и поводом, или предлогом; примеры (6—8). Причины II пунической войны; наставление автора (9—12). Начало Ганнибаловой войны, покорение Ганнибалом олкадов, ваккеев, почти всей дальней Иберии (13—14). Посольство заканфян к римлянам, посольство римлян к Ганнибалу, в Карфаген (15). Иллирийские дела (16). Положение Заканфы, взятие ее Ганнибалом (17). Иллирийская война римлян с Деметрием Фарским, консул Эмилий, взятие Фара римлянами (18—19). Поведение римлян по взятии Заканфы карфагенянами, римское посольство в Карфагене (20—21). Договоры римлян с карфагенянами с древнейших времен (22—27). Заключение автора о праве римлян в I пуническую войну, во II пуническую войну (28—31). Польза всеобщей истории (32). Объявление войны римлянами, приготовления Ганнибала к походу в Италию, медная доска Ганнибала в Лацинии, вестники галлов у Ганнибала, обращение Ганнибала к войскам, переход через Ибер, покорение ближней Иберии, переход через Пиренеи (33—35). Необходимость географических показаний для исторического повествования; три части света (36—38). Владения карфагенян в Ливии; длина пройденного Ганнибалом пути (39). Консулы Публий Корнелий, Тиберий Семпроний, возмущение боев и инсомбров, претор Луций Манлий; отправка римского флота в Иберию, Ганнибал у Родана (40—41). Переправа Ганнибала через Родан, царь Магил из Галлии цизальпинской у Ганнибала (42—44). Нумидийские разведчики прогнаны Публием Корнелием Сципионом (45). Переправа слонов через Родан, дальнейшее движение Ганнибала, басни о походе Ганнибала (46—48). Возвращение Сципиона в Италию; Ганнибал на острове между реками Роданом и Исароу (49). Подъем Ганнибала на Альпы, трудности пути (50—53). Нисхождение Ганнибала с Альп (54—55). Вступление Ганнибала в Италию, численность уцелевших войск его, прибытие Публия Корнелия Сципиона к реке Паду (56). Трудности ознакомления с далекими странами в прежнее время (57—59). Покорение тавринов Ганнибалом, тревога в Риме, отозвание Тиберия Семпрония из Сицилии (60—61). Жалким видом и положением пленных Ганнибал воодушевляет своих воинов (62—63). Публий Сципион между реками Падом и Тикином, обращение его к войску; конное сражение у Тикина, поражение Сципиона, переход Ганнибала через Пад, присоединение галлов к карфагенянам, отступление Сципиона к Требии, переправа через Требию, соединение с Семпронием (64—68). Взятие Кластидия Ганнибалом, обращение галлов к римлянам за помощью (69). Приготовление Семпрония и Ганнибала к битве, военные хитрости Ганнибала, два консульских войска соединились вместе (70—72). Битва при Требии, поражение римлян (73—74). Новые вооружения римлян (75). Гней Корнелий Сципион покорил Иберию до реки Ибера, взял Ганнона и Индибила, зимовал в Тарраконе (76).

Консулы Гней Фламиний и Гней Сервилий, зимовка Ганнибала в цизальпинской Галлии, хитрости Ганнибала, решимость его идти через болота в Тиррению, трудный путь через болота, вторжение Ганнибала в Тиррению (77—80). Важнейшее условие удачи на войне — умение подметить слабые стороны в вожде врагов (81). Опустошение полей Ганнибалом, Фезола, Кортоня, Тарсименское озеро, положение его, военные хитрости Ганнибала (82—83). Битва у Тарсименского озера, поражение римлян, поведение сената (84—85). Ганнибал прошел через Умбрию и Пицен к Адриатическому морю, болезни в его войсках; Квинт Фабий выбран диктатором, Марк Минуций — начальником конницы (86—88). Образ действий Квинта Фабия относительно Ганнибала (89). Ганнибал переходит в Самний, в Кампанию, положение и достоинства кампанской равнины (90—91). Опустошение Кампании Ганнибалом, устроенная Фабием засада в теснине, хитрость Ганнибала, удаление Фабия в Рим (92—94). Дела в Иберии, Гасдрубал, Гамилькар, морская победа Гнея Сципиона над карфагенянами, отправка нового флота в Ибрию под командою Публия Сципиона, успешные действия Гнея и Публия Сципионов (95—97). Ибер Абилиг и выдача заложников римлянам (98—99). Взятие Геруния Ганнибалом (100). Удаchi Минуция и назначение его вторым диктатором, раздоры между римскими вождями, засада против Минуция (101—104). Минуций спасен Фабием (105). Новые консулы: Луций Эмилий, Гай Теренций, проконсулы Гней Сервилий, Марк Регул, претор Луций Постумий (106). Занятие Ганнибалом кремля Канны, численность римских войск, обращение Эмилия и Ганнибала к своим войскам (107—111). Удрученное настроение римлян, приготовления вождя к битве, битва при Канне (112—115). Поражение римлян, последствия его: отпадение нижней Италии, отчаяние римлян; обращение автора к ближайшему будущему (116—118).

В первой книге всего сочинения, за две до настоящей, мы объяснили, что за начало собственной истории принимаем войны союзническую, Ганнибалову и сверх того войну за Койлесирию.¹ Равным образом в той же книге мы изложили причины, по которым возвращались ко временам более ранним, и составили две предшествующие книги. Теперь мы попытаемся рассказать обстоятельно как самые войны, выше упомянутые, так и те причины, какие вызвали их и придали им столь важное значение; но прежде скажем несколько слов о предмете самой истории. Совокупность всего, о чем мы вознамерились писать, составляет единый предмет и единое зрелище, именно: каким образом, когда и почему все известные части земли подпали под власть римлян. Так как событие это имеет известное начало, приуроченное к определенному времени, и завершение его признано всеми, то мы находим полезным поименовать вкратце и предварительно отметить важнейшие части этого события, лежащие между началом его и окончанием. По нашему мнению, этим способом вернее всего будет подготовлен любознательный читатель к надлежащему пониманию целого задуманного нами труда. Ибо предварительное ознакомление с целым много помогает уразумению частей; с другой стороны, знакомство с частностями много содействует пониманию целого, почему мы и считаем наилучшим этот двоякий способ изложения и обозрения и, согласно с ним, сделаем вступительный очерк собственной истории. Общий план сочинения и пределы его мы уже начертали. Что касается содержащихся в нем частей, то упомянутые выше войны составляют начало, а падение македонского царства конец и завершение, промежуточное время между

Предварительные замечания

- 221—168 началом и окончанием в пятьдесят три года обнимает собою столько важных событий, как никакой другой равный период времени.
- 11 Начав со сто сороковой олимпиады, мы будем держаться в изложении отдельных событий следующего приблизительно порядка.
 - 2 Объяснив причины возникновения названной выше войны между карфагенянами и римлянами, известной под именем Ганнибаловой, мы расскажем о том, каким образом карфагеняне вторглись в Италию, сокрушили владычество римлян и, повергнув их в сильное опасение за собственное существование и за отечество, неожиданно возымели смелую надежду овладеть с первого набега самым Римом. Вслед за сим мы попытаемся выяснить, каким образом в то же самое время Филипп македонский по окончании войны с этолянами и по устроении дел эллинов вознамерился принять участие в делах карфагенян, каким образом возникла вражда между Антиохом и Птолемеем Филопатором, перешедшая в войну из-за Койлесирии; каким образом родосцы и Прусий начали вместе войну против византийцев и принудили их отказаться от дани, которую те взимали с кораблей, плывущих в Понт.¹
 - 6 Остановившись на этом месте, мы рассмотрим государственное устройство римлян и в связи с ним покажем, что особенности государственного строя их наиболее содействовали не только установлению владычества над италийцами и сицилийцами, подчинению иберов и кельтов, но также осуществлению замысла их покорить весь мир, раз карфагеняне были побеждены в войне.²
 - 7 Вместе с этим мы в виде отступления разъясним падение могущества Гиерона Сиракузского.³ Сюда мы присоединим смуты в Египте и расскажем, каким образом со смертью царя Птолемея⁴
 - 204 Антиох и Филипп согласились разделить между собою царство юного еще владыки, каким образом Филипп приступил к коварному захвату Эгейского моря, Кари и Самоса, а Антиох — Койлесирии и Финикии.
 - 3 Затем после сжатого изложения военных подвигов римлян и карфагенян в Иберии, Ливии и Сицилии мы вслед за переменою места событий перенесем наш рассказ целиком в эллинские страны.
 - 2 Рассказав морские сражения Аттала и родосцев с Филиппом, а также войну римлян и Филиппа, как она была ведена, какими военачальниками и чем кончилась,⁵ мы в дополнение к этому упомянем об озлоблении этолян, побудившем их призвать Антиоха из Азии и поднять войну против ахеян и римлян.⁶ Сообщив причины этой войны и переход Антиоха в Европу, мы прежде всего выясним, каким образом он был изгнан из Эллады, потом, каким образом после поражения потерял всю Азию по сю сторону
 - 5 Тавра,⁷ в-третьих, каким образом римляне смирили наглость галатов⁸ и подготовили для себя никем не оспариваемое владычество над Азией, а жителей по сю сторону Тавра избавили от страха перед варварами и наглостью галатов. После этого мы пред-

¹ III—V книги.

² VI книга. XV 1—19.

³ VII 2 сл. VIII 5. 17. IX 10.

⁴ Филопатора.

⁵ XVI—XVIII.

⁶ XVIII 22.

⁷ XX 1. XXI 16 сл.

⁸ XXI 33—39. 43—45.

ставим читателю бедствия этолян и кефалленян,¹ изложим войны Эвмена против Пруссия и галатов,² а также войну, которую вел Эвмен вместе с Ариарфом против Фарнака.³ Вслед за сим мы 7 упомянем о восстановлении согласия и порядка у пелопоннесцев, а также об усилении государства родосцев,⁴ потом в кратких чертах дадим обозрение всех этих событий, а в заключение всего 8 расскажем о походе в Египет Антиоха, прозванного Эпифаном, о Персеевой войне и о падении македонского царства.⁵ Из всего этого вместе с тем видно будет, каковы были средства римлян в каждом отдельном случае, с помощью коих они покорили своей власти всю обитаемую землю.

Если по успехам или неудачам можно составить себе надле- 4 жасшее суждение о недостатках или же, напротив, о достоинствах людей и учреждений, то мы обязаны остановиться здесь и, согласно первоначальному плану, закончить историческое повествование названными в конце событиями. Действительно, ими за- 2 кончился пятидесятилетный период времени, завершились рост и преуспеяние римского владычества. Кроме того, казалось, все 3 единодушно признавали теперь необходимость повиновения римлянам и покорности их велениям. Однако суждения, построенные 4 только на исходе сражений, как о победителях, так и о побежденных, не безошибочны, потому что многие по достижении ве- 5 личайших, как казалось успехов, навлекли на себя величайшие бедствия неумелым пользованием удачами; с другой стороны, есть немало и таких, которые сумели мужественно перенести бедствия и часто обращали их на пользу себе. Поэтому нам следует до- 6 полнить описание упомянутых выше событий изображением последующего поведения победителей и того, как они пользовались своею властью над миром, а также выяснить поведение и чувства остальных народов по отношению к повелителям; кроме того, следует изложить стремления и наклонности, преобладавшие и господствовавшие у отдельных народов в частной жизни и в делах общегосударственных. Это изложение покажет со всюю ясностью 7 ныне живущим поколениям, должно ли им избегать, или, напротив, искать владычества римлян, а потомкам поможет решить вопрос, достойно ли владычество их похвалы и соревнования или же осуждения. Главным образом в этом и состоит польза нашей 8 истории для настоящего и будущего. Ни повелители, ни повествователи о них не должны видеть конечной цели в победе и подчинении себе других. Ибо ни один здравомыслящий человек не 10 ведет войны с соседями только ради того, чтобы одолеть в борьбе своих противников, никто не выходит в море только для того, чтобы переплыть его, никто не усваивает себе наук и искусств только из любви к знанию. Напротив, все и всеми делается толь- 11 ко ради удовольствия, почета или выгод, доставляемых теми или иными действиями. Поэтому конечная цель и настоящей истории 12 будет состоять в ознакомлении с состоянием отдельных государств, которое наступило по окончании борьбы и после покорения мира под власть римлян до возобновившихся потом смут и волнений.

¹ XXI 25—32.

² XX—XXI.

³ XXIII 9. XXIV 8—9. XXV 2.

⁴ XXI 48. XXIII 17—18. XXIV 2.

⁵ XXVII—XXVIII.

13 Описывать это последнее состояние, как бы начало особой истории, побуждают меня важность и необычайность совершившихся тогда перемен, тем более что я не только был очевидцем большинства событий, но и участвовал в них и даже направлял их.

5 В эту-то упомянутую выше пору волнений римляне вели войну с кельтиберами и ваккеями;¹ а карфагеняне с царем ливийн 2 Масанасою;² тогда же в Азии вели войну друг против друга Аттал и Прусий, а царь каппадокийн Ариараф, лишенный власти Орофернесом при содействии царя Деметрия, снова приобрел роди 3 тельскую власть,³ сын Селевка Деметрий после двенадцатилетнего царствования в Сирии вместе с властью потерял и жизнь, 4 когда ополчились вместе прочие цари.⁴ Тогда же римляне признали невиновными тех эллинов, кои были заподозрены со вре 5 мени Персеевой войны, и отпустили их на родину.⁵ Вскоре после этого они напали на карфагенян сначала с целью принудить их к перемене местожительства, а впоследствии ради полного истреб 6 ления по причинам, которые я сообщу ниже.⁶ Единоновременно с этими событиями, когда македоняне разорвали дружбу с римлянами, а лакедемоняне отложились от ахейского союза, началось 7 и тут же кончилось общее несчастье целой Эллады.⁷ Таков приблизительно наш план, и требуется милость судьбы для того, что 8 бы за время нашей жизни осуществить его до конца. Впрочем, я убежден, что, если по слабости человеческой я подвергнусь какой-либо случайности, задача эта не останется невыполненною по недостатку способных к тому людей; напротив, многие будут увлечены прелестью предмета и постараются привести этот план 9 в исполнение. Теперь, когда значительнейшие события перечислены нами вкратце согласно желанию дать читателями представление о целой истории, как общее, так и по частям, пора нам, памятуя нашу задачу, обратиться к началу самого повествования.

6 Некоторые историки Ганнибаловых подвигов, руководимые желанием объяснить нам причины, по которым возникла помянутая выше война между римлянами и карфагенянами, называют первую причиную осаду Заканфы карфагенянами, второю — переход карфагенян вопреки договору через реку, именуемую у туземцев 3 Ибером.⁸ Я назвал бы эти события началом войны, но никак не 4 причинами, разве и переход Александра в Азию называть причинойю войны его с персами, а высадку Антиоха в Деметриаде считать причинойю войны его с римлянами; но и то и другое равно 5 неправдоподобно и неверно. И в самом деле, кто же может почитать события эти причинами многочисленных приготовлений к войне с персами, какие задолго до них сделаны были Александром и делались в немалых размерах Филиппом за время его жизни, а равно и тех вооружений, какие делались этолянами 6 против римлян еще до прибытия Антиоха? Но подобным образом выражаются люди, не различающие, что такое начало, чем оно

Причины
II пунической
войны

¹ XXXV 1—5.

² XXXII 2. XXXVII 10.

³ XXXII 24.

⁴ XXXI 19—23. XXXII 4. 6. XXXIII 18.

⁵ XXXV 6.

⁶ XXXVI. XXXIX.

⁷ XXXVIII. XXXIX.

⁸ II 13 7. 22 11.

отличается от причины и повода, и не понимающие, что причина и повод занимают во всем первое место, а начало лишь третье. Со своей стороны началом всякого предприятия я называю первые шаги, ведущие к выполнению принятого уже решения, тогда как причины предшествуют решениям и планам: под ними я разумею помыслы, настроение, в связи с ними расчеты, наконец, все то, что приводит нас к определенному решению или замыслу. Сказанное выше станет яснее из нижеследующего. Так, всякому легко понять, каковы были настоящие причины войны против персов; и из чего она возникла. Первою причиною было возвращение эллинов с Ксенофонтом из верхних сатрапий, когда они прошли через всю враждебную им Азию, и ни один из варварских народов не отважился противостоять им. Вторую причиною был переход лакедемонского царя Агесилая в Азию, где он не встретил серьезного противодействия своему наступлению и, если вынужден был возвратиться ни с чем, то только вследствие смут в Элладе. Филипп сообразил все это и заключил, что персы трусливы и беспечны; с другой стороны, он принимал во внимание искусство свое и македонян в военном деле, а также размеры и достоинство предстоявшей военной добычи; кроме того, он стяжал себе общее расположение эллинов и поэтому под тем предлогом, что желает отпустить персам за нанесенную эллинам обиду, стремился начать войну и заготовлял все нужное к выполнению замысла. Таким образом, причинами войны против персов должно считать обстоятельства, названные на первом месте, предлогом — то, что поименовано дальше, а началом — переход Александра в Азию.

Что касается войны между Антиохом и римлянами, то причиною ее бесспорно должно считать озлобление этолян. Ибо они почитали себя многократно обиженными со стороны римлян по окончании войны с Филиппом, а потому не только призвали Антиоха, о чем сказано мною выше,¹ но готовы были все сделать и претерпеть из чувства злобы, овладевшего ими с того времени. Предлогом должно считать освобождение эллинов, о каковом этоляне возвещали нелепо и лживо, с Антиохом во главе обходя эллинские города; началом войны была высадка Антиоха в Деметриаде.

Я дольше остановился на различении этих слов не ради осуждения историков, но с целью помочь любознательным читателям. В самом деле, какая польза больному от врача, который не знает причин различных состояний тела? Какая польза от государственного человека, который не в силах сообразить, каким образом, почему и откуда возникают те или другие события? Как тот врач наверно никогда не применит к телу надлежащего лечения, так и государственный человек без упомянутых выше знаний будет совершенно бессилён справиться с событиями. Вот почему с величайшею осмотрительностью следует отыскивать прежде всего причины каждого события, ибо часто незначительные обстоятельства ведут к событиям первостепенной важности, а всякое зло наилегче устранить при первых приступах и проявлениях.

Римский историк Фабий² утверждает, что причиною войны с Ганнибалом было корыстолюбие и властолюбие Гасдрубала вместе с обидою, нанесенною заканфянам. Ибо, говорит он, Гасдрубал,

Историк Фабий

¹ 3 3.
² 1 14.

достигнув сильной власти в Иберии, по возвращении в Ливию задумал ниспровергнуть учреждения карфагенян и изменить форму правления их в единое государство; однако первые государственные люди Карфагена, постигнув заранее его замыслы, составили с целью сопротивления заговор. Догадавшись об этом, Гасдрубал, продолжает Фабий, удалился из Ливии и с этого времени управлял делами Иберии по собственному усмотрению, не соображаясь с волею сената карфагенян. Между тем Ганнибал, который с детства был пособником и подражателем Гасдрубала, а теперь наследовал ему в Иберии, управлял делами в духе Гасдрубала. Так и последнюю войну с римлянами он начал по собственному почину наперекор карфагенянам; ибо ни один значительный карфагенянин не одобрял действий Ганнибала относительно города эканфия. Рассказав это, Фабий прибавляет, что по взятии названного только что города явились римские послы в Ливию и объявили, что карфагеняне должны или выдать им Ганнибала, или принять войну. Если спросить историка, не был ли этот момент наиболее благоприятным для карфагенян, и не должны ли были они, по его же словам недовольные поведением с самого начала, считать справедливейшим и полезнейшим для себя делом внять тогда же требованиям римлян, выдать им виновника обид, благовидным способом, чужими руками уничтожить общегосударственного врага, а стране доставить спокойное существование, отстранив от нее угрожающую войну, и ценою одного только постановления подвергнуть виновного заслуженному наказанию, — если спросить об этом историка, какой ответ дал бы он? Наверное, никакого. Ибо карфагеняне были слишком далеки от чего-либо подобного: в течение семнадцати лет они вели войну согласно намерениям Ганнибала и кончили ее только тогда, когда истощены были последние средства и опасность угрожала их родному городу и самому их существованию.

С какую цель я упомянул о Фабии и его сочинении? Не из боязни того, как бы его рассказ не был принят кем-либо с доверием, ибо нелепость его очевидна для читателей сама по себе и без моих объяснений, но для того, чтобы напомнить людям, которые возьмут в руки его сочинение, что следует обращать внимание не на имя писателя, но на содержание его сочинения. Ибо иные читатели обращают внимание не на то, что пишется, а на личность пишущего, и зная, что писатель был современником описываемых событий и членом римского сената, по тому самому принимают всякое известие его за достоверное. Я же утверждаю, что, хотя и не должно пренебрегать показаниями этого историка, однако не следует считать его непогрешимым, напротив, читатели обязаны составлять свои суждения на основании самых событий.

Причины войны 6 Как бы то ни было, первую причину войны между римлянами и карфагенянами — здесь мы уклонились в сторону¹ — должно считать чувство горечи в Гамилькаре, по прозванию Барке, родном отце Ганнибала. Мужество его не было сломлено сицилийской войной, так как он находил, что сохраненные им в целости войска у Эрикса одушевлены теми же чувствами, как и он сам; что договор он принял после поражения карфагенян

¹ 6 1.

на море. только уступая обстоятельствам, в душе же он оставался верен себе и постоянно выжидал случая для нападения.¹ Таким 8 образом, если бы не случилось восстание наемников против карфагенян, то Гамилькар немедленно начал бы готовиться к новой войне, насколько от него зависело. Но, будучи захвачен внут- 9 ренними смутами, он обратил свои силы на них.

Когда после усмирения помянутого выше восстания² римляне 10 объявили карфагенянам войну, эти последние вначале соглашались на все в надежде победить противника своею правотою, как мы говорили об этом в предыдущих книгах.³ Помимо этого не- 2 возможно правильно понять ни то, что говорится нами теперь, ни то, что будет следовать ниже. Но римляне не принимали в 3 уважение их справедливых заявлений, и карфагеняне под давлением обстоятельств неохотно удалились из Сицилии, ибо бес- сильны были оказать какое-либо сопротивление; они согласились уплатить сверх выданных раньше новые тысячу двести талантов,⁴ лишь бы в тогдашнем положении избежать войны. Это мы долж- 4 ны считать второю, притом важнейшею причиною начавшейся впоследствии войны; ибо к личному недовольству Гамилькара 5 прибавилось теперь раздражение сограждан, и потому лишь только укрощением восставших наемников обеспечено было спокойное существование родины, Гамилькар немедленно обратил свои помыслы на дела Иберии, где рассчитывал изыскать средства для войны с римлянами. Следовательно, третьей причиною войны сле- 6 дует считать успехи карфагенян в иберийских делах, потому что, полагаясь на тамошние войска, они смело начинали названную выше войну.

Что возникновение второй войны было подготовлено большею 7 частью Гамилькаром, хотя он умер за десять лет до начала ее, доказательств тому можно, пожалуй, найти много; но для удо- стоверения сказанного достаточно будет и нижеследующего. В то 11 время, как Ганнибал, вконец сраженный римлянами, покинул отечество и проживал у Антиоха, римляне, тогда уже постигавшие замыслы этолян, отправили посольство к Антиоху, желая разгадать планы царя. Послы видели сочувствие Антиоха этолянам 2 и готовность его на войну с римлянами, а потому оказывали Ганнибалу знаки внимания и старались навлечь на него подозрение Антиоха, что и случилось на самом деле. С течением времени 3 подозрительность царя к Ганнибалу все усиливалась, пока, наконец, не представился им случай объяснить открыто по поводу затаенного отчуждения. При этом Ганнибал приводил многое в 4 свою защиту, но, видя, что слова его мало действуют, рассказал в заключение приблизительно следующее: в то время как отец 5 его собирался перейти с войском в Иберию, ему было девять лет, и когда отец приносил жертву Зевсу, он стоял у жертвенника. «Когда жертва дала благоприятные знамения, богам сделаны бы- 6 ли возлияния и исполнены установленные действия, отец велел остальным присутствовавшим при жертвоприношении удалиться на небольшое расстояние, а меня позвал к себе и ласково

¹ I 55 6. 58 2. II 7 8.

² I 65—87.

³ I 83. 88.

⁴ Около 1 700 000 руб. сер.

7 спросил, желаю ли я идти в поход вместе с ним. Я охотно изъ-
явил согласие и по-детски просил его об этом. Тогда отец взял
меня за правую руку, подвел к жертвеннику, приказал коснуться
8 жертвы и поклясться, что я никогда не буду другом римлян». Ан-
тиох знал теперь истину, а Ганнибал просил его довериться ему
спокойно и считать его своим надежнейшим союзником до тех
9 пор, пока он замышляет что-либо враждебное римлянам. Напро-
тив, если Антиох примирится с римлянами или войдет в дружбу
с ними, тогда ему не будет нужды дожидаться клеветы, но са-
мому относиться недоверчиво и осторожно; он же сделает против
римлян все, что только в его силах.

12 Выслушав Ганнибала и убедившись в его искренности и прав-
2 дивости, Антиох перестал подозревать его. Мы имеем в этом не-
оспоримое свидетельство ненависти Гамилькара к римлянам и на-
строения его вообще; так оно, впрочем, проявилось и на самом
3 деле. Действительно, зятю своему Гасдрубалу и родному сыну
Ганнибалу он вселил такую вражду к римлянам, дальше которой
4 нельзя идти. Но Гасдрубал умер слишком рано и не успел про-
явить своих намерений вполне; напротив, Ганнибалу обстоятель-
ства дали возможность обнаружить со всею ясностью ненависть к
5 римлянам, унаследованную от родителя. Вот почему люди, стоя-
щие во главе государства, обязаны больше всего заботиться о том,
чтобы для них не был тайною образ мыслей тех народов, которые
или приостанавливают неприязненные действия, или заключают
дружественный союз, и различать, есть ли предложение мира толь-
6 ко уступка временным обстоятельствам, или следствие смире-
ния гордыни, дабы против одних быть всегда настороже, как про-
тив людей, которые выжидают лишь удобного случая, другим же
доверять, как покорным подданным или друзьям, и не колеблясь
7 возлагать на них всякого рода поручения. Таковы были причины

13 Ганнибаловой войны, а началом ее послужило следующее. Кар-
фагеняне с трудом переносили поражение в войне за Сицилию;
огорчение их усиливалось, о чем я сказал раньше, судьбою Сар-
динии и громадностью последней наложенной на них дани.¹ По-
этому лишь только карфагеняне покорили своей власти большую
часть Иберии, они готовы были воспользоваться первым удобным
3 случаем для враждебных действий против римлян. По получении
известия о кончине Гасдрубала, на которого со смертью Гамиль-
кара возложено было управление Иберией,² они сначала ожидали
4 вестей о настроении войска; но когда получено было известие,
что войска единодушно выбрали полководцем Ганнибала, карфа-
геняне тотчас собрали народ и единогласно утвердили выбор вой-
5 ска. Получив власть, Ганнибал немедленно двинулся в поход для
221 покорения народа олкадов. По прибытии к Алфее, сильнейшему
6 городу их, он расположил там свой лагерь; вслед за сим он быстро
овладел городом с помощью жестоких и ужас наводящих присту-
пов. После этого остальные города, объятые страхом, сами сда-
7 лись карфагенянам. Собрав дань с городов, Ганнибал с большими
8 суммами денег прибыл на зимнюю стоянку в Новый город. Ве-
ликoduшным обращением с покоренными, выдачею жалованья сво-

¹ 10 9.

² II 1.

им соратникам и обещаниями наград он стяжал себе глубокое расположение войска и возбуждал в них смелые надежды.

В начале следующего лета он снова пошел на ваккеев,¹ вне- 14
запным нападением взял Гелмантику, а городом Арбакалою ов- 220
ладел только приступом после продолжительной трудной осады,
так как город велик и многолюден, а население его защищалось
храбро. После этого на обратном пути Ганнибал подвергся вели- 2
чайшим опасностям, так как карпесии, чуть не самый сильный
народ в этих местах, неожиданно напали на него; с ними же со- 3
единились и толпы соседних народов, которых возбуждали больше
всего олкадские беглецы и подстрекали уцелевшие жители Гел-
мантики. Если бы карфагеняне принуждены были вступить в пра- 4
вильную битву, то, наверно, потерпели бы поражение. Но Ган- 5
нибалу пришла счастливая верная мысль повернуть назад и от-
ступить, причем он защитил себя рекою Тагом, и у переправы
через реку дал сражение; кроме реки помогли ему слоны, кото-
рых он имел около сорока, так что все предприятие совершенно
было сверх всякого ожидания так, как он рассчитал. Действитель- 6
но, варвары во многих местах пытались силою переправиться че-
рез реку, причем большая часть их была истреблена при выходе
на сушу, ибо вдоль берега шли слоны и, лишь только выходил
кто из реки, давили его. Многие были перебиты в самой реке 7
конными воинами, потому что лошадям легче было совладать с
течением, и потому еще, что конные воины сражались против пе-
ших с высоты. Наконец, воины Ганнибала перешли реку обратно, 8
ударили на варваров и больше ста тысяч человек обратили в бег-
ство. Когда эти народы были побеждены, ни один из народов, 9
живущих по сю сторону реки Ибера, кроме законфян, не отва-
живался противостать карфагенянам. Что касается Законфы, то 10
Ганнибал всячески старался обходить ее, чтобы не подавать рим-
лянам явного повода к войне до тех пор, пока окончательно не
покорит своей власти остальных частей Иберии: он поступал по
правилам и советам отца своего Гамилькара.

Между тем законфяне отправляли в Рим одних послов за дру- 15
гими, как из страха за себя и в ожидании грядущих опасностей,
так и потому, что не желали скрывать от римлян достигаемых
карфагенянами успехов в Иберии. Много раз римляне оставляли 2
посольства их без внимания, но теперь отправили своих послов
для проверки полученных известий. Тем временем Ганнибал по- 3
корил народы, против которых направлен был его поход, и с вой-
сками возвратился на зимнюю стоянку в Новый город, служив-
ший для карфагенян в Иберии как бы столицею и царской ре-
зиденцией. Здесь он застал уже римских послов, допустил их к 4
себе и выслушал их требования. Римляне заклинали Ганнибала 5
не тревожить законфян, ибо они состоят под покровительством
римлян, не переходить реки Ибера, как было условлено с Гас-
друбалом.² Ганнибал, как человек молодой, исполненный воин- 6
ственного жара, счастливый в предприятиях и давно уже пита-
вший враждебные чувства к римлянам, начал жаловаться послам 7
на римлян, как бы в заботливости о законфянах, на то именно,
что незадолго до того во время междоусобицы в Законфе римляне

¹ 5 | прим.

² II 13 7.

взяли на себя умиротворение города, а вместо того незаконно казнили нескольких значительнейших граждан, чего он не оставит без отмщения, ибо карфагеняне искони блюдут правило защищать всех угнетенных. В Карфаген же Ганнибал отправил посольство за указанием, что делать, так как законфяне, опираясь на союз свой с римлянами, обижают некоторые подчиненные карфагенянам народы. Вообще Ганнибал преисполнен был в то время безумного, порывистого гнева. Поэтому о действительных причинах он молчал и подыскивал нелепые предлоги, как обыкновенно поступают люди, одержимые страстью и пренебрегающие требованиями пристойности. Было бы несравненно лучше заявить, что римляне обязаны возвратить карфагенянам Сардинию и отдать тогда же взятую дань: римляне взяли ее несправедливо, воспользовавшись трудным положением карфагенян, — и потом в случае отказа пригрозить римлянам войною. Теперь же Ганнибал умолчал о действительной причине и выдумал несуществующую из-за законфян; благодаря этому казалось, что он начинает войну не только беспричинную, но и неправую. Римские послы ясно поняли, что война неизбежна, и отплыли в Карфаген, чтобы и там повторить те же требования. Однако они рассчитывали, что воевать будут не в Италии, а в Иберии, и воспользуются городом законфян, как опорным пунктом для войны.

16 Согласно с этим планом сенат постановил обеспечить себя со стороны Иллирии, ибо предвидел войну трудную, продолжительную, вдаль от родины. К тому времени случилось так, что Деметрий из Фара, забыв прежние услуги римлян¹ и относясь к ним презрительно ввиду угрожавших им опасностей раньше от галатов, теперь от карфагенян, возлагал все свои надежды на царский дом в Македонии; ибо он участвовал в войне Антигона против Клеомена и делил с ним опасности. Деметрий начал опустошать и покорять города Иллирии, подчиненные римлянам, вопреки договору вышел в море дальше Лисса с пятьюдесятью судами² и опустошил многие Кикладские острова. При виде этого и зная цветущее состояние македонского дома, римляне спешили упрочить свое положение в восточной Италии и были убеждены, что успеют заблаговременно привести иллириан к покорности и наказать неблагодарного и наглого Деметрия. Однако римляне ошиблись в расчетах, ибо Ганнибал предупредил их и занял город законфян, а потому приходилось вести войну не в Иберии, но вблизи самого Рима и всей Италии. Тем не менее римляне во исполнение первоначального плана к лету первого года сто со-
219 роковой олимпиады отправили на войну в Иллирию Луция Эмилия с войском.

17 Между тем Ганнибал двинулся с войском из Нового города к
2 Законфе. Город этот лежит на отрогах хребта, простирающегося
3 до моря от границы Иберии и Кельтиберии, стадиях в семи от
4 моря. Жители города имеют в своем владении область, изобилующую всякого рода произведениями и по плодородию превос-
4 ходящую всю остальную Иберию. Здесь-то расположился лагерем
5 Ганнибал и ревностно повел осаду в ожидании важных выгод, какие завоевание этого города сулило ему в будущем. Действи-

¹ II 11 17.

² II 12 3. IV 16 6.

тельно, он, во-первых, рассчитывал сокрушить надежды римлян на ведение войны в Иберии; во-вторых, не сомневался, что запугает все тамошние народы и тем сделает иберов уже подчиненных более покорными, а совершенно независимых — более осторожными; всего же важнее было то, что в тылу не оставалось бы больше врагов и он мог безопасно идти вперед. Кроме того, Ганнибал надеялся приобрести этим способом обильные средства для осуществления своих замыслов, воодушевить войска ожиданием добычи, какая достанется на долю каждого, а отправкою добычи в Карфаген снискать себе благоволение остававшихся дома карфагенян. Побуждаемый такого рода соображениями, Ганнибал ревностно вел осаду, причем то подавал пример войску и сам принимал участие в тяжелых осадных работах, то ободрял солдат и смело шел в опасность. Ценою всевозможных лишений и трудов он взял наконец город приступом после восьмимесячной осады. Имея в своих руках множество денег, людей и домашней утвари, Ганнибал берег деньги для собственных предприятий согласно первоначальному расчету, пленных распределил между соратниками по мере значения каждого, а всю утварь немедленно отправил карфагенянам. Благодаря такому способу действия он не обманулся в расчетах и не потерпел неудачи в первоначальных замыслах; напротив, воины шли теперь смелее в битву, карфагеняне готовы были охотно выполнять его требования, а сам он при помощи сделанных запасов мог удовлетворить многим нуждам.

В это самое время Деметрий, постигая замыслы римлян,¹ медленно отправил в Дималу значительный гарнизон с соответствующими припасами; в прочих городах он лишил жизни своих противников и вручил власть друзьям. Сам Деметрий выбрал из своих поданных шесть тысяч храбрейших воинов и стянул их в Фар. Между тем римский военачальник прибыл с войском в Илирию и заметил, что враги, полагаясь на укрепленность Дималы и средства вооружения, а равно на воображаемую неприступность города, воодушевлены отвагою; поэтому с целью устрашить врагов он решил прежде всего напасть на этот город. Ободлив начальников отдельных отрядов и придвинув осадные машины к городу, он начал осаду; через семь дней взял город приступом и тем быстро поверг неприятелей в уныние. Вследствие этого медленно из всех городов являлись илириане с предложением принять их под покровительство римлян. Консул принимал каждый город на соответствующих условиях, а затем направился морем к Фару на самого Деметрия; однако получил сведение, что город укреплен самой природой, что в нем собралось множество превосходных бойцов, что сверх того Деметрий снабжен припасами и всем нужным для войны, поэтому опасался, что осада города будет трудна и затянется надолго. Принимая во внимание все эти обстоятельства, консул в ожидании благоприятного момента употребил следующую военную хитрость. Ночью со всем войском он подошел к острову, большую часть воинов высадил и поместил в закрытых лесом впадинах, а сам с двадцатью коблями на следующее утро вошел на виду у всех в гавань, ближайшую к городу. Деметрий, завидев корабли и относясь с

Иллирийские дела

¹ 16.

презрением к малочисленности врагов, устремился из города к гавани с целью воспрепятствовать высадке неприятеля.

19 Лишь только враги встретились, завязался жестокий бой; из города прибывали все новые и новые подкрепления, пока не вышли на битву все воины. Тогда приблизились к городу незаметными путями те римляне, которые в ожидании этого момента высадились на остров; теперь они заняли сильный холм между городом и гаванью и тем отрезали от города вышедших на помощь 4 воинов. Поняв, в чем дело, Деметрий не думал более о противодействии высадке, собрал своих воинов и после увещания устремился вперед с целью дать правильную битву неприятелям, занявшим холм. При виде решительного стройного наступления иллирян римляне выстроились манипулами и ударили на врага с 6 ожесточением. В это же время те воины, которые высадились на сушу и видели происходящее, стали теснить иллирян с тыла и произвели в их рядах, подвергавшихся нападению со всех сторон, 7 сильное замешательство и беспорядок. Так как одних теснили с фронта, других с тыла, то войско Деметрия обратилось наконец в бегство, причем часть иллирян бежала в город, а большинство 8 рассеялось по острову в непроходимых местах. Деметрий, имевший на случай нужды готовые лодки в нескольких уединенных пунктах, отступил к ним, сел в лодку и с приближением ночи отплыл. Сверх всякого ожидания он благополучно прибыл к царю 9 Филиппу, у которого и прожил остаток дней. Это был человек смелый и отважный, но действовавший необдуманно и наугад. 10 Поэтому и конец Деметрия соответствовал всему поведению его при жизни, именно: по соглашению с Филиппом он попытался было овладеть городом мессенян и погиб во время нападения, ко- 11 торое сделано было легкомысленно и безрассудно. Подробнее мы 12 скажем об этом, когда придет очередь.¹ Между тем римский консул Эмилий немедленно с первого набега взял Фар и разрушил его, овладел и остальной Иллирией и, все устроив здесь по собственному усмотрению, возвратился в Рим уже в конце лета; вступление его в город сопровождалось блестящим триумфом. 13 Действительно, по мнению римлян, он обнаружил в ведении дела не только искусство, но в большей еще мере и храбрость.

20 По получения римлянами известия о падении города заканфян, наверное, не было совещания о том, начинать ли теперь войну, хотя некоторые историки и утверждают противное; впрочем, они приводят еще и речи обеих сторон, совершая тем самым 2 величайшую нелепость. И в самом деле, возможно ли, чтобы римляне, за год перед тем угрожавшие карфагенянам войною в случае вступления их на землю заканфян, теперь, когда карфагеняне силою взяли этот самый город, стали бы совещаться в собрании, начинать ли войну, или нет? И как могут эти историки в одно и то же время изображать и крайне удрученное состояние сената, и рассказывать, что отцы приводили с собою в сенат двенадцатилетних мальчиков, которые участвовали в совещаниях и не должны были ни за что открывать своим родственникам что- 4 либо запретное? Во всем этом нет ни слова правды или правдоподобия, или же судьба сверх прочих благ наделила римлян муд- 5 ростью с самого рождения. Нет нужды распространяться дольше

Начало II пу-
нической
войны римля-
нами

¹ Рассказа этого нет в уцелевшей части истории.

об исторических сочинениях такого рода, каковы сочинения Херея или Сосила. По моему мнению, они имеют значение и цену не истории, а болтовни брадобрея или простолюдина.

Итак, римляне по получении известия о несчастьи заканфян 6 выбрали немедленно послов и со всею поспешностью отправили их в Карфаген с двумя предложениями на выбор. Принятие од- 7 ного из них должно было принести карфагениянам вместе с имуществом ушербом и позор, принятие другого — послужить началом больших затруднений и опасностей, именно: или карфагенияне должны выдать римлянам Ганнибала и находившихся при 8 нем сенаторов, или римляне объявляли им войну. Когда послы 9 явились в Карфаген, вошли в сенат и представили эти требования, карфагенияне с негодованием выслушивали предложение о выборе; однако выставили из своей среды способнейшего человека 10 и в свою защиту повели такую речь.

Договор с Гасдрубалом карфагенияне обходили молчанием, как 21 бы не существовавший вовсе; если даже он и был заключен, то не мог иметь для них никакого значения, как не утвержденный народом. При этом карфагенияне сослались на пример, поданный 2 самими римлянами: в войне за Сицилию римский народ отказался утвердить договор, заключенный Лутацием, хотя Лутаций и принял его, на том основании, что договор заключен был без согласия народа.¹ Во всей защите карфагенияне настаивали и опи- 3 рались на последнем договоре, состоявшемся в сицилийскую войну, а в нем, по словам их, не сказано ни слова об Иберии, зато 4 в определенных выражениях обеспечивается неприкосновенность союзников обеих сторон. При этом карфагенияне доказывали, что 5 заканфяне в то время не были союзниками римлян, в подтверждение чего многократно перечитывали договор. Со своей стороны, 6 римляне решительно отказались отвечать на оправдания карфагениян и заявили, что рассуждения о праве и спорных пунктах были возможны до тех пор, пока город заканфян оставался неприкосновенным; но раз он пал жертвою вероломства, карфагенияне 7 обязаны или выдать римлянам виновных и тем ясно для всех доказать как свою непричастность к правонарушению, так и то, 8 что деяние это совершено без их соизволения, или же в случае отказа признать себя соучастниками беззакония. Дальше слиш- 9 ком общих выражений об этом случае предшественники наши не пошли. Однако мы считаем для себя обязательным не оставлять этого пункта без разъяснения, дабы люди, для которых важно и необходимо точное знание настоящего предмета, не впали в ошибку относительно важнейших совещаний, а равно дабы любознатель- 10 ные читатели не были введены в заблуждение невежественными и пристрастными историками и не составили себе ложного представления о деле; напротив, дабы они имели верное понятие о правовых отношениях римлян и карфагениян с самого начала и до наших дней.

Первый договор между римлянами и карфагениянами заключен 22 при Луции Юнии Бруте и Марке Горации, первых консулах после упразднения царской власти, при тех самых, которыми освящен 509 был и храм Зевса Капитолийского, то есть за двадцать восемь 2 Союзы римлян с карфагениянами лет до вторжения Ксеркса в Элладу. Мы сообщаем его в переводе, 3 481

¹ | 62.

- сделанном с возможною точностью, ибо и у римлян нынешний язык настолько отличается от древнего, что некоторые выражения договора могут быть поняты с трудом лишь весьма сведущими и внимательными читателями. Содержание договора приблизительно следующее: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях: римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса, разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы. В пятидневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торговым делам не могут совершить никакой сделки иначе, как при посредстве глашатая или писца. За все то, что в присутствии этих свидетелей ни было бы продано в Ливии или в Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если кто из римлян явится в подвластную карфагенянам Сицилию, то во всем римляне будут пользоваться одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны, карфагенянам возбраняется обижать народ ардеатов, антиатов, ларентинов, киркеитов, тарракинитов¹ и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется тревожить города их; а если какой город они возьмут, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам возбраняется сооружать укрепления в Лациуме, и если они вторгнутся в страну как неприятели, им возбраняется проводить там ночь».
- 23 Прекрасный мыс тот, что тянется перед самым Карфагеном по направлению к северу. Карфагеняне находили нужным воспретить римлянам плавание на длинных² кораблях дальше этого мыса с целью, как мне кажется, воспрепятствовать ознакомлению римлян с местностями Биссатиды и Малого Сиртиса, которые называются у них Эмпориями³ и отличаются высокими достоинствами. Если кто будучи занесен туда против желания бурей или неприятелем будет нуждаться в чем-либо необходимом для жертвы или для поправки судна, карфагеняне дозволяют взять это, но ничего больше, и притом требуют непременно удаления приставших сюда в пятидневный срок. По торговым делам римлянам дозволяется приходить в Карфаген и во всякий другой город Ливии по сю сторону Прекрасного мыса, а также в Сардинию и подчиненную карфагенянам часть Сицилии, причем карфагеняне обещают от имени государства обеспечить каждому право его. Из этого договора явствует, что карфагеняне ведут речь о Сардинии и Ливии, как о собственных владениях; напротив, относительно Сицилии они ясно отличают только ту часть ее, которая находится во власти карфагенян, и договариваются только о ней. Равным образом и римляне заключают договор только относительно Лациума, не упоминая об остальной Италии, так как она не была тогда в их власти.
- 24 После этого договора они заключили другой, в который карфагеняне включили тирийцев и народ Утики. К Прекрасному мы-

¹ XXIV 16.

² Т. е. военных.

³ Торжищами. I 82 б.

су прибавляются теперь Мاستия и Тарсей, и они требуют, чтобы дальше этих пунктов римляне не ходили за добычей и не основывали города. Вот какво приблизительно содержание договора: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирийцами, народом Утики с союзниками на следующих условиях: римлянам возбраняется ходить по ту сторону Прекрасного мыса, 4 Мاستии и Тарсея как за добычей, так и для торговли и для основания города. Если карфагеняне овладеют в Лациуме каким-либо 5 городом, независимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить. Если какие-либо 6 карфагеняне возьмут в плен сколько-нибудь человек из народа, соединенного с римлянами писанным договором, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется приводить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римля- 7 нин в какой-либо стране, подвластной карфагенянам, возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этим съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбою. То же самое возбраняется и карфаге- 9 нянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному возбраняется мстить за себя; если кто-нибудь учинит это, то деяние его будет почитаться государственным преступлением. В Сардинии и Ливии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать город, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, 12 а также в Карфагене римлянину наравне с гражданином предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое пре- 13 доставляется и карфагенянину в Риме».

И в этом договоре карфагеняне опять и с большею еще опре- 14 деленностью заявляют право собственности на Ливию и Сардинию и возбраняют римлянам всякий доступ к ним; напротив, отно- 15 сительно Сицилии они выразительно называют только подвластную им часть ее. Точно так же выражаются римляне о Лациуме, 16 обязывая карфагенян не причинять обид ардеатам, антиатам, киркеитам и тарракинитам. Это — те города, которые лежат при море на границе латинской земли, в отношении которой и заключается договор.

Последний договор до войны карфагенян за Сицилию римляне 25 заключают во время переправы Пирра в Италию. В нем под- 2 280 тверждается все то, что было в прежних договорах, и прибавляются следующие условия: «Если римляне или карфагеняне по- 3 желают заключить письменный договор с Пирром, то оба народа обязаны выговорить себе дозволение помогать друг другу в случае вторжения неприятеля, какая бы из двух стран ни подверглась нападению. Если тот или другой народ будет нуждаться в помо- 4 щи, карфагеняне обязаны доставить суда ластовые и военные, но жалованье своим воинам каждая сторона обязана уплачивать сама. Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в случае 5 нужды; но никто не вправе понуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает.

Что касается клятвы, то она должна была быть такого рода: пер- 6 вые договоры карфагеняне утвердили клятвою во имя отеческих

- богов, а римляне согласно древнему обычаю во имя Юпитера
7 Камня, последний же договор именами Марса и Эниалия. Клятва
Юпитером Камнем состоит приблизительно в следующем: утвержда-
ющий договор клятвою берет в руку камень и, поклявшись от
8 имени государства, произносит такие слова: «Да будут милостивы
ко мне боги, если я соблюду клятву; если же подумаю или учиню
что-либо противное клятве, пускай все люди невредимо пребы-
вают на собственной родине, при собственных законах, при соб-
9 нут, как этот камень». При этих словах произносящий клятву
кидает камень.
- 26 Договоры такого рода были заключены и по настоящее время
сохраняются на медных досках подле храма Капитолийского Юпи-
2 тера в казнохранилище эдилов. Поэтому не вправе ли каждый
подивиться не тому, что историк Филин не знает их, — в этом
нет ничего удивительного, ибо и в наше время даже старейшие
из римлян и карфагенян, слышущие за людей наиболее пекущих-
3 ся о государственных делах, даже они не знали их, — но тому,
что он каким-то образом и по какой-то неведомой причине ре-
шается утверждать противоположное, именно, что по заключен-
ному между римлянами и карфагенянами договору для римлян
4 закрыта была вся Сицилия, а для карфагенян Италия и что рим-
ляне нарушили договор и клятву, когда впервые переправились
в Сицилию; договора такого не было, и никаких письменных сле-
5 дов чего-либо подобного не существует, хотя Филин определенно
высказывает это во второй книге. Об этом же самом мы упоми-
нали во введении к собственной истории,¹ отложив подробности
6 Филина, уклоняются в этом вопросе от истины. Как бы то ни
было, если кто будет укорять римлян по поводу перехода их в
Сицилию за то, что без всяких оговорок они приняли дружбу
мамертинов и потом по просьбе их оказали им помощь, невзирая
на то, что мамертины поступили вероломно в отношении не толь-
ко мессенян, но и региян,² то упреки его будут основательны;
7 но совершенно ошибочно утверждать, будто римляне самым вступ-
лением в Сицилию нарушили клятву и договор.
- 27 По окончании войны в Сицилии стороны заключили новый
2 договор на следующих главных условиях: «Карфагеняне обяза-
ются очистить Сицилию и все острова, лежащие между Италией
3 и Сицилией.³ Союзники той и другой стороны должны быть обо-
4 юдно неприкосновенны. Ни одна сторона не вправе во владениях
другой приказывать что-либо, возводить какое-либо обществен-
ное здание, набирать наемников, вступать в дружбу с союзни-
5 ками другой стороны. В десятилетний срок карфагеняне обяза-
ются уплатить две тысячи двести талантов и теперь же внести
6 двести.⁴ Всех пленников карфагеняне обязаны возвратить рим-
7 лянам без выкупа». Впоследствии по окончании ливийской войны
римляне, постановив было объявить войну карфагенянам, внесли
8 в договор дополнительные условия такого рода: «Карфагеняне

¹ I 14 сл.

² I 10 сл.

³ I 62 сл.

⁴ I 62 г. 63 з.

обязуются очистить Сардинию и уплатить сверх условленных прежде тысячу двести талантов», как сказано мною выше.¹ Кроме 9 поименованных раньше договоров, заключен был новый с Гасдрубалом; по смыслу его карфагеняне не вправе переходить реку Ибер для военных целей.² Таковы договоры, состоявшиеся между 10 римлянами и карфагенянами с самого начала до времен Ганнибала.

Если в переходе римлян в Сицилию мы не находим нарушения 28 клятвы, то нельзя, пожалуй, указать основательного повода или уважительной причины другой войны, которая привела к до-
говору о Сардинии. Несомненно, карфагеняне вынуждены были 2
временным положением в противность всякому праву очистить Сардинию и уплатить названную выше сумму денег. Ибо жалоба 3
римлян на карфагенян за то, что во время ливийской войны они обижали на море торговых людей их, была удовлетворена тем, что римляне получили от карфагенян всех людей, отведенных в карфагенские гавани, и в благодарность за то возвратили без вы-
купа всех находившихся у них пленных. Подробнее мы говорили об этом в прежней книге.³

Рассужде-
ние авто-
ра о винов-
никах вой-
ны

После этого нам остается по тщательном рассмотрении ре- 4
шить, на которую из сторон падает вина за Ганнибалову войну.

Что говорили в то время карфагеняне, мы уже изложили;⁴ те- 29
перь скажем о том, что говорили римляне. Хотя римляне, раздра-
женные падением города заканфян, не представили тогда своих оснований, однако о них говорится в среде римлян часто, многими 2
лицами. Первое основание то, что нельзя отвергать договора, за-
ключенного с Гасдрубалом, хотя карфагеняне и осмеливались утверждать 3
противное; ибо при заключении его не было добав-
лено, как в договоре Лутация: «входит в силу, если угодно будет римскому народу»; но Гасдрубал полномочно заключил договор, 3
в коем значилось, что карфагеняне не вправе переступить Ибер с военными целями. Кроме того, договор относительно Сицилии, 4
как утверждают и карфагеняне, гласил, что «союзники той и дру-
гой стороны должны быть обоюдно неприкосновенными», и не только тогдашние союзники, как толкуют карфагеняне, потому 5
что в таком случае, наверное, было бы прибавлено, «что кроме существующих нельзя приобретать новых союзников» или что «вновь приобретенные союзники не включаются в этот договор». Так как ничего этого в договоре вписано не было, то ясно, что 6
оба народа обязывались навсегда оставлять неприкосновенными всех союзников другой стороны, как тогдашних, так и вновь при-
обретенных. Да это и совершенно понятно. Ибо, наверное, не ста- 7
ли бы народы заключать такого рода договор, который отнимал бы у них самих право приобретать выгодных по обстоятельствам времени друзей или союзников, а по принятии таковых обязывал 8
бы сносить терпеливо причиняемые им обиды. Напротив, главная 9
цель договора для обеих сторон состояла в том, чтобы тогдашних союзников одной стороны не тревожила другая и чтобы одна сто-
рона ни под каким видом не принимала к себе союзников другой.

¹ I 88. III 10 l.

² II 13 7. 21 11.

³ I 83.

⁴ 21.

10 Относительно будущих союзников условлено было то же самое, что «одна сторона не вправе набирать наемников или что-либо приказывать другой в ее владениях или в среде ее союзников; неприкосновенны должны быть все союзники для обеих сторон».

30 Если так, то неоспоримо было и то, что заканфяне за много лет уже до времен Ганнибала отдали себя под покровительство римлян. Важнейшим свидетельством этого, признаваемым и самими карфагенянами, служит то, что по случаю возникших у них междоусобных распрей они возложили замирение их не на карфагенян, хотя эти последние были соседи их и располагали уже делами Иберии, но на римлян, при посредстве которых и восстановили у себя государственный порядок.¹ Таким образом, если причиною войны признавать падение Заканфы, то необходимо согласиться, что начали ее несправедливо карфагеняне вопреки договору Лутация, по силе которого обе стороны обязаны оставлять неприкосновенными союзников друг друга, и вопреки договору Гасдрубала, по которому карфагенянам возбранялось ходить войною за реку Ибер. Наоборот, если причиною войны считать отнятие Сардинии и одновременную с ним денежную дань, то необходимо допустить, что карфагеняне имели достаточное основание объявить Ганнибалову войну, ибо, будучи вынуждены обстоятельствами сделать уступки, они и воспользовались обстоятельствами для того, чтобы отмстить обидчикам.

31 Быть может, некоторые читатели, относящиеся без разбора к подобным предметам, скажут, что мы без нужды входим в подробное рассмотрение этих вопросов. По моему мнению, если бы нашелся такой человек, который является самодостаточным во всяком положении, то для него знание прошлого может быть, пожалуй, хотя и приятным, но не необходимым делом. Однако нет никого, кто бы при слабости человеческой решился утверждать это, в отношении ли своих собственных или общественных дел; ибо, каковы бы ни были удачи в настоящем, никто из людей здравомыслящих не может ручаться с уверенностью за будущее. По этой причине, утверждаю я, ознакомление с прошлым не только приятно, но еще более необходимо. Действительно, каким образом найти защитников и союзников тому, кто сам обижен, или родина коего терпит обиду, или побудить других участвовать в осуществлении замыслов тому, кто помышляет о завоеваниях и о наступлении? Далее, каким образом человек, довольный своим настоящим, сумеет побудить других к упрочению его положения и к охранению имеющихся у него благ, если ему совершенно неизвестно прошлое этих людей? Все люди, постоянно применяясь к данным обстоятельствам и принимая на себя личину, говорят и поступают так, что трудно постигнуть настроение каждого, и истина часто бывает слишком затемнена. Напротив, деяния прошлого, проверяемые самим ходом событий, указывают подлинные чувства и мысли каждого народа и научают нас, откуда мы можем ожидать благодарности, услуг, помощи и откуда противоположного этому отношения. Часто во множестве случаев мы можем с помощью прошлого открыть того, кто пожалеет о нас, разделит наше негодование и отмстит за нас, а все это представляет величайшие выгоды для частного человека и для госу-

¹ Ср. 15 7.

дарства. Вот почему и историкам, и читателям истории следует 11
обращать внимание не столько на изложение самых событий,
сколько на обстоятельства, предшествующие им, сопровождаю-
щие их или следующие за ними. Ибо, если изъять из истории 12
объяснение того, почему, каким образом, ради чего совершено
что-либо, достигнута ли была предположенная цель, то от нее
останется одна забава, лишенная поучительности; такая история 13
доставит скоропреходящее удовольствие, но для будущего окажет-
ся совершенно бесполезною.

Должно полагать поэтому, что ошибаются люди, находящие 32
нашу историю неудобною для приобретения и чтения по той при-
чине, что она состоит из многих больших книг. На самом деле 2
несравненно легче приобрести и перечитать сорок книг, как бы
сотканых на одной основе, и проследить по ним с достоверно-
стью события Италии, Сицилии, Ливии от времен Пирра до па- 280
дения Карфагена, а равно непрерывный ряд событий в остальной 3 146
части земного мира от бегства спартанца Клеомена¹ до битвы ахе- 221
ян с римлянами на Истме, нежели читать или приобретать со- 146
чинения писателей, излагающих эти события по частям. Не го- 4
воря уже о том, что сочинения эти по объему гораздо больше
наших записок, читатель не может извлечь из них ничего опре-
деленного: во-первых, большинство писателей рассказывают об
одних и тех же событиях неодинаково; потом, они оставляют в 5
стороне события единовременные с описываемыми, между тем из
сравнительного обозрения и обсуждения сопоставленных событий
получается иное представление о событиях отдельных, чем из
разрозненной оценки; наконец, писатели эти вовсе не могут ка- 6
саться самого важного в событиях. По нашему мнению, необхо- 6
димейшие части истории те, в которых излагаются последствия
событий, сопутствующие им обстоятельства и особенно причины
их. Так, мы находим, что Антиохова война зарождается из Фи- 7
липповой, Филиппова из Ганнибаловой, Ганнибалова из Сици-
лийской, что промежуточные события при всей многочисленности
их и разнообразии, все в совокупности ведут к одной и той же
цели. Все это можно понять и изучить только при помощи общей 8
истории, но не из описаний одних войн, каковы Персеева или
Филиппова, разве кто-нибудь из читателей вообразит, что пред- 9
лагаемые этими историками описания одних только сражений да-
ют ему верное понятие о последовательном ходе целой войны.
Это совершенно невозможно: насколько изучение отличается от 10
простого чтения, настолько, по моему мнению, наша история пре-
восходит частные повествования.

По выслушании защитительной речи карфагенян — здесь мы 33
уклонились в сторону² — римские послы ничего не отвечали. 11 пуниче-
Старейший из них указал сенаторам на свою пазуху и прибавил, 2 ская война
что здесь он принес войну и мир, вытряхнет и оставит им то
или другое, как они прикажут. Царь карфагенян предложил по- 3
слу вытряхнуть, что им угодно. Лишь только римлянин объявил, 4
что вытряхивает войну, тут же большинство сенаторов восклик-
нуло, что они принимают войну. Засим сенат и послы разошлись.

¹ II 70 2—3.

² 20.

5 Между тем Ганнибал, зимовавший в Новом городе,¹ прежде
всего распустил иберов по родным городам их с целью внушить
6 им охоту и ревность к предстоящим предприятиям. Потом, на
тот случай, если бы ему самому пришлось отлучиться куда-либо,
брату своему Гасдрубалу он дал указания относительно того, как
он должен управлять и командовать иберами, как готовиться к
7 войне с римлянами; в-третьих, позаботился о мерах безопасности
8 для Ливии. Далее, руководствуясь верным, мудрым расчетом, он
переместил ливийские войска в Иберию, а иберийские в Ливию
9 и тем соединил обе части войск узами взаимной верности. В Ли-
вию перешли терситы, мастианы, кроме того, ореты и олкады.
10 Из этих племен набрано было всего тысяча двести человек кон-
ницы и тринадцать тысяч восемьсот пятьдесят пехоты. Сверх это-
го числа было восемьсот семьдесят человек балиарян. Настоящее
имя их пращники; употребление пращи дало одинаковое назва-
12 ние как народу, так и занимаемому им острову. Большую часть
поименованных выше войск Ганнибал послал в ливийские Ме-
13 тагонии, а некоторых назначил в самый Карфаген. Из так на-
зываемых метагонитских городов он отрядил в Карфаген других
четыре тысячи пехоты, которые должны были служить заложни-
14 ками и вместе подкреплением ему. В Иберии Ганнибал оставил
брату Гасдрубалу пятьдесят пятипалубных кораблей, два четы-
рехпалубных и пять трирем; из них вооружены были командою
15 тридцать два корабля пятипалубных и все пять трирем. Конницы
оставил он четверста пятьдесят человек ливиифиникиян и ли-
виев, триста лерретов, тысячу восемьсот нумидян, именно: мас-
солиев, массайсилиев, маккоев и живущих при океане мавров;
16 пехоты оставил одиннадцать тысяч восемьсот пятьдесят человек
ливиев, триста лигистян, пятьсот балиарян и двадать одного слона.
17 Не следует удивляться, что мы с такими подробностями пе-
речислили распоряжения Ганнибала в Иберии, каких едва ли
можно бы ожидать даже от того, кто сам делал все эти распо-
ряжения, не следует также спешить с упреком, будто мы упо-
добляемся историкам, под видом истины предлагающим ложь.
18 Дело в том, что в Лацинии мы нашли этот перечень войск на
медной доске, изготовленной по приказанию Ганнибала в быт-
ность его в Италии, и признали, что начертанный на ней список
вполне достоверен, почему и решились воспользоваться этими по-
казаниями.

34 Приняв все меры безопасности относительно Ливии и Иберии,
218 Ганнибал нетерпеливо поджидал отправленных к нему кельтами
2 послов. Он собрал точные сведения и о плодородии страны у по-
дошвы Альп и по реке Паду, и о количестве населения ее, а так-
3 же о военной отваге тамошнего народа, наконец, что самое важ-
ное, о присущей ему ненависти к римлянам со времени войны,
о которой мы сообщали в предыдущей книге² с целью подготовить
4 читателей к предстоящему теперь рассказу. Вот почему сюда об-
ращены были его надежды, и он давал всевозможные обещания
через послов, поспешно отправленных к кельтским владыкам,
5 обитающим по сю сторону Альп и в самих Альпах. Ганнибал был
убежден, что тогда только в состоянии будет вынести войну с

¹ 15 з.

² II 14. 23 сл.

римлянами в Италии,¹ когда ему удастся заранее преодолеть все трудности пути, прибыть в названные выше страны и приобрести в кельтах помощников и союзников в задуманном деле. Когда прибыли вестники и объявили о благоволении и ожиданиях кельтов, а также о том, что переход через Альпы слишком труден, хотя не невозможен, Ганнибал к началу весны стянул свои войска из зимних стоянок. Незадолго перед тем получены были известия о положении дел в Карфагене. Ободренный ими и преисполненный уверенности в сочувствии граждан, он стал теперь открыто воспламенять войска к борьбе с римлянами, причем рассказал, с какою дерзостью римляне требовали выдачи его и всех военных вождей, говорил им о высоких достоинствах страны, в которую они придут, о благорасположении и союзе кельтов. Полчища с восторгом приняли его речь; Ганнибал похвалил их за это, назначил определенный день для выступления в поход и распустил собрание.

Покончив со всем этим на зимней стоянке и приняв достаточные меры для охранения целостности Ливии и Иберии, Ганнибал в назначенный день выступил в поход, имея с собою около девяноста тысяч пехоты и тысяч двенадцать конницы. По переходе через реку Ибер он покорил народы илургетов и баргусиев, а также эреносиев и андосинов до так называемой Пирены. Подчинив все эти народы своей власти и взяв приступом некоторые города, хотя и скорее, чем можно было ожидать, но лишь после многих жестоких сражений и с большими потерями в людях, Ганнибал оставил Ганнона правителем всей страны, что по сю сторону реки Ибера, и дал ему неограниченную власть над баргусиями: этим последним он доверял менее всего по причине сочувствия их римлянам. Из своих войск Ганнибал отделил Ганнону десять тысяч пехоты и тысячу конницы; ему же оставил и все припасы войск, вместе с ним выступивших в поход. Такое же количество войска он отпустил на родину с целью иметь друзей в покинутых дома народах, вместе с тем внушить остальным надежду на возвращение к своим очагам, наконец с целью расположить к походу всех иберов не только тех, которые шли с ним, но и остающихся дома, на тот случай, если когда-либо потребуется их помощь. Остальное войско, таким образом облегченное, он повел за собою, именно: пятьдесят тысяч пехоты и около девяти тысяч конницы; перевалил с ним через так называемые Пиренейские горы к месту переправы через реку, именуемую Роданом. Войско его отличалось не столько многочисленностью, сколько крепостью здоровья, и было превосходно испытано в непрерывных битвах в Иберии.

Дабы изложение наше не осталось совершенно непонятным для читателей, не сведущих в этих странах, нам необходимо рассказать, откуда вышел Ганнибал, сколько и какие страны были пройдены им, и в какие местности Италии он прибыл. Мы должны сообщить, впрочем, не одни только имена стран, рек и городов, как поступают некоторые историки, воображая, что этих сведений достаточно для ясного понимания каждого предмета. По моему мнению, наименованием местностей известных очень много облегчается запоминание описания; относительно же совершенно неизвестных местностей перечисление имен имеет так же

36
Важность географических сведений

¹ 15 3.

- мало значения, как и употребление непонятных слов и нечленораздельных звуков. Так как мысль не имеет никакой опоры и не может приурочить известие к чему-либо знакомому, то рассказ получается беспорядочный и совершенно непонятный. Вот почему необходимо изыскать средство, при помощи которого можно будет в повествовании о предметах неизвестных давать читателю в руководство представления по мере возможности верные и близкие ему.
- 6 Первое и важнейшее знание, общее всем людям, есть деление и упорядочение обнимающего нас небесного свода, благодаря чему все мы, если хоть немного возвышаемся над толпою, различаем восток, запад, юг и север. Второе знание то, благодаря которому мы помещаем различные части земли под одним из именованных выше делений и всегда к какому-нибудь из них умственно приурочиваем упоминаемую страну, таким образом страны неизвестные и никогда невиденные низводим к понятиям знакомым и привычным.
- 37 Если эти понятия имеют значение для всей земли, то нам остается на основании их разделить по тому же способу и известную нам землю и тем привести читателей к правильному представлению о ней. Известная нам земля делится на три части, коим соответствуют три наименования: одну часть ее называют 2 Азией, другую Ливией, третью Европой. Границами этих стран служат реки Танаис и Нил, а также пролив у Геракловых Столбов. Между Нилом и Танаисом лежит Азия, помещаясь под 3 бесным пространством между летним востоком¹ и югом. Ливия 4 лежит между Нилом и Геракловыми Столбами, находясь под южным делением небесного свода и следующим за ним зимним западом² до равноденственного запада, что у Геракловых Столбов. 5 Эти обе страны, говоря вообще, занимают пространство к югу 6 от нашего моря в направлении с востока на запад. Европа лежит 7 против них к северу, простираясь без перерыва с востока к западу. 8 Важнейшая и обширнейшая часть ее лежит под самым севером, между реками Танаисом и Нарбоном, протекающим недалеко к западу от Массалии и устьев реки Родана, которыми 9 эта последняя изливается в Сардинское море. Начиная от Нарбона и в окрестностях его живут кельты до так называемых Пиренейских гор, тянующихся непрерывно от нашего моря до наружного.³ 10 Остальная часть Европы, простирающаяся от названных гор на запад до Геракловых Столбов, омывается нашим морем и наружным; та страна ее, которая тянется вдоль нашего моря до Геракловых Столбов, называется Иберией, а та, которая лежит вдоль 11 наружного моря, именуемого великим, не имеет общего названия, так как стала известною лишь с недавнего времени. Населена она варварскими многочисленными племенами, о которых подробнее будем говорить после.
- 38 Относительно Азии и Ливии, в той части гор, где они соприкасаются между собою в пределах Эфиопии, никто до нашего времени не может сказать с достоверностью, образуют ли они дальше по направлению к югу непрерывный материк, или омываются

¹ Северо-восток.

² Юго-запад.

³ Атлантический океан.

морем. Точно так же неизвестным до настоящего времени оста- 2
ется пространство между Танаисом и Нарбоном к северу; быть 3
может, будущие старательные изыскания поведают о нем что- 3
либо, а все то, что говорится об этих странах, должно считать 4
плодом невежества пишущих и баснями.¹ Вот сведения, предла- 4
гаемые мною с тою целью, дабы сделать рассказ мой хоть сколь- 4
ко-нибудь понятным для людей, незнакомых с этими странами, 4
дабы они могли руководствоваться делениями свода небесного и 5
с помощью хотя бы общих понятий следить за нашим рассказом 5
и иметь какую-либо опору. При созерцании предметов мы при- 5
выкли поворачиваться лицом всякий раз к тому, на что нам ука- 5
зывают; подобным образом мы должны всегда обращать и направ- 5
лять наш мысленный взор к тем странам, которые упоминаются 5
в повествовании.

Покончив с этим, возвратимся к продолжению начатого рас- 39
сказа.² В это время карфагеняне владели всеми частями Ливии, 2
обращенными к внутреннему морю, от жертвенников Филена, что 2 Поход Ган-
у большого Сиртиса, до Геракловых Столбов. Длина этого мор- 2 нибала
ского побережья свыше шестнадцати тысяч стадий.³ Переправив- 3
шись через пролив у Геракловых Столбов, они завладели также 3
всей Иберией до тех скал, которые составляют оконечность Пи- 4
ренейских гор у нашего моря; горы эти разделяют иберов и кель- 4
тов. Названные скалы отстоят от пролива, что у Геракловых 5
Столбов, тысяч на восемь стадий,⁴ именно: от Столбов до Нового 5
города, некоторыми именуемого Новым Карфагеном, откуда Ган- 6
нибал начал поход свой в Италию, считается три тысячи стадий;⁵ 6
от Нового города до реки Ибера две тысячи шестьсот;⁶ от Ибера 7
до Эмпория тысяча шестьсот стадий; отсюда до переправы через 8
Родан около тысячи шестьсот; теперь это последнее расстояние 8
измерено римлянами в шагах и старательно обозначено в рассто- 8
яниях по восьми стадий.⁷ Путь от переправы через Родан вдоль 9
самой реки по направлению к источникам до начала прохода че- 9
рез Альпы в Италию тысяча четыреста стадий засим остается са- 10
мый перевал через Альпы в тысячу двести стадий;⁸ пройдя его, 10
Ганнибал вступал в равнины Италии по реке Паду. Таким об- 11
разом, ему нужно было пройти от Нового города всего около 11
девяти тысяч стадий. Что касается длины пройденного расстоя-
ния, то теперь он прошел почти половину всего пространства; в
отношении же трудностей пути ему оставалось еще больше по-
ловины.

Итак, Ганнибал намеревался переходить через Пиренейские 40
горы, исполненный страха перед кельтами, самою природою за- 40
щищенными в своих землях. Тем временем римляне узнали от 2
посланных в Карфаген послов о принятом там решении и о про- 2
изнесенных речах,⁹ а также раньше, чем ожидали, получили из-

¹ XXXIV 5.

² 33.

³ 400 миль.

⁴ 200 миль.

⁵ 75 миль.

⁶ 65 миль.

⁷ Около 1¹/₂ версты.

⁸ 30 миль.

⁹ 33 1—4.

вестие о переходе Ганнибала с войском через реку Ибер,¹ постановили прежде всего отправить во главе легионов Публия Корнелия в Иберию и Тиберия Семпрония в Ливию. Пока они на-
219 бирали легионы и делали прочие приготовления к войне, раньше
выбранные люди для основания колоний в Галатии спешили при-
4 вести это дело к концу заблаговременно. Они быстро укрепляли
города, поселенцам отдан был приказ быть на местах в тридцатидневный срок, причем на каждую из двух колоний назначалось
5 тысяч по шести человек. Один город основали римляне по сю сторону реки Пада и назвали его Плаценцией, другой по имени
6 Кремону, по ту сторону реки. Лишь только города были заселены, как галаты бои, давно уже готовые изменить союзу с римлянами и только не имевшие удобного к тому случая, теперь воспрянули духом и, возлагая надежды на скорое прибытие карфагенян, о коем извещали их посланцы Ганнибала, отложились от римлян, оставив на произвол судьбы заложников, выданных ими римлянам при окончании прежней войны; мы говорили об этом
8 в предыдущей книге.² Бои призвали к участию в восстании инсомбров, соединились с ними благодаря давнему недовольству сих последних против римлян, разорили страну, разделенную по жребью между римскими колонистами, бежавших преследовали до
9 Мутины, римской колонии, и осадили их. В числе запертых в городе римлян было три знатных гражданина, посланных сюда для раздела земли. Один из них — Гай Лутаций,³ некогда облеченный даже званием консула; два других — бывшие преторы.
10 Когда они потребовали переговоров, бои согласились; но как только римляне выступили вперед, те вопреки уговору схватили
11 их в надежде получить в обмен за них своих заложников. Узнав об этом, претор Луций Манлий, который с войском находился
12 по соседству оттуда, поспешил на помощь к своим. Когда бои узнали о приближении римлян, то устроили засаду в лесах, и как только римляне вступили в покрытые лесом местности, бои
13 со всех сторон ударили на них и многих перебили. Остальные сначала бросились было бежать; но по достижении безлесных местностей они кое-как собрались, так что отступление, хоть и с трудом, совершенно было в порядке. Между тем бои, преследовавшие римлян по пятам, заперли и этих в деревне по имени
14 Таннет. По получении в Риме известия о том, что четвертый легион их окружен боями и подвергается жестокой осаде, назначенные для Публия легионы были отправлены на помощь теснимому войску под начальством претора, а тому приказано было стягивать и набирать другое войско у союзников.
41 В таком положении были дела у кельтов с самого начала войны до прибытия Ганнибала, и ход событий был приблизительно таков, каким мы изобразили его раньше и теперь.
2 Между тем римские консулы по окончании всех приготовлений к собственным предприятиям с наступлением лета отправились с флотом к местам назначения, то есть Публий в Иберию с шестьюдесятью кораблями, Тиберий Семпроний в Ливию со ста
3 шестьюдесятью пятипалубными судами. Судя по тому, с каким

¹ 35 2.

² II 22 сл.

³ I 59 сл.

ожесточением Семпроний собирался вести войну, сколь значительны были вооружения его в Лилибее, куда он стягивал всех отовсюду, можно было подумать, что, пристав к берегу, он тотчас приступит к осаде самого Карфагена. Публий направился вдоль 4 Лигистики и на пятый день прибыл от Пис к Массалии. Бросив 5 якорь у первого устья Родана, так называемого Массалиотского, он высадил на сушу свои войска; при этом получил известие, что 6 Ганнибал уже переходит через Пиренейские горы, но был твердо убежден, что неприятель еще далеко от него, так как местности те трудно проходимы, а промежуточное пространство густо заселено кельтами. Однако Ганнибал с войсками явился внезапно 7 у переправы через Родан, имея с правой стороны Сардинское море; часть кельтов он склонил на свою сторону деньгами, через земли других пробился с войсками силою. Когда Публий получил 8 весть, что неприятель уже прибыл, он, хотя и не доверял известию, — чересчур скорым казалось ему это прибытие, — однако с целью узнать истину снял войско с судов и устроил совещание с трибунами относительно местности, какую следовало выбрать для сражения с неприятелем. В то же время триста храбрейших 9 конных воинов Публий послал вперед, дав им в проводники и помощники в битве тех кельтов, которые состояли наемниками у массалиотов.

Вступив в прилегающую к реке область, Ганнибал немедленно 42 стал готовиться к переправе в таком месте, где река течет еще по одному руслу; лагерь свой он разбил днях в четырех расстоянии от моря. Он всякими способами расположил к себе береговых 2 жителей реки и закупил у них все суда из цельного дерева, а также значительное количество лодок, потому что многие из природанских жителей занимаются морской торговлей. От них же он получил отборного дерева, пригодного для сооружения цельных 3 лодок, благодаря чему в два дня изготовлено было бесчисленное множество судов, ибо каждый воин, дабы не нуждаться в другом, старался сам обеспечить себе переправу.

В это время на противоположном берегу собралось множество 4 варваров с целью помешать переправе карфагенян. При виде их 5 Ганнибал решил, что при таких обстоятельствах и ввиду столь значительного количества неприятелей ему нельзя будет ни переправиться силою, ни оставаться на месте, чтобы не подвергнуться неприятельскому нападению со всех сторон. Поэтому на 6 третью ночь он отрядил часть своего войска под начальством Ганнона, сына царя Боамилкара.¹ Воины направились вверх по реке и прошли стадий двести,² пока не достигли такого пункта, где 7 река разделяется и образует остров; здесь они остановились. Из 8 брусьев, добытых в ближайшем лесу, частью сколоченных, частью связанных, воины в короткое время снарядили множество плотов, пригодных для предстоявшего дела; на них-то без всякого препятствия воины переправились на другую сторону. Заняв 9 укрепленный самою природою пункт, они остановились на один день, чтобы отдохнуть от недавних трудов и вместе с тем приготовиться, согласно полученному ими приказанию, к ближайшей битве. Ганнибал со своей стороны подобным же образом 10

¹ 33 з.

² 5 миль.

- 11 приготавливал оставшиеся при нем войска. Труднее всего было переправлять слонов, которых насчитывалось у него тридцать семь.
- 43 Как бы то ни было, на пятую ночь к рассвету воины, ранее переправившиеся через реку, двинулись вдоль нее на варваров, 2 которые расположились насупротив Ганнибала, а этот последний, державший своих солдат наготове, приступил к переправе войска, причем послал на суда вооруженную небольшими щитами конницу, а на цельные лодки самых ловких пехотинцев. В верхней 3 части реки по течению ее поставлены были большие лодки, ниже их помещены легкие, дабы цельные лодки могли переправляться с 4 большею безопасностью, когда почти вся сила течения будет сдержана большими судами. Лошадей они придумали тащить 5 вплавь с кормы, причем один человек с каждой стороны лодки должен был тянуть на поводьях по три-четыре лошади одновременно; таким образом, за один раз переправлено было бы значительное количество лошадей. Завидя эти начинания неприятеля, варвары кинулись из-за окопов в беспорядке и врассыпную в 6 полной уверенности, что им легко будет не допустить карфагенян до высадки на берег. Между тем Ганнибал, лишь только заметил на противоположном берегу приближение своих воинов, которые согласно уговору, дали знать о том дымом, он тотчас 7 приказал всем воинам, получившим это назначение, садиться в лодки и грести с силою против течения. Приказание было быстро исполнено. Когда противники среди криков схватывались друг с 8 другом в лодках и в то же время боролись против течения, а оба войска стояли тут же по обоим берегам реки, причем карфагеняне разделяли тревогу переправлявшихся воинов и с криком бежали вдоль реки, стоявшие против них варвары пели победную 9 песню и требовали битвы, — все это представляло зрелище грозное, мучительное. Как раз в то время, как варвары покинули палатки, стоявшие на другом берегу карфагеняне внезапно, сверх 10 всякого ожидания ударили на врага, причем одни из них предали пламени неприятельский лагерь, а большая часть поражала тех, которые следили за переправляющимися. Оборот дела был неожиданный для варваров, и потому одни из них бросались спасать 11 палатки, другие отражали нападающих и вступали в битву с ними. С другой стороны Ганнибал, у которого все шло согласно задуманному плану, немедленно выстроил своих воинов, вышедших на берег первыми, ободрял их и вступал в бой с варварами. 12 Напротив, кельты частью по недостатку порядка, частью вследствие неожиданности происшедшего быстро оборотили тыл и бежали.
- 44 Таким образом, вождь карфагенян восторжествовал над трудностями переправы и одолел неприятеля; теперь он занялся переправкою оставшихся на другой стороне воинов. В короткое время переправив на сю сторону все войска, Ганнибал в ту же 2 ночь расположился станом у самой реки. На следующее утро он прослышал, что римский флот остановился на якоре у устьев Родана;¹ тогда он отрядил пятьсот отборных конных воинов из нумидян с приказанием расследовать, где находится неприятель, 4 как велики силы его и что он делает. В то же время он выбрал 5 умелых людей для переправы слонов. Сам Ганнибал собрал свои

¹ Ср. 41 5.

войска и вышел перед ними с царьком Магилом и другими, явившимися к нему из равнин Пада, и через переводчика сообщил войскам решения кельтов. Больше, чем всякие речи, массу войска 6 ободряло личное присутствие тех самых людей, которые звали карфагенян на помощь и предлагали свое участие в войне против римлян; во-вторых, ободряюще действовала достоверность обеща- 7 ния Магила и его товарищей, что они проводят карфагенян по таким местностям, в которых они не будут терпеть нужды ни в чем, что войска войдут в Италию кратчайшим и безопасным путем. К этому присоединялись плодородие и обширность страны, 8 в которую предстояло вступить карфагенянам, наконец воодушевление, с каким кельты шли на борьбу с римскими войсками. После этой беседы кельты удалились. Затем выступил сам Ганнибал. 9 Сначала он напомнил войскам о прежних битвах, в которых, говорил он, карфагеняне, следуя его распоряжениям и советам, ни разу не терпели поражения, хотя отваживались на многие чрезвычайные трудные и опасные дела. Вслед за сим он советовал воинам сохранять бодрость духа, так как они видят, что важнейшее 11 уже совершено, потому что переправа через реку кончена, а расположение и ревность союзников они видят сами. Поэтому Ганнибал 12 требовал предоставить ему заботиться о подробностях дела и, повинаясь его распоряжениям, показать себя воинами доблестными и достойными прежних подвигов. Толпа отвечала на это 13 выражением горячего сочувствия и готовности; Ганнибал благодарил воинов и, помолившись за всех богам, распустил собрание, приказав всем подкрепить себя и поспешно приготовиться, ибо на заре предстояло выступление из стоянки.

По распусчении собрания возвратились нумидяне, посланные 45 раньше на разведки;¹ большинство их погибло, прочие спаслись стремительным бегством. Невдалеке от собственного стана они 2 столкнулись с римскими конными воинами, которые с такою же целью были отправлены Публием; противники дрались с таким ожесточением, что из римлян и кельтов пало до ста сорока человек конницы, а из нумидян свыше двухсот. После этой стычки 3 римляне в погоне за неприятелем приблизились к карфагенским окопам и, осмотрев их, быстро повернули назад, чтобы поскорее известить своего вождя о прибытии неприятеля. Возвратившись в лагерь, они доложили о виденном. Публий немедленно велел 4 сносить припасы на корабли, сам снялся со всем войском и двинулся вперед вдоль реки, горя желанием сразиться с врагом.

Между тем Ганнибал на следующий день после собрания с 5 рассветом поставил со стороны моря свою конницу, которая должна была служить прикрытием, а пехоту вывел из-за окопов и двинулся в путь. Сам он поджидал слонов и оставшихся при них 6 воинов. Переправа слонов произведена была следующим образом: сколотив множество паромов, прилаженных один к другому, карфагеняне 46 связали два из них, образовавшие площадь футов в пятьдесят ширины, и крепко вколотили их в землю на спуске к реке. К этим первым паромам карфагеняне прикрепляли с 2 наружной стороны другие, выдвигая сооружение все дальше в реку. Обращенную к реке сторону помоста они укрепили на суше с 3 помощью канатов, накинутых на деревья, которые росли на берегу,

¹ 41 3.

дабы все сооружение держалось неподвижно на месте и не было
4 снесено течением. Когда вытянувшаяся в реку часть помоста до-
стигла плетров двух длины,¹ карфагеняне присоединили к край-
ним паромам два новых, тщательно сколоченных; между собою
они связаны были очень крепко, а к прочим привязаны слабо,
5 так что веревки могли быть рассечены без труда. К паромам при-
весили множество канатов, благодаря которым буксирные лодки
не давали течению унести их; лодки эти должны были сдержи-
вать напор течения и тащить находившихся на паромах слонов
6 на другой берег. Кроме того, на все паромы снесено было много
земли, которую бросали сюда до тех пор, пока не получилось
подобие того пути, какой на суше вел к месту переправы, со-
7 вершенно гладкого и одного цвета с этим последним. Так как
слоны привыкли следовать за индийцами до воды и ни за что
не решались входить в воду, то проводники вели их по насыпной
земле таким обрзом, что впереди шли две самки, а остальные
8 следовали за ними. Как только поставили слонов на крайних па-
ромах, веревки, соединявшие эти паромы с остальными, были
разрублены, канаты натянуты с помощью лодок, и слоны вместе
с находившимися под ними паромами быстро отделились от на-
9 сыпи. Сначала испуганные животные поворачивались и метались
во все стороны; но, будучи окружены отовсюду водою, они ро-
10 бели и по необходимости оставались на своих местах. Таким же
способом прилаживались каждый раз два парома, и на них пере-
11 везана была большая часть слонов. Несколько животных в страхе
кинулись посредине реки в воду; все, что были при них индийцы,
12 погибли, но животные были спасены. Ибо благодаря своей силе
и длине хоботов, которые они держали на поверхности воды, ко-
торыми вдыхали воздух и выбрасывали всю попадавшую в них
воду, слоны бо́льшую часть пути под водою сделали стоя и вы-
ходили невредимыми на берег.

47 Когда слоны были переправлены, Ганнибал поместил их и кон-
ницу позади остального войска и двинулся вперед вдоль реки по
направлению от моря на восток, как бы подвигаясь внутрь ма-
2 терика Европы. Истоки Родана находятся над самою углубленною
частью Адриатического залива к западу от него, в северных скло-
нах Альп; река течет в направлении к зимнему западу² и из-
3 ливается в Сардинское море. На значительном протяжении она
течет по узкой долине, северную часть которой занимают кельты,
ардии, тогда как вся южная сторона граничит с северными скло-
4 нами Альп. Равнины Пада, о которых мы говорили с большими
подробностями,³ отделяются от долины Родана вышеупомянуты-
ми высокими горами, начинающимися от Массалии и тянущи-
5 мися до самой углубленной части Адриатики. Через эти-то горы
перевалил теперь Ганнибал из области Родана и вторгся в Ита-
лию.

6 Некоторые из писателей, рассказывающих об этом переходе,
с целью поразить читателей необычайностью упомянутых стран
незаметно для себя впадают в двойную грубейшую ошибку про-
тив истории: они вынуждены говорить неправду и противоречить

Критика
предшествен-
ников

¹ 200 фут.

² Юго-запад.

³ II 14 сл.

себе. Так, представляя Ганнибала недосыгаемым полководцем по 7
отваге и предусмотрительности, они в то же время изображают 8
его человеком несомненно бессмысленнейшим. Потом, будучи не 8
в состоянии провести свое повествование к развязке и найти вы-
ход из вымыслов, они вводят богов и божеских сыновей в историю
действительных событий. То изображая Альпы столь крутыми и 9
трудно проходимыми, что через них нелегко было бы перевалить
не только коннице и тяжеловооруженному войску вместе со сло-
нами, но даже и легкой пехоте, то рисуя нам эти страны в виде
пустыни, в которой Ганнибал вместе со всем войском должен был
заблудиться и погибнуть, если бы путь им не был указан каким-
либо божеством или героем, — историки совершают этим назван-
ные выше ошибки.

Во-первых, можно ли вообразить себе полководца менее рас- 48
судительного и менее ловкого, чем был бы Ганнибал, который, 2
ведя за собою столь многочисленное войско и возлагая на него
самые смелые надежды относительно успеха всего предприятия,
не знал бы, как говорят эти историки, ни дорог, ни местностей,
ни цели похода, ни тех народов, к коим шел, ни того, наконец, 3
возможно ли задуманное им предприятие? Действительно, то, на 4
что не отваживаются люди, потерявшие все, во всем отчаявшиеся
и пускающиеся с войском в неизведанные страны, то самое ис-
торики приписывают Ганнибалу, питающему несокрушимую уве- 5
ренность в удачу своего дела. Подобно этому рассказы их о пу-
стыне, крутизнах и недоступности стран явно обличают их лжи-
вость. Так, они не знали, что обитающие по Родану кельты не 6
раз и не два до появления Ганнибала, но многократно, не в дав-
нее время, но весьма не задолго до того переходили Альпы с мно-
гочисленными войсками для борьбы против римлян в союзе с за-
нимающими равнины Пода кельтами, о чем мы говорили уже
выше.¹ Не знают историки и того, что в Альпах живет много- 7
люднейший народ. Ничего этого не ведая, они утверждают, что
явился некий герой и указывал пути карфагенянам. Вот почему 8
неизбежно они испытывают те же трудности, что и сочинители
трагедий. Эти последние все нуждаются для приведения своих
драм к развязке в божестве и машине, потому что в основу про-
изведения выбирают положения ложные и противные здравому
смыслу. С историками по необходимости случается то же самое; 9
они также вынуждены выводить героев и богов, потому что основа
их повествования невероятна и ложна. И в самом деле, разум-
ный конец не возможен, если нелепо начало. Во всяком случае 10
Ганнибал поступал вовсе не так, как рассказывают эти писатели;
напротив, он принимался за дело с большою осмотрительностью;
в точности разузнал и достоинства страны, в которую решился 11
вступить, и отчужденность населения ее от римлян; в местах
трудно проходимых он пользовался туземными проводниками и
путеводителями, которые готовы были делить с ним его судьбу.
Мы говорим с уверенностью, ибо о событиях этих получили све- 12
дения от самих участников, местности в них осмотрены нами лично
во время путешествия, которое мы совершили через Альпы
ради изучения и любознательности.

¹ II 15 г. 18—19.

- 49 Римляне и поход Ганнибала
- Между тем римский военачальник Публий¹ три дня спустя после того, как карфагеняне снялись со стоянки, прибыл к месту переправы через реку и изумлен был чрезвычайно, когда узнал, что неприятель ушел: он был убежден, что карфагеняне ни за что не отважатся пройти в Италию путем, занятым множеством варваров, на коих нельзя полагаться. Поэтому, когда Публий увидел, что карфагеняне все-таки отважились на это, он поспешил назад к кораблям и посадил на них свои войска. Брата своего он послал на войну в Иберию, а сам пустился морем в обратный путь в Италию, желая предупредить неприятеля и через Тиррению прибыть к альпийскому перевалу раньше Ганнибала. Ганнибал после четырехдневного непрерывного пути от места переправы явился к так называемому Острову, стране густо заселенной и плодородной, которая названа так по своему положению. Родан и Исара, омывая эту землю с обеих сторон, придают ей у места своего слияния заостренную форму. По величине и наружному виду Остров походит на так называемую Дельту в Египте с тою разницею, что одну сторону этой последней составляет море, которое и соединяет русла здешних рек, между тем как Остров замыкается горами трудно доступными или, можно сказать, вовсе недоступными, с неудобными проходами.
8. По достижении Острова Ганнибал узнал, что два брата на нем находятся между собою в распре из-за царской власти и стоят друг против друга с войсками. Когда старший из них звал Ганнибала к себе и убеждал помочь ему в достижении власти, Ганнибал согласился в ожидании от того несомненной и скорой выгоды для себя в тогдашнем положении. Вместе со старшим братом он напал на младшего и помог выгнать его, за что от победителя и получил сильную поддержку, именно: этот последний не только доставил войску Ганнибала в изобилии хлеб и прочие припасы, но заменил старое, испорченное оружие новым и своевременно обновил все военное снаряжение. Кроме того, большинство воинов он снабдил платьем, обувью, чем значительно облегчил переход через Альпы. Наконец, что всего важнее, карфагеняне боялись перехода через землю галатов, именуемых аллобригами; брат-победитель со своим войском прикрывал их с тыла, чем и обезопасил для них этот переход, пока карфагеняне подходили к альпийскому перевалу.
- 50 В течение десяти дней пройдя вдоль реки около восьмисот стадий,² Ганнибал начал подъем на Альпы, причем подвергался величайшим опасностям. Ибо до тех пор, пока карфагеняне находились на равнине, все мелкие начальники аллобригов воздерживались от нападения частью в страхе перед конницей, частью из боязни сопровождавших их варваров. Но по возвращении в родную землю, когда войско Ганнибала вступило в труднопроходимые местности, вожди аллобригов стянули довольно значительное войско и заблаговременно заняли удобные пункты, через которые Ганнибалу необходимо было проходить. Если бы варвары сумели сохранить в тайне свои замыслы, они истребили бы войско карфагенян совершенно; но покушение их было обнаружено, и потому, хотя они и причинили противнику большой урон, но

¹ 41 8—9.

² 20 миль.

не меньший потерпели и сами. Узнав, что варвары заняли уже 5 удобные пункты, вождь карфагенян расположился станом у перевалов и там выжидал, а вперед послал несколько галатов из 6 числа своих проводников, чтобы разузнать замыслы врага и весь план его. Посланные исполнили поручение. Ганнибал узнал те- 7 перь, что днем неприятели в строгом порядке и бдительно охраняют занятые места, а ночью удаляются в близлежащий город. Соображаясь с этим, он придумал такого рода хитрость: взял с 8 собою войско и на виду у неприятелей пошел вперед; приблизившись к теснинам, он расположился лагерем невдалеке от неприятеля. С наступлением ночи Ганнибал велел зажечь огни, 9 большую часть войска оставил в лагере, а с храбрейшими воинами налегке прошел ночью узкий проход и, воспользовавшись обычным удалением варваров в город, овладел теми местами, которые раньше занял было неприятель.

Когда рассвело и варвары узнали о случившемся, первое время 51 они вовсе не думали о нападении; но потом, при виде того, какое 2 множество вьючного скота и конницы и с каким трудом выступает медленно в теснинах, они вознамерились потревожить движение неприятеля. Согласно этому решению, варвары во многих 3 пунктах ударили на карфагенян, которые при этом понесли большие потери, особенно в лошадях и вьючном скоте, не столько, впрочем, от нападающего врага, сколько благодаря трудностям перехода. Дело в том, что подъем на гору был не только узок 4 и неровен, но и крут, а потому при малейшем колебании и замешательстве многие животные вместе с поклажей падали в пропасть. Но наибольшее замешательство производили раненные ло- 5 шадяи: одни из них в ярости от боли кидались на вьючный скот спереди, другие в стремительном движении вперед теснили все, попадавшееся им на пути в узком проходе, и тем производили большой беспорядок. При виде этого Ганнибал сообразил, что, е- 6 сли погибнет скот с ношею, то не уцелеет и та часть войска, которая избегнет опасности; поэтому он взял с собою воинов, в предшествующую ночь занявших перевалы, и поспешил на помощь к передовому отряду. Так как Ганнибал нападал с высоты, то 7 неприятель потерял много убитыми, хотя не меньшие потери были и у Ганнибала; ибо крики подоспевших воинов и схватка уве- 8 личивала с обеих сторон беспорядок движения. Наконец, когда 9 большая часть аллобригов была перебита, а остальные вынуждены были искать спасения в бегстве и повернули домой, тогда и то с большим трудом удалось уцелевшему скоту и лошадям пройти через теснину. Сам Ганнибал после этой битвы собрал воз- 10 можно больше войска и ударил на город, откуда сделано было неприятельское нападение. Город он нашел почти пустым, так 11 как все жители ушли за добычей, и овладел им, что было очень выгодно для Ганнибала как в настоящем его положении, так и на будущее время: в настоящем он уводил за собою множество 12 лошадей, вьючного скота и взятых при этом пленников; для будущего он приобретал в изобилии дня на два-на три хлеб и животных. Важнее всего было то, что Ганнибал навел страх на бли- 13 жайших варваров, благодаря чему впредь нелегко отваживался нападать на него какой-либо народ из тех, что жили на пути его.

Здесь Ганнибал разбил свой лагерь, в котором и оставался 52 один день; затем двинулся дальше. В ближайшие дни Ганнибал 2 с войском продолжал путь беспрепятственно; только на четвертый

3 день он снова подвергся серьезным опасностям. Жившие на пути
его народы по коварному уговору между собою выходили на-
встречу ему с ветками и в венках, что у всех почти варваров
4 служит знаком мира, как жезл глашатая у эллинов. Ганнибал
отнесся весьма осторожно к этому выражению покорности и тща-
тельно исследовал намерения и вообще настроение варваров. Хо-
5 тя они сказали, что им хорошо известны и взятие города, и ги-
бель всех тех, которые пытались повредить Ганнибалу, хотя и
уверяли, что явились сюда для того, чтобы не причинять другим
и самим не терпеть никакой обиды, и наконец обещали дать за-
6 ложников из своей среды, Ганнибал долгое время колебался и
не доверял речам их; потом сообразил, что принятие предложе-
ний от явившихся к нему людей, быть может, сколько-нибудь
удержит их и смягчит; напротив, отказом он наживает себе в
них открытых врагов, а потому благосклонно выслушал их и сде-
7 лал вид, будто желает быть в дружбе с ними. Когда затем вар-
вары передали ему обещанных заложников, доставили много от-
кормленного скота и вообще обращались среди них без всяких
предосторожностей, Ганнибал и его товарищи начали относиться
к ним доверчиво, так что воспользовались услугами их как про-
8 водников в следовавших дальше теснинах. В течение двух дней
варвары шли впереди войска; потом упомянутые выше народы
собрались вместе и, следуя за карфагенянами с тыла, напали на
них в то самое время, как карфагеняне переправлялись по кру-
тому, трудно проходимому оврагу.

53 В это время все войско Ганнибала было бы истреблено совер-
шенно, если бы он, все еще испытывая некоторый страх и остере-
гаясь возможных случайностей, не послал вперед выючного ско-
2 та и конницы и не поставил тяжеловооруженных в тылу. При-
крытием этих последних потери были уменьшены, так как тя-
3 желовооруженные сдержали нападение варваров. Невзирая на
это, потери в людях, выючном скоте и лошадях были очень ве-
4 лики. Занимая более высокие пункты и подвигаясь по склонам
гор бок о бок с карфагенянами, варвары то скатывали глыбы,
то метали в них камни, чем наводили на противников ужас и
5 подвергали их большой опасности. Дело дошло до того, что Ган-
нибал вынужден был с половиною войска, вдали от лошадей и
выючного скота, с целью прикрытия их ночевать на белой крутой
6 скале, пока наконец они с трудом выбрались из ущелья; для этого
потребовалась целая ночь. Наутро, когда неприятель удалился,
Ганнибал снова соединился с конницей и выючными животными
и направился вперед к высочайшим альпийским вершинам, ни
7 разу более не встречаясь с соединенными силами варваров, ко-
торые тревожили его то там, то сям небольшими толпами. Вы-
бирая удобные моменты, они нападали то на задние ряды, то на
8 передние и уводили часть скота. Величайшую услугу оказывали
Ганнибалу слоны, ибо, в каком бы месте они ни появлялись, не-
9 приятель не решался подходить туда, устрашаемый видом неве-
домых ему животных. На девятый день Ганнибал достиг наконец
вершины перевала, разбил там свой лагерь, в котором оставался
10 два дня частью для того, чтобы дать отдохнуть уцелевшим во-
инам, частью потому, что поджидал запоздавших. В это же время
большое число лошадей, которые в испуге убежали, и многие
выючные животные, сбросившие с себя ношу, сверх всякого ожи-
дания возвратились в стоянку по следам остальных животных.

Приближался заход Плеяды, и вершины Альп покрывались уже 54
снегом. Ганнибал замечал упадок духа в войсках как вследствие
вынесенных уже лишений, так и в ожидании предстоящих. Он 2
собрал воинов и пытался было ободрять их, располагая единствен-
ным для этого средством, видом Италии. Она так расстилается
у подошвы альпийских гор, что для путника, обнимающего одним
взором горы и страну эту, Альпы имеют вид кремля Италии. Вот 3
почему, указывая своим воинам на равнины Пада и вообще на-
поминая им о благоволении населяющих их галатов, а также ука-
зывая местонахождение самого Рима, Ганнибал успел немного
ободрить их. На следующее утро он снялся со стоянки и начал 4
нисхождение с гор. На этом пути он не встречал более неприят-
телей, за исключением разве тех, которые вредили ему тайно;
однако вследствие трудностей пути и снега он потерял почти
столько же людей, как и при подъеме на горы. Действительно, 5
нисхождение совершалось по узкой, крутой дороге, а снег не да-
вал различать место, куда поставить ногу, поэтому всякий, кто
сбивался с дороги и падал, низвергался в пропасть. Однако и это 6
карфагеняне переносили терпеливо, потому что привыкли уже к
такого рода тягостям. Но лишь только они подошли у узкому ме- 7
сту, по которому не могли пройти ни слоны, ни вьючные жи-
вотные, — ибо обрыв, крутой и до того, всего стадии в полторы
протяжения,¹ стал еще круче после новой лавины, — войско сно-
ва упало духом и трепетало от страха. Сначала вождь карфагенян 8
пытался обойти это трудное место; но после того, как выпал снег,
благодаря которому путь сделался совершенно непроходимым, он
отказался и от этого.

Обстоятельства сложились как-то особенно необыкновенно: на 55
прежний снег, оставшийся от прошлой зимы, выпал в этом году
новый; легко было пробить этот снег ногами, так как он выпал
недавно, был мягок и к тому же неглубок. Но, пробив верхний 2
слой и ступая по нижнему, отвердевшему, солдаты не пробивали
уже нижнего и двигались дальше, скользя обеими ногами: на зем-
ле так бывает с людьми, которые идут по дороге, сверху, покры- 3
той грязью. Но дальнейшее было еще хуже, именно: люди не мог-
ли пробить нижнего снега и потому, когда упавшие старались 4
подняться на ноги и для этого опереться коленями или руками,
они скользили еще больше, уже всеми членами разом, так как
места были весьма обрывисты. Напротив, когда вьючные живот- 5
ные пытались подняться после падения, то пробивали нижний
снег, а пробив стояли неподвижно вместе с ношею как заледе-
невшие, частью вследствие собственной тяжести, частью потому,
что замерзший раньше снег был крепок. Поэтому Ганнибал по 6
терял всякую надежду добраться до цели таким путем и распо-
ложил свой лагерь у самого гребня горы, приказав расчистить ле-
жавший там снег; затем руками солдат, расставленных по сторо- 7
нам, он с великим трудом проложил себе дорогу через обрыв. Для
скота и лошадей был приготовлен достаточно удобный проход за
один день; немедленно он повел животных и, разбив лагерь в та- 8
ких местах, где уже не было снега, послал их на пастбище. Ну-
мидян он отряжал по сменам для прокладки пути, и едва через
три дня после усиленных трудов ему удалось провести слонов,

¹ Около 150 саж.

9 которые сильно страдали от голода. Дело в том, что альпийские вершины и ближайшие к перевалам места совсем безлесны и обнажены, ибо снег лежит там всегда, зимою и летом; напротив, средние области по обоим склонам гор имеют леса и деревья и вообще удобообитаемы.

56 Собрав в одно место все войско, Ганнибал продолжал нисхождение с гор; на третий день он спустился с крутизны и достиг 2 равнины. На всем пройденном пути он потерял множество воинов частью от рук неприятеля и от рек, частью в альпийских обрывах и теснинах; еще больше, чем людей, потерял он лошадей и вьюч- 3 ного скота. Совершив весь путь от Нового города в пять месяцев и переход через Альпы в пятнадцать дней, Ганнибал, наконец, бодро вступил на равнины Пада и в землю народа инсомбров. 4 С ним было уцелевшего войска ливиян двенадцать тысяч пехоты и иберов около восьми тысяч, всей конницы не более шести тысяч, как сам он исчисляет свое войско в надписи на лацинийской плите.¹

5 В то же самое время Публий, как я сказал выше,² оставил войска свои брату Гнею, поручил ему деятельно заняться делами Иберии и мужественно вести войну против Гасдрубала, а сам с 6 небольшим числом воинов пристал к Пизам. Оттуда он прошел через Тиррению, присоединил к своим воинам легионы преторов, стоявшие на страже этих земель и воевавшие с боями,³ и вступил в равнины Пада, где расположился лагерем в ожидании неприятеля, решившись вступить в битву с ним.

57 Доведя до Италии свое повествование о полководцах обоих неприятелей и о войне, мы прежде чем начать рассказ о битвах, 1 пожелаем сказать несколько слов о том, к чему обязывает нас история. Быть может, кто-либо спросит, каким образом вышло так, 2 что мы очень подробно говорили о странах Ливии и Иберии и вовсе не останавливались на проливе у Геракловых Столбов, на 3 наружном море и его особенностях, на Британских островах и добывании олова, а также на серебряных и золотых россыпях в Иберии, о которых так много распространяются историки и в спо- 4 рах между собою сообщают много противоречивого. Мы не говорили об этом не потому, что считаем подобные предметы не относящимися к истории, но потому, во-первых, что не желаем прерывать наше повествование частыми отступлениями и отвлекать 5 внимание любознательных читателей от настоящего предмета истории; во-вторых, мы решились говорить об этих предметах не урывками и не мимоходом, но отдельно, с тем, чтобы 6 отвести им подобающее место и время и по мере возможности сообщить о них правду. Вот почему не следует удивляться, если мы и в дальнейшем повествовании будем касаться этих местностей, но по упомянутым здесь причинам оставим в стороне такие 7 предметы. Желать во что бы то ни стало читать такого рода известия во всяком месте и в каждой части истории — значит не- 8 заметно для себя уподобляться невоздержным людям за столом: отведывая каждого яства, они и во время еды не испытывают настоящего удовольствия ни от одного из них, да и после того не

¹ 33 18.

² 49 3—4.

³ II 24. III 40.

могут переварить их как следует с пользой для питания; то и другое бывает наоборот. Так и при чтении: читатели подобных сочинений не испытывают истинного удовольствия во время самого чтения и не извлекают из него надлежащей пользы на будущее.

Что именно эта часть истории более всякой иной нуждается в тщательных изысканиях и поправках, явствует из многого, особенно же из нижеследующего: почти все или по крайней мере большинство историков делают попытки излагать природные свойства и положение крайних стран обитаемой земли, причем большая часть писателей впадает в многочисленные ошибки. Умалчивать о них никак не следует; но и исправлять их нужно внимательно, а не мимоходом и не урывками; при возражениях не подобает порицать или нападать, скорее следует хвалить предшественников и исправлять их ошибки в том убеждении, что, живи эти писатели в наше время, они сами изменили бы и исправили многие свои суждения. В самом деле, в прежнее время редко бывали такие эллины, которые предпринимали бы изыскания крайних стран, потому что подобные предприятия были невыполнимы. Велики и неисчислимы были в то время опасности на море, раздо больше еще было их на суше. Если уже кто по необходимости или намеренно и проникал на окраины земли, он и тогда не мог выполнить своей задачи. Очень трудно было и самому обозревать эти страны долгое время, ибо одни из них заселены были варварами, другие безлюдны; еще труднее при разности языков узнавать что-либо о виденных странах при помощи расспросов. Если бы даже какой очевидец и узнал что-нибудь, то для него было еще труднее удержаться в должных пределах и, отвергнув все баснословное и чудесное, отдать предпочтение истине самой по себе и не сообщать нам ничего, несогласного с правдою.

Итак, если в прежнее время было не только трудно, но почти невозможно получить точные сведения об этих предметах, то не порицания заслуживают прежние историки за пропуски или ошибки, но похвалы и удивления за то, что при столь неблагоприятных обстоятельствах они узнали хоть что-нибудь и приумножили этого рода знания. Напротив, в наше время, когда все почти части Азии сделались доступными с моря и с суши, одни благодаря владычеству Александра, другие завоеваниям римлян, когда государственные люди, освободившись от забот о делах военных и общественных, в них же находят серьезные поводы для тщательного изыскания и изучения названных выше предметов, в наше время обязательно иметь более ясные и правдивые понятия о вещах, раньше неведомых. Со своей стороны мы и попытаемся сделать это в соответствующем месте нашей истории, ибо внимание людей любознательных мы желаем остановить подольше на этих предметах. И в самом деле, мы подвергались опасности странствования по Ливии, Иберии и Галатии, также по морю, ограничивающему их с наружной стороны, главным образом для того, чтобы исправить ошибки наших предшественников в этой области и сделать известными эллинам и эти части земли. Теперь, возвращаясь к тому месту рассказа, откуда сделано отступление,¹ мы постараемся познакомить читателя с большими сражениями римлян и карфагенян, имевшими место в Италии.

¹ 56 кон.

60 Мы уже определили численность войска, с которым Ганнибал
Ганнибал в 2 вступил в Италию.¹ По вторжении в эту страну он расположился
Италии станом у самой подошвы Альп и прежде всего занялся восста-
3 новлением сил своих войск. Действительно, все войско его не толь-
ко было до крайности изнурено восхождением на горы и нисхож-
дением, а также трудностями перевалов, но и сильно терпело от
4 скудости припасов и от недостатка ухода за собою. Среди ли-
шений и непрерывных трудов многие совершенно упали духом.
Действительно, карфагеняне не в силах были везти по таким до-
рогам съестные припасы в количестве, необходимом для столь
5 значительного числа людей; да и то, что провозилось, большею
частью гибло вместе с погибающими вьючными животными. По
этим причинам Ганнибал, отправлявшийся в путь от переправы
через Родан с тридцатью восемью тысячами пехоты и с восемью
с лишним тысячами конницы, потерял во время перевалов почти
6 половину войска, как сказано мною выше.² И все те воины, ко-
торые уцелели, вследствие постоянных перечисленных нами ли-
7 шений как бы одичали по наружному виду и по характеру. По-
этому Ганнибал прилагал большие старания к восстановлению
душевных и телесных сил своих воинов, да и лошадей также.
8 Затем, когда войско уже отдохнуло, он старался прежде всего
9 войти в дружбу и союз с тавринами, которые живут у подошвы
гор, вели в то время борьбу с инсомбрами и недоверчиво отно-
сились к карфагенянам. Когда таврины³ не вняли его предложе-
ниям, Ганнибал обложил войском значительнейший город их и
10 взял его после трех дней осады. Избиением сопротивлявшихся ему
жителей Ганнибал навел такой ужас на соседних варваров, что
все они тут же являлись к нему и отдавали себя под его покрови-
11 тельство. Остальное кельтское население равнин, согласно пер-
воначальному обещанию,⁴ имело намерение соединиться с кар-
12 фагенянами; но кельты не трогались с места, а некоторые вы-
нуждены были идти в поход вместе с римлянами, ибо римские
легионы, проникшие в глубь страны, большую часть их окружили
13 и отрезали от карфагенян. Поэтому Ганнибал решил не медлить
более и идти вперед, дабы каким-либо деянием поощрить тех,
которые желали делить с ним его судьбу.

61 Приняв такое решение и получив известие, что Публий с вой-
ском перешел уже Пад и находится вблизи, Ганнибал сначала
2 не поверил этим вестям. Он соображал, что за несколько дней
до того оставил Публия у переправы через Родан, потом при-
нимал во внимание продолжительность и трудность морского пу-
3 ти от Массалии до Тиррении; к тому же он слышал, что путь
от Тиррении через Италию до Альп длинен и для войска недо-
4 бен. Но слухи эти подтверждались многими достоверными изве-
стиями; Ганнибал недоумевал и удивлялся как плану римского
5 полководца вообще, так и способу его осуществления. Подобные
соображения занимали и Публия. Вначале он никак не думал,
что Ганнибал отважится перейти Альпы с войсками столь раз-
нонародными; если же и решится на это, то, думал он, неминуемо

¹ 56 4.

² 6 4. Ср. 35 7.

³ II 15 6 прим.

⁴ 34. 44.

погибнет. Когда среди таких размышлений получались известия, 6 что Ганнибал уцелел и уже осаждает некоторые города в Италии, Публий поражался необычайною отвагою этого человека. Такое 7 же действие производили вести и в Риме. Едва только затихли 8 разговоры о последней новости, о взятии Заканфы карфагенянами, едва римляне приняли соответственное решение и послали одного из консулов в Ливию для осады самого Карфагена, а другого в Иберию для ведения там упорной войны с Ганнибалом,¹ как пришло известие, что Ганнибал с войском находится в Италии и осаждает уже некоторые города. Смущенные неожиданно 9 стью событий, римляне немедленно отправили вестника к Тиберию² в Лилибей с уведомлением о прибытии неприятеля и требовали оставить тамошние дела и спешить на помощь родному городу. Тиберий тотчас собрал флотских воинов и отправил их 10 в путь с приказанием плыть домой, а сухопутные войска обязал через трибунов клятвою прибыть всем в назначенный день к вечеру в Аримин. Город этот лежит у Адриатики, на южной окра- 11 ине падуанских равнин.³ Все разом пришло в движение, наступавшие события были неожиданностью для всех, а потому везде с напряженным вниманием ожидали, что будет дальше.

Тем временем Ганнибал и Публий, подходя уже близко друг 62 к другу, решили обратиться к своим войскам с увещанием, причем каждый из них говорил, сообразуясь с обстоятельствами. Так, 2 с целью ободрить своих воинов, Ганнибал поступал следующим образом: он собрал войска и поставил перед ними тех молодых 3 людей из числа пленников, которые тревожили его войска во время переходов через альпийские теснины и были тогда же захвачены. К этому моменту он подготовлял их жестоким обращением: 4 пленников держали в тяжелых оковах, мучили голодом, тела их были измождены ударами. Ганнибал поставил юных пленников 5 впереди собрания, перед ними велел положить несколько полных галатских вооружений, в какие облакаются обыкновенно цари их, когда идут на единоборство; кроме того, он велел поставить тут же лошадей и внести нарядные военные плащи. После этого Ган- 6 нибал спросил юношей, кто из них желает вступить в единоборство друг с другом с тем, что победитель получит в награду выставленные предметы, а побежденный найдет в смерти избавление от удручающих его зол. В ответ на это все громко заявили, 7 что желают идти на единоборство. Тогда Ганнибал приказал бросить жребий и распорядился, чтобы первые два пленника, вытянувшие жребий, надели на себя доспехи и сразились друг с другом. При этих словах юноши подняли руки и молились богам, 8 ибо каждый из них жаждал вытянуть жребий. Когда решение 9 жребия стало известно, вытянувшие его ликовали, а прочие опечалились. С окончанием поединка оставшиеся в живых пленники 10 одинаково благословляли как победителя, так и павшего в бою, потому что и этот последний избавлялся от тяжелых страданий, какие им самим предстояло терпеть еще. Подобные же чувства 11 разделяла и большинство карфагенян: они раньше видели страдания уцелевших пленников, которых теперь вводили из собрания,

¹ 40 2.

² Семпроний Лонг III 41 2.

³ II 21 5 прим.

и жалели их, а умершего по сравнению с ними все почитали счастливецем.

63 Когда этим способом Ганнибал вызвал в душах воинов желательное для него настроение, он выступил вперед и объяснил, с какою целью выведены были пленники: для того, говорил он, чтобы воины при виде чужих страданий научились, как лучше поступать самим в настоящем положении; ибо и они призваны судьбою к подобному состязанию, и перед ними лежат теперь по добные же победные награды. Им предстоит или победить, или умереть, или живыми попасть в руки врагов, но при этом победными наградами будут служить для них не лошади и плащи, но обладание богатствами римлян и величайшее блаженство, какое только мыслимо для людей. Если они и падут в битве, сражаясь до последнего издыхания за лучшие свои стремления, то кончат жизнь как подобает храбрым бойцам без всяких страданий; напротив, если в случае поражения они из жажды к жизни предпочтут бежать или каким-нибудь иным способом сохранить себе жизнь, на долю их выпадут всякие беды и страдания. Ибо, говорил он, нет между ними такого безумца или глупца, который мог бы льстить себя надеждою возвратиться на родину бегством, если только они вспомнят длину пути, пройденного от родных мест, множество отделяющих их неприятностей, если они помнят величину рек, через которые переправлялись. Потому он убеждал воинов отказаться всецело от подобной мечты и настроить себя по отношению к своей доле совершенно так, как они были только что настроены видом чужих бедствий. Ведь все они благословляли одинаково судьбу победителя и павшего в бою противника его; те же чувства, говорил он, должны они испытывать и относительно себя самих: все должны идти на борьбу с тем, чтобы победить или, если победа будет невозможна, умереть. О том, чтобы жить после поражения, они не должны и думать. Если таковы будут намерения их и помыслы, за ними наверно последуют и победа, и спасение. Никогда еще, продолжал вождь, люди, принявшие такое решение добровольно или по необходимости, не обманывались в своих надеждах одолеть врага. Пускай неприятели, как теперь римляне, питают противоположную надежду, именно, что большинство их найдет свое спасение в бегстве благодаря близости родины; зато несокрушима должна быть отвага людей, лишенных такой надежды.

14 Речь Ганнибала и приведенный им пример были встречены толпою сочувственно; она восприняла то чувство решимости, которое Ганнибал старался пробудить в ней своим обращением. Вождь похвалил воинов и распустил собрание, приказав на следующую день на рассвете выступать в поход.

64 Теми же днями Публий, перешедший уже реку Пад и решившийся переправиться дальше через Тикин, приказал знающим это дело людям положить мост через эту реку, а остальное войско созвал и обратился к нему с увещанием. Большая часть речи посвящена была прославлению отечества и подвигов предков. О тогдашнем положении он сказал приблизительно следующее: нет нужды испытывать неприятеля в настоящем для того, чтобы питать непоколебимую уверенность в победе; достаточно знать одно, что им предстоит сражаться с карфагенянами. Вообще решимость карфагенян идти на римлян должно считать необычайною наглостью, так как много раз они терпели поражение от римлян,

Воззвание
Ганнибала
к войскам

Воззвание
Публия
Сципиона к
римлянам

заплатили большую дань и уже столько времени были чуть не рабами их. «Если, не говоря о прошлом, мы знаем по опыту, что 5 и стоящий против нас неприятель не дерзает глядеть нам прямо в лицо, чего следует нам ждать от будущего при верной оценке положения? Разве вы не знаете, что карфагенская конница не 6 вышла с честью из столкновения с нашей у реки Родана;¹ что с большими потерями она бежала позорно до самой стоянки? Вождь их вместе со всем своим войском при известии о прибытии 7 наших воинов перешел в отступление, походившее на бегство, и из страха, вопреки собственному решению, направился через Альпы». «И теперь», говорил Публий, «Ганнибал явился к нам, 8 потеряв большую часть своего войска; а уцелевшие воины вследствие перенесенных лишений обессилены и не пригодны к битве. Точно так же потерял он и большую часть лошадей, да и оставшиеся ни к чему не годны после столь длинной и трудной дороги». Эту речь Публий старался внушить римлянам, что им 9 стоит только показаться перед неприятелем. Больше всего должно ободрять вас, продолжал он, его присутствие. Ни за что не покинул бы он флота и не отказался от того дела в Иберии, ради которого был послан, не явился сюда с такою поспешностью, если бы не рассчитал до очевидности всю необходимость для родины такого способа действий, который к тому же обещает верную победу. Доверие, каким пользовался военачальник, а также правда 11 слов его воодушевили всех воинов. Похвалив их за мужество и готовность к битве, Публий еще раз потребовал быть готовыми к исполнению его приказаний и распустил собрание.

На следующий день оба полководца двинулись вперед вдоль 65 реки со стороны Альп, причем римляне имели реку с левой стороны, а карфагеняне с правой. На другой день через фуражиров 2 полководцы узнали, что находятся близко друг к другу, а потому расположились лагерями и не шли дальше. На третий день оба, 3 во главе своей конницы каждый, двинулись дальше по равнине с целью узнать силы противника, причем Публий взял кроме конницы и метателей дротиков из пехоты. Лишь только они сблизились и завидели поднимающуюся пыль, тотчас стали строиться в боевой порядок. Публий поставил впереди копьеметателей и 5 вместе с ними галатских конных воинов, остальных выстроил в линию и медленно пошел вперед. Ганнибал поставил воинов на 6 взнузданных лошадях² и всю тяжелую часть конницы прямо против неприятеля и пошел навстречу ему; нумидийскую конницу он поместил на обоих флангах с целью охватить неприятеля кольцом. Но оба вождя и конницы их горели желанием сразиться, а 7 потому первая стычка кончилась тем, что метатели дротиков, едва успели выпустить по одному дротику, — быстро подались назад и бежали между отрядов стоявшей за ними конницы: стремительное нападение навело ужас на римлян, и они страшились, как бы не быть растоптанными несущимися на них лошадьми. Тогда 8 сразились фронтовые войска, и долгое время битва оставалась нерешительной; это было вместе и конное, и пешее сражение, так 9 как в самой схватке многие конные воины спешили. Но когда 10 нумидяне окружили римлян и ударили на них с тыла, пешие

Сражение
на Тикине

¹ 45.

² Т. е. регулярную конницу.

метатели дротиков, вначале уклонившиеся было от стычки с конницей, были теперь растоптаны массой напавших на них нумидян. Тогда те римляне, которые сначала сражались с карфагенянами во фронте, потеряв много своих и еще большие потери причинив карфагенянам, обратились в бегство под натиском нумидян с тыла; большинство их рассеялось в разные стороны, а некоторая часть столпилась около полководца.

66 После этого Публий снялся со стоянки и через равнины направился к мосту на Паде, стараясь заблаговременно переправить по нему свои легионы. Соображая, что местность открытая, а неприятельская конница превосходит его собственную, страдая сам от раны, Публий решил, что необходимо поставить войска в безопасном месте. С другой стороны, Ганнибал некоторое время выжидал, что римляне отважатся на битву с пехотой; но, заметив, что неприятель покинул стоянку, он последовал за ним до первой реки и положенного через нее моста. Большую часть бревен Ганнибал нашел уже снятыми, но поставленный для охраны моста отряд он настиг еще у реки и овладел им; в отряде было около шестисот человек. Так как остальное войско по слухам прошло уже далеко вперед, то Ганнибал переменял путь и по реке направился в противоположную сторону, желая подойти к Паду в таком месте, где можно было бы легко перекинуть мост. На другой день он остановился и, устроив переправу из речных лодок, приказал Гасдрубалу переправлять войско на другой берег; сам он переправился тотчас и принял послов, которые явились из соседних местностей. Дело в том, что, лишь только одержана была победа, все окрестные кельты согласно первоначальному плану спешили предложить карфагенянам свою дружбу, снабдить их припасами и принять участие в походе. Ганнибал ласково принял явившихся послов, а переправив войска через реку, пошел вдоль нее в направлении, противоположном прежнему; шел он по течению, чтобы поскорее встретиться с неприятелем. Между тем Публий переправился через Пад, разбил лагери подле города Плаценции, римской колонии, где занялся лечением себя и прочих раненых и пребывал в бездействии, полагая, что войску не угрожает здесь никакая опасность. На другой день после переправы Ганнибал близко подошел к неприятелю, а на третий выстроил свое войско на виду у него в боевой порядок. Так как никто не выходил против него, то Ганнибал расположился там лагерем на расстоянии стадий пятидесяти¹ от римских легионов.

67 Те кельты, что были в римском стане, видели перевес на стороне карфагенян, а потому сговорились между собою напасть на римлян, и каждый в своей палатке выжидал удобного для этого момента. Когда после ужина находившиеся на окопах римляне пошли спать, кельты большую часть ночи ждали спокойно, потом в пору утренней смены взялись за оружие и напали на римлян, находившихся в ближайших палатках; многих перебили, немало ранили, наконец отсекали головы убитым и удалились к карфагенянам в числе тысяч двух человек пехоты и немного менее двухсот конницы. Ганнибал радушно принял явившихся кельтов, тотчас ободрил их, обещал каждому приличные дары и отослал их в родные города с тем, чтобы они уведомили о случившемся

Переправа
Ганнибала че-
рез Пад

¹ 1 1/4 мили.

своих граждан и склонили их к союзу с ним. Ганнибал был убежден, что кельты вынуждены будут примкнуть к нему, когда узнают о вероломстве своих братьев по отношению к римлянам. Вместе с ними явились к Ганнибалу и бои; они доставили ему трех римских граждан, которые отправлены были из Рима для раздела полей, и которых они предательски захватили в начале войны, как сказано мною выше.¹ Ганнибал похвалил боев за расположение к нему и вступил по договору в дружбу и союз с явившимися; пленников он отдал им и приказал стеречь, дабы согласно первоначальному решению бои могли взамен их получить обратно собственных заложников.

Огорченный вероломством кельтов и уверенный в том, что в силу давнего нерасположения их к римлянам все окрестные галаты перейдут на сторону карфагенян, Публий сознавал, что необходимо принять меры предосторожности. Поэтому в следующую ночь к рассвету он снялся со стоянки и направился к реке Требии и к близлежащим высотам, рассчитывая на укрепленность этого места и на близость союзников.

Узнав о выступлении римлян из лагеря, Ганнибал тотчас выслал за ними нумидийскую, а потом и остальную конницу; сам он с войском следовал за нею по пятам. Нумидяне ворвались в покинутый лагерь и предали его пламени. Это было очень годно для римлян; ибо, если бы нумидяне следовали за ними неотступно и настигли обоз их, римляне на открытом месте потеряли бы много убитыми при нападении конницы. Теперь же большинство римлян успело заблаговременно переправиться через реку Требию; только отставшие задние воины были частью переправлены карфагенянами, частью взяты в плен.

Дело при
Требии

Перейдя названную выше реку, Публий разбил свой стан на ближайших высотах, окружил лагерь рвом и окопами и дождался Тиберия с войсками; тем временем старательно лечил себя, желая, если только будет в состоянии, принять участие в предстоящей битве. Ганнибал расположился лагерем в расстоянии ста сорока² от неприятеля. Между тем кельтское население равнин, вставшее заодно с карфагенянами, снабжало их в изобилии нужным продовольствием и готово было делить с карфагенянами всякое предприятие и всякую опасность.

Находившиеся в городе римляне по получении известий о сражении конницы удивлялись неожиданному для них исходу, однако имели достаточно оснований к тому, чтобы не считать его поражением. Одни взваливали всю вину на опрометчивость полководца, другие на нерадивость кельтов, подтверждение чего находили в последнем возмущении их. Вообще до тех пор, думали римляне, пока пехота их не пострадала, ничего еще не потеряно. Поэтому, когда явился Тиберий и вместе с легионами проходил через Рим, они убеждали себя, что один вид его решит сражение в их пользу. Когда воины, согласно данной клятве, собрались с Аримин,³ Тиберий двинулся с ними вперед, поспешая соединиться с войсками Публия. Придя к Публию, Тиберий расположил свои войска на стоянку и дал отдохнуть им, потому что люди его шли

¹ II 23.

² I миля.

³ II 23 5. III 61 10.

- пешком непрерывно в течение сорока дней от Лилибея до Ари-
15 мина; тем временем делал все приготовления к битве. Сам он
часто беседовал с Публием, то расспрашивая его о прошлом, то
обсуждая вместе с ним настоящее.
- 69 В это самое время Ганнибал взял с помощью измены город
Кластидий и занял его вследствие передачи неким брентесийцем,
2 которому город был доверен римлянами. Завладев гарнизоном и
хлебными складами, он употребил хлеб на насущные нужды, а
захваченных людей взял с собою в поход, не причинив им ни-
3 какого вреда: этим он желал дать пример своего поведения, дабы
народы, вынужденные обстоятельствами стать на сторону врага,
4 не боялись его и не отчаивались в помиловании. Предателя он
щедро наградил, желая привлечь на сторону карфагенян началь-
5 ников городов. Когда после этого Ганнибал увидел, что некоторые
кельты, обитающие между Падом и рекою Требией и вступившие
с ним в дружественный союз, поддерживают сношения и с рим-
6 лянами в том убеждении, что таким образом они обезопасят себя
с обеих сторон, он отправил две тысячи человек пехоты и около
7 тысячи кельтской и нумидийской конницы с приказанием вторг-
7 нуться в их землю. Когда посланные исполнили приказание и
собрали большую добычу, то вслед за этим явились на окопы
8 римлян кельты и просили у них помощи. Тиберий давно уже
ждал случая к действию; теперь он имел предлог к тому и послал
в дело большую часть своей конницы, вместе с нею около тысячи
9 человек метателей дротиков. Они поспешно перешли Требию и
сражались с неприятелем из-за добычи с таким успехом, что
кельты и нумидяне оборотили тыл и отступили к своим окопам.
- 10 Карфагенские воины, поставленные для охраны лагеря, быстро
заметили это, покинули свои посты и поспешили на помощь тес-
нимым воинам; тогда римляне поворотили назад и отступили к
11 своему стану. При виде этого Тиберий послал в наступление всю
конницу и всех метателей дротиков. Кельты снова подались назад
12 и отступили к своему убежищу. Между тем вождь карфагенян
не был приготовлен к решительной битве; притом, как свойст-
венно хорошему полководцу, он держался правила, что без за-
13 ранее составленного плана, по ничтожному поводу не следует от-
важиваться на решительное сражение, а потому теперь ограни-
чился тем, что остановил своих воинов у окопа и снова оборотил
их лицом к неприятелю; но не дозволил им преследовать римлян
и вступать в битву и отозвал их назад при посредстве слуг и
14 трубачей. Римляне, прождав некоторое время, отступили; потери
их были невелики, гораздо больше пострадали карфагеняне.
- 70 Тиберий, ободренный и сильно обрадованный удачею, горел
2 желанием дать решительную битву возможно скорее. Так как
Публий все еще был нездоров, то ему можно было бы действовать
по собственному усмотрению; однако Тиберий желал иметь за се-
3 бя и голос товарища, а потому совещался с ним об этом деле.
4 Он полагал, что военные упражнения в течение зимы принесут
большую пользу легионам, что, с другой стороны, кельты при
непостоянстве нрава их не останутся верными карфагенянам и
снова обратятся против них, если карфагеняне приостановят во-
5 енные действия и вынуждены будут оставаться в покое. Сверх
того, он надеялся с залечением раны оказать действительные
6 услуги государству. Вот по каким причинам он убеждал Тиберия

не предпринимать ничего нового. Тиберий сознавал верность и 7
основательность доводов товарища; но, побуждаемый честолюбием и преисполненный слепой самоуверенности, он спешил дать решительную битву прежде, чем Публий в состоянии будет принять участие в деле, а вновь избранные консулы вступят в должность: тогда было время выборов. Тиберий должен был неминуемо 8
потерпеть неудачу, ибо в выборе времени для битвы руководствовался собственными выгодами, не сообразуясь с положением дела. Ганнибал разделял взгляды Публия на тогдашнее положение и 9
в противоположность ему старался поскорее сразиться с неприятелем, чтобы, во-первых, воспользоваться не остывшею еще ревностью кельтов; во-вторых, чтобы вступить в битву с неиспытанными, недавно набранными легионами римлян; он желал этого и потому еще, что Публий не мог пока участвовать в сражении, больше всего потому, что не хотел терять времени в бездействии. В самом деле, для человека, вторгнувшегося с войском в чужую 11
страну и идущего на необыкновенно смелые предприятия, единственное средство спасения — непрерывно питать все новые и новые надежды в своих соратниках. Ганнибал знал, как горячо же- 12
лает битвы Тиберий, и потому принял следующий план действия.

Давно уже высмотрел он место между двумя станами, ровное 71
и чистое, но весьма удобное для засады благодаря ручью с высоким берегом, густо поросшим терном и кустарником, и готовился употребить против неприятеля военную хитрость. Он рас- 2
считывал, что легко скроет от врага свои замыслы, ибо римляне остерегались лесистых местностей, в которых кельты всегда устраивают засады, и ничуть не опасались совершенно открытых равнин. Они не знали того, что в таких местах удобнее, нежели в 3
лесистых, и укрыться, и предохранить себя от всякой опасности, потому что находящиеся в подобной засаде воины могут видеть все на далеком пространстве, а потребные для прикрытия предметы имеются почти везде. Любой ручей с приподнятым берегом, 4
там и сям растущий тростник, папоротник или какой-нибудь терновник могут скрыть не только пеших солдат, но иногда и конных, если только принять некоторые меры предосторожности, положить бросающееся в глаза оружие на землю, а шлемы спрятать под щитами. Вождь карфагенян обсуждал предстоящую битву с 5
братом своим Магоном и с членами военного совета; все одобряли его план. Лишь только войско поужинало, Ганнибал призвал к 6
себе Магона, человека молодого, но пылкого и с ранних лет обученного военному делу, и передал ему сто человек конницы и столько же пехоты. Днем еще Ганнибал выбрал из всего войска 7
способнейших солдат и приказал им явиться после ужина в его палатку. Ободрив воинов и внушив им такие чувства, какие требовались обстоятельствами, он отдал приказ, чтобы каждый из них выбрал себе десять храбрейших воинов в своем отряде и тот- 8
час приходил к определенному месту стоянки. Когда приказ был 9
исполнен, Ганнибал ночью послал этих воинов в засаду в числе тысячи человек конницы и столько же пехоты; к ним он присоединил проводников, а брату дал необходимые указания относительно времени нападения. Сам он на рассвете собрал многочисленные 10
войска, народ замечательно выносливый, ободрил их речью, обещал кое-какие награды за храбрость и приказал подойти к неприятельскому валу, поспешно переправиться через реку и метанием дротиков вызвать неприятеля на бой: он желал

- захватить римлян до завтрака, не приготовленными к сражению.
- 11 После этого он созвал прочих начальников, к ним также обратился с ободряющей речью, велел всем завтракать и внимательно осмотреть вооружение и лошадей.
- 72 Заметив приближающихся нумидийских всадников, Тиберий тотчас отрядил только свою конницу и приказал ей вступить в битву с неприятелем. Вслед за нею он послал в дело и около шести тысяч пеших метателей дротиков; затем вывел из-за окопов остальное войско, полагая, что один вид его решит участь битвы: уверенность эту питали в Тиберии многочисленность воинов и успех конницы накануне. Дело происходило в пору зимнего солнцестояния; в этот день выпал снег, и погода стояла очень холодная; кроме того, все почти воины и лошади вышли из стоянки до принятия пищи. Вначале войска горели желанием боя, но потом, когда нужно было переправляться через реку Требию, вода в которой поднялась за ночь после дождя на ближайших к лагерю высотах, пехота переправлялась с трудом, потому что вода доходила солдатам по грудь. Вследствие этого войско страдало от холода и голода, ибо час был уже поздний. Между тем карфагеняне подкрепили себя пищею и питьем в своих палатках, накормили лошадей и подле костров намазывались маслом и вооружались. Ганнибал, выждавший благоприятного момента, лишь только увидел, что римляне перешли реку, послал вперед для прикрытия нумидян копейщиков и балиарян числом около восьми тысяч и затем сам двинулся с войском. Отойдя от стоянки стадий на восемь,¹ он выстроил в одну прямую линию свою пехоту в числе тысяч двадцати человек: иберов, кельтов и ливиян. Конницу, которой насчитывалось вместе с кельтскими союзниками больше десяти тысяч, он разделил на два отряда и поставил их на обоих флангах; между флангами разделил он также слонов и поставил их впереди. В это самое время Тиберий отозвал свою конницу назад, ибо видел, что она не знает, как ей быть с неприятелем: нумидяне то быстро и врассыпную отступали, то возвращались назад, с самоуверенностью и отвагой переходя в наступление: таков свойственный нумидянам способ битвы. Пехоту он выстроил по римскому способу: пеших римлян у него было 12 тысяч шестнадцать, а союзников тысяч двадцать. Такова была у римлян полная численность войска для решительных битв, когда обстоятельства позволяли выступать на войну обоим консулам вместе. После этого на обоих флангах он поставил конницу в числе тысяч четырех воинов и гордо пошел против неприятеля тихим шагом в боевом порядке.
- 73 Когда войска сблизились, началась битва между передовыми легкими отрядами. Уже в это время обнаружилось, что римляне во многом уступают неприятелю и что перевес в сражении находится на стороне карфагенян. Дело в том, что римские метатели дротиков были изнурены битвою с самого утра и в стычке с нумидянами выпустили большую часть дротиков, а оставшиеся сделались вследствие продолжительной сырости негодными к употреблению. Почти то же самое было и с конницей, и со всем войском римлян. Положение карфагенян было совсем иное: со свежими, нетронутыми силами встали они в боевую линию, с лег-

¹ Около 1¹/₂ версты.

костью и ревностью выполняли все, что требовалось. Поэтому, 6
лишь только передовые бойцы отступили между рядами позади
стоявших воинов и сразились тяжеловооруженные войска, кар-
фагенская конница тотчас стала теснить неприятелей на обоих
флангах, потому что превосходила римскую численностью, а кро-
ме того, как я сказал выше, и люди их, и лошади шли в дело
со свежими силами. Когда римская конница отступила и тем от- 7
крыла фланги пехоты, карфагенские копейщики и масса нумидян
выступили быстро за передние ряды своих воинов и ударили на
фланги римлян; большой урон причинили они римлянам и не да-
вали им сражаться с противостоявшими рядами. Между тем тя- 8
желовооруженные, занимавшие с обеих сторон передние и сред-
ние ряды всего боевого строя, одни сражались долго, упорно и с
равным успехом.

В это время нумидяне поднялись из засады, внезапно ударили 74
с тыла на центр неприятельского войска и тем произвели в рим-
ских войсках сильное замешательство и тревогу. Наконец оба 2
фланга Тибериева войска, теснимые спереди слонами, а кругом
и с боков легковооруженными, оборотили тыл и натиском непри-
ятеля отгеснены были к протекавшей позади их реке. После этого 3
задние ряды римлян, сражавшихся в центре, сильно пострадали
от нападения воинов из засады; напротив, те, что были впереди, 4
воодушевляемые трудностью положения, одержали верх над кель-
тами и частью ливиян и, многих из них положив на месте, про-
рвали боевую линию карфагенян. Хотя римляне и видели, как 5
фланги их были смяты, но не решались ни помочь своим, ни от-
ступить назад в собственный лагерь: многочисленность непри-
ятельской конницы пугала их; препятствовали им также река и
проливной дождь с сильным ветром. Поэтому римляне, сомкнув- 6
шись и в боевом порядке, отступили к Плаценции, куда и при-
были благополучно в числе не менее десяти тысяч человек. Что 7
касается остальных, то большинство их было истреблено у реки
слонами и конницей; те же из пеших воинов, которые спаслись 8
бегством, и большая часть конницы отступили к упомянутому вы-
ше отряду и вместе с ним достигли Плаценции. С другой стороны 9
войско карфагенян преследовало неприятеля до реки, но по при-
чине бурной погоды не могло идти дальше и возвратилось в свою
стоянку. Здесь все ликовали по случаю счастливого исхода битвы. 10
Случилось так, что из иберов и ливиян погибло немного; боль-
шую часть погибших составляли кельты. Однако от дождя и сле-
довавшего за ним снега войско сильно пострадало: пали все сло-
ны, кроме одного; много людей и лошадей погибло от холода.

Тиберий знал все, что случилось, но, желая скрыть по воз- 75
можности правду от находившихся в Риме граждан, он послал
уведомление, что, хотя сражение было, но победе помешала бур-
ная погода. Первое время римляне верили донесению; но вскоре 2
стали приходить известия, что карфагеняне занимают и римскую
стоянку, что все кельты примкнули к ним, что, напротив, их вой- 3
ско оставило свою стоянку позади, ушло с поля сражения, и все
воины собрались в городах, где получают нужные припасы с моря
по реке Паду; тогда они ясно поняли, чем кончилась битва. Все 4
это было для римлян совершенно неожиданно, и они с величай-
шим усердием занялись дальнейшими вооружениями и защитой
открытых для врага местностей; поэтому отправили войска в Сар-
динию и Сицилию; кроме того, послали гарнизон в Тарент и во
Новые воору-
жения римлян

все другие удобно расположенные пункты; вооружили они и шесть-
5 десят пятипалубных кораблей. Гней Сервилий и Гай Фламиний,
избранные в то время консулами, стягивали силы союзников и
6 набирали легионы в самом Риме. Жизненные припасы велели они
доставлять частью в Аримин, частью в Тиррению, так как на-
7 мерены были выступить в эти местности. Римляне обратились так-
же с просьбою о помощи к Гиерону, который и послал им пятьсот
8 критян и тысячу пелтастов. Вообще приготовления велись дея-
тельно повсюду. И в самом деле, римляне как государство, так
и отдельные граждане, бывают наиболее страшными тогда, когда
им угрожает серьезная опасность.

76 В это самое время Гней Корнелий, назначенный, как я сказал
Дела в Ибе- выше,¹ братом своим Публием в начальники морских сил, со всем
рии флотом вышел в море от устьев Родана и пристал к Иберии в
2 области так называемого Эмпория. Начиная отсюда он делал вы-
садки на берег и на пространстве до реки Ибера осаждал города
прибрежных жителей, отказывавших ему в покорности; напро-
тив, с жителями покорными обращался ласково и обнаруживал
3 относительно их всевозможную заботливость. Оставив гарнизоны
в тех городах, которые перешли на сторону римлян, Гней Кор-
4 нелий со всем войском шел дальше, направляясь в глубь мате-
рика, ибо он собрал уже многочисленное союзное войско из ибе-
ров. Все находившиеся на этом пути города он частью привлек
5 на свою сторону, частью покорил. Что касается карфагенян, ко-
торые оставлены были в этой стране под предводительством Ган-
нона, то они расположились станом подле города, именуемого Кис-
сою. Гней дал им битву и одержал победу, причем овладел боль-
шой добычей, потому что здесь оставался весь обоз двинувшегося
6 в Италию войска; кроме того, он приобрел дружественный союз
всего населения по сю сторону реки Ибера и захватил в плен
7 военачальников карфагенян и иберов, Ганнона и Гандобала. Этот
последний был царьком внутренних областей Иберии и всегда от-
8 личался особенным благорасположением к карфагенянам. Узнав
о случившемся, Гасдрубал быстро перешел реку Ибер и явился
9 на помощь своим. Здесь он узнал, что покинутые на месте ко-
рабельные воины вследствие победы сухопутного войска ходили
10 по стране спокойные и беззаботные; тогда Гасдрубал взял из сво-
его войска тысяч восемь пехоты и тысячу конницы и напал на
рассеявшихся флотских воинов, причем многих перебил, а осталь-
11 ные вынуждены были бежать на корабли. Гасдрубал повернул на-
зад, перешел опять реку Ибер и занялся приготовлениями к вой-
не и укреплением местностей, лежащих за рекою, расположив-
12 шись на зимнюю стоянку в Новом городе. Гай возвратился к фло-
ту и виновных в недавнем поражении подверг установленному
у римлян наказанию, затем соединил вместе сухопутное и мор-
13 ское войска и устроился на зиму в Тарраконе. Равным разделом
добычи он приобрел большое расположение к себе воинов и вдох-
нул в них охоту к предстоящим битвам.

77 В таком положении были дела Иберии. С наступлением весны
217 Гней Фламиний со своим войском двинулся вперед через Тир-
Дела в Италии рению, дошел до города арретинов и там разбил лагерь. Гней

¹ 49 4. 56 5.

Сервилий пошел в противоположном направлении к Армину, 2 чтобы там поджидать вторжения неприятелей.

Проводя зиму в Кельтике, Ганнибал содержал взятых в битве 3 римлян под стражею на скудном продовольствии; напротив, с 4 римскими союзниками он обращался на первых порах чрезвычайно ласково, потом собрал их, ободрил напоминанием о том, что он пришел воевать не против них, но за них с римлянами. По 5 этому, говорил он, им следует, если они хотят поступить благо- разумно, примкнуть к нему, ибо он явился прежде всего для вос- становления свободы италийцев и для возвращения различным племенам городов их и земель, отнятых римлянами. С этими сло- 7 вами он отпустил пленных без выкупа домой с целью располо- жить к себе жителей Италии и поселить в них отчуждение от римлян, а равно возбудить недовольство в тех, которые в гос- подстве римлян видели причину умаления своих городов или га- ваней.

На зимней стоянке Ганнибал употребил еще следующего рода 78 хитрость, достойную финикиянина: будучи связан с кельтами 2 узами недавнего союза, он опасался непостоянства их и даже покушений на его жизнь, а потому заказал себе поддельные волосы, по виду вполне соответствующие различным возрастам, и посто- янно менял их, причем каждый раз надевал и платье, подходящее 3 к таким волосам. Благодаря этому он был неузнаваем не только 4 для людей, видевших его мимоходом, но даже и для тех, с коими находился в постоянном общении. Далее, он замечал недоволь- 5 ство кельтов тем, что война тянется долго в собственной их стра- не, видел также, с каким нетерпением ждут они вторжения в не- приятельскую землю, по-видимому, из ненависти к римлянам, а на самом деле из жажды добычи, почему и решил поскорее сни- маться со стоянки и удовлетворить желание войска. С этою целью 6 Ганнибал, лишь только пора года изменилась, посредством рас- просов узнал от людей, слывших за наилучших знатоков мест- ности, что все пути в неприятельскую землю длинны и проходят на виду у неприятелей, за исключением одного, ведущего через болото в Тиррению, хоть и трудного, зато короткого и совершенно не принятого во внимание Фламинием. Всегда по природе склон- 7 ный к такого рода предприятиям, он избрал этот последний путь. Когда в войске распространилась молва, что вождь их намерен 8 идти через болота, все со страхом думали о походе, опасаясь ям и тинистых мест на этом пути.

Поход Ганни- бала в Тирре- нию и битва при Тарси- мемском озере

По тщательном исследовании Ганнибал узнал, что предлежа- 79 щий ему путь покрыт болотами, но не вязок, а потому снялся со стоянки и поставил впереди ливиян, иберов и вообще лучшую часть войска; к ним он присоединил и обоз, дабы воины на первое время вовсе не нуждались в продовольствии. О запасах на бу- 2 дущее он нисколько не заботился, рассуждая так, что по дости- жении неприятельской страны ему в случае поражения припасы будут вовсе не нужны, в случае же победы в продовольствии не будет недостатка. За поименованными выше войсками он поста- 3 вил кельтов, а позади всех конницу. Начальником тыла войска 4 он оставил брата своего Магона как по разным другим сообра- жениям, так главным образом ввиду свойственной кельтам из- неженности и отвращения их к трудам: если бы они по причине неудобств перехода вздумали повернуть назад, Магон должен был удерживать их с помощью конницы и силою заставлять идти

- 5 дальше. И так, иберы и ливияне терпели мало, ибо они проходили
через болота еще не тронутые, к тому же все они выносливы и
6 свыклись с такого рода тягостями. Напротив, кельты подвигались
вперед с трудом по болотам, уже взрытым и глубоко протоптан-
ным; как люди, не искушенные в такого рода трудностях, они
7 выносили их с мучительным нетерпением, но податься назад ме-
8 шала им наступавшая с тыла конница. Вообще жестоко терпели
все войска, больше всего от бессонницы, потому что они шли не-
прерывно по воде в течение четырех дней и трех ночей подряд;
9 больше всех страдали и гибли кельты. Что касается вьючных жи-
вотных, то большая часть их падала в грязи и погибала; впрочем,
10 падением своим они оказывали людям и услугу: сидя на живот-
ных и на куче поклажи, люди поднимались над водой и только
11 таким образом могли спать хоть небольшую часть ночи. Многие
лошади потеряли копыта, потому что шли непрерывно по грязи.
- 12 Сам Ганнибал едва спасся и то с большим трудом на уцелевшем
слоне. Сильные страдания причиняла ему тяжелая глазная бо-
лезнь, от которой он лишился даже одного глаза: обстоятельства
не позволяли ему ни остановиться, ни полечить глаза.
- 80 Сверх всякого ожидания перейдя болото и в Тиррении достиг-
нув Фламиния, который стоял лагерем перед городом аррети-
2 нов, Ганнибал расположился у самых болот; он желал дать вой-
ску отдохнуть, а равно узнать положение неприятеля и свойства
3 страны. Им получены были сведения, что расстилающаяся впе-
реди страна обещает большую поживу, что, с другой стороны,
Фламиний заискивает в толпе и в совершенстве умеет увлекать
ее за собою, но не искусен в ведении серьезных военных пред-
4 приятий, к тому же слишком уверен в своих силах. Ганнибал
соображал, что если он обойдет неприятельский стан и проникнет
в далее лежащие местности, то Фламиний, с одной стороны, из
опасения насмешек толпы не в силах будет глядеть спокойно на
опустошение страны, с другой — будет чувствовать себя посрам-
ленным, появится тотчас, будет следовать за неприятелем всюду
и не станет дожидаться прибытия товарища, облеченного равную
с ним властью, будет употреблять все старание, чтобы самому
5 добыть победу. Поэтому Ганнибал рассчитывал, что противник
доставит ему не раз удобный случай для нападения. Все эти пред-
положения были здравы и основательны.
- 81 Действительно, нужно быть невежественным или ослеплен-
ным, чтобы не видеть, что важнейшая задача военачальника —
постигнуть характер и природные склонности неприятельского
2 вождя. Если в борьбе один на один, шеренги с шеренгой стороне,
жаждущей победы, необходимо сообразить, каким образом цель
может быть достигнута, какие части тела противника обнажены
3 или не защищены оружием, то начальник всего войска должен
отыскивать не открытую часть тела, но слабую сторону в харак-
4 тере противника: ведь многие вследствие легкомыслия и полной
нерадивости губят вконец не только государство, но и собствен-
5 ную жизнь. С другой стороны, многие, пристрастившиеся к пьян-
ству, не в состоянии заснуть прежде, чем не приведут себя в бес-
6 памятность вином; иные, преданные неумеренным любовным на-
слаждениям, не только губили государства и свое имущество, но
7 и сами погибали позорною смертью. Трусость и нерадивость в
частном человеке подвергают одержимого ими позору, а в глав-
нокомандующем пороки эти представляют величайшее несчастье

для всех: подобный вождь не только усыпляет бодрость духа своих 8
подчиненных, но часто повергает в величайшие опасности и тех,
которые облекли его властью. Потом, нерассудительность, слепая 9
смелость, безумная стремительность, а также суетность и высо-
комерие — качества вождя, выгодные для врагов, весьма гибель-
ные для своих, ибо подобный человек легко становится жертвою 10
всяких козней, засад, обмана. Вот почему, если кто в состоянии
имеет в виду слабую сторону вождя их, тот очень быстро одержит
решительную победу. Если потеря кормчего предаст все судно с 11
командою в руки врагов, то точно так же, если кому удастся опу-
тать неприятельского вождя кознями или хитро рассчитанными
планами, тот часто завладевает всем войском противника. Так 12
и теперь Ганнибал постиг и принял во внимание все качества
неприятельского вождя, благодаря чему и удался план его.

Лишь только Ганнибал двинулся из окрестностей Фезолы и, 82
немного миновав римскую стоянку, вторгся в лежавшую далее
область, Фламиний тотчас потерял самообладание и пришел в 2
ярость, потому что в поведении неприятеля усматривал прене-
брежение к себе. Когда же вслед за сим область подверглась раз- 3
орению и отовсюду подымался свидетельствовавший о том дым,
он негодовал, считая это тяжкою для себя обидою. И потому, ко- 4
гда кое-кто наставлял, что не следует опрометчиво кидаться за
неприятелем и вступать с ним в сражение, что необходимо осте-
регаться многочисленности неприятельской конницы, главным об-
разом дожидаться другого консула и отваживаться на битву только 5
с соединенными легионами, Фламиний не обращал на эти речи
никакого внимания и даже не выслушивал их до конца. «Следует 6
подумать только, что станут говорить дома сограждане их, если
страна будет разорена чуть не до самого Рима, тогда как они сто-
яли бы лагерем в тылу неприятеля». Сказав это, Фламиний велел 7
сниматься со стоянки и двинулся вперед с войском, не выбрав
ни времени удобного, ни места, увлекаемый только жаждою бит-
вы и вполне уверенный в победе. Действительно, ту же уверен- 8
ность он сообщил и войску до такой степени, что у него было
меньше людей вооруженных, чем безоружных, следовавших за вой-
ском в расчете на добычу; они несли цепи, кандалы и другие 9
принадлежности победителей. Между тем Ганнибал шел вперед
по направлению к Риму через Тиррению, с левой стороны имея 10
город Киртоний и его горы, а с другой — озеро, именуемое Тар-
сименским; на пути своем он жег и опустошал поля с целью раз- 11
дражать противника. Когда наконец он увидел, что Фламиний
уже близко, то выбрал удобную для сражения местность и стал
готовиться к битве.

На пути его лежала ровная долина, по обеим продольным сто- 83
ронам которой тянулись высокие непрерывные горы; на широкой
передней стороне ее возвышался крутой, труднодоступный холм,
а на задней находилось озеро, оставлявшее очень узкий проход в
долину у подошвы горы. Ганнибал прошел эту долину и, направ- 2
ляясь вдоль озера, занял возвышавшийся против него холм, на
котором и расположился лагерем с иберами и ливиянами; бали- 3
арян и копейщиков, находившихся во главе войска, он растянул
в длинную дугобразную линию и скрыл за высотами, замыкаю-
щими долину справа; конницу и кельтов он также повел в обход 4
левых возвышенностей и выстроил их в длинную сомкнутую

линию таким образом, что крайние воины находились у того входа вдоль озера и у подошвы гор, который ведет в описанную выше долину.

- 5 Приготовления эти сделал Ганнибал ночью; окружив долину
6 помещенными в засадах войсками, он держался спокойно. Тем
временем Фламиний следовал за ним с тыла, желая поскорее на-
7 стигнуть неприятеля. Накануне поздним вечером он расположил-
ся лагерем у самого озера, а на следующий день ранним утром
повел передовые ряды вдоль озера в открывающуюся перед ним
равнину с целью вызвать неприятеля на битву.
- 84 День был очень пасмурный. Лишь только большая часть его
войска вошла в долину, а передовые ряды неприятелей уже под-
ходили к нему, Ганнибал дал сигналы, послал приказание по-
мещенным в засадах воинам и разом со всех сторон ударил на
2 врага. Появление карфагенян было неожиданно; к тому же густой
туман не давал разглядеть окружающие предметы; наконец кар-
фагеняне стремительно нападали с высот во многих пунктах.
Вследствие всего этого центурионы и трибуны не только не могли
3 подать помощь там, где она требовалась, но даже не понимали,
что делается. И в самом деле, неприятели нападали на римлян
4 разом с фронта, с тыла и с флангов. Вот почему они перебиты
были большею частью в пути еще и не могли защищаться, будучи
5 как бы выданы неприятелю безрассудством предводителя. Пока
римляне совещались о том, что делать, смерть настигала их вне-
6 запно. В это же время часть кельтов напала на Фламиния и уби-
ла его, когда он раздумывал, как помочь себе, и совершенно от-
7 чаялся в спасении. Римлян пало в долине (Тразимен) около пят-
надцати тысяч человек, которые не имели возможности ни пойти
на уступки обстоятельствам, ни оказать какое-либо сопротивление
и по привычке озабочены были больше всего тем, как бы
8 не бежать и не покинуть своих рядов. Напротив, те из римлян,
которые на пути в долину заперты были в теснине между озером
и склонами гор, погибли позорною и еще более жалкою смертью,
9 именно: притиснутые к озеру, одни из них безумно кидались
вплавь вместе с вооружением и задыхались; другие, огромное
большинство, шли в озере все дальше, пока можно было, а потом
10 останавливались; поверх воды виднелись только головы их. Когда
затем появилась конница и гибель была неизбежна, несчастные
с поднятыми руками, с просьбами о пощаде, со всевозможными
мольбами на устах погибали от рук неприятеля или просили друг
11 друга покончить с ними, или же сами лишали себя жизни. Тысяч
шесть из числа римлян, проникших в долину, одержали победу
над стоявшим против них неприятелем; но они не могли ни по-
мочь своим, ни обойти противника, ибо не понимали ничего, что
12 случилось, хотя могли бы оказать делу большую услугу. Устрем-
ляясь все дальше вперед в надежде встретить врага, они наконец,
13 никем не замеченные, взошли на высоты. Поднявшись на вер-
шину, когда туман уже рассеялся, они поняли весь ужас бедствия
и, бессильные сделать что-либо против неприятеля, одержавшего
полную победу и уже все имевшего в своих руках, они сомкну-
14 тыми рядами отступили к какой-то деревне в Тиррении. После
сражения вождь карфагенян отрядил иберов и копейщиков с Ма-
гарбалом во главе, которые и окружили станом эту деревню; тер-
пя тяжкие лишения во всем, римляне сдались неприятелю под

условием, что жизнь им будет оставлена. Так завершилась битва 15 между римлянами и карфагенянами, происшедшая в Тиррении.

Когда к Ганнибалу привели римлян, которые сдались под 85
условием пощады, а равно и прочих пленных, он собрал всех вме-
сте, больше пятнадцати тысяч человек, и прежде всего объяснил, 2
что Магарбал не имел полномочий даровать неприкосновенность
сдавшемуся ему римлянам, и затем произнес против римлян об-
винительную речь. По окончании ее он роздал пленных римлян 3
своим войскам под стражу, а всех союзников римских отпустил
домой без выкупа. При этом Ганнибал сказал, что он пришел 4
воевать не с италийцами, но с римлянами за освобождение ита-
лийцев.¹ Своему войску он дал отдохнуть и похоронил трупы 5
знатнейших воинов числом до тридцати; всего из его войска пало
до полутора тысяч человек, большинство коих были кельты. По 6
сле этого Ганнибал совещался с братом и друзьями о том, куда
и каким образом направить дальнейшее наступление; теперь в
окончательной победе он был вполне уверен.

Когда весть о понесенном поражении пришла в Рим, стоявшие 7
во главе управления лица не могли ни скрыть случившегося, ни
умалить значение его, потому что несчастье было очень велико, Настроение
римлян
и вынуждены были, созвав народ в собрание, сообщить ему про-
исшедшее. Поэтому как только претор с трибуны возвестил перед 8
столпившимся народом: «Мы побеждены в большом сражении!» —
наступило такое уныние, что людям, присутствовавшим при бит-
ве и теперь находившимся в Риме, бедствие представилось го-
раздо более тяжким, чем во время самого сражения. Это совер- 9
шенно понятно: римляне, коим давно уже не было известно ре-
шительное поражение даже по имени, горевали теперь без меры
и удержу. Один сенат не потерял подобающего ему присутствия 10
духа и занялся обсуждением того, что и каким образом должен
делать каждый гражданин.

Ко времени этого сражения консул Гней Сервилий, постав- 86
ленный для защиты области Аримина, — находится она на по- 2
бережье Адриатики, там, где галатская равнина граничит с про-
чей Италией, недалеко от устьев изливающегося в это море Па-
да, — получил известие о том, что Ганнибал вторгся в Тиррению 3
и расположился станом против Фламиния. Вначале он решил бы-
ло соединить все свои войска с войсками товарища; но сделать
этого Гней не мог, потому что войско его было слишком тяжело;
поэтому он поспешно отрядил вперед Гайя Центения с четырьмя
тысячами конницы, дабы они в случае нужды могли оказать свое-
временную помощь Фламинию до прибытия его самого. Между 4
тем Ганнибал, получив известие уже после сражения о вспомо-
гательном отряде неприятелей, послал против него Магарбала с
копейщиками и отрядом конницы. Они встретились с войсками 5
Гайя и в первой же стычке истребили почти половину неприят-
елей, остальных загнали на какой-то холм и на следующий день
всех забрали в плен. Лишь за три дня до этого в Риме получена 6
была весть о битве при Тарсименском озере, и скорбь как бы пла-
менем терзала еще сердца граждан, когда пришла весть о новом
бедствии: на сей раз не народ только, но и самый сенат поверг-
нуты были в уныние. Римляне отказались теперь от обычного 7

¹ 77 4.

ведения дел с помощью выборных должностных лиц на год, и решили изыскать более действительные меры к уврачеванию зол, полагая, что при настоящем положении нужен полномочный вождь.

8 Между тем Ганнибал, хотя и уверенный в окончательной победе, не считал пока нужным приближаться к Риму; он исходил страну в разных направлениях и беспрепятственно разорял ее по мере приближения к Адриатике. К побережью Адриатики он прибыл после десятидневного перехода через землю омбров и пичинов,¹ причем собрал такое множество добычи, что войско его не могло ни везти за собою всего, ни нести; кроме того, он истребил на пути множество народу. Как бывает при взятии города, так и теперь Ганнибал отдал своим войскам приказ убивать всякого встречного взрослого человека. Поступал он так в силу прирожденной ненависти к римлянам.

87 Расположившись в это время лагерем у Адриатики, в стране, изобилующей всякого рода произведениями, Ганнибал прилагал большие старания к тому, чтобы дать отдохнуть и оправиться как людям, так равно и лошадям. Дело в том, что войско его провело зиму в Галатии под открытым небом, на холоде и в грязи; вследствие этого и тех лишений, с какими сопряжен был дальнейший переход через болота, почти все лошади его, а также и люди переболели так называемой голодной коростой и подобными болезнями. Поэтому, завладев страной благодатной, Ганнибал постарался подкрепить силы лошадей, восстановить тело и душу своих воинов; потом заменил оружие ливийн отборным римским оружием, так как в его руках было огромное количество римских доспехов. В это же время он отправил морем в Карфаген вестников с уведомлением о случившемся: теперь в первый раз после вторжения в Италию он находился у моря. Полученные вести сильно обрадовали карфагенян, которые старались придумать и сделать все возможное для того, чтобы каким бы то ни было способом подкрепить свои войска в Италии и Иберии.

Диктатор
Квинт Фабий

6 С другой стороны, римляне выбрали в диктаторы Квинта Фабия, человека с выдающимся умом и прекрасно одаренного от природы; по крайней мере и в наше еще время члены дома его носили добавочное название *Максима*, что значит *величайший*, как свидетельство славных подвигов этого человека. Отличие диктатора от консула состоит в следующем: за каждым из консулов следует по двенадцати секир, за диктатором двадцать четыре; тогда как консулы во многих делах нуждаются в соизволении сената для осуществления своих планов, диктатор — полномочный вождь, с назначением которого все должностные лица в Риме, за исключением народных трибунов, немедленно слагают с себя власть. Впрочем, мы поговорим об этом предмете в другом месте с большими подробностями. В одно время с диктатором римляне выбрали в начальники конницы Марка Минуция.² Хотя начальник конницы находится в подчинении у полномочного вождя, однако он как бы заступает место этого последнего в случае отсутствия его.

¹ II 21 7 прим.

² Руфа.

Передвигая понемногу свою стоянку, Ганнибал продолжал 88
оставаться на адриатическом побережье; лошадей он велел купать
в старом вине, которого здесь много, и тем излечил их от не-
домогания и коросты. Точно так же он вылечил раненных воинов, 2
всех остальных привел в хорошее состояние и вдохнул им бод-
рость к предстоящим битвам. Затем Ганнибал прошел и опусто- 3
шил области Прететтия и Адрии, а также маррукинов и френ-
танов и устремился в Япигию. Эта последняя страна делится на 4
три части различных наименований: жители одной из них назы-
ваются давниями, другой певкетиями, третьей мессапиями. Гани-
нибал вторгся в первую из этих земель, в Давнию. Здесь, начав 5
от Луцерии, римской колонии, он опустошал поля. После этого 6
он расположился станом в окрестностях Ойбония, откуда совер-
шал набеги на аргирипское поле и разорял безнаказанно всю Дав-
нию.

В это время Фабий, по вступлении в должность и принесении 7
жертвы, выступил в поход вместе с товарищем своим и четырьмя
наскором набранными легионами. Соединившись подле Давнии с 8
войсками, которые от Аримина шли на помощь своим,¹ он осво-
бодил Гнея² от должности начальника сухопутных войск и послал
его под надежным прикрытием в Рим, причем отдал приказание
являться своевременно всюду, где только карфагеняне попытают- 9
ся тревожить римлян с моря. Сам с товарищем и войсками рас-
положился лагерем против карфагенян в окрестностях так назы-
ваемых Эк на расстоянии стадий пятидесяти³ от неприятеля.

Узнав о прибытии Фабия и желая утратить неприятеля пер- 89
вым нападением, Ганнибал выступил с войском и вблизи рим-
ского лагеря выстроился в боевом порядке. Простояв здесь неко-
торое время и не дождавшись наступления врага, он отошел назад
в свой лагерь. Между тем Фабий оставался верен первоначально 2
принятому решению не действовать опрометчиво и не подвергать
себя случайностям битвы, но прежде всего и больше всего забо- 3
титься о целостности своих подчиненных. Сначала такой образ дей-
ствий возбуждал презрение к Фабия и вызывал толки, что он
трусит и боится сражения. Но с течением времени все вынуждены
были признать, что в данных обстоятельствах нельзя было бы дей- 4
ствовать разумнее и осмелительнее. Впрочем, самые события не
замедлили оправдать расчеты Фабия, — и совершенно понятно.
Ибо войска неприятеля упражнялись непрестанно в военном деле 5
с ранней юности, находились под начальством вождя, выросшего
вместе с ними и с детства испытанного в лагерной жизни; к тому 6
же много раз они побеждали в Иберии и одну за другою одержали
две победы над римлянами и союзниками их;⁴ наконец, что было
самое важное, карфагеняне все покинули за собою и единствен-
ным средством спасения оставалась для них победа. Положение 7
римского войска было совсем иное. Поэтому Фабий предвидел не- 8
избежное поражение в решительной битве и не мог отважиться
на нее; поняв, в чем состояли выгоды его положения сравнитель-
но с неприятелем, он на них только и рассчитывал и сообразно

¹ 61 11.

² Гней Сервилий Гемин.

³ 1¹/₄ мили.

⁴ 108 8—9.

9 с ними вел дело войны; преимущества же римлян состояли в неистощимости запасов и в численном перевесе их войска.

90 Вот почему все последующее время Фабий шел стороною от неприятеля и заблаговременно занимал удобные, по опыту известные ему пункты. Имея в тылу войска обильные запасы, он ни разу не посылал воинов за сбором продовольствия и вовсе не отпускал их с окопов; он держал их вместе, плотною массою, всегда готовый воспользоваться удобствами местности и времени. Действуя таким образом, он захватывал и убивал многих неприятелей, когда они из презрения к римлянам удалялись от своей стоянки за продовольствием. Делал он это с двоякою целью: чтобы постоянно мало-помалу уменьшать ограниченную численность неприятеля и вместе с тем небольшими победами укреплять понемногу и восстанавливать бодрость духа в войсках, сокрушенную прежними большими поражениями. Но отважиться на открытую решительную битву он никак не мог. Такого плана действий вовсе не одобрял товарищ его Марк. Разделяя настроение массы войска, он в присутствии всех и каждого поносил Фабия, говоря, что он ведет себя недостойно и трусливо; сам он горел желанием померяться с неприятелем в битве.

Ганнибал в Кампании

7 Между тем карфагеняне по опустошении поименованных выше местностей перевалили через Апеннины и спустились в самнитскую область, плодородную и с недавнего времени не знавшую войны; здесь они жили в таком довольстве, что не могли истощить запасов своей добычи ни потреблением ее, ни уничтожением. Кроме того, они совершили набег на Беневент, римскую колонию, и взяли город Везузию, не имевший стен и изобилующий всевозможным добром. Римляне неустанно следовали за ними с тыла на расстоянии одного-двух дней пути, не решаясь приближаться к неприятелю и вступать в битву с ним. Ганнибал видел, что Фабий явно избегает сражения, но вовсе не думает удаляться с поля сражения, а потому смело двинулся в окрестные равнины Капуи, именно в ту местность, которая именуется Фалерном. Он рассчитывал добиться этим одного из двух: или вынудить неприятеля к сражению, или показать всем воочию, что он одержал полную победу, и что римляне уступили ему поле сражения. Ганнибал надеялся, что все это наведет ужас на города и побудит их отложиться от римлян. Дело в том, что, невзирая на поражение римлян и двух битвах,¹ до сих пор ни один из городов Италии не отложился от римлян и не перешел на сторону карфагенян; все они оставались верными данным обязательствам, хотя некоторые из них жестоко терпели от неприятеля. Отсюда всякий может видеть, с каким страхом и уважением относились союзники к римскому государству.

91 Однако расчеты Ганнибала были не напрасны. Равнины Капуи славятся во всей Италии своим плодородием, красотой местоположения, близостью к морю и такими торжищами, в которые заходят плывущие в Италию суда чуть не всей обитаемой земли. На этой равнине находятся знаменитейшие и красивейшие города Италии. Морское побережье занимают синусессяне, кумейцы², ди-кеархиты, а кроме того, неаполитанцы и наконец народ Нуцерии.

¹ 89 г. 108 8—9.

² 1 56 10.

Внутри материка живут к северу калены и тианиты, к востоку 5 и югу давнии и ноланы. В центре равнин лежит благодатнейший 6 из городов Капуя. Об этих равнинах есть и у сочинителей басен 7 весьма правдоподобное сказание, да и называются они флегрейскими подобно другим знаменитым равнинам.¹ Скорее всего об этих равнинах мог быть спор у богов благодаря красоте их и плодородию. Помимо всего сказанного равнины эти укреплены самою 8 природою и весьма малодоступны: с одной стороны они ограничиваются морем, с другой, большей, — очень высокими непрерывными горами, через которые из материка ведут только три узких и трудных прохода: один из Самния... третий из области 9 гирпинов. Поэтому следовало ожидать, что карфагеняне, расположившись здесь станом, как на позорище, приведут всех в смущение необычайностью своего появления, обличат трусость неприятелей, уклоняющихся от сражения, а сами предстанут общепризнанными обладателями поля битвы.

По таким-то соображениям Ганнибал прошел из самнитской 92 области узким проходом подле холма, именуемого Эрибианом, и расположился у реки Атурна, которая разделяет описанную выше равнину почти пополам. Стоянка его находилась на той стороне 2 равнины, которая обращена к Риму; фуражиры Ганнибала совершали набеги во все стороны и безнаказанно опустошали равнину. Фабия смутила смелость предпрятия врагов; но тем с большим 3 упорством он оставался верен своему решению. Напротив, товарищ его Марк, все трибуны и центурионы полагали, что настал момент преградить путь неприятелю, и настойчиво доказывали, что необходимо поскорее сойти в равнину и не отдавать врагам 4 на разорение великолепнейшую область. Фабий торопливо шел 5 к этой местности и показывал вид, что разделяет воинственное настроение товарищей; но, подойдя к Фалерну, он показался только 6 на горных склонах и проследовал бок о бок с неприятелем для того, чтобы союзники не могли думать, что он покидает поле битвы; на равнину он не спускался с войском по изложенным выше 7 причинам и потому, что неприятельская конница несомненно была гораздо сильнее его собственной, опасался вступать в решительную битву.

Между тем Ганнибал после напрасных попыток вызвать не- 8 приятеля на битву и по опустошении всей равнины собрал добычу в громаднейшем количестве и стал готовиться к дальнейшему движению. Он не желал уничтожить добычу,² собираясь сложить ее 9 на хранение в верном месте, где можно было бы провести и зиму, дабы войско его не только в это время было в довольстве, но постоянно имело обильные запасы. Фабий постиг замыслы Ганни- 10 бала, именно что он собирается отступить тем самым путем, по которому вошел в эту область, и соображал, что узкий проход удобен для нападения из засады, а потому у самого прохода поставил около четырех тысяч воинов, причем убеждал их воспользоваться удобствами места и времени и доказать свою храбрость, а сам с большею частью войска расположился станом перед тесниною на некоем господствовавшем над нею холме. 11

¹ II 17 1 прим.

² Ср. 90 7.

- 93 Когда явились карфагеняне и разбили свои палатки на равнине у подошвы горы, Фабий рассчитывал не только отнять у них без труда добычу, но, что гораздо важнее, положить конец самой борьбе, воспользовавшись столь удобным местоположением.
- 2 Поэтому он был всецело поглощен своими планами и соображениями о том, где поставить ему войско и каким образом выгоды местоположения обратить в свою пользу, с какого места и какие
- 3 части войск должны открыть нападение на врага. Но пока римляне заняты были приготовлениями к следующему дню, Ганнибал проник в замыслы врагов и не дал им ни времени, ни возможности осуществить задуманное. Он тотчас призвал к себе Гасдрубала, заведовавшего работами при войске,¹ и распорядился связать поскорее и побольше факелов из разного сухого дерева, потом велел взять из всей добычи отборных, самых сильных рабочих быков тысячи две и собрать их перед стоянкою. Когда это было сделано, он созвал мастеровых и указал им на высоты, лежащие между его лагерем и тем проходом, через который собирался проходить. К этим высотам он велел по данному сигналу гнать быков быстро, подгоняя их ударами, пока они не достигнут
- 6 вершин возвышенности; засим приказал всем им ужинать и во время отдохнуть. На исходе третьей части ночи Ганнибал немедленно вывел мастеровых и велел привязать факелы к рогам быков. При множестве людей приказание это исполнено было быстро. Тогда Ганнибал распорядился зажечь все факелы и отдал
- 9 приказ гнать быков к противоположащим высотам. Копейщиков он поставил сзади погонщиков и приказал им некоторое время помогать погонщикам; затем, лишь только быки будут достаточно возбуждены, копейщики должны повернуть в сторону, собравшись вместе снова, овладеть высотами и занять заблаговременно вершины их: они должны были быть готовы сразиться с врагами, лишь только эти последние устремятся тоже к высотам и нападут
- 10 на них. К тому же времени снялся со стоянки и сам Ганнибал, причем впереди поставил тяжеловооруженную пехоту, за ними конницу, дальше добычу, наконец иберов и кельтов и подошел к узкому проходу.
- 94 Что касается римлян, то одни из них, охранявшие проход, как только завидели огни в направлении высот, подумали, что туда идет Ганнибал, покинули теснину и поспешили к вершинам.
- 2 Приблизившись к быкам, римляне недоумевали при виде огня и воображали себя в худшем положении, ждали большей опасности, чем какая угрожала им в действительности. С появлением копейщиков обе стороны обменялись легким нападением; но когда быки подбежали и разделили сражающихся, противники на небольшом расстоянии друг от друга стали ожидать рассвета, так
- 4 как не могли понять, что делается. Фабий, частью недоумевая, что творится, и, как выражается поэт,² «угадывая, что тут кроется обман», частью памятуя первоначальное решение не пытаться счастья и не отваживаться на решительную битву, оставался спокойно у своей стоянки и дожидался дня. Тем временем Ганнибал, у которого все шло совершенно согласно замыслу, беспрепятственно провел свое войско и добычу через теснину, ибо те рим-

¹ 66 в.

² *Одисс.* X 232. 258.

ляне, которые должны были охранять ее, покинули свои посты. На рассвете он увидел неприятеля, стоявшего против его копее- 6 шиков на вершине возвышенности, и отрядил туда часть иберов; когда произошла схватка, иберы положили на месте около тысячи римлян, без труда соединились со своими легковооруженными и спустились с высот.

Таким-то способом вышел Ганнибал из Фалернской области. 7 Теперь стоянка его была уже вне опасности, и он был озабочен мыслью о зимней стоянке, где и каким образом устроить ее. Сильный страх и тяжелое смущение навел он на города и население Италии. Между тем о Фабии шла дурная слава, что по 8 недостатку мужества он выпустил неприятеля из рук, несмотря на все удобства местности; от плана своего Фабий, однако, не отказывался. Спустя несколько дней он вынужден был ради не- 9 коего жертвоприношения возвратиться в Рим, причем передал войска товарищу: уходя, он настойчиво наказывал заботиться не столько о том, чтобы нанести вред неприятелю, сколько об охране римлян от какой-либо беды. Но Марк не обращал на это вну- 10 шение никакого внимания, так что даже тогда еще, когда Фабий говорил, все помыслы его были обращены к тому, чтобы померяться с неприятелем в битве.

Таково было положение дел в Италии. Одновременно с опи- 95 2 сываемыми выше событиями Гасдрубал, назначенный военачаль- Война в Ибе- рии ником в Иберии, в течение зимы оснастил тридцать покинутых братом кораблей, в дополнение к ним вооружил еще десять новых и с началом лета вышел в открытое море из Нового города с со- рока палубными кораблями, начальником флота назначив Гамилькара. В то же время он стянул из зимних стоянок сухопутное 3 войско и сам выступил с ним в поход. Когда корабли шли по морю вдоль берега, Гасдрубал с сухопутным войском направлялся по морскому побережью, намереваясь остановиться с обоими вой- сками у устьев реки Ибера. Постигая замыслы карфагенян, Гней¹ 4 вначале решил было встретить неприятеля на суше и на море из своей зимней стоянки. Но по получении сведений о много- 5 численности неприятельского войска и о силе его вооружений, Гней отказался от мысли выйти навстречу врагу на суше; зато вооружил тридцать пять кораблей, выбрал из сухопутного войска способнейших людей для службы на кораблях, снялся с якоря у Тарракона и на другой день прибыл в область реки Ибера. Став 6 на якорю в расстоянии стадий восьмидесяти² от неприятеля, Гней послал вперед на разведки два быстроходных массалийских ко- рабля; дело в том, что массалиоты служили ему проводниками, первые шли в опасность и вообще оказывали римлянам всякого рода услуги. И после этого, в особенности во время Ганнибаловой 7 войны, массалиоты были более искренними союзниками римлян, чем другие народы. Когда посланные на разведку известили, что 8 неприятельский флот стоит на якорю у устья реки, Марк поспешно отчалил, намереваясь напасть на неприятеля внезапно.

Соглядатаи давно уже уведомили Гасдрубала о наступлении 96 неприятеля, а потому он выстроил свои сухопутные войска на морском побережье и команде приказал садиться на корабли.

¹ Корнелий Сципион.

² 2 мили.

2 Когда римляне приблизились, Гасдрубал велел давать сигнал и сниматься с якоря, решив вступить в морскую битву; когда произошло сражение, карфагеняне недолго оспаривали победу и скоро
3 ро начали отступать. Сухопутное прикрытие на берегу не столько помогало им тем, что поддерживало мужество в битве, сколько вредило потому, что питало в них надежду найти в нем верное
4 убежище. Поэтому, потеряв два корабля вместе с командою, а с четырех других весла и воинов, карфагеняне отступили и бежали к берегу. Теснимые римлянами, они в страхе загнали свои
5 корабли на сушу, а сами соскакивали с судов и искали спасения
6 у выстроившегося на берегу войска. Между тем римляне смело подошли к берегу, все неприятельские суда, какие могли еще двигаться, привязали к кормам и увели на буксире, преисполненные радости: они ведь одержали победу с первого набега, завладели морем и имели в своих руках двадцать пять кораблей.

7 С этого времени вследствие помянутой выше победы надежды
8 римлян на успех в Иберии оживились. С другой стороны, карфагеняне по получении известия о поражении тотчас вооружили и послали в море семьдесят кораблей в той уверенности, что обладание морем необходимо для всех предприятий их. Прежде всего корабли эти пристали к Сардинии, откуда прибыли в Италию к Пизам, где плывшие на них воины рассчитывали соединиться
10 с войсками Ганнибала. Но римляне вышли быстро против неприятеля из самого Рима на ста двадцати пятипалубных судах. Прослышав об этом наступлении, карфагеняне возвратились назад к
11 Сардинии, а затем ушли в Карфаген. Гней Сервилий с названным выше флотом во главе следовал некоторое время за карфагенянами в надежде настигнуть их; но, оставшись далеко позади,
12 он отказался от преследования. Прежде всего Гней пристал к Лилибею в Сицилии, откуда поплыл к острову керкинян, что в Ливии, и ушел назад, получив с жителей его деньги за то, что не
13 опустошал полей их. На обратном пути Гней завладел Коссиром, ввел гарнизон в тамошний городок и возвратился на стоянку в
14 Лилибей. Здесь поставил он свой флот на якорь, а немного времени спустя переправился к сухопутным войскам.

97 Между тем сенат, получив известие о победе, одержанной Гнеем, находил полезным и даже необходимым не пренебрегать Иберией, но усилить там военные средства и теснить карфагенян
2 еще больше. С этою целью сенат снарядил двадцать кораблей и согласно первоначальному плану поставил их под команду Публия Сципиона, которого и отправил поспешно к брату Гнею, дабы вместе с ним он вел войну в Иберии. Сенат был сильно озабочен тем, как бы карфагеняне не завладели этою страной и, располагая тогда в изобилии продовольствием и людьми, не утвердились бы решительнее на море, не приняли бы участия в
4 нападении на Италию отправкою Ганнибалу войск и денег. Вот почему сенаторы придавали важное значение иберийской войне, послали корабли под начальством Публия, который по прибытии в Иберию и по соединении с братом оказал большую услугу
5 сударству. Так, раньше римляне ни за что не отваживались переходить реку Ибер и довольствовались дружественным союзом народов, живущих по сю сторону реки. Теперь они переправились через Ибер и впервые решились на борьбу по ту сторону
6 реки. Успеху предприятия много помог случай, именно: наведя ужас на тех иберов, которые жили у переправы через Ибер, они

явились к городу законфян и на расстоянии стадий сорока¹ от него расположились лагерем у храма Афродиты; здесь они заняли 7 удобную местность, которая защищала их от неприятельского нападения и обеспечивала им подвоз со стороны моря. За сухопутным войском следовал вдоль берега римский флот. При этом на- 98 ступила такого рода перемена в положении дел: в то время, как Ганнибал отправлялся в поход в Италию, он от всех городов, коим не доверял, взял в качестве заложников сыновей знатнейших граждан; всех их он поместил в Законфе частью благодаря укрепленному положению города, частью вследствие доверия к людям, которых он оставлял для охраны местности. Был некий ибер, по 2 имени Абилиг, никому из иберов не уступавший в знатности и положении и сльвший за самого преданного и верного сторонника карфагенян. Последние события убеждали Абилига, что перевес 3 счастья на стороне римлян, а потому он задумал выдать им заложников, — замысел, достойный ибера и варвара. Рассчитывая 4 достигнуть высокого положения у римлян, если своевременно докажет им свою верность и окажет услугу, Абилиг решил изменить карфагенянам и выдать заложников римлянам. Он видел, что Бо- 5 стор, военачальник карфагенян, которого послал Гасдрубал для задержания римлян при переправе через реку, но который не отважился на это и после отступления расположился станом в приморских частях Законфы, что Бостор — человек бесхитростный и кроткий по природе и относится к нему с полным доверием. Абилиг вступил с этим Бостором в разговор о заложниках, при- 6 чем уверял его, что после переправы римлян через реку карфагеняне не в силах удерживать за собою Иберию страхом, и обстоятельства вынуждают их заискивать у подчиненных им народов. Теперь, говорил он, когда римляне близко, стоят лагерем 7 перед Законфою и городу угрожает опасность, он отпущением заложников и возвращением их родителям и городам их расстроит планы римлян, больше всего помышляющих о том, чтобы овладеть заложниками; между тем предупредительностью и заботли- 8 востью о безопасности заложников он стяжает благоволение всех иберов к карфагенянам. Если дело это будет возложено на него, продолжал Абилиг, то он ручается за величайшую благодарность со стороны иберов; ибо возвращением юношей и их города он 9 приобретет тем признательность не родителей только, но и народа, потому что на деле покажет им великодушие карфагенян по отношению к союзникам. Самому Бостору он сулил щедрые 10 дары от тех иберов, которые получают обратно своих детей; ибо, говорил он, все родители, получив сверх всякого ожидания своих ближайших присных, будут соревноваться друг с другом в том, чтобы достойно отблагодарить виновника этого счастья; долго еще говорил в этом смысле Абилиг и успел склонить Бостора на свою сторону.

Назначив день, в который он должен был прийти снова вместе 99 с людьми, пригодными для отведения обратно на родину юных заложников, Абилиг удалился. Ночью он явился в римский ла- 2 герь, переговорил с несколькими иберами из числа служивших в римском войске и при посредстве их получил доступ к начальникам. Им он подробно доказывал, что иберы охотно перейдут 3

¹ 1 миля.

на сторону римлян, если эти последние будут иметь в своей власти заложников, и обещал передать им юношей. Когда Публий принял это предложение с великою радостью и обещал со своей стороны щедрую награду, Абилиг возвратился домой, условившись точно о дне, часе и месте, где и когда должны ожидать его люди для принятия заложников. После этого он взял с собою надежных друзей и явился к Бостору, а когда юноши были ему переданы, он вышел из Заканфы ночью, как будто для того, чтобы незаметно миновать неприятельский лагерь, в назначенное время пришел к условленному месту и всех заложников передал в руки римских вождей. Публий и Гней оказали Абилигу чрезвычайные почести и воспользовались им для отправки заложников на родину, для чего вместе с ним послали надежных людей. Абилиг ходил из города в город и освобождение юношей представлял как доказательство доброты и великодушия римлян по сравнению с вероломством и жестокостью карфагенян и, указывая на собственное отпадение от карфагенян, побудил тем многие народы примкнуть к римлянам. Между тем Бостор, обвиненный в выдаче заложников неприятелю по легкомыслию, несвойственному его возрасту, навлек тем на себя тяжелую ответственность. В это время, так как пора года была поздняя, обе стороны распустили свои войска на зимние стоянки, причем счастливый случай с заложниками послужил для римлян важным подспорьем в их дальнейших предприятиях.

100 Таково было положение дел в Иберии. Тем временем Ганнибал узнал через своих соглядатаев, — на этом мы и оставили его,¹ — что окрестности Лукерии и так называемого Геруния изобилуют хлебом, что Геруний удобно расположен для склада хлеба, поэтому Ганнибал вознамерился перенести туда зимнюю стоянку; к названным выше местам он направлялся вдоль горы Либурна. По прибытии к Герунию, отстоящему от Лукерии на двести стадий,² Ганнибал прежде всего старался склонить жителей на свою сторону убеждением и предлагал подтвердить свои обещания залогом, а когда никто не внял ему, Ганнибал решил осадить город. Герунием овладел он быстро, всех жителей его велел истребить, а стены и большую часть жилищ оставил нетронутыми, желая воспользоваться ими для хлебных складов на время зимовки. Войско свое он расположил лагерем перед городом и оградил стоянку рвом и окопами. После этого он отрядил две трети своего войска за сбором хлеба, причем отдал приказ, чтобы каждый солдат ежедневно доставлял определенную меру хлеба особым лицам, заведовавшим этим делом. С третьей частью войска Ганнибал охранял стоянку и то там то сям прикрывал отряды, собиравшие продовольствие. Так как почти вся эта область легкодоступна и ровна, то фуражиров было, можно сказать, бесчисленное множество; потом, так как пора года весьма благоприятствовала уборке плодов, ежедневно карфагеняне доставляли огромное количество хлеба.

101 Приняв войска от Фабия,³ Марк первое время шел по горам в стороне от неприятеля в надежде, что ему удастся наконец дать

¹ 95.

² 5 миль.

³ 87 г. 94 г сл.

битву карфагенянам на высотах. Но с получением известия, что 2
Геруний уже занят войсками Ганнибала, которые собирают хлеб
на полях, что войска расположились укрепленным станом перед
городом, Марк покинул вершины гор и спустился вниз по горному
хребту, ведущему в равнину. По прибытии к кремлю, что гос- 3
подствует над ларинатской областью и называется Каленою, он
разбил здесь палатки, решившись во что бы то ни стало сразиться
с неприятелем. Заметив приближение врага, Ганнибал отпустил 5
третью часть войска за сбором хлеба, а с двумя другими отошел
от города в направлении к неприятелю на шестнадцать стадий¹
и на некоей возвышенности расположился лагерем, желая в одно
и то же время и навести страх на врагов, и доставить надежное
прикрытие собирающим хлеб отрядам. После этого ночью он от-
рядил около двух тысяч копейщиков к некоему холму, находив-
шемуся между двумя лагерями, удобно расположенному и гос-
подствовавшему над неприятельским станом, — и занял его. На 6
следующий день Марк увидел это, вышел с легковооруженным
войском и повел приступ против холма. В жаркой схватке рим- 7
ляне одержали полную победу, после чего целиком перенесли
свою стоянку на это место. Так как лагерь стоял близко против 8
лагеря, то Ганнибал некоторое время удерживал большую часть 9
войска в сборе при себе; так проходил день за днем. Тогда он
увидел себя вынужденным отрядить одну часть войска пасти скот,
другую послать за продовольствием. Согласно первоначальному 10
плану он старался не тратить добычи и собирать возможно боль-
ше хлеба, дабы люди его, вычужный скот и лошади имели зимою
обильное продовольствие; ибо часть войска, на которую Ганнибал 11
возлагал наибольшие надежды, была конница.

В это время Марк, заметив, что большая часть неприятель- 102
ского войска, как сказано выше, рассеялась по полям, выступил
с войском из лагеря нарочно в самый полдень. Приблизившись 2
к стану карфагенян, он выстроил в боевом порядке тяжеловоору-
женных, разделил конницу и легкое войско на несколько отрядов
и послал их против фуражиров, приказав не брать никого в плен.
Меры эти поставили Ганнибала в большое затруднение, ибо он 3
не был достаточно силен ни для того, чтобы выйти против вы-
строившихся неприятелей, ни равно для того, чтобы подать по-
мощь рассеявшимся по полям воинам. Что касается римлян, то 4
те из них, которые были посланы на карфагенских фуражиров,
многих перебили, а выстроившиеся в боевом порядке воины в прене-
брежении к неприятелю зашли так далеко, что прорвали ограж-
давшие его окопы и почти осадили карфагенян. Положение Ган- 5
нибала было трудное; но он стойко выдерживал натиск, отражая
наступающих врагов и едва защищая свой лагерь. Наконец на 6
помощь ему явился Гасдрубал с теми четырьмя тысячами воинов,
которые с полей бежали было за окопы перед Герунием. Немного 7
ободренный, Ганнибал перешел теперь в наступление, выстроился
недалеко от лагеря и, хотя с трудом, все-таки отразил обрушив-
шуюся на него беду. Большое число неприятелей Марк положил 8
на месте в сражении у окопов, еще больше истребил на полях
и затем, преисполненный смелых надежд на будущее, возвратил- 9
ся в стоянку. На следующий день, когда карфагеняне покинули

¹ 3 версты.

- 10 лагерь, Марк возвратился и овладел им. Дело в том, что Ганнибал сильно опасался, как бы римляне не захватили в ночную пору стоянки перед Герунием, покинутой без охраны, и не завладели обозом и складами припасов, а потому сам решил отступить туда же и снова расположиться там станом. С этого времени, чем осторожнее и боязливее выходили карфагеняне на фуражировку, тем смелее и опрометчивее нападали римляне. По получении преувеличенных известий об этих событиях римляне в городе возликовали, во-первых, потому, что в положении дел, которое приводило их в отчаяние, как бы наступала перемена к лучшему; во-вторых, теперь казалось, что бездействие и уныние легионов происходили не от трусости воинов, но от чрезмерной осторожности военачальника. Поэтому все в городе обвиняли и поносили Фабия за то, что он не умел пользоваться обстоятельствами с надлежащею смелостью; заслуги Марка, напротив, превозносили до такой степени, что сделали по отношению к нему нечто небывалое еще, именно: в той уверенности, что он быстро положит конец войне, они и его назначили полномочным вождем; таким образом, получилось два диктатора для ведения одной и той же войны, чего раньше у римлян не бывало никогда. Когда Марку сделалось известным народное благоволение к нему и дарование ему власти народом, он с удвоенным рвением искал случая померяться с неприятелем и вызвать его на битву. Фабий также явился к войскам; обстоятельства несколько не изменили его образа мыслей; напротив, с большим еще упорством он придерживался первоначального плана действий. Однако, замечая, как возгордился Марк, как ревниво во всем он противодействует ему и вообще рвется в битву, Фабий предложил ему на выбор или командовать войском по очереди, или поделить войска и каждому со своими легионами действовать по собственному усмотрению.
- 8 Так как Марк охотно согласился на разделение войск, то диктаторы поделили между собою легионы и расположились особыми стоянками в расстоянии друг от друга стадий на двенадцать.¹
- 104 Частью со слов пленников, частью из того, что сам видел, Ганнибал заключал, что между вождями римлян существует соревнование, что Марк преисполнен воинственного духа и честолюбия. Такое положение дел у неприятеля он находил невредным для себя, скорее даже выгодным, и наблюдал за Марком с целью укротить его отвагу и предупредить нападение. Между стоянками его собственной и Марка находилось некое возвышение, которое могло стать опасным для одной и другой стороны, а потому решил занять его. Он не сомневался, что после недавней удачи Марк кинется тотчас, чтобы помешать этой попытке, он придумал мал такого рода хитрость: окрестности холма были совершенно открыты, но имели множество всевозможных неровностей и углублений; Ганнибал ночью отрядил к удобнейшим для засады впадинам по двести и по триста человек зараз, пятьсот конных воинов, всего тысяч пять легковооруженных и тяжелой пехоты. Из опасения, как бы войны эти не были замечены неприятелем, выходившим за продовольствием, Ганнибал на рассвете еще занял холм легкими войсками. При виде этого Марк решил, что для него наступил удобнейший момент, и тотчас послал легковоору-

¹ Около 2 верст.

женный отряд с приказанием отбить у неприятеля занятый пункт, затем послал и конницу; в тылу вслед за ними шел он сам во главе сомкнутых рядов тяжеловооруженного войска; ведение им дела было во всех подробностях почти такое же, как и в последней битве.

Хотя и рассвело, залегшие в засаде воины не были замечены, потому что помыслы и взоры всех обращены были на сражающихся на холме. Между тем Ганнибал посылал на холм подкрепление за подкреплением и сам следовал за ними неотступно с конницей и войском; вскоре завязалась битва и между конными войсками. В то время, как масса конницы теснила легкие отряды римлян, которые бежали к тяжелой пехоте и тем производили замешательство, в это же время по данному сигналу находящиеся в засаде карфагеняне поднялись со всех сторон и ударили на врага, что повергло в великую опасность не только легковооруженных, но и все войско римлян. При виде происходящего и в тревоге за судьбу всего войска, Фабий вывел свои войска из лагеря и поспешил на помощь сражающимся. Лишь только он приблизился, римляне снова воспрянули духом, и, хотя ряды их были совершенно расстроены, они опять собрались вокруг знамен и бежали под прикрытие подходящих воинов, потеряв много убитыми из легковооруженных и еще больше из легионеров, причем пали храбрейшие воины. С другой стороны, Ганнибал, устрешенный видом свежего войска, шедшего на помощь своим в боевом порядке, отказался от преследования и дальнейшего боя. Для присутствовавших при сражении было ясно, что Марк своей отвагой погубил было все дело, а Фабий и на сей раз, как и прежде,¹ спас его осторожностью. В это время и в Риме все поняли, насколько прудумительность полководца и умно рассчитанный определенный план выше солдатской суетной опрометчивости. Как бы то ни было, римляне, наученные опытом, все возвели снова один общий частокол и занимали его вместе, впредь следуя указаниям Фабия и исполняя его распоряжения. Что касается карфагенян, то они провели ров между высотами и собственным лагерем, а вершину занятого холма окружили частоколом, поставили там стражу и затем спокойно уже готовились к зимовке.

Тем временем наступили выборы должностных лиц в Риме, и римляне выбрали в консулы Луция Эмилия и Гая Теренция.

С новым назначением диктаторы сложили с себя власть. Прежние консулы, Гней Сервилий и Марк Регул, назначенный на место умершего Фламиния, облечены были Эмилием властью проконсулов и, получив командование над лагерными войсками, вели военное дело по собственному разумению. Эмилием с товарищем по совещании с сенатом тотчас пополнил новым призывом недостававшее до полной цифры число воинов и отправил их на поле сражения. Гнею дано было знать, чтобы ни под каким видом он не вступал в решительную битву, но возможно чаще давал самые жаркие мелкие схватки и тем упражнял бы новобранцев и подготавливал к решительным битвам. Прежние неудачи они объясняли главным образом тем, что употребляли в дело легионы совершенно неопытных новобранцев. Претора Луция Постумия² с

106
2 216
Битва при
Канне

¹ 89—90.

² Ср. II 11.

легионом консулы отправили в Галатию с целью отвлечь кельтов, 7 участвовавших в походе Ганнибала, обратно на родину. Они были озабочены также и тем, чтобы зимовавший у Либлибея флот¹ доставить назад в Италию, а вождям в Иберии отправили все нужное для войны. Эти и все прочие военные меры ревностно принимались консулами. Гней и товарищ его, получив указания от консулов, действовали в отдельных случаях совершенно согласно 10 этим указаниям, почему мы и не считаем нужным говорить о них с большими подробностями; вообще ничего важного или достойного упоминания не было сделано как вследствие полученных 11 указаний, так и по силе обстоятельств; очень часто бывали только легкие схватки и мелкие сражения, которые вождям римлян стяжали общие похвалы, как людям ведущим каждое дело мужественно и осмотрительно.

107 Итак, в течение зимы и весны противники оставались в своих лагерях друг против друга. Лишь только тогда, когда настала пора уборки новых плодов, Ганнибал вывел свое войско из лагерей 2 под Герунием. Находя для себя выгодным всячески побуждать не- 3 приятеля к битвам, он занял акрополь города, именуемого Канною, ибо в город этот римляне свозили хлеб и прочие припасы из окрестностей Канузия, а оттуда каждый раз, когда требова- 4 лось, доставляли их войску. Самый город раньше уже был разрушен; теперь потеря запасов и акрополя поставила римские вой- 5 ска в большое затруднение. Действительно, занятие помянутого акрополя неприятелем было невыгодно для римлян не потому только, что лишало их съестных припасов, но и потому еще, что акрополь этот господствовал над окружающею местностью. По- 6 этому проконсулы посылали в Рим вестника за вестником и спрашивали, как им поступить, ибо, сообщали они, с приближением к неприятелю битва становится неизбежною ввиду того, что страна разоряется и общее настроение союзников возбужденное. Се- 7 нат высказался за то, чтобы дать битву неприятелю; Гнею с товарищем он приказал выждать еще, а сам послал на войну кон- 8 сулов. Помыслы всех римлян обращены были теперь на Эмилия; на него же возлагались самые смелые надежды частью благодаря доблестной жизни его вообще, частью потому, что незадолго до этого он, по мнению всех, мужественно и с успехом вел войну 9 против иллирян.² Решено было вести войну восемью легионами, чего раньше никогда не было у римлян; при этом в каждом ле- 10 гионе числилось без союзников до пяти тысяч человек. Как сказано выше,³ римляне набирают ежегодно четыре легиона, а легион имеет в себе около четырех тысяч пехоты и двести человек 11 конницы. Если же предстоит более важное дело, тогда каждый легион составляют из пяти тысяч пехоты и трехсот человек кон- 12 ницы. Что касается союзников, то пехота их равняется по численности римским легионам, конница же обыкновенно втрое многочисленнее римской. Половина этого числа союзников и два легиона даются каждому из двух консулов и отправляются на войну. 14 Для большей части войн употребляются один консул и два легиона, а также вышеупомянутое число союзников: лишь в редких

¹ 96 13.

² 18. 19.

³ I 16. II 24. VI 20.

случаях римляне пользуются единовременно для одной войны всеми военными силами. В описываемое нами время римляне находились в такой тревоге и в таком страхе за будущее, что решили употребить на войну единовременно не четыре только, но восемь легионов. 15

Сенаторы призвали Эмилия и товарища его, выставили им на вид всю важность исхода борьбы счастливого и несчастного и отпустили их с повелением кончить войну мужественно и достойно отечества, когда наступит благоприятный для того момент. Консулы прибыли с войском и, собрав воинов, объявили волю сената, произнесли подобающие данному положению речи, причем в словах Луция выражались переживаемые им самим чувства. Большая часть речи его направлена была к тому, чтобы ослабить впечатление понесенных недавно неудач; действительно, они до такой степени напугали массу воинов, что слово ободрения было необходимо. Вот почему Луций старался доказать, что не одна и не две, но много было причин, почему предшествовавшие битвы кончались для них поражениями, что при настоящих обстоятельствах, если только воины будут мужественны, нельзя назвать ни одной причины, ни одного препятствия к тому, чтобы победа была за ними. До сих пор, говорил Луций, никогда еще оба консула не стояли вместе во главе сражающихся легионов, в дело употреблялись войска необученные, новобранцы, незнакомые с опасностями; кроме того, — что самое важное, — римляне до сих пор так мало знали своих противников, что, почти не видя их, строились в боевой порядок и шли в решительные битвы. «Так, разбитые у реки Требии войска только накануне прибыли из Сицилии, а на рассвете следующего же дня выстроились против неприятеля. Потом, сражавшиеся в Тиррении не только до битвы, но даже в самой битве не могли видеть неприятеля по причине пасмурной погоды. Теперь все совершенно иначе». 10

«Так, мы оба при вас, и не только сами будем делить с вами опасности, но мы достигли того, что и консулы прошлого года остаются на поле битвы, и будут участвовать в сражениях вместе с нами. С другой стороны, вы не только знаете вооружение, строй, численность неприятелей, вы второй год уже чуть не каждый день сражаетесь с ними. Таким образом, теперь у нас все противоположно тому, как было в прежних битвах; поэтому нужно ждать, что и исход борьбы будет на сей раз совершенно иной. Было бы несообразно, даже невозможно, чтобы вы, выходя большей частью победителями из легких схваток при равенстве ваших сил с неприятельскими, были побеждены теперь, когда мы идем против неприятеля все вместе, и силы наши превосходят неприятельские больше, чем вдвое. Когда, граждане, имеется все необходимое для победы, требуется еще одно только — ваша добрая воля и усердие; но говорить вам об этом пространно я нахожу излишним. Подобный способ увещания бывает необходим в тех случаях, когда обращаются к людям, состоящим на службе у других за жалованье, или к таким, кои согласно уговору должны сражаться за союзников, для коих битва представляет величайшие опасности, а последствия ее маловажны; напротив, если предстоит борьба, как вам теперь, не за других, а за самих себя, за свою родину, жен и детей, если последствия борьбы имеют гораздо большее значение, нежели самые опасности ее, тогда нет 109

8 нужды в увещании, достаточно напоминания.¹ И в самом деле, кто не желает больше всего победить в борьбе? Если же это невозможно, кто не пожелает скорее пасть в бою, чем остаться в
9 живых и видеть близких своих жертвами насилия и гибели? Вот почему, граждане, вы и без моих речей ясно понимаете разницу между поражением и победой, а равно последствия их; поэтому идите в битву с мыслью о том, что отечество борется не за легионы только, но за самое существование свое. Если настоящая
10 борьба кончится как-нибудь иначе, отечество не имеет других сил
11 сверх этих для одоления врага. В вас вложило оно всю свою ревность и мощь; на вас покоятся все надежды его на спасение.
12 Оправдайте эти надежды, докажите преданность отечеству, какая ему подобает, покажите всем народам, что прежние поражения произошли не от того, что римляне уступают будто бы карфагенянам в доблести, но от неопытности сражавшихся тогда воинов
13 и от случайных обстоятельств». Так и в таком роде говорил Луций войскам, и затем распустил собрание.
110 На следующее утро консулы выступили в поход по направлению к тому месту, где, как они слышали, находится неприятельская стоянка. После двухдневного перехода они расположились лагерем стадиях в пятидесяти² от неприятеля. Луций видел, что окрестность представляет совершенно открытую равнину, и полагал, что ввиду превосходства неприятельской конницы необходимо воздержаться от битвы, вести войско дальше и увлекать за собою неприятеля туда, где битва будет вестись главным образом пехотными войсками. Но Гай по своей неопытности был противоположного мнения, что породило разногласия и взаимное
4 недовольство между вождями, а это было опаснее всего. На следующий день, когда очередь главнокомандования перешла к Гайю, — по обычаю консулы чередовались властью через день, — Теренций с целью приблизиться к неприятелю велел сниматься со стоянки и двинулся вперед, как ни упрасивал и ни удерживал
5 его от этого Луций. Ганнибал с легковооруженными и конницей пошел ему навстречу, ударил на римлян, в то время как те были еще на ходу, неожиданно вовлек их в сражение, чем произвел
6 в рядах неприятелей большое замешательство. Первый натиск римляне выдержали, поставив впереди отряд тяжеловооруженных; затем, выпустив на врага метателей дротиков и конницу, они одержали в схватке решительную победу, ибо карфагеняне не имели сколько-нибудь значительной поддержки с тыла, тогда как у римлян заодно с легковооруженными сражалось несколько
7 манипулов легионеров. На сей раз с наступлением ночи противники разошлись, причем исход нападения не оправдал расчетов карфагенян. На следующее утро Луций не решался вступать в битву, но пока не мог и увести свое войско назад беспрепятственно, а потому с двумя третями его расположился станом подле
9 реки, именуемой Ауфидом. Это — единственная река, протекающая через Апеннины. Гора образует непрерывную границу, разделяющую все воды Италии так, что одни из них изливаются в Тирренское море, другие в Адриатику; протекающий через Апеннины Ауфид, имеет источники в покатоности Италии к Тиррен-

¹ Ср. Фукид. IV 95 1.

² 1¹/₄ мили.

скому морю и впадает в Адриатику. Третью часть войска он рас- 10
положил по другую сторону реки, к востоку от места переправы,
стадиях в десяти¹ от собственной стоянки и немного дальше от
неприятельской. Сделано это было для того, чтобы прикрывать 11
своих воинов, выходящих из противоположного лагеря за продо-
вольствием, и угрожать карфагенским фуражирам.

Ганнибал сознавал, что обстоятельства вынуждают его к битве 111
с неприятелем, но в то же время опасался, что недавнее пора-
жение напугало его воинов; поэтому он решил, что следует обод-
рить войско и созвал собрание. Когда воины собрались, Ганнибал 2
предложил всем им бросить взгляд на окрест лежащие страны и
затем спросил: о чем при настоящих обстоятельствах они могли
бы больше всего молить богов, как не о том, чтобы, если можно,
дать неприятелю решительную битву в такой местности, как эта,
при значительном превосходстве их конницы над неприятель- 3
скою? Последовало всеобщее одобрение, потому что дело было со-
вершенно ясно. «Поэтому, — сказал вождь, — прежде всего воз-
благодарите богов; ибо уготовляя нам победу, они завели непри- 4
ятеля в такие места. Потом, благодарите и нас за то, что мы
довели неприятеля до необходимости принять битву, ибо он не
может более уклониться от нее, и вынужден принять сражение
в условиях, бесспорно выгодных для нас. Но, мне кажется, не 5
подобает теперь обращаться к вам с пространною речью, ибо вы
бодры духом и горите желанием боя. Пока в борьбе с римлянами 6
вы были неопытны, я должен был это делать; тогда я держал к
вам пространные речи, изобилующие примерами. Теперь, когда 7
в трех столь важных сражениях,² следовавших одно за другим,
вы одержали решительные победы над римлянами, неужели ка-
кая-либо речь способна поднять дух ваш сильнее, чем самые по- 8
двиги ваши? Благодаря предшествующим победам вы вступили в
обладание этими полями и благами их, и все, что мы обещали
вам в своих речах, оправдалось вполне; теперь предстоит борьба
за города и их достояние. С победою в этой битве вы тотчас ста- 9
нете господами целой Италии; одна эта битва положит конец ны-
нешним трудам вашим, и вы будете обладателями всех богатств
римлян, станете повелителями и владыками всей земли. Вот по- 10
чему не нужно более слов — дела нужны; ибо с соизволения бо-
гов я убежден, что вскоре исполнятся мои обещания».³ Так и в 11
таком роде говорил Ганнибал; войско выразило ему горячее со-
чувствие, а он похвалил воинов, благодарил их и затем распустил
собрание. Немедленно после этого Ганнибал возвел частоколы и
расположился лагерем на том самом берегу реки, где находилась
и стоянка неприятелей.

На следующий же день Ганнибал приказал всем войскам го- 112
товиться к битве и подкрепить свои силы, а еще через день вы-
строил войска в боевой порядок вдоль реки, и было ясно, что он
ждет только случая сразиться с врагом. Между тем Луций, не- 2
довольный местоположением, замечал, что карфагеняне вскоре вы-
нуждены будут перенестись с лагерем на другое место ради снаб-
жения себя продовольствием; он оградил оба лагеря сильными

¹ Около 2 верст.

² 89 6 прим.

³ Ср. 63.

- 3 сторожевыми постами и не двигался с места. Ганнибал ждал до-
вольно долго, но, так как никто не выходил против него, он увел
все войско обратно за бруствер, только отрядил нумидян для на-
падения на римлян, выходявших за водою из меньшей стоянки.
- 4 Когда нумидяне добежали до самого частокола и не допускали
римлян до воды, Гай начинал волноваться еще сильнее, войско
также рвалось в битву и роптало на то, что бой откладывается.
- 5 Для всех людей время ожидания самое тягостное; зато раз ре-
шение принято, необходимо терпеливо сносить все, что счита-
ется бедствием, как бы велико оно ни было.
- 6 Когда в Риме получено было известие, что войска стоят ла-
герем друг против друга и что каждый день происходят схватки
между передовыми постами, возбуждение и тревога охватили го-
род. Вследствие многократных поражений раньше, народ стра-
шился за будущее, предвидя и мысленно рисуя себе последствия
- 8 поражения в решительной битве. Теперь из уст переходили
всякие изречения оракулов, какие только известны были
римлянам; каждый храм, каждый дом полны были знамений и
чудес, по всему городу давались обеты и совершались жертвы,
9 повсюду возносились молитвы к богам о помощи. Так, в трудные
минуты римляне с величайшею ревностью прибегают к умо-
ствлению богов и людей, и в подобные времена нет ничего та-
кого, чего бы ради этого они ни сделали, что почитали бы не-
приличным для себя или недостойным.
- 113 Между тем Гай, очередь которого в главнокомандовании на-
ступала на следующий день, разом двинул войска из обоих ла-
2 герей, лишь только показалось солнце. По мере того, как воины
из большого лагеря переходили реку, он тут же строил их в бо-
евую линию; потом присоединил к ним воинов из другого лагеря,
поставил их в одну линию с теми, так что все войско обращено
3 было лицом к югу. Римскую конницу Гай поместил у самой реки
на правом крыле; к ней в той же линии примыкала пехота, при-
чем манипулы поставлены были теснее, чем прежде, и всему
4 строю дана большая глубина, чем ширина.¹ Конница союзников
поставлена была на левом крыле. Впереди всего войска в неко-
5 тором отдалении поставлены легкие отряды. Всей пехоты, считая
и союзников, было до восьмидесяти тысяч человек, а конницы
немного больше шести тысяч.
- 6 В это же самое время Ганнибал переправил через реку ба-
лиарян и копейщиков и выстроил их впереди войска; остальные
войска вывел из-за окопов и, переправив через реку в двух местах,
7 выстроил против неприятеля. У самой реки, на левом фланге,
против римской конницы он поставил конницу иберов и кельтов,
вслед за ними половину тяжеловооруженной ливийской пехоты,
за нею пехоту иберов и кельтов, а подле них другую половину
8 ливиян. Правый фланг заняла нумидийская конница. Построив
всю рать в одну прямую линию, Ганнибал выдвинулся вперед со
стоявшими в центре иберами и кельтами; к ним присоединил он
остальное войско таким образом, что получалась кривая линия
9 наподобие полумесяца, к концам постепенно утончавшаяся. Этим
он желал достигнуть того, чтобы ливияне прикрывали собою сра-
жающихся, а иберы и кельты первыми вступали в битву.

¹ Ср. I 33 10.

Ливияне вооружены были по-римски; всех их снабдил Ганни- 114
бал тем вооружением, какое было выбрано из доспехов, взятых
в предшествовавших битвах.¹ Щиты иберов и кельтов были сход- 2
ны между собою по форме,² а мечи тех и других сильно разли-
лись: именно иберийским мечом одинаково удобно колоть и ру- 3
бить, тогда как галатским можно только рубить, и притом на
некотором расстоянии.³ Ряды кельтов и иберов поставлены были 4
вперемешку; кельты не имели на себе никакого одеяния, а иберы
одеты были в короткие туземные льняные хитоны, отделанные
пурпуром, что придавало воинам необычайный и внушительный
вид.

Всей конницы у карфагенян было до десяти тысяч, а пехоты 5
вместе с кельтами немного больше сорока тысяч. Правым флан- 6
гом римлян командовал Эмилий, левым Гай, центр занимали
консулы предшествующего года, Марк и Гней.⁴ У карфагенян ле- 7
вое крыло занимал Гасдрубал, правое Ганнон, в центре находился
сам Ганнибал вместе с братом Магоном. Так как римское войско 8
обращено было, о чем сказал я выше,⁵ к югу, а карфагенское к
северу, то восходящее солнце не мешало ни одному из них.

Когда произошла первая схватка между передовыми войсками, 115
легкие отряды вначале сражались с равным успехом; но с при- 2
ближением к римлянам иберийской и кельтской конницы с левого
фланга карфагенян завязалась жестокая битва по способу варва- 3
ров. Не наблюдался более обычный порядок сражения, по кото-
рому отступление сменяется новым нападением; сражающиеся,
разом кинулись друг на друга и спешили, дрались один на один.
Наконец легкие отряды карфагенян одолели; хотя все римляне 4
сражались отважно и стойко, но очень многие из них были убиты
в самой схватке, а остальных неприятель погнал вдоль реки, ру-
бил и избивал беспощадно. Тогда легковооруженных заступили
пешие войска, и они ударили друг на друга. Некоторое время 5
ряды иберов и кельтов выдерживали бой и храбро сражались с
римлянами; но затем, подавляемые тяжелою массою легионов, они
подались и начали отступать назад, разорвав линию полумесяца.
Римские манипулы стремительно преследовали врага, без труда 6
разорвали неприятельскую линию, потому что строй кельтов имел
незначительную глубину, между тем как римляне столпились с
флангов, к центру, где шла битва. Дело в том, что у карфагенян 7
фланги и центр вступили в битву не разом, центр — раньше
флангов, ибо кельты, выстроенные в виде полумесяца, выпуклою
стороною обращенного к неприятелям, выступали далеко вперед,
от флангов. В погоне за кельтами римляне теснились к центру, 8
туда, где подавался неприятель, и умчались так далеко вперед,
что с обеих сторон очутились между тяжеловооруженными ли-
виянами, находившимися на флангах. Ливияне правого фланга 9
сделали поворот влево и, наступая справа, выстраивались против
неприятеля с фланга. Напротив, левое крыло ливиян, сделав та- 10
кой же оборот слева направо, строилось дальше: самое положение 11
дел научало их, что делать. Вследствие этого вышло так, как и

¹ Ср. 87 з. 93 4. Liv. XXII 46.

² II 30 з.

³ II 30 г. 33 4—5.

⁴ 106 2.

⁵ 113 2.

- рассчитывал Ганнибал: в стремительной погоне за кельтами рим-
12 ляне кругом отрезаны были ливиянами. Не имея более возмож-
ности вести сражение по всей линии, римляне в одиночку и от-
дельными манипулами дрались с неприятелями, теснившими их
с боков.
- 116 Хотя Луций с самого начала стоял на правом фланге и уча-
2 ствовал в битве конницы, но пока еще он не был убит. Ему хо-
телось исполнить обещание, данное в речи к воинам,¹ и самому
участвовать в каждом деле, а потому, сознавая, что участь всей
3 битвы зависит от легионов пехоты, он верхом на лошади при-
скакал к центру, сам кинулся в бой и рубил неприятелей, в то
4 же время ободряя и воодушевляя своих воинов. Но подобным об-
разом действовал и Ганнибал: и он с самого начала находился
5 в той же части войска. Нумидяне, с правого фланга нападавшие
на неприятельскую конницу левого фланга, не причиняли непри-
ятелю большого урона и сами не терпели такового благодаря
обычному у них способу сражения; тем не менее, непрерывно на-
падая на римлян со всех сторон, они лишали их возможности
6 действовать. Затем, когда на помощь нумидянам подоспело вой-
ско Гасдрубала, истребившее, за весьма немногими исключени-
ями, стоявшую у реки конницу, тогда конница римских союз-
ников, издали завидя наступление неприятеля, подалась назад и
7 начала отступать. В этот момент Гасдрубал, как рассказывают,
придумал мудрую, соответствующую обстоятельствам меру, имен-
но: принимая во внимание многочисленность нумидян и зная, на-
скольы они опасны и страшны для неприятеля, разом обратив-
шегося в бегство, он предоставил бегущих на волю нумидян, а
сам устремился на место сражения пехоты с целью поскорее по-
8 мочь ливиянам. Подойдя к римским легионам с тыла и тотчас
разом в нескольких пунктах направив на них ряды своей кон-
ницы, Гасдрубал ободрил ливиян, а на римлян навел смущение
9 и ужас. В это самое время пал в схватке тяжело раненный Луций
Эмилий, человек, всегда до последней минуты честно служивший
10 отечеству, как подобает каждому.² До тех пор, пока римляне со-
ставляли круг и сражались лицом к лицу с неприятелем, оцепив-
11 шим их кольцом, они держались еще; но стоявшие на окружности
воины падали один за другим; мало-помалу римляне теснимы бы-
ли со всех сторон все больше и больше, наконец все легли на
месте, не исключая Марка³ и Гнея, консулов предшествующего
года, людей доблестных и в битве показавших себя достойными
12 сынами Рима. Пока шла эта смертоносная битва, нумидяне пре-
следовали бегущую конницу, большую часть воинов перебили,
13 других скинули с лошадей. Лишь немногие спаслись бегством в
Венузию, в числе их и римский консул Гай Теренций, человек,
постыдно бежавший и власть свою употребивший во зло собствен-
ной родине.
- 117 Так кончилась битва римлян и карфагенян подле Канны, бит-
ва, в которой и победители и побежденные отличились величай-
2 шей храбростью. Ясно свидетельствуют об этом самые послед-
ствия. Так, из шести тысяч конницы в Венузию спаслось бегством

¹ 108—109.

² Ср. II 10 5.

³ 114 6 прим.

вместе с Гаем семьдесят человек, и около трехсот человек из союзников укрылись врассыпную по городам. Что касается пехоты, 3 то из нее в сражении взято было в плен около десяти тысяч человек; были и другие пленные, не участвовавшие в деле; из участвовавших в битве бежало в окрестные города лишь около трех тысяч человек. Все остальные числом около семидесяти тысяч че- 4 ловек пали с честью в сражении. Как в этот раз, так и раньше победе карфагенян наиболее помогла многочисленность конницы. Будущим поколениям преподан был этим урок, что для 5 войны выгоднее иметь половинное количество пехоты сравнительно с неприятельскою и решительно превосходить врага в коннице, нежели вступать в битву с силами, совершенно равными неприятельским.

Из Ганнибалова войска кельтов пало около четырех тысяч, 6 иберов и ливиян тысячи полторы, конных воинов около двухсот. Взятые в плен римляне были в стороне от сражения по такому 7 поводу: Луций оставил у своей стоянки десять тысяч пехоты с 8 тем расчетом, чтобы они, если Ганнибал не позаботится об охране лагеря и выведет в поле все войска, напали на неприятельский обоз во время битвы и завладели им; если же Ганнибал, 9 предугадывая будущее, оставит в лагере значительный гарнизон, то настолько же уменьшатся силы неприятеля для решительной битвы. Пленение римлян произошло приблизительно при таких 10 обстоятельствах: достаточно сильный гарнизон оставлен был Ганнибалом у стоянки, и лишь только началась битва, римляне согласно сделанному распоряжению повели приступ против воинов, оставленных в карфагенских укреплениях. Первое время карфа- 11 геняне выдерживали натиск одни, а когда положение их сделалось трудным, явился Ганнибал, который везде уже покончил со сражением, теперь помог своим, обратил римлян в бегство и запер их в их собственной стоянке; при этом две тысячи неприятелей было убито, все прочие взяты в плен. Точно так же нумидяне 12 принудили к сдаче и привели пленными в лагерь тысячи две конных воинов, которые обращены были в бегство и укрылись в укреплениях этой страны.

Описанный выше исход сражения имел решительные послед- 118 ствия, отвечавшие ожиданиям обеих сторон, именно: ценою этой 2 битвы карфагеняне вступили в обладание почти всем остальным морским побережьем, ибо тарентинцы сдались им тотчас, а арги- 3 риппаны и часть капуанцев звали к себе Ганнибала; все остальные тогда уже обращали свои взоры к карфагенянам, которые пи- 4 тали в них смелую надежду, что с первого набега возьмут самый Рим. Напротив, римляне вследствие поражения немедленно утра- 5 тили господство над италийцами; они пребывали в сильном страхе и опасении за собственное существование и за родную землю, так как ожидали скорого появления Ганнибала у самого города, 6 тем более что судьба как бы желала дополнить и завершить постигшие их беды: несколько дней спустя, в то время как город объят был страхом, посланный в Галатию претор попал неожиданно в засаду и вместе со всем войском погиб от рук кельтов.

И все-таки сенат делал все, что мог: ободрял народ, укреплял 7 город, мужественно обсуждал положение дел; позднейшие события ясно доказали это. Так, невзирая на решительное поражение, 8 понесенное в это время, невзирая на то, что военная слава померкла, римляне благодаря особенным свойствам своих учреждений 9

и мудрости своих решений не только одолели карфагенян и тем
возвратили себе владычество над Италией, но немного спустя
10 стали обладателями всей обитаемой земли. Вот почему изложе-
нием этих событий мы заключаем настоящую книгу, рассказав
то, что совершилось в Иберии и Италии в продолжение сто со-
11 роковой олимпиады. Когда мы изложим события Эллады, совер-
шившиеся в ту же олимпиаду, и подойдем к этому времени, тогда
уже поставим себе особую задачу описать государственное уст-
12 ройство римлян. Мы убеждены, что описание это не только со-
ставляет необходимую часть истории, но может принести боль-
шую пользу любознательным государственным людям в деле усо-
вершенствования и устройства государств.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ

1 3 обстоятельно *μετ' ἀποδείξεως*, т. е. с выяснением причин и последствий излагаемых событий. В том же смысле автор называет свой труд *ἀποδεικτικῆ ἱστορία* IV 37 з. IV 40 1. Ср. X 24 з. XVIII 33 6. Следовательно, историк называет нашу *прагматическую историю аподиктической*.

7 *δωακίης... обозрения τῆν ἐξ ἀμφοῖν ἐπίστασιν καὶ δεῶν*, т. е., сделав краткое указание на все содержание истории, на начало и конец ее, автор представит перечень промежуточных важнейших событий, наполняющих 53 года.

10 *промежуточное... времени*. Почти в тех же выражениях Фукидид говорит о важности предмета своего сочинения: I 23 1—2.

2 4 *Антиохом* III, сын Селевка Каллиника, царь Сирии с 222 по 187 г., после брата Селевка III Керавна; прозван Великим. Часто вел войны и нередко терпел жестокие поражения. Дал приют Ганнибалу, но не следовал его советам. Разбит наголову при Рафии 217 г. После битвы при Киноскефалах (197 г.) готовился к войне с римлянами и в 192 г. помогал этолянам в войне с Римом, в 190 г. разбит при Магнесии на Сипиле и принял тяжелые условия мира. Убит элимеями, когда покушался ограбить их храм Ваала. Кроме Дройзена см. Моммзен, *Римская История* I, 685—703 (перев. Ахшарумова. М., 1877).

ibid. *Птолемеем Филопатром* IV, сын Птолея III Эвергета, царь Египта 221—204 гт. Заключил в тюрьму спартанского царя Клеомена, вел войну с восставшими египтянами, потерял Палестину 208 г., поддерживал дружественные отношения с Римом. Наследовал ему пятiletний сын Птолемей, прозванный Эпифаном.

5 *родосцы*. Большой дорийский о-в Родос у берегов Карию в 6 милях от материка. Издревле вел значительную торговлю и основал множество колоний, покровительствовал наукам и искусствам. Нанвысшего процветания достигли родосцы по смерти Александра Македонского: приобрели владения на Кариийском берегу (*Περαία τῶν Ῥοδίων*. Полиб. XVII 2 з. 6 з. 8 9. XXXI 2 з) и господство над многими соседними островами, занимали посредствующее положение между великими борющимися державами. Во время войны Рима с Персеем (168 г.) родосские послы позволили себе непочтительные выражения о Риме; сенат воспользовался этим предлогом и Родос был унижен и ослаблен. Полиб. V 80—90. Rhein. Mus. 1846, стр. 177. Моммзен, *о. с.* I, 657 сл. 705. 734 сл.

ibid. *Прусий* I, сын и приемник Зианелы, царь Бифинии ок. 235—185 гт. Удачными войнами, между прочим в союзе с македонским царем Филиппом III, расширил свои владения. Помогал римлянам в войне с Антиохом III. Приютил у себя Ганнибала. Полиб. IV 47 7—52 10 и др.

8 *Эгейского моря Айуион*, поправка Нибура вм. рукописного *Αἴυλλον*. Уже Швейггейзер писал: «Не следует ли вычеркнуть *Αἴυλλον* или заменить его каким-либо другим словом».

ibid. *Карши*. См. наш указатель к Геродоту. Полиб. V 36 5. XXI 24 и др.

ibid. *Самоса*, теп. Samo, один из значительнейших островов Эгейского моря у ионийского берега Малой Азии. Что Самос принадлежал Египту и что он занят был Филиппом, говорит Полибий. V 31 4. 9. 34 7. 35 11.

ibid. *Финикии*, см. указатель к Геродоту.

3 5 *Тавра*, горный хребет Малой Азии, начинается у Священного мыса, или Хелидония в Ликии, на границах Ликаонии и Киликии, разветвляется на две цепи: северная, Антитавр в Каппадокии и Армении до соединения с Москийскими городами, южная, Тавр, образует в Киликии *Киликийские* ворота, тянется через Каппадокию в Армению до оз. Арсены.

6 *кефалленян*. О-в Кефалления, теп. Cefalonia, в Ионийском море, напротив Акарнании и Коринфского зал. О положении острова Полиб. V 3 9.

ibid. *Эвмена* II, сын Аттала I, царь Пергама (197—159 гт.), был всегда другом римлян, которые помогли ему расширить свое царство: участвовал в войне Рима с Антиохом III, за что получил часть передней Азии до Тавра; в войне с Прусием потерпел неудачу; с помощью

Рима одолел понтийского царя Фарнака и воевал с родосцами; помогал Риму в войне с Персеем. Моммзен, *о. с.* I, 655 сл. 706 сл. 732 сл. II, 45 сл.

ibid. с Ариарафом, один из каппадокийских царей (220—163 г.), сражался с Антиохом III против римлян, а потом с римлянами против Персея.

ibid. Фарнака, царь Боспора на Черном море, взял Синопу, потерял свои владения в войне с римскими союзниками: Эвменом пергамским, Ариарафом каппадокийским и Прусием Вифинским + 157.

4 13 направлял *χειροτῆς γερονέναι*; дальше 98 г правитель дел, руководитель *χ. τοῦ πρῶτου*. О времени, наступившем после покорения Македонии, Моммзен выражается так: «Владычество Рима обратилось в факт, который не только твердо установился от Столбов Геркулеса до устьев Нила и Оронта, но и тяготел над народами подобно последнему двуху: судьбы всем гнетом своей непреложности, представляя им, по-видимому, только одно из двух: гибнуть в безнадежном сопротивлении или в не менее безнадежном терпении». *О. с.* II, 1.

5 1 с кельтиберами, смешанное племя из иберов и кельтов, проникших в Иберию в V в. до Р. X. Главным местом жительства кельтиберов было внутреннее плоскогорье, приблизительно теперешние Арагония, Куэнса, Сория и отчасти Бургос. Описание народов их у Диодора V 33. О войне, упоминаемой Полибием, см. Моммзен II, 3—15. Ср. I, 643 сл. (рус. перев.).

ibid. ваккеями, к западу от аревесков, одно из кельтиберийских племен, до того времени независимое, жили в с.-з. части полуострова по р. Дуэро, с главным городом Паллантией, теп. Palencia. Моммзен, *о. с.* II, 5 сл.

ibid. Масанасою (238—149 г.), основатель нумидийского царства при помощи Рима, замечательный человек и полководец, много содействовал ослаблению и окончательному уничтожению Карфагена. Моммзен, *о. с.* I, 640 сл.

2 Аттал II Филадельф, сын Аттала I, брат Эвмена, тот самый, который в 167 г. отправлен был в Рим для защиты интересов пергамского царства. Со 159 по 138 г. управлял царством, помогал римлянам в войне с псевдо-Филиппом и ахеянами.

ibid. Ариараф, сын Ариарафа, упомянутого 4 6, воспитан в Риме и там искал убежища от подставного сына Орофернеса, которого поддерживал Деметрий Сотер Сирийский. Страна разделена была между отцом и сыном. *Iust.* XXXV 1.

ibid. Деметрия I Сотера, сын Селевка Филопатора, царь Сирии (161—150 г.), пал в войну с Александром Балою.

4 признали... родину. После битвы при Пидне, когда римляне беспощадно расправлялись с эллинами за содействие Персею или за недостаток усердия в пользу Рима, более тысячи ахейн отправлены были в Италию и размещены там по городам (167 г.). Лишь 17 лет спустя, когда оставалось их не более 300 человек, сбсланным дозволено было вернуться на родину; по уверению Катона, безразлично было, римские ли, или эллинские могильщики зароят этих стариков в землю. В числе сосланных был и возвратившихся был и наш историк. *Paus.* VII 10. *Plut.* Cat. мај. 9. Полиб. XXXII 7 14. 8. XXXV 6.

5 они напали... истребления. Речь идет о III пунической войне (149—146 г.).

6 македоняне... Эллады. Речь идет о войне римлян с лже-Филиппом и потом с ахеянами, кончившейся (146 г.) совершенным уничтожением независимости Эллады. Моммзен, *о. с.* II, 35—45.

9 теперь... истории. По содержанию Полибиева история делится на три части, из которых главная (кн. III—XXX) обнимает события 53 лет (220—168 г.) от начала Ганнибаловой войны до окончательного торжества римлян. Этому предшествует в виде вступления (кн. I—II) краткое повествование о событиях от завоевания Рима галлами до I пунической войны включительно. Третья часть (кн. XXXI—XL) посвящена борьбе римлян за приобретенное господство над миром (168—146).

6 1 возникла... война, так называемая II пуническая, описанная также Ливием в книгах 21 и 22 его истории; во многих частях повествования существует между двумя историками большая близость. Об отношении этих книг Ливия к III книге Полибия имеется значительная литература. Важнейшие сочинения: K. W. Nitzsch, *Q. Fabius Pictor über die ersten Jahre des zweiten punischen Krieges*. 1854. Его же: *Römische und deutsche Annalistik und Geschichtsschreibung*, *Historische Zeitschrift*. 1864, Bd. 11. Его же: *Die Römische Annalistik von ihren ersten Anfängen bis auf Valerius Antias*. Berl. 1873. Nissen, *Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius*. Berl. 1863. Böttcher, *Kritische Untersuchungen über die Quellen des Livius im 21 und 22 Buche*. 5 *Suppl. d. Jahrb. f. class. Philologie*, 1869. A. Breska, *Untersuchungen über die Quellen des Polybius im dritten Buche*. Berl. 1880.

ibid. Заканфы, лат. Saguntus, теп. развалины близ Муर्वиедро, город седетанов в тарраконской Испании при р. Паллантии, к северу от Валенсии. Занятие Заканфы Ганнибалом (218 г.) послужило поводом ко II пунической войне.

4 переход... Азию. В 334 г. Александр В. выступил в поход на Азию, через Фракию пошел к Геллеспонту и из Сеста переправил свою армию на флоте в Азию. *Plut.* Alex. 15. *Iustin.* XI 6. *Arrian.* I 11.

ibid. высадку... *Деметриаде*. В войне с Антиохом III этому предшествовали союз сирийского царя с Филиппом, завоевание царем городов на Геллеспонте и на Фракийском Херсоннесе, требования римлян очистить Херсоннес и принадлежавшие Египту провинции Сирии. Переход Антиоха с войском в Элладу относится к 192 г. до Р. X. *Деметриада*, теп. развалины близ деревни Горицы, город Магнесии, в углублении Пагасейского зал., основан Д. Полиоркетом в начале III в. до Р. X. Подобно Коринфу и Халкиде назывался ключами Эллады, или узами ее (*πέδαι Ἐλλάδικαι*). Полиб. XVII 11. Страб. IX 5 15. Liv. XXXII 37.

10 *возвращение...* *им.* В 401 г. эллинские наемники в числе тысяч тринадцати вместе с остальным войском Кира младшего двинулись из Сард в верхнюю Азию против царя Артаксеркса, брата Кира. В битве при Кунаксе вблизи Евфрата в 12 милях к северу от Вавилона пал Кир, и эллины отступили в обратный путь к Геллеспонту. Это — так называемое отступление 10 000 эллинов, мастерски рассказанное Ксенофонтom в его *Anabasis*. Довольно подробно об этом см. Вебер, *Всеобщая История* II, стр. 800—820 (перев. Андреева. М., 1886).

11 *Агесилая* (399—358 гг.). В Малой Азии вел счастливо войну с сатрапами великого царя, но вызван был Спартою в 395 г. для борьбы с союзными войсками Афин, Коринфа, Фив и Аргоса; при Коронее в Беотии одержал победу над союзниками 20 авг. 394 г. Plut. Ages. Xenoph. *Hellen.* III 14 2—29. IV 1—3.

12 *Филипп*, царь Македонии, отец Александра В., сын Аминты и Эвридики. После покорения Эллады на общеэллинском собрании в Коринфе решен был поход в Азию на персидского царя под предводительством Филиппа (337 г.); но во время сборов к походу был убит Павсанием, авг. 336 г. до Р. X.

7 1—2 *войны... времени*. Победа римлян над Филиппом при Киноскефалах (197 г.) одержана была благодаря деятельному участию в битве этолийской конницы, и вообще этоляне оказались верными союзниками победителей в этой войне. Но союзники вознаграждены были римлянами весьма недостаточно. Мало того: Рим тогда уже обнаружил явное стремление к расторжению северной Эллады на составные части с целью ослабления каждой из них. Этолян привело это в негодование. Полиб. XXVIII. 47 6—9. Liv. XXXIII 11. 13. 32. 34. 49. Brandstätter, *Gesch. des aetol. Landes, Volkes u. Bundes*. 1844.

10 1 *эти последние... книгах*. В предыдущих книгах о распре между римлянами и карфагенянами перед II пунической войной историк не говорит ничего, кроме краткого упоминания об уступке карфагенянами Сардинии. I 88.

11 2 *Ганнибал... Антиоха*. Будучи отозван из Италии под конец II пунической войны, Ганнибал был разбит при Заме, или по другим при Нарагаре (202 г.) в битве со Сципионом и Масанассой, возвратился в Карфаген и настоял на заключении мира с римлянами. Мудрое управление Ганнибала возбудило подозрение против него в римлянах, и они, подстрекаемые враждебными Ганнибалу оптиматами и Масанассою, послали комиссию для расследования обвинений на месте. Ганнибал бежал к Антиоху III в 195 или 196 г. до Р. X.; отсюда он удалился к царю Бифинии Пруссию и там, будучи передан римлянам, умертвил себя ядом в 183 г. Liv. XXXIII—XXXIX. С. Нер. *Hannib.* 7—13. Arrian. X 4. Iust. XXXI 2.

5 *в то время* и пр. Ганнибал родился в 247 или 249 г. до Р. X. О воспитании Ганнибала отцом во вражде к Риму: Liv. XXI 1. С. Нер. *Hann.* 2. Arrian. VII 3. *Sil. Ital.* I 81—83. О характере Ганнибала см. Моммазен I, 541 сл.

13 5 *олкадов*, одно из кельтиберийских племен в тарраконской Испании по верхнему течению р. Анаса.

ibid. к *Алфее*. Стефан Виз. и Свиды называют город тем же именем; у Ливия (XXI 5) он называется Сагтея.

7 *Собрав дань архуролоу́ггас*. В таком значении глагол употребляется Фукидидом II 66 8. III 19 2. VIII 3, и Диодором.

6 *ibid.* *Новый город*, т. е. Новый Карфаген II 13 1 прим.

14 1 *Гелмантику*. Стефан Визант. со слов Полибия называет этот город, Иберии по сю сторону р. Ибера.

ibid. *Арбакалою*, теп. Villa Fasila. Стефан Визант. называет ее величайшим городом Иберии по сю сторону р. Ибера, в тарраконской Испании.

2 *карпесии*, в теп. Кастилии и Эстрамадуре. Ливий (XXI 5 и др.) называет их карпетанами, как и сам Полиб. X 7 5. Город. их Карпесс = Тергесс.

5 *Тагом*, теп. Техо, Тахо, Тежо, Тажо, вытекает из страны кельтиберов между городами Ороспедою и Идубедою; воды его несли много золотого песку.

15 5 *как... Гасдрубалом*. Существует важное разногласие между Полибием и Ливием в передаче условий договора с Гасдрубалом. В редакции Полибия, как в этом месте, так и в других (II 13 7. III 27 9. 29 3), ничего не говорится о Заканфе, об ограждении его от посягательств карфагенян: выходит так, как будто Заканф, по Полибию, лежит к северу, а не к югу от р. Ибера. У Ливия напротив везде, где упоминается этот договор, к восприятию переходить Ибер прибавляется требование неприкосновенности Сагунта. Liv. XXI 2 7. 18 9. 44 6. Следует полагать, что римский историк прибавил Сагунт с целью взвалить всю вину за объявление войны на Ганнибала.

16 3 в войне Антигона. Речь идет о союзе Антигона с ахейцами против Клеомена, заключенном в 224 г. до Р. X. II 52 сл.

17 2 *Город... лежит*. Закаифа, или Сагунт, лежал на восточных отрогах горы Идубеды. К западу от этой горы жили кельтиберы.

18 1 в *Дималу*, у Ливия XXIX 12 *Dimallum*, город иллирийского племени парфинов, или парфенов в окрестностях Эпидамна.

19 10 *погиб... нападения εν αὐτῷ τῷ τῆς πράξεως καιρῷ διεφθάρη*. Аппиан (*Illyr.* 8) и Зонара (*Annal.* VIII 20) рассказывают, что Деметрий был убит римлянами, когда по возвращении от Филиппа занялся пиратством на Адриатическом море. Последний раз Полибий упоминает о Деметрии VII 11 также по поводу Мессены в 215 г. до Р. X. Намеки на событие, о котором обещает рассказать автор, содержатся VIII 10 и 14.

20 3 *удрученное состояние στρυγόντης*, у Ливия XXI 16 *moeror metusque*.

5 *Херей*, имя нигде больше не встречающееся. Ср. К. Мюллер, *fr. hist. Graec.* III 99. *Сосил*, ученый лакедемонянин, друг Ганнибала, написал историю его в VII книгах. *Her. Hannib.* 13. *Diod. Sic.* XXVI 5.

21 8 *соучастниками беззакония κοινωμένων (τοῦ ἀδικήματος)* прибавка Рейске; следующее предложение мы для ясности передали полнее, чем в оригинале.

10 о *правовых отношениях τὰ δίκαια*, термин, имеющий более широкое значение, чем следующее ниже *συνθήκαι* договор.

22 1 *первый договор*. Полибий — единственный свидетель о заключении договора римлян с карфагенянами в столь древнее время (509 г. до Р. X. — 245 г. Рима). Молчание других свидетелей о договоре между римлянами и карфагенянами (Ливий, Диодор Сицилийский), а также трудности приурочить к столь далекому времени то положение вещей, которое устанавливается в этом договоре, возбуждают сомнение в верности показания нашего историка относительно времени первого договора. Содержание договора гораздо больше соответствует отношениям того времени, к которому относит *первый договор* Диодор Сицилийский, именно к 406 г. Рима — 348 г. до Р. X. Критическая оценка показаний Полибия с наибольшей обстоятельностью см. Ашбах, *Über die Zeit des Abschlusses der zwischen Rom und Carthago errichteten Freundschaftsbündnisse*. Wien. 1859. Ср. Mommsen, *Röm. Chronologie* 320—325. В защиту Полибия против Моммзена Ниссен, *N. Jahrb. f. class. Philol.* 1867. I, стр. 321 сл. (*die röm. karthag. Bündnisse*).

ibid. *Луции... Капитолийского*. Здесь двойная неточность. Поименованные историком консулы принадлежали одному и тому же году, но не одновременно занимали эту должность. Первыми консулами республики были Л. Юний Брут и Л. Тарквиний Коллатин, муж Лукреции. По изгнании Коллатина выбран в консулы товарищем Брута П. Валерий Попликола. Брут вскоре пал в сражении; Валерий некоторое время оставался один, пока в товарищи ему не был выбран Спурий Лукреций Триципитин; но и этот прожил в должности консула всего несколько дней, и пятым консулом первого года республики был поставлен Марк Гораций Пульвилл. Вторая неточность: освящение храма Капитолийского Юпитера не могло быть произведено Брутом и Горацием. Действительно, Ливий и Дионисий Галик рассказывают, что освящение храма совершено одним М. Горацием, уже по смерти Брута, когда товарищем Горация был Валерий Попликола.

3 *нынешний... древнего*. Образчиками архаической латыни могут служить, например, надпись на гробнице Сципиона Бородатого и отрывок гимна братьев арвальских, приведенные в *Лекциях по истории римской литературы* В. И. Модестова. СПб. 1888, стр. 38. 41 сл. (полное издание).

5 *Прекрасного мыса*, в Зевгитане подле Карфагена. По мнению Данвиля и Гейне, это — нижняя часть Гермесова мыса к востоку от Карфагена, именуемого теп. *Sar Wop*, у туземцев *Ras-Adder*.

11 *ардеатов... тарракинитов*, по именам городов Лациума: Ардеи, Антия, Лаврента, Цирцией, Террацины.

23 2 *Биссатиды*, у Птолемея IV 3 26 *ἡ Βυζακτῆς χώρα*, который называет и город Бизакину. В окрестностях Карфагена жил один из ливийских народов гизанты, или бизантии, или бизакии. Страб. II 4 24. *Steph. Byz.*

ibid. *Малого Сиртиса*. На северном берегу Ливии два залива Ливийского моря: Большой и Малый Сиртис. Первый — теп. залив Сидра от мыса Борея на востоке, от мыса Кефал на западе. Малый Сиртис к западу от Большого, теп. залив Кабес, ограничивается на востоке мысом *Zeitha*, на западе *Brachodes*.

24 1 *договора... другой*. Время этого договора не определяется у Полибия: но это — тот самый договор, о котором говорит Ливий в IX книге своей истории (гл. 43) под 448 г. Рима — 306 г. до Р. X.

ibid. *тирийцев*. По разрушении Тира Александром Македонским большая часть тирийцев на своих и карфагенских кораблях бежала на запад, в места своих древних колоний в Ливии и Испании, причем некоторые из них могли поселиться подле Карфагена в виде независимого, дружественного с Карфагеном города. *Diod. Sic.* XVII 46. Ср. А. Schaeffer, *Tyros im karthagisch-*

römischen Bündnisse. Rh. Mus. XV B (1860), стр. 396 сл. 488. XVI (1861), 288—290. Автор разумеет, вероятно, какой-нибудь город северной Африки, нам неизвестный.

2 *Мастия и Тарсей*, города южной Испании недалеко от Геракловых Столбов, в области мастианов и тарсеян. Steph. Byz.

6 *римлянин... руку*. Наложение руки, *manus injectio*, на предмет, который налагающим руку признавался своим, составляло древнейшую исполнительную меру: тридцать дней спустя после приговора истец приводил ответчика к претору и, если ответчик не уплачивал долга или не находил поручителя, объявлялся принадлежащим истцу. В доме истца ответчика заковывали в цепи и 60 дней спустя имели право продать его в рабство или умертвить.

25 6 *Юпитера Камня* *Iouem lapidem jurare*. Cicer. *epist. ad fam.* VIII 12 2. Gell. *Noct. Attic.* I 21 4. Festus под сл. *Feretrius*. Камень в этом случае есть первобытнейший символ или образ божества. Такой камень-фетиш был в Дельфах: ежегодно его умащали и в торжественных случаях обвивали шерстью; он почитался тем самым камнем, который был проглочен Кроном. Pausan. X 24 6. Клятва у камня была и у эллинов. Suidas. под сл. *lidos*.

ibid. *Эниалия*, первоначально один из эпитетов Марса и эллинского Арея (воинственный, боевой), потом особое божество, упоминаемое также в присяге эфебов.

26 1 *эдилов*. На обязанности плебейских эдилов лежало хранение сенатус-консультов и плебисцитов сначала в храме Цереры, потом в казнохранилище (*aerarium*), помещавшемся в заднем строении храма Сатурна. Эдилы — два плебейских со времени назначения трибунов 494 г. до Р. X. и два курульных по закону Лициния (366 г.). Обязанности их сводились к полицейскому надзору за благочинием и благолепием города в разных отношениях, а равно к охране финансовых государственных средств. Lange, *röm. Altert.* I, 613 сл.

28 1 *другой войны*, хотя римляне только грозили войною, но формального объявления не было.

3 В *прежней книге* *ἐν τῇ πρῶτῃ ταύτης βίβλῳ*. Так как рассказ об этом находится не во II, но в I книге (83), то Швейгтейзер предлагает поправку *ἐν τῇ τρίτῃ πρὸ τ. β.*

30 2 *самими карфагенянами*, указание на карфагенские источники, которыми автор пользовался наряду с римскими. Отсюда и разногласие между Полибием, с одной стороны, Ливием и Аппианом — с другой, о приеме римских послов Ганнибалом. Полиб. III 15 4—6. 20 2. Liv. XXI 6. Appian. *Hisp.* 11. В числе карфагенских источников важнейшим был Силен. С. Nep. *Hannib.* 13. См. особенно Böttcher, *Kritische Untersuchungen über die Quellen d. Livius im 21 u. 22 Buche*. 1869.

31 12 *забава* *ἀγώνισμα* *Iudicium spectaculum* веселое зрелище, предмет увеселительного состояния, — выражение, взятое из Фукидида I 22 Ср. Lucian *De conscr. histor.* с. 42.

32 2 *до... Карфагена*. После трехлетней осады К. Сципион младший взял город штурмом, но в каждой улице, в каждом доме римляне встречали отчаянное сопротивление. Appian. VIII. Полиб. XXXVI. XXXIX 3—6. Моммзен, *Р. И.* II, 19—35.

3 *сочинения... частям* *tὰς τῶν κατὰ μέρος γραφόντων συντάξεις*. Последний термин означает сочинения, труды, книги.

33 2 *на... пазуху... прикажут*. Ливий XXI 18 говорит: *sinu ex toga facto*. По словам Зонары (Appian. VIII 22), Марк Фабий спрятал руки под одежду и поднял их высоко.

33 3 *царь карфагенян*. Из гл. 42 6 мы узнаем, что это был Бомилкар, отец Ганнона. Полибий называет *царями* тех годичных должностных лиц карфагенян, которые у Ливия и других писателей называются *sufetes*, евр. *schofetim* судья. К. Непот (*Hannib.* 7) и Аристотель (*Polit.* II 8) сравнивают их со спартанскими царями и называют, подобно Полибию, царями *βασιλεῖς*. Т. Ливий (XXX 7) сравнивает суфетов с консулами. Ср. Zonaras VIII 8. В Гадесе упоминаются два суфета одновременно; то же самое было, вероятно, во всех финикийских и карфагенских колониях. Аристотель хвалит политическое устройство Карфагена, как соединявшее в себе элементы монархии, аристократии и демократии. Ср. Моммзен, *Р. И.* I, 471 сл.

9 *терситы* *Θερσίται*, та же форма у Стеф. Визант. со ссылкой на Полибия; кажется, это только другая форма имени *Tarselitai* от Тарсея. *Мастианы* от города Мастии, ср. 24 2 прим. *Ореты*, кажется, то же, что оретаны Страбона, Птолемея, Плиния, с главным городом Орией, по верховьям Анаса и Бегиса в соседстве с *олкадами*. 13 5.

11 *балиаря*, жители Балеарских островов у берега тарраконской Испании на Балеарском море, теп. Майорка и Минорка. Балиаряне — прекрасные пращники. Liv. XXVIII 37.

12 *в... Метагонии*, вероятнее всего, побережье Нумидии и Мавритании. Страб. XVII 3 6 называет мыс Мавритании Метагонии напротив Нового Карфагена. Мела (I 7) помещает Метагоний далеко на восток отсюда на границе Нумидии и собственной Ливии. Метагонитидою эллины называли самую Нумидию. Plin. V 3 2.

15 *ливиофиникиян*, смешанное население северо-африканского побережья и даже южной Италии из финикийян или вообще семитов и туземцев. В северной Африке это было частью колонии самого Карфагена, частью старофиникийские поселения. Ср. Моммзен, *Р. И.* I 465 сл.

ibid. *илергетов*, из числа ливийских племен. У Ливия (XXI 22) называются илергеты из Испании, хотя у Полибия речь идет о ливийских народах, а илергеты между Ибером и Пиренеями покорены Ганнибалом позже. III 35 2. Liv. XXI 23.

ibid. нумидян... маккоев, родовое имя нумидян, обнимающее три племени их.

ibid. мавров, маврусиев, жители Мавретании, западной гористой части средиземноморского побережья и пограничной с нею береговой области у Атлантического океана. Потомками древних мавров должно считать амацирингов в теп. Марокко. С древних времен страна эта приняла семитских и хамитских колонистов.

18 в *Лацинни*, теп. *Sapo delle Colonne*, или *C. di Nap*, мыс на восточном берегу Бруттия с храмом Геры.

35 2 *илургетов*, у Ливия и Птолея *Hergetes*, у Страбона *Hergetal*. Этот народ, равно как и поименованные ниже, жил в северной части тарраконской Испании, теп. Каталонии, между Ибером и Пиренеями.

ibid. *Пирены*, теп. Пиренейские горы. Древнее название приурочивалось первоначально только к восточной оконечности хребта, выступающей в Средиземное море, и лишь впоследствии распространилось на весь хребет. Название *Byrin* гора встречалось в северной Ливии.

7 *пятьдесят тысяч пехоты*. При переходе через Ибер у Ганнибала было ок. 90 000 пехоты и тысяч 12 конницы (35 1); Ганнону оставлено 10 000 пехоты и 1000 конницы (5), столько же распушено по домом (6). В борьбе с илургетами Ганнибал потерял много воинов; за всем этим оставалось у него при переходе через Пиренеи 50 000 пехоты и 9000 конницы. По переходе Родана у него было 38 000 пехоты и 8000 лишним конницы (60 5). Почти половину этого числа он потерял в Альпах, так что в транспаданскую равнину привел пехоты не более 20 000 и конницы 6000 (56 4).

36 3 *нечленораздельных звуков таís κροσματικαís λέξεσι*, собств. выражения, действующие на слух. Но сущ. *κροῖμα* означает звук музыкального ударного инструмента; *κροσματικός*, так же как и *κροστικός*, означает: поражающий наш слух, почему предлагаемый перевод близко отвечает подлиннику.

6 *если... толпою ὄν καί μικρὸν ὄφελος*, поговорочное выражение, построенное на одном из значений сл. *ὄφελος*: превосходство в чем-либо, краса. Так, у Платона *Apolog. Socr.* с. 16 употреблено выражение *ἀνδρα ὅτου τι καί μικρὸν ὄφελός ἐστιν*: «человек хоть с небольшой долей душевной доблести».

37 2 *земля... части*. Ср. Страб. I 4 4. Уже Геродот земленирует с предшественниками по вопросу о делении земли на части. II 16. 17. IV 36—45.

3 *Танаис*, теп. Дон. Столь же категорически называют эту реку границей Азии и Европы Страбон (I 4 1. XI 1 1), Геродот (IV 45). Ошибки Полибия в этом пункте резко осуждает Страбон (III 3 5). О *Ниле*, как границе Азии и Ливии, см. Страб. I 4 1. Герод. II 16. IV 45.

6 *от нашего моря*, т. е. Средиземного, в отличие от которого Атлантический океан называется внешним морем *ἡ ἐκτὸς, ἡ ἔξω θάλαττα*.

8 *Нарбонно*, не город, а река, теп. Aude, в трансальпийской Галлии, упоминаемая Полибием XXXIV 10 1; другое название ее Атак. Ptolem. II 10 2. Страб. IV 1 6. 14.

38 1 в... *Эфиопии*, теп. Нубия, ветхозав. Куш, по Нилу выше Египта; древним средоточием образованности Эфиопии служило Мероз, развалины близ Шенди. Н. Kiepert, *Lehrbuch der alten Geographie*. Berl. 1878. 186 сл. По представлению Полибия Эфиопия выше Нила, и потому две части света здесь не разделены больше.

4 *руководствоваться... опору κατά γε τὰς ὁλοσηρεῖς διαφορὰς συνελπιῶν καὶ φέρειν ἐπὶ τι τῆ διανοία τὸ λεγόμενον τεκμαίρομένου ἐκ τοῦ περιέχοντος*, трудное место в смысле точного уяснения отдельных речений, но ясное по смыслу. Ср. примеч. Швейгтейзера.

39 2 *от жертвенников Филена* на границе областей киренской и карфагенской, место, прославленное легендой о двух братьях карфагенянах Филенах, которые предложили похоронить себя живыми на спорной полосе земли с целью утвердить за карфагенянами право собственности на нее. Наиболее подробный рассказ об этом у Салюстия *Iugurtha* 19. 79. У одного только Полибия имя Филена в ед. ч.

6 *три тысячи стадий*. Страбон (III 4 1) считает 2200 и вообще отмечает грубые ошибки Полибия в измерениях Иберии II 3 4.

7 *Эмпория*, теп. *Ampuras*, город тарраконской Испании, ниже восточной оконечности Пиренеев. Столько же считает и Страбон III 4 1.

7—8 *две тысячи шестсот... около*. От Нового Карфагена до пределов Италии Полибий насчитывает 9000 стадий; между тем сообщаемые автором слагаемые дают только 8400 стадий. Что опущено автором, неизвестно. Швейгтейзер предлагает пополнить словами: «от него, т. е. Эмпория, до границ иберов и кельтов 600 стад.» (*ἀπὸ δὲ τούτου εἰς τὰ ὄρια τὰ τῶν Ἰβηρῶν τε καὶ Κελτῶν στάδιοι ἑξακόσιοι*).

8 *в шагах... стадий*. 8 стадий у Полибия = 1000 римских шагов или миля. Того же расчета держится обыкновенно и Ливий. Так, 200 стадий Полибия (III 42 7), у Ливия 25 миль (XXI 28). 16 стадий у Полибия (III 101 4), у Ливия 2 мили (XXII 24) и пр. Но в одном месте у Полибия XXXIV, 12 3 римская миля (mille, miliarium) = 8 стадий и 21 югерам, т. е. 8 1/3 стадий; так говорит и Страбон о Полибии VII 7 4.

40 5 *Плаценцией*, теп. Piacenza, в цизальпинской Галлии на правом берегу Пада; 19 лет спустя после основания была завоевана и сожжена галлами. Liv. XXXI 10. *Кремона*, город в земле гомонов, на левом берегу Пада к северу от впадения в него Аддуи.

8 *Мутины*, теп. Модена, город циспаданской Галлии, в бывших владениях боев. Хотя Полибий называет Мутину римской колонией, но вполне таковою город стал не раньше 183 г.

13 *безлесных местностей*, в противоположность покрытым деревьями, где римлянами устроена засада. О «возвышенностях» *τῶν ὑψηλῶν*, как читается в рукописях, в подлиннике нет и помину. У Ливия (XXI 25 8—9) этому месту соответствует выражение *in apertos campos* — открытые равнины. Вот почему в текст перевода мы внесли поправку, Константиндеса: *τῶν ψιλῶν χωρίων* вм. *τῶν ὑψηλῶν χωρίων*. Berl. philolog. Wochenschr. 1887, № 11, стр. 322.

ibid. *Таннет*, лат. Tannetum, Tannetum, в циспаданской Галлии, между Мутиною и Пармою.

41 5 у... *Родана*. Число устьев реки определялось различно. Полибий насчитывал два. Ср. Страб. IV 1 8.

42 1 *днях в четырех*. По словам Ливия (XXI 26), в земле вольков, главным городом коих Страбон называет Немаус, теп. Нем. Переправа совершилась подле нынешнего Авиньона, древн. Avenio, в нарбонской Галлии.

6 *под начальством Ганнона*, один из военачальников Ганнибала, искусно прикрывал главнокомандующего при переправе через Родан. Liv. XXI 27.

ibid. *Боамилкара*, тот самый, который в 217 г. доставил Ганнибалу подкрепление в Италию. Liv. XXIII 41.

43 2 *небольшими щитами*, пелтами, давшими у эллинов название пелтастам, среднему роду оружия между тяжелым и легким. Пелта — деревянный обтянутый кожей щит фута в два или меньше величиною, различной формы.

8 *все это... муштельное*. Описание карфагенян в этом месте живо напоминает черты, какими Фукидид рисует роковую морскую битву афинян с сиракузянами. VII 69—72.

44 5 *Магиллом*. У Ливия XXI 29 читаем: *Vojorum legatorum regulique Magali adventus*.

45 2 *до ста сорока*. У Ливия XXI 29 *ad centum sexaginta*; быть может, переписчик поставил LX вм. XL.

46 4 к *прочим*. Сделано было из паромов три помоста: из двух неподвижных один крепко утверждён на самом берегу, другой висел над рекой и придерживался канатами, концы которых прикреплены были к деревьям на суше. Первый помост состоял из двух паромов и площадь его имела 50 футов ширины; другой из нескольких паромов, связанных между собою по два, также с площадью в 50 футов. Третий помост, подвижной, состоял из двух паромов и имел в ширину 25 футов и гораздо больше в длину. Ср. Liv. XXI 28.

47 3 *ардии*, имя нигде больше не встречающееся, если это не то же, что эдуи, жившие при Ю. Цезаре между Луарой и Соной.

7 *по отваге и предусмотрительности толпы каи проноиа, plurimum auduciae... plurimum consilii*. Liv. XXI 4.

48 8 в *божестве и машине θεός από или εκ μηχανής, deus ex machina*. В античных трагедиях, особенно со времени Еврипида, зачастую появляется божество для того, чтобы разрубить узел слишком запутанной интриги. Уже Аристотель порицал употребление этого внешнего средства, свидетельствующего о внутренней слабости пьесы. Для низведения божества на сцену употреблялась особая театральная машина.

9 *вынуждены... и богов*. Ср. Liv. XXI 22. Valer Max. I 7 1.

49 5 *Острову*, местность, образуемая Роданом и левым притоком его *Исарою*, теп. Isère, который начинается в Альпах и впадает в главную реку у города Валентин; с востока замыкают его Альпы. У Ливия вместо Исары неправильно называется Арап.

8 *два брата*. Ливий XXI 31 называет их аллоброгами, но Полибий (13 и 50 2) ясно отличает от аллоброгов.

13 *аллоброгами*, лат. p. Allobroges, воинственное кельтское племя в горах Нарбонской Галлии между рр. Исарою, Роною, оз. Леманном (теп. Женевское) и Грайскими Альпами.

50 1 *вдоль реки Исары*, а не Родана, см. 49 5. От переправы через Родан до альпийского перевала автор считает 1400 стадий 39 9; за вычетом 800 стадий от Исары до подъема на Альпы остается 600 стадий от перехода через Родан до Исары; этот последний путь Ганнибал совершил в 4 дня. Рассказ Ливия о том же представляет большие трудности для понимания (XXI 32). Вопрос о направлении пути Ганнибала через Альпы остается по сих пор открытым, по крайней мере в подробностях. Все больше становятся общепризнанными основные выводы Уикхема и Крамера (*Dissertation on the passage of Hannibal over the Alps*. Lond. 1820, 2-е изд. 1828), подтвержденные Ла (W. I. Law, *the Alps of Hannibal*. 1866, в Quarterly Review, vol. 123). Наиболее вероятно, что Ганнибал переходил через малый С. Бернар на Аосту и Иврею в Грайских Альпах. Моммзен, *P. И.* I 551 сл. W. Ihne, *Römische Geschichte* II, 147 сл.

52 3 с *ветками... эллинов*. У эллинов и римлян ветки в руках и венки на головах были знаком покорности и просьбы о защите. Желз глашатая (*κροάκειον*) из лаврового или оляккового дерева, обвитый двумя змеями, служил у эллинов знаком мира. У римлян различались глашатаи на вестников мира и войны.

53 5 на... скале. Следует ли разуместь под белой скалой высокий меловой утес, одиноко стоящий у подъема на Бернар и именуемый теперь la Roche Blanche, или же какую-нибудь другую возвышенность, трудно сказать с достоверностью.

ibid. выбрались ἐξεμπίροστο. Гл. ἐκμπίροσται соответствует нашему «дефилировать по узкой извилистой дороге».

54 1 заход Плеяды. По словам Плиния (Н. Н. II 47), дня 44 спустя после осеннего равноденствия захождение Вергилий, т. е. Плеяды, начинает зиму, что приходилось приблизительно на половину ноября.

7 протяжения, а не высоты, как неправильно у Ливия XXI 36 in pedum mille admodum altitudinem.

55 2 двигались дальше скользья ἐπέλθειον ὀλισθάνοντες, собственно плыли скользья, изысканное выражение автора.

ibid. сверху... грязью διὰ τῶν ἀκρόπηλων по земле, только верхний слой которой разгрязнен, а нижний остается твердым и сухим. В Полибиевом словаре Эрнести: ἀκρόπηλος in summo tantum lutosus atque lubricus.

56 2 от рек. Интересно, что в предшествующем рассказе не говорится вовсе о потерях Ганнибала от рек; быть может, вм. ποταμῶν следовало бы восстановить πόνων, «трудов», «лишений» в пути.

3 весь... месяцев. Войска созданы из зимних квартир в начале весны (34 6); из Нового Карфагена Ганнибал вышел в начале лета (V 1 3); на вершинах Альп находился в начале зимы (III 54 1). По словам Анниана, Ганнибал по выходе из Испании вступил на италийские равнины на шестом месяце (*hist. Hannib.* 4. 52).

4 С ним... тысяч. Ливий (XI 3 8) передает эти цифры с сомнением и считает нужным прибавить, что, по словам других свидетелей, Ганнибал имел в то время 120 000 воинов. Вступление Ганнибала в Италию совершилось в половине сентября или в начале октября. Vreska, *Untersuch. über die Quellen d. Polyb. im 3-ten. Buche*, стр. 14 сл. Моммзен, *P. II*, I, 555 примеч.

57 1 о том... история περί τῶν ἀρμοζόντων τῇ πραγματείᾳ, о том, что сообразно с историей, о требованиях от истории.

60 9 город. Ливий также не называет этого города XXI 39. У Аппиана он называется Taurasia (*hist. Hannib.* 5), впоследствии August Taurinorum, теп. Турин.

63 2 при... страданий. Сам автор находит более выгодным и удобным для человека приобретать опытность в делах видом чужих бед, а не собственными испытаниями. I 2. 35 7.

64 1 Тикин, лат. Ticinus, теп. Тичино, вытекает из С. Готарда, проходит через Лаго-Маджоре и впадает близ города Павии, древн. Тикин, в р. Пад. Рассказ Ливия вполне согласен с Полибиевым XXI 45.

65 1 реки, не называемой у автора. Обыкновенно разумеется здесь Тикин, теп. Тичино, и самая битва называется «схваткою на Тичино» (например, Моммзен, Вебер, Ине). Полибий разумеет здесь не Тикин, а Пад, как видно из X 3 3, да и читатель сам видит, что о сражении на Тикине едва ли может быть речь в нашем месте: по крайней мере на день пути от Тикина произошло сражение (§ 2). Ср. H. Müller, *Die Schlacht an der Trabia*, стр. 6 прим. 1. Egelhaaf, *Vergleichung des Polybios und Livius über d. italischen Krieg der Jahre 218—217*. Leipz. 1879, стр. 481 сл.

3 метателей дротиков jaculatores, принадлежность легкого вооружения — дротики. Воины имели таких копий в 4 фута длины и в большой палец толщины по семи, и обыкновенно открывали бой пехоты.

7 между... конницы διὰ τῶν διαστημάτων ἴσο τὰς παρ' αὐτῶν ἴλας. Сл. ἴλα первоначально означало подразделения тех agelai, на которые делились в Спарте воспитываемые государством возрасты детей. Оно же соответствует лат. turmae, на которые делилась конница легиона в Риме, — эскадроны.

11 полководца, что Публий был ранен, говорит автор ниже мимоходом.

66 3 первой реки. Какая река разумеется под первой: Тикин или Пад? Вероятнее, Тикин, потому что Ганнибал находился уже на Паде (§ 5). Peter, *Livius und Polybius* стр. 23. Egelhaaf, *Polyb. und Liv.* 485. Большинство разумеет р. Пад. Гульч совсем вычеркивает из текста πρώτου.

67 2 утренней смены περί τὴν ἑωθινὴν φυλακίην. Ночные караулы (vigiliae) в римском лагере продолжались от заката солнца до восхода и состояли из 4 равных смен. Ср. Полиб. VI 35. XIV 3 6.

9 к реке Требии, теп. Trebbia, правый приток Пада, впадает в реку подле Плаценции. О битве на Требии ср. Liv. XXI 48. 51. 54. 56. С. Нер. *Hannib.* 4.

70 7 время выборов. До 154 г. до Р. X. (400 г. Рима) время вступления консулов в должность неоднократно менялась. Самые собрания центуриатских комиций, производивших выборы консулов, переносились иногда с конца текущего на начало нового должностного года. Первые консулы вступали в должность в сентябрьские иды, но впоследствии термин этот все больше отодвигался назад, пока со 153 г. не установился окончательно день вступления в должность; днем этим были январские календы, 1 января. Во время II пунической войны таким днем были мартовские иды. Th. Mommsen, *Römische Chronologie*, стр. 80—109.

71 7 *Ганнибал... солдат*. По словам Ливия (XXI 54), Ганнибал велел Магону отобрать 100 воинов.

72 3 *зимнего солнцестояния*, лат. *bruma*, наикратчайший день в году. По исчислению Ю. Цезаря оно падает на 25 декабря = a. d. VIII Kalendas Januarii (Plin. *N. H.* XVIII 59), по Гиппарху на 17 декабря = a. d. XVI Kalendas Januarii.

7 для *прикрытия ἐφειδρείαν*. Обыкновенно *ἐφειδρείας τὰξιν ἔχειν* означает помощь, оказываемую с тыла; но прикрытия *ἐφειδρεία* может быть и перед стоянкою I 17 11. III 69 10. В нашем месте ничто не мешает понимать это слово в смысле прикрытия с тыла.

11 по римскому способу, т. е. в манипулы.

ibid. *шестнадцать*, у Ливия восемнадцать (XXI 55). Отношение союзнических войск не всегда было одинаково; но союзники никогда не составляли отдельного корпуса и сражались на флангах римского.

73 1 *битва*. Происходила ли битва на правом берегу Требии или на левом, нельзя решить с достоверностью по недостатку ясности в изложении автора. По словам Моммзена (*P. H.* I, 561 примеч.), «рассказ Полибия о битве при Требии совершенно ясен», если местом битвы считать левый берег реки. Ине напротив утверждает, разделяя мнение Петера, что рассказ Полибия понятен только при том условии, если местом битвы считать правый берег реки. Ср. Egelhaaf, *o. s.* 500 сл.

76 5 *Киссоу*, Scissis или Scissum у Ливия XXI 60, город в Испании, для римлян по ту сторону Ибера.

6 *Гандобала*, у римских писателей Indibiles.

7 *царьком τύραννος*.

9 *корабельные воины οἱ ἀπὸ τοῦ στόλου*, лат. *classarii*. Liv. XXI 61 *classici milites navalesque socii*. Во II пуническую войну стали набирать для флота особых солдат, которые имели такое же вооружение, как и легионеры, и потому иногда употреблялись в своем обычном вооружении и для сухопутной службы. Liv. XXII 57. Тацит. *История* I 87.

12 *установленному... наказанию*, т. е. смертной казни, как и у самого Полибия I 17 11. VI 37 сл.

ibid. в *Тарраконе*, теп. *Tarragona*, главный город позднейшей римской провинции Тарраконии, важная гавань ближней Испании.

82 9 *Киртоний*, лат. *Corona* или *Cortona*, теп. *Cortone*, город восточной Тиррении, при р. Кланисе, к северу от Тарсименского озера.

ibid. *озеро... Тарсименским*, лат. *Trasimenus lacus*, теп. *Lago di Perugia*, в восточной Тиррении между городами Кортоною, Перузией и Клузием. В описании битвы у Тарсименского озера замечается во многих пунктах разногласие между Полибием (82 и 84) и Ливием (XXII 4—6). В новой литературе описание нашего историка усваивается Моммзеном (*P. H.* I, 564 сл.), описание Ливия — Нейманом (С. Neumann, *Das Zeitalter der punischen Kriege*. Bresl. 1883). Попытка Ниссена (*Rh. Mus. N. F.* XXII 1867, стр. 565 сл.) соединить оба описания встретила весьма основательные возражения, особенно со стороны Эгельгафа (*Vergleichung d. Berichte d. Polyb. u. Liv.* 509—519) и Фальтина (*Zu den Berichten des Polyb. und Liv. über die Schlacht am trasimenesisch. See*. *Rh. Mus. N. F.* XXXIX Berl. 1884, стр. 260 сл.). Его же: *Polybios oder Livius*. Berl. philolog. Wochenschr. 1884, NN 33. 34.

84 2 *центурионы ταξίαρχοι*, начальники центурий, которых в легионе было 60. Выбирались они консулами через военных трибунов.

14 *Магарбалом*. После победы при Каппе полководец этот советовал Ганнибалу идти медленно на Рим. Liv. XXI 12. 51.

86 6 *при... озере* добавлено в переводе ради ясности.

7 *отказались... год парέντες την κατ' ἐναντιὸν ἀγῶνιν τῶν πραγμάτων καὶ τὴν αἴρεσιν τῶν ἀρχόντων*. Место подлинника кажется испорченным, рукописное чтение мы изменяем так: *παρέντες τὴν διὰ τῶν κατ' ἐναντιὸν ἀρχόντων ἀγῶνιν τῶν πραγμάτων καὶ τὴν αἴρεσιν*. Речь идет о необходимости назначения диктатора, каковое исходило от сената и возлагалось на консулов; власть (*imperium*) сообщалась диктатору куриатскими комициями. Liv. IX 38. Dion. Halic. V 70. На сей раз диктатором был назначен Кв. Фабий Максим. За отсутствием консулов он был избран народом и потому лишь продиктатором. Liv. XXII 8. 31.

87 6 *прекрасно одаренного от природы περικότα καλῶς*, а не знатного происхождения.

ibid. *добавочное... этого человека*. Полибию неизвестно было, что первым носителем прозвания «Максима» был не наш Фабий Кунктор, но дед или даже прадед его Кв. Ф. Максимум Руллиан, прославивший себя в войнах с самнитами, этрусками, умбрами и галлами. Liv. IX 46 и др. Полибий, если не предполагать пробела в рукописном тексте, приписывает славе нашего Фабия то, что приобретенное предком отличие, со временем, быть может, позабытое, было как бы снова завоевано и надолго закреплено за этим домом. Согласно с таким толкованием выражается Ливий о нашем Фабии: «человек этот был вполне достоин столь почетного прозвания, которое как бы начиналось от него. Славою он превзошел отца, с дедом сравнялся». XXX 26.

7 *двадцать четыре*. Консулы имели по 12 ликторов; нераздельная власть диктатора выделялась, между прочим, в назначении ему двойного числа этого рода слуг с пучками розог и с секирами в них. Раньше для отличия диктаторской власти (*imperium*) от консульской в городе считалось достаточным, чтобы 12 ликторов сопровождали его во все время службы, а не с перерывами, как это было для консулов. Lange, *röm. Alterth.* 1, 542 сл.

9 *мы... подробностями*. О государственном строе Рима и о должностях автор говорит в VI кн., но в теперешнем виде книга эта не говорит ничего о диктатуре.

ibid. в начальники конницы *magister equitum*, назначался самим диктатором в помощники себе; но Фабий был только заступающим место диктатора. См. выше 86 7.

88 з *Прететтия и Адрии*, городки пиценской области, первый между Труентом и Вономаном, второй, теп. *Atří*, между Вономаном и Матрином.

ibid. *маррукинов*, одно из сабельских племен в средней Италии на правом берегу Атерна, с городом Театою, теп. *Chieti*. Соседами их на юге были *френтаны* вдоль Адриатического моря, к северо-западу от р. Френтона, теп. *Fortore*.

4 *другой невететиями τῶν δὲ λευκετίων* вставка Клувера, так как в рукописях поименовываются только две части, а не три.

ibid. в *Давнию*, северная часть Япигии, или Апулии, от реки Френтона до реки Ауфиды.

5 *от Луцерии*, теп. *Lucega*, самнитский город Давнии, к югу от Френтона и к западу от Арпов. Разрушенная римлянами вследствие возмущения самнитов, она была восстановлена в качестве римской колонии в 316 г. до Р. X.

6 *Ойбония*, вероятно, в Давнии, так что нельзя отождествлять его с бруттийским городом Вибонием.

ibid. *аргирипское поле*, лат. *ager Arpinus*, в окрестностях города Арпов, основанного, как полагают, эллинами под именем *Ἄργος Ἰπλιον*, откуда образовалась *Argyrippa*.

8 *подле Давнии περὶ τῆν Δαυνίαν*. Чтение это по сличению с Ливием (XXII 11 5) возбуждает некоторые сомнения, и Зеек предлагает читать л. г. *Narvian* подле Нарнии, в Умбрии подле Тибра. *Hermes*, XII В. 4 Н. 1877, стр. 509 сл. Консул Сервийл двинулся из цизальпинской Галлии на защиту Рима ближайшей дорогой; диктатор, по словам римского историка, принял командование над войсками консула в области Окрикула в Умбрии, а не в Апулии, как у Полибия. В сл. *Δαυνίαν* первую рукою написаны только *δ* и *νίαν*. Во всяком случае показание Ливия предпочтительнее.

9 *Эк*, город в Давнии недалеко от границы Самнии.

89 б *две победы*. Ганнибал считает (III 7) не два, а три победоносных сражения: одно на Паде, другое на Требии, третье у Тарсименского озера. Полибий и в других местах от себя ли, или устами римского полководца называет два поражения римлян, умалчивая о первом, в котором побежден был Сципион. III 90 13. 108 8 сл.

8 *поня... с неприятелем*, в подлиннике изысканное выражение, малоудобное для точной передачи на русский язык: *εἰς δὲ τὰ ἀρετέρα προτερήματα τοῖς λογιμοῖς ἀναχωρήσας ἐν τοῖς διέτριβε καὶ διὰ τούτων εὐερίσσει τὸν πόλεμον*.

90 в *Беневетт*, древний пеласгийский город при слиянии рр. Сабата и Калора, переименован из Малевента после важной победы над Пирром в 275 г. до Р. X. За 50 лет до начала II пунической войны туда выведена была римская колония.

ibid. *Венузию*, теп. *Venosa*, город в Апулии на реке Ауфиде, к востоку от Апеннинна, колонизирована римлянами в 292 г. до Р. X. Так как карфагеняне перевалили через Апеннины на запад, то, кажется, правильным должно считать чтение Ливия, называющего в этом месте город Телезию, на восточном берегу р. Волтурна, к северо-западу от Беневента, в Самнии, о котором и идет речь. После сражения при Канне в Венузию спасся консул Гай Теренций Варрон (III 116 13), причем автор ни слова не говорит о занятии города карфагенянами.

10 *Фалерном*. Известно поле фалернское на горе Массике в Кампании, прославленное фалернским вином.

91 4 *синуессяне*. Синуесса, теп. развалины подле *Castel Rocca di Mondragone*, город Лациума к северу от реки Волтурна; в окрестностях его приготавливались вина массикское и фалернское.

ibid. *дикеархиты*. Город Дикеархия, теп. *Pozzuoli*, основан кумскими выходцами в Кампании у ПUTEОЛАНСКОГО ЗАЛИВА и переименован в *Puteoli* после занятия его римлянами во II пуническую войну. *Liv.* XXIV 7. 13.

ibid. *неаполитанцы*. Город Неаполь подле гавани теперешнего города того же имени в Кампании, колония Кум.

ibid. *Нукерии*, теп. *Nocera*, город в южной Кампании на Аппиевой дороге.

5 *калены*, жители авсонского города Кал в Кампании, теп. *Cavli*.

ibid. *тианиты*, жители города Теана Сидикина, теп. *Tiāno*, в Кампании.

ibid. *ноланы*, жители города Нол, основанного авлонами, теп *Nola*.

8—9 *один... третий*. Названия второго прохода нет в рукописях, только в баварском списке (С) имеется *δευτέρα δὲ ἡ ἀπὸ τοῦ Ἐριβαίου* из гл. 92 1. Швейггейзер понимает проход из Лациума *ἀπὸ τῆς Λατίνων χώρας*. Тейфель (N. Rh. Mus. VII, 471) устанавливает следующие

три пути: один, самнитский, через Бовиан, Эзернию, Аллифы, другой через нынешний Валле-ди-Кузано, между Эрибаном и М. Lacinio, третий через землю гирпинов на Эквустутикул и Тавразию через кавдинскую дорогу в Кампанию.

9 *гирпинов*, народ Самния, к востоку от Кампаний, к западу от Апулии, к северу от Луканий.

92 1 *Эрибаном*, теп. Monte Erbano, высоты на р. Вултурне.

ibid. Атурна, теп. Turno, приток горного притока Тегерна, в который Турно изливается при Черрето; Титерн протекает между М. Erbano и М. Lacinio и вливается в Вултурн. Рукописное чтение Athurgop восстановлено Тейфелем в упомянутой выше статье на основании географических изысканий Шнара.

93 4 *рабочих быков τῶν ἐργατῶν βοῶν*, у Ливия «ручных» domitos. XXII 16.

95 2 *Гамилькара*, у Ливия флот поручен Имилкону (XXII 19); но и в других местах имена эти перемешиваются.

96 12 *к острову керкинян*, о-в Керкина к востоку от М. Сиртиса, у северного берега Ливии.

13 *Коссиром*, остров подле Селинунта в Сицилии.

98 5 *Бостор*, то же рассказывает о нем Ливий XXII 22. О другом карфагенском вожде того же имени Полиб. I 28.

100 1 *Геруний*, у Ливия XXII 18. 24. 39 Geronium, город самнитов.

2 *Либурна*, неизвестное в Италии имя. Швейгтейзер полагает, что нужно читать Табурн *Táβυρνον*, гора Самния, что подле Кавдия.

101 3 *ларинатскою областью*, у Ливия XXII 18. 24 in Larinate agro. Город Ларин, теп. Larino, в области френтанов в Самнии на р. Тиферне.

104 4 *владынам ιπποβόλας*, остроумная поправка Рейске вм. *ιπερβόλας* перевалы, вершины гор. Поправка оправдывается и чтением Ливия XXII 28 in has latebras, quot quetque locum arte insidere poterant.

7 *ведение... битве*, т. е. легкомысленное, опрометчивое: vanis animis et minis increpat hostem. Liv. XXII 29.

106 2 *проконсулов ἀντιστράτηγος*, — термин употреблен здесь не в позднейшем смысле наместников провинций, но в первоначальном, собственном: заступающим место консула, было ли это лицо раньше консулом или не было. Тот же термин *ἀντιστράτηγος* означает у Полибия пропретора. XV 4 1. Автор выражается не совсем точно о смене должностных лиц. Диктаторы сменили власть ранее окончания служебного года до избрания новых консулов, и консулы текущего года, Гн. Сервилий Гемин и М. Атилий Регул, приняли командование над всем войском. С избранием новых консулов власть прежних еще продолжалась. Ср. Liv. XXII 31—34. Столь же неточно выражение Полибия о том, что прежние консулы действовали по своему усмотрению; так они действовали раньше, но с назначением новых консулов обязаны были сообразоваться с указаниями этих последних (§ 9).

107 3 *Канною*, лат. Cannae, город в Апулии, недалеко от берега Адриатики, на правом берегу Ауфиды. О сражении при Канне см. Liv. XXII 46 сл. Appian. *Hannib.* 20 сл. R. Schillbach, *de Cannis et pugna Cannensi.* N. Ruppin. 1860.

ibid. *Канузия*, теп. Canosa, город в Апулии, к юго-востоку от Канны, на правом берегу р. Ауфиды, колония эллинов.

12 *второе*, у Ливия вдвое: socii *duplicem* numerum equitum darent, pedites aequarent. XXII 36. По исчислению самого Полибия, в каннском сражении было всей конницы немного больше 6000 (113 5. 117 2), что более согласуется с показанием Ливия, нежели Полибия: по этому последнему в 8 легионах конницы было бы вместе с союзнической около 10 000.

109 1 *консулы... года*. По словам Ливия (XXII 40), один из этих консулов, М. Атилий Регул, отослан был с поля битвы в Рим.

110 8 *Ауфидом*, теп. Ofanto, важнейшая река Апулии, протекает мимо Кантузия и Канны и изливается в Адриатику двумя рукавами.

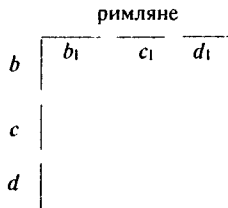
112 8 *из уст... о помощи*. Подобное же наблюдение сделано Фукидидом о настроении умов в Элладе перед началом пелопоннесской войны. Фукид. II 8. О религиозности римлян Полиб. VI 56 1.

113 3 *манипулы... ширина*. В том же смысле манипула употребляются автором слова *σπείρα* и *σπυαία*.

114 6 *Марк Атилий Регул*. В этом пункте между нашим автором и Ливием существует явное разногласие. Римский историк называет в описании каннской битвы одного Сервилия Гемина (XXII 34), а потом (40) говорит, что новые консулы отпустили М. Атилия в Рим. Ср. Полиб. III 109 прим. Полибий сообщает дальше (116 11), что в этой битве пали оба консула предыдущего года. Между тем из Ливия (XXIII 21) и Валерия Максима (II 9 8) мы знаем, что М. Атилий Регул на третьем году после битвы при Канне был цензором. Следовательно, известно Ливия необходимо отдать предпочтение.

115 9 *влево ἐλ' ἄσπιδος*, собственно в сторону щита, который держали левой рукой.

ibid. справа ἐκ δόρατος, т. е. со стороны копья, которое держали правой рукой. Графически перемещения в карфагенском строе могут быть изображены так:

До сих пор карфагеняне стояли в одной линии; теперь оба крыла их выстраиваются фронтом против римского фланга. Левый флигельман остается на месте. На правом крыле часть, ближайшая к центру, делает оборот влево и из положения *b* становится в положение *b₁*; к ней примыкают далее стоящие части, направляясь вправо от первой и из положений *b c* переходят в положения *b₁ c₁*. Выражение *ἐμβολὴν ποιῆσαι* (§ 9), повторяющееся ниже в слове *ἐπιπαρενέβαλλον*, означает в данном случае не самое нападение на врага, — значение это исключается и словом *παρίστατο* (§ 9), — но движение непосредственно предшествующее занятию новой позиции.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИБИЯ

Возвращение к истории ахейян и ко II книге; причины, по которым автор избрал за начало 140-ю олимпиаду (1—2). Причины союзнической войны ахейян и Филиппа с этолянами и лакедемонянами: хищнические нравы этолян, надежды их справиться с одними ахейянами без Антигона; вторжение Доримаха в Пелопоннес и козни его в Этолии против мессенян (3—5). Вторжение этолян в Пелопоннес; решимость ахейян помочь мессенянам; стратегия Арата (6—7). Сочетание противоположных качеств в характере Арата (8). Обращение Арата к этолянам и жестокое поражение его при Кафиях (9—12). Возвращение этолян домой через Истм (13). Раздражение ахейян против Арата и примирение с ним; решения ахейян относительно этолян; безрассудное решение этолян (14—15). Тайный союз лакедемонян с этолянами; союз с ними иллирийца Скердилаида (16). Появление этолян с Доримахом во главе перед аркадским городом Кинефою, жестокости этолян в Кинефе, ограбление святилища Артемиды, возвращение домой (17—19). Грубость нравов кинефян в связи с пренебрежением их к музыке; образовательное значение музыки вообще (20—21). Появление Филиппа в Пелопоннесе; междуусобицы в Лакедемонне; переговоры и союз Филиппа с лакедемонянами (22—24). Собрание союзников в Коринфе с участием Филиппа, жалобы союзников на этолян, решение собрания (25). Начало союзнической войны; возобновление дружбы между ахейянами и царями Македонии; избрание этолянами Скопаса в стратеги (26—27). Упоминание других событий того же времени, рассказанных раньше (28). Вооружения Филиппа, союз с Скердилаидом, поведение прочих союзников, особенно мессенян (29—33). Раздоры и междуусобицы в Лакедемонне, союз с этолянами (34—35). Вторжение лакедемонян в Аргос и начало войны их с ахейянами, решимость элейцев на войну с ахейянами; избрание Арата младшего в стратеги (36—37). Война родосцев с византийцами; выгоды и неудобства положения Византия; описание Понта, Фракийского Боспора (38—44). Трудное внешнее положение Византии, вынужденной уплатою дани галатам взимать провозные пошлины; жалобы на это родосцев; участие Пруссия и Аттала в войне родосцев с византийцами (45—51). Посредничество царя галатов Кавара и примирение родосцев с византийцами (52). Войны на Крите (53—55). Война Митридата против Синопы (56). Неудачное нападение этолян на Эпир; вторжение этолян с Евритидом во главе из Элиды в земли ахейян; медлительность Арата и вынужденное тем отделение некоторых городов от ахейского союза (57—60). Появление Филиппа в Эпире, осада и завоевание им Амбрака; вторжение Скопаса в Македонию и разорение Дия и святьнь его; дальнейшее движение Филиппа в равнину Страта (61—63). Подвиги Филиппа в Акарнании, возвращение в Македонию, поход в Фессалию; перечисление одновременных событий, рассказанных в III книге (64—66). Стратег этолян Доримах опустошил Эпир; Филипп появился неожиданно в Коринфе

и созвал вооруженных ахеян (67). Решительная победа македонян над Еврипидом (68—69). В Кафиях Филипп соединился с ахеянами, пошел войною на аркадский город Псофид и по завоевании передал его ахеянам; передал им Ласион, а Страт телфусцам, отдохнул в Олимпии и двинулся на элейцев; беспечность элейцев (70—74). Занятие Фалам Филиппом (75). Козни Апеллы, одного из опекунов Филиппа, против ахеян; характер Филиппа; вторжение Филиппа из Элеи в Трифилию и завоевание нескольких городов, добровольная передача других (76—80). Хилон и междоусобицы в Лакедемонне (81). Зимняя стоянка Филиппа в Аргосе; козни Апеллы против обоих Аратов и друзей их (82). Филипп отвоевал Тейхос и опустошил Элею (83). Апелла посрамлен в кознях своих против Аратов (84—86). Завещание Антигона; зимовка Филиппа в Аргосе (87).

Связь с
предыду-
щим, оправ-
дательные
объяснения
автора

- 1 В предыдущей книге мы объяснили причины второй войны между римлянами и карфагенянами и рассказали о вторжении Ганнибала в Италию; кроме того, мы изложили битвы, происходящие между ними до сражения при реке Ауфиде и городе Канне. Теперь начиная с той же сто сороковой олимпиады, мы расскажем события, совершившиеся за то же самое время в Элладе. Но предварительно в немногих словах припомним читателям нашего сочинения те вступительные замечания, какие сделаны были нами во второй книге о делах эллинов вообще и об ахейском народе в особенности, ибо это государство в наше время и раньше возросло необычайно.
- 2 Так, отправляясь от Тисамена,¹ одного из сыновей Ореста, мы заметили, что ахеяне с этого времени находились под управлением царей из рода Орестова до Огига, за сим установили у себя прекраснейшее народное правление, что впервые государство их было раздроблено на отдельные города и деревни царями Македонии.² Вслед за этим мы рассказали о том, каким образом ахеяне начали соединяться снова, какие из городов их первые и в какое время соединились между собою. После этого мы показали, какими средствами и с какою целью ахеяне привлекали к себе другие государства и задумали объединить всех пелопоннесцев под одним именем, в одном государственном устройстве. После общих замечаний об этих начинаниях мы касались в последовательном порядке отдельных событий, пока не дошли до изгнания лакедемонского царя Клеомена.³ Потом, кратко повторив события, упомянутые во введении до смерти Антигона, Селевка и Птолемея, которые все скончались в это самое время,⁴ мы в заключение пообещали приступить к собственной истории нашей, начав с событий, которые примыкают к упомянутым выше.
- 3 Дать такую основу повествованию нам казалось наиболее удобным, во-первых, потому что на этом времени обрываются записки Арата,⁵ а мы решили продолжить его повествование и дать дальнейшую историю эллинов. Во-вторых, события дальнейшие, те, которые входят в нашу историю, совершались в такое время, что принадлежат или нашей собственной поре, или временам отцов наших; благодаря этому мы или сами были свидетелями их,

¹ II 41.

² II 41 9. IV 29 1. IX 28 1.

³ II 69 10—11.

⁴ II 71 4.

⁵ I 3 2.

или узнавали о них от очевидцев. Напротив, при восхождении 3
к более древним временам и при записывании одного предания
на основании другого мы находили, что невозможно ни досто-
верно узнать что-либо, ни правильно оценить. С этого именно 4
момента мы начали свой рассказ больше всего потому, что тогда
как бы сама судьба придала совершенно новый вид всей обитае-
мой земле. Так, родной сын Деметрия Филипп только что по- 5 221
лучил власть над Македонией, будучи еще мальчиком; господ-
ствовавший в Азии по сю сторону Тавра Ахей имел не только
царское звание, но и власть. Немного раньше Антиох, прозван- 7
ный Великим, по смерти брата своего Селевка наследовал цар-
скую власть в Сирии, будучи еще совершенно юным.¹ В одно вре- 8
мя с ними Ариарат получил власть над каппадокиянами; тогда
же и Птолемей Филопатор сделался владыкою Египта.² Немного 9
спустя стал царем лакедемонян Ликург, а незадолго до того кар- 219
фагеняне выбрали военачальником своим Ганнибала для расска-
занных раньше предприятий.³ С повсеместными переменами та-
кого рода в правителях должно было наступить и новое положе-
ние дел. Так обыкновенно бывает, так случилось и тогда, именно:
римляне и карфагеняне начали описанную выше войну,⁴ в одно 10
время с ними оспаривали друг у друга Койлесирию Антиох и Пто-
лемей; ахейяне и Филипп начали войну против этолян и лакеде-
монян, причины которой были приблизительно следующие.

Этоляне давно уже тяготились мирным положением,⁵ вынуж- 3
давшим их расходовать собственные средства, тогда как они при-
выкли жить на счет соседей, а потребности их при врожденной
кичливости были велики; она-то побуждает их вести постоянно
хищнический, дикий образ жизни; никого не считают они другом
себе, напротив, во всех видят врагов. Тем не менее прежде, пока 2
жил Антигон,⁶ этоляне из страха перед македонянами держались
спокойно. Затем, когда Антигон умер и оставил царство юному 3
Филиппу, они пренебрежительно относились к этому последнему 221
и искали только случая и предлога вмешаться в дела Пелопон-
неса. К этому побуждали их и старая привычка к хищению, и
уверенность в том, что одни ахейяне не устоят против них в войне.
Этоляне питали такие замыслы, а случайное обстоятельство не 4
замедлило прийти им на помощь, и вот под каким предлогом они
начали войну. Был некий Доримах трихониец, сын того Нико- 5
страта, который предательски нарушил мир во время общебео-
тийского праздника;⁷ в юношеском возрасте, преисполненный
этолийской воинственности и алчности, этот Доримах отправился
по поручению союза в город фигальян. Город находится в Пело- 6
поннесе и лежит на границе мессенской земли; в то время он
входил в состав этолийского союза. Доримах отправился туда под 7
предлогом охраны полей и города фигальян, на самом же деле для
того, чтобы выведать положение дел в Пелопоннесе. Когда пи- 8
раты начали стекаться в Фигалию и являлись к нему, Доримах

Союзниче-
ская война

¹ II 70.

² II 71 з.

³ III 13 4. II 36.

⁴ II пуническую.

⁵ II 44 сл.

⁶ Досон. Ср. II 70.

⁷ IX 34 11.

не мог доставить им добычи законным путем, так как общеэллинский мир, возобновленный Антигоном, в то время еще продолжался;¹ наконец, не зная, как быть, он дозволил пиратам похитить скот у мессенян, друзей и союзников этолян. Сначала пираты нападали на стада в пограничных местах Мессении; потом, став смелее, они дерзали врывать и в дома, что были на полях, появляясь ночью, когда никто не ждал их. Когда мессеняне, негодуя на это, отправляли к Доримаху одно посольство за другим, он вначале не обращал никакого внимания на их жалобы, ибо ему хотелось дать добычу подначальным ему людям и в то же время попользоваться самому, как участнику в дележе добычи. Но так как обиды продолжались непрерывно и посольства являлись все чаще и чаще, то Доримах объявил, что сам придет в Мессену с целью оправдаться от обвинений, взводимых на этолян. Когда он прибыл в Мессену и к нему стали приходиться потерявшие, одним он отвечал шутками и насмешками, на других нападал, третьих запугивал ругательствами.

4 Доримах оставался еще в Мессене, когда однажды пираты приблизились ночью к городу и с помощью приставленных лестниц ворвались в так называемый двор Хирона, причем тех слуг, которые защищались, перебили, а остальных перевязали и увели вместе со скотом. Эфоры мессенян, давно уже недовольные поведением пиратов и долговременным пребыванием Доримаха в их городе, этот последний случай сочли новою для себя обидою и поэтому призвали его в собрание должностных лиц. В собрании Скирон, бывший в то время эфором мессенян и за свой образ жизни вообще пользовавшийся большим уважением у граждан, советовал не выпускать Доримаха из города до тех пор, пока он не возместит всех причиненных мессенянам потерь и не пред- ставит на суд виновных в убийстве пиратов. Когда все находившиеся в собрании признали справедливость предложения Скирона, Доримах пришел в ярость и заявил, что они слишком наивны, если воображают, что оскорбляют только его, а не государство этолян, и прибавил, что считает все поведение их возмутительным, что вскоре все они понесут наказание, и по заслугам. В это время жил в Мессене гнусный человек, по имени Бабирт, один из тех людей, которые совершенно утратили человеческие свойства; его нельзя было отличить от Доримаха, раз он надевал на себя широкую шляпу и плащ: до такой степени Бабирт походил на Доримаха голосом и всем сложением; это было известно и Доримаху. Когда он обращался к мессенянам с наглою и угрожающею речью, Скирон в гневе сказал: «Неужели, Бабирт, ты воображаешь, что мы боимся тебя или твоих угроз?» При этих словах Доримах, уступая на это время обстоятельствам, обещал, что мессеняне за все содеянные им обиды получат удовлетворение. Однако по возвращении в Этолию он почувствовал себя до такой степени обиженным словами Скирона, что, не имея сколько-нибудь достаточного повода, он из-за этого только возбудил войну против мессенян.

5 Стратегом этолян был в то время Аристон. Но по слабости здоровья он был непригоден к военному делу, кроме того, состоял в родстве с Доримахом и Скопасом, а потому под некоторыми

¹ II 70 4.

условиями передал всю власть этому последнему. Но Доримах не 2
решался открыто поднимать этолян на войну с мессенянами, по-
тому что для этого недоставало подходящего повода, и потому
еще, что всем было известно, что причина его воинственности —
его беззаконие и упомянутая выше насмешка над ним. Поэтому 3
Доримах и не думал об открытом возбуждении к войне, но тай-
ком старался приобщить Скопаса к своим замыслам против мес-
сенян; при этом указывал ему на то, что со стороны македонян
опасаться им нечего благодаря возрасту владыки их: Филиппу бы-
ло в то время не больше семнадцати лет от роду. Говорил он 4
также о нерасположении лакедемонян к мессенянам, а с другой
стороны, напоминал ему о благоволении элейцев к этолянам и
о союзе их, из чего заключал, что вторжение в Мессению может
быть совершено ими безнаказанно. Но главным его доводом при 5
увещании этолийца было напомирование о добыче, предстоящей им
в мессенской земле, беззащитной и во всем Пелопоннесе един-
ственной, оставшейся нетронутой в Клеоменову войну.¹ Ко всему 6
этому Доримах добавил, что Скопас стяжает себе за это призна-
тельность этолийского народа. Что касается ахеев, сказал он, то, 7
препятствуя проходу этолян, они не должны будут жаловаться,
если встретят отпор со стороны защищающихся; если же они
останутся в покое, то замыслы этолян осуществляются беспрепят-
ственно. Для нападения на мессенян у него нет недостатка в 8
предлоге, говорил он; ибо давно уже они провинились тем, что
обещали ахеевцам и македонянам участие в союзе. Этими и по-
добными доводами в том же роде Доримаху удалось так настроить 9
Скопаса и друзей его, что они не стали дожидаться союзного со-
брания этолян, не совещались с апоклетами, вообще не соблюли
обычных способов действия и, следуя только голосу страсти и сво-
им желаниям, объявили войну одновременно мессенянам, эпиро-
там, ахейцам, акарнанами и македонянам.

Тотчас они отправили на море пиратов, которые подле Кифер 6
встретили царское македонское судно, доставили его с командою
в Этолию и там продали начальников корабля, солдат и самый
корабль. Пираты опустошали побережье Эпира, для совершения 2
этих насильий постоянно пользуясь еще кораблями кефалленян;
в Акарнании пытались завладеть Тирием. В одно время с этим 3
этоляне тайком отправили отряд через Пелопоннес и в середине
мегалопольской земли заняли укрепленное место, именуемое Кла-
рием; там они устроили торговлю добычею и утвердились для со-
вершения грабежей. Однако местность эта была в несколько дней 4
отвоевана стратегом ахеев Тимоксеном при содействии Тавриона,
которого Антигон оставил в Пелопоннесе в звании царского упол-
номоченного. Дело в том, что на занятие Коринфа царем Анти- 5
гоном ахейцы согласились в страхе перед Клеоменом; напротив,
Орхомен он взял приступом и не возвращал ахейцам, удерживая
за собою как свою собственность. Мне кажется, ему хотелось не 6
только владеть проходом в Пелопоннесе, но и господствовать над
внутренними частями его при помощи поставленного в Орхо-
мене гарнизона и собранных там военных сил. Между тем Дори- 7
мах и Скопас выждали такое время,² когда Тимоксену оставалось 220

Пираты
этолян и
поведение
ахеев и
Арата

¹ II 51 сл.

² Ср. 7 6.

немного до конца службы, а Арат, хотя был выбран ахейцами в стратеги на следующий год, но еще не вступал в должность, собрали все этолийское ополчение к Рию, запаслись перевозочными судами, поставили наготове корабли кефалленян, переправили людей в Пелопоннес и двинулись на Мессению. Проходя через поля патрян, фариян и тритеян, они показывали вид, что не желают чинить никакой обиды ахейцам. Однако толпа, умеренно жадная к добыче, не могла удержаться от хищения, а потому этоляне на всем пути разоряли и грабили поля, пока не дошли до Фигалии. Отсюда они совершили внезапное и дерзкое вторжение в область мессенян, невзирая на дружественный союз, искони существовавший между ними и мессенянами, нарушая общепризнанные права народов; все принося в жертву своей алчности, они опустошали безнаказанно страну, так как мессеняне не дерзали выходить против них.

7 Между тем наступило время очередного собрания ахейцев, и 2 они сошлись в Эгий. Когда собрание было открыто, патряне и фарейцы стали перечислять обиды, причиненные этолянами при переходе через их земли, а от мессенян явилось посольство с 3 просьбой о помощи против вероломства и насилия этолян. Слушавшая эти жалобы, остальные ахеяне разделяли негодование патрян 4 и фарейцев и сочувствовали бедствию мессенян. Возмутительнее всего казалось ахеянам то, что этоляне в противность договорам осмелились вторгнуться с войском в Ахаю, не получив ни от кого разрешения на проход и не сделав даже попытки попросить о 5 том. Раздраженные всем этим ахеяне постановили, что мессенянам должна быть оказана помощь, а стратег должен созвать ахеян в собрание вооруженными, и какое бы решение после совещания ни было постановлено, оно должно войти в силу. Тимоксен, который в то время был еще стратегом, так как не истек срок службы его, уклонялся от похода и от самого созыва войск, ибо не полагался на ахеян, которые в это время нерадиво упражнялись в военном деле. Вообще по изгнании спартанского царя Клеомена все пелопоннесцы, будучи утомлены прежними войнами и рассчитывая на прочность установившегося положения дел, 8 пренебрегали военным делом. Однако Арат, раздраженный и подстрекаемый наглостью этолян, брался за дело весьма горячо, тем более что уже с давнего времени питал к этолянам враждебные 9 чувства. Поэтому он торопился созвать вооруженных ахеян в собрание и горел желанием сразиться с этолянами. Наконец за пять 10 дней до установленного срока он принял государственную печать от Тимоксена, написал городам и созвал в Мегалополь способных 11 к военной службе ахеян в вооружении. Мне кажется, уместно будет предпослать несколько замечаний об Арате, ибо характер его своеобразен.

8 Арат во всех отношениях был совершенный государственный 2 муж. Он умел держать речь, составить план и хранить в тайне принятое решение. Никто спокойнее его не умел переносить гражданские распри, привязывать к себе друзей, приобретать союзников; к тому же он был замечательно способен изобретать против неприятеля коварные способы действия, хитрости и козни 3 и осуществлять их при помощи настойчивости и отваги. Очевидных доказательств этого очень много; из них наиболее убедительные известны каждому, кто знает в подробностях взятие Сикиона и Мантинеи, изгнание этолян из города пелленян, а в особенности

образ действий Арата относительно Акрокоринфа.¹ Зато этот с- 5
мый человек всякий раз, когда решался овладеть открытым полем
сражения, оказывался неизобретательным в планах, робким в на-
падении и неспособным глядеть прямо в лицо опасности. Поэтому 6
он наполнил Пелопоннес трофеями, обращенными против него,
и в этих случаях неприятелю всегда легко было превзойти его.
Так неравномерны природные свойства людей не только телес- 7
ные, но еще больше душевные: не говоря уже о том, что один
и тот же человек в различных делах оказывается очень способ-
ным к одним и совершенно негодным к другим, но даже в делах
однородных бывает и весьма пронизательным, и столь же тупым,
весьма отважным и величайшим трусом. Необычайного здесь нет 8
ничего, и люди наблюдательные хорошо это знают. Так, иные 9
смелы на охоте в борьбе со зверями и в то же время падают духом
перед оружием и неприятелем, да и в ратном деле одни и те же
люди ловки и храбры в единоборстве и ни к чему негодны в массе
с другими и в строю. Например, конные воины фессалийцев не- 10
сокрушимы в эскадроне и фаланге; напротив, когда по обстоя-
тельствам времени и места приходится сражаться вне строя, один
на один, они становятся неловкими и негодными; этоляне наобо-
рот. Критяне неодолимы на суше и на море в засадах, разбоях, 11
в обкрадывании неприятеля, в ночных нападениях и вообще во
всех делах мелких, сопряженных с хитростью; напротив, им недо-
стает мужества и стойкости, когда неприятель наступает массой
с фронта, выстроенный в фалангу; ахейцы и македоняне наобо-
рот. Я сообщил это для того, чтобы рассеять недоверие читателей, 12
если нам придется высказывать противоположные суждения об
одних и тех же людях в положениях сходных.

Тем временем согласно решению ахейя в Мегалополе собра- 9
лись все способные носить оружие: на этом месте мы сделали от-
ступление.² Мессеняне явились снова в собрание с просьбою не 2
оставлять без наказания столь явное нарушение договора, при
этом изъявляли желание принять участие в общем союзе и спе-
шили приписаться к прочим союзникам. В принятии в союз пра- 3
вители ахейя отказали мессенянам, так как никто не мог быть
принят в союз без соизволения Филиппа и прочих союзников. Де-
ло в том, что оставался пока в силе клятвенный договор, заклю- 4
ченный при посредстве Антигона между ахейцами, эпиротами,
фокиянами, македонянами, беотянами, акарнанами, фессалий-
цами. Но они соглашались выйти на помощь мессенянам, если 5
явившиеся послы отдадут своих сыновей в Лакедемон в качестве
заложников в обеспечение того, что мессеняне без согласия ахейя
не заключат мира с этолянами. Согласно условиям союза, лаке- 6
демоняне также выступили в поле и расположились лагерем на
границах мегалопольцев, но не столько по долгу союзников, сколько
ради наблюдения и выжидания событий. Что касается Арата, то, 7
устроив таким образом отношения с мессенянами, он отправил
посольство к этолянам, дабы известить их о принятом решении
и побудить удалиться из мессенской области и не касаться земли
ахейя; в противном случае угрожал поступить как с неприятелем 8
с каждым из них, вступившим на ахейскую землю. Скопас 8

Битва при
Кафиях

¹ II 51 г. 52.

² 7 10.

- и Доримах выслушали сообщение и, узнав, что ахеяне собрались, нашли полезным для себя подчиниться требованиям Арата. Тот-
9 час они отправили вестников в Киллену и к Аристону, стратегу
этолян, с письменною просьбою о скорейшей доставке им пере-
10 возочных судов к элейскому острову Феяде. Два дня спустя они
снялись со стоянки вместе с добычею и направились к Элее; ибо
с элейцами этоляне жили всегда в дружбе, через них получая
возможность вмешиваться в деле Пелопоннеса и пользоваться
этим вмешательством для грабежей и разбоев.
- 10 Арат подождал еще два дня и в простодушной уверенности,
что этоляне возвратились домой, как они и хотели показать, рас-
2 пустил ахеян и лакедемонян по домам; а сам с тремя тысячами
человек пехоты и с тремястами конницы, а также с войском Тав-
риона двинулся к Патрам с намерением следовать за этолянами
3 стороною. Когда Доримах и Скопас узнали, что войско Арата на-
блюдают за ними и следует стороною, то частью из страха на-
падения ахеян во время посадки на корабли, частью из желания
4 возбудить войну, они отправили к судам добычу, причем отря-
дили достаточное количество испытанных людей для обеспечения
переправы и отряжаемым воинам отдали приказ выйти им на-
встречу у Рия, ибо, говорили Доримах и Скопас, там они сядут
5 на судно. Сами они первое время следовали за отправленной до-
бычей с целью прикрытия, а потом переменили направление и
6 пошли к Олимпии. Услышав, что Арат и Таврион с упомянутым
выше войском находятся в окрестностях Клитора, и полагая, что
при таких обстоятельствах им невозможно будет совершить пе-
7 реправу от Рия без опасностей и битвы, они решили, что для
них выгодно будет сразиться возможно скорее с войсками Арата,
пока весьма малочисленными и совершенно не ожидающими на-
8 падения. При этом Доримах и Скопас исходили из того соображе-
ния, что, принудив неприятеля к отступлению, они ограбят стра-
ну и беспрепятственно переправятся от Рия, а тем временем Арат
9 будет занят размышлениями о новом созыве ахеян; напуганное
войско Арата убежит и не пожелает сразиться, а они получат
возможность безопасно вернуться домой, когда им заблагорассу-
10 дится. Руководствуясь расчетами такого рода, этоляне двинулись
вперед и расположились лагерем в Мегалополитиде подле Ме-
фидрия.
- 11 Узнав о приближении этолян, ахейские вожди повели дело так
неискусно и обнаружили такую несообразительность, больше ко-
2 торой и быть не может. Повернув от клиторской области, они
разбили свой лагерь подле Кафий, а когда этоляне направились
от Мефидрия мимо города орхоменян, они вывели ахеян на рав-
нину Кафий и стали строиться там в боевой порядок, причем про-
4 текающая через равнину река служила им прикрытием. Так как
отделяющее их от ахеян пространство было неудобопроходимо,
ибо перед рекою были еще рвы, большею частью трудные для
переправы, так как ахеяне обнаруживали готовность к битве, то
этоляне вопреки первоначальному решению не отважились сра-
зиться с врагом и двинулись в полном порядке к горным пере-
5 валам в направлении к Олигирту; они рады были бы, если бы
6 никто не нападал на них и не принуждал к битве. Передовой
отряд этолян подходил уже к перевалам, а замыкавшая движение
конница проходила еще по равнине и приближалась к так на-
зываемому Проподу горного склона, когда Арат и Таврион вы-

слали вперед под начальством акарнана Эпистрата конницу и легких воинов с приказанием подойти к неприятельскому тылу и тревожить его. В том случае, если бы настала необходимость 7 вступить в битву, ахеяне не должны были нападать на задние ряды, когда неприятель оставил уже за собою ровные места, но напасть на передовой отряд немедленно по вступлении его на равнину. Таким образом, решительное сражение должно было про- 8 изойти на ровной, гладкой местности, очень неудобной для ахеян с их вооружением и всем вообще военным строем и, напротив, очень благоприятной и выгодной для этолян, так как их вооружение и порядки были противоположны ахейским. Итак, вместо 9 того, чтобы воспользоваться удобствами времени и места, ахеяне к выгоде неприятеля спустились в равнину; соответствующий тому получился и исход сражения.

Когда легкий ахейский отряд начал битву, этолийская конница в порядке отступила к горному склону, поспешая на соединение со своей пехотой. Не различая хорошо, что делается, и не взвесив надлежаще последствий, Арат и Таврион, лишь только завидели, что конница отступает, вообразили, что она бежит, а 3 потому с обоих флангов послали вперед одетых в панцири воинов и приказали им идти на помощь легковооруженным и соединиться с ними; сами поспешным беглым маршем повели свое войско с фланга. Между тем этолийская конница, как скоро прошла рав- 4 нину и соединилась с пехотой, остановилась под прикрытием горных склонов. Пехоту этоляне стягивали на фланги и звали к себе; 5 пешие воины с готовностью бежали на зов, и все находившиеся уже в пути возвращались к своим на помощь. Находя войско до 6 статочно многочисленным для битвы, этоляне сомкнулись и ударили на передние ряды ахейской конницы и легковооруженных; благодаря численному перевесу, а также тому, что нападение сделано было с высоты, они, хотя и после продолжительной битвы, 7 обратили неприятеля в бегство. Когда ахеяне оборотили тыл и бежали, на помощь им подходили панцирные воины в беспорядке и врассыпную, как были в пути. Одни из них не понимали, что делается, другие встречались с бегущими, а потому и сами вынуждены были повернуть назад и также бежать. Вследствие этого 8 побежденных в стычке с неприятелем было не больше пятисот человек, а бежавших более двух тысяч. Самое положение дела 9 давало знать этолянам, как действовать, и они теснили врагов с тыла с неистовыми, громкими криками. Пока ахейские войска 10 рассчитывали отступить к тяжеловооруженным в уверенности, что те остаются на прежних местах в безопасности, до тех пор бегство их совершалось правильно и не без успеха; но как скоро 11 бегущие заметили, что и тяжеловооруженное войско покинуло свои безопасные позиции и ушло далеко вперед врассыпную, часть их отделилась и в беспорядке бросилась по соседним городам; другие, наталкиваясь на фалангитов, шедших им навстречу, 12 наводили ужас на своих же без всякого вмешательства неприятеля и увлекали друг друга в беспорядочное бегство. Как мы ска- 13 зали выше, ахеяне при отступлении бежали в города; и в самом деле, близость Орхомена и Кафий спасла многих; не будь этого, вероятно, все ахеяне нашли бы здесь безвременную гибель. Так кончилась битва при Кафиях.

12
Битва ахе-
ян с этоля-
нами при
Кафиях

По получении известия о том, что этоляне расположились ста- 13 ном подле Мефидрия, мегалопольцы созваны были звуками трубы

- и явились всей массою на помощь своим на другой же день после битвы, и вот тех самых людей, коим они рассчитывали помочь при жизни в борьбе с врагом, мегалопольцы должны были теперь хоронить, как павших от руки неприятеля. Они вырыли могилу на кафийской равнине, собрали убитых и похоронили их со всеми почестями. Тем временем этоляне, столь неожиданно выигравшие сражение только силами конницы и легковооруженных, беспрепятственно проходили теперь дальше внутрь Пелопоннеса.
- При этом случае они покушались было взять город пелленян, опустошили поля сикионян и наконец ушли домой через перешек.
- Таковы были причины и поводы союзнической войны; началом ее послужило состоявшееся вслед за сим решение всех союзников, которое они приняли на собрании в городе коринфян под председательством царя Филиппа.
- 14 Когда через несколько дней после сражения ахеяне сошлись в очередное собрание, то все вместе и каждый порознь жестоко роптали на Арата, так как, по общему убеждению, он был виновником рассказанного выше несчастья. Противники Арата выступили против него с обвинениями и с обличениями явных ошибок, чем еще больше раздражали и подстрекали толпу. Первая неоспоримая вина его состояла, казалось, в том, что он еще до наступления срока своей службы¹ воспользовался преждевременно властью другого лица для того, чтобы возложить на себя одно из таких дел, в каких он многократно терпел неудачу, что было известно и ему самому. Другая более важная ошибка состояла в том, что он распустил ахеян как раз в то время, когда этоляне находились внутри Пелопоннеса, тем более, что он заранее знал об усилиях Скопаса и Доримаха ниспровергнуть существующее положение и возбудить войну. Третья ошибка была та, что со столь малочисленным войском он вступил в битву с неприятелем без всякой нужды, имея к тому же возможность отступить спокойно в соседние города, собрать ахеян и тогда только дать битву неприятелю, если уж он находил это выгодным. Но последняя и самая важная вина его состояла в том, что, раз решившись на битву, он действовал с такою оплошностью и неосмотрительностью, что не воспользовался равниною и не употребил в дело тяжеловооруженных и только с легкими войсками напал на этолян на горном склоне, что для противника было наиболее выгодно и желательно. Однако лишь только выступил Арат и напомнил о своих прежних делах и заслугах перед государством, лишь только в ответ на обвинения стал доказывать, что вина за случившееся падает не на него, а в то же время пресил о помиловании, если он действительно упустил что-либо в этой битве, и прибавил, что вообще следует судить о делах не с раздражением, но со снисхождением к человеческой слабости, тотчас после этого настроение народа изменилось, и великодушные ахеян дошло до того, что они долгое время гневались на противников Арата за нападки их и во всех дальнейших действиях поступали согласно указаниям Арата. События эти относятся к предшествующей олимпиаде, а последующие к сто сороковой.

¹ 7 10.

Постановления ахеян были следующие: отправить послов к эпи- 15
ротам, беотянам, фокидянам, акарнанами и к Филиппу¹ с объяс- 2
нением того, каким образом этоляне вопреки договору уже дважд- 2
ы с оружием в руках вторглись в Ахею, в силу союза просить 3
их о помощи и о принятии в союз мессенян. Стратег должен на- 3
брать войско из ахеян в пять тысяч человек пехоты и пятьсот 3
конницы и с ними идти на помощь мессенянам в случае втор- 4
жения этолян в их область. Он должен войти в соглашение с ла- 4
кедемонянами и мессенянами относительно того, какое число пе- 4
хоты и конницы они обязаны поставить на общие нужды. Муж- 5
ественно перенося постигшую их беду, ахеяне принятием таких 5
решений показали, что не оставляют мессенян без помощи и не 5
отказываются от своих планов, а назначенные к союзникам по- 5
сольства занялись исполнением возложенных на них поручений. 5
Стратег согласно постановлению произвел набор войска в Ахае, 6
а с лакедемонянами и мессенянами вошел в соглашение, по ко- 7
торому они должны были доставить по две тысячи пятьсот чело- 7
век пехоты и по двести пятьдесят конных воинов, так что всего 7
войска для предстоящих нужд было десять тысяч пехоты и тысяча 7
конницы.

Постанов-
ления ахе-
ян и этолян

Между тем этоляне с наступлением очередного собрания по- 8
становили сохранять мир с лакедемонянами, мессенянами и всеми 8
прочими народами с коварною целью обольстить ахейских союз- 8
ников и отторгнуть их от ахеян. Что касается ахеян, то этоляне 9
порешили жить с ними в мире, если они откажутся от союза с 9
мессенянами, в противном случае — воевать: ничего не могло быть 9
нелепее такого решения. Будучи сами союзниками как ахеян, так 10
и мессенян, они объявляли войну ахеянам в том случае, если ахе- 10
яне и мессеняне будут жить в дружбе между собою и в союзе; 10
если, напротив, ахеяне выберут войну с мессенянами, то этоляне 10
обещали заключить с ними отдельный мир. Таким образом, ко- 11
варство этолян вследствие превратности поведения их не имело 11
для себя никакого оправдания.

Эпироты и царь Филипп, выслушав послов, согласились на при- 16
нятие мессенян в союз; поведением же этолян они первое время 2
возмущались, хотя не особенно удивлялись ему, ибо в нем не бы- 2
ло ничего необыкновенного, напротив, такое поведение было в 2
привычках этолян. Поэтому эпироты и Филипп не очень гнева- 3
лись на этолян и порешили оставаться в мире с ними: настолько 3
легче прощаются постоянно совершаемые несправедливости, не- 3
жели редкие и необычные проступки. И этоляне знали это: они 4
грабили Элладу непрерывно, без объявления войны нападали на 4
многие народы и в то же время не удостоивали своих обвинителей 4
оправдания, но еще издевались над каждым, кто вздумал бы при- 4
звать их к ответственности за обиды прошлые или даже за- 4
мышляемые. Лакедемоняне, незадолго перед тем освобожденные 5
при содействии Антигона и усилиями ахеян, обязанные воздер- 5
живаться от всяких неприязненных действий против македонян 5
и Филиппа, без ведома их отправили посольство к этолянам и 5
тайком заключили с ними дружественный союз. 5

Помощь ла-
кедемонян и
иллирян это-
лянам

Ахейское войско было уже набрано, лакедемонянам и мессе- 6
нянам отдан был приказ относительно доставки вспомогательных 6

¹ Ср. 9 4.

отрядов, когда Скердилаид и Деметрий из Фара с девяноста лодками вышли из Иллирии и поднялись вопреки договору с римлянами выше Лисса.¹ Прежде всего они пристали к Пилу и следовали нападению на него, но были отбиты. После этого Деметрий с пятьюдесятью лодками пошел на острова и, переходя от одного к другому, с сорока лодками на обратном пути домой пристал к Навпакту по просьбе зятя своего, царя афаманов, Амина, через Агелая заключил договор с этолянами относительно дележа добычи и дал обещание вторгнуться в Ахаю вместе с ними. По заключении договора с Скердилаидом Агелай, Доримах и Скопас, когда город кинефян был выдан им изменою, собрали все этолийское ополчение и вместе с иллирянами вторглись в Ахаю.

17 Стратег этолян Аристон, как бы вовсе неприкосновенный к тому, что делается, спокойно оставался дома, повторяя, что он не воюет с ахеянами и блюдет мир, — наивный, ребяческий образ действий. Наверное, всякий сочтет простоватым и глупым человека, который рассчитывает прикрыть словами явные поступки. Между тем Доримах направил свой путь через ахейскую область и внезапно появился перед Кинефою. Что касается кинефян, по происхождению аркадян, то с древних пор они обуреваемы были непрерывными жестокими распрями, в которых многие были умерщвлены или изгнаны, сверх того имущество расхищалось, производились все новые переделы земли, пока наконец не восторжествовали и не завладели городом сторонники ахеян; после этого они призвали гарнизон для своих укреплений и правителя города их Ахаи. Таково было положение дел, когда незадолго перед появлением этолян изгнанники обратились через послов к находившимся в городе кинефянам с просьбою о примирении и о возвращении их на родину. Владевшая городом партия согласилась на это и отправила посольство к ахейскому народу, ибо желала, чтобы примирение состоялось с одобрения ахеян. Ахеяне охотно дали свое согласие в той уверенности, что теперь они будут пользоваться расположением обеих партий, ибо владевшие городом кинефяне возлагали все свои надежды на ахеян, а возвращенные в город будут обязаны своим восстановлением разрешению ахеян. Тогда кинефяне отпустили из города гарнизон и начальника его, помирились с изгнанниками и возвратили их числом до трехсот человек; перед тем они взяли с изгнанников обещание верности, какое у людей почитается наиболее торжественным. Однако вернувшиеся в город изгнанники не стали выжидать причин или поводов, которые могли бы оправдывать возобновление распрей; напротив, немедленно по возвращении они начали злоумышлять против отечества и своих благодетелей. Мне кажется, что даже в то самое время, когда примирявшиеся давали друг другу клятвы в верности, стоя над жертвенными животными, изгнанники думали только о нарушении обетов, даваемых богам и доверявшим им людям. И в самом деле, как скоро последовало принятие их в число граждан, изгнанники тотчас призвали этолян и изменнически выдали им город, дабы возможно скорее погубить вконец и своих спасителей, и вскормившую их 18 родину. А вот и дерзкий способ исполнения их плана. Некоторые

Поведение
этолян в Ки-
нефе, нравы
кинефян

¹ II 12 з. III 16 з.

из возвратившихся изгнанников сделались полемархами. На обязанности этих должностных лиц лежит запирать ворота и, пока ворота заперты, хранить ключи и весь тот день находиться на башнях, что у ворот. Вооруженные, с лестницами наготове это- 3 ляне выжидали удобного момента. Полемархи из числа изгнан- 4 ников умертвили на башнях своих товарищей по должности и открыли ворота. Вслед за сим часть этолян ворвалась в город через 5 ворота, тогда как другие взошли по прилаженным лестницам и завладели стенами. Все находившиеся в городе жители, напуган- 6 ные неожиданным происшествием, очутились в трудном, беспомощном положении: дать дружный отпор врагам, врывающимся через ворота, им не позволяли этоляне, нападавшие на стены, защищать укрепления не давали враги, врывающиеся через ворота. Благодаря этому этоляне быстро завладели городом, причем 7 рядом с бесчинствами совершили единственное, справедливейшее дело: первыми умертвили они тех самых людей, которые впусти- 8 ли их и выдали им город, — затем разграбили их имущество. Так точно поступили они и со всеми прочими жителями, наконец 8 ворвались в жилища граждан, разграбили имущество их, пытали многих кинефян, которых подозревали в сокрытии денег, дорогой утвари или каких-нибудь других ценностей.

Расправившись таким образом с кинефянами, этоляне снялись 9 отсюда, оставив гарнизон в укреплениях, и двинулись по направлению к Лусам. Подойдя к святилищу Артемиды, которое нахо- 10 дится между Клитором и Кинефою и почитается у эллинов неприкосновенным, они угрожали расхитить стада богини и все, что было вблизи храма. Лусиаты были настолько рассудительны, что 11 отдали кое-какую утварь богини и тем предотвратили кощунство и жестокие насилия. Этоляне взяли с собою эти драгоценности, 12 тотчас снялись с места и расположились станом перед городом клиторян.

Около этого времени стратег ахеян Арат отправил посольство 19 к Филиппу с просьбою идти на помощь, собирал набранное войско, к лакедемонянам и мессенянам обращался с напоминанием присылать назначаемые по договору войска. С другой стороны, 2 этоляне прежде всего требовали от клиторян отложиться от ахеян и вступить в союз с ними, а когда клиторяне решительно отвергли 3 это, они перешли к приступу, приставили лестницы к стенам и пытались овладеть городом. Но так как жители города защища- 4 лись мужественно и смело, этоляне, уступая обстоятельствам, снялись со стоянки и, снова двинувшись к Кинефе, на сей раз захватили и увели с собою стада богини. Затем прежде всего они 5 предоставили Кинефу элейцам, а когда сии последние отказались принять город, этоляне вознамерились удержать его за собою и назначили Еврипида правителем. Потом, из страха вспомогатель- 6 ного войска, которое, как говорили, идет из Македонии, они предали город пламени, отступили отсюда и снова направились к Рио, решив в этом месте совершить переправу.

Между тем Таврион получил известие о вторжении этолян и 7 о судьбе Кинефы, знал также, что Деметрий из Фара удалился от островов и вошел в Кенхреи, а потом стал звать Деметрия на помощь ахеянам, уговаривал его перетащить свои лодки через перешеек и напасть на этолян во время самой переправы. Деметрий, 8 преследуемый родосцами, на обратном пути от Киклад вывез больше корысти, чем славы, и потому охотно принял предложение

- Тавриона, ибо этот последний принимал на себя расходы по перетаскиванию лодок. Деметрий переправился через перешеек, но опоздал на два дня к переправе этолян, вследствие чего довольствовался опустошением некоторых местностей на этолийском побережье и возвратился снова в Коринф.
- 10 Лакедемоняне со злым умыслом не посылали условленного вспомогательного войска и только для виду отправили ничтожное
- 11 количество конных и пеших воинов. Со своей стороны, Арат, стоявший во главе ахеев, показал себя в тогдашнем положении не
- 12 столько военачальником, сколько государственным мужем. Весь погруженный в воспоминания о понесенном поражении, он не предпринимал ничего, а тем временем Скопас и Доримах привели в исполнение все свои планы, возвратились на родину невзирая на то, что путь их лежал через теснины и местности, удобные для неприятельского нападения: достаточно было одного трубача.
- 13 Что касается кинефян, то, сколь ни жестоки были невзгоды и ни тяжки несчастья, постигшие их через этолян, они, казалось, заслужили свои бедствия более всякого другого.
- 20 Дело в том, что аркадский народ в целом пользуется у всех эллинов доброй славой не только за гостеприимство и добродушие, проявляющееся в его нравах и образе жизни, но больше всего
- 2 за свое благочестие. Поэтому на дикости кинефян стоит остановиться хоть немного и разъяснить, почему они, бесспорно аркадяне, так сильно отличались в те времена от остальных эллинов
- 3 жестокостью и преступностью. Мне кажется, произошло это от того, что они первые и единственные из всех аркадян пренебрегли установлением предков, прекрасно задуманным и верно
- 4 считанным на природные свойства всех жителей Аркадии. Занятие музыкой — я разумею собственную музыку — полезно всем
- 5 людям, а аркадянам оно необходимо. Не следует думать, будто музыка введена была среди людей для обмана и оболъщения, как утверждает Эфор в своем предисловии ко всеобщей истории, об-
- 6 молвившийся недостойным его суждением. Не следует также думать, что древние критяне и лакедемоняне без всякой цели за-
- 7 менили для войны трубу флейтою и ритмом, или что точно так же древнейшие аркадяне отвели во всем общежитии столь видное место музыке и, при самом суровейшем образе жизни в других
- 8 отношениях, постановили, чтобы музыкою занимались не одни дети, но и молодые мужчины до тридцатилетнего возраста. Дей-
- 9 ствительно, хорошо известно каждому, что почти у одних только аркадян дети с самого нежного возраста прежде всего приучаются
- 10 петь с соблюдением размеров гимны и пеаны, и в них в каждой общине прославляются согласно исконному порядку туземные герои и божества; потом они выучивают песни Филоксена и Тимофея и ежегодно с большим старанием исполняют хоровые песни в театрах под музыку Дионисовых флейтистов, причем дети участвуют в детских состязаниях, а юноши в так называемых
- 11 состязаниях мужей. Да и в продолжение всей жизни на увеселительных собраниях они забавляют себя не столько наемными исполнителями, сколько своими собственными средствами, заставляя друг друга петь песни по очереди. Показать себя несведущими в прочих предметах у них не предосудительно; но у них немисливо ни заявить себя незнающим музыки, ибо все аркадяне обязаны учиться ей, ни отказываться от пения, если кто умеет
- 12 петь, ибо такой отказ в Аркадии предосудителен. Кроме того, они

упражняются в маршировке под звуки флейты с соблюдением военного строя; юноши их обучаются танцам и ежегодно по общественному почину и на общественный счет дают представления в театрах на глазах у сограждан.

Мне кажется, что древние установили эти порядки не ради 21 неги и не из роскоши, но потому, что признавали необходимость самодельности для каждого гражданина, видели, что вся жизнь их исполнена трудов и лишений, что нравы их суровы вследствие холодного и туманного климата, господствующего в большей части их земель, ибо природные свойства всех народов неизбежно складываются в зависимости от климата. По этой, а не по какой- 2 либо иной причине народы представляют столь резкие отличия в характере, строении тела и в цвете кожи, а также в большинстве занятий. С целью смягчить и умерить необузданную суровую 3 природу аркадяне и ввели у себя все помянутые выше порядки, сверх того приучили мужчин и женщин к общим собраниям и частым жертвоприношениям, установили совместные пляски девушек и юношей; словом, они сделали все для того, чтобы воспитанием 4 характера смирить и смягчить неукротимость души аркадян.

Кинефяне совершенно пренебрегли этими учреждениями, хотя 5 в такого рода воспитании они нуждаются наиболее, потому что занимают страну самую суровую во всей Аркадии по климату и почве; потом, обратив свои силы на взаимные обиды и раздоры, 6 они одичали до такой степени, что у них совершаются преступления столь тяжкие и так часто, как ни в одном из эллинских государств. Как несчастны были благодаря этому кинефяне и ка- 7 кое недовольство в остальных аркадянах возбуждали они своим поведением, доказывает следующее: когда кинефяне после вели- 8 кого кровопролития отправили посольство к лакедемонянам, во всех исконных городах аркадян, куда только по пути оно ни заходило, требовали через глашатая немедленного удаления послов, а мантинеяне по уходе их совершили очищение и обносили жер- 9 твенных животных вокруг города и всей земли своей.

Рассказ наш да послужит к тому, чтобы из-за одного города 10 не подвергались нареканиям нравы всего народа аркадян, чтобы какая-либо часть жителей Аркадии не вообразила, что прилежное занятие музыкою существует у них только от избытка, и не вздумала бы пренебрегать этими занятиями, чтобы и сами кинефяне, 11 если когда-либо божество будет милостиво к ним, постарались облагородить себя воспитанием, больше всего музыкою; ибо этим только способом они могут избавиться от того одичания, какое отличало их в прежнее время. Рассказав о приключении с кинефянами, мы возвратимся к прерванному повествованию.¹

Такие-то дела совершили этоляне в Пелопоннесе, после чего 22 благополучно возвратились на родину, а Филипп, направляясь с 2 войском для подания помощи ахеянам, прибыл в Коринф. Он опоздал, а потому отправил вестников с письмами ко всем союзникам и настаивал, чтобы каждый из них возможно скорее прислал в Коринф своих людей для обсуждения мер на общую пользу. Сам 3 он, получив сведения о кровавых междоусобицах в среде лакедемонян, снялся со стоянки и двинулся к Тегее. Лакедемоняне 4 привыкли к царскому управлению и к полной покорности своим

Появление
Филиппа в
Пелопоннесе

¹ 19.

правителям; незадолго перед сим они получили свободу при содействии Антигона¹ и, так как царя у них больше не было, начали междоусобные распри, и все требовали для себя равного положения в государстве. Вначале двое эфоров не открывали своего образа мыслей, а трое остальных вступили в общение с этолянами в той уверенности, что Филипп слишком еще юн, чтобы совладать с делами Пелопоннеса. Но когда сверх ожидания этоляне быстро удалились из Пелопоннеса, а Филипп еще быстрее прибыл из Македонии, тогда страх овладел тремя эфорами: к одному из двух остальных эфоров, Адейманту, они питали недоверие, потому что тот знал все планы их и был не особенно доволен происходящим. Поэтому они опасались, как бы Адеймант не открыл всех замыслов их царю Филиппу, когда он подойдет ближе; с этою целью они вошли в сношения с частью молодежи и через глашатая призывали годные к войне возрасты явиться во всеоружии к святилищу Обитательницы медного дома, ибо, говорили они, македоняне приближаются к городу. На этот необыкновенный призыв люди быстро собрались. Тогда Адеймант, недовольный происходящим, выступил вперед и пытался убедить и просветить собравшихся. «Такие требования глашатая и приказы собираться людям вооруженным», говорил он, «были бы уместны раньше, в то время, когда мы получали известия о приближении к границам нашей земли врагов, этолян, а не теперь, когда мы узнаем, что к нам идут благодетели и спасители наши, македоняне, с царем во главе». Лишь только Адеймант начал эту речь, как на него кинулись назначенные для этого молодые люди, закололи его, а вместе с ним Стенелая, Алкамена, Фиеста, Бионда и многих других граждан. Полифонта и с ним вместе несколько друзей его были настолько догадливы, что предусмотрели грозившую беду и ушли к Филиппу.

23 По совершении этого дела стоявшие во главе управления эфоры тотчас отправили посольство к Филиппу с обвинениями против убитых и с просьбою отсрочить свое прибытие до тех пор, пока последние волнения не улягутся и все в городе не придет в порядок, а ему да будет известно, что они решили блюсти во всем верность и благоволение относительно македонян. Послы повстречались с царем уже подле горы Парфения и сообщили ему то, что им было приказано. Царь выслушал послов, велел торопиться домой и объявить эфорам, что вслед за сим он отправляется сам и расположится лагерем при Тегее, а эфоры обязаны возможно скорее выслать к нему сведущих людей для переговоров о настоящем положении. Послы исполнили приказание царя, а правители лакедемонян послали к Филиппу десять человек. Те с Омием во главе отправились к Тегее, явились в совет царя и обвиняли Адейманта и друзей его, как виновников волнения, сами обещали Филиппу исполнять во всем обязанности союзников, уверяя, что в доброжелательстве к нему они не уступят ни одному из народов, коих он почитает своими настоящими друзьями. После этих и подобных заявлений лакедемоняне ушли обратно, а в совете голоса разделились. Одни, понимавшие козни спартанцев и уверенные в том, что Адеймант погиб за дружественное расположение к македонянам и что лакедемоняне вознамерились

¹ 16 5.

действовать сообща с этолянами, — советовали Филиппу показать пример на лакедемонянах и поступить с ними так, как Александр поступил с фивянами вскоре по достижении власти. Другие, из числа старейших, доказывали, что такая мстительность превосходила бы меру преступления, что наказать следует виновных и по отрешении их от должности передать государство и управление в руки друзей царя. Последним говорил царь, если высказанные тогда мнения приписывать ему: невероятно в самом деле, чтобы семнадцатилетний юноша мог дать правильное суждение в столь важном деле. Однако нам, историкам, подобает присваивать начальникам те мнения, которые восторжествовали при совещаниях; читатели пускай подразумевают, что подобные суждения и предложения исходили, по всей вероятности, от царских друзей, притом особенно близких ему. Так и в настоящем случае: высказанное царем мнение может быть приписано с наибольшей вероятностью Арату. Филипп говорил, что, пока речь идет о несправедливых действиях союзников внутри своих государств, до тех пор ему следует довольствоваться для восстановления порядка устными или письменными увещаниями и напоминаниями, и только в тех случаях, когда обиды касаются целого союза, должно следовать общесоюзное вмешательство и наказание. «Лакедемоняне не совершили никакого явного преступления против целого союза и в то же время обещают во всем исполнять свои обязанности относительно нас, а потому несправедливо было бы поступать с ними с беспощадною строгостью». Было бы нелепо, если бы он по причине столь маловажной принял какую-либо крайнюю меру против того самого народа, которому не причинил никакой обиды отец его,¹ когда лакедемоняне были его врагами, и он восторжествовал над ними. Когда взяло верх это предложение, именно: оставить случившееся без возмездия, царь тотчас отправил в Лакедемон одного из друзей своих, Петрея, вместе с Омием и его товарищами, дабы они убедили народ оставаться дружелюбно расположенным к нему и македонянам, а при этом дали бы и получили от лакедемонян клятвенное подтверждение союза. Сам Филипп снялся с войском со стоянки и направился обратно к Коринфу. Решением относительно лакедемонян он явно показал союзникам благородство своего настроения.

Союз Филиппа с лакедемонянами

В Коринфе Филипп нашел явившихся от союзных государств представителей и в совете с ними обсуждал меры, какие следовало принять против этолян. Беотяне жаловались, что этоляне в мирное время ограбили святилище Афины Итонии, фокидяне, — что они же пошли войною на Амбрис и Давлий и покушались взять эти города, эпироты, — что они разорили их область; акарнаны рассказывали, каким образом этоляне вели предательские козни против Фирея и дерзнули напасть на город в ночную пору.² В дополнение к этому ахеяне сообщили, каким образом этоляне захватили Кларий в мегалопольской области,³ по дороге опустили поля патрян и фариян, разграбили Кинесфу, ограбили святилище Артемиды в Лусах,⁴ осадили город клиторян, напали с моря на Пил,⁵

Жалобы союзников на этолян в Коринфе и решение союзников

¹ Дядя Антигон Досон.

² 6 2.

³ 6 3.

⁴ 8 9.

⁵ 16 7. IX 38 8.

- а с суши на Мегалополь, едва только восстановленный, с целью
5 разрушить его при содействии иллирян. По выслушании жалоб
все члены союзного совета единогласно решили объявить войну
6 этолянам. Поименованные выше причины войны они предвари-
тельно исчислили в определении, подлежавшем голосованию, и
дополнили его следующим постановлением: каждому союзнику,
7 у которого этоляне со времени смерти родного отца Филиппа, Де-
метрия, отняли землю или город, все прочие обязаны помогать
в борьбе за возвращение отнятого, равным образом союзники обя-
заны восстановить исконные учреждения у всех тех, которые си-
лою обстоятельств вынуждены были вступить в этолийский со-
юз,¹ дабы они владели своими полями и городами, избавлены бы-
ли от содержания у себя гарнизонов и от дани, жили независимо
8 по исконным законам и установлениям. Совет постановил также
оказать помощь амфикионам в восстановлении своих законов и
в возвращении под свою власть святилища, которое к этому вре-
мени отняли у них этоляне с целью самим заведывать им.
- 26 Принятием этого постановления в первом году сто сороковой
олимпиады положено было начало так называемой союзнической
войне, справедливой, вызванной предшествовавшими насилиями.
- Начало со-
юзнической
войны
- 2 Немедленно совет разослал посольства к союзным государствам,
дабы каждое из них по утверждению союзного постановления на-
3 родом начинало наступательную войну с этолянами. Этолян Фи-
липп извещал письмом, что они могут еще в нынешнем собрании
уладить спор устными объяснениями, если сумеют представить
4 основательные оправдания в ответ на жалобы; если же этоляне
воображали, что обиженные защищаться не будут на том осно-
вании, что те грабили и разоряли всех их без союзного решения,
а в случае отказа будут почитаться виновниками войны сами за-
5 щищающиеся, то они непомерно наивны. По получении письма
правители этолян сначала не рассчитывали, что Филипп явится
6 к ним, и назначили день, в который думали сойтись к Рию; но,
узнав о его приближении, они поспешили известить его письмом,
что сами по себе до общего собрания этолян правители не вправе
7 принять какое-либо окончательное решение. Между тем ахеяне
в очередном собрании единогласно утвердили постановление со-
юзников и через глашатая возвестили о дозволении идти за до-
8 бычей на этолян. Царь явился в союзную думу в Эгий и произнес
там пространную речь; слова его были приняты сочувственно, и
с самим Филиппом возобновлены были ахеянами дружественные
отношения, ранее того соединявшие их с его предками.
- 27 Около этого же времени у этолян наступили выборы, и в стра-
теги себе они выбрали Скопаса, виновника всех рассказанных вы-
ше насилий. Я не знаю, что и сказать об этом. Не воевать по
общенародному постановлению, но со всем ополчением совершать
хищнические походы на соседей, при этом ни одного из виновных
в том не только не карать, но еще оказывать почет избранием
в стратеги людей, руководивших подобными предприятиями, та-
3 кое поведение представляется мне верхом коварства. И в самом
деле, какого другого названия заслуживают подобные подлости?
4 Нижеследующее пояснит мои слова. Когда Фебид вопреки дого-
вору овладел Кадмеей, лакедемоняне наказали его, но гарнизона

¹ II 2.

из Кадмеи не вывели, как будто обида смывалась наказанием виновного; между тем им следовало поступить наоборот, сделать то, что важно было для фиванцев. Потом, по заключении Анталки-5 дова мира они через глашатаев объявили государства свободными 387 и в управлении независимыми; но гармостов не вывели из городов. Выселив мантинеян, находившихся в дружественном союзе 6 с ними, лакедемоняне не называли этого несправедливостью, говоря, что они только из одного города расселили мантинеян по многим городам. Глупо и подло воображать, что, если сам за-7 крываешь глаза, то и другие не видят. Оба государства навлекли 8 на себя таким поведением величайшие бедствия. Всякий, озабоченный благополучием своим или своего государства, никогда не должен подражать этим примерам.

Между тем царь Филипп, устроив отношения свои с ахеянами, 9 направился с войском в Македонию, чтобы поскорее приготовить-ся к войне. Не только в союзниках, но во всех эллинах выше-10 упомянутое решение пробудило светлые надежды на милость и царское великодушие Филиппа.

События эти совершались в то самое время, когда Ганнибал, 28 покорив своей власти все земли по сю сторону реки Ибера, Одновременные события готовился к походу на город зананфян.¹ Если бы первые подвиги 2 Ганнибала были с самого начала введены нами в историю эллинов, то необходимо было бы в предыдущей книге при изложении событий переходить от Эллады к Иберии и, следуя порядку времени, рассказывать об одних событиях бок о бок с другими. Но 3 так как эти войны в Италии, Элладе и в Азии имели не одно и то же начало, хотя и общий исход, то мы и считали нужным рассказывать о них отдельно, пока не дошли до того момента, когда разные события переплелись между собою и начали приводить к одной цели. При таком изложении становятся ясными 4 как начало каждого события, так и время сплетения их; относительно этого последнего мы в самом начале труда нашего намекнули на то, когда, каким образом и по каким причинам оно совершилось.² Напротив, дальнейший рассказ будет у нас общий для всех стран. Что касается слияния событий, то наступило оно 5 к концу войны на третьем году сороковой олимпиады. Поэтому 217 события позднейшие мы будем излагать в порядке времени в общем повествовании, а предшествующие им отдельно, причем, как я сказал уже, мы будем только упоминать о событиях одновременных, изложенных в предыдущей книге; тогда повествование наше будет не только понятно, но для прилежных читателей и завлекательно.

Перезимовав в Македонии, Филипп деятельно набирал войска 29 для предстоящей войны и в то же время ограждал Македонию укреплениями против живущих над нею варваров. После этого 2 он свелся со Скердилаидом и, смело доверившись ему, повел переговоры о дружественном союзе; ему не трудно было склонить 3 Скердилаиду на свою сторону частью обещаниями помощи в устройении иллирийских дел, частью жалобами на этолян, обвинить которых было так легко: преступления, совершаемые частными 4 лицами и государствами, если и различаются чем-нибудь, то, быть

¹ Ср. III 15.

² I 3 3—5.

может, единственно бóльшим количеством и бóльшими размерами последствий. Так, скопища плутов и воров гибнут больше всего от того, что участники их нарушают взаимные права и вообще не блюдают верности в отношениях друг к другу. Точно то же случилось тогда и с этолянами. Они обещали дать Скердилаиду некую долю добычи, если он примет участие во вторжении их в Ахаю. Тот согласился и помогал этолянам при вторжении, а они, разграбив город кинефян, похитив множество людей и скота, не уделили Скердилаиду ничего из награбленного. Вследствие этого он затаил в себе злобу против этолян, и чуть только Филипп в немногих словах пробудил воспоминание об этом, как он поддался увещанию и согласился вступить в общий союз с условием, что будет получать ежегодно по двадцати талантов¹ и выйдет с тридцатью лодками на морскую войну против этолян.

30 Пока Филипп был занят этими делами, отправленные к союзникам послы прибыли прежде всего в Акарнанию и вступили в 2 переговоры с тамошним народом. Акарнаны бесхитростно утвердили решение союзников и пошли войною на этолян.² Между тем акарнанами более, чем кому-либо другому, было бы простительно замедлить, отложить войну и вообще уклоняться от борьбы с соседями. Они плотно примыкают к границе этолян, потом, что гораздо важнее, будучи предоставлены самим себе, легка одолимы, наконец, и это самое главное, незадолго перед тем они подверглись самым тяжким испытаниям за вражду к этолянам. Но, мне кажется, человек честный всегда, во всех делах, личных ли то, или общественных, ставит долг выше всего, и акарнаны во всех почти обстоятельствах поступают именно таким образом больше, чем какой-либо иной из эллинских народов, хотя силы их и незначительны. В трудные времена можно обращаться к их содействию не колеблясь, даже искать его предпочтительно перед прочими эллинами, ибо как отдельные личности, так и целый народ 6 отличаются стойкостью и благородством. Что касается эпиротов, то, выслушав объяснения послов, они также приняли постановление союзников, но решили начинать войну с этолянами только 7 тогда, когда будет воевать царь Филипп. Этолийским послам они отвечали, что эпироты решили блюсти мир с ними, обнаружив 8 тем трусость и двоедушие. К царю Птолемею³ также отправлено было посольство с просьбою не посылать этолянам денег и вообще не оказывать им никакой поддержки против Филиппа и союзников. 31 Мессеняне, из-за которых и началась война, дали такой ответ явившимся к ним послам: так как Фигалия лежит на их границе и находится во власти этолян, то они не могут братья 2 за оружие прежде, чем город этот не будет отнят у этолян. К такому решению принудили народ против его желания тогдашние эфоры,⁴ Ойнид и Никипп, равно как и некоторые олигархически настроенные граждане, в чем, по моему убеждению, они поступили неразумно и совершенно неправильно. Признаюсь, и я считаю войну делом страшным, но нельзя же страшиться войны до такой степени, чтобы во избежание ее идти на всевозможные

1 Около 45 000 руб.

2 Ср. 26 2 прим.

3 Птолемей IV Филопатор.

4 Ср. 4 2 прим.

уступки. Зачем всем нам восхвалять гражданское равенство, право открыто выражать свои мысли, свободу, если нет ничего лучше мира? Ведь мы не одобряем фиванцев за поведение их в мидийской войне, за то, что они уклонились от борьбы за Элладу и из трусости приняли сторону персов, не одобряем и Пиндара, который в следующих стихах выражает сочувствие фиванцам за любовь их к миру: «Каждый из граждан, жаждущих света народу, пусть ищет яркого блеска пышного мира». Первое время слова его казались убедительными; но вскоре поняли, что он давал постыднейший и пагубнейший совет. Мир справедливый и почетный — прекраснейшее и плодотворнейшее состояние; но нет ничего постыднее и гибельнее, как мир, купленный ценою позора и жалкой трусостью.

Правители мессенян¹, настроенные олигархически и озабоченные личными ближайшими выгодами, всегда расположены были к миру больше, чем следует. Благодаря этому мессеняне неоднократно переживали трудные положения, а иногда спасались от разных бед; но благодаря тому же настроению зло накоплялось мало-помалу, и они повергли родину в величайшие несчастья. Причина этого, по моему мнению, в том, что мессеняне живут по соседству с двумя сильнейшими народами Пелопоннеса или чуть не целой Эллады: я разумею аркадян и лаконян. Один из этих народов всегда относился к ним с непримиримой враждою с того самого времени, как занял Лаконику; другой народ, напротив, относился к ним дружественно и с участием, а мессеняне не отвечали ни настоящей враждой лакедемонянам, ни искренней дружбой аркадянам. Когда народы эти бывали заняты междуособицами или войною с каким-нибудь иным народом, мессенянам было хорошо: находясь по своему положению в стороне от воюющих, они всегда наслаждались миром. Зато, когда лакедемоняне бывали свободны от войны и начинали вредить мессенянам, эти последние были не в силах одни противостоять напору лакедемонян и, не приобретя заранее истинных друзей, готовых делить с ними всевозможные случайности, они вынуждены бывали или служить лакедемонянам в положении носильщиков тяжестей, или во избежание рабства сниматься со своих земель и вместе с женами и детьми покидать родную страну. Беда эта постигала их уже много раз, притом в короткие промежутки времени. Нынешнее положение пелопоннесцев пускай остается навеки нерушимым, дабы не было нужды в том совете, какой я преподам; но раз наступят волнения и перемены, я вижу единственное средство для мессенян и мегалопольцев оставаться дольше на своей земле, именно: жить между собою в согласии и сообразно желанию Эпаминонда честно делить друг с другом всякую долю и всякие опасности.

Впрочем, мнение мое находит себе подтверждение, быть может, и в давнем прошлом. Помимо многого другого мессеняне во времена Аристомена, как говорит и Каллисфен, поставили у жертвенника Ликейского Зевса столб и начертали на нем следующую надпись: «Время достойно покарало виновного царя; Мессена по милости Зевса легко открыла предателя. Трудно клятвopеступнику укрыться от божества. Хвала тебе, царь Зевс, храни Аркадию».

¹ *Ibidem.*

4 Лишенные родины, мессеняне, как мне кажется, молили богов
хранить Аркадию, как второе отечество их, когда посвящали эту
5 надпись. И они поступали правильно, ибо аркадяне не только
приняли мессенян к себе, когда те в Аристоменову войну были
изгнаны из своей страны, допустили их к своим очагам и даро-
вали им гражданство, но сделали еще постановление отдать своих
6 дочерей за возмужавших мессенян. Кроме того, аркадяне же от-
крыли измену царя Аристократа¹ в сражении у так называемого
7 Рва, умертвили его самого и весь род его истребили. Однако и
помимо старины, достаточное подтверждение нашим словам дает
последний случай, имевший место после основания городов Ме-
8 галополя и Мессены, именно: победа в битве при Мантинее оста-
лась сомнительною по причине смерти Эпаминонда, и лакедемо-
няне противились включению мессенян в мирный договор, в пол-
9 ной надежде присвоить Мессению себе; тогда мегалопольцы и все
прочие аркадяне, участвовавшие в союзе, достигли своими ста-
раниями того, что мессеняне были приняты союзниками, допу-
щены к клятвенному мирному договору, и одни лишь лакедемо-
10 няне были устранены эллинами от участия в договоре.² Неужели
потомки наши, принимая это во внимание, могут не признать
справедливости только что высказанного нами суждения?
11 Предыдущее рассказано ради того, чтобы аркадяне и мессе-
няне, памятуя несчастья, в какие лакедемоняне повергли их ро-
12 дину, пребывали во взаимной истинной дружбе и верности и не
покидали друг друга в такое время, когда решается их участь,
ни из страха перед ужасами войны, ни из жажды мира.

34 Лакедемоняне и на сей раз поступили как обыкновенно: в кон-
це концов, они отпустили союзнических послов без ответа,³ на
этом остановился наш рассказ. До такой степени непонимание
и испорченность делали их неспособными к решительным дей-
2 ствиям. Верно, мне кажется, изречение, что неумеренная отвага
3 часто обращается в безумие и кончается ничем. Как бы то ни
было впоследствии, когда выбраны были новые эфоры, те самые
люди, которые вначале произвели кровавый переворот, обраща-
4 лись к этолянам с просьбою прислать посла. Этоляне охотно со-
гласились на это, и вскоре прибыл в Лакедемон в качестве посла
5 Махата. Тотчас явился он к эфорам... они требовали допустить
Махата к народу, назначить царей согласно исконным установ-
лениям и не терпеть столь продолжительного упразднения власти
6 Гераклидов. Эфоры не одобряли всего этого, но были бессильны
совладать с яростью противников и, опасаясь возмущения моло-
дежи, отвечали, что относительно царей они рассудят после, а
7 Махата согласились допустить в народное собрание. Когда народ
собрался, выступил Махат и в длинной речи убеждал собравших-
ся присоединиться к этолийскому союзу, а в то же время нагло
выставлял против македонян неосновательные обвинения, лживо
8 и бессмысленно превозносил этолян. По удалении Махата нача-
лись ожесточенные препирательства. Одни высказывались за это-
9 лян и советовали примкнуть к их союзу, другие возражали. Стар-
шие возрастом напоминали народу об услугах Антигона и маке-

¹ § 3 прим.

² Ср. II 39 9.

³ 31 2.

донян, а также о злоключениях, причиненных Хариксеном и Тимеем, когда этоляне со всем войском опустошили их страну, увели в рабство перизков, замыслили козни против Спарты, хитростью и насилем возвращали изгнанников. После этих разьяснений лакедемоняне изменили свое решение и склонились наконец к тому, чтобы оставаться в союзе с Филиппом и македонянами. Когда дело приняло такой оборот, Махат ни с чем возвратился домой.

Первоначальные виновники переворота ни за что не желали 35
помириться с таким положением дела и, совратив часть молодежи, 2
замыслили ужаснейшее злодеяние. По случаю некоего исконного жертвоприношения возмужавшие граждане с оружием в руках должны были участвовать в торжественном шествии к храму Афины Обитательницы медного дома, между тем на обязанности эфоров желало совершить жертвоприношение и для этого оставаться подле храма. В таких-то обстоятельствах часть вооруженной 3
молодежи, участвовавшей в процессии, внезапно напала на приносивших жертву эфоров и умертвила их, невзирая на то, что святилище это дает верное убежище всем, даже приговоренным к смерти. Со стороны людей, дерзнувших совершить злодеяние, 4
пренебрежение к святилищу и лютость их простерлись в это время до того, что все эфоры были умерщвлены подле жертвенника и у самого стола богини. Убийцы не остановились и на этом: во 5
исполнение замысла они убили Гирида и единомышленных с ним геронтов, изгнали противников этолян, выбрали эфоров из своей среды и заключили союз с этолянами. Не смущаясь ни враждою 6
к ахеянам, ни неблагодарностью относительно македонян, ни вообще безумием поведения в глазах всех людей, убийцы действовали таким образом больше всего из-за Клеомена и расположения к нему: они непрестанно питали надежду и поджидали, что Клеомен 7
возвратится в Спарту здоровым и невредимым. Так, люди, умеющие ловко обращаться с другими, в обществе которых живут, не только в своем присутствии внушают прочную и самую горячую привязанность к себе, но оставляют они таковую за собою и тогда, когда находятся вдали от единомышленников. Так 8
и лакедемоняне, не говоря уже о других примерах, по изгнании 221—219
Клеомена в течение почти трех лет управлялись законами отцов своих и никогда не помышляли о восстановлении царей в Спарте.¹ Однако лишь только пришла весть о смерти Клеомена, 9
тотчас все помыслы народа и эфоров обратились к назначению царей. Те из эфоров, которые были заодно с мятежниками и заключили упомянутый выше союз с этолянами, поставили одного царя согласно законам и обычаям, Агесиполида, находившегося еще в детском возрасте, сына Агесиполида и внука Клеомброта. Этот последний воцарился в то время, когда был лишен власти 11
Леонид, так как с домом его Клеомброт находился в ближайшем родстве. В опекуны царя выбран был Клеомен, сын Клеомброта 12
и брат Агесиполида. В другом царственном доме у Архидама, сына Эвдамида, было два сына от дочери Гиппомедонта. Гиппомедонт, сын Агесилая, был еще в живых, живы были и многие другие члены этого дома, хотя и более далекие родственники, чем поименованные выше, но принадлежавшие к царскому роду. Все 14

¹ Ср. II 70. V 9.

они были обойдены, и царем назначен Ликург, из предков которого ни один не носил этого звания. Но он дал всем эфорам по таланту и попал в потомки Геракла и в цари. Так прекрасное
15 везде покупается дешево. Поэтому не дети детей их, но прежде всего те самые люди, которые назначили этого царя, заплатились за свое безумие.

Война лакедемонян с аргивянами и ахейцами

36 Получив известие о перевороте у лакедемонян, Махат вторично прибыл в Спарту и убеждал эфоров и царей объявить войну
2 ахейцам. «Единственно этим только способом», говорил он, «удастся положить конец проискам тех из лакедемонян, которые желают разорвать союз с этолянами, и подобным же проискам в
3 Этолии». Когда эфоры и цари приняли его совет, Махат возвратился домой, достигнув цели благодаря слепоте своих пособников.
4 Ликург вскоре выступил в поход с солдатами¹ и отрядом граждан и вторгся в аргивскую землю в то время, когда аргивяне, доверяясь существующим отношениям, не приняли никаких мер обороны. Внезапным нападением захватил он Полихну, Прасии, Левки, Кифант, но при нападении на Глимпы и Зарак был отбит.
5 После этого похода лакедемоняне возвестили через глашатая дозволение идти за добычей в землю ахейян. Махату и друзьям его удалось с помощью тех же доводов, какие он представлял лакедемонянам, поднять и элейцев на войну с ахейцами.

7 Неожиданно дела приняли желательный для этолян оборот, 8 а потому они смело начинали войну; не так было у ахейян. Филипп, на которого они возлагали свои надежды, все еще был занят военными приготовлениями;² эпироты медлили начинать войну; мессеняне держались спокойно, тогда как этоляне, которым помогало бессмыслие элейцев и лакедемонян, теснили их войною со всех сторон.

37 К этому времени истекал уже срок службы Арата, и звание
219 стратега по выбору ахейян получил сын его Арат. Должность стратега у этолян занимал Скопас, в это время прослуживший почти половину своего срока, ибо этоляне произвели выборы немедленно после осеннего равенства, а ахейяне в том же году ко времени восхождения Плеяды.³ Лето уже наступало, Арат младший
4 принял должность стратега, когда разом начались все войны. Так, в это время Ганнибал начинал осаду Заканфы, римляне отправляли в Иллирию Луция Эмилия с войском против Деметрия фарского, о чем уже говорено в предыдущей книге.⁴ Антиох готовился к нападению на Койлесирию после того, как Теодот⁵ передал ему Птолемаиду и Тир, а Птолемей собирался к войне с
6 Антиохом. Ликург, желая начать свое царствование, подобно Клеомену расположился лагерем перед Афением мегалополитов и начал осаду его. Ахейяне собирали для возгоревшейся войны наемную конницу и пехоту. Филипп во главе войска шел из Македонии, имея с собою десять тысяч македонских фалангитов и пять
7 тысяч пелтастов, а кроме того, восемь тысяч конницы. В таком
8 положении были все эти начинания и приготовления. В то же

Одновременные события

¹ Наемниками.

² 30.

³ 10 мая.

⁴ III 16 7. 18 сл.

⁵ Ср. V 40 1. 61 сл.

самое время родосцы объявили войну византийцам по причинам такого рода:¹ на всей обитаемой в наше время земле византийцы занимают удобнейшую со стороны моря местность в отношении безопасности и благосостояния жителей и самую неудобную в том и другом отношении со стороны суши. С моря местность приле- 38
гает к устью Понта и господствует над ним, так что ни одно тор- 39
говое судно не может без соизволения византийцев ни войти в Понт, ни выйти из него. Понт обладает множеством предметов, 3
весьма нужных для человека, и все это находится в руках ви- 4
зантийцев. Так, прилегающие к Понту страны доставляют нам 4
из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, 5
беспорно превосходнейших; из предметов роскоши они же до- 6
ставляют нам в изобилии мед, воск и соленую рыбу. От избытка 5
наших стран те народы получают оливковое масло и всякого рода 6
вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его нам, 7
когда нужно, то получая от нас. Эллины вынуждены были бы 6
или вовсе потерять торговлю всеми этими товарами, или лишиться 8
выгод от нее, если бы византийцы пожелали вредить им, со- 9
единиться с галатами и еще больше с фракийцами, или если бы 10
они не жили в тех местах; тогда несомненно, Понт был бы закрыт 7
для нас по причине узкости прохода в него и по многочислен- 8
ности варварских народов, живущих у его берегов. Итак, навер- 8
ное византийцы извлекают из местоположения своего города ве- 9
личайшие выгоды: все лишнее для них они вывозят, все недо- 9
стающее ввозят быстро и с выгодой для себя без всяких затруд- 10
нений и опасностей. Но, как мы сказали, и прочие народы поль- 10
зуются через византийцев многочисленными выгодами. Поэтому 11
справедливость требует почитать их как бы всеобщими благоде- 12
телями, а эллины не только должны быть признательны им, но 13
и оказывать союзную помощь в тех случаях, когда варвары тес- 14
нят их. Однако большинству эллинов остаются неизвестными вы- 11
годные особенности местоположения Византии, потому что она ле- 12
жит несколько вдали от посещаемых нами стран, мы же хотим 13
сделать их известными для всех. Лучше всего, если бы такие стра- 14
ны, которые отличаются теми или другими особенностями, по- 15
знавались посредством личного обозрения; раз это невозможно, 16
следует, по крайней мере через других, получать о них ближай- 17
шие к истине понятия и представления. Вот почему на нас лежит 13
долг разъяснить положение этого города и показать, что делает 14
его столь счастливым.

Море, именуемое Понтом, имеет в окружности около двадцати 39
двух тысяч стадий и два противолежащие одно другому устья, 40
одно из Пропонтиды, другое из Меотидского озера; это последнее 41
само по себе имеет в окружности восемь тысяч стадий. В назван- 2
ные здесь водоемы изливается множество больших рек, вытека- 3
ющих из Азии; еще более многочисленные и бóльшие реки текут 4
в них из Европы; переполненное ими Меотидское озеро излива- 5
ется через устье в Понт, а Понт в Пропонтиду. Устье Меотиды 3
называется Киммерийским Боспором, имеет в ширину стадий 4
тридцать, а в длину шестьдесят;² все оно мелководно. Подобно 4
этому устью Понта называется Фракийским Боспором; в длину

¹ II 46 s. IV 60. 81.

² 5¹/₄ и 10¹/₂ верст.

- оно имеет около ста двадцати стадий¹, а ширина его не везде одинакова. Началом этого устья со стороны Пропонтиды служит полоса воды между Калхедоном и Византией в четырнадцать стадий², а со стороны Понта так называемый Гиер, где, как рассказывают, Ясон на обратном пути из Колхиды впервые принес жертву двенадцати божествам. Место это находится в Азии и отстоит от Европы, именно от святилища Сараписа на противоположном берегу Фракии, на двенадцать стадий.³ Есть две причины, по коим воды Меотиды и Понта вытекают непрерывно за пределы своих вместилищ. Одна понятна сама по себе и ясна для каждого: если многие реки вливаются в водоем определенных размеров, то вода в нем прибывает все больше; при отсутствии какого бы то ни было истока постоянно прибывающая вода стала бы захватывать все большее пространство впадины; напротив, если истоки есть, то излишек воды, получающийся вследствие новых притоков и увеличения количества ее, должен уходить и изливаться непрерывно через существующие отверстия. Другая причина этого такова: вследствие сильных дождей реки несут в названные выше впадины много речного ила; образующиеся таким образом наносы больше и больше поднимают воду, которая тем же способом выливается через существующие отверстия. Приращенния ила и воды из рек совершаются непрерывно и постоянно, а потому непрерывным и постоянным должно быть и изливание воды через устья. Таковы подлинные причины изливания воды из Понта.
- 11 Справедливость этого объяснения подтверждается не рассказами торговых людей, но самым по возможности точным наблюдением природы.
- 40 Так как мы остановились на этой местности, то нельзя допускать в изложении никаких неясностей или голословных уверений, как поступает обыкновенно большинство историков. Напротив, необходимо подкреплять рассказ наш доказательствами, дабы у любознательных читателей не возникало никаких недоумений относительно описываемых предметов. Такого рода изыскания составляют преимущество нашего времени, когда все моря и земли сделались доступными, и потому не подобает более ссылаться на поэтов и баснописцев как на свидетелей неведомого.
- 3 Так обыкновенно поступали наши предшественники, которые, говоря словами Гераклита, приводили ненадежных свидетелей в подтверждение сомнительных известий. Итак, мы утверждаем, что Понт принимает наносы с давнего времени по настоящее, и что мало-помалу он будет занесен илом совсем, так же как и Меотиды, если, конечно, свойства этих местностей останутся те же
- 5 и причины наносов будут действовать неизменно. Время бесконечно, а вместимость впадин точно ограничена, и поэтому нет сомнения, что впадины со временем наполнятся, хотя бы наносы
- 6 были самые незначительные. В природе так: если что-либо конечное растет или убывает непрерывно в продолжение бесконечного времени, то цель изменений в том или в другом направлении будет достигнута неизбежно, как бы незначительны ни были
- 7 самые изменения: на сей раз допустим это. Но если ил наносится

¹ 3 мили.

² Около 3 верст.

³ 2 версты с небольшим.

не в малом количестве, а в очень большом, то, очевидно, теперешнее предсказание наше исполнится не в далеком, но в близком будущем. Так и есть на самом деле. Меотида уже заносится 8 илом, ибо большая часть ее имеет глубины пять-семь сажен, вследствие чего по нему не могут ходить большие корабли без лоцмана. Далее Меотида, как единогласно свидетельствуют о том 9 древние, была первоначально морем, сливающимся с Понтом в одно, а теперь это — озеро сладкой воды, ибо морская вода вытеснена из него наносами, а вливающаяся в него из рек вода получила перевес. Подобное же случится и с Понтом, начало чего 10 наблюдается уже и теперь: хотя совершающиеся в нем изменения благодаря обширности впадины не очень заметны для большинства людей, но достаточно небольшого внимания для того, чтобы и теперь ясно различить эти изменения.

Так как Истр, протекая по Европе, впадает в Понт множе- 41 ством устьев, то перед ними в море на расстоянии одного дня пути образовалась полоса земли стадий в тысячу из ила, нанесенного из устьев реки. На эту полосу земли иногда набегают 2 плывущие по Понту корабельщики, находясь еще в открытом море, а ночью, когда места эти не видны, корабли разбиваются о них. У моряков они называются Стефами. Вот, по нашему мне- 3 нию, причина того, что насыпь образуется не у самого берега, но выдвигается далеко вперед: пока течение реки сохраняет силу, 4 преодолевает морскую воду и прогоняет ее, до тех пор земля и все приносимое рекою должно отбрасываться вперед, не задерживаясь раньше и не останавливаясь. Но как только вследствие 5 глубины и обилия морской воды течение реки слабеет, тогда неизбежно по силе природы задерживается несомый ею ил. Вот по- 6 чему наносы мощных больших рек отлагаются вдали от берега, хотя море у самой суши и глубоко; напротив, реки небольшие и тихо текущие образуют наносы вблизи своих устьев. Яснее все- 7 го обнаруживается это во время половодья от ливней, когда и незначительные речонки, преодолевая у своих устьев морскую волну, отбрасывают наносы в море тем дальше, чем стремительнее река, и тем ближе, чем течение реки тише. Ничего нет не- 8 вероятного ни в величине вышеупомянутой полосы земли, ни вообще во множестве камней, бревен и ила, наносимых реками; глупо было бы не верить этому. Достаточно взглянуть на любой 9 горный поток, как он нередко в короткое время размывает и пробивает крутые обрывы, несет с собою разный лес, землю и камни и образует такие наносы, что изменяет и делает неузнаваемую самую местность.

Поэтому не следует удивляться тому, что столь многочислен- 42 ные и быстрые реки, притом текущие непрерывно, производят упомянутое выше действие и могут наконец наполнить Понт. Для 2 человека, рассуждающего правильно, это представляется не только вероятным, но и неизбежным. Чего следует ожидать в будущем, показывает следующее: насколько вода Меотидского озера слаще понтийской, настолько же Понт несомненно отличается от нашего моря.¹ Отсюда ясно, что если пройдет времени во столько 4 раз больше того, в какое наполнилась Меотида, во сколько одна впадина больше другой, то и Понт сделается мелководным озером

¹ Средиземное море.

- 5 со сладкой водой наподобие озера Меотидского. Следует, впрочем, предполагать, что с Понтом это произойдет тем скорее, что изливающиеся в него реки больше и многочисленнее.
- 6 Предыдущее рассказано для тех читателей, которые не верят, что Понт заносится илом уже и теперь, что некогда будет занесен совсем и, при всей значительности объема, обратится в маловодное озеро. Еще больше говорили мы это ради изблечения лживости мореплавателей и наклонности их к чудесному, дабы избавить себя от необходимости принимать по неведению с детскою верою все, что бы ни говорилось, и при помощи правдивых указаний получить хоть некоторую возможность различать в чужих сообщениях ложь от правды. Теперь возвратимся к дальнейшему рассказу о выгодах местоположения Византии.¹
- 43 Мы только что сказали,² что длина устья, соединяющего Понт с Пропонтидою, сто двадцать стадий, что одним концом его со стороны Пропонтиды служит Гиер, а другим, со стороны Понта, 2 промежуточное пространство у Византии. Между этими оконечностями находится на европейском берегу устья святилище Гермеса на выдающейся в виде мыса скале; от Азии оно удалено стадий на пять: это и есть наиболее узкая часть прохода. Здесь-то, как рассказывают, Дарий перекинул мост через пролив, когда 3 шел войною на скифов. На всем остальном протяжении от Понта сила течения в устье равномерна, потому что берега пролива с 4 обеих сторон остаются одинаковыми. Но лишь только идущее из Понта течение, сжатое в теснине, ударяется с силою о Гермесово святилище на европейском берегу, где, как мы сказали, самая узкая часть пролива, тут оно делает поворот как бы от толчка и 5 стремительно несется к противоположному берегу Азии. Отсюда, как бы повернув назад, течение принимает противоположное направление к высотам Европы, именуемым «подле Очагов». Здесь оно поворачивает снова и ударяется в так называемую Корову, местность в Азии, где, как гласят сказания, впервые остановилась 7 Ио после переправы через Боспор. От Коровы оно делает последний поворот и устремляется к самой Византии, там около города разделяется и меньшую часть своей воды посылает в залив, именуемый Рогом, а остальная, большая часть, опять отклоняется в 8 сторону. Однако этому последнему течению недостает уже силы 9 для того, чтобы достигнуть противоположного берега, где находится Калхедон; ибо после неоднократных отклонений в сторону течение слабеет в этой более широкой части пролива, не делает больше коротких изломов в направлении к азиатскому берегу под 10 острым углом, но идет под тупым; поэтому, не достигнув города калхедонян, оно направляется дальше посередине пролива.
- 44 То, что делает положение Византии весьма удобным и в такой же мере неудобным положение Калхедона, объяснено нами выше; однако на первый взгляд может показаться, что оба города занимают одинаково выгодное положение. Вопреки видимости нелегко бывает при всем старании войти морем в один из этих городов; напротив, в другой город течение несет тебя непреодолимо, даже 3 наперекор твоему желанию, как мы заметили выше. Вот и доказательство того: переправляющиеся из Калхедона в Византию

¹ 38.

² 9 4.

не могут плыть прямо по причине идущего посередине течения, сворачивают к Корове и так называемому Хрисополю, которым 4 некогда по совету Алкивиада завладели афиняне и в котором они 411 первые начали облагать данью все идущие в Понт суда; дальше этого города плывущие отдаются течению, которое и заносит их непременно к Византии. То же самое замечается и во время пла- 5 вания по другую сторону¹ города византийцев, именно: плывет 6 ли кто-нибудь от Геллеспонта под южными ветрами, или к Геллеспонту из Понта под пассатом, прямой удобный путь лежит вдоль европейского берега из города византийцев к теснинам Пропон- тиды, где находятся города Абидос и Сест, а оттуда таким же точно способом обратно к Византии. Совсем иным оказывается 7 путь от Калхедона вдоль азиатского берега, который представляет много изгибов, а область кизикенян выступает далеко в море. Плывавшему от Геллеспонта к Калхедону трудно идти сначала 8 вдоль европейского берега, потом, по приближении к Византии, обогнуть эти местности и подойти к Калхедону; мешает тому мор- ское течение и выясненные выше причины. С другой стороны, 9 судну, выходящему из Калхедона, нет никакой возможности подойти прямым путем к Фракии; его задерживают находящееся в промежутке течение и оба ветра, на том и другом пути дующие в противоположную сторону, именно: южный ветер гонит в Понт, а се- 10 верный из Понта, и ни на одном из этих путей нельзя миновать ветров.

Вот что делает положение Византии весьма выгодным со сто- 11 роны моря; невыгоды сухопутного положения ее будут выяснены ниже.

Фракия, простираясь от одного моря до другого, кругом об- 45 легают земли византийцев, так что они ведут постоянную труд- ную войну с фракийцами. Хотя бы византийцы приготовились к 2 борьбе и восторжествовали над врагом, навсегда избавиться от войны они не могут, потому что во Фракии много народов и вла- дык. Одолей византийцы одного владыку, на страну их пойдут 3 три других, более могущественных; уступками, платежом дани, 4 договорами византийцы ничего не достигают. Самые уступки в чем-либо, сделанные одному, порождают пять новых врагов. По- 5 этому они непрерывно пребывают в состоянии тяжелой войны; ибо что может быть опаснее и страшнее войны с соседями, притом с варварами? Как бы то ни было, византийцы всецело поглощены 6 борьбою с этими опасностями на суше, но кроме всех прочих бед- ствий, сопряженных с войною, они терпят муки Тантала, как вы- ражается поэт. Ибо византийцы владеют плодоноснейшей землей; 7 когда обработают ее старательно и получится обильнейший уро- жай превосходного качества, когда вслед за сим появляются вар- вары и часть плодов уничтожают, а другую собирают и уносят с собою, тогда, не говоря уже о потерянных трудах и затратах, 8 самый вид истребления прекрасных плодов повергает византийцев в тяжкую скорбь и печаль. Тем не менее войну с фракийцами 9 они по привычке выдерживали и верно хранили первоначальные отношения к остальным эллинам. Но положение их сделалось в 10 высшей степени трудным, когда ко всему этому пошли на них еще и галаты под предводительством Комонтория.

¹ Т. е. к югу и западу от Византии.

- 46 Эти галаты покинули родину вместе с Бренном. Избегнув гибели в Дельфах и явившись к Геллеспону, они не переправились в Азию, но остались тут же, потому что их пленили окрестности
- 2 Византии, одержали победу над фракийцами, Тилу обратили в царскую резиденцию и стали угрожать византийцам великими
- 3 опасностями. При первых вторжениях галатов во время первого царя их Комонтория византийцы постоянно откупались подарками, уплачивая по три, по пяти, а иногда и по десяти тысяч золотых, лишь бы избавить свою страну от разорения. Наконец они
- 4 вынуждены были согласиться на уплату восьмидесяти талантов ежегодной дани.¹ Так было до царствования Кавара, при котором владычество галатов пало, а самое племя было совершенно истреблено фракиянами, в свою очередь одолевшими врага. В такое-то
- 5 время византийцы, удручаемые данью, послали сначала послов к эллинам с просьбою о помощи и о поддержке их в тогдашней
- 6 нужде. Так как большинство эллинов оставило просьбы их без внимания, то византийцы вынуждены были взимать пошлину с
- 47 судов, идущих в Понт. Взимание византийцами пошлины с товаров, идущих из Понта, было для всех эллинов убыточно и тяжело и возмущало их, а потому все народы, занимающиеся морской торговлей, обратились с жалобами к родосцам, так как эти
- 2 последние почитались сильнейшим морским народом. Следствием этого была война, о которой мы и намерены говорить теперь.
- 3 Побуждаемые собственными потерями и терпевшими ущерб соседями, родосцы при участии союзников прежде всего отправили посольство к византийцам с требованием отменить провозные
- 4 пошлины. Но византийцы решительно отвергли это требование и в правоте своего поведения были убеждены прениями, происходившими между послами родосцев и тогдашними представителями государства византийцев, Гекатодором и Олимпиодором;
- 5 вследствие этого родосцы удалились ни с чем. По возвращении послов домой они приняли решение объявить войну византийцам
- 6 по причинам, указанным мною выше. Тут же они отправили послов к Прусию с просьбою принять участие в войне; им стало известно, что Прусий по каким-то причинам находится во вражде с византийцами.
- 48 Подобным же образом действовали и византийцы: они также послали послов к Атталу и Ахею с просьбою о военной поддержке.
- 2 Аттал готов был помочь; но силы его в то время были незначительны, ибо Ахей принудил его довольствоваться отцовскими владениями. Ахей, в то время владычествовавший над землями по
- 3 сую сторону Тавра и недавно присвоивший себе царское достоинство, обещал оказать помощь. Таким поведением он сильно оживил надежды византийцев и навел страх на родосцев и Прусия.
- 5 Дело в том, что Ахей состоял в родстве с Антиохом, вступившим на царство в Сирии, а упомянутые выше владения Ахей приобрел
- 6 приблизительно таким образом. По смерти Селевка, отца этого Антиоха, царство наследовал старший сын его Селевк; в силу родства он вместе с ним совершил поход через Тавр года за два
- 7 до времени описываемых нами событий. Селевк младший, лишь только получил царскую власть, узнал, что Аттал покорил уже себе всю Азию по сую сторону Тавра; тогда-то Селевк поспешил

¹ Около 117 000 руб.

защитить с этой стороны свои владения. С большим войском он 8
перевалил через Тавр и пал жертвою коварства галата Апатурия
и Никанора. Ахей, как родственник, не замедлил отомстить за 9
смерть Селевка, повелев казнить Никанора и Апатурия; в коман-
довании войском и в управлении делами он показал себя и благо-
разумным, и великодушным. Так, невзирая на благоприятст- 10
вовавшие ему обстоятельства и на сочувствие народа, при помощи
которого он мог возложить на себя диадему, Ахей отказался
от этого, оставляя царскую власть за младшим из сыновей Ан-
тиохом, деятельно в разных направлениях совершал походы и за-
воевал снова всю Азию по сю сторону Тавра. Когда дела его сверх 11
всякого ожидания приняли столь счастливый оборот, когда он за-
пер Аттала в самом Пергаме и все остальные земли покорил своей
власти, тогда, ослепленный победами, он немедленно уклонился 12
с прежнего пути, возложил на себя диадему и провозгласил себя
царем, в то время самым могущественным и грозным из всех ца-
рей и владык по сю сторону Тавра. На него-то рассчитывали ви- 13
зантийцы более всего, когда объявили войну родосцам и Пруссию.
Раньше Прусий укорял византийцев за то, что они, решив по- 49
ставить несколько изображений его, не исполнили этого решения,
все откладывали, пока дело не было забыто. Недоволен был он 2
ими и за то, что они всячески старались примирить враждовав-
ших между собою и воевавших Ахея и Аттала, тогда как, по его
соображениям, дружба их была невыгодна для него во многих от-
ношениях. Сердился он и за то также, что византийцы, как ка- 3
залось, отправляли к Атталу посольство для участия в жертво-
приношениях по случаю празднества Афины между тем, как к
нему на Сотерии не послали никого. По всем этим причинам он 4
таил в себе вражду к византийцам и потому охотно принял пред-
ложение родосцев. При заключении договора с послами он на-
стаивал на том, чтобы родосцы вели войну на море, сам же он
рассчитывал нанести неприятелю не меньший ущерб на суше.

По такой-то причине и таким образом началась у родосцев 5
война с византийцами.

Что касается византийцев, то сначала они воевали ревностно, 50
так как были убеждены, что Ахей им поможет; со своей стороны
они рассчитывали запугать Прусия и поставить его в трудное по-
ложение, пригласив из Македонии Тибойта. Прусий, как мы объ- 2
яснили выше, брался за войну с жаром и отнял у византийцев
так называемый Гиер, что у устья Понта. Сами они незадолго 3
перед тем дорого заплатили за него и присвоили себе ради удоб-
ного местоположения. Византийцы не желали, чтобы утвердился
здесь кто-либо другой и мешал им взимать пошлины с торговых 4
людей, идущих в Понт за рабами или за ловлею рыбы. Прусий 4
отнял у них также и ту область Мисии на азиатском берегу, ко-
торую издавна уже владели византийцы. Родосцы вооружили 5
шесть своих кораблей, прибавили к ним четыре союзнических и,
поставив начальником Ксенофонта, направились с десятью кораб-
лями к Геллеспонту. В то время как родосцы с остальными ко- 6
раблями стали на якоре подле Сеста и задерживали идущих в
Понт, наварх с одним кораблем вышел в море с целью испытать
византийцев, не откажутся ли они под страхом войны от при- 7
нятого раньше решения. Но византийцы не обращали на него ни-
какого внимания, поэтому Ксенофонт возвратился назад, взял с
собою прочие корабли и пошел к Родосу. Между тем византийцы

8 послали Ахею требование о помощи, а в Македонию отправили
9 людей с поручением привести с собою Тибойта; ибо владычество
над вифинами принадлежало столько же Тибойту, сколько и
10 Пруссию, потому что он был дядею Прусия по отцу. При виде
упрямства византийцев родосцы придумали действительное сред-
51 ство для достижения намеченной цели, именно: они видели, что
источник упорства византийцев в войне кроется в надеждах их
на Ахея, знали также, что отец этого последнего содержится в
плену в Александрии, и что Ахей дорого бы дал за освобождение
отца; поэтому они решили отправить посольство к Птолемею с
2 просьбою о выдаче им Андромаха. Если и прежде они ходатай-
ствовали об этом мимоходом, то теперь принялись за дело со всем
старанием, дабы оказать услугу Ахею и тем обязать его к ис-
полнению всех их требований. Когда послы явились, Птолемей
3 думал сначала удержать Андромаха при себе, дабы воспользо-
ваться им при случае. Дело в том, что распря его с Антиохом
еще не была улажена, да и Ахей, недавно провозгласивший себя
4 царем, был достаточно могущественным владыкою. Андромах был
5 отцом Ахея и братом Лаодики, супруги Селевка. Но родосцы вла-
дели вполне расположением Птолемея, который готов был угож-
дать им во всем, а потому и теперь уступил их просьбам и по-
6 ручил им доставить Андромаха сыну его. Успев в этом, а кроме
того оказав Ахею некоторые другие почести, родосцы лишили ви-
7 зантийцев важнейшей опоры их. В то же время византийцев по-
стигла и другая неудача: на пути из Македонии скончался Тибойт
8 и тем расстроил их планы. После этого византийцы упали духом,
а надежды Прусия на победу оживились: сам он вел войну против
византийцев с азиатского берега и жестоко теснил их, а в то же
9 время с помощью наемных фракийцев на европейском берегу не
давал византийцам выходить за городские ворота. Обманутые в
своих расчетах, теснимые со всех сторон войною, византийцы по-
мышляли только о том, как бы с честью выйти из трудного по-
ложения.

52 Когда царь галатов Кавар появился перед Византием и в ка-
честве ревностного посредника старался положить конец войне,
2 Прусий и византийцы вняли его настояниям. При известии об
этих усилиях Кавара и об уступчивости Прусия родосцы также
стремились к достижению своей цели: они выбрали в послы к
3 византийцам Аридика и в то же время отправили к ним Поле-
мокла с тремя триремами, желая предстать перед византийцами,
4 как говорится, с копьем и с железом глашатая. Когда Аридик и
Полемок явились, заключен был мир при гиеромнемоне Кофоне,
5 сыне Каллигитона, в Византии. Договор с родосцами был краток:
«Византийцы не должны взимать провозной пошлины ни с кого
из плывущих в Понт, тогда родосцы и союзники их обязуются
6 жить в мире с византийцами». Условия договора с Прусием были
приблизительно таковы: «Между Прусием и византийцами долж-
ны быть мир и дружба на вечные времена. Ни византийцы не
должны ходить войною на Прусия под каким бы то ни было ви-
7 дом, ни Прусий на византийцев. Прусий обязуется возвратить ви-
зантийцам без выкупа земли, укрепления, уведенных жителей их
и пленных, равно взятые в начале войны суда, захваченное в
укреплениях метательное оружие, а также дерево, камень и че-
8 репицу из поселения Гиера». Опасаясь наступления Тибойта,
Прусий срыл все укрепления, которые казались ему удобно рас-

положенными для каких-либо военных действий. «Прусий обя- 9
зуются принудить вифинов, завладевших какими бы то ни было
землями Мисийской области, подвластной византийцам, возвра-
тить их земледельцам». Так началась и кончилась война родосцев 10
и Пруссия против византийцев.

В это время кносыяне отправили посольство к родосцам, убедив 53
их послать им корабли, находившиеся под командою Поле-
мокла, спустив на море и прибавив еще три других беспалубных Дела на Кри-
те
судна. После этого, когда корабли прибыли к Криту, элевтерний- 2
цы начали подозревать, что Полемокл с товарищами в угоду кно-
сыянам лишил жизни одного из сограждан их, Тимарха. Поэтому
элевтернийцы прежде всего дали дозволение брать добычу у ро-
досцев, а затем объявили им войну. Незадолго перед сим литтян 3
также постигла величайшая беда. Вообще весь Крит находился
в то время приблизительно в таком положении. Соединившись с 4
гортинцами, кносыяне подчинили себе весь Крит за исключением
города литтян. Так как это был единственный город, отказывав-
ший им в повиновении, то кносыяне вознамерились идти на него
войною и помышляли о совершенном разрушении его для при-
мера прочим критянам и для устрашения их. Первое время все 5
критяне воевали против литтян; но потом по какому-то ничтож-
ному поводу возникли разногласия, и, как обыкновенно бывает
у критян, в среде их начались междоусобные распри. Полирре- 6
няне, кереты, лаппеи, кроме того гории с аркадиянами единогласно
отказались от дружбы с кносыянами и постановили заключить союз
с литтянами; что касается гортинцев, то одни из них, старшие 7
возрастом, приняли сторону кносыян, другие, молодежь, примкну-
ли к литтянам, и встали друг на друга. Когда движение это столь 8
неожиданно охватило союзников, кносыяне призвали к себе тысячу
человек из Этолии в силу союза. Немедленно после этого старшие 9
возрастом гортинцы захватили в свои руки кремль Гортины, вве-
ли в город кносыян и этолян, затем часть молодежи изгнали, дру-
гих перебили и выдали город кносыянам.

В то самое время, как литтяне вышли поголовно на войну, 54
кносыяне по получению об этом известия заняли Литт, оставшийся
совершенно беззащитным. Детей и женщин они отослали в Кнос, 2
город сожгли, срыли его стены, разорили вконец и возвратились
домой. Между тем литтяне возвратились из похода в город и при 3
виде случившегося были так потрясены, что ни один из присут-
ствующих не отважился войти в родной город. Все бродили вокруг 4
города, многократно выражали свою скорбь в громких жалобах
о судьбе родины и своей собственной, повернули назад и возвра-
тились в город лаппеев. Лаппеи приняли их радушно и с большим 5
участием. В один день литтяне из граждан превратились в из-
гнанников и чужеземцев, и потом вместе с союзниками вели вой-
ну против кносыян. Литт, колония лакедемонян, связанная с ними 6
узами родства, древнейший из городов Крита, по общему мнению
воспитывавший всегда доблестнейших критян, был столь внезап-
но разрушен до основания.

При виде того, что кносыяне вступили в союз с этолянами, по- 55
лиррении, лаппеи и союзники их отправили посольство к царю
македонян и к ахеянам с просьбою о помощи и принятии их в
союз, так как знали этолян за врагов Филиппа и ахеян. Ахеяне 2
и Филипп приняли их в общий союз и отправили вспомогательное
войско: четыреста иллирян под командою Платора, двести ахеян,

3 сто фокидян. Прибытие этого войска доставило полиррениам и
4 их союзникам сильную поддержку. В короткое время они заперли
элевтернийцев, кидониатов, а также аптерян в стенах их, при-
нудили отложиться от союза с кносянами и делить общую с ними
5 долю. Затем полиррениане, а с ними вместе союзники их послали
Филиппу и ахеянам пятьсот критян, кносяне же незадолго до то-
6 го отправили тысячу критян этолянам. Эти критяне участвовали
в дальнейшей войне двух противников. Изгнанные из города гор-
тинцы завладели гаванью фестян; подобным же образом с пора-
зительною смелостью они захватили гавань и самих гортинцев
и, отправляясь оттуда, теснили войною находившихся в городе
сограждан.

56 В таком-то положении были дела на Крите. В это же время
и Митридат объявил войну синопейцам, которая послужила для
Война Митридата с синопейцами
них как бы началом и источником бедствия, испытанного ими
2 до конца. Когда они послали послов к родосцам с просьбою о по-
мощи в этой войне, родосцы постановили выбрать трех человек и
вручить им сто сорок тысяч драм,¹ каковые они и должны были
3 употребить на необходимые для синопейцев военные нужды. Трое
выбранных для этого родосцев доставили десять тысяч бочек ви-
на, триста талантов² выделанного волоса, сто талантов³ выделан-
ных жил, тысячу полных вооружений, три тысячи чеканенных
4 золотых монет, четыре камнеметательницы с прислугою. Послы
синопейцев взяли все это с собою и отправились в обратный путь.
Синопейцы пребывали в тревоге, как бы Митридат не вздумал
осадить их с суши и с моря; на этот случай и рассчитаны были
5 все приготовления их. Синопа лежит, если идти морем к Фасису,
на правом берегу Понта, на полуострове, выступающем в море.
Находясь на перешейке полуострова, соединяющем этот послед-
ний с Азией и имеющем не больше двух стадий, город оказы-
6 вается совершенно отрезанным. Остальная часть полуострова, об-
ращенная в море, по направлению к городу ровна и удобна для
ходьбы, напротив со стороны моря кругом обрывиста, неудобна
для якорной стоянки и доступна лишь в очень немногих местах.
7 Вот почему жители Синопы боялись, что Митридат, возведя со-
оружения со стороны Азии, сделает также высадку в местах ров-
ных, господствующих над городом со стороны противоположной,
8 морской, и, таким образом, попытается запереть их. Поэтому они
начали кругом укреплять ту часть полуострова, которая омыва-
ется морем, и входы с моря ограждать палисадами и окопами,
а в то же время наиболее выгодные пункты снабжали метатель-
9 ным оружием и войском. Пространство всего полуострова невели-
ко, а потому он может быть легко защищен и при небольших
средствах. Таково было положение Синопы.

57 Между тем царь Филипп двинулся с войском из Македо-
219 нии, — на этих именно начинаниях мы оставили союзническую
Вторжение Филиппа в Этолию и нападение
войну⁴, — направился на Фессалию и Эпир, поспешая на этом
2 пути совершить вторжение в Этолию. Александр и Доримах в это
же самое время нашли случай занять город эгириан с помощью

¹ Около 34 000 руб.

² Около 73 000 кг.

³ Около 2 620 кг.

⁴ 37 г.

измены, стянули в этолийский город Оянфею, лежащий против
поименованного выше города, около тысячи двухсот воинов и, за-
готовив для них перевозочные суда, выжидали удобного времени
отплытия и осуществления своего замысла. Некий перебежчик из 3
Этолии, долгое время живший среди эгирян и заметивший, что
стража у ворот Эгия предается пьянству и исполняет свои обя-
занности нерадиво, осмеливался неоднократно переходить к До- 4
римаху и его друзьям и призывал их, как людей слишком при-
вычных к подобным предприятням, совершить задуманное дело.
Что касается города эгирян, то он расположен в той части Пе- 5
лопоннеса, которая примыкает к Коринфскому заливу, между го-
родами эгиян и сикионян. Построенный на обрывистых, недоступ-
ных холмах, он по своему положению обращен к Парнасу и при-
легающим к нему землям на противоположной стороне залива;
от моря город отстоит стадий на семь.¹ Дождавшись попутного 6
ветра, Доримах и отряд его отчалили от берега и ночью еще за-
бросили якорь у реки, протекающей мимо города. Александр и 7
Доримах, а вместе с ними Архидам, сын Панталеонта, с толпою
этолян подошли к городу по дороге, ведущей от Эгия. Тогда на- 8
званный выше перебежчик с двадцатью опытнейшими воинами
прошел благодаря знанию местности крутые обрывы непроходи-
мыми тропинками скорее остальных воинов и, проникнув в город
по какому-то водопроводу, нашел стражу у ворот еще спящую.
Умертвив стражей в то время, как они были еще в постелях, и, 9
приказав разрубить засовы топорами, он открыл ворота этолянам.
Столь неожиданно ворвавшись в город, этоляне не остерегались 10
более и открыто торжествовали победу. Это обстоятельство под-
готовило для эгирян избавление, а для этолян гибель. Воображая, 11
что нахождение внутри стен есть уже окончательное завоевание
чужого города, они так и вели себя, именно: очень недолго это- 58
ляне оставались в сборе на площади, потом, жадные к добыче,
они разбрелись по городу, врвались в дома и грабили имущество
уже при дневном свете. Что касается эгирян, на коих беда об- 2
рушилась внезапно и совершенно неожиданно, то все те из них,
которые были захвачены неприятелем в своих жилищах, бежали
в страхе и ужасе за город, полагая, что он уже окончательно во-
власти неприятеля; все те, напротив, которые услышали шум 3
раньше, чем дома их подверглись нападению, выбегали из домов
и устремлялись к акрополю. Число их все увеличивалось, и они 4
становились смелее, тогда как скопище этолян по выясненным
выше причинам более и более убывало и приходило в расстрой-
ство. Как бы то ни было, Доримах и товарищи его начинали по- 5
нимать опасность положения и потому собрали своих и устреми-
лись на утвердившихся в акрополе эгирян; они рассчитывали, что
смелым и отважным нападением напугают и обратят в бегство
эгирян, которые собрались там для самозащиты. Однако эгириане, 6
ободряя друг друга, выдерживали натиск и храбро дрались с это-
лянами. Но так как акрополь не был огражден стенами и схватка 7
была рукопашная, один на один, то вначале борьба шла так, как
и следовало ожидать, когда одни борются за родину и детей, а
другие за самую жизнь; наконец ворвавшиеся этоляне оборотили

¹ 1 верста с небольшим.

- 8 тыл. Воспользовавшись отступлением неприятеля, эгирыне с ожесточением, наводящим ужас, напирали на бегущих; вследствие этого очень многие этоляне в смятении топтали друг друга на бегу в воротах. Александр пал в бою, во время самой схватки; Архидам погиб в тесноте и давке у ворот. Что касается остальной массы этолян, то одни из них были растоптаны, другие свернули себе шею, когда бежали по непроходимым обрывам. Наконец часть этолян спаслась бегством на корабли; эти последние без вооружения, с великим срамом и сверх всякого ожидания, возвратились морем домой.
- 12 Так эгирыне, потерявшие было отечество через свою нерадивость, неожиданно приобрели его снова благородным мужеством.
- 59 В это самое время Еврипид, посланный этолянами к элейцам в звании военачальника, сделал опустошительные набеги на поля димеян, фарян и тритеян, собрал богатую добычу и возвратился к Элею. С другой стороны, димеец Микк, в то время товарищ стратега ахеян, выступил против врага со всем войском димеян, фарян, а также тритеян и преследовал отступающего неприятеля.
- 3 В стремительном преследовании он попал в засаду и потерпел поражение с большими потерями в людях, именно: сорок человек было убито и около двухсот пеших взято в плен. Гордый этой удачей, Еврипид через несколько дней выступил в поход снова и занял вблизи Аракса удобное расположенное укрепление димеян по имени Тейхос. Как гласит сказание, соорудил его в старину Геракл во время войны с элейцами, дабы отсюда совершать нападения на врагов.
- 60 Между тем димеяне, фаряне и тритеяне, после неудачного преследования этолян и в страхе за будущее по причине занятия укрепления неприятелем, прежде всего послали вестников к стратегу ахеян с сообщением о случившемся и с просьбою о военной помощи, а затем с теми же просьбами отправили посольство. Однако Арат не мог собрать наемников, потому что ахеяне в Клеоменову войну заплатили не все жалованье наемным войскам и потому еще, что во всех начинаниях, словом во всем, что касалось войны, Арат всегда обнаруживал недостаток решимости и смелости. Поэтому-то и Ликург мог взять Афенем мегалопольцев,¹ и Еврипид вслед за рассказанным выше делом занял Гортину в телфусской области. Тогда димеяне, фаряне и тритеяне, потеряв надежду на получение вспомогательного войска от стратега, согласились между собою не делать впредь взносов в союзную казну ахеян, но на собственные средства набрать наемников в числе трехсот человек пехоты и пятидесяти конных воинов и с помощью их самим отстаивать свою область. Таким поведением они обнаружили надлежащую заботливость о собственных выгодах и пренебрежение к выгодам союза. Их почитали зачинщиками и указчиками для тех, которые желали вступить на пагубный путь и искали повода к раздроблению ахейского народа. Однако наибольшая доля вины за такое поведение падает по всей справедливости на стратега, потому что он не обращал внимания на просьбы, медлил и предоставлял просящих самим себе. И в самом деле, каждый человек в случае опасности, пока питает какую-либо надежду на помощь друзей и союзников, обыкновенно

¹ 8. 37 6.

держится их; но раз надежды его в трудных обстоятельствах обмануты, он вынужден помогать сам себе по мере возможности. Вот почему нельзя укорять тритеян, фарян и димеян за то, что 9 вследствие медлительности стратега ахейского они набрали для себя наемников; но они заслуживают порицания за отказ от взносов в союзную казну. Пренебрегать собственными выгодами им 10 не следовало, тем более что хорошее имущественное положение их давало к тому возможность; но они должны были блюсти свои обязанности относительно союзного государства, особенно потому, что по союзным законам расходы их были бы неукоснительно возмещены, и потому наконец, что города эти, — что самое важное, — положили начало самому союзу ахеян.¹

Таковы были дела Пелопоннеса. Что касается царя Филиппа,² 61 то он прошел Фессалию и прибыл в Эпир. Здесь он призвал к 2 оружию эпиротов поголовно, присоединил их к македонянам, взял также вышедших ему навстречу триста пращников из Ахаи и пятьсот критян, отправленных полиррениями,³ и двинулся в поход, прошел Эпир и явился в область амбракиотов. Если бы 3 тотчас по прибытии сюда он вторгся внутрь Этолии, то, располагая тяжеловооруженным войском, при внезапном неожиданном нападении он привел бы всю войну к решительному концу. Но 4 теперь по настоянию эпиротов он прежде всего осадил Амбракий, тем самым дал этолянам время собраться с силами, осмотреться и подготовиться к будущему. Между тем эпироты ставили свои 5 собственные выгоды выше общего дела союзников и помышляли о том только, как бы подчинить своей власти Амбракий, а потому просил Филиппа прежде всего взять с помощью осады это поселение. Эпироты почитали для себя весьма важным добыть обратно 6 Амбракию от этолян и надеялись достигнуть этого в том только случае, если овладеют упомянутою выше местностью и станут угрожать самому городу. Амбракий — местность, хорошо укрепленная находящимися перед нею сооружениями и стеною, лежит в болотах, а к ней идет из окрестной области единственный путь по узкой насыпной дороге. Благодаря своему положению укрепление господствует над областью амбракиотов и городом их. Итак, 8 Филипп по настоянию эпиротов расположился станом перед Амбракием и занялся приготовлениями к осаде.

В это время Скопас снялся со всем ополчением этолян с места, 62 прошел через Фессалию, вторгся в Македонию, в разных направлениях исходил Пиерию и уничтожил хлеб на ее полях, собрал там обильную добычу и повернул назад, чтобы идти к Дию. Он 2 вошел в город, покинутый населением, срыл стены, разрушил дома и гимнасий, кроме того, сжег портики, окружавшие храм,⁴ уничтожил все священные предметы, служившие к украшению храма или употреблявшиеся в дело на всенародных празднествах, опрокинул и все изображения царей. Таким образом, этот человек 3 в самом начале войны, с первого же шага воевал не с людьми только, но и с богами, и когда он возвратился в Этолию, его не 4 признали нечестивцем, но превозносили почестями и взирали на

¹ П 41 12.

² 57 1.

³ 55 5.

⁴ Зевса.

- него как на доблестного мужа, оказавшего услугу государству; 5 он преисполнил этолян суетных надежд и безумной гордости. После этого они вообразили, что никто не дерзнет даже приблизиться к Этолии, что сами они могут безнаказанно опустошать не один Пелопоннес, что они делали обыкновенно, но и Фессалию и Македонию.
- 63 При известии о том, что творится в Македонии, Филипп тогда же понял, что получает возмездие за безрассудную алчность эпитиров, однако продолжал осаду Амбрака. С помощью земляных и прочих сооружений, которыми искусно пользовался, он скоро навел ужас на осажденных и в течение всего сорока дней взял 3 поселение. По уговору царь отпустил гарнизон человек в пятьсот этолян и во исполнение желания эпитиров передал им Амбракий; 4 сам с войском двинулся дальше мимо Харадры, дабы возможно скорее переправиться через Амбракийский залив в самом узком 5 месте его, у святилища акарнанов, именуемого Актием. Названный здесь залив, отделяясь от Сицилийского моря, углубляется в сушу между Эпиром и Акарнанией очень узким устьем: оно 6 имеет меньше пяти стадий¹ в ширину; углубляясь дальше внутрь суши, залив достигает ширины стадий в сто, а в длину начиная от моря имеет около трехсот стадий. Отделяя Эпир от Акарнании, 7 первый оставляет он с северной стороны, а вторую с южной. Переправив войска через устье залива и пройдя через Акарнанию, Филипп явился перед этолийским городом, именуемым Фойтиями, дорогою присоединив к своему войску две тысячи человек 8 пехоты и двести конницы из акарнанов. Кругом названного города Филипп расположился с войском, в течение двух дней вел упорный жестокий приступ, пока город не сдался на капитуляцию, причем согласно уговору отпущены были находившиеся 9 в городе этоляне. С наступлением ночи явились на помощь этоляне в числе пятисот человек, не знавшие еще о взятии города. Заранее проведав, что они придут, царь в удобных местах устроил засады, благодаря чему большая часть этолян была перебита, 10 остальные, за исключением весьма немногих, взяты в плен. После этого Филипп велел отмерить своему войску содержание на тридцать дней из того хлеба, который перед тем был захвачен, — в Фойтиях найдены были огромные склады хлеба, — и направился дальше к Стратике. Стадиях в десяти² от города Филипп расположился станом подле реки Ахелоя и, отправляясь оттуда, 11 безнаказанно опустошал страну, ибо никто не отваживался на сопротивление.
- 64 В это время ахеяне, удручаемые войною, услышав, что царь находится вблизи, отправили к нему послов с просьбою о помощи. 2 Послы нашли Филиппа еще подле Страта, сообщили ему все, что было поручено, в особенности же старались дать понять, сколь богатую добычу получит войско его в неприятельской земле, и 3 тем убеждали царя переправиться и вторгнуться в Элею. Выслушав послов, царь удержал их при себе и обещал обсудить их предложения, затем снялся со стоянки и двинулся дальше к Метрополю и Конопе. Этоляне покинули город Метрополь, но занимали его кремль. Филипп предал город пламени и немедленно

¹ 421 саж.

² 1 верста 342 саж.

пошел на Конопу. Стянутая здесь конница этолян отважилась 5
встретить врага у переправы через реку на расстоянии двадцати
стадий¹ перед городом; они были убеждены, что или совершенно
воспрепятствуют переправе македонян, или причинят им большой
урон при выходе на берег. Царь постиг замыслы этолян и при- 6
казал своим пелтастам первыми идти в реку и выходить из нее
всем вместе по отрядам с сомкнутыми щитами. Пелтасты пови-
новались, и лишь только переправился первый отряд, этолийская 7
конница пыталась некоторое время бороться с ним; но так как 8
неприятель оставался на месте с плотно сдвинутыми щитами, а
за ним переходили второй и третий отряды, примыкая своими
щитами к первому, тогда конница, будучи не в силах что-либо
сделать, сама потерпев потери, начала отступать к городу. С это-
го времени спесь этолян укрывалась за стенами городов и сидела
там тихо, а Филипп, переправив войско через реку, беспрепят- 9
ственно опустошил и эту страну и подошел к Ифории. Это —
поселение, лежащее над самой дорогой Филиппа, укрепленное
природой и искусством. При приближении царя гарнизон в страхе 10
очистил поселение, а царь завладел им и разорил до основания.
Отряжаемым за продовольствием воинам он отдавал приказ раз- 11
рушать точно так же и все прочие укрепления в этой стране.

Выйдя из теснины, Филипп продолжал путь медленно, шаг за 85
шагом, давая своему войску время собирать добычу с полей. Вой- 2
ско имело все нужное в избытке, когда царь подошел к Ойниа-
дам; расположил свой стан перед Пеанием и решил взять прежде 3
всего это поселение, и действительно взял его приступом после
нескольких, следовавших одно за другим нападений. Хотя город
этот был невелик и имел в округности меньше семи стадий,² но
по всему устройству домов, стен и башен не уступал любому зна-
чительному городу. Стены его царь велел скрыть до основания, 4
разобрать жилища, а лес их и кирпич снести со всею заботли-
востью на плоты и сплавить вниз по течению реки к Ойниадам.
Вначале этоляне решились было удержать за собою кремль в 5
Ойниадах, укрепив его стенами и прочими сооружениями; но с
приближением Филиппа они в страхе удалились оттуда. Взяв 6
этот город, царь пошел дальше и расположился лагерем перед не-
ким укрепленным поселением Калидонской области, которое на-
зывается Элеем и отлично защищено стенами и разными другими
сооружениями: все средства для укрепления его даны были это- 7
лянам Атталом. И этот пункт македоняне взяли приступом, раз-
грабили всю Калидонскую область и опять направились к Ойни- 8
адам. Филипп понял выгоды местоположения города во всех от-
ношениях, особенно же для переправы отсюда в Пелопоннес и
занялся укреплением его. Действительно, Ойниады лежат на мор- 9
ском берегу, на границе Акарнании с Этолией, при входе в Ко-
ринфский залив. Городу этому противолежит в Пелопоннесе по- 10
бережье димеян; в самом близком расстоянии находится он от
окрестностей Аракса, именно не более как на сто стадий.³ По та- 11
ким то соображениям царь укрепил самый кремль, окружил об-
щую стеною гавань и корабельные верфи с целью соединить их

¹ 3¹/₂ версты.

² 1 верста 89 саж.

³ 2¹/₂ мили.

с кремлем; на эти сооружения он употребил взятые из Пеания строительные принадлежности.

Возвращение
Филиппа в
Македонию;
одновремен-
ные события

- 66 Царь занят еще был этим делом, когда из Македонии явился вестник и сообщил, что дарданы, догадываясь о походе его в Пеллопоннес, порешили вторгнуться в Македонию, для чего стягивают войска и делают большие военные приготовления. При этом известии Филипп находил нужным спешить на защиту Македонии, ахейских послов он отпустил с ответом, что по устранении возвещенной опасности важнейшим делом его будет оказание помощи ахейцам. Сам он поспешно снялся с войском и направился в обратный путь той самой дорогой, какой пришел сюда. В то время, как Филипп собирался переправиться через Амбракийский залив из Акарнании в Эпир, явился к нему в единственной лодке Деметрий из Фара, изгнанный римлянами из Иллирии, как мы рассказали выше.¹ Филипп принял его радушно и советовал плыть к Коринфу, а оттуда явиться через Фессалию в Македонию; сам переправился в Эпир и, нигде не останавливаясь, пошел дальше.
- 67 Когда наконец он явился в Пеллу, что в Македонии, дарданы прослышали о его прибытии от каких-то перебежчиков фракийян; напуганные известием, они немедленно распустили свое войско, хотя находились уже вблизи Македонии. Узнав о том, что дарданы оставили прежнее намерение, Филипп распустил всех македонян для уборки жатвы, а сам отправился в Фессалию и остальную часть лета провел в Ларисе.
- 68 Около этого времени Эмилий вступал с блестящим триумфом в Рим по возвращении из Иллирии, Ганнибал по взятии Заканфы приступом распустил свои войска на зимовку, римляне по получении известия о падении Заканфы отправляли послов к карфагенянам с требованием выдачи Ганнибала, а в то же время готовились к войне и избрали в консулы Публия Корнелия и Тиберия Семпрония. Обо всех этих событиях мы говорили подробно в предыдущей книге²; здесь упоминаем о них лишь для памяти согласно первоначальному обещанию, дабы тем легче постигалась одновременность событий. Первый год текущей олимпиады подошел к концу.
- 67 Между тем у этолян наступили уже выборы должностных лиц,³ и в стратеги выбран был Доримах. Немедленно вступил он в должность и, призвав этолян к оружию, вторгся в верхнюю часть Эпира и опустошал поля, при этом действовал с большим ожесточением, заботясь не столько о получении добычи, сколько о разорении эпиротов. По прибытии к додонскому святилищу он предал пламени его портики, уничтожил множество священных предметов и разрушил священный дом. Таким образом, для этолян не существовало границ между миром и войною, и в мирное ли то, или в военное время они в своих предприятиях нарушали общечеловеческие установления и права. По совершении этих и других подобных деяний Доримах возвратился домой. Зима еще продолжалась, и никто не думал, что Филипп может появиться в такую пору года, когда царь с тремя тысячами меднощитников, с двумя тысячами пелтастов, с тремястами критян, сверх того с

Филипп в
Коринфе

¹ III 19.

² III 17. 10 12. 33 5.

³ 37 2.

тремястами конных телохранителей двинулся в поход от Ларисы. Переправив войско из Фессалии на Эвбею, а оттуда к Кину, он 7
через Беотию и Мегариду пришел в Коринф ко времени зимнего
солнцестояния;¹ поход совершен был с такою быстротою и дер-
жался в такой тайне, что никто из пелопоннесцев и не подозревал
о прибытии царя. Заперев ворота Коринфа и поставив стражу по 8
дорогам, он на следующий день призвал к себе из Сикиона Арата
старшего, отправил письма к стратегу ахеян и в отдельные города
с извещением о том, где и когда всем ахеянам собираться с ору-
жием в руках. Когда распоряжения были сделаны, Филипп снялся 9
со стоянки, прошел вперед и разбил свой лагерь подле Диоскурия
в Флеунтской области.

В это же время Еврипид с двумя лохама элейцев, с пиратами 68
и наемниками, всего до двух тысяч двухсот человек, а также с
сотней конных воинов выступил в поход из Псофида через Фе-
нику и Стимфалию, ничего не зная о Филиппе и замышляя раз-
грабить область сикионян. В ту самую ночь, как Филипп рас- 2
полагался станом у Диоскурия, Еврипид прошел мимо царской
стоянки и намеревался вторгнуться в Сикионию. Между тем не- 3
сколько критян Филиппа, покинув строй и отправившись в по-
иски за продовольствием, наткнулись на воинов Еврипида. В от- 4
вет на распрос Еврипид узнал о прибытии македонян и, не го-
воря никому ни слова, снялся с войском и повернул назад той
же дорогой, по какой пришел сюда. Он желал и надеялся пройти 5
через Стимфалию до высот, господствующих над нею, прежде, 6
чем настигнут его македоняне. Ничего не зная о неприятеле, царь
согласно своему плану снялся с войском утром и намеревался
пройти к Кафиям на Стимфал: сюда с оружием в руках пригла-
шал он собраться ахеян.

Передовой отдел македонян поднялся до перевала подле так 69
называемого Апелавра, стадиях в десяти перед городом стимфа-
лян, когда показались на высотах и передовые элейцы. Еврипид, 2
благодаря полученным раньше известиям, сообразил, в чем дело,
взял с собою несколько человек конницы и во избежание грозя-
щей опасности отступил к Псофиду окольным путем. Остальное 3
полчище элейцев, покинутое своим вождем и напуганное проис-
шедшим, остановилось в дороге, не зная, что делать и куда идти.
Сначала начальники их вообразили, что имеют перед собою отряд 4
самых ахеян, явившийся на помощь аркадянам; больше всего вве-
ли их в заблуждение вооруженные медными щитами воины; элей- 5
цы приняли их за мегалапольцев, которые имели такое же во-
оружение в битве с Клеоменом при Селласии, когда Антигон
снабдил их такими щитами.² Поэтому, сохраняя боевой порядок, 6
элейцы начали отступать к неким высотам, не отчаиваясь в спа-
сении; но когда македоняне, подвигаясь вперед, подошли к ним,
элейцы все поняли, бросили оружие и спасались бегством. Около 7
тысячи двухсот человек из них попали в плен, остальные погибли
или от рук македонян, или при падении с обрывов; спаслось
бегством не больше сотни. Филипп отослал доспехи и пленни- 8
ков в Коринф и продолжал путь. Все случившееся показалось 9

¹ III 72 з примеч.

² II 65 з.

пелопоннесцам чем-то необыкновенным: в одно и то же время они получали вести и о прибытии царя, и о победе его.

70 Поход своей Филипп совершал через Аркадию и, много раз
испытав на пути снежные метели и лишения на перевале через
2 Олигирт, достиг на третий день ночью Кафий. Войско отдыхало
здесь в течение двух дней; тем временем подошел Арат младший,
а вместе с ним и призванные к оружию ахеяне, так что всего
войска было до десяти тысяч человек. Во главе их Филипп пошел
3 дальше через область Клиторы к Псофиду, а в городах, через ко-
торые проходил, забирал метательное оружие и лестницы. Псо-
фид — бесспорно древнее поселение аркадян Азаниды; по отно-
шению ко всему Пелопоннесу он лежит в середине материка, но
в Аркадии — на западной границе ее, примыкая к крайним зем-
4 лям западных ахеян. По своему выгодному положению Псофид
господствует над областью элейцев, с коими в то время он со-
5 ставлял одно государство. На третий день по выходе из Кафий
Филипп расположился станом перед Псофидом на холмах, воз-
вышающихся над городом напротив его; с высоты холмов можно
6 было, не подвергаясь опасности, наблюдать весь город и его окрест-
ности. Понимая, насколько укреплено это поселение самою при-
7 родою, царь затруднялся, что предпринять. На западной стороне
его стремительно несется горный поток, большую часть зимы не-
переходимый. При значительной ширине русла, которое образо-
8 валось в течение известного времени мало-помалу, так как поток
выходит из горной страны, он служит для города прекрасной за-
щитой и делает его труднодоступным. С восточной стороны Псо-
фид имеет Эриманф, большую быструю реку, о которой ходит
9 в народе столько рассказов. Горный поток на южной стороне го-
рода изливается в Эриманф, вследствие чего местность омывается
10 реками с трех сторон и, как мы сказали, защищен ими. Над по-
следней стороной его, северной, господствует крутой холм, об-
веденный стеною и составляющий природный сильный кремль.
Город имеет также превосходные стены, большие и хорошо со-
11 оруженные. Сверх всего этого в городе находился тогда вспомо-
гательный отряд от элейцев; там же был и Еврипид, спасшийся
71 бегством.¹ Понимая и взвешивая все это, Филипп то отказывался
от мысли брать город приступом и осадю, то, искушаемый вы-
2 годами местоположения города, горел желанием взять его. На-
сколько теперь Псофид угрожал ахеянам и аркадянам, а для
элейцев служил несокрушимым базисом военных действий, на-
столько же по взятии его он должен был служить защитою для
аркадян и удобным опорным пунктом для союзников в войне с
3 элейцами. Вот почему царь принял решение взять город и отдал
приказ, чтобы все македоняне позавтракали на рассвете и держа-
4 лись наготове во всеоружии. После этого он переправился по мо-
сту через Эриманф, причем благодаря неожиданности предпри-
ятия не встретил на пути никакого противодействия, а затем бы-
5 стро и угрожающе предстал перед самым городом. Еврипид и все
находившиеся в городе недоумевали при виде того, что творилось,
ибо они были убеждены, что неприятель ни за что не дерзнет
ни с набега напасть на город столь укрепленный и брать его при-
6 ступом, ни вести продолжительную осаду в такую пору года. Все

¹ 69 2.

это соображая, они начинали подозрительно относиться друг к другу, опасаясь, как бы Филипп не проник в город при помощи измены осажденных. Но, не замечая в среде своих ничего по- добного, они большею частью устремились к стенам для отражения врага, тогда как наемники элейцев вышли из города через ворота, находившиеся на возвышенности, дабы оттуда неожиданно напасть на врага. С другой стороны, царь расставил в трех местах тех людей, которые обязаны были прилаживать лестницы к стенам, соответственно тому распределил и остальных македонян; после этого велел трубачам давать сигнал отдельным отрядам и со всех сторон разом повел приступ против стен. Вначале занимавшие город воины защищались храбро и многих скинули с лестниц; но запас метательных орудий и прочих нужных для войны снарядов истощился, потому что заготавливались они второпях, а македоняне не страшились опасности, и когда один падал с лестницы, его место немедленно занимал другой, ближайший; наконец осажденные оборотили тыл и все бежали к акрополю. Что касается царского войска, то македоняне взбирались на стену, критяне вступили в схватку с теми наемниками, которые сделали вылазку из горных ворот, и принудили их бросить оружие и в беспорядке бежать. Преследуя и нанося удары, критяне ворвались в ворота вместе с бегущими, благодаря чему город захвачен был неприятелем разом со всех сторон. Псофидяне с детьми и женами укрылись в акрополе, точно так же поступил Еврипид и все, что уцелело.

Тотчас по вторжении македоняне кинулись грабить всякую утварь в домах, затем расположились в них на жительство и вступили в обладание городом. Между тем укrywшиеся в кремле воины, лишенные всяких орудий борьбы, предвидели грозящую им участь и потому решились отдаться Филиппу. Они отправили к царю глашатая и, получив дозволение послать послов, отрядили к нему высших должностных лиц города, а с ними вместе и Еврипида. В силу состоявшегося договора всем бежавшим в акрополь, чужеземцам и гражданам, дарована была неприкосновенность. Они возвратились туда, откуда пришли, с приказанием оставаться на месте до ухода македонского войска, дабы кто-либо из воинов, невзирая на воспрещение, не грабил их. По причине выпавшего снега царь вынужден был также оставаться на месте в продолжение нескольких дней. В это время он созвал присутствующих ахеев, указал им прежде всего на укрепленность города и выгоды положения его для тогдашней войны, потом упомянул о своем благожелательстве к ахейскому народу, а в заключение прибавил, что и на сей раз уступает и отдает ахеевям завоеванный город. Арат и войско его благодарили за это Филиппа, после чего он распустил собрание, снялся с войском и направился к Ласиону; псофидяне спустились с кремля, получили обратно город и жилища свои, а Еврипид с товарищами удалился в Коринф и оттуда в Этолию. Присутствующие должностные лица ахеев поставили начальником над акрополем сикионца Пролая с достаточно сильным гарнизоном, а над городом пелленца Пифия. Так завершилось дело с Псофидом.

Когда составившие гарнизон элейцы в Ласионе узнали о приближении Филиппа и о судьбе Псофида, то немедленно покинули город, а царь, лишь только подошел, взял город с набега. С целью дать ахеевям новое доказательство своего благоволения

10

73

Олимпия и элейцы

он передал им и Ласион. Страт, также покинутый элейцами, он
3 возвратил телфусам. По совершении этих подвигов Филипп на
пятый день прибыл в Олимпию. Здесь принес он жертву божест-
4 ству, угостил начальников, дал три дня отдыха и остальному вой-
ску, а затем снова выступил в поход. Войдя в Элею, он выслал
5 лагерем подле так называемого Артемисия; здесь взял добычу,
снял лагери и пошел на Диоскурий. При опустошении полей мно-
6 го народу взято было в плен, а еще больше бежало и укрылось
в соседних деревнях и укрепленных местах. Дело в том, что об-
7 ласть элейцев густо заселена и превосходит остальной Пелопон-
нес по обилию рабов и другого достояния. Некоторые из элейцев
8 так любят деревенскую жизнь, что в продолжение двух-трех по-
колений, несмотря на недостаток, не бывают в Элиде. Происходит
9 так от того, что правители государства весьма внимательны и за-
ботливы по отношению к сельским жителям, так что правосудие
отправляется у них на месте, и они тут же имеют все нужное
10 для жизни. Мне кажется, все это элейцы устроили и установили
у себя с древних времен благодаря, во-первых, обширности своих
полей; во-вторых и главным образом тому, что в старину ради
олимпийских состязаний они по соглашению всех эллинов жили
в Элее священной и неприкосновенной, не ведая ни какой-либо
опасности, ни бедствий войны.

74 Впоследствии, когда аркадяне предъявили притязание на Ла-
сион и всю Писатиду,¹ и элейцы вынуждены были отстаивать свои
2 земли и изменить образ жизни, они нисколько не постарались
о том, чтобы снова приобрести себе от эллинов право неприкос-
новенности, но, как я по крайней мере думаю, нерадиво отнес-
лись к будущему и потому остались при тогдашнем положении.
3 Если все мы молим у богов мира и из жажды его готовы на все
уступки, если один только мир почитается у людей несомненным
благом, то как же не считать явно ошибочным такое поведение,
когда народ, имея возможность с соблюдением справедливости и
своего достоинства получить от эллинов на вечные времена не-
рушимый мир, не делает этого или предпочитает такому состо-
4 янию какое-либо иное? Конечно, так; но могут сказать, что при
таком образе жизни элейцы становились легкой добычей для лю-
дей, кои почитают задачей своей жизни воевать и поступать ве-
5 роломно. Однако подобные случаи редки, а если и бывают ино-
гда, то от эллинов может быть получена общая помощь. Кроме
6 того, на случай небольшой обиды элейцы при том благостоянии,
каким всегда будут пользоваться пребывающие в мире народы,
не имели бы недостатка в чужеземцах и наемниках, готовых за-
7 щищать их, где и когда потребуется. Напротив, теперь, после то-
го, как они убоялись редких и необычайных случайностей, страна
их и имущество подвергаются непрерывным войнам и разоре-
8 нию. Да послужит сказанное нами уроком элейцам, ибо никогда
раньше обстоятельства не складывались столь благоприятно, как
теперь для того, чтобы добыть себе признанную всеми эллинами
неприкосновенность. К тому же благодаря воздействию исконной
привычки, которая как бы теплится еще в них, элейцы занимают
прекрасно возделанную землю, о чем сказано мною выше.²

¹ Ср. 73 4 примеч.

² 73 6.

Вот почему при появлении Филиппа велико было число плен- 75
ных, но еще больше бежавших. Народ со всеми пожитками, с 2
рабами и скотом укрывался главным образом в поселении, име-
нуемом Фаламами, потому, во-первых, что оно находится в мест-
ности узкой, неудобной для вторжения; во-вторых, трудно для 3
сношений и малодоступно. Когда царь услышал, что много народа
сбежалось в это поселение, то, решив все испытать и довести до
конца, он велел наемному отряду занять прежде всего удобные
для нападения пункты, а сам, оставив припасы и бóльшую часть 4
войска в лагере, взял с собою пелтастов и легковооруженных и
направился через ущелье; на пути своем он не встретил никакого
сопротивления и подошел к самому поселению. Укрывшиеся в Фа- 5
ламах люди пришли в ужас от неприятельского нашествия, так
как в военном деле они были неопытны и к нему не пригото-
влены; кроме того, сюда сбежался всякий сброд, и потому они скоро
сдались. В числе сдавшихся было довести человек разноплемен- 6
ных наемников, которых привел с собою военачальник элейцев
Амфидам. Филипп получил в добычу много разного имущества, 7
больше пяти тысяч рабов, кроме того, неисчислимо множество
скота и возвратился пока в лагерь; затем, так как войско его было 8
не в меру обременено всякого рода добычей, поэтому самому ста-
новилось тяжелым и менее годным для военных действий, Фи-
липп отступил назад и переместил свою стоянку снова в Олим-
пию.

Апелла, один из опекунов юного царя, оставленных Антиго- 76
ном, пользовавшийся в то время у Филиппа наибольшим значе-
нием, желал поставить ахейский народ приблизительно в такое
же положение, в каком находились фессалийцы, и решился с
этою целью на постыдное дело. По-видимому, фессалийцы жили 2
в государстве, управляемом законами и сильно разнились от ма-
кедонян; на самом же деле никакой разницы не было: с фесса-
лийцами обращались совершенно так же, как и с македонянами,
и они исполняли все приказания царских чиновников. Преследуя 3
эту цель, упомянутый Апелла вздумал испытать участвовавших
в походе ахеян. Прежде всего он дозволил македонянам выго- 4
нять всех ахеян из тех помещений, которые были раньше заняты
ими, а равно отнимать у них добычу. Потом по ничтожнейшим 5
поводам он велел своим слугам бить ахеян; если кто из ахеян
сердился и выражал сочувствие наказуемому или приходил на за-
щиту его, тогда Апелла являлся самолично и отводил недоволь-
ных в темницу. Таким способом действий он рассчитывал при- 6
учить ахеян мало-помалу к тому, что они безропотно будут сно-
сить все, что бы царь ни сделал. Надежда эта поддерживалась 7
в нем воспоминанием о том, как в недавнем походе Антигона ахе-
яне готовы были претерпевать всякие беды, лишь бы не поко-
ряться Клеомену. Между тем несколько ахейских юношей, сго- 8
ворившись между собою, отправились к Арату и объяснили ему
замысел Апеллы; тогда Арат и друзья его явились к Филиппу,
решив теперь же положить конец злу в самом зародыше. В беседе 9
с ними Филипп узнал, что делается, советовал юношам успоко-
иться, уверяя, что ничего подобного больше не будет; в то же
время распорядился, чтобы Апелла не отдавал ахеянам никаких
приказаний без согласия их стратега.

Вообще за свою обходительность с соратниками на боевом поле, 77
за военную доблесть и отвагу Филипп пользовался доброй славой

Замыслы
Апеллы про-
тив ахеян и
Филиппа

не только в среде участников его похода, но и у всех прочих 2 пелопоннесцев. И в самом деле, нелегко назвать другого царя, который в такой же мере был бы предназначен самою природою 3 к царской власти. В высокой степени ему присущи были пронизательность, память и радушие; к этому присоединялись царственная наружность и такой же характер и, что всего важнее, во- 4 енная доблесть и отвага. Однако некоторые черты пересиливали в нем все эти достоинства и из даровитого царя сделали дикого тирана. Трудно объяснить их в немногих словах, а потому мы расследуем и изложим это в другое более удобное время.¹

5 Филипп оставил Олимпию и по дороге на Фарей прибыл в
Филипп в Трифилии Телфусу, а оттуда в Гереею; здесь он распродав добычу, восстановил мост через Алфей, намереваясь вторгнуться этим путем в 6 Трифилию.² В это же время стратег этолян Доримах в ответ на просьбу элейцев защитить их от разорения послал им шестьсот 7 человек этолян под начальством Филлида. Этот последний явился в Элею, присоединил к себе элейских наемников в числе человек пятисот, а также тысячу воинов из граждан, сверх того тарен- 8 тинцев и двинулся в Трифилию для отражения неприятеля. Название свое она получила от одного из сыновей Аркада, Трифила; занимает она побережье Пелопоннеса между землями элейцев и мессенян, обращенное к Ливийскому морю, и составляет край- 9 нюю часть Аркадии на зимнем западе.³ Города в ней следующие: Самик, Лепрей, Гипан, Типанеи, Пирг, Эпий, Болак, Стилангий, 10 Фрикс. Незадолго перед сим городами этими завладели элейцы, получили сверх того и город алифириан, первоначально принадлежавший Аркадии и Мегалополю. Лидиад мегалополец⁴ во время своей тирании отдал его элейцам в обмен за какие-то личные услуги ему.

78 Филлид отрядил элейцев в Лепрей, наемников в Алифиру, а сам с этолянами оставался в Типанеях в ожидании дальнейших 2 событий. Между тем царь покинул обоз на месте, переправился по мосту через реку Алфей, которая протекает подле самого го- 3 рода герееян, и предстал перед Алифирию, расположенною на обрывистом со всех сторон холме; подъем к городу имеет больше десяти стадий.⁵ На вершине всей возвышенности находится кремль и там медный кумир Афины, отличающийся красотой и величи- 4 ною. Почему, с какою целью и на какие средства сооружен кумир, об этом ничего достоверного не говорят и туземцы, ибо не 5 известно в точности, кто пожертвовал его и почему. Зато существует полное единогласие относительно мастеров: кумир, величественнейшее и совершеннейшее произведение искусства, сделан Гекатодором и Состратом.

6 Как бы то ни было, Филипп на следующее утро, ясное и свет- 7 лое, поставил в нескольких местах воинов с лестницами, а впе- 7 реди их для прикрытия, наемников; за этими воинами в тылу поместил македонян, распределенных в том же порядке и всем 8 отдал приказ с восходом солнца брать высоты приступом. Когда

¹ Например, VII 13.

² 73 4 примеч.

³ На юго-западе.

⁴ II 44 s. 51.

⁵ 1 верста 375 саж.

македоняне повели дело с одушевлением и грозной отвагой, а лифрияне при каждом натиске устремлялись на врага и спешили к тем местам, к которым, как они видели, приближались враги. Тем временем сам царь, сопровождаемый отборнейшими воинами, незаметно по крутизнам поднялся к предместью кремля; затем, по данному сигналу все воины приладили лестницы и начали брать город. Прежде всего царь занял покинутое гарнизоном предместье кремля. Когда предместье охвачено было пламенем, защитники стен, предугадывая исход дела, сильно встревожились при мысли, что с потерей кремля они лишатся последней опоры, а потому покинули стены и стремительно направились к кремлю. Македоняне тут же завладели и стенами и городом. После этого находившиеся в кремле элейцы отправили посла к Филиппу, который согласно договору получил укрепление, а осажденным даровал неприкосновенность.

Такой ход событий навел ужас на всех жителей Трифилии, которые озабочены были тем, как бы спасти себя и свои города. Между тем Филлид покинул Типаней,¹ разграбив еще в них несколько домов, и возвратился в Лепрей. Такова была награда, полученная союзниками от этолян: их не только открыто покидали в величайших опасностях, но еще грабили и изменяли им; от союзников они претерпевали то, чего должны ожидать побежденные от неприятеля. Типанейцы передали свой город Филиппу. Подобным образом поступили и жители Гипана. В одно время с ними фиаляне, услышав о судьбе Трифилии и не ожидая ничего хорошего от союза с этолянами, захватили с оружием в руках резиденцию полемарха.² Этолийские пираты, проживавшие в этом городе ради добычи из Мессении, сначала вздумали было напасть на фиалян. Но при виде того единодушия, с каким вставали все граждане на борьбу, они отказались от этого намерения, заключили договор с фиалянами и, забрав пожитки, удалились из города. Фиаляне отправили посольства к Филиппу, отдали ему себя и свой город.

Вероломство этолян

Дело это еще не кончилось, как лепреяне, заняв часть своего города, потребовали, чтобы элейцы, этоляне, а равно и вспомогательное войско от лакедемонян покинули кремль их и город. Сначала Филлид и товарищи его не обращали внимания на это требование и оставались на месте в надежде запугать граждан. Но когда царь, отрядив в Фиалию войско с Таврионом во главе, сам пошел на Лепрей и уже приближался к городу, весть об этом повергла Филлида и его воинов в уныние и ободрила лепреян. Лепреяне в этом случае поступили прекрасно: невзирая на тысячу элейцев, находившихся в их городе, на тысячу сверх того этолийских пиратов, но пятьсот наемников и двести лакедемонян, на то, наконец, что кремль был в руках неприятеля, невзирая на все это, они попытались освободить родной город и не теряли надежды. При виде того, с каким мужеством сопротивляются лепреяне, и по получении известий о приближении македонян, Филлид удалился из города вместе с элейцами и вспомогательным отрядом от лакедемонян. Критяне, посланные спартанцами, возвратились домой через Мессению, а Филлид со своим отрядом

¹ 78 л.

² Ср. 18.

7 отступил к Самикю. С другой стороны, народ лепреян, овладев
родным городом, отрядил посольство к Филиппу с предложением
8 взять их город. При известии о случившемся царь отправил все
войско в Лепрей, а сам во главе пелтастов и легковооруженных
9 поспешил навстречу Филлиду. Настигнув его, он захватил весь
неприятельский обоз, но войско Филлида успело спастись в Са-
10 мике. Царь расположился лагерем перед поселением, призвал к
себе и оставшее войско из Лепрея и находившимся внутри по-
11 селения людям показывал вид, что намерен осадить его. Между
тем этоляне с элейцами вовсе не были приготовлены на случай
осады и не имели для этого ничего, кроме рук; страшась грозя-
щей опасности, они начали переговоры с Филиппом о свободном
12 пропуске их из города. Получив по уговору дозволение удалиться
с оружием, они направились в Элею, а царь тотчас вступил в
13 обладание Самиком. После этого к нему явились с просьбою о
защите и прочие элейцы, и он принял под свою власть Фрикс,
14 Стилангий, Эпий, Болак, Пирг, Эпиталий. По окончании этих
дел царь опять возвратился в Липрей, в шесть дней покорив своей
15 власти всю Трифилию. К лепреянам он обратился с подобающим
увещанием, поместил в кремле гарнизон и, оставив Трифилию
на попечение акарнана Ладика, направился с войском к Герее.
16 По прибытии в этот город он разделил всю добычу между вои-
нами, потом взял с собою обоз из Герей и в середине зимы при-
был в Мегалополь.

81 В то самое время, как Филипп вел войну в Трифилии, ла-
кедемонцы Хилон, полагая, что происхождение дает ему право
Смуты в Спарте на царскую власть, и оскорбляясь пренебрежением, какое выра-
зилось избранием в цари Ликурга, вздумал произвести переворот.
2 При этом он рассчитывал, что, вступив на тот же путь, по ка-
кому шел Клеомен, и пробудив в народе надежду на получение
по жребию участков и на раздел имущества, скоро привлечет
3 толпу на свою сторону, Хилон приступил к делу. Условившись
с друзьями и приобретя толпу сообщников человек в двести, он
4 занялся осуществлением замысла. Но Хилон понимал, что силь-
нейшей помехой ему будут Ликург и те эфоры, которые поста-
вили его царем, а потому на них и направил он первые удары.
5 Хилон напал на эфоров за обедом и тут же велел перебить всех.
Таково было справедливое воздаяние судьбы. Глядя ли на того,
кто покарал их, или на то деяние, за которое они были покараны,
6 всякий должен сознаться, что эфоры претерпели по заслугам. По-
кончив с эфорами, Хилон явился в дом Ликурга и, хотя нашел
7 там царя, не мог захватить его: Ликург бежал от него тайком
при содействии нескольких слуг и соседей и непроходимыми тро-
пинками укрылся в Пеллену, именуемую Пелленою в Триполисе.
8 Потерпев неудачу в важнейшей части предприятия, Хилон упал
9 духом, но вынужден был продолжать дело. Поэтому он устре-
мился на площадь, избивал врагов, ободрял сторонников и дру-
зей, а прочих старался привлечь к себе обещаниями, о которых
10 мы только что говорили. Однако никто не внял Хилону; говорили
даже больше: люди толпами ополчались на него. Тогда он понял
свое положение, тайком удалился с площади, потом через поля
11 пробрался в Ахаю одинокий, как изгнанник. Страшась появления
Филиппа, лакедемоняне перенесли все свое имущество с полей
в город, а войска их разрушили до основания Афеней мегало-
польцев и покинули его.

Что касается лакедемонян, то со времени законодательства Ли- 12
курга они пользовались прекраснейшим государственным устрой-
ством и были весьма могущественны до битвы при Левктрах. На- 371
чиная с этого времени судьба отвернулась от них, и государство
их все больше и больше приходило в упадок. Под конец дошло 13
до того, что они терпели почти постоянные войны и междуособ-
ные распри, удручаемы были весьма частыми переделами иму-
щества и изгнаниями, вкусили ненавистнейшего рабства и даже
тиранию Набиса, те самые лакедемоняне, для которых раньше
невыносимо было имя тирании. Древние судьбы лакедемонян и 14
вообще бóльшая часть их истории, их доблести и пороки расска-
заны многими писателями; знаменательнейшие события с того
времени, как Клеомен совершенно упразднил исконное государ-
ственное устройство, будут рассказываемы нами при удобных слу-
чаях.

Между тем Филипп двинулся из Мегалополя и, пройдя через 82
Тегею, прибыл в Аргос. Там провел он остаток зимы и, не взирая
на юный возраст, всем поведением своим и подвигами в описан-
ных выше походах возбуждал к себе удивление. А Апелла все 2
еще не отказался от своего плана и стремился к тому, чтобы
мало-помалу поработить ахеян. Но он видел, что этому мешают 3
Арат и друзья его, что Филипп благоволит к ним, особенно к
старшему Арату, частью вследствие дружеских отношений по-
следнего к Антигону, частью потому, что он пользовался у ахеян
величайшим влиянием, а больше всего за его ловкость и рассу-
дительность. Вот почему Апелла решил направить свои козни на
Арата и стал действовать во вред ему приблизительно таким об-
разом: он позаботился разузнать, кто были политические против- 4
ники Арата, одного за другим приглашал их к себе из разных
городов, льстиво обходился с ними и предлагал им свою дружбу.
После этого Апелла представлял их Филиппу и всякий раз по- 5
вторял, что, если царь будет поддерживать дружбу с Аратом, то
вынужден будет обращаться с ахеянами по точному смыслу пи-
санного союза, если же последует его советам и изберет своими
друзьями подобных людей, то всеми пелопоннесцами будет рас-
поряжаться по собственному усмотрению. Вслед за сим Апелла об- 6
ратил внимание на выборы должностных лиц, озабоченный тем,
как бы облечь званием стратега кого-либо из новых друзей своих
и устранить от должности Арата и его сторонников. С этою целью 7
он уговорил Филиппа явиться на выборы в Эгий под тем пред-
логом, что идет на Элею. Царь внял советам Апеллы, который 8
явился во время выборов, одних убеждал, другим грозил и, хотя
с трудом, но добился того, что в стратеги выбран был Эперат из
Фар, а Тимоксен, проводимый сторонниками Арата, отвергнут.

После этого царь выступил из города и, направляясь через 83
Патры и Диму, явился перед укрепленным поселением, имену-
емым Тейхос и лежащим перед областью димеян; незадолго перед
сим оно было занято, как я рассказал выше, Еврипидом.¹ Укреп- 2
ленное поселение царь желал во что бы то ни стало возвратить
димеянам и потому со всем войском расположился перед ним. Пе- 3
репуганный элейский гарнизон сдал поселение Филиппу, неболь-
шое, но превосходно укрепленное. В окрестности оно имеет не 4

¹ 59.

больше полутора стадий,¹ но стены его имеют не меньше тридцати локтей в высоту.² После передачи поселения димеянам Филипп совершил опустошительный набег на поля элейцев, а разорив их и взяв большую добычу, возвратился с войском в Диму.

84 Между тем Апелла, воображая, что с выборами в стратеги угодного ему человека план его в некоторой степени уже осуществился, возобновил нападение на Арата и друзей его с целью порвать дружбу Филиппа с ними. Вот какого рода средство придумал он для того, чтобы оклеветать их. Стратег элейцев Амфидам, как я сказал выше,³ попал в плен в Фаламах вместе с бежавшими туда воинами. Когда с прочими пленными он доставлен был в Сицилию, то при посредстве некоторых людей домогался представления царю. Добившись этого, он в беседе с Филиппом уверял, что сумеет побудить элейцев к заключению с ним дружественного союза. Филипп поверил Амфидаму и отпустил его без выкупа, при этом поручил возвестить элейцам, что все пленники их будут отпущены без выкупа, если они пожелают вступить с царем в дружбу, что сам он обеспечит страну их от всякого нападения извне, что сверх этого избавит их от содержания гарнизона и уплаты дани, и они будут жить по своим государственным установлениям. Элейцы выслушали предложение и решительно отвергли его, как ни казалось оно соблазнительным и многообещающим. На этом-то и построил свой донос Апелла. Он обратился к Филиппу с уверением, что Арат и товарищи его не питают истинных дружеских чувств к македонянам и что расположение их к царю неискренно, что и теперь они виновны, говорил он, в отказе элейцев, ибо, когда Амфидам был послан царем из Олимпии в Элиду, эти люди оболестили его и подстрекали уверениями, что для пелопоннесцев никаким образом не может быть выгодно господство Филиппа в Элее; вот почему, заключил Апелла, элейцы отвергли все предложения, упорно остаются в дружбе с этолянами и в войне с македонянами.

85 Вначале царь выслушал эти речи, но велел позвать к себе Арата и друзей его и предложил Апелле повторить свои изобличения в их присутствии. Когда явился Арат и друзья его, Апелла нагло и дерзко повторил вышесказанное и, пока царь молчал еще, прибавил: «Арат, так как царь видит всю вашу неблагодарность и бесчувственность, то он решил созвать ахеян, высказать им все это и возвратиться в Македонию». В ответ на это Арат старший вообще просил Филиппа не доверяться поспешно и сгоряча никаким наговорам; если же ему заявлена будет жалоба на кого-либо из друзей или союзников, то тем строже должно быть произведено расследование прежде, чем давать веру обвинению; такое поведение, сказал он, единственное достойное царя и выгодное во всех отношениях. Поэтому и теперь Арат настаивал, чтобы для расследования уверений Апеллы царь позвал людей, которые слышали эти речи, представил бы человека, который будто бы сообщил их Апелле, и вообще не пренебрегал бы никакими средствами для раскрытия истины прежде, чем говорить что-либо подобное ахеянам.

¹ 126 саж. с небольшим.

² 45 фут.

³ 75.

Царь согласился с мнением Арата и обещал расследовать дело 86
внимательно, после чего призванные к царю люди удалились.
Прошло несколько дней, а Апелла не представлял никаких до- 2
казательств обвинения. Между тем Арату помог счастливый слу-
чай такого рода: в то самое время, как Филипп опустошал область 3
элейцев, они, подозревая Амфидама в измене, решили схватить
его и закованным в цепи препроводить в Этолию. Догадавшись 4
о замысле их, Амфидам удалился сначала в Олимпию, а потом,
когда услышал, что Филипп находится в Диме и занят дележом
добычи, поспешил к нему. Арат и друзья его при известии о при- 5
бытии Амфидама из Элиды в положении изгнанника очень об-
радовались как люди, не чувствовавшие за собою никакой вины;
они явились к царю и просили его вызвать Амфидама, ибо, го- 6
ворили они, лучше всех должен быть осведомлен по предмету
обвинения тот, с кем ведены были переговоры, и он откроет ист-
тину: из-за Филиппа он лишился родного очага, и в настоящем
положении все надежды его покоятся на Филиппе. Царь признал 7
справедливость этих речей и, пригласив Амфидама, убедился в
ложности обвинения. С этого дня он все больше привязывался к 8
Арату и ценил его, напротив, с недоверием относился к Апелле;
однако огромное влияние этого последнего вынуждало царя остав-
лять безнаказанными многие его проступки.

Тем не менее Апелла вовсе не покидал своих замыслов и в 87
то же время вел козни против Тавриона, которому доверены были
дела Пелопоннеса. На сей раз он действовал не осуждением, а 2
похвалами и не переставал уверять, что Таврион заслуживает то-
го, чтобы постоянно находиться на поле войны: таким путем он
рассчитывал добиться назначения другого лица по его предложе- 3
нию для заведывания делами Пелопоннеса. Придуман был, сле-
довательно, новый вид козней вредить ближнему не порицания-
ми, а похвалами. Такого рода козни, предательство и коварство 4
зарождаются прежде всего и больше всего в среде придворных и
имеют своим источником взаимную зависть и властолюбие. Апел- 5
ла точно так же при всяком удобном случае старался уязвить на-
чальника дворцовой стражи Александра, потому что хотел при-
своить себе охрану личности царя и вообще уничтожить сделан-
ное Антигоном распоряжение. Дело в том, что Антигон не только 6
при жизни был достойным царем и таким же руководителем сы-
на, но и перед смертью прекрасно позаботился о будущем устро-
ении всех дел. Он оставил завещание, в котором представлял 7
отчет македонянам в своем управлении, а вместе с тем давал ука-
зания относительно будущего: каким образом и какие личности
должны вестись отдельными частями управления, ибо не желал 8
давать придворным никакого повода к зависти и взаимным рас-
прям. Так, из числа участников в царских походах Апелла на-
значен был одним из руководителей сына, Леонтий начальником 8
пелтастов, Мегалей правителем царской канцелярии, Таврион за-
ведующим делами Пелопоннеса, Александр начальником дворцо-
вой стражи. Леонтий и Мегалей находились вполне под влиянием 9
Апеллы; Александра и Тавриона он старался сместить с долж-
ностей и, таким образом, всеми делами вестись самому непосред-
ственно или через своих друзей. И он достиг бы цели легко, если 10
бы не подготовил себе противника в лице Арата. Скоро пришлось
ему пожать плоды своего безрассудства и властолюбия, и ту са- 11
мую участь, какую уготовлял другим, он претерпел сам, притом

Завещание
Антигона До-
сона

- 12 очень скоро. Но каким образом и при каких обстоятельствах случилось это, мы не станем рассказывать теперь и закончим эту книгу, но в дальнейшем повествовании постараемся изложить все подробно.¹
- 13 Совершив рассказанные выше подвиги, Филипп возвратился в Аргос и там с друзьями провел зиму, а войска отпустил в Македонию.

¹ V 2. 16. 26 сл.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ

1 5 народное правление *προαίρεσις δημοκρατικῆ*, выражение подлинника оттеняет сознательный, основанный на определенных началах образ действий ахейан. В таком же смысле слово *προαίρεσις* употреблено ниже (§ 7). III 8 5. 6.

2 1 основу *ἰδέσθαι*. В смысле начала, исходного пункта всего повествования слово это употреблено I 5 3.

5 Филипп III наследовал Антигону Досону, имея 17 лет отроду. 5 3.

6 Ахей, сын Андромаха, племянник Лаодики, первой жены сирийского царя Антиоха II. Молодым еще сопровождал он 222 г. Селевка III в Малую Азию во время похода царя на Аттала I пергамского, отмстил убийцам царя, а по воцарении брата Селевка, Антиоха III Великого, получил наместничество (*δυναστεία*) в Малой Азии. Впоследствии он решился возложить на себя царскую диадему (Полиб. IV 48). В подлиннике, быть может, следует восстановить обратный порядок слов, чтобы получить: «имел не только власть, но и царское звание» — *οὐ μόνον δύνασιν εἶχεν, ἀλλὰ καὶ προστασίαν βασιλικήν*.

8 Ариарат, имя нескольких царей Каппадокии. В нашем месте разумеется тот из Ариаратов, который сражался в союзе с Антиохом III против римлян, а потом вместе с римлянами против Персея. Ср. XXI 43.

9 Лукург, не принадлежал к царскому роду и купил себе царскую власть у эфоров. Полиб. IV 35 14. 48 и др.

3 1 они... врагов. Задолго до этого времени афиняне в гимне к Деметрию Полиоркету просили избавить их от этолийского сфинкса, «который сидя на скале, похищает и уносит наши тела. Этолийцы прежде грабили соседей, теперь грабят и тех, которые далеко от них». Athen. VI 253. Кичливость, притязательность, *ἀλαζονεία*, по представлению эллинов и римлян, часто бывала спутником военного звания, отсюда один из любимейших типов комедии «хвастливый воин» (*miles gloriosus*); войнолюбивые этоляне не составляли, по-видимому, исключения из правила.

3 старая привычка. По словам Фукидида (I 5), занятие разбоем на суше и на море было некогда в обычае у всех эллинов и к его времени удерживалось в менее культурных частях Эллады. О страсти этолян к грабегам без различия врагов и друзей см. Полиб. XVII 4—5 мн. др.

ibid. одни ахейане, без македонян и Антигона Досона, могущественного союзника их.

5 трихониец, уроженец Трихония, этолийского поселения подле Лисимахии, недалеко от озера Трихониды к югу от него.

ibid. общебеотийского праздника *τῆν τῶν Παρβοιστίων πανήγυριν*, совершалось в храме Афины Итонии между Алалкаменами и Коронеей. Другим союзным святилищем Беотии был храм Посейдона в Онхесте. Pausan. IX 34 1. Страб. IX 2 33.

ibid. город фигалиян. Фигалия, теп. Paolitz, город в Аркадии, в юго-западном углу Аркадии, на крутом возвышении над северным берегом Неды, знаменит развалинами храма Аполлона Эпикурия в Бассах, в двухчасовом расстоянии от города. Фигалия называется здесь составною частью этолийского союза (*συνπολιτευομένη*), а немного ниже (79 5) говорится только о военно-союзнических отношениях между Фигалией и этолянами. Из времени немного предшествующего сохранилась надпись, содержащая в себе постановление мессенян в ответ на предложенные этолянами условия разрешения пограничных споров между Фигалией и Мессенией (Le Bas et Foucart, *Inscriptions du Peloponnèse*, n° 328 a).

8 пираты *πειραταί*, собств. «искатели приключений» вместо классического термина *λησται* «разбойники».

4 1 двор Хирона, поселение в Мессении, нигде более не упоминаемое.

2 Эфоры. Правление Мессены в 220 г. было олигархическое, и главные должностные лица носили имя спартанских «блюстителей». Ср. 31. 32. В более позднее время после демократи-

ческой реакции они назывались, как и в ахейском союзе, стратегами (Plut. Arat. 20. Ср. Полиб. VII 10).

ibid. собрание... лиц, подготовлявших дела для сената и народного собрания. Le Bas et Foucart, *Inscr. du Peloponn.* n° 35a. По словам Аристотеля (Polit. IV 14), такие комитеты были повсеместны в Элладе в это время.

5 широкую шляпу *καυσία*, македонский головной убор: войлочная шляпа с широкими полями. Каракалла носил такую шляпу в подражание Александру.

5 2 беззаконие *ἐκ παρανομίας*. Сочетание терминов, из которых один означает поведение Доримаха, другой — отношение к нему мессенян (*οκώμια* «насмешка»), казалось Казобону и Рейске насильственным, а потому они предложили читать *ἐκ παρανομίας* оскорбительное прозвище Бабирта. Кобет предлагает *ἐκ παρανομίας* «вследствие опьянения, пьянства» (Mnemos. X 388); но об этом нет речи у автора.

4 о нерасположении лакедемонян. Исходная вражда между двумя государствами, выразившаяся в старину в трех мессенских войнах и приведшая к уничтожению Мессены, продолжалась и по восстановлении города Эпаминондом 370/369 г. до Р. X. на горе Ифоме, вплоть до римского владычества.

7 жаловаться *ερεῖν ἐγκλήματα*, выражение, нигде более не встречающееся, а потому Швейггейзер предлагал поправку *εξεῖν ἐγκλήματα*, принятую некоторыми из позднейших издателей историка.

8 обещали... в союзе. Из слов Павсания (IV 29 з) можно догадываться, что мессенские добровольцы принимали участие в битве союзников против Клеомена при Селласии.

9 союзного собрания *σύνδοξον*, собиралось в пору осеннего равноденствия в Ферме (IV 37 2); чрезвычайные собрания могли быть созываемы и в другое время стратегом.

ibid. с апоклетами, члены коллегии, соответствующей *συνάρχαια* в других государствах. Апоклеты выбирался народом и составляли *sanctius concilium*, по словам Ливия (XXXV 34). В обыкновенное время полномочия этой коллегии были весьма обширны. Полиб. XX 10. 11. XXI 4 7. 8. 5 2. 7. Liv. XXVI 24. XXVIII 7. Ср. Gulbert, *Handb. d. gr. Staatsalterth.* II, 28 сл. Латышев, *Очерк греч. древностей*. I. СПб., 1888. стр. 326 сл.

6 1 Кифер, теп. Черуго, остров у мыса Малеи, с западной стороны его. Замечание Хилона об острове сообщает Геродот VI 65.

ibid. начальников корабля *ναυκλήρους*, собств. владелец или патрон судна. В смысле командира судна *ναυκλήρος* у Полиб. XXXI 21 1. 22 10. Aesch. *Suppl.* 174. Eurip. *Hippol.* 1224.

2 кефалленя. Быть может, они были неполноправными членами этолийского союза. Schorn, *Gesch. Griechelands von der Entstehung d. aetol. u. achaeisch. Bundes bis zur Zerstörung Korinths*. Bonn, 1833, стр. 29.

ibid. Турием; теп. Zaverdha, главный город в северной Акарнании в широкой плодородной долине.

4 в звании царского уполномоченного. Такой перевод казался нам ближнего соответствующим выражению подлинника *τὸν ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ βασιλικῶν πραγμάτων*, иначе *epiteteles*, начальник македонского гарнизона, блюститель интересов македонского царя. Дальнейшее изложение дает понять, что царский уполномоченный находился в Орхомене.

5 не возвращал. Орхомен возвращен был ахеянам только в 196 г. римлянами, когда Тит Квинкий Фламиний провозгласил в Коринфе свободу Эллады. Полиб. XVIII 28 12. 30 10. Liv. XXXIII 31.

7 время, весна или начало лета. 37 2. Стратег выбирался в весеннем, майском собрании; между выбором и вступлением в должность проходило некоторое время. Plut. Arat. 47. Во II в. до нашей эры начало ахейской стратегии было не в мае, а осенью, приблизительно в нашем октябре. А. Mommsen, *Delphische archonten nach der Zeit ge-ordnet*. Philologus XXIV. Berlin, 1866, стр. 17—19.

8 Рий, этолийский, обыкновенно именуемый Антирием или моликрийским Рием, мыс Этолии, выдающийся в самую узкую часть Коринфского залива; так назывался, кажется, и самый пролив.

11 искони. В то время как мессеняне поселены были в Навпакте, между ними и этолянами должен был установиться союз, сменившийся потом враждою. Фукид. III 94.

7 5 вооруженным, т. е. стратег должен был созвать военные контингенты союзников, коллективное решение коих входило в силу без утверждения народным союзным собранием.

8 3 коварные... действия *πράξεις*, преимущественно путем выискивания нужных для его целей людей в неприятельском лагере или городе и путем тайных сношений с ними; отсюда *πραξικολεῖν τὴν πόλιν* «взять (неприятельский) город с помощью хитрости и измены».

4 взятие Сикиона и Мантиней. Подробный живописующий рассказ о первом из этих событий у Плутарха (Arat. 2—9). Ср. Васильевский, *о. с.* 66 сл. О взятии Мантиней Полиб. II 51. 58. Plut. Arat. 36. Васильевский, *о. с.* 257 сл.

ibid. изнанише... пелленя, подробный рассказ у Плутарха Arat. 31.

10 фессалийцев. Фессалийская конница лучшая в Элладе. Геродот. VII 196.

9 3 *правители ои проεστйτες*, т. е. демиурги, председательствовавшие в союзном собрании и ведавшие делами союза в промежутках между союзными собраниями.

4 *акарнанами*, поправка Гронова вм. рукописного *аркадянами аркаσι*, ибо аркадяне входили в состав ахейской Федерации, а здесь поименовываются союзники Федерации вневелопоннские. Ср. Полиб. V 3 3. IX 38 5.

9 *Киллену*, гавань и арсенал Элиды на северо-западном берегу ее, исчезла бесследно. Фукид. II 84. Страб. VIII 3 4.

ibid. *Феяде*, остров у берегов Элиды напротив гавани Феи, у подножья скалистого мыса Ихфиса, где теперь развалины *Pondikó Castro*, — той самой гавани, которая занята была афинским флотом в 431 г. Фукид. II 25 3—4. Относительно острова см. Страб. VIII 3 12.

10 2 *следовать... сторонюю επιπαρασχειν*. В таком значении слово употреблено I 77 2 и часто в III книге о войсках римлян относительно Ганнибала.

4 *отряжаемым... приказ*. Сл. *ταῖτα* после *εκτελομενοις*, изменяемое Рейске в *μετὰ ταῦτα* и Кампе в *ταῖς ναυαί*, есть не более как прямое дополнение к *προσευτελλόμενοι*, поясняемое далее стоящими *πρὸς τὸ ῥίον αλατῶν*.

5 *Олимпии*, знаменитая местность в Писатиде, на правом берегу р. Алфея при впадении в него Кладае. Это собственно не город, но знаменитая священная равнина с храмами, общественными зданиями и немногими жилыми помещениями. Здесь в течение более 1000 лет праздновались великолепнейшие у эллинов так называемые олимпийские игры. Описание достопримечательностей Олимпии, помимо *Ausgrabungen zu Olympia*, Bd. I—IV, Berl., 1877—1880, Бёттихера *Olympia, das Fest und seine Stätte* можно найти в путеводителе по Элладе Бедекера, составленном по рукописи известного эллиниста Лоллинга (*Griechenland*, Lond., 1883).

10 *двинулись вперед προῖρον*. Лик (*Travels in the Morea*, Lond., 1830. III, стр. 125) старается восстановить направление войск этолян и ахеев.

ibid. *Медфудрия*, городок Аркадии к северу от Мегалополя, замыкал проход внутрь области к Орхомену.

11 5 *Олигирту*, гора недалеко от Кафий; тут же, по словам Плутарха (*Cleom.* 26), находилось укрепление того же имени между Стимфалом и Кафиями.

6 *Проподу*, возвышенность у входа в долину; вершина ее была началом прохода из Ликореми в Стимфалию.

12 3 *одетых... воинов*, средний род оружия между легко- и тяжеловооруженными. Они носили панцирь, но не имели щитов.

ibid. с фланга *ἐπὶ κέρας κλίναςτες*, собственно фланговым движением, у Швейггейзера *in alterum cornu, in alterum latus detorquere aciem*.

13 4 *беспрепятственно*. Этоляне не встретили отпора даже со стороны Акрокоринфа и по переходе через Коринфский перешеек продолжали путь по Мегариде и Беотии.

14 9 к *предшествующей... сороковой*. Какая пора года принималась Полибием за начало олимпиады, трудно сказать с достоверностью. Начало олимпийского года приурочивается ко времени олимпийского праздника, которое совершалось в августе или в сентябре. Начало первого года 140-й олимпиады, с которого автор и начинает собственную историю, по мнению одних, приходится на август, по мнению других — на середину лета, по мнению третьих — на начало октября. Швейггейзер, примеч. к нашему тексту. Nissen, Rh. Mus. N. F. XXVI, стр. 250 сл. Unger, Philolog. XXXIII, стр. 234 сл. Sitzungsber. der Berl. Akademie d. Wissensch. 1879, стр. 119. *Zeitrechnung d. Griechen u. Römer* (J. Mueller, Handbuch d. class. Alterthumswiss. I) стр. 604. O. Seipt, *de Polybii olympiadum ratione*. Lips., 1887, стр. 66 сл.

15 9 *нелетее*. Вероятно, союз *συνισαχία* этолян с Мессениею содержал в себе и такие условия, которые нарушались заключением отдельного союза их с ахейцами. Но об этих условиях у Полибия нет ничего.

16 5 *освобожденные*. Под освобождением лакедемонян автор разумеет изгнание Клеомена из Спарты и бегство его в Египет. II 70 1. IV 9 4. 15 4.

9 *Навакту*, теп. Леранто, город Локриды озольской на берегу Коринфского залива, к северо-востоку от Антиррия, подарен Филиппом этолянам в 338 г. до Р. X. Demosth. *Philipp.* с. 3. р. 120.

ibid. *афаманов*, одно из племен Эпира, жившее между р. Арахфом и западными склонами Пинда. «У них», по словам Гераклида Понтского, «женщины пашут землю, а мужчины стерегут стада». Царь их Аминандр, или, как здесь, Амин, вступал в союз то с этолянами, то с римлянами против македонян. Ср. указатель (Т. 3).

ibid. *зятя κρηεστής*. В том же смысле Полибий употребляет этот термин и в других местах. II 1 9, кажется XV 21 2.

11 *кинефян*. Город Кинефа в Аркадии, теп. Kalaurgia.

17 3 *через ахейскую область διὰ τῆς Αχαιϊκῆδος*. Курциус (*Peloponnes.* I, 419 примеч. 1) предлагает читать *δ. τ. Αἰγιάτιδος* на том основании, что речь должна идти о владениях какого-либо города, в настоящем случае Эгия. Но автор, говоря об ахейской области, подчеркивает то обстоятельство, что движение этолян к аркадскому городу Кинефе, входившему в состав ахейской Федерации, нарушало права ахеев.

18 2 *полемархами*. Из нижеследующего видно, что это были низшие должностные лица, на обязанности коих лежал, между прочим, надзор за городскими воротами. С таким же, вероятно, значением упоминаются полемархи в Мантинее, Фигалии и других городах Пелопоннеса.

ibid. на башнях, что у ворот ἐπὶ τῶν πυλῶνων. Мы уже знаем (II 9 з), что слово *πύλων* означает целое сооружение, часть которого составляют ворота. В данном случае это скорее всего башни по сторонам самих ворот.

8 *пытали*; подобная жестокость была не в обычае у других эллинов.

ibid. денег διὰ φόρου. В таком значении слово раньше Феофраста не встречается. В классическом периоде διὰ φόρος «выгоды, преимущество».

9 к Лусам, городок в северной Аркадии, не существовавший уже во время Павсания, т. е. во II в. по Р. Х. (Pausan. VIII 18 2). По имени этого городка назывался иногда поток Стиг, протекавший невдалеке.

19 8 по перетаскиванию лодок, из Сардонического залива в Коринфский. В этом направлении переехал имел, по словам Страбона, 40 стадий длины = 1 миля. Лодки перетаскивались на колесах. Прорытие перешейка предпринимали Деметрий Полиорнет, Ю. Цезарь, Калигула и Нерон. Ср. Gester, *Isthme de Corinthe, tentatives de percement dans l'antiquité* Bullet. de corresp. Hellén. VII. 1884, стр. 225—232.

12 достаточно... труба, поговорочное выражение применительно к войску, терпящему поражение без битвы, при первых звуках неприятельской сигнальной трубы.

20 4 собственную музыку τῆν γε αἰθῶς μουσικῆν, в отличие от «музыки» в смысле, установленном Платоном, т. е. всей совокупности образовательных предметов, действующих на душу человека, рядом с «гимнастикой», обнимающей всякого рода физические упражнения. Наиболее обстоятельное рассуждение об образовательном значении музыки и о необходимости ее в жизни гражданина см. у Аристотеля, *Политика*, стр. 232—246 (перев. Скворцова). Ср. Platon. *Republ.* III, p. 398—400. Из новых сочинений см. особенно R. G. H. Westphal, *Geschichte der alten u. mittelalterlichen Musik*. Bresl. 1865—1866. Его же: *die Musik des griech. Alterthums*, Lond., 1883.

ibid. занятие... необходимо. Место это до гл. 21 9 списано во многом дословно Афением XIV 5, p. 626.

5 Эфор, уроженец Кумы эолийской, IV в. до Р. Х., воспитался в риторической школе Исократ, автор истории Элады в 30 книгах, с возвращения Гераклидов до 341 г. до Р. Х. Древнейшим автором всеобщей истории называет Эфора Полибий (V 32). Для позднейших историков, особенно для Диодора Сицилийского, он служил любимейшим источником. В последние годы на основании Эфора вносятся существенные поправки в исторические известия Фукидида. Отрывки Эфора у Мюллера *fr. histor. Graec.* I, 234 сл.

6 ритмом. В древней музыке и поэзии ритм, правильное чередование моментов движения в речи, музыке, оркестике, составлял более необходимый элемент, нежели в нашем искусстве.

9 песни νόμοι. По словам Аристофанова схолиаста (*Equit.* 9), номами назывались по преимуществу гимны богам (οἱ ἐς θεοῦς ὕμνοι). В нашем месте понимаются хоровые песни, дифирамбы, позднейшего периода, когда музыка взяла перевес над словами песни.

ibid. Филоксена, сочинителя дифирамбов, род. приблизительно 435 г., ум. 380 г. до Р. Х. Отрывки у Бергга, *poetae lyrici gr. III. Тимофей* из Милета ум. 357 г. Отрывки там же. *Philoxeni, Timothei, Telestis dithyramb. reliquiae. De eorum vita et arte commentatus est, fragmenta collectit et explanavit* G. Bippart. Lipsiae, 1843.

10 наемными исполнителями ἐλεειοκτῶν ἀκροαμάτων. У Полибия ἀκρόασις означает не песню, предмет исполнения, но исполнителя, декламатора или певца XVI 21 12. XXIII 5 9. XXXI 4 6. Активное занятие музыкою Аристотель ставит гораздо выше в образовательном значении, нежели пассивное восприятие исполняемых другими песен или музыкальных мелодий. *Полит.* V 6 (стр. 239 перев. Скворцова).

ibid. петь по очереди ἀπὸ μέτρος ᾄδεν. Подобное исполнение гимнов Тиртея у лакедемонян, по словам Филохора. *Athen.* XIV, 29.

12 в маршировке ἐμβατήρια. Военный марш, у лакедемонян подобным образом описывается Фукидидом. V 70.

21 1 самостоятельности αὐτοῦργισιν, работы собственными руками, а не при помощи рабов или наемников. Что пелопоннесцы живут трудами рук своих, говорит Фукидид устами Перикла. I 141 3.

ibid. климата τοῦ περιέχοντος, соств. обнимающей ат атмосферы, неба.

ibid. природные... климата. Источник этнических отличий афинян от фивян Цицерон видит в климате Аттики и Беотии (*de fato* 4). Ошибается, конечно, Полибий, когда переносит в незапамятную древность это сравнительно весьма позднее признание зависимости народного характера от окружающей природы и занятия аркадян музыкою объясняет сознательным стремлением древних аркадян смягчить влияние суровой природы. Зависимость эту устанавливал и Гиппократ (V в. до Р. Х.). *Hippocr.* T. I, стр. 549. 567 Kuhn. Суждения мегалополита Полибия о климате Аркадии должны иметь для нас силу авторитета. Грубость и простота нравов

аркадян. преимущественно пастухов и земледельцев соединялись с гостеприимством и идеализировались уже древними эллинами. Но представление об Аркадии как о стране райского счастья, невинности и ничем ненарушаемого мира есть плод фантазии новых поэтов, преимущественно итальянцы Саннацаро и его подражателей. География Аркадии, см. Neumann u. Parisch, *Physik. Geogr. von Griechenland*, стр. 55 сл. 74 сл. 180—185 и др. Kiepert, *Lehrb. d. alt. Geogr.* стр. 261 сл.

9 *очищение*, как отдельных личностей, так и целых городов или стран совершались водою, огнем и пр. с принесением животной жертвы. Для этой цели употреблялись различные животные: бык, овца, козел, свинья и др. Пролитие крови животного заменяло собою умерщвление виновника скверны. Hermann, *Handbuch d. gottesdienstl. Alterthümer d. Griechen*. §§ 23. 26².

11 *милостиво εὖ δῶ*. Вместо εὖ δίδόναι автор употребляет в другом месте выражение δίδόναι τῆν εὐμερίαν (VII 9 10), т. е. послать красивые дни. У Еврипида в *Оресте* есть стих:

ἴσταν δ' ὁ δαίμων εὖ δίδω, τί χρῆ φίλων;

22 2 *вестников с письмами βιβλιαφόρους*, или *γραμματοφόρους* II 61 4.

3 о *кровавых междоусобицах*. Нижеследующее ясно показывает, что по удалении Клеомена III эфоры и прочее население поделались на две партии: сторонников этолян, они же, вероятно, были и сторонниками Клеоменовой реформы, и друзей македонян, восстанавливавших прежний порядок.

8 *Обительницы медного дома*, т. е. Афины, тот самый храм, который осквернен был умерщвлением Павсания. Фукид. I 128 2. 134 1.

23 2 *Парфения*, теп. Ρόινο, гора на границе Аргολиды и Аркадии; через нее лежал путь на Тегею.

8 *Александр... фивянами*. Александр вступил на македонский престол по праву рождения, 20 лет от роду. Покоренные Фивы восстали против него и были жестоко наказаны: город разрушен, уцелевшие от битвы жители проданы в рабство; пощажены были только храм, дом и семейство Пиндара (335 г.). Plut. *Alex.* 11. Arrian. I 7—9.

25 2 *Амбрис*, теп. Dystomo, город Фокиды у подножия Парнаса близ того «раздорожья» οχιστή ὁδός, которое упоминается в *Эдипе тиране* Софокла (ст. 723) и на котором убит был Лайи Эдипом.

ibid. *Давлий*, также Давлида, Давлия, теп. деревня Davlia, город Фокиды на возвышенности близ Дельф, резиденция царя Терея и место происшествия с Филомелюю и Прокною. Страб. VII 7 1. IX 3 13.

4 *Мегалополь* разорен был Клеоменом. II 55. Ср. V 93. Pausan. VIII 49.

8 *амфиктионам*, членам фермопильско-дельфийской амфиктионии, с начала III в. до Р. X. ставшей в зависимость от этолйского союза. К этому, кажется, времени (ок. 225 г.) относится надпись n° 1694 С. I. G., в которой называются три гиемернемона, представителя, от этолян, и которая свидетельствует о решительном преобладании союза в амфиктионии. Приблизительно к началу союзнической войны этолйская федерация достигла наибольшей силы и господствовала над всей северной Элладой. Ср. Dubois, *Les ligues étol. et achéenne*, стр. 25 сл. Об амфиктиониях см. Латышев, *Греч. древн.* 305 сл.

26 2 *наступательную войну τὸν ἀπὸ τῆς χίρας πόλεμον*, — выражение, встречающееся только у Полибия. Так как оно сочетается здесь со словом ἐκρέρειν, то скорее всего следует разумеать под этим выражением войну за пределами своей области. Ср. IV 30 2. XXXIX 14 8.

7 *идти за добычей на этолян τὸ λάφυρον ἐλεκήρυσαν κατὰ τῶν Αἰτωλῶν*. Подобное выражение у Фукидида V 115 2 *Λακεδαιμόνιοι... ἐκήρυσαν δὲ εἰ τις βούλεται παρὰ σφῶν Ἀθηναίους ληΐσθαι*.

8 *думу βουλήν*. Достоин внимания, что царь Македонии входит в сношения с союзом не через общее народное собрание союзников, но через сенат, или думу, состоявшую тогда из знатнейших и богатейших граждан.

27 4 *Фебид*. В 383/382 г. до Р. X. спартанский полководец Фебид в походе на Олинф занял, без приказа или позволения, или с дозволения его, фивскую цитадель Кадмею, но был отозван и наказан денежным штрафом. Diod. Sic. XV 20. Plut. *Pelopid.* 6 сл. С. Nep. *Pelop.* 1.

5 *гармостов*, начальники спартанских гарнизонов в зависимых от Спарты государствах; не разбирая средств, не останавливаясь перед насилием, они везде в союзе с местными олигархами действовали против народа.

6 *из одного... городам*, Мантинея сложилась из пяти поселений под умеренным народным правлением. В 385 г. лакедемоняне принудили мантинеян покинуть общий город и расселиться по деревням, входившим в состав его. Это равнялось упразднению государства Мантинеи. Xenoph. *Hell.* V 2. Diod. XV 5 12. Pausan. VIII 8 7 сл.

7 *Глупо* и пр. Гульч вводит в текст чтение ватиканского списка (A) ἀνοιά и потому предполагает в рукописи пробел, пополняемый у него словами: δῆλον ὅτι χρώμενοι διὰ; но гораздо проще предположить опуску в рукописи, тем более что в других списках находим ἀνοια; тогда смысл получается ясный.

28 *1 по сю сторону ἐντός*, для Нового Карфагена и ту сторону (*trans Iberum*) для римлян. Сама осада начата лишь в следующем году. Ср. III 16 9. 17 1. 4. IV 37 1.

29 *1 варваров*, т. е. иллирийцев, дарданов, фракийцев и др.

4 *плутов ραδιούργων*, собствен. ловко действующих, неразборчивых на средства. Xenoph. Ages. II 5. Aristot. virt. VI 5. Plut. *de exil.* 7. Раньше Ксенофонта слово не встречается.

31 *5 фиванцев*, собственно фивская аристократия, а не народ, находилась в сношениях с персами, подобно фессалийской. См. наш *Указатель* к Геродоту под сл. фиванцы, фессалийцы. Фукид. I 69. III 62.

ibid. Пиндара. Хотя фивская аристократия, к которой принадлежал Пиндар, и сочувствовала персам, но приводимые Полибием стихи обращены не против внешней войны, но против междоусобиц (*fr.* 28 Bergk. 228 Böckh).

32 *4 с... враждою*. Источник вражды лакедемонян к мессенянам и посягательств первых на землю последних объясняется достаточно естественными богатствами мессенской равнины.

7 *носильщиков тяжестей αὐδοφοροῦντες*. Уцелевшие от войн и не спасшиеся бегством мессеняне обращены были лакедемонянами в илоты, так что иногда илоты назывались мессенянами. Фукид. I 101. О двух древнейших мессенских войнах см. Köhlmann, *Quaestiones Messeniacaе*. Вонп, 1866. Тягость положения мессенян рисует Тиртей в отрывке у Павсания IV 14 5.

ibid. сниматься. После первой войны мессеняне спасались в Сикион, Аргос, Аркадию, в Регий, после второй — в Занклу, после неудавшегося восстания 464—455 гг. до Р. X. поселились в Навпакте и Пиле, а оттуда после сражения при Эгоспотамх спасались бегством частью в Регий, частью на ливийское побережье, в Эвеспериды. Pausan. IV 14 1. 23 5—6. 24 7. 26 2. Фукид. I 103.

9 *нынешнее положение*, то, вероятно, в каком были Мессена и Спарта, когда входили в состав ахейской федерации, т. е. после 191 и до 146 г., до разрушения Коринфа и расторжения федерации. Ср. II 38 4 прим. 62 4. IV 74 8, XXIII 16. 17.

10 *Эпаминонда*. Восстановлением Мессены и основанием Мегалополя Эпаминонд желал смирить притязания Спарты и положить конец захватам ее в Пелопоннесе. Ср. Pausan. VIII 27. IX 14.

33 *2 Аристомена*, военачальник мессенян во вторую, или Аристоменову, войну их со Спартою (684—667 гг. до Р. X.). Paus. IV 15. 23.

ibid. Каллисфен, вероятно, в своей *истории Эллады* (Ἑλληνικά) в 10 книгах, хотя она обнимала события от Анталкидова мира до 357 г. Философ и историк, друг детства Александра, сопровождал царя в походах. Отрывки у Мюллера *Scriptor. histor. Alex. M.* стр. 1 сл. Столб, о котором говорит Полибий, поставлен был, по словам Павсания (VIII 22), аркадянами.

ibid. Ликейского Зевса. См. наш *Указатель* к Геродоту под этим словом.

3 *предателя*, царь аркадян Аристократ. Подкупленный лакедемонянами, он в сражении у Рва увел с коварным умыслом свой отряд и тем решил победу лакедемонян. Pausan. IV 17. По словам Павсания, с которым ниже согласен и Полибий, не Мессена открыла измену, но сами аркадяне. Они же и поставили столб с надписью, в которой не Мессена (Μεσσηνή), но время открыло предателя Мессены (Μεσσηνῆς). Pausan. IV 22 7. Curtius. *Peloponn.* I, 302 сл.

6 *у... Рва περὶ Τάρρον*, местность в Мессении, у Павсания ἡ Τάρρος ἡ καλουμένη μεγάλη. IV 6 2.

8 *в битве*. Описание дают Ксенофонт *Hellen.* VII 5 15—27, Diod. XV 82, Плут. *Ages.* 34.

12 *из страха... войны φόβον ὑφορώμενοι*. Швейггейзер переводит φόβος здесь и II 21 7 *tumultus et terrores belli*.

34 *1 как обыкновенно*. Двучиность в поведении лакедемонян отмечена многократно Геродотом и Фукидидом. См. наши *Указатели* к этим писателям.

3 *выбраны... эфоры*. Выборы эфоров происходили в начале осени. Фукид. V 36.

5 *к эфорам...* противники восстановления царской власти и Клеомена. Нижеследующее показывает ясно, что не они требовали представления этолийского посла народу, а потому после слов *τοῦ ἐφόρου* следует предполагать пробел. В парижском списке 1649 (у Швейггейзера Regius B) есть пробел, а на полях слова: *λείπει τι* «кое-чего недостает». Представления посла требовала враждебная эфорам партия.

9 *о злоключениях*. Намек на этот набег этолян содержится у Полиб. II 46. По словам Плутарха (*Cleom.* 18), этоляне увели тогда 50 000 пленных, что вызвало у старого спартанца, очевидно заклятого врага перизков и расширения гражданства, жестокое замечание, что враги только облегчили Лаконику от излишнего населения. Все, что можно сказать о времени этого набега, сводится к предположению, что он совершен после смерти Агиса III (239 г.), в период реакции против реформы царя, незадолго до Клеоменовой реформы, по словам Плутарха (226 г.). Ср. Васильевский, *Политич. реформа*, стр. 196 прим., хронологические соображения которого близки к расчетам Брандштетера, *Geschichte d. aetol. Landes, Volkes u. Bundes*, стр. 324.

35 *1 ни за что не желали οὐδαμῶς διανοοῖμενοι* или *βουλόμενοι* вм. *δινώμενοι*, поправка Гертлейна. N. Jahrb. 1877, стр. 35.

5 геронтов, старейшин, членов лакедемонской думы. 28 пожизненных геронтов под председательством обоих царей составляли верховный орган олигархического правления, соединявший в себе все функции административной, судебной и законодательной власти. Усиление эфоров нанесло ущерб авторитету герусии. Латышев, *Греч. древн.* I, 104 сл.

9 о смерти Клеомена. Живописующе рассказана смерть царя-реформатора в Александрии Плутархом. *Слеот.* 35 сл. Полиб. V 35—39.

10 Клеомброта, того самого зятя Леонида, который по устранении от власти тестя его Леонида поставлен был царем Лакедемона в 242 г., как пособник реформатора Агида. Но уже в начале осени 241 г. низвергнутый Леонид получил приглашение явиться обратно в Спарту. Васильевский, *Политич. реформа*, стр. 162 сл. Клеомброт имел сыновей Агесиполида и Клеомена, Агесиполид имел сына того же имени.

13 Эвдамида I, царь Лакедемона с 330 г.; у него два сына. Архидам IV, царь ок. 300 г., и Агесилай. Один из сыновей Архидама Эвдамид II имел двух сыновей: Агиса III, царь с 243 г., и Архидама V с 226 г.; Агис III имел сына Эвридамида. Другой сын Эвдамида Агесилай имел сына Гиппомедонта; а дочь его была замужем за Архидамом V; от этого последнего брака было два сына.

15 прекрасное *tà kalà*, ироническое выражение. *tà kalà* восстановлено по догадке Скалигером и Казобомом, отвергалось решительно Швейгтейзером и подтвердилось лучшими списками: ватиканским 124 и лаврентцианским.

36 5 Полихну, в северо-восточной части Лаконики. *Прасии*, приморский город Кинурии в Арголидском заливе; в пелопоннесскую войну занят афинянами. Фукид. II 56. Все нижепоименованные города находились также на восточном побережье Лаконики.

37 5 Птолемаиду, теп. Акка, приморский город в Финикии, к югу от Тира. Страб. XVI 2 25. Тир на месте теп. жалкой деревни Sür к югу от Сидона, один из древнейших и важнейших городов древности. Он состоял из двух городов: материкового, более древнего, или Старого Тира, и Островного на прибрежном острове. Этот последний быстро возоблада над метрополией и всей Финикией. Александр Великий смог взять город лишь после шестимесячной осады (332 г.); после 14-месячной осады он взят был в 315 г. Антигоном. Prutz, *Aus Phönizien. Geogr. Skizzen und histor. Studien.* Lpz., 1876.

8 византийцам. Византия (теп. Константинополь, или Стамбул) основана в половине VII в. до Р. X. выходцами из Мегар, на так называемом Золотом Роге, бухте Босфора, на двух холмах между Пропонтидой и Босфорской бухтой. Первоначальный город расширен был значительно Константином В. (330 г. по Р. X.), который стремился создать из него второй семихолмный Рим, столицу Римской империи.

38 3 Понт... человека. О значении Черного моря в древнем мире см. Köhler, *Tàrichos ou recherches sur l'histoire et sur l'antiquité des pêcheries de la Russie méridionale.* Mém. de l'Acad. des sciences Impér. de St.-P. Série VI, 1. 1832, стр. 347—490. Preller, *Über die Bedeutung d. Schwarzen Meeres für d. Handel und Verkehr d. alten Welt.* Dorp. 1842. Büchschütz, *Besitz u. Erwerb im griech. Alterthume.* Halle, 1869, стр. 413 сл. Hoeck, *De rebus ab Atheniensibus in Thracia et in Ponto ab anno a. Chr. CCCLXXXVIII usque ad annum CCCXXXVIII gestis.* Kil., 1876. Curtius, *Griech. Geschichte* I, 399 сл. Ср. наше *Торговые сношения афинск. республики с царями Боспора.* Киев, Univ. Изв. 1877.

7 варварских народов: фракийцев, гетов, тавров, скифов, сарматов, колхидян, дриллов, мосинойков и др.

39 1 около двадцати двух тысяч стадий. Объем Понта определялся древними различно: Страбон полагал 25 000 стад., Артемидор 23 325, Агафемерид 23 083 и др. Real-Encyclop. под словом *Pontus Eux.* По новым измерениям объем Понта 423 993,5 кв. км.

ibid. восемь тысяч стадий. По Страбону, Арриану, Агафемериду Меотида имеет 9000 стад., по Плинию 11 000. Real-Encyclop. под словом *Maëotis.* Действительный объем его 36 822 кв. км.

5 Калхедоню, теп. Kadi-Koi, раньше Prokeralis, город Ифинии напротив Византии.

ibid. в четырнадцать стадий. Длина Фракийского канала 30 км, ширина в наиболее широкой части 4 км, в самой узкой 900 метров. О Фрак. Боспоре см. *Dionysii Byzantii Anaplum Bospori ex Gillio excerptum edidit et illustravit O. Frick.* С географич. картой. Wesel., 1860.

ibid. Гуер (Святылище), возвышенность Ифинии с храмом Зевса Урия.

6 Ясон. О принесении этой жертвы см. Apollon. Rhod. *Argonaut.* II 533 сл.

ibid. из Колхиды, теп. кутаисская губ. и прилегающая к ней турецкая область Трапезунта, родина Медеи, цель путешествия аргонавтов; главный город Диоскуриада, главная р. Фасид (Рион).

ibid. Сараниса, божество преисподней у египтян, культ его перешел в Элладу и Рим. Храмов Сараниса было много; самый знаменитый в египетской Александрии.

40 з Гераклита, из Эфеса, философ V в. так называемой ионийской школы материалистов. 6 в том... *направлении*, в подлиннике кратко *κατὰ τὴν πρόθεσιν*, т. е. или исчезнет, или достигнет совершенства.

7 исполнится. В древности распространено было убеждение, что благодаря речным наносам море постепенно мелеет и наконец должно обратиться совсем в материк. Подробные рассуждения о Понте, устьях его, об обмелении у Страбона I 3 4—9. Предсказание Полибия не оправдалось; ошибку его отмечает и Казобон в примеч. к указанному месту Страбона.

9 как... *древние кадальер ои палайои оцифривоиси*, по мнению Диндорфа (praef. vol. IV p. VIII), попали в текст с края рукописи.

ibid. сладкой воды. Содержание соли в Азовском море весьма незначительно; вода на таганрогском рейде годна для питья. Множество впадающих в море рек с северо-востока, северо-запада и востока несут большое количество ила и делают его небезопасным для плавания. Аристотель также предвидел обмеление Азовского моря в близком будущем. *Meteor.* I, 14. Действительно, таганрогская гавань, созданная Петром Великим, уже занесена песком. Однако новые точные изыскания показывают, что устья Дона в течение 2000 лет подвинулись вперед всего на 1 милю. *Bulletin de l'Acad. Impér. de St.-P.* 1862, T. V.

41 2 Стефами (грудьми), т. е. дюнами, насыпями песку, особенно в Черном море. Ср. Страб. I 3 4. 7.

9 изменяет... *местность*. Гораздо раньше Полибия Геродот и Фукидид обращали внимание на изменение местности наносами Нила и Ахелоя; наносы Сперхея существенно изменили береговую линию в Малийском заливе.

42 з Понт... моря. Воды Черного моря содержат в себе меньше соли, нежели воды Средиземного, благодаря обильному притоку пресной воды из рек. Все же содержание соли в Черном море больше, чем можно было бы ожидать; происходит это от того, что через Пропонтиду (Мраморное море) проходит в него нижним течением соленая вода Эгейского моря.

43 2 Дарий. Геродот IV 85. 87. *Duncker, Gesch. des Alterth.* IV, 491 сл⁴.

5 подле Очагов, вблизи Византии. У эллинов, как и у римлян, было в обычае называть жертвенником или очагом выдающуюся над морем возвышенность с широкой плоской вершиной.

6 Ио, жрица Геры, дочь аргивского царя, обращенная богиней в корову в наказание за любовные отношения жрицы к Зевсу. Она долго блуждала, пока наконец в Египте не получила снова человеческого облика. *Apollo.* II 1 3. *Ovid. Metam.* I, 583 сл.

7 Рогом, мыс и залив подле Византии.

44 з Хрисополь, теп. Скутари, в Вифинии, к северо-востоку Калхедона, гавань его. Алкивиад занял и укрепил Хрисополь, оставив там 30 кораблей для наблюдения за окрестностями и для взимания десятины с торговых судов, проходивших в Понт и обратно. *Xenoph. Hellen.* I 1 22. IV 8 27. V 1 28. *Diod. Sic.* XIII 64. По рукописному чтению выходит, будто Алкивиад первый учредил у Боспора таможенно и таким образом доставил афинянам этот доход. Но взимание пошлины началось здесь гораздо раньше. Геродот. VI 5. Невозможно допустить такой ошибки у автора, и ее действительно не оказывается, если вместе с Гертлейном (*N. Jahrb.* 1877, стр. 35) вм. *πρώτων* (§ 4) впервые читать *πρώτοι* первые, т. е. раньше всех других. Важность обладания Византией для Афин прекрасно изображена в речи Лисии против Эргокла 6.

6 пассатом *τοῖς ἐτήσιος*, в течение года периодически дующие ветры, особенно северный или северо-западный ветер на Эгейском море, дующий в середине лета. У нынешних эллинов они называются *τὰ μετέμια*. О значении *εἰσέσι* для мореплавания эллинов см. *Neumann u. Patsch, Physikal. Geographie von Griechenland*, стр. 95 сл.

ibid. Абидос, теп. Avido, колония милетян, на Геллеспонте в Троеде. *Сест*, теп. Ialowa, укрепленный город с гаванью на берегу Фракии против Абидоса. Взятием Сеста афинянами заканчивается повествование Геродота о мидийских войнах (IX, 114—116. 119).

7 кизикенян. Кизик, теп. Aidindschik или Temaschalik, город на острове того же имени. Остров в Пропонтиде прилегал к берегу Миссии и соединялся с сушею двумя мостами; теп. это полуостров *Karpataghi*.

9 оба ветра. Плывущее из Калхедона к Геллеспонту судно должно идти под северным ветром, который мешаёт ему подойти к фракийскому берегу. Судно, идущее из Геллеспонта по европейскому берегу к Калхедону, должно пользоваться южным ветром, который опять-таки мешаёт ему подойти от фракийского берега к Калхедону.

45 1 Фракия. См. наши указатели к Геродоту и Фукидиду.

10 Комонтория, имя, встречающееся только у нашего автора. Речь идет о вторжении галлов в Македонию, Фракию и Элладу 280/279 г. до Р. Х., под главным начальством так называемого Бренна. Галльское полчище состояло из 150 000 пехоты и 20 000 конницы. Бренн

разбил наголову македонского военачальника Сосфена, прошел Фессалию, перевалил через Эту и направился к Дельфам с целью разграбить тамошний храм. Небольшому войску эллинов при помощи самого Аполлона удалось отразить нападение варваров. Полагают, что оригинал Аполлона Бельведерского изображал божество в момент защиты своего святилища от галатов.

46 1 *Бренном*, нарицательное имя, значение коего сохранилось в кимрском *brenhin*, или *brennin*, «глава, владыка, вождь». Наш Бренн назывался, кажется, Акихорнем. Pausan. X 19 7 сл. 22 10. 13. 23 12. Об этом вторжении галлов во Фракию, Македонию и Элладу Pausan. X 19—23. Страб. V 1 13. Diod. Sic. XXII 12. Justin. XXIV 6—8. Liv. XXXIX 14.

2 *Тилу*, теп. Килий, город во Фракии, на Понте Эвксинском.

4 *Кавара*, имя царя только у Полибия. Ср. IV 52. VIII 24 1. В нарбонской Галлии был народ кавары между рр. Друентией и Изарою.

5 *такое-то*, т. е. до падения Кавара, во время господства галатов в окрестностях Византии.

48 11 в... *Пергаме*, значительный город в Тевфрании, области Мисии на Каике; стал особенно знаменит как столица пергамского царства, начало коему положил наместник Лисимаха Филетер в 283 г. до Р. X. Аттал I (241—197 гг.), отец Эвмена и Аттала, был первым царем Пергама. При нем начались дружественные отношения с Римом. В истории древнеэллинской литературы позднейшего периода Пергам занимал весьма видное место. Раскопки, начатые в сентябре 1878 г. Хуманом на месте древнего города, сделали Пергам главным источником наших сведений об эллинской архитектуре и скульптуре III и II в. до Р. X. В настоящее время образовалась значительная литература о Пергаме, см. особенно Конце, Хуман, Бон и др. *Die Ergebnisse der Ausgrabungen zu Pergam*. Berl., 1880; 1882. Ulrichs, *Pergam. Geschichte und Kunst*. L., 1883.

50 2 *Тибоита*, дядя Пруссия, живший в то время изгнанником в Македонии (§ 9).

3 и *мешал...* *рыбы мѣте κατὰ τῶν εἰς Πόντον πλεόντων ἐμπόρων μῆτε περὶ τοὺς δούλους καὶ τὰς ἐξ αὐτῆς τῆς θαλάττης ἐργασίας*. Раньше (38 3) говорилось о том, что Понт доставляет эллинам между прочим рабов и рыбу, что византийцы установили пошлину со всех товаров, идущих из Понта (III 2 5), а потому мы и считали необходимым выразить эту мысль в переводе фразы, построенной вольно, если не испорченной переписчиками. В подлиннике мы решительно не находим основания для перевода Швейггейзера: *nemini subsidium ullum aut refugium relictae, nec eis qui mercandi causa in Pontum navigarent, nec qui mancipia inde peterent, denique ne eis qui piscatoriam in illo mari exercerent*. Ловля рыбы ἢ ἐκ τῆς θαλάττης ἐργασία собств. эксплуатация моря.

4 *Мисия*, в широком смысле слова обширная страна в северо-западной части Малой Азии, на севере граничившая Пропонтидою и Геллеспонтом, на западе Эгейским морем, на юге Лидией, на востоке Фригией и Вифинией; в более ограниченном смысле только средняя часть этой страны, получившая политическое значение со времени основания в ней пергамского царства Филетером. Царство просуществовало с 283 по 133 г. до Р. X.

51 4 *Андромах*. Полководцев с этим именем было несколько, и для Полибия, кажется, остались не вполне известными родственные отношения в доме Селевкидов. Упоминаемая здесь Лаодика, жена Селевка Каллиника и мать Антиоха Великого, была сестрою Ахея и дочерью Андромаха, а сестра этого последнего, также Лаодика, супругою Антиоха Бога. Отцом этой Лаодики был Ахей старший. Когда между Селевком Каллиником и младшим братом его Антиохом Гиераком началась война, то войсками Селевка командовали Ахей старший и сын его Андромах. По догадкам Нибура, под конец этой войны Ахей и Андромах попали в плен к египетскому царю, Птолемею III, или Эвергету I; царь велел казнить Андромаха, как отца той старшей Лаодики, которая умертвила сестру египетского царя Беренику, а сына его, Андромаха, продолжал держать в плену. Этого-то Андромаха, отца Ахея младшего, и выдал родосцам сын и преемник Птолемея III Птолемей IV Филопатор. Ср. Полиб. VIII 22. Niebuhr, *Kleine Schriften* I, стр. 257—264. Cless, *Seleuci* (Real-Encyclop. d. classisch. Alterthumsw).

52 3 с *копьем...* *глашатая*, поговорочное выражение, когда к просьбе прибавлялась и угроза.

4 *гьеромнемоне*. Гиеромнемонами назывались у эллинов послы или представители отдельных государств или народов, отправляемые на собрание амфикионов. Тем же именем назывались у мегарян жрецы Посейдона. Plut. *Sympos.* VIII 8. У византийцев так называлось высшее должностное лицо, ведавшее и делами религии. Demosth. *De corona* с. 29, р. 235 R.

53 1 *кносяне*, жители Кноса, теп. развалины подле Куней, город на северном берегу Крита. 2 *элевертийцы*. Элеверты, город внутри Крита, к западу от Кноса, к югу от р. Оакса. *ibid.* *дозволение...* *родосцев ῥόσια κατήγγειλαν τοῖς Ῥοδίοις*. У Свиды ῥόσια значит ἐνέχυρα «залог», т. е. добыча, взятая одним у другого и удерживаемая до получения удовлетворения; отсюда выписанное выше выражение равносильно по смыслу другому более употребительному у Полибия: τὸ λαφυρὸν ἐλικυρῖται κατὰ τινος.

3 *литтян*. Литт, или Ликт, город внутри Крита, к юго-востоку от Кноса.

4 *гортинцами*. Город Гортина в южной части Крита над рекой Летеем.

6 полирренье... аркадянами. Полирренье у западной окраины Крита; Лаппа к востоку от него; Аркадия к юго-западу от Кноса; положение прочих городов точно неизвестно. Другое начертание имен см. в критич. примеч. Гульча.

55 4 *аптерян*. Аптеры, город Крита, в западной части острова, к юго-востоку от Кидонии. 6 *фестян*. Фест на р. Лефее, к юго-западу от Гортины.

56 1 *Митридат* (персидск. имя, на монетах Mithradates) IV, один из царей Понта, отец Лаодики, жены Антиоха Великого.

ibid. *синопейцам*. Синопа, теп. Sênub, или Sinab, важнейшая из эллинских колоний на Понте Эвксинском. Митридат IV не взял города благодаря помощи родосцев. Он взят был Фарнаком, сыном этого Митридата, и обращен им или Митридатом Эвпатором в столицу Понта и в царскую резиденцию. Это завоевание и следует разуть под словами автора «испытанного ими до конца», или собственно «доведенного до конца» ἐλί τὸ τέλος ἀχθείσης. О выгодах местоположения Синопы и история города см. Страб. XII 3 11. W. Th. Streuber, *Sinope*. Bas. 1855, стр. 81 сл.

3 *бочек керѳиа*. Мера эта в точности неизвестна. Что бочка не соответствовала метрету (2 ведра с небольшим), как принимал Бек, ясно из надписи С. I. A. II 834 6, где пять бочек вина содержат в себе 16 метретов. См. Böckh, *Staatsk. d. Athen*. I 123 сл. ³ примеч. Френкеля там же II, 27.

ibid. *волоса*. Волосы, конские и особенно женские, и жили употреблялись на тетивы и пращи. Köchly u. Rüstow, *Griech. Kriegsschriftsteller* I, 195.

57 2 *Оянфею*, город на берегу Коринфского залива, к западу от Крисейской бухты.

10 *торжествовали... победу*, несколько вольный перевод подлинника λαμπρῶς ἐχρήσαντο τοῖς πράγμασιν. Слово λαμπρῶς объясняет схолиаст Фукидида (λελυμένων λαμπρῶς τῶν σπονδῶν II 7) словом φαυρῶς «открыто, решительно». Мадвиг (*adversar. crit.* I 482) предлагает перестановку слов λαρεῖσθεόντες ἀλερινοήτως λαμπρῶς ἐχρήσαντο τοῖς πράγμασιν «cum fortiter feliciterque in urbem penetrassent, imprudenter rebus usi sunt».

58 9 *Архидам*, поправка Казобона, внесенная в текст последующими издателями вм. рукописного *Доримах* (Δωρίμαχος или Δορίμαχος). Но Доримах выступает позже стратегом этолян (77. V 1 и др.), а Архидам упоминается выше (57 7), как один из товарищей Доримаха.

59 1 *Еврипид*, вероятно, тот самый, который упоминается в звании военачальника этолян 19 5 и в других местах.

2 *товарищ стратега илостраттрос*. Скорее всего это были начальники отдельных контингентов, поставляемых федеральными государствами, в ближайшей зависимости от стратега. Ср. V 94 1. Функции их и отношение к стратегу точно не известны.

4 *Аракса*, мыс, выходящий в Коринфский залив вправо от реки Лариса, которая считалась границей между Элидой и Ахаей.

ibid. *Тейхос* (Стена), укрепление в западной Ахае вблизи Димы; отнят у этолян Филиппом (83 1).

5 *Геракл*, речь идет о войне героя с царем эпеян в Элиде, Авгием; царь отказался заплатить Гераклу за очищение его конюшен, и Геракл пошел на него войною. К этому времени приурочивалось и учреждение олимпийских игр Гераклом. Pind. *olymp.* XI 24 сл. III 13. Apollod. II 7 2.

60 1 *вестников... посольство ἀγγέλους... πρεσβεύτας*. Разница состояла в том, что первые, вестники, гонцы, посылались в поспешности с кратким извещением или просьбой; вторые, послы, полномочные представители государства, входившие в формальные переговоры с другой стороной и заключавшие окончательные условия.

3 *Гортину*. Гортин, или Гортина, не раз упоминаемый Павсанием, город в Аркадии на Алфее к северо-западу от Мегалополя. Город прославился как целебное место с храмом Асклепия, благодаря тамошей здоровой воде. Но Гортин лежал далеко на юго-восток от Телфусы, а потому Бурсиан (*Geogr. von Griechenland* II, 260) предлагает читать Страт *Στράτος*, упоминаемый историком 73 2.

4 *не делайте... казну*. Размеры взносов, следовавших от каждого федерального города, определялись, разумеется, федеральным собранием, и отказ от них равнялся выходу из союза или возмущению против него. Как видно из нижеследующего, Полибий порицает не то, что димеяне и др. набрали на свои средства наемников для собственных военных нужд, но отказ их от уплаты положенной доли в федеральную казну.

10 *расходы... возмещены κοινῆς ὑπαρχούσης ἀδιαιτότου*. Иначе понимать это место, нам кажется, невозможно. Дюбуа в своем сочинении «о союзах этол. и ахейск.» почему-то переводит так: «plus tard on leur aurait restitué le montant de la contribution» (стр. 181).

61 1 *Эпир*. Три племени Эпира составляли в то время союз с тремя военачальниками во главе, вероятно вождями трех союзных армий. Ср. Liv. XXIX 12 9.

2 *пращников*. Из Ливия (XXXVIII 29) мы узнаем, что ливийские пращники обнаружили большое искусство и храбрость при осаде Самы на Кефаллени в 189 г. до Р. X.

4 *Амбракий*, теп., кажется, Fidho Kastro, укрепление близ амбракийской гавани, на р. Араффе.

6 Амбракию, теп. Арта, могущественная колония коринфян, в пелопоннесскую войну в союзе с пелопоннесцами против афинян. Фукид. *passim*. Амбракия перешла в руки Филиппа Македонского, потом Пирра, который сделал ее столицей Эпира и царской резиденцией; впоследствии она занята восточными этолянами.

62 1 Пиерию, юго-восточная часть Македонии, замыкается на западе Олимпом, на востоке Фермейским заливом, между устьями рр. Пеня и Галиакмона. Ср. указат. к Геродоту и Фукидиду.

ibid. хлеб *tôn te síton*, поправка А. Кирхгофа вм. рукописного *tôn tériton*. Швейггейзер предлагал читать *tâ ledía*, Казобон *tò ledíon*.

ibid. Дию, теп. маленькая деревня Malathria, город Пиерии под Олимпом на берегу Фермейского залива. Несмотря на незначительность по объему и нездоровый климат, Дий был одним из укрепленнейших и важнейших городов Македонии; в нем собрано было множество произведений искусства, между прочим работы Лисиппа. Ср. Liv. XLIV 7. L. Henzey, *Le mont Olympe et l'Acarnanie*. Paris, 1860, стр. 113—128.

2 гимнасий, место гимнастических упражнений, одно из важнейших зданий в древнеэллинистическом городе. Описание одной из гимнасий в Элиде дает Павсаний VI 23.

ibid. портики *stóas*, колоннады, одно из любимейших произведений архитектуры у эллинов; они примыкали к храмам или стояли независимо от них и служили местом общественных собраний.

63 4 Харадры, город Эпира, получил свое название от реки или ручья, протекавшего по уступам. Leake, *Travels in N.-Greece* III, 410.

ibid. Амбракийский залив, теп. Артский, Golfo di Arta, между Эпиром и Акарнанией.

ibid. Актием *Ἄκτιον*, собств., «мысовой» от слова *ἄκτῆ*, эпитет Пана, в нашем месте Аполлона. *tò Ἄκτιον*, город, мыс и храм Аполлона в Акарнии на Амбракийском зал. Теперь место это называется *Ἄκρη* или по-итальянски Ponta. Подробное описание окрестностей его у Диона Кассия по поводу победы Октавиана над Антонием в 31 г. до Р. X. (L 12).

5 Сицилийского моря, полоса Адриатического моря между Сицилией и Эпиром; верхняя часть того же моря называлась Ионийским заливом. По словам Страбона (VII 7 4), Сицилийское море наполняет заливы Амбракийский, Коринфский, Крисейский.

7 Фойтиями, теп., кажется, Porta, к западу от Страта. Фукидид называет тот же город Фитией (*Φυτία* III 106 2); но свидетельство надписей и Стефана Византийского подтверждает форму Полибия. Leake, *Travels in N.-Gr.* III, 574. Henzey, *Le mont Olympe et l'Acarnanie*, стр. 359—364, где описаны развалины, положение и значение города. Ср. примеч. Швейггейзера.

10 к Стратике, область города Страта, на правом берегу р. Ахелоя в 5 милях от устья. Важным пунктом в военном отношении называется Стратик у Фукид. II 81; Ксенофонт считает его столицей Акарнии (*Hell.* IV 6 4). Вместе со значительной частью Акарнии он находился теперь во власти этолян. Ср. Henzey. *о. с.* 331—345.

11 Ахелоя, теп. *Aspropotamo*, река, отделяла Акарнанию от Этолии и служила сильной естественной защитой от злейших врагов, этолян.

64 3 Метрополию, город в Акарнии, на высотах Лиговицы, на правой стороне Ахелоя, ниже Страта. Конопе, теп., кажется, *Anghelo Kastro*, поселение собственной Этолии. По словам Страбона (X 2 22), оно расширено и обращено в город Арсиноей, женою Птолемея I.

6 с сомкнутыми щитами *συνθλικóτας*, особый боевой строй, называвшийся *συνθλικóς* или *χελώνη* (черепаха), когда воины смыкались так тесно, что ни один из них не мог повернуться в сторону. Передний ряд и флигельманы держали щиты прямо перед собою, а остальные держали сомкнутые щиты над головами, образуя подобие крыши. Самый термин *συνθλικóς* впервые встречается у Полибия. Ср. Marquardt, *Rom. Alterth.* II, 425. Droysen, *Heerwes.* I, 39 сл.

9 Ифорию. По определению Лика, находилась ниже Конопы в теснине Ахелоя, образуемой высотами Зигоса и Манины, подле теп. St. Elias. *Trav. in N.-Gr.* III, 577.

65 2 Ойниадам, развалины на теп. *Trikardókastro*, на правом берегу Ахелоя, недалеко от устья; сильное укрепление против этолян. Фукид. I 111. II 102, Leake, *Trav. in N.-Gr.* III, 556. Henzey, *о. с.* 435—463, с картою.

3 Пеаницем, между теп. *Mastù* и *Aspro*. Leake, *о. с.* III, 577.

6 Калидонской области. Калидон на правом берегу р. Эвена, в нижнем течении, в древности главный город Этолии, на высокой скале. *Илюд.* II, 640. IX, 577. Xenoph. *Hell.* IV 6 1.

ibid. Амталом, факт этот нигде более не упоминается; но факт искания малоазиатскими владьками дружественных отношений с этолянами засвидетельствован и надписью (*Bullet. de correspond.* Hellén. V, 372).

66 6 Пеллу, древняя резиденция царей Македонии, недалеко от устья Лидиада, место рождения Филиппа и Александра. По словам Ливия (XLIV, 50), Пелла окружена глубокими болотами.

7 Ларисе, турецк. *Jenischehr*, т. е. Новый город, находилась в богатейшей равнине Пеня, ограниченной с востока Оссою, Олимпом и перребскими высотами. Самое имя первоначально нарицательное и значит акрополь, кремль, под ним разумелось поселение пеласгов, почему

Лариса обращена в дочь Пеласга, и Ларис было несколько в европейской Элладе и в Малой Азии.

11 год... концу. Начало олимпийского года приходится здесь на осень, а не на лето. Выборы у этолян совершались в конце сентября; следовательно, конец обозреваемого года совпадает с октябрьскими календами. Ср. Nissen, Rh. Mus. 1871, стр. 246.

67 3 *додонскому святилищу τὸ περὶ Δωδώνην ἱερὸν*. Классические писатели помещали Додону в пограничной области феспротов и молоссов на краю тучной равнины Геллопии. Прозимованные в 1875 и 1876 гг. раскопки К. Карапаноса показали, что Додона находилась внутри Эпира у восточного подножья теп. Олицики, древнего Томара, в долине Чараковиста, к юго-западу от Иоаннины. Кроме остатков святилища Зевса и Дионы и других зданий, найдено немало священных предметов, преимущественно из бронзы, между прочим свинцовые дощечки, на которых давались ответы оракула. Карапанос, *Dodone et ses ruines*. Paris, 1878. Bursian. *Die wissenschaftl. Ergebnisse d. Ausgrabungen in Dodona*. Sitzb. d. bayr. Akad. philol.-philol. Klasse, II B. 1878,

7 *Кину*, приморский город локров опунтских насупротив эвбейского Эдепса, местожительство Девкалиона и Пирры. Страб. IX 4 2.

8 *стратегу*, т. е. Арату младшему. 70 2.

9 *Диоскурия*, собственно святилище Кастора и Полидевка, которое дало наименование нескольким поселениям в Элладе.

68 1 *лохами*. Деление на лохи, или роты, было основным в войсках многих эллинских государств и составляло подразделение более значительных частей; начальники их назывались лохагами. О численном составе лохов у лакедемонян см. наши примеч. к Фукид. V 68 2. Droysen, *Heerwesen*, стр. 34 сл.

ibid. *Псофида*, один из укрепленнейших городов северо-западной Аркадии, в области Азании, на р. Ароании, подле теп. Chani Tripotamo. Ср. Curtius, *Peloponnesos* I, 385—390.

ibid. *Фенику*, область города Фенея. II 52 2.

69 1 *Апелавра*, г. Аркадии, упоминаемая только Полибием.

70 3 *Азаниды*. Азанида или Азания — северная гористая часть Аркадии. По словам Стефана В., в ней было семнадцать городов, в числе коих и Псофид.

4 *одно государство πολιτεύεσθαι αὐτῆν*, выражение, предполагающее существование элейской федерации, о которой нам ничего неизвестно. Псофид не входил в состав аркадского союза.

6 *укреплено*, высокая скала, защищенная с юго-востока Эриманфом, с юго-запада Ароанием; на юге реки соединяются. Подле Псофида находится и устье третьей реки, откуда новое название его Tripotamo. Leake, *Mor.* II, 241.

7 *поток*, т. е. Ароаний. Paus. VIII 24 2.

8 *Эриманф*, теп. Дуана, приток Алфея, граница между Аркадией и Элидой. Кажется, разрушительное действие потока дало повод к народному сказанию об эриманфском вепре, жившем будто бы на горе Эриманфе и опустошавшем окрестности, пока зверь не был умерщвлен Гераклом. Apoll. Rod. *Argon.* I, 126.

72 1 *Ласиону*, главное укрепление в высокой части Элиды, часто служило предметом спора между элейцами и аркадянами.

73 2 *Страт*, в западной Аркадии, у Гомера Стратия (*Ил.* II, 606); уже во время Страбона (VIII 8 2) не осталось и следов этого города (около Р. Х.).

3 *божеству*, т. е. Зевсу. Ксенофонт (*Hellen.* III 2 22) рассказывает, что, когда спартанский царь Агис пожелал принести благодарственную жертву Зевсу за победу над афинянами (405 г. до Р. Х.), элейцы не допустили его до этого, ссылаясь на исконный обычай, возбраняющий эллинам молиться элейскому Зевсу за успех в войне против эллинов.

4 *Элею*, северная часть обширной береговой области, в македонское и римское время носившей общее название Элиды или Элеи с главным городом того же имени на реке Пенее. В средней долине Пенее находилась Впалая Элида. С юга примыкала к Элею Писатида, орошаемая Алфеем, знаменитая Олимпией. Около 570 г. до Р. Х. Писатида была окончательно покорена элейскими этолянами. Самая южная и гористая часть позднейшей Элеи, Трифилия, вошла надолго в состав Элеи только в римскую эпоху. Название свое она получила от смешанного населения трех племен, по словам Страбона VIII 3 3. Герод. IV 148. О географической принадлежности Трифилии к Аркадии см. Курциус, *Peloponn.* II, 75. 78.

5 *Диоскурий*, следует отличать от другого поселения того же имени в флиунтской области. Curtius, *Peloponn.* I, 377. II, 478.

6 *по обилию... достояния*. Поход Агида в Элею в 399 г. Ксенофонт (*Hell.* III 2 26) называет добываемым запасом (*ἐπιπλοσίον*) для Пелопоннеса, когда к лакедемонянам пристали, соблазненные богатой добычей, аркадяне и ахейцы.

7 *любят*. Та же любовь к родной деревне свидетельствуется Фукидидом (II 16) и Исократом (*Areopagit.* 150 В) относительно жителей Аттики.

ibid. в *Элиде εἰς Ἠλείαν*. Мейнеке (*Philolog.* XII 371) предлагает поправку *εἰς ἄλιαν* «народное собрание», принимаемую Гульчем и другими издателями. Набер (*Mnemos.* VI 238) чи-

тает *eis êkklhōian*, Швейгтейзер *eis Ἴλιον*, — название города, а не страны. Мы предпочитаем эту поправку ввиду того, что Исократ говорит то же самое о жителях Аттики, причем вл. имени Афин употребляет «город» *eis ástiv*. Потом, указание автора на имущественный достаток заставляет предполагать не народные собрания, как цель посещения города, но городские празднества и развлечения вообще, требовавшие затрат. У того же Исократа называются городские празднества *eis tás éortás eis ástiv kataβαίνειν*. *Areop.* 150 В.

9 с древних времен. Древние историки ничего не говорят об этой «кустпке эллинов с общего согласия» (*tów Ἑλλήνων συχώρημα*). Впервые известие появляется у Эфора (*Didot, fr. histor. gr.* I, 230) и, вероятно, с его слов повторяется Полибием и Диодором (VIII 1). Выражение Полибия слишком общее и неточное. В чем состояли привилегии элейцев и как сами они пользовались ими, об этом см. у Шемана, *Gr. Alterth.* II, 18 сл. 51 сл². *Busolt, Lakedaimonier* I, 190.

74 2 при... положении, т. е. вооруженными, не возвратились к мирной жизни.

4 Конечно, так; но *νῆ Δί, ἀλλὰ* обычная у Полибия формула предположительного возражения. Ср. IX 33 г. 36 г и др.

ibid. людей, намек прежде всего на этолян, изображаемых у Полибия грабителями эллинов.

75 2 Фаламами. Лик (*Mor.* I, 4) называет эту местность красивейшею в той части собственной Элеи, которая находится у слияния Ладона и Пенея. Город того же имени был в Лаконике, в Мессении; элейские Фаламамы упоминаются только Полибием.

5 сброд *ὄχλος σαρφετάδης*, собственно смешанная толпа.

77 3 характер *δύναμις*. Слово это понимается различно: *maiestas* Казобон, *facundia naturalis*, *potentia* in dicendo Рейске, *ingenium* Швейгтейзер и др. Раньше (IV 77 1—4. 82 1) было сказано, что Филипп действовал обаятельно истинно царским великодушием.

5 Фарей *Φαραίαν*. Ни в Элиде, ни в Аркадии неизвестно поселение Фар, или Фары, или Фарей. Здесь не может быть речи о Фарах ахейских, лежавших далеко на северо-востоке от Олимпии. *Телфуса и Герей* — города Аркадии, один к северо-востоку от Олимпии, другой поближе к востоку. Между Олимпией и Гереей находился в Элиде по р. Алфею город Фрикс; поэтому вл. *τὴν ἐπὶ Φαραίαν* следует, быть может, читать т. е. *Φριξάν*. Но мы предпочли сохранить в тексте рукописное чтение, тем более что у Страбона (VIII 3 32) упоминается *Φεραία* в Аркадии. Швейгтейзер читает *Ἦραίαν*, чтение его принимает Е. Курциус. *Peloponnes.* I, 452. Мадвиг (*advers. crit.* I, 72 прим.) предлагает *τὴν ὑπὸ ῥείων* «находящийся у подошвы гор», или что-нибудь подобное (*aut simile*).

7 тарентинцев, род легкой конницы, без отношения к месту происхождения воинов. Они упоминаются как наемники в войске Филопемена (XI 12 6) и в войсках Антиоха Великого (XVI 18 7). Ливий выражается: «конные воины, которых называли тарентинцами» (XXXV 28). Тарентинцы имели по две лошади (*ἑμφίπλοιοι*) и вооружены были метательными копьями. Упоминаются впервые около 316 г. до Р. X. *Diod. Sic.* XIX 29. *Poll.* I 132. Ср. *Ael. Tact.* 3.

8 Трифила, производное имя от страны, как и самого Аркада; родился он от Лаодамии, дочери Амиклы. *Pausan.* X 9 3.

9 Самик, Самия, раньше Сам, колония финикийян, на узкой прибрежной полосе с союзным святилищем Посейдона самийского. Ср. Страб. VIII 3 13. *Лепрей*, к юго-востоку от Самика, важнейший город Трифилии, по имени коего называлась и вся область. *Типан*, небольшое поселение, местоположение коего не известно. *Типане*, кажется, подле г. Типея между Скиллунтом и р. Алфеем. Лик приурочивает город к развалинам подле теп. Платианы. *Пирс*, приморский город на границе с Мессенией. *Эний*, кажется, теп. *Helleniko*; *Болак*, *Стилангий* — небольшие поселения, местоположение их неизвестно. *Фрикс*, на южном берегу р. Алфея, на границе с Писатидою; теп. *Palaeo-Phánero*.

10 алифирян. Алифира, теп. укрепление *Negowitza*, небольшой город в западной Аркадии между Гереей и Фигалией.

ibid. принадлежавший Аркадии, *Μεγαλοπόλι οὔσαν...* *Ἀρκαδίαν καὶ Μεγάλην πόλιν*, причем *καὶ* имеет значение не связующего, но объяснительного союза. Швейгтейзер читает *συντελοῦσαν...* *eis Ἀρκαδίαν καὶ Μεγαλόπολιν*, Беккер прибавляет *ἢ Ἀρκαδίαν κτλ.* Гульч предпочитает *Ἀρκαδίας* и вычеркивает *καὶ Μεγάλην πόλιν*. Нам кажется, следовало бы вычеркнуть *ἐξ ἀρχῆς*, переводимое Швейгтейзером *olim*.

78 5 Гекатодором. Почти в тех же выражениях говорит об этой статуе Павсаний (VIII 26 4), но имя художника Гипатодор. Швейгтейзер и предлагает эту поправку, принимаемую Бруном (*Gesch. d. gr. Künstler* I, 293). Плиний (XXXIV 8 9) приурочивает Гипатодора к 102-й олимпиаде, Страта к 114-й, т. е. к IV в. до Р. X.

12 завладели, событие относится, кажется, к 208 г. до Р. X. *Liv.* XXVIII 8.

79 5 фиалые, другая форма имени фиγάλян. Ср. 3 5 примеч.

80 13 Эпталлий, укрепление Элиды на Алфее.

81 7 Пелленюю в Триполисе, в отличие от Пеллены в Ахае. Триполис — часть Лаконики, прилегающая к границам Мегалополю. Ср. *Liv.* XXV 27. Тот же город помещает здесь и Страбон VIII 7 5. Дорийская форма имени Пеллана, или Пелана. *Pausan.* III 20.

12 *Ликурга*. То же самое говорит о лакедемонянах Фукидид I 18 1, вместо *καλλίστην πολιτείαν* употребляя слово *εὐνομειόταται*. В чем состояло это «благозаконие», поясняет Ваксмут *Jahrbücher f. class. Phil. u. Paedag.* 1868, стр. 9.

13 *Набиса*, опираясь на наемников, захватил власть по смерти Маханида (207 г. до Р. Х.). Сначала в союзе с римлянами, потом с Филиппом, пока Фламинин (195 г.) не отнял у него всех завоеванных земель, оставив за ним владычество над Спартою. Разбит Филопеменом при Гифии и умерщвлен начальником вспомогательного отряда этолян (192 г.). Обесславил себя непомерно жестокостью. Ср. Полиб. XIII 6. 7. XVI 13 и др.

ibid. невыносимо. О ненависти лакедемонян к тирании см. Герод. V 92. Фукид. I 18 1. 122 з. VI 53 з.

82 1 в *Аргос*. Город этот почитался первоначальною родиною царей Македонии и пользовался особенным благоволением их. Герод. V. 22. VIII 137—138.

6 от должности *ἐκ τῆς ὑποδέσεως*. Выражение подлинника означает собственно: «выбить из занимаемой позиции», хотя слово это в таком смысле употреблено Полибием только здесь.

7 *предлогом*. Предлог нужен был потому, что предстоявшее в Эгии собрание было обыкновенным собранием одних ахейян, а не целого ахейско-македонского союза, куда Филипп имел право явиться в качестве главы союза.

ПЯТАЯ КНИГА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИБИЯ

Эперат в должности стратега ахеян; ахейское собрание, примирение Филиппа с Аратами, благоприятные для него решения союзного собрания (1). Филипп решил перенести войну на море; козни Аеллы совместно с Леонтием и Мегалеем; решимость вторгнуться в Этолию (2—5). Поход к Ферму, умеренная мстительность Филиппа, общие рассуждения автора (6—12). Счастливое отступление Филиппа, пир, обнаружение предательских замыслов Аеллы с соумышленниками (13—16). Нападение Ликурга на Мессению, вторжение Доримаха в Македонию, Филипп в Коринфе, победоносный поход его на Лаконию (17—19). Поражение мессенян Ликургом; замыслы Ликурга против Филиппа, который счастливо возвращается в Коринф; географическое положение Спарты (20—24). Козни Леонтия в войске, прибытие Аеллы из Халкиды, неудача последнего у царя; судьба Аеллы и его соумышленников (25—28). Попытки к заключению мира с этолянами не приводят ни к чему; возвращение Филиппа на зимнюю стоянку в Македонию, бегство Ликурга к этолянам (29). Вторжение этолийца Пиррии в Ахаю, новые выборы у ахеян (30). Война между царями Антиохом III и Птоломеем Филопатором за Койлесрию; общие рассуждения автора о всеобщей истории, о важности начала в предприятии; задачи всеобщей истории (31—33). Беспечность царя Филопатора и страсть его к наслаждениям (34). Недостойное обращение Птолемея и наперсников его с царем Клеоменом, заключение Клеомена под стражу, трагический конец Клеомена (35—39). Отпадение Теодота, египетского наместника Койлесрии, и переход его на сторону Антиоха сирийского; ретроспективные замечания об Антиохе (40). Возмущение Молона, наместника Мидии, против Антиоха; жестокость Гермия, козни его против Эпигена, война с Молоном и Птоломеем (41—42). Женитьба Антиоха на дочери царя Понта Лаодике; нерешительность военачальников в войне с Молоном, который завладевает Аполлониатидою (43). География Мидии (44). Успехи Молона и поход Антиоха в Койлесрию, сопротивление Теодота; переход Ксенойты через Тигр (45—46). Отступление Молона и занятие его стана неприятелем; внезапное возвращение Молона, полная победа над Ксенойтою, дальнейшие успехи Молона (47—48). Решимость царя идти самому на Молона; Эпиген пал жертвою козней Гермии; разногласие в мнениях о плане кампании (49—51). Переправа Антиоха через Тигр, поражение и смерть Молона; восстановление порядка в верхних сатрапиях (52—54). Победоносный поход Антиоха против Артабазана (55). Насильственная смерть Гермия с соизволения Антиоха и возвращение царя домой (56). Неудавшийся поход Ахея в Сирию (57). Приготовления Антиоха к войне с Птоломеем; решимость Антиоха отнять Селевкию на Оронте у египтян; описание города; завоевание его Антиохом (58—60). Вторжение Антиоха в Койлесрию и покорение им нескольких городов (61—62). Приготовления наперсников Птолемея к войне с Антиохом; военные силы египтян (63—65). Уверенный в окончательном завоевании

Койлесирии, Антиох заключает перемирие с Птолемеем и возвращается в Селевкию (66). Напрасные переговоры между царями Египта и Сирии (67). Возобновление военных действий с началом весны; движение войск Птолемея и Антиоха (68—69). Занятие Антиохом Филотерии, Скифополя, Атабирия и других городов (70). При содействии соседних арабов Антиох проникает в Галатию, овладевает городами Абилами и Гадарою, завоевывает Раббатаманы и переходит на зимнюю стоянку в Птолемаиду (71). События в Малой Азии: осажденные селгями педнелияне в Писидии обращаются за помощью к Ахею, который и отражает войско под начальством Гарсиериса; этот последний освобождает от осады Педнелис и осаждает Селгу; предательство Логбасиса (72—74). Рассуждения автора о пользе истории; судьба Логбасиса; заключение мира с Селгою (75—76). Война Ахея с Атталом, царем Пергама (77). Недовольство галатов в войсках Атгала и доставление их к Геллеспонту (78). Возобновление войны за Койлесирию, состав и численность войск Антиоха (79). Стоянки Птолемея и Антиоха под Рафией, покушение Теодота на жизнь Птолемея (80—81). Битва при Рафии, поражение Антиоха и возвращение Койлесирии под власть Птолемея, заключение мира (82—83). Землетрясение на Родосе, послужившее скорее на пользу родосцам, нежели во вред (88—90). Продолжение рассказа о союзнической войне: Ликург возвращается из Этолии, Арат, выбранный в ахейские стратеги, восстановил военные силы союза (91). Вторжение Ликурга в Мессению и возвращение ни с чем в Спарту (92). Распри в среде мегалополян и умиротворение их Аратом (93). Военные действия этолян, элейцев, ахеян, Скердилаид против Филиппа (94—95). Вторжение этолян в Акарнанию и Эпир, вторжение акарнанов в Этолию (96). Филипп покоряет Билазоры в Пеонии и вторгается в Фессалию; общие рассуждения автора по поводу ошибки Филиппа (97—98). Осада фтиотидских Фив, покорение города и переименование в Филиппополь (99—100). Неудача Филиппа в погоне за Скердилаидом, прибытие его на немейское празднество, получение там известия о поражении римлян Ганнибалом, советы Деметрия кончить войну с этолянами и плыть в Италию (101). Мир с этолянами, речь Агелая о необходимости мира в среде эллинов, а также между эллинами и Филиппом (102—104). Сцепление судеб Эллады, Италии, Ливии (105). Обзорные одновременных событий в Элладe, Египте и Сирии, в Македонии, Илирии, Малой Азии (106—111).

1 Тот год, в который Арат младший занимал должность стра-
 218 тега, пришел к концу в пору восхождения Плеяды: таково было
 Положение 2 тогда у ахейского народа счисление времени. Поэтому он сложил
 дел в раз- 3 с себя власть, и во главе управления ахеян стал Эперат.¹ Стра-
 ных стра- 4 тегом этолян был Доримах. В это самое время с наступлением
 нах. Пове- 5 лета Ганнибал, уже открыто вступавший в войну с римлянами,
 дение ахеян 6 вышел из Нового города, переправился через реку Ибер и начал
 7 наступательный поход в Италию. С другой стороны, римляне от-
 8 правили с войском Тиберия Семпрония в Ливию, а Публия Кор-
 нелия в Иберию. Ганнибал и Птолемей потеряли надежду на
 мирное разрешение спора из-за Койлесирии с помощью послов
 и переговоров и начали войну друг против друга. Царь Филипп,
 нуждаясь в съестных припасах и в деньгах для войска, созвал
 ахеян в собрание через высших должностных лиц. Когда народ
 согласно законам собрался в Эгий, царь, во-первых, заметил про-
 тиводействие со стороны Арата и друзей его вследствие козней,
 которые вел против них на последних выборах Апелла; во-вто-
 рых, он увидел, что Эперат человек бездарный и не пользуется
 никаким уважением у ахеян. Тогда царь понял ошибку, какую

¹ Ср. IV 82 г.

сделали Апелла и Леонтий,¹ и решил снова приблизить к себе Арата и его сторонников. С этою целью он уговорил должностных 9 лиц перенести собрание в Сикион, там в задушевной беседе со старшим и младшим Аратами всю вину за прошлое сложил с себя на Апеллу и просил их оставаться к нему в таких же отношениях, какие между ними были вначале. Когда Араты охотно согласи- 10 лись на это, Филипп снова явился в собрание ахеян и благодаря содействию Аратов получил все, что требовалось для его пред- 11 приятия, именно: ахеяне постановили выдать ему тотчас для на- 12 чала похода пятьдесят талантов,² уплатить жалованье войску его за три месяца, а сверх того доставить ему десять тысяч мер хлеба; на будущее время, пока он будет находиться в Пелопоннесе и 12 вести общую с ними войну, он будет получать ежемесячно от ахеян семнадцать талантов.³

Постановив такое решение, ахеяне разошлись по городам, а 2 Филипп, когда войска возвратились из зимних стоянок, по совеща- 2 нии с друзьями решил вести войну на море. По его мнению, это было единственное средство быстро со всех сторон нападать на неприятелей, так как вследствие этого последним будет чрез- 3 вычайно трудно оказывать помощь друг другу: рассеянные по раз- 3 ным странам, они будут бояться каждый за себя при неожидан- ности и быстроте неприятельских нападений с моря, а царь вел войну с этолянами, лакедемонянами и еще с элейцами. Раз ре- 4 шение было принято, Филипп собрал корабли ахеян и свои в Ле- хей, в постоянных опытах упражнял своих фалангитов и приучал их грести веслами, причем македоняне ревностно исполняли воз- 5 ложенное на них дело. Бесстрашные в сухопутных открытых бит- 5 вах, македоняне, когда того требуют обстоятельства, с не мень- шею готовностью несут службу на море, с величайшим приле- 6 жанием копают каналы, возводят окопы, исполняют и все другие 6 тяжелые работы, как говорит Гесиод об Эакидах: «Они радуются 7 войне, как пиршеству». Итак, царь и полчище македонян оста- 7 вались в Коринфе, занятые упражнениями и приготовлениями к морской войне. Между тем Апелла был не в силах ни возвратит 8 себе прежнее значение у Филиппа, ни переносить спокойно свое принижение, а потому составил заговор с Леонтием и Мегалеей: 8 они должны были оставаться при царе, противодействовать ему на месте небрежным ведением его дел, а сам он удалится в 8 Халкиду и позаботится о том, чтобы царь ниоткуда не получал средств, необходимых для осуществления его планов. Заключив 9 такого рода уговор с Леонтием и Мегалеей, коварный Апелла от- 9 правился в Халкиду под каким-то благовидным предлогом, ко- торый и представил царю. Во время своего пребывания в Халкиде 10 он твердо соблюдал клятвенный уговор, пользуясь для этого все- общим повиновением, какое оказывалось ему ввиду его прежнего значения, так что, наконец, царь вынужден был из нужды в день- 11 гах закладывать серебряную утварь и таким образом добывать средства к жизни. Между тем суда были собраны, и македоняне 11 научились обращаться с веслами. Тогда царь, раздав воинам хлеб и жалованье, вышел в море и на следующий день пристал к Пат-

Приготов-
ления Фи-
липпа к
войне на
море

Заговор
Апеллы с Ле-
онтием и Ме-
галеей

¹ IV 87 8—9.

² Около 75 000 руб.

³ Около 25 000 руб.

рам. В войске его было шестьдесят тысяч македонян и двенадцать тысяч наемников.

- 3 Около того же времени стратег этолян Доримах отправил на помощь элейцам Агелая и Скопаса с пятьюстами неокритян. Элейцы боялись, как бы Филипп не вздумал осадить Киллену, а потому набирали наемных воинов, вооружали своих и старательно 2 укрепляли Киллену. Поэтому Филипп стянул ахейских наемников, часть находившихся у него на службе критян и галатской конницы, кроме того тысячи две человек из набранной в Ахае пехоты, оставил это войско в городе димеян частью для прикрытия себя, частью для охраны города на случай нападения элейцев. Сам он раньше еще написал мессенянам и эпиротам, а также акарнанам и Скердилаиду, чтобы они вооружали свои суда и шли на соединение с ним к Кефаллени, в условленное время вышел 4 из Патр в море и пристал к Проннам в Кефаллени. Но он увидел, что городок трудно взять осадю, что местность слишком узка, а потому прошел мимо с флотом и бросил якорь у города 5 палеян. Область эта, как заметил Филипп, изобиловала хлебом и могла прокормить его войско; поэтому он высадил воинов на сушу и расположил свой стан перед городом, корабли велел притянуть к берегу, оградить рвом и окопами, а македонян отрядил 6 за хлебом. Сам Филипп обошел город кругом с целью исследовать, каким образом можно будет придвинуть к стенам осадные сооружения и машины: ему хотелось дожидаться союзников и 7 взять город. Он рассчитывал тем самым отнять, во-первых, у этолян важнейшую опору их, ибо на кефалленских кораблях они переплывали в Пелопоннес, кроме того, опустошали берега эпиротов и акарнанов; во-вторых, он желал приобрести для себя и союзников опорный пункт военных действий против неприятельской страны. Дело в том, что Кефалления лежит против Коринфского залива в направлении к Сицилийскому морю, потому господствует над северными и западными частями Пелопоннеса, главным образом над областью элейцев, а равно над южными и западными частями Эпира, Этолии и Акарнании.
- 4 Так как по этой причине Кефалления удобно расположена для сбора союзников, для нападения на неприятельскую землю, а равно и для защиты дружественных земель, то Филипп старался 2 поскорее покорить остров своей власти. Но он видел, что город отовсюду окружен или морем, или отвесными скалами, за исключением небольшой ровной полосы в направлении к Закинфу; отсюда он и задумал придвинуть к городу сооружения и повести 3 все дело осады. Вот что занимало царя, когда от Скердилаида прибыло пятнадцать судов; послать больше помешали ему царившие в среде владык иллирийских городов распри и волнения; 4 прибыли также назначенные вспомогательные отряды от эпиротов, акарнанов, а также от мессенян. По завоевании города фиалиян¹ мессеняне беспрекословно уже принимали участие в войне. 6 Когда все было готово для осады, царь расположил на удобных пунктах катапульты и камнеметательницы против защитников стен, затем ободрил македонян, велел придвинуть машины к стенам и при помощи их вести подкопы. Благодаря усердию маке-

Филипп в Кефаллени

Участие элейцев в союзнической войне

¹ IV 31 1. 79 5—7.

донян стена вскоре была подкопана на два плетра;¹ тогда царь приблизился к стене и предлагал осажденным кончить миром. Когда те отказались, он велел зажечь подпорки, и вся подкопанная часть стены рухнула. Вслед за сим Филипп послал вперед пелтастов с Леонтием во главе, разделив их на отряды и отдав приказание силою врываться через пролом. Однако Леонтий, вмятутя уговор с Апеллою, три раза подряд удерживал воинов, вравшихся через пролом, от окончательного занятия города. Раньше этого он подкупил наиболее выдающихся начальников отдельных частей; сам же со злым умыслом проявлял при каждом нападении крайнюю робость. Наконец македоняне были выбиты из города с большими потерями, хотя и могли бы одолеть врага. При виде робости начальников, того, что большинство македонян ранено, царь приостановил осаду и совещался с друзьями относительно дальнейших действий.

Около того же времени Ликург предпринял поход в Мессению, а Доримах с половиною войска вторгся в Фессалию: оба они были убеждены, что вынудят тем Филиппа снять осаду с города палеян. По этому поводу к царю прибыли послы от акарнанов и мессенян. Акарнанские послы просили его вторгнуться в землю этолян, дабы удержать Доримаха от вторжения в Македонию и самому напасть на землю врагов и разорить всю ее беспрепятственно. Послы от мессенян просили у царя военной помощи, причем объясняли, что благодаря начавшимся уже пассатам переправа от Кефаллени к Мессению может быть совершена в один день; поэтому, говорил мессенец Горг, на Ликурга может быть сделано нападение внезапное и успешное. Со своей стороны, Леонтий, верный принятому решению, настойчиво поддерживал Горга, соображая, что таким образом для Филиппа потеряно будет все лето, ибо, размышляя он, пройти в Мессению легко, но возвратиться оттуда, пока дуют пассаты, невозможно. Отсюда становилось ясно, что Филипп, запертый с войском в Мессении, вынужден будет оставаться там в бездействии до конца лета, а этоляне тем временем будут бродить по Фессалии и Эпиру, грабить и безнаказанно опустошать всю страну. Такие и подобные советы давал Леонтий с целью повредить царю; присутствовавший при этом Арат высказал противоположное мнение. Он утверждал, что следует плыть в Этолию и туда перенести войну, ибо выступление в поход Доримаха с этолянами дает прекрасный случай напасть на Этолию и опустошить ее. Царь, относившийся уже к Леонтию с некоторым недоверием за намеренно небрежное исполнение им своих обязанностей во время осады, постигал коварство его и в совете об отплытии в Мессению, а потому решил действовать по предложению Арата. Поэтому он обратился с письменным требованием к Эперату, ахейскому стратегу, набрать из ахеян войско и идти на помощь мессенянам, а сам отплыл от Кефаллени и на другой день прибыл в ночную пору к Левкаде. Сделав необходимые приспособления на Диорикте и переправив через него корабли, он отплыл в залив, именуемый Амбракийским. Залив этот, тянущийся далеко от Сицилийского моря, углубляется внутрь материка Этолии, как мы сказали выше.² Царь прошел в залив

5 Поход Филиппа в Этолию

¹ 200 футов.

² IV 63 4.

и незадолго перед рассветом пристал у так называемой Лимнеи, войнам своим отдал приказ позавтракать и, оставив на месте 15 большую часть пожитков, готовиться налегке к походу. Сам он созвал проводников и внимательно расспрашивал их о стране и соседних городах.

- 6 К этому времени явился со всем ополчением акарнанов стратег их Аристофант. В прежние времена они вытерпели много бед от этолян, а потому теперь горели желанием всячески мстить им 2 и вредить всеми способами. Вот почему на сей раз они охотно воспользовались случаем помочь македонянам и явились во всеоружии, не только все те, кои по закону обязаны были идти на 3 войну, но и некоторые из старших возрастов. По таким же причинам не меньшее рвение обнаруживали и эпироты. Однако при обширности своей страны и при внезапности появления Филиппа 4 они опоздали с доставкой войск. Что касается этолян, то, как я сказал выше,¹ половину войска Доримах увел с собою, а другую половину оставил на месте, находя силы эти достаточными для защиты городов и полей на случай неожиданных нападений.
- 5 Оставив свой обоз под сильным прикрытием, царь к вечеру снялся от Лимнеи, прошел вперед стадий на шестьдесят² и расположился лагерем. После ужина и небольшого отдыха он продолжал путь, шел всю ночь непрерывно и к рассвету достиг реки Ахелоя между Конопою и Стратом, рассчитывая напасть внезапно и неожиданно на Фермы.
- 7 Леонтий и друзья его понимали, что Филипп по двум причинам может осуществить свой план, а этоляне не в силах будут совладать с появившимся войском: во-первых, появление македонян совершится быстро и неожиданно; во-вторых, нападение на Фермы сделано будет с такой стороны, откуда, по предположению этолян, Филипп не мог отважиться столь легкомысленно на явную опасность, ибо местность защищена была самою природою, а поэтому этоляне будут застигнуты нападением врасплох, совершенно не подготовленными. Ввиду этого Леонтий и друзья его, верные своим планам, настаивали, что Филиппу следует разбить лагери подле Ахелоя и дать отдохнуть войску после ночного похода: они желали выиграть тем для этолян хоть немного времени, дабы они могли подоспеть на защиту Фермов. Арат, напротив, видел, что дело не терпит отлагательства, что Леонтий несомненно старается помешать предприятию, а потому заклинал 5 Филиппа не терять удобного случая и не медлить. Царь, уже и раньше подозревавший Леонтия в измене, принял совет Арата и безостановочно продолжал путь. После переправы через реку Ахелой он быстро направился к Ферму, а по мере движения вперед 6 разорял и опустошал поля. На пути своем Филипп оставлял с левой стороны Страт, Агриний, Фестии, а с правой Коноп, Лисимахию, Трихоний, Фитей. Он прибыл к городу, именуемому Метапою и расположенному у самого Трихонидского озера и в теснине, что идет вдоль его, в расстоянии стадий шестидесяти 9 от Ферма, занял этот город, покинутый этолянами, и ввел в него пятьсот воинов с целью прикрыть вход в ущелье и выход из него; 10 ибо вся прилегающая к озеру местность гориста, сурова и закры-

¹ 5 1.

² 1¹/₂ мили.

та лесом, что делает дорогу узкой и трудной. Вслед за сим он поставил впереди всего войска наемников, за ними иллирян, сам с пелтастами и фалангитами двинулся вперед через ущелье. Шествие замыкали критяне, а правый фланг его прикрывали от нападения фракийцы и легковооруженные, двигавшиеся в стороне полями; с левой стороны он был защищен озером на протяжении стадий тридцати.¹

Пройдя названные выше места и достигнув деревни, именуемой Памфиею, Филипп оставил и там для охраны гарнизон и продолжал путь к Ферму; дорога была не только крута и чрезвычайно неровна, но и окаймлена по бокам глубокими рывтинами, так что в некоторых местах становилась слишком опасною и узкою, и весь подъем имел около тридцати стадий. Но македоняне шли бодро, а потому и этот путь пройден был быстро. Филипп достиг Ферма в позднюю пору. Расположившись здесь лагерем, он послал войска разорять соседние деревни, делать набеги на фермейскую равнину, а также в самом Ферме грабить дома, вмещавшие в себе в изобилии не только хлеб и другие припасы, но и ценную утварь, снесенную сюда этолянами. Дело в том, что ежегодно в этом месте бывали весьма значительные ярмарки и всенародные празднества; там же обыкновенно происходили и выборы должностных лиц; вот почему каждый сносил туда драгоценнейшие предметы из своего имущества, нужные для приема гостей и для празднества. Но и помимо такого назначения этоляне считали Ферм надежнейшим хранилищем, ибо никогда никакой враг не дерзал проникать в эти места, самую природою обращенные как бы в кремль целой Этолии. Благодаря этому область с давних времен наслаждалась миром, а потому дома вокруг святилища и все окрестности переполнены были всяким добром. Первую ночь македоняне, обремененные разного рода добычею, провели под открытым небом; на следующее утро они выделили для себя наиболее ценную и удобную для передвижения часть добычи, а все прочее нагромоздили перед палатками в кучу и сожгли. Равным образом они выбрали из висевшего в портиках оружия более ценное и унесли с собою, другое обменяли на свое, остальное сложили в кучу и предали пламени. Сожжено было больше пятнадцати тысяч вооружений.

До сих пор все шло прекрасно и правильно по законам войны; о дальнейшем я не знаю, что и сказать. Памятуя, что учинили этоляне в Дии и Додоне,² македоняне жгли портики, уничтожали и все прочие храмовые здания, из коих иные были великолепно отделаны, стоили большого труда и издержек. Не только крыши обращали они в пепел, но и самые здания равняли с землею; опрокинули кумиры числом не менее двух тысяч, множество кумиров, не имевших на себе посвящений богам или не изображавших лика божества, было уничтожено; другие они пощадили. На стене македоняне начертали общеизвестный стих, чем тогда уже Сам, сын Хрисогона и товарищ детства царя, дал свидетельство природного остроумия. Стих гласил так: «Видишь ли ты, куда метнула божественная стрела?» Царь и друзья его проникнуты были полнейшею уверенностью в справедливости и законности

Разорение
Ферма македонянами

Недовольство автора поведением Филиппа

¹ 3/4 мили.

² IV 62. 67.

- такого образа действий, ибо они воздавали равную меру это-
7 льянам за нечестие их относительно Дия. Я держусь противополо-
8 жного мнения и чтобы решить, прав ли я, достаточно взять
9 несколько примеров из того же царского дома. Так, Антигон, одо-
лев в открытом сражении Клеомена, царя лакедемонян, тем са-
мым овладел и Спартою. Властный поступить с городом и его
гражданами по своему усмотрению, он, однако, не только не при-
чинил какого-либо зла находившимся в его власти людям, но воз-
вратил им свободу и их исконное государственное устройство,
10 оказал величайшие благодеяния государству лакедемонян и от-
дельным гражданам и затем возвратился на родину. За это он
не только в то время был признан благодетелем государства, но
и после смерти спасителем его, и стяжал себе от всех эллинов,
не только от лакедемонян, бессмертные почести и славу.¹
- 10 Потом, первый владыка, расширивший пределы царства и по-
338 ложивший начало процветанию дома, Филипп после победы над
афинянами в битве при Херонее свершил так много не столько
2 оружием, сколько обходительностью и мягкостью. Войною и ору-
жием он только одолел воевавших против него врагов и достиг
власти над ними, напротив снисходительностью и умеренностью
3 покори́л себе всех афинян и город их. Не приумножая бед войны
озлоблением, он воевал и боролся до тех пор, пока не получил
4 возможности проявить свою милость и великодушие. Так, плен-
ных он отпустил домой без выкупа, оказал последнюю честь пав-
шим афинянам, останки их отправил через Антипатра в Афины,
снабдил одеждою большинство возвращавшихся на родину афинян
и с небольшими издержками, только своею рассудительностью до-
5 стиг величайших успехов. Гордость афинян Филипп смирил ве-
ликодушием и из врагов обратил их в готовых на все соратников.
6 Далее, как действовал Александр? Он был разгневан на Фивы
до такой степени, что продал в рабство жителей их, самый город
335 срыл до основания и все-таки при взятии города не оскорбил бо-
гов кощунством; напротив, с величайшею заботливостью охранял
храмы и вообще священные места от всякого даже невольного
8 оскорбления. Потом, после переправы в Азию для отмщения эл-
линов за кощунство персов он старался в наказании виновных
соблюсти соответствующую преступлениям их меру; вместе с тем
щадил все посвященные богам предметы, хотя персы бесчинст-
вовали в Элладе наиболее именно в этом отношении.
- 9 Так и Филиппу следовало бы тогда непрестанно помышлять
о том, дабы явить себя преемником и наследником не столько
власти поименованных выше мужей, сколько настроения их и ве-
10 ликодушия. Всю свою жизнь он с особенным старанием выстав-
лял на вид родство свое с Александром, сыном Филиппа, и вовсе
не подумал о том, чтобы соревноваться с ними в добродетели.
Так как поведение Филиппа было противоположно поведению
предшественников его, то и слава, которую с возрастом он стяжал
себе у всех людей, была совершенно иная.
- 11 Одним из примеров такого поведения были и поступки его в
Ферме. Увлекаясь раздражением и врачюя одно зло другим, Фи-
липп соревновался с этолянами в кощунстве и был уверен, что
2 не совершает никакого нечестия. Потом, при всяком удобном слу-

¹ Ср. II 65—70.

чае он укорял Скопаса и Доримаха за наглость и необузданность, разумея кощунство их в Додоне и Дии. Между тем сам поступал подобным же образом, не воображая, что тем самым приобретает себе у слушателей такую же славу, как и те этоляне. Отнимать у неприятеля и уничтожать крепости, гавани, людей, корабли, плоды, вообще все то, потеря чего обессиливает противника, выгодно для борющегося и облегчает ему достижение цели, — к этому обязывают нас законы и правила войны. Но без всякой нужды сокрушать храмы, вместе с ними кумиры и все подобные сооружения, уничтожение коих не сулит ни малейшей выгоды одному и нисколько не ослабляет сил другого, по крайности для той войны, которая ведется в данное время, — не есть ли это поведение неистовствующего безумца? Для людей доблестных задача войны состоит не в гибели и уничтожении провинившихся, но в исправлении их и возмещении ошибок, не в том, чтобы истреблять вместе с виновными ни в чем неповинных, но скорее в том, чтобы спасать и сохранять от гибели вместе с невинными и тех, которые почитаются виновниками неправды. Дело тирана — творить зло, владычествовать с помощью страха над непокорными, быть предметом ненависти для своих подданных и самому ненавидеть их. Напротив, царю свойственно творить всем добро, стяжать себе любовь добрыми делами и милосердием, руководить и управлять людьми, повинующимися ему по доброй воле.

Для наилучшего уразумения того, в какую ошибку впал тогда Филипп, достаточно представить себе те чувства, какие, по всей вероятности, испытывали бы этоляне, если бы царь поступил противоположно тогдашнему поведению, не уничтожал бы портиков и кумиров, не кощунствовал бы над прочими святынями. Я полагаю, что этоляне испытывали бы прекраснейшее чувство благожелательности. Памятуя собственный образ действий в Дии и Додоне, они ясно видели бы, что Филипп имеет силу поступить с ними по своему усмотрению, не опасаясь прослыть несправедливым даже в случае жесточайшей расправы с ними; однако по своей мягкости и великодушию предпочел не подражать им.

Отсюда до очевидности ясно, что этоляне осуждали бы сами себя, а Филиппа восхваляли бы и удивлялись царственному великодушию, какое он проявил в благочестии по отношению к божеству, и с каким он умерил свой гнев против них. И в самом деле, превзойти врага благородством и справедливостью не только не менее, скорее более выгодно, чем победить оружием. В одном случае побежденные покоряются из нужды, в другом уступают добровольно; победа оружием ведет к исправлению лишь ценою больших потерь, великодушие умудряет заблуждающихся без жертв. Наконец, и это самое важное, в одном случае наибольшая доля успеха принадлежит подчиненным, в другом — победа достается всецело начальникам.

Впрочем, быть может, вина за содеянное в то время должна падать не столько на Филиппа, человека молодого, сколько на друзей и пособников, находившихся при нем, в числе коих были Арат и Деметрий из Фара. Даже не присутствуя при этих событиях, можно догадываться, кто из этих двух подал царю такой совет. Не говоря уже о том, что во всей жизни Арата нельзя было бы указать ни одного поступка поспешного или необдуманного, тогда как жизнь Деметрия изобиловала противоположными действиями, у нас имеется бесспорное свидетельство о поведении обоих

8 людей в подобных обстоятельствах; но мы скажем об этом, что следует, в другом, более удобном месте.¹

Возвращение
Филиппа из
Ферма

- 13 Филипп взял с собою из Ферма, — на этом месте мы уклонились в сторону,² — все, что можно было унести и увезти, и выступил в обратный путь той самой дорогой, какою пришел. Добыча и тяжелая пехота были посланы вперед; позади всего войска
- 2 он поместил акарнанов и наемников. Филипп старался как можно скорее оставить за собою теснины в ожидании того, что этоляне, рассчитывая на природную укрепленность местности, нападут на
- 3 задние ряды его. Так вскоре и случилось. Этоляне собрались в числе тысяч трех человек для отражения врага; но, пока Филипп находился на высотах, они не приближались, оставаясь в скрытых местах под начальством Александра трихонийца; но лишь только аррьергард двинулся, они тотчас кинулись к Ферму и стали теснить задние ряды. Когда в аррьергарде произошло смятение, этоляне ударили на врагов и рубили их еще с большею яростью, пользуясь выгодами местоположения. Но Филипп предусмотрел будущее, и при спуске с высот поместил иллирян и храбрейших
- 6 пелтастов за одним из холмов. Эти воины ударили на напиравших и выдвинувшихся вперед этолян, причем сто тридцать человек убили, немного меньше взяли в плен, а остальные этоляне
- 7 бежали стремглав, куда попало. После этой победы задние ряды войск предали пламени Памфий, беспрепятственно прошли теснины и быстро соединились с македонянами; ибо Филипп расположился станом подле Метапы и там поджидал задних воинов. На следующий день он разрушил до основания Метапу, двинулся
- 9 дальше и разбил свой лагерь у города, именуемого Акрами. На следующий день, продолжая путь, Филипп опустошил поля, расположился лагерем подле Конопа, где оставался и следующий
- 10 день. Через день он снова снялся со стоянки и продолжал путь вдоль Ахелоя до Страта. После переправы через реку он поставил войско на возвышенности вне выстрела с целью вызвать на бой находившихся внутри города этолян.
- 14 Филипп слышал, что в страте собралось этолийской пехоты около трех тысяч, человек четырехста конницы и до пятисот критян. Так как никто не отваживался выходить из города, то Филипп опять приказал передним рядам выступать в поход по направлению к кораблям, что были у Димнеи. Как скоро замыкавший войско отряд миновал город, сначала небольшая часть этолийской конницы сделала вылазку и стала тревожить крайних
- 4 воинов; но потом полчище критян и часть этолийской пехоты вышли из города и соединились со своей конницей; тогда завязался решительный бой, и аррьергард вынужден был сделать поворот и выстроиться к битве. Первое время обе стороны сражались с равным успехом; но когда подоспели на помощь наемникам Филиппа иллиряне, этолийская конница и наемники подались назад и бежали врассыпную; большую часть их царские войска преследовали до ворот и стен, а около ста человек положили на месте.
- 7 После этого дела находившиеся в городе войска держались уже тихо, а аррьергард благополучно достиг стоянки и кораблей.

¹ VII 13 сл.

² 8.

Филипп заблаговременно разбил палатки, принес богам бла- 8
годарственные жертвы за счастливый исход предприятия и созвал 8
всех начальников на пир. И в самом деле, говорили, что Филипп 9
проник в необычайно опасные места, такие, куда раньше его ни-
кто не дерзал приходить с войском; он же не только совершил 10
вторжение во главе войска, но исполнил задуманный план це-
лком и благополучно возвратился назад. Вот почему на радостях
Филипп и готовил пиршество для начальников. Что касается Ме- 11
галея и Леонтия, то они были весьма недовольны удачей царя,
так как обязались перед Апеллою мешать всем предприятиям Фи-
липпа, и не преуспели в этом: дела приняли оборот противопо- 12
ложный их желаниям... однако на обед они явились.

Царский
пир в стане
Филиппа

У царя и прочих участников пира не замедлило возникнуть 15
подозрение, что Мегалей и Леонтий не разделяют радости осталь-
ных по случаю недавних событий. Так как пиршество затянулось, 2
и они вынуждены были участвовать в обильной, неумеренной по-
пойке, то тут же и выдали себя. По окончании пира Мегалей и 3
Леонтий, пьяные и уже не владевшие собою, кидались по сто-
ронам в поисках Арата, и когда повстречались с ним на пути 4
домой, то сначала ругали его, а потом начали швырять в него
камнями. Многие спешили на помощь одной или другой стороне,
и в лагере поднялись шум и смятение. Царь услышал крики и 5
послал людей разузнать, в чем дело, и прекратить беспорядок.
Явившимся людям Арат рассказал случившееся, призвал в сви- 6
детели присутствовавших и направился... к своей палатке. В су-
матухе Леонтий ускользнул каким-то непонятным способом, а
Мегалея и Кринона царь, узнав, что случилось, призвал к себе
и жестоко бранил. Те, однако, не смирились и дерзко говорили, 8
что не покинут своих замыслов, пока не выдадут Арату и сто-
ронникам его должной мзды. Раздраженный этими речами, царь 9
ту же потребовал дать ему ручательство в сумме двадцати та-
лантов¹ и велел заключить их под стражу.

На следующее утро царь позвал к себе Арата, просил не бес- 16
покоиться и обещал произвести строжайшее расследование. Меж-
ду тем Леонтий, узнав о судьбе Мегалея, явился с несколькими
пелтастами к царской палатке в надежде, что запугает юного ца-
ря и легко заставит его переменить решение. При встрече с царем 3
Леонтий спросил, кто осмелился оскорбить действием Мегалея и
заключить его под стражу. Но когда царь решительно ответил:
«Это я приказал», Леонтий смутился и, что-то пробормотав, вы- 4
шел разгневанный. Царь со всем флотом отошел от берега, пе-
реплавился через залив² и быстро пристал к Левкаде; людям, за-
нятым распродажей добычи, он приказал торопиться, а сам со-
брал друзей и вел следствие над Мегалеем и его сообщниками.
Арат в своем обвинении перечислил вины Леонтия и друзей его 6
с давнишнего времени, напомнил о совершенном ими кровопро-
литии в Аргосе по удалении Антигона, об его уговоре с Апеллою,
а также о его противодействии в деле палаян. Все это он под- 7
тверждал явными уликами и показаниями свидетелей, так что Ме-
галей и его сообщники не в состоянии были возразить что-либо в
свое оправдание, а потому были единогласно осуждены друзьями

¹ Около 30 000 руб.

² Амбракийский залив.

8 царя. Кринон остался под стражей, а за Мегалея Леонтий дал ручательство.

9 Таков был конец козней Апеллы с Леонтием и друзьями его,
10 противоположный первоначальным их расчетам. Они надеялись было застрашать Арата и потом, когда Филипп останется один, делать все, что найдут для себя выгодным, — а вышло наоборот.

17 К этому времени Ликург,¹ не совершив ничего замечательного, возвратился из Мессении, потом выступил из Лакедемона
Поведение Ликурга и Доримаха 2 снова в поход и овладел городом тегеян. Так как население удалилось в Акрополь, то он повел осаду против Акрополя, но без-

3 успешно и опять возвратился в Спарту. Между тем элейцы сделали набег на димейскую область, вышедшую против них кон-

4 ницу завлекли в засаду и без труда обратили в бегство, при этом положили на месте немало галатов, из воинов граждан взяли в

5 плен Полимеда из Эгия, димеян Агесиполида и Диокла. Что касается Доримаха, то, как я сказал выше,² первый поход с это-

6 льянами он совершил в той уверенности, что безнаказанно разграбит Фессалию, а Филиппа принудит снять осаду с города палеян. Но в Фессалии он нашел Хрисогона и Петрея³ готовыми

7 к бою, поэтому не отважился спуститься в равнину и долгое время держался на горных склонах. По получении известия о втор-

8 жении македонян в Этолию Доримах покинул Фессалию и поспешил на защиту родины. Но Доримах прибыл на место, когда македоняне вышли уже из Этолии, и вообще слишком опоздал.

9 Между тем царь вышел от Левкады в открытое море, на пути опустошил поля оянфян⁴ и со всем флотом пристал к Коринфу;

10 поставил корабли свои на якорю при Лехее, высадил войска и разослал по союзным городам Пелопоннеса вестников с письмами, причем назначал день, в который все они с оружием в руках должны были явиться в город тегеян на ночь.

18 Покончив с этим, царь не оставался больше в Коринфе, отдал приказ македонянам выступить в поход по направлению к Аргосу
Поход Филиппа на Лаконику 2 и на другой день прибыл в Тегею. Здесь он взял с собою собравшихся раньше ахеян и направился через горы, желая втор-

3 гнуться в страну лакедемонян неожиданно для них. На четвертый день пути по окольным пустынным дорогам царь достиг возвышающихся против города холмов и, миновав их, причем с правой

4 стороны оставался Менелайон, дошел до самых Амикл. Лакедемоняне видели из города, как проходило неприятельское войско и, изумленные зрелищем, пребывали в большом смущении и

5 страхе. Дело в том, что они не успели еще успокоиться от волнения по поводу известий о разрушении Ферма Филиппом и вообще о делах его в Этолии; в среде их шли речи о том, чтобы

6 послать Ликурга на помощь этолянам. Но никто из лакедемонян и не воображал, что опасность может обрушиться на них самих с такою быстротою из страны столь далекой, тем более что и

7 возраст царя не мог внушать им какого-либо страха. Отсюда понятно, что лакедемоняне были вне себя от ужаса, ибо события

8 застигли их врасплох. И в самом деле, отвага и ловкость Фи-

¹ 5.

² 5 7.

³ IV 24.

⁴ IV 57 2.

липпа в предприятиях были не по возрасту, и он повергал всех врагов своих в недоумение и ставил их в беспомощное положение. Так, поднявшись из глубины Этолии, он, как сказано выше, за 8 одну ночь переправился через Амбракийский залив и пристал к Левкаде; прождал там два дня, на третий к утру снялся с якоря 9 и через день бросил якорь у Лехея, по дороге опустошив побережье этолий. После этого, нигде не останавливаясь, на седьмой 10 день пути он достиг господствующих над городом холмов, что подле Менелайона, так что очень многие не верили своим глазам.

Итак, лакедемоняне, перепуганные неожиданностью нападе- 11 ния, не знали, что делать, за что взяться, а Филипп в первый 19 же день расположился станом подле Амикл. Поселение, называемое Амиклами, славится во всей Лаконике обилием деревьев, плодородием, и от Лакедемона отстоит оно стадий на двадцать. В нем есть едва ли не знаменитейшее из всех лаконских храмов 3 святилище Аполлона. Поселение расположено со стороны города, обращенной к морю. Еще через день Филипп, опустошая поля, 4 спустился к так называемой стоянке Пирра. В течение двух следующих дней он совершал опустошительные набеги на соседние местности и разбил свой лагерь подле Карния; отсюда двинулся 5 к Асине, сделал несколько безуспешных приступов против этого города и снова пошел дальше. Так исходил он, сопровождаемый опустошением, всю страну, обращенную к Критскому морю, до Тенара; оттуда опять свернул и направился мимо корабельной 6 верфи лакедемонян, именуемой Гифием, обладающей надежной гаванью, которая отстоит от города стадий на тридцать. Оставив 7 Гифий вправо от дороги, Филипп расположился станом подле Гелии; это самая большая и прекраснейшая часть лаконской области. Отсюда он высылал фуражиров, опустошал огнем все окрестности, уничтожал произведения почвы, и с фуражирами дошел до Акрий и Левк и даже до полей Боев.

По получении от Филиппа письма касательно похода мессеняне не отставали в усердии от прочих союзников; напротив, со всею поспешностью собрались они в поход и выслали отборнейшее войско в две тысячи человек пехоты и двести конницы. Но 2 путь был длинный, и они опоздали в Тегею, так что не нашли уже там Филиппа. Первое время мессеняне не знали, что делать; но из опасения, как бы вследствие прежних подозрений¹ не было 3 усмотрено в этом злого умысла, мессеняне прошли через аргивскую землю в Лаконику, чтобы там соединиться с войсками Филиппа. Достигнув поселения Глимп,² лежащего на границах Арголиды и Лаконики, они перед ним расположились лагерем немело и легкомысленно. Так, стоянки своей они не оградил ни 5 рвом, ни окопами, не выбрали для нее удобного места и, рассчитывая на дружественное расположение жителей поселения, беззаботно разбили свои палатки перед самыми стенами. Между 6 тем Ликург, уведомленный о прибытии мессенян, взял с собою наемников и отряд лакедемонян и тотчас выступил в поход. К утру он достиг этой местности и смело ударил на неприятельскую стоянку; с другой стороны, мессеняне, вообще поступившие не- 7 благоразумно и, что было хуже всего, удалившиеся от Тегей без

¹ IV 5. 31.

² IV 36 5.

достаточного количества войска и без опытных вождей, однако в минуту опасности, при самом нападении сделали для своего спасения все, что было только в их власти при тогдашних обстоятельствах, именно: завидев наступление врага, мессеняне немедленно бросили все в лагере и поспешно бежали к поселению. После этого воины Ликурга захватили большую часть лошадей и обоз, но в плен не взяли никого, из всадников убили только восемь человек. Итак, мессеняне после этой неудачи возвратились снова через Аргос на родину, а Ликург, гордый успехом, явился в Лакедемон, занялся военными приготовлениями и держал совет с друзьями, намереваясь не выпустить Филиппа из Лаконики без битвы. Между тем царь вышел из Гелеи и, опустошая поля, на четвертый день к полудню прибыл снова в Амиклы со всем войском.

21 Ликург отдал распоряжения начальникам и друзьям относительно предстоящей битвы, а сам по выходе из города занял окрестности Менелайона, имея при себе не меньше двух тысяч всего войска. Оставившимся в городе лакедемонянам он велел зорко следить за тем, чтобы по данному сигналу поспешно выводить войско во многих пунктах одновременно и строить его в боевой порядок перед городом в направлении к Эвроту, так, где река наиболее подходит к городу. В таком-то положении были дела Ликурга и лакедемонян.

Важность
топографических
показаний

4 Дабы рассказ наш при незнакомстве читателей с местностью не был сбивчив и темен, необходимо присоединить к нему описание природы и расположения местности. Впрочем, мы стараемся делать то же самое во всем нашем повествовании, каждый раз соединяя и сближая местности неведомые с общеизвестными и описанными раньше нас.¹ Большинство поражений в сухопутных и морских войнах происходит от незнания особенностей местоположения; кроме того, всем нам желательнее знать не то, что случилось, но как случилось. Поэтому в изложении каких бы то ни было событий, наипаче военных, нельзя пренебрегать описанием местностей, а для обозначения их следует пользоваться то гаванями, морями и островами, то святилищами, горами, областями со знаменательными наименованиями, наконец различными странами света, ибо с этими последними все люди хорошо знакомы. Таким только способом и возможно познакомить слушателей с неведомыми предметами, как мы говорили и раньше.²

10 Что касается упоминаемой здесь местности, то природа ее такова: Спарта по общему виду кругообразна и расположена в равнине, хотя в некоторых частях занимает разнообразные неровности и высоты. Подле города, на восточной стороне его протекает река, именуемая Эвротом и обыкновенно непереходимая вброд благодаря своей величине. Те высоты, на которых находится Менелайон, лежат по ту сторону реки к зимнему востоку³ от города. Суровые, труднодоступные и очень высокие, они господствуют вплотную над пространством между городом и рекою. На этом-то промежуточном пространстве, имеющем не более

¹ Ср. III 36. 38.

² *Ibidem.*

³ Юго-восток.

полтора стадий,¹ и течет названная выше река у самой подошвы холма. На обратном пути Филиппу необходимо было переправиться через эту реку, причем влево от него были город и готовые к бою лакедемоняне, а вправо река и выстроившееся на холмах войско Ликурга. Помимо этого, лакедемоняне придумали такого рода хитрость: запрудив реку в верхнем течении, они направили воду ее на упомянутое выше промежуточное пространство между городом и высотами; оно покрывлось водою и стало непроходимым как для пехоты, так еще больше для конницы. Таким образом, Филиппу оставалось одно: проводить свое войско по горному склону под самыми высотами, вытянуть его в длинную беззащитную линию, которая на всем пути была открыта для неприятельского нападения.

При виде этого Филипп посоветовался с друзьями и решил, что при таких обстоятельствах настоятельно необходимо выбить прежде всего Ликурга и его войска из окрестностей Менелайона. Взяв с собою наемников и пелтастов, сверх того иллирян, он перешел реку и двинулся на высоты. Ликург понял план Филиппа, выстроил своих воинов в боевой порядок и ободрял их к битве, а остававшимся в городе лакедемонянам подал сигнал.² Вслед за сим лица, коим это было поручено, вывели согласно приказанию городские войска из города, поставили их перед стеною, поместив конницу на правом фланге.

Между тем Филипп приблизился к войску Ликурга и вначале приказал наступать одним только наемникам. Первое время перевес был на стороне лакедемонян, чему немало благоприятствовало самое вооружение их и место битвы. Но когда Филипп отрядил пелтастов для подкрепления сражающихся, а сам с иллирийцами фланговым движением ударил на неприятеля, тогда наемники Филиппа, ободренные подкреплением иллирийцев и пелтастов, повели дело с удвоенным рвением; войско Ликурга, уstraшенное нападением тяжеловооруженных, подалось назад и бежало. При этом из лакедемонян убито было около ста человек, немного больше взято в плен; остальные бежали в Спарту; сам Ликург в сопровождении немногих воинов прошел ночью в город непроходимыми тропинками. Теперь Филипп занял холмы иллирийцами, а с легкими войсками и пелтастами возвратился к войску. В это же время Арат вел фалангу из Амикл и уже подходил к городу. Тогда царь для прикрытия его переправился на другой берег реки во главе легковооруженных, пелтастов, а также конницы, и наблюдал за неприятелем, пока тяжелая пехота не прошла благополучно через теснины у самых высот. Когда войска из города начали нападение на ту часть конницы, которая служила прикрытием, произошла довольно решительная схватка, причем пелтасты сражались с большим воодушевлением. И на сей раз Филипп одержал решительную победу и прогнал лакедемонскую конницу до городских ворот. После этого он беспрепятственно перешел реку и стал в тылу своих фалангитов.

Поздний час заставил собрать войска в одно место, и Филипп, вынужденный тут же расположиться станом, разбил палатки у выхода из ущелья. Место, занятое начальниками под лагерь,

¹ Около 155 саж.

² 21 2.

случайно оказалось самым удобным на тот раз, если бы македоняне пожелали вторгнуться в лаконскую область подле самого
3 города, именно: в начале упомянутой теснины, если подходить к Лакедемону от Тегеи и вообще изнутри материка, есть мест-
4 ность стадиях в двух¹ от города, плотно прилегающая к реке. Всю ту сторону его, которая обращена к городу и к реке, обнимает значительный и совершенно недоступный горный откос; подле этих стремнин простирается ровная плоскость с глубоким слоем земли и обильно орошенная, к тому же весьма удобная для введения
5 и выведения войск. Таким образом, если кому-либо удастся занять станом эту плоскость и господствующий над нею холм, то положение его при всей близости к городу оказывается безопасным и превосходным, ибо местность эта господствует над входом
6 в теснину и выходом из нее. Находясь с лагерем вне опасности, Филипп на следующий же день послал вперед обоз, а войска свои выстроил в боевой порядок в равнине на виду у лакедемонян,
7 находившихся в городе. Немного он подождал еще, затем повернул в сторону и двинулся к Тегее. По достижении тех мест, где происходила битва между Антигоном и Клеоменом,² он разбил
9 свой лагерь. На другой день царь осмотрел местность и на обоих холмах, из коих один называется Олимпом, другой Эвою, принес
10 богам жертвы, затем усилил тыл войска и пошел дальше. По прибытии в Тегею он распродал всю добычу, после чего направился
11 через Аргос и прибыл с войском в Коринфе. Здесь находились послы от родосцев и хиосцев с предложением посредничества для окончания войны. Он выслушал их и, скрывая свои намерения, объявил, что теперь, как и прежде, он готов заключить мир с этолянами, затем отпустил послов, поручив им переговорить о
12 замирении и с этолянами. Сам он спустился к Лехею и занялся приготовлениями к отплытию в Фокиду, где рассчитывал сделать некоторые довольно важные приобретения.

25 Около того же времени Леонтий, Мегалей и Птолемей,³ не перестававшие питать надежду запугать Филиппа и таким образом загладить свои прежние вины, распространяли молву среди
2 пелтастов и в отряде македонян, именуемом агементом, будто они подвергались опасности за всех, тогда как терпят всякие обиды
3 и даже не получают установленной обычаем доли добычи. Такими речами воины раздражены были до того, что стали собираться толпами и грабили жилища знатнейших царских друзей, выломали двери в царском дворце и сломали черепичную крышу.
4 Происшествие это повергло весь город в тревогу и смятение. Услышав об этом Филипп, со всюю поспешностью прибыл в город⁴ из
5 Лехея, собрал македонян в театре и обратился ко всем то с увещаниями, то с угрозами по поводу случившегося. В ответ на это последовали шум и сильные препирательства, ибо одни требовали предания виновных суду и наказания, другие настаивали на при-
7 мирении и всепрощении. Тогда царь сделал вид, что уступает настояниям и после милостивого обращения ко всем удалился. Ви-

¹ Около 170 саж.

² II 66.

³ 26 г. 29 б.

⁴ Коринф.

новники смуты были известны ему хорошо, но обстоятельства вынуждали его притворяться ничего не ведающим.

После этих волнений предприятия в Фокиде,¹ на которые царь 26 вполне рассчитывал, были чем-то замедлены. Между тем Леонтий 2 и его соумышленники потерпели полную неудачу в своих замыслах, теряли всякую надежду на собственные силы и искали убежища у Апеллы. Они посылали к нему вестника за вестником и звали его из Халкиды, указывая на трудное и безвыходное положение, в какое они попали вследствие разлада с царем. Что 3 касается Апеллы, то во время пребывания в Халкиде он проявлял чрезмерный произвол. Царя он выставлял слишком юным, в боль- 4 шинстве случаев следующим его же внушениям и ни в чем не имеющим своей воли, а ведение дел и высшее управление страной присваивал себе. Вот почему правители и высшие должностные лица Македонии и Фессалии обращались с донесениями к нему; эллинские города в своих постановлениях почестей и даров лишь кратко упоминали о царе, тогда как Апелла был для них все. Филипп знал это, давно уже питал в себе недовольство и с трудом переносил происходившее тем более, что Арат находился при нем и искусно преследовал свою задачу. Однако царь владел собою, и никто не знал ни намерений его, ни настроения. Не 7 знал их и Апелла, но он был уверен, что стоит только явиться к Филиппу, и все пойдет согласно его желанию, а потому отправился из Халкиды на помощь Леонтию и его товарищам. С появлением его в Коринфе Леонтий, Птолемей и Мегалей, как начальники пелтастов и прочих важнейших родов оружия, с большим усердием возбуждали молодежь идти навстречу Апелле. Благодаря множеству встречавших его начальников и солдат, въезд Апеллы был торжественный, и он прямо с дороги явился в царский дворец. Но когда по старой привычке Апелла пожелал войти, один из рабдухов, согласно приказанию, остановил его и объявил, что царь занят. Удивленный столь неожиданным приемом, 11 Апелла долго не знал, что делать, наконец в смущении удалился; все прочие македоняне тут же на виду у всех разбежались от него, и Апелла вступил в свое жилище один, лишь с собственными слугами. Так, достаточно бывает самого короткого времени 12 для того, чтобы высоко поднять и снова унижить кого бы то ни было из смертных, наипаче в среде царских приближенных. И в 13 самом деле, люди эти походят на камешки счетной доски: как сии последние по воле счетчика получают значение то медной монеты, то вслед засим таланта, так и придворные по мановению царя становятся то счастливыми, то минутой спустя жалкими созданиями.

Мегалей видел, что надежды их на содействие Апеллы не сбылись, и потому в страхе подумывал о бегстве. Что касается Апеллы, то он был приглашаем ко двору, сохранял за собою и другие подобные отличия, но не принимал более участия ни в совещаниях, ни в ежедневных царских беседах. Когда в следующие засим дни царь снова отправлялся морем из Лехея в Фокиду ради задуманных приобретений, то взял с собою и Апеллу. Но план Филиппа не удался, и он от Элатеи повернул назад.

¹ 24 12.

27 Около того времени Мегалей бежал в Афины, покинув Леон-
2 тия поручителем на двадцать талантов,¹ потом, когда афинские
3 стратеги не приняли его, он пошел дальше в Фивы. Между тем
царь выступил в море из области Кирры и с гипаспистами прибыл
в сиционскую гавань, оттуда поднялся в город, там отказался от
4 гостеприимства архонтов и жил у Арата; с ним Филипп проводил
время постоянно, а Апелле велел отплыть в Коринф. По полу-
чении известия о Мегалее царь отправил под начальством Тав-
риона тех пелтастов, коими командовал Леонтий, в Трифилию
под предлогом какого-то неотложного дела; а когда они ушли,
Филипп приказал отвести Леонтия к властям для взыскания с
5 него залога. Через вестника, отправленного к ним Леонтием, пел-
тасты узнали о случившемся и отправили к царю посольство с
такой просьбой: если он велел отвести Леонтия к подлежащему
начальству по какому-нибудь другому делу, то не производите
6 следствия по предмету обвинения в их отсутствии; «в противном
случае», говорили послы, «все пелтасты сочтут себя тяжко оби-
женными и оскорбленными»: такую свободой речи пользовались
7 македоняне со своими царями. «Если же», продолжали послы, «он
отведен по делу о поручительстве за Мегалея, то они сами со-
8 берут деньги в складчину и уплатят их». Подстрекаемый горячим
заступничеством пелтастов, Филипп лишил жизни Леонтия ско-
рее, чем предполагал до того.

28 Послы родосцев и хиосцев возвратились из Этолии.² Они за-
ключили тридцатидневное перемирие и заявили, что этоляне го-
2 товы кончить войну миром. При этом они назначили определен-
ный день, в который просили Филиппа явиться к Рию, и уверяли,
3 что этоляне пойдут на все уступки, лишь бы добиться мира. Фи-
липп согласился на перемирие и письменно приглашал союзников
прислать в Патры представителей для участия в совещаниях и
для обсуждения условий мира с этолянами, сам вышел из Лехея
4 и на другой день прибыл морем в Патры. Но в это время ему
доставлены были из Фокиды письма Мегалея к этолянам, содер-
жавшие в себе увещание мужаться и упорствовать в войне, ибо
недостаток в средствах делает положение Филиппа отчаянным.
К этому Мегалей добавлял многие обвинения против царя и зло-
5 стные клеветы. По прочтении писем Филипп не сомневался, что
виновник всех зол есть Апелла, а потому немедленно отправил
его под стражей в Коринф, вместе с ним сына его, а также лю-
6 бовника. К Мегалею в Фивы он послал Александра с поручением
7 доставить его властям по делу о поручительстве. Александр ис-
полнил приказание, но Мегалей не стал дожидаться исхода дела
8 и сам наложил на себя руки. Случилось так, что в те же дни
9 кончили жизнь Апелла, сын его и любовник. Таков был конец
этих людей, заслуженный больше всего бесчестным поведением
их относительно Арата.

29 Между тем этоляне, удручаемые войною, спешили заключить
2 мир, так как расчеты их не оправдывались ходом событий: они
надеялись было увидеть в Филиппе незрелого мальчика, слишком
юного и неопытного, а на самом деле нашли в нем совершен-
нолетнего мужа как в замыслах, так и в исполнении их, сами

¹ 15 9.

² 24 11.

же оказались в отдельных поступках и в общем ведении дел ничтожными детьми. Однако, когда к ним приходили вести о волнении пелтастов, а равно о гибели Апеллы и Леонтия, этоляне ждали серьезной и опасной придворной смуты, поэтому затягивали и откладывали условленный день для переговоров в Рию. С другой стороны Филипп с радостью воспользовался этим предложением, ибо твердо был уверен в успехе войны, да и раньше уже он принял решение не доводить дела до заключения мира. Поэтому Филипп обращался теперь с увещанием к явившимся союзникам готовиться не к миру, а к войне, после чего снялся с якоря и снова отплыл к Коринфу. Всех македонян он отослал через Фессалию в Македонию на зимовку, сам снялся от Кенхрей, прошел вдоль Аттики через Эврип и пристал к Деметриаде; там в присутствии македонян произвел следствие над Птоломеем, уцелевшим еще из числа сообщников Леонтия, и казнил его.

К этому времени Ганнибал вторгся в Италию и при реке, именуемой Падом, расположился станом против римских войск.¹ Тогда же Антиох по завоевании большей части Койлесирии возвратился снова на зимовку,² а царь лакедемонян Ликург из страха перед эфорами бежал в Этолию. Дело в том, что эфоры по получении ночного доноса, будто царь помышляет о перевороте, собрали ночью молодежь и явились к его дому; но Ликург был заранее предупрежден и бежал со своими рабами.

С наступлением зимы царь Филипп возвратился в Македонию. Ахейского стратега Эперата пренебрегали собственные войска и ни во что не ставили наемники; поэтому никто не исполнял его распоряжений, и ничего не было готово для защиты страны.³ Это принял во внимание Пиррий, присланный от этолян военачальником к элейцам. Имея с собою около тысячи трехсот этолян и элейских наемников, а также из элейских граждан около тысячи человек пехоты и двухсот конницы, всего тысячи три войска, он беспрепятственно опустошал поля не только димеян и фариян, но и патрян. Наконец Пиррия расположился станом на горе, именуемой Панахейскою и возвышающейся над городом патрян, и опустошал всю страну по направлению к Рию и Эгию. В виду этого ахейские города, будучи удручаемы войной и не получая помощи, весьма неохотно уплачивали дань,⁴ столь же неохотно шли на помощь солдаты, потому что получали жалованье неисправно, позже срока. Так как обе стороны платили равною монетою, то положение дел становилось все хуже, и наконец наемное войско разбрелось. Все это было следствием неспособности человека, стоявшего во главе союза. В таком положении были ахеяне, когда Эперат сложил с себя должность по окончании служебного года, и ахеяне в начале лета выбрали себе в стратеги Арата старшего.

Так было в Европе. И деление времени, и завершение событий дают нам удобный случай перейти к событиям в Азии, совершившимся в ту же олимпиаду, что и рассказанные выше, а потому теперь мы будем говорить о них.

¹ III 66.

² 58—61.

³ Ср. I 2. 5 II.

⁴ Ср. IV 60.

31 Прежде всего, согласно первоначальному плану,¹ мы поста-
раемся изложить войну, возникшую из-за Койлесирии между Ан-
2 тиохом и Птолемеем.² Мы хорошо знаем, что завершение и конец
этой войны подходят очень близко к тому времени, на котором
остановилось наше описание эллинских событий; тем не менее
3 мы избираем такое начало и деление для предстоящего повест-
тования. И в самом деле, чтобы любознательные читатели не
ошибались в определении времени отдельных событий, для этого
мы даем им, как кажется, достаточное средство, приурочивая на-
4 чало и конец каждого события к тому или другому времени те-
кущей олимпиады и сближая с одновременными событиями Эл-
лады. Чтобы изложение наше было понятно и ясно, мы считаем
5 нужнее всего не перемешивать между собою событий этой олим-
пиады, но по мере возможности разделять и различать их, пока
6 не дойдем до следующих олимпиад; тогда будем излагать совпа-
дающие во времени события год за годом. Мы ведь поставили
себе задачу описание событий не у некоторых только, но у всех
народов, и можем сказать, как мы выражались и раньше,³ что
7 план нашего повествования гораздо обширнее всех предшество-
вавших; поэтому нам необходимо приложить особенную забот-
ливость к обработке и упорядочению рассказа, дабы построение
нашего труда отличалось ясностью как в отдельных частях, так
8 и в целом. Вот почему и теперь по отношению к царствованию
Антиоха и Птолемея мы возвратимся немного назад и постара-
емся установить неоспоримое, хорошо известное начало нижесле-
дующего рассказа, что всего нужнее.

32 Если в старину говорили, что начало — половина целого, то
этим самым желали показать, что в каждом деле следует больше
2 всего стремиться к тому, чтобы положить хорошее начало. Хотя
выражение древних и кажется преувеличенным, однако, по мо-
ему мнению, оно все-таки слабее действительности. Смело можно
сказать, что начало не половина целого, но простирается до са-
3 мого конца. Неужели возможно прекрасно начать что бы то ни
было, если не обнимаешь мыслью самого конца твоего предпри-
4 ятия, если не знаешь, куда следует направлять задуманное пред-
приятие, к какой цели и ради чего? С другой стороны, каким
образом возможно составить себе правильное понятие о целом,
если тут же не принимается во внимание начало: откуда, каким
5 путем и какими средствами ты пришел к данным действиям? Та-
ким образом, мы убеждаемся, что начало простирается не до се-
редины, но до самого конца дела, а потому говорим ли мы о це-
лом, или слушаем, необходимо обращать наибольшее внимание
на начало. Это мы и стараемся сделать теперь.

33 Впрочем, мне не безызвестно, что и многие другие историки
говорят о себе то же самое, что и я, уверяя, что они намерены
писать всеобщую историю, и что труд их важнее всех предше-
2 ствавших. За исключением Эфора, первого и единственного пи-
сателя, давшего опыт всеобщей истории, я не желаю распро-
страняться об этих историках или отличать кого-либо из них по
3 имени от прочих, и упомяну только, что некоторые современные

¹ I 3 1. III 2 4.

² Антиох III Великий, Птолемей Филадельф.

³ I 4—5.

нам историки, на трех-четырех страницах рассказав войну между римлянами и карфагенянами, выдают это за всеобщую историю. Между тем нет человека, столь несведущего, который бы не знал, что тогда же совершались многочисленнейшие и знаменательнейшие события в Иберии и Ливии, а равно в Сицилии и Италии, что самая значительная и продолжительная война, за исключением сицилийской,¹ была Ганнибалова и что все мы в тревоге за исход этой важной войны вынуждены были останавливать на ней взоры наши. Есть, однако, историки, ведущие свой рассказ с большею еще краткостью, чем те люди, которые в своих летописях записывают события на стенах попросту в летописном порядке, и такие историки утверждают, что они обнимают все деяния Эллады и варварских земель. Происходит это от того, что на словах очень легко браться за самые важные предприятия и очень трудно довести до конца какое-либо серьезное дело. Вот почему первое доступно каждому, можно сказать даже всем, у кого есть только хоть немного смелости; второе, наоборот, слишком редко и удается немногим смертным. Высказать это заставляет меня хвастливость людей, превозносящих и самих себя, и свои сочинения. Теперь возвращаюсь к началу обещанного рассказа.

Птолемей, прозванный Филопатором, немедленно после смерти отца погубил брата своего Магаса² и его пособников и вступил в управление Египтом. Он полагал, что этой казнью и собственными силами освободил себя от домашних врагов, а от опасностей извне охранила его судьба, ибо по смерти Антигона и Селевка власть наследовали Антиох и Филипп, цари совершенно юные, чуть ли не дети. Вот почему, рассчитывая на прочность тогдашнего положения, Птолемей время царствования проводил в веселье. Беспечный и труднодоступный для придворных и прочих чинов Египта, он был равнодушен и небрежен по отношению к людям, ведавшим внешнегипетскими делами. Между тем предшественники его обращали на них не только не меньше, скорее больше внимания, нежели на управление Египтом. Потому-то они угрожали царям Сирии с суши и с моря, ибо владели Койлесирией и Кипром. Они зорко следили за владыками Азии, а равно за островами, ибо господствовали над важнейшими городами, областями и гаванями на всем морском побережье от Памфилии до Геллеспонта и до области Лисимахии. Они же наблюдали за делами Фракии и Македонии, так как во власти их были Эн, Маронея и города далее лежащие. Таким образом, предшественники Птолемея далеко простирали свои руки и издали ограждали себя этими владениями, поэтому им нечего было страшиться за власть над Египтом. Отсюда понятно, почему они обращали большое внимание на внешние владения. Ко всему этому теперешний царь относился небрежно, отдаваясь непристойной любви, неумеренным и непрерывным попойкам. Как и следовало ожидать, очень скоро нашлось много людей, которые злоумышляли на его жизнь и власть. Первым из них был спартанец Клеомен.³

¹ Сицилийская, т. е. Пуническая, война.

² 36 г. XV 25.

³ II 69 кон.

Египетские
дела и Пто-
лемей Фило-
патор

35 При жизни Птолемея, прозванного Эвергетом, с коим он был
Клеомен в связан союзом и договором, Клеомен оставался спокойным в по-
Александрии стоянном ожидании, что через него получит необходимую под-
2 держку и возвратит себе царское наследие отцов. Но когда Эвер-
гет умер и время уходило, а положение дел в Элладе чуть не
по имени призывало туда Клеомена, потому что Антигона не ста-
ло, ахеяне заняты были войною, лакедемоняне соединились с это-
3 льянами в общей ненависти к ахеянам и македонянам согласно
первоначальным замыслам и намерениям Клеомена,¹ тогда сей
4 последний видел себя еще более вынужденным спешить и доби-
ваться отъезда из Александрии. Прежде всего он обратился к ца-
5 рю с просьбою отослать его в Элладу с необходимыми запасами
и с войском, а когда царь не внял этому, Клеомен настойчиво
6 просил отпустить его одного с собственными слугами, ибо, гово-
рил он, теперешние отношения дают ему удобный случай воз-
7 вратить себе отцовскую власть. Однако царь, вовсе не входивший
в подобные дела и по объясненным выше причинам беспечный
8 относительно будущего, по простоте и глупости не обращал ни-
9 какого внимания на все доводы Клеомена. Сосибий, в то время
имевший наибольшее влияние на дела, и друзья его устроили со-
10 вещание и приняли против Клеомена такого рода решение: не
посылать его с флотом и запасами, ибо со смертью Антигона они
11 пренебрегали внешними делами и расходы на них почитали на-
12 прасными. К тому же они опасались, что Клеомен, у которого
со смертью Антигона не оставалось ни одного равносильного со-
перника, может быстро и без борьбы покорить своей власти Эл-
13 ладу и стать могущественным и грозным врагом египтян, тем бо-
лее что положение дел в Египте он наблюдал сам вблизи, пре-
зирав царя, кроме того, знал, что многие части египетского цар-
ства находятся лишь в слабой связи с центром, весьма удалены
от него и содержат в себе большие средства для военных пред-
14 приятий. Так, у Самоса было немало кораблей, а в окрестностях
15 Эфеса большое число воинов. По этим-то причинам Сосибий и
друзья его отвергали предложение Клеомена об отсылке его в Эл-
ладу с военными средствами. С другой стороны, пагубным каза-
лось отпустить подобного человека, обиженного ими, явного не-
16 друга их и врага. Оставалось одно: удерживать его в Египте на-
сильно. Но и это было отвергнуто тут же всеми без дальнейших
рассуждений, так как они находили небезопасным запирать вме-
сте в одной закуте льва и овец. Больше всех боялся этого Со-
17 сибий, и вот по какой причине: в то время, как шла речь об
умерщвлении Магаса и Береники, они опасались, что замысел
может не удасться, больше всего благодаря решимости Береники,
а потому вынуждены были подкупать всех придворных лестью
2 и обещаниями наград, если дело кончится благополучно. При-
нимая в соображение, что Клеомен нуждается в помощи царя,
что, с другой стороны, он — человек умный и умудренный опы-
3 том, Сосибий старался задобрить его щедрыми обещаниями и
4 посвятил его в свои замыслы. Клеомен видел, в какой тревоге
пребывает Сосибий и как он больше всего боится иноземцев и
наемников, и успокаивал его уверениями, что наемники не будут
4 мешать ему, напротив, помогут еще. Обещание это сильно уди-

¹ IV 35.

вило Сосибия. Тогда Клеомен сказал: «Разве ты не видишь, что тысячи три иноземцев пелопоннесцы и почти тысяча — критяне? Одно мое мановение, и все они готовы к услугам. Раз они будут с тобою, кого тебе бояться?» «Быть может», сказал он, «сириян и каров?» Сосибиию приятно было слышать это, и он с удвоенным рвением повел дело против Береники. Впоследствии при виде беспечности царя ему всегда припоминались эти слова, и перед глазами его носились отвага Клеомена и привязанность к нему иноземцев. Вот почему теперь он больше всего внушал царю и на персникам его, что, пока еще есть время, необходимо схватить Клеомена и заключить в тюрьму. Исполнению этого замысла помогло следующее обстоятельство: был некий мессенец Никагор. По наследству от предков он был проксеном лакедемонского царя Архидама. В прежнее время лица эти сносились друг с другом изредка. Но когда Архидам из страха пред Клеоменом бежал из Спарты и удалился в Мессению, Никагор не только радушно принял его в своем доме и удовлетворял все нужды его, но дальнейшее общение привело их к тесной дружбе и единомыслию. Поэтому впоследствии, когда Клеомен заронил в душе Архидама надежду на возвращение в Лакедемон и примирение, Никагор принял на себя посредничество по заключению договора между ними с обоюдными обязательствами. Когда условия были приняты, Архидам возвратился в Спарту, полагаясь на заключенный при посредстве Никагора договор. Клеомен вышел навстречу ему, самого Архидама убил, но пощадил Никагора и прочих спутников царя. Для посторонних Никагор делал вид, будто за свое спасение чувствует признательность к Клеомену, но в душе он скорбел о случившемся, ибо почитал себя виновником гибели царя. Незадолго до описываемых нами событий Никагор прибыл с лошадьми в Александрию. При высадке с корабля он повстречался с Клеоменом, Пантеем и вместе с ними с Гиппитом; они гуляли в гавани по дамбе. При виде Никагора Клеомен подошел к нему, ласково приветствовал и расспрашивал, что привело его в Александрию. Тот отвечал, что привез лошадей. Тогда Клеомен сказал: «Как бы хорошо было, если бы вместо лошадей ты привез с собою любовников и арфисток: теперешний царь занят этим всецело». В то время Никагор рассмеялся и замолчал; несколько дней спустя, ближе познакомившись с Сосибием по делу о лошадях, он передал ему только что приведенные слова Клеомена; а когда заметил, что Сосибий слушает его с удовольствием, Никагор рассказал все о давней неприязни своей к Клеомену.

Сосибий видел враждебное настроение Никагора против Клеомена и частью предложенными тут же подарками, частью обещаниями склонил его написать письмо с обвинением на Клеомена и запечатанное покинуть в Египте, затем, когда Никагор через несколько дней уедет отсюда, раб должен доставить ему, Сосибиию, это письмо, как бы присланное самим Никагором. Никагор сделал свое дело; по отплытии его из Александрии раб принес письмо Сосибиию; сей последний тотчас вместе со слугою и с письмом в руках предстал пред царем. Слуга рассказал, что письмо оставлено ему Никагором с приказанием вручить его Сосибиию, а письмо гласило, что Клеомен намерен поднять восстание против царя, если только не будет отправлен в Элладу с достаточным войском и припасами. Сосибий тут же воспользовался случаем и подстрекнул его принять немедленно меры безопасности

7 и заключить Клеомена под стражу, что и было сделано. Клеомену
отвели какой-то очень большой дом, где и содержали его под над-
зором с тем только отличием от простых узников, что помеще-
8 нием для царя служила более просторная тюрьма. Положение в
настоящем и ожидание мрачного будущего побуждали Клеомена
испытать последнее средство не столько потому, что он рассчи-
9 тывал на удачу предприятия, — для этого у него не хватало
средств, — сколько для того, чтобы умереть с честью и не пре-
10 терпеть чего-либо недостойного его прежней отваги. Кроме того,
Клеомена, как мне по крайней мере кажется, воодушевляла та
же мысль и то самое желание, какими обыкновенно руководст-
вуются гордые характеры:

«Но не без дела погибну, в прах я паду не без славы:
Нечто великое сделаю, о нем и потомки услышат!»¹

39 Выждав отъезда царя в Каноб, Клеомен распустил молву меж-
ду стражами, будто царь дарует ему вскоре свободу. По этому
случаю сам он угощал своих слуг, а стражам послал жертвенного
2 мяса, венков и вина. Ничего не подозревая, стража наслаждалась
яствами и вином, а когда опьянела, Клеомен в сопровождении
находившихся при нем друзей и собственных слуг вышел в пол-
день из заключения, не замеченный стражею; все были с кин-
3 жалами в руках. Проходя дальше, они повстречались на улице
с Птолемеем, оставленным на это время в городе в звании на-
чальника, и неожиданностью появления навели такой ужас на
спутников Птолемея, что самого его стащили с колесницы, за-
пряженной четвернею, лишили власти, а народ призывали к сво-
4 бode. Но предприятие было совершенно неожиданно, и потому
никто не слушал их и не присоединялся к восстанию. Тогда мя-
тежники повернули в сторону и устремились к акрополю с целью
5 сломать ворота и соединиться с заключенными. Однако и этот
план не удался, потому что начальники акрополя догадались и
укрепили ворота. После того они с мужеством, достойным спар-
танцев, наложили на себя руки.

6 Так кончил жизнь Клеомен, человек искусный в обращении,
способный к ведению государственных дел, словом, самую при-
родоу предназначенный в вожди и цари.

40 Немного спустя отложился от царя Феодот, правитель Кой-
519 лесирии, по происхождению этолиец. Он презирал царя за его
Дела в Сирии распутство и характер вообще, не доверял его придворным, ибо
2 незадолго до этого он оказал царю важные услуги в разных слу-
чаях, особенно при первом нападении Антиоха на Койлесирию,
и не только не получил за это никакой благодарности, напротив:
3 вызванный в Александрию, он едва не потерял жизни. По этим
причинам Теодот и вознамерился теперь начать переговоры с Ан-
тиохом и передать ему все города Койлесирии. Антиох охотно
4 принял предложение, и дело скоро было улажено. Дабы остаться
верным себе и в отношении этого дома, мы возвратимся ко вступ-
лению Антиоха на царство и с этой поры сделаем краткий обзор
событий до начала войны, которая будет рассказана ниже.

5 Антиох был младший сын Селевка, прозванного Каллиником.
246—227 По смерти отца, когда царскую власть по праву старшинства на-

¹ Ил. XXII 304 (перев. Гнедича).

следовал брат его Селевк, он сначала переселился в верхние области и жил там. Потом, когда Селевк с войском перевалил через Тавр и, как мы упоминали выше,¹ был предательски убит, царскую власть принял на себя сам Антиох, управление землями по сю сторону Тавра доверил Ахею, а верхние области царства передал Молону и брату его Александру: Молон был сатрапом Мидии, а брат его — Персии. 7 223

Оба эти правителя в презрительном отношении к юному царю, 41 в надежде приобщить к своим замыслам Ахея, а больше всего в 222 страхе перед жестоким и коварным Гермием, в то время заправлявшим всеми делами государства, задумали отложиться от царя и отторгнуть от него верхние сатрапии. Что касается Гермия, то 2 он был родом из Карики, а властного положения достиг в то время, когда Селевк, брат Антиоха, отправляясь в поход к Тавру, доверил ему управление государством. Облеченный такими полномочиями, он завидовал всем, кто занимал выдающееся положение при дворе. Жестокий по природе, Гермий наказывал одних за ошибки, обращаемые им в преступления, против других измышлял важные обвинения и был беспощадным и суровым судьей. Но главным, над всеми прочими господствующим стремлением 4 его было погубить Эпигена, который привел назад войска, вышедшие в поход с Селевком. Дело в том, что Гермий видел в нем человека, способного говорить и действовать и пользующегося в войсках большим расположением. Задавшись этим, Гермий 5 не переставал выжидать какого-либо случая или предлога для того, чтобы погубить соперника. Когда по поводу восстания Молона 6 собрался совет и царь предоставил каждому высказать открыто свое суждение о мерах против мятежников, Эпиген первый подал 7 совет не медлить и действовать неотложно. По его мнению, важнее всего было, чтобы царь сам отправился в те области и находился на месте действия. В присутствии царя, когда он предстанет перед народом с сильным войском, Молон и соумышленники его, говорил Эпиген, или вовсе не дерзнут продолжать дело возмущения, или же, если и отважатся упорствовать в своих злоумышлениях, скоро будут схвачены народом и доставлены царю. 9

Эпиген еще не кончил, как на него с яростью напал Гермий. 42 «Давно уже», говорил Гермий, «Эпиген был скрытым злоумышленником и предателем царя, а теперь, к счастью, советом своим 2 выдал себя, ибо добивается того, чтобы предать царя с небольшой свитой в руки мятежников». На сей раз Гермий только как бы 3 посеял семена клеветы и оставил Эпигена в покое, обнаружив не столько свою ненависть, сколько неуместную запальчивость. Сам он при подаче мнения не советовал ходить на Молона, ибо 4 вследствие неопытности в военном деле страшился войны с ним; напротив, рвался в поход на Птолемея, почитая войну с беспечным царем неопасной. Запугав всех участников совета, Гермий 5 отправил против Молона войско под командою Ксенона и Теодота Гемииолия; вместе с тем не переставал подстрекать Антиоха к завоеванию Койлесирии. Он рассчитывал остаться безнаказанным 6 за прежние преступления и сохранить за собою приобретенную власть в том только случае, если юный царь, теснимый со всех сторон войною, будет нуждаться в его услугах среди опасностей

¹ IV 48 г.

- 7 и непрерывных войн. Вот почему он сочинил наконец письмо, будто бы присланное от Ахея, которое и доставил царю. Письмо гласило, что Птолемей убеждает его, Ахея, добиваться власти и при этом обещает поддержку флотом и деньгами во всех начинаниях, если он возложит на себя диадему и открыто перед всеми 8 заявит свои притязания на власть, на деле принадлежащую ему и теперь, что сам он не желает царского звания и отказывается от венца, дарованного ему судьбою. Царь поверил содержанию письма и горел желанием идти войною в Койлесирию.
- 43 Царь был в Селевкии, что подле Зевмата, когда явился к нему начальник флота Диогнет из Каппадокии у Эвксина с Лаодикою, дочерью царя Митридата, девушкою, которая назначалась 2 в супруги царю. Митридат гордился происхождением от одного из семи персов, умертвивших мага, и тем, что владычество над землями у Понта Эвксинского он получил в непрерывном наследовании от предков, коим впервые оно даровано было Дарием.¹
- 3 Антиох встретил девушку с подобающе торжественностью и не- 4 медленно отпраздновал свадьбу с царским великолепием. По совершении брака он спустился в Антиохию, провозгласил Лаодику царицею и затем отдался приготовлениям к войне.
- 5 Тем временем Молон подготовил население своей сатрапии к упорнейшему сопротивлению, частью надеждами на предстоящую добычу, частью страхом, который внушал он вождям при помощи 6 угрожающих подложных писем от царя. Усердного пособника нашел он в брате Александре, а со стороны соседних сатрапий оградил себя подкупленною благосклонностью правителей, и с большим войском выступил против царских военачальников. Ксенон и Теодот, уstraшенные наступлением неприятеля, укрылись в го- 8 рода. Молон завладел областью Аполлониатиды и тем приобрел богатейшие средства к войне. Впрочем, он был грозен и до этого благодаря обширности своих владений.
- 44 Дело в том, что все царские табуны лошадей находятся в руках мидян; у них же в чрезвычайном изобилии имеются хлеб и 2 скот. Что касается природной укрепленности и обширности страны, то едва ли возможно изобразить их достойным образом словами. Мидия расположена в середине Азии и по сравнению с другими частями материка отличается величиною и высотой поло- 4 жения. Потом, она господствует над самыми воинственными и многолюднейшими народами. Так, со стороны востока и обращенных к востоку частей простирается пустынная равнина, лежащая 5 между Персией и Парфией; она возвышается и господствует над Каспийскими воротами, примыкает к горам тапиров, находящимся недалеко от Гирканского моря. Южными склонами она до- 6 ходит до Месопотамии и области Аполлониатиды, тянется вдоль Персии, от которой защищена горою Загром. Гора эта имеет подъем 7 стадий во сто² и во многих местах то разрывается на отдельные цепи, то снова смыкается в один кряж. Ее пересекают глубокие впадины, а в некоторых местах долины, населенные коссееми, корбренами, кархами и многими другими варварскими племена- 8 ми, которые почитаются весьма искусными в военном деле. Западными частями Мидия примыкает к так называемым атро-

¹ Герод. III 61—63. 68—79.

² 2¹/₂ м.

патиям, а эти последние живут недалеко от народов, граничащих с Эвксинским морем. Обращенные к северу части Мидии окружены элимеями, аниараками, а также кадусиями и матианами, и возвышаются над теми частями Понта, которые граничат с Метидою. Самая Мидия перерезана от востока до запада весьма многими горами, между которыми лежат равнины, густо занятые городами и деревнями.

Располагая этой страной, имеющей все принадлежности царства, Молон, как я сказал выше,¹ давно уже был грозным вла- 45
дыкою благодаря обширности своих владений. Теперь же, когда 2 Могушество
казалось, царские военачальники уступают ему поле сражения, 2 Молона
и мужество собственных его войск возросло после первых удач, Молон представлялся всем народам Азии не в меру опасным и несокрушимым. Поэтому он вознамерился перейти прежде всего 3 Тигр и осадить Селевкию. Но переправе его помешал Зевксид, 4 захвативший речные суда. Тогда Молон отступил в лагерь к городу, именуемому Ктесифонтом, где занялся устройением зимних квартир для войска.

По получении известия о походе Молона и отступлении своих 5 военачальников царь снова готов был идти на Молона, отказавшись от похода против Птолемея, дабы не пропустить удобного времени. Однако Гермий, неизменно преследуя первоначальный 6 план, отправил против Молона ахейца Ксенойта в звании полновластного военачальника с войском. Он говорил при этом, что с мятежниками должны воевать военачальники, самому царю подобает воевать и вести решительные битвы с царем. Юного царя 7 Гермий держал в своей власти, а потому сам выступил в поход, собрал войска в Апамею и, снявшись оттуда, прибыл к Лаодикее. Из Лаодикей он двинулся в поход во главе всего войска, 8 прошел пустыню и вторгся в долину, называемую Марсией; лежит она между склонами Ливана и Антиливана и горами этими суживается в теснину. Наиболее узкая часть этой местности занята посередине болотами и озерами, на которых срезывается тростник, дающий благовонное масло.

С одной стороны над тесниной господствует поселение, именуемое Брохами, с другой — Герры, а между ними остается узкий проход. После нескольких дней пути по названной выше долине 2 и по завоевании прилегающих к этому пути городов Гермий предстал перед Геррами. Там он узнал, что этолиец Теодот успел уже 3 занять Герры и Брохи, ущелье вдоль озера укрепил канавами и окопами и расположил стражу на удобных пунктах, а потому он решил действовать прежде всего силою. Но так как местность была 4 укреплена самою природою и Теодот оставался еще непоколебимо верным Молону, то Гермий сам понес большие потери, чем те, какие причинил неприятелю, и отказался от своего решения. В таком трудном положении находился Гермий в этой местности, когда получена была весть, что Ксенойт разбит наголову, что Молон овладел всеми верхними областями; тогда Гермий приостановил начатый поход и поспешил на защиту собственных владений.

Ксенойт, как я сказал выше,² был отправлен в звании полномочного военачальника и получил власть, превзошедшую его

¹ 43 г.

² 45 г.

- ожидания; с друзьями он держал себя слишком высокомерно, а в нападениях на врага проявлял большую неосторожность. По прибытии в Селевкию он призвал к себе наместника Сусиани Диогена и наместника Эрифрейского моря Пифиада и выступил с войсками в поход; под прикрытием реки Тигра он расположился станом против неприятеля. Очень многие воины переплывали к нему из стоянки Молона и уверяли, что, лишь только он переправится на другой берег реки, как все войско Молона перейдет на его сторону, ибо, говорили они, войска ненавидят Молона и вполне преданы царю. Ободренный этим, Ксенойт решил перейти Тигр. Он делал вид, что желает перекинуть мост в том месте, где река образует остров, но при этом не предпринимал ничего, что требовалось; поэтому притворное предприятие ничуть не озабочивало Молона с товарищами. На самом деле Ксенойт с большим старанием собирал и оснащал суда. Потом из всего войска он отобрал храбрейших конных и пеших воинов, начальниками стоянки оставил Зевксида и Пифиада, ночью вдоль реки спустился стадий на восемьдесят¹ ниже лагеря Молона; благополучно переправил на судах свои войска и еще ночью разбил палатки на удобном месте, окруженный почти со всех сторон рекою или защищенный болотами и трясинами.
- 47 При виде этого Молон отрядил конницу в надежде, что легко задержит врагов, которые еще переправляются, и уничтожит переправившихся. Конница приблизилась к войскам Ксенойта; при незнакомстве ее с местностью не было даже нужды в руке неприятеля: конные воины сами погружались в воду и вязли в трясилах, вследствие чего все делались неспособными к битве, а многие погибали. Ксенойт был уверен, что с его приближением войска Молона перейдут на его сторону, поэтому поднялся вверх по реке и расположился станом вблизи неприятеля. Но в то же самое время Молон, — была ли это военная хитрость, или он не полагался на свои войска и действительно опасался того, на что рассчитывал Ксенойт, — покинул обоз в лагере ночью и двинулся ускоренным маршем по направлению к Мидии. Ксенойту показалось, что Молон, уstraшенный его нападением и не доверяющий собственным войскам, убегает, а потому прежде всего напал на неприятельский лагерь и овладел им; затем приказал переправить к нему его собственную конницу с обозом из стоянки Зевксида. Засим он собрал свои войска, ободрял их, предказывал благополучный конец борьбы, так как Молон бежал. После этой речи Ксенойт отдал приказ всем воинам подкрепить себя и освежить, ибо намеревался пуститься в погоню за неприятелем неотложно ранним утром.
- 48 Войско Ксенойта, исполненное самоуверенности и снабженное всевозможными припасами, предавалось обжорству и пьянству, а затем беспечному отдыху, обыкновенно следующему за подобным возбуждением. Между тем Молон, прошедший уже было значительное расстояние, после ужина вдруг повернул назад и прибыл сюда же. Всех воинов Ксенойта он нашел валяющимися и пьяными и на рассвете ударил на их стоянку. Пораженные неожиданностью происшествия, Ксенойт и товарищи его не могли разбудить пьяных солдат и, безрассудно ринувшись на врагов,

¹ 2 мили.

были убиты; что касается спавших, то большинство их было перебито в постелях, а остальные бросались в реку и пытались переправиться в лагерь на противоположный берег; но и эти большей частью погибли. Страшная сумятица и беспорядок охватили весь стан, ибо все были встревожены и перепуганы. Кроме того, так как противоположный лагерь находился на виду, в небольшом расстоянии, то воинам не приходило на мысль ни быстрота течения, ни трудности переправы: столь велика была жажда жизни. В испуге, увлекаемые желанием спастись, они бросались в реку, туда же загоняли вьючный скот с ношею, как бы в надежде на то, что сама река позаботится о них и поможет им добраться невредимыми до противоположной стоянки. Вследствие этого река представляла тягостное необычайное зрелище, ибо вместе с плывущими людьми неслись по ней лошади, вьючный скот, вооружение, трупы и разная рухлядь. Молон между тем овладел лагерем Ксенойта, потом беспрепятственно переправился через реку, так как никто не противодействовал ему: при его наступлении бежал и Зевксид, стоянкою которого Молон также завладел. После этих побед он во главе войска предстал перед Селевкийей. Благодаря бегству Зевксиды и его войска, а вместе с ними и правителя Селевкии Диомедонта Молон овладел и Селевкийей с первого набега, после чего на дальнейшем пути покорял без боя верхние сатрапии. По завоевании Вавилонии и области у Эрифрейского моря он явился под Сузами. И этот город взят был с набега; но Молон не мог ничего сделать с Акрополем, потому что военачальник Диоген успел проникнуть в него заблаговременно. По этой причине Молон отказался от попытки, оставил здесь воинов для осады и, поспешно снявшись, возвратился в Селевкию, что на Тире. Здесь Молон обнаружил большую заботливость о войске и, обратившись к нему с увещанием, перешел к дальнейшим предприятиям, овладел Парапотамией до города Европа и Месопотамией до Дур.

По получении известий об этом Антиох, как я упомянул выше,¹ отказался от своих видов на Койлесирию и направил силы в эту сторону.

В таких-то обстоятельствах снова собрался совет,² и царь предложил высказаться о мерах, какие следовало принять против Молона, и на сей раз первым говорил Эпиген. Относительно тогдашнего положения дел он заметил, что, согласно его прежнему совету, не подобало терять время в ожидании и допустить такое усиление врага, что, по его мнению, и теперь необходимо взяться за дело со всем усердием. В ответ на это раздраженный Гермий снова бессмысленно и с ожесточением начал бранить Эпигена. Превознося себя похвалами, он возводил на Эпигена нелепые вымышленные обвинения и заклинал царя отнестись к делу внимательнее и не покидать надежды на завоевание Койлесирии. Эта речь раздражала всех, неприятна была самому Антиоху, которому после больших усилий к примирению спорящих едва удалось положить конец перебранке. Но так как советники царя находили мнение Эпигена более отвечающим тогдашним нуждам и более выгодным, то и восторжествовало предложение идти на Молона

¹ 46 с.

² Ср. 41.

- 7 и заняться прежде всего этим делом. Гермий не преминул показать вид, что присоединяется к этому мнению, отказывается от прежнего, и заявил, что все без всяких отговорок обязаны подчиняться принятому решению. В приготовлениях к этому походу он обнаружил большую ревность.
- 50 Когда войска были в сборе в Апаmee, и в среде их начались 2 волнения из-за недополученного жалованья, Гермий воспользовался тем, что наступившие при таких обстоятельствах смуты встревожили и напугали царя, и пообещал уплачивать жалованье всем войскам, если царь уступит ему, и Эпиген не пойдет с ними 3 в поход; ибо, говорил он, надлежащее исполнение военного предприятия невозможно при столь сильной вражде между ними и 4 разладе. Царю тяжело было слышать это, и ему хотелось, чтобы Эпиген с его опытностью в военном деле во что бы то ни стало 5 участвовал в походе; однако опутанный, связанный по рукам и ногам коварством Гермия, его шпионами и лестью, царь не признал более себе и под давлением обстоятельств исполнение 6 просьбу Гермия. Когда Эпиген по приказанию царя возвратился 7 в Апамею, члены совета боялись волнений; но настроение войска, когда требования их были удовлетворены, изменилось, и они, за исключением киррестян, относились благожелательно к Гермия 8 за выдачу им жалованья. Киррестяне подняли восстание, в числе тысяч шести человек отложились от царя и довольно долгое время причиняли ему большие хлопоты. Наконец одним из царских военачальников они были разбиты в сражении, причем большая 9 часть была истреблена, остальные отделились на волю царя. Гермий подчинил себе «друзей» страхом, войска признательностью за услуги, снялся с царем со стоянки и продолжал поход.
- 10 Против Эпигена он в сообществе с хранителем апамейского 11 Акрополя Алексидом повел такого рода козни: написал письмо, как бы идущее от Молона к Эпигену, и, подкупив одного из слуг его обещанием большой награды, уговорил отнести письмо в дом 12 Эпигена и вложить в его бумаги. Вслед за сим к Эпигену явился Алексид с расспросами, не получал ли он каких писем от Молона. 13 Когда на это последовал отрицательный ответ, Алексид грубо потребовал допустить его к обыску. Войдя в дом, он тотчас нашел 14 письмо и под этим предлогом тут же умертвил Эпигена. После этого происшествия царь был убежден, что смерть постигла Эпигена заслуженно: придворные, хотя подозревали всю правду, но в страхе молчали.
- 51 По прибытии к Евфрату Антиох дал отдохнуть своему войску и отправился дальше. В Антиохию, что в Мигдонии, он пришел около зимнего солнцестояния¹ и там остановился с целью пере- 2 ждать наступившую самую суровую пору зимы. Пробыл он здесь 220 3 дней сорок, затем пришел в Либбу. На состоявшемся совещании о том, какой дорогой идти на Молона, каким образом и откуда добыть средства для похода, — случилось так, что Молон находился в окрестностях Вавилона, — Гермий советовал продолжать путь вдоль Тигра, ограждая себя этой рекой, Ликом и Капром. 5 Зевксид, живо памятуя гибель Эпигена, боялся высказываться. Но так как предложение Гермия было явно ошибочным, то он отважился наконец подать совет, что следует переправиться через

¹ III 72; примеч.

Тигр; при этом перечислил трудности похода вдоль реки, указывал главным образом на то, что им предстояло пройти значительное расстояние, совершить шестидневный путь через пустыню и тогда только достигнуть так называемого Царского канала. Раз, говорил он, неприятель успеет заранее захватить этот канал, переправа через него становится невозможною, а обратное отступление через пустыню будет очень опасно больше всего по неизбежному недостатку в съестных припасах. Напротив, после переправы через Тигр можно рассчитывать на перемену в настроении населения Аполлониатиды и на присоединение ее к царю, тем более что и теперь жители этой области подчиняются Молону не добровольно, но по принуждению и из страха; кроме того, тогда наверное войска будут иметь съестные припасы в изобилии благодаря плодородию почвы. Но важнейший довод Зевксиды состоял в том, что в этом случае Молону будут отрезаны и обратный путь в Мидию, и получение оттуда продовольствия, вследствие чего он вынужден будет отважиться на битву, а если не пожелает этого, то войска не замедлят перейти на сторону царя.

Когда предложение Зевксиды восторжествовало, войска тотчас разделены были на три части и в трех местах началась переправа через реку людей и обоза. После этого войска направились к Дуррам, осажденным одним из начальников Молона, с первого набега освободили этот город от осады и не останавливаясь продолжали путь, на восьмой день перевалили через так называемый Орик и спустились к Аполлонии.

В это самое время Молон по получении известия о прибытии царя из недоверия к народам Сусианы и Вавилонии, которых он незадолго перед тем и совершенно неожиданно покорил своей власти, наконец из страха, как бы не был отрезан ему обратный путь в Мидию, решил перекинуть мост через Тигр и перевести войска на другой берег. Он стремился к тому, чтобы, если удастся, занять раньше Антиоха гористые части Аполлониатиды, полагаясь на полчище пращников, так называемых киртиев. Исполнив принятое решение, он подвигался вперед быстро и решительно. Лишь только Молон достиг названной выше местности, а в одно время с ним подошел со всех войском и царь из Аполлонии, легковооруженные обоих противников, посланные вперед, встретились между собою на нескольких перевалах. Первое время противники вступали в схватку и тревожили друг друга; но так как оба войска приближались, то легковооруженные разошлись. Возвратившись к своим стоянкам, войска расположились на расстоянии сорока стадий¹ одно от другого. С наступлением ночи Молон сообразил, насколько опасно и трудно будет мятежникам сражаться с войсками своего царя днем лицом к лицу, а потому решил напасть на Антиоха ночью. Отобрав храбрейших и сильнейших воинов из всего войска, он начал обходить врага в нескольких местах, дабы сделать нападение с возвышенности. Но по дороге Молон узнал, что десять юных воинов разом перебежали к Антиоху, вследствие чего отказался от предприятия, повернул назад и стал поспешно отступать. Раннее появление Молона в собственном стане вызвало во всем войске тревогу и смятение. Дело в том, что находившиеся в лагере воины были разбужены

¹ 1 миля.

и напуганы приближающимся войском и едва не бросились из
14 лагеря. Насколько можно было, Молон старался рассеять охва-
53 тившую их тревогу. Между тем царь, готовый к битве, на рас-
2 свете двинулся из стоянки со всем войском. На правом крыле
первыми поставил он конных копьеносцев под начальством Ар-
3 диса, человека испытанного в военных делах. Подле них поставил
союзных критян, к коим примыкали галаты ригосаги; рядом с
ними стали иноземцы и наемники из Эллады, вслед за которыми
4 поставлена фаланга. Левое крыло он отвел конным воинам, име-
нуемым гетайрами;¹ слонов числом десять он поставил в неко-
5 тором расстоянии один от другого впереди войска. Вспомогатель-
ные отряды пешие и конные царь разделил между флангами и
приказал им окружать неприятеля кольцом, как только начнется
6 битва. После этого он обходил войска и в немногих, отвечающих
положению словах ободрял их. Левое крыло он доверил Гермению
7 и Зевксиду, а правым командовал сам. С другой стороны, Молон
с трудом вывел войско из лагеря, встревоженное, расстроенное
8 после того смятения, какое было в предшествующую ночь. Тем
не менее конницу он разделил между обоими флангами сообразно
с построением неприятельской линии; щитоносцев, галатов и во-
9 обще тяжеловооруженных поместил в середину между конными
воинами; далее, стрелков из лука, пращников и все подобные
войска разместил на обоих флангах впереди конницы; снабжен-
ные косами колесницы поставлены были впереди войска в неко-
10 тором отдалении. Левое крыло он предоставил брату Неолаю, а
правым командовал сам.

54 Когда после этого войска перешли в наступление, правое кры-
ло Молона осталось неизменно верным своему вождю и храбро
сражалось с войсками Зевксиды; но левое, лишь только при встре-
че с неприятелем показалось на глаза царю, тотчас перешло на
2 его сторону. Это обстоятельство привело в уныние войска Молона
3 и удвоило мужество в царских войсках. При виде случившегося
Молон, уже окруженный со всех сторон, ясно представлял себе
грозящие муки в том случае, если живым попадет в плен во
4 власть неприятеля, и сам наложил на себя руки. Подобным об-
разом кончили жизнь и все прочие участники предприятия, раз-
5 бежавшиеся по домам. Что касается Неолая, то он покинул поле
битвы и по прибытии в Персию к брату Молона Александру²
умертвил мать и детей Молона, а по умерщвлении их лишил
6 жизни и себя, уговорив то же сделать и Александра. Царь предал
разграблению неприятельский стан, а труп Молона велел пове-
7 сить на кресте на самом видном месте Мидии, что немедленно
и исполнили палачи: они перевезли труп в Каллонитиду и при-
8 гвоздили к кресту у самого подъема на Загр. Вслед засим царь
обратился с длинной укоризненной речью к войскам, простил
их и назначил начальников, которые обязаны были отвести их
9 обратно в Мидию и привести в порядок дела страны. Сам Анти-
ох спустился к Селевкии, занялся восстановлением порядка в
окрестных сатрапиях, во всем поступая здраво и снисходительно.
10 Напротив, Гермий, верный своему характеру, выставлял обвине-
ния против жителей Селевкии, наложил на город пеню в тысячу

¹ XVI 18 7.

² 40 7.

1 талантов,¹ изгнал так называемых адейганов, многих селевкия
изувечил, пытал или лишил жизни. С трудом удалось царю по- 11
ложить конец жестокостям частью посредством увещания Гермия,
частью собственными мерами. Так восстановил он город, с кото-
рого взял только пеню в полтораста талантов² в наказание за со-
деянное преступление. После этих распоряжений царь оставил 12
Диогена начальником Мидии, а Аполлодора — Сусианы; Тихона,
первого секретаря в войске, он послал в звании начальника в об-
ласть при Эрифрейском море.³ Этим подавлены были восстание 13
Молона и вызванные им смуты в верхних сатрапиях, и восста-
новлен порядок.

Гордый достигнутыми успехами, царь пожелал пригрозить 55
владыкам варваров, живущих над его собственными сатрапиями
и в пограничных с ними, и напугать их, дабы впредь они не де-
рзали поддерживать мятежников доставкой припасов и войска,
а потому решил идти на них войною, прежде всего на Артаба-
зану. Этот последний почитался могущественнейшим и мудрей- 2
шим из владык и господствовал над так называемыми атропати-
ями⁴ и пограничными с ними народами. С своей стороны Гермий 3
при тогдашнем положении вещей страшился похода в верхние
страны по причине сопряженных с ним опасностей и, согласно
первоначальному плану, настаивал на походе против Птолемея.⁵
Однако, когда пришла весть о рождении сына у царя, Гермий 4
сообразил, что Антиох в верхних странах может погибнуть в
борьбе с варварами, или ему самому представится удобный слу-
чай лишить жизни царя, а потому изъявил свое согласие на поход
в той уверенности, что по умерщвлении Антиоха он в звании опе- 5
куна младенца получит верховную власть в свои руки. Когда ре- 6
шение это было принято, войска перевалили через Загр и втор-
глись в область Артабазаны, которая лежит подле Мидии, отде-
ляясь от нее только промежуточными горами; некоторые части 7
ее, что выше Фасиса, господствуют над Понтом, и область до-
ходит до Гирканского моря. В пределах ее живет народ воинст- 8
венный, преимущественно доставляющий конницу и вообще име-
ющий достаток во всем, что требуется для войны. Царство это 9
сохранилось еще от времен персов, ибо при Александре его про-
глядели. Артабазана испугался нашествия царя, больше всего 10
вследствие глубокой старости, покорился обстоятельствам и при-
нял договор на предложенных Антиохом условиях.

По заключении этого договора врач Аполлофан, нежно лю- 56
бимый царем и замечавший, что Гермий забывает уже всякие
пределы в своем властолюбии, начинал бояться за царя и еще
больше беспокоился и опасался за себя самого. Поэтому он вос- 2
пользовался первым удобным случаем, чтобы переговорить с Ан-
тиохом и убеждал его быть настороже, не закрывать глаз на коз-
ни Гермия и не дожидаться, пока его постигнет такая же судьба,
как и брата его. Опасность близка, уверял Аполлофан, а потому 2
необходимо позаботиться и принять меры безопасности относи-
тельно себя и друзей своих. В ответ на это царь сознался, что 4

¹ Около 1 500 000 руб.

² Около 220 000 руб.

³ Персидский залив.

⁴ 44 8 прим.

⁵ Ср. 42 4.

и сам он не любит и боится Гермия, что очень признателен ему за ту заботливость, с какою он решился заговорить с ним по этому предмету. Аполлофан стал смелее, видя, что верно отгадал настроение и образ мыслей царя, а Антиох просил его озаботиться не на словах только, но и на деле спасением его самого и друзей. Когда Аполлофан изъявил готовность на все, они условились между собою относительно дальнейшего. Под тем предлогом, что царь страдает головокружением, они на несколько дней устранили придворных и свиту, а это давало им возможность переговорить тайком с теми из друзей, которых они желали посвятить в это дело и которые являлись под предлогом проведать больного. Так как при общей ненависти к Гермию все охотно выслушивали их, то Антиох и Аполлофан подготовили за это время способных людей к исполнению замысла и приступили к делу.

10 По совету врачей Антиох гулял ранним утром на свежем воздухе; к определенному времени явился Гермий, а с ним вместе и участвовавшие в заговоре друзья; прочие запоздали, потому что выход царя последовал гораздо раньше обыкновенного. Завлекши Гермия далеко от лагеря в какое-то пустынное место, заговорщики закололи его в то время, как царь отошел немного в сторону как бы за нуждою. Так кончил жизнь Гермий, хотя постигшая его кара не соответствовала его злодеяниям. Тогда царь, свободный от страха и тяжелых пут, пошел обратно домой; по дороге все туземные жители прославляли его подвиги и предприятия, больше всего выражали одобрение за умерщвление Гермия.

15 В это же время в Апамее женщины побили камнями жену Гермия, а дети сыновей его.

57 По возвращении домой Антиох отпустил войска на зимние Козни Ахея квартиры и послал гонца к Ахею, во-первых, с обвинением в том, что он дерзнул возложить на себя диадему и именоваться царем, во-вторых, с заявлением, что царю не безызвестны сношения его с Птолемеем и вообще его преступные козни. В самом деле, в то время как царь пошел войною на Артабазану, Ахей в надежде, что Антиох погибнет в этом походе или, если и не погибнет, он благодаря дальности расстояния успеет раньше вторгнуться в Сирию и при содействии отложившихся киррестян быстро захватит в свои руки верховную власть, — в этой надежде он со всем войском выступил из Лидии. По прибытии в Лаодикею, что во Фригии, он возложил на себя диадему и впервые отважился вести себя по-царски и писать к городам; к такому поведению побуждал его больше всего изгнанник Гарсиерис. Не останавливаясь, продолжал он путь и был уже почти в Ликаонии, когда возмущались войска, с негодованием узнавшие, что они идут войною на того, кого сама природа поставила им царем. Осведомленный об этих смутах в войске, Ахей отказался от своих планов и старался уверить воинов, что он вовсе и не думал идти в Сирию, а потому переменял путь и разорил Писидику, доставил войску богатую добычу, тем приобрел себе общую любовь и доверие и возвратился на родину.

58 Война между Антиохом и Птолемеем за Все это известно было царю в точности, и он, как я сказал выше,¹ не переставал посылать к Ахею гонца за гонцом с угрозами, а рядом с этим всецело был занят приготовлениями к войне

¹ 57 1—2.

с Птоломеем. Так, с началом весны он стянул войска в Апамею 2 и спрашивал совета у друзей, каким образом совершить вторже- 219 ние в Койлесирию. Много говорилось по этому поводу как о самой 3 стране, так равно о вооружении и об участии флота в войне; все высказанные мнения отвергал упомянутый выше Аполлофан, по происхождению селевкиец. Безрассудно, говорил он, добиваться 4 Койлесирии и идти на нее войною, когда во власти Птолемея остается Селевкия, столица и как бы очаг их владений. Не говоря 5 уже о позоре, навлекаемом на царство тем, что город занимают своим гарнизоном пребывающие в Египте цари, Селевкия пред- 6 ставляет величайшие выгоды для войны; ибо, продолжал Апол- 7 лофан, пока Селевкия во власти врага, она будет сильнейшею помехою для них во всех начинаниях. Так, куда бы они ни взду- 8 мали пойти войною, каждый раз собственные их земли будут нуждаться в неменьших заботах, в охране и военных средствах против неприятеля, угрожающего со стороны этого города. На- 9 против, с завоеванием Селевкии не только становится возможным охранить крепко родную землю, но при удобствах своего местоположения город в состоянии будет оказать важные услуги во всех их замыслах и предприятиях на суше и на море. Речь Апол- 10 лófана убила всех, и решено было завоевать прежде всего этот город. Тогда Селевкия все еще занята была гарнизонами египет- 11 ских царей со времен Птолемея, прозванного Эвергетом; раздраженный печальною судьбою Береники, он повел войско в Сирию и завладел этим городом.

По принятии этого решения Антиох приказал начальнику 59 флота Диогнету плыть к Селевкии, а сам во главе войска выступил из Апамеи и на расстоянии стадий пяти¹ от города расположился лагерем на гипподроме. Теодота Гемииолия он отрядил 2 с достаточно сильным войском против Койлесирии с поручением занять узкие проходы и наблюдать за всем, что там делается.

Что касается Селевкии и ее окрестностей, то вот каковы при- 3 близительно положение их и природные свойства. Город лежит 4 при море между Киликией и Финикией у подножья очень высокой горы, именуемой Корифеем. С запада гору эту омывает 5 кончающееся здесь море, что между Кипром и Финикией, а восточными частями она господствует над областью антиохиян и селевкиян. К югу от горы лежит Селевкия, отделенная от Корифея 6 глубокою непереходимою пропастью. Если к самому морю город и спускается несколькими уступами, зато со всех почти сторон окружен крутыми обрывами и скалами. Со стороны моря к горе 7 прилегает равнина, занятая торжищами и прекрасно укрепленная, с предместьем. Подобно предместью весь город защищен 8 великолепными стенами, роскошно украшен храмами и жилыми зданиями. Единственный доступ к городу существует со стороны 9 моря, устроенный наподобие лестницы и состоящий из непрерывного ряда изгибов и поворотов. Река, именуемая Оронтом, изли- 10 вается в море недалеко от города. Начало свое она берет в области Ливана и Антиливана, протекает по так называемой равнине Амика, доходит до самой Антиохии и протекает через нее. Благодаря силе течения она уносит с собою все человеческие 11

¹ 421 саж.

нечистоты из этого города, наконец недалеко от Селевкии изливается в море, как сказано выше.

60 Антиох начал с того, что через послов обратился к начальникам города с предложением денег и с обещаниями больших наград, если получит Селевкию без боя; но ему не удалось склонить к этому высшее начальство. Тогда Антиох подкупил несколько младших начальников и в надежде на них занялся распределением войск таким образом, чтобы с моря открыть нападение морскими силами, а с суши войсками из лагеря. Разделив войско на три части, он обратился к ним с подобающим увещанием, обещал солдатам и начальникам в награду за храбрость щедрые подарки и венки, затем Зевксиду и его отряду поручил местность у ворот, ведущих к Антиохии, Гермогена поставил у Диоскурия, Ардис и Диогнет должны были произвести нападение на корабельные верфи и предместье согласно уговору с находившимися в городе соумышленниками: после того, как взято будет приступом предместье, они передадут ему и город. По данному сигналу все войска разом со всех сторон повели решительный, жестокий приступ. С наибольшею отвагою действовали войска Ардиса и Диогнета: тогда как на остальных пунктах нападение при помощи лестниц было невысказано, если только люди не прокладывали себе дороги почти ползком на четвереньках, к верфям и предместьем можно было подойти с лестницами безопасно, потом приладить их и стать твердою ногою. Предместье быстро перешло в руки Ардиса, потому что флотские воины приставили лестницы к верфям, отряд Ардиса — к предместью, те и другие шли вперед с большим ожесточением; между тем из города, которому угрожала опасность со всех сторон, не могла быть подана помощь в эти части. Лишь только предместье было взято, к старшему начальнику Леонтию явились подкупленные царем младшие начальники с требованием отправить к Антиоху посольство для заключения договора прежде, чем город взят будет приступом. Леонтий ничего не знал об измене начальников, их испуг навел ужас и на него, и он отправил к Антиоху послов для переговоров под условием неприкосновенности всех находившихся в городе.

61 Царь принял посольство и обещал даровать неприкосновенность свободным людям: таких было до шести тысяч человек. По получении города он не только пощадил свободных, но разрешил бежавшим селевкиянам вернуться в город, возвратил им самоуправление и имущество, а в гавани и в кремле поставил гарнизоны.

3 Пока царь занят был этими делами, от Теодота пришло письмо с просьбою явиться поскорее и с обещанием передать ему Койлесирию. Царь был в большом затруднении и не знал, что делать и как поступить ввиду такого предложения. Этолиец по рождению, Теодот оказал большие услуги правлению Птолемея, как я сказал выше,¹ но не получил за них никакой благодарности, мало того: самая жизнь его подвергалась опасности в то время, как Антиох пошел войною на Мелона. Презирая Птолемея, не доверяя придворным его, он завладел сам Птолемаидою, а через Панетолу Тиром и теперь спешил призвать Антиоха. Отложив на время планы свои относительно Ахея и все прочие дела, Ан-

¹ 40 | сл.

тиох выступил с войском в поход тем же путем, каким шел и раньше. По прохождении долины, именуемой Марсией, он расположился станом у теснины Герры, подле озера, отделяющего горы от города. Однако узнав, что военачальник Птолемея Николай находится под городом Птолемаидою, где запер Теодота, он оставил позади тяжеловооруженное войско и приказал начальникам его осаждать Брохи, расположенное у озера и прохода поселения, а сам с легковооруженными пошел дальше с целью освободить город от осады. Но Николай раньше еще по получении известия о приближении царя сам отступил, причем критянина Лагора и этолийца Доримена отрядил для занятия теснины подле Берита до прибытия врага. Но царь ударил на них с набега, обратил их в бегство и расположился станом у теснины.

Царь дождался здесь остального войска и после обращения, приличного грядущим предприятиям, пошел дальше со всем войском, уверенный в себе и ободренный полученными обещаниями. Когда Теодот и Панетол с друзьями вышли навстречу ему, Антиох принял их ласково, получил Тир и Птолемаиду вместе с находившимися в них военными средствами, в том числе и сорок судов. Между ними было двадцать палубных судов прекрасного устройства не менее как в четыре ряда весел; остальные были трех-, двухпалубные суда и ходкие лодки. Суда он передал начальнику флота Диогнету. Когда пришло известие, что Птолемей выступил в Мемфис, а все войска стянул в Пелузий, что он открывает каналы и засыпает колодцы с годною для питья водою, тогда Антиох отказался от нападения на Пелузий, ходил от одного города к другому и старался обращать их на свою сторону оружием или увещанием. Слабо защищенные города в страхе перед нападением царя сдавались ему, другие держались твердо, полагаясь на свои военные средства и на сильное местоположение. Перед такими городами царь вынужден был останавливаться, осаждать их, на что уходило время.

Между тем Птолемей и наперсники его по недостатку средств вовсе не думали о защите государства, как это подобало бы в такое время, когда совершалось явное предательство. В такой мере небрегли они военное дело вообще.

Впрочем, Агафокл и Сосибий¹ с друзьями, в то время стоявшие во главе государства, устроили совещание и избрали единственно возможный тогда путь, именно: они порешили заняться приготовлениями к войне, а тем временем при посредстве посольств задерживать движение Антиоха и делать для виду все возможное, дабы он оставался при прежнем мнении о Птолеме; раньше же Антиох думал, что Птолемей не откажется на войну с ним и будет стараться с помощью переговоров и при посредстве друзей склонить его отказаться от Койлесии. Когда такое решение было принято, Агафокл и Сосибий с друзьями, обязанные вести это дело, поспешно отправили посольство к Антиоху; в то же время они обратились через послов к родосцам, византийцам и кизикенцам, а сверх того к этолянам и просили их присылать послов для мирного посредничества. Посольства явились и, переходя от одного царя к другому, давали Агафоклу и Сосибью прекрасное средство выиграть время и употребить его на военные

¹ 36 6 сл.

7 приготовления. Утвердившись в Мемфисе, они непрерывно вели
8 переговоры с этими посольствами, равным образом принимали и
любезно встречали и послов от Антиоха; тем временем созывали
и стягивали в Александрию наемников, содержавшихся на жа-
9 лованье в иноземных городах; рассылали вербовщиков и заготов-
ляли припасы как для прежних войск, так и для вновь прибы-
10 вающих. Точно так же заботились они и обо всем остальном, что
требовалось для войны, при этом поочередно и непрерывно бы-
вали в Александрии, дабы не упущено было что-либо в приго-
11 товлениях к задуманным предприятиям. Заготовление оружия,
выбор и распределение людей они поручили фессалийцу Эхекра-
12 ту и мелитейцу Фоксиду с товарищами Эврилохом магнетом и
беотийцем Сократом; при них находился еще Кнопий из Алла-
13 рии. Очень удачно выбраны были эти люди, участвовавшие еще
в походах Деметрия и Антигона и имевшие некоторое понятие
14 о серьезной войне и вообще о военной службе. Приняв полчище
под свое командование, они, насколько можно было, обучили его
64 военному делу. Так, прежде всего они разделили войска по пле-
менам и возрастам и каждому дали соответствующее вооружение,
2 не соображаясь с тем, как они были вооружены до того; затем
военный строй согласовали с нуждами тогдашнего положения,
уничтожив старые деления и росписи, которые раньше состав-
3 лялись в зависимости от уплаты жалованья. Вслед за сим они на-
чали упражнять воинов и приучать каждый род оружия не только
4 к команде, но и к свойственным ему движениям; устраивали так-
же собрания вооруженных воинов и обращались к ним с речами,
причем наибольшую услугу оказали им Андромах из Аспенда и
5 Поликрат-аргивянин. Незадолго перед тем люди эти прибыли из
Эллады и были прекрасны знакомы с наклонностями и настрое-
нием различных племен; к тому же они пользовались известно-
6 стью благодаря своему происхождению и богатству, особенно По-
ликрат, принадлежавший к древнему дому; отец его Мнасиад был
7 знаменитым борцом. Они-то с помощью единоличных и общих
обращений возбуждали в войсках отвагу и ревность к предсто-
ящей борьбе.

65 Поименованные выше люди получили назначения, отвечав-
2 шие особой опытности каждого. Так, Эврилох из Магнесии был
начальником тысяч трех воинов так называемого у царей аге-
мата; под начальством беотийца Сократа находились пелтасты;
3 ахеец Фоксид и сын Трасея Птолемей, с ними Андромах из Ас-
4 пенда обучали вместе фалангу и эллинских наемников. Началь-
никами фаланги были Андромах и Птолемей, а наемников —
Фоксид, причем в фаланге числилось около двадцати тысяч пя-
5 тисот воинов, а наемников было до восьми тысяч. Придворную
конницу в числе человек семисот, а равно конных воинов из Ли-
6 вии и туземных обучал Поликрат; он же и командовал ими; чис-
ло их доходило до трех тысяч. Фессалиец Эхекрат прекрасно обу-
чил конных воинов из Эллады и все полчище наемной конницы
7 числом до двух тысяч человек и во время войны оказал вели-
чайшие услуги. Но никто не обнаружил столько ревности в за-
8 нятиях с подчиненными, как Кнопий из Алларии, под началь-
ством коего были все критяне, тысячи три человек; в числе их
насчитывалась тысяча неокритян, командование коими он пору-
чил Филону из Кноса. Три тысячи ливян, во главе коих стоял

баркиец Аммоний, они снабдили македонским вооружением.¹ Войско египтян тысяч в двадцать человек подчинено было Сосибью. Далее, был отряд, составленный из фракийцев и галатов, 10 причем колонистов и потомков их было до четырех тысяч; ими командовал фракиец Дионисий. Таковы были численность и состав войск, заготовляемых для Птолемея.

Между тем Антиох, начавший осаду города, именуемого До- 66 рами, не мог ничего сделать благодаря сильному местоположению города и подкреплениям, кои посылал Николай. Зима уже приближалась, а потому он принял предложение Птолемеевых послов заключить четырехмесячное перемирие и обещал предьявить самые снисходительные условия при заключении окончательного мира. Но в этом заявлении было мало правды; на самом деле 3 Антиоху нежелательно было долговременное пребывание вдали от родины, и он хотел перезимовать с войском в Селевкии, ибо Ахей открыто злоумышлял на его власть и несомненно находился в сношениях с Птолемеем. Согласившись на перемирие, Антиох 4 тотчас отправил своих послов с поручением уведомить его возможно скорее о намерениях Птолемея, для чего явиться в Селевкию. Покинув достаточно сильные гарнизоны в этих местах 5 под главным начальством Теодота, он отправился домой и по прибытии в Селевкию отпустил войска на зимние квартиры. Впредь 6 он совсем не занимался обучением войск в твердом убеждении, что дело не дойдет больше до битвы, так как некоторые части Койлесирии и Финикии были уже в его власти, а остальные, как он надеялся, можно будет путем переговоров привести к добровольному подчинению, Птолемей же ни за что не отважится на 7 решительную битву. Мнение это разделяли и послы, ибо утвердившийся в Мемфисе Сосибий принимал послов Антиоха очень ласково, тем же, которые посылались к Антиоху, он не давал возможности видеть своими глазами приготовления к войне в Александрии.

Так и теперь по прибытии послов Сосибий и друзья его из- 67 являли готовность на все, а Антиох со своей стороны при каждом приеме послов прилагал величайшее старание к тому, чтобы показать превосходство свое над александрийцами как в военном отношении, так и в правовом. Поэтому, когда послы явились в 3 Селевкию и согласно данным от Сосибия указаниям вступили в подробные переговоры о мире, царь в оправдание себя доказывал, что нет ничего преступного ни в том, что он недавно нанес поражение Птолемею, ни в явно неправом занятии некоторых местностей Койлесирии. Мало того: никакой несправедливости не 5 видел Антиох в этом последнем деянии, ибо он присвоил себе то, что ему принадлежало по праву. Первое занятие этих местностей Антигоном Одноглазым и владычество над ними Селевка² были, утверждал Антиох, законнейшим и справедливейшим делом приобретения, а в силу этого Койлесирия принадлежит им, а не Птолемею, ибо, продолжал он, Птолемей вел войну с Антигоном не в собственных выгодах, но за доставление власти над этими странами Селевку. Больше всего царь опирался на то 8

¹ Т. е. сарисами.

² II 41 2. 71 5.

единодушие, с каким все цари: Кассандр,¹ Лисимах,² Селевк после победы над Антигоном приняли на совете решение, что вся
9 Сирия должна отойти к Селевку. Послы Птолемея старались доказывать противное. Они преувеличивали значение наносимой теперь обиды и все совершившееся называли тяжким преступлением, потому что в измене Теодота и в нашествии Антиоха
10 признавали нарушение договоров. Они ссылались также на завоевания, сделанные под предводительством Птолемея, сына Лага,³ и утверждали, что Птолемей воевал вместе с Селевком ради того, чтобы Селевку доставить господство над всей Азией, а Кой-
11 лесирию и Финикию завоевать для себя. Эти и подобные речи многократно повторялись посольствами обеих сторон во время переговоров, которые ни к чему решительному не приводили, ибо переговоры велись общими друзьями без вмешательства какого-либо посредника, который мог бы сдержать и обуздать притязания противника, признаваемого неправым. Важнейшее помехою для обеих сторон было поведение Ахея; ибо Птолемей старался
12 включить в мирный договор и его, а Антиох, напротив, не хотел и слышать о том, находя делом возмутительным самую решимость Птолемея брать мятежника под свою защиту и заговаривать о чем-либо подобном.

68 Обе стороны утомились уже обмениваться посольствами, а переговоры не приходили к концу, когда наступила весна. Антиох
218 начал стягивать свои войска с намерением совершить вторжение с суши и с моря и покорить своей власти остальные части Кой-
2 лесирии. Что касается Птолемея и друзей его, то главное командование они возложили на Николая, доставляли ему обильные запасы в окрестности Газы, высылали сухопутные и морские войска.
3 По прибытии войск Николай смело начал войну, имея готового на все пособника в начальнике флота Перигене. Этого последнего Птолемей отправил начальником морских сил, причем
4 ему дано было палубных кораблей тридцать и ластовых более четырехсот. Николай, родом этолиец, по опыту и отваге превос-
5 ходил всех военачальников Птолемея. Часть его войска заблаговременно заняла теснины Платана, а с остальным он сам взял
6 город Порфиреон и здесь в присутствии стоявшего на якоре флота
7 выжидал нападения Антиоха. Между тем Антиох достиг Марафа, куда явились к нему с предложением союза послы от арадян; он не только заключил с ними союз, но и положил конец существовавшему в среде их распрям, ибо примирил между собою арадян
8 островных с материковыми. После этого он вторгся через так называемый Лик Божий в неприятельскую землю и, заняв на пути
9 Ботрис, сжегши Триерес и Калам, явился перед Беритом. Отсюда Антиох послал вперед Никарха и Теодота с приказанием занять до прибытия неприятеля узкий проход у реки, именуемой Ликом, а сам с войском пошел дальше и расположился лагерем подле
10 реки Дамуры; на всем этом пути сопровождал его начальник флота Диогнет. Здесь он присоединил к своим войскам легкие отряды Теодота и Никарха и двинулся дальше с целью личного
11 осмотра теснины, занятой раньше Николаем. По ознакомлении

¹ П 41 10.

² П 41 2. 71 5 сл.

³ *Ibidem.*

с местностью он возвратился к своей стоянке, на следующий день оставил в лагере тяжелую пехоту под начальством Никарха, а сам с остальным войском продолжал путь, приготовившись дать битву врагам.

Отроги Ливана суживают в этом месте морское побережье в 69 небольшую теснину, которая к тому же пересекается крутым обрывистым кряжем, оставляющим лишь узкий трудный проход у самого моря. Здесь-то и утвердился тогда Николай. Одни места 2 он успел занять главною частью войска, другие укрепил искусственными сооружениями и был уверен, что ему легко будет воспрепятствовать вторжению Антиоха. С другой стороны царь раз- 3 делил свое войско на три части, одну из них доверил Теодоту и приказал произвести нападение и проложить себе путь у самых склонов Ливана; другую часть предоставил Менедему и неоднократно наказывал ему идти на самую середину кряжа. Третью 5 часть царь отрядил к морю, назначив начальником ее Диокла, правителя Паропотамии.¹ Сам он со свитою поместился в середине, дабы наблюдать за всем происходящим и являться на помощь всюду, где ни потребует. Вместе с тем Диогнет и Периген 7 приготовлялись к морскому сражению, ради чего придвинулись возможно ближе к суше, желая как бы соединить в одно зрелище сухопутную и морскую битву. Когда все войска по одному сиг- 8 налу и одному приказу открыли нападение, морская битва шла с обеих сторон с равным успехом, ибо и численность, и вооружение кораблей у обоих противников были одинаковы. Что ка- 9 сается сухопутной битвы, то вначале одерживали верх войска Николая, коим помогала укрепленность местоположения; но вскоре войска Теодота отбросили египтян, стоявших на горном склоне, и ударили на врага с горных высот; тогда воины Николая обо- 10 ротили тыл и все стремительно бежали. Из числа их во время бегства было убито до двух тысяч человек, не меньше того взято в плен; остальные отступили к Сидону. Периген рассчитывал бы- 11 ло на перевес в морской битве, но при виде поражения сухопутного войска он в смущении отступил беспрепятственно в ту же область.

Антиох дал отдохнуть войскам, потом подошел к Сидону и 70 расположился станом. Однако он отказался от надежды взять город приступом, ибо там заранее заготовлены были припасы в изобилии, город имел многолюдное население, а кроме того, сюда бежали солдаты.² Поэтому сам он снялся с войском и направился 3 к Филотерии, а начальнику флота Диогнету отдал приказ отплыть с кораблями к Тиру. Филотерия расположена у самого озе- 4 ра, в которое изливается река, именуемая Иорданом; отсюда она снова выходит и орошает равнины подле города, называемого Скифополем. Оба названные выше города сдались ему на капи- 5 туляцию, и царь верил в успех дальнейших предприятий, ибо подчиненная этим народам область могла с легкостью снабдить все войско жизненными припасами и доставить в изобилии нуж- 6 ные для войны средства. Для охраны городов он поставил гарнизоны, а сам перевалил через горный хребет и явился перед Атабирием, расположенным на круглом холме; подъем к нему имеет

¹ 48 б.

² 69 10.

7 более пятнадцати стадий.¹ Воспользовавшись благоприятным мо-
8 ментом, он устроил засаду и взял город с помощью военной хит-
9 рости, именно: жителей города он вызвал на легкую схватку и
10 передние ряды увлек за собою далеко вниз; потом, когда бежав-
11 шие повернули назад, а находившиеся в засаде поднялись на вра-
12 га, он многих положил на месте; наконец, преследуя остальных
и распространяя ужас перед собою, он взял с набега и этот город.

13 В это время Керая, один из второстепенных начальников Птоле-
14 мея, перешел на сторону царя. Царь принял его с почетом и
15 тем зародил колебание во многих начальниках на стороне не-
16 приятеля. Так по крайней мере фессалиец Гипполох вскоре после
17 этого явился к Антиоху с четырьмястами конных воинов Птоле-
18 мея. Укрепив гарнизоном и Атабирий, Антиох пошел дальше и
19 приобрел Пеллы, Камун и Гефрун.

20 При виде таких успехов жители соседней Аравии по взаимном
21 соглашении все единодушно присоединились к Антиоху. Ободрен-
22 ный новыми надеждами и приращением средств, он продолжал
23 путь и, вторгшись в Галатиду, овладел Абилами вместе с вошед-
24 шим в него гарнизоном, во главе коего был Никия, друг и род-
25 ственник Меннея. Непокоренными оставались Гадары, как ка-
26 жется, наиболее укрепленный город в этой стране. Перед Гада-
27 рами Антиох расположился станом, возвел осадные сооружения
28 и навел такой ужас на жителей, что вскоре сдался и этот город.
29 После этого Антиох был уведомлен, что более значительный не-
30 приятельский отряд собрался в Раббатаманы, что в Аравии, и от-
31 сюда совершает опустошительные набеги на земли примкнувших
32 к нему арабов. Поэтому Антиох отложил на время все прочие
33 дела, выступил в поход и расположился станом перед высотами,
34 на которых находится город. Обойдя холм кругом и заметив, что
35 он доступен только в двух местах, царь приблизился к ним и
36 тут занялся сооружением машин. Исполнение этих работ он по-
37 ручил в одном месте Никарху, в другом Теодоту, а сам с оди-
38 наковым вниманием следил за всеми работами и наблюдал меру
39 усердия обоих начальников.

40 Теодот и Никарх действовали с большим старанием и неос-
41 лабно соревновались между собою в том, кто первый свалит часть
42 стены, находящуюся перед его сооружениями; поэтому в обоих
43 местах стена рухнула скорее, чем можно было ожидать. Тогда
44 войска день и ночь без перерыва нападали на город с величайшим
45 ожесточением. Однако непрерывные приступы кончались ничем,
46 ибо в городе было много войска. Наконец кто-то из пленных от-
47 крыл им подземный ход, по которому осажденные спускались за
48 водой; ход этот осаждающие разрушили и заложили дровами,
49 щебнем и тому подобным. После этого недостаток воды прину-
50 дил осажденных сдаться. Овладев таким образом Раббатаманами,
51 Антиох оставил здесь Никарха с сильным гарнизоном. Перешед-
52 ших к нему от Птолемея Гипполоха и Керею он отрядил с пятью
53 тысячами пехоты в область Самарии с приказанием охранять ее
54 и даровать неприкосновенность всем, кто изъявит покорность ца-
55 рю. Затем во главе войска он двинулся в Птолемаиду на зимнюю
56 стоянку.

¹ Около 4¹/₂ верст.

В то же самое лето педнелисяне, осажденные и жестоко тес- 72
нимые селгеями, отправили к Ахею послов за помощью. Получив 2 Дела в Ма-
от него благоприятный ответ, педнелисяне в надежде на поддерж- лой Азии
ку стойко выдерживали осаду. Действительно, Ахей выбрал в на- 3
чальники Гарсиериса и под его командою поспешно отправил на
помощь осажденным шесть тысяч пехоты и пятьсот человек кон-
ницы. При известии о приближении вспомогательного отряда, 4
селгеи заняли теснины у так называемого Климака главною ча-
стью своего войска, заняли и проход к Сапордам, а все прочие
дороги и тропинки разрушили. Гарсиерис вторгся в Милиаду и 5
расположился станом перед городом, именуемым Критоподем. За-
метив, что идти дальше невозможно, так как места эти заняты
уже неприятелем, он придумал такого рода хитрость: снялся с 6
войском и двинулся в обратный путь, как бы отчаявшись в подаче
помощи вследствие занятия прохода неприятелем. Селгеи легко 7
поверили, что Гарсиерис не думает более о том, чтобы подать
помощь городу, и потому возвратились частью в город, ибо по-
доспела уборка хлеба. Но Гарсиерис повернул назад, быстро по- 8
вел свои войска и явился у горных перевалов, покинутых непри-
ятелем, занял их и обеспечил за собою гарнизонами под главным
начальством Фаилла, сам с войском спустился в Пергу, а оттуда 9
рассылал посольства к остальным жителям Писидии и в Памфи-
лию, напоминал о гнете селгеев и убеждал всех вступить в союз
с Ахеєм и помочь педнелисянам.

В это время селгеи отрядили военачальника с войском в той 73
надежде, что при знакомстве с местностью они выбьют Фаилла
из укреплений. Но план селгеев не удался; при нападениях они 2
понесли большие потери в людях и потому отказались от даль-
нейших попыток, зато усерднее прежнего повели дело осады и
сооружений. Между тем этенняне, занимающие горы Писидики, 3
что над Сидою, послали в помощь Гарсиерису восемь тысяч тя-
желовооруженных, и аспендяне — половину этого числа. Напро- 4
тив, сидеты, добиваясь благоволения Антиоха, а еще больше из
ненависти к аспендянам, уклонились от подачи помощи. Тогда 5
Гарсиерис, взяв с собою вспомогательные войска и свои собствен-
ные, прибыл к педнелисянам в той уверенности, что с первого
набега освободит город от осады. Но селгеи не испугались; и он
на небольшом расстоянии от Педнелиса расположился лагерем.
Педнелисяне терпели нужду, и потому Гарсиерис, желая сделать 6
все, что было в его власти, выбрал две тысячи человек, дал каж-
дому из них по медимну¹ пшеницы и ночью отправил в Педнелис.
Но селгеи узнали об этом, вышли навстречу врагам, причем боль- 7
шая часть людей, несших хлеб, была перебита, а вся ноша попала
в руки селгеев. Ободренные этим, они решились запереть не толь- 8
ко город, но и Гарсиериса с его отрядом: в военном деле селгеи
всегда проявляют отвагу и любовь к необычному. Так и на сей 9
раз они оставили в лагере необходимый гарнизон, а с остальным
войском расположились в нескольких местах кругом неприятелей
и с большою смелостью ударили на их стоянку разом со всех сто-
рон. Нежданно опасность угрожала Гарсиерису отовсюду; окопы 10
в некоторых местах были уже разрушены. Понимая опасность
и страшась полного поражения, Гарсиерис отправил из лагеря

¹ 2 четверика с небольшим.

- 11 конницу по той дороге, которая не охранялась неприятелем. Удаление это селгеи объясняли себе испугом неприятеля и его опасениями за будущее, а потому не обращали никакого внимания
- 12 на уходящих. Между тем конница зашла в тыл неприятелю и
- 13 стала жестоко теснить его. Тогда и пехота Гарсиериса, уже оборотившая было тыл, воспрянула духом, снова повернула назад
- 14 и отражала нападающих. Вследствие этого селгеи, будучи окружены
- 15 жены со всех сторон, обратились в бегство. В то же время педнелисяне ударили на тех, кои остались в лагере, и выбили их
- 16 оттуда. Побежденные долго бежали, благодаря чему убитых было не меньше десяти тысяч; что касается остальных, то все союзники бежали в родные места, а селгеи через горы в свой город.
- 74 Гарсиерис тотчас снялся со стоянки и пустился в погоню за бегущими, желая пройти узкие проходы и приблизиться к городу Селге прежде, чем бегущие остановятся и примут какие-либо меры
- 2 против неприятельского наступления. Он подошел к городу,
- 3 а селгеи, вследствие общего поражения потерявшие всякую надежду на союзников, пали духом после понесенной неудачи и
- 4 пребывали в величайшем страхе за свою жизнь и за родину. Поэтому сойдясь в собрании, они порешили отправить послом к Гарсиерису одного из граждан, Логбасиса, который долгое время находился в отношениях дружбы и гостеприимства с умершим во
- 5 Фракии Антиохом, воспитывал как родную дочь Лаодику, отданную ему на попечение, и со всею нежностью заботился о ней;
- 6 впоследствии она сделалась супругою Ахея. Вот почему селгеи полагали, что при тогдашних обстоятельствах никто с большею пользою не мог исполнить обязанности посла, и отправили его.
- 7 Но Логбасис в беседах с Гарсиерисом наедине и не думал об исполнении возложенного на него поручения ко благу родины; напротив, он убеждал его послать поскорее за Ахеем и обещал выдать им город. С радостью ухватился за это Гарсиерис и отправил вестников к Ахею с уведомлением о положении дел и с приглашением явиться. С селгеями он хотя и заключил перемирие, но постоянно затягивал окончательные переговоры о мире. Возражая против того или иного условия или подыскивая какие-нибудь предлоги, он поджидал Ахея и старался дать время Логбасису для переговоров и осуществления замысла.
- 75 Тем временем между противниками установились частые сношения, и у солдат образовалась привычка ходить из лагеря в город за продовольствием. Не раз уже для многих людей такие отношения были источником гибели. По-моему, хотя человека и считают хитрейшим существом, на самом деле он легче всех поддается обману. Сколько лагерей и гарнизонов, сколько больших городов становилось вследствие этого жертвою предательства! Случалось это часто, со многими, на виду у всех и тем не менее, не знаю, почему, мы все же оказываемся неопытными юнцами
- 5 против подобных козней. Происходит это от того, что мы не памятуем несчастий, раньше нас постигавших людей в том или ином положении. С большими усилиями и затратами мы заготовляем в изобилии хлеб, деньги, возводим стены и накопляем оружие
- 6 в ограждение себя от неожиданных случайностей; и в то же время совершенно пренебрегаем тем, что приобретается легче всего и в трудных обстоятельствах бывает всего полезнее, хотя прилежное занятие историей, обогащающее нас такого рода опытом, способно украсить наши досуги и доставить нам развлечение.

Как бы то ни было, Ахей явился к назначенному времени, и 7 селгеи из беседы с ним вынесли уверенность, что с ними обойдутся весьма милостиво. Тем временем Логбасис мало-помалу 8 собрал в своем доме солдат, которые из лагеря приходили в город, советовал гражданам не пропускать удобного момента и 9 делать, что нужно, пользуясь милостивым настроением Ахея, устроить всенародное совещание о положении дел и заключить наконец мирный договор. Скоро созвано было народное собрание, 10 и граждане совещались о том, как покончить с подлежащим делом; ради этого они призвали и всех находившихся на страже граждан.

Условившись с неприятелем о времени нападения, Логбасис 76 подготовил собранных в его доме воинов, вооружался сам с своими сыновьями и готовился к битве. Что касается неприятеля, 2 то Ахей с половиною войска пошел на самый город, а с другой половиной Гарсиерис направился к так называемому Кесбедию. Это — святилище Зевса, благодаря выгодному местоположению господствующее над городом: оно занимает место кремля. Слу- 3 чайно какой-то козий пастух заметил, что делается, и принес весть о том в народное собрание. Тогда одни отсюда же поспешили к Кесбедию, другие устремились на сторожевые посты, а масса граждан в ярости бросилась к дому Логбасиса. Измена была 4 очевидна, а потому часть граждан взобралась на крышу, другие ворвались во двор через двери и тут же убили Логбасиса, сыновей его и всех прочих домоладцев. Вслед за сим селгеи через глашатая 5 объявили свободу рабам, а сами поделились на отряды и устремились на защиту удобных пунктов. Когда Гарсиерис увидел, что 6 Кесбедий занят, он отказался от задуманного плана, но Ахей проник до самых ворот; тогда селгеи сделали вылазку, положили на месте семьсот мисян и отразили нападение остальных. После этой 8 попытки Ахей и Гарсиерис возвратились в свою стоянку, а селгеи, 9 опасаясь внутренних волнений, страшась близости неприятелей, отправили старейших граждан со знаками молящих о пощаде и на следующих условиях заключили мир, положивший конец войне: они обязуются уплатить немедленно четырехста талантов¹ и 10 выдать всех пленных педнелисян, по прошествии некоторого времени уплатить еще триста талантов.²

Итак, селгеи, благодаря нечестию Логбасиса едва не потерявшие родины, спасли ее своею доблестью и не запятнали позором ни свободы, ни кровного родства с лакедемонянами.³

Ахей покорил своей власти Милиаду и большую часть Пам- 77 филии, затем снялся с войском и по прибытии к Сардам вел непрерывную войну с Атталом, угрожал Пруссию, стал страшным и опасным врагом для всех народов Азии по сию сторону Тавра.

В то время, как Ахей шел войною на селгеев, Аттал⁴ с 2 латами эгосагами обходил города Эолиды и все смежные с ними, раньше того из страха перешедшие на сторону Ахея. Большинство 3 городов добровольно и охотно покорялось Атталу; сила потребовалась против немногих. Первыми городами, покорившимися ему, 4

¹ Около 585 000 руб.

² Около 440 000 руб.

³ 78 | прим.

⁴ IV 48. 84.

были: Кума, Смирна, Фокея; вслед за ними покорились эгияне
5 и темниты, устрашенные его приближением; от теосцев и коло-
фонян явились послы с предложением взять под свою власть их
6 самих и города их. И этих последних Аттал принял на тех же
условиях, как и поименованных выше, получил от них залож-
ников, но наиболее благосклонно обращался с послами от смир-
7 нян, потому что они постоянное всех блюли верность ему. Не
теряя времени он пошел дальше и после переправы через реку
Лик пошел на поселения мисян, а оттуда прибыл к городу карсян,
8 навел страх на них, а равно на гарнизон Дидимы-Тейхе, приобрел
и эти поселения, переданные ему Фемистоклом, которого Ахей
9 оставил было здесь начальником. Отсюда Аттал двинулся дальше,
разграбил равнину Апии, перевалил через гору, именуемую Пе-
лекантом, и расположился станом подле реки Мегиста.

78 В это время случилось лунное затмение. Галаты давно уже
218 роптали на тягости похода, потому что они шли с женами и деть-
2 ми, которые следовали за ними в повозках. В затмении они ви-
дели дурное предзнаменование и объявили, что дальше не пой-
3 дут. Царь Аттал не имел от них никакой пользы; он знал также,
что галаты совершают поход отдельно от остального войска, рас-
полагаются особым станом, вообще непокорны и заносчивы, тем
4 не менее очутился в большом затруднении, ибо опасался, как бы
галаты не перешли на сторону Ахея и вместе с ним не напали
на его владения; смущался царь и теми толками, какие распро-
странятся, если он велит своим солдатам окружить всех галатов
и перебить их: они ведь, как казалось, переправились в Азию
5 только из доверия лично к нему. Поэтому Аттал воспользовался
упомянутым выше предлогом и обещал отвести их теперь назад
к месту переправы и дать им удобную для жительства область,
а впоследствии исполнить все их требования, поскольку это будет
6 возможно и справедливо. После этого Аттал отвел эгосагов к Гел-
леспонту, ласково обошелся с лампсакиянами, александрийцами
и илионянами, потому что они оставались верными ему, и воз-
вратился с войском в Пергам.

79 С наступлением весны Антиох и Птолемей, когда вооружения
217 2 были кончены, готовились решить свою распрю сражением. И так,
Птолемей выступил из Александрии с семьюдесятью тысячами пе-
хоты, пятью тысячами конницы и семьюдесятью тремя слонами.
3 При известии о наступлении Птолемея Антиох стянул свои войска.
Это были даи, кармании, киликияне, вооруженные по спо-
4 собу легких войск, до пяти тысяч человек; попечение о них и
командование над ними поручены македонянину Биттаку. Под
начальством этолийца Теодота, того самого, который изменил
Птолемею,¹ поставлены были отборные воины из всего царства,
вооруженные по-македонски, числом десять тысяч; большинство
5 их имели серебряные щиты. Численность фаланги доходила до
двадцати тысяч человек, а во главе ее стояли Никарх и Теодот,
6 по прозванию Гемиолий. Кроме того, были у Птолемея агрианы,
персы, стрелки из луков и пращники, две тысячи человек; с ними
7 тысяча фракийян под начальством алабандца Менедема. Были так-
же мидяне, киссии, кадусии,² карманы, всего до пяти тысяч че-

Продолже-
ние войны
за Койле-
сирию

¹ 40.

² 44 9 прим.

ловец, командование коими возложено было на мидийца Аспасиана. Арабов и воинов из соседних с ними народов было до десяти тысяч, и находились они под начальством Забдибела. Во главе наемников из Эллады, коих было тысяч пять, стоял фессалиец Гипполох; критян было тысяча пятьсот человек под командою Эврилоха, неокритян тысяча под командою гортинца Зелиса. К ним присоединены были пятьсот метателей дротиков из лидян и тысяча кардаков с галатом Лисимахом. Всей конницы насчитывалось до шести тысяч; во главе четырех тысяч поставлен был племянник царя Антипатр, а остальными командовал Темисон. Всего войска было у Антиоха шестьдесят две тысячи пехоты, шесть тысяч конницы и сто два слона.

Птолемей направился к Пелузию и остановился прежде всего в этом городе. Здесь он подождал прибытия отставших войск, рас- пределил между солдатами съестные припасы и двинулся дальше, совершая путь вдоль Касия и безводной области, именуемой Баратрами. В течение пяти дней он прошел предлежащий ему путь и расположился лагерем на расстоянии пятидесяти стадий¹ от Рафии, первого города Койлесирии со стороны Египта, лежащего за Риноколурами. К этому времени прибыл с войском и Антиох. По достижении Газы он дал отдохнуть своим войскам и затем медленно пошел вперед. Миновав упомянутый выше город,² он ночью расположился станом на расстоянии стадий десяти от неприятеля. Таково было расстояние, разделявшее вначале стоянки противников; несколько дней спустя Антиох, желая занять более выгодное положение и в то же время ободрить свои войска, придвинулся к Птолемею, так что теперь стоянки были удалены одна от другой не более, как на пять стадий.³ В это время происходили довольно частые схватки между отрядами, выходившими за водой или за продовольствием; равным образом бывали легкие стычки и на пространстве, разделявшем оба лагеря, то между конными, то между пешими войсками.

Около того времени Теодот совершил деяние, достойное, правда, этолийца, во всяком случае мужественное и смелое: благодаря преждему пребыванию у царя⁴ он знал по опыту его характер и образ жизни, и потому в сопровождении двух воинов явился перед рассветом в неприятельский стан. По причине темноты его не узнали по лицу; не был он узнан и по одежде и вообще по наружному облику, потому что в египетском лагере носили разное одеяние. В предшествующие дни Теодот заметил место царской палатки, ибо стычки происходили очень близко от нее, и смело направился туда; первые воины пропустили его не заметив. Проникнув в палатку, в которой царь имел обыкновение принимать и обедать, Теодот обыскал все углы, но царя не нашел, потому что Птолемей почивал не в этой великолепной приемной палатке; он ранил двух спавших там людей и умертвил царского врача Андрея, затем беспрепятственно возвратился в свой лагерь и лишь при выходе из неприятельского стана был немного потревожен. Что касается смелости, то он доказал ее вполне; если

¹ 1 1/4 мили.

² Рафия.

³ Около 440 саж.

⁴ Птолемея.

же замысел его не удался, то потому только, что он не узнал заранее, где обыкновенно почивал Птолемей.

- 82 Простояв в лагерях друг против друга в течение пяти дней,
Битва при 2 противники решили кончить дело сражением. Лишь только Пто-
Рафии лемей начал выводить свое войско из-за окопов, как Антиох сде-
лал то же самое; тот и другой выстроили свои фаланги лицом
3 к лицу и отборные отряды, вооруженные по-македонски. Что ка-
сается флангов, то Птолемей построил их следующим образом.
Поликрат с подначальной ему конницей занял левый фланг.
4 Между ним и фалангою стояли критяне подле самой конницы;
вслед за ними царский агемат, дальше пелтасты с Сократом во
5 главе, примыкавшие к ливиянам в македонском вооружении. На
правом фланге находился фессалиец Эхекрат с конницей; подле
6 него с левой стороны стояли галаты и фракийцы; вслед за ними
во главе эллинских наемников находился Фоксид, примыкая к
7 египетским фалангитам. Сорок слонов стояли на левом фланге,
которыми должен был командовать во время битвы сам Пто-
лемей, тридцать три слона поставлены перед правым флангом
8 вблизи наемной конницы. Антиох поставил шестьдесят слонов
под команду товарища детства Филиппа перед правым крылом,
на котором сам царь желал вести битву против Птолемея от-
9 ряда, за ними поставил две тысячи конницы под начальством Ан-
типатра и присоединил к ним другие две тысячи, выстроенные
10 дугою. В той же линии подле конницы поставлены были критяне,
к ним примыкали наемники из Эллады, а между ними находи-
лись пять тысяч воинов из числа вооруженных по-македонски под
11 начальством македонянина Биттака. Что касается построения ле-
вого фланга, то прежде всего на нем стояло две тысячи конницы
под начальством Темисона, подле них поставлены кардаки и ли-
дийские метатели дротиков, вслед за ними легковооруженные под
12 начальством Менедема тысячи три человек, за ними киссии, ми-
дияне и кармании, а подле них, примыкая к фланге, арабы вме-
13 сте с соседними народами. Остальных слонов Антиох поместил
перед левым флангом под команду некоего Мииска, из числа
приближенных к царю отроков.
- 83 Когда войска выстроены были таким образом, оба царя по-
дошли к линии своих войск и через начальников и друзей обра-
2 тились к ним с ободряющими воззваниями. Надежды обоих про-
тивников покоились больше всего на фалангитах; к этому роду
3 оружия и обращали цари наиболее внушительные речи, причем
кроме Птолемея говорили Андромах, Сосибий и царская сестра
Арсиноя, а кроме Антиоха Теодот и Никарх, так как командо-
вание фалангитами у обоих противников принадлежало этим
4 лицам. Сходны были воззвания обоих царей и по содержанию.
Так, ни один из них не мог ссылаться на собственные подвиги,
знаменитые и достойные подражания, ибо тот и другой лишь не-
5 задолго перед тем вступили в управление государством; но они
старались вдохнуть в фалангитов самоуверенность и отвагу на-
6 поминанием о славе предков и совершенных ими подвигов; боль-
ше всего противники настаивали на предстоящих наградах, упра-
шивая и убеждая отдельных начальников и вообще всех воинов
7 доказать мужество и храбрость в предстоящей битве. Приблизительно таково было содержание речей, с коими обращались цари
частью сами, частью через переводчиков, объезжая каждый свои
войска.

Когда Птолемей с сестрою достиг левого фланга всей линии, 84
а Антиох с царским отрядом правого, они дали сигнал к битве
и открыли ее слонами. Некоторые слоны Птолемея бросились на 2
врагов; помещавшиеся на слонах воины доблестно сражались с
башен; действуя сарисами на близком расстоянии, они наносили
удары друг другу, но еще лучше дрались животные, с ожесто- 3
чением кидаясь одни на других. Борьба слонов происходит при-
близительно таким образом: вонзив друг в друга клыки и сце-
пившись, они напирают со всею силою, причем каждый желает
удержать за собою занимаемое место, пока не одолеет сильней- 4
ший и не отведет в сторону хобота противника. Лишь только по-
бедителю удастся захватить побежденного сбоку, он ранит его
клыками подобно тому, как быки рогами. Птолемеевы слоны 5
большею частью страшались битвы, что бывает обыкновенно с
ливийскими слонами. Дело в том, что они не выносят запаха и 6
рева индийских слонов, пугаются, как я полагаю, роста их и силы
и убегают тотчас еще издалека. Так случилось и теперь. В бес- 7
порядке звери стали теснить ряды своих же воинов, и под их на-
пором агемат Птолемея подался назад; тогда на Поликрата и его 8
конницу ударил Антиох, обогнув слонов и приблизившись к не-
приятелю. В то же время по сю сторону слонов на пелтастов Пто- 9
лемей ударили примыкавшие к фаланге эллинские наемники и
выбили их из позиции, ибо ряды эти были уже расстроены сло-
нами. Так все левое крыло Птолемея, теснимое неприятелем, от- 10
ступило. Начальник правого крыла Эхекрат первое время наблю-
дал за схваткою упомянутых выше флангов, но когда увидел, что 85
на войска египтян несется пыль, что слоны их не решаются даже
приблизиться к противнику, отдал приказ Фоксиду, начальнику 2
эллинских наемников, вступить в бой с выстроившимися против
него врагами, а сам отвел в сторону свою конницу и позади сло- 3
нов стоявших воинов за линию нападения животных; потом с ты-
ла и с фланга напал на неприятельскую конницу и скоро обратил
ее в бегство. Подобным же образом поступили Фоксид и все вой- 4
ска его: нападением на арабов и мидян заставили их оборотить
тыл и бежать в беспорядке. Итак, правое крыло Антиоха одер- 5
жало победу, а левое потерпело поражение при описанных выше
обстоятельствах. Между тем фаланги, открытые теперь с обоих 6
крыльев, оставались еще нетронутыми посередине равнины, ко-
лебясь между страхом и надеждою за исход битвы. В это время 7
Антиох занят был довершением победы на правом крыле, а Пто-
лемей, отступивший под прикрытием фаланги, вышел теперь на 8
середину боевого поля. Появление его навело страх на неприя-
тельские войска, а своих преисполнило военного духа и мужества.
Поэтому отряды Андромаха и Сосибия тотчас взяли сарисы на- 9
перевес и пошли на врага. Отборные сирийские воины некоторое 10
время выдерживали натиск, но отряд Никарха быстро подался на-
зад и отступил. Юный и неопытный Антиох воображал было, судя 11
по собственному флангу, что и прочие части его войск также
одерживают победу, а потому не переставал преследовать бегу-
щих. Поздно уже один из старших возрастом воинов остановил 12
его и указал на пыль, которая неслась от фаланги по направ-
лению к их лагерю. Тогда Антиох понял случившееся и хотел
было в сопровождении царского отряда бежать назад на поле сра- 13
жения. Но увидев, что все войска его бегут, он отступил к Ра-
фии, довольствуясь сознанием, что победа, насколько это зависело

собственно от него, осталась за ним, а если битва проиграна, то лишь по малодушию и трусости прочих вождей.

86 С помощью фаланги Птолемей решил участь битвы, а конница его на правом крыле и наемники в погоне за отступающими 2 положили на месте большое число врагов. После этого он возвратился в свою стоянку и там провел ночь. На следующее утро царь велел подобрать и похоронить своих убитых, снять доспехи 3 с неприятельских трупов и двинулся с войском к Рафии. С другой стороны, Антиох тотчас после бегства решил было расположиться станом вне города, стянув сюда войска, которые бежали в порядке; но так как большинство войска укрылось в городе, то и 4 сам он вынужден был войти в город. К утру он вывел уцелевшие войска и направил к Газе; расположившись станом, он отправил к неприятелю послов за разрешением похоронить своих убитых 5 и, получив соизволение Птолемея, предал их погребению. Число павших воинов Антиоха было немного меньше десяти тысяч пехоты и больше трехсот конницы; в плен попало более четырех 6 тысяч человек. Из слонов три остались на поле битвы, а два других пали от ран. На стороне Птолемея было убитых около тысячи пятисот человек пехоты и до семисот конницы; слонов пало шестнадцать, а большая часть захвачена неприятелем.

7 Так кончилась битва царей при Рафии за обладение Койлесирией. После погребения павших воинов Антиох с войском отступил домой, а Птолемей без всякого сопротивления взял Рафию 8 и прочие города, ибо все городские общины спешили одна перед другой покинуть врага и возвратиться под власть Птолемея. Конечно, в такие времена все люди стараются приспособиться как-нибудь к сложившимся обстоятельствам, а тамошние народы больше других обнаруживают природную склонность и охоту уступать 9 требованиям времени. Тогда это происходило тем неизбежнее, что самое расположение влекло их к александрийским царям, ибо население Койлесирии издавна отличалось глубокою привязанностью к этому дому. Вот почему не было тогда недостатка в самом 10 неумеренном выражении лести, и люди воздавали почет Птолемею венками, жертвами, алтарями и всякими иными способами.

87 По прибытии в город, носящий его имя, Антиох из опасения неприятельского нашествия немедленно отправил к Птолемею послов, племянника Антипатра и Теодота Гемииолия, для окончания войны и заключения мира. После понесенного поражения он не доверял более населению и опасался, как бы Ахей не воспользовался обстоятельствами для нападения. Но ничего этого Птолемей не принимал в соображение; он радовался победе, которой не ожидал, и вообще нежданному завоеванию Койлесирии; 2 от мира царь не уклонялся, напротив жаждал его больше, чем подобало, в силу привычки к беспечной и порочной жизни.¹ По 3 этому, когда явился Антипатр с товарищем, Птолемей довольствовался легкими угрозами и укоризнами по случаю содеянного Антиохом и затем согласился заключить перемирие на один год. 4 Вместе с послами Антиоха он отправил Сосибия для утверждения 5 договора, а сам, пробыв в Сирии и Финикии три месяца и восстановив прежний порядок в городах, оставил Андромаха из Аспенда начальником всех этих стран и отправился с сестрою и 6

¹ 34 1. 36 1.

друзьями в Александрию. Такой конец войны был неожиданно- 8
стью для его подданных, знавших его всегдашний образ жизни.
По утверждению договора с Сосибием Антиох, согласно первоначаль- 9
начальному плану, стал готовиться к войне с Ахеем.

В таком положении были дела Азии. В описанное выше время 88
родосцы воспользовались землетрясением, которое задолго перед
тем посетило их, разрушило мощный колосс, большую часть стен
их и верфей; они воспользовались этим бедствием столь благо- 2
разумно и умело, что оно послужило им скорее ко благу, чем
во вред. Так велика у людей разница между безрассудством и 3
беспечностью, с одной стороны, заботливостью и рассудительно-
стью — с другой, как в частной жизни, так и в государственной,
что одним вредят самые удачи, а для других и несчастья служат
источником преуспевания.¹ Так и родосцы в то время устраивали 4
свои дела: хотя постигшее их бедствие они изборождали тяжким
и ужасным, однако посольства их в общественных собраниях и
в частных беседах держали себя с таким достоинством и внуши-
тельностью, что города и особенно цари не только предлагали им
великолепные подарки, но даже сами еще благодарили их. Так, 5
например, Гиерон и Гелон не только подарили им семьдесят...
пять талантов серебра на масло, употребляемое в гимназии, часть
этих денег тотчас, остальные вскоре, но и пожертвовали сереб-
ряные кувшины и подставки к ним и несколько сосудов для воды,
кроме того, на жертвы десять талантов и на облегчение нужд 6
граждан другие десять, так что стоимость всего дара доходила до
ста талантов.² Они же даровали свободу от пошлин для идущих 7
к ним судов родосцев и пятьдесят трехлоктевых катапульта. На
конец, сделав такие подарки, они как бы в благодарность еще 8
поставили статуи на дигмате родосцев: родосский народ, венчае-
мый народом сиракузян. Птолемей³ также обещал им триста та- 89
лантов серебра и миллион артаб хлеба, строительного леса на де-
сять пятипалубных и на столько же трехпалубных судов, имен-
но сорок тысяч обыкновенных локтей четырехгранных сосновых
брусьев, тысячу талантов медной монеты, три тысячи талантов 2
пакли, три тысячи парусов, на восстановление колосса три тысячи 3
талантов меди, сто мастеров и триста пятьдесят рабочих и на со-
держание их отпускал ежегодно четырнадцать талантов; сверх то- 4
го на состязания и жертвы двенадцать тысяч артаб хлеба, а равно
двадцать тысяч артаб на содержание десяти трирем. Большую 5
часть этих даров он выдал им немедленно, а денег — третью
часть всей суммы. Подобно этому, Антигон⁴ дал им десять тысяч 6
кольев длиною от восьми до шестнадцати локтей на сваи, пять
тысяч семилоктевых балок, три тысячи талантов железа, тысячу
талантов смолы и тысячу метретов смолы в сыром виде, сверх
того обещал сто талантов серебра. Супруга его Хирсеида подарила 7
сто тысяч артаб хлеба, три тысячи талантов свинца. Отец Анти- 8
оха Селевк⁵ даровал свободу от пошлин для приходящих в пре-
делы его царства, потом десять оснащенных пятипалубников, две-
сти тысяч метретов хлеба, далее десять тысяч локтей лесу и по 9

Землетря-
сение на
Родосе и
мудрость
родосцев

¹ Ср. III 4 5.

² Около 150 000 руб.

³ Эвергет.

⁴ Антигон Досон.

⁵ С. Каллиник.

90 тысяче талантов смолы и волоса. Подобное же участие показали Прусий и Митридат, а также тогдашние владыки Азии, я разумею Лисания, Олимпиха и Лимнея. Что касается городов, помогавших им по мере возможности, то трудно было бы даже перечислить их. Таким образом, если принять во внимание только то время, с которого город родосцев начал застраиваться, то нельзя не подивиться быстроте, с какою умножалось достояние отдельных граждан и целого государства; но перестаешь удивляться, если вспомнишь удобства местоположения этого города и обилие благ, притекавших ему извне; напротив, начинаешь думать даже, что благосостояние его не достигло подобающей высоты.

5 Я рассказал это, во-первых, для того, чтобы показать ревность родосцев о своем государстве: в этом отношении они действительно заслуживают похвалы и достойны подражания; во-вторых, для того, чтобы обличить скупость нынешних царей и скудость полученных от них со стороны народов и городов. Пускай цари, давая четыре-пять талантов, не воображают, что делают что-либо важное, и пускай не рассчитывают на ту признательность и почет от эллинов, какими пользовались цари прежнего времени. С другой стороны, пускай и города, зная и живо памятуя значительность прежних даров, не расточают величайших и великолепнейших почестей в награду за малоценные, скудные дары; напротив, пускай они стараются воздавать каждому по заслугам, не забывая того, насколько эллины превосходят все прочие народы.

91 170 лето только что наступило, стратегом этолян был Агет, на должности стратега у ахеян был Арат, — в этом месте мы уклонились в сторону от союзнической войны,¹ — когда спартавец Ликург возвратился домой из Этолии.² Дело в том, что эфоры убедились в лживости обвинения, по которому Ликург был изгнан, а потому послали за ним и пригласили вернуться. Ликург условился с этолийцем Пиррием, тогдашним военачальником элейцев, совершить вторжение в Мессению. Между тем Арат нашел, что наемные войска ахеян распушены, что города неисправно делают свои взносы, ибо предшествовавший ему стратег Эперат, как сказано мною выше,³ вел союзные дела неумело и нерадиво. Как бы то ни было, Арат созвал ахеян, провел свое предложение и усердно занялся приготовлениями к войне. Постановление ахеян было таково: содержать наемников в количестве восьми тысяч пехоты и пятисот конницы, а из ахеян набранных воинов три тысячи пеших и триста конных. В числе их должно быть мегалопольцев с медными щитами пятьсот пеших и пятьдесят конных и столько же аргивян. Решено было также отправить корабли в море: три к Акте и Арголидскому заливу, три к Патрам и Диме, именно в тамошнее море.

92 Вот чем занят был Арат, и вот какие меры принимал он. Ликург и Пиррий обменялись посольствами, условились относительно выступления в поход в одни и те же дни и направились к Мессении. Стратег ахеян узнал об их замыслах и с целью помочь мессенянам прибыл в Мегалополь с наемниками и частью воинов ахейского призыва. По выступлении в поход Ликург с помощью

¹ 30 7.

² 29 8 сл.

³ 30 1. 5.

измены взял Каламы, поселение мессенян, а затем поспешил дальше на соединение с этолянами. Пиррий вышел из Элиды с 5 весьма слабым отрядом, во время вторжения в Мессению был задержан кипарисянами и возвратился домой. Таким образом, Ли- 6 кург не имел возможности соединиться с Пиррием, а сам по себе он был недостаточно силен, поэтому после нескольких нападений на Анданию возвратился ни с чем в Спарту. Когда замыслы не- 7 приятеля не удались, Арат, действуя правильно и предусмотрительно, условился с Таврионом о снаряжении пятидесяти конных воинов и пятисот пеших и с мессенянами об отправке ими такого же числа конных и пеших воинов. Арат рассчитывал с помощью 8 этих отрядов защитить земли мессенян, мегалопольцев, тегеян, а также аргивян: земли эти находятся на границах с Лаконикой, 9 и война лакедемонян угрожала им больше, чем кому бы то ни было иному из пелопоннесцев. С набранными из ахеян воинами 10 и с наемниками он предполагал охранять обращенные к Элее и Этолии части Ахаи.

Сделав эти распоряжения, Арат согласно постановлению ахеян 93 занялся умиротворением мегалопольцев. Незадолго перед тем они 2 потеряли отечество через Клеомена, сами они разорены были, как говорится, до основания, нуждались во многом, а скудость терпели во всем.¹ Мужество мегалопольцев оставалось нерушимым, 3 но они лишены были всяких средств к жизни, как отдельные граждане, так и государство. Вследствие этого все охвачено было 4 недовольством, везде были распри и взаимное озлобление: так бывает всегда в домашних и государственных отношениях, когда не хватает средств на те или другие предприятия. Разлад возник 5 прежде всего из-за обведения города стенами, ибо одни утверждали, что размеры стены необходимо сократить и дать городу такой объем, чтобы начатые стены можно было довести до конца и защитить город в случае опасности, что и теперь город пострадал благодаря своей обширности и малолюдству населения.² Они 6 же требовали, чтобы богатые граждане уступили третью часть своих земель для наделения новых поселенцев. Другие восставали как 7 против уменьшения города, так и против уступки третьей части имущества. Больше всего спорили между собою граждане из-за 8 писанных законов Пританида, которого дал им в законодатели Антигон и который был одним из знаменитейших представителей перипатетического учения. Невзирая на такой разлад, Арату уда- 9 лось, насколько можно было, умиротворить мегалопольцев. Условия, на коих они прекратили междоусобные распри, мегалопольцы начертали на столбе и поставили его подле жертвенника Гестии в Гомарии.

По умиротворении мегалопольцев Арат сам отправился на со- 94 брание ахеян, а наемников передал Лику из Фар, так как сей последний был в это время местным стратегом в родном округе. Между тем элейцы, недовольные Пиррием, призвали назад от 2 этолян Еврипида в стратеги. Он дождался собрания ахеян и, взяв 3 с собою шестьдесят конных воинов и две тысячи пеших, выступил в поход, прошел фарскую область, простер свои опустошительные набеги до эгейской земли, после чего с богатой добычей отступил 4

¹ II 55. IV 25 4.

² II 44 5. 55 2.

- 5 к Леонтию. По получении об этом сведений Лик поспешил на
защиту города. Настигнув врагов и с набега напав на них, войско
Лика положило на месте четыреста человек и забрало в плен че-
6 ловек двести. В числе их были и люди значительные: Фиссий,
Антанор, Клеарх, Андролох, Эванорид, Аристокитон, Никаситис,
7 Аспасий; все вооружение и обоз попали в его руки. В это самое
время начальник ахейского флота вышел к Моликрее и увел от-
8 туда немного меньше ста пленных. На обратном пути он напра-
вился морем к Халкии и, когда жители города вышли против не-
го, захватил два длинных судна с командою, а подле Рия это-
9 лийского¹ взял быстроходную лодку вместе с людьми. К этому
времени добыча с суши и с моря собрана была в одно место; до-
ставленная ею выручка и припасы успокоили воинов относитель-
но получения жалованья и внушали надежду городам, что они
не будут обременяемы налогами.
- 95 Скердилаид почитал себя в обиде от царя, так как ему не-
додано было кое-что из денег, следовавших по заключенному с
Филиппом договору, а потому во время описанных выше событий
он выслал пятнадцать судов, замышляя добыть себе эти деньги
2 хитростью. Суда пристали к Левкаде, все жители которой при-
3 нимали их как друзей в силу состоявшегося недавно союза. Сна-
чала иллирияне не причиняли никакого зла населению, да и не
могли причинить его; но потом предательски напали на корин-
фян, Агафина и Кассандра, когда они пришли на четырех ко-
раблях Тавриона и бросили якорь подле судов Скердилаида, по-
читая их дружественными. Иллирияне захватили суда и отправили
4 их Скердилаиду. После этого они отплыли от Левкады в открытое
море по направлению к Малее, грабили и забирали в плен тор-
говых людей.
- 5 Так как время жатвы наступило, а Таврион не думал о за-
щите поименованных выше городов, то Арат с набранным из
ахеян войском взял на себя охрану уборки хлеба в аргивской зем-
6 ле, а Еврипид с этолянами выступил в поход с целью разграбить
7 область тритеян. Узнав о выступлении этолян из Элиды, Лик и
Демодок, начальники ахейской конницы, присоединили к своим
8 наемникам димеян, патрян и фарян и вторглись в Элею. По при-
бытии к так называемому Фиксию они отрядили легковооружен-
ных и конницу для разорения страны, а тяжеловооруженное вой-
9 ско скрыли в названном выше месте. Все полчище элейцев ки-
нулось на грабителей и гнало отступающих; тогда из засады под-
10 нялся отряд Лика и ударил на ушедших вперед элейцев. Элейцы
не ожидали натиска врагов и при виде их тотчас обратились в
бегство; из них пало на месте до двухсот человек, взято в плен
восемьдесят, а ахеяне беспрепятственно собрали всю добычу, ка-
11 кую награбили в окрестностях, в одно место. В то же время на-
чальник ахейского флота во время многократных высадок на по-
бережья калидонское и навпактское опустошал тамошние поля
12 и дважды разбил наголову выходившие против него войска. Он
взял в плен гражданина Навпакта Клеоника, который был про-
ксеном ахеян, поэтому его не продали тут же, а через несколько
времени даже отпустили без выкупа.

¹ Ср. IV 6 8.

В это самое время стратег этолян Агет, призвав к оружию весь этолийский народ, разграбил область акарнатов и прошел по всему Эпиру, беспрепятственно опустошая его. После этого он возвратился домой и распустил этолян по городам. Со своей стороны акарнаты вторглись в область Страта, но, охваченные паническим страхом, вернулись назад с позором, хотя и без урона, ибо жители Страта не дерзнули преследовать их, полагая, что враг отступает для устройства засады.

В городе фанотеян совершенно было двойное предательство такого рода: Александр, поставленный Филиппом в начальники Фокиды, при помощи Язона, назначенного в начальники над городом фанотеян, устроил козни против этолян. Язон послал сказать стратегу этолян Агету, что он согласен предать ему фанотейский Акрополь, и об этом заключил с ним клятвенный договор. Когда наступил назначенный день, Агет с этолянами явился в ночную пору к фанотеянам, все войско скрыл на некотором расстоянии от города, отобрал только сто храбрейших воинов и послал их к Акрополю. Между тем Язон, державший в городе наголове Александра с воинами, взял с собою юных этолян и согласно клятвенному уговору ввел всех их в Акрополь, куда проник и Александр со своим отрядом. Отборные этоляне были захвачены. На рассвете Агет узнал о случившемся и увел войско назад: он сделался жертвою козней, подобных тем, какие сам устраивал часто против других.

Тем временем царь Филипп занял Билазоры, важнейший город Пеонии, весьма удобно расположенный на пути из Дарданики в Македонию, так что благодаря этому подвигу он почти окончательно оградил себя от опасностей со стороны дарданян. Когда проходы через вызванный выше город были в руках Филиппа, нелегко уже стало для дарданян проникать в Македонию. Обеспечив его за собою, Филипп поспешно отправил Хрисогона с поручением привести сюда также верхних македонян, а сам присоединил к себе воинов из Боттии и Амфакситиды и прибыл в Эдессу. Там он подождал македонян с Хрисогоном и затем со всем войском двинулся в поход, а на шестой день прибыл к Ларисе. Скорым шагом, непрерывно продолжая путь и ночью, он к рассвету достиг Мелитеи¹ и с помощью приставленных к стенам лестниц попытался было взять город. Внезапное и неожиданное его появление навело ужас на мелитеян, так что город мог быть взят легко; но лестницы оказались слишком малыми, и попытка не удалась. За неудачи такого рода следовало бы винить большую часть начальников. И в самом деле, если кто без всяких приготовлений, не измерив стен, обрывов и других подобных преград, через которые намеревается проникнуть в город, без всякого предварительного исследования собирается взять город, то как не порицать такого вождя? Или же если кто и произведет измерения самозачем, а потом изготовление лестниц и вообще всех подобных орудий, требующих небольшого труда, но подвергающихся испытанию в решительный момент, поручает без разбора первому встречному, можно ли не винить такого начальника? В подобных предприятиях невозможно упустить что-либо нужное без того, чтобы не нанести тяжелого ущерба; напротив, бедствие следует

97
Филипп в
Пеонии и
Фессалии

¹ 63 11 прим.

за ошибкою в многообразных видах: оно постигает достойнейших людей или в момент самого исполнения предприятия, или еще больше во время отступления, раз неприятель почувствовал презрение к отступающим. Примеров этого множество, ибо в числе начальников, допустивших ошибку в такого рода предприятиях, можно больше указать таких, которые погибли или очутились перед лицом величайшей опасности, нежели таких, которые вышли невредимыми. Да и эти последние уготовляют для себя на будущее время всеобщее недоверие и злобу, каждому напоминая о необходимой осторожности, так как не только потерпевшим, но и проведавшим о том людям дается как бы урок, что обязательно озирайтесь кругом и быть настороже. Вот почему начальникам никогда не следует действовать в подобных предприятиях опрометчиво. Измерение и изготовление подобных орудий легко и удобоисполнимо, если только при этом в точности соблюдаются правила.

11 Теперь возвратимся к прерванному рассказу; что же касается этих случаев, то в дальнейшем изложении в свое время и на своем месте мы постараемся показать, каким образом легче всего избежать неудачи в подобных делах¹.

99 Когда попытка не удалась, Филипп расположился станом подле реки Энипея и велел доставить сюда из Ларисы и прочих городов все осадные орудия, заготовленные в зимнюю пору. Главною целью похода было взять Фивы, именуемые Фтиотидскими. Город этот лежит недалеко от моря стадиях в трехстах² от Ларисы. По занимаемому положению город господствует над Магнесией и Фессалией, в первой главным образом над областью Деметриады, во второй — фарсальцев и ферейцев. В то время, как городом этим владели этоляне и оттуда совершали набег за набегом, деметриадяне и фарсальцы, а также ларисяне терпели от того большие беды, ибо этоляне не раз доходили в своих набеггах до так называемой Амирской равнины. Вот почему и Филипп считал немаловажным для себя делом взять этот город силою и приложил к тому большое старание. Собрав здесь сто пятьдесят катапульт и двадцать пять камнеметательниц, Филипп подошел к Фивам, разделил войско на три части и занял ими окрестности города. Одна часть войска расположилась подле Скопия, другая подле так называемого Гелиотропия, третья заняла господствующую над городом гору; промежутки между стоянками он оградил рвом и двойным окопом, защитил их деревянными башнями, поставленными на расстоянии плетра³ одна от другой и снабженными достаточным гарнизоном. Вслед засим собраны были в одно место все орудия осады, и царь приказал придвигать машины к Акрополю.

100 В течение первых трех дней благодаря мужеству и отваге защитников города Филипп не мог придвинуть к нему ни одного из своих сооружений. Потом вследствие непрерывных стычек и обилия метательных снарядов, выпущенных на город, передовые бойцы города были частью перебиты, частью ранены, и наступила небольшая передышка; тогда македоняне начали земляные работы.

¹ IX 19.

² 7¹/₂ миль.

³ 100 фут.

Невзирая на усиленный труд они едва на девятый день дошли 3 до стены, так как местность была неудобна для подкопов. После 4 этого македоняне чередовались в работе, так что не прекращали ее ни днем, ни ночью, за три дня подкопали стену на два плетра¹ и поставили подпорки. Но подпорки не выдержали тяжести и упали; тогда обрушилась и стена, прежде чем македоняне бросили туда огонь. Македоняне быстро расчистили место пролома, про- 6 кладывали себе путь в город и уже готовы были ворваться в него силою, как уstraшенные фиванцы сдали им город. Этим подвигом 7 Филипп оградил от опасностей Магнесию и Фессалию, отнял у этолян богатую добычу и доказал своим войскам, что по заслугам казнил Леонтия, который раньше при осаде города палеян обнаружил злонамеренную трусость.² Овладев Фивами, Филипп про- 8 дал в рабство прежних жителей, на месте их поселил македонян и переименовал город из Фив в Филиппополь.

Фивское дело уже кончилось, когда снова явились для пере- 9 говоров о мире послы от хиосцев, родосцев, византийцев и от царя Птолемея.³ Филипп отвечал послам почти то же, что и прежде 10 де, сказал, что не прочь заключить мир, и послал их испытать настроение этолян. На самом деле царь вовсе не думал о зами- 11 рении и жаждал новых подвигов.

По получении известия, что суда Скердилаида⁴ занимаются гра- 101 бежом подле Малей и поступают со всеми торговыми людьми как с неприятелями, что они предательски похитили несколько его собственных судов, стоявших вместе с ними на якоре у Левкады, Филипп оснастил двенадцать палубных кораблей, восемь открытых и тридцать полуторных, и направился через Эврип с целью настичь иллирян: он всецело занят был мыслью о войне с это- 2 льянами, потому что ничего не слышал еще о событиях в Италии.

Погоня
Филиппа
за Скерди-
лаидом

Между тем в то время, как Филипп осаждал Фивы, римляне 3 потерпели поражение от Ганнибала в Тиррении, но слухи об этом не дошли еще до эллинов⁵.

Филипп не нашел уже судов Скердилаида и стал на якоре по- 4 дле Кенхрей; крытые корабли он отправил с приказанием обойти Малейю и плыть к Эгию и Патрам, остальные суда велел переташить через перешеек и поставить на якорь у Лехея. Сам Фи- 5 липп с друзьями поспешно прибыл в Аргос на немейское празднество. Царь смотрел гимнастическое состязание, когда из Ма- 6 кедонии явился вестник с письмом о том, что римляне разбиты в большом сражении, и поле битвы во власти Ганнибала. Филипп 7 не замедлил показать письмо одному лишь Деметрию из Фара и велел молчать. Воспользовавшись письмом, этот последний стал 8 советовать Филиппу кончить возможно скорее войну с этолянами, заняться покорением Иллирии и переправиться в Италию. И те- 9 перь уже вся Эллада покорна ему, уверял Деметрий, будет покорна и впредь: ахеяне по доброй воле, из расположения к нему, а этоляне их страха, вследствие неудач, какие претерпели в на- стоящей войне. Между тем Италия, продолжал он, и переправа 10 к ней будут первым шагом к завоеванию всего мира, каковое

¹ 200 фут.

² 4. 27.

³ 24 11.

⁴ 95 4.

⁵ III 84.

приличествует ему больше, чем кому бы то ни было иному. Теперь, когда римляне сокрушены, настал для этого благоприятный момент.

102
Мир Филиппа и ахейян с этолянами

Подобными речами Деметрий, как я полагаю, быстро воспламенил Филиппа, царя юного, счастливого в предприятиях и, по общему мнению, отважного; к тому же он происходил из такого дома, который всегда мечтал о всемирном владычестве.

2 Как я сказал, Филипп в то время доверил полученное в письме известие одному только Деметрию, потом собрал друзей и со-
3 вещался с ними о прекращении войны с этолянами. Арат и друзья его также не прочь были кончить войну, рассчитывая на то, что
4 будут заключать мир в положении победителя. Поэтому царь не стал дожидаться послов для ведения мирных переговоров в общем собрании и тотчас отправил послом к этолянам уроженца Нав-
5 пакта Клеоника, который по освобождении из плена дожидался только собрания ахейян.¹ Сам Филипп с кораблями, что были в
6 Коринфе, и с сухопутным войском направился в Эгий, оттуда прошел дальше, к Ласиону, взял укрепление в Периппиях и делал вид, будто желает вторгнуться в Элею, дабы не показалось,
7 что он усиленно добивается прекращения войны. После дву- или троекратного хождения Клеоника к этолянам и обратно царь
8 уступил их просьбе начать мирные переговоры. Приостановив военные действия, он отправил к союзным городам гонцов с письмами, в которых просил присылать своих людей для участия в
9 общих совещаниях о заключении мира, сам с войском переправился на другой берег и расположился станом подле Панорма, гавани Пелопоннеса, что напротив города навпактян, и здесь ожидал
10 представителей от союзников. Пока они собирались, Филипп отплыл к Закинфу, собственною властью устроил дела острова и возвратился в Панорм.

103 Так как участники совещания уже собрались, то Филипп отправил к этолянам Арата, Тавриона и вместе с ними несколько
2 человек, прибывших на совет. Те явились в Навпакт, куда собрались этоляне всюю массой, немного поговорили с ними и, убедившись в их мирном настроении, возвратились с этим известием
3 к Филиппу. Этоляне торопились кончить войну и вместе с ахейскими послами отправили к Филиппу своих с просьбою явиться к ним с войском, дабы переговоры можно было вести на близком
4 расстоянии и надлежащим образом привести дело к концу. Подстрекаемый этим приглашением, Филипп с войском переплыл к так называемым Койлам Навпактии, отстоящим от города стадий
5 на двадцать.² Здесь царь расположился лагерем, оградил окопами корабли и стоянку и ждал наступления переговоров. Этоляне явились всюю массой безоружные и на расстоянии стадий двух от Филипповой стоянки посылали к нему послов и вели переговоры о мире. Сначала царь выслал всех прибывших от союзников
7 представителей и через них предложил этолянам мир на 8 условии — оставаться каждой стороне при своих владениях. Этоляне охотно приняли это предложение; тогда последовали непрерывные переговоры через послов обеих сторон об отдельных пунктах. Большую часть речей мы опустим, как ничем не замеча-

¹ 95 12

² 3 1/2 версты.

тельных; передадим только воззвание уроженца Навпакта Аге- 9
лая,¹ с каким он обратился в первом собеседовании к царю и при-
сутствовавшим союзникам.

Он говорил, что для эллинов должно быть всего желаннее ни- 104
когда не воевать друг с другом, что они должны вознести богам
великую благодарность, если, пребывая в полном согласии, креп-
ко взявшись за руки, как бывает при переправе через реку, они
в состоянии будут отражать общими силами нашествие варваров
и спасать свою жизнь и свои города. Если же вообще это невоз- 2
можно, то он желал бы, чтобы по крайней мере на сей раз они
соединились между собою и оберегали друг друга в такое время,
когда на западе встали сильные полчища и возгорелась великая
война. И теперь уже для всякого ясно, кто хоть немного разумеет 3
в государственных делах, что, восторжествуют ли карфагеняне над
римлянами, или римляне над карфагенянами, победитель ни в
каком случае не удовольствуется властью над италийцами и си-
цилийцами, что он будет простираť свои замыслы и поведет свои
войска далеко за пределы, в каких подобало бы ему держаться.
Поэтому навпактиец Агелай убеждал всех, наипаче Филиппа, при- 4
нять меры против грозящей опасности. Благоразумие внушает, что- 5
бы он перестал обессиливать эллинов и тем готовить в них легкую
добычу для злоумышляющего врага, чтобы он, напротив, берег
их как самого себя и вообще заботился о них, как о своем соб-
ственном достоянии. Таким способом действий, говорил он, Фи- 6
липп стяжает себе благоволение эллинов и найдет в них пред-
анных пособников в своих предприятиях; тогда и иноземцы будут
меньше посягать на его владычество, устрасаемые верным сою-
зом с ним эллинов. Если царь стремится к приумножению своих 7
владений, то он советует ему обращать взоры на запад и зорко
следить за нынешними войнами в Италии, дабы в положении
мудрого наблюдателя выждать удобный момент и попытаться до-
быть себе всемирное владычество. Настоящий момент благопри- 8
ятствует таким стремлениям. Распри и войны с эллинами он 9
убеждал царя отложить до времен более спокойных и позаботиться
больше всего о том, чтобы сохранить за собою возможность
заключать с ними мир или воевать по своему желанию. «Если 10
царь допустит только, чтобы поднимающиеся теперь с запада ту-
чи надвинулись на Элладу, то следует сильно опасаться, как бы
у всех нас не была отнята свобода мириться и воевать и вообще
устраивать для себя взаимные развлечения, — отнята до такой 11
степени, что мы будем вымаливать у богов как милости, чтобы
нам вольно было воевать и мириться друг с другом, когда хотим,
и вообще решать по-своему наши домашние распри».

Такого рода речью Агелай побудил всех союзников к заклю- 105
чению мира, особенно Филиппа, ибо высказанные им доводы от-
вечали настроению царя, уже ранее подготовленного увещаниями
Деметрия. Согласившись между собою по отдельным предметам 2
и утвердив договор, стороны разошлись, причем каждый уходил
к себе на родину с миром вместо войны.

Все это совершилось на третьем году сто сороковой олимпи- 3
ады: сражение римлян в Тиррении и сражение Антиоха за Кой- 217
лесирию, а равно примирение ахеян и Филиппа с этолянами.

Одновре-
менность
событий

¹ Ср. IV 16 10. 18 8.

- 4 В это время и на этом совещании впервые переплелись между
5 собою судьбы Эллады, Италии и Ливии.¹ Действительно, с этого
времени Филипп, и руководящие власти эллинов, начинали ли
они войну друг с другом, или заключали мир, не только сооб-
6 разовались с отношениями в Элладе, но с той поры все они об-
ращали свои взоры к итальяйским соглядатаям. Вскоре подобное
7 же положение дел наступило для жителей островов и Азии. Так,
народы, недовольные Филиппом, или другие, ссорившиеся с Ат-
талом, не обращались более ни к Антиоху, ни к Птолемею, ни
на юг, ни на восток, но взирали на запад, причем одни отпра-
8 ляли посольства к карфагенянам, другие к римлянам. С другой
стороны, и римляне обращались к эллинам из страха перед от-
вагою Филиппа и из опасения, как бы он своим участием не при-
умножил удручавших их бед.
- 9 Как кажется, согласно первоначальному обещанию мы выяс-
нили, когда, каким образом и по каким причинам дела Эллады
10 переплелись с итальяйскими и ливийскими. Нам остается довести
последовательный рассказ об эллинах до времени поражения рим-
лян при Канне, на чем мы остановились в изложении итальяйских
событий,² и затем заключить настоящую книгу, доведя и ее до
той же поры.
- 106 Итак, ахейяне, лишь только покончили с войною и выбрали
себе в стратеги Тимоксена, возвратились к исконным учрежде-
2 ниям и занятиям. В одно время с ахейянами и прочие города Пе-
лопоннеса восстановили у себя присущий каждому из них поряд-
ок жизни, обрабатывали поля, возобновили унаследованные от
предков жертвы, всенародные празднества и прочие способы бо-
3 гопочитания, какие были в обычае в каждом городе. Дело в том,
что по причине непрерывных войн прежнего времени все подо-
4 бные предметы в большинстве городов были почти забыты. Не
знаю, почему, случилось так, что пелопоннесцы, наиболее склон-
ные к спокойному, человеческому существованию, издавна на-
слаждаются им меньше всех: так было по крайней мере в более
древние времена. Напротив, они, как выражается Еврипид, «все-
5 гда зажигали войны и никогда не имели покоя от брани». Объ-
ясняется это, по-моему, легко. Все люди, властолюбивые и сво-
бодолубивые по природе, пребывают в непрестанной взаимной
6 вражде, ибо никто не желает уступать первенство другому. Афи-
няне избавились от страха перед македонянами и с того времени
7 воображали, что независимость их прочно обеспечена. Веду-
димые Эвриклидом и Микионом, они не принимали участия ни
в каких движениях прочих эллинов. Разделяя настроение и же-
лание своих руководителей, они простирались в прах перед всеми
8 царями, наипаче перед Птолемеем, допуская всякого рода по-
становления и общественные восхваления и по легкомыслию сво-
их вождей мало заботились о соблюдении достоинства.
- 107 Вслед за описанными выше событиями у Птолемея началась
2 война с египтянами. Дело в том, что, вооружив египтян для вой-
ны в Антиохом, царь прекрасно распорядился относительно на-
3 стоящего, но ошибся в будущем. Египтяне возгордились победою
при Рафии и вовсе не желали повиноваться властям. Почитая

1 Ср. I 3—5. IV 28 з.

2 III 118.

себя достаточно сильными для борьбы, они искали только годного в вожди человека и немного времени спустя нашли такового. Между тем Антиох провел зиму в больших приготовлениях к войне, а затем с наступлением лета перевалил через Тавр и, заключив союз с царем Атталом, начал войну против Ахея.

Этоляне первое время радовались миру с ахеянами, ибо война приняла было оборот, противоположный их ожиданиям; поэтому и в стратеги они выбрали уроженца Навпакта Агелая, так как его почитали главным виновником замирения. Однако очень скоро радость их сменилась недовольством, и они стали укорять Агелая за то, что он отрезал им все пути к добыче на стороне и отнял у них всякую надежду на будущее, ибо мир заключен был не с некоторыми только эллинами, но со всеми. Агелай терпеливо переносил безумные укоры этолян и сдерживал их порывы, так что этоляне наперекор своей природе вынуждены были оставаться в покое.

Царь Филипп по заключении мира возвратился морем в Македонию и нашел, что Скердилаид под предлогом недополучения денег, — на этом же основании он предательски захватил и суда у Левкады,¹ — разграбил теперь городок Пелагонии по имени Писсей, обещаниями обратил на свою сторону города Дассаретиды, Фиботиды: Антипатрию, Хрисондион, Гертунт, а равно опустошил набегами значительную часть смежной с ними Македонии. Поэтому Филипп тотчас с войском устремился против отложившихся городов с целью покорить их снова и вообще решился идти войною на Скердилаида. Как для прочих своих предприятий, так в особенности для переправы в Италию он находил настоятельно необходимым покончить с делами Иллирии. Деметрий непрерывно подогревал в царе эти желания и замыслы, так что Филипп мечтал о завоеваниях даже во сне, и всецело занят был этими планами. Деметрий действовал таким образом не столько ради Филиппа, — ему отводилось при этом едва третье место, — сколько из ненависти к римлянам, больше всего ради себя самого и собственных выгод: только таким способом рассчитывал он возвратить себе владычество на Фаре.² Как бы то ни было, Филипп отвоевал поименованные выше города, кроме того, взял в Дассаретиде Креоний и Герунт, а в окрестностях Лихнидского озера Энхеланы, Керак, Сатион, Бои, в земле калойкинов Бантию и в области так называемых писантинов Оргисс. По завершении этих дел он распустил войска на зимние квартиры. Это была та самая зима, в которую Ганнибал по опустошении превосходнейших стран Италии собирался проводить зиму подле давийского города Геруния. Римляне в то время выбрали в консулы Гая Теренция и Луция Эмилия.³

Во время зимовки Филипп соображал, что для осуществления его замыслов нужны суда и команда не столько, впрочем, для морской битвы, так как для этого он не чувствовал себя достаточно сильным, сколько для переправы войска, для скорейшего размещения его на выбранных пунктах и для устрашения врага неожиданным появлением. В том убеждении, что для этой цели

Напрасная
переправа
Филиппа в
Италию

¹ 95 1—4.

² III 18—19.

³ III 100.

4 всего пригоднее будут суда иллирийского устройства,¹ он чуть не первый из царей Македонии принялся за сооружение сотни таких судов. Когда суда были оснащены, Филипп в начале лета стянул свои войска и после кратковременного упражнения македонян в 5 гребле веслами вышел в море. В то время, как Антиох перевалил через Тавр, Филипп прошел через Эврип, обогнул Малюю и прибыл в воды Кефаллени и Левкады, там бросил якорь и ждал 6 вестей о римском флоте. Узнав, что он стоит на якоре подле Лилибея,¹ Филипп смело пустился в море и направился к Аполлонии.

110 Царь подходил уже к устьям реки Аоя, которая протекает мимо города аполлониатов, когда флотом его овладел панический 2 страх, как бывает с войсками на суше. Случилось так, что несколько задних лодок, бросивших якорь подле острова, именуемого Сасоном и лежащего у входа в Ионийский пролив, подошли поздним вечером к Филиппу и сообщили, что подле них стали 3 какие-то лодки, идущие от пролива, что плывущие на них люди уверяли, будто оставили за собою у Регия римские пятипалубники на пути к Аполлонии и к Скердилаиду. Филипп вообразил себе, что чуть не весь римский флот уже идет на него, испугался 5 и приказал сниматься поскорее с якоря и плыть назад. Снятие со стоянки и отступление совершались в беспорядке; царь шел непрерывно день и ночь и на другой день пристал к Кефаллени. 6 Там Филипп немного пришел в себя и остановился, объясняя, что завернул сюда ради устройства некоторых дел в Пелопоннесе. 7 Страх его оказался совершенно напрасным. Дело происходило 8 так: по получении зимою известия, что Филипп сооружает большое число лодок, Скердилаид в ожидании появления его на море 9 через послов уведомил о том римлян и звал их на помощь. Римляне отрядили из того флота, что стоял у Лилибея, эскадру в 10 десять кораблей; их-то и видели у Регия. Если бы Филипп в напрасной тревоге не бежал, то в это время скорее, чем когда-либо, он достиг бы своей цели в Иллирии, ибо все помыслы и вооружения римлян обращены были тогда на Ганнибала и битву при 11 Канне, и суда их наверное попали бы в его руки. Напротив, теперь перепуганный известием, он возвратился в Македонию хотя и без потерь, но не без посрамления.

111 Около того же времени совершил кое-что достопримечательное и Прусий. Так, галаты, которых царь Аттал, побуждаемый 2 молвою об их храбрости, вызвал было из Европы для войны с Ахеом, и которые были отпущены этим царем вследствие недоверия, о коем уже сказано нами,² разоряли города на Геллеспонте с чрезмерною наглостью и ожесточением, наконец задумали осадить Илион. Но при этом славное дело совершено было жителями 4 Александрии, что в Трояде, именно: они отрядили четыре тысячи человек с Фемистом во главе и не только освободили город илионян от осады, но и выгнали галатов из целой Трояды, потому 5 что отрезали им доставку припасов и расстроили планы их. Тогда галаты заняли в области абидян город, называемый Арисбою, 6 злоумышляли и ходили войною и на окрестные города. Против

Истребление
галатов в
Трояде

¹ II 2 1 прим.

² III 96 13.

³ 78 4.

них-то и выступил в поход Прусий с войском, дал им правильное сражение, причем мужчины истреблены были в самой схватке, чуть не всех детей их и женщин он велел перебить в лагере, а имущество их отдал на расхищение своим воинам. Этим подвигом 7 Прусий избавил геллеспонтские города от сильного страха и опасности и в то же время дал прекрасный урок потомству, дабы европейские варвары не переходили легкомысленно в Азию.

Таково было положение дел в Элладе и Азии. Что касается 8 Италии, то после сражения при Канне большая часть ее перешла на сторону карфагенян, о чем говорено нами раньше.¹ На этом 9 месте, по изложению событий Азии и Эллады, обнимаемых сто сороковой олимпиадой, мы желаем приостановить наше повествование. В следующей засим книге согласно первоначальному 10 обещанию мы в немногих словах напомним введение и перейдем к изображению государственного устройства римлян.²

Переход к
следующей
книге

К О Н Е Ц І Т О М А

¹ III 118.

² Ср. I 64 2. III 2 6. 118.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЯТОЙ КНИГЕ

1 1 *Плеяды*. Восхождение этого созвездия около 10 мая знаменовало собою начало лета и приближение жатвы. Если таково было *тогда* начало гражданского должностного года ахеян, то почти на середину его приходились выборы должностных лиц у этолян. Ср. IV 37 2. V 30. Выражение «тогда» означает, что автору известен и другой порядок в другое время. В надписи II в. до Р. Х. выборы стратега Архона приходится на октябрь. G. Dittenberger, *Sylloge inscript. graecar.* 1883, 414.

6 в собрание. Совет стратега и демиургов созывал союзные собрания ахеян. Ср. XXIII 5 16.

7 *противодействие ἐδολοκακοῦντας*. Быть может, «зложелательное настроение» партии Арата выражалось только в воздержании их от поддержки требований Филиппа, провести которые в собрании не могла слабая партия Эперата.

9 в Сикион, родной город Аратов, где поэтому влияние их было неоспоримым.

ibid. в *задушевной беседе λαβῶν... εἰς τὰς χεῖρας*. Выражение *εἰς τὰς χεῖρας* в соединении с глаголами *παράγειν*, *συνελθεῖν*, *διδόναι ἑαυτῶν* и с дат. лица, или с глаголом *λαμβάνειν* и вин. лица означает близкие дружеские отношения. То же выражение в соединении с глаголами *σπάπτειν*, *σπίνειν* и дат. лица означают отношение враждебное.

11 *мер*, конечно мединнов, мединн = 52¹/₂ литра = 2 четверика с лишним.

2 4 *Лехей*, теп. *Volajo*, или *Pelagio*, коринфская гавань в Коринфском заливе. Здесь собирался флот для войны с западной Элладой.

ibid. *упражнял*. То же самое рассказывает автор о римлянах, готовившихся к морской войне с карфагенянами. I 21.

5 *Бесстрашные γενναῖοτατοι*. Македонская кавалерия славилась издавна (Фукид. II 100); что касается пехоты, то она в виде фаланги создана была гением Филиппа и Александра и сокрушена была только более подвижным манипульным строем римлян.

7 *Гесиод*. В уцелевших произведениях поэта выражение это не сохранилось.

8 на месте *ἐπ' αὐτῶν τῶν κειρῶν*, собственно: во время самых сражений.

ibid. в *Халкиду*, главный город Эвбеи у самого узкого места Эврипа, где остров соединен мостом с материком. Благодаря ее сильному местоположению Филипп называл Халкиду, как и Коринф, цепями Эллады. Страб. IX 4 15.

3 1 *неокритян*, упоминаются ниже 65 7. 79 10 рядом с критянами, вероятнее всего в смысле критских новобранцев.

3 в *Кефаллени*. Ливий, находившийся в большой зависимости от Полибия, пишет везде *Кефаллония*, *дамиург*, *Эвдам*, *Нас*. На этом основании Ниссен (*Kritische Untersuchungen*, 137, прим) полагает, что автор наш употреблял дорийские формы этих имен, переписчиками измененные в аттические. Фукидид называет этот остров четырехгранным *τετράπολις οὔσα* II 30 3.

ibid. к *Проннам*, другие формы *Πρώνιοι*, *Πρωνναῖοι*, город на юго-восточной оконечности Кефаллени.

4 *палеян*, город Палунт, подле теп. Ликсури, в западной части Кефаллени.

4 2 *Закинфу*, теп. *Zante*, остров к югу от Кефаллени, изобиловал лесами. *Од.* I, 24. *Virgil. Aen.* III, 270. Геродот (IV 195) упоминает об источниках на острове, выбрасывающих асфальт и сохранившихся до нашего времени.

5 3 *пассатам*, которые дуют с северо-запада в течение 40 дней летом. О них говорит и Геродот, VI 140.

7 и *безнаказанно... страну*. Так как выражение *καὶ πορθεῖσαι πᾶσαν ἀδείως* есть не более как диттография слов, употребленных на несколько строк выше — *καὶ πορθεῖσαι πᾶσαν ἀδείως* (§ 2), то Диндорф совсем вычеркивает второе выражение; Гульч предлагает вычеркнуть *καὶ πορθεῖσαι*. Сохраняя *πορθεῖσαι* и пр., необходимо изменить форму настоящего в буд. *πορθεῖσονται*.

10 в *совете... Мессению περὶ τὸν πλοῦν αὐτῶν διαβουλίον* поправка А. Кислинга (*Philolog. Anzeig.* 1869, стр. 94. Ср. *Hultsch, N. Jahrb.* 1869, стр. 456 и его же *addenda et corrig.* к 4 т.

Полибия. 1882. стр. 1398) в м. рукописного *περὶ τὸν Παλοῦντα διαβουλίον αὐτῶν*. Форма Palus была бы сочиненною самим Полибием, так как нигде более она не встречается ни до него, ни после. Во-вторых, коварство Леонтия в деле осады города палеан отмечено тут же в том же параграфе. В-третьих, форма *αἰσθανόμενος*, а не *αἰσθόμενος* указывает на ближайшее обстоятельство в настоящем (§ 5—8), а не на дальнейшее, в прошлом. Слова в *Мессению* добавлены нами для ясности. Заметки Кислинга и первая Гульча известны нам только из ссылки Гульча в *прибавлениях и поправках*.

11 к *Левкаде*, теп. Santa Mauga, остров, искусственным каналом оторванный от материка Акарнании. Ниже (§ 12) канал этот называется Диориктом; прорыт он коринфянами (Страб. X 2 §). В 425 г. до Р. X. на месте его был перешеек, и потому суда перетаскивались по сухому. Фукид. IV 8 2.

14 *Лимнеи*, кажется, теп. Kervasará, поселение Акарнании на пути от Аргоса Амфилохского к Страту.

6 6 *Фермы*, теп. развалины подле монастыря Vlokho, у Страбона τὰ Θέρμα, у Полибия τὰ Θέρμα и ὁ Θέρμιος, главный город Этолии и этолийского союза, вероятно, не настоящий город, но наподобие Олимпии место храмов, подворий и других зданий, между рекой Эвеном и озером Трихонидою.

7 2 *защищена*. Эфор (Страб. X 3 2) описывает Этолию, как страну труднопроходимую и потому недоступную для неприятельских вторжений. Bursian, *Geographie von Griechenland*. I, 123—142.

7 *Агриний*, кажется теп. Vrakhóri, город Этолии над Трихонидским озером.

ibid. *Фестии*, нигде более не упоминаются. *Лисимахию* — город подле оз. Зига, основан царем Македонии Лисимахом. *Трихоний* — значительный город к югу от Трихонидского озера. Страб. X 2 3. *Фитей*, положение его старается определить Лик. *Trav. in N.-Gr.* I, 156.

8 *Метаною*, город западной Этолии, Стефаном В. помещаемый в Акарнании.

11 *замыкали ἀπουραγούτων*. Глагол ἀπουραγεῖν часто употребляется Полибием в смысле «образовать арьергард», «замыкать строй». Ср. IV 47 1. 49 13 и др.

ibid. *двигавшиеся в стороне ἀντιπαραπορευόμενων*. Обыкновенно в подобном смысле употребляется ἀντιπαραρρεῖν. I 77 2. 84 3. 4 и др.

ibid. *полями χώρας*. Нет нужды в поправке Швейггейзера по аналогии τὰς παραρείας. Слово τὰς χώρας противопоставляется τῇ ὁδῷ, дороге, по которой шла главная часть войска. Направление пути определяет Ликург. *N.-G.* I, 148.

8 1 *Памфией*, нигде больше не упоминается.

4 в *позднюю пору κολλῆς ὕρας*, в поздний час дня; у Цезаря в том же смысле *multo die*. *Bell. Gall.* I 22.

9 2 *храмовые здания ἀναθήματα*. Все подробности рассказа не позволяют сомневаться, что в этом месте Полибий употребляет слово ἀναθήματα в значении строений, прилежавших к храму и служивших разным целям богослужебного характера. Быть может, впрочем, что перед словом ἀναθήματα выпущено οἰκήματα καί.

4 *Сам*, эпиграмматический поэт, убит Филиппом. Полиб. XXIII 10 8—7.

6 *божественная стрела τὸ δῖον βέλος*, намек на город Дий, разоренный раньше этолянами. Стих взят был из Еврипида. *Supplic.* 860 Dind.

10 1 *при Херонее*, в Беотии, развалины подле теп. Капрены, между прочим, остатки херонейского льва, поставленного над павшими в битве с Филиппом элинами. Подробности битвы передаются древними писателями неодинаково. Grote, *Hist. de la Gr.* (trad) XVII, 362 сл.

6 *Александр*. Во всяком случае победителем обнаружена была при этом чрезмерная жестокость. Grote, *o. c.* XVIII, 47 сл. Schaefer, *Demosthenes u. seine Zeit.* 1856—1858. III, 1, 107 сл.

8 *бесчинствовали*. Ср. наш указатель к Геродоту под словом *Περсы*.

11 4 *без всякой нужды ἐκ περιττοῦ nullo bono* Казобон, *joci gratia, otii fallendi ergo, necessitate nulla cogente, sed ex mera protervia et laedendi libidine*. Рейске, Швейггейзер.

6 *Дело тирана* и пр. Такое же определение тирании по сравнению с царскою властью находим в *Политике* Аристотеля. V 8 2. 3. 9 9 (стр. 159 сл. перев. Скворцова).

12 4 *подчиненным τῶν ὑποταγόμενων*, т. е. солдатам и ближайшим начальникам их.

13 9 *Акрами*, нигде больше не упоминается. Стеф. Византийский помещает *Акру* в Акарнании.

14 12 *желаниям*. В ватиканском списке (A¹) после слова *προχορόντων* пробел в несколько слов. Вероятно, речь шла о том, что Мегалея и Леонтий не умели скрыть свои настоящие чувства перед царем и товарищами. Ср. 15.

15 6 *направился*... После слова ἀπλάττετο пробел в ватиканском списке, недостаточно пополненный в позднейших списках словом *κακοῦχίας*.

8 *не смирились*, добавлено нами на месте пробела в рукописях.

ibid. *мзды τὸν μισθὸν ἐπιθῶσι*. Слова ἐπιθῆναι μισθὸν τινι alicui suam mercedem imponere.

9 *потребовал*... *ручательство κατεγγυήσας*. Когда Леонтий дал ручательство за Мегалею, этот последний выпущен был на свободу уже по решению дела судом царских друзей.

16 5 *друзей*, македонская знать, приближенная к царю. В кн. XXI 3 7 упоминается *τῶν φίλων σύνταγμα* в 1000 человек. Члены этого класса судились судом равных.

6 *о... кровопролитии*. Автор нигде не рассказывает о нем. Что касается времени и возможных поводов к кровопролитию, см. II 64. 70.

17 6 *Хрисогона*, вероятно, отец того самого поэта Сама, который выше назван товарищем детства Филиппа (9 4).

9 *на ночь κοιτάσους γίνεσθαι* «быть на ночную стоянку», — выражение, существовавшее в языке раньше Полибия.

18 3 *Менелайон*. Менелайоном называет Ливий (XXXIV 28) гору подле Спарты; у нашего автора это — поселение со святилищем Менелая, как бы предместье Спарты (ср. 21 1. 22 2); точно так же у Стефана В. под сл. *Μενέλαος*. Собственное название поселения Ферапна (Pausan. III 19) со святилищем Менелая, с гробницей его и Елены.

ibid. Амикл, теп. деревни Slawochóri и Mahmud-Béí; древний ахеоминийский город, довольно значительный до вторжения дорян в Пелопоннес. Уже во время Павсания (II в. по Р. Х.) это была деревня со святилищем Александра. О положении его и достопримечательностях говорит автор 19 2—8.

8 *поднявшись* и пр. до конца — не более как сжатое повторение начала главы.

19 3 *Аполлона*. Подробное описание у Павсания III 18.

4 *стоянке Пирра*, царя эпирского, в 272 г. до Р. Х. пытавшегося взять Спарту. Эту «стоянку» нужно отличать и от города Пирриха, с которым смешивает ее Швейгтейзер, и от «пирровой стоянки» у Ливия (XXXV 27) на севере от Спарты. Наша «стоянка» к югу от города. Ср. Curtius, *Peloponnes*. II, 275 сл. 324 сл.

ibid. Карния, святилище Аполлона Карнейского, вблизи морского берега к юго-западу от Гифия на горе Кнакадии. Pausan. III 24 5.

5 *Асине*, город Лаконики, упоминаемый Фукидидом (IV 54 4), на мысе Тенаре.

ibid. Тенара, теп. Матапан, крайняя южная оконечность Пелопоннеса, на средней косе полуострова.

6 *Гифием*, теп. Marathonisi и Palaepolis, у Лаконского залива, к западу от р. Эвроты.

ibid. города. Какого? Если разумеется Спарта, то *тридцать* (*τριάκοντα*) стадий должно быть исправлено скорее всего в *шестьдесят* *διακόσια καὶ τριάκοντα* (Lierg. Centralbl. 1869, стр. 552. Hultsch, *add. et corrig.* 1399). Страбон (VIII 5 2) определяет это расстояние в 240 стадий, а Э. Курциус в 42 540 метров, что равнялось бы Полибиеву определению в 230 стадий (*Peloponn.* II, 323). Мы удержали рукописное чтение ввиду того, что автор, быть может, отмечает расстояние между городом Гифием и его гаванью. По словам Павсания, Гифий отстоял от моря на 30 стадий III 22 3; гавань или верфь Гифия называется у Птолемея (III 16 9) Тринассом.

7 *Гелии*, область Гела *Ἐλος*, поселение на северном побережье Лаконского залива, к востоку от реки Эвроты. Фукид. IV 54. Страб. VIII 5 2.

8 *Акрий, Левк... Боев*, незначительные поселения на восточном побережье Лаконского залива. Бои на мысе Малее к северо-западу от самой оконечности, в бухте.

21 2 *Эвроту*, теп. Iri, Niris, вытекает из горы Борея, скрывается в одном месте в пропасти, выходит снова наружу и вливается в наиболее углубленную часть Лаконского залива. Орошает Лаконику от Беллины до Гела.

4 *необходимо*. Ни один из историков древности не придавал такой важности географии для истории, как Полибий, что видно как из отдельных замечаний в разных частях сочинения (например, III 36. 59), так и из того, что географии он посвятил едва ли не целую книгу (34-ю) своей истории.

6 *от незнания*, прибавлено нами для ясности. *τῶν κατὰ πόλεμον κινδύνων τοὺς πλείους... σφάλμασιν αἱ τῶν τόπων διαφοράι* подразумевается *ἀνυπόμνηται*, собственно: «особенности местностей губят большинство сражений», причем *κίνδυνος* как бы одухотворяется. Ср. 18 6, где то же слово употреблено вместо имени Филиппа.

8 *наименованиями... странами χῶραις ἐπωνύμοις*, т. е. такими, которые указывают на отношение местности к какому-либо хорошо известному имени. Быть может, следует разделить в подлиннике слова *χῶραις* и *ἐπωνύμοις* запятой. Тогда получим: «странами и эпонимами».

22 1 *в равнине*, занимаемая Спартою равнина замыкалась с запада Тайгетом, с востока отрогами Форнака, откуда и некоторые неровности на ее территории. Одна из таких возвышенностей называлась Акрополем, и на ней находились лучшие храмы.

3 *вплотную κυρίως*, в таком же смысле IV 64 9.

11 *перед стеною*. До самого Набиса (206—192 гг. до Р. Х.) Спарта оставалась без стен.

23 3 *фланговым движением ὑπεράρας*, технический военный термин у Полибия для обозначения движения с фланга. О походе Филиппа в Лаконику ср. E. Curtius, *Peloponn.* II, 241—243.

24 5 *безопасным ἐν ἀσφαλείῃ*. В оригинале *ἐν ἀσφαλείῃ* и *ἐν καλλίστῳ* противопоставляются посредством *μὲν — δέ*. Основание для противопоставления содержится в словах *διὰ τῆν παράδεισιν τῆς πόλεως*, причем *διὰ* нельзя понимать в смысле причинном. Место это подвергалось различ-

ным толкованиям и поправкам. Из последних мы отметим поправку Беккера *ἐν ἐπιφραλέϊ* в опасном вм. *ἐν ἀσφαλέϊ*. Рейске предлагал неудачную перестановку слов.

11 *родосцев и хиосцев*, как государства торговые, они сильно терпели от войны в Эгейских водах.

12 *приобретения*. Так мы перевели широкое по значению слово *πράξεις*, действия, дела; у Полибия обыкновенно с оттенком интриги, измены со стороны противника.

25 1 *агематом*, название привилегированного отряда в македонских войсках, по роду вооружения, кажется, пелтасты и тяжелая конница. Arrian. *Anab.* I 14 1. II 8 3. III 11 9. Ливий (XLII, 51) говорит: *delecta et viribus et robore aetatis ex omni cetratorum (пелтасты) numero duo milia erant, agema hanc ipsi legionem vocabant*. Численность этого отряда доходила до 3000 человек.

6 *предания... наказания* ἄγειν καὶ κολλάζειν τοὺς αἰτίους, поправка Гертлейна (N. Jahrb. 1877, стр. 35) вм. рукописи чтений βάλλειν и καλέιν. Менее удачна поправка Гульча κρινεῖν. Vol. II p. IV.

7 *ничего не ведающим*, прибавлены переводчиком.

26 5 *правители... лица ἐπιστάται καὶ χειρισταί*, начальники, наблюдавшие за ведением дела в разных частях, и чиновники, непосредственно стоящие у дела.

8 *прочих... оружия, фалангиты, легкая пехота, тяжелая пехота, тяжелая конница* и пр. Rustow u. Köchly, *Geschichte des gr. Kriegswesens*, стр. 219 сл.

9 *торжественный трагич.* «Tragica Graecis et Latinis dicuntur omnia pompatica, regia, magnifica, ad splendorem admirationemque ciendam composita» Рейске.

10 *рабдухов*, жезлоносцев, должностных лиц низшего ранга, носивших палку, как знак своего достоинства.

13 *счетной доски τῶν ἀβακίων*, дощечка с делениями, обозначавшими различные классы единиц. Такие «счеты» были в употреблении как у эллинов, так и у римлян. Ср. Dagemberg et Saglio, *Dictionn. des antiquités gr. et rom.* под сл. *abacus*. Самое сравнение заимствовано Полибием, кажется, от Солона, которому Диоген Лаэртский (I 59) приписывает уподобление приближенных тирана счетным камешкам. Подобное же изречение у Плутарха (*apophthegm.* p. 174 VI) принадлежит Оронту, зятю Артаксеркса Мнемона.

15 *ко двору ἐπὶ τὰς συνουσίας*, собств. большие парадные собрания в противоположность интимным беседам с царем.

16 *от Элатеи*, теп. развалины подле деревни Lefta, главный город Фокиды, господствовала над горным проходом между равниною Сперхея и долиною Кефиса, — военная дорога из северной Эллады в среднюю.

27 2 *стратегу*. Со времени Клисфена коллегия 10 стратегов представляла собою высший орган исполнительной власти. На них лежала забота о мерах безопасности государства в широком смысле слова. Латышев, *Греч. древн.* I, 264 сл. Афины были в это время в дружбе с Филиппом.

3 *Кирры*, теп. деревня Magula, гавань города Крисы в Киррейской или Крисейской бухте, теп. бухта Галаксиди.

ibid. *гипаспистами*, отряд телохранителей, более легкая пехота, чем фалангиты. Arrian. *Anab.* I 5 10. 6 9.

ibid. *архонтов*, высшие должностные лица демократической республики, каковой и стал Сикион с 251 г., со времени введения его Аратом в ахейский союз; раньше он был во власти тиранов.

4 *ответи... властям ἀλάγειν*, судебный термин, отсюда ἀλαγυρή — одна из форм судебного процесса: отведение преступника к подлежащему начальству.

ibid. *для... залога πρὸς ἀναδοχήν*, собств. по причине его поручительства. ἀναδέχεσθαι spondere pro aliquo. 16 г.

6 *свободю*. Взаимные отношения между македонскими царями и их подданными напоминают во многом те же отношения в гомеровском обществе. О македонских царях и товарищах их см. Abel, *Makedonien vor König Philipp* Leipz. 1847. Стр. 123 сл.

29 5 *Эврип*, теп. Euripo, пролив между Эвбеей и Беотией.

30 1 *собственные войска οἱ πολιτικοί, νεανίσκοι*, т. е. воины из ахейских граждан в противоположность наемным.

4 *Панахейскою*, теп. Woïdiá, высокая гора к северу от Аркадии, в выступе Пелопоннеса, кончающемся Рием.

31 2 *очень близко ὄσον ὀβλω* почти (совпадают). Война между Антиохом и Птолемеем кончилась сражением под Рафией ол. 140,3 = 537 г. Рима = 217 г. до Р. X. Ср. V 79. 87. Повествование об Элладе остановилось на ол. 140,2 = 536 г. Рима = 218 г. до Р. X.

32 1 *в старину*. Старинная поговорка гласила: ἀρχὴ δε τοῖ ἥμισυ πάντος. Лукиан (*Hermotim.* 3) приписывает это изречение Гесиоду. В «Трудах и Днях» (ст. 40) находится несколько иное выражение: «Глупцы, они и не знают, насколько половина больше целого!» *ἤρητοι, οὐκ ἴσασιν, ὅσῳ πλέον ἥμισυ πάντος*.

5 говорим... *целом καὶ τοὺς λέγοντας καὶ τοὺς ἀκούοντας περὶ τῶν ὄλων*. Под целым автор разумеет прежде всего всеобщую историю, а потому *οἱ λέγοντες* и *οἱ ἀκούοντες* значит в данном случае *писатели и читатели*.

33 *1 историки*. Под предшествующими и современными историками автор разумеет Тимея, Филарха, Филина, Сосила, Силену и др., известных нам по уцелевшим отрывкам или только по именам.

4 *все мы... вынуждены πάντες ἠναγκάσθημεν*. Время выхода сочинения Полибия в свет в точности не известно, а потому догадка Швейггейзера *ἠναγκάσθησαν* вм. рукописного чтения не необходима.

5 *в... летописях ἐκ τῶν χρονογραφίας*, начальный вид истории у эллинов и римлян. Комментаратор Виргилия Сервий замечает в одном месте: «Летопись составлялась следующим образом: у главного понтифика каждый год имелась белая доска, на которой он, обозначив наперед имена консулов и других властей, обыкновенно отмечал достойные памяти события (что и Полибий имеет в виду более важные события, это свидетельствуется выражением *κατὰ καιρῶς*, а не *κ. χρόνους*), происшедшие в тот или другой день в мирное и в военное время, на суше и на море». Модестов, *Лекции*, стр. 69. Знаменитая парийская хроника начертана была на мраморной доске. Летописный перечень событий автор сравнивает с теми фамильными записями на стенах домов, которые велись старшими представителями (*patresfamilias*) аристократических родов. *Попросту πολιτικῶς*, т. е. безыскусственно в отношении как языка, так и расположения событий.

7 *смертным*. Тот же оттенок мысли выражен у автора словами *κατὰ τὸν βίον*, т. е. хватает жизни на совершение важного дела. Ср. III 5 г.

34 *1 отца*, Птолемея Эвергета.

6 *Кипром*, теп. *Cipro*, по-турецки и по-арабски *Kıbrıs*, в Ветх. З. *Kitim*, большой остров в углу Средиземного моря между Киликией и Сирией, составляет продолжение таврского хребта. Первобытное население хетиты, или киттим, к коим рано присоединились финикийцы; потом остров эллинизован разноплеменными эллинскими колонистами. Переходил последовательно из-под власти ассирийских царей к Тиру, к царям Египта, Персии под гегемонию Афин; с 410 г. составлял одно царство, а по смерти Александра вошел в состав египетского царства. Kiepert, *Lehrb. d. alt. Geogr.* § 127.

7 *Памфилии*, раньше Монсопия, южная область малоазийского побережья к северо-востоку от Ликии и Киликии, у южных склонов Тавра.

ibid. *Лисимахию*, отличная от города того же имени в Этолии (V 7 г.), теп. *Hexamilii*, на Фракийском Херсонесе, основан Лисимахом, разрушен фракийцами.

8 *Эн*, теп. *Enos*, город Фракии, к юго-востоку от устья р. Гебра. *Маронея*, теп. *Maronia*, славится виноградниками, к востоку от Гебра, на Эгейском побережье.

35 *10 находящиеся... центром τὰ παρακρησίμεια*, составляют как бы привески к главному.

36 *1 Береники*, дочь Магаса из Кирены и Анамы, внучка по матери Антиоха I Сотера. Мать обручила ее за македонского принца Деметрия Прекрасного, с которым жила сама. Береника извалилась от Деметрия убийством и вышла замуж за Птолемея III Эвергета. В 220 г. Сосибий с согласия сына ее Птолемея IV лишил жизни Беренику. *Волосами* этой Береники астроном Конон назвал одно из созвездий. Droysen, *Hist. de l'hellénisme*. III. 1885. Стр. 266, 300, 314, 335 и др. (trad. fr.)

37 *1 проксеном*. Отношения гостеприимства, проксения, передававшиеся по наследству и нравственно обязывавшие обе стороны к услугам и признательности, заключались между гражданами двух государств. Перикл связан был узами гостеприимства тоже с Архидамом, царем спартанским. Фукид. II 13 I. Монсеаух, *Les proxénies grecques*. Par. 1886.

ibid. *Архидама*, брат умерщвленного эфорами Агида III. Из страха перед убийцами он бежал из Спарты, а по возвращении в город был умерщвлен. Plut. *Cleom.* 5. 35. По Плутарху, Клеомен был неоплатным должником Никагора. Он упомянут автором IV 35 13.

7 *Александрию*, теп. по-турецки *Iskanderfjeh*, или *Skanderfjeh*, в то время главный город Египта и резиденция царей его, построен по почину Александра Великого в 331 г. Птолемеем I за пределами Дельты к западу от нее, над Мареотидским озером. Академия ученых в т. н. Музее и книжные сокровища в библиотеке сделали из нее центр эллинской учености на долгое время, на 500 лет с лишним.

10 *любовников κραιδῶνς*. Plut. *De sanit. tuend.* p. 381 W.

ibid. *арфисток σαμβυκάς* — название инструментов вместо играющих на них арфисток *σαμβυκιστῆρας*. *Самбуке*, лат. свистача струнный инструмент треугольной формы наподобие нашей арфы. По сходству с этим инструментом называлось одно из осадных орудий, описанное у Полибия VIII 6—8. Под этим словом у Феста читаем: «per similitudinem etiam machinam appellarunt qua urbes expurgant; nam ut in organo chordae sic in machina funes intenduntur».

39 *1 в Каноб*, теп. развалины в получасовом расстоянии от Абукира, город у западного устья Нила, соединявшийся каналом с Мареотидским озером и с Александрией. Жители его предавались излишествам и любили частые пышные празднества. Страб. XVII 1 17.

3 *лишили власти парέκλεισαν*. В подобном значении Геродот (VI 60) употребляет *παράκλειειν* о лакедемонянах, у которых люди с хорошим голосом не могут лишиться звания глашатая людей, получающих его по наследству *ὁ καθ' ἄμπετροφρονίην ἐπιτιθέμενοι ἄλλοι σφάρα παρακλήσουσι*. У Плутарха (*Слеот.* 37) находим *ἀλέκτειναν* «кубили». Догадки к тексту см. у Швейгтейзера.

6 *Клеомен*. Плутарх всецело за Филархом рисует в трогательной картине последние минуты жизни спартанского царя, друга его Пантея, матери Клеомена и красавицы жены Пантея (*Слеот. кон*). Рассказ близко напоминает сцену смерти царственных женщин в темнице Агиса III, также известную из Плутарха.

40 *и Немного спустя μετὰ δὲ τοῦτον οὐ πολὺ κάτοιν* собств. «после Клеомена (*τοῦτον*) вскоре» вступил и пр. Автор (34 11) имеет в виду перечислить людей, которые готовы были восползоваться порочностью царя для своих целей.

7 *верхние области*. До подчинения Риму (68 г. до Р. Х.) Сирия обнимала также Ассирию и Месопотамию, по ту сторону Евфрата, Палестину и Финикию по средиземноморскому побережью. Главное деление Сирии: верхняя С. *ἡ ἄνω Συρία* к северу от Ливана, и нижняя, или впадая, С. *ἡ κάτω Σ.* или *ἡ κοίτη Σ.*, южная полоса между Ливаном и Антиливаном. В 331 г. она вошла в состав македонской державы, по распадении коей перешла сначала к Антигону, потом в 301 г. к Селевку Никатору. Нижняя, или впадая, Сирия нередко находилась под властью царей Египта, и из-за нее нередко велись войны между Селевкидами и Лагидами. Droysen, *Hist. de l'hellén* (trad) I, 300 сл. II 23. 133. 155. 309 сл. и др.

41 *и верхние сатрапии*. Верхняя Сирия обнимала области Селевкиду, Коммагену и Паррапотамию.

3 *образаемые... в преступления ἐπὶ τὸ χεῖρον ἐνδεχόμενος* in peiorem partem accipiens, interpretans. Швейгтейзер.

42 *3 посеял... клеветы ὑποθήσας τὴν διαβολήν* собств. зажегши, поджегши клевету.

5 *Гемиилия*, собств. Полутурный — от высокого роста, по мнению Швейгтейзера (*forsan a corporis proceritate, quasi statura viri cum dimidio*), как Прусий за свой небольшой рост назывался половинным *ἥμιος ἀνὴρ*. Догадка Дройзена, ставящего прозвище в связь с кораблями, которые назывались полутурными, неправдоподобна. *Hist. de l'hellén*. III, 564 прим.

43 *и в Селевкии*. Городов с этим именем, основанных большею частью Селевком I, было много. Наша Селевкия в Месопотамии подле Зевгмата, города на правом берегу Евфрата, напротив Апамен, близ теп. Бира.

ibid. из Каппадокии у Эвксина, обыкнов. Каппадокия у Понта *Καππαδοκία ἢ πρὸς τῷ Πόντῳ*, или Понт. Это последнее название возобладаало в царствование Митридата VI, распространившего свою власть на Колхиду, кавказские страны, Боспор Киммерийский. Границы Понта Черное море, Пафлагония, Галатия, собственная Каппадокия, Армения, Колхида.

4 в Антиохию, иначе А. Epidaphnes от близости к лавровой роще Дафны, на р. Оронте, в 3 милях от моря, столица сирийского царства, основана Селевком Никатором в 300 г. и названа так в честь отца его Антиоха.

8 *Аполлониатиды*, названа так от главного города Аполлонии, ниже слияния Тигра и Евфрата, между Мидией и Персией. Ср. Страб. XV 3 12.

44 *и табуны*. О достоинстве мидийских лошадей см. X 27. О несейских лошадях, поставляемых для царских конюшен, см. Герод. III 106. VII 40. Страб. XI 13 7. 14 9.

4 *Парфией τῆς Παρθιαίας* поправка Швейгтейзера, принятая позднейшими издателями в рукописных чтении: *παροναίας, παρασιαίας, παρδινηίης*. К югу от Гиркании находились Мидия и к востоку от этой последней Парфия, отделенная от Мидии горами, в которых находятся т. н. Каспийские ворота. Под страну, находящейся к востоку от Мидии и отдаленною пустынею от Персии, может разумеется только Парфия.

5 *Каспийскими воротами*, теп. Girduni-Sirdara, знаменитый узкий проход из Мидии в Гирканию и Парфию, в Каспийских горах, разделяющих Армению и Мидию. Персы запирали его железными воротами и охраняли стражей. Длина прохода 8 миль, ширина для проезда одной телеги. Arrian. III 19 2 XX 2 4. От них нужно отличать другой проход того же имени между Кавказскими горами и Каспийским морем.

ibid. *горам тапиров*, к югу от Каспийского моря, отделяют Мидию частью от Гиркании, частью от Парфии. Ср. Страб. XI 8 8—9. *Тапиры* в теп. Таберистане, сильный народ Мидии, простиравшийся до Гиркании и Каспийских ворот.

ibid. *Гирканского моря*, теп. Каспийское, в древности считалось заливом Океана. Геродот первый признал его внутренним морем. I, 202—203.

6 *Загром*, теп. Zagrosch, ветвь Таврских гор, между Арменией, Мидией и Ассирией. Страбон (XI 12 4) приурочивает гору к границе между Мидией с одной стороны, Вавилонией и Ассирией с другой.

7 *сосеями, корбренами* (Страб. XVI 1 18) в северных частях Сусианы, теп. Хусистан, и в Элимаиде, области той же страны. *Кархи*, может быть, Птоломеевы (VI 2 5) кардухи.

8 атропатиям Ἀτροπατείαις, поправка Казобона и Швейггейзера вм. рукописного Σατρατείας. Гронов предлагал Σασπείροις. Положение этого народа и замечания о нем в гл. 55 точно приходятся на Атропату, северную часть Мидии. Страб. XI 13 1.

9 к северу. По общераспространенному представлению древних элимае, жители Элимаиды, в Южной Мидии, а не в северной, как у Полибия, вероятно, вследствие ошибки переписчика. Аниаракι вм. анариаки, по Страбону (XI 6 1. 8 8), живут по южному побережью Каспийского моря. Там же упоминаются кадусии Матшаны, жители северо-западной части Мидии того же имени. Страб. XI 6 2.

11 Самая Мидия — в отличие от пограничных с нею земель.

45 1 имеющей... царства Βασιλικὴν ἐχούσης περίστασιν regium apparatus, regias copias, regiam opulentiam habens. Швейггейзер.

3 Селивкию, один из многих городов этого имени, на р. Тигре Σ. ἢ ἐπὶ или πρὸς τῷ Τύρριδι или Τυρρί, иногда она называлась Вавилонскою Σ. ἢ ἐν Βαβυλῶνι или ἡ μεγάλη Σ. Великою Селевкией. Город лежал собственно на канале Евфрата, отводившем часть вод его в Тигр. На построении города пошел материал, между прочим, Вавилона.

4 Ктесифонтом, теп. El-Madaïen, поселение Ассирии, на восточном берегу Тигра, впоследствии зимняя резиденция парфянских царей. Страб. XVI 1 16.

6 неизменно... план. Дройзен (о. с. III, 565 сл) находит достаточное оправдание поведения Гермия в тогдашних политических отношениях.

7 Апамео, название нескольких городов Азии. Три города названы так Селевком Никатором по имени супруги. Наша Апамея в Сирии на р. Оронте.

ibid. к Лаодикее, город Койлесирии на Ливане.

8 Марсией, по имени впадающей в Оронту реки, описываемой у автора V 46. 61. Топография этой местности в одном из приложений ко II т. *Истории Эллинизма* Дройзена (стр. 735 сл. trad. franç). Страб. XVI 2 11. 18. 19.

9 теснину, по обеим сторонам ее укрепления Герры и Брохи. 46 1.

46 7 Эрифрейского моря, название не только Аравийского залива, но и Персидского. СР. сл. 48 3. 54 12. XIII 9 1.

47 1 еще переправляются τοὺς ἐπι διαβαίνοντας поправка Швейггейзера вм. τ. ἐπιδιαβαίνοντας.

48 13 Сузами, теп. Sus или Schus в Персии, главный город области, носивший различные наименования: Элам, Элимаис, Увазо, Хуцистан, Кус, Киссия, находился между рр. Хоаспоу и Эвлеем, зимняя резиденция царей Персии.

16 Паропотамией. Обыкновенно под этим именем разумеется полоса земли между Евфратом и Оронтом или Марсией. Страб. XII 12 11; в нашем месте область Ассирии по Тигру.

ibid. Европа, из многих городов Азии этого имени здесь разумеется город при Тигре. Дуры упоминаются автором 55 2 по ту сторону Тигра.

49 5 всех τοῖς πολλοῖς, т. е. все собрание советников царей, противопоставляемое самому царю.

50 3 оупутанный... лестью περιεχόμενος καὶ προκατελλημένος οἰκονομίαις καὶ φυλακαῖς καὶ δεραλείαις ἐνδὲ τῆς Ἑρμείου κατοικήαις. Сл. οἰκονομίαις Швейггейзер объясняет *varris artibus, astuta rerum administratione*. Вм. *дералеиαις* в ватиканском списке поправка *χορηγίαις*, вероятно, объяснение сл. *дералеиαις*, которое может означать и денежные услуги Гермия.

6 в Апамею εἰς Ἀπάμειαν поправка в парижском списке 1649 г. (*Re* Гульч) вм. *ἱμάτιον*... А, что по мнению Рейске испорчено из *χεῖμάδιον* «зимняя квартира». Слово *ἱμάτιον* «плащ», хотя бы и дополненное другими, находившимися на месте пробела, решительно не понятно. Что Эпиген удалился в Апамею, видно из § 10.

ibid. боялись волнений *κατεπλήγησαν τὸν φόβον* ватиканск. А и некоторые другие списки (R). Гульч предпочитает поправку Беккера *τὸν φόβον* «озлобление, ненависть воинов». Слово *φόβος* означает у Полибия смуты, бедствия войны и т. п., и выражения *ἀπὸ τούτου τοῦ φόβου, μετὰ τούτου τὸν φόβον* (II 18 9. 21 7) Ливий передает *ab hoc tumultu*.

7 киррестян, жители Кирра, сирийского города в Киррестике, что между Коммагеною и Антиохией.

51 1 Антиохию. Так назван был в македонскую эпоху Нисибис, город Мигдонии, восточной области Месопотамии.

2 Либбу, город Месопотамии, нигде более не упоминаемый. Рейске предлагает читать *Χίβαν*, Chifa, укрепленное поселение на западном берегу Тигра между Нисибисом и Амидою. Швейггейзер находит, что город этот совпадает по положению с Птолемеевыми (V 18 9. VIII 20 25) Лаббанами *Λάββανα*.

3 Вавилона, теп. Hillah, поселение в ту сторону Евфрата. Древний Вавилон, главный город Вавилонии, расположен был по обоим берегам реки. Описание не первоначального, но возобновленного Вавилона, резиденции Небукаднезара, находится у Геродота. I, 340. Капитальнейшее исследование Опперта *Expedition scientifique en Mésopotamie*. P. 1863.

4 Ликом и Капром, левые притоки Тигра; Полибий, кажется, считает их правыми притоками.

6 Царского канала, теп. по-арабски Nahr-al-Malk, или Ne-Gruel-Melik, величайший из каналов, проведенных для соединения Евфрата с Тигром. Восстановил его Селевк Никатор, расширяли императоры Траян, Север, Юлиан. Герод. I 193. Страб. XVI I 27. Ptolem. V 18 г. 9.

52 3 Орик, гора в Аполлониаде, нигде более не упоминаемая.

5 куртше, разбойнический народ, по словам Страбона (XV 13 I, XI 13 3), в Персии и Мидии; к нему, быть может, относится название теп. курдов.

53 3 ригосаги, имя нигде более не встречающееся, поэтому уже Казобон предложил читать «тектосагами», каковое чтение (Τεκτοσαγῆς) приятно в тексте Швейгтейзером. Азиатские галаты, выселившиеся сюда около 280 г. до Р. X. (Liv. XXXVIII 16), состояли из трех племен: толи-стобоев, занимавших Эолиду и Ионию, тектосагов во внутренних областях Азии, по р. Галису, трокмов — на побережье Геллеспонта. По словам Юстина (XXV 2), восточные цари не обходились в своих войнах без галльских наемников. Тектосаги платили дань царям Сирии (Liv. XXXVIII 16), вместе с другими племенами участвовали в войне Антиоха Великого против римлян (*ibid.* 34). В 235 г. галаты вынуждены были после войн с пергамским царем Атталом довольствоваться частью Фригии, которая и получила название Галатии.

4 гетайрами, τοῖς ἑταίροις, военная знать, близко стоявшая к царю; в состав этого конного отряда могли входить и иноземцы. В имущественном отношении это были крупные землевладельцы. Droysen, *Hist. de Thellén.* I 76. 260 сл. Gilbert, *Gr. Staatsalt.* II, 266.

ibid. косами колесницы, не имеют ничего общего с древними боевыми колесницами. В войсках Селевкидов они встречаются часто после битвы при Иссе и заимствованы от персов. Xenoph. *Sygoraed.* VI I 27. Diod. Sic. XX 113. Liv. XXXVII 47.

54 7 Каллонитиду, юго-западная область Ассирии у города Загра, иначе Халонитида. Страб. XI 14 г. XVI I 1.

10 адейанов, род ли это какой-нибудь, или судебные чиновники, не известно. Последнее предпологал Казобон. Ср. Real-Encyclop. VI, 948 прим.

12 первого... войске ἀρχιγυρασιατῆ τῆς διυβίως.

55 7 Фасиса, теп. Рион, у турок Фоти, у мингрельцев Поти, главный военный путь между Кавказом и Малой Азией, в древней Колхиде.

56 7 придворных и свиту τῶν δεραιέων καὶ τοῖς εἰδιμένους παρεντακτεῖν. Под словом *δεραιεα* должно подразумевать военачальников и других знатных лиц, составлявших придворное общество. По поводу *παραεντακτεῖν* Рейске замечает: *dicitur hac verbum de purpuratis, ad comitatum principis et in ejus conspectum quotidie convenientibus, et copiam sui facientibus, si quod ei sit, quod imperet.* Согласно с этим толкованием мы ввели слово «свита».

14 умерщвление *μετάστασις*, собственно: устранение от дел, удавление с дороги.

57 5 в Лаодикею, теп. Eski-Hissar, на Лике, почему называлась ἡ πρὸς или ἐπὶ τῷ Λύκῳ, приток Меандра.

6 Ликаонии, юго-восточная область Малой Азии между Фригией, Галатией, Каппадокией, Киликией, Писидией.

7 Писидику, или Писидию, теп. часть турецкого вилайета Конии, занятая караманами, юго-восточную область Малой Азии над Памфилией, к которой она принадлежала в римскую эпоху.

58 4 Селевкия, именуемая Пиерийскою, или приморскою, или Селевкия у Антиохии, основана Селевком I около 300 г. до Р. X. в I миле к северу от устья Орионы у Средиземного моря в трех милях от Антиохии, столицы царства. Благодаря своему положению на высоком отроге Пиерии, окруженной скалами и глубокими обрывами, она представляла несокрушимый оплот против неприятеля, имела обширную безопасную гавань, остатки коей сохранились до наших дней. Все это давало ей право на наименование царицею (*ἀρχηγέτις*) и очагом (*ἑστία*) всего царства Селевкидов. Ниже оратор вспоминает о событии, случившемся за 20 с лишним лет до того, когда Птолемей III Эверетт пошел войною на Сирию с целью отомстить за насильственную смерть сестры своей Береники, дочери Птолемея Филадельфа, супруги Антиоха Бога; виновником смерти был Селевк Каллиник. Justin. XXVII 1. Appian *Syr.* 65. Droysen, *Hist. de Thellén.* III, 366 сл. 385 сл. (trad. franç.).

59 4 Корифеем, вероятно, часть Пиерийской горы, давшей название самому городу. Вм. рукописного чтения *ἰψόκειαι* восстановлено по догадке Швейгтейзера *ἐπίκειται*, т. е. гора господствует над городом.

10 Оронтом, теп. Nahr-el-Asi, первоначально Дракон, или Тифон, наибольшая река в северной Сирии, отличается чрезвычайною быстротою течения и обилием воды. Долина ее издревле служила торговой и военной дорогой.

ibid. Амика, дочь Саламина на Кипре, супруга Каса, по имени коей названа местность подле Антиохии в Сирии, имя семитич. «глубокий», «впалый» (*amik, amik*), данное туземцами по той же причине, по какой эллины называли часть Сирии Впалюю (*Κολλή*).

60 2 младших начальников τῶν κατὰ μέρος ηγεμονῶν, т. е. начальников отдельных частей, подчиненных высшему начальству οἱ ἐπὶ τῶν ὄλων ἑφεστώτες.

7 почти... на четвереньках *тетраποδῆτι* (*manibus pedibusque Швейгт*) *τρόπον τινά.*

61 3 *Теодота*, этолийца, начальника Койлесирии, подчиненного Птолемеям. 40. 46. 66 и др. Следует отличать от Тедота Гемюлия, вождя Антиоха Великого. 42 5. 43 7 и др.

5 *Птолемаидою*, теп. Акка, или St. Jean d'Acce, одна из многих городов этого имени, основанных Птолемеями, в Финикии в 32 милях к югу от Тира. Страб. XVI 2 25.

9 *Берита*, город с гаванью на финикийском побережье между Сидоном и Библом.

62 4 *Мемфис*, теп. ничтожные развалины подле деревни Mitrahineh, к югу от Каира, на западном берегу Нила, столица древнего египетского царства со времени возвышения Фив в 12-й династии. Памятниками величия Мемфиса остаются пирамиды, катакомбы Аписиса, частные гробницы между Фаюмом и Абу-Роаш. Lepsius, *Denkmäler aus Aegypten*. I, Blätt. 9—50.

ibid. *Пелузий*, теп. развалины вблизи Дамьеты, города Нижнего Египта у восточного рукава Нила того же имени, среди болот и трясин, верстах в 4 от моря. Он был сильно укреплен и составлял восточные ворота Египта.

ibid. *каналы* Нила открывались для того, чтобы загородить путь сухопутному войску врагов из Азии в Египет.

63 11 *мелитейцу*, уроженец Мелитеи, город фтиотидской Фессалии, или фессалийской Ахаи. Страб. IX 432. Вероятно, поэтому в другом месте (65 3) автор называет его ахейцем.

12 *магнетом*, уроженец Магнезии, вероятно восточной области Фессалии, что между Пагасейским заливом и Фракийским морем, хотя магнетами назывались также жители городов того же имени в Карию на Меандре и в Лидии у горы Сипила.

ibid. *Алларии*, город на Крите. Как здесь, так и 65 7 форма Allariotes восстановлена Набером (Mnesosyne VI, 1857, стр. 117) и находится в списках AFR. Другие формы см. в критических примечаниях Гульча.

64 3 *упражнять*. В период македонский и отдельного существования сирийского и египетского царств войска обучались муштре гораздо больше прежнего; обучение происходило на зимних квартирах перед выступлением в поход. К этому же периоду относятся зачатки обмундировки. Droysen, *Heerwesen*, стр. 155.

4 из *Аспенда*, город Памфилии, на р. Эвримедонте.

65 9 *египтян*. Призыв египтян к полевой службе представлял нечто чрезвычайное, как можно судить по дальнейшим упоминаниям о них автора. 107.

10 *колонистов*, которые составляли резерв. Набирались они только на случай войны из военных колоний по округам, поставлявшим по одному или по несколько отрядов (*στῆται*). Droysen, *Heerwes*. стр. 162 сл.

66 1 *Дорами Дѳра*, восстановлено Рейске из рукописного. Дурами *Дѳра*. Этот последний город, упомянутый автором раньше (48 16), находился в Месопотамии или по ту сторону Тигра, а Доры на финикийском или галилейском побережье к югу от Птелемаиды и горы Кармела.

67 1 и *теперь как тогда*, по возвращении Антиоха в Селевкию и по распусчении войск на зимние квартиры.

4 *поражение Атѳурица*. В том же значении употреблено это слово III 20 6. IV 13 3. *οἱ πτῦχότες* V 74 3.

5 *Мало того что δὲ πλείστον* *maxime vero, τὸ δὲ πλείον* *immo το* (Швейггейзер).

6 *Антигоном Одноглазым*, царь Азии от 318 до 301 г. до Р. X. Он первый из полководцев Александра присвоил себе царское звание и тем подал повод к созданию новых династий. Что Антигон Одноглазый первый получил царство Сирии, которое с согласия прочих царей наследовал ему Селевк I после сражения при Ипсе, утверждал и Антиох Эпифан. Полиб. XXVII 17 7. Подробности у Дройзена *Hist. de l'hellén. passim* (trad. fr). Ср. *Реальный Словарь классич. древностей* Любкера под сл. *Антигон, Птолемей, Селевк*.

11 *общими друзьями*. Только первый раз Агафокл и Сосибий отправили к Антиоху послами своих людей (63 4), потом они пользовались для этой цели услугами родосцев, византийцев, кизикенян, этолян (63 5 сл. 66 9), которые не имели ни достаточных сведений о предмете спора, ни достаточного авторитета для охоты для того, чтобы побудить ту или другую сторону к принятию известных условий, и которые равно благожелательно были настроены к обеим сторонам. Мысль автора та, что посредники желали оставаться друзьями той и другой стороны и не решались на принудительные меры.

68 1 *утомилась... посольствами преφβεύοντες ἄλις εἶχον* собственно: обменивались посольствами достаточно. Ср. Aristot. *Nic. Eth.* X 11 *ἄλις ἐγὼ δυστυχῶν* «я утомлен неудачами, нечастиями».

2 *Газы*, теп. Ghazze, портовый город Палестины в одной или трех милях от моря, пограничная крепость в стране филистимлян, к юго-западу от Аскалона.

6 *Платана*, поселение Финикии, подле *Порфиренона*, лежавшего у самого моря между Беритом и Сидоном.

7 *Марафа*, город Финикии, в северной ее части.

ibid. *арадян*, жители Арада, острова у финикийского побережья с городом того же имени, теп. Argwad. Страб. XVI 2 14.

8 *Лик Божий*, собственно маска божества, под которою оно является на сцене, теп. Ras-el-Schabkah, или по-арабски Quege-al-Hiar, скалистая вершина северного Ливана в Финикии.

ibid. *Ботрис*, приморское поселение Финикии. *Триерес*, поселение Финикии между Триполем и Ливаном. Страб. XVI 2 15. *Калам*, теп. Каллемон, поселение Финикии или Койлесирии.

9 *Ликом*, теп. Nahr-el-Kelb, река Финикии, Страб. XVI 12 16. *Дамура*, теп. Nahr-Damur, река Финикии изливается между Беритом и Сидоном.

69 10 *Сидону*, восточнее теперешнего Саида, древнейший и после Тира важнейший город Финикии. Покорен был Александром в 333 г., хотя и получил от него нового царя. Со смертью Александра он перешел сначала к египетским, потом к сирийским царям, пока не завоеван был римлянами.

70 3 *Филотериш*, город Койлесирии у Тивериадского, или Генисаретского озера, упоминаемого ниже.

4 *Иорданом*, главная река Палестины, вытекает из Антиливана и изливается в Соленое или Асфальтовое озеро; на пути своем образует несколько озер.

ibid. *Скифополем*, так назван был эллинами семитический город Bêthschean, теп. Beisân, причисляемый то к южной Галилее, то к Декаполю, то к Койлесирии, находится к западу от Иордана южнее Тивериадского озера. Сюда выведена была, вероятно, скифская колония. Геродот. I 105.

6 *Атабирием*, В.-Зав. Thabor, гора и укрепление в Палестине.

ibid. *Кругом мастогеидоис*, собств. имеющем форму груди.

12 *Пеллы*, город Декаполя по ту сторону Иордана; там же нужно искать Камун и Гефрун.

71 1 *Аравии*. Здесь разумеются пограничные с Сирией части так называемой пустынной Аравии и Петрейской, населенные набатеями. Остальная Аравия была в то время слишком мало известна. Kiepert, *Lehrb. d. alt. Geogr.* §§ 163—170.

2 *Галатиду*, кажется, то же, что Галаадитида *Галаадтис*, эллинизованная формой туземного имени Gie'ad, арабск. gal'ad «твердый, суровый», область по ту сторону Иордана. Догадки к этому месту у Гульча в критич. примеч. и у Диндорфа *Polyb. histor. graef* vol. IV, p. 8.

ibid. *Абилами*, город этого имени в Галатиде никем более не упоминается.

3 *Гадары*, теп. Osh-Keis, по словам Иосифа (XII 3 3), главный город Переи, к востоку от слияния Ярмука с Иорданом.

4 *Раббатаманы*, египетское название (Rabbath-Ammon, главный город Аммона) самого южного города в трансйорданской Палестине на границе с петрейской Аравией; эллинское имя города Philadelphæia.

11 *Самарии*, евр. Schomron, теп. деревня Sebastieh, значительный город средней Палестины, переименованный Иродом В. в честь имп. Августа в Себасту, Augusta. По имени города названа была целая область по сию сторону р. Иордана, с севера граничившая с Галилеей, с юга — Иудеей.

72 1 *педнелисыне... селгеями*, жители городов внутренней Писидии: *Селги*, колонии лакедемонян, и Педнелиса.

4 *Климака*, гора, отделяющая Ликию от Писидии и Памфилии. Через нее вели две дороги из западных частей Малой Азии в восточные: одна из собственной Ликии в Памфилию между морем и горою, та самая, по которой вел свои войска Александр, другая из Милиады в Писидию через самые горы, недалеко от писидийского города Термеса. Ср. Страб. XIV 3 9.

ibid. *Сапорды*, поселение Писидии, нигде более не упоминаемое.

5 *Милиаду*, сев. часть Ликии по ту сторону Ксанфа.

9 *Пергу*, теп. Murgan, город Памфилии со знаменитым храмом Артемиды, по сию сторону р. Кестра.

73 1 *при знакомстве хатахррсиεμενοι... τὰς ἐπιλειρίας* поправка Гертлейна (N. Jahrb. 1877, стр. 36) вм. рукописн. *καταλλησιεμενοι*.

3 *этенняне*, жили на границе Памфилии и Писидии в городе Этене. В Памфилии же и город *Сиды*, приморский, к востоку от р. Эвримедонта. *Аспенд* на правом берегу Эвримедонта в Памфилии.

8 *в военном деле ἐν τοῖς πολεμοῖς*. Скалигер предложил поправку *ἐ. τ. πολεμικῶς*, но *τὰ πολεμὰ* по значению то же, что и *τὰ πολεμικά*. Чтение *ἐ. τ. πολεμοῖς* во всех списках.

74 4 *Антишохом*. Речь идет, очевидно, о так называемом Антиохе Гиераксе, сыне Антиоха II, после поражения Атталом бежавшем во Фракию. Droysen, *Hist. de l'hellén.* III, 451 сл. Что жена Ахея, Лаодика, была дочерью Митридата IV, говорит автор VIII 22 11. Ср. Niebuhr, *Kleine Schriften.* I, 262 сл.

9 *постоянно ἀεί*. В подлиннике чувствуется пробел, для пополнения коего Диндорф (*Polyb. histor.* IV, p. IX) весьма остроумно предлагает *τινας* или *καὶνὰς*, или *τινας καινὰς*.

75 4 *юнцами καινοί*. Набер (Mnemos. VI, 230) предлагает читать *οκαοί* «человками, невпапад действующими». Мейнеке (*Philolog.* XII 371) *ξένοι* «чуждыми». Рукописное чтение защищает А. Букмштарк (*Philolog.* XVIII 192) и удерживает Гульча.

76 2 *Кесбедию*, возвышенность в Селге со святилищем верховного божества, нигде больше не упоминается.

4 *двери αἱ αὔλειοι*, т. е. *θύραι*. Так назывались ворота или двери, ведущие с улицы во двор дома, иначе *θύραι αὐλῆς*. *Odys.* XXI 240. 389.

9 *со знаками... ποσάδε μετ' ἱκετηρίων*. Обычная на этот случай принадлежность: оливковая ветвь, обвитая шерстью.

77 1 *Сардам*, теп. незначительные развалины подле деревни Sart, столица Лидии, у северных склонов Тмола, на левом берегу р. Пактола. Антиох III разрушил Сардамы в 218 г. до Р. X.

2 *эгосагами*, одно из галльских племен, отличное, кажется, от тектосагов (ср. 78 б. 111), и потому напрасно Швейгтейзер внес в текст догадку Казобона *Tectosagas*.

4 *Кума*, теп. Sandili, обыкновенно именуемая эолийскою, у Кумского залива. *Смирна*, теп. Ismir, прелестный по местоположению город Эолиды у Гермейского залива. По разрушении Садияттом город был восстановлен позже верстах в 4-х от первоначального на горе Мастусии. *Фокея*, теп. Karadja Fokia, приморский город ионян выше устья р. Герма.

ibid. *эгияне*, жители Эг, одного из 12 иолийских городов, к востоку от Кумы. *Темниты*, жители эолийского города Темна, на левом берегу р. Герма.

5 *теосцев*, жители одного из 12 ионийских городов, на полуострове Лидии. *Колофон*, теп. развалины подле Zille, ионийский город к северу от Эфеса.

7 *Лик*. Так как автор говорит о границе Лидии с Мисией, то Рейске и Швейгтейзер склонны читать Каик вм. Лик. Эта последняя река — приток Меандра, во Фригии, но, быть может, это — другое название какой-либо небольшой речки, протекавшей ближе Каика к границе Лидии и Мисии.

ibid. *карсян*. Швейгтейзер предполагает карсян *Καρρησάας*: «а Careso, Troadis fluvio et oppido olim cognomine, cui circumjecta regio Καρρησῆν vocatur apud Strab. XIII, p. 603» (1 54.) Но в исторической географии нельзя так легко подставлять одно имя, известное, вместо другого, быть может только случайно не удостоверенного иными источниками. Страна эта подвергалась частым и многообразным переменам. Упоминаемые ниже *Дидимы-Тейхе* также ниоткуда более не известны (§ 8).

9 *Апиш*, равнина Фригии к югу от теп. Куч-Дага, вблизи Мисии.

ibid. *Пелекантом*, теп. Thaumakli, город Мисии и Фригии.

ibid. *Мегиста*, река Фригии, прежде называлась Риндаком. Schol. Apollon. Rhod. I, 1165.

78 б *лампсаклянами*. Город Лампсак в Троаде, раньше Питигуса, теп. Lepsek, или Lapsaki, на Геллеспонтe к северо-востоку от Абида. *Александрия*, город Троады, при Средиземном море, к югу от Илиона, обыкновенно 'Α. ἢ ἐν Τρωάδι. Илион см. Указат. к Геродоту под им. Троя.

79 3 *даи*, скифский кочевой народ в теп. Дагестане, также на восточном побережье Каспийского моря и по р. Иаксарту. Страб. XI 7 1. 9 2. *Кармания*, теп. Керман, область у Персидского залива между собственно Персией на западе и Гедрозией на востоке. Жители Кармании и *карманы* (§ 7).

4 *имели серебряные щиты αρυράσπιδες*, с серебряной обивкой.

6 *алабандца*. Город Алабанды, теп. развалины подле Carpusely, в Карию.

7 *киссии*, жители Киссии, часть Сусианы с городом Сусами.

11 *кардаков*, название не народа, но особого отряда наемников, занимавшихся мародерством. Дионисий у Евстаф. 368, 37.

12 *Антипатр*, сын брата Антиоха.

80 2 *Касия*, теп. El-Kas, или El-Katieh, город между Египтом и Аравией, недалеко от Пелузии.

ibid. *Баратрами*, болотистые впадины между Пелузием и Касием, образуемые изливаниями из Нила. Страб. XVI 2 33. XVII 1 21.

3 *Рафиш*, теп. Refa, приморский город Палестины с гаванью, на границе с Аравийской пустыней к юго-западу от Газы. Койлесирия понимается здесь в широком смысле слова и потому обнимает и Палестину.

ibid. *Риноколурами*, теп. El-Arisch, на границе Египта и Палестины, причисляются к той или другой стране, между Газою на западе и Пелузием на востоке. Ср. Страб. XVI 2 31.

82 10 *между ними μεταξὺ τούτων* поправка Казобона и Мадвига (*advers. crit.* I, 482) вм. *рупок. μετα τούτων*.

13 *отроков τῶν βασιλικῶν παιδῶν*. Едва ли может быть принято толкование Швейгтейзера: «qui filius erat alexcjus ex regis amicis». *βασιλικῶν παιδῶν* политическое и военное учреждение Филиппа. Arrian. IV 13 9. В поход они выступали конными, на поле сражения спешивались и стояли подле гипаспистов, сходных с ними по вооружению. Н. Droysen, *Untersuchungen über Alexanders des Gr. Heerw. und Kriegführung*. 1885, стр. 17.

83 4 *ни один*, не совсем точно, ибо Антиох, как рассказано выше, незадолго перед тем усмирил мятеж Молона и завоевал Койлесирию.

84 1 с *царским отрядом μετα τῆς βασιλικῆς ἰλῆς*. В коннице служило македонское дворянство, составлявшее несколько эскадронов. «Царский эскадрон» (β. ἰλη) составляли, вероятно, отборные воины из всех эскадронов. Droysen, *Untersuchungen*, стр. 21. 42.

85 1 *наблюдал ἐκαραδῶκει*, вм. обыкновенного *подждал*.

86 4 Газе. Было две Газы: одна в Сирии или Финикии, о которой и идет здесь речь, другая, называвшаяся также Палеогазою, находилась между Риноколурами и Пелузием и была в зависимости от Египта.

88 1 родосцы. Землетрясение случилось на Родосе лет за десять до событий при Рафии, именно в царствование Антигона Досона в Македонии и Селевка Каллиника, отца Антиоха, в Сирии; первому наследовал Филипп в 223 г., второму Селевк Керавн в 226 г. до Р. Х. Евсевий относит землетрясение к ол. 139 (225—222 гг. до Р. Х.), Орозий к 223 г. Droysen, *Hist. de l'hellén.* III 607 сл. (trad. fr). Эпизод приурочивается Полибием ко времени битвы при Рафии (216 г.), когда окончены были работы родосцев по восстановлению пострадавшего города.

ibid. колосс, бронзовая колоссальная статуя, изображавшая солнце, национальное божество родосцев, в течение 12 лет отливалась знаменитым учеником Лисиппа Харесом из Линда и окончена к 290 или 280 г. до Р. Х. Высота колосса была 34 м. Стоял он подле гавани, но не с раздвинутыми широко ногами, как полагали раньше. После землетрясения колосс согласно велению оракула не был восстановлен. В 653 г. по Р. Х. обломки его были проданы арабским завоевателем острова, и на перевозку их потребовалось 900 верблюдов. Luders, *Der Koloss von Rhodus.* Hamb. 1865.

5 Гиерон, младший, упоминаемый I 16 10 сл. О щедрости его по отношению к элинам говорит автор (VII 8 6). Гелон, сын Гиерона, кажется, делил власть с отцом, умер раньше его. VII 7 7 8 9.

ibid. семьдесят... Пожертвование на масло для палестр в 75 талантов и умолчание о пожертвовании на восстановление стен и верфей Рейске объясняет пробелом в подлиннике, каковой и восполняется этим ученым так: *τὰλάντα πρὸς ἀνοικοδομήν τῶν τευχῶν καὶ νεορίων*, т. е. «70 талантов на восстановление стен и верфей», 5 на масло и т. д. Дройзен принимает эту вставку.

7 трехлоктевых катапулт, для метания стрел в три локтя длиною. Локоть содержал в себе 1 1/2 фута, или 6 ладоней.

8 на *дигмате ἐν τῷ δεξιῶτι*, собств. место, где выставлялись напоказ пробы продаваемых товаров, нечто вроде биржи, следовательно место, весьма посещаемое как туземцами, так и приезжими. Ср. Voeckh. *Staatshaush.* I, 75 3.

89 1 артаб. Древняя египетская артаба — половина птолемеевского мединна = 78,79 литра. Hultsch, *Metrologie*, 284.

ibid. обыкновенных локтей *πῦχεις ἐπιμέτρους*. Локти были различной меры, и слово *ἐπιμέτρος* означает здесь «установленной меры» в противоположность *ἐκμέτρος* — «неправильной меры». Египетский локоть, по словам Геродота, равнялся эллинскому. Другие толкования, затемняющие смысл или не отвечающие тексту писателя, см. у Швейгтгейзера.

2 талантов. Вес талантов = ок. 52 1/2 фунтов.

6 колья... на *сваи ἐξῶλα* — *eis ὀρηκίῶκων λόγων*, для вколачивания в дно морское или для укрепления прибрежной почвы и т. п. Казобон считал, кажется, однозначными слова *ὀρηκίῶκος* и *ὀρηκίῶκος* и потому переводил в нашем месте на *клинья in usum suneogum*.

90 1 Лисания... Лимния. Ничего более об этих владыках не известно.

5 ревность *προστασίας*. Казобон переводит наше место: *Rhodium studium ergo suam republicam*. Сл. *προστασία* употреблено здесь в том же значении, в каком *προστατεῖν* II 43 7 *τῶν Ἀχαιῶν ἔδνους*. В тексте нет оснований для перевода Швейгтгейзера *magnificentia* (in publicis institutis).

91 8 к Акте, восточное побережье Пелопоннеса между Трезеном и Эпидавром.

92 4 Каламы, теп. *Salatata*, деревня в Мессении.

5 кипарисьянами. Кипарисия — приморский город Мессении к югу от границы с Элидою.

6 Анданию, город Мессении к северо-востоку от Мессены; некогда так называлась вся Мессения. Название восстановлено по догадке Швейгтгейзером из *Ἰνδεια*.

93 6 уступили. Аристотель (*Polit.* V 6) рассказывает, что вскоре после мессенских войн некоторые обедневшие спартанцы требовали раздела полей.

8 Пританид, один из многочисленных законодателей, коих в разное время различные города эллинов облакали полномочиями для установления определенных политических и гражданских порядков. Таковы были: Ликург в Спарте, Солон в Афинах, Филолай в Фивах и т. п.

ibid. перипатетического учения. Перипатетиками назывались последователи Аристотеля, который учил в афинской гимназии Ликее; его учение и школа названы *δ περιπάτος* потому ли, что местом учения была ликейская аллея, или галерея, или потому, что он учил прохаживаясь. Место хождения и самое хождение обозначались одним и тем же термином *περίπατος*.

10 в Гомарии. Так называлась роща, посвященная Зевсу Гомарию, или Гомагирию, вблизи Эгия, где происходили союзные собрания ахейан (II 39 6). Арат исполнял задачу, возложенную на него союзным собранием, а потому акт примирения выставлялся в священном месте целого союза, если только не было другого святилища Зевса Гомария и в Мегалополе.

94 1 местным стратегом *βλοστράτηνος*. Товарищ, или помощник союзного стратега. В тексте называется тот самый контингент, который IV 59 2 находится под начальством Микка из Димы и был поставлен Димою, Фарами и Тритеей. Союзный стратег вверял войско на время

своей отлучки местному военачальнику той области, в которой в данное время находились союзные войска.

7 *Моликрее*, город на мысе Антирии, на этолийском побережье.

8 *Халкии*, город на этолийском побережье к востоку от устья р. Эвена. Ср. Страб. X 2 22.
95 4 *Малее*, теп. Malia, оконечность восточной косы Пелопоннеса, весьма опасен для плавания. Neumann u. Putsch, *Physikal. Geogr. von Griechenland*, стр. 142 сл.

8 *Фиксио*, нигде более не упоминается.

96 4 *фанотеян*. Город Фокиды Фанотей, называвшийся также Фанотою, Фанотеєю, Панопеем, Панопеей, между Давлидою на западе и Орхоменом на востоке.

97 1 *Билазоры*, теп. Vibas, город Пеонии на р. Аксию. *Пеония*, некогда обширная страна, простиравшаяся к северу от Фракии и Македонии, в области иллирийских гор до Родопы на востоке, заселенная родственными народам с фригийцами, в историческое время ограничивалась долинами верхнего Аксию и Стримона.

4 *Боттиши*, иначе Боттизия, Боттея, Боттианда, область Македонии на правом берегу р. Аксию у Фермейского залива. *Амфакситида*, т. е. по обеим сторонам Аксию лежащая область, к востоку от Боттиши с городом Фермою. *Эдесса*, прежние Эги, теп. Edissa, или *Moglena*, город Македонии, в бассейне Аксию к северо-западу от Пеллы.

98 4 *невозможно... ущерба*. В подлиннике та же самая мысль выражена несколько иначе: οὐ γὰρ ἔστιν ἐπὶ τῶν τοιοῦτων ἢ μὴ ἢ ποιῶσι τε τῶν δεινῶν ἢ μὴδὲν παθεῖν δεινόν. Отрицание μὴ имеют списки: два мюнхенских и один парижский (CDE).

10 *если... правила*. ἐν λαμβάνεται μεθοδικῶς «если принимаются за дело методически, с точным соблюдением правил».

99 1 *Энипея*, река Фессалии, приток Апида, вместе с коим этот последний изливается в Пеней.

2 *Фивы*, город Фессалии фтиотидской, теп. развалины вблизи Ak-Ketjel. Лик видит в них гомеровскую Фтию, родину Ахилла.

3 *Фарсальцев*. Город *Фарсал*, теп. Phersala, в Фессалиотиде к западу от помянутых выше Фив. Город прославлен решительной битвой между Помпеем и Цесарем 9 авг. 48 г. до Р. X. *Феры*, теп. Welestino, город Фессалии к северо-западу от Фив, резиденция царя Адмета, у коего Аполлон пас стада.

5 *Амирской равнины*. Город Амир в Магнесии над оз. Бойбеидою.

8 *Скопия*, поселение подле Фив фтиотидских, нигде больше не упоминается. *Гелиотроний*, там же и также не упоминается другими писателями.

101 2 *полуторных ἡμιόλων*. По объяснению Гесихия, полуторное судно — малое, в два ряда весел, коим пользовались пираты. Оно занимало середину между простой лодкой (*κελῆς*) и полным трехпалубным судном (*τριῆρης*).

8 *советовать*. Деметрий преследовал собственные цели, желая отомстить римлянам и возвратить себе отнятую у него Илирию. С 229 г. в союзе с Римом, от коего отделился в 225. В 221 в союзе с Антигоном Досоном и в 219 изгнан из своих владений римлянами; в 217 союзник Филиппа. В 214 г. он погиб при нападении на Ифому в Мессении. Hertzberger, *Geschichte Griechenl.* 1866, стр. 26 сл. 33 сл.

102 1 *дома*, разумеется Антигон I, один из полководцев Александра Великого. Ср. 67 6 прим. Впрочем, Филипп, гордился происхождением от самого Александра. 10 11. 11 1.

6 *Перипниях*, нигде больше не упоминаются, какая-то местность на границе Ахаи или Арголиды с Элидою. Ливий (XXVII 32) называет Пиргом укрепление Элиды на расстоянии 1 мили от города элейцев.

9 *навпактян*. Очередные собрания происходили в Ферме, чрезвычайные в разных городах союза. *Панорм*, теп. Tekieh, гавань подле мыса Рия в Ахае.

103 4 *подстрекаемый βρυηδής* принято Гульчем из позднейших списков (R); в списках более ранних (AB) *δρυεσθής*, поправляемое Гертлейном (N. Jahrb. 1877, стр. 36) в *δρρηθής*.

9 *Агелая*. Почти такую же речь Юстин (XXIX, 2) ошибочно влагает в уста Филиппу, обращая ее к эллинским союзникам.

104 1 *взявшись за руки*. В пояснение этих слов Гронов приводит известие Диодора об Александре Великом (XVII 55): «Александр отдал приказ воинам, которым предстояло переправиться через Тигр, чтобы они крепко взялись друг с другом за руки (τὰς χεῖρας ἀλλήλους συμπλέκειν) и образовали подобие моста сплошною массою тел.

ibid. *варваров*, т. е. римлян и карфагенян, а не одних римлян, как думает Рейске.

105 5 *к италийским соглядатаям πρὸς τοὺς ἐν Ἰταλίᾳ σκοποῦς*. Так могли быть названы римляне, зорко следившие за делами на востоке, если только место это не испорчено. По догадке Гульча, *σκοποῦς* заменило *τόλους*; но тогда было бы не *ἐν Ἰταλίᾳ*, а *κατ' Ἰταλίαν*. Толкователи понимают здесь *σκοποῦς* в смысле *цели*, но тогда сочетание его со словами *ἐν Ἰταλίᾳ* является слишком необычным.

8 *не приумножил*, разумеется союз с карфагенянами. Ср. III 2 з. VII 9.

106 4 *пелопоннесцы*, за исключением спартанцев по крайней мере.

ibid. *человеческому ἀνθρώπων.* Под человеческим существованием разумеется такое, при котором возможно проявление и упражнение всех способностей человека, а не только вражды.

ibid. *зажигали войны πρῶτοιοῦδοι* (AB) дор. ф. вм. *πρῶτοιοῦδοι.* А. Наук удерживает чтение других списков (FDE Hultsch) *πρῶτοιοῦδοι* и спрашивает: «*ἀπ' αἰτίας πρῶτοιοῦδοι legendum?*»

7 *простирались в прах ἐξεκέχοντο* собств. «изливались (в выражениях лести)», как у Лукиана *πρὸς τὸν ἑταῖρον ἐκχεόνται* «изливаются в похвалах».

ibid. *Эвриклидом и Микионом.* Павсаний (II 9 5) называет их афинскими ораторами, которые впоследствии были отравлены по желанию Филиппа. Больше мы знаем о них из надписи немного более раннего времени (С. I. А. II п° 334), подробно объясненной Гротенфендом в связи с тетрадрахмами Микиона и Эвриклида. Они расточали лесть египетским и пергамским царям и отказались помогать Арату в освобождении Афин. *Chronolog. Anordnung d. athenisch. Silbermünzen* 1872. Droysen, *Hist. de l'hellén.* III 485 прим. 549 (trad. fr.).

8 *общественные восхваления κτήματα*, т. е. похвалы или награды, провозглашаемые глашатаем. В смысле награды см. *κέρματα* у Ксенофонта. *Hellen.* V 4 11. В описываемое автором время Эллада находилась фактически в руках македонских царей. Власть их простиралась прежде всего на всю Фессалию до Фермопил, ворот в собственно Элладу. По ту сторону прохода гарнизоны Филиппа были в Локриде, Дориде, Фокиде. Северная Эллада была разъединена, так как этолян он отделил от Беотии. Обладание Эвбеей отдавало во власть ему Аттику, а обладание «тремя цепями Эллады»: Деметриадою, Халкидою, Коринфом равнялось господству над целой Элладой, хотя в Пелопоннесе принадлежали ему лишь незначительные пункты.

108 1 *Пелагонии*, северная область Македонии по р. Аксию, с городом Стоби, родиною писателя Иоанна Стобея. Поселение *Писсей* упоминается у Стеф. Византийскому в форме *Pisaeon.*

2 *Дассаретиды*, область Илирии, жители коей VIII 38 5 дассареты называются илирийским народом. *Фиботиды* нигде более не упоминаются, область Илирии с городами: *Антипатрией* на р. Апсе, *Хрисондионом* и *Гертунтом.*

8 *Креоний и Герунт*, быть может, те же, что *Corragum* и *Gerronium*, укрепления Илирии, упоминаемые Ливием (XXXI 27).

ibid. *Лихнидского озера*, теп. Achrida, названо по имени города Лихнида, прилегавшего к озеру на севере *Энхеланы*, иначе энхелеи, название одного из илирийских племен по Стеф. Византийскому — *Керак*, *Сатион*, *Бои* нигде больше не упоминаются, равно как и другие имена, за исключением *Оргисса*: *Orgessus* на границе Македонии упоминается Ливием. *ibid.* (там же).

110 1 *Аоя*, теп. *Vajussa*, или *Lao*, река Илирии, изливается в Адриатическое море.

ibid. *панический страх*, наводимый Паном, божеством лугов, лесов, горных долин, покровителем стад и пастухов и т. п. К нему, как к виновнику, возводились такие чувства, которые особенно легко возбуждаются в темной чаще лесов, в пустынных горных ущельях, между прочим внезапный, по-видимому, беспричинный страх.

2 *Сасона*, теп. *Sasena*, или *Sassoso*, или *Sassa*, островок между Эпиром и Италией.

ibid. *Ионийский пролив*, собств. 1-й проезд I. *пóρος.* от *пролива*, т. е. Сицилийского, или Мессинского. У латинских писателей *fretus* употребляется нередко в смысле fr. *Siculus.*

111 2 уже *ἄρτι.* Прежде (I 24 прим.) мы отметили, что слово «вышесказанный» *προεγρημένος* употребляется автором и о предметах, только что упомянутых; напротив слово *ἄρτι* «только что, недавно», автор употребляет и по отношению к предметам, давно упомянутым. Ср. 95 7.

5 *Арисбою*, подле теп. деревни *Mussa*, вблизи *Абида*, упоминается же Гомером.

10 *введение прокатаσκεύης*, каковое составляют две первые книги сочинения. I 3 10. 13 1. 7. 8. II 14 1. 37 2. 71 7. Предшествующие этому слову *ἐν ταύτῃ τῇ βύβλῳ* вычеркиваются Гульчем: они не имеют смысла в нашем месте и представляют, вероятно, не более как диттографию с соответствующими сокращениями выше стоящих *ἐν τῇ μετὰ ταῦτα βύβλῳ.* Поправка Швейггейзера *ἐν τῇ τρίτῃ βύβλῳ* недостаточна, так как введение содержится в двух первых книгах, а выражение автора не может относиться к заключению III книги. Обыкновенно переписчики спешили кончать книгу, и поэтому текст в этих частях сочинения больше, чем в других, подвергнулся порче. Нам кажется, что *ἐν ταύτῃ τῇ βύβλῳ* внесены переписчиком вместо слов, обозначающих две первые книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история»	5
Федеративная Эллада и Полибий <Ф. Г. Мищенко>	35
I Умонастроение Полибия	35
II Политическая раздробленность Эллады и иноземные влияния	40
III Федеративное движение в Элладе	54
IV Федерация этолян	73
V Федерация ахейян	106
Важнейшие известия древних о Полибии и его сочинениях	142
Примечания к известиям	145
Первая книга всеобщей истории Полибия	147

Предисловие автора. Сравнение Рима с другими государствами по степени могущества. Разделение истории. Польза всеобщей истории. Первые две книги составляют введение к собственной истории. Начальный период истории — первая пуническая война; возвращение ко временам предшествующим (1—6). Занятие Мессены мамертинами, предательское занятие Регия римским гарнизоном, наказание виновных. Обращение мамертинов к Риму за помощью, отправка Аппия Клавдия с войском в Сицилию, победа над Гиероном и карфагенянами (7—12). Краткое изложение содержания первых двух книг. Первая пуническая война (13). Историки Филли и Фабий. Задача историка. Требование правдивости от истории. Ошибки Филина. Город Эхетла (14—15). Отацилий и Маний Валерий в Сицилии. Римские легионы. Союз Гиерона с римлянами (16—17). Осада Акраганта консулами Л. Постумием и Кв. Мамелием. Взятие Акраганта (18—19). Снаряжение первого римского флота, взятие в плен консула Гн. Корнелия при Липаре (20—21). Командование Билия на суше и на море, изобретение и употребление ворона, победа Билия, распятие Ганнибала, взятие нескольких городов Сицилии римлянами, нерешительная битва при Тиндариде (22—25). М. Атилиий Регул и Л. Манлий отправляются в Ливию, морские силы римлян и карфагенян, битва при Экноме, победа римлян (26—28). Римские консулы в Ливии, взятие Аспиды, Тунета, трудное положение карфагенян, слишком тяжелые условия Регула (29—31). Переход военного счастья на сторону карфагенян благодаря Ксантиппу, поражение Регула, взятие его в плен (32—34). Наставление Полибия, польза истории (35). Возвращение Ксантиппа в Лакедемон, прибытие новых римских войск в Ливию, гибель карфагенского флота; кораблекрушение римлян, упрямство римлян (36—37). Дела карфагенян и римлян в Сицилии; Менинг, о-в лотофагов, вторичное кораблекрушение римлян, обесилиение римлян на море, взятие ими Фермы и Липары, консулы Г. Атилиий и Л. Манлий; поражение Гасдрубала при Панорме (38—40). Начало осады Лилибея римлянами (41). Сицилия, вид ее, богатства. Осада Лилибея (42—45). Смелость Ганнибала родосца и захват его римлянами (46—47). Вылазки карфагенян из Лилибея и сожжение римских осадных орудий; окопы кругом Лилибея. Консул Публий Клавдий, Атарбал начальник Дрепан, гибель римского флота, слава Атарбала, отправка Л. Юния в Сицилию (48—52). Действия Карфалона против римского флота при Лилибее; гибель римского флота от кораблекрушения; римляне покидают море; гора Эрикс (53—55). Гамилькар Барка и римляне у Панорма, на Эриксе (56—58). Со-

оружие нового флота; Г. Лутаций при Дрепанах; Ганнон — начальник карфагенян; морская битва при Эгуссе, поражение карфагенского флота (59—61). Гамилькар Барка предлагает римлянам кончить войну; принятые карфагенянами условия мира; сравнение карфагенян с римлянами в I пунической войне (62—64). Война римлян с фалисками, война карфагенян с наемниками; бедствия карфагенян во время этой войны, жестокости наемников, усмирение восстания (65—87). Умиротворение Ливии, уступка Сардинии римлянам карфагенянами и новая дань (88).

Примечания к первой книге 202

Вторая книга всеобщей истории Полибия 211

Содержание предыдущей книги. Гамилькар в Иберии; преемник его Гасдрубал (1). Иллирийские дела, царь иллирийцев Агрон, осада Медиона этолянами, поражение этолян, смерть Агрона, иллирийская царица Тевта (2—4). Феника в Эпире выдана иллирянами наемными галлами, Скердилаид, победа иллириан над эпиротами; этоляне и ахеяне помогают эпиротам; союз эпиротов с иллирянами (5—6). Вероломство галльских наемников (7). Разбои и завоевания иллириан; вмешательство римлян (8—10). Иллирийская война римлян, кончившаяся заключением мира (11—12). Посольство римлян к эллинам по поводу иллирийских дел, участие римлян в истмийских играх (12). Дела в Иберии, договор римлян с Гасдрубалом (13). Положение дел в Галлии. Наружный вид Италии. Вид и пределы Галлии Цизальпинской, плодородие ее. Галлы альпийские, трансальпийские (14—15). Гора Апеннин; река Пад (16). Вытеснение этрусков галлами из верхней Италии; образ жизни цизальпинских галлов (17). Вторжение галлов в римские владения; битвы галлов с римлянами; истребление галлов, сенонов; римская колония Сена (18—19). Разбитые бои просили мира у римлян; римляне закалились в войнах с галлами (20). Новые движения галлов; аграрный закон Фламиния; причина трудной войны с галлами; инсомбры, бои, гесаты, галльская война; силы галлов; приготовления римлян к войне (21—23). Военные силы римлян и союзников; римский легион (24). Битвы римлян с галлами; Л. Эмилий; отступление галлов и жестокое поражение их при Теламоне, покорение боев (25—31). Война римлян с инсомбрами и поражение инсомбров благодаря распорядительности трибунов, вооружение галлов; новые поражения инсомбров; взятие римлянами Медиолана; окончание галльской войны; поучение эллинам (32—35). Преемник Гасдрубала в Иберии Ганнибал (36). Переход к остальным частям введения; ахеяне и союз их; честность ахеян (37—39). Виновники возрождения и укрепления ахейского союза: Арат, Филопемн, Ликорт; первоначальный союз ахеян разрушен македонянами; восстановление его в олимпиаду 124 (40—41). Похвала ахеянам (42). Первый стратег союза; присоединение Сикхиона к союзу, Коринфа, Мегар; стратегия Арата; царь Македонии Антигон Гонат (43). Ахеяне в союзе с этолянами против Деметрия; тираны присоединяются к ахейскому союзу; тиран Мегалополя Лидиад; замыслы этолян против ахеян; мероприятия Арата (44—45). Царь лакедемонян Клеомен взял многие города ахеян; Клеоменова война (46). Переговоры Арата с Антигоном Досоном (47—50). Поражение ахеян Клеоменом при Ликее, Ладокки, Гекатомбее; ахеяне обратились за помощью к Антигону; неудачи ахеян, появление Антигона в Пелопоннесе (51—52). Занятие Аргоса ахеянами, Коринфа Антигоном; неудачи Клеомена (53—54). Вторжение Клеомена в Мегалополь (55). Лживость Филарха в рассказах о Мантинее вообще и о тиране Аристомaxe в частности (56—63). Разорение аргивских полей Клеоменом; поход Антигона в Лаконику; сражение при Селласии; победа Антигона и ахеян; доблесть Филопемена (64—69). Антигон овладел Спартою, на обратном пути домой почтен эллинами; битва Антигона с иллирянами; кончина его (70). План автора; связь I и II книг с последующими (71).

Примечания ко второй книге 253

Третья книга всеобщей истории Полибия 264

Приступ к собственной истории, содержание второй и третьей частей ее (1—5). Рассуждение о причинах II пунической войны; разница между началом, причиной события и поводом, или предлогом; примеры (6—8). Причины II пунической войны; наставление автора (9—12). Начало Ганнибаловой войны, покорение Ганнибалом олкадов, ваккеев, почти всей дальней Иберии (13—14). Посольство занаканфян к римлянам, посольство римлян к Ганнибалу, в Карфаген (15). Иллирийские дела (16). Положение Занаканфы, взятие ее Ганнибалом (17). Иллирийская война римлян с Деметрием Фарским, консул Эмилий, взятие Фара римлянами (18—19). Поведение римлян по взятии Занаканфы карфагенянами, римское посольство в Карфагене (20—21). Договоры римлян с карфагенянами с древнейших времен (22—27). Заключение автора о праве римлян в I пуническую войну, во II пуническую войну (28—31). Польза всеобщей истории (32). Объявление войны римлянами, приготовления Ганнибала к походу в Италию, медная доска Ганнибала в Лацинии, вестники галлов у Ганнибала, обращение Ганнибала к войсками,

переход через Ибер, покорение ближней Иберии, переход через Пиренеи (33—35). Необходимость географических показаний для исторического повествования; три части света (36—38). Владения карфагенян в Ливии; длина пройденного Ганнибалом пути (39). Консулы Публий Корнелий, Тиберий Семпроний, возмущение боев и инсомбров, претор Луций Манлий; отправка римского флота в Иберию, Ганнибал у Родана (40—41). Переправа Ганнибала через Родан, царек Магил из Галлии цизальпинской у Ганнибала (42—44). Нумидийские разведчики прогнаны Публием Корнелием Сципионом (45). Переправа слонов через Родан, дальнейшее движение Ганнибала, басни о походе Ганнибала (46—48). Возвращение Сципиона в Италию; Ганнибал на острове между реками Роданом и Исарою (49). Подъем Ганнибала на Альпы, трудности пути (50—53). Нисхождение Ганнибала с Альп (54—55). Вступление Ганнибала в Италию, численность уцелевших войск его, прибытие Публия Корнелия Сципиона к реке Паду (56). Трудности ознакомления с далекими странами в прежнее время (57—59). Покорение тавринов Ганнибалом, тревога в Риме, отозвание Тиберия Семпрония из Сицилии (60—61). Жалким видом и положением пленных Ганнибал воодушевляет своих воинов (62—63). Публий Сципион между реками Падом и Тикином, обращение его к войску; конное сражение у Тикина, поражение Сципиона, переход Ганнибала через Пад, присоединение галлов к карфагенянам, отступление Сципиона к Требии, переправа через Требию, соединение с Семпронием (64—68). Взятие Кластидия Ганнибалом, обращение галлов к римлянам за помощью (69). Приготовления Семпрония и Ганнибала к битве, военные хитрости Ганнибала, два консульских войска соединились вместе (70—72). Битва при Требии, поражение римлян (73—74). Новые вооружения римлян (75). Гней Корнелий Сципион покорил Иберию до реки Ибера, взял Ганнона и Индибила, зимовал в Тарраконе (76). Консулы Гней Фламиний и Гней Сервилий, зимовка Ганнибала в цизальпинской Галлии, хитрости Ганнибала, решимость его идти через болота в Тиррению, трудный путь через болота, вторжение Ганнибала в Тиррению (77—80). Важнейшее условие удачи на войне — умение подметить слабые стороны в вожде врагов (81). Опустошение полей Ганнибалом, Фезола, Кортоня, Тарсименское озеро, положение его, военные хитрости Ганнибала (82—83). Битва у Тарсименского озера, поражение римлян, поведение сената (84—85). Ганнибал прошел через Умбрию и Пицен к Адриатическому морю, болезни в его войсках; Квинт Фабий избран диктатором, Марк Минуций — начальником конницы (86—88). Образ действий Квинта Фабия относительно Ганнибала (89). Ганнибал переходит в Самний, в Кампанию, положение и достоинства Кампанской равнины (90—91). Опустошение Кампании Ганнибалом, устроенная Фабием засада в теснине, хитрость Ганнибала, удаление Фабия в Рим (92—94). Дела в Иберии, Гасдрубал, Гамилькар, морская победа Гнея Сципиона над карфагенянами, отправка нового флота в Иберию под командою Публия Сципиона, успешные действия Гнея и Публия Сципионов (95—97). Ибер Абилиг и выдача заложников римлянам (98—99). Взятие Геруния Ганнибалом (100). Удачи Минуция и назначение его вторым диктатором, раздоры между римскими вождями, засада против Минуция (101—104). Минуций спасен Фабием (105). Новые консулы: Луций Эмилиий, Гай Теренций, проконсулы Гней Сервилий, Марк Регул, претор Луций Постумий (106). Занятие Ганнибалом кремля Канны, численность римских войск, обращение Эмилия и Ганнибала к своим войскам (107—111). Удрученное настроение римлян, приготовление вождей к битве, битва при Канне (112—115). Поражение римлян, последствия его: отпадение нижней Италии, отчаяние римлян; обращение автора к ближайшему будущему (116—118).

Примечания к третьей книге 337

Четвертая книга всеобщей истории Полибия 349

Возвращение к истории ахейн и ко II книге; причины, по которым автор избрал за начало 140-ю олимпиаду (1—2). Причины союзнической войны ахейн и Филиппа с этолианами и лакедемонянами: хищнические нравы этолян, надежды их справиться с одними ахейянами без Антигона; вторжение Доримаха в Пелопоннес и козни его в Этолии против мессенян (3—5). Вторжение этолян в Пелопоннес; решимость ахейн помочь мессенянам; стратегия Арата (6—7). Сочетание противоположных качеств в характере Арата (8). Обращение Арата к этолианам и жестокое поражение его при Кафиях (9—12). Возвращение этоляна домой через Истм (13). Раздражение ахейн против Арата и примирение с ним; решения ахейн относительно этолян; безрассудное решение этолян (14—15). Тайный союз лакедемонян с этолианами; союз с ними иллирийца Скердилаида (16). Появление этолян с Доримахом во главе перед аркадским городом Кинефой, жестокости этолян в Кинефе, ограбление святылища Артемиды, возвращение домой (17—19). Грубость нравов кинифян в связи с пренебрежением их к музыке; образовательное значение музыки вообще (20—21). Появление Филиппа в Пелопоннесе; междоусобицы в Лакедемонне; переговоры и союз Филиппа с лакедемонянами (22—24). Собрание союзников в Коринфе с участием Филиппа, жалобы союзников на этолян, решение собрания (25). Начало союзнической войны; возобновление дружбы между ахейянами и царями Македонии; избрание

этолянами Скопаса в стратеги (26—27). Упоминание других событий того же времени, рассказанных раньше (28). Вооружения Филиппа, союз с Скердилаидом, поведение прочих союзников, особенно мессенян (29—33). Раздоры и междоусобицы в Лакедемонне, союз с этолянами (34—35). Вторжение лакедемонян в Аргос и начало войны их с ахеянами, решимость элейцев на войну с ахеянами; избрание Арата младшего в стратеги (36—37). Война родосцев с византийцами; выгоды и неудобства положения Византии; описание Понта, Фракийского Боспора (38—44). Трудное внешнее положение Византии, вынужденной уплатою дани галатам взимать провозные пошлины; жажды на это родосцев; участие Пруссия и Атгала в войне родосцев с византийцами (45—51). Посредничество царя галатов Кавара и примирение родосцев с византийцами (52). Войны на Крите (53—55). Война Митридата против Синопы (56). Неудачное нападение этолян на Эпир; вторжение этолян с Еврипидом во главе из Элиды в земли ахеян; медлительность Арата и вынужденное тем отделение некоторых городов от ахейского союза (57—60). Появление Филиппа в Эпире, осада и завоевание им Амбрака; вторжение Скопаса в Македонию и разорение Дия и святить его; дальнейшее движение Филиппа в равнину Страта (61—63). Подвиги Филиппа в Акарнании, возвращение в Македонию, поход в Фессалию; перечисление одновременных событий, рассказанных в III книге (64—66). Стратег этолян Доримах опустошил Эпир; Филипп появился неожиданно в Коринфе и созвал вооруженных ахеян (67). Решительная победа македонян над Еврипидом (68—69). В Кафиях Филипп соединился с ахеянами, пошел войною на аркадский город Псофид и по завоевании передал его ахеянам; передал им Ласион, а Страт телфусцам, отдохнул в Олимпии и двинулся на элейцев; беспечность элейцев (70—74). Занятие Фалам Филиппом (75). Козни Апеллы, одного из опекунов Филиппа, против ахеян; характер Филиппа; вторжение Филиппа из Элеи в Трифилию и завоевание нескольких городов, добровольная передача других (76—80). Хилон и междоусобицы в Лакедемонне (81). Зимняя стоянка Филиппа в Аргосе; козни Апеллы против обоих Аратов и друзей их (82). Филипп отвоевал Тейхос и опустошил Элею (83). Апелла посрамлен в кознях своих против Аратов (84—86). Завещание Антигона; зимовка Филиппа в Аргосе (87).

Примечания к четвертой книге 401

Пятая книга всеобщей истории Полибия 415

Эперат в должности стратега ахеян; ахейское собрание, примирение Филиппа с Аратами, благоприятные для него решения союзного собрания (1). Филипп решил перенести войну на море; козни Апеллы совместно с Леонтием и Мегалеем; решимость вторгнуться в Этолию (2—5). Поход к Ферму, неумеренная мстительность Филиппа, общие рассуждения автора (6—12). Счастливое отступление Филиппа, пир, обнаружение предательских замыслов Апеллы с соумышленниками (13—16). Нападение Ликурга на Мессению, вторжение Доримаха в Македонию, Филипп в Коринфе, победоносный поход его на Лаконию (17—19). Поражение мессенян Ликургом; замыслы Ликурга против Филиппа, который счастливо возвращается в Коринф; географическое положение Спарты (20—24). Козни Леонтия в войске, прибытие Апеллы из Халкиды, неудача последнего у царя; судьба Апеллы и его соумышленников (25—28). Попытки к заключению мира с этолянами не приводят ни к чему; возвращение Филиппа на зимнюю стоянку в Македонию, бегство Ликурга к этолянам (29). Вторжение этолийца Пиррии в Ахаю, новые выборы у ахеян (30). Война между царями Антиохом III и Птолемеем Филопатором за Койлесирию; общие рассуждения автора о всеобщей истории, о важности начала в предприятти; задачи всеобщей истории (31—33). Беспечность царя Филопатора и страсть его к наслаждениям (34). Недостойное обращение Птолемея и наперсников его с царем Клеоменом, заключение Клеомена под стражу, трагический конец Клеомена (35—39). Отпадение Теодота, египетского заместника Койлесирии, и переход его на сторону Антиоха сирийского; ретроспективные замечания об Антиохе (40). Возмущение Молона, наместника Мидии, против Антиоха; жестокость Гермия, козни его против Эпигена, война с Молоном и Птолемеем (41—42). Женильба Антиоха на дочери царя Понта Лаодике; нерешительность военачальников в войне с Молоном, который завладевает Аполлониатидою (43). География Мидии (44). Успехи Молона и поход Антиоха в Койлесирию, сопротивление Теодота; переход Ксенойты через Тигр (45—46). Отступление Молона и занятие его стана неприятелем; внезапное возвращение Молона, полная победа над Ксенойтою, дальнейшие успехи Молона (47—48). Решимость царя идти самому на Молона; Эпиген пал жертвою козней Гермии; разногласие в мнениях о плане кампании (49—51). Переправа Антиоха через Тигр, поражение и смерть Молона; восстановление порядка в верхних сатрапиях (52—54). Победоносный поход Антиоха против Артабазаны (55). Насильственная смерть Гермия с соизволения Антиоха и возвращение царя домой (56). Неудавшийся поход Ахея в Сирию (57). Приготовления Антиоха к войне с Птолемеем; решимость Антиоха отнять Селевкию на Оронте от египтян; описание города; завоевание его Антиохом (58—60). Вторжение Антиоха в Койлесирию и покорение им нескольких городов (61—62).

Приготовление наперсников Птолемея к войне с Антиохом; военные силы египтян (63—65). Уверенный в окончательном завоевании Койлесирии, Антиох заключает перемирие с Птолемеем и возвращается в Селевкию (66). Возобновление военных действий с началом весны; движение войск Птолемея и Антиоха (68—69). Занятие Антиохом Филотерии, Скифополя, Атабирии и других городов (70). При содействии соседних арабов Антиох проникает в Галатиду, овладевает городами Абилами и Гадарою, завоевывает Раббатаманы и переходит на зимнюю стоянку в Птолемаиду (71). События в Малой Азии: осажденные селгезами педнелисьяне в Писидии обращаются за помощью к Ахею, который и отрягает войско под начальством Гарсириса; этот последний освобождает от осады Педнелис и осаждает Селгу; предательство Логбасиса (72—74). Рассуждения автора о пользе истории; судьба Логбасиса; заключение мира с Селгою (75—76). Война Ахея с Атталом, царем Пергама (77). Недовольство галатов в войсках Атталы и доставление их к Геллеспонту (78). Возобновление войны за Койлесирию, состав и численность войск Антиоха (79). Стоянки Птолемея и Антиоха под Рафией, покушение Теодота на жизнь Птолемея (80—81). Битва при Рафии, поражение Антиоха и возвращение Койлесирии под власть Птолемея, заключение мира (82—87). Землетрясение на Родосе, послужившее скорее на пользу родосцам, нежели во вред (88—90). Продолжение рассказа о союзнической войне: Ликург возвратился из Этолии, Арат, выбранный в ахейские стратеги, восстановил военные силы союза (91). Вторжение Ликурга в Мессению и возвращение ни с чем в Спарту (92). Распри в среде мегалополян и умиротворение их Аратом (93). Военные действия этолян, элейцев, ахейян, Скердилаид против Филиппа (94—95). Вторжение этолян в Акарнанию и Эпир, вторжение акарнанов в Этолию (96). Филипп покоряет Билазоры в Пеонии и вторгается в Фессалию; общие рассуждения автора по поводу ошибки Филиппа (97—98). Осада фтиотидских Фив, покорение города и переименование в Филиппополь (99—100). Неудача Филиппа в погоне за Скердилаидом, прибытие его на немейское празднество, получение там известия о поражении римлян Ганнибалом, советы Деметрия кончить войну с этолянами и плыть в Италию (101). Мир с этолянами, речь Агелая о необходимости мира в среде эллинов, а также между эллинами и Филиппом (102—104). Сцепление судеб Эллады, Италии, Ливии (105). Обзорные одновременных событий в Элладе, Египте и Сирии, в Македонии, Иллирии, Малой Азии (106—111).

Примечания к пятой книге 478

Полибий
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
В Сорока книгах
Том I
(Кн. I—V)

Издание второе, исправленное

Публикуется по изданию: Полибий. Всеобщая история / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко.
В 3-х т., 40 кн., М.: Изд-во А. Г. Кузнецова, 1890—1899

Утверждено к печати Редколлегией серии «Историческая библиотека»

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Подписано к печати 29.06.05. Формат 70 × 100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 40.3. Уч.-изд. л. 47.2. Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 4109. С 126

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-026900-X

